АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ

СОЧИНЕНИЯ

XIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—Ленинград
1950

D Mendelssohn

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Академик В. Г. Хлопин (председатель), Е. Д. Волова (ученый секретарь), С. И. Вольфкович (академик), И. В. Гребенщиков (академик), Т. П. Кравец (чл.-корр. АН СССР), А. А. Максимов (чл.-корр. АН СССР), В. С. Немчинов (академик), С. Э. Фриш (чл.-корр. АН СССР).

Редактор тома: академик В. С. НЕМЧИНОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

II

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 11

Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. 23

Предисловие 25

Общий таможенный тариф 1891 г. и оклады 1841, 1868 и 1890 гг. 38

А. Роспись товарам привозным 38

Б. Роспись товарам, запрещенным ко ввозу 128

В. Роспись товарам отпускным 129

Введение 133

Исходные положения. Основное разноречие. 50-летний опыт. Содержание книги.

Глава 1. **Виды международной торгово-промышленной политики** 147

Пример Англии. Протекционизм Англии. 200 лет действия навигационного акта. Выгодность и своевременность свободной торговли Англии. Невмешательство. «Протекционизм» Я. А. Новикова. Пример нефтяной промышленности. Первичный, охранительный и возбуждающий протекционизм. Относительное значение протекционизма и свободной торговли.

Глава 2. **Таможенные тарифы России** 186

Торговые сборы и внутренние таможни. Отношение внутренней торговли к внешней. Таможенный тариф последователей «свободной торговли». Покровительство иностранцам в России. Тарифные приемы времен Алексея Михайловича. Петр Великий, как первый русский протекционист, Таможенные тарифы XVIII и начала XIX столетия в России. Сперанский, Мордвинов, Канкрин. Ослабление протекционизма в конце 40-х годов.

Стр.

Тенгоборский. Тариф 1868 г. Пример влияния тарифа на развитие железного производства. Изменения курса (стр. 217). Исправление тарифа 1868 г. Необходимость общего пересмотра, оказавшаяся в 1887 г. Общие начала, принятые при пересмотре. Материалы для пересмотра (стр. 233). Совещание о пересмотре. Тарифная комиссия 1890 г. (стр. 246). Нужны ли заботы о сбыте русского хлеба? (стр. 250). Балансы внешней торговли.

Глава 3. **Хлебные товары и овощи** (статьи 1—5). 266

Ввоз и транзит хлеба. Хлебные пошлины, действовавшие прежде в России и ныне действующие в Западной Европе. Отпуск хлеба из России и отношение его к отпуску других товаров (стр. 272). Хлебные цены. Валовой заработок на хлебе много менее, чем на каких-либо других товарах, даже на каменном угле (стр. 280). Хлебная производительность России. Страны, ввозящие хлеб, и количество спроса (стр. 288). Страны, отпускающие хлеб, и количество отпуска (стр. 292). Отпуск С.-А. С. Штатов. Рис, ввоз, производство и обделка (стр. 297). Мукомольное дело. Отпуск муки. Ввоз муки, крахмала и других мучных товаров и овощей. Значение таможенных окладов на эти товары и отношение к ним тарифа 1891 г. Потребность в уменьшении отпуска зерном и в увеличении отпуска не хлебных товаров. Мальтузнанство (стр. 322).

Глава 4. **Плоды, пряности, чай, сахар, вина и тому подобные колониальные товары и напитки** (статьи 6—32) 325

Таможенный тариф и акцизы Англии на указанные товары. Потребление их. Акцизы и таможенные доходы России с этих товаров. Свежие и сушеные плоды, орехи и тому подобные товары. Кофе, какао и чай. Чайная торговля России. Табак, сахар и спирт — их производство, ввоз, вывоз, акцизное и таможенное обложения. Пиво, виноградное вино и другие напитки; производство, значение таможенных окладов и ввоз.

Глава 5. **Соль, мясо, сало, кожи, меха и разные товары животного происхождения** (статьи 33—57). 387

Производство и потребление соли. Влияние курса, таможенного тарифа, перевозочных плат и конкуренции на цены и на ввоз. Скотоводство. Изменение цен на разные товары. Масло и сыр. Рыбные товары. Разные съестные припасы и живой скот. Удобрительные вещества. Значение торговых удобрений для России. Костяные товары, фосфориты и суперфосфат. Необходимость таможенных окладов на некоторые из них для возбуждения их производства из русских избытков. Ввоз, вывоз, внутренняя переработка и пошлины на: сажу, клей, волос, щетину, пух, сало, воск, кожи, меха и продукты их обработки.

Стр.

Глава 6. Лес, древесные изделия и растения (статьи 58—64). 464

Леса Западной Европы и России. Лесная торговля и лесной товар. Ввоз, вывоз и пошлины на лес и изделия плотницкие, столярные, токарные и мебельные, и разные товары из растительных материалов: семена, сено, копра, каменные орехи, корзинки и т. п.

Глава 7. Землистые вещества, камни, глиняные изделия и стекло (статьи 65—78). 492

Значение ископаемых товаров. Пример цемента. Глина, гипс, известь и камни. Производство, ввоз и обложение глиняных, фарфоровых и стеклянных изделий.

Глава 8. Каменный уголь и другие виды топлива (статья 79). . 523

Промышленное значение топлива. Распределение каменноугольного топлива (стр. 525). Районы промышленные (стр. 527). Ввоз каменного угля в Россию (стр. 533). Распределение ввоза (стр. 537). Возможность доставки донецкого угля в Балтийское море (стр. 538). Причины современной дороговизны донецких углей вне района (стр. 546). Таможенные пошлины на уголь (стр. 548). Каменноугольное сражение (стр. 552).

Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца (стр. 556).

I) Мировое значение каменного угля и Донецкого бассейна. Добыча угля в мире, в Англии, Германии и России. Цена каменного угля в Англии выше, чем в России на местах добычи. Вывоз угля из Англии. Каменные угли России (стр. 565). Общая ценность добычи каменного угля $2^1/_2$ млрд руб. в год. Отношение каменного угля к древесному и торфяному топливу. Донецкий каменноугольный бассейн (стр. 578), его строение, его богатство, достоинство его углей и стоимость его добычи. Спутники каменного угля на Донце. II) Железнодорожный тариф на уголь (стр. 601). Обороты русских железных дорог. Расходы их. Недостаток движения составляет основную причину малой их доходности. Желательный тариф на каменный уголь (стр. 611). III) Железнодорожные силы и порядки (1888) по отношению к каменному углю (стр. 615). Недостаток вагонов. Заносы. Возможность избежать этих задержек. Распределение вагонов. IV) Донец как путь для вывоза каменного угля (стр. 631). Необходимость водных путей для вывоза донецкого угля. Система Донца. Давнее изучение этой реки в 1000 верст длиною. Судоходство, по ней существующее, могущее развиваться при улучшении ее течения. V) Железное судостроение на юге России (стр. 648). Судостроение на Волге. Что задерживает судостроение на юге России? Сумма благо-

Стр.

приятных условий для его развития на берегах Азовского моря. Возможность возбуждения там судостроения. VI) Местное промышленное применение донецкого каменного угля (стр. 663). Заводы и фабрики, могущие водвориться в Донецком бассейне. Условия выгодной добычи там чугуна, соды, стекла и других продуктов. Возможные способы помощи возникновению там таких производств.

Современные железнодорожные тарифы на каменный уголь (стр. 680). Условия конкуренции добывателей угля на Донце. Мелкие, крестьянские копи в Донецком крае (стр. 686). Необходимость каменноугольных складов (стр. 689).

Глава 9. **Нефть, терпентин и различные смолы и камеди** (статьи 80—88). 691

Добыча нефти в России и ее распределение (стр. 693). Ввоз нефтяных товаров (стр. 697). Таможенные пошлины. Краткая история развития нефтяного дела в России (стр. 700). Влияние таможенного тарифа (стр. 707). Вывозная пошлина на нефтяные товары в связи с необходимостью нефтепровода (стр. 709). Употребление нефтяного топлива (стр. 722). Лесотехнические товары (стр. 724). Падение смолокурения (стр. 730). Влияние добычи уксусной кислоты (стр. 732). Возвышение оклада на уксусный порошок. Канифоль (стр. 736), ее применение, получение и оклады. Ввоз, вывоз и оклады смолистых товаров (стр. 744). Асфальт (стр. 748).

Глава 10. **Товары, перерабатываемые и производимые химическими и красочными заводами** (статьи 89—137) 753

Особенность химических товаров. Малое развитие их производства в России. Величина окладов по тарифу 1868 г. (стр. 758). Ввоз химических и красильных продуктов и их внутреннее производство. Содовое производство (стр. 768) по двум способам. Белильная известь. Сбавки и подъем таможенных окладов (стр. 772). О таможенной пошлине на серу и серный колчедан (стр. 777). Русские месторождения этих веществ.

Глава 11. **Руды, металлы, металлические изделия, инструменты, машины и корабли** (статьи 138—175). 799

Торговля рудами. Вывоз руд и всяких металлических товаров (стр. 804). Добыча в мире чугуна (стр. 806). Потребность в нем России (стр. 808). Пошлина на чугун и ее возбуждающее влияние. Цены чугуна (стр. 813, выноска). Распределение чугуна. Ввоз железа, стали (стр. 815), инструментов и других железных и стальных изделий (стр. 817—822). Железнодорожные и другие государственные потребности на железные товары (стр. 823). Судостроение. Возбуждение мореходства и кораблестроения во Франции (стр. 827). Торговый флот и мореходство Франции, Англии, Германии и России. Пошлина на суда в России. Ввоз судов. Незначительность внутреннего производства

Стр

морских судов, существование главных условий для развития кораблестроения в России, возможность и польза его возбуждения (стр. 850). Мировая производительность и ценность всех обыкновеннейших металлов (стр. 857). Ввоз и таможенные пошлины на них и изделия (стр. 860). Переработка металлов в России (стр. 863). Общая современная потребность на металлы в деле не превосходит 300 млн руб. в год.

Глава 12. **Мануфактурные, писчебумажные и разные мелкие товары** (статьи 176—218) 867

Значение мануфактурных дел и двух видов их скопления (в немногих странах и в немногих мануфактурах). Размеры оборотов с ними. Мировое производство сырых волокнистых веществ (стр. 871). Связь мануфактурных дел с сельскохозяйственными и с заработками населения (стр. 874). Отношение России ко всему хлопчатобумажному производству и пошлина на хлопок (стр. 876). Джута и ее изделия (стр. 885). Пошлины на шелковые товары в отношении к их цене (стр. 887). Ввоз сырья, пряжи и тканей по четырем главным родам волокнистых веществ: шелк, шерсть, лен и хлопок (стр. 892). Значение сырья (стр. 894). Пошлины на пряжу и ткани не выбираются (стр. 895). Ввоз предметов одежды (стр. 899). Вывоз из России сырых и переделанных волокнистых веществ (стр. 901). Внутреннее производство сырья (стр. 903). Размеры мануфактурных дел России (стр. 905). Доходы мануфактуристов и отношение к ним (стр. 906). Писчебумажные товары (стр. 909). Ввоз и вывоз тряпья. Пошлины на бумагу, книги и мелкие изделия. Производство бумаги (стр. 916).

Заключение. 919

Отношение между всеми обыкновенными государственными доходами и таможенными и между общею ценою ввоза и ввозными пошлинами для России и нескольких других государств. Особенности этих отношений для России (стр. 921). Степень однообразной общности таможенных окладов во всем мире. Внутренний смысл общего таможенного тарифа 1891 г. состоит в стремлении развить в России новые отрасли труда и в переходе от земледельческой эпохи к земледельческо-промышленной (стр. 927).

Азбучный указатель. 937

ОТ РЕДАКЦИИ

Для гениального естествоиспытателя Д. И. Менделеева характерна многогранность научного творчества. Он оставил большое научное наследство не только в области химии, физики, метеорологии, геологии, гидродинамики, воздухоплавания, технологии разных производств, но и в области экономики.

Публикуемая в настоящем томе работа Д. И. Менделеева «Толковый тариф» представляет собой исследование о развитии промышленности России, связанное с выработкой нового таможенного тарифа 1891 г.

Уже начиная с 1863 г. (т. е. с первой поездки в Баку), Д. И. Менделеев принял активное практическое участие в развитии русской промышленности. Показателем его глубокого интереса к вопросам промышленного развития России являются многократные посещения им заводов, шахт и рудников, поездки в промышленные районы страны — Баку, Донбасс, Урал, — участие в съездах и совещаниях по вопросам хозяйственного развития и в организации ряда промышленных выставок.

С именем Д. И. Менделеева тесно связаны начальные шаги развития важнейших отраслей русской промышленности — нефтяной, каменноугольной, южной железоделательной, химической и т. д. Вся его деятельность была направлена на научное решение выдвигаемых практикой важнейших проблем.

В работе «Толковый тариф» обобщены научные взгляды Д. И. Менделеева по вопросам развития русской промышленности. Этот труд является как бы завершением первого периода (1863—1890) его практической работы и научного твор-

чества в области экономики промышленности, и, в то же время, — это первое крупное экономическое исследование второго периода (1891—1907) его творчества, когда Д. И. Менделеев приступил к обобщению своих экономических воззрений.

Книга «Толковый тариф» — результат его активного участия в комиссиях и совещаниях по выработке таможенного тарифа 1891 г. В сентябре 1898 г. министр финансов И. А. Вышнеградский поручает Д. И. Менделееву представить свои соображения об основах нового таможенного тарифа. В конце декабря того же года доклад Д. И. Менделеева «Связь частей общего таможенного тарифа» был закончен, и, так как, по его выражению, «цельность плана была только тут», — этот доклад во многом определил всю его деятельность по выработке тарифа 1891 г. В библиотеке Д. И. Менделеева, как он сам об этом пишет, накопилось несколько огромных томов материалов совещаний и комиссий по пересмотру таможенного тарифа. В собственноручном списке сочинений против работы «Толковый тариф» Д. И. Менделеевым сделана следующая запись: «1892. Не хотели публиковать труды Тарифной комиссии, как я просил, так я свою издал — и очень рад. Но книга пошла».

Во многих местах «Толкового тарифа» видно желание автора придать этому исследованию несколько официальный характер, выражающий как бы не только его личное мнение, но и мнение большинства членов Тарифной комиссии. Поэтому он подробно характеризует персональный состав Тарифного совещания и комиссии, а также делает частые замечания и оговорки о том, что свои личные воззрения он излагает в другом месте. Включенные в книгу многочисленные выдержки из более ранних статей и выступлений Д. И. Менделеева в печати по отдельным вопросам промышленного развития России набраны петитом, с оговоркой, что это его личное мнение. В настоящем издании этот принцип полностью сохранен.

В «Толковом тарифе» Д. И. Менделеев в следующих словах раскрывает центральное положение своих экономических воззрений: 1) «промышленное развитие есть высшее благо,

современностью выработанное» (стр. 869); 2) «историю [общества] понимать нельзя, если упустить внутренние промышленные связи» (стр. 190); 3) «наступившие времена черпают главную свою силу от науки и промышленности», и «если без науки не может быть современной промышленности, то без нее не может быть современной науки» (стр. 182).

Все, о чем Д. И. Менделеев говорит в «Толковом тарифе», проникнуто пламенным желанием его как можно больше содействовать промышленному развитию своей страны. Всемерное развитие производительных сил России — вот основной пункт его экономических воззрений. Это особенно ярко выражено в последних строках книги: «... я достиг до такого сознания великого значения промышленного развития для роста благосостояния и просвещения всех классов народа, что всеми способами, доступными моим слабым силам, желаю содействовать дальнейшему промышленному развитию своего Отечества» (стр. 936).

Характеризуя отношение правящей верхушки русского общества к вопросам экономического развития страны, Д. И. Менделеев пишет: «... наши высшие классы, как и наша литература, чужды пониманию высшего значения развития промышленности» (стр. 448), и далее: «а земледельческие консерваторы изловчаются задерживать всякими изветами наступление промышленного периода развивающихся народов» (стр. 933).

Глубоко убежденный в правоте своих идей, Д. И. Менделеев стремится на страницах «Толкового тарифа» показать прогрессивное значение защищаемого им промышленного пути развития России. Таковы страницы, где он пишет о будущей силе, покоящейся на берегах Донца; страницы, которые посвящены природным богатствам нашей Родины — каменному углю, железной руде, нефти, марганцу и т. д.; таковы также страницы, посвященные значению степного лесоразведения и новым сельскохозяйственным культурам (высокосортный хлопчатник, чай, клещевина, пробковый дуб и т. д.). Не утеряли своего значения до настоящего времени и его отдельные критические замечания по вопросам технической политики, напри-

мер в отношении нерациональности «жечь нефть под паровыми котлами».

Прогрессивными, для своего времени, были экономические воззрения Д. И. Менделеева также по вопросу о развитии отдельных, наиболее важных отраслей промышленности России. Он, например, считал, что должен «во главу изложения поставить каменный уголь и железо, как знамений современной промышленности».

Однако для советского читателя совершенно очевидно, что до победы Великой Октябрьской социалистической революции проблема промышленного развития России не только не могла быть решена, но даже и правильно поставлена.

Защита промышленного пути развития России для Д. И. Менделеева была одновременно и защитой буржуазного способа производства. В связи с этим в «Толковом тарифе» он неоднократно ставит вопрос о взаимоотношении между промышленным прогрессом страны и капиталистическим способом производства. Д. И. Менделеев, с одной стороны, ведет борьбу с остатками крепостнических сил, стремящихся задержать промышленное развитие России, с другой — с народниками и иными представителями экономического романтизма, которые хотят «перескочить чрез капитализм и обойтись совсем без него» (стр. 908). Себя он относит к числу тех, кто, «видя и сознавая зло капитализма, не видит возможности обойтись без него и принимает его не как цель, а как неизбежное историческое средство» (стр. 908).

Однако критика капитализма Д. И. Менделеевым ничем не отличается от той, которую В. И. Ленин называл «сентиментальной», ибо Менделеев пытался найти лишь пути для смягчения отрицательных сторон капитализма, найти «способы к обузданию его, подчас неумеренных, аппетитов» (стр. 908). Ему осталась не только совершенно чужда, но даже и враждебна мысль о революционном переходе от капиталистического способа производства к социалистическому.

Д. И. Менделеев стоит на позиции защиты частного капитала, ратуя за «начинателей», которым «хочется своих, близких барышей» (стр. 707). Пытаясь, как он его понимал, раз-

решить вопрос о взаимосвязи между капитализмом и промышленным путем развития страны, он рассматривает эту проблему с позиций капитализма того периода, когда капиталистический способ производства еще не вступил в стадию монополизма.

Его экономические воззрения в этом вопросе не отличаются последовательностью и полной ясностью. Так, стоя на позиции частной собственности на средства производства, он в то же время высказывается за то, что «каменноугольные запасы, как и вообще ископаемые, должны быть не частною, а общегосударственною собственностью» (стр. 533). С одной стороны, он пишет: «капитализм есть сознанное зло, которое оставляют существовать лишь потому, что нет еще выработанных средств достигать промышленного развития без развития капитализма» и далее: «раз только зло сознано, — а зло капитализма сознано, — средства избежать его найдутся» (стр. 869). С другой стороны, он утверждает: «Устранить капиталистов от практических дел России — значило бы не иметь широких, быстро идущих, современных и важнейших предприятий» (стр. 704).

Другой пример. Д. И. Менделеев неоднократно отмечает, что антагонизм между трудом и капиталом — основная проблема современности. В отношении же России, вопреки фактам и без всякого к тому основания, он пишет: «У нас еще нет и, пока искусственно не разовьют, долго не будет такого прирожденного антагонизма между предпринимателями и рабочими, какой существует на безземельном Западе» (стр. 678). Затем, стоя на позиции свободной конкуренции между предпринимателями, он выступает против монополий, как «горшего зла», и защищает мелких предпринимателей против крупных. В борьбе крупных и мелких предпринимателей Д. И. Менделеев всегда готов стоять на стороне последних, потому что смотрит на них «как на истинный регулятор русских промышленных дел, зная, что Нобели, Ротшильды и им подобные крупные сами себя защитят» (стр. 685).

Здесь Д. И. Менделееву должно быть адресовано, как и экономистам-романтикам, замечание В. И. Ленина о том, что

они «не в состоянии понять, что неприятный им крупный капитализм — не случайность, а прямой продукт всего современного экономического (и социального, и политического, и юридического) строя...».

В. И. Ленин рассматривал Менделеева-экономиста как представителя буржуазной политической экономии. В работе «Экономическое содержание народничества» В. И. Ленин иронизирует над экономистами-романтиками, борющимися против наступления «рокового порядка». В. И. Ленин особенно резко критикует наивные представления народников о причинах развития капитализма, считавших будто «Дело просто в том, что профессора Вернадские, Чичерины, Менделеевы и пр. держатся неправильных теорий о „роковом" порядке, а государство их „слушает"».*

Д. И. Менделеев заблуждался, придавая слишком большое значение роли царского правительства, ратуя за «толчок сверху». Защищая ряд мероприятий, способствующих промышленному развитию России, он, например, писал: «Лишь бы русский кормчий положил руль на тот румб, на котором видно мирное и всемирное промышленное развитие нашей страны» стр. 674. С подобными ошибочными его воззрениями нам приходится сталкиваться не один раз.

В вопросах экономической политики Д. И. Менделеев был защитником протекционизма. Его книга «Толковый тариф» является ярким выражением и как бы своеобразной библией русского протекционизма последнего десятилетия XIX в. Протекционизм — центральный пункт защищаемой Д. И. Менделеевым экономической политики. В деле промышленного развития страны он придавал исключительно большое значение «охранительному и возбуждающему» действию таможенного тарифа, сравнивая его по своим экономическим результатам с действием высокого урожая.

В своей книге Д. И. Менделеев защищает таможенный тариф 1891 г., который, охраняя интересы развития русской промышленности от западноевропейского давления, предусматри-

* В. И. Ленин, Сочинения, т. I, изд. IV, стр. 335.

вал значительное повышение таможенных окладов на все почти ввозимые товары. При этом особенно высокие тарифные пошлины вводились на наиболее важные промышленные изделия (рельсы, машины, чугунное литье, каменный уголь и т. д.). Менделеев мотивировал это необходимостью всемерно стимулировать развитие отечественной индустрии.

Однако Д. И. Менделеев не видел другой, классовой стороны системы протекционизма, так ярко охарактеризованной К. Марксом, который считал, что система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых рабочих, капитализировать национальные средства производства и средства к жизни, насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному.

Защищая политику протекционизма, Д. И. Менделеев, однако, отстаивал соответствующие буржуазные институты, например съезды промышленников с их правом заявлять о нуждах промышленности и промышленную инспекцию, призванную (по мнению Менделеева) «... преимущественно для всякого рода помощи предпринимателям» (стр. 488). Он не скрывал, что в покровительственном тарифе видит даже «успокаивающее» средство в отношении нарастающего революционного настроения среди русского общества и орудие «для рассеяния многих заблуждений, господствующих в русской интеллигенции» (стр. 703). Следовательно, Д. И. Менделеев, являясь представителем буржуазной политической экономии, и в этом вопросе, вольно или невольно, защищает интересы буржуазии.

Известно отношение классиков марксизма-ленинизма к системе протекционизма. Ф. Энгельс, говоря в 1888 г. о первых шагах русского протекционизма, писал, что «покровительственный тариф служит прежде всего для снабжения нищего правительства звонкой монетой». В начале своей деятельности В. И. Ленин также отрицательно высказывался о первом периоде русского протекционизма, служившего «интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-тузов».*

* В. И. Ленин, Сочинения, т. I изд. IV. стр. 415

Необходимо отметить, однако, что хотя К. Маркс и Ф. Энгельс и были сторонниками свободы торговли и противниками протекционизма, но только «в известных условиях» и только в определенном смысле, когда «свободная торговля ускоряет... ломку капиталистического строя».*

По свидетельству Ф. Энгельса, такая его и К. Маркса позиция была обусловлена тем, что свобода торговли, как более прогрессивная система, «... скорей заведет капиталистическое общество в этот тупик, ... из которого нет иного выхода, как только путем полного преобразования того экономического строя, который составляет основу этого общества».**

В. И. Ленин также всегда подчеркивал обусловленность того или иного отношения к протекционизму переживаемым историческим моментом. Так, он, например, критиковал рассуждения представителя экономического романтизма Сисмонди о протекционизме за то, что ему была совершенно чужда историческая точка зрения. Для эпохи империализма и господства капиталистических монополий В. И. Ленин считал невозможным рассчитывать на смену протекционизма системой свободы торговли. Ф. Энгельс в письме к Н. Даниельсону от 15 марта 1892 г. тоже высказывался за неизбежность русского протекционизма в условиях борьбы с промышленной империалистической политикой Англии.

Следовательно, марксизм-ленинизм критикует сторонников протекционизма в основном за отсутствие понимания классовых корней защищаемой ими системы.

Важнейшей особенностью «Толкового тарифа», однако, является глубокий патриотизм его автора, выступающего в этой работе в защиту экономической независимости России. «Крепостная, то есть в сущности экономическая, зависимость миллионов русского народа от русских помещиков уничтожилась, — пишет Менделеев, — а вместо ее наступила экономическая зависимость всего русского народа от иностранных капиталистов» (стр. 222). И он обсуждает меры, необходимые

---

* В. И. Ленин, Сочинения, т. II, изд. IV, стр. 242.

** К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 326.

для полного освобождения русской промышленности от «давления западноевропейской». Важнейшими из них он считает развитие русских каменноугольного и железоделательного производств. При этом Д. И. Менделеев критикует «отрицателей» отечественных природных богатств и рисует яркую картину естественных ресурсов России. Он пишет, что в промышленных делах русские должны пользоваться преимуществом, и указывает, в частности, что «прежде всего надо подумать о русском трудовом классе» (стр. 166).

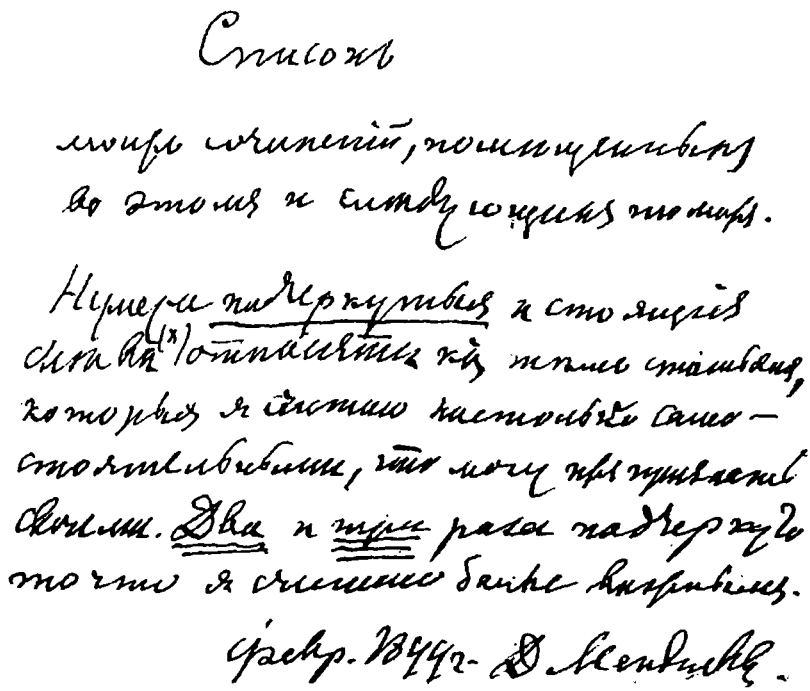
Некоторые места «Толкового тарифа» могут создать впечатление, якобы Д. И. Менделеев преклонялся перед Западом. Но такое впечатление будет ложным. Он лишь неизменно отмечает все, что полезно в отношении развития русской промышленности и что необходимо внедрить на его Родине. Лучше всего эту мысль передает его собственное определение, данное в «Предисловии» к «Толковому тарифу»: «эту книгу пишет русский — для русских же, об русских частных делах и только ради них заглядывает во всемирные промышленные отношения, да и то только потому, что таможенный тариф, по своему существу, прямо с ними соприкасается» (стр. 37).

В книге есть еще целый ряд мест, которые характеризуют некоторые стороны социально-экономических воззрений Д. И. Менделеева как ошибочные. Из отдельных замечаний его видно, например, что он считает возможным осуществление его экономических идеалов в условиях существования самодержавного царского правительства. Д. И. Менделеев ошибался, надеясь, что его голос услышат и «сила власти» будет сознательно приложена к ускорению экономического развития России. С другой стороны, нельзя не отметить, что Д. И. Менделеев в отдельных случаях отваживался даже критиковать царское правительство, в частности за то, что было «упущено из виду» при крестьянской реформе 1861 г. (стр. 222, 930).

Наиболее отсталыми и консервативными были, однако, взгляды Д. И. Менделеева на значение революции в истории общества, а также его отрицательное отношение к социалистам. Всех социалистов он отождествлял с утопистами. Спра-

ведливость требует отметить, что большинство его отрицательных замечаний в адрес утопистов относится к народникам. Несмотря на то, что в библиотеке Менделеева имелся «Капитал» К. Маркса с многочисленными личными пометками Дмитрия Ивановича, — он, тем не менее, так и остался чужд пониманию научного социализма. Именно поэтому он писал в «Предисловии» к «Толковому тарифу»: «В деле научного построения политической экономии должно ждать своего Галилея» (стр. 33).

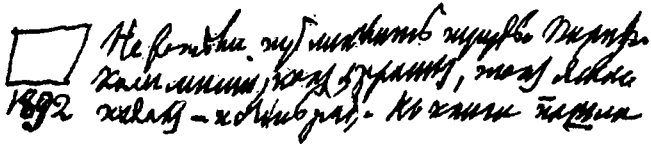
Несмотря на ошибочность некоторых воззрений Д. И. Менделеева, его экономические работы, особенно «Толковый тариф», характеризуют их автора как крупнейшую для своего времени фигуру русской экономической науки. Глубоко патриотична и правильна его страстная защита промышленного пути развития родной страны, его борьба за всемерное развитие ее производительных сил, его горячая вера в великое будущее России.



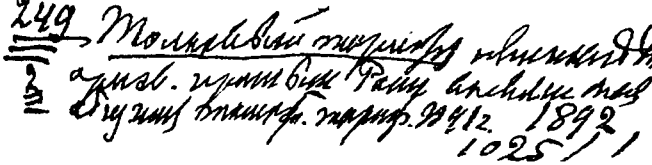
Список моих сочинений, помещенных в этом и следующих томах.

Нумера, подчеркнутые и стоящие слева, (*) относятся к тем статьям, которые я считаю настолько самостоятельными, что могу их признать своими. Два и три раза подчеркнуто то, что я считаю более важным.

Февр[аль] 1899 г. Д. Менделеев.



1892 Не хотели публиковать труды Тарифной комиссии, как я просил, так я свою издал — и очень рад. Но книга пошла.



249 Толковый тариф или исследов[ание] о раз-
2 в[итии] промыш[ленности] России в связи
с ее общим тамож[енным] тариф[ом]
1891 г. 1892

1025/I

Д. Менделѣевъ.

ТОЛКОВЫЙ ТАРИФЪ

или

изслѣдованіе о развитіи промышленности Россіи въ связи съ ея общимъ таможеннымъ тарифомъ 1891 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., д. № 7.
1892.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Итак, с 1 июля 1891 г. начнет действовать новый общий таможенный тариф, относящийся к товарам, обращающимся в нашей европейской торговле.

Петр Великий перестраивал Россию, чтобы приготовить ее промышленный рост и чтобы ввести ее в более тесную близость с остальным миром, породнить с Западом. До освобождения крестьян и до постройки железных дорог основная мысль преобразователя не могла осуществляться в широких размерах; только русские орлы своим полетом ей ответили и заставили включить «восточного колосса» в число могущественных новых сил, влияющих на судьбы всего мира. Оружие давно в ножнах, хотя, увы, у всех под рукой, но уже ясно, что сила не в нем, а в промышленно-экономических отношениях. Ими, более чем своими пушками, даже более чем своим гуманным просвещением, европейцы начали покорять своему влиянию весь свет, как своею «естественною философиею» или антиклассическою наукою начали покорять все силы природы.

Мало того: если видно впереди мерцание зари общего мира и правомерного распределения возможного для стран и людей благополучия, то не иначе, как чрез посредство той же промышленности, потому что опыт истории показал недостаточность для достижения этого евангельского указания — ни сосредоточенного напряжения военного могущества, ни всевозможных форм землевладения, ни самого высшего развития просвещения, тем более, что оно еще и поныне черпает вдохновение от драчливейших и резонерствующих класси-

ков, стертых грубыми варварами и христианскими идеями. Древние и даже средние века были сильны воинством и его завоеваниями, а наступившие времена черпают главную свою силу от науки и промышленности и от их завоеваний [. . .].

Предлагаемая книга назначена для того, чтобы, по мере моих сил, разъяснить связь, существующую между развитием промышленности нашей страны и ее таможенным тарифом. Для этого необходимо познакомиться с привозом и вывозом товаров и с условиями их производства и потребления в России и других странах. А так как таможенный тариф, как всякий закон, назначается не для прошедшего, а для предстоящего времени, то та степень воздействия на промышленность, которую может оказать новый тариф, относится ко времени — предстоящему России.

Поэтому в моей книге должно менее всего искать ответов аналитикам, привыкшим во всем открывать лишь одни недостатки; мне же более всего желательно указать на возможность синтеза русской экономической жизни — при помощи развития ее промышленности. Это будет, однако, синтез реалиста, основанный, или, по крайней мере, желающий основаться — на простой действительности, со всей ее покорностью историческому и неизбежному, при полном понимании, что цель впереди, а не сзади, что свет сверху, а не снизу и что возможность найти добавочный производительный труд теперь народу нужнее, чем что-нибудь иное.

Недаром весь мир считает нас, русских, народом еще молодым, свежим. Мы молоды и еще свежи — именно в промышленном смысле. Знание России в ее естественных условиях и знание русского народа в его способностях ко всяким видам человеческой деятельности — убеждают не меня одного в том, что предстоящие России промышленные завоевания должны составить истинный венец творений Петра, небывалый расцвет русских сил. Не завоевать Индию, как уверяет басня, а завоевать надлежащее место в промышленном движении всего мира — не тайно, а явно завещано Петром. Но это завещание осталось еще не выполненным, а пора к его выполне-

нию приспела; время внушает именно этот путь, потому что земледельческий период России завершился, ищущих нового, добавочного, трудового заработка во всех классах набрались кучи, и долгов на земной поверхности накопилось так много, что поневоле приходится подумать — нельзя ли из-под пахотного слоя достать уплату. Ведь поняли уже, что какие-нибудь сотни тысяч англичан, выкапывающих уголь (в год около 10 000 млн пудов), зарабатывают для себя и всей Европы ровно столько же, сколько добывают десятки миллионов русских, сеющих и жнущих для себя и для всей остальной Европы рожь (в год около 800 млн пудов) и пшеницу (300 млн пудов), и что если в хлебе спрятана энергия или возможность работы, то и уголь ее заключает, да еще побольше.

Следовательно, уже пора понять, что на хлебе заработки малы, и если его цена поднимется даже в три раза, — все же работа с ним одним будет менее выгодною, чем со многими другими видами промышленности, потому что это детский труд, а он всюду дешев, в нем только первые проблески разумности. От резонерства стало скучно и бедно в нашей хлебной стране; все она ждет живого ключа, все хочет она почерпнуть из глубины своей природы то, что давно уже черпают другие народы и чего доставать не умели просившие хлеба и зрелищ — роскоши и считавшие труд делом рабов.

Лет десять тому назад, начиная строить дом в своем имении, я собрал соседних крестьян, чтобы подрядить на подвозку материалов, и был немало удивлен, когда они, зная, что я занимаюсь вопросами, относящимися до заводов, стали упрашивать меня построить, вместо дома, какой-нибудь завод. Брались все нужное подвезти бесплатно, потому что всегда будет много работы около завода и им не надо будет уходить от дома, чтобы прокормиться.

Работу с землей выполняет и отныне будет выполнять только доля русского народа и только малую часть времени. Идиллическая мечта о царствующем земледелии — давно прошла, стала утопией, красивой, как военно-социальная «республика» Платона, но невыполнявшейся и невыполнимой.

Крестьянин понял раньше помещика и литератора, что «одним хлебом» ему не прожить, и знает, что около фабрик и заводов кормятся не только те, которые записываются состоящими при этом деле. Много дел отдается на сторону, да и самый сельский труд около тех дел развивается. Он — на заводе — теряет свой страдный характер, прилагается постоянное и ровнее, вознаграждается лучше, уважается больше. Сельское хозяйство, начиная с доходности и интенсивности,* выиграет, спрос на его продукты усилится не за горами и морями, не от недорода, где-то случившегося, а прямо от увеличенного спроса — тут же, дома, от всякого завода или фабрики.

Средний[1] вывоз из России ржи и пшеницы достигает до 200 млн пудов, или на каждого русского по 2 пуда в год, что составляет в день меньше четверти фунта на человека. Работающие на заводах и фабриках, как знает всякий, видавший эти отношения, съедают, по крайней мере, полфунта лишнего хлеба в день. Пусть только подумают наши сельские хозяева, так боящиеся заводско-фабричных тарифных ставок, что́ дадут за наш хлеб, если хотя половина вывозимого спросится дома? А кто там-то, за морем, покупает этот наш хлеб? Не тот ли, кто работает на фабриках и заводах? И видано ли где-нибудь, чтобы на одном хлебе богатела страна? И возможно ли это, если урожаем правит не столько человек, сколько погода? Курс поправится, так хлеба продать нельзя; тогда говорят — бедность; а курс если плох, то и подавно явная бедность — купить, говорят, нельзя, все дорого. Куда тут ни повернись, все неладно выходит, надо все как-то изловчаться, в глаза на

---

* Старинное правописание «интензивность», «экстензивность», употребляемое Д. И. Менделеевым, везде заменено современным. [*Прим. ред.*].

[1] С 1880 по 1889 г. вывезено из России миллионов пудов:

Год	Ржи	Пшеницы	Год	Ржи	Пшеницы
1880	54	61	1885	76	155
1881	38	82	1886	66	92
1882	50	128	1887	78	135
1883	70	141	1888	107	215
1884	70	114	1889	84	191
			Среднее за 10 лет	69	131

чужое добро глядеть, о чужом неурожае радоваться. Хлеб дорог — север плачет и недоедает, хлеб дешев — юг горюет. Ровного, верного и постоянного — ничего и нет, да и не предвидится без промышленного развития. На одном хлебе живут люди, да все маются, а это к добру повести не может. И видя это — говорить необходимо.

Убежденный в том, что дальнейшее развитие благосостояния, просвещения, трудолюбия и самого спокойствия в России возможно лишь тогда, когда к ее сельским и сходным с ними первичным промыслам прибавится широкое развитие в ней обрабатывающей промышленности, требующей не только растительных и животных произведений, но и продуктов недр земли, которыми характеризуется новый строй промышленности, — я решился воспользоваться появлением нового таможенного тарифа, чтобы объяснить отношение буквы явившегося закона к экономическим корням современной русской жизни. Убеждение росло годами, перешло в уверенность и заставляет говорить яснее и подробнее, чем говорил прежде.

Воспитанному в Сибири на заводе, который вела моя покойная матушка, и изучавшему в различных местах России многие промышленные дела, мне выпадало много случаев видеть, как мало распространено у нас правильных понятий о фабрично-заводских делах, о их значении и влиянии на жизнь народа. На заводы и на фабрики у нас смотрят чаще всего как на особый вид спекуляции, совершенно упуская из виду новые формы труда, вещества и сил, вводимые ими в жизнь народа. Не под силу мне и не успеть изложить все «основы» промышленности в том виде, в каком они рисуются перед глазами. Но думаю, что смогу еще на канве нового тарифа объяснить, какие, по моему крайнему разумению, из заводско-фабричных дел наиболее подходят к переживаемому времени России. Русский народ всегда шел в этих делах, занимаемых с Запада, за указаниями, прямо получаемыми от правительства, сам еще боится своих шагов, помня старину, когда все промышленное было прямо под царскою рукою. Существует у нас в сферах помещиков и некоторых литераторов из уст

в уста переходящий предрассудок, что переделывающей промышленности помогают больше, чем надобно, что забывают только земледелие. Заблуждение явное. А рыли каналы и строили железные дороги, а освобождали крестьян, как и следует, с землею, а собирают акцизы с заводских произведений, главную часть нашего бюджета составляющие, а налагают, как и следует налагать — всякие надзоры за отношением рабочего к предпринимателю, а учреждают всякие банки и мелиорационные фонды — разве для выгод обрабатывающей промышленности, а не для процветания первобытного, господствующего земледелия, коренное, интенсивное усовершенствование которого нигде и не бывает без соседства заводов и фабрик и без них немыслимо. Пусть говорящие попробуют завести бахчу для посева арбузов, а потом заводик для извлечения из них сахара или хоть розовой краски, в арбузах содержащейся, тогда и поймут, что сельский труд волен, как и быть это должно, а на заводско-фабричный отовсюду смотрят, как на прихоть, едва терпимую, как на прямой объект всяких сборов и надзоров, как на способ наверстывать то, что теряется на сельском хозяйстве. Историю не забывает никакой народ, предание хорошо хранится. Велят бить в барабан, и это выполнит русский народ. А теперь царь повелел пересмотреть тариф и позаботиться об ограждении и оживлении промышленности своей страны. И она, огражденная новым тарифом, оживится под влиянием прямых его указаний и тогодождя других ему соответствующих мероприятий, который даст рост пробившимся корням и засохшим листьям и жизнь зарытым в русской почве семенам промышленной деятельности. И если этот весенний дождь падет на русскую землю, ее теперь пока заглохшая промышленная степь даст жатву, свежей почве свойственную и менее, чем полевая жатва, зависящую от засух, червей и разной напасти. В тарифе слышен уже гром, видна уже и зарница — дождаться бы до благодатного дождя, тогда бы и зелень и цветы недолго бы заставили себя ждать — ведь семян и корней так много в нашей мелко вспаханной почве. Вот их-то показать мне и хотелось бы, не просто говоря опять, что «земля наша велика и

обильна», а прямо выкапывая живые корешки и зернышки и выкладывая их на ладони. Возьмите и полейте, тогда и убедитесь, что они живучи. Куда ни падала струя благодетельной влаги, — везде давала обильную жатву. И если я выставляю, быть может чересчур уже часто, напоказ тот пышный промышленный цвет, который быстро дал дождь мероприятий в отношении к росту разработки русской нефти, то только потому, что это дело ближе всяких других знаю с самого его зародыша, который не уставал показывать. И тогда мне говорили, когда я уверял в быстром росте этих дел, если будут предприняты необходимые для него меры, что я кабинетный мечтатель и профессор, практической жизни не понимающий, что мы сложены из другого материала, чем американцы, что у нас все прахом пропадет, что лучше дело предоставить собственному течению, следуя поверью, завещанному французами прошлого столетия, — laissez faire, laissez passer. Когда мне говорят, что русский человек — только прирожденный земледел, то я бываю принужден напомнить, что и англичанин, и француз, и бельгиец, и немец тоже были когда-то только земледелами. А потому теперь, как и тогда, громко говорю то, что считаю должным и вправе говорить: России, по ее положению и нетронутым запасам, по степени развития, по склонности народа и по воле царской — приспело время усиленно обратиться к приумножению своей деятельности — широким развитием горной, фабричной и заводской промышленности.

А так как исходом для всего моего изложения служит ныне высочайше утвержденный таможенный тариф по европейской торговле, то прежде всего вслед за сим я привожу его целиком. Для того же, чтобы связать предстоящее с прошлым, я присоединяю к этому тарифу указание тех тарифных ставок, какие действовали с 1841 г., а во второй главе сообщаю краткую историю прошлых таможенных тарифов России. Три цифры столбцов 1, 2 и 3-го имеют следующее значение.

В столбце 1-м даны таможенные оклады, взимавшиеся по тарифу 1841 г. Так как редакция статей и распределение това-

ров по статьям тогда были иными, чем ныне, то для того, чтобы не умножать числа цифр и их объяснения, я привожу только те ставки, которые относятся к наибольшей массе товара, ныне по данной статье проходящей, и притом ставки, относящиеся к морской доставке. И ныне, когда уже есть много железных дорог, наибольшее торговое международное обращение России совершается морем,[1] следовательно, раньше было то же самое. Но для того, чтобы обозначить, что данная ставка относится не ко всем товарам статьи или пункта нового тарифа, а только к тем, которые доставлялись морем, цифры этого рода заключены в скобки. В новейших тарифах это различие пошлин, при доставке морем и сухим путем, постепенно исчезает. И следует заметить, что прежде оклады по сухопутной доставке были ниже, чем при морской, не столько ввиду того, что первый способ дороже второго, сколько для ответа на желание немецких наших соседей иметь возможно тесное экономическое сближение с Россиею, так как в нашей морской торговле, особенно прежней, играли наибольшую роль сношения с Англиею и Голландиею, а в сухопутной преобладали сношения с Пруссиею и Австриею. Если в тарифе 1841 г. не находилось окладов, соответствующих современным, то вместо цифры ставится черта. Когда товар ко ввозу не дозволялся, тогда ставится *запр.* Если же товар впускался беспошлинно, то ставлю нуль (0). Таможенные оклады 1841 г. сбирались в кредитной валюте, или «серебром», как тогда говорилось, в отличие от недавних «ассигнаций», к 1841 г. уже переставших обращаться. Сбор производился и тогда, как ныне, в большинстве случаев с пуда нетто, если же с иной меры, чем ныне, то она особо означена. Если прежняя

[1] Беру для примера 1888 г. Ввоз равнялся 391 млн руб. и вывоз 794 млн руб. Из этой цифры ввоз и вывоз чрез Белое море = 1 и 7 млн руб., чрез Балтийское = 154 и 201 млн руб., чрез Черное море 57 и 267 млн руб., чрез Азовское 2 и 107 млн руб. Следовательно, не считая Каспийского моря и Восточного океана, чрез моря ввезено на 224 млн руб. и вывезено на 582 млн руб., всего на 806 млн руб., а общий оборот 1185 млн руб., следовательно, морской составляет более 68%, или более $^2/_3$ всех внешних торговых оборотов России.

единица мер не совпадала с современной, то это особо означено, напр.: чрез *бч* означается с бочки, чрез *бт* — с бутылки, чрез *дж* — с дюжины, чрез % — в виде процента с объявленной и проверенной стоимости, чрез *бк* — с берковца, *чтт* — с четверти. Цифры означают оклад *в рублях и копейках кредитных*.

Во 2-м столбце внесены, с теми же, как и в предшествующем столбце, означениями, ставки по тарифу 1868 г. В сущности этот тариф, хотя со многими изменениями (столб. 3-й), действовал до последнего пересмотра тарифа. Пошлины собирались в *кредитной* валюте, и только с 1877 г. начался сбор золотыми рублями. Следовательно, цифры 2-го столбца означают тарифные пошлины с пуда или другой меры в *рублях и копейках кредитных*. Сравнение этих цифр с окладами вновь введенного тарифа выражает ту перемену в отношении к таможенному тарифу, которая совершилась в прожитую эпоху истекших 23 лет. Но эти перемены произошли не вдруг. Постепенно тариф изменялся и, чтобы показать степень подготовки для перехода от тарифа 1868 г. к тарифу 1891 г., я привожу:

В 3-м столбце тарифные ставки 1 августа 1890 г. Они даны в *рублях и копейках золотом*, как и ставки современного тарифа. Судя по сему, наиболее достойны сличения ставки этого 3-го столбца со ставками нового тарифа. Но не должно забывать (гл. 2), что с 16 августа 1890 г. по 1 июля 1891 г., т. е. $10^1/_2$ месяцев, действовал тариф 1890 г. с надбавкою 20%; только для чая, кофе, какао, пряностей и каменного угля, привозимого к портам Балтийского моря и по сухопутной границе, этой надбавки не было сделано, для каменного же угля и кокса, привозимых к портам Черного и Азовского морей, взыскивалось сверх окладов 1890 г. 40%. Не считаю надобным особо приводить эти оклады конца 1890 г. и начала 1891 г., во-первых, потому, что они прямо могут быть найдены из цифр 3-го столбца (чрез прибавку 20%), а во-вторых, потому, что этот тариф, в самом постановлении о нем, назначался быть краткосрочным и составляет меру, не имевшую значительного влияния на ход торгово-промышленных отноше-

ний России, как видно даже и по собранным доныне статистическим сведениям.

Мне хотелось первоначально присовокупить к тарифу обзор статистических данных о ввозе иностранных товаров в различные годы, но, составляя такие таблицы, я убедился, что будет более поучительным говорить об этом предмете при каждой статье отдельно, потому что в цифрах ввоза заключается свой смысл, становящийся понятным при сопоставлении с цифрами: ценностей, русского потребления, производства и вывоза, а без них могущий легко подвергаться ложному толкованию.

В заключение считаю необходимым сказать, что одним из побочных поводов для появления предлагаемого труда служит то обстоятельство, что в нашей русской литературе очень часто, а в наиболее ходячей — даже чересчур часто, встречаются и поныне произведения так называемого фритредерского направления и в них обыкновенно утверждается, что протекционизм защищают в России только люди, лишенные научной подготовки, из-за мелких своекорыстных целей. Принадлежа к тесному кругу русских, отдавших всю жизнь науке, не имея ни заводов, ни фабрик, зная, что современная наука нашла грубые неверности и пропуски в «классическом» или «ортодоксальном»[1] учении фритредерской школы и, наконец, видя, что исторический и опытный, то есть реальный, путь изучения политической экономии приводит к иным выводам, чем те, которые от фритредеров принимаются на веру за «последнее слово науки», я считаю долгом — именно отчасти в защиту истинно-современной, прогрессирующей науки — открыто и громко сказать, что стою за рациональный протекционизм; что фритредерство как учение очень шатко; что фритредерский образ действия подходит лишь к странам, уже укрепившим свою заводско-фабричную промышленность; что протекционизм как абсолютное учение есть такой же рационалистический вздор, как и абсолютное фритредерство, и что протек-

[1] По счастливому выражению Ингрема в его прекрасной «Истории политической экономии», переведенной профессором Янжулом (в 1891 г.) на русский язык.

ционный способ действия совершенно уместен ныне для России, как был уместен и для Англии в свое время, когда ей грозило остаться разоренным и бедным островом Атлантического океана. Пусть на меня обрушатся ваши отсталые литературные «классики» недозрелой политической экономии. Сами англичане уже отвели ей место не между юридическими и классическими, более или менее законченными науками, а в среде реальных наук, берущих основу из опыта и умозрения, для которых Англия и создала свои ежегодные съезды естествоиспытателей, с секциею — экономическою. Начала Аристотеля ведь также горячо защищались в свое время. И хотя не все то оправдалось, что последователи Галилея утверждали противу Аристотеля, и хотя у Аристотеля, как и у китайских мудрецов, есть много передового — для своего времени — и верного — вечно, но все же пути, намеченные Галилеем, дали выход из того лабиринта логических построений, в котором вконец запутались классики со своими Платонами и Аристотелями во главе. В деле научного построения политической экономии должно ждать своего Галилея, но «классическим» Адаму Смиту и Рикардо, воздавая должную честь, как Платону и Аристотелю, пора перестать во всем верить на слово. Читать их стоит, но, читая, следует уже видеть, сколь много в них ошибочного резонерства; а если кто не видит, тот уж пусть не претендует на понимание предмета, ему остается прочитать еще многое другое, прежде чем говорить от имени науки, и уразуметь, что только в сочетании умозрительного пути с опытным можно найти практически применимое и с божьей правдой согласное решение задач, представляющихся в экономической науке и в экономической жизни. Пусть учение фритредеров логично, рационально и красиво. Это еще не значит, что оно верно. «Флогистон» был очень логичен, рационален и красив, но на деле не выдержал опыта и преобразовался в совершенно нечто иное, до того, что всю химию в свое время звали «антифлогистонным учением». Надо же уразуметь, что экономические учения «националистов», «социологов» и «исторической школы» давно сломили в корне фритредерство и что современную экономическую науку должно было бы,

для ясности, назвать «антифритредерской». Это следует, непременно следует знать тем, кто во имя науки решается говорить о экономических вопросах. Здесь я должен, раз на всю книгу, сказать, что она назначена не для дальнейшего, общего и совершенно законного развития экономической науки самой по себе. Не для полемики о мало еще разработанных, по методам естествознания, экономических вопросах берусь я за предлагаемую книгу, не для посильного решения мировых и мирных экономических задач принимаюсь я за перо, а лишь для того чтобы помочь, насколько могу, свежим русским силам, подчас запутавшимся в господствующем классическом резонерстве, разобраться в предстоящих им делах промышленного роста государства, поскольку он связан с таможенным тарифом. Эту связь я и хочу показать с разных сторон и больше всего со стороны разбора частностей, так или иначе сделавшихся мне известными. Поэтому главное внимание мое обращено не на общее, которого обойти, однако, нельзя, а на реальное, численное и частное, которому и посвящается наибольшая часть этого труда. Он назначается быть по возможности краткою справочною книгою для тех, кому не чужды промышленные интересы страны. Он претендует на то, чтобы заключать правду, мне известную, про тарифные и промышленно-торговые отношения России. Недостатки и ошибки, которые, наверное, найдутся в числах и соображениях предлагаемой книги, не откажутся поправить или те, кому придутся по сердцу мысли и стремления, руководящие моею работою, или те, кому захочется их заменить более верными и более согласными с требованиями и условиями времени.[1] Эти возможные недостатки и ошибки зависят всецело от меня, от того, что я спешу сказать свое слово в вопросах, касающихся промышленного быта России, видя подходящий для этого случай и зная, что дожидаться полной выработки даже какой-либо

[1] Вероятно, что некоторые из сообщаемых мною данных устарели. Считая полезным говорить о всех главных видах товаров, содержащихся в русском тарифе, я не мог, при всем желании, получить многих из необходимых сведений, а потому буду чрезвычайно благодарен за их пополнение, чем и постараюсь при случае воспользоваться.

одной части мне нет уже возможности, успеть бы выполнить хотя то, что задумал. «Материалов» под руками много, но они не всеобъемлющи. Желания у меня тоже много, но и оно, конечно, не в силах всего обнять. Однако, во всяком случае, должно быть ясным, что эту книгу пишет русский — для русских же, об русских частных делах и только ради их заглядывает во всемирные промышленные отношения, да и то только потому, что таможенный тариф, по своему существу, прямо с ними соприкасается.

Русские — [...] мира не чураются, хотят дружить с ним и жить в промышленном мире, чего ради и надобен «покровительственный» таможенный тариф, каков и есть ныне действующий.

Труд этот будет выходить выпусками по мере того, как я буду успевать заканчивать отдельные главы. Они, начиная с 3-й, будут следовать (с ничтожными изъятиями) по статьям нового тарифа, а потому и привожу его в этом предисловии.

Д. Менделеев.

ОБЩИЙ ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ, ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ 11 ИЮНЯ 1891 г. И ДЕЙСТВУЮЩИЙ С 1 ИЮЛЯ 1891 г.

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			А. Роспись товарам привозным	
(2 руб.) чтт	0	0	1. Хлеб в зерне всякий, кроме риса; картофель; горох и бобы	**беспошлинно.**
			2. Рис, или сарачинское пшено:	
60 коп.	50 коп.	70 коп.	1) обделанный, с пуда	**70** коп.
	20 коп.	40 коп.	2) необделанный (в шелухе), с пуда	**40** коп.
(3 руб.) Ман. крупа запр.	7 и 4 коп.	12 коп.	3. Мука, солод и крупа — всякие (кроме муки картофельной), с пуда брутто	**20** коп.
От 0 до 2 руб. 50 коп.	55 коп.	24 коп., 70 коп. и 1 р. 40 к.	4. Мука картофельная и крахмал всякий; вермишель и макароны; аррорут, лейоком, декстрин, саго; отруби миндальные без духов, с пуда	**1 р. 40 к.**
			Примечание. Поименованные товары, привозимые в пакетах, коробках и других мелких помещениях, очищаются пошлиною в 1 руб. 75 к. зол. с пуда, совокупно с весом упаковки.	
1 р. и 2 р.	55 коп.	70 коп. и 1 р. 40 к.		**1 р. 75 к.**
			5. Овощи:	
0 и (3 руб.) чтт	0	12 коп.	1) простые огородные овощи, особо не приготовленные; лук и чеснок, с пуда брутто	**12** коп.
24 руб.	50 коп.	65 коп.	2) овощи соленые и моченые, с пуда брутто	**25** коп.

[1] Для данных об окладах 1841 и 1868 гг. мне служило «Сравнительное обозрение тарифов 1841, 1857 и 1868 гг.», изданное в 1887 г. по распоряжению Департамента торговли и мануфактур, а для 1890 г. тем же Департаментом изданный «Тариф, с изменениями и дополнениями по 1 сентября 1890 г.».

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
(3 руб.) чтт Цикорий запр.	0	65 к., 12 к.	3) овощи всякие, заготовленные впрок посредством сушки; спаржа, артишоки, цветная капуста, зеленый горошек, в свежем виде привозимые; цикорий в кореньях, нежженый, неприготовленный, с пуда брутто	40 коп.
бк 1 р. 50 к.	50 коп.	1 р. 20 к.	6. Фрукты и ягоды: 1) фрукты и ягоды свежие, соленые, моченые и всякие, кроме особо поименованных, с пуда брутто	1 р. 20 к.
80 коп.	25 коп.	70 коп.	2) апельсины, лимоны и померанцы свежие, с пуда брутто	70 коп.
20 коп.	0	50 коп.	3) корка лимонная, апельсинная и померанцевая в сухом виде или в рассоле, с пуда брутто	50 коп.
3 руб.	1 р. 30 к.	1 р. 55 к.	4) виноград свежий, с пуда брутто	1 р. 60 к.
1 р. 85 к.	1 руб.	1 р. 80 к.	7. Фрукты и ягоды сухие всякие, как то: чернослив, винные ягоды, финики, изюм и т. п. не в сахаре; турецкие конфеты, называемые рахат-лукум; халва, с пуда	1 р. 80 к.
			Примечание. Поименованные сухие фрукты и ягоды, уложенные в мелкие помещения, переходящие к покупателям, очищаются пошлиной, совокупно с весом этих помещений.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
1 р. 85 к.	0	0	8. Коринка	**беспошлинно.**
1 руб. и 2 р. 50 к.	1 руб.	2 руб.	9. Каперцы, оливки и маслины сухие, в рассоле и масле, привозимые в бочках, корзинках и тому подобных не герметически закупоренных помещениях, с пуда	2 руб.
1 р. 20 к. 50 коп.	0 и 35 коп.	50 коп.	10. Анис, тмин, кишнец, орехи померанцевые (незрелые сухие померанцы); рожки турецкие, с пуда	50 коп.
			11. Орехи:	
75 коп.	50 коп.	95 коп.	1) всякие, лесные и садовые, кроме особо поименованных; ядра: персиковые, абрикосовые; зерна тыквы очищенные; каштаны и кокосы, с пуда	1 руб.
2 руб.	1 р. 65 к.	2 р. 40 к.	2) миндаль, в скорлупе и без оной, фисташки, с пуда	2 руб.
			12. Горчица сухая, молотая, неприготовленная:	
8 руб.	0	50 коп.	1) привозимая в бочках и иных больших помещениях, с пуда	50 коп.
8 руб.	0	50 коп.	2) привозимая в мелких помещениях, (банках, жестянках, пузырях), переходящих к покупателям, совокупно с весом сих помещений, с пуда	75 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
50 руб. до 20 руб.	3 руб.	4 р. 80 к.	13. Паштеты; приправы всякие, как то: горчица приготовленная, сои, пикули; привозимые в стеклянных, глиняных, жестяных и других герметически закупоренных сосудах: каперцы, оливки, маслины, овощи, фрукты и съестные припасы всякие, на масле, в уксусе или иначе приготовленные (консервы), кроме особо поименованных, с пуда брутто	5 руб.
			Примечание. По этой же статье очищаются пошлиной каперцы, оливки, маслины, огурцы и другие овощи, в уксусе приготовленные, привозимые во всякой укупорке; мясные экстракты, пептон.	
13 руб. нетто	4 руб.	7 р. 20 к.	14. Трюфели, шампиньоны и всякие другие грибы в уксусе, в масле и рассолах; трюфели сухие и свежие, с пуда брутто	7 р. 20 к.
			15. Пряности:	
40 руб.	8 руб.	14 р. 40 к.	1) ваниль и шафран, с пуда	14 р. 40 к.
18 руб.	2 р. 50 к.	4 р. 80 к.	2) кардамон, мушкатный цвет и мушкатный орех, с пуда	4 р. 80 к.
2 р. 50 к. до 15 р. 30 к.	1 р. 50 к.	3 руб.	3) гвоздика, гвоздичные головки, корица, перец, имбирь, бадьян и всякие другие пряности, особо не поименованные, с пуда	3 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание. Пряности всякие в измельченном, порошкообразном виде оплачиваются пошлинами на 50% высшими против указанных в настоящей статье, совокупно с весом упаковки.	
1 р. 90 к.	1 руб.	1 р. 30 к.	16. Лавровый лист, лавровые ягоды, калган, с пуда брутто	1 р. 30 к.
			Примечание. Калган тертый очищается означенной пошлиной с надбавкою 25%.	
2 р. 20 к.	1 руб.	1 р. 30 к.		
			17. Цикорий и жолуди: жженые и другие кофейные суррогаты, в кусках, но без	
Запр.	25 коп.	50 коп.	примеси кофе, с пуда	75 коп.
			18. Кофе:	
6 р. 10 к.	1 р. 50 к.	3 руб.	1) сырой в зернах, с пуда	3 руб.
			2) жареный, в зернах и молотый: суррогаты кофе всякие, молотые или прессованные, с	
—	1 р. 50 к.	3 руб.	пуда, совокупно с весом упаковки,	4 руб.
			Примечание. Кофейная эссенция и кофейный экстракт пропускаются по п. 1 ст. 24.	
			19. Какао в зернах и шелуха оного:	
6 р. 20 к.	1 р. 50 к.	3 руб.	1) в сыром виде, с пуда	3 руб.
			2) в поджаренном виде, с пуда	4 руб.
Запр.	22 руб. и 15 р. 40 к.	21 руб.	20. Чай всякий, привозимый по европейской границе, с пуда	21 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание. С чаев, привозимых чрез Иркутскую таможню и на запад от нее чрез границы Сибири и Степного генерал-губернаторства, пошлина взимается: а) с байховых черных, цветочных, зеленых и желтых — в размере, с пуда	
—	—	13 руб.		13 руб.
—	—	2 р. 50 к.	б) с кирпичных — в размере, с пуда	2 р. 50 к.
			и в) с плиточных чаев, снабженных консульскими свидетельствами о русском их приготовлении и марками русских фабрикантов на каждой плитке, — в размере, с пуда	
—	—	6 руб.		10 руб.
			21. Табак: 1) в листах и папушах, с стебельками и без оных, табачные стебельки, с пуда	
6 руб.	4 р. 40 к.	15 р. 40 к.		15 р. 40 к.
60 коп.	88 коп.		2) крошеный — курительный, тертый — нюхательный; всякий табак в рулях, кружках и каротах, с фунта	
1 р. 70 к.	66 коп.	1 р. 30 к.		1 р. 30 к.
			3) в сигарах; крошеный, завернутый в табачные листья; папиросы, с фунта	
2 руб.	2 р. 20 к.	3 р. 20 к.		3 р. 20 к.
			22. Сахар: 1) сахар-сырец, сахар толченый или молотый без примеси кусков, всякий, с пуда	
3 р. 80 к.	(3 руб.)	1 р. 90 к. и 2 руб.		3 руб.
			2) рафинад, мелис, лумп и леденец в головах и кусках, с пуда	
Запр.	(4 р. 50 к.)	2 р. 80 к. и 2 р. 90 к.		4 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание. Министру финансов предоставлено в тех случаях, когда цена на сахар-сырец будет колебаться в С.-Петербурге между 6 руб. и 6 руб. 60 коп., а в Одессе или Киеве — между 5 руб. 50 коп. и 6 руб. за пуд, входить в Комитет министров с представлениями о временном понижении ввозной пошлины с сахара-сырца до 1 руб. 50 коп. зол. за пуд, с тем, однако, чтобы понижение пошлины вступало в силу не ранее 2 месяцев по обнародовании состоявшегося о том постановления.	
—	—	1 р. 50 к.	23. Мед-сырец и медовая патока; сахарные сиропы без сдабривающих примесей; сахарная патока рафинадная, патока картофельная всякая, крахмальный или виноградный сахар в твердом виде без примесей; кулер для окрашивания напитков; мальтоза; экстракты из солода и мальтозы, без примесей, с пуда брутто	1 р. 20 к.
2 руб.	66 коп.	1 р. 20 к.	24. Кондитерские изделия, кроме особо поименованных: 1) конфеты, варенья, сахарные сиропы с примесью сдабривающих веществ; фруктовые и ягодные сиропы; пастила, желе, фруктовые по-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
48 руб., 36 руб. и 14 руб.	5 руб.	9 р. 60 к.	рошки и лепешки с сахаром, фрукты в ликерах, рому, коньяке, сиропе и в соку; сгущенное молоко и другие пищевые материалы с сахаром; шоколад с сахаром и без сахара; какао тертый с сахаром, с пуда брутто	9 р. 60 к
—	5 руб.	6 р. 60 к.	2) фрукты густоваренные без сахара; какао тертый без сахара, с пуда брутто	6 р. 60 к.
24 руб.	3 руб.	4 р. 20 к.	3) пряники и разные печенья — с сахаром и без сахара, с пуда брутто	4 р. 20 к.
—	75 коп.	90 коп.	25. Дрожжи: 1) семянные и всякие жидкие, с пуда	90 коп.
		2 руб.	2) сухие и прессованные всякие, с пуда	2 руб.
1 р. 45 к.	1 р. 10 к.	10 руб.	26. Хмель и экстракт из оного: 1) хмель, с пуда	10 руб.
		30 руб.	2) хмелевой экстракт, с пуда	30 руб.
28 р. 70 к. (с анкера)	Хлебн. спирт запр. 8 р. 50 к.	Хлебн. спирт запр. 11 руб.	27. Арак, ром, водка французская (виноградная), коньяк, сливовица, киршвассер, джин, виски; хлебный спирт и хлебное вино, без всяких сдабривающих примесей: 1) привозимые в бочках и боченках, с пуда брутто	12 руб.
Запр.	65 коп.	75 коп.	2) привозимые в бутылках, а равно привозимые во всякой укупорке; ликеры, наливки и настойки, с бутылки ($^1/_{20}$ часть ведра)	1 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
48 руб. (с оксофта)	2 р. 30 к.	3 р. 50 к.	28. Вина виноградные и ягодные: 1) всякие, привозимые в бочках и боченках, с пуда брутто	4 руб.
—	—	—	*Примечание.* Вина, пропускаемые по п. 1, содержащие *более* 16° *алкоголя*, оплачиваются дополнительной пошлиною по 12 коп. зол. с каждого градуса алкоголя выше 16°.	
50 коп.	33 руб.	40 коп.	2) шипучие, привозимые в бутылках, с бутылки ($^1/_{20}$ часть ведра)	45 коп.
90 коп.	1 руб.	1 р. 25 к.	3) шипучие всякие, с бутылки	1 р. 40 к.
Запр.	1 руб.	1 р. 30 к.	29. Мед, портер и пиво всякое; сидр: 1) в *бочках* и *боченках*, с пуда брутто	1 р. 50 к.
	15 коп.	20 коп.	2) в бутылках, с бутылки	20 коп.
60 коп. и 4 руб.	45 коп.	60 коп.	30. Соки фруктовые или ягодные без сахара, с примесью или без примеси алкоголя, с пуда брутто	75 коп.
—	8 коп.	12 коп.	*Примечание.* С фруктовых соков, содержащих спирт, кроме весовой пошлины, взимается по 12 коп. зол. добавочных с каждого градуса *алкоголя*. Соки, содержащие более 16° алкоголя, пропускаются по п. 2 ст. 27.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
48 руб. (с оксофта)	1 руб.	1 р. 30 к.	31. Уксус всякий, кроме туалетного: 1) привозимый в боченках и других больших помещениях, с пуда брутто	1 р. 30 к.
45 коп.	10 коп.	13 коп.	2) привозимый в бутылках, с бутылки ($^1/_{20}$ часть ведра)	15 коп.
—	—	—	*Примечание.* Уксусом признается жидкость, содержащая не более 8% уксусной кислоты; более концентрированные растворы пропускаются как уксусная кислота.	
Искусств. запр., нат. беспошл.	2 коп.	$3^1/_2$ коп.	32. Минеральные воды, натуральные и искусственные, с кувшина или бутылки	4 коп.
От 29 коп. до 40 коп.	$38^1/_2$ коп.	20 коп.	33. Соль всякая поваренная, привозимая: 1) морем и сухопутно, за исключением указанных в п. 2 мест, с пуда	20 коп.
20 коп.	32 коп.	10 коп.	2) к портам Архангельской губернии, с пуда	10 коп.
—	0	0	*Примечание* 1. Для употребления на посол рыбы дозволяется привозить соль беспошлинно на Мурманский берег, без ограничения количества.	
—	—	20 коп.	*Примечание* 2. Соль очищенная, столовая в мелких помещениях, переходящих к покупателям, оплачивается, совокупно с весом сих помещений, пошлиною с пуда	30 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
3 р. 60 к.	66 коп.	95 коп.	34. Мясо соленое, копченое, вяленое; колбасы, с пуда	1 руб.
5 руб.	4 руб.	6 руб.	35. Сыр, с пуда	6 руб.
			Примечание. Сыр, привозимый в свинцовой или жестяной укладке, очищается пошлиною, совокупно с весом этих укладок.	
5 р. 80 к.	40 руб.	50 коп.	36. Масло коровье и овечье, с пуда	50 коп.
			37. Рыба:	
			1) свежая:	
			а) тюрбо, соль, форель, с пуда брутто	2 р. 40 к.
0	0	12 коп.	*б) всякая*, кроме указанной в п. а, с пуда брутто	12 коп.
			2) маринованная, в масле и фаршированная всякая; икра,	
3 р. 60 к.	3 руб.	4 р. 80 к.	с пуда брутто	5 руб.
			3) соленая и копченая всякая (кроме сельдей), с пуда	
3 р. 60 к.	1 р. 10 к.	1 р. 20 к.	брутто	1 р. 20 к.
			4) сельди соленые и копченые, треска и всякая другая	
90 коп. бк	1 руб. бк	27 коп.	рыба, сушеная и вяленая, с пуда брутто	27 коп.
			Примечание. Рыба всякая свежая, на каботажных судах привозимая, хотя бы без свидетельств о русском ее происхождении; рыба всякая свежая, соленая, сушеная и вяленая, привозимая на российских судах в порты Архангельской губернии жителями оной, пропускаются	беспошлинно.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
5 руб. бк	1 р. 10 к.	2 р. 40 к.	38. Устрицы, морские раки, улитки, каракатицы и т. п., свежие, соленые, сушеные и маринованные, с пуда брутто	2 р. 40 к.
			Примечание. Если поименованные в этой статье продукты привозятся в герметически закупоренных сосудах, то очищаются пошлиной по ст. 13.	
—	0	12 коп.	39. Съестные припасы, особо не поименованные; особо приготовленные кормовые средства для животных, с пуда брутто	12 коп.
			Примечание. Кормовые средства для животных, представляющие отбросы или побочные продукты производств (черная патока и т. п.), пропускаются	беспошлинно
—	—	0		
Со штуки 7 коп. до 70 коп.	0	0	40. Домашний скот, лошади, животные всякого рода, кроме особо поименованных	беспошлинно.
			41. Удобрительные вещества; кость сырая и обработанная:	
			1) природные удобрительные вещества (гуано, птичий помет); кость сырая всякая, кроме особо поименованной, томасовые шлаки немолотые	беспошлинно.
0	0	0		
			2) кость сырая, молотая, фосфориты молотые, томасовы шлаки молотые, с пуда брутто	2 коп.
80 коп.	0	0		
			3) суперфосфаты, кость, обработанная серною кислотою; землеудобрительные компосты и пудреты всякие, с пуда брутто	5 коп.
—	0	0		

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
50 коп.	—	12 коп.	4) кость жженая, костяная зола, костяной уголь, с пуда брутто	12 коп.
25 коп.	20 коп.	26 коп.	42. Сажа всякая, с пуда	50 коп.
15 коп.	4 р. 40 к.	6 руб.	43. Клей: 1) рыбий всякий, желатина всякая (в тонких и толстых плитках), клей аппретурный, составы из желатины и глицерина, с пуда	6 руб.
1 р. 20 к.	10 коп.	1 р. 20 к.	2) костяной, мездриный (шубный), сапожный; агар-агар (клей растительный), с пуда	1 р. 20 к.
6 коп.	0	0	44. Рога всякие и копыта; части животных и животные продукты, употребляемые в медицине и особо поименованные	беспошлинно.
275 руб.	0	6 руб.	45. Волос не в деле: 1) человеческий, с пуда	6 руб.
12 руб.	0	12 коп.	2) всякий другой	12 коп.
10 р. 50 к.	60 коп.	80 коп.	46. Волос в деле: 1) человеческий, с фунта	80 коп.
От 16 руб. до 80 руб.	2 р. 20 к.	2 р. 90 к.	2) конский и щетина в деле, материи и сита волосяные, щетинные изделия в оправе из простого дерева без наклеек, кисти щетинные и всякие для живописи, с пуда	3 руб.
8 руб. и 15 руб.	0	24 коп.	47. Пух и перья, кроме особо поименованных, с пуда	50 коп.
3 р. 50 к.	1 р. 10 к.	1 р. 45 к.	48. Подушки, перины, тюфяки, набитые перьями, пухом, волосом, шерстью, с пуда	2 руб.
4 р. и 16 р.	2 руб.	2 р. 65 к.	49. Ус китовый всякий, с пуда	2 р. 80 к.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
1 р. 50 к.	1 р. 65 к.	2 р. 40 к.	50. Губка грецкая, с пуда	2 р. 40 к.
			51. Сало животное, масла животного происхождения:	
Запр.	0	36 коп.	1) сало животное, кроме особо поименованного, с пуда брутто	50 коп.
70 коп.	0	36 коп. и 60 коп.	2) ворвань, или рыбий жир (китовый, тюлений и др.) мутный, неочищенный, сало ворванное или ястык, спермацет в неочищенном виде, с пуда брутто	75 коп.
—	—	—	3) олеин, олеиновая кислота; сушь (твердое сало, получаемое отжатием) в сыром и перетопленном виде; сало, обработанное (разложенное), дегра, с пуда брутто	1 р. 20 к.
1 р. 60 к.	0	1 р. 20 к.	4) спермацет в очищенном виде, пальметин, стеарин, с пуда брутто	1 р. 70 к.
—	—	2 р. 20 к.	5) масла животного происхождения всякие (костяное, спермацетовое, рыбий жир прозрачный, ланолин и т. п.), кроме особо поименованных, с пуда	2 р. 20 к.
			52. Воск:	
—	—	40 коп.	1) горный сырой (озокерит), хотя бы плавленный, с пуда брутто	40 коп.
1 р. 75 к.	0	1 р. 50 к. и 1 р. 20 к.	2) горный очищенный (церезин); парафин, вазелин (кроме очищенного — без запаха и вкуса); воск: пчельный, всякий растительный, для прививки деревьев, с пуда брутто	1 р. 70 к.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
Запр.	1 руб.	2 р. 40 к.	53. Свечи всякие; факелы, фитили, с пуда	2 р. 80 к.
			54. Кожи невыделанные, или шкуры, кроме относящихся к статье о мягкой рухляди; кожи рыб и земноводных:	
0 и 3 р. 20 к.	0	50 коп.	1) сухие и сухосоленые, с пуда	50 коп.
		25 коп.	2) мокросоленые, с пуда	25 коп.
			Примечание. Обрезки невыделанных кож всяких, или шкур, пропускаются с пошлиною, с пуда	50 коп.
			55. Кожи выделанные:	
			1) малые (кроме поименованных в п. 2) — дубленые, квасцованные, сыромятные; замша, опоек, выросток; кожи рыб и земноводных; сыромятные ремешки для сшивки приводных ремней, с пуда	11 руб.
	8 руб.	10 р. 80 к.	2) сафьян, лайка, шевро, шагрень; кожи с тисненными узорами всякие; лакированные кожи малые, с пуда	15 руб.
От 28 руб. до 40 руб.			3) большие; воловьи, коровьи, лошадиные, свиные — дубленые, квасцованные, сыромятные, в кожах и полукожах;	
	4 р. 40 к.	6 руб.	пергамент, с пуда	6 руб.
	6 руб.	7 р. 90 к.	4) лакированные кожи большие, с пуда	8 р. 50 к.
			Примечание. Обрезки выделанных кож оплачиваются тою же пошлиною, какая взимается с кож, к коим относятся означенные обрезки.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1990 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
Запр. или 2 р. 50 к. с фунта	20 руб.	36 руб.	56. Мягкая рухлядь: 1) шкуры морского бобра, куницы, лисицы чернобурой, лисицы сиводушки, шиншилла, соболя, ильки, голубого песца; шкуры котиковые выщипанные, с пуда	50 руб.
—	—	6 р. 60 к. и 18 руб.	2) шкуры енота, хорька, двуутробки (опоссума и кенгуру), кролика, барсука, бараньи крашеные; шкуры котиковые невыщипанные; хвосты выхухольи и беличьи; шкуры медвежьи, волчьи, тюленьи, нерпьи, выдровые, тигровые, барсовые и другие, им подобные, не употребляемые для личной носки, с пуда	6 р. 60 к.
40 руб.	5 руб.	6 р. 60 к.	3) шкуры лисьи и куньи, привозимые на российских судах в порты Архангельской губернии жителями оной, с пуда	6 р. 60 к.
—	10 руб.	18 руб.	4) мягкая рухлядь всякая, кроме особо поименованной, с пуда	18 руб.
			Примечание 1. Привозимые к портам Архангельской губернии жителями оной на российских судах шкуры моржовые, оленьи, тюленьи и белужьи, а также всякая мягкая рухлядь российского промысла, привозимая на российских судах, кроме поименованной в п. 3 настоящей статьи, пропускаются	беспошлинно.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание 2. Бараньи шкуры некрашеные пропускаются по ст. 54.	
			Примечание 3. Если поименованные в п. 2 сей статьи шкуры будут подделаны под высшие сорта цкур, то оные оплачиваются пошлиною по п. 4 сей статьи.	
			57. Кожаные изделия:	
Запр.	55 коп.	70 коп.	1) обувь всякая (кроме особо поименованной) в готовом и подготовленном виде, с фунта	1 руб.
			Примечание. Кожи всякие, скроенные для обуви и мелких изделий, оплачиваются пошлиною, с фунта	75 коп.
—	—	—		
Запр.	11 р. 0 к.	1 р. 45 к.	2) обувь дамская из шелковой материи и шевро, в готовом и подготовленном виде, с фунта	2 руб.
7 р. 50 к.	2 р. 20 к.	2 р. 90 к.	3) перчатки кожаные всякие; всякие изделия из замши, лайки, сафьяна, пергамента, кроме обуви и хирургических аппаратов, с фунта	3 руб.
			Примечание. Перчатки скроенные, но не сшитые, оплачиваются пошлиною, с фунта	1 р. 50 к.
—	1 р. 10 к.	1 р. 45 к.		
1 р. 20 к.	40 коп.	55 коп.	4) сбруя конская с принадлежностями; седельно-шорные изделия; хлысты из ремешков, с фунта	55 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
Запр.	40 коп.	55 коп.	5) чемоданные, сундучные, сумочные и охотничьи изделия из кожи, толстых джутовых и деньковых тканей; кожаные: записные книжки и портфели; кожаная заготовка для переплетов; всякие, особо не поименованные, кожаные изделия, хотя бы с частями металлическими или из других материалов, если не подходят под понятие о ценных галантерейных вещах, с фунта	70 коп.
—	—	—	6) приводные машинные ремни несшитые и сшитые; гонки для ткацких станков, круглые приводные ремешки, кнуты, ведра и тому подобные грубые (простые) кожаные изделия, с фунта	20 коп.
			58. Лесной товар:	
4 коп. со штуки	0	0	1) дерево простых пород; тик, красное (гондурасское) дерево: а) в бревнах, кругляках, жердях; дрова, фашины, хворост	беспошлинно.
7 коп. и 2 коп. со штуки	0	0	б) в плахах, в обтесанных или распиленных брусьях (свыше 2 дюймов толщиною), с пуда	2 коп.
—	0	0	в) в досках и брусках (толщиною свыше 1/4 дюйма до 2 дюймов включительно), нестроганных, с пуда	6 коп.
			Примечание. Те же предметы струганные пропускаются по ст. 59, как плотничная работа.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			2) дерево ценных пород для столярной и токарной работы, как то: бакаутное, кедровое, кипарисное, красное (кроме гондурасского), ореховое, палисандровое, пальмовое и благовонное всякое, в брусьях, поленьях, чурках, досках, с	
45 коп.	5 коп.	12 коп.	пуда	12 коп.
3 р. 50 к.	44 коп.	60 коп.	3) дерево всякое в листах или фанерках толщиною не более 1/4 дюйма, с пуда	75 коп.
0	0	12 коп.	4) дерево пробковое не в деле, с пуда	12 коп.
			Примечание. Дерево красильное оплачивается по ст. 125, п. 1.	
			59. Плотничная и бочарная работа:	
2 руб.	0	6 коп.	1) деревянные изделия в плотничной обработке, с пуда	12 коп.
	0	6 коп.	2) бочарная работа; клепка в готовом виде, с пуда	24 коп.
			60. Дерево пробковое в деле:	
1 р. 80 к.	2 руб.	2 р. 65 к.	1) в подготовленном виде (пластины, кубики и т. п.), с пуда	2 руб.
			2) в изделиях, с пуда	3 руб.
			61. Деревянные изделия, кроме особо поименованных:	
			1) столярная и токарная работа из дерева простых пород, нелакированная, неполированная, без наклеек или фанерок; шпильки, или деревянные	
8 руб.	25 коп.	70 коп.	гвозди, для сапог, с пуда	70 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
8 руб.	1 р. 10 к.	1 р. 45 к.	2) столярная и токарная работа из дерева ценных пород, хотя бы нелакированная и неполированная; столярная и токарная работа из дерева простых пород, лакированная, полированная, с наклейками или фанерками; буковая мебель гнутая, без плетенья или обивки, в собранном или разобранном виде, с пуда	2 руб.
			Примечание. Мелкие точеные изделия из всякого дерева (кроме особо упомянутых), весом 1 фунт и менее в штуке, оплачиваются по п. 2 сей статьи.	
8 руб.	8 р. 75 к.	5 руб.	3) деревянная резная работа (кроме поименованной в п. 4 сей статьи); столярная и токарная работа позолоченная, посеребренная и бронзированная или с таковыми украшениями, с пуда	6 руб.
			Примечание 1. Сею же пошлиною очищаются всякие изделия из войлока, щипанного каната, битой бумаги (папье-маше и картон-пьера) и разных неметаллических композиций, а также изделия деревянные, штампованные и прессованные, и из алебастра, наложенного рельефом на дерево, когда они имеют вид деревянной резной или токарной работы.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание 2. Неотделимые рамы с зеркалами, имеющими свыше 50 кв. вершков в штуке, а также с картинами, пропускаемыми беспошлинно, если таковые не могут быть вывешены отдельно, очищаются пошлиною по 30 коп. зол. за погонный аршин, считая неполный аршин за полный. Во всех остальных случаях пошлина за предметы, привозимые в неотделимых рамах, взимается, совокупно с весом сих последних,	
1 руб.	22 коп.	26 коп		**30** коп.
			4) столярная, токарная и резная работа из меди и медных сплавов и других материалов, с инкрустациями или вставками из дерева (кроме паркетин), меди, стали, перламутра, слоновой кости, черепахи и т. п., за исключением предметов, имеющих вес менее 3 фунтов в штуке, пропускаемых по ст. 215, с пуда	
8 руб.	6 руб.	к.		**10** руб.
			Примечание. Украшениями из меди и медных сплавов не считаются ручки, кольца, гвозди, ножки, колеса и т. п.	
			5) мебель и деревянные изделия, с обивкою или плетеньями:	
		Добавочно 25 % с пошлины	а) с черновою обивкою или с плетеньями, с пуда	**6** руб.
—	—		б) с окончательною обивкою тканями или кожею, с пуда	**10** руб.
—	—			

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание. С поименованных в п. 5 предметов, деревянная работа коих подходит под п. 4 настоящей статьи, взимается 40% сверх пошлин, установленных в п. 5.	
—	—	—	62. Растения живые и сухие:	
0	0	0	1) сено во всяком виде и солома неочищенная	беспошлинно.
0	0	10 коп.	2) части растений в их естественном состоянии и семена, особо не поименованные, с пуда брутто	10 коп.
—	—	10 коп.	3) рициновое семя; копра, с пуда	15 коп.
Грибы сух. запр. 0 и 2 руб.	Грибы 40 коп.	50 коп.	4) растения живые, цветы и листья, свежие или засушенные (некрашеные или крашеные), луковицы и коренья цветочные, каменные орехи, грибы свежие и сушеные; растения и части растений, употребляемые в медицине; обработанные материалы для корзинного дела и плетений, как то: солома очищенная или крашеная, камыш, прутья и другие подобные материалы щепленые, струганные, крашеные или беленые, с пуда брутто	50 коп.
70 коп.	0	20 коп.	63. Шишки ворсильные, с пуда брутто	20 коп.
			64. Корзинные и плетеные изделия из растительных материалов:	
			1) корзины простые для белья, платья, укупорки и перевозки разных товаров, при-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			готовленные из щепы, коры древесной, нещепленных прутьев и камыша, без примеси или с примесью других простых материалов; ковры подножные, половники, маты из грубых нещепленных материалов; цыновки, простые метелки:	
2 р. 40 к.	0	18 коп.	а) некрашеные, с пуда	60 коп.
	0	55 коп.	б) крашеные или лакированные, с пуда	1 р. 20 к.
			2) корзины всякие, кроме указанных в п. 1; всякие плетеные изделия из щепленных прутьев, травы, соломы, пальмового листа, стружки, кроме особо поименованных; предметы садовой и комнатной обстановки и составные части других изделий, как то: мебель разная, рамки, вазы, корзинки для цветов, садовые беседки, кузова для экипажей и т. п. — крашеные и некрашеные, без отделки другими простыми материалами:	
—	—	24 коп.	а) при весе более 1 фунта в штуке, с пуда	5 руб.
1 р. 50 к.	—	42 руб.	б) при весе в 1 фунт и менее в штуке, с пуда	15 руб.
	—	42 руб.	3) те же изделия, отделанные простыми материалами:	
60 руб.	32 руб.	42 руб.	а) при весе более 1 фунта в штуке, с пуда	25 руб.
1 р. 50 к.	80 коп.	1 р. 5 к.	б) при весе в 1 фунт и менее в штуке; ленты плетеные из соломы, стружки и стеблей, хотя бы с примесью волоса, бумаги, льна и пеньки, с фунта	1 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
6 коп. со штуки	0	0	4) рогожи и кули из оных *Примечание.* Прутяные и плетеные изделия, отделанные бронзировкою, серебрением или золочением, платят надбавку в 25% к установленному окладу, а отделанные посеребренными и позолоченными металлическими украшениями, а также шелком, бархатом, сенелью и другими ценными материалами, относятся к ст. 215.	**беспошлинно.**
0	0	0	**65.** Строительные материалы: 1) глины, в заводском или строительном деле употребляемые (кроме особо поименованных); боксит; тальк в кусках нежженый, с пуда	2 коп.
1 р. 50 к. бк	0	0	2) мел в кусках — неочищенный и нежженый	**беспошлинно.**
$1^1/_2$ коп. и 1 р. 50 к.	0	(3 коп.)	3) гипс в кусках (гипсовый камень), нежженый; известь жирная (негидравлическая); мел и тальк в кусках, жженые; с пуда	3 коп.
0	0	9 коп.	4) гидравлические вяжущие вещества: цементы всяких наименований (портландский, искусственный или естественный, романский, смешанный, шлаковый и всякие иные); гидравлические добавки (в том числе: пуццолан, трас, санторинская земля; зернистый шлак); известь гидравлическая; гипс молотый нежженый, гипс жженый (алебастр); цементные: кирпич, плиты и трубы, с пуда	10 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
0	0	0	66. Камень не в деле и в подготовленном виде: 1) камень дикий для мощения улиц, необсеченный, хотя бы подправленный грубою обтескою; кремень, кварц, полевой шпат и другие особо не поименованные камни, служащие материалом для фабрично-заводских производств,— в кусках, хотя бы обожженные; всякий естественный песок, земля инфузорная	беспошлинно.
—	—	3 коп. и 0	2) камни, служащие материалом для фабрично-заводских производств, — в порошке или мелких кусках однообразной величины; фильтры из угля, с пуда	10 коп.
—	0	3 коп.	3) камни недрагоценные, кроме означенных в п. 1 сей статьи, не в деле, или подправленные только грубою обтескою, без всякой дальнейшей искусственной обделки на поверхностях и ребрах; доски, бруски и круги точильные и полировальные из натурального точильного камня, обделанные или без обделки, с пуда	3 коп.
—	—	3 коп.	4) плиты пиленые или колотые, без дальнейшей обделки, плиты обсеченные прямоугольные или круглые, камни с пиленными необделанными поверхностями, брусья — толщиною свыше 5 вершков: а) из пород, особо не поименованных, с пуда	3 коп.
			б) из мрамора всех сортов, с пуда	10 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.:	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			5) плиты пиленые или колотые, без дальнейшей обделки, плиты обсеченные прямоугольные или круглые, камни с пиленными необделанными поверхностями, бруски толщиною в 5 вершков и менее:	
—	—	—	а) из пород, особо не поименованных, с пуда	6 коп.
—	—	24 коп.	б) из мрамора всех сортов, с пуда	30 коп.
			Примечание к пп. 4 и 5. Плиты из простого серпентина и аспида оплачиваются пошлиною независимо от толщины.	10 коп.
			6) камни: литографский и мельничные (в виде сырого камня или в форме жерновов),	
3 коп.	0	3 коп.	с пуда	3 коп.
			7) слюда:	
28 коп.	0	3 коп.	а) в кусках, с пуда	5 коп.
			б) в листах, с пуда	15 коп.
			67. Камни драгоценные и полудрагоценные, естественные и искусственные, наподобие настоящих, в необделанном виде или граненые; жемчуг настоящий и искусственный, в зернах и на нитках; гранаты; кораллы настоящие и искусственные, не в деле, а также дросверленные, на нитках, в связках и	
6 и 15 коп.	0	3 р. 95 к. и 2 р. 40 к.	с резьбою, с фунта	3 руб.
			Примечание. Поименованные в сей статье материалы, в оправе из драгоценных металлов, пропускаются по соответствующим пунктам ст. 148.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
0 и 6 руб.	0	2 р. 40 к.	68. Гагат (джет), или черная амбра, перламутр, черепаха, янтарь (кроме особо поименованного), пенка морская, кость слоновая и мамонтовая; целлулоид всякого цвета, в необделанных кусках, кольцах или пластинах; эмаль или финифть в кусках и порошке; глазурь всякая; мозанка; искусственные составы для мозаики, с пуда	3 руб.
			69. Асбест:	
—	—	—	1) в кусках и волокнах, с пуда	12 коп.
			2) в порошке, с пуда	60 коп.
			3) в изделиях, с пуда	1 р. 20 к
			70. Камни всякого рода, кроме полудрагоценных и драгоценных, также алебастр и гипс в изделиях:	
			1) скульптурной, резной и шлифовальной работы декоративного свойства, как то: статуи, бюсты, карнатиды, медальоны, орнаменты, каминные наличники, с пуда	1 р. 50 к.
		1 р. 45 к.		
1 р. 20 к. до 5 руб.	45 коп. и 1 р. 10 к.		2) в простых изделиях каменотесной работы, хотя бы шлифованных и полированных, но не имеющих скульптурной резной отделки, как то: ступени, тумбы, колонны, ванны:	
		60 коп.	а) из мрамора, алебастра, серпентина и аспида, с пуда	60 коп.
		24 коп.	б) из прочих особо не поименованных горных пород, с пуда	10 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание. Если украшения из меди и медных сплавов очевидно составляют главную ценность предмета и не могут быть отделены, то с таковых изделий взимается половина пошлины, установленной для изделий из меди и медных сплавов.	
			71. Полировальные вещества; составы для смазывания и склеивания:	
15 коп. и 10 коп.	25 коп.	15 коп.	1) наждак, пемза, графит в кусках; трепел в кусках и порошке, с пуда	8 коп.
30 коп.	25 коп.	30 коп.	2) наждак, пемза, графит молотые, с пуда	30 коп.
			3) полировальные шкурки:	
—	25 коп.	30 коп.	а) наждак, стекло, кремень на бумаге, с пуда	1 р. 20 к.
—	25 коп.	30 коп.	б) те же, на полотне, с пуда	1 р. 80 к.
—	25 коп.	30 коп.	4) наждачные: точильные круги, бруски, доски, напилки; угольные пластинки, угольные свечи для электротехники, с пуда	4 руб.
			5) мази всякие, для смазывания осей, колес, бритвенных ремней и т. п.; всякие особо не поименованные полировальные вещества; составы для чистки металлов, склеивания фарфора, стекла и т. п., приготовленные:	
100 руб.	25 коп.	30 коп.	а) на воске, жире или масле, клее, с пуда	2 руб.
—	25 коп.	30 коп.	б) без примеси воска, жира или масла, клея, с пуда	40 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
50 коп. с тысячи	0	1 коп.	72. Кирпич: 1) кирпич обыкновенный, без поливы, с пуда	1 коп.
	0	3 коп.	2) кирпич огнепостоянный; черепица кровельная (кроме поливной), без скульптурных и живописных украшений; плиты из огнеупорной глины, клинкеры; шамотная масса во всяком виде, с пуда	4 коп.
—	0	3 коп.	73. Трубы глиняные: дренажные, водопроводные и другие, с пуда	6 коп.
4 р. 65 к.	20 коп.	26 коп.	74. Гончарные изделия из простых и огнеупорных глин: 1) посуда и всякие изделия, кроме труб и особо поименованных, без украшений и без живописи, хотя бы с поливою (глазурью); кирпич и черепица поливные; плитки глиняные, назначенные для выстилки полов и стен — одноцветные, с пуда	30 коп.
		26 коп. и 1 р. 30 к.	2) посуда и всякие изделия, кроме труб и особо поименованных с украшениями живописью, скульптурою, позолотою: плитки глиняные, назначенные для выстилки полов и стен — разноцветные, с пуда	75 коп.
—	1 руб.	1 р. 30 к.	3) орнаменты, кариатиды, медальоны, бюсты, статуи и тому подобные предметы для украшения зданий и комнат, разделанные живописью и позолотою или без всякой разделки, с пуда	1 р. 50 к.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
4 р. 65 к.	75 коп.	1 руб.	75. Фаянсовые изделия: 1) белые и одноцветные, в массе крашеные, без укрэшений, хотя бы и с отлитыми узорами, с пуда	1 руб.
	1 руб.	1 р. 30 к.	2) те же, с одноцветными узорами, отводками, краями и каймами; фаянсовые изделия крашеные не в массе, с пуда	1 р. 40 к.
12 руб.	2 р. 50 к.	3 р. 30 к.	3) те же, с живописью, позолотою и разноцветными узорами, с пуда	3 р. 75 к.
Запр.	4 руб.	5 р. 30 к.	76. Фарфоровые изделия: 1) фарфоровые изделия (кроме особо поименованных) белые и одноцветные, хотя бы с цветными или позолоченными краями и ободками, но без других украшений; майолика всякая, хотя бы с лепными украшениями, с пуда	5 р. 30 к.
Запр.	8 руб.	10 р. 55 к.	2) фарфоровая посуда с живописью или с раскрашенными и позолоченными узорами, арабесками, цветами и тому подобными украшениями; вещи из фарфора и бисквита для украшения комнат, белые и одноцветные, но без живописи, без позолоты и без украшений из меди и медных сплавов, с пуда	10 р. 60 к.
			3) фарфоровые и бисквитные вещи для украшения комнат, как то: вазы, статуэтки и тому подобные предметы с живописью, позолотою и украшениями из меди и медных сплавов, фарфоровые (а также фаянсовые) искусственные цве-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			ты и тому подобные имитации растений и поделки из оных, как то: венки, букеты и т. п., хотя бы с частями из других	
Запр.	16 руб.	21 р. 10 к.	материалов, с пуда	21 руб.
			77. Стеклянные изделия: 1) изделия, назначенные для вмещения и хранения жидкостей и других товаров, как то: всяких форм бутылки, склянки, банки: а) из стекла бутылочного цвета (зеленого, оливкового, бурого и тому подобных бутылочных, натуральных, неискусственных окрасок) — неграненые, нешлифованные, без притертых горл или пришлифованных пробок и крышек, без украшений и узоров, хотя бы с отлитыми буквами, гербами	
18 руб.	50 коп.	60 коп.	и надписями, с пуда	60 коп.
			Примечание. Бутылки для вин, привозимые в порты Черного и Азовского морей и к бессарабским таможням, пропускаются	
—	0	0		беспошлинно.
			б) из стекла бутылочного цвета, неграненые, нешлифованные, без украшений и узоров, хотя бы с отлитыми буквами, гербами и надписями — с притертыми горлами или пришлифованными пробками и крышками; из стекла белого, полубелого и цветного (в массе крашеного) — неграненые, нешлифованные, без украшений и узоров, хотя бы с при-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			тертыми горлами, пришлифованными пробками и крышками, отлитыми буквами, гербами и надписями, с пуда	
18 руб.	1 р. 10 к.	1 р. 45 к.		1 р. 50 к.
			2) изделия, кроме особо поименованных, из белого и полулубелого стекла и из хрусталя, нешлифованные, неполированные, неграненые, хотя бы с отшлифованными или подправленными днами, краями, горлами, пробками и крышками и с отлитыми или прессованными (тиснеными) гербами и узорами, но без других украшений:	
18 руб.	1 р. 10 к.	1 р. 45 к.	а) прессованные (тисненые) или литые, с пуда	2 руб.
			б) дутые (гладкие), с пуда	4 руб.
50 руб.	4 руб.	4 р. 85 к.	3) изделия из белого, некрашеного стекла и хрусталя, шлифованные, полированные, граненые, но без украшений, с пуда	6 руб.
			4) изделия, кроме особо поименованных, из стекла: цветного, в массе крашеного, двухцветного (с цветным наплавом), матового (затертого песком), молочного, морщинэватого, бутылочного, кракле, эйсгляса:	
			а) нешлифованные, неполированные, неграненые, хотя бы с отшлифованными или подправленными днами, краями, пробками и крышками и с отлитыми или прессованными (тиснеными) гербами и узорами, но без других украшений, с пуда	
18 руб.	2 руб.	2 р. 40 к.		6 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
50 руб.	8 руб.	9 р. 70 к.	б) шлифованные, полированные и граненые, с пуда	10 руб.
18 руб.	8 руб.	9 р. 70 к.	5) изделия из всякого стекла с декоративною разделкою, как то: с вытравленными или рисованными узорами, живописью, эмалью, позолотою, посеребрением, украшениями из меди и медных сплавов; стеклянная вата, стеклянные ткани и изделия из оных, с пуда	10 руб.
18 руб.	1 р. 10 к.	1 р. 45 к.	6) листовое стекло нелитое, неполированное: а) белое, полубелое или зеленое, не окрашенное искусственно, без украшений, мерою поверхности до 480 кв. вершков включительно, с пуда	1 р. 50 к.
18 руб.	1 р. 10 к.	2 р. 45 к.	б) то же, мерою поверхности свыше 480 кв. вершков, листовое стекло всякой меры: цветное, в массе крашеное, матовое, молочное, негладкое, рифленое, волнистое, выпуклое, без украшений, с пуда	3 руб.
			в) листовое стекло с декоративною разделкою, с пуда	10 руб.
			Примечание 1. Шлифованные и нешлифованные стеклянные пластинки фотографические, хотя бы крытые составами для негативов, пропускаются по п. 6 лит. *б* сей статьи.	
			Примечание 2. Бой стеклянный (битое стекло не толченое) пропускается	беспошлинно.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			78. Зеркальные стекла и зеркала:	
			1) зеркальные стекла обработанные: матованные, шлифованные и полированные; листовое стекло нелитое, полированное, величиною: до 50 кв. вершков включительно, с фунта	10 коп.
	6 коп.	6 коп.	свыше 50 до 100 кв. вершков включительно, с квадратного вершка	1 коп.
	—	—	свыше 100 до 200 кв. вершков включительно, с квадратного вершка	1¼ коп.
	¾ коп.	¾ коп.	свыше 200 до 300 кв. вершков включительно, с квадратного вершка	1½ коп.
	1 коп.	1 коп.	свыше 300 до 400 кв. вершков включительно, с квадратного вершка	1¾ коп.
Запр.	1½ коп.	1½ коп.	свыше 400 до 500 кв. вершков включительно, с квадратного вершка	2 коп.
	2 коп.	2 коп.	свыше 500 до 600 кв. вершков включительно, с квадратного вершка	2¼ коп.
	2¼ коп.	2¼ коп.	свыше 600 до 800 кв. вершков включительно, с квадратного вершка	2½ коп.
	2½ коп.	2½ коп.	свыше 800 кв. вершков оплачиваются, сверх 2½ коп. с квадратного вершка, добавочною пошлиною в ¼ коп. зол. с квадратного вершка на каждые 200 кв. вершков до 2400 кв. вершков включительно	¼ коп.
	Свыше 1200 кв. вершков 30 руб. со штуки	Дополнительно по ¼ коп. на каждые 200 кв. вершков	свыше 2400 кв. вершков оплачиваются 4½ коп. зол. с квадратного вершка	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
—	1 р 40 к.	1 р. 45 к. с пуда	2) зеркальные стекла, не обработанные после литья, т. е. нематованные, нешлифованные и неполированные, оплачиваются пошлиною согласно правилам, установленным для зеркальных стекол в п. 1, со скидкою 40% с исчисленной суммы пошлины	
Запр.	30%	30%	3) стекла, в п. 1 сей статьи поименованные, с подводкою, оплачиваются пошлиною согласно правилам, установленным в п. 1, с надбавкою 30% к исчисленной сумме пошлин	
			Примечание. С разбившихся в пути зеркал и зеркальных стекол взимается пошлина отдельно с каждого обломка величиною свыше 25 кв. вершков, исчисляя меру по величине наибольшего прямоугольника, который можно вырезать из обломка. Обломки же величиною не более 25 кв. вершков пропускаются	беспошлинно.
			79. Уголь каменный, торфяной и древесный, кокс и торф:	
			1) уголь каменный, торфяной и древесный, торф:	
		3 коп.	а) привозимые к портам Черного и Азовского морей, с пуда	3 коп.
		2 коп.	б) по западной сухопутной границе, с пуда	2 коп.
0	0	1 коп.	в) к портам Балтийского моря, с пуда	1 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
0	0	4½ коп.	2) кокс: а) привозимый к портам Черного и Азовского морей, с пуда	4½ коп.
		3 коп.	б) по западной сухопутной границе, с пуда	3 коп.
		1½ коп.	в) к портам Балтийского моря, с пуда	1½ коп.
		0	*Примечание* 1. Уголь, кокс и торф, привозимые к портам Белого моря, пропускаются	беспошлинно.
			Примечание 2. Определенные в сей статье пошлины на каменный уголь и кокс, привозимые к портам Балтийского моря и по западной сухопутной границе, не подлежат возвышению до 1 января 1898 г.	
			Примечание 3. Пошлины по п. 1, лит. а и п. 2, лит. а взимаются до 1 июля 1892 г. с надбавкою 40%.	
35 коп. бк	0	6 коп.	80. Деготь и смола всякие, кроме особо поименованных, с пуда брутто	6 коп.
—	—	6 коп. и 2 р. 40 к.	81. Антрацен, нафталин, фенол (карболовая кислота), бензол — сырые (неочищенные), с пуда брутто	20 коп.
90 коп. и 3 руб.	10 коп.	13 коп.	82. Гарпиус, или канифоль, галлипот, смола для пивоваров, с пуда	40 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
0	0	13 коп.	83. Асфальт и гудрон: 1) асфальтовый камень (руда), неизмельченный, с пуда 2) то же, измельченный, с пуда 3) гудрон, асфальтовая мастика, всякие плавкие асфальты, с пуда	10 коп. 15 коп. 20 коп.
35 коп. бк	15 коп.	20 коп.	84. Нефть сырая черная и неочищенная всякая, с пуда	20 коп.
Запр.	55 коп.	70 коп. и 1 руб.	85. Жидкие продукты перегонки нефти (керосин, фотоген; масла: соляровое, парафиновое, смазочное; нефтяной эфир, газолин, лигроин, бензин и т. п.), с пуда	1 руб.
2 руб. и 8 руб.	30 коп.	40 коп.	86. Скипидар или скипидарное масло и терпентин всякие, с пуда	60 коп.
От 35 коп. до 1 р. 80 к.	30 коп.	33 коп.	87. Гумми, камеди, камедистые смолы и бальзамы: 1) всякие, кроме особо поименованных; каучук и гуттаперча в сыром виде; сплавленный янтарь не в деле, с пуда	40 коп.
95 коп.	1 руб.	1 р. 30 к.	2) ладан простой, камфора, манна, assa foetida, белковина всякая, с пуда	1 р. 30 к.
6 руб.	4 руб.	5 р. 30 к.	3) амбра серая; бальзамы толуанский и перуанский; ладан росный; благовонные смолы, в парфюмерном деле употребляемые, с пуда	5 р. 30 к.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			88. Гумми-эластик, или каучук и гуттаперча в подготовленном виде и в изделиях:	
			1) резина сырая мягкая: в листах, плитках, нитках и в растворе (резиновый клей); резина роговая: в листах, плитках и палочках неотделанных; гумма-эластиковые, или каучуковые и гуттаперчевые изделия без примеси других материалов, с фунта	**10 коп.**
5 р. 45 к.	3 р. 30 к. с пуда	$9^1/_8$ коп.		
			2) изделия из мягкой и роговой резины всякие (кроме особо поименованных), в соединении с другими материалами; резиновая клеенка, с фунта	**17 коп.**
	6 руб. пуд	$16^1/_2$ коп.		
			3) обувь из каучука и гуттаперчи в соединении с тканями, кожею, пряжками и т. п. и без оных, с фунта	**28 коп.**
Запр.	10 руб. пуд	$27^1/_2$ коп.		
			4) проклеенные резиною ткани для кардо-лент:	
—	—	—	а) с войлоком, с фунта	**10 коп.**
—	—	—	б) без войлока, с фунта	**20 коп.**
			Примечание 1. Эластичные ткани, ленты и тесьмы, содержащие резиновые нитки, а равно ткани неэластичные, т. е. прорезиненные или склеенные резиною, кроме поименованных в п. 4 сей статьи, очищаются по материалу ткани.	
			Примечание 2. Платья сшитые или склеенные из тканей, покрытых резиной с одной или двух сторон, прорезиненных или из тканей,	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			склеенных из двух слоев, а равно готовые подтяжки, подвязки и тому подобные изделия из эластичных лент очищаются по ст. 209.	
—	0	0	89. Стассфуртские соли (абраумзальц), в природном виде	беспошлинно.
—	5 коп.	6 коп.	90. Соли естественные всякие, особо не поименованные, неочищенные; рассолы (крейцнахский и др.), в том числе сельдяной; минеральные грязи, привозимые в бочках, ящиках, жестянках и тому подобных больших помещениях, с пуда	10 коп..
			91. Сера:	
			1) в сыром виде, неочищенная комовая:	
			а) привозимая к портам Балтийского моря, Архангельской губернии и по западной сухопутной границе, с пуда	2 коп.
60 коп.	0	0	б) привозимая к портам Черного и Азовского морей, с пуда	5 коп.
2 руб.	0	12 коп.	2) очищенная; серный цвет, с пуда	20 коп..
			92. Сурьма, или антимоний:	
20 коп.	22 коп.	22 коп.	1) в сыром виде, с пуда	20 коп..
			2) в металлическом виде, с пуда	30 коп.
			93. Бура; борные препараты:	
			1) бура сырая, неочищенная (боракс, борнокислый натр, тинкал), боронатрокальцит, борная кислота сырая (неочищенная), с пуда	8 коп.
1 р. 50 к. 3 руб.	10 коп.	11 коп.	2) бура очищенная, с пуда	1 р. 20 к..

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
—	10 коп.	15 коп.	94. Магнезит: 1) природный, в кусках, с пуда	4 коп.
			2) тот же молотый, с пуда	10 коп.
40 коп. и 1 р. 20 к.	20 коп.	26 коп.	95. Винный камень (кремортартар) сырой (неочищенный), виннокислая известь сырая (неочищенная), с пуда	60 коп.
75 коп.	50 коп.	55 коп.	96. Тяжелый шпат, витерит: 1) тяжелый шпат и витерит природные, в кусках, с пуда	4 коп.
			2) те же, молотые, с пуда	60 коп.
			3) барит: сернокислый (blanc fixe) и углекислый — искусственно приготовленные, с пуда	1 руб.
—	—	—	97. Стронцианит (углекислый стронциан) и целистин (сернокислый стронциан), природные, в кусках и порошке, с пуда	4 коп.
1 р. 20 к. до 2 р. 85 к.	20 коп.	1 р. 20 к.	98. Аммиачные препараты: 1) нашатырь (хлористый аммоний); аммиак: углекислый и азотнокислый; аммиак жидкий (нашатырный спирт), с пуда	1 р. 35 к.
		50 коп.	2) аммиак сернокислый, с пуда	55 коп.
1 р. 20 к.	50 коп.	55 коп.	99. Мышьяк в металлическом виде, белый (мышьяковистая кислота), красный и желтый, с пуда	55 коп.
10 руб. и 3 руб.	2 руб.	2 р. 65 к.	100. Синь-кали и хромовые соли: 1) синь-кали желтое; соли хромовой кислоты, растворимые в воде (хромпик, хромкали, хром-натр), с пуда	2 р. 65 к.
			2) синь-кали красное, с пуда	4 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			101. Квасцы алюминиевые и сернокислый глинозем:	
1 руб. бк	20 коп.	25 коп.	1) квасцы кристаллические, с пуда	30 коп.
		30 коп.	2) квасцы перекаленные и всякие в порошке; сернокислый глинозем, с пуда	35 коп.
—	—	1 р. 20 к.	102. Окиси (водные и безводные): бария (едкий барит), стронция (едкий стронциан) и алюминия (гидрат глинозема), с пуда	1 р. 20 к.
3 р. 50 к. неочищ.	5 коп. неочищ.	6 коп.	103. Селитра: 1) чилийская (азотнокислый натр), с пуда	6 коп.
1 р. 80 к.	2 руб.	50 коп.	2) обыкновенная (азотнокислое кали), с пуда	65 коп.
—	0 и 10 к.	0 и 15 к.	104. Хлористый магний, сернокислая магнезия (горькая соль), хлористый калий, сернокислое кали, хлористый кальций в неочищенном виде, с пуда	15 коп.
30 коп. и 1 р. 50 к.	10 коп. и 20 коп.	40 коп.	105. Натр и кали: 1) сода (натр углекислый) и поташ (кали углекислое), с пуда	55 коп.
2 р. 50 к.	20 коп.	30 коп.	2) натр двууглекислый, кали двууглекислое, с пуда	90 коп.
—	30 коп.	60 коп.	3) натр едкий (сода каустическая), кали едкое: а) неочищенные, с пуда	90 коп.
			б) очищенные, » »	4 руб.
Запр.	10 коп.	15 коп.	4) натр сернокислый средний (глауберова соль), с пуда	20 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			5) натр сернокислый кислый, натр сернистокислый (средний и кислый), натр серноватистокислый; сернистый натрий;	
—	—	2 р. 40 к.	натр и кали кремнекислые	
—	20 коп.	и 30 коп.	(растворимое стекло), с пуда	55 коп.
			106. Уксусный порошок (древесноуксуснокислая известь, неочищенная), с пуда	
—	—	15 коп.		75 коп.
			107. Хлорная известь, белильный щелок, с пуда	
2 руб.	40 коп.	44 коп.		70 коп.
			108. Кислоты и сернистый углерод:	
			1) серная кислота:	
			а) камерная и купоросное	
		22 коп.	масло, с пуда	22 коп.
2 р. 90 к.	20 коп.		б) дымящаяся, серный ангидрид, с пуда	
		60 коп.		1 руб.
—	20 коп.	22 коп.	2) сернистый углерод, с пуда	1 руб.
2 р. 85 к.	40 коп.	44 коп.	3) азотная и соляная, с пуда	44 коп.
—	2 р. 20 к.	4 руб.	4) уксусная, с пуда	4 руб.
—	2 р. 20 к.	4 руб.	5) виннокаменная, с пуда	5 руб.
			6) бензойная, дубильная (таннин), лимонная, орешковая (галловая), пирогалловая, салициловая, фосфорная, хромовая, с пуда	
—	1 р. 10 к.	4 руб.		6 руб.
			109. Купоросы:	
			1) железный или зеленый,	
2 р. 30 к.	20 коп.	22 коп.	с пуда	22 коп.
			2) медный, кроме безводного, зальцбургский (смесь сернокислых солей железа и меди), цинковый или белый,	
1 р. 15 к.	40 коп.	1 руб.	хлористый цинк, с пуда	1 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание. Безводный (прокаленный) медный купорос пропускается по ст. 112 (химические и фармацевтические продукты, особо не поименованные).	
—	1 р. 10 к.	2 р. 40 к. и 5 руб.	110. Ляпис и другие соли серебра; соли золота (в том числе кассиев, или золотой, пурпур), платины и платиновых металлов, с пуда	8 руб.
—	1 р. 10 к.	2 р. 40 к.	111. Антрахинон, рвотный камень, с пуда	4 руб.
—	1 р. 10 к.	2 р. 40 к. нетто	112. Химические и фармацевтические продукты, особо не поименованные, с пуда брутто	2 р. 40 к.
—	—	—	*Примечание.* По ст. 112 пропускаются жидкая углекислота и другие сжиженные газы в металлических бутылях, причем из общего веса 80% оплачиваются по материалу бутылей.	
—	3 руб.	20 руб.	113. Составные лекарства в готовом виде, к привозу по особым спискам дозволенные, с пуда брутто	20 руб.
			Примечание. Списки сии составляются Медицинским советом Министерства внутренних дел, по соглашению с Министерством финансов.	
—	10 руб.	11 руб.	114. Фосфор (обыкновенный и красный), с пуда брутто	11 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			115. Эфир (серный), коллодиум; эфиры: для приготовления конфет (фруктовые эссенции) и употребляемые в медицине, хотя бы с примесью спирта: иодоформ, хлорал,	
Запр.	4 р. 40 к.	2 р. 40 к. и 6 руб.	хлороформ, с пуда	10 руб.
0	10 руб.	13 р. 20 к.	**116.** Опий и лактукарий, с пуда	15 руб.
			117. Масла растительные и глицерин неочищенный:	
Льняное запр.			1) жирные (оливковое, деревянное, лавровое, хлопчатниковое и т. п.), кроме особо поименованных; олифа, или	
1 р. 85 к.	1 р. 80 к.	2 р. 20 к.	вареное масло, с пуда	2 р. 20 к.
2 р. 35 к. и 4 руб.			2) клещевинное (рициновое), ализариновое, с пуда	2 р. 40 к.
—	50 коп.	65 коп.	3) кокосовое и пальмовое, с пуда	1 руб.
2 р. 70 к. с фунта	12 руб.	15 р. 85 к.	4) эфирные и благовонные без примеси спирта, с пуда	16 руб.
—	—	65 коп.	5) глицерин неочищенный, с пуда	1 руб.
			118. Ароматические воды без примеси алкоголя, как то: лавровишневая, перечной мяты, померанцевых цветов, розовая и т. п., с пуда	
От 20 руб. бт до 15 коп. с фунта	4 руб.	5 р. 30 к.		5 р. 30 к.
			119. Косметики: 1) душистые воды спиртовые (колонская и другие), туалетный уксус, белила, румяна, составы для крашения волос, курительные свечи, всякие особо не поименованные косметические товары, совокупно с весом склянок, сосудов, коробок	
От 280 руб. до 50 руб.	12 руб. и 10 руб.	13 р. 20 к и 15 р. 85 к.	или другой упаковки, с пуда	16 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
От 280 руб. до 50 руб.	30 руб.	15 р. 85 к. и 39 р. 60 к.	2) духи, кроме душистых вод, поименованных в п. 1 сей статьи, а также помада, с пуда брутто	35 руб.
			120. Мыло:	
15 руб.	5 р. 50 к.	7 р. 20 к.	1) косметическое, в жидком и твердом виде и в порошке, с пуда брутто	7 р. 20 к.
5 руб.	1 руб.	1 р. 80 к.	2) всякое, кроме косметического, с пуда	1 р. 80 к.
12 руб.	6 р. 60 к.	10 р. 20 к.	121. Лаки спиртовые и скипидарные; растворы смол в масле (масляные лаки), с пуда	10 руб.
10 руб.	2 руб.	2 р. 65 к.	122. Сургуч, сургучная смола, с пуда	2 р. 65 к.
48 руб. и 28 руб.	1 р. 65 к.	2 р. 20 к.	123. Спички химические зажигательные, всякого рода, с пуда	2 р. 20 к.
			124. Дубильные вещества:	
0	0	6 коп.	1) кора дубильная и всякие естественные дубильные вещества, не измельченные в порошок, с пуда брутто	5 коп.
0	0	6 коп.	2) те же, измельченные в порошок, кроме сумаха, пропускаемого во всяком виде по п. 1 сей статьи, с пуда	15 коп.
—	—	—	3) дубильные экстракты: каштановый, гемлоковый, квебраховый, дубовый, сосновый, еловый, во всяком виде, с пуда	30 коп.
			125. Самородные красильные вещества:	
			1) растительные, кроме особо поименованных:	
От 15 коп. до 1 р. 20 к.	5 коп.	6 коп.	а) неизмельченные; кверцитрон во всяком виде, деревья красильные в поленьях и чурках, с пуда	6 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
60 коп.	5 коп.	30 коп.	б) измельченные в порошок; деревья красильные тертые и крошеные, с пуда	30 коп.
От 10 коп. до 20 коп.	5 коп.	6 коп.	2) минеральные: а) самородные красильные глины всякие; земли: кассельская, сиенская, веронская; болюс, умбра, охра, кровавик, мумия (черлень) в сыром виде, не подвергшиеся обработке, с пуда брутто	10 коп.
—	—	30 коп.	б) те же красильные вещества, отмученные, жженые или в измельченном виде; красная краска, состоящая преимущественно из окиси железа (caput mortuum), с пуда брутто	35 коп.
			в) мел плавленный или отмученный; мел и тальк молотые, с пуда брутто	15 коп.
1 р. 30 к.	25 коп.	30 коп.	126. Орсель (кудбир), орлеан (биксин), кашу (катеху); шитгельб, с пуда	30 коп.
1 руб. и 32 руб.	50 коп.	55 коп.	127. Крап, или марена, толченая, с пуда	55 коп.
5 р. 80 к.	3 руб.	3 р. 30 к.	128. Индиго естественное и искусственное во всяком виде (кроме индигового экстракта и индиготина), с пуда	3 р. 30 к.
13 р. 50 к.	2 р. 60 к.	3 руб.	129. Кошениль во всяком виде (кроме кошенильного кармина, пропускаемого по ст. 135), кермесные зерна, с пуда	3 руб.
От 10 руб. до 300 руб.	2 руб.	2 р. 65 к.	130. Берлинская лазурь и парижская синь, ультрамарин (природный, искусственный и зеленый), синька всякая, с пуда	4 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
1 р. 50 к.	50 коп.	55 коп.	131. Белила свинцовые и цинковые, с пуда	60 коп.
1 р 80 к.	25 коп.	30 коп.	132. Сурик свинцовый, с пуда	40 коп.
6 руб.	2 р. 50 к. и 2 руб.	3 р. 20 к. и 2 р. 20 к.	133. Краски медные (в том числе ярь-медянка), и медно-мышьяковистые, с пуда	4 руб.
От 2 р. 35 к. до 116 руб.	1 р. 50 к.	2 р. 50 к.	134. Красильные и дубильные препараты: 1) всякие красильные и дубильные экстракты, кроме особо поименованных; краповые препараты (кроме поименованных в ст. 135), с пуда	2 р. 50 к.
	2 р. 50 к.	5 руб.	2) экстракты: сафлорный, (картамин) и орселевый — во всяком виде; индиговый (индиго-кармин) — в тесте и жидкий; гематеин сухой, с пуда	5 руб.
—	4 р. 40 к.	15 руб.	135. Красящие вещества (пигменты), приготовленные из продуктов перегонки газовой смолы, ализарин; крап-экстракт, краповый или ализариновый лак; кошенильный кармин, карминный лак; индиготин (индиговый экстракт в сухом виде), с пуда	17 руб.
20 руб.	4 р. 40 к.	5 руб.	136. Краски миниатюрные в плитках, порошках, на раковинах и в пузырях; тушь китайская, с пуда	5 руб.
			Примечание. Миниатюрные краски, привозимые в ящиках, специально для них приспособленных и переходящих вместе с красками к покупателям, оплачиваются пошлиною по ст. 217, совокупно с весом ящиков.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			137. Краски хромовые и сурьмяные (в том числе сульфаурат) и кобальтовые (в том числе шмальта); киноварь; чернила жидкие и сухие в порошке; вакса; лакмус (турнесоль); всякие краски и красильные вещества, особо не поименованные, тертые, сухие и в тесте, на воде и на масле приготовленные, с пуда	
От 1 руб. до 28 руб.	1 р. 10 к. и 2 руб.	2 р. 40 к. 2 р. 20 к. и 30 коп.		3 руб.
			138. Руды металлические и минеральные всякие, кроме графита, с пуда	
0 и 6 коп.	0	7 коп.		7 коп.
			Примечание 1. Серный колчедан (железный) пропускается с пошлиной, с пуда	1 коп.
			Серный колчедан, содержащий свыше 2% меди, оплачивается, сверх 1 коп. зол. с пуда, по $2^1/_2$ коп. зол. за каждый процент чистой меди, свыше 2%, в пуде его содержащейся.	
—	—	0		
			Примечание 2. Медные руды, а равно медный обгар и медные шлаки оплачиваются по $2^1/_2$ коп. зол. за каждый процент чистой меди, в пуде их содержащейся.	
0	0	Пуд 2 р. 50 к.		
			139. Чугун в штыках (свинках), лому и стружках:	
			1) всякий, кроме особо поименованного:	
(Запр.) 1 р. 32 к.	5 коп.	25 коп.	а) привозимый морем, с пуда	30 коп.
		30 коп.	б) по западной сухопутной границе, с пуда	35 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
—	—	25 коп. и 30 коп.	2) марганцовый (ферроманган), кремнистый, хромистый, с пуда	50 коп.
			Примечание. Установленные по сей статье пошлины не подлежат уменьшению до 1 января 1898 г.	
			140. Железо:	
Сухоп. 1 р. 38 к. (запр.)	35 коп.	50 коп.	1) полосовое и сортовое всякое, кроме нижепоименованного, железо в крицах, пудлинговых кусках или болванках, в лому, мильбарс, железо в порошке, с пуда	60 коп.
(Запр.)	20 коп.	50 коп.	2) железные рельсы, хотя бы с проделанными отверстиями и шпунтами, с пуда	60 коп.
3 р. 60 к.	50 коп.	70 коп.	3) листовое всякое, включительно до № 25 по бирмингамскому калибру; в плитах, шириною свыше 18 дюймов; железо сортовое всякое, при ширине или высоте более 18 дюймов, равно как при толщине или диаметре 7 дюймов и свыше; железо фасонное (тавровое, двухтавровое, бимсовое, зетовое и тому подобных сложных профилей, кроме углового, пропускаемого по п. 1 сей статьи); железо тонкосортное, при ширине или диаметре свыше 1/4 дюйма до 1/2 дюйма включительно, с пуда	85 коп.
			4) листовое, свыше № 25 по бирмингамскому калибру, с пуда	1 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание. Железо, шириною или диаметром в 1/4 дюйма и менее оплачивается пошлиною по ст. 155, п. 1.	
4 р. 50 к.	1 р. 25 к.	1 р. 55 к.	141. Жесть (луженое листовое железо), хотя бы лакированная, печатаиная узорами и покрытая муаре; листовое железо раскрашенное, покрытое лаком, цинком, медью, никелем и другими простыми металлами, с пуда	1 р. 70 к.
25 коп.	80 коп.	50 коп.	142. Сталь: 1) полосовая и сортовая всякая, кроме нижепоименованной; сталь в болванках, сталь в лому, с пуда	60 коп.
25 коп.	80 коп.	50 коп.	2) стальные рельсы, хотя бы с проделанными отверстиями и шпунтами, с пуда	60 коп.
25 коп.	80 коп.	70 коп.	3) листовая всякая, включительно до № 25 по бирмингамскому калибру; в плитах, шириною свыше 18 дюймов; сталь сортовая всякая, при ширине или высоте более 18 дюймов, равно как при толщине или диаметре в 7 дюймов и свыше; сталь фасонная (тавровая, двухтавровая, бимсовая, зетовая и тому подобных сложных профилей, кроме угловой, пропускаемой по п. 1 сей статьи); сталь тонкосортная, при ширине или диаметре свыше 1/4 дюйма до 1/2 дюйма включительно, с пуда	85 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
25 коп.	80 коп.	70 коп.	4) листовая, свыше № 25 по бирмингамскому калибру, с пуда	1 руб.
			Примечание. Сталь шириною или диаметром в 1/4 дюйма и менее оплачивается пошлиною по ст. 155, п. 1.	
Томпак, нейзильбер и т. п. запр.			143. Медь, алюминий, никель, кобальт, висмут, кадмий и другие особо не поименованные металлы; медь зеленая, томпак, аржантин (нейзильбер, новое серебро), британский металл и всякие другие сплавы из недрагоценных металлов, кроме особо поименованных:	
58 коп.	60 коп.	2 р. 50 к.	1) в штыках, слитках, стружках, опилках и лому, а также медь в порошке и полупродуктах, с пуда	2 р. 50 к.
58 коп.	60 коп.	3 р. 10 к.	2) в полосах, прутьях и листах, хотя бы шлифованных и полированных, с пуда	3 р. 10 к.
			Примечание. Медь и сплавы из нее, а также другие упомянутые в сей статье металлы и их сплавы, прокатанные и волоченые, шириною или диаметром 1/2 дюйма и менее, оплачиваются пошлиною по ст. 155, п. 2.	
60 коп.	20 коп.	45 коп.	144. Олово: 1) в свинках, прутьях и лому, с пуда	45 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
1 р. 80 к.	20 коп.	85 коп.	2) в листах, хотя бы шлифованных и полированных; подводка зеркальная, свинцовые листы, покрытые оловом, с пуда	1 руб.
			Примечание. Оловянные и свинцовые, покрытые оловом листы, окрашенные или покрытые цветным лаком, оплачиваются [пошлиной] по п. 2 настоящей статьи с надбавкою 50%.	
2 р. 80 к.	1 р. 10 к.	2 р. 40 к.	145. Ртуть, с пуда	2 р. 40 к.
			146. Свинец:	
10 коп.	5 коп.	10 коп.	1) в свинках и лому; глет, зильберглет, свинцовая зола, с пуда	10 коп.
10 коп.	5 коп.	20 коп.	2) в рулях, листах, проволоке и трубах, с пуда	30 коп.
—	—	20 коп.	3) гартблей, или типографский металл (сплав свинца с сурьмою), не в деле, с пуда	20 коп.
			147. Цинк:	
1 р. 20 к.	30 коп.	45 коп.	1) в свинках и лому, с пуда	50 коп.
1 р. 80 к.	60 коп.	85 коп.	2) в листах, хотя бы шлифованных и полированных, с пуда	1 руб.
			Примечание. С листов, покрытых никелем или другими простыми металлами, взимается 30% сверх пошлины, установленной в п. 2 сей статьи.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			148. Изделия золотые, серебряные и платиновые:	
175 руб.	33 руб.	43 р. 55 к.	1) золото в изделиях всякого рода, золотая ювелирная работа без камней, а также со всякого рода как настоящими, так и поддельными камнями, жемчугом и т. п., с фунта	44 руб.
8 р. 75 к.	2 р. 20 к.	2 р. 90 к.	2) серебро в изделиях всякого рода, хотя бы и позолоченное; серебряная ювелирная работа, с позолотою или без оной и со всякого рода как настоящими, так и поддельными камнями, жемчугом и т. п., с фунта	4 руб.
			Примѣчание. Золото и серебро в слитках и прокатанные в листы и полосы пропускаются	**беспошлинно.**
Запр.	16 р. 50 к.	20 руб.	3) платина в изделиях всякого рода; платина в проволоке, листах и полосах, с фунта	20 руб.
Запр.	5 р. 50 к.	7 р. 20 к.	4) позументная и вышивная (золотошвейная) работа золотая, серебряная и мишурная; золото и серебро волоченые и пряденые; тканые и плетеные ленты золотые, серебряные и мишурные, с фунта	7 р. 20 к.
1 руб. и 2 р. 50 к.	1 р. 10 к.	1 р. 45 к.	5) золото и серебро листовое в книжках, совокупно с весом книжек, с фунта	3 руб.
Запр.	—	—	6) мишура волоченая и пряденая, бить, блестки и тому подобные украшения, с фунта	2 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
6 р. 90 к.	3 руб.	4 р. 75 к.	149. Изделия из меди и медных сплавов и других указанных в ст. 143 недрагоценных металлов и их сплавов: 1) изделия без рельефных или гравированных украшений и изделия штампованные, хотя бы с присоединением дерева, железа, жести, кожи и других простых материалов, с пуда	4 р. 80 к.
16 руб.	12 руб.	15 р. 85 к.	2) изделия с рельефными или гравированными украшениями (кроме штампованных) как отделанные, так и неотделанные, крытые или не крытые платиною, в цельном или разобранном виде, с пуда	16 руб.
Запр.	20 руб.	С пуда 26 р. 40 к.	3) поименованные в пп. 1 и 2 сей статьи изделия, позолоченные и посеребренные; всякие изделия из недрагоценных металлов, позолоченные и посеребренные: а) при весе их в 1 фунт и более в штуке, с фунта	65 коп.
Запр.	40 руб.	С пуда 52 р. 80 к.	б) при весе их менее 1 фунта в штуке, с фунта	1 р. 30 к.
Морем запр.	50 коп.	70 коп.	150. Чугун в деле: 1) чугунные отливки без всякой обделки, с пуда	75 коп.
1 р. 38 к.	80 коп.	95 коп.	2) чугунная эмалированная посуда, с пуда	1 руб.
			3) чугунные изделия обделанные, обточенные, полированные, шлифованные, окрашенные, бронзированные, луженые, покрытые лаком, эмалью	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
—	2 р. 50 к.	1 р. 40 к.	(кроме посуды), цинком или другими простыми металлами, хотя бы с частями дерева, меди и ее сплавов, с пуда	1 р. 70 к.
			Примечание. По п. 3 этой статьи очищаются пошлиною всякие необделанные изделия из ковкого чугуна, а также обделанные при весе их более 5 фунтов в штуке; обделанные изделия из ковкого чугуна, весом в 5 и менее фунтов в штуке, подлежат оплате пошлиною по п. 2 ст. 153.	
3 р. 60 к.	1 руб.	1 р. 20 к.	**151.** Железные и стальные изделия, кованые, штампованные, литые — без опиловки или с опиловкою по краям и ребрам, но без иной обделки, кроме особо поименованных; гвозди кованые, с пуда	1 р. 70 к.
—	1 руб.	1 р. 40 к.	**152.** Железные и стальные изделия котельной работы, как то: котлы, резервуары, баки, ящики, мосты, трубы, а также всякие изделия из листового железа и листовой стали, кроме особо поименованных, с пуда	1 р. 70 к.
			153. Железные и стальные изделия, кроме особо поименованных, обделанные, обточенные, полированные, шлифованные, бронзированные или иным образом обработанные, с ча-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			стями дерева, меди и ее сплавов или без оных, весом в штуке:	
		1 р. 40 к.	1) более 5 фунтов, с пуда	1 р. 70 к.
	2 р. 50 к.	2 р. 40 к.	2) в 5 фунтов и менее, с пуда	2 р. 70 к.
3 р. 60 к.	и 4 р. 50 к.		3) замки висячие и внутренние, кроме медных, а равно шурупы (винты для дерева),	
		4 руб.	с пуда	4 руб.
			154. Жестяные изделия:	
			1) всякие, а также изделия из листового железа: крытые лаком, эмалью, цинком и другими простыми металлами или отделанные окраской, кроме подходящих под п. 2 сей	
8 руб.	2 р. 50 к.	3 руб.	статьи, с пуда	3 руб.
			2) те же изделия с позолотою, живописью или другими	
24 руб.	5 руб.	6 руб.	украшениями, с пуда	6 руб.
			155. Проволока:	
			1) железная и стальная:	
			а) при ширине или диаметре от 1/4 дюйма до № 25 включительно по бирмингамскому калибру, с пуда	1 руб.
1 р. 80 к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	б) свыше № 25 до № 29 включительно, с пуда	1 р. 50 к.
			в) тоньше № 29, с пуда	2 руб.
			2) медная, из медных сплавов и из всяких сплавов недрагоценных металлов:	
			а) при ширине или диаметре от 1/2 дюйма до № 25 включительно по бирмингамскому калибру, телеграфные кабели	
9 р. и 3 р.	1 р. 50 к.	4 руб.	всякие, с пуда	4 руб.
			б) свыше № 25 до № 29 включительно, с пуда	5 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
9 р. и 3 р.	1 р. 50 к.	4 руб.	в) тоньше № 29, с пуда	6 руб.
			Примечание. Всякая проволока луженая, крытая цинком или другими простыми металлами, оплачивается пошлиною по соответствующим пунктам сей статьи с надбавкою 50%.	
			156. Проволочные изделия: 1) железные и стальные: а) всякие, кроме особо поименованных, с пуда	3 р. 20 к.
Запр.	3 руб.	2 р. 75 к.	б) кардо-ленты и карды всякие, с пуда	4 р. 40 к.
			2) медные и из медных сплавов: а) всякие, кроме особо поименованных, с пуда	6 руб.
10 руб.	3 руб.	5 р. 50 к.	б) проволочные ткани, в которых на длину 1 дюйма приходится 24 и более нитей; проволока, обтянутая волокнистыми материалами или гуттаперчей; с пуда	9 руб.
			Примечание. При обмотке проволоки шелком, хотя бы и в смеси с другими волокнистыми материалами, взимается 20% сверх пошлины, установленной в п. 2, лит. б настоящей статьи.	
—	1 р. 50 к.	2 р. 75 к.	3) гвозди проволочные, резные, подковные, гвозди из ковкого чугуна, заклепки, шплинты и колки для фортепиан, с пуда	2 р. 70 к.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			157. Иглы стальные и железные:	
3 р. 60 к.	50 коп.	65 коп.	1) швейные и всякие, кроме нижепоименованных, с фунта	65 коп.
95 коп.	25 коп.	36 коп.	2) вязальные, наковальные, шнуровальные, седельничьи, шорные и парусные, с фунта	36 коп.
			158. Ножевой товар:	
С фунта 5 р. 80 к. и 95 коп.	12 руб.	15 р. 85 к.	1) всякий, в оправе из простых материалов; ножницы (кроме ножниц для стрижки овец), щипчики, клинки ножевые и вилки без черенков как в черновом, так и в обработанном виде, с пуда	16 руб.
Запр. С фунта 5 р. 80 к.	24 руб.	31 р. 70 к.	2) те же изделия, в оправе позолоченной, посеребренной, из накладного серебра и металлических композиций, из черепахи, перламутра, слоновой и мамонтовой кости, или когда эти материалы, не исключая золота и серебра, входят как украшения в оправу из простых материалов, с пуда	32 руб.
С фунта 1 р. 20 к.	6 руб.	6 р. 60 к.	3) крестьянские карманные ножи (козики) в металлической и другой оправе из простых материалов, с пуда	6 р. 60 к.
			Примечание. Ножевой товар в оправе из драгоценных металлов оплачивается пошлиною по соответствующим пунктам ст. 148.	
			159. Оружие белое, клинки сабельные и всякие другие; огнестрельное оружие, ручное,	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
Запр. С фунта 5 р. 80 к.	18 руб.	24 руб.	кроме запрещенного к привозу; всякие к огнестрельному оружию принадлежности; гильзы, патроны и пистоны как снаряженные, так и неснаряженные, с пуда	24 руб.
			Примечание. Огнестрельное оружие, привозимое в ящиках и футлярах с принадлежностями к оному, оплачивается пошлиною, совокупно с весом сих помещений и принадлежностей.	
40 коп.	44 коп.	1 р. 40 к.	**160.** Косы и серпы, резаки для сечки соломы и косари, ножницы для стрижки овец, заступы, лопаты, грабли, сапы и вилы, с пуда	1 р. 40 к.
От 1 р. 50 к. до 60 руб.	(80 коп.)	1 р. 40 к.	**161.** Инструменты ручные для ремесл, художеств, фабрик и заводов, с пуда	1 р. 40 к.
30 коп.	30 коп.	40 коп.	**162.** Литеры для книгопечатания, матрицы для отливания литер, штемпеля для матриц, клише металлические и деревянные и вообще всякие принадлежности, входящие в состав типографского набора, с пуда	40 коп.
—	1 руб.	1 р. 30 к.	**163.** Изделия из олова и цинка и их сплавов, кроме изделий, относящихся к ст. 215: 1) неполированные и некрашеные, с пуда	1 р. 30 к.
12 руб.	2 р. 50 к.	3 р. 30 к.	2) полированные, покрытые лаком и отделанные окраскою и бронзировальным порошком, с пуда	3 р. 30 к.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
12 руб.	2 р. 50 к.	3 р. 30 к.	3) те же изделия, покрытые медью, медными сплавами, никелем, с пуда	4 р. 80 к.
12 руб.	80 коп.	1 р. 5 к.	**164.** Изделия из свинца и гартблея (сплав свинца с сурьмою), кроме особо поименованных (ст. 146 и 162), дробь, с пуда	1 руб.
55 коп.	15 коп.	20 коп.	**165.** Поталь белая и желтая, в книжках, совокупно с весом оных, фольга всякая, кроме позолоченной и посеребренной (п. 3 ст. 149), с фунта	20 коп.
—	—	30 коп.	**166.** Бронзировальный порошок, с пуда	2 руб.
0	75 коп.	3 р. 50 к.	**167.** Машины, аппараты, модели для их построения, полные и неполные, в собранном или разобранном виде: 1) всякие из меди и ее сплавов, или в которых медь составляет главный по весу материал; динамо-электрические машины всякие, с пуда	4 р. 80 к.
0	30 коп.	1 р. 40 к.	2) газомерители, водомерители; машины: газовые, калорические, керосиновые, магнитные, швейные, вязальные; локомобили (кроме поименованных в п. 5); тендеры; пожарные снаряды (кроме поименованных в п. 3); всякие особо не поименованные машины из чугуна, железа, стали с частями из других материалов или без оных, с пуда	1 р. 70 к.
0	75 коп.	2 руб.	3) паровозы для железных и обыкновенных дорог, паровозовагоны, паровые дрезины: паровые пожарные трубы, с пуда	2 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			4) сельскохозяйственные машины и орудия, без паровых двигателей, особо не поименованные; модели их, с пуда	70 коп.
0	0	70 коп.	5) локомобили при сложных молотилках, с пуда	1 р. 40 к.
—	—	1 р. 40 к.	*Примечание.* Части машин и аппаратов, отдельно от них привозимые, пропускаются: а) медные и из медных сплавов — с пошлиною, с пуда	4 р. 80 к.
			б) из чугуна, железа и стали — с пошлиною, с пуда	1 р. 70 к.
			168. Весы с принадлежащими к ним приборами; части весов, кроме медных и из медных сплавов:	
			1) за первые 3 пуда их веса в штуке; разновесы, с пуда	4 руб.
12 руб.	2 руб.	2 р. 65 к.	2) за каждый пуд веса в штуке, сверх 3 пудов, с пуда	1 р. 70 к.
			Примечание. Весы аптекарские и лабораторные пропускаются по ст. 169.	
			169. Инструменты и приборы математические, чертежные, физические, химические и хирургические (в том числе бандажи); приборы и аппараты телеграфные, телефонные, для электрического освещения, фотографические; манометры, индикаторы, анемометры, гидрометры, счетчики; глобусы географические; стекла: для очков, лорнетов, зажигательные,	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
12 руб.	6 руб.	7 р. 25 к.	увеличительные, всякие оптические стекла и призмы без оправ, с пуда	8 руб.
			Примечание 1. Посуда для лабораторных работ, медицинская и аптекарская из глины, песчаника, стекла, фарфора и т. п., очищается пошлиною по соответствующим статьям тарифа, по материалу.	
			Примечание 2. Равным образом по соответствующим статьям тарифа оплачиваются отдельно доставляемые запасные части электрических элементов, батарей и других приборов, разрушающиеся при употреблении и требующие замены новыми, как то: цинковые, медные и другие пластинки для элементов, угли для них, ламп, фонарей.	
С фунта 2 р. 80 к.	6 руб.	7 р. 25 к.	**170.** Очки, лорнеты, трубки зрительные и театральные, в оправах из простых материалов; таковые оправы без стекол, с пуда	16 руб.
			Примечание. Очки, лорнеты и театральные трубки в оправе из золота, серебра или платины оплачиваются пошлиною по ст. 148, а в оправе из перламутра, черепахи, слоновой кости и	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			тому подобных ценных материалов, также с украшениями из финифти, позолотою, посеребрением по ст. 215, п. 1.	
			Примечание, общее к ст. 169 и 170. Поименованные в этих статьях инструменты оплачиваются пошлиною, совокупно с весом специально для них приспособленных ящиков, футляров, книжек и т. п., в коих они уложены.	
			171. Часовой товар:	
			1) часовые механизмы:	
			а) для карманных часов, привозимые без корпуса или отдельно от корпуса, со штуки	1 руб.
2 р. 60 к. с фунта	65 коп.	90 коп.	б) для часов стенных, дорожных, каминных, столовых, привозимые без корпуса или отдельно от корпуса, со штуки	1 руб. 75 коп.
			и сверх того, с фунта	
			Примечание 1. Стенные, каминные, дорожные и столовые часы с не отделимыми от корпуса, без помощи инструмента, механизмами пропускаются по материалу корпуса и, независимо от сего, оплачиваются пошлиною со штуки за механизм	2 р. 50 к.
			Примечание 2. Корпуса, привозимые отдельно от часовых механизмов, или с отделимыми механизмами, оплачиваются по материалу, из которого приготовлены.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			2) часы карманные, в корпусах золотых, с позолоченными частями или украшениями из	
5 руб.	1 р. 30 к.	1 р. 75 к.	золота, со штуки	2 р. 50 к.
			3) часы карманные, в корпусах, всякие, кроме поименованных в п. 2, со штуки	
1 р. 50 к.	65 коп.	90 коп.		1 руб.
			4) часы деревянные с медными или деревянными колесами, со штуки	
60 коп.	30 коп.	40 коп.		40 коп.
—	16 р. 50 к.	21 р. 80 к.	5) часы башенные, со штуки	25 руб.
			6) часовой прибор всякий в разобранном виде, с фунта	
—	8 коп.	12 коп.		75 коп.
			172. Инструменты музыкальные:	
			1) рояли; органы непереносные всякие, со штуки	
100 руб.	40 руб.	132 руб.		132 руб.
—	—	79 р. 20 к.	2) пианино, со штуки	80 руб.
			3) органы переносные, фисгармоники, позитивки, арфы,	
15 руб.	10 руб.	13 р. 20 к.	со штуки	15 руб.
			4) всякие особо не поименованные музыкальные инструменты; принадлежности к музыкальным инструментам, отдельно привозимые, как то: смычки, струны баранья и шелковые (металлические струны пропускаются по ст. 155), клавиатуры, молоточки (колки для фортепиан пропускаются по ст. 156, п. 3), метрономы, камертоны, кроны и проч., с	
1 р. 20 к.	15 коп.	20 коп.	фунта	20 коп.
			Примечание. Пошлина с музыкальных инструментов взимается совокупно с ве-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			сом специально для них приспособленных ящиков и футляров.	
			173. Экипажи:	
			1) пассажирские:	
			а) большие, как то: кареты, коляски четырехместные, ландо, дилижансы, омнибусы, со штуки	
	100 руб.	132 руб.		132 руб.
			б) легкие, как то: коляски двухместные, фаэтоны, дрожки, шарабаны, кабриолеты, кебы, со штуки	
	70 руб.	92 р. 40 к.		90 руб.
			2) фургоны, бранкарды, со штуки	
Запр.	30 руб.	39 р. 60 к.		40 руб.
			3) простые крестьянские и тому подобные повозки для тяжестей и пассажирские; коляски детские; кресла на колесах для больных, велосипеды, со штуки	
	10 руб.	13 р. 20 к.		12 руб.
			4) отдельные части экипажей, как то: кузова, колеса, фонари и прочие, кроме рессор, осей и других принадлежностей, особо в тарифе обозначенных, с пуда	
	4 р. 40 к.	6 руб.		8 руб.
			Примечание. Экипажи с оконченной (нечерновой) обойной отделкой уплачивают 20% сверх установленных в настоящей статье пошлин.	
			174. Вагоны для железных дорог:	
			1) платформы и угольные	
—	75 руб.	160 руб.	вагоны, с оси	160 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	по шлина 30 лотом
серебр.	кред.	зол.		
—	100 руб.	240 руб.	2) товарные вагоны и вагоны-цистерны, с оси	240 руб.
			пассажирские:	
—	175 руб.	300 руб.	3) 3-го класса, а также багажные и почтовые, с оси	300 руб.
—	—	330 руб.	4) 3-го и 2-го классов, с оси	330 руб.
		355 руб.	5) 2-го класса, с оси	355 руб.
—	300 руб.	410 руб.	6) 1-го и 2-го классов, с оси	410 руб.
		465 руб.	7) 1-го класса, с оси	465 руб.
			вагоны для конно-железных дорог:	
—	—	340 руб.	8) двуконные, со штуки	340 руб.
—	—	250 руб.	9) одноконные, со штуки	250 руб.
			175. Суда морские и речные в целом виде, с полною оснасткою или без оной:	
			1) железные, с каждой тонны полной вместимости:	
		38 руб.	а) за первые 100 т, с тонны	38 руб.
		20 руб.	б) за следующие от 100 до 1500 т, с тонны	20 руб.
0	0	10 руб.	в) за следующие от 1500 т и свыше, с тонны	10 руб.
			2) деревянные, с каждой тонны полной вместимости:	
		12 руб.	а) за первые 100 т, с тонны	12 руб.
		6 руб.	б) за следующие от 100 т и свыше, с тонны	6 руб.
			Примечание 1. Железные суда, с паровыми машинами или без оных, в разобранном виде привозимые, оплачиваются пошлиною по соответствующим статьям тарифа.	
			Примечание 2. Равным образом, по соответствующим статьям тарифа опла-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			чиваются пошлинами предметы, входящие в судовой инвентарь, за исключением тех, кои совершенно необходимы для правильного и безопасного плавания или которые наглухо прикреплены к корпусу судна. Ближайшее определение сих предметов, подлежащих оплате пошлинами вместе с судном, предоставляется министру финансов по соглашению с управляющим Морским министерством, а в отношении речных и озерных судов и с Министерством путей сообщения.	
0	0	0	176. Тряпье и бумажная масса: 1) тряпье: а) всякое, кроме шерстяного б) шерстяное, а также обрезки шерстяных тканей, не составляющие образчиков (ст. 218), при длине не более 1 аршина и ширине не более 1 вершка, с пуда	**беспошлинно.**
0	0	1 коп.		2 руб.
			Примечание. Если при досмотре шерстяного тряпья и обрезков будет обнаружено присутствие в одном из товарных мест обрезков, или покромок, превышающих в отдельных кусках означенную в п. 1, лит. б меру, то весь транспорт очищается пошлиною по ст. 202.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
—	0	20 коп.	2) бумажная масса: а) бумажная масса всякая (кроме целлюлозы) и обрезки бумажные, с пуда	20 коп.
			Примечание. Бумажная масса, привозимая в виде картона и в сухих листах, подлежит пропуску по ст. 176 лишь в том случае, если она мелко изрублена или часто продырявлена.	
—	—	35 коп.	б) целлюлоза (бумажная масса, приготовленная химическим способом), во всяком виде, с пуда	35 коп.
5 руб. с фунта	20 коп.	26 коп.	177. Писчебумажный товар: 1) древесно-бумажная масса, спрессованная в листы в виде картона (папка), бумага битая (папье-маше и картон-пьер), не в деле, с пуда	35 коп.
40 коп. с фунта	20 коп.	60 коп.	2) картон в листах и ролях (кроме поименованного в пп. 1 и 4 сей статьи); кровельный толь несмоленый и просмоленный, картон и бумага намазанные или пропитанные смолою, антисептиками, составами от насекомых, селитрою, серою; изделия из бумаги битой (папье-маше и картон-пьера), кроме означенных в примечании к сему пункту, с пуда	60 коп.
			Примечание. Изделия из бумаги битой (папье-маше и картон-пьера) лакированные и окрашенные, имеющие вид деревянной токар-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			ной или резной работы, оплачиваются по ст. 61, с украшениями же из разных материалов — по ст. 215 о галантерейных вещах.	
55 коп. с фунта	2 руб.	2 р. 40 к.	3) бумага непроклеенная всякая, кроме особо поименованной, белая и цветная, без украшений; бумага разграфленная для нот и для вышивания, без узоров, с пуда	2 р. 40 к.
55 коп. с фунта	3 руб.	3 р. 95 к.	4) бумага проклеенная всякая, кроме особо поименованной, белая и цветная (крашеная в массе), без украшений; тетрадки в обложке (но без переплета); картон бристольский и всякий сатинированный и полированный — в ролях, листах и нарезанный в полоски или карточки; трубочки для навертывания пряжи; бумага, подклеенная редкою тканью, холстом или миткалем; прозрачные ткани для копировки, с пуда	4 руб.
60 коп. с фунта	4 руб.	6 руб.	5) обои бумажные и бордюры к ним, с пуда	6 руб.
			6) бумага для письма, для типографского, литографского, переплетного и кондитерского дела, с украшениями, как то: с позолотою, посеребрением, бронзировкою, тиснением, высечкою (кружевная), узорами, рисунками, наклейками, бордюрами, гербами, вензелями, картинками и т. п.; бумага папиросная, тонкая оберточная	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
20 коп. с фунта	8 руб.	10 р. 55 к.	(китайская), бумага цветная, окрашенная не в массе (покрытая краской с одной или обеих сторон); бумага в изделиях: конверты, абажуры, искусственные цветы из бумаги и т. п., с пуда	10 р. 60 к.
—	6 руб.	7 р. 90 к.	7) растительный пергамент; олеографии, гравюры, эстампы, рисунки и т. п., воспроизведенные путем типографическим, литографическим, фотографическим и фототипическим, с пуда	8 руб.
			Примечание. Олеографии, гравюры, эстампы, рисунки и т. п., составляющие копии с картин и рисунков русских художников, пропускаются	беспошлинно.
—	11 руб.	14 р. 50 к.	8) Переплетные и картонажные изделия всякие (кроме подходящих под статью 215 о галантерейных вещах); конторские и копировальные книги в переплетах, переплеты для книг и альбомов, отдельно от них привозимые, с пуда	14 р. 50 к.
			Примечание. Картонажи всякие, служащие только оболочкою для привезенных в них бумажных изделий, пропускаются, совокупно с весом сих изделий, с пошлиною, коей подлежат самые изделия.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			178. Книги, картины, карты и т. п.:	
0	0	0	1) картины, рисунки и чертежи, исполненные от руки, и манускрипты	беспошлинно.
0	0	4 руб.	2) ноты, карты и чертежи, воспроизведенные путем печати, литографии или фотографии, с пуда	4 руб.
0	0	0	3) книги и повременные издания печатные на иностранных языках, не исключая тех, которые содержат, в тексте или в приложениях к нему, ноты, карты, чертежи, гравюры и рисунки, воспроизведенные путем печати, литографии, олеографии или фотографии	беспошлинно.
—	—	3 руб.	4) книги, отпечатанные за границею на русском языке, с пуда	3 руб.
			Примечание. Со всех поименованных в настоящей статье предметов, в случае привоза их в корешковых переплетах, взимается по 1 руб. зол. с пуда, притом с предметов, подлежащих пошлине, независимо от таковой пошлины.	
			179. Волокнистые растительные вещества в сыром виде:	
25 коп.	0	1 руб.	1) хлопчатая бумага-сырец: а) привозимая морем, с пуда	1 р. 20 к.
		1 р. 15 к.	б) привозимая сухопутно, с пуда	1 р. 35 к.
			Примечание. По п. 1 сей статьи очищаются пошлиной хлопчатобумажные концы и очесы кардные.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
—	0	40 коп.	2) джута-сырец, с пуда	60 коп.
0	0	0	3) лен и пенька нечесаные и чесаные, льняные и пеньковые очески, шерсть из сосновых игол, новозеландский лен, манильская пенька, волокна крапивные и другие растительные вещества, заменяющие лен и пеньку, в сыром виде	беспошлинно.
2 р. 60 к.	0	26 коп.	180. Шелк: 1) шелковые коконы, бурр-десуа, шелковый сдор, или отброс от размотки коконов и разделки шелка-сырца; буррет, или отброс от чесания бурр-десуа, нечесаные, с пуда	30 коп.
2 р. 60 к.	50 коп.	65 коп.	2) сырец, или греж; шелковая вата или шелковые отбросы, расчесанные, некрашеные и крашеные, с пуда	1 руб.
1 р. 90 к.	22 коп.	2 руб.	181. Шерсть и пуша нечесаная, непряденая: 1) грязная и мытая, некрашеная; шерстяные очески некрашеные, с пуда	2 руб.
6 р. 50 к.	44 коп.	3 руб.	2) крашеная; искусственная (Kunstwolle, shoddy, mungo, laine renaissance) и тертая, суконные стрижки всякие и шерстяные очески крашеные, с пуда	3 руб.
1 р. 10 к.	1 р. 10 к.	2 руб.	182. Бумажная вата, кардованная и в проклеенных листах; хлопчатобумажные очесы гребенные: 1) некрашеные, с пуда	2 р. 20 к.
			2) крашеные; хлопок крашеный; бумажная вата гигроскопическая и антисептическая, с пуда	3 р. 20 к.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			183. Бумажная пряжа:	
			1) низших нумеров до № 40 (английского обозначения):	
6 р. 50 к.	3 р. 20 к.	3 р. 60 к.	а) суровая, с пуда	4 р. 20 к.
			б) беленая и крашеная (кроме крашеной в адрианопольский красный цвет), с пуда	
8 руб.	4 р. 25 к.	4 р. 70 к.		5 р. 40 к.
			в) крашеная в адрианопольский красный цвет, с пуда	
15 р. 20 к.	4 р. 25 к.	5 руб.		5 р. 70 к.
			2) от № 40 включительно до № 50 включительно (английского обозначения):	
6 р. 50 к.	3 р. 20 к.	5 руб.	а) суровая, с пуда	5 р. 70 к.
			б) беленая и крашеная, с пуда	
8 руб.	4 р. 25 к.	6 руб.		6 р. 80 к.
			3) высших нумеров, свыше № 50 (английского обозначения):	
	3 р. 20 к.	7 р. 50 к.	а) суровая, с пуда	8 р. 50 к.
6 руб.				
	4 р. 25 к.	8 р. 50 к.	б) беленая и крашеная, с пуда	9 р. 60 к.
			4) пряжа крученая:	
			а) нитки швейные на деревянных катушках для мелочной продажи, с пуда брутто	
	—	8 руб.		9 руб.
4 р. 80 к. и 7 р. 20 к.			б) всякая крученая в два конца и более, за исключением ниток швейных на деревянных катушках для мелочной продажи, с пуда брутто	
	—	10 руб.		11 руб.
			Примечание. Канаты и веревки из бумажной пряжи пропускаются по п. 2, лит. а настоящей статьи.	
			184. Пряжа джутовая, льняная, пеньковая и из других	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
4 р. 80 к.	4 руб.	5 р. 30 к.	волокнистых веществ, в п. 3 ст. 179 указанных, некрученая, с пуда	6 руб.
			Примечание. Указанная в сей статье пряжа крученая оплачивается пошлиною по п. 4 ст. 183.	
			185. Шелк крученый (сученый и трощеный) всякий (органсин или основа, трам или уток), швейный, пряжа из бурр-де-суа или шелковых охлопьев, без примеси и с примесью шерсти, пуха, хлопка, льна:	
			а) некрашеные:	
		16 руб.	до 1 июля 1893 г., с пуда	30 руб.
			с 1 июля 1893 г., с пуда	40 руб.
8 руб.	5 руб.		б) крашеные:	
			до 1 июля 1893 г., с пуда	46 руб.
		32 руб.	с 1 июля 1893 г., с пуда	56 руб.
			186. Шерсть чесаная, пряденая и крученая:	
			1) чесаная:	
	4 р. 50 к.	4 р. 50 к.	а) некрашеная, с пуда	5 р. 50 к.
		6 руб.	б) крашеная, с пуда	7 руб.
			2) пряденая, без примеси или с примесью бумаги, льна и пеньки:	
От 4 руб. до 8 р. 80 к.	3 р. 25 к.	9 руб.	а) некрашеная, с пуда	9 руб.
	4 р. 25 к.	10 руб.	б) крашеная, с пуда	10 р. 50 к.
			3) крученая (сученая в две нитки и более):	
	3 р. 25 к.	10 р. 50 к.	а) некрашеная, с пуда	10 р. 50 к.
	4 р. 25 к.	12 руб.	б) крашеная, с пуда	12 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание. С шерстяной пряжи, содержащей примесь шелка, взимается 30% сверх пошлины, определенной по сей статье для шерстяной пряжи без такой примеси.	
			187. Бумажные ткани суровые и беленые:	
От 83 коп. до 3 р. 50 к.	28 коп.	35 коп.	1) бязи и миткали, имеющие в фунте до 8 кв. аршин, с фунта	35 коп.
	38 коп.	46 коп.	2) ткани, кроме поименованных в п. 1, имеющие в фунте до 12 кв. аршин; бязи и миткали, имеющие в фунте от 8 до 12 кв. аршин, с фунта	46 коп.
	50 коп.	62 коп.	3) ткани, имеющие в фунте от 12 до 16 кв. аршин, с фунта	62 коп.
	1 р. 10 к.	1 р. 35 к.	4) ткани, имеющие в фунте более 16 кв. аршин, с фунта	1 р. 35 к.
			188. Бумажные ткани крашеные (в том числе крашеные в адрианопольский красный цвет), пестротканные и набивные:	
Запр.	50 коп.	62 коп.	1) бязи, миткали и ситцы, имеющие в фунте до 8 кв. аршин, с фунта	62 коп.
	60 коп.	75 коп.	2) ткани, кроме поименованных в п. 1, имеющие в фунте до 12 кв. аршин; бязи, миткали и ситцы, имеющие в фунте от 8 до 12 кв. аршин, с фунта	75 коп.
	75 коп.	92 коп.	3) ткани, имеющие в фунте от 12 до 16 кв. аршин, с фунта	92 коп.
	1 р. 20 к.	1 р. 45 к.	4) ткани, имеющие в фунте более 16 кв. аршин, с фунта	1 р. 45 к.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечания, общие к ст. 187 и 188: 1) хлопчатобумажные: платки, салфетки, скатерти, светильня тканая, ленты, мешки, бесконечные полотна для фабрик и другие подобные изделия, вязаные материи и бумажная канва оплачиваются по статьям о бумажных тканях; 2) бумажные ткани всякие, платки, салфетки, скатерти и другие подобные изделия, с наклейками или накладками, с золотом, серебром, мишурою, с примесью, хотя бы незначительною, шелка и другими украшениями, а равно и ткани, подобранные для женских платьев (coupons de robes), очищаются по п. 4 ст. 188.	
83 коп.	45 коп.	55 коп.	189. Бумажный бархат, плис и плисовые ленты, с фунта	60 коп.
1 р. 60 к.	40 коп.	55 коп.	190. Канаты, веревки и бечевки из джуты, пеньки, льна, пеньковой или льняной пакли и других растительных волокнистых веществ, в п. 3 ст. 179 указанных, смоленые и несмоленые; сети рыболовные, с пуда	70 коп.
			Примечание 1. Веревки, бечевки и т. п., в состав коих входят шелк, шерсть, шелковые охлопья, очищаются пошлиною, как ба-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			сонная работа, смотря по материалу, из коего сделаны.	
			Примечание 2. Бечевки, в 5 саженях коих весу менее 1 лота, очищаются пошлиною по п. 4 ст. 183.	
3 коп. со штуки	30 коп.	2 р. 40 к.	191. Мешки джутовые и холстинные, а равно грубые мешечные и упаковочные джутовые ткани, с пуда	2 р. 60 к.
			Примечание. Половики-дорожки из джуты, манильской пеньки и тому подобных материалов очищаются пошлиною по сей статье с надбавкою 50%.	
			192. Ткани из джуты, льна, пеньки и других указанных в п. 3 ст. 179 материалов, кроме тканей, поименованных в ст. 191 и 193, смешанные или не смешанные с бумагою, а также в соединении с мишурною ниткою:	
1 р. 25 к.	15 коп.	50 коп.	1) тик для матрацов и мебельный; ковровые, мебельные и тому подобные тяжелые ткани, с фунта	50 коп.
1 р. 25 к.	45 коп.	60 коп.	2) коломянка, сатин, рогожка, дрель, кутиль и тому подобные ткани для одежды, с фунта	60 коп.
2 р. 30 к.	65 коп.	85 коп.	3) скатерти, салфетки и полотенца, с фунта	1 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
1 р. 85 к. и 5 р. 60 к.	С цены 30%	85 коп. и 1 р. 80 к.	193. Полотно и батист: льняные, пеньковые [и] из других волокнистых материалов, указанных в п. 3 ст. 179, смешанные или не смешанные с бумагою, а также в соединении с мишурною ниткою: суровые, вываренные, беленые, крашеные, набивные и пестротканные, с фунта	1 руб.
			Примечание. Носовые платки полотняные и батистовые, обрубленные, но без другой какой-либо отделки, оплачиваются тою же пошлиною с надбавкою 20%; всякие же другие полотняные и батистовые носовые платки очищаются пошлиною по статье о белье и платье. С поименованных в настоящей статье тканей, содержащих примесь шелка — если таковая состоит только из затканных узоров или полосок — взимается 30% сверх пошлины, определенной по сей статье.	
Парусина запр. 60 коп.	11 коп. и 15 коп.	15 коп. и 20 коп.	194. Вощанка и клеенка всякая (кроме шелковой, пропускаемой по ст. 197) и изделия из оной; парусное полотно, полотно, загрунтованное краской; брезенты; пеньковые рукава для пожарных труб, пеньковые ведра, пеньковые и бумажные приводные ремни, с фунта	20 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
	5 руб.	6 р. 60 к.	195. Шелковые: платки, тканые и вязаные материи, в том числе фуляры (кроме поименованных в ст. 196), ленты, тканые тесьмы, газ для мельничных сит, тюль, кутня и шамаладжа; шелковые и полушелковые: бархат, плюш и во всяком виде синель, с фунта	7 р. 50 к.
От 5 руб. до 25 руб.	3 руб.	3 р. 95 к.	196. Фуляры шелковые печатные или набитые по полотну, в кусках и платках, с фунта	5 руб.
От 5 руб. до 18 руб.	2 р. 20 к.	2 р. 90 к.	197. Полушелковые: платки, материи тканые и вязаные, ленты, тесьмы тканые; вощанка и клеенка шелковая, с фунта	3 руб.
			Примечание к ст. 194, 195 и 197. Под названием шелковых тканей и материй следует разуметь такие, которые выделаны не только из основы и утка шелковых (или бурр-де-суа), но равно из основы только шелковой (или бурр-де-суа) и утка частью шелкового (или бурр-де-суа), частью хлопчатного, льняного или шерстяного, затем из утка шелкового (или бурр-де-суа) и основы, частью шелковой (или бурр-де-суа) и частью хлопчатной, льняной или шерстяной. Под названием полушелковых тканей и материй следует разуметь такие, в которых при шелковой осно-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			ве уток вовсе не содержит примеси шелка (или бурр-де-суа) или, наоборот, при шелковом утке основа вовсе не содержит шелка (или бурр-де-суа). Установленное в настоящем примечании правило не распространяется на случаи примеси шелка, указанные в примечании к ст. 193 и в общих примечаниях к ст. 187, 188, 199 и 200.	
1 р. 20 к.	40 коп.	30 коп. и 55 коп.	**198.** Одеяла байковые (*из шерсти грубой*), *шерстяные* попоны, шерстяные войлочные материи для обуви и одежды, колпаки войлочные (кроме предназначенных для шляп), флаттух и шерстяные кушаки без примеси шелка, с фунта	55 коп.
1 р. 80 к.	1 р. 20 к.	1 р. 10 к.	**199.** Тканые и вязаные материи, особо не поименованные, из шерсти и козьего пуха, гладкие, пестротканные, с примесью или без примеси хлопчатой бумаги: 1) всякие, кроме поименованных в п. 2, с фунта	1 р. 20 к.
3 р. 50 к.	—	—	2) из камвольной (гребенной) пряжи или с примесью оной, с фунта	1 р. 50 к.
Запр.	30%	30%	**200.** Те же набивные оплачиваются пошлиною, в ст. 199 означенною, с надбавкою 30%. *Примечания, общие* к ст. 199 и 200.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			1) Материи из шерсти и козьего пуха, имеющие или основу, или уток из шелка, очищаются пошлиною по статьям о шелковых изделиях; если же примесь шелка состоит только из затканных узоров или полосок, то с таковых материй взимается 30% сверх пошлин, определенных по ст. 199 и 200. 2) Платки, шарфы, покрывала, пледы и тому подобные отдельные предметы из шерсти и козьего пуха, кроме поименованных в нижеследующей статье (201), очищаются тою же пошлиною, как и материи.	
10 р. 50 к.	3 руб.	3 р. 95 к.	201. Ткани, платки, шарфы, вроде кашемировых, из шерстяной основы и цветного шерстяного или цветных шерстяного и шелкового утка, с примесью или без примеси бумаги, а также кашемиры настоящие и французские, с фунта	3 руб.
25 коп. и 60 коп.	10 коп.	13 коп.	202. Шерстяные, полушерстяные ткани и сукно для употребления на фабриках и заводах; войлоки всякие некрашеные, крашеные и набивные; суконные покромки; предметы, изготовленные вырезыванием из войлока или плетением из покромок, с фунта	13 коп.
65 коп.	30 коп.	40 коп.	203. Шерстяные ковры всякие, с фунта	40 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание. Шерстяные основы для ковров с напечатанными рисунками пропускаются с пошлиною, с пуда брутто	5 руб.
2 руб. 30 коп.	1 р. 80 к.	2 р. 40 к.	204. Фески, или колпаки турецкие, шерстяные, вышитые блестками и без оных, с дюжины	2 р. 40 к.
			205. Вязаные изделия и басонная работа:	
			1) вязаные изделия, хотя бы с признаками шитья:	
Басоны запр.	1 руб.	1 р. 30 к.	а) шелковые, с фунта	7 р. 50 к.
			б) полушелковые, с фунта	3 руб.
	35 коп.	65 к. и 45 к.	в) всякие другие, с фунта	1 руб.
			2) шнурки и тесьмы басонные, аграманты, бахрома, кисти, гарнитуры и другие плетеные изделия:	
83 коп. до 2 р. 45 к.	1 руб. 35 коп.	1 р. 30 к. 65 коп.	а) шелковые и полушелковые, с фунта	3 руб.
			б) всякие другие, с фунта	1 руб.
			Примечание. С изделий, поименованных в пп. 1, лит. в и 2, лит. б, содержащих примесь шелка и мишуры в виде украшений, взимается 30% сверх пошлины, определенной в сих пунктах.	
			206. Тюль бумажный:	
			1) мебельный (антигра) с узорами, вышитыми и затканными, тюлевые и кисейные занавесы, с фунта	1 р. 50 к.
12 руб.	40 коп.	1 р. 50 к.	2) тюль всякий, кроме вышеупомянутого, в кусках, гладкий и узорчатый (затканный или вышитый), с фунта	3 р. 50 к.
	2 руб.	3 р. 50 к.		

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			207. Кружева, вышивки, прошивки:	
			1) кружева всякие ручной работы, кружева шелковые машинной выделки (блонды), вышивки и прошивки шелковые,	
22 р. 50 к.	3 руб.	6 р. 60 к.	с фунта	7 р. 50 к.
			2) кружева машинной выделки (обшивки), кроме шелковых; вышивки и прошивки,	
12 руб.	3 руб.	3 р. 50 к.	кроме шелковых, с фунта	3 р. 50 к.
			208. Ткани, вышитые:	
			1) шелком, золотом, серебром, мишурою (кроме золотошвейной работы) оплачиваются пошлиною по материалу ткани,	
	—	—	с надбавкою 50%.	
От 3 р. 50 к. до 7 р. 20 к. с фунта			2) шерстью, бумагою, стеклярусом, бисером и другими простыми материалами, оплачиваются пошлиною по материалу	
	—	—	ткани с надбавкою 30%.	
			Примечание. Для тканей бумажных процентная надбавка исчисляется с пошлины, определенной по п. 4 ст. 188.	
			209. Белье и платье в подготовленном или готовом виде:	
			1) белье из хлопчатобумажных, льняных и шерстяных тканей всякое, с метками, но без	
		1 р. 80 к.	других украшений и отделки, с фунта	1 р. 80 к.
Запр.	С цены 35%		2) всякое белье (кроме шелкового и полушелкового, пропускаемого по п. 6 сей статьи) с отделкою кружевом, прошивкою и т. п., а равно вышитое,	
		2 р. 40 к.	с фунта	2 р. 40 к.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
Запр.	С цены 35%	1 р. 55 к.	3) платье мужское, с отделкой или без оной: а) из хлопчатобумажных, льняных и пеньковых тканей, с фунта	1 р. 55 к.
			б) из шерстяных тканей, с фунта	2 руб.
—	—	2 р. 70 к.	4) женское и детское платье и другие предметы одеяния, кроме особо поименованных, из тканей всяких, кроме шелковых и полушелковых: а) приготовленное, без отделки, в лит. б сего пункта указанной, с фунта	2 р. 70 к.
—	—	4 р. 20 к.	б) отделанное лентами, бархатом, мехом, кружевом, вышивкою, в количестве, не преобладающем над материалом самого платья, с фунта	4 руб.
—	—	—	5) то же платье из двух и более тканей, из коих одна полушелковая или шелковая и не преобладает над другою, с отделкою или без оной, с фунта	6 руб.
Запр.	С цены 35%	8 р. 40 к.	6) платья всякие и другие предметы одеяния (мужские, женские и детские), кроме особо поименованных, из бархата, полубархата, шелковых и полушелковых тканей, с отделкою или без оной, равно платье всякое, в коем преобладают названные ткани или отделка из них, с фунта	8 р. 40 к.
		18 руб.	7) дамские шляпки и другие головные уборы всякие, с отделкою из лент, цветов, перьев и т. п., с фунта	18 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			Примечание 1. Меха, меховые платья и одеяния, сшитые, но не крытые какою-либо тканью, очищаются по меху, из коего приготовлены (ст. 56), с надбавкою 50%. Меховые же платья и одеяния, крытые тканью, и меховые шапки очищаются по пп. 3, 4, 5 и 6 сей статьи.	
			Примечание 2. Чепраки, одеяла, гардины, сторы и другие подобные изделия, обрубленные, но без другой какой-либо отделки, оплачиваются пошлиною по главному материалу, из коего сделаны, такие же изделия с отделкою оплачиваются по материалу, с надбавкою 25% к пошлине на этот материал.	
Запр.	90 коп.	1 р. 20 к.	**210.** Шляпы: 1) шляпы пуховые, полупуховые, войлочные и из различных тканей, в готовом и подготовленном виде, со штуки	**1 р. 20 к.**
—	—	—	2) колпаки для шляп, сваляные из пуши, шерсти, крашеные и некрашеные, без всяких признаков формовки их в шляпы, со штуки	**50 коп.**
—	—	1 р. 75 к. с фунта	3) шляпы кожаные и лакированные, с фунта	**1 р. 75 к.**
			4) шляпы соломенные и сшитые из разного рода плетенок	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			в подражание соломенным, приготовленным из растительных материалов, с примесью или без примеси шелка и мишуры, с фунта	4 руб.
15 руб.	3 р. 30 к.	4 р. 40 к.		
Запр.	35 коп.	50 коп.	5) фуражки всякие без меха, со штуки	50 коп
			Примечание 1. Дамские шляпки с отделкою, под каковою следует разуметь ленты, перья, цветы, кружева и другие материалы, употребляемые для украшения шляп, очищаются пошлиною по п. 7 ст. 209 о белье и платье; формы или колпаки для дамских шляпок из хлопчатной редкой и накрахмаленной ткани с каркасом очищаются по п. 1 ст. 210.	
			Примечание 2. Фуражки с меховою оторочкою и меховые шапки оплачиваются пошлиною по статье о белье и платье, примеч. 1.	
			211. Зонтики и трости с зонтиками:	
			1) всякие, обтянутые шелковою или полушелковою тканью, с подкладкою или без оной, с отделкою и без оной, со штуки	2 р. 50 к.
Запр.	1 р. 50 к.	2 руб.		
			2) всякие, обтянутые шерстяною материею, с отделкою или без оной; зонтики всякие, особо не поименованные, с отделкою или с узорною ручкою, со штуки	1 руб.
	60 коп.	80 коп.		

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
Запр.	30 коп.	40 коп.	3) зонтики всякие, особо не поименованные, обтянутые и необтянутые, без отделки, с гладкою ручкою, со штуки	50 коп.
			212. Пуговицы:	
			1) перламутровые, всякие металлические, кроме золотых, серебряных и платиновых (ст. 148); всякие льняные, бумажные, шерстяные и шелковые, с фунта	80 коп.
6 руб.	30 к. и 50 к.	60 коп.		
	15 коп.	30 коп.	2) фарфоровые, стеклянные, деревянные, костяные и всякие другие, с фунта	40 коп.
			213. Отделанные перья страусовые, марабу, райских птиц и т. п., плюмажи и плюмажные ткани для отделки платья; искусственные цветы, кроме фарфоровых, фаянсовых, бумажных и кожаных; искусственные, с примесью ценных материалов, декоративные растения, с фунта брутто	8 руб.
	6 руб.	7 р. 90 к.		
20 руб. и 12 руб.			*Примечание* 1. Перья и шкурки с перьями птиц ценных пород или простых птиц, подделанными под ценные породы, в сыром виде, неотделанные, а равно составные части искусственных цветов всякие, оплачиваются пошлиною с фунта	4 руб.
	3 руб.	3 р. 95 к.		
			Примечание 2. Искусственные декоративные растения с цветками и без оных, без примеси ценных материалов, оплачиваются пошлиною с фунта.	2 руб.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
1 р. 50 к.	1 р. 65 к.	4 руб.	214. Стеклярус, бусы и бисер стеклянный, металлический и из других простых материалов: 1) россыпью или на нитках в виде однообразных по цвету, величине и форме снурков, бунтиков или моточков, с пуда	5 руб.
1 р. 80 к.	33 коп.	45 коп.	2) изделия из стекляруса, бисера и бус, хотя бы с примесью других материалов, с фунта	50 коп.
Многие запрещены, другие от 2 руб. до 10 руб.	1 р. 10 к.	2 руб.	215. Вещи галантерейные и туалетные, особо не поименованные, в целом и разобранном виде, игрушки детские: 1) ценные, в состав коих входят шелк, алюминий, перламутр, кораллы, черепаха, слоновая кость, финифть, янтарь и тому подобные ценные материалы, позолоченные или посеребренные металлы и металлические композиции; всякие особо не поименованные изделия из перламутра, черепахи, слоновой кости и янтаря, с фунта	2 руб.
			2) простые с частями, оправою или украшениями из металлов недрагоценных и металлических композиций (непозолоченных и непосеребренных), из рога, кости, дерева, фарфора, недрагоценных камней, стекла, морской пенки, китового, уса, гагата, целлюлоида, лавы и тому подобных дешевых материалов; всякие особо не поименованные изделия из	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
	33 коп.	45 коп.	рога, кости, морской пенки, китового уса, гагата, целлюлонда, лавы и воска, с фунта	50 коп.
40 коп.	—	22½ коп.	3) подходящие под определение настоящей статьи предметы: из меди и медных сплавов без рельефных и гравированных украшений, хотя бы штампованные (п. 1 ст. 149), из чугуна, железа, стали, олова, свинца и цинка, весом менее 3 фунтов в штуке, без примеси других металлов, с фунта	25 коп.
			Примечание 1. Вещи, в коих золото, серебро или платина составляют очевидно главную ценность, очищаются пошлиною по статье о золотых и серебряных изделиях.	
			Примечание 2. Деревянные изделия с украшениями из меди и медных сплавов, вставками и инкрустациями, весом более 3 фунтов в штуке, очищаются пошлиною по ст. 61, п. 4; имеющие же менее 3 фунтов веса пропускаются по пп. 1 и 2 настоящей статьи, смотря по тому, какие материалы составляют главную ценность в украшениях и вставках.	
			Примечание 3. Футляры, в коих привозятся вещи, подходящие под сию статью, оплачиваются пошлиною по материалу, из коего сделаны.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
Карандаши 20 коп. с дюж., перья 1 р. 20 к. с фунта	30 коп.	40 коп.	216. Принадлежности для письма, рисования и живописи, в других статьях не поименованные, в цельном и разобранном виде, как то: карандаши и перья писчие всякие, портплюмы, чернильницы, портКрейоны, облатки, машинки для очинки карандашей, штемпеля и т. п., совокупно с весом коробок, в коих привозятся, с фунта	40 коп.
			Примечание 1. Портплюмы, порткрейоны и прочие поименованные выше предметы пропускаются, если они приготовлены из благородных металлов, по статье о золотых и серебряных изделиях.	
			Примечание 2. Аспидные доски пропускаются по ст. 70, п. 2, лит. а, с надбавкою 50% к пошлине, в том подразделении указанной.	
			217. Вещи, предназначаемые для музеев, коллекций или кабинетов: археологических, нумизматических и естественной истории, как то: чучела зверей, птиц, рыб и т. п. (кроме раковин); сухие растения на бумаге, животные в спирте, минералы, окаменелости, мумии и древности: египетские, греческие, римские и проч.; медали, старинные монеты и тому по-	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
0	0	0	добные редкие предметы, в том случае, если они ввозятся отдельными экземплярами или коллекциями и не имеют свойства товаров	**беспошлинно.**
0	0	0	218. Образчики разных материй и изделий, не имеющие вида и характера товаров	**беспошлинно.**
			Б. Роспись товарам, запрещенным ко ввозу	
Запр.	Запр.	Запр.	219. Монета российская разменная, медная и серебряная и всякая иностранная медная и серебряная низкопробная	
Запр.	Запр.	Запр.	220. Порох, составы для пороха и гремучие смеси	
			Примечание. Допускаемые к привозу по особым разрешениям министра финансов (Св. зак., т. VI, Уст. там., ст. 12, прим.) порох и взрывчатые вещества пропускаются с уплатою следующих пошлин:	
			а) порох, с пуда брутто	1 р. 40 к.
			б) динамит и всякие взрывчатые вещества и гремучие смеси, а также всякие принадлежности для взрывов, как то: зажигательные шнуры, фитили, электрические запалы и проч., в тарифе особо не поименованные, с пуда брутто	3 руб.
Запр.	Запр.	Запр.	221. Снаряды военные, пушки, мортиры, ядра, бомбы и т. п.	

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
Запр.	Запр.	Запр.	222. Оружие духовое, действующее без пороха, а также трости, палки и чубуки с кинжалами, шпагами и другим скрытым оружием	
Запр.	Запр.	Запр.	223. Карты игральные всякие	
—	Запр.	Запр.	224. Ягоды рыболовные или кукельван (baccae coculli indici)	
—	—	—	225. Маргариновые продукты	
—[1]	—[2]	Запр.	226. Шафран искусственный	

В. Роспись товарам отпускным

			1) Фосфориты, кость сырая и обработанная: а) фосфориты (кроме молотых), кость не в деле всякая, в кусках, дробленая (костяная крупа), толченая или иначе измельченная, кроме обращенной в порошкообразное состоя-	

[1] По тарифу 1841 г., кроме вышеуказанных товаров, запрещены были многие другие, например: лотерейные билеты, альбомы, дорожные аптеки, нанка, белье всякое, галуны, грибы сушеные, печные затворы, белые книги в переплетах, кофейные суррогаты, льняное полотно, шкуры: бобровые, соболи, котиковые и тюленьи меха, тулупы, муфты, пиво, хлебное вино, обувь и платье, постели, фарфоровая посуда, сало всякое, сахар, селитра очищенная, стеарин, факелы, финифть, фитили, чай, цикорий, шитье всякое.

[2] По тарифу 1868 г., кроме того, были запрещены: шкуры и меха морских бобров (отмен. 1873 г.), очищенная селитра (отмен. 1883 г.), масло горькоминдальное, постели и подушки, кроме привозимых с пассажирами, порошок для очищения вин и селенит (для крашения волос), и хлебные спиртные напитки в бочках.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
			ние; кость жженая в кусках и порошке (костяная зола), с	
15 коп.	—	10 коп.	пуда брутто	12 коп.
			б) фосфориты молотые (фосфоритная мука), костяная мука, кость молотая, обработанная или не обработанная серною кислотою, костяной	беспошлинно.
—	—	10 коп.	уголь, костяная чернь	
—	—	2 руб.	2) Яички шелковичных червей, с фунта	2 руб.
		45 коп. до	3) Тряпье и лоскутье всякое, шерстяные обрезки и бумажная	
—	—	20 коп.	полумасса, с пуда	30 коп.
			4) Галмей (цинковая руда) сырой, обожженый и тертый; руды медные и свинцовые, с	
—	—	$2^1/_2$ коп.	пуда	3 коп.
			5) Железная руда и шлаки от железоделательного производства чрез таможни губер-	запрещены к
—	—	Запр.	нии Царства польского	вывозу.
			Примечание. Железная руда из рудников губерний Царства польского, также шлаки с тамошних железоделательных заводов, могут быть вывозимы чрез местные таможни, но не иначе, как по особым разрешениям министра финансов, по соглашению с министром государственных имуществ, с пошлиною, с	
—	—	$^1/_2$ коп.	пуда	1 коп.

Продолжение

Прежние оклады в рублях и копейках			1891 г.	
1841 г.	1868 г.	1890 г.	статьи и пункты	пошлина золотом
серебр.	кред.	зол.		
5%	—	30 коп.	6) Дерево пальмовое и ореховое, ореховый наплыв, с пуда	30 коп.
[1]	0	0	7) Всякие другие товары, кроме поименованных в сей росписи	беспошлинно.

[1] По тарифу 1841 г. многие отпускные товары были обложены пошлиною, например: анис 4 коп., воск 50 коп., клей шубный 5 коп., клей рыбий 1 руб. 25 коп. и 50 коп., кожи невыделанные 40, 60 и 80 коп., крахмал белый 2 коп., кремни 5 коп., пряжа льняная 25 коп., мед 10 коп., и т. д. — с пуда, а также жеребцы 4 руб. со штуки, мерины и кобылы по 2 руб. со штуки, медь красная и веревки морем 13 коп. с берковца, поташ 50 коп. с бочки, и т. п.

ВВЕДЕНИЕ

Предполагая говорить о русском таможенном тарифе, как об одном из средств для возможного увеличения общего благополучия, считаю необходимым и полезным прежде всего формулировать исходные положения дальнейших рассуждений. Это не аксиомы геометрии, это даже не основные начала, принимаемые условно за аксиомы или объекты полной, бездоказательной уверенности, подобные, например, так называемому закону инерции в механике, или закону сохранения сил в физике, или в химии — закону сохранения вещества. Исходные положения, выставляемые мною во главе соображений, касающихся таможенных окладов, двояки. Одни из них должно доказывать, потому что часто исходят из противоположных положений, с другими же я так сжился, что считаю их всеми, без дальнейших обсуждений, признанными; но и их должно сознавать и выражать, чтобы видна была вся нить посылок. От недомолвок этого рода может рождаться масса недоразумений, которых желательно избегать. Положения этого рода я излагаю только здесь, не возвращаясь к ним далее, хотя о них и идет еще разноречие в иных умах и книгах, тогда как положения другого рода, т. е. спорные, я буду с различных сторон доказывать во многих местах этой книги. Но для меня бесспорны следующие исходные положения.

1) Человечество развивается. Приближается ли оно при этом к некоторому пределу или идеалу, т. е. совершенствуется ли оно, развиваясь, или нет, — это иной вопрос, решать который можно так или иначе, имея уже некоторое суждение о пределе и цели развития, но входить в рассмотрение этого здесь нет надобности. Однако, обсуждая экономические отношения, нельзя не видеть и не положить в основу рассмотрения — умножения в числе людей, захвата ими все большей и большей области на земле и во всей вселенной и нельзя от-

рицать появления новых и новых потребностей и условий жизни земной. Это выражается в положении — человечество развивается.

2) В своем развитии, пройдя эпоху войн за обладание территориею, человечество дошло до эпохи определенной государственной обособленности. Люди размежевались. Куда придут они впоследствии, что будет впереди и что было до эпохи государственного строя — это не идет к нашему делу. Признать же начало государственной обособленности всюду господствующим ныне неизбежно, подобно тому, как неизбежно признать, что в эпоху, нам доступную, воздух содержит всюду на земной поверхности около 21 объемного процента кислорода, или что вода покрывает бо́льшую часть земной поверхности. Государства суть своего рода единицы, как отдельный человек, как семьи: у них есть свои потребности, свои средства и свои приемы для их удовлетворения. Из государственных единиц в сумме слагается человечество, которое в сущности само есть особая, большая, но живая единица. Это не такие абстрактные единицы, как, например, миллиард, а такие реальные, как улей или муравейник, как растение с миллиардами клеток или как сама земля, содержащая миллиарды единиц всякого рода. И надо признать, что интересы государств по существу истории не отделимы от интересов человечества, как частные интересы отдельных лиц стремятся слиться с государственными. Итти противу этого разделения, подчинения, а иногда и поглощения — значит или не понимать происходящего, или переть противу рожна. Разум историй выше, грандиознее и практичнее. Блага личного не достичь без блага общего, семейного, государственного и общечеловеческого. Обсуждать таможенные пошлины, налагаемые государствами, и иметь в виду интересы одних частных лиц, входящих в государство, да одни общечеловеческие интересы — значило бы пропустить самую суть дела, затемнить его, и если у многих лиц, говорящих о таможенных делах, видна запутка мысли, то она ведет свое начало именно от того, что упускается из вида сложение людей в государства и только при посредстве государств в человечество. Обсуждая клетки, из которых состоят все органы человека, и рассматривая его отправления, потребности и интересы, не следует упустить из вида сложение клеток в отдельные органы, и нельзя без ущерба в правильности понимания пропустить отправления рук, глаз, легких и тому подобных собраний клеток, специализированных по строению и назначению.

3) Как отдельные люди и семьи, — государства и народы не одинаковы по своим средствам, условиям, положению и т. п., но каждое государство, как каждый человек, вольно применять все свои усилия прежде всего на свою пользу. Усилия эти тем законнее, т. е. тем более отвечают общему развитию человечества, чем более они ограничиваются прямыми личными средствами и потребностями, не трогая прямо личных средств и потребностей других государств. Каждый свободен лично себя улучшать, ничего не отнимая от других или беря от них только то, что они сами ему дают, взамен (или сверх) того, что дает ему и им безличная природа. Человек тем разумнее, чем больше пользуется силами природы и сношениями с другими людьми, и чем больше он добывает от природы полезного для себя и для других, тем он больше служит себе и другим. Так и государства, совокупность которых составляет человечество. Общий интерес необходимо слагается из суммы интереса всех единиц. Поэтому все, что кладет преграды для самостоятельных усилий каждой самостоятельной единицы, задерживает общее развитие, особенно если при этом ничего не отнимается от других единиц, а исходом служит то, что называется дарами природы. Скачок от личных интересов отдельных людей прямо к интересам общечеловеческим, пропуская интересы государственные, настолько же составляет явный пропуск, как скачок от единиц к тысячам, помимо десятков и сотен, или как переход от атомов прямо к телам, помимо того воздействия атомов, которое проявляется при сложении их в частицы (или молекулы) и определяет химические превращения веществ. Если в атомах или отдельных лицах есть различия, то тем более их есть и быть должно в разных частицах или государствах. Слить, уничтожить различие или смешать разделившихся нельзя — будет хаос, новое вавилонское столпотворение [...].

4) Если отдельное лицо обязано для поддержания своего существования, своей свободы и своего личного достоинства сообразовать пассивно и активно свои действия с природными требованиями своих органов, с действиями других лиц и их соединения в государственные единицы, то и государство нравственно обязано для поддержания своего существования, своей свободы и своего достоинства сообразовать свои действия с потребностями своих подданных и с действиями других государств, преследуя и гармонически примиряя интересы не только общегосударственные, но и личные — индивидуальные, и общечеловеческие, — потому что все они по природе одинаковы и кажущаяся их встреча и борьба составляют только пути их

гармонического слияния. Человек, не заботящийся об удовлетворении требованиям своих органов или посягающий на важные интересы других, гибнет или по законам божества и природы, или по законам человечества и государств. Так и государства, не [пекущиеся] о благе подданных или посягающие на основные интересы других государств, гибнуть должны. Что для людей делается месяцами и годами, то для государства совершается десятками лет и столетиями. Путем этим человечество достигает своих высших желаний — общего благополучия.

5) В своем развитии человечество дошло до необходимости промышленности, т. е. до производства товаров, подлежащих мене сообразно массе и ценности, т. е. купле-продаже как внутри государств, так и вне их.

6) Мена эта, или торговля, составляет один из многих видов людского общения и одно из средств общей жизни и развития человечества и государств. Можно ли и должно ли быть иначе, должна ли мена ограничиваться границами государств или нет, — на это отвечают некоторые [...] иначе, чем некоторые англичане, но в контраверсию эту входить пока нет никакой надобности, потому что даже [...] мудрецы мену или торговлю в принципе не отрицают, и весь мир, так или иначе участвующий в общей жизни человечества, участвует в общей мене. Дикарь, ограничивающий свои потребности своим производством и своею личною добычею, потому и дикарь, оттого и гибнет, что в общечеловеческой мене всякого рода не участвует, ее жизнью не живет. Религия, потом искусство и самая наука составляют прямо или косвенно одни из плодов обмена или той общей жизни человечества, которая начинается с мены произведений. Религия, искусство и наука живут и действуют преданием, передачею и общением. Развитие современной их формы ведет начало от народов того центра Азии и того Средиземного моря, в среде которых началась и наиболее крупная торговая мена. Могло бы быть иначе, но так есть, и считаться с этим так же мало оснований, как считаться с тем, что слонов в Сиаме еще много, а в Сибири нет, хотя живали мамонты. Объяснять причину существующего, исходя из некоторых высших общих начал, можно, но не входит в предмет нашего изложения.

7) Многие отдельные виды промышленности столь тесно связаны друг с другом, что при естественном ходе дел предполагают совместность и единовременность развития, например добыча руд — с горными заводами, получающими металлы, красильное дело — с мануфактурными и с добычею красок, добыча колчеданов — с получением серной кислоты,

и т. п. Некоторые же основные виды промышленности связаны со множеством других производств столь многообразно, что без обеспеченности первыми немыслимо в стране правильное и выгодное развитие множества других производств. Такими основными видами промышленности, кроме сельского хозяйства, перевозки по суше и воде и торговли, должно считать в наше время: добычу топлива, особенно же каменного угля, добычу металлов, особенно чугуна, железа и стали, производство машин и всяких металлических орудий труда, добычу камней, глин, соли и тому подобные виды горного промысла. Это — корни промышленного развития.

Следовало бы на этом и закончить исчисление основных положений, о которых, по моему крайнему разумению, разноречий быть не должно, или таких, разбор которых излишен. Но я не выразил бы своей начальной мысли в отношении к этим исходным положениям, если бы не прибавил сюда, что по духу всего поныне узнанного следует признать еще следующее добавочное положение, которое может быть рассматриваемо как следствие или свод предшествующих.

Религия, искусство и науки — с одной стороны, а с другой — государственность, промышленность и торговля находятся ныне в тесной взаимной связи или зависимости, потому что это суть сложившиеся формы развития человечества в том состоянии, в котором мы его застаем [...]. Оставляя полную свободу религии, науке и искусству, народы, явно наиболее участвующие в современном развитии человечества, сочетали наиболее тесно государственность с промышленностью и торговлею, хотя и пробовали, как увидим далее, избегнуть и этого сочетания. Отсюда происходит и самое название: «политическая экономия», которую, вместе с Листом, следовало бы переименовать в «национальную экономию». От абстрактной, общечеловеческой, или «политической», экономии переход к «народной» и «личной» совершенно таков же, как переход от алгебры или геометрии к действительной механике — небесной ли или прилагаемой в машинах.

Здесь, если не ошибаюсь, кончается то, на что можно ссылаться, как на не подлежащее разноречию. Участие в общечеловеческой жизни известных народов, стран или государств, их богатство и влиятельность в отношении к направлению общей жизни человечества, даже самую силу государств, должно, судя по предыдущему, определять не только числом жителей и пространством земель, способных к хлебопашеству и скотоводству, не только степенью развития религии, наук и

искусств, не только числом штыков, пушек и военных кораблей, не только платоновскою храбростью воинов и мудростью правителей, но и развитием торгово-промышленной деятельности. Пусть оспаривают это крайние идеалисты, вместе с буддистами отрицающие значение внешнего и сосредоточенно погруженные в интересы будто бы одного индивидуального духовного мира. Пусть это не нравится и крайним реалистам одного покроя, еще и ныне мечтающим о возобновлении деревенского быта стародавних времен, а в другом перекрое — на промышленный капитализм нападающим со всем азартом, достойным лучшего предмета. Их история не слушает, потому что идет путем развития, приведшего человечество к невозможности довольствоваться одними продуктами стародавних времен и деревенского быта, а с капитализмом борьбу начавшего, не оставляя промышленности, могущей развиваться помимо роста капитализма. [...]. Буддизм же предписывает своим истинным адептам жить на даровщину, милостыней, т. е. предполагает уже, что существуют люди, добывающие трудом избыток, раздаваемый точно так же, как от избытка удовлетворяются потребности искусства и даже науки. Входить в рассмотрение необходимости промышленного развития стран для определения их силы мне нет надобности еще и потому, что, в сущности, производство всякое, начиная с хлеба и топлива, если они добываются не только для личной потребности, но и для продажи, составляет уже вид добывающей промышленности, и лишь немногие, хотя красивые, но ребяческие утопии, т. е. не платоновские или буддийские, решались обходиться без труда для других, без организации его в том или ином виде. Не от мира сего такой толк или такие толки. Хотя возможно довольствоваться индийским самопогружением, хотя индивидуальное внутреннее благо есть цель, к которой стремиться естественно, хотя узкий эгоизм отрицает все, кроме своего «я», и хотя в борьбе за личное существование действуют только личные интересы, но тут же является и стадо, т. е. общение, с разделением ролей — как средство, до которого дошла личная самозащита, т. е. кроме «я» необходимо признать и «не я» — иначе и «я» быть не может. И в монастыре буддийцы также не избегли ни общения, ни участия в общем деле; монастыри даже стали сердцем общения, где бьется пульс народной крови. Так исторически, исходя из мелких единиц, от требований эгоистических, доходят поневоле до единиц крупнейших, от личного спасения до монастыря, до церкви и государства. Промышленность вышла из тех же источников, и сколь бы ни примешивалось к ней эгоистиче-

ского, в ней самое существенное — альтруистическое, общее. Здесь сочетание эгоистического с альтруистическим осуществилось в новую, особую, реальную форму. Только слепцы не видят этого сочетания в промышленности — личного с общим. Пусть бы дело шло даже об одних общих потребностях низшего рода, и тогда бы следовало мириться с ними, не обходить их, а изучать и направлять в сторону по возможности правильную. Но ведь в промышленности дело касается потребности «не одного хлеба», а всякого сорта, начиная с обладания одеждою и жилищем, кончая защитою страны и развитием в ней искусств и наук, потому что ничто не обходится без пособия промышленности: пушки — без ее стали, снарядов и пороха, живопись — без ее красок, наука — без ее инструментов и т. п., воспроизводимых также особыми видами промышленности.

Следовательно, так и будем уже считать, что промышленность — необходимое звено современной жизни людей во всех их степенях и ступенях развития, превосходящих потребности сказочных готтентотов. С ее участием и значением важности должно мириться, как с составом воздуха или воды, как с необходимостью жить или умирать. Она — в природе вещей, т. е. составляет, как ныне говорят, один из видов эволюции жизни человечества. До сих пор разноречия, если и существуют, то не подлежат моему разбору в этой книге. [...].

Разноречие коренное, достойное поныне разбора и настоятельно требующее если не абсолютного, то хотя временного, конкретного решения, начинается с ответа на то: где же, у каких народов, в каких странах должна развиваться промышленность, или: какие виды промышленности должно считать уместными для данной страны и для данного места в стране?

Ответ на это будет либо решением живых и коренных текущих вопросов человечества, либо звенящим кимвалом мертворожденных утопий. С утопиями же, всегда представляющими, как дон-кихотство, некоторую внутреннюю красоту и естественную ступень развития лучших сторон человечества, считаться всюду приходится, хотя бы они носили на себе печать излишнего оптимизма или были основаны на жестоком пессимизме. Пессимистический ответ утопистов на поставленный вопрос, однако, разбирать не стоит; он к жизни не прилагался, не подходит, да ныне и не предвидится, чтобы впереди находил много приверженцев. А утверждали не раз, что промышленность, в ее наиболее развитых формах, могут доводить до правильного конца только народы избранные, умеющие управлять своими побуждениями в такой мере,

чтобы склоняться добровольно под игом промышленного давления и уступить право жизни и потомства немногим — избранным — капиталистам по духу и плоти, [...]. Иное дело — ответ оптимистов. С ним началась экономическая наука, в нем много жизненного и экономически молодому русскому уму — в нем много привлекательного, как в образах классицизма.

Оптимистическая утопия отвечает: «laissez faire», не вмешивайтесь в экономическую жизнь народов, все сложится, как должно, само собою, под влиянием личных аппетитов, людских способностей и склонностей и с течением времени. Это школа «экономистов» прошлого, исходящих в решении жизненных вопросов из отрывочных наблюдений и абстрактных сухих положений. Так, во времена классические, решали закон падения тел, не справляясь ни с прямым опытом, ни с косвенным разбором наблюдений, например над качанием маятника, даже без подробного расчета, прямо утверждая, на основании отрывочных наблюдений, что чем тяжелее тело, тем оно скорее и падает. При этом прошу принять во внимание оговорку, которую мне часто пришлось бы повторять, если бы я не сделал ее теперь же по отношению к Аристотелю и «экономистам»: учения, ими выраженные, суть естественные, первые, а потому и любимые, хотя и ошибочные шаги, а я понимаю, что, не начавши ходить, нельзя итти твердо и туда, куда необходимо, приходить. Галилею и его школе пришлось опровергать учение Аристотеля о падении тел, но не потому оно пало, что кто-то сбросил две гири разного веса и заметил, что они упали в одно и то же время. Это наблюдение было такое же отрывочное, как и Аристотеля. Смысл его так же не убедителен, как и опыт с бумажкой и монетой, падающими в разные времена. Там и тут условий много, все их сразу не охватить в простом наблюдении, случайно производимом. Например, тут примешалось сопротивление воздуха. В опыте (а не в наблюдении) устраняется воздух, и тогда падают перо и монета единовременно, как две гири разного веса. А опыт строится людьми, и, следовательно, в нем устраняется то, что уже раньше — помимо опыта — показывается или предполагается усложняющим наблюдаемое. Нет, не новые отрывочные наблюдения сломили учение Аристотеля о падении тел, а сумма, целая система исследований. Они состояли, во-первых, в виде отвлеченного разбора или возможно полного анализа явления падения тел и в извлечении из него отвлеченных же «законов падения тел»; во-вторых, в проверке прямым опытом выведенных законов. Тут вышел следующий курьез: выдумал в Болонье приспешник инквизиции Риччиоли

опровергнуть опытом законы Галилея и с падающей болонской башни заставлял падать глиняные шары. Вышло так, что этот отрицатель дал лучшие подтверждения для новых тогда «законов». В-третьих, эти новые законы применили тотчас к объяснению качаний маятника, движений брошенных тел и т. п. и везде нашли согласие явлений не с аристотелевскими, а с галилеевскими законами. Не будь Аристотеля с его вечною славою, не быть бы и Галилею, он и его последователи и не разбирали бы столь подробно следствий, внимание не шло бы столь напряженно, и недостало бы усидчивости в разработке множества частностей. Так и с учением «физиократов», увидевших основное значение сельского хозяйства и других добывающих видов промышленности и проповедовавших «laissez faire, laissez passer», т. е. советовавших правительствам ни во что промышленное не вмешиваться. Та же французская мысль, хотя выведенная из иных начал, еще резче выразилась в школе «индустриалистов», последовавших за Адамом Смитом, понявшим созидающее значение труда. Расходясь во многом, обе школы сошлись в принципе «невмешательства» в промышленные отношения как внутренние, так и внешние. Внутри Борнео есть племена, князья которых приобретают власть только во время войн. Что-то подобное этому сказалось в учении о «невмешательстве». Но должно же видеть, что Аристотель обосновал многие части науки, в которой сделал и свои особые, им введенные ошибки, заразившие многих. Так и экономисты указанных направлений. Они первые обратили внимание на важное значение того, что скользит мимо каждого из нас непримеченным, обобщили это, превратили в стройное учение и умели убедить в необходимости не только искать в экономических вопросах истины, но и следовать раскрытой истине до ее практических следствий. Заметив многое, они взяли отрывочное и, совершенно как Аристотель, приняли найденное за истину, не развивая до полного анализа, но и не возводя в закон. Это сделали уж их последователи. Приходилось разбираться в этом учении, проверять его не какими-либо отрывочными наблюдениями, вроде явлений рынка, а целою суммою опытных доказательств и целою системою исследований. В результате этой борьбы, описанной для Англии, где она велась сильнее, чем где-либо, и еще поныне не закончилась, по интересной книге проф. Янжула «Английская свободная торговля» (II, Москва, 1882), получилось понимание того:

1) что если народы обособились территориею, границами, государственными условиями и всею историею, среди чего

приходится — волею или неволею — всем нам жить, то следует вести в государствах и свою «национальную» или государственную «промышленно-торговую» политику;

2) что государственное невмешательство, т. е. «laissez faire» и «свобода торговли» (free trade) не есть общий закон, человечеству обязательный и полезный, а непременно приведет к экономической гегемонии народов, у которых промышленность успела развиться ранее признания указанного принципа, над народами, принявшими принцип невмешательства ранее, чем у них развилась своя промышленность, могущая бороться с иностранною, потому:

3) что промышленность не только доставляет полезности, не только удовлетворяет спросу, не только развивает и питает торговлю, но и дает ее участникам или производителям средства к жизни и накоплению достатка, а народам тот вид богатства, который необходим для развития как внешней, военной силы, так внутренней силы образования и развитого народного самосознания;

4) что принцип полного государственного невмешательства во внутренние торгово-промышленные отношения не может приводить страны, обладающие своею национальною промышленностью, к такому внутреннему распределению достатка, чтобы уничтожились экономические рабы, а напротив того, столь же легко, как и протекционизм, приводит к резкой противоположности (существу дела не отвечающей) интересов рабочих и капиталистов и к накоплению несметных богатств лишь в немногих руках предпринимателей (тех же монополистов, каких думали победить и искоренить), насчет полного обнищания рабочего сословия, что происходит чрез усиление производительности в ущерб ее развитию в странах, где имеются на то все естественные условия, но нет возможности приступить к началу развития — под давлением принципа невмешательства, которым утопия хотела осчастливить все человечество;

5) что принцип невмешательства (laissez faire), приложенный к международным промышленным отношениям, выгоден для народов, уже развивших свою промышленность до известной меры, т. е. когда пущены в ход уже все или, по крайней мере, главнейшие естественные богатства страны и народ освоился с промышленною деятельностью и международными торговыми отношениями, как, например, в Англии: ее каменный уголь, ее руды, ее сравнительно дешевая (по степени опытности и сноровки) работа нуждающегося населения и ее удобства пользоваться свободными для торговли морями; но для таких народов необходимо существование других наро-

дов, доставляющих хлеб и различное сырье и в то же время впускающих, по принципу невмешательства, иностранные к себе товары свободно, потому что тогда является на стороне промышленной страны преимущество подавлять, хотя бы с временным пожертвованием, всякое возникновение могущего возрождаться соперничества;

6) что, в возмещение полученных выгод, страны, подобные Англии, развившие ранее свою промышленность и держащиеся принципа невмешательства, сильно страдают от промышленных кризисов и перепроизводства, происходящего или от обеднения потребительных стран, например вследствие неурожаев, войн и т. п., или оттого, что потребительные страны уменьшают спрос иностранного товара (развивают свою местную промышленность), облагая его таможенными пошлинами;

7) что подобные страны из-за выгод промышленного процветания теряют в развитии своего земледелия, а это влечет не только к риску на случай военных событий, но и к шансу усиленного выселения, потому что земледелие естественнейшим образом навсегда останется всем любезнейшим и привлекательнейшим промыслом, если он не будет низведен, как это случилось в последние 30—40 лет, от удешевления продуктов земледелия, на степень наименее выгодных — по мере заработка и рисков — видов труда;

8) что страны, подобные С.-А. С. Штатам, гармонически развивающие свое земледелие и свою же промышленность — последнюю при помощи сильного обложения иностранных товаров покровительственною ввозною пошлиною, — усиливаются и богатеют исключительно быстро, тогда как страны, обладающие условиями неменьшего естественного богатства (например Аргентинская республика и Бразилия) и жителями такого же характера переселенцев, но развивающие почти исключительно свое земледелие и сходные с ним промыслы добычи сырья, не только не представляют условий усиления, но полны безурядиц и скудости во многих отношениях, если не прилагают забот о развитии внутренней своей промышленной производительности.

Многое еще и другое выяснилось опытом последних 50 лет, когда принцип невмешательства стал применяться. Опыт монаха в Болонье над падением шаров с падающей башни был поучителен, убедил сразу. Но он и длился всего несколько дней. И он описан добросовестно. И не было поводов и возможностей извращать его смысл, не было разочарований, его сопровождающих, ничьи живые жизненные интересы явно не страдали от утвердительного или отрицательного

результата опыта. Здесь иное дело. Главное же — опыт длителен и очень сложен, а от ответа в ту или иную сторону многое может поколебаться в основании, пострадает много личных интересов. Не лучше ли тогда не задевать столь жгучих сторон, не лучше ли оставлять царствовать признанную ошибку? Но ведь дело здесь не в том одном, что от перемены взглядов в будущем кто-то может кое-что потерять, а дело в том, во-первых, что от господства существующих взглядов мы сами уже многое утратили, и если бы господство взглядов этих продолжалось бесконечно, то мы потеря[ли бы] чуть ли не все то, к чему исторически приготовились; во-вторых, в том, что надобно же извлечь, если не самую истину, которая, увы, в конце концов закрыта недоступною завесою будущего, то, по крайней мере, надо постараться извлечь задатки истины, т. е. простую правду, касающуюся промышленно-торговых отношений народов. А когда дело касается русского таможенного тарифа, тогда естественно — разобраться в пресловутом споре, сперва чисто английском, а затем и всенародном, споре так называемых протекционистов с так называемыми фритредерами (от английского названия free trade — свободная торговля). Партия людей, проповедовавших и проведших, ко благу Англии, начала «свободной торговли», в то же время во всех своих действиях и влияниях возвещала всем мир и блага, промышленностью приносимые, а противу войны боролась с возможною настойчивостью. Слава Брайта не омрачена потворством стремлениям к военным приключениям и вмешательствам. Он, например, и с ним многие фритредеры, не только до, но и во время и после Крымской войны открыто восставали противу бессмысленной и бесцельной бойни народов. Много симпатического, цельного и действительно передового проводили фритредеры; процветание, богатство и сила Англии возросли с применением в ней их начал, а потому «свободная торговля», защищаемая ими, получила даже свое название от партии английских экономистов, положивших начало учению, с тех пор всюду распространившемуся.

И прежде чем касаться нового русского таможенного тарифа, необходимо, не страшась различных неудобств, от сего происходящих, разобрать с возможною систематичностью, простотою и краткостью, т. е. не вдаваясь в ненужные подробности — сущность разноречия фритредеров и протекционистов. Это и составляет содержание первой главы.

Во второй рассматриваются русские прошлые и современные отношения к вопросам таможенной политики. Современное нельзя уразуметь правильно, не познакомившись с исто-

рическою обстановкою дела. Но и здесь, как в первой главе, я не предполагаю писать историю предмета, а ограничиваюсь только такими его чертами, которые считаю необходимыми для понимания положения вопроса и того смысла, который, по крайнему моему разумению, вложен в новый русский таможенный тариф.

С третьей же главы мое изложение обращается от общих, хотя и реальных предметов, касающихся тарифа, к конкретному его содержанию, т. е. к обсуждению частностей русской промышленности, насколько она связана с окладами русского таможенного тарифа. Ввоз иностранных товаров и вывоз русских, как и самый таможенный на них тариф, имеют значение только как производные от основного, хотя бы только внешнего, содержания русской жизни, от всего ее промышленного труда и потребления. Показать эту зависимость или формулировать эту функцию — при помощи или по поводу рассмотрения статей нового тарифа — составляет ту задачу, за которую я осмеливаюсь приняться, думая развить ее настолько, чтобы ясно выразить основные мысли, давно носимые мною по отношению к экономическому строю России. При этом главное внимание обращается на те отрасли промышленности, которые с своей стороны считаю не только существенными и важными по свойству производимых предметов, но и своевременными для России, возможными для быстрого развития, пример которому дает русская нефтяная промышленность; особенно же на такие виды производительности, развитие которых находится в очевидной связи с таможенным тарифом. Разъяснение этих сторон русских промышленных отношений составляет главную цель появления предлагаемого сочинения. Познакомившись со многими видами иностранной и русской промышленности в течение прошлой деятельности, всегда остававшейся в связи с наукою и промышленною деятельностью, узнавши массу материала, бывшего в распоряжении Комиссии, занимавшейся пересмотром тарифа, присутствуя при его рассмотрении, происходившем при участии требований самых разнородных, и зная, что драгоценные материалы, скрытые в тарифном делопроизводстве, могут остаться еще долго под спудом, я решился изложить как свои экономические верования, так и свое понимание тех последствий, которые можно ожидать от применения нового русского таможенного тарифа. Не технические подробности отдельных производств, а экономические условия их развития в России и связь их с новым таможенным тарифом составляют главное содержание этой книги. На вид мертва формула закона,

а в ней жизнь дышит со всеми ее проявлениями, в ней спрятаны дорогие интересы. Если мне удастся показать это хотя бы только отчасти и хотя бы не в абстракте рассмотрения отвлеченных разноречий, а только в применениях к частностям русской экономической жизни, то цель моя будет достигнута. Словом, мне желательно, по мере сил, истолковать, разъяснить новый русский тариф, а потому я назвал свою книгу «Толковым тарифом». Правильно ли понял я тот смысл, который заключается в новом нашем тарифе, те следствия, которые он должен иметь, и те меры, которые могут его значение усилить или ослабить или даже уничтожить, об этом судить бесстрастно будут только чрез десяток лет, т. е. уже в предстоящее столетие. Ныне еще свежо прошлое, во многом видны страстность и интересы минуты. Отвлечься от них было моей задачей, но сумел ли ее решить — не мне решать. Если же ошибаюсь, то не под влиянием минуты, а под впечатлением от всей суммы пережитого, узнанного и под влиянием двухлетнего внимательного разбора частностей нашего тарифа. Узнанное показало мне, между прочим и прежде всего, что об экономических вопросах, касающихся русской промышленности, во-первых, вообще распространено мало верных сведений, во-вторых, менее всего знают об этом многие из тех, кого эти сведения более всего касаются, и, в-третьих, у молодежи, готовящейся вступить в русскую жизнь, нет возможности получить сколько-либо систематизированные сведения о состоянии русской промышленности, а ее укрепить может только выступающее поколение. Ему и хотелось разъяснить предстоящие задачи внутреннего быта России. Мне не по силам, да и не по средствам одного человека, труд до крайности надобный теперь России, а именно описание состояния всех отраслей русской добывающей и перерабатывающей промышленности в связи с состоянием дела у других народов. Это дело настоятельно, важно, плодотворно, должно отразиться на всей русской деятельности и должно уравновесить груз классицизма и резонерства, им внушаемого, у нас еще господствующих от школы до литературы. Если предлагаемая книга выяснит потребность в указываемом большом труде, а особенно если она возбудит появление его, то я буду считать счастливым тот день, когда принялся за предлагаемое сочинение.

С.-Петербург,
21 апреля 1891 г.

Глава 1

ВИДЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Яснее всего протекционная и свободная торговля влияли на жизнь Англии, а потому рассматривать будем почти исключительно английские отношения, а подразумевать можно русские и всякие иные.

Не потому приходится так поступать, что о чужой стране можно говорить свободнее, а потому, что в ней история всяких промышленно-государственных отношений выразилась полнее и нагляднее, чем где-либо в иной стране, да и все дело промышленности и торговли, очевидно для всех, ушло в Англии гораздо дальше, чем в других странах. Притом мерка одной Англии подходит к русской. Хотя в самой Великобритании земли меньше, чем в одной Пермской губернии, но во всех частях света английские владения занимают пространство, по величине даже немногим большее, чем пространство России. А принципиально все равно, какую страну ни рассматривать в ее международных отношениях, лишь бы она не была из очень отсталых. Это потому, что развитие государств и народов в крупных чертах идет — как развитие организмов или как постройка зданий — по одному общему типу. Кажущаяся разница развития, иногда прикрывающая в действительности даже самую тень сходства, ведет свое начало от зародыша или плана, лежащего в основе построения. Здания различны по виду и по содержанию, но камни и известка те же, и стройка идет по порядку снизу вверх, хотя и приходится иногда подводить самый фундамент впоследствии, сперва укрепив на временных столбах. Так и жизнь народов слагается из тех же кирпичей индивидуальных интересов и начинается также снизу, с интересов массы, а цементом всегда служит обладание территориею и государственная организация, вызываемая взаимною враждою сильных и притеснением

слабых и вызывающая различие сословий, достатков, прав, обязанностей и интересов.

Замечу, однако, с самого начала, что конкретный пример Англии избран мною вовсе не для того, чтобы писать историю ее таможенных мер, а только ради того, чтобы объяснить, как я понимаю это — способ создания промышленного развития страны при содействии ее таможенных мероприятий.

В Англии — как и всюду — сперва внутреннее производство удовлетворяло все потребности народа, а извне получалось лишь ограниченное число товаров, да и то больше двух родов: предметы роскоши и прихоти, с одной стороны, например пряности тропиков, меха для одежды и т. п., а с другой — предметы, надобные для развития издавна существовавших видов промышленности, но внутри страны либо недостаточно производимые, как смола или лес для кораблей, либо вовсе в ней не добываемые, как шелк для тканей, как золото для монеты, как виноградное вино, и т. п. Производство внутреннее было обложено, как и всюду, податями для государственных надобностей. Многие производства, как, например, водочное, стеклянное и писчебумажное, в Англии были издавна обложены очень сильно, а потому естественно было собирать подать и с привозимых товаров; интересы государства того требовали. Ни о протекционизме, ни о фритредерстве тогда и речи быть не могло; все пошлины были сбираемы лишь в интересах фиска, или государственной казны.

В старых порядках много симпатического, простого и естественного, как в детстве. Мудрено ли, что многим порядки этого рода кажутся идеальными. Но, увы, детство проходит, требования усложняются, самосознание и нужды возрастают, и необходимо прибегать к компромиссам, когда приходится чем-либо жертвовать для того, чтобы дать простор наибольшей возможности развития. Тогда к фискальным налогам на привозные товары присоединяются покровительственные, и начинается эпоха *первичного* протекционизма. Он выражается двояко: или иностранное соперничество совершенно устраняется во внутренних промышленных отношениях, т. е. на иностранное налагается прямо запрет, или же иностранное обкладывается высокою ввозною пошлиною, хотя чрез нее чаще всего страдают интересы фиска, потому что является контрабанда и потребление вздорожавших товаров уменьшается; обложение же вводится для того, чтобы подданные своего государства находили в производстве облагаемых товаров средства для жизни и чтобы трудовая деятельность вообще возрастала и помогала государству в его соревновании

с другими государствами. Возьмем примеры из числа крупных, в которых дело становится более ясным, и возьмем именно примеры английские. Они уже стали делом давно прошедшего, результаты их видимы, а потому о них можно говорить объективнее, чем о недавних, еще живущих или действующих примерах. Нам приходится еще переживать подобные примеры.

Англия — остров с незамерзающими портами, круглый год в воде купающийся, а потому естественно на нем развилось мореходство и связанное с ним кораблестроение. Промыслы эти были и останутся народными в Англии; казалось бы, при первом взгляде, что никакого протекционизма тут не надобно, естественные условия покровительствуют им и без того очень сильно, и если бы слушались только экономистов, проповедующих свободную торговлю, следовало бы только устраивать сильный военный флот и мореходные классы да гладить по головке отличившихся мореходов — и дело пошло бы само собою: Англия получила бы естественный размер большого мореходного значения в силу своего положения и всех своих условий. Так это и делалось, да оказалось недостаточным. Пробовали и в Англии, как всюду, даже покровительствовать иностранцам, особенно отвозящим избытки английских товаров. Так, например, Эдуард I дал иностранным кораблям, приходящим в Лондон за английскими товарами, особые привилегии, и немцы, т. е. Ганза, да голландцы и итальянцы сильно пользовались такими привилегиями; вывозили хлеб, шерсть, кожи, олово, свинец, ньюкастельский каменный уголь (с XIV ст.), морскую рыбу; привозили же гораздо меньше товаров, между которыми было и сырье, например лес, некоторые сорта хлеба и разнообразные готовые товары, например шелковые, оружие, целые готовые корабли и т. п. Своя морская торговля англичан в век даже Елизаветы не могла считаться крупною в мире; у ганзейцев, генуэзцев, португальцев и голландцев торговля была не меньше, даже много больше, шире и прибыльнее. А когда в XVII ст. возгорелись внутренние междоусобия, английская торговля и промышленность принизились до того, что голландцы взяли полный верх на море, а продукты французской промышленности ворвались в изобилии в Англию, которая вывозить стала почти одно сырье и то на кораблях больше всего чужеземных. Это очень напоминает экономическое положение, еще и ныне существующее во многих странах, даже отчасти в нашей. Поворот в лучшую сторону как в политическом строе, т. е. в прекращении внутренних раздоров, так и в отношении к внешней

торговле и к внутренней промышленности начинается в Англии явно с половины XVII ст., и в отношении к внешней торговле поворот этот выразился особенно ясно в знаменитом «навигационном акте» 1651 г., изданном Кромвелем. Ранее чем сказать об этом акте первостепенного протекционизма, считаю уместным указать на то, что государственное и народное самосознание обладают, судя по множеству исторических примеров, особым ясновидением именно в эпохи, следующие за экономическими бедствиями и потрясениями, по очень простой причине, что «от добра добра не ищут», т. е. перемен в благополучное время избегают. Навигационный акт действовал в Англии, сперва с некоторыми кратковременными перерывами, в течение *двухсот лет*, до 1850 г., когда он отменен попутно с отменою многих других протекционных мер.

Прямая цель навигационного акта состояла в том, чтобы оставить исключительно за англичанами выгоды морской торговли в английских владениях, в той уверенности, что в конце концов это приведет к тому, что морское торговое дело чрез это укрепится в Англии. И оно укрепилось до того, что Англия стала первою морскою державою, бывши при издании навигационного акта слабее в этом отношении многих других держав. Особенно грозною военною и торговою силою в то время на всех морях обладала Голландия. Навигационный акт назначался именно для того, чтобы сломить голландскую морскую торговлю, лишить ее всякой возможности получать выгоды от торговли с Англиею и ее колониями. Попутно с систематическим рядом морских и колониальных войн (XVII и XVIII ст.) с голландцами, англичане настойчиво вели войну промышленную, и навигационный акт был главным орудием войны этого последнего рода. Этим актом устанавливались следующие пять мер:

1) Запрещалось кому-либо, кроме англичан, производить каботажную торговлю, или перевозку товаров из одних портов в другие. Эту меру затем заимствовали от англичан многие другие государства. В России и поныне действует такое узаконение. Оно не только дает хлеб или заработок своим морякам и морским судам, но и составляет ту действительную, жизненную школу, в которой воспитываются люди, могущие вести внешнюю морскую торговлю, совершать далекие плавания. Если ждать того, чтобы само собою, свободным состязанием народов, укрепилось морское дело в стране, то можно притти к тому, что всю прибрежную морскую торговлю отобьют чужие мореходы. Ведь первые шаги трудны, их поддержать необходимо; для борьбы, т. е. для

свободной конкуренции, необходимы опыт и сила, а они сразу не рождаются и нарастают лишь последовательно. А когда родятся и наживутся, тогда можно, и даже, как увидим далее, может быть очень выгодно, фритредерствовать.

2) Иностранным кораблям дозволялось привозить в Англию только товары, произведенные в тех странах, к которым принадлежит корабль. Голландцы занимались преимущественно перевозкою товаров, производимых другими народами, и в этом деле имели громадный заработок. Навигационный акт отнял часть его от голландцев и передал англичанам и их кораблям. Очевидно, что фрахты поднялись, иностранные товары подорожали, и только немногие англичане, владевшие кораблями, получили страшные выгоды, монополизировали в своих руках привозную торговлю. Невыгоды этого очевидны, их только и видят в протекционных мерах те, которые желают смотреть односторонне. А страна выиграла, заведя множество новых кораблей. Проигравшие могли сами сделаться арматорами кораблей, и если каждый англичанин мог сделаться монополистом, то очевидно, что монополии в сущности не было, а была только дана временная выгода начинателям. В протекционных мерах эта сторона предмета очень важна и часто упускается.

3) Вывоз из английских колоний в другие страны запрещался; он был допущен только в Англию и чрез Англию. Этим путем Англия сделалась центром своих колоний не только административным, но и торговым. Колонии ослаблялись, ради выгод метрополии. Хорошо ли было это или нет, судить можно из того, что в те двести лет, когда действовал навигационный акт, сложились и успели уже отделиться северо-американские колониальные владения Англии, составившие С.-А. С. Штаты, и поводом к отложению служили именно торгово-промышленные вопросы, так как они, в сущности, составляют причину множества крупнейших политических событий в мире. И примечательно, что указываемая (и следующая) статья навигационного акта прямо, сама по себе, не вызывается протекционными началами, которые целиком видны в других статьях рассматриваемого акта. Эта статья скорее политическая, назначавшаяся для скрепления уз между колониями и метрополиею. По смыслу протекционизма, как он ныне понимается, следовало бы ее исключить, потому что, предоставляя покровительство всяким промыслам своей страны, т. е. устраняя иностранную конкуренцию, следует затем внутри страны и вне ее предоставить всем своим подданным полную свободу действия, наблюдая

только за тем, чтобы действия каждого не мешали свободе действия остальных своих подданных. Отдавая же жителям метрополии промышленное предпочтение противу жителей своих же колоний, очевидно действовали по соображениям иного порядка, в духе монополизма части страны сравнительно с ее же отпрысками. История все это показывает и разъясняет ошибки.

4) Никто, кроме англичан, не имел права вести морскую торговлю с английскими колониями. Это опять акт политического монополизма, а не прямого протекционизма, для которого монополизм составляет зло. Протежируя торговлю англичан в своих колониях, Англия заставляла их не только платить больше за привозные, чужеземные товары, что не столь еще важно, но и продавать свои товары только тем немногим англичанам, которые были заняты торговлею с колониями. Если посредствующая торговая деятельность английских подданных чрез это и выигрывала, то производительность добывающая и перерабатывающая в колониях очевидно страдала, потому что внешний спрос на производимые в колониях товары ограничивался.

5) Корабли, ведущие по вышеизложенным пунктам английскую колониальную и внешнюю торговлю, должны были не только принадлежать англичанам, но и быть построенными в Англии, и команда таких кораблей должна была состоять, по крайней мере, на $^3/_4$ из английских подданных.

Эта статья весьма важна и проникнута протекционизмом крайнего, резкого размера. Но она была нужна для того, чтобы создалось английское кораблестроение вместо голландского, долго господствовавшего, и для того, чтобы английские матросы и вообще моряки получили явную привилегию, из-за которой морской промысел становился выгодным и особо симпатичным английскому народу. Еще Ричард II в конце XIV столетия издал закон такого же содержания, но он был скоро отменен, потому что был единичною мерою, а такая отрывочная единичная мера пройти в жизнь не могла, потому что не было арены для ее применения; строить в Англии корабли было мало выгодным, лучше было покупать готовые в Голландии или пользоваться голландскими кораблями для встречавшихся надобностей. Теперь, при других статьях навигационного акта прошло и требование постройки кораблей в Англии именно потому, что хотя корабль и обходился дорого, но он во всю свою жизнь получал особую привилегию — вести торговлю с колониями,

чего лишены были не только корабли, принадлежащие голландцам или другим мореходным народам, но даже и корабли, купленные англичанами у других народов.

Результат навигационного акта перед глазами всего мира. Англия из державы третьестепенной в торгово-политическом смысле стала первоклассною и из страны среднего достатка — богатейшей, преимущественно благодаря развитию колониальной и вообще морской торговли, а между нациями, строящими корабли, Англии принадлежит бесспорно первое место не только по достоинству или качеству постройки, но и по ее дешевизне и по количеству. Как это сделалось в двести лет, скоро ли, сколько лиц от того выиграло и сколько проиграло, сколько выгод и проигрышей пришлось от того остальному миру, не перешли ли при этом лишь некоторые центры из одного места в другое, — все это вопросы сложные и не лишенные интереса, но прямо до нашего дела не относящиеся, а потому и не будем их разбирать. Но цель, поставленная, достигнута: Англия хотела в указанных делах выиграть и выиграла. И если государственная обособленность или индивидуальность существует как форма развития человечества, то и законно всеми возможными способами желать и достигать преимущественного блага в своей стране, потому что каждая позаботится о себе, т. е. сделает для себя то, что понимает и может. Но следует понять, что не всякое доброе желание, хотя бы и задуманное для национальной полезности, осуществимо, ибо «добрыми желаниями — ад устлан», а в мерах протекционизма вообще и в навигационном акте в частности есть свой «ад». Отчего же одни меры протекционизма могут быть удачны, плодотворны, другие же такими не будут и не бывают? Где главный признак для оценки достоинства подобных мер, для суждения о степени их состоятельности? Вот вопросы, на которые необходимо ответить с самого начала, чтобы протекционизм получил свой истинный и правильный смысл. Мне кажется первый и важнейший ответ легким и ясным: протекционизм может быть полезен только при условии существования в данной стране всех естественных условий для развития того вида промышленности, который покровительствуется, для возрождения в ней внутреннего соревнования. Навигационный акт потому и принес для Англии много добрых плодов, что в Англии существуют все естественные условия для развития мореходства и для того, чтобы при особых выгодах, ему дарованных, многие сразу обратились к покровительствуемому виду промышленной деятельности. От развития внутреннего соревно-

вания зависит не только понижение цен, но и возвышение качества продуктов, умножение народного труда и возбуждение в широких размерах многих побочных производств, а потому и достижение тех заглавных целей, которые необходимо не упускать из вида при рассмотрении развития данного вида промышленности в какой-либо стране. Развивая свое кораблестроительное и мореходное дело, Англия хотя и достигла уменьшения подобных дел в Голландии, но не могла и не имела целью подавить дела этого рода во всем свете, и в то время, как росла морская сила Англии, росли морские силы и других стран, а в конце концов от развития английских морских средств выиграли сношения всего мира, явилось умножение промышленных сил. Если Англии можно было достичь многого, то могли бы и другие страны достичь того же, если бы у них была сумма английских благоприятных условий. Испания и Португалия, а потом Голландия первенствовали на морях, но потеряли это первенство, растеряли и колонии, но, конечно, не потому, что не выдумали своих навигационных актов, а потому, что естественных условий для сильного роста морских оборотов у них было меньше и свойства самого народа были менее подходящи. Так каждой стране отвечают свои виды промышленности. Истинный смысл различия между учениями свободной торговли и покровительства только тогда станет ясным, когда дело касается производств, отвечающих естественным условиям данной страны и ее жителей. Нельзя согласиться на протекционизм принципиальный, но нельзя согласиться и на принципиальную справедливость начал свободной торговли. Если бы Англия держалась все время начал свободной торговли, она бы не стала первоклассною мореходною страною; Голландия, к ней столь близкая, не дала бы возможности укрепиться ни кораблестроению, ни мореходству Англии, всегда бы соперничала и, временно жертвуя, губила бы все зачатки английских начинаний. Когда раз укрепилось дело — тогда можно соперничать открыто, на свободном поле международного соревнования. Покровительство свой истинный и важный смысл получает в отношении к тем производствам данной страны, которые в ней могут развиваться насчет развития их в других странах, но еще не успели достичь развития под влиянием иностранного соперничества. Другими словами, принципиально то заслуживает обдуманных, строго и настойчиво проводимых протекционных мер, что может достичь большого значения для страны и, достигнув, приумножить общий мировой достаток, общие народные и всенародные про-

мышленные средства. Покровительство бесполезно, даже вредно, если в указанном смысле не предстоит никаких видов в будущем. У свободной торговли есть свое поле, и его мы постараемся очертить в дальнейшем изложении этой книги, теперь же перейдем к примерам английского сознательного протекционизма, касающегося продуктов иностранной промышленности, облагавшихся таможенными окладами не ради фискальных целей, а ради содействия развитию внутренней промышленности. В Англии такие пошлины действовали в эпоху навигационного акта, и под их защитою росла и развивалась английская промышленность. Так, например, шерстяные ткани сперва вовсе были запрещены к ввозу в Англию; в 1819 г. они были обложены 50% пошлины с их ценности (ad valorem). Таможенная пошлина на хлопчатобумажные ткани и всякие мануфактурные изделия также собиралась очень долго в размере 50% с их цены. С тонны ввозимой меди взималось 54 фунта стерлингов, что составляет почти по $5^1/_2$ руб. зол. с пуда. Когда (в 20-х годах текущего столетия) стали распространяться идеи «свободной торговли», тогда пошлину сбавили почти наполовину. Для цели нашего изложения этих примеров довольно, если к этому прибавить только, что ныне Англия производит в год более 15 млн пудов шерстяных изделий внутри страны, ценою, по крайней мере, на 600 млн руб. зол., и половину этих шерстяных изделий вывозит в другие страны. Хлопка в Англии ежегодно перерабатывается около 50 млн пудов в ткани, цену пуда которых нельзя принять в среднем менее 30 руб. зол. за пуд. Около 20% всей этой массы хлопчатобумажных тканей отпускается Англией в другие страны. А чтобы судить о размерах медноделательной промышленности Англии, достаточно указать на то, что ежегодный отпуск меди из Англии в иные страны оценивается, по статистике последних лет, слишком в 3 млн фунт. ст., т. е. около 20 млн руб. зол. Это плоды, данные ростками, лишь пробивавшимися за два столетия сему назад. Ростки поберегли с английскою настойчивостью, не слушаясь тех, которые говорили, что это им мешает, делая многие товары дорогими, и отвечая им: подождите, дайте срок, дешево будет, да и сами беритесь за выгодное и удешевляйте. И те, волей-неволей, брались, стало и дешеветь и передешевело. Оттуда и пошли: английская сила, наука и самосознательное, здоровое отношение к промышленности и государству. Без своевременно примененного протекционизма Англия, наверное бы, пропала давным-давно, наподобие Венеции или Ганзы, нашли бы там нормандскую, или саксонскую, или

какую другую кровь и аннексировали бы. А мир и его мирное развитие от этого, вероятно, много бы проиграли.

Таковы средства, примененные Англией, и таковы достигнутые результаты. Эти последние относятся, конечно, к современной эпохе, когда протекционизм в Англии не существует, когда фритредеры выставляют Англию образцом «свободной торговли». Но и они не могут отрицать и не отрицают того, что промышленное *развитие* достигнуто Англиею в эпоху протекционизма,[1] а не в период последних 50 лет, когда в Англии применены идеи свободной торговли. Для Англии, где промышленность развилась в эпоху протекционизма, ныне праздным покажется вопрос: была ли бы Англия тою промышленною страною, какова она ныне, если бы не действовала сперва под руководством сознательного протекционизма, а для нас, и вообще для стран с еще неразвитою промышленною деятельностью, вопрос такого рода столь естествен, что невольно представляется уму и решается категорически не только по соображению обстоятельств дела, предшествовавших английскому протекционизму, но и примеров иных стран, долго не державшихся начал протекционизма по отношению к множеству товаров, производство которых не развилось в этих странах. Так, в С.-А. С. Штатах пока не стали покровительствовать мануфактурам, хлопок вывозили сырьем и получали хлопковые ткани. То же замечается на наших глазах в Австралии, которая ввела свой покровительственный тариф именно для того, чтобы развить многие производства внутри своей страны. Противники протекционизма обыкновенно выставляют, что промышленное развитие Англии ведет свое начало от судьбы и гения ее народа, что он одарен промышленными силами и средствами и что в этом должно искать ключ к пониманию промышленного развития Англии. Но в Новой Голландии и Канаде живут те же англичане с их промышленным гением, отчего же они-то для развития своей внутренней производительности тотчас прибегли к покрови-

[1] Но это отрицают лица, решающиеся у нас очень часто от имени науки говорить только о глубоком вреде, везде и всегда, будто бы, причинявшемся протекционизмом. Не то, чтобы я не хотел [на]зывать лиц, но не называю их просто по той причине, что мне стыдно за них, а особенно за ложную ссылку на науки, которые они эксплоатируют ради только одного красного словца. Но чтобы не остаться голословным, я цитирую для примера одну статью, подписанную полною русскою фамилиею в журнале, который мне, однако, совестно назвать полным именем, равно как и подпись автора. Скажу загадкой. В названии журнала 14 букв, в фамилии автора 10 букв, год 1876, статья трактует о свободной торговле и протекционизме.

тельственной таможенной политике, лишь только получили столько самостоятельности, что могли защищаться тарифом даже от своей метрополии? Очевидно, что причину этого должно искать в том, что жители Новой Голландии и Канады, как англичане, помнят и правильно понимают экономическую историю своей материнской страны, получившей промышленную жизнь именно в покровительственный период ее истории. И С.-А. С. Штаты, и Канада, и Новая Голландия, и всякая иная страна будут иметь время перейти к свободной торговле, если она им будет выгодною, когда успеют столетнею практикою развить свою внутреннюю производительность, как успела Англия в эпоху, начатую давно и кончившуюся с введением свободной торговли в средине текущего столетия.

Но отчего же Англия сменила свою протекционную систему, если она ей была так выгодна? Ведь при ней развитие и рост возможны, торговля с иностранцами английскими продуктами росла и при протекционизме, кажется, можно было бы довольствоваться одним тем, что началось в первую четверть этого столетия, а именно свободным ввозом сырья, надобного мануфактурам и другим переделывающим промышленностям? Только тогда, по моему мнению, можно правильно понять отношение протекционизма к фритредерству, когда получится ответ на эти вопросы. Постараемся же дать их с некоторою определенностью.

Основною причиною замены, притом довольно постепенной, протекционизма свободною торговлею в Англии несомненно служит тот же самый расчет и такое же соображение о благе своего государства, какие служили поводом к введению протекционизма. Как благо страны может требовать начала оборонительной войны и ее ведения, но то же благо страны заставляет потом, особенно когда цель войны уже достигнута, горячо требовать и искать мира, так интересы государства могут требовать и искать протекционизма или обороны внутренней производительности противу давления внешней, но когда цель достигнута, наибольшее благо страны может отвечать условиям свободной торговли. Так случилось в Англии. Цель была достигнута, английская промышленная деятельность развилась, ее торговый флот и ее торговые фактории охватили весь мир в возможной мере и, что всего важнее, Англии было выгоднее, начиная с личного примера, заставлять держаться принципов свободной торговли. Ее ораторы прямо говорили это. Гускиссон еще в 20-х годах, требуя для Англии свободной торговли, сказал ясно: [1]

[1] Янжул. Английская свободная торговля, II (1882), стр. 5.

«Говорю вам не под влиянием теории», «начала свободной торговли вытекают из опыта». «Наше богатство и промышленность призывают нас к свободным сношениям с другими странами». «Действуя таким образом, я убежден, что действую для блага и пользы моего отечества». И все это правда. Для Англии было своевременно и выгодно, в средине сего столетия, обратиться к свободной торговле. Перечислим главные соображения, которые сознавались англичанами, требовавшими свободной торговли, и оправдывались на деле:

1) Высшее развитие промышленности отвечало уже в средине сего столетия, как отвечает и поныне, машинному производству, а главные виды машин созданы Англиею, в ней производились и производятся; постороннее соперничество здесь не страшно для Англии, потому что другим странам сперва надо достичь того, что уже было и есть в Англии.

2) Первейшими двигателями промышленности служат торговля и мореходство, а в том и другом Англия уже заняла в средине столетия первое место, чему помогли ей навигационный акт, владение колониями во всех частях света и островной характер самой метрополии. Притом в военно-морском отношении Англия — сильнейшая держава. Какого же торгового соперничества ей было страшиться?

3) Каменный уголь стал уже в 50-х годах спутником и условием всякого промышленного развития, а Англия обладала богатейшими из известных тогда в Европе залежей каменного угля, она уже снабжала им многие другие страны и, следовательно, у нее в руках был еще один из ключей промышленного развития многих стран Европы.

4) Промышленность и торговля для своего современного развития требуют накопленных капиталов, а их в Англии за период протекционизма накопилось много, потому что все главные виды английской промышленности (каменноугольная, железная, кораблестроительная, мануфактурная, содовая и т. п.) относятся к числу капиталистических, могущих достигать тем крупнейшего роста, чем больший капитал вкладывался в предприятие. Следовательно, Англия могла надеяться своими капиталами или давить зачатки промышленности в других странах, или участвовать в могущих быть барышах промышленных предприятий других стран. Что касается до Франции и Германии, как крупнейших, после Англии, промышленных государств, то они не могли быть страшными для Англии промышленными соперниками, как и другие страны Европы, за исключением России, потому что естественные их условия менее английских благоприятствуют

силе современного промышленного роста. Возможность промышленного и политического соперничества России всегда составляла предмет английских забот, ради того и была начата Крымская война, но тут у Англии оказались совсем нежданные союзники в виде поклонников свободной торговли, внушивших в эпоху крупных расходов на постройку железных дорог, что выгоднее всего их снабдить иностранным капиталом и продуктами иностранной промышленности. Это, быть может, избавило Россию и Англию от новой Крымской войны, но послужило к тому, что русская промышленность не развилась в той мере, в которой она могла бы иметь серьезное значение во всемирном промышленном соперничестве. Оставались и остаются поныне одни северо-американцы. Они, как дети той же Англии, дальновидно не пошли на удочку «свободной торговли». Но в 50-х годах их соперничество, проявившееся с особою силою после внутренней войны 60-х годов, было еще не ясно для Англии, которая в своем промышленном развитии ныне только и страшится С.-А. С. Штатов. Там и угля много, и моря много, и климат благоприятнее французского, и народу теперь более 50 миллионов, и капиталов много, и протекционизм в силе, и все это растет, — есть о чем подумать англичанину.

5) Точные науки, ставшие в новейшие времена безысходно необходимыми для установления силы и ведения современной промышленности, в Англии развились и расцвели в период покровительственной системы до того, что англичане заняли и тут едва ли не первое место, а потому Англия могла рассчитывать в дальнейшем развитии своей промышленности на помощь готовой у ней науки. Связь же промышленного и научного развития столь ясно оказывается всюду, что упускать это из вида невозможно.

6) Протекционизм Великобритании, как и других — кроме России — стран Европы, прежде всего выражался охраною продуктов земледельческого труда, т. е. привозный чужеземный хлеб был обложен таможенною пошлиною. Земледелие Англии, выросши в эпоху протекционизма, достигло совершенства, не известного другим землям, стало образцовым, но оно велось на землях ландлордов фермерским способом, а потому, строго говоря, внутренней свободы земледельческого труда в Англии не бывало никогда (ее нет и до сих пор), а потому хлеб в Англии стоил дорого настолько, насколько был обложен пошлиной. В цене этой были заинтересованы ландлорды и фермеры, но для фабрично-заводских предпринимателей и для рабочих как для потребителей было очень важно, чтобы

цена хлеба упала, что легко достигалось простым снятием пошлин с привозного хлеба. Это требование было одним из капитальнейших, побуждавших к принятию принципов свободной торговли, тем более что в Англии времен свободной торговли сильно боялись народного восстания, избежать которого было возможно только путем понижения цены хлеба, что входило в круг принципов свободной торговли. Притом Англии уже давно недоставало своего хлеба.

7) Свободный ввоз сырых продуктов, надобных фабрикам и заводам и не имеющихся в самой Англии в достаточном изобилии, был, очевидно, полезным для Англии, потому что она вывозила массу продуктов, переделанных на ее фабриках и заводах, в другие страны и возврат пошлин при вывозе был сопряжен с различными неудобствами, а для сырых продуктов (например каменного угля, соли, глин, камней и т. п.), добывающихся в самой Англии в большом изобилии, свобода иностранного ввоза не могла быть страшною ни в каком отношении, следовательно впуск всякого сырья беспошлинно не только не представлял никаких опасностей для народного труда, но и был выгоден для переделочной промышленности. А производство фабрично-заводских продуктов, как выяснено ранее, достигло в Англии до того, что нужно было заботиться об отыскании рынков для сбыта избытков производимого, следовательно и тут свободная торговля не могла представлять никакой опасности.

8) Англия в эпоху протекционизма стала образцом для других народов. Ее богатству, ее могуществу, ее просвещению и даже ее внутреннему спокойствию во времена политических треволнений во всей Западной Европе завидовали все народы, ее ставили образцом, ей старались и стараются подражать все народы. Подражание же английскому протекционизму закрывало рынки английским же товарам, а потому принятие начал свободной торговли могло прямо открывать эти рынки, если страны стали бы подражать английской свободной торговле, как они подражали всяким английским примерам. Защитники свободной торговли в своих парламентских речах очень часто и очень ясно говорили об этом предмете и не двусмыслили, взывая ко взаимности, потому что знали, что от нее они сами останутся только в прямой выгоде.

9) Учение экономистов, следовавших за Адамом Смитом, в эпоху введения свободной торговли господствовало не только в самой Англии, но и во всей науке того времени, а оно прямо требовало свободы торговли как одного из приложений общего начала невмешательства государства в тор-

гово-промышленные отношения. Оттого и видим, что единовременно слагали в Англии всякие внутренние ограничения этих отношений и всякие внешние виды охраны или протекционизма; одни и те же люди защищали, под влиянием теоретических начал, всеобщий мир, возможно полную свободу внутренней промышленности и «свободную торговлю», подразумевая под этим снятие всяких покровительственных пошлин. Это было наруку влиятельнейшим и богатейшим промышленникам, образовавшим пресловутую партию «вигов», потому что она составлена была преимущественно из промышленников, защищавших все средства для удешевления товаров, которые тогда могли лучше проникать в отдаленнейшие страны. Поэтому виги сошлись с экономистами, и союз этот победил протекционизм. Присоединилась и масса благожелательных добрых людей, желавших, чтобы меньше помирало народа от недостатка работы и дороговизны хлеба, желавших мира и веривших, что свобода промышленности и торговли приведет к уменьшению того различия богатых от бедных, т. е. капиталистов и ландлордов от фабрично-рабочих и землепашцев, того различия, которое наросло к концу эпохи протекционизма в Англии до поразительных размеров. Другие ожидания оправдались, но это последнее, как всякий знает, осталось невыполненным, потому что свобода всякого рода столь же полезна сильному, как и слабому, а потому указанных отношений сама по себе изменить не в силах. Для этого нужны другие государственные силы, которые и приведены в действие лишь потом, когда оказалось, что промышленная и торговая свобода не в силах экономически уравнивать и что этого может достигать только государственная власть, становящаяся между рабочим и капиталистом там, где это надобно.

Достаточно приведенных соображений, чтобы объяснить переход Англии в средине текущего столетия от протекционизма к фритредерству. Переход совершен, результаты налицо. Взвешивая их, можно уже ясно видеть, что только две стороны учения о свободной торговле были действительно полезны и важны для судьбы Англии. Во-первых, свободный, т. е. беспошлинный, ввоз хлеба дал Англии возможность сохранить в стране порядок и понизить цену английских товаров, что расширило их распространение в других странах. Во-вторых, учение о выгодности свободной торговли и о ее рациональности распространилось из Англии во многие страны, и они ослабили заботы о развитии своей национальной промышленности, открыли двери чужеземным товарам. И мы,

русские, поплатились при этом, как объясняется в следующей главе. При смене протекционизма фритредерством намеченные Англиею цели были достигнуты. Это-то и соблазняет современных фритредеров, которые не видят того, что все выгоды англичан от свободной торговли пропали бы, если бы другие народы, принимающие английские товары, подражая самой Англии, сразу поняли, что начала свободной торговли им могут быть пригодны только после столетнего систематического и резкого протекционизма, и если бы ввиду этого призакрыли бы свои рынки для товаров фритредеров. Они говорили и говорят, что это очень было бы невыгодно для стран, могущих получать более дешевые чужеземные товары. Но чужие корабли, чужие фрахты, чужой хлеб, чужие шерстяные ткани, чужая медь и т. п. ведь были в свое время очень выгодными для самой Англии, однако она их не впускала или от их наплыва ограждала свою страну — не свободою, а пошлиною. Так и другим странам выгоднее теперь заплатить дорого, от наложенных пошлин, за английские и вообще чужеземные товары, чтобы иметь возможность, во-первых, получить наиболее дешевые местные, свои товары хоть со временем, а во-вторых, чтобы дать возможность своим жителям получить заработок не только на добыче первичных продуктов, искони веков добываемых в стране, но и от заработка на заводско-фабричных производствах, потому что заработки этого рода выше, надежнее и сопряжены с накоплением в стране науки и достатка. Это поняли под конец многие страны, а потому видим, что протекционизм, которого похороны уже праздновали всюду, даже до самой Англии, вновь получил практическое применение и стал пользоваться должным ему почетом. Чтобы правильно толковать сказанное, должно вспомнить, что в Англии и почти всюду протекционизм таможенный искоренялся единовременно со всеми видами вмешательства государства в промышленные отношения, например в отношения рабочих к хозяевам. В Англии нет пока надобности возобновлять таможенный протекционизм, потому что во всех ее основных промышленностях (например мореходстве, добыче каменного угля, в производстве машин и в мануфактурном деле) она еще не имеет в Европе соперников. Но уже очевидно, что если в этих делах Америка или Россия представят шансы соперничества, Англия опять прибегнет к таможенному покровительству. Что же касается до «невмешательства» во внутренние промышленные отношения, то оно давно уже оставлено в самой Англии. Вмешательство государства во внутренние про-

мышленные отношения выразилось в Англии уже ясно в виде регламентации числа рабочих часов, работы малолетних и т. п. Гуманность создала фритредерство, но она же, и притом очень скоро, заставила его отменять, вытеснять шаг за шагом. Было время, когда протекционизм считался отсталостью, фритредерство же единственным верным и всеобще применимым учением, а ныне можно сказать, что протекционизм берет всюду верх, хотя Англия еще не дошла до возобновления таможенного протекционизма. Но будет правильнее, если мы немного изменим сущность сказанного, различив прежний, первичный протекционизм от его новейшей, вторичной формы, и если, сверх того, отличим от них обоих ту форму протекционизма, которая уживается с лучшими сторонами учения о свободной торговле и представляет желаемую, высшую форму протекционизма.

Однако прежде чем говорить об этом, полезно ответить на вопрос: почему же учение о свободной торговле уловило, поглотило умы столь многих людей не в одной Англии или Франции, имеющих развитую промышленность, а даже в России и тому подобных странах, очевидно долженствующих страдать от применения начал фритредерства? Ни своекорыстием, ни отсутствием любви к отечеству или ближним, ни идолопоклонством гению Англии, ни узкою одностороннею подражательностью, ни увлечением политико-экономическими идеями, как у Бастиа, ничем этим, хотя и пробовали, не объясняется упомянутое явление. Причина, с одной стороны, глубже, а с другой, мельче и доступнее. Причина та, что с протекционизмом жить дороже, платить приходится за чужеземные товары больше. При протекционизме зарабатывать деньги легче и трудом, и капиталом, особенно их совокупностью, но говорят противу протекционизма не те, которые ищут работы, и даже не те, которые имеют капиталы или хотят их приложить к делам, говорят, и говорят громко, противу протекционизма люди, живущие на определенные средства и не хотящие участвовать в промышленности. У них доходов не прибудет от роста промышленности, а от протекционизма им страшно понести лишние расходы, особенно если все их вкусы и аппетиты направлены к чужеземному. Помилуйте, говорят они, вы налагаете пошлины на шляпки и зеркала, а они мне надобны, и я не вижу никакого резона в ваших протекционных началах; для меня протекционизм тождествен с воровством, и это доказывают при помощи *A*, *B* и *C*. Не в одних темных углах гостиных толкуют так. Литературы полны такою недодумкою.

Возьмите, например, очень занятную книжку Я. А. Новикова «Протекционизм» (1890); она так и начинается с доказательства того, что пошлина на зеркала в России есть «смягченная форма рабства», наносящая «покупателю ущерб, тождественный с воровством» (стр. 2). Это доказывается следующим способом. В России три зеркальных фабрики: *A*, *B* и *C*. «Все эти господа производят на 500 тыс. руб. зеркальных стекол в год. Они не могут удовлетворить потребности края, и каждый год Россия выписывает из-за границы на 1046 тыс. руб. зеркал. Предположим, что эти фабриканты зарабатывают 30% с продажной цены своих продуктов, они, следовательно, получают ежегодно 166 тыс. руб. чистого барыша. Для того, чтобы предоставить этот заработок трем лицам, нас заставляют платить ежегодно 170 тыс. [руб.] пошлин на иностранные зеркальные стекла. Не равносильно ли это дани в пользу гг. *A*, *B*, *C*? Скажут, что эти господа не присваивают себе тех 170 000, которые заплачены казне в виде пошлины. Совершенно верно. Но для покупателя это безразлично: он все-таки, благодаря только существованию производств гг. *A*, *B*, *C*, платит за зеркальное стекло втрое дороже француза и англичанина. Деньги, уплаченные таможне, не поступают в карманы наших трех фабрикантов, но, увы, они выходят из кармана потребителя, для которого одного это последнее обстоятельство чувствительно, и потому он, естественно, может упрекнуть гг. *A*, *B*, *C* в том, что они его обирают самым неоправедливым образом». «Нельзя также утверждать, что эта высокая пошлина нужна для государства, ибо если бы пошлина была не так значительна, казна получила бы больше дохода» (стр. 3 и 4).

Таковы рассуждения и заключения не одного г-на Новикова, а массы людей, особенно живущих определенным окладом. Не люблю я вступать в спор, а тут приходится, потому что дело касается живого места не лично моего, я тоже живу определенным окладом, а всех нас, следовательно и г-на Новикова и господ, живущих окладами. И начнем с аргументов ad hominem, с которых начал и которыми почти и кончил почтенный Я. А. Новиков.

Ах, должен я сказать прежде всего г-ну Новикову, продайте вы акции, если ими живете, бросьте вы оклады, если их получаете, и начните в год получать, не то что $A + B + C$, т. е. 160 тысяч, а побольше того, возьмите да и производите зеркала, привозимые из-за границы; ведь их ввозят на 1 млн руб., а господа *A*, *B* и *C* делают всего на $^1/_2$ миллиона, а сбавите цены, так собьете и гг. *A*, *B* и *C*, отобьете от них их дань, ну

хоть не 160 тыс. руб., а, положим, 100 тыс. руб. Ведь дело-то кажется выгодно, если оно так и совершается, как вы его представляете. И если вы так поступите, *поглядите*, что выйдет, кроме вашего личного барыша:

1) Вы оценили всю потребность России на зеркала в год в $1^1/_2$ млн руб., из которых $^2/_3$ идет из-за границы, так окажется, что ваше предприятие, прекратив этот ввоз, позволит остаться в России ежегодно миллиону рублей, если же на зеркалах сбережется миллион, то когда на многом поступят так же, выйдет прежде всего подъем курса и вместо каждого рубля, расходуемого вами на покупку иностранных товаров, вы зарасходуете, быть может, только 70 коп., что, право, лучше единовременной переплаты на потребном вам зеркале.

2) Было в мире, скажем ради примера, зеркальных фабрик столько, что их общее годовое производство составляет 10 млн руб., а когда вы заведете в России новое производство *на 1 млн руб., да американцы*, также вследствие покровительственного тарифа своей страны, заведут хоть на 2 млн руб., да еще и еще, так ведь выйдет предложение бóльшим, чем ныне, и вы согласны, что от этого зеркала-то станут дешевле и нам, как потребителям, хуже не будет. Понижение цен пойдет до определенной нормы, зависящей от меры заработной платы, от ренты на землю, от стоимости капиталов и т. д. Одни выдержат, другие лопнут. Выдержат те, которые сумеют произвести дешевле, у кого будет больше естественных условий для выигрыша в конкуренции и кто защищен так или иначе от конкуренции. Да и вам придется конкурировать с *A*, *B* и *C*, и вы и они сбавите цены до возможности. А мы, потребители, выиграем вдвойне: от поправки курса и от понижения цен на зеркала вашего производства. А *оно* — это ваше производство — вследствие того, что в России много мест, где очень дешевы песок, глауберова соль, известь, глина и топливо, может быть даже много дешевле заграничного, тем более, что у нас рабочие руки и техники дешевле, чем за границею. Начавши под тарифным покровом, в погоне за выгодами, получаемыми от *A*, *B* и *C*, вы можете сделать кое-что пограндиознее английских или там бельгийских зеркальных заводов. И когда сделаете это, да когда и на множестве других предприятий достигнут такого же результата, тогда, если буду жив и здоров, даю вам слово, что буду везде кричать: «снимите всюду и всякие пошлины, они нам теперь, пожалуй, и ненадобны», а до тех пор пока не попробовали, да не достигли, хоть два века буду жить, все буду говорить: наложите пошлины, держитесь протекционизма.

как держалась Англия, будет лучше всем и теперь и после, ибо, не испробовав этого известного исторического приема для развития промышленности, нет никакой надежды достичь развития русского благосостояния.

3) Когда вы, Я. А. Новиков, заведете зеркальную фабрику, хотя бы на производство в 1 млн руб. ежегодно, вы, конечно, возьмете не так много барыша, как *A*, *B* и *C*, т. е. не 30%, а скажем, хоть 20%, следовательно 800 тысяч-то рублей вы отдадите за песок, за известку, за работу, за перевозку, за землю и т. д. и притом распределите это, конечно, справедливо, как следует. Посмотрите-ка, сколько жизней вы этим поддержите, скольких людей накормите, в скольких семьях разольете любовь к труду, достаток и благополучие. Оно, конечно, что для вас не безразлично, разольется ли все это благо от заработка в 800 тыс. руб. бельгийским рабочим или русским. Вам и мне жаль и хочется добра и для бельгийцев, но нам обоим прежде всего надо подумать о русском трудовом классе, потому что хотя мы, потребители, получаем или оклады или доходы с процентных бумаг, но не только мы живем в России, но все наше благосостояние зависит прежде всего от благосостояния русского трудящегося класса, а не бельгийского. Ближе или короче сказать можно даже так: вашу книжку противу протекционизма и мою, за него написанную, прочтут и купят больше, будем хоть желать этого, русские трудящиеся классы, а не бельгийские. А подумайте-ка, что они скажут, когда разберут, чего вы просите? Надо помнить и вам, как и мне, хоть мы и потребители, что нельзя всем быть потребителями, что есть и производители, о чем в отношении к России и всему миру забывать не следует. Конечно, и одни производители — без потребителей — прожить не могут, но, прилагая начало разделения труда, всякий производитель есть в то же время и потребитель. А подумайте-ка о стране, состоящей из одних потребителей, что это за уродство было бы и долго ли бы такая страна потребляла? Следовательно, мой совет: вспоминайте чаще о производителях. Так лучше будет. Простым потребителям и в Америке не живется, говорят — дорого и прислуги хорошей не найдут, годной для чисто потребительских привычек, которые, слава богу, понемножку изводятся, а со временем и быльем порастет этот завет классических времен — всего готового, без работы полученного.

Эти аргументы ad hominem необходимо, однако, дополнить разбором остального из сказанного в выписке из книги г-на Новикова, что и стараюсь сделать по возможности кратко,

приводя факты, мне подлинно известные, и полагая, что читатели, вместе с Я. А. Новиковым, сами увидят связь приводимого далее с тою выпискою, которая сделана ранее.

В России действуют немногие зеркальные заводы, устроенные только сравнительно недавно, под кровом протекционизма. Без начала же — развития ждать нельзя; только Венера родится из пены во всей красе, но в действительности такого фокуса не происходит и наверное происходить не может. Существующие фабрики зеркальных стекол занимаются доныне двумя производствами. Во-первых, начиная от сырья, они производят мелкие зеркальные стекла, наиболее ходкие в русской потребности, т. е. имеющие спрос и обложенные ниже всех ввозною таможенною пошлиною. Несмотря на низшую таможенную пошлину (см. предисловие, тариф) и на великий спрос в России, таких, т. е. простых малых зеркал, из-за границы к нам, в сущности, вовсе не ввозят. Так, например, в сложности за 5 лет (1884—1888) ежегодный ввоз готовых малых зеркал, имеющих размер менее 100 кв. вершков, не превосходил $5^1/_2$ тыс. пудов на сумму в 84 тыс. руб., да и то ввозимые по этой статье зеркала относятся к разряду толстых зеркал, представляющих в гораздо большей мере предмет роскоши, чем зеркала простые и мелкие, составляющие одну из народных потребностей. Подобные зеркала, производясь на трех русских заводах, понизились в цене от внутреннего соперничества до того, что пошлина не выбирается, т. е. ценность таких зеркал у нас разве немногим выше, чем за границею.

Ввозятся к нам зеркала большемерные. До их производства не дошли еще наши заводы и не потому не дошли, что нет знаний, для сего надобных, или условий для производства, а потому, что спрос не дорос до возможности выгодного производства, и капитал надобен большой, а капиталы — пока нет у нас развитой промышленности — дороги, как всякому известно. Много меньше надобно капитала на то, чтобы покупать отлитые зеркальные стекла и их только шлифовать, полировать и подводить под них ртутную или серебряную отражающую поверхность. Современные нам русские зеркальные заводы этим вторым и занимаются. Это дает, по состоянию действовавшего тарифа, хороший заработок и составляет, в некотором смысле, обход покровительственного тарифа, потому что если бы этого не делалось, то при существующих пошлинах на зеркала, вероятно, установилась бы у нас и самая отливка больших зеркальных стекол. Очевидно, что

тариф, при его пересмотре, следовало исправить в этом отношении.

И в Англии установилось зеркальное производство не сразу, подождать надо и нам, но отказаться от производства зеркал в России не следует, не только потому, что дело уже началось, но и потому, что все естественные условия, для его развития надобные, имеются в России налицо. Если же снять с зеркал всякую таможенную пошлину, то не может быть и начала, а без него и развития, потому что иностранные производители зеркал не дадут ходу русским фабрикам с самого начала. До чего дошло тут дело, видно из примера, который я цитирую, имея в руках от одной петербургской фирмы подлинные счета, которые могу показать г-ну Новикову, если ему угодно. На иностранных зеркальных заводах так дорожат сохранить за собою русских потребителей, что отпускают в Россию товары с громадною скидкою противу валовых или прейскурантных цен, лишь бы не упустить потребителя. В счете одного французского завода при отпуске в Россию зеркальных стекол на сумму 1145½ франков сделана скидка (rabais) в 55%, или равная 630 франкам. В другом бельгийском счете (1888) при отпуске в Россию зеркальных стекол на 7758 франков 35 сантимов уступка (remise) сделана также в 55%, а именно в 4102 франка. Очевидно, что продают иностранцы не в убыток себе, и будь рынок наш совершенно свободен, не будь развивающейся конкуренции, уплатили бы наши торговцы и скинутые 55%. И заметим при этом, что таможенный оклад на зеркала составляет менее 55% их цены. Например, по тарифу, действовавшему во время 1889 г., собрано с зеркал 150 тыс. руб. зол., или около 200 тыс. руб. кред., а ввоз равнялся 754 тыс. руб. кред. Следовательно, пошлина составила около 27% или половину делаемой уступки. Теперь в казну поступило 200 тыс. руб., да России дана сверх того уступка еще такого же размера, ради того, чтобы сохранить французский и бельгийский заработок на зеркалах, а тогда бы, если бы не было охраны, надо полагать, что все бы 400 тыс. руб. поступили в карман иностранных заводчиков. И если бы гг. *A*, *B* и *C* выдумали завести зеркальное дело в России, их бы наверное сбили, да и расчет явился бы прямой продавать хоть за бесценок, лишь бы стереть возрождающегося соперника. А то так и проще — можно было бы его купить. Ведь у начинателя барыши малые, ему можно было бы взамен их предложить куш, наконец, просто купить его завод или весь товар, словом, средств много для укрепленного производства задавить начинающееся. В защиту и

следует поставить силу иную — таможенную пошлину. Пока там дело развивается, а сбор дает доход, а доходы нужны для государственной организации, и если бы не было таможенных пошлин, наложенных на нашу охоту за чужеземным, нам бы ведь пришлось в каком-нибудь виде да внести ту же сумму, государству необходимую.

Думаю, что главные посылки, необходимые для того, чтобы правильно понять аргументы Я. А. Новикова и ему подобных поклонников «свободной торговли», даны в предшествующем объяснении; но сверх этих, так сказать, отрицательных или логических объяснений не лишнее привести для русских русский же положительный пример, у всех на виду находящийся, того результата, какой дает таможенное покровительство. Как пример возьмем керосин. Дело идет, следовательно, о товаре большого экономического значения. Это уже не зеркала, а прямое пособие труду во всяком виде, для людей всех достатков и притом товар, расходуемый, сгорающий при употреблении, словом важности значительной, хотя еще и не первостепенной, какую имеют, например каменный уголь и железо. Как песок, известь, глауберова соль, глины и топливо, нефть давно известна в России и добывалась давно, но, как и зеркала, только в столь ограниченном количестве, что потреблялась только на местах, соседних с местами добычи, например около Баку, близ Грозной в Северном Кавказе, отчасти на Кубани, больше всего местными жителями для мелких потребностей, особенно для освещения и для смазки колес. Еще раньше, чем стали добывать и переделывать нефть на керосин в Америке, русские пробовали, и не без успеха, получать осветительное масло из кавказской нефти, и, как только пошел в 60-х годах керосин американский, основалась в Баку и добыча русского керосина. Цена ему была и там и тут высокая. Американский был дорог, потому что был высоко обложен акцизною пошлиною в Америке и с добычею и перевозкою еще не освоились, не удешевили их до возможных размеров и конкуренция еще не сбила цен. А русский был дорог потому, что нефтяные промысла сдавались от казны на откуп, и откупщики, не имея интереса развивать дело до больших размеров, брали, что могли с той массы нефти, которую черпали из рытых колодцев, а именно, продавали по 40 коп. пуд сырой нефти, на пуд же керосина ее нужно было расходовать 3 пуда. Обработка и перевозка были так неблагоустроены, что у покойного В. А. Кокорева были убытки и тогда, когда он продавал в Нижнем пуд керосина по 3 руб. Тогда-то он обратился ко мне с тем, чтобы

я съездил в Баку, и если нельзя удешевить добычу и перевозку, — закрыл бы невыгодное дело. Оттого-то я и знаю это русское дело с его колыбели. Оно развивалось постепенно, и ему всегда покровительствовал таможенный тариф. Я же никогда не раскаивался в том, что прибавил свой голос к тому, чтобы, во-первых, сняли откупа на нефть и продали колодцы раздробно в частные руки и, во-вторых, поддержали возникновение дела таможенным окладом на американский керосин, хотя знал, что чрез это продукт, весьма важный для потребления, поднимется в цене. При пересмотре тарифа в 1868 г. на керосин наложили пошлину по 55 коп. с пуда, а цена тогда была уже спущена в Америке до $2^1/_2$ руб. за пуд, в России пуд обходился около $3^1/_2$ руб., и пошлина ложилась, примерно, в виде 20% лишнего расхода в портах, служивших местами ввоза. Не описывая всей сложной истории развития нефтяного дела на Кавказе, скажу только, что не будь таможенной пошлины на американский керосин, не было бы русского, т. е. до сих пор освещалась бы Россия американским. Утверждаю это потому с полною уверенностью, что лично знал всех начинателей: В. И. Кокорева, М. И. Мирзоева, А. Н. Новосильцева, Л. Э. Нобеля и других, и их расчеты у меня живы в памяти. В них всегда входила таможенная охрана — пока дело шло о начале, а потом, когда дело дошло до соперничества не с Америкой, а внутри России, тогда только забыли про тарифы, потому что цены должно было спускать и спускать, чтобы продать добытое. Так вышло следующее: в 1873 г. ввезено к нам $2^3/_4$ млн пудов керосина американского, а в 1883 г. только $^1/_2$ млн пудов, а в 1886 г. уже вывезено нефти и нефтяных продуктов из России $10^3/_4$ млн пудов, в прошлом же 1890 г. вывезено одного керосина 39 млн пудов. Цена при этом упала, — конечно, оставляя заработок всем деятелям, — до того, что пуд очищенного керосина на бакинских заводах можно было иметь по 15 коп. И хотя казна потеряла таможенный доход на американском керосине, доходивший до $1^1/_2$ млн руб., но ныне получается с русского керосина акцизных сборов более 10 млн руб. в год. Не будь таможенного обложения керосина — не было бы русского нефтяного дела, и американская стачка или синдикат [промышленников] поднял бы наверное современные цены на свой керосин, а мы бы платили, и помимо таможенного оклада или всякого казенного налога, за освещение керосином много более, чем платим ныне благодаря протекционному налогу. И весь бы мир платил дороже, и улучшать не было бы охоты.

Словом, те, кто видят в таможенном налоге только вздорожание товаров и расход потребителей, мало видят или мало знают. Есть условия для обратного явления, т. е. для понижения цен — вследствие таможенного обложения, сколь ни парадоксальным, на первый раз, кажется подобное утверждение. Если таможенное обложение отвечает товару, для производства которого в стране есть все условия, данные природою (т. е. рабочая сила, изобилие сырья и т. п.), то таможенное обложение, защищая начало производства и вызывая внутреннюю конкуренцию, ведет к увеличению производства товара, для общего потребления надобного, и чрез увеличение предложения приводит не к повышению цен, а к их понижению. Отсюда уже вытекают прямо некоторые следствия в отношении к таможенным пошлинам; но помедлим переходить к ним, а закончим наше изложение основных понятий, касающихся протекционизма и свободной торговли.

Начальная форма протекционизма стремится к тому, чтобы в стране развились все отрасли промышленности, удовлетворяющие потребностям жителей, а потому облагает почти все ввозимое из чужих стран высокими пошлинами или в крайних случаях даже просто запрещает вход чужеземному соперничеству. Примеров удачного протекционизма этого рода очень много; лучшим же примером может служить английское кораблестроение. Но есть и неудачные примеры, происходящие чаще всего оттого, что производство облагаемого предмета не отвечает в данной стране ее современным ресурсам и другим пошлинам. Если бы обложить, например, в стране пряжу, в ней не производимую, высокой пошлиною, а ткани, для которых применяется пряжа, впускать с меньшею пошлиною, то очевидно, что производство пряжи, несмотря на покровительство, не имело бы возможности развиваться. Если страна не имеет ни своего леса, ни своего железа, а они были бы обложены и их надобно было бы ввозить из других стран, то кораблестроение не развилось бы от одной протекционной пошлины, стали бы просто пользоваться чужими кораблями. От подобных несоответствий очень часто первичный протекционизм не служит к достижению цели. Необходимы последовательность и обдуманность в мерах протекционизма, чтобы они приносили желаемые плоды. Первичный же протекционизм, без дальнейших рассуждений, прямо и просто облагает чужеземное ради того, что его можно производить в стране.

Такой протекционизм не только не чужд монополизма, но очень к нему близок и очень часто ведет к его развитию в той или иной форме, чаще же всего потому, что потребность

в данном товаре невелика, он облагается большою пошлиною и дает одному или нескольким внутренним производителям столь большие барыши, что они получают возможность убивать всякую вновь рождающуюся внутреннюю конкуренцию, а потому могут внутри страны держать высокие цены на производимый товар, лишь бы он распространялся в стране и не привозился из чужих краев. Если протекционизм ведет к подобной внутренней монополии, то выгоды от него для страны малы и случаи такого протекционизма наиболее вредят популярности протекционных мер. Правильный, разумный протекционизм должен быть далек от подобных обложений, дающих одну дороговизну.

Но протекционизм, как все положительное и исторически применявшееся, может изменяться, улучшаться и совершенствоваться, а потому кроме первичной формы, легко и часто ведущей к монополизму, представляет и другие формы. Заметим здесь, что «свободная торговля», представляя отрицательную форму действия, сама по себе, не подлежит изменению. Она одинакова в своей свободе у дикарей, близких к первобытному, безгосударственному состоянию, и в самых совершенных формах человеческих отношений. Не скажу, чтобы это был ее недостаток, но это ее внутреннее свойство, наводящее на мысль о том, что между первичною «свободою торговли» и окончательною, которую и защищают, должен встать протекционизм.

Протекционизм вторичный чаще всего можно назвать охранительным, потому что, не заботясь вовсе о вывозе новых видов промышленности, он назначается обыкновенно для ограждения уже существующих производств от соперничества в цене или от подавляющей массы иностранных товаров того же рода. Так, множество стран Европы облагает ныне хлеб ввозною пошлиною для того, чтобы иностранный, как более дешевый, не мог убивать столь коренного промысла всех стран, каково земледелие. В Англии ее цветущее когда-то разведение хлебов можно считать убитым фритредерством; хлебные поля Англии превращены в луга и выгоны или служат для массового разведения хмеля и тому подобных растений и только в особо благоприятных условиях засеваются хлебами. Фритредеры хотели все страны уверить, как уверили Англию, что выгоднее получать хлеб чужих стран, сбывая им продукты заводов и фабрик, но такому началу мало кто поверил или поверили, да увидели, что оттого проигрывают, особенно, когда оказалось, что С.-А. С. Штаты и Россия, т. е. главные отправители хлеба, стали развивать с помощью

протекционизма свою внутреннюю промышленность, а потому сбыт фабрично-заводских продуктов в обмен на хлеб стал ограничиваться отдаленными странами. В своем применении охранительные пошлины чаще всего относятся только к готовым товарам, а не к природному сырью, служащему для их добычи, и притом охранительные таможенные пошлины назначаются в таком лишь размере, чтобы соперничество чужеземных товаров было стеснено, но не совершенно уничтожено. Ничего не запрещают, но многое облагают. Ныне большинство стран Европы соединяет в таможенных своих тарифах интересы фискальные с охранительными, и этой комбинации нельзя отказать в целесообразности. Но, ставя защиту хлебопашества во главу тарифа и только охраняя существующие уже развившиеся в стране производства, охранительная промышленная политика большинства европейских стран, очевидно, может быть пригодною только для них, уже успевших развить ранее свою фабричную и заводскую промышленности, и никаким образом не может составить средства всеобщего, так как для стран, вывозящих хлеб и не имеющих развитой фабрично-заводской промышленности, очевидна непригодность указанного способа. Если такие страны имеют избыток хлеба и его вывозят, значит им охранять его производство таможенными пошлинами нет надобности, а если в них нет развитых видов заводской и фабричной промышленности, то и для них не надобно охраны от соперничества. Следовательно, протекционизм рассматриваемого сорта, будучи пригоден для некоторых стран, для других был бы мерою бесплодною и неправильною. Если такие страны, промышленностью не обзаведшиеся, будут держаться политики «свободной торговли», то они, очевидно, будут поставлены в условия совершенно иные, чем страны, подобные Англии, в которых промышленность развилась при протекционизме, и ничто не будет побуждать такие страны установить у себя какие-либо виды промышленности, еще не существующие в стране, потому что свои потребности такие страны могут удовлетворить из производства чужеземного. А потому подобные страны ни при охранительных таможенных пошлинах, ни при «свободной торговле», т. е. при одних фискальных пошлинах, не будут развивать своей промышленности, или они не будут спрашивать продуктов развитой промышленности, не будут в ряду других народов, дошедших до потребности в многосложных продуктах промышленности, или встанут в явную экономическую зависимость от промышленных стран, если, развив свои потребности, будут спрашивать от них множество

товаров, производимых развитою промышленностью. То и другое должно рано или поздно принизить народ и, следовательно, поведет к войнам и всяким другим безурядицам, задерживающим развитие человечества. Притом, принятым нами исходным положениям противен такой порядок вещей, при котором часть государств и народов будет вносить в общую жизнь все, что может взять от природы и произвести из ее даров на заводах и фабриках, а другая часть будет вносить только то, что прежде вносила, не имея фабрик и заводов как орудий и результатов человеческого развития. Если же представить себе, что ныне же все страны мира сразу согласились бы держаться «свободной торговли», то произошло бы, в конце концов, полное рабство земледельческих народов, т. е. порабощение их промышленными, несмотря на то, что первых меньше, чем вторых. Это сопровождалось бы, вероятно, тем, что промышленные народы прекратили бы свое земледелие и усилили бы другие виды своей промышленности. Предложение хлеба было бы большим, потому что все многочисленные земледельческие страны должны были бы всеми способами искать продажи хлеба, так как на него они должны были бы покупать все другое, что производят промышленные страны и что по мере развития все народы спрашивают все в большем и большем количестве. Вспомним только наши расходы на хлеб и сопоставим их с другими нашими тратами. Развить же у себя свою промышленность земледельческие страны не имели бы никакой возможности при полной свободе торговли, потому что иностранные промышленные их конкуренты сознательно губили бы всякие зачатки таких предприятий. Произошло бы понижение меновой ценности хлеба, и только истощение земель и увеличение населения положило бы преграду, ко дну которой земледельческие страны были бы в таком упадке, что пришлый народ, хотя бы дикий, легко бы их покорил. Так гибли римляне. Потеря самостоятельности индейскими и среднеазиатскими народами, в сущности, зависит от того же отсутствия в них иных развитых промышленностей, кроме земледелия. Подражая Тюнену, я бы мог развить эти воображаемые отношения, но не делаю этого, потому что полагаю, что читатель дополнит картину сам, и только замечу, что падение современных цен на хлеб есть один из фазисов довольно широкого приложения начал свободной торговли. Оно очень выгодно для стран промышленных, но не только влечет за собой ослабление стран земледельческих, подобных России, но и приводит к тому, что хлебное земледелие становится всюду маловыгодным как для

предпринимателей, так и для рабочих. Всюду, особенно же с почина Франции и С.-А. С. Штатов, начинают понимать это, начинают держаться протекционизма, и если он будет применяться настойчиво, хлебные цены поднимутся, земледельческий труд станет лучше вознаграждаться и в мире наступит новый порядок более равномерного развития всех стран без ущерба какой бы то ни было. В ином месте я докажу, что при современных ценах на хлеб, железо, ткани и даже каменный уголь — средняя поденная рабочая плата хлебопашца, заключенная в рыночной цене хлеба, много, а именно более, чем в два раза, ниже такой же средней поденной платы углекопу или за переделку хлопка в ткани, руд в железо. Это так глубоко влияет на современное состояние всех международных отношений, что заслуживает полного всеобщего внимания, а для нас, русских, это живой вопрос, важнее которого другого и быть не может.

Идеал, или желаемый результат международных торгово-промышленных отношений, к которому приводят предшествующие соображения, тот же, как у последователей фритредерства. Пусть каждый народ или государство развивают только те виды производств, которые наиболее подходят к их естественным условиям. Пусть в этих продуктах производство каждой страны превзойдет ее внутренние потребности, а избыток поступит в общее пользование, составит предмет международного обмена. Наложится ли на этот избыток при ввозе в данную страну пошлина или нет, это все равно. Наш хлеб, входя в Англию, пошлины не платит, входя во Францию или Германию, платит, — нам, в сущности, от этого ни тяжелее, ни легче, и должно думать, что в общем обороте цена хлеба останется в России та же, отменят или нет во Франции и Германии, в Португалии и Италии пошлину на хлеб. Если дело данной промышленности в стране испытано и результат выразился ясно, то протекционизм может носить характер только охранительный. Но сущность протекционизма вовсе не в этом, а в возможности начала и развития несуществующих или от иностранного соперничества страдающих видов промышленности, ибо без начала — промышленности быть не может. Ремесленная (цеховая), горная и фабрично-заводская промышленности родились в мире позднее сельской — земледельческой, следовательно, по общему началу истории и у всех народов сперва развивается земледелие, а другие виды промышленности — после него. Вы думаете, что воевали и землю забирали только для «права охоты» и земледелия? Нет, нет, и для всего прочего, т. е., например,

для постройки жилья, для получения песка, глины и т. п., надобных как для стен и печей, так и для стекла и для зеркал, для добычи каменного угля и железа, золота и соли... словом, для всего промышленного, всегда идущего из земли, с нею связанного. Человек создан из земли, — поймите это. Земли в промышленности столько же, сколько и в хлебе, даже, если угодно, в хлебе меньше земли, он из воздуха и воды, только корни в земле. Но и корни заводско-фабричных дел тоже в земле. Оттого они неразлучны с горным делом, начиная с каменного угля и железа. Если земледелие — естественный промысел, то и добыча соли, железа, угля, глины, стекла и т. д. настолько же естественна. Американским индейцам и земледелие кажется лишним, ведь можно и без него было обходиться.

Однако возвратимся к прерванному. Так как земледелие, составляя первичный промысел, испытано всеми народами, то пошлины на хлеб не могут быть иными, как охранительными. Но должно найти промыслы, отвечающие народу и стране, а без покровительства этого быть не может. Пусть найдены такие народные промыслы и наступит в промышленных отношениях народов некоторое равновесие и уяснение, как оно наступило, например, между Англиею и Франциею в отношении того, что Англия ввозит во Францию часть каменного угля, изобилующего в Англии и недостаточного во Франции, а эта последняя отправляет в Англию виноградное вино, шелк, оливковое масло и тому подобные продукты, изобильные во Франции, надобные в Англии и в ней не имеющиеся. О, тогда, если бы только таковы были международные промышленные отношения, — тогда нужно будет разбираться только между условиями свободной торговли, охранительною системою и системою таможенных пошлин чисто фискального характера. Но ведь дело-то не таково в истинных современных международных торгово-промышленных отношениях. Оно сложнее. Каменноугольные залежи Франции изведаны, разрабатываются усиленно, и недостаточность их, невозможность ограничиться своим углем стала очевидною. Не потому английский уголь входит во Францию, что свой еще не добывается в широких размерах, допускающих дешевизну, а потому, что своего недостает и свой обходится — по условиям, в природе дела лежащим, — дороже английского. Но представьте страну, в которой каменный уголь известен, разведан, начат добычею и начал спрашиваться, но своя добыча пока, для начала, мала, ибо вначале всякая добыча мала, большою никак не родится, а только становится мало-помалу при навыке, при

расширении спроса и т. п. Если впустить в такую страну английский уголь свободно, — будет по-фритредерски, будет в интересах немногих родившихся потребителей, но будет неразумно для государства и прямо вредно для общечеловеческого развития, для правильности международных промышленных отношений, потому что добыча каменного угля в неназванной стране увеличит предложение, уменьшит цену и даст стране возможность развить множество производств, сильно нуждающихся в угле. Пока ввозится английский уголь, добыча своего не может развиваться в должной мере и уголь не может становиться дешевым уже потому, что с увеличением добываемой массы ценность понижается до возможного минимума. Следовательно, общие интересы человечества и ближайшие интересы неназванного государства заставляют его наложить на английский уголь пошлину, пока свое дело не вырастет до возможно крупных размеров. Этим вызовется к жизни новая промышленность, а потому такие таможенные пошлины правильно назвать *возбуждающими*. Так Англия вызвала свое кораблестроение, свое громадное шерстяное и хлопковое дело. Так Россия вызвала свою свеклосахарную промышленность и свои нефтяные дела. Так она пошлиною на уголь вызывает добычу своего каменного угля на Донце и в Польском крае. При этом очевидно, что возбуждающий протекционизм является средством для достижения фритредерского же идеала, потому что — на примере каменного угля это можно сделать ясным — английский каменный уголь, когда не будет сбываться в неназванные страны, обладающие недостаточно разработанными своими залежами, — должен понизиться либо в цене, либо в добыче, и чрез это приблизится предельное время идеальных, свободных торговых отношений, когда они будут наиболее правильными, лишенными монополий внутренних и внешних.

Следовательно, кроме первичного протекционизма, желающего все и вся развить в своей стране и не допускающего к себе иноземных товаров, могущих производиться в своей стране, и кроме охранительного протекционизма, существует и мыслим как рациональнейший такой возбуждающий разумный протекционизм, который с полным расчетом всех естественных условий страны налагает соразмерно высокие таможенные пошлины на товары, имеющие все шансы развития производства их внутри страны. Такой протекционизм составляет временную меру, хотя бы на десятки лет или на столетия, как было с навигационным актом Англии, и до него должен додуматься всякий фритредер, если он поймет, что главным

обстоятельством, определяющим истинную свободу международных торгово-промышленных отношений, должны служить естественные богатства всех государств и что развитие их разработки исключительно в некоторых, т. е. тех, которые поныне успели достичь этого развития, не может быть благоприятно общему человеческому развитию и непременно поведет к международному монополизму, войнам и всяким затруднениям, потому что не позволит развиться, под давлением существующего монополизма, таким новым отраслям производства в новых — по промышленному развитию — странах, которые соответствуют их естественным условиям.

Не усложняя вышеприведенного развития многими частными доказательствами и примерами, часть которых разбирается в четвертой и следующих главах, я считаю возможным формулировать выводы, которыми определяется относительное практическое значение учений о свободной торговле и протекционизме.

1) Нет и быть не может всеобщей неизменяющейся мерки для международной торгово-промышленной политики государств, потому что они находятся в различных природных и исторических условиях и в различной степени промышленного развития. Даже для данного государства и в данную эпоху разумнее всего избирать для покровительства охранительного или возбуждающего лишь немногие, определенные товары, сообразуясь как с естественными условиями, определяющими промышленное их получение, так и с финансовыми, торговыми и всякими иными отношениями страны, ее жителей и эпохи действия. А потому одинаково несостоятельны учения, проповедующие принципиальный протекционизм или принципиальную «торговую свободу».

2) Для известной степени промышленного состояния государства может быть во всех отношениях выгоднейшим принять систему «свободной торговли», для другой — первичный, общий протекционизм, для третьей — охранительный протекционизм для тех или иных или для всех товаров. А так как всякий таможенный тариф назначается на будущее или предстоящее время, в котором многие обстоятельства государства и его международных отношений могут измениться, то руководство тарифным делом должно быть поставлено в ближайшую связь со всею остальною политикою страны, и его разумность, устойчивость и целесообразность может служить мерилом дальнозоркости правительства. А так как протекционные таможенные меры могут принести надлежащие плоды лишь с течением времени, то смена тарифной системы даже по от-

ношению к отдельным товарам, особенно имеющим большое экономическое значение, должна быть производима постепенно и обдуманно, а протекционизм проводим с настойчивостью и тем большею, чем более важных народных видов труда он касается, т. е. возбуждает или охраняет.

3) В пределе по времени — выражаясь языком точных наук, или, если угодно, в идеале, которого весь мир и отдельные страны достигают по мере развития видов промышленности, сообразных с естественными условиями стран, — человечество стремится к вечному миру и к свободной торговле. Система свободной торговли тем рациональнее для данной страны, чем законченнее в ней развитие разработки всех и всяких видов промышленности. Система эта менее всего отвечает странам естественно богатым, но не имеющим многих видов развитой промышленности, а потому ни сложившихся крупных капиталов, ни процветающей научной деятельности, ибо развитие и накопление сил последних всегда и всюду составляет плод развития промышленного. Так, например, истинное, или современное и реальное просвещение достигается попутно при помощи промышленности. В общих чертах сказанное можно выразить так: протекционизм, отвечающий естественным условиям страны, вызывает ее промышленность, ее обогащение, ее просвещение и вообще ее приближение к условиям применимости начал свободной торговли.

4) Но в том положении, в котором ныне находится большинство государств по отношению, например к Англии и немногим другим странам, успевшим чрез протекционизм развить свою промышленность во всех возможных отношениях, в интересах общего промышленного развития человечества должно требовать для этих государств если не общего первичного протекционизма, то непременно рационального, возбуждающего (промышленную деятельность, соответствующую естественным условиям страны) протекционизма.

5) А так как промышленное развитие стран связано со всем их бытом, с развитием их просвещения, государственности и всего участия в общей жизни человечества и так как от промышленных отношений зависит благосостояние, трудовая деятельность, достаток, богатство и сила народов и государств, в которые они сложились, то своевременное пользование таможенными пошлинами как средством для развития промышленной деятельности законно и обязательно ради самых драгоценных государственных и общечеловеческих интересов, ибо ведет к уничтожению монопольных неравенств, национальной исключительности и искусственных экономических

преобладаний одних народов над другими. Не идеальничая, очевидно, что дело жизни народов, хотя бы они дошли до окончательного разделения территорий и до условий всеобщего мира, все-таки всегда будет содержать условия для неравенства, соревнования и соперничества того или иного рода. Даже научное соперничество народов очевидно в истории наук. О промышленном же не может быть сомнения. И пусть выяснится, что выигрыш государственных единиц может хоть насколько-нибудь изменяться от наложения таможенных пошлин, — они будут применяться если не для вызова видов промышленности, то для их охраны. [...] Хотя в пределе будет видна «свободная торговля», протекционизм, надо думать, всегда будет в том или ином виде на деле применяться — пока будут отдельные государства друг от друга не зависимы, т. е. свободны.

6) Протекционизм в его высших законных формах, вызывающих определенные виды промышленности, требует столь ссмысленного (со стороны знания естественных условий нахождения сырья в стране, добычи его и торговли, состояния дела в других странах, стоимости производства, цен, меры потребности, родов применения товара и прочее) обложения товаров таможенными пошлинами, что размеры окладов, отвечающих каждому товару, должны подвергаться обсуждению со всех возможных сторон, дабы намеченная цель развития желаемых видов промышленности достигалась с возможною быстротою и с возможно наименьшим нарушением других интересов страны. Скажем более: возбуждающие протекционные пошлины только тогда и достигают своей цели, когда наименее всего ведут к внутреннему монополизму, а особенно тогда, когда производству облагаемых товаров отвечают все условия страны до такой степени, что пошлина вызывает внутреннюю конкуренцию, понижающую цены, возвышающую качество товаров и усиливающую добычу их даже до возможности вывозить избытки перепроизводства в иные страны. Тогда от наложения пошлины выигрывают сперва жители края, где идет производство, потом того государства, которое наложило пошлину, а потом и весь всемирный рынок. Отличным для сего примером может служить пошлина, наложенная на керосин в России. В 60-х годах его ввозили в Россию из Америки, а с 80-х годов стали вывозить из России, до того он подешевел у нас, а чрез этот вывоз упали и мировые цены этого дешевейшего осветительного материала. Без наложения возбуждающей пошлины, наверное и по сих пор мы бы освещались американским керосином, и цена его, наверное, была

бы всюду много выше современной. И мы бы были в убытках, и мир бы не выгадал, а нефть пропитывала бы подземный песок бакинских земель да, понемножку просачиваясь, постепенно терялась бы даром для человечества.

7) Возбуждающие протекционные таможенные пошлины, опираясь на личные интересы подданных, увеличивают возможность получения в стране новых заработков и усиленного или особого вознаграждения за личный труд, подобно тому как за хорошее ученье, если даже не дают прав и привилегий, то предоставляют преимущества всякого иного рода. Как обучение части подданных страны, так и учреждение в ней промышленности требует особых расходов в данное время, ради интересов будущих, но с тем коренным различием, что таможенную пошлину несет прямо только тот, кто хочет и кто рассчитывает на торговые выгоды от ввозимого товара, а косвенно только тот, кто сам производительным промышленным трудом не занимается, а государственная казна или собранные народные средства при этом не расходуются, тогда как при доставлении образования государство расходует прямо средства, собираемые со всего народа. Как «свободная торговля» может отвечать только тем государствам, которые или не заботятся о развитии силы и средств своей страны, или тем, которые уже прежними заботами достигли до широкого перепроизводства своей промышленности, так и беззаботность государства об образовании своих подданных может определяться или пагубною беспечностью, ведущею к гибели государства, или высшею формою просвещения, достигнутого страною, когда пользу от образования сознали народные массы. Так противоположности сходятся. Здесь видна одна из слабых сторон тех рассуждений, касающихся торговли и промышленности, в которых советуют сперва стране поучиться, а потом приниматься за промышленность. Сущность дела и вся история как просвещения, так и промышленности показывают, что они легче всего и согласно развиваются вместе и одинаково под кровом государства и при его сознательных заботах. Говорю это с полным убеждением и усилю прямым утверждением: только там наука будет любезна народу и станет чрез него развиваться, где промышленное развитие пустило глубокие корни. Именно поэтому, как служитель науки, ради нее самой, я пламенно желаю промышленного развития стран. В Англии виден образец, которому другим народам подражать не грех, а должно, — в единовременном развитии наук и промышленности. Видоизменяя подробности, сообразно условиям страны, следует, т. е. полезно, возможно

и естественно, суметь сразу охватить оба вида развития. Единственных прочных союзников истинного, живого, а не мертвого, т. е. классического и только резонерствующего, просвещения, т. е. готового на труд борьбы с природою и ее косностью, должно искать в среде промышленников, потому что они, ведя такую борьбу и пользуясь наукою как концентрированным консервом опыта и всяких сведений, непременно внушат и детям и всем окружающим любовное отношение к изучению природы живой и мертвой, людской и всей божеской. Они одни будут за просвещение не для вида, не для красных слов, не для простого усиления самообожания, а для живого дела, для достижения настоящей правды и возможной пользы. Если без науки не может быть современной промышленности, то без нее не может быть и современной науки, а без их совокупности все будет одним классическим бредом тупых исканий, ограничится резонерством, добрыми пожеланиями и отсутствием трудолюбия, а кончится неизбежно скептицизмом или его специальными формами человеческого отчаяния и неудовлетворенности внешней и внутренней. Оттуда и ведут начало бездействие, пустое фразерство, вера в утопии, стремление перестроить мир одними добрыми похотями и даже полный разлад с жизнью времени, погубивший классические империи. Они не понимали промышленности и полагали насытить народ только хлебом, зрелищами и переменою мест в концерте жизни, а потому погибли, оставив после себя прекрасную литературу и классический пример того, к чему ведет даже полный расцвет просвещения, если оно остается чуждым живых, практических, т. е. промышленно-трудовых, интересов народа. Живое сложно, мертвое же прямолинейно и служит почвою живому. Государство, наука и литература могут быть прямолинейны и чураться промышленности или относиться к ней свысока, но тогда они только повторят классический пример, т. е. ведут хоть медленно, но верно к классическому результату классических империй — Рима, Греции или в лучшем случае — Китая.

8) Фискальные таможенные пошлины, составляющие один из удобных и всюду практикуемых способов удовлетворения общих государственных надобностей, или особый вид неокладных (косвенных) сборов, подобных акцизам, отличаются существенно от протекционных таможенных окладов тем, что влекут за собою доходы государственной казны и влияют на расходы тех жителей, которые не могут обходиться без чужеземного добра, но фискальные пошлины не сопряжены прямою связью ни с доходами жителей, ни с их трудовым заработком,

ни с развитием и разработкою естественных богатств страны, а потому размеры фискальных пошлин определяются совершенно иными соображениями, чем размеры протекционных пошлин. Однако во многих случаях таможенные пошлины, нося сперва характер чисто фискальный, становятся со временем протекционными, ибо таково свойство таможенных окладов. Так, пошлины на хлопок и виноградные вина в России сперва были чисто фискальными, но ныне становятся уже протекционными, потому что под влиянием пошлин стало развиваться русское производство хлопка и потребление русских виноградных вин возросло. Отсюда видно, что резкого различия фискальных пошлин от протекционных для таких обширных и еще не развивших своей промышленности стран, как Россия, делать не следует, т. е. фискальные пошлины следует обсуждать, сообразуясь с естественными условиями, в стране существующими. Здесь кстати упомянуть один примечательный курьез: Бастиа (Sophismes économiques, 1845—1854) и тому подобные софисты, преданные делу «свободной торговли», ясно видят необходимость и государственно-народные выгоды фискальных пошлин, их готовы даже защищать.[1] Можно вообще сказать, как это ни странно звучит на первый раз, что есть в мыслях и на деле фритредерские таможенные пошлины. В мыслях фритредеров пошлины фискальные представляют удобство и государственную пользу, народ облегчают. На деле же начал фритредерства держится ныне Англия. Страна эта, имея (1888) 90 млн фунт. ст. всех казенных годовых доходов, в том числе получает 20 млн фунт. ст. таможенных пошлин, а это составляет 22% всего прихода. В России в 1888 г. всех доходов поступило 804 миллиона и в том числе 141 млн руб. таможенных, что составляет только 18% всех доходов казначейства. Когда наши фритредеры говорят о том, что таможенные пошлины тягостны потребителям, удорожают товары, а потому должны быть отменены, и в доказательство пользы свободной торговли приводят Англию с ее богатством, силою и промышленным развитием, то они, увы, не только замалчивают прошлый протекционизм Англии, но проходят молчанием и современные таможенные доходы Англии. Однако все же Англия фритредерствует, потому что ей это выгодно, и ее пошлины собираются не с того, что она сама производит (ибо все, что производит, — высылает в другие страны), а с того, что, составляя более или менее предмет роскоши и прихоти (вино, чай, табак и т. п.), представляет

[1] О пошлинах, предлагаемых Бастиа, говорим далее, на стр. 191.

удобный объект косвенного обложения или вид акцизных доходов, собираемых с подданных, потребляющих ввозимые товары. Без них, рассудим просто, обойтись можно, в воле каждого, следовательно и квакер, не желающий платить прямые налоги, может, если захочет, — не платить их. Не приложимо ли это к России, в отношении к громадному большинству ее жителей, почти не нуждающихся ни в каких чужеземных товарах? Следовательно, признавая принципиально фискальные пошлины, фритредеры поступают нелогически или впадают во внутреннее противоречие. Ведь ни в законе, ни в его применении нельзя отличить фискальных пошлин от покровительственных, хотя их легко отличить от отсутствия пошлин, т. е. от принципиального фритредерства. Следовательно, в практике дело сводится на определение размеров пошлин на отдельные товары. Если пошлина равна нулю, то она отвечает «свободной торговле», а если не равна нулю для данных товаров, то закон определяет ее размер. И в этом отношении *все* и *всегда* таможенные тарифы были и будут равны между собою, ибо часть товаров выпускается беспошлинно. Следовательно, со стороны истории и со стороны логичности, протекционизм, пошлины налагающий, общее фритредерства. Ведь на уплачиваемых пошлинах не значится — фритредерски-фискальны они или протекционны, хотя в абстракте различие глубоко. Лично я считаю полезным фритредерство, отнесенное к известным товарам, потребным народу и не могущим заменяться своими, местными товарами; оно не только требуется выгодами, но и разумно. Притом оно совместимо с протекционизмом, касающимся других товаров, и с фискальными пошлинами, относящимися к третьим товарам. Таможенная пошлина, наложенная на товар, могущий производиться в стране, но непроизводимый, не может быть названа протекционною, а тем более вызывающею, если она низка и недостаточна для своей цели, или если она парализирована иными мерами, например низким внутренним перевозочным тарифом для иностранного продукта и высоким для своего. Словом, размер таможенной пошлины или ее величина по отношению *к данному товару* составляют главную сущность всего таможенного дела в отношении его к развитию промышленности страны, даже до того, что снятие покровительственной пошлины на хлеб, сделанное много лет тому назад в Англии и теперь составляющее вопрос для многих государств Европы, может быть сделано вовсе не под влиянием фритредерства, а ради покровительства своим фабрикам и заводам, товары которых подорожают от дорогого хлеба.

Очевидно, значит, что протекционизм, правильно понимаемый, не может быть чужд свободного входа многих товаров. Даже напротив того: правильно понимаемый протекционизм должен вести к высоким таможенным пошлинам лишь на такие товары, которые в данную эпоху жизни страны спрашиваются в ней, имеют в ней условия для развития и процветания и представляют возможность внутреннего соперничества и такого роста, при котором избытки могут сбываться иным странам. Таким образом правильным «толковым» тарифом должно считать только такой, в котором каждый вид и род товаров обсужден в отдельности, а не в каком-либо теоретическом абстракте — фритредеров или протекционистов. Этою точкою воззрения объясняется то обстоятельство, что главное содержание предлагаемой книги сводится на частное рассмотрение условий производства отдельных товаров. По этой же причине, рассматривая статьи русского таможенного тарифа с точки зрения развития русской промышленности, я не стану пропускать товаров, облагаемых чисто фискальными пошлинами, тем более, что торговля ими и их перевозка находятся в прямой и тесной связи со всем промышленным развитием России, ее силою и богатством, ради коих и назначаются ее пошлины.

С.-Петербург,
29 апреля 1889 г.

Глава 2

ТАМОЖЕННЫЕ ТАРИФЫ РОССИИ

Громаднейшая равнина России, на которой от «финских хладных скал до пламенной Колхиды» и от Карпатов до Урала нет пунктов выше тройной высоты Исаакиевского собора (как говорит ген. Тилло), назначена самою природою для единого народа. Как ни велико было испокон века развитие здесь семейственности и общины (задруга), как ни враждовали меж собою части, кто ни пробовал отхватить доли, — все же общее единство водворилось твердо и прочно, а с ним начинается слагаться и промышленность. Это единство ведет к «свободной торговле» на всем громадном пространстве России, где, например, Московская губерния ввозит хлеб и вывозит мануфактуры и другие фабрикаты, следовательно по внутренней сущности ее экономическое или торгово-промышленное отношение к большей части России то же, что Англии к России. Государственная обособленность, определяемая всею суммою исторических влияний, есть единственная причина неприменимости начал свободной торговли к международным отношениям, и чем больше государство по числу жителей и пространству, тем более оно служит делу свободной торговли, если не имеет внутренних таможен. Пока будут государства друг от друга отдельными, с независимыми своими целями, средствами и правительствами, — до тех пор будет надобность в таможнях. Как это ни просто, но, увы, не всеми понимается. Немцы не разделяют с Россиею выгод своего положения, ее целей не преследуют, оградились от ввоза русского хлеба пошлинами, англичане не хотят допускать даже мысли о входе России в Индию, свои сепаратные цели преследуют на всем Востоке, так зачем же, если от того нет нам выгоды, давать тем и другим внутри нашей страны все те же права, какие принадлежат русским?

Так говорит народное самосознание. Политические причины суть первые в таможенных отношениях. Но из этой злой необходимости следует извлечь все возможное добро, заставившее людей сложиться в государства, подчинить интересы частные государственным и только чрез них общечеловеческим. Два добра должны, могут и дают таможни. Во-первых, доход государственной казне, во-вторых, возбуждение развития труда внутри страны. Если бы не было таможенных доходов или налогов, следовало бы увеличить другие или изобрести новые. Обложение иностранного товара пошлиною закономерно уже по одному тому, что всякое производство внутри страны несет всякого рода налоги для надобностей государственной казны. Притом, ведь, нельзя же упускать из виду, что ввозная пошлина падает в России на предметы, без которых люди обходиться могли и могут, что большинство их составляется из предметов роскоши или потребностей, не насущных и всенародных, а более или менее вызванных и развивающихся под влиянием государственных мероприятий, сопряженных с расходами. А так как русская потребность в иностранных товарах в большинстве случаев может быть возмещена такими же продуктами русского производства, то таможенные пошлины на иностранные товары увеличивают возможность производства облагаемых товаров внутри страны, а всякое увеличение производительности своей страны дает заработок и увеличивает весь внутренний свободный оборот страны.

Эти два первичные соображения, а не какие-либо иные, вроде меркантильных (т. е. стремления скопить в стране поболее золота), определяли всегда,[1] объясняют и доныне существование таможенных сборов с чужеземных товаров в России. Но прежде чем говорить о современном положении нашей промышленности, об ее отношениях к иностранной и о нашей системе таможенных сборов, полезно пробежать историю русских таможенных отношений. В основании этого обзора мною взято почтенное исследование г-на К. Лодыженского «История русского таможенного тарифа» (С.-Петербург, 1886), а потому недосказанное прошу искать в указанном сочинении, где находятся цитаты и других источников сложной и запутанной последовательности русских тарифов. Для

[1] Я не хочу этим сказать, что взгляды меркантилистов или фритредеров не разделялись нашими русскими финансистами, а только желаю выразить то основное положение, что, помимо господствующих учений, в России всегда, особенно со времени Петра Великого, понимались истинные задачи таможенных пошлин и их истинное значение.

новейшего времени, начиная с 1841 г., фактическое суждение о размерах пошлин дано в особых столбцах тарифа, помещенного в предисловии.

Когда Россия сложилась уже в царство, а потом в империю, и тогда, — а следовательно и ранее того — у нее были, как вначале почти и всюду, всякие внутренние торговые сборы, помимо личных (за право торговли), городских и местных, сборы ради государственных надобностей и притом со всяких товаров, сообразно с их массою (например по числу возов) или количеством и с их ценностью, т. е. были свои внутренние таможни. Их уничтожение составляет тот вид освобождения внутренней промышленности и торговли, с которого начинают они расширяться всюду. Но не потому происходит это, что потребители тогда дешевле получают ввозимые товары, а только оттого, что промышленность своя, внутренняя, освобождается от стеснений, задержек и формальностей; не для потребителей это важно, а для производителей. Обыкновенно внешние таможенные и внутренние торговые налоги при снятии внутренних таможен возвышаются, и, следовательно, на товар ложатся новые тягости, но дело производителей становится проще, расходы единовременнее, получается перевес крупных оборотов над мелкими и вообще производителю безобиднее. Поэтому, когда Шувалов в царствование Елизаветы Петровны настоял на уничтожении сплошь всех внутренних таможен и многих внутренних торгово-промышленных налогов, — вся Россия ликовала, а в Петербурге тот день праздновали, жгли фейерверки. Это случилось в декабре 1753 г. Германия, освободившись чуть не чрез столетие от своих внутренних таможен, образовав «Германский таможенный союз», положила основание своему единству и всей своей силе, не одной промышленной. Условия, в которых франкфуртская ассоциация купцов и Лист настаивали на снятии внутренних германских таможен, совершенно иные, чем те, в которых Шувалов и Сенат действовали в России. Но сущность дела одна — промышленное единство отвечало или готовилось ответить государственному единству и промышленному развитию народа, имея в виду все интересы страны, но прежде и выше всех — производительные. Поэтому и у нас и в Германии уничтожение внутренних таможенных сборов сопровождается усилением внешней таможенной охраны. Это ведет прямо к тому, что доходы одних уничтоженных таможен заменяются доходами с других, а косвенно к тому, что производительность оживает. А так как я не предполагаю возвращаться к этому предмету, то сделаю здесь несколько

замечаний для тех, кто ради свободы всякого рода защищает и «свободу торговли», подразумевая внешние сношения.

Ведь внешние обороты государств ничтожно малы противу внутренних; эти последние, по крайней мере по отношению ко всему существеннейшему для торговли и промышленности, во много раз превышают внешние, как и должно ждать по разуму дела, показывающему, что внешний вывоз начинается после насыщения внутреннего рынка. Сборщики и продавцы винограда позволяют и должны это делать — семье своей и рабочим при сборе сколько угодно кушать винограда. В продажу или за границу идет избыток. Если мир пьет китайский чай, то потому только, что сами китайцы, потребляя много чая, научились разводить его и производят избытки. Европейская Россия производит, судя по совокупности сведений последних лет (1883—1889), пшеницы и ржи около 1100 млн пудов, а русский отпуск этих хлебов достигает до 220 млн пудов, т. е. не более 20% производства. Англия добывает в год около 160 млн тонн каменного угля, из них около 136 потребляет внутри и около 24 млн тонн вывозится. Это опять не более 15%.[1] Поэтому все, что помогает внутреннему производству и обращению, в то же время косвенно приводит и к внешнему вывозу. Бывает, конечно, и такое явление, что внутреннее потребление во много раз менее внешнего. Так, например, мы вывозим в год около 2—3, даже 4 млн пудов марганцовых руд, а внутреннее потребление едва ли превосходит сотни тысяч пудов. Но норма, очевидно, не такова, потому что на то страны и народы сложились и слагаются в государственные единицы, чтобы удовлетворить прежде всего своим отношениям. Они, эти внутренние промышленные отношения, действуют не менее сильно для государственного сложения, чем единство языка, и они пересиливают, например, разность вероисповеданий; для них часто шла и еще будет итти историческая ломка. Уничтожение таможен между

[1] Заметим здесь, что среднюю цену пуда ржи и пшеницы на местах производства нельзя принять выше 60 коп., следовательно вся цена этих основных русских товаров не выше 660 млн руб. кред. Тонна (около 62 пудов) каменного угля в Англии на местах добычи стоит около 10 шиллингов или около 4 руб. 25 коп. кред. (пуд — около $6\frac{1}{2}$ коп.), а следовательно, общая стоимость 160 млн тонн каменного угля близка к 680 млн руб. кред., т. е. близка к общей ценности всего хлеба, добываемого Европейской Россиею. Для тех, кто видит и понимает только хлеб, сравнение это не лишено назидательности. А если к сему прибавить, что Донецкая наша область не беднее Англии углем, то станет над чем задуматься. Есть страны, лишенные угля, но те, которые его имеют, имеют и возможность быть независимыми от урожаев.

Польшей и остальною Россиею сделает, в конце концов, уже в силу одного постоянства влияний, больше для полного слияния, чем прежние победы, чем клятвы и сходство происхождения. Историю понимать нельзя, если упустить внутренние промышленные связи. Я не забуду, как в 1863 г. челекенский Хадыр-хан мне объяснил причины, заставляющие желать присоединения подвластного ему острова к России. Экономическую связь малого с большим и выгоды от этого — понять легко. И если бы проповедывали «свободу торговли» как девиз общего слияния всех народных интересов, то было бы больше живого смысла во всем фритредерстве, но тогда следовало бы уже оставаться последовательным и говорить противу государственного разделения народов. А так как, с одной стороны, государственная идея составляет один из прочнейших результатов, достигнутых человечеством, против которого говорить не решится ни один вдумчивый человек, а с другой стороны, так как внутри государств и без всякого особого учения «свобода торговли» всюду — от Китая до Соединенных Штатов — приложена ранее появления фритредерства, то и очевидно, что между уничтожением внутренних таможен и тем, что носит название «свободной торговли» (т. е. международной), нет никакой связи. Внутренняя свободная торговля сживается с государственностью и чрез нее развивается, приводя всюду к протекционизму, естественно рождающемуся, опять-таки всюду, из необходимости государственных доходов, падающих прежде всего на всякие виды торговли, а потому обращающихся как на товары, так и на торговцев. Так как торговля составляет посредничество между производителями и потребителями и отвечает такой надобности всех жителей, при которой вращаются деньги, необходимые государству, то ничего не может быть проще и естественнее обложения торговли и товаров государственными сборами, которые при этом падают на всех, т. е. и на потребителей и на производителей, которые сами суть первые потребители труда и множества товаров. Считая с своей, личной, точки зрения торговлю и всякое посредничество (комиссионерство и т. п.) живым, неизбежным и важным органом общей промышленной жизни, одним из полезнейших видов разделения труда, я могу думать, что возможно или не собирать с торговли особых налогов, или облагать ее вровень — подоходно — как с другими видами промышленности, так и с потреблением, но такое время далеко впереди, первый же приступ к развитию промышленности и государства всегда и всюду совершенно естественно приводит к тому, что пред-

почитают облагать посредничество, т. е. торговлю, а не потребителей или производителей. Торговец притом всегда должен быть на виду, его легче обложить, чем потребителя или производителя. Поэтому обложение чужеземных, привозных товаров, не понесших при своем производстве общей тяготы, есть простая мера справедливости. Пусть дело касается даже простого булыжного камня. Его внутренний продавец несет государственные обязанности и подати; в цене, назначаемой за камень, косвенно те подати входят. Но этот камень привезли из чужой земли, где его избыток, — ведь иначе бы пожалуй и не повезли. Собрать с него таможенную пошлину, по моему мнению, заставляет справедливость, если существует солидарность государственных интересов и если, по соображениям совершенно особого свойства, например по совершенному недостатку камня в стране и по невозможности обойтись без него, нет причин даровать ему привилегию беспошлинного ввоза. Думаю, что по этой самой причине повсюду, где государственное самосознание рождалось и укреплялось, прибегали при этом к общему обложению всех привозных товаров и устраивали таможни. Пошлины эти называют фискальными. Их бы следовало называть государственными, потому что в них содержится не только простой интерес фиска или государевой казны, но и интерес государственной справедливости, различия государств и необходимости для государства иметь доходы и распределять их по возможности равномерно. Выше указано, что Бастиа, хотя весь проникнут английским фритредерством или французским либрешанжем (libre échange), прямо признает, что следует брать с цены (ad valorem) товаров первой необходимости (de première nécessité) 5%, с предметов удобства (les objets de convenance) 10%, товары же роскоши (les objets de luxe) он предлагает обложить сбором, составляющим от 15 до 20% с их цены,[1] т. е. ничего не впускать без обложения. В этом смысле я готов присоединиться к его мнению.

Так и поступали в старой России, где чувство необходимости государственного устройства было живым и деятельным. Все чужеземное облагалось. Протекционизм сперва не был к этому примешан. Но, конечно, было и у нас время первичной «свободной торговли»; оно предшествовало времени сознания не только пользы, выгодности, даже необходимости крепкого государственного единства и развития в его среде промышленности. Читайте историю России и сличайте

[1] Oeuvres complètes de F. Bastiat, T. IV, Paris, 1854, p. 4 (Sophismes économiques, 1 série).

времена изменения таможенных окладов со временами нарастания государственного сознания и вы убедитесь над этим частным примером в той связи, какая есть, была и навсегда останется между нарастанием народно-государственного самосознания и обложением чужеземных товаров таможенными окладами. В них сказывается жизнь страны, быть может, не меньше, чем в битвах, завоеваниях и даже в изменениях гражданских порядков, хотя русская земля всегда была «велика и обильна» и хотя русский народ испокон века и доныне не нуждается для удовлетворения своих скромных потребностей в чужом добре — своего ему довольно и многое еще трогать даже не начали. Облагали иноземное уже потому, что все оно в свое время считалось ненужным, роскошью и басурманством, а к такому, если уж нельзя его устранить, следовало доступ затруднять.

Однако первоначальные отношения России к иностранцам остались бы неясными, если бы не обратить внимания на то, как много было сделано со стороны сложившейся России сознательных попыток для укрепления торговых сношений иностранцев с русскими. И в этом есть нужда, и это государи понимали. Не остановились дать иностранцам много привилегий, надеясь, что они поведут к усилению продажи за границу русских избытков. Так, известно, что Иоанн IV дал англичанам много торговых льгот. Эти иноземные купцы, например, не платили тех внутренних таможенных окладов, которые были так тягостны русским торговцам, и хотя не могли заниматься мелочною распродажею своих товаров, но закупку русских вели всюду, до деревень. Того 20%-го сбора с выгод своих, который уплачивали русские, они также не несли. И как зорко глядели эти иностранные гости, чтобы не ушла от них заграничная торговля русским добром к самим русским, видно из того, что «ярославец Антон Лаптев отправился через Ригу в Амстердам с мягкою рухлядью, чтобы распродать ее там и накупить заграничных товаров на месте». Но подстроили так, что с товаром пришлось возвратиться и продать его в России же. Раз перебили русские купцы у иностранных шелк при продаже его из приказа большой казны. По этому поводу опять сговорились немногие иностранцы, скупавшие в России персидский шелк, и наказали убытками русских конкурентов, «даже хвастались своими преимуществами: мы-де и впредь заставим русских торговать лаптями, забудут перекупать у нас товары».[1]

[1] Лодыженский, [«История русского таможенного тарифа»], стр. 20 ([цитата из:] Соловьев, История России, стр. X—133).

Следовательно, попробовали и более чем «свободную» внешнюю торговлю, но проку не вышло, только иностранный монополизм усиливали. И надо думать, что такие-то уроки и научили, в конце концов, смотреть на внешние таможенные пошлины не только со стороны доходной статьи, но и со стороны покровительства. Практика «свободной внешней торговли» в стране, лишенной промышленного развития, но сложившейся в государственном отношении, а потому пекущейся о благе подданных и о силе и могуществе государства, по моему мнению, всегда должна привести к протекционизму.

Посмотрим же, как шло наше таможенное дело перед временем Петра Великого, при нем и после него до периода начала настоящего протекционизма, вызывающего нарочитое развитие видов промышленности.

Первый стройный русский таможенный тариф дан в царствование Алексея Михайловича. В 1649 г. были отменены привилегии иностранцам. Примечательно здесь то, что революция и казнь короля в Англии дали повод к уничтожению льгот, данных по договору с королем, и что эпоха эта совпадает с установлением «навигационного акта» (гл. 1) в Англии. Иностранцам дозволялось после того торговать внутри России только по особым «государевым грамотам» со взысканием особых сборов, бо́льших, чем с русских купцов. Здравое сознание государственных интересов, конечно вследствие опыта, пробуждается, как видно из того, что избыток оклада иностранцев прямо мотивирован тем, что русские купцы «десятину и всякие подати платят и службу служат», чего иноземцы не несут. В помощь развитию торговли и промышленности в 1654 г. Алексей Михайлович отменил «богоненавистные» откупа таможенные и всякие иные и «вечного ради утверждения» грамоту об этой отмене положил в Успенский собор. Известно, однако, что откупная система, по причине сравнительной легкости получения доходов, была возобновлена очень скоро после мудрого царя и дожила в разных формах до времени царствования покойного императора Александра Николаевича, когда отменены последние — винные и нефтяные — откупа. Так в истории бывает часто: проходит и по два столетия от полного сознания зла до полной возможности его искоренения. Тот же дух развивающейся государственности, приложенный к промышленным отношениям страны, проникает в «Новоторговый устав» Алексея Михайловича. Им определялись не только внутренние торговые сборы, но и внешние, собиравшиеся на границах царства с отпускаемых и привозимых товаров. Все

отпускные товары облагались пошлиною в 4 и 5% стоимости. Четырехпроцентная пошлина назначена была с товаров, продаваемых по весу (весчих), а 5%-я — с прочих. Рыба и ворвань были обложены выше, как товары тогда исключительно русские. А поташ, пенька, смольчуг, соль, хлеб и некоторые другие оставлены как «заповедные», внешняя торговля которыми велась от имени царя, не только чтобы поддержать на них заграничные цены и получать с них особые, немалые доходы, но и для того, чтобы оставлять их в России, при надобности в том: например хлеб во время голода и готовившихся войн. Привозные товары облагались такими же пошлинами, как отпускные, т. е. «весчие», в 4 %, прочие в 5% с цены. Только вина (от 10 до 100 руб. с бочки по размеру ее и сорту вина), сахар (1 руб. с пуда) и немногие другие платили бóльшую пошлину. Табак был запрещен к ввозу, как ныне запрещен, например, кукельван. Притом, если русские товары покупались иностранцами или иностранные — русскими на наличные деньги, полученные русскими от продажи своих товаров, уже оплативших особые 5%-е (рублевые, т. е. ценовые) внутренние пошлины, то ни при вывозе, ни при ввозе ничего не взималось. Следовательно, иностранные товары платили все те же сборы, как и русские. Это истинная «свобода торговли», даже архисвобода, потому что и Бастиа требует оклада, достигающего от 5 до 20%. Следовательно, у нас она испробована «Новоторговым уставом». «Свобода торговли» знакома нам с исстари, это не какая-либо новинка, до нее додуматься можно и без «софизмов». Попробовали, да мало было проку от этой пробы, как от привилегий иностранцам — казне доход был, но малый, а промышленности русской и ее торговле и подавно. Так от отрицательного протекционизма, т. е. от покровительства иностранцам, внешнеторговая русская политика перешла к «свободной торговле», т. е. к нулевому протекционизму, или уравнению иностранных товаров с русскими и перешла затем к протекционизму положительному. Притом только в этом одном случае и может быть важен для промышленности размер покровительства. В общем усиливался он скачками с Петра Великого до современной эпохи. Ни при отрицательном, ни при нулевом покровительстве возбуждения новых видов русской промышленности, без особых прямых затрат или примеров казны, какие были, например, при введении пушечного, чугунолитейного, доменного и тому подобных производств, конечно, не происходило; от более спокойной жизни развивалось одно земледелие да сельские промыслы, жили по старине, ни промыш-

ленных богатств, ни силы народно-государственной не накоплялось, и если Россия тогда росла и государственное ее значение возрастало, то благодаря преимущественно умножению территории и храбрости русских воинов. Это эпоха иной жизни, подготовительная; собирание земли еще длилось, размежевание с соседями еще не кончилось. Тут не до промышленности; все забывается из-за капитала основного, т. е. земли и жителей. По этой одной причине внешняя торгово-промышленная политика Алексея Михайловича должна быть считаема очень мудрою, приличною времени его царствования. Притом не надо забывать, что Россия тогда, как и ныне, нуждалась в деньгах и что внешняя торговля России тогда вела к тому, что уже значительный вывоз русского сырья и малый спрос народом иностранных товаров вели к такому торговому балансу, от которого прибывали в России деньги, а это считалось всюду выгодным и в самом деле выгодно, если смотреть на деньги как на товар, стране недостававший, как на сырье, потребное для народа, для обращения между ним. Ефимки (Joachimthaler, около 2 руб. ценою) перечеканивались в рубли и в царской казне накоплялись. Золото и серебро запрещалось вывозить к Кизильбашам, т. е. в Персию — ради той же меркантильной цели. В царской Думе было довольно людей, следивших за законом и торговыми оборотами России.

Петр Великий, охватив своим зорким глазом все положение, рубил «окно в Европу», воевал, рыл каналы, строил корабли, развивал Урал и проч. прежде всего для развития промышленных и торговых отношений своей России и понимал, что будущая жизнь его народа, когда она сложится окончательно (а ему уж видно было, что это скоро случится), должна быть направлена в сторону разработки того «богатства и обилия», от которого и зачалась русская государственность. Так он и поступал, тратя все, свободное от военных и гражданских распорядков, время на установку русской промышленности и торговли. Он был весь за них; с Западом приходилось больше торговать и вообще сноситься; он сам изучал Запад, видел, что́ и как там делается, и постиг, что иного в России для ее блага и быть не должно, что сохранение восточной первичной свободы торговли и восточной беспечности, т. е. своего laissez faire, laissez aller, приведет и к восточному уничтожению зародышей крепкой государственно-народной силы. За это весь мир и считает его прозорливым гением. Его рука спасла Россию от многих бед. И он первый ввел покровительственный тариф. Но не на него

одного он опирался в надежде пробуждения русской торгово-промышленной деятельности. Успокоение от войн, образование, пути сообщения и гражданское устройство он, как и следует, считал главными двигателями этих дел. Но видел, что без особых личных выгод нигде и никто не станет пачкать рук об орудия труда, настойчиво и долго тратить время на приноровку, рисковать затратами, тереться среди рабочего люда, доискиваться до мелочей, на которые в сущности распадается всякое промышленное предприятие. С образованием — лучше служить, благо казенных мест много, пути сообщения — предоставить черному люду с его промыслами, с его хлебом, лесом, льном и кожами, а гражданским устройством следует пользоваться для служилого дела и для извлечения всех выгод из своего положения. Так рассуждали предки, так рассуждают и потомки, а потому в промышленность или вовсе не идут, или входят только от толчка правительственных указаний и особых выгод.

Петр Великий обнял все это и старался, начиная с личного примера, внушать и поощрять любовь к промышленному труду. Казенные заводы и фабрики он передал в частные руки, даже производство солдатского сукна; за отыскание и разработку руд давал награды; за устройство фабрик освобождал от службы; предпринимателям или давал ссуды на льготных условиях, или даже прямо дарил и земли, и деньги; выписывал мастеров из-за границы; к заводам и фабрикам позволял приписывать крестьян, обязывал их работою — не сельскою, а фабричною; облегчил предпринимателей от многих внутренних налогов и наложил немало охранительных пошлин на товары, производившиеся в России, например шелковые ткани, иглы и краску — бакан. Многие из этих мер принесли бы больше плода, если бы все виды промышленности, кроме земледельческой и ей подобных и близких, внутри страны не подвергались суровой и мелочной регламентации. Мануфактур-коллегия могла разрешить или запретить устройство каждого завода или фабрики; указывала образцы, по которым должны были производиться товары; заботилась о том, чтобы размеры производства не превосходили потребности; даже предписывала юфть обрабатывать ворванью, а не дегтем, а за ослушание подвергать кнуту и каторге.[1] Для таможенного тарифа России Петр Великий сделал многое именно потому, что, осматривая заводы и осведомляясь о торговле, ясно видел, что «фабрики наши у прочих народов

[1] Лодыженский, там же, стр. 54.

в великой завидости есть, а всякими мерами тщатся испровергнуть чрез дачи, как в том много опытов было».[1] Заводов и фабрик когда нет, тогда убедиться в этом было нельзя, даже предвидеть это было трудно. И вот как Петр Великий решил в 1722 г.: если внутреннее производство уже достигло до получения 25% товара, ввозимого из чужих краев, то на товар этот при ввозе из чужих краев наложить 25% пошлины с его цены, если трети — то собирать треть цены в виде пошлины и т. д. до 75% с цены, если внутреннее производство превосходило ввозимую массу товара. Ввозный тариф обсудили и, пересмотрев отчеты о развитии фабрик и заводов, в 1724 г. определяли, например, взыскивать со ввоза: столового белья, парусины, шелковой парчи, канауса, лент, воска, крахмала, поташа, купороса, скипидара, железа не в деле, иголок и т. п. по 75% с их цены. Это значит, что названные товары производились уже тогда в России. Для бакана же прямо положено запрещение, потому что Петр Великий прямо в указе (1722 г.) писал, что один крестьянин делал бакан, который «Я пробовать живописцам велел, которые сказали, что только одного венецейского плоше, а с немецким равен, а иного лучше и оного наделано много, да никто не покупает за множеством ввозного». Пошлину в 50% с цены наложили на голландские полотна, бархаты, байку и т. п., 25% — на шерстяные ткани, кроме сукон (на них около 5%), полушелковые ткани, выделанные кожи, писчую бумагу, бутылки и т. п. Пошлину в 20% платили, например галантерейные вещи, детские платья, зеркала, игрушки; в 10%, например медная посуда, оконные стекла и все неперечисленные товары. Но многие предметы ввоза остались при 4—6% пошлины, например меха, вина, припасы, рыба, сукно. Беспошлинный ввоз предоставлен серебряным и золотым изделиям, огородным семенам, многим строительным материалам, животным, кроме лошадей, апельсинам, устрицам и т. п. Отпускная пошлина была установлена около 3%, но и она носила особый оттенок, который виден из того, что льняную и пеньковую пряжу прямо запрещено было вывозить, чтобы не отбивать сырье от русских ткачей. Если же русский торговец вывозил русский товар на русском корабле, то ему не только давали скидку отпускной пошлины, спуская ее до $^1/_4$, но и на ввозимые им на своем же корабле иностранные товары делали большую скидку пошлин,

[1] «Опыты» эти и до сих пор продолжаются: в убыток отдают, в долгосрочнейшие кредиты отпускают — только бы рынок русский сохранить за собою, а русскую конкуренцию убить в зародыше.

а именно вместо 3 руб. брали рубль пошлин на всю сумму стоимости (+25% торговой прибыли) вывезенного им русского товара. Пошлины по азиатским границам и при Петре оставались прежние, по новоторговому уставу. И поныне они отличаются от пошлин по западным границам. Оно и понятно, если встать на точку зрения Петра Великого: с запада к нам приходили товары с таких фабрик и заводов, какие мы могли сами завести, а с востока шли более всего сырые произведения почвы и сельского хозяйства, вроде сушеных плодов, шелка и т. п., которые идут и поныне. Наше производство уже в те времена было на более высокой степени промышленного развития, чем в азиатских странах, и нам можно было опасаться только западных конкурентов.

Это уже явно протекционный тариф и притом очень своеобразный и резкий. Император, очевидно, стремился к охране того, что уже установилось в заводском и фабричном деле, свою заботу охранял, а того, что Россия не производила, облагать не велел. Свои плоды это принесло, но многое изменено было в следующие царствования, и эта быстрая смена одного тарифа другим, это отсутствие твердой таможенной политики, которое повторялось множество раз, служит естественным объяснением того, что не все, о чем Петр Великий заботился в промышленности, развилось в должной мере. Если бы свой навигационный акт Англия колебала бы повторяющимися изменениями, а не держала твердо 200 лет, — она наверное не была бы первоклассною морскою державою. Если бы протекционный тариф Петра Великого не колебался множество раз после него, а особенно после освобождения крестьян и устройства железных дорог, когда в России было много обращающихся капиталов, мы бы уже, наверное, были близки к эпохе промышленной зрелости.

Даже при самом Петре Великом введена была одна мера, много портившая всю систему, им установленную, а именно: возобновлены «для пополнения его, великого государя, денежной казны в нынешнее (1712 г.) свейское (шведское) время» откупа таможенных доходов. Собирать было трудно, деньги на войну крайне надобны, и вот вводилось тяжкое зло, парализующее протекционизм. Откупщику надо было выручать откупную систему, нести много расходов и на завтрашнее вознаграждение не рассчитывать, а потому было выгодно впустить иностранный товар с пониженным окладом, лишь бы ввезли побольше. Это зло повторялось много раз и потом. Ему помогало взимание пошлин с цены. Было установлено, — и это долго длилось еще и потом (даже в таможенном тарифе

1868 г. оставались еще пошлины с цены, например на полотно), — что таможенные чиновники или откупщики, видя низкую оценку ввозимых товаров, могли их оставлять за себя, уплатив купцу 20% барыша с объявленной цены. Но русская граница велика, таможни есть и мелкие, чрез них и провозили, либо вступая в сделку с цёльнерами, проверявшими оценку, либо просто оценивали низко, зная, что чиновнику некуда сбыть привозимый товар. От всех этих причин, даже более, чем от окладов, контрабандные товары изобиловали в России. На деле система Петра Великого в своей целости никогда не осуществлялась. После него почти тотчас стали уменьшать оклады пошлин, а в 1731 г. был издан тариф, который носил прямо характер «свободной торговли», т. е. почти такой, как у Бастиа принят рациональным, но все же с некоторою наклонностью к протекционизму, потому что товары, «которые в России работаются» и которые Петр Великий облагал пошлиною в 75% с цены, были обложены 20%, а другие в 10% и менее. Для оживления же торговли сложены были пошлины почти со всех отпускных товаров. Только с рыбьего клея, веревок, железа, меди и тому подобных товаров, которыми стала славиться Россия, оставили вывозные пошлины. Все почти товары были расценены по средней стоимости, и пошлины наложены с меры и веса. Но Остерман, проводивший такой, скажем прямо — во многом очень последовательный тариф, подходящий к требованиям эпохи, в то же время для усиления внутреннего производства приписывал к заводам в «поссессию» крестьян, обязанных работою, и озаботился о таможенной отчетности, чтобы из статистических данных можно было узнавать о количестве всяких иностранных товаров, спрашиваемых Россиею, издал вексельный устав, установил проверку мер и весов и тому подобными способами помогал делу промышленности.

Но и новая система не успела укрепиться, как по частям была возобновлена, при Елизавете Петровне, система Петра. При этом ввели много явных монополий, т. е. прямо отдали на откупа производство некоторых товаров, например шляп, обоев и т. п. А в 1753 г., уничтожив, как упомянуто ранее, внутренние таможни, все внешние таможенные оклады увеличили, наложив добавочный сбор в 13% с ценности товара, чрез что и получился опять высокий и сложный таможенный тариф. Опять пересмотрели все товары, и в 1757 г. составлен фискально-покровительственный тариф, в котором на жизненные припасы, колониальные товары, на товары, надобные фабрикам и заводам, например на большинство химических

продуктов, на сукна и на дорогие ткани наложена низшая пошлина, от 4 до 17%, но только хлопок впускался с пошлиною 4% да бумажная пряжа — 10%, а прочее все с пошлиною около 15%. На полосовое железо, на гарпиус и скипидар, на обои, на простые полотняные и шерстяные ткани и тому подобные товары, производившиеся в России, наложили пошлины, составляющие от 40 до 100% с их цены. Столь высокого тарифа еще не бывало в России, а в общем размере и до сих пор тарифы ниже. Для обеспечения дохода и, как полагали тогда, для прекращения контрабанды установили, по предложению купца Шемякина, не частные, отдельные откупа, а общий откуп всех таможен. Откуп Шемякина не касался только остзейской и азиатской границ. Отмена его последовала только в царствовании Екатерины II. В это время развитием промышленности стало интересоваться в России гораздо большее число лиц, чем прежде, как видно из того, что об этом предмете много писалось и говорилось в ломоносовское время. Развитие естественных, подручных, особенно же сельских, промыслов и более всего самого земледелия, физиократами того времени поставленного на должную высоту, составляет в царствование Екатерины II основную мысль экономических стремлений. Не касаясь многих иных мер, принятых в это время, особенно по отношению к помещичьему хозяйству, должно видеть, что и меры, относящиеся к заводскофабричной промышленности, обдуманы и применены с большею, чем прежде, осторожностью и проникнуты идеями физиократов. Большинство откупов отменено. Регламентации Мануфактур-коллегии уничтожены. С вывозимого хлеба и необработанных сырых продуктов русского сырья установлена вывозная пошлина в 5%. Ввозимые товары ясно разделены на такие, которым покровительствовать следовало, от тех, для производства которых Россия еще не готова, равно как и предметы необходимости и роскоши ясно отличены между собою. Все дело пересмотра тарифа сопровождалось возможно подробным изучением цен, собранием данных о количестве ввоза и производства в России и тому подобною разработкою. В тарифе 1767 г. было принято: 1) не налагать ввозной пошлины на то, что не растет и не обделывается в России, например лимоны, каштаны; 2) предметы, не производимые Россиею, например пряности, губка, олово, камфора и т. п., но не идущие в общий обиход, или впускались свободно, или обложены были низшею пошлиною в 4% с цены, хотя самый сбор производился с веса или меры, по сделанной расценке; 3) предметы общепотребные, хотя бы и не производимые

в России, но в ней могущие производиться, обложены 12%, например сельди, уксус, макароны, оконные стекла, сукна, косы и разные инструменты; 4) товары, потребляемые фабриками, например хлопок и москательные товары обложены пошлиною в 6%; 5) товары в неотделанном виде, например стеклярус, шляпные колпаки и т. п., платили 15% с цены их; 6) большинство металлических изделий и тканей, составлявших предмет производства наших заводов и фабрик, обложено 30%-м окладом и под него подведена наибольшая часть ввозимых товаров; 7) на предметы одежды, например шелковые ткани, и продовольствия, ставшие почти необходимостью, очевидно, дворянского обихода, наложена пошлина в 20%; 8) вина, большие зеркала, гастрономические товары, бронзы и тому подобные предметы роскоши обложены 100% с цены; 9) алмазы, кружева и тому подобные предметы, хотя и относящиеся к роскоши, но легко провозимые контрабандою, обложены 10%-ю пошлиною; 10) на железо не в деле, писчую бумагу обыкновенных сортов, игрушки и тому подобные товары, в изобилии производимые Россиею, наложена высокая пошлина, доходящая до 200% с их цены, и 11) хлебное вино, скипидар, канифоль, соль и дорогие парчи как товары, изобильно производимые у нас, запрещены ко ввозу.

Очевидно из примеров, что на тариф Екатерины II могут ссылаться как протекционисты, так и последователи «свободной торговли». Это замечается и во всех последующих наших тарифах. И я думаю, что таков и должен быть тариф, хорошо обследованный. Но во многих частностях и в отсутствие средних обложений между 30 и 100% тариф 1767 г. не выдерживает критики, тем более, что в нем не видно и фискальных стремлений, которые затем, равно как и ранее того, играли большую роль в наших тарифах. Близкого знакомства с делом развития промышленности и нельзя было ждать от вельмож, занимавшихся тарифным делом времен воинственной императрицы-писательницы. Тариф проникнут добрыми намерениями, заботой о народной жизни, но не выработан в подробностях. Мудрая царица видела это и повелела принимать в расчет все, что окажется на деле, и каждые пять лет пересматривать тариф. Такое правило сильно повредило прочности развития начавшейся у нас промышленности. Ей нужна твердая уверенность в прочности тарифа, иначе или не решаются на риск устройства фабрик и заводов, или решаются только тогда, когда надеются на очень крупные барыши. Да и торговля внутренняя и заграничная должны страдать от быстрых пере-

мен, особенно же тогда, когда на глазах людей следуют друг за другом тарифы, проникнутые то одним, то другим, иногда прямо противоположным направлением. Но нельзя было и требовать от столь юношески пылких и доблестных сподвижников Екатерины II английской выдержанности; в моде была французская живость, соединенная с рыцарскою решимостью действий.

Непрочность тарифа 1767 г. сказалась скоро. Сущность дела, после нового общего пересмотра, была сильно изменена в 1782 г. Избегая контрабанды и стремясь улучшить русский торговый баланс, сбавляют или облегчают отпускные пошлины, понижают и многие ввозные и снимают большинство запрещений. Но все же, хотя и слабее прежнего, заботятся о том, чтобы наплыв иностранных товаров не подорвал начавшуюся русскую заводско-фабричную промышленность. Это тариф фискально-охранительный, бесцветный и сбивающий с пути, на который стали становиться многие даже из помещиков, когда им вышло разрешение без особых сборов устраивать у себя в имениях фабрики и заводы. Этим путем устроилось много суконных фабрик. Остзейские провинции, до сих пор пользовавшиеся особым пониженным тарифом, с 1782 г. включены в общую государственную таможенную черту, что помогло не только полнейшему их объединению с Россиею, но и уменьшению контрабанды, потому что за морскою границею смотреть легче, чем за внутреннею сухопутною. По западным сухопутным границам ввоз товаров, кроме местного сырья, кос и венгерского вина, был запрещен для прекращения сильной здесь контрабанды. В 1792 г., по поводу прекращения сношений с Франциею, был стеснен или запрещен как вывоз многих сырых продуктов, так и ввоз многих иностранных товаров. В 1796 г. издан был опять новый повышенный противу прежнего ввозный тариф, но он не применялся на деле, потому что император Павел I его отменил тотчас по вступлении на престол.

При таких сменах, при такой исторической горячке событий промышленность расти не может. Она и не росла. Сахару и хлопчатобумажных тканей ввозилось много, а в России ни эти, потребностью вызываемые дела, ни такие, которые отвечают естественным запасам страны, не зачинались, не вызывались. Это и следующие за тем царствования должно считать еще завершающими эпоху сложения России, выражающими не столько ее внутренние ресурсы, сколько ее внешнюю силу. Тогда стране еще не до промышленности.

Орлы, а не товары, России облетали Европу, себя показывали, людей глядели.

В царствование Екатерины II совершилось так много внешних войн, требовавших золота, что пришлось прибегнуть к внешним займам и видеть падение курса. В 1792 г. золотой рубль стоил 1 руб. 25 коп. ассигнационных, в следующем году 1 руб. 35 коп. Золото ушло из России, и, вероятно, большинство его пошло на расходы войск и на уплату за контрабанду, которая не входит в официальный торговый баланс, все еще показывавший превышение отпуска над ввозом. И с этих пор в вопросах русского тарифа одну из первых ролей играет курс ассигнаций и соотношение между суммами уплат и получений России. Дело развития промышленности подчинилось условию нового рода и запуталось больше прежнего. С промышленности и торговли начинают настойчиво требовать поправки курса, который определяется, конечно, не одним балансом торговли, поддающейся записи, но отношением суммы всех входящих и выходящих из государства денежных обязательств. Благоразумное расходование государственных доходов и затраты на развитие производительных сил страны могли бы, и при невыгодном для страны торговом балансе, поддерживать курс. А при господстве военно-политических целей и взгляда физиократов, при преобладании помещичьих воззрений на фабрики и заводы, будто бы совращающие крестьянство с доброго пути на худой, наконец при том всеобщем мотовстве, которое вошло в обычай того времени и отвечало ширине полета, — нельзя было и ждать ни благоразумного расходования доходов, ни твердых мер к развитию всей промышленности страны. Крестьянство было нетронутою силою, земель нетронутых тоже конца не видно было — на них и возложили всю производительность, а сами воевали, чтобы завоевать равноправность среди остальных народов Европы, да чуть хозяйничали, толковали, мечтали и обсуждая — осуждали.

В сущности, то же самое было и в царствование императоров Павла I и Александра Павловича, т. е. Россия доканчивала свое историческое сложение и становилась первоклассною мировою державою, интересы же всей ее промышленности стояли на заднем плане, и тарифы, в прежнем роде, были только «предлогом» споров, а обсуждались больше всего так, чтобы от таможен было побольше дохода да контрабанды было бы поменьше, курс бы не портился и политическим отношениям был бы в них ответ. Тарифами также пользовались для целей внешней политики как войнами, и если изменяли

их иногда в интересах страны, то лишь случайно, чаще всего по поводам внешнеполитическим, так как на торговлю и промышленность глядели свысока, считая только сельское хозяйство достойным сочувствия и внимания. Хоть и крупные интересы имелись иногда в виду у наших правящих классов, но все они в сущности были чужды понимания роли, которая готовилась в предстоящее время фабрично-заводской деятельности. На Мордвинова, понимавшего эти отношения лучше многих его современников, смотрели скорее как на чудака-патриота. Вся литература того времени была и долго оставалась чуждою промышленности. На сцене были другие интересы. В 1797 г. издан новый тариф, слабо повышенный, в протекционном смысле. В 1800 г. последовало запрещение ввоза шелковых, бумажных, льняных и пеньковых материй, стекла, фарфора и фаянса, а в 1801 г., для воздействия на Англию, был запрещен вывоз из России каких бы то ни было товаров, но с воцарением Александра Павловича оба эти запрещения сняты и восстановлен во всей силе покровительственный тариф 1797 г. Но в 1804 г., для соблюдения условий Тильзитского мира, прекратили торговлю с Англиею. Курс опять стал еще падать и в 1808 г. дошел до 200 коп. кред. за рубль серебром. Накануне Отечественной войны Сперанский, обсуждая тогдашнее положение страны, финансов, промышленности и торговли, провел «Положение о торговле 1811 г.». По тарифу этому сырые материалы впущены беспошлинно, сталь, свинец, москательные товары, краски и т. п. обложены небольшою пошлиною около 2% с цены. На рис, пряности, вино, кофе и тому подобные более или менее неизбежно необходимые чужеземные товары, напротив того, наложена высокая пошлина, до 50%, а множество иностранных товаров прямо вполне запрещалось ко ввозу. На отпуск льна, льняного семени, сала, пеньки, поташа, смолы и т. п. наложены были высокие вывозные оклады. В манифесте объяснена цель такого тарифа: «преградить усиление непомерной роскоши, сократить привоз товаров иностранных и поощрить, сколь можно, произведения внутреннего труда и промышленности». Манифест этот служил одним из поводов Наполеону объявить нам войну, потому что на «нейтральных» кораблях можно было дескать ввозить английские товары. Наполеону хотелось, в сущности, чтобы и мы ничего не вывозили и чтобы Россия не запрещала таких предметов французской роскоши, ввоз которых по тарифу 1811 г. совершенно прекращался.

Вот где сказывается яснее, чем в абстракте, что после размежевания земель промышленные интересы руководят судь-

бой народов. И кружева французов и корабли англичан служили, конечно, только поводом войны, но ведь поводы такого рода часты, а потому выдают секреты. Не таков ли же был «предлог» для независимости С.-А. С. Штатов? Мордвинов верно понял дело, когда советовал не подчиняться требованиям политики Наполеона, «направленной к постепенному разорению и ослаблению России» столько же, как «уничижению Англии», ибо в них жил «консервативный» элемент, авантюристам космополитического строя идей очень неугодный. Чувствуя, что дело касается всей будущей судьбы России, император русский принял войну, а приняв и одолев нашествие, приготовил с известной стороны Россию к предстоящему ей промышленному развитию. Подготовка эта длится и поныне, но исторические дела не совершаются так скоро, как бы хотелось юности и утопистам. Однако, не дожидаясь будущего, тотчас же тариф 1811 г., несмотря на начавшуюся скоро войну, оказал свое действие: заводы и фабрики стали быстро расти в числе и разнообразии, хотя контрабанда идей и товаров процветала. Мордвинов хлопотал об основании ссудной кассы для промышленников, о награждении отличившихся в деле производства новых товаров, об обзаводстве фабрик машинами и т. п. Не это ли собрались «двунадесять язык» сломить в России? Не оттого ли явились такие меры, что Англия, сама испытавшая пользу подобных мер, была тогда с нами? Манифест 1811 г., по завету Петра, поднял промышленность на должную ей высоту — народного дела. Перелом совершился. Он сделан протекционизмом 1724 и 1811 гг. Но между ними протекло почти столетие, а крепко держались начатого всего лет по пяти, не больше. Но и это имело свое значение.

Однако ни подъем народного духа, ни военные события 1812—1815 гг., ни замирение не научили прозорливости ту школу русских влиятельнейших деятелей, которым французский язык и весь пошиб были ближе и понятнее русских или английских голосов и стремлений. Граф Литт [1] громко говорил то, на что ворчало много баричей, а именно делил всех жителей России на три категории; в первой он считал 99% населения, нуждающегося в иностранных товарах и платящего за них втридорога, во второй — контрабандистов, а в третьей — «монополистов», извлекающих барыши из положения вещей. Увы, несмотря на всю ложь соображений, они действовали,

---

[1] Лодыженский, там же, стр. 171.

как действуют и доныне, потому что общее дело заменили личными интересами. Не хотели видеть того, что 99% русского народа не нуждается в иностранном добре, и если для трудового дела этих 99% надобен иногда какой-либо чужеземный товар, то, во-первых, его можно сделать и дома, а во-вторых, за него можно дорого заплатить, потому что при развитии промышленности заработок является для трудового класса новый и крупный, позволяющий уплатить лишек. Не хотели мысль повернуть в ту сторону, что 99% трудового народа радуется тому, что огорчало остальной процент жителей, назвавших принятую систему «самобичеванием». Благоразумие, однако, заставило систему изменять понемногу. Это началось в 1816 г. Со многих товаров запрещение сняли и обложили их не по весу, а с цены, пошлиною в 15, 25 и 35% объявленной стоимости. Проводил эту систему граф Гурьев. Сделав эти уступки внутренним потребительным классам, сделали затем много уступок и внешним производителям, особенно по конвенции 1818 г. с Пруссиею. Так, например, изделия из кожи, льна и шерсти, не дозволенные (кроме сукон и т. п.) ко ввозу по тарифу 1811 и 1816 гг., были из Пруссии допущены и обложены легкою пошлиною. Для уравнения всех иноземных производителей в 1819 г. издан опять новый тариф. Товары, Россиею не производимые, предположено обложить пошлинами от 2 до 15%, предметы общего потребления, производимые Россиею, 30%, а предметы роскоши 60%, но на деле формулировали статьи небрежно, и оклады, взимаемые не с объявленной цены, а с количества, не умели согласить с их действительною ценностью. Довольно указать, например, на то, что стекло в ящиках обложено 25 коп. (ассигнациями) с фунта, т. е. 10 руб. с пуда, а стекло без ящиков — 95 коп. с пуда. Вышло на деле, что низкие сорта товаров ввозиться не могли, а высокие, дорогие платили сравнительно малую пошлину. И опять иноземный товар пошел массами, опять он стал единственным желаемым и опять иностранцы хвалились, что заставят «русских торговать лаптями». Промышленность, конечно, упала. Это прямо пишет гр. Канкрин. В 1821 г. уже сознали, что сделали ошибку, особенно же когда Франция и Пруссия усилили свой протекционизм, а в 1822 г. был издан новый тариф, сходный с тарифом 1816 г. В 1820 г. ввезено сахара и сахарного песку на 46 млн руб., бумажной пряжи и тканей на 52 млн руб., шерстяных тканей на 26 млн руб., вина и водки на 28 млн руб., а всего ввоза было на 231 млн руб., а вывезено на 245 млн руб. В 1815 г. ввоз ограничивался 122 млн руб., а вывоз достигал 221 млн руб. С 1818 г. ввоз

сразу почти удвоился. Вот что должна была переживать русская промышленная инициатива. Ребенка то кутают в теплое и кормят сколько хочет, то держат впроголодь и одевают как можно полегче, чтобы был здоровее и расходу бы на него шло поменьше. Резоны на все находятся.

С 1822 г. вплоть до 1850 и особенно до 1867 гг. общий план оставался тот же: протекционизм явный, но не крайний, изредка вызывающий; запреты снимаются, но налагаются на допускаемые товары крупные оклады; вывозные пошлины понижаются, и затем все снимаются; защита всего, что началось производиться, соблюдается неуклонная, и хотя пошлины, иногда неумеренно высокие, понижаются, но зато недостаточные возвышаются; словом, впервые в эту эпоху протекционизм прилагается с последовательностью и твердостью, особенно же при императоре Николае Павловиче, когда министром финансов, а потому, — по духу русской истории — и министром промышленности и торговли был гр. Канкрин, экономист самобытный, зрело охвативший, подобно Листу в Германии, связь внутренней промышленности с национальным развитием.

И вот в эту-то эпоху постоянного протекционизма, ведущего свое начало, по существу, от мер, принятых перед Отечественной войной, развились — и притом постепенно и несомненно под влиянием тарифа — многие виды нашей заводско-фабричной промышленности, особенно же хлопчатобумажная (оклад на пряжу доведен был до 50% стоимости), свеклосахарная (Канкрин поднял пошлину с 15 до 34%, а рафинад был просто-напросто запрещен), шерстяная и писчебумажная, учредились или укрепились наши высшие технические училища, например Институт путей сообщения, Технологический и др., и наши финансы и курсы окрепли. Следует отметить устройство таможенного дела и уничтожение внутренней таможенной границы между Россией и Польшею как меры, имевшие важное политическое и экономическое значение для упомянутой эпохи, но излагать частности считаю здесь излишним, тем более что впоследствии, при рассмотрении некоторых отдельных товаров, придется коснуться этого предмета. [...]

Громадные и для будущего неисчислимо важные шаги, сделанные Россиею [...], нет надобности перечислять, говоря о промышленных интересах России, ибо все их помнят и знают. Прибегну, однако, к сравнению, чтобы сделать ясным личное суждение о прожитом времени. Когда где бы то ни было господствуют разбойничьи шайки, — ни торговле, ни промышленности, ни науке развиваться там

просто невозможно, и необходимо все усилия направлять на развитие личной силы и ее организации. Первый тогда и важнейший успех государственности должен направиться на уничтожение этого зла; прямое отношение его к промышленности может быть и останется сокрытым для современности, но не укроется от истории. Таково первоклассное значение освобождения крестьян и устройства железных дорог, совершенных в прошлое царствование. Это меры промышленно-подготовительные, освобождающие и, скажем коротко, более важные и настоятельные, чем самый обдуманный вид протекционизма или свободной внешней торговли. Конечно, жаль, что не воспользовались временем, для того удобным, — при устройстве рельсовых путей, чтобы заложить прочные основы широкому развитию добычи каменного угля в России и своих рельсов и машин всякого рода, но хотя этим и задержано правильное развитие производительных сил России, все же ошибка та легко поправима, потому что десяток лет сознательных усилий здесь достаточен, как я постараюсь показать, говоря в отдельных главах о каменноугольной и железной промышленностях России. По указанной причине нельзя осудить с тою резкостью, какая часто слышится, ни массы внешних займов, ни тарифа 1868 г., ни того положения внешнего кредита или курса, которые отвечают прошлому царствованию. Делались дела первостепенные, и щепки валились, когда рубили дрова.

Уже гр. Канкрин, держась начал национализма и твердо поставив протекционизм, понемногу снимал запреты и высокие оклады с многих товаров, рассчитывая на то, что беспошлинный вывоз и естественные богатства России дадут в ней развиться тем видам производств, которые отвечают ее положению, а неумеренное покровительство считал порождающим монополизм. Тенгоборский, наиболее после Канкрина влиявший на наши тарифы начала 50-х годов, хотя и был явным фритредером, но, держась начал Адама Смита, прямо и косвенно показывал, что назначение России быть страною преимущественно земледельческою, а потому настаивал на необходимости сколь возможно, без урона какой-либо развитой промышленности, понижать ввозные пошлины, а отпускные уничтожать вовсе. Желанием императоров развить и укрепить промышленность России, влияниями указанных сановников, отношением к промышленному развитию Польского края, вошедшего в русскую таможенную черту, ходатайствами московских мануфактуристов, увеличением иностранного спроса на русский хлеб и господством в обществе и литературе поме-

щичьего, отчасти инстинктивного, отчасти сознательного почти отвращения от фабрично-заводского направления русской деятельности — объясняются как те постепенные перемены, которые совершены в русском тарифе с 1842 по 1868 г., так и самый тариф этого последнего года, действовавший с немногими изменениями во все царствование Александра Николаевича. От запретительного и напряженно-возбуждающего тарифа 1811 г. перешли в тарифе 1822 г. к явному, иногда даже возбудительному, протекционизму, а потом стали постепенно переходить, а в тарифе 1868 г. и подошли к охранительному протекционизму, — а охранять-то было почти нечего, потому что все шло вперед, а мы стояли. У нас многие называли тариф 1868 г. фритредерским;[1] мне самому в то время приходилось слышать это, а на ушко даже шептали, что тариф

[1] У нас часто называют фритредерством защиту каких бы то ни было пошлин, не имеющих резкого вызывающего характера. Всякое сбавление пошлин считается у нас также фритредерством. В этом смысле я не пользуюсь этим словом, хотя считаю фритредерство не чуждым пошлин фискальных, как и видим в английском фритредерстве (см. стр. 183) или у Бастиа (стр. 191). Можно быть отъявленнейшим протекционистом и защищать снятие пошлин на некоторые товары, например на сырье, надобное заводам и фабрикам. Лучше бы было для того, чтобы не было смешения понятий, если бы изобретен был особый термин для означения того видоизменения протекционизма, по которому тарифы приноравливаются к интересам определенных видов промышленности, например к данным фабрикам и заводам. Но я не изобретаю такого названия, чтобы не усложнять дела, и без того уже достаточно запутанного. Интересы государства, страны и всего народа иногда, но не всегда, совпадают с интересами производителей, и если это существует хотя бы для очень малого числа лиц, то для меня это будет протекционизм должный, правильный и желательный. Но если таможенная пошлина охраняет интересы фабрикантов, никак не совпадающие с интересами государства, страны или жителей, то такой протекционизм, по мнению моему, в большинстве случаев или вреден, или, по крайней мере, бесполезен. Протекционизм нефтяному делу я защищал и защищаю, потому что в результате является в стране новая широкая отрасль промышленности, питающая много народа, у государства является доход и новый вид отпускной торговли, а народ получает в конце концов, кроме заработка, нефтяной товар дешевле, чем бы получал его без протекционизма. Так я защищаю ныне протекционизм в отношении каменного угля, железа, хлопка, продуктов сухой перегонки дерева и т. п. Но когда хотят, чтобы с помощью высокого оклада вызвалось и развилось у нас, например, производство хинина или, хотя бы, каких-нибудь красок, сырья для которых у нас нет, то я пойду противу всякого протекционизма, кроме разве понижения пошлин на сырье — сравнительно с готовым товаром, если он уже обложен ранее и если нет оснований снять обложение на самый товар. Пусть выиграет фабрикант, производящий такой товар, если он обложен — от этого не будет выгоды ни стране, ни народу, особенно, если развитого соперничества и пониженных цен ждать нет оснований. Государство, на-

этот вынужден тайными статьями мирного договора, заключенного после Крымской войны, потому что Тильзитский мир содержит свои тайные статьи. Все это неправильно и несправедливо, основано на таком же невнимательном отношении к изучению предмета, как и толки прямо противоположные, по которым тариф 1868 г. считался все еще ультрапротекционным. Нет надобности входить в подробную оценку противоречивых мнений о нашем тарифе 50—70-х годов; верное мнение получается уже из того, что тарифом нашим были недовольны как крайние фритредеры, так и заявленные протекционисты; значит, что в нем не было крайностей, что он был компромиссом разнообразных и несложных промышленных требований того времени. Покровительственные начала, однако, в тарифе 1868 г. оставались, но не развивались, превратившись в охрану того, что было ранее достигнуто. К чему приводит такая система во времени, которое быстро двигаться и в эту эпоху не переставало, я постараюсь показать далее, а теперь перечислю важнейшие тарифные изменения, обрисовывающие отношения правительства к внешней торговле России.

После издания тарифа 1822 г., преимущественно в видах увеличения таможенного дохода, произведено было в 1831 г. общее увеличение (на $12^1/_2\%$) обложений на ввозные товары, в 1836 г. надбавка снята только с товаров, в России не производимых, например с кофе, свинца, олова и ртути, а в 1841 г. весь тариф хотя ни в чем существенно не изменен, но пересмотрен и приведен в порядок. Но и при этом, как и раньше, запрещения снимались, и отпускные пошлины уменьшались.

лагая высокую покровительственную пошлину на хинин или тому подобный товар, только потеряет тот доход, который собирает в виде умеренного таможенного оклада. Народ тоже проиграет не только потому, что заплатит дороже за такой товар, но и потому, что ничего или почти ничего не выручит при добыче и производстве товара; предмета вывоза он не составит, словом, это будет вид или форма монополии. А так как определение тех видов товаров, обложение которых повлечет или к результату, сходному с нефтью, или к результату, указанному для хинина, — всегда останется делом изучения, т. е. суммы знания и понимания, то по абсолютным или относительным размерам таможенных пошлин вовсе и нельзя судить об их фритредерском, протекционном или фискальном смысле. Пошлины могут понижаться при сохранении протекционизма и повышаться вовсе без протекционных целей, ради одного увеличения тех или иных доходов. Можно схватывать только общее направление тарифов и определять значение отдельных ставок, видеть в них ту или другую цель, а все иное будет, как говорили еще недавно, одним «академическим» рассуждением, к живому делу государственной жизни вовсе не относящимся.

Сельскохозяйственные машины при этом пересмотре были допущены беспошлинно. С этого тарифа, введенного в 1842 г., начинается тот обзор ставок, который содержится в нашем предисловии. К той же эпохе относится уменьшение окладов на многие товары, ввозимые по западной сухопутной границе. При этом имелось в виду не только удовлетворить политические цели и соглашения, но и уменьшить контрабанду. Разность тарифов по морской и сухопутной границам особенно увеличена была в эпоху Крымской войны, не только потому что морская торговля была почти закрыта неприятельскими эскадрами, но и для облегчения торговых сношений с Пруссиею, которая одна оставалась с Россиею в дружественном отношении. По миновании войны тотчас приступлено было к пересмотру всего тарифа, ради устранения сильного возникшего поощрения прусской промышленности. Вообще же размеры пошлин по сухопутной границе или убавлялись, или увеличивались противу пошлин по морским границам, сообразно множеству разных влияний, но постепенно (после тарифа 1857 г.) эта разность устранялась.

С 1843 г., когда министром финансов на место гр. Канкрина стал Вронченко, постепенно ослабляется прежний протекционизм, особенно же под давлением того соображения, что, уменьшая пошлинами ввоз иностранных товаров, Россия ослабляет отпуск своего хлеба. Этот мотив слышится и действует по сей день, а потому будет далее рассмотрен отдельно. Около того же времени в Англии взяли верх начала фритредерства, ввозные пошлины на сырье там были отменены, и русское сырье могло найти в Англии большой спрос. Соображения английских фритредеров проникли и к нам и не мало влияли на уменьшение многих тарифных ставок, происшедшее в 1846 г. Но дело коснулось преимущественно отпускных товаров и, кроме того, тонкого сукна, фаянса, кружев, кофе и тому подобных товаров, Россиею почти не производимых. Пересмотры тарифа в 1848 и 1857 гг., произведенные под влиянием, и даже руководством, Тенгоборского, еще более облегчили доступ иностранных товаров в Россию и отпуск русских за границу. В своих «Études sur les forces productives de la Russie» (1885, т. IV, стр. 3) Тенгоборский обобщает стремление купца, выехавшего из своей страны, в чужой земле приобрести единовременно двойную выгоду от продажи своего товара и от покупки чужеземного. И вот ради привлечения этого иностранного купца в Россию, предпочтительно перед другими странами, Тенгоборский и указал на пользу от снятия вывозных пошлин и, в то же время, от уменьшения при-

возных окладов. Торговле англичан рекомендовалось покровительствовать в России. Хотя осторожно и постепенно, но такой взгляд применяли к делу. Тогда много говорили о «подати земледельческого класса России в пользу мануфактуристов ее центра» и просили заменить единичные выгоды русских производителей двойными выгодами английских торговцев, не считая выгод английских производителей. Тенгоборский прямо советует облегчить доступ иностранному сырью в Россию, дать вход иностранным орудиям труда, а облагать только готовые продукты. Из хода дел очевидно, что тариф 1850 г. не представил резких крайностей только благодаря тому, что император Николай Павлович был прямо противу мер, могущих уменьшить число русских фабрик и заводов. Но все-таки с 1850 г. произведено понижение ввозных пошлин на многие товары, особенно благодаря влиянию Тенгоборского. Довольно указать на то, что чугун до тех пор или был запрещен, или платил пошлину около 1 руб. кред. с пуда, в 1850 г. с него назначена пошлина в 50 коп. кред., а в 1857 г. 15 коп. кред. Затем немудрено, что, развивая те же мысли, дошли в 1868 г. до пошлины в 5 коп. кред. с пуда чугуна не в деле, а потому, когда железная металлургия во всех странах Европы быстро возрастала, особенно ради устройства железных дорог, железных судов, больших пушек и громадного количества машин всякого рода, в это время русская металлургия, в былое время занимавшая в мире видное место, стала постепенно падать, или, правильнее, перестала расти сообразно потребностям времени. Так как в этом примере ясно сказывается сущность тех изменений, какие претерпел наш тариф от 1850 г. вплоть до 80-х годов, то я остановлюсь на этом примере, но предварительно необходимо закончить историю тарифных изменений, последовавших после 1850 г. По тарифу 1850 г. были свободно впущены почти все минеральные вещества, надобные заводам и фабрикам, например гипс, мрамор, глины, асфальт, всякие руды (особо не поименованные, как, например, медные, железные, цинковые и т. п.), сера, каменный уголь и т. п. Растительное и животное сырье, потребляемое промышленностью, обложено было малыми пошлинами, например 20 коп. кред. с пуда, если даже цена как у кермесных зерен, лакмуса, сырой резины, камедей и смол, чернильных орешков и т. п. была даже очень высока. Уменьшили пошлину даже с бумажной пряжи (с 8 на 6 и с 15 на 11 руб. с пуда), потому что это не готовый товар, прямо идущий потребителям, а доставляемый фабрикам. Но и готовые товары, когда считали их важною потребностью жителей,

облегчали окладами: например, на готовые кожи пошлина была 1 руб. кред. с фунта, а спустили до 25 коп. кред. с фунта. Влияние того же ряда соображений, которые определили тариф 1868 г., явно сказалось уже в тарифе 1850 г. В тарифе 1857 г. эти влияния и уменьшение покровительства сказались еще резче. Здесь уже явно выступили голоса потребителей, производителей почти не слушали, хотя по отношению ко многим установившимся производствам, особенно мануфактурам и особенно к готовым изделиям, сохранены прежние значительные оклады. Когда рушились многие мелкие фабрики и заводы, в этом видели хороший результат, потому что считали их искусственным насаждением, вызванным высокими тарифными ставками. Уступки за уступками фритредерским требованиям и надеждам укрепить то, что само собою может встать крепко, делались в 1857 и 1864 гг., а завершились тарифом 1868 г., который так и начинается рядом статей (а именно 42 статьями, где, например, входят машины сельскохозяйственные, прядильные и ткацкие, всякие корзины, кожи невыделанные, хлопок, лен и т. п., руды, сера, каменный уголь и всякие почти необделанные камни) *беспошлинных* товаров. Так как на примере виднее, чем в общем обзоре, можно показать ход изменений тарифа, то я остановлюсь на чугуне и железе:

Год	Чугун не в деле		Полосовое железо	
	морем	сухопутно	морем	сухопутно
1822	Запрещено	90 коп. асс.	Запрещено	1 руб. 20 коп. асс.
1831	»	1 руб. 10 » »	»	1 » 35 » »
1841	»	1 » 30 » кред.	»	1 » 38 » кред.
1850	»	50 » »	»	50 » »
1857	15 коп. кред.		49 коп. кред.	
1859	5 » »		35—45 » »	
1861	Разрешен беспошлинный ввоз чугуна и железа для механических заводов.			
1868	5 коп. кред.		35 коп. кред.	

Основными мотивами к такому систематическому понижению тарифа считали отсталость наших заводов, малый спрос

у нас на чугун и железо, производство их на древесном топливе в то время, когда весь мир стал уже производить на каменном угле, и великую потребность в этих товарах для освобожденных крестьян и для строящихся железных дорог. А главную роль во всем этом приписывали отсталости нашей металлургической промышленности. Совершенно забывалось, значит, что она вызвана была правительственными мероприятиями и от них одних, а особенно от правительственных законов одних, и могла выравниваться с успехами, достигнутыми западноевропейскою железною промышленностью.

Отсталость нашей железной промышленности недальновидные объясняли просто — нашею неумелостью, дороговизну — одною жадностью наших производителей, развитие ее на древесном топливе — бедностью России своим каменным углем и т. п. Все это неверно. Умелость была и раньше, если умели в России готовить железо столь мягкое и вязкое, как нигде, и по способам чисто русским, как видим в производстве нашего листового железа. Умелость была, если сумели, по выписанному образцу, приготовить для построенной Николаевской дороги свои первые паровозы, которые служили дольше выписных. Умелость, наконец, можно было пригласить, призвать, выписать, нанять. Отсталость произошла не от неумелости, а от того, что в то время составители тарифов не понимали, что техническая умелость не рождается сама собою, а вызывается заказами, опытом, практикою, а их своим заводам не давали; все, что стало надобным, — от пушек и рельсов до вил и проволоки — стали спрашивать за границей. От нее брали капиталы в виде займов, акций и облигаций и ей же отдавали эти самые капиталы за работу, за добычу ее руд, за переделку их в металл, за производство из него всего надобного России с ее строящимися железными дорогами. Дороговизна же русских железнозаводских продуктов определялась прежде всего тем, что центром их производства служил далекий Урал, где все дело основано было на древесном топливе и сосредоточено было в немногих руках немногих уже довольно нажившихся деятелей, пользовавшихся и поныне пользующихся особым вниманием правительства. Всюду перешли уже к производству дешевого чугуна и дешевого железа на каменном угле, а у нас об этом-то и думали мало. Поручали кое-кому устраивать казенные заводы, например Петровский, в Донецком крае, но и тут действовали без настойчивости и неумело. А когда явился Пастухов на Донец, то на него не обратили почти никакого внимания. Доходило до того, что официально и конфиденциально докладывали, что

Донецкий край хотя имеет уголь, но лишен железных руд, а их там не оберутся теперь, — так много. Главную же причину дешевизны железа составляет массовое его производство на каменном угле. Без громадности производимой массы (по способам, еще и поныне господствующим) нельзя иметь дешевого чугуна и железа. Отдавая заказы за границу, массу отнимали, — дешевизны ни теперь не было, не могло явиться и впереди. Но рассуждали обыкновенно так: чтобы завести массовое производство — необходимо много капиталов, их у нас нет, следовательно, нечего об этом и думать, следует брать иностранное. А дело-то становится более ясным, если взглянем на то, сколько ввозилось в Россию металлов в эпоху построения наших железных дорог. Таможенные отчеты содержат нужные цифры. Вот они для эпохи только 12 лет, когда действовал наш низкий тариф на чугун и железо:

Ввоз	По статьям тарифа 1868 г.	Года		
		1869—1872	1873—1876	1877—1880
		тысячи пудов		
Чугуна	94 и 161	3 263	4 129	9 319
Железа и стали .	95, 96, 163, 164, 167[1], 168[1], 172 и 173	15 144	20 768	18 124
Машин	35 и 175	3 620	4 639	7 487
Ежегодно, среднее . . .		22 324	29 536	34 930

В 12 лет ввезено, не считая ни железных судов, ни вагонов, ни многого другого из железных изделий, пропускавшихся по другим статьям тарифа, всего 435 млн пудов по указанным статьям, и общая стоимость этого ввоза (чугуна, железа и стали и изделий из них) равнялась приблизительно (по таможенной оценке) 1100 млн руб. кред. Следовательно, каждый год ввоз, средним числом, составлял около 30 млн пудов и стоил около 100 млн руб. И поныне Россия платит проценты с этого миллиарда рублей, взятых за границей, и средняя плата, каждый год повторяемая, равняется, за эти займы, по крайней мере, 50 млн руб. кред. Если бы ежегодно в дело развития русской каменноугольной и железной промышленности клали тогда не по 50 млн руб. кред., а только хоть по 5 млн — все бы давным-давно свое было. И пусть бы пропали эти

деньги даром, безвозвратно, все бы много лучше было, да и дешевле для страны, потому что по 5 млн руб. в год в 12 лет ушло бы только 60 миллионов, а на проценты по займам ушло, по крайней мере, 500 млн руб. Следовательно, было бы лучше своим заводчикам-начинателям бросить ежегодно по 5 млн руб., чем покупать иностранное железо, потому, во-первых, что не платили бы процентов с золотых за границею капиталов, и курс не падал бы; во-вторых, капитал бы остался в России и накормил не только «жадных» предпринимателей, но и много-много русского трудового народа всех классов, а в-третьих, дело металлургии развилось бы, соперничество родилось бы, цены успели бы уже упасть, и в промышленном благосостоянии России наступил бы тот порядок, которого теперь нам, прожившим то время, уж не дождаться. Ткацкое, свеклосахарное и нефтяное дела, наверное, много посложнее металлургии железа, установились, но они неусыпно покровительствовались тарифом, и в них за то же время получалась и дешевизна и даже прямые доходы казны на акцизах. А умелости тут, говорю с уверенностью, надо побольше. Умелости достанет в России, если она из разгромленного татарами и разъединенного усобицами края стала сильною страною. Не в умелости народа тут дело, а в понимании того значения, которое имеет промышленность в наше время, когда все ждут войн и готовятся к ним при помощи вооруженного мира и при помощи усиления фабрично-заводской производительности. Этого понимания недоставало ни у Тенгоборского, ни у других авторов тарифов 1850—1868 гг. Они видели значение торговли и сельского хозяйства, но не понимали, что, развивая их одни, а пренебрегая возбуждением нужных по времени фабрик и заводов, достигнут того, что за привозные продукты этих заводов и фабрик придется отдавать весь хлеб и всю торговлю, да еще должать и должать, а народу отставать и отставать. Тут никакие виды свобод не помогут, тут дело идет о понимании того, что и умелость, и разумность, и деньги, и хлеб, и порядок, и независимость — все может уйти в наш век в уплату за потребность заводских и фабричных продуктов, ибо ныне век промышленности. Они видели только оборотную сторону возбуждающего или вызывающего протекционизма, а лицевой стороны видеть не хотели или не могли, восхищенные погонею за плодами просвещения, не думая о его корнях, которые в промышленности и содержатся.

Пробовала Россия при Иоаннах отрицательный протекционизм. Опыт убедил, что худ он. Пробовали при Алексее Михайловиче и нулевой. Он на деле ничего не дал. Пробовали

вызывающий протекционизм. Он и при Петре Великом, и при Елизавете Петровне, и при Александре I, и при Николае Павловиче дал свои плоды, вызвав фабричное тканье и пряденье, хоть в них настоятельной надобности не было, дал и свеклосахарное дело, хоть и писалось еще в 20-х годах, что нельзя нам и думать соперничать с тропическими странами в производстве сахарного песку, дал и кое-что другое, чему, настойчиво вызывая, покровительствовали. Даже на глазах современников родились небывалые дела с нефтью, потому что их вызывали тарифом и всякими мерами. Но все это — опытом дознанное, с разумом истории всех народов согласное и объясняемое самым существом понятий о государственности и промышленности, — все это сводилось на задний план; видели одно: свое, если ему покровительствовать, будет дорого и плохо, следовательно, — это худо; а потому не надо его, возьмем, что надо, чужое, — оно дешевле. Г-н Новиков и сейчас ничего иного не видит. Не видит ни того, что дорогое, да свое, начатое с корня, может стать дешевым, а чужое — хоть из-за падения курса может из дешевого стать дорогим, а не начатое — не началось и родиться в готовом виде не может, ибо и он сам, родившись, книжек не писал. Сонм литературы — от беллетристов до экономистов — и тот не понимал, что значит, на какой застой обрекается страна, требующая товары нового времени, а их не производящая, куда придет народ, отпускающий хлеб, вырубающий леса и взамен того заводящий цветы просвещения.

Но уроки действительности положили конец этому непониманию. Стремились к иностранному из-за дешевизны. Но курс рубля упал, и дешевизна свелась на дороговизну. При этом стало ясным, как день, что если продолжать и дальше спрос иностранного, то падение курса и, следовательно, дороговизна всего иностранного еще будет возрастать, потому что курс будет еще более падать. Привожу для ясности и для возможности будущих ссылок течение курса, не входя, однако, в подробности этого сложного дела. А именно, прямо привожу средние годовые курсы, полученные из суммы месячных курсов, и присовокупляя для последних лет, в скобках, наивысшие и наименьшие месячные курсы данного года. Источником для 1840—1876 гг. служило сочинение И. И. Кауфмана «Статистика государственных финансов России в 1862—1884 годах» (стр. 47 и 49), а для 1877—1890 гг. сведения, полученные в Министерстве финансов. Курс выражен здесь, как и во всем дальнейшем изложении этой книги, в числе кредитных копеек за металлический рубль (а именно золотой). Притом доли ко-

пейки менее $^1/_2$ отбрасывались, а $^1/_2$ коп. и более принимались за целую копейку.

Год		Год		Год	
1840	99	1857	104	1874	151
1841	100	1858	107	1875	116
1842	102	1859	110	1876	124 (от—до)
1843	103	1860	108	1877	150 (166—130)
1844	101	1861	115	1878	157 (166—147)
1845	102	1862	111	1879	159 (165—152)
1846	108	1863	105	1880	154 (160—150)
1847	101	1864	120	1881	153 (157—149)
1848	105	1865	122	1882	161 (166—157)
1849	104	1866	132	1883	163 (166—160)
1850	101	1867	118	1884	158 (166—154)
1851	102	1868	119	1885	161 (164—153)
1852	101	1869	126	1886	165 (172—161)
1853	100	1870	129	1887	181 (186—176)
1854	106	1871	120	1888	172 (194—150)
1855	107	1872	118	1889	150 (155—147)
1856	102	1873	119	1890	137 (147—125)

Чтобы эта таблица стала до некоторой степени понятною, считаю необходимым привести данные, касающиеся долгов, сделанных средним числом *в каждый год* Государственным казначейством в период от 1861 до 1884 г. (Кауфман, там же, стр. 391).

Заключено займов в один год[1]

Года	Средним числом миллионы рублей кредитными
1862—1866	94
1867—1870	66
1871—1875	71
1876—1880	221
1881—1884	92

Следовательно, в те 12 лет (1869—1880), в течение которых ввезено, судя по данным, приведенным на предшествующих страницах, на 1100 млн руб. чугуна, железа и изделий из них, заключено займов около 1600 млн руб. кред. Очевидно, что бóльшая часть займов, в конце концов, и пошла в уплату за иностранный металлический товар, а в том числе и за иностранное золóто, которым надо было платить за иностранное железо, потому что на это занятое золото, а следовательно, и на это ввезенное на его место железо, надо было платить про-

[1] Считая только выпуск казенных долговых процентных бумаг.

центы золотом же. Но ведь нашим поклонникам свободной торговли казалось, да и теперь еще иным продолжает казаться, что мы должаем только для войн, а производя хлеб и владея снабжением иностранных хлебных рынков, можем если не владеть европейскою торговлею, то быть в ней равноправными, потому что без хлеба не проживут эти производители иностранного железа, нам надобного, и эти продавцы золота, также надобного нам для уплаты за иностранное железо. Забывается, во-первых, что потребность в хлебе ограничена числом жителей, то есть растет лишь медленно, а потребность железа может иметь скорый рост; во-вторых, что производство хлеба может быть не у одних у нас, а и в других странах, имеющих или не имеющих заводов и фабрик, и, в-третьих, что, отдавая свой хлеб, мы истощаем свои земли, а покупщики нашего хлеба, продавая нам железо, истощают не то, чем люди живы, а то, что и черви не кушают, то есть подземные руды и уголь. Здесь оправдалось сказанное давно: давали хлеб, а взамен получали камень. Притом выходило так: хлеб-то наш спрашивать — спрашивали, да цену за него давали все меньше да меньше. Так, в Лондоне квартер пшеницы в 50-х годах стоил около 55 шиллингов, а в 80-х годах только около 38 шиллингов. В русских отпускных портах пуд ржи в 70-х годах стоил около 65 коп. зол. (около 85 коп. кред.), а в 80-х годах только около 50 коп. зол. (около 70 коп. кред.). Много бы таблиц надо было приводить, чтобы подробно показать это падение хлебных цен за последние 20 лет, но не делаю этого потому, прежде всего,[1] что всякий русский знает и сам, что цены пали, а отрывочные цифры все же меняются и по относительному урожаю и по множеству других причин. Притом этот предмет подробнее рассматривается в следующей главе. Хлеба нашего хоть и стали спрашивать — с устройством железных дорог — больше прежнего, но нам-то от этого едва ли лучше стало: пришлось продавать дешевле и податей платить больше — на уплату сделанных долгов. И хотя торговый баланс вовсе не есть абсолютное мерило того экономического состояния, в котором находится страна (что отчасти объясняется далее и в следующих главах), но тем не менее он пока-

[1] Этот вопрос многократно рассматривался. Например, в сочинении В. И. Ковалевского (и его сотрудников), составленном при разработке железнодорожных тарифов на хлебные грузы (1889), сверх собрания многих других важных данных, касающихся торговли хлебом, находятся и сведения о перемене цен на хлеб, особенно в период 1874—1889 гг. (I-й вып. «Материалов по разработке тарифов российских железных дорог»).

зывает ясно, что в 70-х годах, когда хлеб уже шел по железным дорогам, а потребление иностранных товаров, особенно металлических, возрастало, баланс наш вел к тому, что ценность ввоза превосходила ценность вывоза. Для наглядности сопоставляю 1873—1876 гг. с 1883—188[6] гг., когда железные и всякие пошлины стали возрастать. Ввоз и вывоз по европейским границам в миллионах рублей [кредитных]:

Год	Вывоз	Ввоз	Разность	Год	Вывоз	Ввоз	Разность
1873	346	416	— 70	1883	608	513	+ 95
1874	437	411	+ 26	1884	551	486	+ 65
1875	361	512	—151	1885	498	380	+118
1876	379	421	— 42	1886	437	383	+ 54[1]

[1] Так как для многих соображений, относящихся к таможенному тарифу, полезно иметь под руками сведения о сумме торговых оборотов России, то привожу здесь сведения о вывозе русских товаров и их ввозе за все годы, начиная с 1840 г., когда счет начался кредитными рублями.

Год	Вывоз	Привоз	Год	Вывоз	Привоз
	тысячи рублей кредитных			тысячи рублей кредитных	
1840	76 623	67 689	1866	194 838	189 339
1841	74 818	64 336	1867	207 607	243 707
1842	72 262	69 142	1868	209 530	255 181
1843	71 209	61 706	1869	247 095	316 029
1844	80 515	65 048	1870	342 853	318 510
1845	78 802	67 663	1871	352 758	356 227
1846	88 393	70 623	1872	311 553	413 678
1847	134 112	72 672	1873	345 859	415 968
1848	75 938	75 669	1874	411 212	437 318
1849	83 381	80 658	1875	360 601	512 150
1850	83 134	76 376	1876	379 258	420 514
1851	84 074	87 315	1877	508 282	317 525
1852	100 051	83 342	1878	596 540	565 314
1853	137 407	89 528	1879	606 414	551 329
1854	53 522	54 679	1880	476 365	560 017
1855	27 525	57 721	1881	481 367	499 032
1856	146 772	105 531	1882	590 723	516 479
1857	153 420	131 776	1883	607 788	513 210
1858	136 487	128 175	1884	550 505	486 330
1859	149 396	136 187	1885	497 946	379 795
1860	165 184	135 893	1886	436 515	382 899
1861	159 860	142 750	1887	568 520	333 239
1862	159 970	125 233	1888	728 013	332 293
1863	134 724	127 697	1889	687 085	373 681
1864	164 903	144 175	1890	608 494	361 345
1865	184 428	151 149			

Средним числом приходилось в средине 70-х годов переплачивать 72 млн руб., а в 80-х годах, когда таможенный тариф, как объяснено будет далее, изменился в своих основаниях, видим обратное: приходится ежегодно получать около 83 млн руб. кред. Платежи по долгам, сделанным в 60-х и 70-х годах, и переплаты за иностранные товары, наступившие при действии тарифа 1868 г., достаточно объясняют то падение курса, которое произошло в 70-х годах и которое, по совершенно естественным причинам, длится чрез 80-е года.

Но и помимо баланса, курса и займов, т. е. помимо величин, которые записываются, а потому подлежат удобному сравнению, всякий проживший 60-е и 70-е годы, и без мерки, по сумме личных впечатлений — если они не ограничивались гостиными и канцеляриями — чувствовал в 70-х годах, что страна не богатела, что ее достаток не возрастал, что надвигается что-то неладное. Приспешники старого объясняли это освободительными мерами прошлого царствования, развитием в крестьянстве ничегонеделания, процветанием кабаков, чуть ли не уничтожением розог и кнутов. С другой стороны, сходной с первою, причину того, что с развитием свободного труда не было заметно улучшения в народном быте, объясняли завозными идеями и их развитием. Тяжело и вспоминать то время, когда действительность подтверждала, по всей видимости, справедливость таких нареканий. Благодаря бога то время миновало, и теперь уже можно, не страшась иных нареканий, кроме любомудренных, говорить о том, что корень дела был совершенно другой, а именно экономический и связанный с ошибочною торгово-промышленною политикою, выражающеюся в необдуманном таможенном тарифе. Богатели железнодорожники, а страна и народ беднели, не потому, что извоз стал приобретать новое направление (превратился в подвоз к железным дорогам), а потому, что думали только о сбыте своего хлеба, т. е. о способе истощения страны, а забыли вовсе о развитии в народе новых промыслов, отвечающих тому состоянию, в которое становится страна, снабжаемая же-

---

Этот свод обязательнейшим образом доставлен мне Василием Ивановичем Тимирязевым и почерпнут из таможенных отчетов. Он относится к одним европейским границам (без Финляндии, без закавказских и азиатских границ).

В числах этих кроется так много поучительного, что они заслуживают особого внимания, но главный их интерес все же относится не так близко к таможенному вопросу, чтобы посвятить этим числам в нашем исследовании столько места, сколько они заслуживают.

лезными дорогами, свободным трудом, реальным просвещением, равноправием сословий пред воинскою повинностью и судом, основанным на голосе современной совести. За это забвение Россия заплатила тем, что благодетельнейшие меры прошлого царствования не оживили народной деятельности в той мере, какой должно было ожидать. Крепостная, т. е. в сущности экономическая, зависимость миллионов русского народа от русских помещиков уничтожилась, а вместо нее наступила экономическая зависимость всего русского народа от иностранных капиталистов. Вольный труд возбуждался, но ему поприща открыто не было. Железные дороги строились, но на них возился только хлеб, вывозимый в явный убыток за привозимые иностранные потребности тех же железных дорог. Центры тяжести перемещались от непроизводительных классов в производящие, только не русские, а иностранные, ибо эти миллиарды рублей, ушедшие за иностранные товары, и этот русский хлеб — кормили не свой народ, а чужие. Просвещение развивалось, а ему производительного приложения не оказывалось в ином месте, кроме канцелярий и резонерства классического покроя. Отсюда, по моему мнению, вполне объясняется то поголовное отчаяние, в которое впала масса русских людей. Я не стану вдаваться в дальнейшее развитие этих мыслей, потому что привожу их только для того, чтобы оттенить время действия «охранительного» тарифа 1868 [г.] и показать, что в эпоху внутренних преобразований, возбуждающих к деятельности, в эпоху ломки экономической, когда старались, завершая дело Петра Великого, встать сразу на уровень остальной Европы, по моему крайнему разумению, упущена была из виду необходимость поставить прежде всего промышленность русскую по возможности на тот западноевропейский уровень, от которого ведут начало все «плоды просвещения», начиная с железных дорог. Таможенный тариф 1868 г. только охранял (за немногими исключениями, о которых будет речь) то, что достигнуто было ранее, особенно в первую половину царствования Николая Павловича, а потому отвечал промышленному состоянию Западной Европы 40-х годов, а дело было в 70-х годах, и западная промышленность далеко ушла вперед, именно благодаря крупному росту применений пара, каменного угля и железа. Они были знаменем времени, их следовало, во что бы то ни стало, вызвать в России. От охраны прошлого и от ввоза иностранных паровых машин, английского угля и немецкого железа не могли же они, эти двигатели экономического быта современных стран, развиться в России. А когда истинные корни современного промышлен-

ного развития не вызывались, когда их брали от иностранцев, тогда, очевидно, год от года все труднее и труднее становилось наверстывать утраченное время.

Трудное, однако, возможно. Время, наиболее подходящее, утрачено, но условия возможности наверстать потерянное, конечно, не ушли. Ныне трудно, ныне требуются меры особенно усиленные, но все же и теперь есть еще полная возможность развить в России сверх «плодов современного просвещения» и самые его корни, которые состоят в пользовании недрами земли, для добычи из них угля, рождающего пар — для движения, и железа, одевающего землю рельсами, защищающего страны пушками, обегающего океаны в стальных судах и покоряющего природу, начиная с самой обработки почвы при помощи железных орудий. Для производства угля и железа в России есть все нужное и больше, чем, например во Франции, и не меньше, чем в Англии или в С.-А. С. Штатах, как я постараюсь показать в дальнейшем изложении. Сущность тех упущений, которые были сделаны при составлении тарифа 1868 г., состоит именно в том, что уголь впустили беспошлинно, а на чугун наложили только ничтожную, фискальную пошлину в 5 коп. кред. с пуда. В эпоху конца 60-х годов тонна чугуна стоила в Англии, на местах добычи, около 60 шиллингов, а в Лондоне около 70 шиллингов, т. е. (при курсе того времени, около 120 коп. кред. за 1 руб. зол.) около 50 коп. кред. в портах России за пуд английского чугуна, если провоз с пуда считать около 3 коп. Поэтому пошлина составляла только 10% с цены или была в размере фритредерском, рекомендуемом Бастиа. Свое, русское, железное дело, очевидно, не могло угнаться, без особой ему помощи, за спешным решением строить дороги от заграницы внутрь, чтобы можно было, отправляя хлеб, получать все нужное от иностранцев. Сразу явился спрос на десятки миллионов пудов железа, на сотню миллионов пудов угля как для движения дорог, так и для производства массы железных товаров, а уголь и железо, вместо своего, предпочли взять английский и немецкий. В результате — долги, развитие иностранных заводов и фабрик за русский счет и падение цены рубля.

Как естествоиспытателю, мне ясно, что совершенно резонная, на взгляд, мысль может оказаться совершенно неверною, как неверно то, что земля неподвижна или что железо не горюче. Мало того, опыт истории показывает, в противность ходячему мнению, что скорее можно ждать ошибочности, чем справедливости, от первой мысли, приходящей в голову, от первых способов действия. А свободная торговля есть первый

способ международной торговли: дóма своих купцов тесняг, своих производителей облагают, а чужим покровительствуют. Дикари все свое готовы отдать за чужую безделушку. Опыт более или менее «свободной торговли» Россиею возобновлялся не раз, но резонеров, с опытом не справляющихся и на классический манер все от разума решающих, неудачность опыта не научала. Даже очевидная неудача тех «удешевляющих» мер, которые введены тарифами 1850—1868 гг., и поныне не научила наших резонеров, вопиющих о высоте нашего тарифа.

Год	Чугун (ст. 94)		Железо (ст. 95)			Сталь (ст. 97)			Сего рельсов / Млн пудов	Всего чугуна, железа и стали не в деле на миллионы рублей
	млн пудов	млн руб. кред.	млн пудов: рельсов	млн пудов: всего	млн руб.	млн пудов: рельсов	млн пудов: всего	млн руб.		
1869	1.9	1.2	12.7	15.2	16.8	—	0.2	0.7	13	18
1870	1.8	1.1	13.9	18.1	20.4	—	0.2	1 1	14	22
1871	2.9	1.8	7.0	13.9	17.4	—	0.8	3 9	7	22
1872	1.6	1.0	6.0	10.7	15.9	—	0.3	1.4	6	18
1873	2.3	1.4	7.1	13.5	20.7	2.0	2.2	6.7	9	29
1874	2.8	1.6	5.2	11.7	15.5	5.7	6.1	17.4	11	35
1875	3.5	2.4	3.5	10.8	16.3	6.8	8.0	19.3	10	38
1876	3.0	1.8	1.6	8.6	13.5	9.7	10.3	22.3	11	38
1877	3.2	1.9	1.0	5.6	9.0	10.4	11.1	29.7	11	41
1878	6.4	4.5	0.3	7.5	12.6	9.3	10.4	29.1	10	46
1879	11.3	6.8	0.2	8.6	14.3	4.7	6.4	21.6	5	43
1880	14.9	9.1	0.3	9.7	17.6	3.1	5.5	22.2	3	49
1881	14.3	9.2	0.1	6.5	12.1	0.8	1.5	3.6	1	25
1882	13.4	9.7	0.1	6.8	13.8	0.3	0.6	2.0	0.4	26
1883	14.5	9.6	0.04	6.5	14.2	0.1	0.3	1.2	0.1	25
1884	17.3	11.2	0.01	4.9	14.2	0.1	0.5	1.8	0.1	27
1885	13.5	8.7	0.04	3.9	8.7	0.1	0.4	1.3	0 1	19
1886	14.5	8.2	0.02	4.0	8.9	0.04	0.5	2.5	0.1	20
1887	8.8	5.5	0.01	2.8	5.7	0.02	0.6	1.9	0.0	13
1888	4.5	2.5	0.01	3.3	6.9	0.02	0.6	2.3	0.0	12
1889	6.4	3.9	0.14	4.5	9.1	0.03	0.9	3.0	0.2	16
1890	7.6	4.8	0.44	4.9	9.5	0.08	0.8	3.1	0.5	17

Но опыт, даже и помимо желания что-либо узнать от него, свое дело делал, т. е. показывал на все манеры, где, каково и от чего зло происходит, а потому учил, индуцировал, что и как надо было делать. Я постараюсь показать, продолжая выше

начатое, как явно опыт учил людей 70-х годов по отношению к железному делу. Но так как при этом надобно проследить за ввозом из года в год, то избираю лишь три статьи: 1) чугун не в деле (ст. 94 по тарифу 1868 г., ныне ст. 139); 2) полосовое и другое железо (вместе с рельсовым, ст. 95, ныне ст. 140) не в деле, и 3) сталь не в деле (ст. 97, ныне ст. 142). Приводимые числа [стр. 224] относятся ко ввозу по европейской границе.

Напомню, что в этот счет не входят чугун, железо и сталь в деле, например в отливке, в проволоке, в машинах, орудиях, и т. п.; входят только рельсы и листовое железо, прямо идущее на дело, все же прочее составляет сырье, или материал для других фабрично-заводских предприятий.

Чтобы составить понятие о всей потребности России в железе, необходимо к предшествующим числам прибавить количество произведенного в самой России чугуна и число железных и стальных изделий, ввезенных в Россию. Но правильное общее счисление получится только тогда, когда все данные будут выражены однообразно в виде чугуна как исходного материала для производства железа, стали и изделий из них. Для этого примем, что пуд железа и стали требует $1^1/_4$ пуда чугуна, а пуд машин, орудий и т. п. $1^1/_2$ пуда чугуна. Чтобы не умножать числа цифр, я привожу средние *годовые* количества не для каждого года, а для четырехлетних периодов и только для 1889 г. беру данные одного года. Все числа выражают *миллионы пудов*, перечисленные на *чугун*.

Года	Внутреннее производство России	Ввезено в виде чугуна	Ввезено железа и стали	Ввезено в изделиях	Вся потребность в чугуне
1869—1872	22.0 = 50%	2.1	18.6	10.5	44
1873—1876	24.0 = 47	2.9	22.4	11.9	51
1877—1880	25.9 = 45	9.0	20.3	12.8	58
1881—1884	29.3 = 48	14.9	8.9	7.6	61
1885—1888	35.7 = 64	10.3	5.0	5.0	56
1889	45.5 = 71	6.4	6.8	5.5	64

Потребность очевидно растет: в 70-х годах она выражалась спросом примерно на 50 млн пудов чугуна в разных формах переделки, а в 80-х годах в среднем спрашивается уже 60 млн пудов, хотя новых железных дорог строится меньше прежнего. В 90-х годах спрос очевидно превзойдет 70 млн пудов чугуна.

Но в 70-х годах, хотя внутреннее производство чугуна росло, но не так скоро, как потребность, а потому и вышло так, что год от году ввозилось все более и более иностранного железного товара, переплаты страны заграничным производителям увеличивались, и курс падал. Вот эти-то результаты опыта или действительности и научили посмотреть на дело иначе, чем глядели в 60-х годах. Правильный взгляд на предмет привел к изменению таможенных окладов, но первым толчком служили прямые указания в необходимости все новых и новых займов и в потребности золота для уплаты процентов и погашений по этим займам. Поэтому в 1877 г. все таможенные пошлины, собиравшиеся до тех пор в кредитных рублях, были увеличены чрез то, что, оставшись в прежнем размере, они были взыскиваемы с тех пор — и поныне — в золотых рублях. Оно так и должно быть. Таможенные пошлины относятся к товарам, покупаемым на золото и ценимым на золото, а потому естественнее брать с них и пошлину золотом, тем более, что ввоз иностранных товаров и составлял главную причину заключенных в последнее время долгов, проценты по которым должно было, в большинстве случаев, платить золотом же, да и падение курса происходило от необходимости многих уплат не кредитными, а золотыми рублями. Поэтому чугун стал платить уже 5 коп. зол. с пуда, что при курсе конца 70-х годов равнялось 7—8 коп. кред. В 1881 г. надбавлено на все товары 10%, следовательно чугун платил $5^1/_2$ коп. зол. В 1882 г. пошлины округлены: чугун стал платить 6 коп. зол., что уже составило, по курсу того времени, почти 10 коп. кред. Но так как уральский чугун обходился на месте, с накладными расходами, около 40—50 коп. и продавался в Нижнем около 80 коп. пуд, то и 10 коп. кред. не превосходят $12^1/_2$%; следовательно, покровительства надлежащего не дают, а стало уже очевидным, что свое производство можно вызвать на каменных углях России и должно вызвать, если не превращать нашу страну в зависящую экономически от иностранцев. Собирались съезды, много писалось и говорилось об этом деле. Укажу на пример, у меня бывший на глазах, потому что при обсуждении вопроса о пошлине на чугун в 1882 г. на московском съезде, собранном Обществом содействия русской промышленности и торговли, я имел честь председательствовать. Все, понимавшие дело, видели ясно, что при пошлине в 5—6 коп. зол. с пуда нельзя вызвать к жизни широкое развитие русского производства чугуна ни на каменном, ни на древесном угле. О размере, однако, было разноречие. Большинство считало оклад в 15 коп. зол. с пуда достаточным для

быстрого вызова новых дел, а меньшинство, в котором был и мой голос, считало недостаточным, потому что провоз до центров потребления и необходимые выгоды не покрывались, как показывал подробный расчет, а потому меньшинство просило пошлину довести до 25 коп. зол. с пуда. Услышан был хор голосов, раздавшихся с многих сторон единовременно, и те голоса, которые тянули фритредерские ноты, были заглушены, а потому стали увеличивать оклад на чугун, в ответ на что (см. предшествующую таблицу) и стало расти, как абсолютно, так и относительно, производство русского чугуна именно на каменноугольном топливе — на Донце и в Польском крае. Но шли как можно осторожнее и постепеннее. С 1 июня 1884 г. по 1 марта 1885 г. назначена с чугуна пошлина в 9 коп. зол., с 1 марта 1885 г. по 1 марта 1886 г. — 12 коп. зол., а с 1 марта 1886 г. — 15 коп. зол. В следующем 1887 г. пошлина назначена 25 коп. зол. на чугун, привозимый морем, а со ввозимого сухопутно 30 коп. зол., и было объявлено, что эта пошлина не будет *уменьшена* до 1 января 1898 г. Наконец, 16 августа 1890 г., когда новый пересмотр таможенного тарифа уже был в полном ходу, ввиду значительного улучшения курса и наплыва чрез то иностранных товаров в Россию, было произведено общее (за немногими изъятиями: на чай, кофе, пряности и каменный уголь по западной границе пошлина не увеличена, а на каменный уголь по черноморской границе увеличена на 40%) повышение таможенных окладов на 20%, следовательно чугун стал платить вместо 25 коп. зол. уже 30 коп. зол. с пуда. Это возвышение оклада по указу 16 августа 1890 г. продолжено впредь до 1 июля 1891 г., когда и вступил в действие новый тариф.

Этими таможенными пошлинами объясняются все предшествующие таблицы и те быстрые улучшения — курса, баланса и русского производства, — какие замечаются в предшествующих таблицах. Сила таможенного покровительства сказалась здесь явно — не в каких-либо абстрактных соображениях, а на опыте, реально и наглядно. Вывоз хлеба усиливался, ввоз железа и каменного угля уменьшался — в этом сущность. И я не стану подробно вдаваться в частности, чтобы не усложнять дела, тем более, что со многими подробностями металлургических наших дел нам придется встретиться еще не один раз. Скажу только одно: если бы, слушаясь фритредерских вожделений, таможенные наши пошлины в конце 70-х годов не стали возвышать, а напротив того еще бы понижали, тогда бы, не говоря ни о чем другом, произошло бы, наверное, еще бы дальнейшее падение курса; вероятно теперь золотой рубль

стоил бы уже не менее 2 руб. 50 коп. кред. и чугун обходился бы России много дороже. Если примем цену тонны английского чугуна на нашей границе в 62 шиллинга, т. е. пуд за шиллинг, то, так как шиллинг равен $31^1/_2$ коп. зол., пуд английского чугуна при курсе 250 коп. кред. (за 1 руб. зол.) стоил бы на границе России, без ввозной пошлины, около 79 коп. кред. А если, как и было в 1890 г., курс равен 130 коп. кред., то без пошлины пуд стоит на границе около 41 коп. кред., пошлина же в 25 коп. зол. равна $32^1/_2$ коп. кред., следовательно с пошлиною пуд чугуна на границе должен стоить около 74 коп. кред., как оно и есть в действительности. Следовательно, пошлина, не говоря ни о чем другом (например о плате своим, а не иноземным рабочим, о возможности иметь свое дешевле, чем где-либо, и т. п.), вовсе не означает еще увеличения цены (79 коп. получилось без пошлины, а 74 коп. с пошлиною), с нею иностранный товар *может быть* более дешевым даже и тогда, когда на внутреннее производство и на возможность удешевления, происходящего от него, вовсе не обращать внимания.

Итак, желая иметь дешевый чугун, с него сперва почти сняли пошлину, чрез это своевременно не дали развиться русскому производству чугуна на каменном угле, потом по указанию опыта, состоявшего в падении курса, заметили ошибку и стали постепенно исправлять, пошлину возвысили, явились русские дела с чугуном на каменном угле, и в то же время курс стал поправляться. Это есть урок поучительного свойства.

Этим я и закончу обзор прошлой истории наших таможенных пошлин и перейду теперь к последнему новейшему русскому таможенному тарифу 1891 г., причем остановлюсь только на следующих сторонах дела: 1) постараюсь показать причины, заставившие приступить к пересмотру всего тарифа; 2) постараюсь уловить, насколько это мне доступно, общие начала, лежащие в основании вышедшего ныне тарифа, предполагая, начиная с третьей главы, разобрать в частностях значение современных тарифных ставок России; 3) изложу тот порядок, которому следовали при последнем пересмотре тарифа, и 4) постараюсь разобрать, зависит ли, как утверждают обыкновенно, ввоз товаров от их вывоза?

С 1868 г. последовало множество изменений в таможенном тарифе; общие (переход к обложению на золото, возвышение на 10% в 1881 г., округление цифр в 1882 г. и возвышение на 20% в 1890 г.) из них указаны выше, а в примере чугуна видно что и частности тарифа претерпели крупные изменения.

В 1868 г. пуд чугуна платил 5 коп. кред., а в конце 1890 г. 30 коп. зол., или около 40 коп. кред. Из 42 статей беспошлинно, по тарифу 1868 г., ввозимых товаров многие, например хлопок, морские суда, сельскохозяйственные машины, кирпич, плотничные и корзинные изделия, кость, жиры, кожи, воск, шелковые охлопья, руды, каменный уголь, деготь и т. п., подверглись разновременно обложению. Многие товары, особенно производимые Россиею и ввозившиеся из-за границы, обложены пошлиною, в несколько раз превосходившею начальную (1868 г.) пошлину. Так, например, по тарифу 1868 г. хмель платил при ввозе только 1 руб. 10 коп. кред. с пуда, а с 1887 г. стал платить 10 руб. зол. с пуда, так что в начале 1891 г. он платил (с надбавкою 20%, и при курсе около 130 коп. кред.) около $16^1/_2$ руб. кред. с пуда. Как и почему это было надобно сделать и что из этого вышло, — будет объяснено в дальнейшем изложении. Все такие изменения тарифа внесли в него нестройность и даже местами прямое несоответствие отдельных частей. Следовало привести все это по возможности в однообразный вид и соответствие. Главную же причину для необходимости полного пересмотра тарифа 1868 г. составляло то обстоятельство, что в его основе лежали желания, оказавшиеся или уже достигнутыми, или совершенно неосуществимыми, или неверными.[1] И частные поправки, вызванные настоятельными требованиями времени, не могли изменить всей канвы. При составлении тарифа 1868 г. стремились к тому, чтобы поддержать в России некоторые заводы и фабрики хотя бы при помощи иностранного сырья и привозных снарядов и машин. Но опыт показал, что такие заводы и фабрики не имеют ни возможности, ни сил спускать цены, потому что сырье, хотя и беспошлинное, достается им дорого. Выходило часто даже так, что русское сырье было выгоднее вывозить из России, переделывать за границею и опять возвращать в Россию в виде товара, считавшегося по тарифу 1868 г. сырым.

---

[1] Так, например, впуская иностранное сырье беспошлинно и облагая продукты, тариф 1868 года, очевидно, стремился к тому, чтобы на иностранном сырье основались близ западных границ России переделочные заводы. Это было достигнуто, проникновение же грубого, малоценного иностранного сырья внутрь страны было невозможно — по дороговизне провозки. Дешевизна, которую искали, поэтому ушла из рук, была недостижимою. Внутри страны не из-за чего было начинать добычу своего сырья, пограничные заводы давили начинания, и при малости добычи своя обходилась дорого. Составители тарифа 1868 г., конечно, всего этого не предвидели, но действительность явно показала, где были слабые стороны.

Так, например, беспошлинно отпущено Россиею за границу кости в различном виде:

1880	1881	1882	1883	1884	
1 509 920	1 789 895	1 480 144	1 567 822	1 630 020	пудов

Всего в 5 лет — около 8 млн пудов, главным образом в Германию и преимущественно в виде костяного угля. В те же годы ввезено в Россию землеудобрительных веществ и преимущественно суперфосфата, т. е. кости или других видов фосфорно-известковой соли, обработанной серною кислотою и служащей для удобрения полей:

774 947	1 063 308	1 404 097	1 802 250	1 581 748	пудов

Главный привоз был из Англии. Следовательно, это не та самая кость возвратилась к нам, которую мы отпускали, но дело в сущности таково же, как и при возврате нам нашей же кости, после ее применения на сахарных заводах и после обработки ее серною кислотою. Ввезено в 5 указанных лет всего около 6 млн пудов. Ввоз был беспошлинный, а в суперфосфате около $^1/_3$ веса составляет серная кислота, следовательно, беспошлинно взошло около 2 млн пудов серной кислоты. А она обложена была в 1868 г. по 20 коп. кред. с пуда. Превращение кости и других фосфатов при помощи серной кислоты в суперфосфаты, спрашиваемые земледелием, составляет всюду одно из средств удешевить — чрез увеличение потребления — приготовляемую серную кислоту. Английские заводы и удешевляли и увеличивали свое производство, сбывая нам беспошлинно свою серную кислоту. А нашим заводчикам нельзя было и думать об этом, потому что спрос суперфосфатов начался с остзейского края, близкого к границам, и здесь, очевидно, нельзя было нашим возникающим на иностранной сере заводам соперничать с иностранными в цене. И выходило так, что кости и всяких фосфатов у нас был избыток, а суперфосфаты к нам ввозились, а ввозимые из-за границы они были дороги (около 1 руб. пуд), хотя пошлины и не платили, и не предвиделось удешевления, следовательно, и возможности ими пользоваться в широких размерах. Дешевое-то и выходило опять дорогим, теперь и впредь.

Следовало все подобное привести в порядок и согласовать с настоящими и предстоящими интересами России. Соображения этого рода и послужили поводом к тому, что в 1887 г. решено было пересмотреть весь таможенный тариф по западной или европейской границе, считая за такую границу все пространство от Черноморского берега, на юг от Батума, до

берегов Финского залива, где примыкает граница Финляндии, имеющей свой особый таможенный тариф. Берега Белого моря, Северного и Восточного океанов, хотя и охраняются общими таможенными тарифами, по особым своим условиям требуют некоторых изменений в окладах, а сухопутные и каспийские границы, отделяющие Россию от азиатских народов, только тогда подходят к общему русскому тарифу, когда чрез эти границы ввозятся западноевропейские товары, во всех же других случаях, т. е. по отношению к азиатским произведениям, действуют сыздавна особые тарифы, определяемые специальными договорами. Обсуждения и пересмотра заслуживают и эти тарифы, равно как и особый тариф, действующий по финляндской границе, но важнее всего, конечно, было пересмотреть общий тариф, относящийся к западноевропейским товарам и границам. Только этот тариф и пересмотрен ныне, только о нем и будет речь во всей этой книге. Для пояснения достаточно привести результаты торговых оборотов одного, а именно берем 1888, года и обозначить ввоз и вывоз по разным границам.

	Ввоз млн руб.	Вывоз млн руб.
Порты Балтийского моря	154	201
Сухопутная граница с Пруссиею	107	154
« « « Австриею	17	22
« « « Румыниею	2	2
Порты Черного и Азовского морей	59	373
« Белого моря	1	7
Азиатские границы с Китаем, Персиею, Среднею Азиею и Турциею	40	15
Финляндская граница	11	19
	391	793

Границы азиатская и финляндская, к общему тарифу не относящиеся, взятые вместе, по ввозу составляют только 13%, а по вывозу только $4^1/_4$% всех внешних оборотов России, т. е. имеют второстепенное значение при обсуждении русского таможенного тарифа и пограничных русских отношений.

В каких же общих началах должно было искать исходных точек для решения задач, предстоящих при таможенном пересмотре? Формулированы ли они где-либо?

Ответ на последний вопрос, по моему мнению, должен быть дан положительный. Основную цель пересмотра тарифа

составляло проведение везде, где можно и должно, начал, уже выраженных в последних тарифных изменениях, потому что им ответила действительность не только желательным улучшением курса, но и оживлением внутренней промышленности. Над примером производства чугуна тотчас сказалось значение повышенных окладов. Ввоз его уменьшился, потребление росло, и производство чугуна стало быстро возрастать и укрепляться именно там, где следовало: в среде чисто русских условий, на основании русских сырых материалов. В 1884 г., когда пошлина на чугун была равна 6 коп. с пуда, в Донецкой области, преимущественно на заводе г-на Юза, и на польских заводах производилось только $4^1/_2$ млн пудов чугуна, а когда пошлина стала возвышаться, производительность, т. е. число доменных печей, стала возрастать, но особенно быстро с 1887 г., когда было объявлено, что оклад на чугун не будет уменьшен до 1898 г. Так, в 1887 г. одни южные заводы произвели 4 млн пудов, в 1888 г. уже $5^1/_2$ млн пудов, в 1889 г. — $8^1/_2$ млн пудов, и постройка новых доменных печей не кончилась. То же самое в Польском крае, где, начиная с 1887 г., произведено $3^3/_4$, $4^3/_4$ и $5^1/_2$ млн пудов чугуна. Нашлись и уменье и капитал, стало очевидным, что в России можно производить свой чугун на каменном угле. А так как цена железных руд у нас ниже, чем в Западной Европе, и цена угля тоже ниже, то есть и все условия для дешевизны производства, следовало только вызывать соперничество, могущее спускать цены, следовало привлекать капиталы к делу промышленности, а такого привлечения возможно достигать тремя способами, соединение которых и представляет систему, начавшую у нас действовать и достойную настоятельного преследования: 1) чрез конверсии понижать процент на государственные долговые обязательства, чтобы свободные капиталы охотнее помещались в промышленные предприятия, хотя и представляющие риск, но зато дающие бо́льший процент, чем казенные процентные бумаги; 2) те виды промышленности, которые могут успешно развиваться в России и едва начались, следует вызывать, как вызваны сперва сталеделание, а потом добыча чугуна, всякими способами — тарифами, казенными заказами и т. д., — чтобы привлечь именно сюда многие свободные капиталы, и 3) поощрять и помогать начинателям новых русских промышленных предприятий всеми возможными способами, как помогали и помогают, например, нефтепромышленникам. Когда капиталы привлекутся к делу промышленности, они от него не отстанут, будут друг с другом соперничать, будут сбавлять цены, искать рынки — не у себя, так вне России (как и случилось

с нефтью) — и станут развивать побочные предприятия. Так развивающееся нефтяное дело родило флот на Каспии, образовало заводы серной кислоты, добралось до серы в России, снабдило Батум оживленною торговлею и т. д. Словом, при пересмотре тарифа следовало иметь прежде всего в виду производительные силы России. Так следовало по смыслу дела и по духу мероприятий всего текущего царствования. Но можно было бы полагать и утверждать, что такое, заранее предвзятое, мнение основывается на ложном убеждении и что при пересмотре тарифа следовало не придерживаться принципиальных начал прежнего или современного тарифа, а начинать обсуждение с коренных или исходных точек, т. е. превратить пересмотр во встречу столь принципиальных различий, как между протекционистами и фритредерами. Так думали, так и писали иные по поводу пересмотра. Но тут прежде всего существует недоразумение. Не только протекционисты должны были думать, что пересмотр произойдет в смысле протекционном, но и все и каждый должны были так думать, потому что для цели развития русской промышленности и назначался весь пересмотр. Особенно ясно это в именном указе от 16 августа 1890 г., данном государем императором господину министру финансов, где сказано с самого начала:

«В непрестанном попечении о преуспеянии отечественных производств, мы повелели вам приступить к общему пересмотру таможенного тарифа, для приведения его в надлежащее соответствие с современными нуждами русской промышленности и равномерного ограждения и оживления всех ее отраслей».

Таким образом основная цель пересмотра указана, и она ясно формулирована в словах «ограждение и оживление», потому что оградить и оживить промышленность нельзя при помощи фритредерского тарифа.

Но так как протекционизм, ограждая промышленность, может вовсе ее не оживлять, то простору было много, хотя основной тон пересмотра и был уже ясен с самого начала и сомнению не подлежал. Так, например, на стр. 248 и 249 одного из многих напечатанных в 1890 г. «ходатайств», касающихся желаемых изменений в «русском таможенном тарифе» и где огульно осуждаются многие сделанные ранее предложения, относящиеся к этому предмету, сказано так:

«Таможенный тариф вполне может уподобиться урожаю или неурожаю, так как высокими или низкими ставками самым реальным образом подрывает или усиливает покупную способность населения».

Урожай для России, как и для всякой другой страны, есть благо, а неурожай — зло. В указанной брошюре и доказывается, что высокие пошлины «подрывают» покупную способность, а низкие ее «усиливают», но не ясно, чему отвечают первые и вторые — урожаю или неурожаю. По расположению фразы можно подумать, что высокие пошлины отвечают урожаю, тем более, что при нем и покупная способность населения возрастает, как показывает и статистика и смысл дела, а весь смысл книги таков, что должно признать желание писавших уподобить высокие пошлины неурожаю и подрыву покупной способности. Следовательно, понятия бывают различные.

Очевидно, что «ограждение» можно приурочивать только к тем промыслам, которые уже существуют, т. е. считать его тождественным с «охраною», а «оживление» можно относить к промыслам такого рода, как земледельческий, хотя нельзя видеть в истощении или простой распродаже добра, которым живет страна, желаемый вид оживления, существующего, например, на аукционах. Словом, хотя словами «ограждение» и «оживление» тон задан, но что запоет и что должен запеть хор, в данном тоне, совершенно не ясно, пока не вникнуть в смысл всей совокупности слов указа. Они говорят об ограждении и оживлении всех отраслей промышленности. Следовательно, должно подразумевать не только само одно сельское хозяйство, нуждающееся в производимых другими видами промышленности сельскохозяйственных машинах, суперфосфатах, проволочных тканях и т. п., но и промышленности, производящие эти последние. Следовало, значит, иметь в виду не одни мануфактуры, покупающие хлопок, джут, соду, краски и т. п., но и промышленности, добывающие эти последние товары. Следовало, значит, не только обратить внимание на металлические, содовые и тому подобные заводы, переделывающие сырье, извлекаемое из недр земли, но позаботиться при помощи тарифа «оградить и оживить» самую добычу этого ископаемого сырья, ибо иначе не все «отрасли» промышленности были бы одинаково ограждены и оживлены.

Так, мне кажется, и поняли истинный смысл указа лица, пересматривавшие тариф, да иначе, без всякого сомнения, и не следовало понимать приведенные слова — для блага России, потому что пора одностороннего покровительства уже принесла свои плоды и стало ясным, что таможенное небрежение о многих основных видах современной промышленности, соединенное с охраной некоторых существующих ведет только к таким же результатам, к каким привел 5-копеечный оклад

на чугун. Приведу один пример из числа многих других, которые встретятся при рассмотрении отдельных статей. Существовала у нас испокон века сухая перегонка дерева, давала она деготь и смолы, да уголь. Страна наша была в свое время поставщицей смолы во всю Западную Европу. Но при сухой перегонке дерева в надсмольной и подсмольной воде содержится уксусная кислота. Ее у нас не добывали или почти не добывали. Вот и назначили на нее в 1882 г. оклад в 4 руб. зол. с пуда, а с «уксусного порошка» или древесно-уксусно-известковой соли, служащей прямо материалом для получения уксусной кислоты и приготовляемой на заводах, ведущих сухую перегонку дерева, в том же году назначили 15 коп. с пуда. Замысел был при этом, должно быть, такой: надо, чтобы завелись заводы, готовящие уксусную кислоту; они пусть спросят иностранный уксусный порошок, если своего не достанут, а чрез это явится спрос на уксусный порошок и дело установится. Вышло же так: стали выписывать иностранный (американский) уксусный порошок и из него готовить уксусную кислоту, заводчикам было очень выгодно, а основной русской промышленности не только не было пользы, а был прямой вред: перестали и тот русский порошок спрашивать, какой прежде шел на это дело. Число заводов, занятых сухою перегонкою дерева, и их производительность упали. Вот цифры по регистрации Департамента торговли и мануфактур о числе заводов, занятых сухою перегонкою дерева:

	1885	1886	1887
По всей России	354	332	240 заводов
Годовой оборот всех их	976	748	572 тыс. руб.
В Архангельской губ. .	11	11	2 завода
« Вологодской « .	13	18	11 заводов
« Вятской « .	31	36	8 «

Очевидно, что при пересмотре тарифа следовало, *насколько можно сделать это* таможенным тарифом, оградить и оживить деятельность не только заводов, готовящих уксусную кислоту, но и тех, которые готовят уксусный порошок, а не потребляют его. Понижая пошлину на уксусную кислоту и порошок, не только не оградили бы и не оживили ничего, а просто убили бы и то, что достигнуто. Обсуждая и взвешивая с разных сторон собранные сведения, касающиеся указанных предметов, пришли к тому заключению, что лучше всего и надежнее — поднять пошлину на «уксусный порошок». Так удовлетворялась основная задача здесь, а в других случаях она требовала понижения окладов, имея в виду прямую пользу наших русских промышленных предприятий. Приведу и тут один из мно-

гих примеров. За последние годы в кожевенном производстве для интенсивного дубления стали применяться некоторые дубильные экстракты. Их у нас еще не готовят; стали ввозить из-за границы. А они в тарифе не упомянуты по очень простой причине — такого товара и не было в 1868 г., когда составлялся тариф. В таких случаях особое присутствие, находящееся при Таможенном департаменте министерства финансов, определяет, руководясь буквою и духом действующего тарифа, к какой статье существующего тарифа следует относить товар, прямо не указанный в законе. В статье (17-й по тарифу 1868 г.) о дубильных веществах прямо они перенменованы, а именно сказано: «кора древесная, всякая, баламут или желуди дубовые». Сюда отнести экстракт, очевидно, было нельзя, да и цена его не копеечная, а рублевая за пуд. По способу приготовления и по цене дубильные экстракты более всего подходит к красильным экстрактам. В пункте (1-м статьи 119), где говорится о них, прямо сказано: «всякие экстракты, кроме особо поименованных», а потому с 1883 г. дубильные экстракты «по применению» относились к статье о красильных экстрактах. Но тут пошлина велика — 2 руб. 50 коп. до 16 августа 1890 г., а с этого срока 3 руб. зол. с пуда. Конечно, экстракты эти можно готовить в России: материал есть, и дело приготовления всяких экстрактов, особенно красильных, пошло в России, как убедили статистические сведения; но дубильных экстрактов еще не начали делать, а они полезны для дубления. А потому при пересмотре тарифа (ст. 124 нового тарифа) предложено взимать не 3 руб. зол. с пуда, а только 30 коп. зол. с пуда. Снять оклад — значило бы на неопределенно долгое время не дать возможности устроиться своим русским дубильно-экстрактивным заводам, а они могут устроиться, не только исходя из дуба, сосны, ели, но из других пород, тем более, что Кавказ и вообще юг России дает возможность брать множество древесных пород и их коры для добывания дубильных экстрактов. Взвешивая все условия дела, пришли к указанному обложению, считая его ограждающим интересы русских кожевенных заводчиков и оживляющим, т. е. вызывающим, для экстрактивных заводчиков.

Так на деле пришлось пересмотреть всякую статью, всякий товар, по возможности, со всех промышленных сторон, до него прикасающихся. Но при этом легко было заметить, что все участники пересмотра, изучавшие дело, как будто согласились держаться некоторых общих начал, которые, никем не высказанные словесно, явно у всех были на уме. Попробую их формулировать:

1) Чисто фискальных пошлин, например на чай, на шоколад, пряности, спирт и т. п., по возможности не изменять, потому что увеличение пошлин этого рода не требовалось специальными надобностями казначейства и могло вести к уменьшению казенного дохода, а не к увеличению. Уменьшение же фискальных пошлин только тогда ведет к увеличению дохода, когда покупные силы народа возрастают, а этого можно ждать только после оживления его промышленной деятельности, т. е. после действия покровительственного тарифа. Если бы же таможенный доход упал, то надобно было бы с того же русского народа взыскать какие-либо другие виды податей, равномерность и безобидность которых всегда сомнительны. К высокой цене чая все мы привыкли. Чай доставляет крупный таможенный доход:

	1888	1889	1890	
Вывезено чая всякого .	1 906	1 891	1 838	тыс. пудов
Получено пошлин . . .	22 094	22 116	23 227	тыс. руб. зол.

А 23 млн руб. зол. составляют, при курсе около 135 коп. кред., около 30 млн кред. Достать такой налог другим способом может быть и тяжелее для народа и труднее для государственной власти. Конечно, уменьшение подобных налогов было бы благоприятно для народной жизни, но надо или сократить расходы, или возместить налог другим окладом. Подобные соображения хотя входят в обычай у людей, свысока и едва касающихся тарифных задач, но не могли быть предметом серьезного обсуждения при пересмотре таможенного тарифа в видах содействия развитию промышленности. Мало того, следовало, предполагая повысить таможенные оклады на многие товары, именно по возможности вовсе не трогать фискальных статей, потому, во-первых, что надобности государственного казначейства очень часто нарушали стройность наших тарифов, давали им ту неустойчивость, которая в этих делах очень пагубна, а во-вторых, с развитием многих русских производств можно было надеяться на уменьшение ввоза по многим статьям, а потому на уменьшение дохода — по крайней мере на первое время, а потому и не следовало трогать основные статьи таможенных доходов, не имеющие прямого соприкосновения с внутреннею производительно-промышленною деятельностью России.

2) Так как Россия обладает суммою естественных условий для добычи разнообразнейших видов сырых материалов, потребляемых заводами и фабриками, поныне привозимых с Запада, и так как беспошлинный или низко-пошлинный

впуск западноевропейских сырых материалов приводит, судя по опыту, к устройству «приграничных переделочных» заводов, которые располагаются около границ, берут иностранных рабочих и действуют в большинстве случаев на иностранные капиталы, ничего в себе русского не заключая, то следовало умеренными таможенными окладами на иностранное сырье дать возможность развиться русскому соперничеству внутри страны, исходя из русских сырых продуктов. Сера, колчедан, глины, канифоль и тому подобные товары по указанной причине обложены соответственными окладами, с которыми в последующих главах придется встретиться еще не раз.

3) Должно избегать быстрых повышений таможенных окладов, чтобы не нарушить ныне существующие торговые и промышленные отношения. А потому для огромного большинства товаров сохранены пошлины, действовавшие до 16 августа 1890 г. А так как в последний период пошлины подняты на 20%, то в результате оказывается, что для большинства товаров тариф 1891 г. будет ниже тарифа конца 1890 г. Не фритредерские оптимистические вожделения руководили таким соображением, а простой расчет. Если пошлина оказывалась достаточною для «ограждения и оживления» соответственного производства, то ее оставляли, хотя и были «ходатайства», требовавшие усиления. Они проверялись всякими сведениями и расчетами, особенно же данными о развитии соответственных русских производств и сведениями о возрастании ввоза или его уменьшении, притом с разъяснением того, куда идут ввозимые товары, что достигалось чрез добычу справок о таможнях, служивших для ввоза, и о железнодорожных товарных движениях. Для примера укажу хотя бы на древесную массу и целлюлозу, которых ввоз возрастает и превосходит миллион пудов, и желательно было бы, чтобы производство этого сырья «оживилось» в тех местах России, которые имеют массу дерева и соломы, для сего необходимых. Оказывается, однако, что главный ввоз, а именно $^4/_5$, идет из Финляндии, а потому изменение пошлины по западноевропейской торговле — здесь не при чем; следовало действовать иначе. Обсуждая пошлину на свинец, встретили несколько ходатайств об увеличении оклада, чтобы дать возможность разрабатывать свинцовые руды, найденные во многих местах западного Кавказа и представляющие, по новизне дела, множество препятствий разного рода, которые и можно было преодолеть с помощью повышенного тарифа. Но при внимательном разборе полученных сведений оказалось, что без отягощения свинца увеличенною пошлиною можно достичь

очень желаемой разработки кавказских и донецких свинцовых руд при помощи казенных заказов, в которых не может быть недостатка, при благонадежности месторождений и лиц, принявшихся за разработку. Поэтому пошлина на свинец сохранена.

4) Возвышение тарифных ставок для товаров, потребляемых Россиею в малом количестве и особенно берущих начало от привозного, а не русского сырья, тем менее желательно, чем менее производство товара требует народного труда и чем больше оно определяется капиталистическими усилиями. Возвышенный оклад при этом мог бы помочь учреждению одного или двух предприятий, которые не имели бы стимулов понижать цены. Предприниматели просто бы клали в свой карман таможенный доход. Так, например, одному заводчику очень хотелось, чтобы оклад на хинин был настолько возвышен, чтобы он мог устроить соответственный завод и беспечно, с устранением всякого соперничества, назначал бы в свою пользу, сверх аптекарской, свою личную таксу. Кардоленты, или толстые слоистые ткани, усаженные загнутыми проволоками и употребляемые на мануфактурах, уже отчасти производятся в России, — есть, значит, выгода, но хотели исключить иностранное соперничество чрез значительное обложение, а по справке оказалось, что некоторые виды этого товара должны готовиться с таким тщанием, что лишь немногие западноевропейские заводы могут удовлетворять требуемым свойствам, а потому все выписывают такие кардовые ткани с этих специальных фабрик, простые же сорта и ныне могут выделываться у нас, да и спрос на товар недостаточно велик, чтобы вызвать соперничество. Поэтому ходатайство о сильном повышении было отклонено, а пошлины так соображены, чтобы существующие фабрики могли продолжать свое дело, пользуясь частью русским, частью заграничным сырым материалом.

5) Так как мысль о возможности какой-либо общей, ко всяким обстоятельствам применимой, тарифной системы должно считать мечтательною, то таможенный тариф всегда будет делом времени, условий и обстоятельств страны, к которой прилагается. Поэтому возможен только тариф, пригодный к настоящему экономическому состоянию России и тех стран, с которыми она должна быть в торговых сношениях, а именно только на ближайшие 20, много — 30 лет. Тем не менее от тарифа можно ждать вполне благоприятных плодов лишь тогда, когда он установлен прочно, когда к нему есть возможность приноровиться и когда его система отличается

целостностью и не подвергается колебаниям, могущим иметь пагубнейшие последствия.

6) России, вследствие ее обширности и континентального положения, можно и необходимо должно развить внутри [себя] такие виды производства, которые, как каменноугольное, железное, содовое и многие другие, доставят народу прочный заработок, а стране товары, ей потребные, исходя из природных запасов. Естественные богатства России представляют для сего все необходимые условия. Но сравнительная дешевизна иностранных товаров и затруднительность первой борьбы с иностранными конкурентами заставляют прибегнуть к защите — при помощи тарифа — отечественных начинаний, дабы иметь засим возможность получать в нашей стране желаемые товары в должном изобилии и необходимой дешевизне, определяемой соревнованием многих, желающих воспользоваться предстоящими выгодами. Примеры нефтяных товаров, хлопчатобумажных изделий и сахара показывают, что при должном покровительстве и других мероприятиях правительства очень многие товары, доныне мало производимые у нас, могут быстро дешеветь в России, если естественные продукты, для их производства необходимые, встречаются в должном изобилии и призывают к себе инициативу и практическую деятельность. Только те страны имеют правильный расчет мало облагать или свободно впускать привозные товары, которые или не могут без них прожить, как Англия или Франция без привозного хлеба, или уже обосновали свою промышленность на чужестранном сырье. А так как Россия, богатая всяким сырьем, строго говоря, может вполне обойтись без чужеземных товаров и не имеет, однако, еще настолько развитой промышленности, чтобы обрабатывать свое собственное сырье, то ей вполне естественно и целесообразно прибегнуть к высоким таможенным обложениям, дающим доходы государству и в то же время вызывающим разработку внутренних источников промышленной деятельности.

7) Так как размер свободных капиталов и интеллигентных сил, способных вести промышленные дела, необходимые России, в ней невелик, то успешное ведение многих и разнообразных новых дел весьма мало вероятно, а потому должно избрать немногие, но коренные промышленные дела, которые должны, вместе с ныне уже существующими, составить зерно предстоящего промышленного движения России, в той уверенности, что многие побочные дела разовьются естественным образом из правильно заложенных основных предприятий. За таковые основные промышленные дела, требующие боль-

шего, чем ныне, развития, должно считать: каменноугольное, железное, машиноделательное, судостроительное и лесотехническое (добычу канифоли, уксусной кислоты, целлюлозы и т. п.), содовое, всегда почти соединяемое с производством белильной извести и других химических продуктов, поныне ввозимых из-за границы.

8) Хотя в некоторых случаях повышение таможенного обложения ведет единовременно к возрастанию таможенного дохода и к развитию внутренней производительности, но этого не может и не должно быть постоянно. Неумеренное повышение пошлин, особенно на дорогие товары, влечет усиление контрабанды и уменьшение ввоза и потребления, так что в смысле таможенного дохода есть определенная величина обложения, соответствующая наибольшему доходу. Но такая величина обложения, по самому смыслу дела, вовсе не может быть в то же время благоприятнейшею для водворения данной промышленности в стране. А потому между требованием фиска и покровительства весьма часто могут происходить противоречия, для разрешения которых необходимо вполне сознательное отношение к предстоящей задаче пересмотра тарифа. Так как при развитии промышленности внутри страны она прямо и косвенно доставляет новые источники поступлений,[1] то таможенный доход, относящийся к товарам, могущим производиться в России, не должно рассматривать без связи с другими государственными ресурсами. Если вся или данная промышленность, вследствие покровительства, разовьется внутри страны до того, что ввоз иностранного товара прекратится, то таможенного дохода *от привозимых товаров* не будет, а между тем при этом косвенные налоги могут доставить государству средства, превышающие таможенные утраты. На основании этих соображений особенно выгодны для народа и государства такие высокие обложения, которые отвечают товарам, могущим производиться в изобилии, дешеветь, распространяться во всеобщей потребности народа и достигать чрез удешевление и соревнование до заграничного сбыта. Внимательное изучение русских народных потребностей, условий добычи русского сырья и состава цен, существующих

[1] Примером прямых доходов этого рода могут служить акцизы с сахара, керосина и спичек. Если бы эти товары ввозились из-за границы, то они платили бы таможенные оклады, но производимые в стране они становятся народу более дешевыми и способными выносить акцизное обложение. Косвенно же всякая развившаяся промышленность доставляет государству доход в виде всяких торговых и промышленных налогов, податей и сборов, в виде увеличения дохода от дорог, в виде содействия к повышению курса и т. п.

на товары в Западной Европе, показывает, что товары, перечисленные в предшествующем пункте, и некоторые другие обладают желаемыми свойствами. Но и здесь, ради того, чтобы не нарушить течения торговых оборотов, следует действовать хотя с твердою настойчивостью, но не вдруг, а последовательно.

Соображения, изложенные выше, составляли, по моему крайнему разумению, причину большинства тех изменений таможенного тарифа, которые совершены при его пересмотре. Но не изобретены они были ко времени или во время пересмотра, а вытекли из жизни сами собою, выступали во всех последних таможенных мероприятиях и внушались столь здравыми началами, что большинство лиц, участвовавших в пересмотре тарифа, в своих аргументах, касающихся частностей, применяло постоянно все одни и те же начала, согласные и с духом и буквой указа 16 августа 1890 г.

Привожу затем описание тех приемов, с помощью которых произведен последний пересмотр тарифа.

Когда в 1887 г. выяснилась необходимость пересмотреть весь таможенный тариф, тогда к этому сложному делу приступлено было следующим образом. Министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский поручил составить и напечатать ряд материалов для пересмотра тарифа. Таких материалов накопилось ко времени самого пересмотра огромное количество, и в этих материалах найдется множество драгоценнейших сведений, которые помимо прямой цели, для которой они назначены, представляют сами по себе интереснейшее собрание — не рассуждений рационалистического строя, какими полна наша литература, а фактических данных, показывающих, во-первых, общую картину внутренних и внешних торговых и промышленных отношений России со времени тарифа 1868 г. или еще более раннего и, во-вторых, состояние отдельных производств, установившихся в России, и их отношение к развитию тех же производств в других странах. Собрались громадные томы этих материалов, и будущий историк русской промышленности будет иметь возможность подробно изучить каждую отрасль промышленности, особенно заводской и фабричной.

Весь первый собранный материал распадается на чисто статистический и на технический. Последний содержит обсуждение статей существовавшего тарифа, свод статистических данных, относящихся до отдельных товаров, и проект нового тарифа, так что затем, при всем дальнейшем пересмотре тарифа, сопоставлялись статьи действовавшего тарифа и

проектированного в этой предварительной, преимущественно технической, работе первоначальной комиссии. Она составлена была, под председательством директора и профессора Технологического института Н. П. Ильина, из профессоров этого Института. В заседания ее приглашались многие заводчики, чтобы получить от них по возможности полные практические сведения по различным отраслям промышленности. В эту же комиссию поступили все ходатайства лиц и учреждений, касающиеся тарифных ставок. Здесь же скопились данные о таможенных окладах всяких других стран. Кроме протоколов своих заседаний, эта предварительная комиссия, начиная с 1887 по 1889 г., напечатала 16 отдельных записок, в которых разбираются тарифные статьи по товарам известных групп. Эти 16 записок профессоров Технологического института суть:

1) проф. *Афанасьев*: о машинах, орудиях, инструментах, часовом товаре, экипажах и вагонах (1889);

2) проф. *Бейльштейн, Ильин* и *Богаевский*: о гумми, камедях, красках и красильных веществах (1889);

3) проф. *Бейльштейн* и *Ильин*: о химических продуктах и материалах для оных, о разных москательных товарах и косметиках (1889);

4) проф. *Вылежинский*: о дубильных веществах, кожах, мягкой рухляди, волосе, пухе, кожаных, каучуковых, волосяных и щетинных изделиях; о книгах и картинах; о китовом усе и грецкой губке (1889);

5) проф. *Ильин*: о шелке и шелковых изделиях (1889);

6) проф. *Ильин* и инженер-технолог *Голковский*: о вещах для музеев, об образцах, о турецких тканях, о платье и белье, о перьях и искусственных цветах, о стеклярусе и бисере, о шляпах и фуражках, о зонтиках, об игрушках, о принадлежностях для письма и рисования, о музыкальных инструментах, о постелях и подушках (1889);

7) проф. *Ильин* и *Ланговой:* о шерсти и шерстяных изделиях (1889);

8) *они же*: о льне, пеньке и джуте и изделиях из оных (1889);

9) *они же*: о хлопчатобумажных изделиях (1889);

10) проф. *Крупский*: о каменном товаре и изделиях из камня (1889);

11) *он же*: о глине, меле и изделиях из глин (1889);

12) *он же*: о стеклянных изделиях (1889);

13) проф. *Лабзин*: о лесном товаре и изделиях из дерева и древесных материалов (1887);

14) *он же*: о металлах не в деле (1887);

15) *он же*: об изделиях из металлов, о морских и речных судах, о металлических и минеральных рудах, о пуговичном товаре и о вещах галантерейных и туалетных (1888);

16) проф. *Тавилдаров*: о жизненных припасах, овощах, фруктах, бакалейных и колониальных товарах и о напитках (1889).

Из материалов статистических особо важную роль играли «Сведения об отпуске за границу российских товаров за 1869—1886 гг.», «Сведения о привозе из-за границы иностранных товаров за 1869—1886 гг.» и такие же сведения, относящиеся к 1887, 1888, 1889 и 1890 гг., издававшиеся специально для цели пересмотра тарифа, чтобы можно было судить о последних изменениях русской внешней торговли по каждому отдельному товару. Очень спешным и сложным изданием их занимался Таможенный департамент, а именно его статистическое отделение, под руководством А. И. Штейна, доставлявшего при пересмотре тарифа всякие иные таможенные статистические данные, часто требовавшиеся при рассмотрении отдельных статей.

Департаментом торговли и мануфактур составлено к самому началу пересмотра «Сравнительное обозрение тарифов 1841, 1857 и 1868 гг. по европейской торговле и последовательных изменений тарифа 1868 г. (по 1 января 1887 г.)», а в 1889 г. «Обозрение изменений в таможенном тарифе, последовавших после 1 января 1887 г. (по 30 мая 1889 г.)». Тот же департамент издал в виде материалов для пересмотра тарифа «Свод данных о фабрично-заводской промышленности России за 1885—1887 гг.» (1889) и затем такой же свод за 1867—1888 гг. (в 1890). В 1890 г., сверх того, изданы отдельные «Своды» подобных же данных, относящихся до химических и красильных веществ, по металлическим производствам, по керамическим производствам, по обработке дерева и по обработке животных продуктов.

Осенью 1889 г. были уже напечатаны все вышеупомянутые материалы. Тогда же г-ну министру финансов угодно было пригласить и меня к начатому делу. Изучив подготовленные материалы, я составил две записки. В первой, напечатанной к концу 1889 г., рассматривается «Связь частей общего таможенного тарифа» и дается проект тарифных ставок, а во второй рассматриваются предложенные в первой записке ставки на некоторые товары, например на продукты сухой перегонки дерева, хлопок, суперфосфат и т. п.[1] В то же время записки

[1] Эти записки включены в XVIII том. [*Прим. ред.*].

и проекты профессоров Технологического института разосланы для получения отзывов и новых предложений во все министерства, в биржевые комитеты, во многие ученые общества, например в императорское Вольное экономическое и в Общество для содействия русской промышленности и торговле. Большинство этих учреждений подробно рассмотрело все названные труды и для многих товаров предложило свои таможенные ставки. Эти отзывы собраны и особо напечатаны под заглавием: «Свод замечаний, представленных совещательными по части промышленности и торговли учреждениями, некоторыми сельскохозяйственными обществами и частными лицами». Особенно выделились здесь, по обширности и подробности труда, отзывы соединенного собрания Московского биржевого комитета и Московского отделения Совета торговли и мануфактур. Они одни составляют большой и во многих отношениях поучительнейший том. А так как о предстоящем пересмотре тарифа было в разное время и с разных сторон заявлено и объявлено, то заводчики и фабриканты спешили выразить в ходатайствах, поданных министру финансов, свои желания, потверждая их данными и расчетами, относящимися к товарам, ими производимым. Хотя в таких ходатайствах очень часто встречаются преувеличения и заявляются неумеренные требования, но в них нередко содержатся полезные указания, а потому все такие заявления, поступившие к последней трети 1890 г., собраны и напечатаны под заглавием: «Обзор поступивших в Министерство финансов ходатайств относительно изменения статей таможенного тарифа» в нескольких частях, соответствующих выше исчисленным запискам профессоров.

Таким образом явилась масса не только сырого, но и вполне обработанного материала, которую следовало объединить, обсудить и привести к делу. Долго тянуть, само собою разумеется, таких дел нельзя, следовало действовать возможно ускоренными способами и из суммы отдельных мнений составить такой проект, который подвергнуть затем уже дальнейшему разбору. Для этой цели по высочайшему повелению составлено было, под председательством г-на министра финансов, особое «Совещание по вопросу о пересмотре тарифа». В его состав вошли только лица Министерства финансов и профессора Технологического института, составлявшие исходные записки. Первое заседание происходило 20 февраля 1890 г., последнее было 6 июня 1890 г. К каждому заседанию подготовлялись все необходимые материалы, из них делался свод, и одни такие своды, или сопоставления мнений разных

лиц и учреждений, статистических данных, сведений о ценах и т. п., составляют два огромных тома в моей библиотеке. Здесь-то и разбиралась, на основании всей суммы собранного, настоящая сущность предстоящих вопросов по каждой статье отдельно, устранялось неверное, направлялось внимание на существеннейшее, — словом, делалась самая важная работа, стоившая участникам немало трудов, времени и уступок. В результате получился проект новой редакции многих статей и проект тарифных ставок, которые следовало окончательно обсудить. Бывши участником всех общих заседаний, касавшихся тарифа, я полагаю, что главное дело сделано было именно в «совещании» начала 1890 г. После него новый тариф уже перестал быть чем-то воображаемым, приобрел реальные формы, и хотя в дальнейшем рассмотрении многие частности изменились, но основная сущность осталась тою же. Притом столь подробному разбору всяких мнений и обстоятельств, как в этом «совещании», все части тарифа не подвергались ни раньше, ни после. Для истории дела можно пожалеть только, что в этом совещании не было стенографов; все дело регистрирования ограничилось составлением кратких протоколов, заключающих результат и их краткую мотивировку.

После лета 1890 г. тотчас же начались заседания «высочайше учрежденной Комиссии для общего пересмотра таможенного тарифа». Состав тарифной комиссии определен высочайшими повелениями 16 августа, 12 и 26 октября 1890 г.

Председатель: министр финансов *И. А. Вышеградский.*

I. Чины министерства финансов и лица, принимавшие участие при составлении материалов по пересмотру тарифа: товарищ министра финансов *Ф. Г. Тернер*; директоры департаментов: *А. Б. Бер* (он же товарищ председателя комиссии), *Л. Ф. Тухолка, А. С. Ермолов* и *С. Ю. Витте*; вице-директоры: *Н. П. Забугин* и *В. И. Тимирязев* (он же управляющий делами комиссии); член ученого комитета Министерства финансов *К. А. Скальковский*; члены Совета торговли и мануфактур: *Н. П. Ильин* (он же товарищ председателя комиссии), *Д. И. Менделеев, Н. Ф. Лабзин* и *Ф. Ф. Бейльштейн* и профессора Технологического института: *П. А. Афанасьев, А. К. Крупский, Н. И. Тавилдаров* и *Б. Т. Вылежинский.*

II. Представители других ведомств: от М-ва государственных имуществ *И. П. Архипов, В. В. Черняев* и *А. П. Кеппен*; от М-ва иностранных дел: *А. Н. Толстой*; от М-ва внутренних дел: *А. К. Кривошеин*; от Военного м-ва *А. А. Фишер* и *С. И. Ясюкович*; от Морского м-ва *А. М. Линден* и *Г. А. Власьев*;

от М-ва путей сообщения: *А. Н. Горчаков* и *В. А. Дембицкий*, и от Государственной канцелярии *Г. И. Шамшин*.

III. Представитель дворянского землевладения, по назначению министра внутренних дел, *А. Н. Трубников*. Представитель сельскохозяйственной промышленности, по назначению министра государственных имуществ, барон *П. Л. Корф*.

IV. Представители от торгово-промышленных учреждений, по выбору сих учреждений, а именно представители и лица, избранные для чередования с представителями и замещения их. От Совета торговли и мануфактур: *Ф. К. Сан-Галли* и *Ю. С. Мальцев* и заместители: барон *Г. О. Гинцбург*, *К. А. Варгунин* и *К. Я. Паль*. От московского отделения Совета торговли и мануфактур: *Н. А. Найденов* и *С. М. Третьяков* и заместители: *К. К. Банза*, *В. А. Бахрушин*, *Э. К. Бухгейм*, *Ю. П. Гужон*, *С. А. Добров*, *М. М. Зензинов*, *В. А. Зотов*, *Р. Р. Келер*, *А. Г. Кольчугин*, *Н. Н. Коншин*, *Э. А. Липгарт*, *А. Л. Лосев*, *М. Ф. Марк*, *М. Ф. Михайлов*, *С. Т. Морозов*, *Н. Г. Никольский*, *П. К. Прянишников*, *Е. Д. Рюхардт*, *П. И. Санин*, *В. И. Сапожников*, *Г. О. Тиль*, *С. И. Четвериков* и *В. В. Якунчиков*. От Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур: *М. Н. Горелин* и заместители: *И. В. Каретников*, *И. С. Попов* и *С. И. Сеньков*. От Петербургского биржевого комитета: *К. Ф. Винберг* и заместители: *Э. Л. Бонштедт*, *Э. В. Брандт*, *С. П. Беляев*, *Э. Э. де-Лобштейн*, *А. Я. Прозоров* и *Д. Д. Торнтон*. От Московского биржевого комитета: *Г. А. Крестовников*, а заместители те же, как от московского отделения Совета торговли и мануфактур. От Нижегородского биржевого комитета: *В. И. Мензелинцев* и заместитель *Н. Е. Башкиров*. От Киевского биржевого комитета: *Н. Ф. Барсуков* и заместители: *Л. И. Бродский* и *Ф. Г. Дитягин*. От Одесского биржевого комитета: *М. М. Кожевников* и заместитель *Я. А. Новиков*. От Харьковского биржевого комитета: *А. К. Алчевский* и заместители: *М. Х. Гельфрих-Саде* и *Н. В. Орлов*. От Рижского биржевого комитета: *П. А. Беттихер* и заместители: *К. Гартман*, *Е. Гефлингер*, *В. Фаен*, *Н. Фенгер*, *Г. Штида*, *А. Эльрих* и *И. Эссен*. От Варшавского биржевого комитета: *Д. Ю. Розенблюм* и заместитель *С. Р. Коссут*.

Кроме того, в тарифную комиссию приглашались при обсуждении многих статей как эксперты — знатоки различных дел, например: гг. *Авдаков*, *Бари*, *Белов*, *В. Ф. Голубев*, *Кази*, *Куницер*, *Мейергоф*, *А. Е. Струве* и др.

При таком многолюдном собрании, как всякий знает и поймет, легко могла бы произойти большая затяжка дела,

если бы от конкретных вопросов тарифа разговор мог уходить в сторону. Но этого не случилось по той причине, что председатель предложил и все держались того, чтобы в самом начале изложения каждый выражал то, к чему он направляет свою речь, или то предложение, которое он защищает. По этой причине в 21 заседание сделано столько, что при обычном течении наших обсуждений не достиглось бы и в сто. Первое заседание было 10 октября 1890 г. Начали с химических продуктов, так как статистика показывала, что рост их производства отстает от возрастания других важнейших отделов промышленности. Последнее заседание происходило 7-го декабря и относилось к вопросу о таможенных льготах для подъездных железных дорог и к вопросу о влиянии изменения курса на величину таможенного обложения, потребного для защиты русской промышленности от явного давления внешней конкуренции. Пред каждым заседанием заранее доставлялись особые печатные записки с проектом статей, которые следовало рассматривать, с кратким мотивированием предложенных и принятых в «совещании» изменений, с ведомостями о ценах товаров и с приложением вновь являющихся новых материалов. Все же прочие «материалы» были уже целыми возами развезены членам комиссии.

В комиссии для подготовки предметов обсуждения, для разнообразных справок, для записывания высказанных мнений и для собирания результатов голосований, к которым постоянно прибегали при существовании разноречий, принимало участие Бюро делопроизводителя, т. е. В. И. Тимирязева, составленное из: *С. И. Тимашева, А. И. Штейна, А. И. Кобеляцкого, М. А. Даниловского, В. В. Прилежаева* и *С. И. Голковского* — как лица, подробно знающие тарифные дела (от Департамента торговли и мануфактур и от Таможенного департамента). Кроме того, в заседаниях комиссии присутствовали стенографы, передававшие все сказанное и заявленное. Эти стенографические отчеты и протоколы заседаний опять составили большой том.

На моем веку много мне приходилось заседать и присутствовать при рассмотрении множества жгучих вопросов русской жизни. Но, говорю с полной уверенностью, ни разу я не видел такого собрания, как «Тарифная комиссия 1890 г.», в котором люди с такою охотою, с полным сознанием того, что они делают, накладывали на себя, ради общего блага, столько тяготы — не на то, что они производят и продают, а на то, что они только покупают. Большинству участников не перепадет ничего, кроме лишних расходов от предлагаемых

и защищаемых тарифных ставок, а многие торговцы и промышленники защищали такие ставки, которые прямо заставляло их платить сотни тысяч рублей. И при том все обходилось без той горячки и без следа того охвата предвзятою мыслью, которыми, кажется многим, только и можно объяснить забвение личных интересов. Вчерашний и даже завтрашний фритредер и тот при разборе не абстракта, а частного вопроса, какие только и разбирались в тарифной комиссии, становился на сторону протекционизма. А тут — требовавший высокой пошлины узнавал, что и без нее ввоз мал и его увеличения не предвидится, и охотно сразу отступал, потому что видел во всем собрании полное желание послужить на пользу своей страны, не вдаваясь ни в одну крайность. Я знаю участников комиссии, которые сперва просто едва себя сдерживали, видя, что дела поворачиваются не в ту сторону, которую они считали единственно правильною, но и они, успокоившись, вдумавшись и узнав кое-что такое, чего прежде в расчет не принимали, убеждались, что в конце концов дело направляется в сторону, единственно возможную или возможно наилучшую. Сам я, войдя в дело после внимательного изучения, должен был во многих случаях переменить свое мнение, узнав много такого, что не имел сперва в виду. Но так как всякий таможенный тариф, по самой сущности этого дела, должен быть временным и будет требовать еще и еще улучшений и приспособлений, то и в тарифе, выработанном в комиссии, достигали не какого-нибудь абстракта, а только правильного направления таможенной нашей политики. И можно быть уверенным, что если впредь будут следовать тому же пути, который намечен в мерах, предложенных «тарифною комиссиею 1890 г.», то скоро промышленный рост России, поколебленный тарифом 1868 г., возобновится и приведет к тому, что Россию признают настолько же способною к заводско-фабричной деятельности, насколько она всеми считается способной и приноровленной к сельскохозяйственной. Но оставляя до следующей главы соображения, относящиеся к этому предмету, я закончу теперь остальную историю последнего пересмотра тарифа.

В первых числах декабря 1890 г. кончились заседания «тарифной комиссии», а в последних уже пошло первое представление выработанных статей тарифа, относящихся к химической промышленности, в Государственный совет. Всего в 14 вновь составленных записках включен весь тариф. Каждая записка содержит обзор рассматриваемой промышленности, проект новых статей, статистические данные до самого последнего времени и мотивы предлагаемых изменений. Дело

так представлено, что рассмотрение здесь пошло сравнительно скоро. В семи заседаниях Департамента государственной экономии в апреле и начале мая разобран статья за статьею весь тариф, и в конце мая он уже прошел чрез общее собрание Государственного совета, т. е. был подготовлен к высочайшему утверждению, которое и последовало 11 июня 1891 г. с тем, чтобы новый тариф начал действие с 1 июля 1891 г.

Таковы внутренний смысл и внешняя история нового тарифа. Остается только ждать его плодов. Но понять смысл статей, их отношение к жизни России и ее судьбе не так просто, как может показаться сначала. Эта книга назначается именно для того, чтобы разобраться в этом предмете тем, которые захотят и будут иметь волю и силу принять участие в предстоящем промышленном движении отечества. Тут корень не только внешнего благосостояния как личного, так и общего, но и внутреннего благополучия, потому что истинное участие в промышленности составляет вид труда, полезного как для себя, так и для других. В этом деле сходятся альтруизм с эгоизмом, их кажущееся противоречие исчезает; и я даже думаю, что люди, ныне решающиеся посвящать свою деятельность развитию русской горной, заводской и фабричной деятельности, скорее могут быть названы альтруистами, потому что эгоистам легче обсуждать и осуждать, чем действовать, легче резать спокойные купончики, вместо того, чтобы рисковать капиталом и работой, а в крайнем случае уже лучше занимать старые покойные места и положения, вместо новых промышленных забот и необходимости быть среди рабочего народа. Настоящим эгоистам — без беспокойных производительных занятий — уж лучше следовать классическим образцам, для которых шаблон уж давно выбит и всюду готов.

Для того чтобы ныне действующий тариф, равно как последующее изложение и руководящие мысли этой книги еще более уяснились, мне необходимо остановиться на формуле, господствующей у нас еще и поныне и особенно ясно выраженной Тенгоборским (как упомянуто уже на стр. 211), по которой, будто бы, нам необходимо держать низкие тарифы на иностранные товары и ввозить их к себе уже для того, чтобы иметь возможность *сбывать* свой хлеб. Предполагается так, что иностранцы будут у нас покупать наш хлеб тем охотнее и тем больше дадут за него, чем больше сбудут нам своих нехлебных товаров: угля, железа, машин, тканей, всяких галантерейных товаров и т. п. Факты общие и частные и соображения самых разнообразных свойств заставляют

меня считать, что такая формула совершенно неверна ни с практической, ни с теоретической стороны дела. Но тут есть встреча мнений, а потому должно говорить подробнее. Для ясности, поставлю положения, которые и постараюсь развить: 1) Сколько-либо развившаяся торговля между странами, с различными видами преобладающих производств, никогда и нигде не стремится к выравниванию вывоза со ввозом, хотя самый первичный вид торговых отношений с мало известными странами стремится к этому уравниванию. 2) Ввоз и вывоз данной страны или ее чисто торговый баланс, т. е. не считающий денежных и долговых обязательств, может быть выгодным и прочным как при равенстве, так и при преобладании вывоза или ввоза. 3) Сбывать свой хлеб, в промен на товары, подобные каменному углю и железу, России долго нельзя, невыгодно и очень опасно. 4) Не сбывая хлеба, Россия, при развитии в ней всяких видов промышленности, будет иметь не только прочный курс al pari, но и развивать свое благосостояние равномернее, прочнее и для себя выгоднее.

В этих четырех положениях заключается часть сущности моих соображений, касающихся торгово-промышленных отношений России, а потому и ее тарифа. Вследствие этого, не вдаваясь во многие подробности, я все же разовью эти исходные положения с некоторою обстоятельностью, стараясь, однако, избегнуть абстрактов, т. е. по возможности оставаясь на почве действительности.

Годовые торговые обороты в миллионах рублей

	1827—1831 гг.			1849—1853 гг.		
	из России	в Россию	баланс	из России	в Россию	баланс
Великобритания	28	19	+9	46	26	+20
Голландия и Бельгия	3	1	+2	7	4	+ 3
Франция	3	3	0	7	8	— 1
Германия (с Ганзою)	6	8	—2	7	15	— 8
Австрия	3	3	0	5	2	+ 3
Балканский полуостров	6	3	+3	6	5	+ 1
Италия	2	1	+1	4	3	+ 1
Испания и Португалия	1	4	—3	1	3	— 2
Швеция, Норвегия и Дания	4	1	+3	3	2	+ 1
С.-А. С. Штаты	3	4	—1	2	9	— 7
Все остальные	1	0	+1	5	1	+ 4
	60	47	+13	93	78	+15

1) Начну с России и с книги Тенгоборского. В конце «Études sur les forces productives de la Russie» (1885, T. IV, p. 468 et 474) своего обширного и капитального исследования автор делает свод средних *годовых* торговых оборотов России с главнейшими другими западными государствами для периодов 1827—1831 гг. и 1849—1853 гг. Воспроизводя этот свод, мы подводим и баланс, но ограничиваемся лишь *миллионами рублей*, потому что большей подробности в этих числах не надобно.

Отсюда уже видно [табл. на стр. 251], что возрастание торговых оборотов двух стран может происходить или чрез единовременный рост ввоза и вывоза с сохранением баланса (например Франция, Италия, Голландия и Бельгия и т. п.), или с его возрастанием (Англия), или с его уменьшением (Германия), т. е. определяется вовсе не торговым балансом стран, а относительным спросом в них различных товаров. Поучительно сопоставить теперь несколько данных из следующих десятилетий. Для ясности беру те же страны и в том же порядке. Данные почерпнуты из таможенных отчетов, беря случайные годы или их совокупность.

Годовые торговые обороты (по всем границам) в миллионах рублей

	1862 г.			1872–1876 гг.			1888 г.		
	из России	в Россию	баланс	из России	в Россию	баланс	из России	в Россию	баланс
Великобритания	82	36	+46	134	121	+13	280	101	+179
Голландия и Бельгия	11	7	+ 4	27	13	+14	86	11	+ 75
Франция	11	11	0	33	23	+10	59	14	+ 45
Германия (с Ганзою)	31	41	—10	111	187	—76	183	123	+ 60
Австро-Венгрия	6	7	— 1	24	23	+ 1	27	15	+ 12
Балканский полуостров	7	8	— 1	13	27	—14	39	8	+ 31
Италия	3	6	— 3	7	11	— 4	27	7	+ 20
Испания и Португалия	1	3	— 2	—	—	—	6	2	+ 4
Швеция, Норвегия и Дания	6	2	+ 4	14	4	+10	29	7	+ 22
С.-А. С. Штаты	1	1	0	1	12	—11	—	20	— 20
	159	122	+37	364	421	—57	736	308	+428

Отсюда очевидно прежде всего, что в первый промежуток (от 1862 до 1872 г.) отпускная торговля России *удвоилась*,

но тогда же увеличился ввоз и притом с громадною убылью в выгодности баланса. Тогда торжествовали те, которые утверждали, что сбавятся пошлины и торговля увеличится вся, наш отпуск умножится, и России будет очень и очень выгодно.[1] На баланс же советовали не смотреть, потому что все богатейшие страны, с Англии начиная, ввозят более, чем вывозят (об этом скажу далее). Но опыт следующих лет, когда стали прибавлять таможенные оклады, показал, что вывоз может *удвоиться* вовсе без соответственного возрастания ввоза, потому что в 1888 г. ввезено много менее, чем в 1872—1876 гг., и баланс стал положительным. Это относится, в сущности, ко 2-му нашему положению, а по 1-му приведенная таблица показывает, что все государства Европы без исключения и вся их совокупность могут брать более, чем получать в отношении к некоторой стране, например России. Англия же, Голландия, Бельгия, Швеция, Норвегия, Дания и (почти всегда) Италия все время брали, берут и будут брать больше, чем мы спрашиваем от них, потому что наши продукты иного рода, чем этих стран, и нам без ихних обойтись легче, чем им без наших. И все это понятно даже теоретически.

Но прежде чем объяснить явление, еще утвердим его хотя одним данным для другой страны. Такой способ достижения настоящей правды предписывается современными научными методами. Хоть факт и ясен из данного наблюдения, а все же для уверенности лучше его еще больше закрепить, чтобы стоял тверже, чтобы «резоны» его не шатали и не выламывали с надлежащего места, куда его ставит изучение. Резонер ведь скажет мало ли что, и воспитанная на классическом пошибе мысль соблазнится резоном, если не предвидеть хотя бы того, что уже слышится издали. У нас часто говорят и пишут, например, что наши таможенные отчеты далеки от действительности, что запись товаров по странам произвольна и условна, что одна контрабанда, таможенными отчетами не регистрируемая, извращает все, что Россия — страна особенная и т. п. Все это легковерными принимается, повторяется и, как аристотелевское понятие о том, что тяжелое тело падает скорее легкого, даже пишется в назидание и защищается без простой справки с действительностью и без самостоятельности проверяемого суждения. А потому русский пример подтвержу английским. Умножить мог бы и кучею других, но остерегусь

[1] Увеличение вывоза в начале 70-х годов определяется прежде всего устройством железных дорог.

нагружать фактами, потому что главный путь достижения должного состоит не в одном собрании фактов, а в комбинации их с выводами и соображениями, для которых и есть польза в собирании данных.

У меня под рукою свод данных Соединенного королевства в книге, часто мною цитируемой: «The Statesman's Year-book for 1890» (by S. Keltie). Беру один 1888 г., потому что другие на него очень похожи:

	Миллионы фунтов стерлингов		
	из Англии	в Англию	баланс
Россия	5	26	—21
Германия	16	27	—11
Франция	15	39	—24
Голландия и Бельгия	15	42	—27
Португалия и Испания	6	14	— 8
Италия	6	3	+ 3
Австрия	1	2	— 1
С.-А. С. Штаты	29	80	—51
Швеция, Норвегия, Дания	6	18	—12
Турция, Греция, Румыния	7	10	— 3
	106	261	—155
Торговые обороты Великобритании с ее колониями и владениями	84	87	— 3
Оборот со всеми другими государствами всех частей света	44	40	+ 4
Вся торговля 1888 г.	234	388	—154

Отрицательный баланс Великобритании, однако, не столь велик (154 млн ф. с.), потому что в число ввоза входят все ввезенные товары, а в число вывоза только те, которые или добыты в королевстве, или в нем обработаны — на заводах и фабриках. В 1888 г. на 64 млн ф. с. вывезено товаров иностранных, не переделанных в стране, а потому торговый баланс в сущности будет равен 298 — 388 = —90 млн ф. с. Статистические данные, которыми я располагаю, не дают распределения этого вывоза на 64 млн ф. с. по странам. Но хотя 90 млн ф. с. менее 154, однако составляют величину, близкую к сумме всего нашего вывоза и ввоза.

Как для России в 1888 г. все почти отдельные балансы и общий баланс положительны, так здесь все они отрицательны. Следовательно, растет ли торговый оборот или нет, отпускает ли страна преимущественно фабрикаты или сырье, — все равно равенства отдельных балансов по странам нет и к нему торговля не стремится. Но это и понятно. Покупают не там, где продают, а где дешевле, а продают не туда, откуда везут, а там, где есть спрос и цены выше. Анализируя это, легко дойти до того правильного вывода, что торговый баланс отдельных стран не стремится к уравниванию — по мере изучения страны и по мере увеличения сношений, — а наоборот. Корабль, отправляющийся в мало известные отдаленные края, забирает с собою товары, ими спрашиваемые, и, конечно, по возможности, дешевые; выменивает их на продукты страны и ценит эти продукты сообразно с ценою сбытых им товаров, но, конечно, насчитывая свои барыши. Оттого видим, что торговля Англии со всеми странами, кроме особо перечисленных, представляет почти равенство цен ввоза (40 млн ф. с.) и вывоза (44 млн ф. с.), а в частных примерах это еще виднее: например с Явы Англия привозит почти на 3 млн ф. с., а отправляет туда на $1^1/_2$ млн ф. с.; в Перу отправляет на 1 млн ф. с., а получает оттуда на 2 млн ф. с. Очень часто будет и обратное явление, но и тогда выгоды предпринимателя и страны могут оставаться теми же, только фрахтовые расходы падут больше на привозные товары, чем в том случае, когда вывоз компенсируется ввозом. Купцу все равно, где и на чем ни заработать: на ввозе или на вывозе, а потому он отправит в страну и пустой корабль (с балластом), если может купить так дешево груз кораблю, что, придя домой, этот груз продастся с оплатою фрахта в оба конца. И обратно, он готов уйти пустым, если сбудет привезенный товар так выгодно, что фрахт в оба конца оплатится. И чем торговля развитее между странами, чем страны ближе друг к другу, чем больше дело касается перевозки товаров дешевых и особо надобных странам, например хлеба, угля, соли, керосина и т. п., тем указанный случай встречается чаще. Он будет все чаще и чаще повторяться в дальнейшем будущем, по мере развития специальных производств. Так, например, для перевозки угля, для нефти, хлеба и т. п. выгоднее всего особо приноравливать корабли, назначать их для перевозки лишь в один конец. Это результат специализации, разделения труда, и ведет это не к убыткам, а к особым выгодам, потому что все приноравливается к должному предмету торговли — от матроса до трюма. И чем шире торговля, тем случаи нера-

венства веса и цены груза должны встречаться чаще. Самую крупную торговлю ныне мы имеем с Германиею. Вес всех приходящих из нее в Россию товаров (по германским отчетам) в 1888 г. около $^1/_2$ млн т (483 747 т нетто; каждая тонна около 61 пуда), а из России вывозится в Германию более 3 млн т (3 022 312 т), а цены вывоза и ввоза также далеко неодинаковы, как выше видели. То же самое, например, в отношении Англии к С.-А. С. Штатам: из них ввозится на 80 млн ф. с., а отправляется только на 29.

2) Если же отдельные торговые балансы стран не стремятся к уравниванию, а напротив того, по мере развития торговли и промышленности, стремятся к неравенству, то очевидно, что то же должно относиться и к общей сумме торговых балансов как по весу (числу кораблей или вагонов), так и по стоимости. Этот логический или арифметический вывод подтверждается и числами, ранее сего приведенными, в виде суммы балансов отдельных стран. Так, для России за последнее время и цена и вес вывоза много превосходят ввозные, а для Англии хотя масса вывоза больше массы ввоза (часть кораблей приходит пустыми, много лишних уходит с углем), но ценность ввоза больше цены вывоза. В таком же неравенстве торговых балансов (по весу, объему и цене) находятся и все прочие страны. Да иначе, судя по предшествующему, и быть не может. Если есть страны с постоянным отрицательным балансом, то должны быть страны и с постоянным положительным балансом. Постоянный отрицательный (т. е. такой, при котором ввоз более вывоза) баланс Англии, зависящий от того, что она накопила капиталы и ввозит к себе проценты на них, уплачиваемые за ввозные излишки, этот отрицательный [1] английский баланс существует и может ком-

[1] Чтобы дать понятие об общем ходе английских торговых оборотов, привожу из вышеуказанного источника крупные цифры, присовокупляя к ним баланс. Все цифры даны в миллионах фунтов стерлингов:

Года	Весь вывоз	Весь ввоз	Баланс	Сумма оборотов
1880	286	411	—135	697
1881	297	397	—100	694
1882	307	413	—106	720
1883	305	427	—122	732
1884	296	390	— 94	686
1885	271	371	—100	642
1886	269	350	— 81	619
1887	281	362	— 81	643
1888	298	388	— 90	686
1889	313	427	—114	740

пенсироваться возрастанием положительного русского баланса. Этот последний выгоден для нас, потому что у нас еще много платежей за границу за старые долги. И отрицательный баланс Англии ей выгоден — пока не превзойдет известной меры ее капитальных богатств. Нам приходится платить деньгами, а вместо этого мы можем платить продуктами или своей земли или своего горного дела (например углем, рудами, железом, нефтью или керосином и т. п.), и это ясно выгодно для нас. Англии же приходится получать деньгами, а она получает товарами, что и ей небезвыгодно. Но нам перейти в английское положение — значит разоряться, и англичанам в наше — тоже разорение, потому что денег тогда там накопилось бы так много, что все бы страшно подорожало.

Здесь является один вопрос, без разрешения которого дело осталось бы темным и в своей темноте давало бы возможность ложным толкованиям. А именно спрашивается: может ли такое положение вещей быть длительным? Не станет ли беднеть страна, платящая за ввозимое дороже, чем за отправляемое, и не будет ли богатеть и пересиливать страна с выгодным для нее балансом? Не ведут ли вышеупомянутые неравенства к опасностям? Ответы даются разные, всего рассматривать мне не приходится по духу моей книги, но приведу свои ответы и их объяснения. Прежде всего должно ясно видеть следующее: вывозимый товар в своей цене не содержит перевозки, а привозимый содержит ее и еще торговую надбавку (страховую премию, учетный процент и проч.), а потому если бы вообразили даже идеальный случай действительного равенства торгового баланса, то и тогда бы из отчетов таможен о нем нельзя было бы получить прямого понятия. Страна, занимающаяся перевозкою, тем более выигрывает при данном балансе, чем дешевле перевозимые товары, что я подробнее разберу в одной из следующих глав, когда буду говорить о морских судах. Если цену вывозимого увеличить на всю ценность перевозки, или как иначе (например, отнеся цены к некоторой промежуточной точке) уравнять ввозимое и вывозимое, все же баланс не будет нулевым, не только потому, что цены изменяются по времени (например, во время фрахта от Одессы до Лондона цена хлеба может очень сильно изме-

Если бы предположить, что средним числом от 10 до 20% стоимости товаров приходится за их перевозку и что перевозка вся идет на английских кораблях (что недалеко от правды, как увидим впоследствии — говоря о кораблях), то оказалось бы, что баланс Англии близок к 0. Так важна ценность перевозки.

ниться), но, главное, потому, что, кроме товаров, в торговом балансе означаемых, есть множество ценностей, переходящих из стран в страны, помимо таможенной регистрации и оценки. На первом месте здесь стоят деньги всякого рода. Известно уже, что запись ввоза и вывоза золота и серебра не может быть полною, а потому ее многие таможни вовсе уже перестали делать. Пересылаемые деньги должны быть считаемы как товар. Но — если ввоз и вывоз поправить и в этом отношении — все же равенства не будет по той причине, во-первых, что баланс относится к определенному сроку времени (в момент заключения баланса могут быть не произведены уплаты), а во-вторых, потому, что есть множество передач, совершенно не возмещаемых реальными ценностями. Так, государство или частное лицо может ныне занять, а чрез 20 лет выплатить занятое; так, сын, друг или просто почитатель певицы может переслать ценность в виде денег или товара — без всякого вознаграждения, чем-либо могущего выражаться в балансе. Над всем этим еще высится вопрос о цене и оценке. Вещество не пропадает, но оно из твердой формы легко и часто «портится», например, переходит в трудно учитываемый, все страны омывающий, атмосферный воздух, следовательно на взгляд (или балансовый учет) и оно теряется, а потому и ценность имеет все шансы пропадать, ничем не вознаграждаясь. Корабль тонет, товар горит, хлеб способен гнить, всякая ценность назначается человеком и им вольно или невольно может создаваться, или пропадать, исчезая для балансного учета. Счет «прибылей и убытков» еще не существует в торговых балансах. Отсюда уже следует, что страна с положительным или отрицательным торговым балансом одинаково может богатеть или беднеть, как бы продолжителен ни был для нее тот и другой вид баланса, даже исправленного на всю сумму денежного обращения между странами. Чтобы это стало очевидным, вообразим, подобно Тюнену (Das isolierte Staat, 1826), некоторую линию на земной поверхности от края в край материка и сочтем то, что проходит чрез эту линию в обе стороны, назвав их правою и левою. Пусть правая только высылает товары, от левой их не получая. Это не будет значить, что которая-нибудь из них богатеет, а другая беднеет. На правой могут быть дети, посылающие отцам, и отцы все посылаемое могут скушать, изводить в ничто, обесценивать, следовательно богатеть не станут. Правым тоже от этого отношения, взятого само по себе, богатеть нельзя. Ценность, если способна пропадать, то, значит, способна и создаваться. Налево от черты она пропадает, направо она со-

здается. Налево живут насчет правых. И у правых, если они способны создавать ценности, есть все условия для того, чтобы независимо благоденствовать. Но может быть и иное, если правые отправляют то, что не возобновимо по воле или истощимо, как плодородие почвы или леса, надобные для того, чтобы страна не превратилась в пустыню. И если левые получаемое не изводят, а применяют для получения еще более широких условий жизни, тогда все выгоды прочного благоденствия будут на стороне левых. А потому все дело развития народной жизни вовсе не в том или ином балансе, не в том, что люди получают извне, а в том, как они трудятся над тем, что есть у них самих, хотя бы это было получено справа или взято из природы того места, где находятся люди. Богатеет страна или беднеет исключительно от ее отношения к тому, что она получает от труда над получаемым из своей ли природы или от иных стран. Но если человечество разделилось на государства с очертившимися границами, то данное государство будет сравнительно с другими богатеть тем скорее и очевиднее, чем оно больше разовьет в себе условий для трудолюбия. Можно было бы согласиться уничтожить деньги и многие другие людьми созданные отношения, если бы кто-нибудь изобрел средство увеличивать труд, т. е. произведение полезностей, без всяких условий для выражения относительного значения и самого количества потребляемого.[1] Странам и государствам вовсе не важно, прибывает ли в них золото или нет, а очень важно, прибывает ли трудолюбие и добыча полез-

[1] Пишущим противу денег, оставаясь последовательными, следовало бы писать и противу всякой мены, всякого счета и расчета, противу *единиц* меры, веса, теплоты, силы и т. п. Зачем считать? Ведь можно прожить и без счета. Цена, деньги — суть своего рода единицы для выражения меновых отношений. На мой взгляд восстающие противу денег только перефразируют: «веревка — вервие пустое». Да и существо их вожделений, очевидно, относится не к самой идее денег, а только к их «распределению». Вопрос этот, правда очень сложен, трудно решим, но понемногу, мирно и разумно он идет к решению, и множество путей — помимо простого уничтожения денег — ведет к желаемой цели, уже намеченной человечеством. Отношения между капиталом, землею, посредниками и трудом уже составляют предмет общих дум. Их объективного изложения и обобщения, к сожалению, еще нигде не видно. Ретроградам хотелось бы похоронить все это, радикалам разрубить классически, как гордиев узел, но ни та, ни другая крайность истории и действительности не отвечают, а потому здесь ряд недоразумений нарастал бы, а не разъяснялся, если бы понемногу не шли вперед. Победа, во всем мире видимая, разумного протекционизма над принципиальным фритредерством принадлежит, по моему мнению, к фазисам, показывающим, что человечество начинает распутывать, а не рубить, сложные запутки, или гордиевы узлы, своего недавнего прошлого.

ностей из природы. Пусть направо от черты много золота, но все, от хлеба и жилья, до книги, труда и лекарства — дорого, а налево — золота очень мало, но все дешево, производимое прямо от природы трудом, народу ставшим привычкою; пусть направо и налево балансы будут какие угодно, — все же в условиях жизни и благоденствия ее разность будет зависеть совершенно от других условий, чем баланс. Словом, всякий вид (+ или —) неравенства торгового баланса не имеет никакого существенного значения для государства. Англия переплачивает за привозимые товары противу отпускаемых, но переплата эта идет своим же кораблям, доставляющим товары, и Англия получает на свои капиталы со всех стран много выгод, не входящих в торговые балансы. Россия, получая больше за вывозимое, чем платит за ввозимый товар, от этого не выигрывает, если отправляемое есть ей надобный хлеб, если денежный ее избыток уходит на уплату процентов, или если увеличившиеся деньги не распределяются за увеличенный производительный труд, а идут на увеличенное проедание или возвращаются с заезжими танцовщицами или певицами. Словом, не в торговом балансе дело, а в развитии труда. Баланс имеет свое важное значение для курса денег, для направления финансовой правительственной деятельности и для банкирских дел, которые по существу своему не относятся к предмету, нами обсуждаемому, а потому я остерегусь вдаваться в дальнейшее его рассмотрение, считая сказанное достаточным для разбираемого предмета.

3) Россия продает не избытки своего хлеба, а хлеб, ей надобный и могущий в ней найти свое применение и свое потребление. 220 млн пудов ржи и пшеницы, вывозимых Россиею, составляют в день менее $^1/_4$ фунта на каждого русского, а всякий знает, что прибавка хлебной пищи в гораздо большем количестве была бы нелишнею для громадной массы русского народа. Но не в этом одном дело. Для добычи хлебного экспорта распахивается все, что можно, хозяйство не улучшается, а только расширяется, а тут кроется важная опасность будущего времени, потому что народ прибывает, и ему надобно все более и более хлеба. Когда все распашется, — или надо будет выселяться, или необходимо остановить размножение, или прекратить вывоз хлеба. Притом и чернозем не имеет бесконечной силы для производства хлеба, и он от 40—50 хороших жатв истощается. Словом, без ущерба стране, впереди нельзя повторять того хлебного экспорта, который теперь делается. Надежда улучшить хозяйства, увеличить их интенсивность и урожайность не осуществима без заводов и фаб-

рик, доставляющих не только удобрения и всякие снаряды, надобные в улучшенном хозяйстве, но доставляющих и спрос тем корнеплодам, без которых улучшение земледельческого хозяйства опять-таки немыслимо. А так как вывоз хлеба идет взамен ввоза угля, железа, машин, тканей и тому подобных изделий, могущих доставляться самою Россиею, и так как переход от занятий, привычных русским людям, к делам иного рода не может быть скорым и непременно должен быть предвиден, то спрашивается: когда же будет время начинать то, что непременно необходимо начать? Откладывая в долгий ящик необходимое, всякий рискует, а тут дело касается всей страны. Вообразим, что с хлебным вывозом и с низкими пошлинами на привозные товары мы теперь будем обходиться, но хлебный вывоз непременно когда-нибудь должен сократиться, что же тогда-то будет? И не настало ли это время уже теперь и даже раньше сего? Словом: хлебный вывоз не прочен сам по себе, и опасно на основании его отказываться от возможности усложнения производительности страны развитием в ней переработки других ее ресурсов, ныне получаемых из чужих краев. Опасность увеличивается еще и множеством случайностей. Не говоря о войнах, достаточно сказать о неурожаях и о соперничестве теплых стран, производящих более дешевый хлеб. Сверх всего этого, России как стране континентальной, далекой от морей, нельзя ни дешево вывозить свой хлеб, ни дешево получать иностранные товары, а всего более отвечает такой порядок промышленности, когда рядом с заводами и фабриками будет и хлебопашество, кормящее производителей того, что надобно для страны, кроме хлеба. Не говоря ни о чем другом, прогоны останутся в экономии. А они очень велики. Допустим, что средний пробег хлебу, вывозимому к портам, и товарам, в них ввозимым, равен всего 1000 верст и что за это по воде и по железным дорогам платится с пуда всего 10 коп. Тогда на 600 млн пудов вывоза и на 200 млн пудов ввоза (среднее за 5 лет, 1884—1888 гг.) на одном прогоне пропадает непроизводительно около 80 млн руб. ежегодно, если обосновать дело так, чтобы хлеб вывозился за границу, а оттуда поступали другие товары. В одном этом уже есть свой важный расчет, сравнительно с тем порядком, когда свой хлеб пойдет на свои же фабрики и заводы. Вообще же односторонность всякого рода, даже и хлебная, опасна для страны. Ее развитие, как рост организма, требует уже усложнения потребностей и усложнения производительности, потому что опасно при усложнении потребностей не давать им, по крайней мере, главного удовлетворения внутри самой страны.

И здесь я считаю необходимым кончить развитие и защиту своего третьего положения, потому что и оно может отвлечь в сторону.

4) Но не значит ли все предшествующее, что рекомендуется по-китайски «довлеть» России собою? Не значит ли это — отказаться от участия во всемирной торговле? — Ничуть. Предшествующее значит только, что следует переменить фронт действия, приумножая сельские промыслы горными, заводскими и фабричными. В этих последних, зачатых сперва для удовлетворения своих внутренних, уже существующих потребностей, найдется множество таких, которые ответят не только этому спросу, но и быстро перерастут его. Тогда, во-первых, продукты эти подешевеют в России, а во-вторых, так или иначе, да вырвутся из России на мировой рынок. Это самое утверждал я про керосин, когда мы его выписывали от американцев, и вот не прошло 15 лет, как дешевизна керосина в России превзошла всякие ожидания, повела к акцизному государственному доходу и к громадному вывозу, как подробно будет показано в своем месте. Теперь, посетив Донецкий край и видев его богатства на месте, я говорю то же про каменный уголь, про железо, про соль, про соду, а изучив положение производства многих других товаров, говорю то же самое про марганцовистый чугун, про канифоль и уксусную кислоту, про хлопок, про множество продуктов животного царства и про многое другое, — для чего и назначается эта книга; ибо исстари была «земля наша велика и обильна». Приложится к этому обилию труд, и от обилия произойдет перепроизводство, а от него дешевизна и заграничный вывоз. Он, этот вывоз «не хлеба», растет за последние годы и абсолютно и относительно, как показано далее числами, и этот рост его идет без скачков, какие всегда имеет хлебный вывоз (от засух, червей и всякой невзгоды), идет ровно и верно. Купят, как покупают керосин, наш уголь, потому что он дешевле английского; купят наше железо, потому что покупают уже и наши железные руды; купят и соду, так как есть условия дешевейшего ее производства у нас, как нигде в мире; купят и все другое, что произведут и перепроизведут в избытке. А если многое разовьется, — рабочие на тех делах спросят много хлеба и много разных товаров. Свое внутреннее потребление возродится, возрастет и отпуск, потому что труд увеличится. Не должно упустить из вида, что засуха, губящая хлеба, полезна для подземной работы, ее удешевляет, что черви не кушают угля и железных руд, что жучок и овражки не пользуются содою, что при отсутствии заработков на хлебной жатве — в годы неуро-

жаев — перепроизводство и дешевизна горных, заводских и фабричных продуктов усилятся; словом, дополненное этими промышленностями целое хозяйство России уравняется, бедствия уменьшатся, и богатство, с трудолюбием связанное, возрастет. Пойти все это может лишь исподволь, понемногу, ломки тут никакой не надо, — надо только немного и в должной постепенности тарифом и всякими иными способами вызывать и помогать должному. Лет в 20 настойчивых усилий Россия может достичь того, что не отправит ни зерна сырого хлеба — оставит этот заработок неграм Африки; вывозить хлебный товар будет разве в виде муки лучших сортов, крахмала, макарон и тому подобных товаров, имеющих много бóльшую ценность, чем зерно, а главную отправку будет получать от своих заводов и фабрик. Вывоз будет не меньше, а пожалуй и больше современного, да и ввоз также, потому что разживутся люди, спросят всякой новинки и себе, и жене, и детям. Будущее столетие, с помощью нового тарифа и мер, ему долженствующих отвечать, увидит Россию в новом виде — страной нормальной комбинации сельского труда с заводско-фабричным.

Мне не дожить до этого, но слова эти рано или поздно оправдаться должны.

Итак (возвращаюсь к исходу этой побочной вставки, стр. 250), господствующее у нас мнение, Тенгоборским ясно выраженное, о пользе низких тарифов для того, чтобы иметь сбыт русскому хлебу, не только неосновательно, т. е. построено на посылке (стр. 211), справедливой лишь для торговли, едва начинающейся в отдаленной стране, за какую нельзя считать нашу страну, но и прямо вредно для России, потому что не позволяет ей заменить свой мало выгодный (как будет подробнее показано в гл. 3) хлебный отпуск более выгодным отпуском других товаров, которые равномерно, без скачков и «страды», могут идти из России за границу. Распространение вышеупомянутого ложного и пагубного мнения столь велико, что я считал своим долгом остановиться на нем, излагая историю русского тарифа. Но не в этих общих соображениях и крупных цифрах я надеюсь найти главные опорные пункты для внушения иных исходных мыслей, а в рассмотрении отдельных частностей, к чему и приступаю, начиная с хлебных товаров, поставленных во главу русского тарифа. Разбирая хлебную, угольную, железную и другие потребности русского и других народов, я буду часто показывать — что, на место хлеба, может и будет отпускать от себя Россия, вступив в семью европейских народов, извлекающих полезности из

всего доступного, при помощи усиленного труда. Не деньги, всем векам известные, а созидающий и природу покоряющий усиленный и всеобщий труд составляет истинный девиз современного просвещенного мира. Из рабского дела он стал вольным, из злой необходимости стал чистым, любимым и все побеждающим делом просвещенных людей. [...]. Меркантилисты кланялись из людских дел золотому тельцу, а ныне, если пред чем людским преклоняется весь современный мир, свободно и сознательно покоряющийся божьим или естественным законам, то разве одному созидающему и все покоряющему труду. Время златого тельца прошло, оно и не воротится, потому что вся сила, бесспорно, не в нем, а в труде; золото же должно спуститься на роль средства и притом такого, которое всюду с успехом прячется в кладовые, заменяясь кредитом или доверием, а оно стремится лишь туда, где труд господствует, где он стал делом чистым и желанным, а не достоянием рабов или злою обязанностью бедняков. Полное торжество труда над золотом еще не наступило, но уже близко, и видимо из того, что сила и богатство устремляются туда, где трудолюбие стало добродетелью, где ему отдаются лучшие люди и где перестали доверять одному бряцанию мечей, золота и слов.

Протекционизм и фритредерство, земледельцы и заводчики сходятся в том, что пришло время дать честь и место труду, понимаемому не как простое дело «рабочих», а как всеобъемлющее дело производства полезностей, начиная от семейных и хозяйских до государственных и общечеловеческих. При этом труд все более и яснее специализируется, потому что таким путем он становится наиболее производительным. Тут Адам Смит разобрал дело в корнях. А при специализации труда посредники неизбежны. Думающие обойти их ошибаются или бьют в пустоту, как те, которые ворчат на деньги. Задача сводится на определение того, кому же быть посредниками, или при какой организации посредничества достигается наилучшее «распределение». Растущее, очевидно, должно усложняться. Но сложное решаемо и разрешится. Люди, научившиеся дифференцировать или видеть дело в его бесконечно малых составных долях, начинают постигать и сложение их в конкретные, конечные величины, т. е. научаются интегрировать, сперва над случаями простыми и легкими, а потом, понемногу, и для случаев сложных, на первый взгляд кажущихся просто неразрешимыми. Анализ есть неизбежный предшественник синтеза. Эпоха одного чистого анализа постепенно переходит в эпоху, усложненную синтезом; из облаков, бесконечно малыми вели-

чинами образованных, происходит и слагается реальный, плодотворный и конечный дождь, необходимый жаждущей почве, испарения которой и дали облака. Как при интегрировании прибавляется постоянное, так при синтезе жизни, вытекающей из ее анализа, приложится история как неизменное постоянное, и чрез это все предстоящее незаметно сольется в гармоническую эволюцию с прошлым и современным. Не предвзятый оптимизм, а сознательное отношение к жизни заставляет верить и говорить столь оптимистически.

Май 1891 г.

Глава 3

ХЛЕБНЫЕ ТОВАРЫ И ОВОЩИ

(Статьи 1—5)

Русский таможенный тариф начинается с зернового хлеба, около которого соединяются русские: жизнь, народная пища и международная торговля. У нас ныне хлеб впускается и выпускается беспошлинно. До нового тарифа 1891 г. горох и бобы платили при ввозе пошлину (как овощи, по 12 коп. зол. с пуда), а ныне они станут ввозиться беспошлинно. А между тем ввоз всякого хлеба в Россию существует и даже иногда не малозначителен. Приведем некоторые данные. Весь ввоз пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы и т. п. по всем границам:

1885	1886	1887	1888	1889 года
3457	2858	1811	1247	1151 тыс. пудов

Кроме того, гороха и бобов в те же годы ввезено:

39	56	26	11	10 тыс. пудов

Числа эти означают ввоз по всем границам, а так как отношения наши к азиатским народам не входят в тариф, назначенный только для товаров, обращающихся в европейской торговле, и не составляют ближайшего предмета, обсуждаемого в этом сочинении, то мы приводим, для означенных лет, сведения о ввозе по европейской *торговле*. Это значит, что здесь включен не только ввоз по европейским нашим границам (исключая финляндской), но и по закавказской черноморской границе (Поти, Батум), потому что по ней ввозится «европейский» товар или такой, который подходит под определение общего таможенного тарифа *«по европейской торговле»*. А именно в вышеуказанные годы ввоз:

Хлеба в зерне	3389	2745	1656	1091	956 тыс. пудов
Гороха и бобов	35	51	20	3	3 » »
Всего:	3424	2796	1676	1094	959 тыс. пудов

По «европейской границе», т. е. по европейской торговле без включения[1] закавказских портов (Поти, Батум), ввоз почти тот же, потому что порты эти сами служат для отпуска хлеба.[2]

Среднее за 5 лет, или в круглой цифре $1^1/_2$ млн пудов в год, совершенно было бы достаточным для тех соображений, которые нам далее необходимы, но во многих случаях весьма важно знать, возрастает ли ввоз или остается постоянным, или же падает, потому что этим определяется очень много других сторон предмета, как увидим далее неоднократно. Ввоз хлебов упадает, и причина этого далее будет видна (транзит из Румынии уменьшается), и здесь это обстоятельство не имеет особого значения, но в других случаях это есть единственный ценный — для верного суждения — указатель.

Какие же причины заставляют не облагать ввозимое в Россию хлебное зерно? На подобный вопрос можно отвечать одними общими местами или соображениями; но, не избегая их, я буду стараться везде, где это возможно, отвечать

---

[1] В общих русских таможенных отчетах должно отличать числа ввоза «по европейской *границе*». В них нет ввоза в порты Поти и Батума и нет ввоза по финляндской границе. Чтобы правильно разбираться в статистических данных таможен, должно еще отличать товары, ввезенные и досмотренные (регистрированные) в данном году, от выпущенных в том же году. Иногда первые более или менее вторых, потому что привезут в таможню иногда в данном году, а вывезут в следующем. Очень часто, при первом приступе к делу изучения таможенных отчетов, встречаются недоразумения, основанные на упущении указанных здесь отличий. Особенно важно отличать ввоз по всем границам от ввоза по европейским, потому что числа в некоторых случаях весьма различны. В большинстве случаев при обсуждении тарифа «по европейской торговле» надобны числа, прямо до нее относящиеся, но они не сведены в таможенных отчетах в особые таблицы, а итоги даются по границам (европейской, азиатской и финляндской), а потому я означаю каждый раз особо, до каких границ относятся приводимые мною числа. Для суждения о внутреннем потреблении и производстве, конечно, часто бывают необходимы числа, относящиеся до ввоза и вывоза по всем границам, но во множестве случаев совершенно достаточно чисел, относящихся к европейской границе. Что касается до цен или стоимости отпускаемых и вывозимых товаров, то они хотя и записываются таможнями со слов или письменных заявлений экспедиторов, но, кроме того, проверяются по биржевым ценам, и я во множестве случаев убедился, что средние цены, получаемые из таможенных отчетов, настолько близки к действительным, что им можно доверяться в общих соображениях, касающихся торговли. Во всяком случае вес дается нетто или брутто, смотря по тому, как значится в статьях тарифа, а если ничего не сказано в них, то вес означает нетто. Цены же даются в кредитных рублях без пошлин как для ввоза, так и для вывоза.

[2] Для европейской границы известны уже данные о ввозе в 1890 г. Они для хлеба в зерне и картофеля равны 1018 тыс. пудов, для гороха и бобов 11 тыс. пудов.

прежде всего числами. Они говорят уму не менее, чем общие соображения, и в то же время дают рассуждениям опору, знанию — пищу, даже воле — направление; числа могут и сократить изложение. Конечно, можно «играть» и числами, как мыслями и «соображениями», но с числами это всегда труднее и ошибочное обращение с ними легче заметить. Новая наука пошла вернее классической именно потому, что вместо общих «соображений» всюду прибегла к собиранию и разбору чисел, и числа оказались говорящими, разъясняющими. Не беда, что в них кое-что [сопровождается] неизбежной погрешностью. Ее можно и должно принять во внимание, если дело коснется большой точности, если станет необходимым изучать погрешности. Но в тарифно-промышленных вопросах такое требование еще впереди; довольно и той степени общих «круглых» цифр, какие доставляются таможнями и регистрируются в таможенных отчетах. Так, например, все равно, какой год из взятых нами для примера ни выбрать, все окажется, что наибольший ввоз зернового хлеба идет к нам из Румынии, пропускается чрез пограничную железнодорожную румынскую таможню. А именно из Румынии ввезено хлеба:

1885	1886	1887	1888	1889 года
2682	2057	1425	865	889 тыс. пудов

Это составляет противу всего ввоза

79%	75%	86%	79%	93%

А так как на румынской границе начинается Бессарабия, производящая избыток пшеницы и кукурузы, отправляемый в другие губернии и государства, то значит, что дело идет не о потребности соседних с Румыниею частей России. Ввозимый из Румынии хлеб просто проходит чрез Россию (транзитом) для заграничного сбыта чрез Одессу. Железнодорожные отчеты это доказывают. Не заявляют товар транзитным только по той причине, что и без того пошлины на хлеб нет, а с транзитной записью немало лишних хлопот. Остальной хлеб ввозится большею частью из Австрии, и тоже по большинству транзитный. Так, например, в 1888 г. одной пшеницы чрез австрийскую сухопутную границу прошло 153 тыс. пудов. Следовательно, в сущности, хлеб в Россию не ввозится или ввозится случайно, по мелочам, для надобностей пограничных жителей или по мелочным местным расчетам. Последнее свойство имеет и ввоз гороха и бобов. Следовательно, ввозимый хлеб не дает никакой причины к опасению международного соперничества, не может влиять на сбыт русского хлеба внутри России, что

можно доказать и ценами, но не делаю этого, потому что дело и без того ясно. Поэтому нет никакого основания облагать ввозимый хлеб пошлиною. Пошлина не дала бы ничего народному хозяйству, а только бы отняла заработок от южнорусских дорог и лишила бы пограничных жителей возможности, в случае недорода, воспользоваться иностранным хлебом, если его доставка и цены будут представлять выгоды. Даже дохода государственной казне — и того нельзя ждать от наложения хотя бы небольшой пошлины на ввозимый хлеб. Горох и бобы, до сих пор впускавшиеся как овощи с оплатою 12 коп. зол. с пуда, и те давали ничтожный сбор, например в 1888 г. 302 руб. зол., потому что главный ввоз, в большинстве случаев, происходит по персидской границе, а чрез европейскую границу горох и бобы ввозятся ныне по мелочам. А так как они составляют питательное средство такого же значения, как зерновые хлеба и картофель, то и нет оснований оставлять на них таможенную пошлину.

Но, кроме этих отдельных частностей, есть основания более крупные для того, чтобы в России не налагать на хлеб таможенных пошлин. Две причины здесь наиболее важны, а именно: для России как страны земледельческой полезно показывать пример того, что ей было бы ныне небезвыгодно видеть и в других странах, а во-вторых, и без всяких таможенных пошлин Россия производит больше хлеба, чем сама по-

	Пошлины с четверти							
	ввозные					вывозные		
	1841 г.			1857 г.		1841 г.	1857 г.	
	морем		сухопутно	морем	сухопутно	—	морем	сухопутно
	руб.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.
Рожь, ячмень, кукуруза . . .	2	—	20	60	20	3	3	0
Пшеница, полба .	3	—	30	90	30	6	7	0
Овес	1	50	15	45	15	3	3	0
Греча	1	50	15	45	15	2	0	0
Просо	2	50	25	75	25	3	0	0
Картофель . . .	—	60	0	20	0	3	0	0
Горох, чечевица и бобы	3	—	30	90	30	3	0	0

требляет, а потому свои избытки перепроизводства сбывает другим странам, т. е. ограждающего и оживляющего значения таможенная пошлина на хлеб иметь у нас не может, а фискальное значение могли бы иметь только пошлины на вывоз, а не на ввоз.

Прежде чем развивать эти соображения, считаю, однако, необходимым сказать, что хотя ныне и ввоз и вывоз хлеба в России беспошлинный, а исторически еще недавно и ввоз и вывоз были обложены. По тарифам 1841 и 1857 гг. *на ввоз и вывоз с четверти* хлеба были назначены следующие оклады [стр. 269].

В старину более отдаленную также существовали в России пошлины на ввоз и вывоз хлеба. И когда были вывозные пошлины, все же хлеб вывозили, конечно, не столько, как ныне, но не потому, что существовала отпускная пошлина, а потому что подвоз был труднее и дороже, русское производство было меньше — особенно в южных и восточных краях России, и спрос на хлеб был меньшим, чем ныне. Из книги Тенгоборского берем следующие данные о средних *годовых* вывозах хлеба из России в различные эпохи, когда существовала вывозная пошлина на этот предмет:

Года	Тысяч четвертей* в год	Средняя цена за четверть в кредитных рублях и копейках			
		всех вывезенных хлебов		пшеницы в России	
		руб.	коп.	руб.	коп.
1771—1773	870				
1793—1795	400				
1800—1805	2218				
1806—1810	596				
1811—1815	549				
1816—1819	3464				
1824—1828	1633	4	10	4	34
1829—1833	3003			5	30
1834—1838	1743[1]	4	40	5	40
1839—1843	2825			6	70
1844—1848	5425	5	20	6	50
1849—1853	5978[2]				

* Четверть — старинная русская мера емкости (для сыпучих тел), равная для хлебного зерна, примерно, 8.67 пуда, или 1.44 центнера. [*Прим. ред.*].

[1] В 1834 и 1835 гг. в России был неурожай; ввезено даже хлеба около 1 млн четвертей.

[2] 1847 и 1853 гг. были особо урожайны в России и неурожайны в Англии и Франции.

В вывозе по количеству преобладает, как и доныне, пшеница, составлявшая тогда 64%, а по ценности 69% общего хлебного вывоза. Рожь составляет около 20%, овес по массе около 8%, а по цене около 4%. Цены повышались тогда, в русском хлебе нуждались, и пошлину собирать с вывоза было возможно, тем более, что она была столь мала, что не могла влиять на спрос.[1] В те времена, при отсутствии железных дорог, окраины, особенно прилежащие к морям, имели, быть может, выгоду брать вместо русского иностранный хлеб, а потому, хотя ввоза почти и не было, было не лишним иметь ввозные пошлины, предоставлявшие русским производителям и возчикам преимущество перед иностранцами в сбыте хлеба во все концы России. Теперь этого уже нет. И весьма полезно указать здесь на то, что цена хлеба в России, хоть и была на нем ввозная и вывозная пошлины, определялась вовсе не величиною пошлин, а относительным урожаем России и потребляющих стран. Этого даже и доказывать не надобно, хотя еще существует предрассудок о том, что ввозные таможенные пошлины возвышают цены товаров, а вывозные их понижают на всю свою величину.

Еще одно обстоятельство, относящееся к нашей прежней внешней хлебной торговле, следует показать прежде, чем идти далее. Было время, когда хлебный вывоз составлял только малую долю нашего отпуска. Пропорция растет только понемногу. Вот числа в миллионах рублей:

Года	Средний годовой вывоз по всем границам		
	всех товаров	зерновых хлебов и муки	
	млн руб. кред.	млн руб. кред.	%
1821—1826	54	5	8
1827—1832	53	12	19
1833—1838	68	7	10
1839—1844	85	15	17
1845—1850	101	29	28
1851—1853	115	35	30

Мало-помалу хлебный вывоз начинает возрастать. Ныне он если не господствует, то составляет около половины; для

[1] Хотя и трудно (вследствие соперничества теплых стран) ждать, чтобы скоро явились условия для возможности обложения вывозного хлеба пошлиною, но тем не менее они могут быть, при известном стечении обстоятельств, но при том непременном условии, чтобы пошлины эти падали целиком на иностранных потребителей.

чего берем[1] шесть последних лет протекшего десятилетия:

Года	Весь вывоз по границам в миллионах рублей			Вывоз хлеба и муки по всем границам					Вывоз других товаров, кроме хлеба, в миллионах рублей
				миллионов пудов		по средней цене пуда, в копейках	всех хлебов		
	по всем	по европейским	по прочим	пшеницы	всех хлебов		млн руб.	%	
1884	590	551	39	114	331	97	321	54	269
1885	539	498	41	155	344	85	292	54	247
1886	488	437	51	92	279	83	233	48	255
1887	623	569	54	135	393	82	322	52	301
1888	794	728	66	215	548	81	442	56	352
1889	766	687	79	191	476	79	376	49	390

[1] Чтобы видеть, когда хлебный вывоз стал составлять уже величину, близкую к 50% (по цене в отношении ко всему вывозу), как ныне, приводим средние данные для некоторых промежуточных лет:

Года	Весь вывоз по границам в год	Вывоз хлебов		Средняя цена пуда
	млн руб.	млн руб.	%	
1862—1863	167	50	30	81
1872—1876	381	180	47	90
1877—1881	555	295	53	102

Отсюда уже очевидно, по совпадению лет, что главную причину увеличения как абсолютного, так и относительного количества хлебного вывоза составляют два коренных преобразования прошлого царствования: освобождение крестьян и проведение железных дорог. Освобожденные крестьяне стали снимать помещичьи запущенные или распаханные земли и своим вольным трудом увеличивать добычу хлеба и поверхность земли под хлебными посевами, а железные дороги стали поспевать подвозкою хлеба издалека. Что же касается до цены пуда хлеба, то она, судя по данным наших таможенных отчетов, начала падать именно с конца 70-х годов, как это видно и по данным Лондонской, Гамбургской и других бирж. Например, для Гамбургской биржи (Hamburg's Handel- und Schiffahrt, 1888) средняя цена в марках за 100 кг:

	1851—1855	1856—1860	1861—1865	1866—1870	1871—1875	1876—1880	1881—1885 года
Пшеница	23	23	20	23	24	22	19
Рожь	18	16	15	18	18	16	15

Причина падения цен давно уже известна: это урожаи конца 70-х годов в Западной Европе и в то же время усиленный подвоз в нее хлеба не только из России, но и из С.-А. С. Штатов, Индии, Австралии

В этой небольшой табличке есть для тех, кто хочет читать числа и знать действительность, много поучительнейшего. Самое важное относится к хлебу и состоит, во-первых, в том, что вывоз этот очень непостоянен, год из года меняется — от относительных урожаев, что, впрочем, давно известно и само собою понятно. Но второе важнее и не всем ясно: год от года средняя цена вывозимого от нас хлеба понемногу, но постепенно падала. Это не зависит от возрастания пропорции вывоза дешевых хлебов. В три первые года, как и в три последние, вывозилось 38% по весу пшеницы. Давно уже спрос на черные и дешевые наши хлеба в Западной Европе появился и стал преобладать над спросом пшеницы и пшеничной муки, хотя когда-то было другое.[1] Нет, дело проще, яснее и поучительнее: цену хлебу роняют многие причины, особенно же конкуренция. Настроим мы элеваторов, подвезем хлеб к портам как можно подешевле, а не получим ли меньше, если не примем других мер? А какие меры нужны, — это ясно даже из чисел приведенной таблицы. Взгляните на вывоз других товаров и на торговлю с другими, неевропейскими народами: их цифры возрастают год от года, особенно же с тех пор, как принимаются явные протекционные меры для развития внутренней промышленности. В 1884—1886 гг. средний вывоз иных товаров, кроме хлеба, был на 250 млн руб., а в период 1887—1889 гг. уже на 350 млн руб. В первый из этих периодов чрез другие границы, кроме западноевропейской, вывозилось на 43 млн руб. в год, а во второй уже на 66 млн руб., и главный предмет прироста в вывозе дали нефть и руды, т. е. те предметы, спрос и цена которых мало зависят от дождей и относительных урожаев, а если и зависят, то только чрез посредство хлебных цен. Сделанное в этом отношении однажды таким и останется, а при начале будет расти. С хлебом так быть не может. Англия когда-то не только себя

и других стран. Словом, предложение превзошло спрос, произошло перепроизводство. Не надо быть пророком, чтобы догадаться, что Россия и С.-А. С. Штаты, ведущие покровительственную таможенную политику, уменьшат предложение и тем поднимут хлебные цены. Повидимому, американцы уже поняли необходимость такого приема. Естественным путем, хотя медленно, достигнется тот же результат.

[1] С годами Западная Европа все более и более начинает ценить нашу рожь, а потому ее абсолютная цена менее падает, чем пшеницы, и ее относительная ценность возрастает. Не вдаваясь в подробности, здесь очень сложные, напомню только, что уже давно (Технология по Вагнеру, т. I, Производство муки и проч., 1862, под моей редакцией) доказаны (стр. 41) высокие питательные достоинства ржаного зерна, в чем, несмотря на пример России, прежде сомневались.

кормила, но вывозила хлеб, когда беднее была, а теперь все уменьшает разведение зернового хлеба,[1] предоставляя другим народам заниматься этим невыгодным и рискованным промыслом, а сама покупает хлеб и занимается другими, ныне более выгодными промыслами. На каждого жителя, при некотором разнообразии пищи, в день идет около $1^1/_4$ фунта хлеба, т. е. в год около 10 пудов,[2] а они стоят от 5 до 12 руб., что составляет менее $^1/_{10}$ доли расходов на остальные необходимейшие людские потребности.[3] Англичане тем правильнее рассчитывают прожить на счет других людских потребностей, удовлетворяемых всякими иными видами промышленности, что есть народы, которых Тенгоборские уверили, что они назначены быть исключительно земледелами, хлебными поставщиками.

[1] Беру числа из прекрасного английского источника: «The Statesman's Year-book for 1890» (27 annual publication), by J. S. Keltie.

Миллионы акров	1874 г.	1886 г.	1889 г.
Вся культивированная поверхность Великобритании и Ирландии	47	48	48
Под пшеницею	$3^3/_4$	$2^1/_3$	$2^1/_6$
» ячменем и овсом	$6^1/_2$	$6^1/_3$	$6^1/_4$
» картофелем	$1^1/_2$	$1^1/_2$	$1^1/_8$
» турнепсом	$2^1/_2$	$2^1/_4$	$2^1/_5$

Остальная пахотная земля почти вся превращена в луга и выгоны, и только малая доля занята под посев хмеля и т. п. Следовательно, под настоящими посевами не более четверти всей обработанной земли, а под хлебами только около $^1/_5$. И это не какая-нибудь плодосменная система, а просто запущена масса земли под разведение скота: он еще окупается, а хлеб, при всей интенсивности культуры, находят невыгодным разводить в значительном количестве. Доходы получают только почти исключительно от скота. Даже в период от 1874 до 1886 г. хлебные посевы явно уменьшены. Когда едешь из Лондона в Единбург — все видишь только выгоны, а между Дувром и Лондоном — только хмельники.

[2] Ржи и пшеницы на одного человека в год идет средним числом в России $10^1/_2$ пудов, в Германии $10^1/_4$, во Франции $15^1/_2$, в Англии $8^1/_4$, в Голландии и Бельгии 10 пудов, как нашел В. И. Ковалевский. Здесь вся потребность, т. е. не только прямо на пищу, но и на технические производства, например винокурение, крахмальное дело и т. п. Не надо забывать, что для пищи идет сверх того кукуруза, ячмень, греча и др.

[3] Мельгаль (History of Prices since the Year 1850, by M. C. Mulhall, 1885, p. 86) считает, что в совокупности (большей части) государств Европы и в С.-А. С. Штатах ежегодно для пищи расходуется всего 3144 млн ф. с., а из них 564 млн ф. с. или около 18% расходуется на покупку хлеба. Все содержание (одежда, пища, жилище) слишком в два раза превосходит расход на пищу, а потому средним числом на хлеб идет менее $^1/_{10}$ необходимых расходов, производимых жителями европейских стран. Податей всюду падает более, чем надобно на хлеб.

Но выводы из этого пока отложим, а теперь обратимся к таможенным окладам на хлеб в иностранных государствах.

Ввозные пошлины на хлеб были когда-то в Англии в большом почете, но оставлены этою разумною страною. Зато теперь парламенты и министры всех других стран Западной Европы то и дело только толкуют о повышениях или понижениях хлебных пошлин. Чтобы судить об их размерах, выписываю[1] пошлины на пуд ржи и пшеницы в разных государствах Европы, существовавшие в сентябре 1889 г. Они переведены на русские пуды и золотые копейки, доли которых я отбрасываю, если они менее $^1/_2$ коп. Пошлины эти прямо относятся к хлебной торговле с Россиею.[2]

	Пшеница	Рожь		Пшеница	Рожь
	коп. зол.			коп. зол.	
Франция . . .	20	12	Португалия . .	44	34
Германия . . .	25	25[3]	Швеция . . .	14	14
Австрия . . .	15	15	Норвегия . . .	1	1
Италия	20	5	Швейцария . .	1	1
Испания . . .	18	13	Греция	9	6

[1] Из выше цитированной (стр. 219) книги В. И. Ковалевского и других деятелей, составлявших материалы для железнодорожного тарифа на хлебные грузы. Та же таблица и все изменения ее даны в «Вестнике финансов». Когда глава о хлебе была уже мною написана, я получил от многоуважаемого А. С. Ермолова 1-й выпуск книги «Современные сельскохозяйственные вопросы» (1891), в которой разбираются многие из рассматриваемых мною вопросов. Они, очевидно, назревают, и встреча мнений очень полезна.

[2] Есть еще пошлины для торговли с другими, особо привилегированными (по договорам) странами.

[3] Из «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» (1890) приводим величину германских таможенных пошлин на 100 кг некоторых товаров [в марках]:

	15 июня 1879 г. марки	24 мая 1885 г. марки	1888 г. марки
Пшеница и рожь	1	3	5
Рис всякий	4	4	4
Овес	1	$1^1/_2$	4
Ячмень	$^1/_2$	$1^1/_2$	$2^1/_4$
Греча, кукуруза	$^1/_2$	1	2
Спирт хлебный	48	80	180
Коньяк, ром	48	80	125

Пользуюсь тем же источником, чтобы привести сведение о привозе в Германию важнейших видов хлеба за 10 последних лет, выражая их тысячами тонн:

Цель понятна: защитить своих земледельцев от конкуренции наших, североамериканских и тому подобных земледелов,

	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Пшеница	228	362	687	642	754	572	273	547	340	517
Рожь	690	575	658	777	962	770	565	639	653	1060
Овес	162	263	275	260	366	218	81	168	181	258
Ячмень	222	248	373	322	440	438	354	512	445	651
Кукуруза	341	430	97	177	192	196	169	159	94	315
Муки и крупы	68	78	57	65	60	28	20	24	13	16

Всего хлебных зерен ввезено в Германию 1852 тыс. т в 1888 г. и 2958 тыс. т в 1889 г., на 197 и 358 млн марок, а за вычетом вывоза (252 и 148 тыс. т) — на 179 и 346 млн марок. Для того, чтобы видеть, какую роль среди других внешних торговых оборотов Германии играют приобретаемые ею хлебные материалы, приводим для 1889 г. обзор ввоза и вывоза по тем отделам, которые даются официальными таможенными отчетами Германии. Все числа даны в миллионах марок.

		Ввоз	Вывоз
1	Живые животные	183	32
2	Семена для посева	37	21
3	Отбросы и удобрения (гуано, жмыхи и т. п.)	95	20
4	Горючие материалы	95	117
5	Питательные вещества: а) сырые	841	86
	б) они же фабрикованные	205	283
6	Жиры, масла: а) сырые	101	8
	б) они же фабрикованные	136	18
7	Химические продукты: а) сырые	161	32
	б) фабрикаты	107	226
8	Камни, глины, стекла: а) в сыром виде	42	31
9	б) в готовом виде	18	72
	а) Металлические руды	73	14
	б) металлы не в деле	83	58
	в) » в простых изделиях	9	87
	г) » в фабрикатах	22	181
10	Дерево и сходные: а) в сыром виде	99	34
	б) полуобработанное	88	12
	в) в изделиях	30	70
11	а) Бумажная масса	9	20
	б) бумажные изделия	5	69
12	а) Кожи, меха	89	33
	б) изделия	94	204
13	а) Волокнистые вещества	757	171
	б) ткани, платья из них	453	914
14	а) Каучук	28	5
	б) изделия из него	6	22
15	Железнодорожные принадлежности, экипажи, мебель	1	7
16	Машины, инструменты	66	150
17	Галантерейные вещи, игрушки	28	85
18	Произведения литературы и искусств	25	79
	Всего: A) Сырые	2792	783
	B) Полуфабрикаты	3990	3165
	C) Фабрикаты	1197	2382

То, что тратится на сырье, достается на фабрикатах. Своего сырья в Германии мало. Франция и Англия, кроме фабрикатов, дают много и сырья, составляющего главный отпуск России. Ей выгоднее всего давать полуфабрикаты, а фабрикатов не брать. Это и должно составлять цель русского протекционизма.

доставляющих дешевый хлеб на рынки Западной Европы.[1] У нас такой цели нет, и России назначить ввозную пошлину на хлеб невыгодно, потому что другие страны тогда прямо нам же будут говорить, что хлебные пошлины, от которых мы одни из первых и теряем, есть дело общее всем народам.

Близорукие из русских сельских хозяев даже думают, что всякие наши пошлины на мануфактурные и тому подобные товары в этом переговоре стран служат опорою для введения хлебных пошлин другими странами. Вместо того, чтобы опровергать такое неосновательное предположение, считаю более удобным и полезным доказать два положения: 1) что хлебные пошлины западноевропейских стран не мешают нисколько нашей хлебной внешней торговле и 2) что хлебная наша торговля представляет нам, при всей временной выгоде, немало вреда и должна сама собою постепенно уменьшаться, особенно же быстро по мере того как Россия станет наживаться, развивая другие отрасли промышленности. Знаю, что для развития этих положений нужны целые томы, а я могу посвятить им лишь несколько страниц, но все же не отказываюсь от попытки убедить в справедливости приведенных положений, зная, что дальнейшие выводы придут затем уже сами собою. Применяемый мною путь убеждения — обходный, но мне кажется, что он один и может показать дело хлебной торговли с той оборотной стороны, которую обыкновенно совершенно упускают из вида. Притом для прямой цели моей книги в этом обходном пути мы встречаемся лицом к лицу с иными, не хлебными, видами промышленности.

Здесь следует прежде всего показать, что сельский труд производства зернового хлеба, при современных его ценах, *гораздо* менее выгоден, чем труд, приложенный к большинству других отраслей современных деятельностей жителей

[1] Не раз говорилось и печаталось, что наши пошлины на иностранные фабрично-заводские продукты «вызвали репрессалии» иностранцев, состоящие в наложении хлебных пошлин, введенных с конца 70-х годов. Но это было бы так лишь тогда, когда бы всю ввозную иностранную пошлину приняла на себя Россия и если бы жители страны, в которую ввозится наш хлеб, не принимали участия в уплате наложенной пошлины. Но этого не было, а если бы и было, то главной цели — поддержки своего сельского хозяйства — иностранцы не достигали бы в желаемой мере. Данные для решения этого вопроса приведены на следующих страницах (стр. 278). Притом хлебные пошлины введены с 1879 г., а наши пошлины должным образом возвышены только в средине 80-х годов, отчего и уменьшился ввоз (стр. 220).

Европы, даже и тогда, когда цена хлеба поднимается на всю величину ныне наложенных хлебных пошлин. Сперва покажем это общими круглыми числами, а потом разбором некоторых подробностей. Притом берем цены из случайных источников недавнего времени, имеющихся под руками. Заметим прежде всего, что цены хлеба растут в последние года, начиная с того 1889 г., которым кончена предшествующая таблица.

Из «Вестника финансов» (№ 22, от 2 июня 1891 г.), для этой цели только что раскрытого мною (стр. 551), узнаем, например, что в Одессе цена *пуда* 20 мая была следующая [в копейках]:

Год	Пшеница[1]		Рожь		Ячмень	
	от	до	от	до	от	до
1889	75	99	48	58	38	48
1890	88	100	55	61	55	59
1891	97	115	90	95	70	75

[1] Когда говорится о цене какого-либо хлеба в данное время и в данном месте, то всегда подразумевается цена, существующая при продаже больших масс. Но это не исчерпывает всех необходимых сведений. В вагоне ли, насыпью ли или в мешках, на судне или в складах, очищенный ли хлеб и насколько, какой сорт, какой породы и т. п., — все это влияет на цену.

Я здесь и в других местах привожу источник, откуда беру цену, и не могу вдаваться в иные подробности, которые к существу нашего дела вовсе и не относятся.

Из официальной «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» (1890) привожу поучительную таблицу изменения цен с 1870 до 1889 г., а именно: 1) цену тонны (61 пуд) пшеницы (пурка 713 *g*) в Берлине, следовательно со всею пошлиною (выноска стр. 275); 2) транзитная (русская) рожь в Данциге, без пошлин (разность от «1» под конец именно равна пошлине); 3) пшеницы в Мюнхене, местной, из средних хороших сортов; 4) пшеничной муки (крупчатки) в Бреславле; 5) она же в Мюнхене. Все цены в марках за тонну:

	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
1)	198	218	220	204	186	162	160	151	164	172	188
2)	196	210	211	196	181	157	143	138	142	135	138
3)	214	234	239	208	182	177	181	189	190	134	187
4)	280	310	312	312	311	293	234	227	242	255	261
5)	332	363	360	355	319	305	286	282	289	293	307

В Лондоне и Берлине без пошлины 30 мая на русские хлеба, по переводе в кред. коп. за пуд, стояли следующие цены (стр. 553):

Год	Пшеница		Рожь		Ячмень	
	Лондон	Берлин	Лондон	Берлин	Лондон	Берлин
1890	106½	104	—	72	73	93½
1891	123	123	—	104	109	102

Подъем хлебных цен очевиден. Его необходимость нам и должно доказать. Уплата пошлин не русскими отправителями хлеба, а германскими его потребителями также очевидна из приведенных чисел, потому что берлинские цены согласны с лондонскими и нашими, прилагая провоз. Это также надобно было нам доказать, потому что это показывает явно, что не мы, а немцы же платят хлебный свой налог. Это их домашнее дело, нам от него ни легче, ни тяжелее. Цены падали не от пошлин, а от избытка предложения, а мы одни из предлагающих. Вот это относится до нас. Но хотя случайные цифры нам уже помогают, заменяя рассуждение и позволяя его сократить, тем не менее поведем его как предполагали — без крупных пропусков.

Допустим, хоть это, наверное, ниже действительности (т. е. невыгодно для нашего сравнения), что провоз (от места умолота до Одессы) и другие расходы падают в виде 7½ коп. на пуд ржи, т. е. цена ее на месте производства равна 85 коп., и определим, скольким рабочим дням отвечает этот пуд ржи или эта цена (85 коп.) в обычной полосе разведения этого хлеба. Зная как землевладелец по личному опыту и по внимательному разбору хозяйственных условий соседних крестьян в одном из урожайнейших мест Московской губернии подробности разведения ржи, я полагаю, что не сделаю больших

Зная цену тонны в марках и помножая ее на 0.508, получим цену пуда в копейках золотом, а отсюда, зная курс, получим цену в русских кредитных деньгах. Транзитная пшеница, т. е. не уплатившая пошлины (как во 2-й графе), стоила в 1889 г. еще не более 70 коп. зол. за пуд, а ныне она уже стоит более 90 коп. зол., а с уплатою пошлины (25.4 коп. зол. за пуд) уже более 1 руб. 15 коп. зол. за пуд. Немудрено, что хлеб сильно поднялся в Германии в цене (это писано в мае 1891 г., когда июньские хлебные цены еще не объяснились).

погрешностей в этом отношении; но все же беру для проверки «Справочную книжку русского сельского хозяина» за 1891 г. (сост. Баталин), «Сборник сведений по Европейской России», издаваемый Центральным статистическим комитетом, за 1882—1885 гг., и Обзоры сельскохозяйственных годов (с 1883 по 1889 г.), составляемые, по отзывам хозяев, Департаментом земледелия и сельской промышленности. По совокупности этих данных я составил прилагаемую таблицу числа рабочих дней, идущих на обработку одной десятины ржи. Притом даны три столбца чисел. В первом — числа отнесены к хорошим из современных русских крупных хозяйств, когда средний валовой (без вычета посевных семян) урожай многих лет при хорошей обработке может быть принят в 72 пуда, а чистый в 63 пуда. Во втором столбце данные относятся к общим средним русским урожаям (сам $3^1/_4$), когда валовой сбор в среднем не превосходит 40 пудов ржи с десятины и чистый 30 пудов. Собственно говоря, следует брать только числа этого столбца. В последнем столбце даны числа, выведенные мною лично из трехлетнего, довольно тщательно записанного опыта (Московской губернии, Клинского уезда, в сельце Боблове) при возможно хорошем удобрении и при глубокой пахоте с почвоуглублением. Числа эти дают реальную величину того расхода рабочих дней, который падает на десятину ржи при довольно интенсивном хозяйстве. Средний чистый урожай, полученный мною (с 12—14 десятин посева), достиг 110 пудов. Не должно забывать, что тогда (в 60-х годах), когда я производил свои опыты, цены ржи стояли сравнительно высокие, что для опытов не жалелось расхода,[1] что плодородность почвы, на которой производились опыты, была, вероятно, выше средней, что годы были удачны в погодном смысле и что довести земли и хозяйства до подобного среднего урожая возможно только после многих капитальных затрат и усилий всякого рода. Замечу далее, что на основании практических данных я считал, судя по относительной стоимости, конный рабочий день равным двум средним рабочим дням. Такое допущение, конечно, заключает в себе некоторый произвол, но нельзя было положить конный рабочий день одинаковым с пешим, как понимает всякий, занимавшийся хозяйством. Длина рабочего дня, его стоимость в разных местах, в разные годы и месяца, свойство работ и рабочих и т. п. делают и самое понятие о рабочем дне

[1] В конце концов выгода была, но только оттого, что большинство зерна продавалось на посев семяноторговцам.

условным; но когда идет дело об общих валовых расчетах, тогда входить во все эти подробности нет ни надобности, ни пользы. Следует не затемнять и усложнять эти и без того запутанные отношения, а уяснять их по действительности — насколько это возможно. Хозяйства взяты навозные, потому что это условие представляет более общности.

	Число рабочих дней на десятину ржи		
	лучшие хозяйства	средние русские	возможные русские
Общий надзор за полевым хозяйством, изгороди, починка орудий и т. п.	3	5	8
Нарыть и накласть навоз, свезти и разбросать навоз в паровом поле, считая $^2/_3$ расходуемой работы и от 30 до 60 возов, относящихся ко ржи (остальные на яровое поле), конных и пеших дней	11	8	10
Пахота, бороньба (2 и 3 раза) и сев, конных и пеших дней .	25	20	32
Уборка, свозка и молотьба с побочными работами	23	17	30
Число рабочих дней . . .	62	50	80
Дни эти приходятся на следующее число пудов ржи	63	20	110
Считая пуд ржи по 85 коп., валовой доход на зерне (солому и проч. не считая, как не считан навоз)	53 р. 55 к.	25 р. 25 к.	93 р. 50 к.
На каждый рабочий день поэтому приходится около	86 коп.	51 коп.	1 р. 17 к.

Здесь и рента на землю, и подати, и проценты на капитал, основной и оборотный (особенно значительный для данных третьего столбца), и предпринимательские выгоды, и т. п. Если приму, что при всем этом средний рабочий день дает 70 коп., то, очевидно, дам число больше средней современной действительности. Такой, до некоторой степени искусственный, расчет дает, во всяком случае, преувеличенную или наибольшую возможную из средних цен рабочего дня при

занятии сельским промыслом разведения ржи. Пшеница, хотя стоит дороже, но родится не столь верно, как рожь, и в конце концов работа с нею не приносит больше разочтенного. Конечно, бывают годы сильных урожаев, но, взяв среднюю действительность, получим, конечно, много меньшую оплату рабочего дня уже потому, что средний русский урожай должно принять меньшим, чем 60 пудов с десятины, что отвечает примерно 70 коп. за рабочий день.

Для сравнения возьмем теперь один из наиболее грубых видов русской же промышленности иного рода, а именно каменноугольную. Ее я также лично знаю и могу подтвердить те сведения, которые привожу из второй части официального издания «Горнозаводская производительность Росссии за 1885 г.» (издание Горного департамента, составил С. Кулибин, 1888, стр. LXIII и 100). Цена антрацита в 1885 г. *на* Грушевском *руднике* была для крупных кусков от 7 до 9 коп., а в мелких от 5 до 7 коп. за пуд, а каменный уголь Донецкой области на месте добычи продавался от 3 до 6 коп. за пуд. Следовательно, примем среднюю цену (в антраците мелочи мало) антрацита 7 коп., а каменного угля 5 коп. пуд, как это и есть в действительности. Добыто было в земле Войска Донского 82 млн пудов каменного угля и 33 млн пудов антрацита, следовательно, цена их обоих на шахтах составляет 6.4 млн руб. Число рабочих было 17 528. Считая по 250 рабочих дней в году на каждого (а в действительности было, конечно, менее), получим 4 382 000 рабочих дней. Опять, как и при расчете производства ржи, не считаем иных расходов (ренты, оплаты начальных работ, крепы и проч.) и прямо, деля валовой доход на число рабочих дней, получаем цену рабочего дня. Она оказывается равною 1 руб. 46 коп., т. е. в два раза более, чем при работе на ржи. Тяжела работа углекопа, но не легче у земледела. Пробовал я и киркой бить и за плугом ходить, — обе тяжелы, требуют большого навыка.

Если вместо России возьмем Англию, получим и урожай больше и добычу угля больше, а отношение останется то же, даже еще большее: не в два, а в $2^1/_2$ и в 3 раза день углекопа оплачен лучше, чем земледела, в среднем. А если перейдем к другим промыслам, где почище и полегче, там и еще выше средний дневной заработок. Том данных могу привести, потому что много считал и нашел, что хуже земледельца ныне никто не оплачивается. И немудрено, индейцы и негры хлеба добывают и спрашивают по 10 коп. в день. Вы скажете, что параллель не полна, что там все выполнено руками и теперь, а здесь капитал сперва вырыл копь и тратил много

на машины и т. п., угля не получая, а я скажу на это, что землю из-под леса я и сам расчищал для пашни, и тоже капитал надо немалый. Там он не считался и тут не считается, да и не следует запутывать простых отношений сложными и извилистыми соображениями; темноту и побочное легко наводить, но от этого не яснее, а только хуже становится.

Приведу сверх вышеуказанного числа еще более общие и крупные. Они даже убедительнее детальных. Вся Россия, судя по всей совокупности имеющихся данных, производит, перевозит и вообще работает преимущественно над хлебом, для себя и для других. На счет хлеба надо отнести по меньшей мере половину всего труда русского народа; все остальное, т. е. добыча ископаемых, разведение садов и скота, заводы, фабрики, торговля, ремесла, железные дороги, чиновничество и все остальное трудовое не только в отдельности, но и во всей совокупности, такой добычи и производительности ныне не представляют, как хлеб и сходные с ним продукты земли. Судя по числу жителей,[1] по их потребности в хлебах и по количеству вывоза, должно принять, что ныне наша общая средняя добыча (за вычетом посевных зерен) не превосходит:

По всей Европейской и Азиатской России	Миллионы пудов в год	Принимая цену пуда		Общая стоимость в миллионах рублей
		руб.	коп.	
Ржи	1100	—	80	880
Пшеницы	400	1	—	400
Овса и ячменя	800	—	70	560
Кукурузы	40	—	50	20
Масличных семян, гречи, гороха, проса и других семян	400	1	20	480
Картофеля и овощей	260	—	30	78

[1] Для Сибири, Кавказа, польских губерний и среднеазиатских владений о хлебной производительности можно судить лишь очень приблизительно по числу жителей (тоже недостаточно хорошо известному), по потребности их и по вывозу. Все расчеты не привожу, чтобы не усложнять дела. Данные, помещенные в выше цитированных изданиях Статистического комитета (Министерство внутренних дел), служили мне главным основанием; эти данные об урожаях относятся лишь к 50 губерниям Европейской России, без польских, финляндских, кавказских и среднеазиатских губерний (их 47). О их производстве я судил лишь по общераспространенным сведениям об их населенности.

В сумме это составляет менее 2500 млн руб. Их добывает по меньшей мере 50 млн рабочих, следовательно, они зарабатывают в год по 50 руб., работая на полях около полугода, т. е. посвящая этому делу в год около 100 дней, что и дает всего по 50 коп. всего валового заработка в сутки, как и выше получено для среднего заработка на хлебе.

Возьмем теперь великобританскую каменноугольную промышленность. Mineral Statistics of the United Kingsdom и *C. Munro* (British Assoc., 1885) дают, например для 1884 г., добычу всего угля:

	Млн т	Рабочих	
		под землею	на поверхности
Англия	139.4	374 788	88 807
Шотландия	29.2	46 755	9 101
Ирландия	0.1	690	235
	160.7	422 233	98 143

По «The Statesman's Year-book», средняя стоимость одной тонны добытого угля (на местах добычи) равнялась в 1884 г. 9 шиллингам, что по курсу 1884 г. (158 коп. кред. за 1 руб. зол.) отвечает 720 млн руб. кред. и дает средний годовой заработок по 1383 руб., а считая в году 250 рабочих дней, более чем по $5^1/_2$ руб. в сутки. Если углекоп этого не получает, то и до земледела не доходит выше разочтенный заработок.* Средняя цена пуда угля при этом выходит только $7^1/_3$ коп. кред. за пуд или средняя дневная добыча рабочего $73^1/_2$ пуда. В действительности же ныне она выше, около $1^1/_3$ т, или около 80 пудов в день. Много надо подниматься цене хлеба, чтобы заработок на нем дошел до заработной платы английского углекопа. Но он работает очень усердно,

* Д. И. Менделеев неправильно отождествляет выход валовой продукции на один отработанный день с «заработком» и особенно с заработной платой. Такое отождествление имеет свои корни в том, что Д. И. Менделееву осталась чуждой марксистская теория стоимости, понятие прибавочной стоимости и понятие о постоянном капитале как элементе стоимости. [*Прим. ред.*].

потому что его плата (по Sliding Scale) определяется его личною добычею и продажною ценою угля.

Следовательно, взяв крупные цифры, получаем такой же, по существу, результат, какой дает не предубежденный более подробный счет. Возьмите хоть пуд золота, хоть миллион пудов каменного угля, хоть десяток тысяч аршин ситца, хоть вагон стали, посчитайте число рабочих дней, в них находящихся, и узнайте цену, а отсюда, подобно тому, как выше сделано для угля и ржи, найдите валовую поденную плату, тогда и увидите, что все это дает для «валового» рабочего дня в 2, а то в 4 раза бо́льшую цену, чем разведение ржи или пшеницы. Чуть коснется дело иной промышленности, чем добыча зернового хлеба, — сейчас цена поднимается, даже для сахарной свекловицы, даже для хлопка, не говоря уже об их переделке на заводах.

Поэтому-то я и говорю свое первое, основное положение: производство зернового хлеба *ныне* представляет, в среднем результате, особенно для целой страны, самое маловыгодное дело, если иметь в виду не одних предпринимателей, а всех участников производства. Следствий отсюда очень много, но ограничимся пока тем, что такое положение труда, наверное, долго длиться не будет, или, иными словами, относительная *цена хлеба поднимется в два или три раза.* И я думаю, что дело началось или вот-вот начнется и пойдет расти, как следует, скоро, мирно, к общему благополучию, к прогрессу человеческих отношений и к торжеству нарушенной правды. Сделается это, по моему крайнему разумению, так: протекционизм даст развиться в каждой стране всему для нее возможному и выгодному по ее «материальным» условиям (о них далее будет случай говорить много раз), фабрик и заводов, рудников и рассадников просвещения разовьется много повсюду, все будут еще спорить фритредеры с протекционистами, но везде мало-помалу дойдет до английской потребности сбыта наделанных избытков всяких «фабрикатов», и они от перепроизводства подешевеют — относительно хлеба. Тогда примутся, даже кинутся на хлеб, со всем пособием всяких знаний и разных фабрикатов, перепроизведут и его опять, но уже не с тем, как ныне, азартом производят фабриканты, потому что скоро догадаются, где и как решается задача гармонического слияния земледельческого промысла со всеми остальными. И пока этого не случится, много вздору еще совершится. Пошлины на хлеб тут помогут очень мало уже потому, что возбуждать еще дальнейшее производство зерновых хлебов — значит увеличивать существующее уже ныне пере-

производство и передешевление этого товара, с чем придется бороться еще дальнейшим наложением пошлин на хлеб, а следовательно, его искусственно удорожать в ущерб производства других товаров. По существу не говоря ничего против хлебных пошлин, но утверждаю только, что они одни делу не помогут, промышленности стран не устроят в должные отношения. Хлебные пошлины только косвенно помогут тем, что хлебные страны заставят подумать о других производствах (Россия дошла уже до этого, а Америка и подавну). Покровительственные пошлины на заводско-фабричные товары в странах, сбывающих свои хлебные избытки, помогут гораздо более, а именно по двум причинам. Во-первых, потому, что эти страны, начав производить заводско-фабричные товары сперва для своих потребностей, а потом и для мировой торговли, спустят относительную ценность товаров этого рода, а это заставит страны, до сих пор производящие эти товары, уменьшить свое производство и обратить часть своих сил вновь к земледельческому труду при всем пособии (производство дешевых машин и искусственных удобрений, надобных сельскому хозяйству) готовой фабрично-заводской производительности. Во-вторых, если в земледельческой стране начнет расти заводско-фабричная деятельность, особо покровительствуемая таможенными пошлинами, то здесь скоро станет ясным, с одной стороны, что выгоднее бросить производство дешевых зерновых хлебов, заменив его фабрично-заводским трудом или теми видами интенсивного сельского хозяйства, которые около фабрик и заводов всегда развиваются, а с другой стороны, и здесь станет ясным, что за производство хлеба следует брать дороже, чем ныне. В результате получится тогда уменьшение перепроизводства зерновых хлебов и поднятие мировых цен на этот товар и относительное падение цен на фабрично-заводские продукты, что и должно рано или поздно случиться и тем скорее, чем больше будет усиливаться протекционизм таких стран, как Россия и С.-А. С. Штаты, по отношению к фабрично-заводским продуктам, и чем значительнее будут хлебные пошлины в странах, подобных Франции и Германии. Оба эти акта начались, а следовательно в них есть свой важный исторический, мировой смысл. Протекционизм ведет мир к правильным целям, его защищать следует не только с народной и государственной точек зрения, но и с культурной, общечеловеческой, потому что он уравняет народы скорее, чем все другое, что ни предлагали до сих пор.

Теперь я могу перейти к двум вышеприведенным положениям, касающимся хлебных пошлин и нашей отпускной

хлебной торговли, говоря об интересах не каких-либо отдаленных по времени или общечеловеческих, а прямо о русских сельскохозяйственных интересах во всемирной торговле нашего времени.

Все государства, в отношении к хлебной торговле, могут быть разделены на три категории: к первой отнесем потребительные страны, подобные Англии, спрашивающие чужой хлеб; ко второй — страны, подобные Европейской Турции, довольствующиеся своим хлебом и не обладающие его избытком, могущим снабжать другие страны, и к третьей, куда относится Россия, такие, которые снабжают мировую торговлю избытками своего зернового хлеба. Остановимся на немногих, для нас особенно важных.

Англия (правильнее вся Великобритания, т. е. Англия, Шотландия и Ирландия), производя в год за последнее время, от 100 (1886 г.) до 140 (1884 г.) млн пудов пшеницы, спрашивают от других стран от 200 (1885 г.) до 150 (1889 г.) млн пудов этого хлеба, который и потребляется в ней в таком же количестве на каждого жителя, как и в других странах Европы (за исключением Франции). Спрос иностранного хлеба с течением времени растет, но медленно. Однако в 1870 г. спрос не превосходил 100 млн пудов. Главным поставщиком пшеницы сперва была Россия, а ныне с нею сильно соперничает, хотя все же не превосходит, Америка. В 1889 г. 11.7 млн квартеров пшеницы, ввезенной в Англию, доставили: 4.3 Россия, 3.4 С.-А. С. Штаты, 1.8 Индия, остальные — по мелочным количествам. Ввозных пошлин на хлеб в Англии нет. Весь хлебный ввоз Англии (с пшеницею, картофелем и рисом) за последние годы (1887—1889) доходит до 150 млн центнеров, или до 470 млн пудов и оценивается в 50 млн ф. с., или около 400 млн руб., т. е. почти равняется с нашим вывозом всех хлебов, но нашей ржи Англия не берет, зато спрашивает много американской кукурузы для винокурения и в корм скоту. Средний современный английский спрос всех хлебов должно принять около 400 млн пудов. Как ни велик английский хлебный спрос, он составляет лишь малую долю ее оборотов, потому что весь ее ввоз в 1880 г. равнялся 41 млн ф. с., а в 1889 г. 427 млн ф. с., т. е. превосходил ввоз хлеба более чем в 8 раз, а весь вывоз продуктов великобританского труда (не говоря о торговле колониальными и другими чужими товарами) достиг в 80-х годах до 230 млн ф. с. Тем не менее для Англии вопрос хлебного ввоза играет столь первостепенную роль, что устраняет всякую мысль о том, чтобы Англия могла ныне легкомысленно войти в единовремен-

ную открытую войну с двумя главными своими поставщиками хлеба.[1]

Франция и Германия также не могут обойтись без чужого хлеба. Франция производит ежегодно около 500 млн пудов (от 100 до 120 млн гектолитров) пшеницы и других зерновых хлебов около 600 млн пудов, а все-таки принуждена ввозить ежегодно примерно на 120 млн руб. иностранных зерновых хлебов, в том числе одной пшеницы до 75 млн пудов и овса около 15 млн пудов. Германия, производя около 150 млн пудов пшеницы (1888—1889) и, кроме того, других зерновых хлебов около 650 млн пудов, ввозит ежегодно около 40 млн пудов пшеницы и, сверх того, других хлебов около 90 млн пудов. Главный обыт нашей ржи идет в Германию.

Италия и Испания также не обходятся без чужого хлеба, равно как Бельгия, Голландия, Швейцария и Швеция. Общее их потребление пшеницы около 170 млн пудов, а других зерновых хлебов около 60 млн пудов.

Таким образом, потребительные страны спрашивают в год около:

	Млн пудов в год требуют		
	Пшеницы	Других зерновых хлебов	Всего
Англия	190	210	400
Франция	70	40	110
Германия	30	90	120
Другие части Европы	170	60	230
	460	400	860

Главнейшим поставщиком или кормильцем этих стран сыздавна и поныне является Россия, вывозящая ныне в год около (стр. 272) 450 млн пудов всех хлебов, в том числе около 180 млн пудов пшеницы. Вывоз России составляет немного более половины всех хлебов, спрашиваемых Западною Европою, и немного менее половины пшеницы, ею требуемой.

[1] Политическая связь и дружба России с С.-А. С. Штатами лучше гарантирует мир от войн, чем союз трех или четырех, да хотя бы и десяти стран, нуждающихся в русском и американском хлебе. В век развития промышленности и торговли эти отношения следует видеть ясно. Но так как ныне в мире три страны — Россия, Англия и С.-А. С. Штаты — определяют общее мирное развитие, то, по. моему разумению, пока не наступит соглашения между Англиею и Россиею, всякие союзы стран будут только угрозою европейских войн, а не гарантиею противу них. И я верю, что рано или поздно это соглашение достигнется.

Из европейских стран Австрия и придунайские княжества, особенно Румыния, отпускают от себя хлеб. Их общий отпуск (за вычетом ввоза, как и для других стран) всех хлебов доходит в последние годы до 40 млн пудов, преимущественно пшеницы.

С.-А. С. Штаты, обрабатывая все свежие, новые почвы и ведя столь же мало рациональное экстенсивное земледелие, как и мы, русские, издавна [1] разделяли с Россиею привилегию кормить Западную Европу, но особенно с 70-х годов американский ввоз сильно возрос, переполнил рынки хлебом, уронил цену хлеба и побудил западноевропейские державы прибегнуть к хлебным пошлинам. Производя в конце 60-х годов менее 400 млн пудов пшеницы, ныне С.-А. С. Штаты производят более 700 млн пудов, а весь овой вывоз довели до 200 млн пудов, т. е. восполняют половину ныне существующей потребности на пшеницу в Западной Европе. Засеивая кукурузою вдвое большую площадь (около 28 млн десятин), чем пшеницею, и собирая до 2800 млн пудов кукурузы, С.-А. С. Штаты вывозят около 70 млн [пудов] этого зерна. Прочих хлебов они вывозят мало, но общий вывоз достигает в последнее время средним числом до 300 млн пудов. Нельзя думать, чтоб такой большой вывоз хлебных зерен из Америки продолжался еще долго, *если цены останутся низкими*, потому что хотя земли Америки еще свежи и дешевы, но там труд дорог, введенные покровительственные тарифы развивают прочие виды промышленности, а население само по себе сильно растет,[2]

---

[1] Тенгоборский уже взвешивал шансы борьбы русского хлеба с американским в своем сочинении, цитированном на стр. 211.

[2] Около начала 80-х годов число переселенцев было больше, чем около конца, потому что ныне стали требовать от переселенцев удовлетворения известным требованиям экономического свойства. Привожу для примера число переселенцев по (нечетным) годам:

1881 г.	1883 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
669 431	603 322	395 346	490 109	444 427

Общие результаты приращения числа жителей в С.-А. С. Штатах видны из следующих чисел:

	1840 г.	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.
	миллионов жителей				
Всех	17	23	31	38	50

Прибыль происходит от двух причин: 1) от размножения, или перевеса рождаемости над смертностью, и 2) от переселенцев. Оба эти источ-

свободных же плодоносных земель уже остается мало, и внутреннее потребление хлеба должно увеличиваться быстро, вместе с увеличением расходов на землю, начавшую [1] требовать удобрений и лучшего, более интенсивного хозяйства, а оно потребует новых усилий капитала и труда, с чем можно справиться только понемногу.

Из других стран Америки — Канада, Чили и Аргентинская республика — вывозят понемногу зерновых хлебов, но так как другие страны Америки, например Бразилия, спрашивают хлеб, то на рынках Западной Европы вывоз из этих стран

ника дали в десятилетние промежутки следующий общий (за 10 лет) прирост в миллионах лиц обоего пола:

	1840—1850 гг.	1850—1860 гг.	1860—1870 гг.	1870—1880 гг.	1880—1890 гг.
	прибыль числа жителей в миллионах				
1)	$4^1/_2$	$5^1/_2$	5	9	?
2)	$1^1/_2$	$2^1/_2$	2	3	5

В России так давно не было переписи и за это время произошло столь много перемен, что число ее жителей должно определять только по догадкам, основанным на списках рождаемости и смертности и на тому подобных сомнительных основаниях. Поэтому одни считают в России 100, а другие до 130 млн жителей. Трудное дело общей русской переписи, вероятно, не станет теперь отлагаться на долгое время, потому что истинное число жителей составляет один из элементов народного самосознания и представляет свой вес в определении силы государства. Миллионы рублей, которые для этого израсходуются, возвратятся ввиду приумножения точных сведений о живых силах России.

[1] В книге, цитированной на стр. 219, даны цифры общего сбора зерновых хлебов в С.-А. С. Штатах. Из них выводим, что за 5 лет, 1868—1872, средний общий урожай был 1552 млн бушелей, и он снят с 67 млн акров,* т. е. на каждый акр приходится по 23 бушеля. А в пятилетие 1882—1886 гг. засевалось 134 млн акров, средний же сбор с них равнялся 2836 млн бушелей, а потому на акре родилось около 21 бушеля. На урожайности пшеницы это еще виднее, оттого-то маис или кукуруза и составляет преобладающий хлеб американцев, что его урожайность не только велика абсолютно, но и постояннее других хлебов. Уже многие американцы прямо и уверенно утверждают, что американский вывоз пшеницы должен быстро уменьшаться. А я, с своей стороны, прибавлю условие, — если цена пшеницы не станет быстро возрастать. А так как я убежден в необходимости этого возрастания, то и полагаю, что близко время, когда отношение между сельскохозяйственною и другими ценностями и промышленностями должно претерпеть коренные изменения. Хозяйственные или промышленные преобразования составят своего рода революцию, но постепенную и мирную, не то что политические революции классического свойства, и такие перевороты скрепят, а не расшатают связь народов с их правительствами, если они не поворотят опять к классическому «невмешательству».

* Акр равен 0.405 га, бушель пшеницы равен 27.21 кг, бушель ржи и кукурузы равен 25.4 кг, бушель овса равен 14.5 кг. [*Прим. ред.*].

почти не имеет значения. То же можно сказать до сих пор про африканский хлеб. Еще там идет размежевка стран, не в промышленности там главное дело. Но в будущем — этот громаднейший континент плодороднейших стран, с массою готового населения, постепенно подчиняющегося европейскому влиянию, должен оказать преобладающее влияние на производство и обращение хлебных товаров. Это и служит причиною того, что все государства Западной Европы друг перед другом спешат подчинить своему влиянию разные части Эфиопии. Рабовладение и торговлю невольниками уничтожат, чтобы заставить работать хлебные товары. Мое мнение выразится ясно, если скажу, что так и надо, так и лучше для всего мира, так лучше и для нас. Для мира это будет лучше потому, что тропические страны дают обильные жатвы и им приличнее умеренных стран быть житницею мира; там работа солнечных лучей сильнее, промысел этот всего подходящее для жарких климатов.

А для нас это предстоящее африканское соперничество будет служить поводом окончательно предоставить неграм снабжать Европу хлебом, а самим свой кушать дома, на здоровье, при труде иного рода.

Примером того, как тропические страны могут быстро (конечно, при достаточном заселении жителями, привыкшими поколениями к труду под жгучим солнцем) увеличивать свою хлебную производительность, служит Индия, куда стремились все завоеватели и где прочно стали последние из них — англичане. Дешевизна рабочих рук, двукратные жатвы под благодатным небом, проведенные оросительные и вывозные каналы, сооружавшиеся как прежними владельцами, так и современными, построенные и строящиеся железные дороги [. . .] сделали то, что Индия, столь часто гибнувшая от голодов, стала поставщиком не только джуты, хлопка и тому подобных растительных произведений, но и самого хлеба, а именно пшеницы, хотя рис преобладает в посевах для питания местного населения.

В 1887—1888 гг., не считая Цейлона и Бенгальской провинции (оттуда нет данных), вот какие площади были заняты под разные произрастания в Индии:

	Млн акров		Млн акров
Рис	24	Сахарный тростник . .	$1^{3}/_{4}$
Пшеница	20	Чай	$^{1}/_{4}$
Другие кормовые хлеба	74	Масличные растения . .	$7^{1}/_{4}$
Хлопок	9	Индиго и табак	$1^{1}/_{4}$

Всего в обработке 144 млн акров; из них с орошением 25 млн акров. Хотя 200 млн жителей сами требуют многого, но — по бедности масс — отпускают еще от себя около 15 млн пудов риса и около 50 млн пудов пшеницы, однако до Западной Европы доходит только часть этих хлебов, остальное идет в другие части самой Азии. В Европу из Ост-Индии ныне попадает около 60 млн пудов всяких зерновых хлебов. Но так как в Индии начинает развиваться фабрично-заводское дело, а с ним возрастает и потребление хлеба, так как разведение джуты, хлопка, сахарного тростника, чая и тому подобных растений приносит больший доход, чем выращивание хлебов, что поняли и в Индии, и так как народонаселение Индии все же растет, благодаря мирному положению страны, то Индию нельзя считать кормилицею Европы на долгое время. Это не Африка, которая станет работать хотя бы над хлебом, чтобы что-нибудь получить, и еще должна пройти чрез период земледельческого развития.

Из поставщиков хлеба в Западную Европу остается упомянуть еще австралийские владения Англии. Они доставляют очень неодинаковые массы хлеба, преимущественно пшеницы, а именно в год от 2 до 15 млн пудов, в среднем едва ли более 10 млн пудов.

Теперь мы можем свести итог, конечно, лишь приближенный, поставщиков хлебных товаров для исчисленного выше западноевропейского спроса.

Миллионы пудов в год поставляют	Пшеницы	Других хлебов	Всего зернового хлеба
Россия	180	270	450
Австрия и Румыния .	30	10	40
С.-А. С. Штаты . . .	200	100	300
Ост-Индия	40	20	60
Австралия	10	—	10
	460	400	860

Вовсе не имея целью дать полный отчет о колеблющемся мировом спросе и предложении хлебных товаров, я только хотел показать, что как Англия с ее 38 млн жителей стоит во главе потребителей, так Россия с ее тройным числом жителей стоит во главе поставщиков хлебного товара, и обратить вни-

мание на то, что легко перестать быть поставщиком, но трудно, хотя не абсолютно невозможно, перестать спрашивать хлебный товар. Увеличивая свое народонаселение и свое внутреннее производство фабрично-заводских товаров, Россия будет стремиться уменьшать свои внешние предложения хлеба, а Англия, увеличивая свои посевы пшеницы, своими переселенцами культивируя почву теплых стран и уменьшая свое относительное производство отпускных фабрикатов, будет также влиять на цены хлеба, и дело будет стремиться к лучшему, чем ныне, положению. Пошлины, налагаемые на хлеб Германиею, Франциею, Португалиею и другими странами Западной Европы, не уменьшают и уменьшать не могут цены нашего хлеба. Она уменьшалась от соперничества С.-А. С. Штатов, Индии и других стран, начавших снабжать Европу хлебами, и результат пошлин тот же, какой надобен самой России: хлеб в Западной Европе и всюду дорожает, а потому заводы и фабрики должны будут платить за него больше, следовательно, их товары должны будут обходиться дороже и перестанут возрастать с тою быстротою, какая свойственна была эпохе падения хлебных цен и свободного впуска товаров в страны, доставляющие хлеб. Недалеко время, когда увидят, что, облагая хлеб, убавляют заводско-фабричную деятельность. Англия тоже и тут впереди; она давно это поняла, отчего и бросила свои хлебные пошлины; поймут и другие страны Европы, что им всего более подходит строй городов — с выгонами кругом их и фабриками.

Иначе сказать: хлебные пошлины не полезны, а скорее вредны для стран, подобных Франции и Германии, а нам вреда они наносить не могут ни со стороны спроса хлеба (он возрастает со времени действия пошлин), ни со стороны возбуждения нашей заводско-фабричной деятельности. А ведут хлебные пошлины лишь к тому, что разделение труда между заводскою и земледельческою промышленностями идет в каждой стране к желаемому и возможному равновесию; в земледельческих странах, дорогих до известного возраста, учреждаются заводы и фабрики, а в странах, потребляющих хлеб, возрастает его внутреннее производство. Хлеб стал дешеветь в 80-х годах не от пошлин, а от перепроизводства; Россия и С.-А. С. Штаты, в погоне за одними и теми же рынками, стали увеличивать производство и предложение, отчего и вышло падение цен, не могущее долго длиться и ныне уже прекратившееся (стр. 279). Неравенство внутреннего и международного торгового положения нашего и американского

состоит не в том одном, что наш климат иной, у нас капиталов меньше и у нас фабрично-заводской промышленности меньше, но главным образом в том, что наш отпуск хлеба составляет чересчур большой процент, современным условиям вовсе не отвечающий. Хлебный наш вывоз составляет около половины всего вывоза (стр. 272), и едва ли наш сельский промысел не превосходит в несколько раз другие добывающие виды нашей промышленности, тогда как в С.-А. С. Штатах как в вывозе, так и во внутреннем производстве соблюдается гораздо большее равновесие между сельскохозяйственным и другими видами промышленности. В числах это виднее. Год, кончающийся 30 июня 1889 г., дал следующий вывоз из С.-А. С. Штатов:

	Миллионы долларов			Миллионы долларов	
Хлопка	238		Скота и рыбы	27	
Пшеницы	42	16%	Кож и изделий за них	11	
Пшеничной муки	45		Нефти и керосина	50	25%
Кукурузы	34		Железа, меди и изделий	31	
Мяса и других питательных веществ	104		Скипидара и канифоли	6	
Табака	23		Всяких иных фабрично-заводских продуктов	97	
Дерева	27			745	

Вывоз хлеба составляет здесь только $^1/_6$ всего вывоза и вывоз продуктов горного (не считая золота и серебра), заводского и фабричного производств составляет $^1/_4$ всего вывоза; остальную часть занимают хлопок, лесные товары и продукты скотоводства. Наш же годовой вывоз сводится в среднем для 1884—1888 гг. к следующему:

Вывоз, по всем границам	Млн руб.		Вывоз, по всем границам	Млн руб.	
Пшеницы, ржи и других зерновых хлебов	330	54%	Ископаемые в сыром виде	3	11%
Лен, лес, льняное семя	145		Железо	2	
Шерсть, щетина, кожи, свиньи, яйца и тому подобные животные продукты	71		Керосин	19	
			Сахар, спирт	24	
			Другие заводские и фабричные продукты	19	
				613	

Это преобладание хлебного отпуска над всеми другими составляет больное место наших внешних отношений. Конеч-

но, я не хочу сказать этим, что следует задержать этот хлебный отпуск, например, облагая его вывозною пошлиною или увеличивая плату по железным дорогам, но я хочу только указать на то, что России необходимо озаботиться о том, чтобы продукты горного дела, заводов и фабрик, лесного хозяйства, скотоводства и сельских заводско-фабричных произведений (например муки) постепенно брали верх над хлебом в отношении к вывозу. А так как эти произведения ввозятся к нам из-за границы, а имеют у нас все условия для их добычи, то первое, что следует делать, — дать развиться внутреннему их производству сперва на счет внутреннего спроса. Раз начавшись, как видим над нефтью, сахаром, солью и др., под тарифною защитою внутреннее производство должно скоро превзойти еще не развившееся в широких размерах внутреннее потребление, если есть условия для нормального существования данной отрасли промышленности. Тогда начнется вывоз полуфабрикатов и изделий. Вместо заграничных уплат начнутся получения. Вместо дороговизны начнется дешевизна. Вместо недостатка работы и ее постоянного искания в «отхожих промыслах», вместо этой потери сил и средств на искание какой-нибудь «работишки», начнется ее спрос, заработки поднимутся, довольство, а с ним и внутренний спрос, будут распространяться, и с ними накопятся капиталы, поощряющие предприимчивость. Тогда и внутреннее потребление хлеба возрастет, потому что весь наш вывоз пшеницы и ржи не более 250 млн пудов, что составляет на жителя всего около 2 пудов в год, т. е. в день менее $^1/_4$ фунта. Вывозимый хлеб этот стоит около 200 млн руб., а Россия в год ввозит иностранных товаров более чем на 400 млн руб., судя по сложности 1884—1888 гг. Развивая сегодня каменноугольное и железное дела, завтра содовое, хлопковое и т. д., можно сокращать этот ввоз и увеличить внутренний спрос на хлеб.

В этом состоит связь таможенных тарифов с нашим хлебным производством. Весь вопрос сводится только на то, какие же виды производств должно относить к числу могущих развиваться в России, вытеснять иностранный ввоз и достигать иностранного вывоза, т. е. увеличения внутреннего заработка. Это и подлежит разбору, это и разбиралось со всею возможною подробностью при пересмотре тарифа, и это составляет первейший предмет, рассматриваемый в предлагаемой книге.

Прежде чем оставить русский хлебный вопрос, в его связи с таможенными тарифами, считаю полезным в немногих сло-

вах обратить внимание наших сельских хозяев на одно обстоятельство, нередко упускаемое из виду. По мере того как свежесть почв теряется даже на наших южных степных полях (а в средних и северных она давно прошла), все более и более ощущаются невыгоды привычных России экстенсивных видов хлебной культуры, представителем которой служит наше трехполье, в котором ежегодно если не $^2/_3$, то более $^1/_2$ пашни занято хлебами яровыми и озимыми. Потребность в разнообразии посевов, в плодопеременности, в интенсивности возрастает. Является спрос на глубокую пахоту, на разнообразные удобрения, на сложный и дорогой инвентарь и на капитал, для всего этого потребный. Никакие мелиорационные фонды не помогут при этом, потому что потребуют уплаты процентов, а хлебопашество высокого процента, как всякому известно, дать не может. Мелиорация на занятой капитал только погубит занимающего, только увеличит задолженность, которая и без того лежит на земле более тяжким бременем, чем даже самое падение хлебных цен. Помочь могут только соседние заводы всякого рода, а особенно спрашивающие для переделки продукты земледелия. Тогда они, как наши сахарные заводы, кругом себя заведут плодосмену с культурою спрашиваемых растений. Но и помимо этого, они будут потребителями, тут же, подле находящимися, и у них капиталы вращаются чаще и легче, чем у земледельцев, а потому они и будут распространителями капиталов, надобных земледельцам. Обратите внимание на ту общеизвестную для сельских хозяев пользу, которую распространяет кругом себя винокуренный завод, чтобы стало ясным значение соседних заводов и фабрик. Не говорю уж о крестьянах, которые найдут на них новые заработки не только в самой работе на заводе, но и в подвозке топлива, материалов и т. п. Оттого-то и видим следующее общее явление: только там — например в Англии, Бельгии, Голландии, Западной Германии, Северной Франции и т. п., — где сельское хозяйство перемежается с заводами и фабриками, только там и существуют совершеннейшие формы интенсивного хлебного хозяйства, только там урожай с $^1/_4$ или $^1/_5$ всей пашни дает столько же (или даже больше) хлебов, сколько в экстенсивной культуре с $^1/_2$ и даже с $^2/_3$ земли, только там есть расчет не истощать поля культурою, а улучшать. Представление о том, что можно завести интенсивную культуру, не имея под руками потребителя, относится к числу мечтаний, не выполнимых в действительности, именно потому, что в интенсивном хозяйстве хлебное зерно уже уходит на второй план, а вперед выступают корнеплоды и травы, ското-

водство и удобрение, для которых не будет жизни без соседнего спроса на продукты и без соседних источников для получения подсобных удобрений. А потому желание усовершенствовать русское сельское хозяйство, которое слышится ныне все чаще и чаще, не только не противоречит, но прямо требует вместе с тем или даже ранее того устройства у нас заводов и фабрик, чтобы хотя около них могло начаться коренное улучшение нашего полеводства и увеличение его доходности.

Переходя ко 2-й статье тарифа, относящейся к *рису*, должно прежде всего обратить внимание на то, что рис составляет лишь добавочный хлеб в обычной пище большинства жителей России, тогда как во многих местах тропической Азии питаются почти исключительно рисом. Приводим цифры нашего ввоза, но при этом делаем различие по границам — европейской и азиатской, потому что часть риса входит к нам из Персии и других центральноазиатских государств, имеющих особые таможенные тарифы (например с Персиею 5% с цены), другая же часть входит из Ост-Индии (Бирмы, Бенгалии и др.) и подчиняется тарифу, действующему по европейской торговле. Для риса, ввозимого по европейской границе, с 1882 г. отличается таможнями рис очищенный, т. е. тот, который мы все называем рисом (собственно — это есть ободранный рис, или рисовая крупа), от рисовых зерен в кожуре. Из этого последнего отчасти за границею, отчасти у нас самих (Одесса, Баку) и получается обыкновенный, белый, или очищенный рис. Но ввоз неочищенного риса по европейской торговле составляет только сотни пудов в год, а потому особо здесь не приводится.

Год	Ввоз риса				
	по европейской торговле		по персидской		всего тыс. пудов
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	
1884	791	3130	937	762	1728
1885	670	2458	915	708	1585
1886	376	1434	1688	1498	2065
1887	79	228	1506	1426	1585
1888	104	312	1766	1937	1870
1889	123	380	2185	1979	2303
	2143	7942	8997	8310	

Средняя цена пуда очищенного риса, ввозимого по европейской границе, около 3 руб. 70 коп., а неочищенного персидского около 92 коп. за пуд. Потребление иностранного риса почти постоянно в год около 2 млн пудов. Могло бы показаться, что наше потребление уменьшается, потому что ввозится неочищенный рис, а при очистке много (шелухи, муки и отрубей) отпадает, ввоз же неочищенного персидского возрастает.

Но здесь дело в том, что сперва Закавказье, а ныне и многие края Туркестана и Закаспийской области производят свой рис; он и увеличивает нарастающую массу потребления и даже *дает вывоз*. Еще в 1886 г. в таможенных отчетах есть только ввоз риса, а с 1887 г. означается уже и вывоз,[1] а именно:

Вывоз риса

[год]	тыс. пудов	тыс. руб.
1887	1048	1052
1888	978	1151
1889	471	497

Замечаемая неравномерность есть следствие двух причин. Во-первых, в таможенных отчетах о вывозе сперва и графы такой не было — про рис как про товар сарацинский, а вовсе не русский. Но часть этих азиатских сарацин стала русскою и под русским кровом развивает свое производство. Записи по туркестанской, хивинской и бухарской границам еще и поныне несовершенны, там и таможенную охрану держат малую; то попадет в запись товар, идущий к бухарцам, то нет. В 1887 г. весь рис вывезен по туркестанской границе, а в 1889 г. часть, а именно около 5 тыс. пудов, прошла и по европейской границе, а в записях сношений по туркестанской границе значится 439 тыс. пудов. Важно здесь уже одно то, что Россия стала не только обделывать в крупу (и крахмал) чужеземный (персидский) рис, особенно в Баку и Одессе, но начала и сама производить. Выгоды большого производства придут с течением времени, количества возрастут; важно начало, а оно есть. Ему покровительствовать полезно всячески, а следовательно, и тарифом. В этом и смысл таможенных пошлин на рис. Необделанный рис как русский — закаспийский, туркестанский и кавказский, — так и персидский обрабатывают в Баку и в Одессе, но из Ост-Индии необделанного риса почти не

[1] Он, вероятно, был и раньше, но в малой пропорции.

везут. В 1889 г. рис платил 85 и 50 коп. зол. (необделанный) с пуда, но таможенный ввоз по европейской торговле все падал, а потому сбавили до 70 и 40 коп. зол. с пуда, чтобы не препятствовать ввозу и привлечь этою сбавкою индийский очищенный и неочищенный рис. Результатов еще не видно и нельзя полагать, что ввоз по европейской границе станет возрастать, если завелось свое дело. Ради же него следует пошлину держать: оно еще в зародышном виде, следует беречь, особенно потому, что разведение риса всюду, где он может произрастать, считается самым выгодным, так как рис урожайнее других обычных хлебов. Разведение риса, искусство затоплять его, продержать плантации должное время (прорастания) под водою и вообще. разводить его — чисто азиатское. Китай, оба полуострова и острова Индии, Персия и Центральная Азия разводят и потребляют этот выгодный хлеб в изобилии (стр. 292). Закавказье и наши среднеазиатские владения уже разводят рис; помогать этому всеми силами очень полезно, но таможенная пошлина здесь имеет малое значение. Нет оснований уменьшать пошлину: все равно персидский рис, как дешевейший и в самой России окончательно обрабатываемый, будет восполнять недостаток собственного производства предпочтительнее пред привозимым из Индии. Сбавку пошлины можно считать ныне несвоевременною, потому что надо дать укрепиться и разрастись своему азиатскому делу с рисом. Туркестанский и закаспийский рис пошел теперь в Россию, вступил в соперничество с персидским и прибавлять еще соперничество индийского риса было бы неправильно. Возвышать пошлину на рис также нет оснований, а потому и понятно, что пошлина на этот хлеб оставлена в прежнем размере. Родилась же она когда-то, конечно, из соображений фискального характера, потому что на рис, поступающий по европейской торговле, глядели в России, как на колониальный товар, почти как на прихоть. Но множество таких товаров, как увидим далее неоднократно, оказались товарами русского производства. Такая громадная страна, как Россия, со всем разнообразием ее климатов и занятий ее народов, может производить почти все ей надобное. Задача таможенного тарифа помогать этому, конечно, в тех размерах, какие ему свойственны. Здесь помощь состоит в сохранении прежнего оклада. Другого не придумать. Цена у нас риса от оклада стоит независимо. Неочищенный рис в Гамбурге стоит за 100 кг около $16^1/_2$ марок, т. е. за пуд около 84 коп. зол., или около 1 руб. 10 коп. кред. С пошлиною (40 коп. зол. с пуда) он обошелся бы у нас около 1 руб. 60 коп. кред.

с пуда. А цена ему в Баку около 1 руб. за пуд. Тут пошлина не при чем. Лучший очищенный рис (сарацинское пшено) из Каролины по гамбургским ценам — около 3 руб. зол., или 4 руб. кред. за пуд. Такую же цену имеет переделываемый у нас азиатский рис.

По этой-то причине ввоз риса по европейской торговле сокращается.

Третья статья таможенного тарифа содержит оклад на *муку* и *крупу*; сюда же входит и солод, но как товар почти не ввозимый и не вывозимый, мы рассматривать его не станем.

Одну из важных побед современной промышленности составляет легкость переработки зерновых хлебов в крупу, муку и отруби. Массу ручной работы выполняют уже давно ветер и вода, а ныне — пар. В древности для перемола 10 пудов зерна нужны были около 10 рабочих дней-рабов, и если их поденную работу ценить только пищей, которую они съедают, то следовало за помол брать по меньшей мере десятую долю зерна. На ветряных и водяных мельницах помол спустился в цене в несколько раз, из четверти за него стали брать гарнцы. Таков и поныне простой помол не только в наших деревнях, но и всюду в соседстве с производителями зерна. Города, заводы и фабрики, войска и торговля вызвали устройство больших и сложных, часто паровых мельниц, производящих всю работу, начиная от вейки зерна, до просевания, сортировки и охлаждения муки и крупы, механическим путем, подобным применяемому на наших всюду распространенных крупчатках. Отсюда получилось то, что в продаже явились разные сорта муки и виды отрубей. Перемол зерна, особенно пшеницы, сопряжен с ее закупкою в больших количествах, получением многих сортов различного достоинства и цен и для предпринимателей необходимостью быть не только мельником, но и купцом, торгующим мукою и отрубями. Так мельничное дело постепенно из мелкого домашнего стало крупною отраслью переделывающей промышленности, а для торговли международной явилась возможность вместо зерна отправлять муку. Это выгодно с трех сторон. Во-первых, вследствие отделения отрубей получается меньший вес, следовательно, перевозка дешевле. Во-вторых, заработок на помоле остается в стране. В-третьих, для корма скоту получается много отрубей. А потому Россия, отправляющая много хлеба, выиграет очень сильно на этом деле, если вместо зерна станет отсылать муку. Дело это началось, но развивается слабо.

Вот, например, данные для вывоза по всем границам пшеницы в зерне и муке:

Год	Пшеницы в зерне		Муки пшеничной[1]	
	млн пудов	млн руб.	млн пудов	млн руб.
1885	155	146	4.7	9.1
1886	92	96	3.7	7.2
1887	135	145	3.9	7.1
1888	215	223	4.2	7.7
1889	191	193	3.8	7.8

Притом наибольшая часть вывоза идет из Одессы в Турцию, Египет и Англию, а именно, например, в 1889 г.: в Турцию 839 тыс. пудов, в Египет 423 тыс. пудов, в Англию 781 тыс. пудов. Выгодность такого вывоза видна уже из того, что средняя (за 5 лет) цена пуда вывезенного зерна была 1 руб. 2 коп., а муки 1 руб. 92 коп. Поэтому замена вывоза зерна мукою имеет громадное значение и представляет задачу, которая предстоит усилиям нашей промышленности. Дело это с технической стороны хорошо знакомо русским предпринимателям, как видно из отличных качеств русской муки; но торговая сторона его, требования заграничных рынков, особенно английского как совершенно свободного, и надлежащий выбор мест для заграничной отправки требуют внимательного изучения и всякого поощрения. Успеха же ждать здесь возможно, особенно по двум причинам. Во-первых, потому, что русский помол и русские сорта муки (пшеничной и ржаной) пользуются заслуженною известностью во всем свете. Вкус и вообще качество нашей крупитчатой и пшеничной муки отличаются некоторыми особенностями, заслужившими справедливое одобрение всех иностранцев, имевших случай сравнить наш хлеб с хлебом различных других стран. Этою стороною дела, при некоторой коммерческой ловкости, можно воспользоваться для успеха дела снабжения иностранных рынков нашею мукою. Англия, которой в сущности подражают другие страны Западной Европы во всех промышленно-торговых операциях, представляет наибольшие шансы для начинателей экспорта русской пшеничной муки. Та смесь «русской» (русика) пшеницы (а именно от $^1/_{10}$ до $^1/_3$ по весу) с «переродом» (от $^9/_{10}$ до $^2/_3$), которая в наших северных и волжских круп-

[1] В счете всего вывоза хлеба (стр. 271) содержится вывоз муки и крупы всякой.

чатках дает около 40—50% «крупчатки» (№ 0 и № 00), около 30—20% «первача» и около 15% «куличной», «выбойки» и тому подобных низших сортов (да около 15% отрубей), эта смесь, которой русские мельницы переделывают более 30 млн пудов в год, заслуживает, по моему мнению, наибольшего внимания начинателей, потому именно, что передел такой смеси особенно хорошо знаком нашим мукомолам. И в этом полном знакомстве русских практиков с искусством готовить выгодно хорошие сорта пшеничной муки я вижу второе обстоятельство, благоприятствующее успеху настойчивых попыток сменить зерно мукою в нашем заграничном отпуске. Пора уже начинать и в этих делах промышленности показывать русское, в достигнутом им самостоятельном виде. Было время, когда на русское смотрели, как на сырое, грубое и только пригодное для переделки на западноевропейский лад. Если русское листовое железо, русскую икру и русский керосин видели с их особыми достоинствами, то приписывали это только природным особенностям, например качеству руд, древесному топливу, сортам каспийских рыб, свойствам русской нефти и т. п. Но это время прошло. Теперь уже понимают, что есть кое-что русское особенное, нами самими дойденное, самостоятельное, оригинальное, не худшее, чем многое ихнее, а подчас и лучшее, и внимание обращено на все русское ныне всюду, с легкой руки русских кружевниц и русского гр. Льва Николаевича Толстого. Со временем, бог даст, выступит и многое, а теперь пока проще всего начинать с нашей муки. Тут не надо учиться новой технике; она знакома русским деятелям в высших современных формах. С 70-х годов построено по России, внутри ее, много паровых мельниц,[1] даже больше, чем надобно для внутреннего потребления, и в средине 80-х годов внутреннее перепроизводство стало ясным. Тогда-то и следовало бы обратиться к иностранным рынкам, если бы места мельниц были расположены, как это и следует делать впредь, в том соображении, чтобы избыток производства сбывать за границу. Вообще выбор места для промышленных устройств составляет одну из слабейших сторон современного состояния русской промышленности. Неуспех многих наших начинаний часто зависит именно от этого, что придется мне указывать не раз в этой книге. По отношению к товарам, которыми Россия преизобилует, подходящими

[1] В очень интересном исследовании (напечатанном по распоряжению Министерства государственных имуществ) А. А. Клопова (СПб., 1888) «Очерк мукомольного производства в Приволожье и проч.» находятся данные для ознакомления с этим делом.

местами для устройства крупных промышленных предприятий должно считать местности, соседние с южными и западными границами России. Тогда при переполнении русского рынка является возможность заграничного сбыта. Одно это соображение не только позволило бы уцелеть и развиваться многим из русских начинаний, не давших ожидаемых результатов, но и повело бы мало-помалу к тому, что Россия вместо сырья стала бы отправлять готовый товар, т. е. вместо рубля получала бы два.

Полагая, что сказанного мною достаточно для намека на предстоящее большое дело с вывозом русской муки, я замечу только, что с разных сторон уже слышно об усилиях к вывозу русской муки; но здесь нужны не только настойчивость и знание рынков, для которых будет готовиться мука, а также и аккуратность в тщательном согласовании отправляемого груза с посылаемыми образцами, потому что только этим путем возможно быстро увеличивать русскую отправку мукою. Что касается до технической стороны дела (устройства мельниц, сухости, способа погрузки и т. п.), то ныне в этом не встретится тех затруднений, которые погубили большое таганрогское начинание В. А. Кокорева в начале 60-х годов. Замечу здесь, что американцы отправляют много своей пшеницы не в зерне, а в виде муки. Так, например, официальный отчет за год, кончающийся 1 июля 1889 г., оценивает вывоз пшеницы зерном в 42 млн долл., а мукою в 45 млн долл., что показывает вывоз около $^1/_3$ пшеницы мукою, хотя в прежние годы пропорция была меньшею. Выгодность переделки зерна в муку в данной стране видна уже из того, что большинство стран, налагающих хлебные пошлины, облагает муку в $1^1/_2$ или 2 раза выше, чем зерно, отруби же ниже или даже впускает беспошлинно. Это должно принять во внимание при обсуждении отправки хлеба мукою.

Если же России выгодно усилить свое мукомольное дело в видах увеличения хлебного заработка своей страны, то впускать муку иностранную без обложения нет никакого основания. Если в Россию повезут зерно для надобностей пограничных жителей, например при недостатке хлеба, то пусть ввозят беспошлинное зерно, а его смолоть можно и дома, на тех пограничных мельницах, которые, как видели выше, следует завести или усилить. А потому разумная покровительственная система требует, чтобы при беспошлинном ввозе зерна мука была обложена. Так это и сделано давно в русском тарифе, но пошлина ограничивалась в 1868 г. 4 коп. кред. с пуда для ржаной муки и 7 коп. кред. для пшеничной,

в 1882 г. была возвышена до 10 коп. зол., а с 1885 г. доведена до 12 коп. зол. с пуда, и все же ввоз происходил и особенно совершался из Австрии в польские губернии. Именно муки и крупы ввезено в Россию по европейской границе:

Ввоз муки и крупы всякой [по] европ. границе

Год	Тыс. пудов	Тыс. руб.	Год	Тыс. пудов	Тыс. руб.
1870	114	171	1880	423	729
1871	133	180	1881	340	713
1872	148	192	1882	234	516
1873	162	305	1883	263	586
1874	211	352	1884	319	749
1875	323	434	1885	295	765
1876	235	360	1886	340	752
1877	64	108	1887	131	312
1878	146	265	1888	101	219
1879	130	211	1889	166	414

Конечно, ввоз сам по себе ничтожен, но нет никакой надобности допускать его как противный тому направлению деятельности, которое должно усвоиться Россиею как выгодное ей, а потому и малый вход в Россию муки следует не облегчить, а затруднить. Для того, чтобы ускорить при помощи пошлин наступление правильного, т. е. России выгодного, порядка международных сношений, тариф и пересматривался, а потому на муку пошлина возвышена до 20 коп. зол. с пуда. Не налагается запрещения, как было когда-то, даже не накладывается сразу такая пошлина, в 50 коп. зол. или даже в 1 руб. зол. с пуда, какую просили мукомолы, а пошлина возвышается умеренно. И если ввоз будет продолжаться, — придется наложить высшую пошлину, т. е. итти постепенно, но твердо, уверенно, потому что в таком способе действия видна будет система и настойчивость, которые одни и могут поднять значение русской промышленности.

Если сопоставить то, что при пересмотре тарифа 1891 г. снята пошлина с гороха и бобов, оставлен беспошлинный ввоз всяких хлебов, сохранены оклады на рис и возвышена пошлина на муку и крупу, и если вникнуть в рациональность каждой из этих мер, то получится первое основное понятие о том, в чем состоял «пересмотр». Каждый товар, очевидно, обсуждался, резкие перемены избегнуты, и должно ждать плодов от принятых мер, чтобы — в случае надобности или новых перемен мирового рынка и русских к нему отношений — исправлять своевременно то, что следует. Вечного тарифа

дать нельзя, можно только дать направление тарифным мероприятиям, а в пройденных, еще очень немногих, товарах уже видно направление, принятое в тарифе 1891 г.

Не излишне заметить здесь, что возвышение пошлины на привозную муку вовсе не может послужить поводом к общему возвышению в России цены этого товара, как полагают многие по отношению ко всякому возвышению таможенных пошлин. Причина этому ясна: внутренняя конкуренция мукомолов, цены на хлеб в зерне и провозные платы суть единственные определители русских цен на муку. Таможенный оклад здесь не при чем. Это повторяется над всеми товарами, для которых существует внутренняя конкуренция. А рациональные протекционные пошлины и назначаются именно для того, чтобы вызвать внутреннюю конкуренцию даже для таких товаров, для которых нет внутренней конкуренции. Из примера же муки видно, что протекционные пошлины могут быть полезны даже в тех случаях, когда внутренняя конкуренция уже существует. Так сложны явления, существующие в торгово-промышленных отношениях, что, не разбирая их по-одиночке в их реальных условиях, а обсуждая только вообще — с высоты птичьего полета общих экономических соображений, — должно потеряться и бросаться мыслью из стороны в сторону. Это летание по верхам, это шатание мысли и составляет истинное свойство, внутреннюю принадлежность классического просвещения. Как в научных, так и в тарифных делах такой способ следует оставить, обратившись к скромному разбору действительности.

В 4-й статье тарифа важнее всего *крахмал* [1] по его промышленному значению. Различные его виды идут для пищи, для крахмаления и аппретирования тканей, ниток, белья и проч., для склеивания, для превращения в патоку и декстрин и для множества более мелких потребностей. Первые две потребности суть главные. Из-за них крахмальные заводы встречаются в самых разнообразнейших концах России и сгустились около Москвы. Для приготовления больше всего служат: картофель, пшеница, кукуруза и рис. Около Москвы, Твери и Ярославля, где много мануфактур, так умножи-

[1] Картофельная мука, т. е. недостаточно очищенный картофельный крахмал, ныне почти исчезла из обращения. Об этом предмете говорить нет надобности. Картофельная мука по прежнему тарифу облагалась пошлиною в 70 коп. зол. с пуда, но по этой статье ввозилось мало (от 100 до 500 пудов в год), а судя по объявленной цене (около 3 руб. пуд), вероятно вместо картофельной муки проходил крахмал, от которого картофельную муку отличать трудно для таможен. Эти неудобства прежнего тарифа ныне уничтожены.

лось, особенно в начале 80-х годов, число мелких местных помещичьих и крестьянских крахмальных заводов, что оказалось перепроизводство, послужившее поводом к созыву в 1885 г. при императорском Русском техническом обществе съезда крахмалозаводчиков, под председательством покойного Е. Н. Андреева. Съезд этот мало что выяснил, потому что ему недоставало основных статистических данных. Не только общее производство, но и самое число заводов остались и остаются неясными. Однако, судя по величине потребности и по ввозу, можно полагать, что Россия производит около миллиона пудов крахмала. И это производство, особенно же картофельно-крахмальное, весьма важно для нашего сельского хозяйства как потому, что позволяет вводить в севооборот корнеплоды, содействующие глубине пахания, распределению полевых работ на более долгий срок и очищению пашни от сорных трав, так особенно и потому, что, доставляя хозяевам корм скоту и новые выгоды, демонстрирует ту живую связь, какая всюду существует между сельским, заводским и фабричным промыслами. Сам по себе картофель, по дешевизне, легкой порче и по чувствительности к морозу, не может подлежать ни долгому хранению, ни далекой вывозке, народом же потребляется в сравнительно малом количестве, а при переделке в крахмал становится товаром, выдерживающим далекую перевозку, легко сохраняемым и ценным, потому что он (в сухом виде, с 15—30% влаги) стоит от $1\frac{1}{4}$ до 3 руб. за пуд (у нас пшеничный — около 3 руб., а рисовый — около 4—5 руб. пуд). При этих условиях должно желать, чтобы производство крахмала, особенно картофельного и пшеничного, сильно развивалось в России, тем более, что отбросы производства послужат к развитию скотоводства, и устройство завода требует только терки, промывки и сушки, т. е. расходует механические двигатели (водяные, ветряные, конные и паровые) и воду. Все меры к тому, чтобы наше крахмальное производство улучшилось (устройство образцового крахмального завода, школы крахмальных мастеров и т. п.) и начало крупный сбыт за границу (устройство складов, браковки, экспортных контор и т. п.), сослужат великую службу как для сельского хозяйства, так и для нашей отпускной торговли. Особо важно здесь то, что картофельно-крахмальное дело, по своей сущности, останется мелким, раздробленным, почти кустарным и, в то же время, заводским делом. А когда оно найдет себе заграничный выход, тогда рынок сбыта обеспечится. Должно, однако, заметить, что вместе с падением хлебных цен цена крахмала падала в последние

десятилетия. Так, по отчетам гамбургской биржи средняя цена (за пять лет) 100 кг крахмала в немецких марках была:

Года	Марки	Года	Марки
1847—1850	52	1871—1875	55
1851—1855	55	1876—1880	48
1856—1860	57	1881—1885	44
1861—1865	52	1886	38
1866—1870	55	1888	37

Эта последняя цена (37 марок за 100 кг), при курсе 130 коп. кред., отвечает 2 руб. 45 коп. кред. за пуд нетто. За такую цену можно отправлять и пшеничный крахмал, лучший же картофельный, идущий в кушанье, ценится не ниже.

Если мы обратимся теперь к вывозу нашего крахмала, то увидим, что его отправляют очень мало, например, картофельной муки и крахмала вывезено по всем границам в 1888 г. около 8 тыс. пудов на 28 тыс. руб., в 1889 г. 23 тыс. пудов на 73 тыс руб. Отправка возрастает, идет главным образом на Пруссию, и должно полагать, что шансы возрастания существуют.

Но в то же время к нам и ввозят маисовый (часто считаемый рисовым) и рисовый крахмал, преимущественно из Англии. Данные берем по европейской торговле с 1880 г., когда пошлина была 55 коп. зол. с пуда; с 1882 г. взималось с крахмала по 1 руб. зол., а с крахмальной муки 60 коп. зол., в 1885 г. 20% прибавлено, а с 1889 г. по 1 руб. 40 коп. зол. с пуда крахмала. По мере увеличения окладов ввоз убавляется.[1]

Ввоз по европейской границе

Год	Тыс. пудов	Тыс. руб.	Год	Тыс. пудов	Тыс. руб.
1880	204	764	1885	138	816
1881	178	755	1886	112	518
1882	186	846	1887	156	657
1883	116	658	1888	98	388
1884	131	752	1889	89	342
Средняя 5-летняя цена пуда	4 руб. 63 коп.		5 руб. 59 коп.		

[1] Картофельную муку я присчитываю к крахмалу — при ввозе, но, повторю, масса мала — сотни пудов.

Очевидно, что ввозятся к нам только дорогие сорта крахмала, особенно же маисовый и рисовый, идущие для крахмаления белья. А так как производство рисового крахмала уже началось в России и азиатский рис у нас (около 1 руб. пуд неочищенный) дешевле, чем в Англии (около 9 шиллингов за центнер = 1 руб. 20 коп. кред. за пуд), то есть условия для того, чтобы ввоз иностранного крахмала к нам прекратился. Для этого в новом тарифе сохранена прежняя пошлина (1 руб. 40 коп.) на крахмал, привозимый в ящиках и вообще больших помещениях, но возвышена до 1 руб. 75 коп. (с укупоркою) пошлина с крахмала, привозимого в коробках, пакетах и тому подобной укупорке, не только потому, что такой товар дороже ценою, но еще и для того, чтобы предоставить возможность русским производителям вытеснить с нашего рынка и высшие сорты крахмала.

Аррорут (Arrowrood) и саго, представляющие не что иное, как виды крахмала, извлекаемые из тропических растений (цена, например, саго в Лондоне, 1889 г., 12 шиллингов центнер; в Гамбурге саго около 2 руб., аррорут около 5 руб. кред. пуд), должны нести такую же пошлину, как крахмал, потому что или равны ему по цене или выше его. То же относится до декстрина и лейокома как продуктов, получаемых из крахмала и имеющих высшую, чем он, цену. Они в России приготовляются и ввозятся к нам (около 2 тыс. пудов в год, примерно по 5 руб. пуд), лишь в малых количествах — для мануфактуристов.[1]

К той же статье и тем же окладам, как крахмал, отнесены по новому тарифу вермишель и макароны (прежде они платили 1 руб. 30 коп. зол.), потому что они представляют продукты такого же происхождения, как и крахмал, так как

[1] По своей природе и составу крахмал из картофеля, пшеницы, риса, маиса, саго, маниока (аррорут из Бразилии) и т. п. одинаков; различие в свойствах определяется величиною крахмальных зерен (например картофельный крахмал до 0.1 мм, а маисовый до 0.03 мм в поперечных размерах) и их сложением или плотностью наложения отдельных слоев, отчего зависит, например, то, что картофельный крахмал бухнет в воде при температуре около 46° Ц, рисовый же и гречистый — около 55° Ц. Чтобы показать относительную ценность крахмала различного происхождения, привожу (по Heinzerling'y, 1888, Abriss d. chem. Technol.) мартовские цены 1885 г. в Берлине, за 100 кг (6.1 пуда): картофельный крахмал — 16—18 марок, пшеничный — 32—36 марок, рисовый 34—36 марок, маисовый 30—31 марка. Относительная дороговизна пшеничного крахмала и прекрасные питательные свойства отбросов (клейковины), остающихся при переделке пшеницы на крахмал, указывают на то, что для вывозной торговли России пшеничный крахмал, быть может, представит наиболее шансов выгодности.

готовятся из пшеничной муки. Ввоз этого товара (преимущественно в Петербург) не превосходит 3—6 тыс. пудов и притом по очень высокой цене — около 8 руб. кред. пуд, тогда как в России они готовятся уже повсюду и ценятся гораздо дешевле (около 4 руб. пуд). Наша пшеница служит в Италии между прочим для изготовления макарон. Очевидно, что ввоз происходит только по старой привычке многие припасы брать из-за границы. Это доказывается постоянством ввоза, несмотря на возрастание окладов. Так, например, в 1869—1871 гг., когда вермишель и макароны платили 1 руб. кред. за пуд, ввезено по европейской границе 5, 4 и 3 тыс. пудов, среднее 4 тыс. пудов, а в 1888—1890 гг., когда оклад был 1 руб. 30 коп. зол. (а с августа 1890 г. еще с 20%), ввезено 5, 4 и 4 тыс. пудов, следовательно то же количество, хотя пошлина была в сущности (при переводе на кредитные рубли) почти вдвое большею. Следовательно, ввоз этот есть дело привычек прихотливого роскошества, а потому оклад в 1 руб. 40 коп. зол. с пуда не может здесь иметь значения. Русский вывоз вермишели и макарон начался, но также очень мал. Его усиление, конечно, не может быть достигнуто тарифными ставками, но должно быть на уме русских производителей этого товара. А именно вывезено в 1888 г. из портов Черного и Азовского морей, преимущественно в Турцию, около 4 тыс. пудов, в Финляндию около $1^1/_5$ тыс. пудов, а всего 6 тыс. пудов на 22 тыс. руб. (пуд — $3^1/_2$ руб. кред.). В 1889 г. вывоз южных портов был такой же, вывоз в Финляндию немного возрос, а всего вывезено $6^1/_2$ тыс. пудов на 25 тыс. руб. Это ничтожно мало сравнительно с тем, что может быть легко достигнуто при некотором усилии. Если часть пшеничного зерна, отправляемого Россиею, заменится мукою, другая пшеничным крахмалом и макаронами, то вместо 1 руб. за пуд зерна получится по крайней мере по 3 руб. Вот здесь, на частном примере, ясно, что значит быть просто земледельческим поставщиком или явиться с поставкою заводско-фабричных продуктов. И не надо забывать, что зерно, переделанное в заводах (например крахмальных) или фабриках (например на мельницах или макаронных фабриках), кроме того, что даст новую работу и предоставит спрос хлебу, даст еще и отбросы, например отруби, которые могут быть в том же хозяйстве превращены в дорогое мясо и другие продукты животных. Земледелие одно оплачивается плохо; все прочее — лучше, а потому земледельцы наши, когда говорят противу заводов и фабрик и противу средств, применяемых для их распространения в России, — не ведают, что творят.

К той же 4-й статье отнесены «миндальные отруби без духов». Это мелкий товар, остающийся у аптекарей, занимающихся выжимкою миндального масла. Прежде этот товар платил 24 коп. зол. с пуда, но цена его столь высока, что оклад в 1 руб. 40 коп. зол. с пуда не имеет здесь иного значения, как покровительство мелкому промыслу обработки миндаля в России, тем более полезному, что самый миндаль (ст. 11-я) платит 2 руб. зол. с пуда.

Окончив краткий разбор товаров 4-й статьи таможенного тарифа, я считаю необходимым сказать, что по отношению к товарам этой и большинства следующих за нею статей не только у нас, но и всюду имеются самые скудные сведения технического и статистического свойства. Недостаток данных этого рода много задерживает расширение производств, сюда относящихся. Ни способов лучшей переработки, ни сведений о рынках сбыта и добычи, ни перемены цен, словом ничего такого, что очень надобно знать учредителю дела, здесь негде почти взять, не от кого узнать. Отсюда — господство рутины в таких производствах. Если возьмем не только железо или бумагу, но даже керосин или хотя бы спички, — их производство быстро улучшается, между прочим, потому, что о них много говорится и пишется. Многие же мелкие виды промышленности как бы забыты, а между тем их совокупность во много раз превосходит значение очень крупных дел, у всех на устах обращающихся. Не требуя больших капиталов и находясь чаще всего под прямым надзором самих хозяев, особого внимания заслуживают те из этих мелких производств, которые исходят из туземных материалов, и я думаю, что первейшую надобность ближайшего времени промышленного развития России составляет издание возможно подробных руководящих статей, относящихся к таким мелким видам возможных для России видов промышленности. Знаю, что это очень трудно, потребует особого изучения на местах многих из таких дел, но убежден, что такой труд плодотворен и разольет, хотя и медленно, много блага в России. Как предприятие или лично выгодное дело подобное издание должно быть считаемо осуществимым разве при другом более обещающем подобном же деле, но как дело выгодное для страны, для жителей, для русской производительности и торговли — такое издание, по моему мнению, ныне не менее надобно, чем технические или греко-латинские школы.

В 5-й статье нового тарифа содержатся овощи. До сих пор (с 1885 г.) простые свежие овощи проходили с пошлиною

в 12 коп. зол. с пуда (в 1868 г. — беспошлинно). Но с тою же пошлиною входили и сушеные, непрессованные овощи и цикорий. Они не разделялись в таможенных отчетах, а ныне в тарифе разделены (по пунктам 1-му и 3-му) по окладам, а именно для сушеных овощей и цикория назначена пошлина в 40 коп. зол. с пуда. Очевидна цель — поощрить русскую сушку овощей и уменьшить заграничный их привоз. Вздорожать, особенно в той дробной продаже, из которой они покупаются потребителями, от такого возвышения оклада сухие овощи не вздорожают, а если развитие сушки, уже начавшееся в России, будет продолжаться, то взаимное соперничество спустит цены до крайней возможности, так как разведение овощей в России составляет везде распространенную и очень развитую отрасль промышленности. Прежде всякие овощи свежие платили один оклад 12 коп. зол. с пуда, ныне спаржа, артишоки, цветная капуста и зеленый горошек будут платить высший оклад, т. е. 40 коп. с пуда брутто, что отвечает, во-первых, тому, что производство этих овощей изысканного вкуса всюду развивается в России, следовательно достойно поддержки или возможного устранения соперничества иностранных огородников, а во-вторых, повышение пошлины на указанные овощи отвечает их гораздо высшей цене, особенно в ранние периоды года. Разведение ранних овощей в парниках и теплицах севера России (например около Клина и Ростова) и подвоз с юга таких овощей уже существует и может прокормить при своем развитии немало народа, а потому следует и таможенною пошлиною помогать русским усилиям, тем более что наше огородничество стоит, с давних пор, на своих ногах и дало немало самостоятельных результатов, начиная с наших видов капусты и редьки. К окладу в 40 коп. (вместо 12 коп.) причислен ныне и цикорий в сушеном виде, потому что производство его распространено уже во многих русских хозяйствах, а все-таки — вероятно по старой привычке — цикорий еще везется к нам из-за границы. Наконец, в статье об овощах есть пункт, относящийся к соленым и моченым овощам, обложенным в 25 коп. зол. с пуда брутто. Прежде они платили 65 коп. зол. с пуда (в 1868 г. 50 коп. кред.). Следовательно, здесь сделана значительная сбавка. Причиною служат два очевидные соображения: 1) мочение и соление овощей, например огурцов, капусты и т. п., составляет стародавний русский промысел, всюду развитый, и ему иностранное соперничество вовсе не может угрожать и 2) при мочении и солении вес (брутто) возрастает в несколько раз, а потому при низком

окладе на овощи и при незначительной затрате труда на соление и мочение оклад в 65 коп. зол. с пуда оказывается несоответственно высоким. Притом вследствие дешевизны ввозятся такие овощи только в пограничные места, и ввоз не может быть ощутительным для русской местной производительности. По тому же окладу в 65 коп. зол. с пуда брутто проходили до сих пор прессованные сушеные овощи, но так как прессовка пуда высушенных овощей стоит лишь очень дешево (1—2 коп.), то возвысив с 12 на 25 коп. оклад сушеных овощей, а для цикория с 12 до 40 коп., его опустили с 65 на 25 коп. для прессованных овощей, основываясь исключительно на том соображении, что сушение составляет довольно важную и трудную работу, при которой овощи теряют в весе, а затем прессование играет уже ничтожную роль, мало изменяя ценность. Следовательно, одни из овощей сохранили прежний оклад (начала 1890 г.), другие понизили, третьи повысили. Такие изменения вызваны сущностью дела, но на ввоз они, вероятно, будут иметь лишь малое влияние, потому что он и ныне невелик; однако быть может, что ввоз сухих овощей, и ныне значительный, на первое время возрастет, но зато цикория уменьшится.[1]

Чтобы дать понятие о количестве и ценности ввоза, привожу для 1889 г. числа ввоза по всем границам: овощей всяких (свежих, сушеных и цикория) 392 тыс. пудов на 560 тыс. руб.; овощей соленых, моченых и прессованных 2 тыс. пудов на 13 тыс. руб., а для последних 5 лет приводится ввоз по европейской границе:

Год	Свежих, сушеных и цикория		Соленых, моченых и прессованных	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
1886	476	970	2	14
1887	337	471	2	8
1888	142	251	2	9
1889	359	540	2	13
1890	312	350	3	20

[1] Быть может, следовало бы для скорейшего возбуждения сушки овощей увеличить на них оклады выше 40 коп. зол., например оставить общий оклад сухих 65 коп. зол., но ввиду того, что сушка овощей уже началась у нас в довольно значительных размерах и при перемене оклада с 12 коп. на 65 коп. цена бы могла подняться сразу, что нежелательно, осторожнее поступить именно так, как установлено, тем более, что ныне часть сухих овощей (вероятно наибольшая) проходила по 12 коп. зол.

Отсюда видно, что некоторая часть овощей поступает по азиатским таможням (особенно батумской и бакинской) из Персии и Турции.

Размеры нашего вывоза овощей (свежих, сухих, соленых и цикория) также невелики, как видно из данных для двух лет:

Год	Вывоз			
	по всем границам		по европейской границе	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
1888	511	444	486	422
1889	404	260	347	169

По количеству и цене он меньше ввоза, а по местам торговли совершенно иной.

Ввоз идет больше всего чрез Ригу и Одессу, а вывоз по сухопутной границе с Германиею.

При всем важном значении овощей для хозяйства и пищи не считаю надобным более останавливаться над овощами, потому что широкого торгового оборота они не имеют и едва ли скоро получат, хотя в сушеном виде овощи представляют предмет, которым возможно уже торговать в отдаленных краях, а потому весьма важно возможно широкое распространение сведений об этом предмете в России, что и делается уже Министерством государственных имуществ. Замечу еще, что Германия впускает свежие овощи беспошлинно, а за сушеные берет 4 марки со 100 кг (около 19 коп. зол. с пуда), ввоз же овощей в Германию по всем границам очень значителен, например:

	1888 г.	1889 г.
Овощей и ягод (но не фруктов)	70 тыс. т на 13 млн марок	68 тыс. т на 17 млн марок
Сухих овощей и плодов (без сахара) . . .	30 тыс. т на 11 млн марок	36 тыс. т на 10 млн марок

Общий ввоз с годами возрастает, так что русским овощам, особенно сухим, предстоит соседний сбыт. Доныне Австрия поставляет в Германию около половины недостающих ей овощей. За нею следуют Швейцария и Италия. Из 70 339 т свежих овощей и ягод, полученных Германиею в 1888 г., Россия доставила только 301 т, то есть менее $^1/_{200}$ доли существующего спроса. Вот где дела не громкие, но верные, в которых

Россия может выигрывать в своих международных отношениях. И я полагаю, что возрастающий спрос русской ржи служит указателем того, что свежие капусту, огурцы, морковь, лук, редьку и т. п. и всякие сушеные овощи из России будут вывозить в возрастающих с годами массах, если только найдутся люди, могущие обернуть подобные торговые предприятия.

Вообще говоря, в отношении к питательным веществам русской внешней торговли следует, по моему мнению, постепенно изменять свое направление и вместо зерна, или вместе с ним, высылать продукты его обработки, каковы мука, крахмал, макароны и тому подобные овощи и животные произведения. Добыча всего этого уже существует в России, следует только приложить должные усилия к ее росту. Тогда не только получится больший заработок, но и земли станут медленнее истощаться, тогда как при современной хлебной культуре Россия, кроме того, что получает мало за многие труды, еще и отдает за границу будущую урожайность своих полей, так как хлебная культура, подобная нашей, когда большая часть полей покрыта зерновыми злаками, принадлежит к числу тех, которые наиболее истощают пахотные поля.

Но здесь я остановлюсь, потому что предмет этот по его самостоятельно большому значению может отвлечь мое изложение от того положения торговых, а особенно заводско-фабричных отношений России, для которого назначена предлагаемая книга и в котором одну из существенных ролей играет таможенный тариф. Земледелие России важно, громадно, но не оно составляет основной предмет моего изложения. Если бы я не считал наиболее практически полезным следовать за статьями тарифа, а хотел бы следовать по порядку современного практического значения статей нового таможенного тарифа, то я должен был бы во главу изложения поставить каменный уголь и железо как знамения современной промышленности. Однако есть свои выгоды в начале изложения с хлебных товаров, потому что предстоящее должно опираться на прошлое и исходить из современного, а то и другое в русской промышленности основано на хлебе. Не умалить его значение, ибо об этом не может быть и речи, а увеличить значение других видов промышленности — составляет основную задачу, предстоящую России, сколько можно видеть из всего хода сложившихся в мире обстоятельств. Соперничать русским следует в будущем, конечно, не с неграми, которые скоро примутся кормить Европу, тре-

бующую хлеба, а с западными соседями в их заводско-фабричных предприятиях. Поэтому основные или исходные мысли предлагаемой книги найдут свое выражение только в тех главах, которые относятся к производству заводско-фабричных товаров. Но и там я постараюсь ни на минуту не забывать, что русский человек все же еще пока преимущественно земледел, как не забыто это в новом тарифе, что видно из высокого и постоянного покровительства всему тому земледельческо-промышленному, что выгодно развивать в России, чтобы хотя чрез прямую выгоду постепенно приучать к мысли о необходимости приумножить русскую сельскохозяйственную деятельность на земле развитием в ней других видов современной людской деятельности.

В пяти первых статьях нашего таможенного тарифа содержатся все основные питательные вещества. Без плодов, чая и т. п., даже без мяса, обходиться можно, но зерновой хлеб можно заменить или продуктами, из него получаемыми, например макаронами, мукою и т. п., или в особых случаях, и то только отчасти и временно, — картофелем и овощами, хотя есть малые народы, живущие без хлеба, рыбой, как гренландцы, или продуктами скотоводства, как некоторые жители среднеазиатских степей. Следовательно, на хлебные товары нельзя глядеть вровень со всеми другими. Законы некоторых стран, даже Франции — в средине прошлого столетия, так и глядели на внешнюю хлебную торговлю: вывоз хлеба в норме не допускался. Старые русские законы XVII столетия содержали подобные же запрещения: внешняя хлебная торговля производилась прямо от царской казны и допускалась только при особо благоприятных для того условиях, например в мирное время и в урожайные годы. Выше уже упомянуто (стр. 270), что вывозные пошлины на хлеб существовали у нас еще, сравнительно, очень недавно. Чтобы разобраться в сложных вопросах международной хлебной торговли, нельзя не указать на интереснейшую книгу *Галиани* (Galiani), ныне изданную в русском переводе *М. Драгомировым.* Она называется *«Беседы о торговле зерном»* (1891, Киев) и относится ко времени, предшествующему большой французской революции. Теперь условия во многом изменились, но сущность дела осталась тою же. К современным нашим условиям не подходит, по моему мнению, налог на вывозимый хлеб, хотя и нам, не менее французов XVIII столетия, должно видеть необходимость достичь прежде всего наиболее удобного распределения хлеба внутри своей страны, запасов его на случай неурожайных го-

дов и, главное, подумать хорошенько о том, что Англия, Франция и Германия еще в прошлом столетии отправляли свой хлеб, а ныне его много покупают, увеличив свое народонаселение, хотя сильно убавляют его колонизациею. Нам возможно было бы налагать вывозные хлебные пошлины не иначе, как после договора с С.-А. С. Штатами, а без него налог на вывоз русского хлеба послужит только к потрясению финансов, нашей отпускной торговли и наших современных международных промышленных отношений. Но и без налога дело должно, рано или поздно, склониться к уменьшению вывоза русского хлеба и к замене его иными товарами, особенно же вывозом муки, крахмала, спирта и других подобных продуктов как товаров более дорогих и прямо получаемых из хлеба, и вывозом животных продуктов, особенно мяса, потому что они много выгоднее (как развито будет в 5-й главе) вывоза хлеба и их производство может исходить косвенно из вывозимого хлеба. Главным поводом к естественному (без пошлин на хлеб) уменьшению нашего хлебного экспорта должно служить возрастание его внутреннего потребления на горных промыслах, заводах и фабриках, когда покровительство им окажет свое действие и, вызывая развитие достатка, послужит к быстрейшей, чем ныне, прибыли населения. Нельзя же не видеть, что страны, подобные России, отправляющей хлеб и имеющей избытки рабочих сил, могут уже на основании своей дешевизны в хлебе иметь большие выгоды в производстве множества товаров, требующих много рабочих сил. В куске хлопчатобумажной ткани включено много рабочих дней, как объяснено будет в одной из последних глав этой книги, а в рабочих днях включена цена хлеба, а потому, вывозя хлопковую ткань, мы вывозим и хлеб. И легко увериться в том, что с развитием наших заводов и фабрик продукты их могут тем скорее конкурировать с иностранными, чем более рабочей платы включено в ценность производимых товаров. На этом основании, т. е. исходя из сравнительной дешевизны хлеба, наибольший шанс. для выгодного усиленного производства и заграничного вывоза, по моему мнению, представляют для России (кроме прямо хлебных) товары трех родов. Во-первых, такие, как каменный уголь и железо, которые необходимы самой России, находятся в виде изобильных в ней залежей, требуются во всем мире и столь низки по современной мировой цене, что стоимость их почти целиком определяется перевозкою и числом потраченных рабочих дней, с очень малою (относительною к массе) прибавкою ренты за землю и небольшой (при доста-

точном соперничестве и больших размерах производства) предпринимательскою выгодою. Вторую категорию товаров, которые выгодно возбуждать в России на основании ее современных хлебных избытков, составляют мануфактурные товары, именно потому, что требуют много рабочих сил. По записям, ныне существующим, о числе фабричных рабочих и, оценивая лишь приблизительно число кустарей, занятых мануфактурным делом (прядения, тканья, вязанья и т. п.), должно считать, что ныне в России на фабрично-мануфактурных делах с волокнистыми веществами занято не менее 700 тыс. рабочих да на подвозке топлива и других материалов, необходимых мануфактурам, вероятно не менее 300 тыс. жителей, всего около 1 миллиона. Считая семью из трех человек, питаемых одним рабочим, получим, что для мануфактур уже ныне идет не менее 30 млн пудов хлеба. А так как Россия переделывает около 9—10 млн пудов одного хлопка, а Англия отправляет за границу в год почти столько же[1] хлопчатобумажных изделий и так как международный спрос на изделия волокнистых веществ вообще усиливается, то возрастание русского производства и вывоза этих изделий может содействовать очень значительному увеличению русского потребления труда и хлеба. Третью категорию товаров, могущих легко усилить внутреннее потребление хлеба и внешний вывоз товаров, составляют, по моему мнению, произведения нашей мелкой, кустарной промышленности, начиная с ящиков и ножей, нашедших уже, хотя еще малый, заграничный сбыт, и кончая множеством продуктов мелкой механической и химической промышленности (например карандашей, циркулей, часов, подносов, кружев, обуви, желтой соли, канифоли и т. п.), которая чрез развитие примеров и некоторой степени иной помощи легко может укрепиться в разных краях России. Такие производства, увеличивая заработки, возвысят внутреннее потребление хлеба, увеличат и самый прирост народонаселения и дадут предметы вывоза, а потому заслуживают особого возбуждения *всякими способами, начиная с таможенных*. А так как очень скорого роста, даже и при усиленных мерах возбуждения, ждать здесь нельзя — требуется время, то существующий вывоз хлеба не следует, по моему мнению, затрагивать ныне таможенными мерами — без существования крайней для того необходимости. Однако оставить все дело в его естественном

[1] Например, в 1887 г. вывезено из Англии хлопковых изделий 131 тыс. т (на 71 млн ф. с.), или 8120 тыс. пудов.

течении, т. е. следовать учению о «невмешательстве» (laissez faire), очень опасно для будущности России именно потому, что хлебный вывоз не есть вывоз труда, а есть вывоз природной силы, почти ничем не могущий вознаграждаться. В хлебном зерне концентрируется, с одной стороны, лучшая — для дальнейшей производительности — сила растений и почвы, с другой стороны, энергия работы солнца в нем в сотни раз превосходит энергию человеческого труда, что указывает на тропические страны как на истинный источник производства хлебов, России же не стать занимать, как это делают Англия, Германия, Франция, Бельгия и Голландия, тропические страны для того, чтобы иметь в них на будущее время резервуар для восполнения хлебных недостатков; ей бы свое сохранить и устроить. Вывозя хлеб, Россия и сейчас отнимает от себя и напредки уменьшает свои ресурсы. Если бы еще цена хлеба была велика, если бы производство хлебов могло быть, хотя ныне, верным и прочным и могло бы приучать к тому, чтобы люди опирались на свой труд с некоторою уверенностью, приучающею к бережливости, созидающей прочный достаток, тогда бы можно было еще удерживать неопределенно долго хлебный вывоз, не предпринимая для его устранения особых мер, потому что с накопленными капитальными запасами — как в Англии — можно успешно бороться с могущими встретиться препятствиями. Но ничего этого в хлебной торговле нет. Галиани, лет за 100 назад, отлично сравнил хлебную производительность с азартною игрою, а такой «азартности» в основном промышленном строе целой страны допустить не следует, если есть какая-нибудь возможность ее избежать. И в этой книге я предполагаю прежде всего показывать, на множестве других товаров, что Россия обладает массою условий для замены своего хлебного вывоза другими видами вывоза, иных товаров, не такой исключительной важности, какую имеет хлеб.

Закончу изложение, относящееся к основным питательным веществам, несколькими отрывочными замечаниями, касающимися как русского, так и всемирного производства этих товаров.

Было время, когда в Россию притекало много переселенцев на ее свободные земли. Теперь уже прежнего простора нет: и пресловутые степи все стали нивой, и чернозем стал требовать удобрений. Ждать еще бóльших указаний на современность явного промышленного протекционизма — опасно.

Если горнопромышленников, заводчиков и фабрикантов, усилив их покровительство и освободив от некоторых тягост-

ных формальностей (которые я когда-нибудь стану особо разбирать) и налогов (например от горной и гильдейской подати), обязать иметь склады хлебных запасов, соразмерные с числом рабочих, и если увеличить число хлебных запасов и складов (элеваторов и т. п.) при железнодорожных узловых станциях, то для пополнения таких складов потребуется сразу много хлеба, его запасы станут более осязаемы, и получится время для того, чтобы Россия успела оглядеться в своей хлебной производительности. Заем, который для этого быть может потребуется, чтобы дать варрантные ссуды под хлебные склады, будет, конечно, не менее обеспечен и производителен, чем даже займы, сделанные для постройки железных дорог, и сколь ни важна для будущности России великая сибирская железная дорога, не менее важно обеспечить Россию со стороны хлебных запасов для народного и международного обращения.

Русский народ не меньше всякого иного, а быть может даже и больше, привык видеть главное свое богатство в хлебе, а потому очевидное скопление хлеба в складах России (американцы имеют много хлеба «на складах») будет им понято, как богатство явное, будет давать ему уверенность действий и обеспеченность, какие всегда представляются не только полезными, но и важными.

Земледелие России может еще сильно развиваться, особенно со стороны интенсивности культуры и урожайности, но для этого неизбежно необходимы затраты, очень медленно возвращающиеся, и такие, которые могут быть предприняты только тогда — в размерах России соответствующих, — когда процент на капитал в ней очень значительно упадет, т. е. тогда, когда капиталы накопятся, а развитие промышленных предприятий, подобных заводам и фабрикам, всюду служит единственным средством для такого накопления. Земледельческие же страны, самые богатейшие, начиная с Индии и кончая Аргентинской республикой, всегда страдают дороговизною капитала, шаткостью курса и отсутствием прочных сбережений, именно потому, что земледельческое дело сопряжено с массою непредвидимых случайностей.

Но хотя земледелие России представляет много шансов для дальнейшего своего возрастания, все же оно много ближе к пределу возможного своего развития (принимая во внимание климат и почву), чем все другие отрасли добывающей и переделывающей промышленности, гармоническое развитие которых, в связи с земледелием, составляет единственное ручательство в прочности всякого рода, потому именно, что

связь разнородных видов деятельности служит к очевидному укреплению каждой из них. Русский вывоз хлеба идет ныне к английским, немецким и другим рабочим фабрик и заводов, и столь громадной стране, какова Россия, выгоднее и безопаснее кормить своих, чем чужих рабочих фабрик и заводов. Хлебная торговля России ведется преимущественно на иностранные капиталы и при помощи иностранных кораблей. Можно было бы, как делали в свое время англичане и французы, ограничить вывоз русского хлеба при помощи дозволения вывоза лишь на своих кораблях, для того, чтобы на хлебе построить русский комммерческий флот в Черном море, но, не говоря ни о чем другом, нельзя не видеть, что хлебный груз сам по себе не может доставить прочного заработка кораблям, так как он сильно различается по годам относительного урожая — и даже по месяцам года.[1] Поэтому даже и эта, очень важная, сторона предмета требует подготовки других грузов, представляющих большую равномерность спроса и сбыта. Другими словами, это значит, что свой коммерческий флот Россия может завести только тогда, когда разовьет, кроме хлебной, другие виды своей производительности. А на одной морской перевозке русских товаров иностранные корабли, как мы увидим далее, зарабатывают не менее 70 млн руб. ежегодно.

Чтобы убедиться в том, что, кроме хлеба, есть возможность сбывать, ни у кого ничего не отнимая, массу русских товаров, если они будут дешево и хорошо произведены (как наш керосин), привожу следующую таблицу торговых

---

[1] По сводке пятилетних данных за 1883—1887 гг., сделанной в Таможенном департаменте, весь средний годовой вывоз пшеницы и ржи распределяется по месяцам следующим образом (по европейской границе), в миллионах пудов:

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Пшеницы . .	6(4)	5(3)	7(6)	11(9)	12(8)	10(5)
Ржи	3(1)	3(1)	6(3)	8(4)	8(3)	6(2)

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Пшеницы . . .	8(4)	11(6)	16(11)	20(15)	12(9)	7(5)
Ржи	5(1)	7(2)	7(3)	8(3)	8(3)	3(1)

Для черноморской и азовской морской [границы] числа вывозки приведены в скобках. Наибольшая неравномерность падает на пшеницу и на морскую ее перевозку из портов Черного и Азовского морей.

оборотов главных стран света в различные года, заимствуя ее из вышеуказанной книги Мёльгаля:

	Вывоз + ввоз в миллионах фунтов стерлингов			
	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.
Великобритания .	193	376	547	698
Франция	75	167	227	339
Германия	105	160	212	315
Россия	32	46	100	121
Австрия	29	51	83	128
Италия	26	46	74	96
Испания и Португалия	20	30	41	64
Голландия	44	56	71	121
Бельгия	35	48	64	116
Скандинавия . . .	17	30	42	55
С.-А. С. Штаты .	64	137	172	309
Южная Америка .	38	62	85	101
Индия и колонии .	93	192	241	362
	771	1401	1959	2825
Годовое увеличение оборотов . .	63	56	87	

Следовательно, мировые торговые обороты возрастают ежегодно, и если мир сохранится, возрастание не может — до поры до времени — остановиться, и Россия может доставлять в мировую торговлю свои товары в виде прибыли оборотов. Притом хлебные грузы составляют не более $^1/_{20}$ всей движущейся между народами ценности; главный спрос идет в мире не на хлеб, а на всякий другой товар, который не так грузен и не так дешев, как хлеб. Его-то и надо производить и сбывать избытки. Тогда с ним и хлеб, а особенно продукты, из него получаемые, будет выгодно вывозить и свой флот для этого держать станет возможным. Но пусть даже и перестанет год от году возрастать мировой торговый оборот. Рано или поздно это случиться должно, потому что протекционизм

уже понят и во всех странах вызовет производство многого у себя дома. Что же? Не мы должны остаться в проигрыше, если разовьем у себя все возможное. У нас будет чем кормить фабрики и заводы. Тогда и хлебу в международном спросе (а от него всюду зависят и местные цены) будет цена правильная — пуд хлеба будет дороже пуда железа, — как это и быть должно.

В своей статье (Северный вестник, 1888) «Будущая сила, покоющаяся на берегах Донца» (гл. II) я показал, что железнодорожное наше дело доныне требует либо возвышения на 20—25% всех тарифных ставок, либо возрастания числа перевозок (количества пудо-верст), чтобы не иметь железнодорожных дефицитов (приплат правительства по гарантиям и железнодорожным займам), которые хотя и уменьшились за последние годы, но все же не уничтожились и не уничтожатся, пока хлеб составляет главный перевозочный груз, которому в виду так называемого «сельскохозяйственного кризиса» и нельзя отказать в праве пользоваться тарифом, приносящим общей государственной казне одни убытки. Отсюда один выход: увеличить число перевозимых грузов. Но количество хлеба и продуктов фабрик нельзя скоро увеличить, а потому, ради возможности держать низкий железнодорожный тариф, следует всемерно возвысить внутреннюю русскую перевозку каменного угля и вообще ископаемых, так как для них одних перевозимая масса может быть значительною. Поэтому следует, в интересах сельского и всего государственного хозяйства, прямо противопоставить с хлебными интересами интересы каменноугольные как при обсуждении таможенного тарифа, так и при установлении железнодорожных тарифов. А потому, говоря о каменном угле, я подробнее остановлюсь на вопросе о железнодорожных тарифах. Это ныне тем удобнее, что труды Железнодорожного департамента Министерства финансов уже выполнили много задач, сюда относящихся, и тем своевременнее, что общее регулирование железнодорожных тарифов еще не закончено. Связь же между таможенным и железнодорожным тарифами столь велика, что не требует дальнейшего разъяснения.

Вопрос размножения или увеличения народонаселения и возможности несоответствия между приращением питательных средств и числа жителей, поднятый Мальтусом и мальтузианцами, по существу предмета тесно связан с вопросами производства хлеба и протекционизма. Во-первых, он имеет в настоящий момент смысл только в странах, подобных Англии, Голландии, Германии и т. п., где свободных земель

мало[1] и своих пищевых средств недостает для продовольствия, к России же и ей подобным странам, имеющим их избыток, совершенно ныне не относится. Во-вторых, вопрос этот решается многими экономистами и социологами поныне очень односторонне, так как хлебная производительность, очевидно, не достигла своего наибольшего возможного развития и с увеличением знаний может еще безгранично возрастать — до возможности искусственного производства (заводским путем) питательных веществ, а возрастание жизнедеятельности и благополучия людей встречает более препятствий в распределении земель, труда и достатка и в неустроенности общественного быта, чем в недостатке питательных средств, что заставляет более всего и прежде всего помышлять о возможной целесообразности в устройстве упомянутых сторон жизни, т. е. преимущественно о равномерности и общности труда, чем о каком-либо виде ограничения естественного, созидающего и возбуждающего к деятельности стремления людей к увеличению потомства, а потому проповедь аскетов, мальтузианцев, позднышевых и всяких иных недодумов может иметь влияние лишь одностороннее, личное и противное естественной разумности. В-третьих, самое возникновение упомянутого вопроса в эпоху возбуждения начал «невмешательства» и «свободной международной торговли» и неустройства первичных «земельных вопросов» ясно показывает, что в основах мысли, явившейся у Мальтуса, положена хотя и абстрактная идея, но чуждая возможности достаточно широкого понимания как всех вариаций, существующих в отношении к производству питательных веществ, так и естественной связи между размножаемостью и всеми

[1] Но даже в Англии, где пашня занимает около 30% всей земли, а луга и леса около 36%, есть около 33% непроизводительных земель, занятых парками лордов, городами, пустырями и т. п. Следовательно, и там есть много условий для производства питательных веществ внутри страны, потому что около половины надобного хлеба Соединенное королевство получает со своих земель, следовательно, может, увеличивая с небольшим в два раза засев хлебов, достать столько, сколько ныне ввозит. Вся поверхность Великобритании и Ирландии около 83 млн акров, под пшеницею, ячменем и овсом около 9 млн акров, а потому и этой стране можно еще очень легко кормиться своим хлебом. Она не делает этого, потому, во-первых, что считает более выгодным получать хлеб от других стран, а во-вторых, потому, что распределение в ней земель в руках немногих ландлордов препятствует в ней развитию мелкой поземельной собственности, умножающей добычу хлебного зерна.

В Германии, Голландии, Бельгии и тому подобных странах земли или менее производительны, или их уже очень мало нераспаханных — там теснее в отношении к производству хлебного зерна.

условиями существования потомства, чему пример виден в вымирании некоторых семейств и даже целых народов, например североамериканских индейцев и некоторых сибирских инородцев. Наконец, в-четвертых, гармоническое развитие на всей земле и во всех странах земледелия вместе с другими видами промышленности, к чему сознательно и бессознательно стремится все человечество, приведет его в совершенно иные условия такого равновесия, в котором вопрос размножения народонаселения вступит в фазис своего естественного решения, какой ныне, при очень грубой неравномерности стран, не может даже и предвидеться. Протекционизм в отношении к производству как хлеба, так и других надобных людям товаров, сделавшись предметом общего сознательного внимания стран, приведет к желаемому результату несравненно скорее, чем господство фритредерства, не только потому, что земледельческие страны разовьют свою заводско-фабричную деятельность, но и потому, что промышленные страны должны будут усилить свою колонизацию и производство хлеба у себя и в своих колониях, а чрез это человечество тем скорее устроится и тем быстрее достигнет возможного равенства народов и стран, чем более усилит свое размножение, долженствующее вести к преобладающему значению трудолюбия во всех его видах над случайными преимуществами, ведущими к несправедливостям, войнам и усилению существующих международных недоразумений. В переходное время от современного положения вещей к предстоящему главнейшие интересы мировых судеб должны будут сосредоточиться в африканских колониях и в Китае, как странах ныне наиболее удаленных от участия в решении общих задач человечества, а Россия и С.-А. С. Штаты со своим своевременно начатым протекционизмом и со своими земледельческими условиями должны будут тогда получить тем бо́льшую сумму условий для широкого развития благосостояния своих жителей, чем менее будут следовать советам мальтузианцев и чем более разовьют у себя условий для приложения труда к земледелию, горному делу, фабрикам и заводам как к источникам производительности.

Июнь 1891 г.

Глава 4

ПЛОДЫ, ПРЯНОСТИ, ЧАЙ, САХАР, ВИНА И ТОМУ ПОДОБНЫЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ И НАПИТКИ

(Статьи 6—32)

Большинство этих товаров, почти не применявшихся в первобытном быте народов умеренных стран, употреблялось долго как предмет роскоши, прихоти и возбуждения, но стало ныне всюду играть первостепенную роль в промышленном мире, в торговле и в ежедневных общих потребностях жителей Европы. На него поэтому всюду обращено внимание и на него повсюду пали большие акцизы и таможенные косвенные налоги, справедливость и целесообразность которых не может подлежать никакому сомнению, потому что существенно необходимыми ни для производительной деятельности, ни для пищи считать их нельзя, а за подобные предметы искусственных потребностей или привычек платить на общие государственные надобности тем справедливее, что самая возможность международной торговли этими товарами определяется государственною организациею и множеством прямых государственных усилий и расходов. Так, например, чай, кофе и пряности, без содержания военных флотов, делающих океаны свободными для всемирной торговли, были бы едва ли не настолько же более дорогими, насколько они удорожаются таможенными окладами. Сахар был бы недоступною редкостью, если бы под кровом европейской государственности не развивались опытные знания, сделавшие это вещество, почти неизвестное даже за два столетия сему назад, всеобщею потребностью от избы до дворца. Акцизные и таможенные сборы всех европейских стран обоснованы преимущественно на товарах, рассматриваемых в этой главе. Торговля ими составляет одну из крупнейших ветвей общего оборота, и эти

обороты и самое производство товаров кормит множество народа.

Чтобы дать первое общее понятие о размерах оборотов, основанных на привычке к потреблению рассматриваемых товаров, приведу несколько чисел, касающихся Великобритании, Германии и России.

Государственные доходы Великобритании в 5 последних лет (1885—1889) близки к 90 млн ф. с. (а именно от 88 в 1885 г. до 91 млн ф. с. в 1887 г.), а из них около 20 млн ф. с. поступает в виде таможенных пошлин за табак (около 9 млн ф. с.), чай ($4^1/_2$), спиртные напитки ($5^1/_2$), кофе и сухие плоды ($^1/_3$ млн ф. с.) и около 23 млн ф. с. в виде акцизов за спирт ($13^1/_2$) и пиво (9 млн ф. с.), так что половина всех доходов государства собирается этим путем — косвенных, никому не тягостных налогов.[1] Уверенность в потреблении этих яств и напитков такова, что на ней основывают государственные бюджеты. Чтобы дать в отношении к таможенному тарифу английский пример, я привожу *весь* (полный) современный тариф Соединенного королевства.

Таможенные пошлины Англии в 1890 г.

1) *Пиво:* смотря по крепости сусла, служившего для затора, $6^1/_2$ или $26^1/_2$, или $36^1/_2$ шилл. с барриля (в 36 галлонов, или в $13^1/_4$ ведер), что отвечает пошлине с пуда нетто около 20 коп. зол., 82 коп. зол. и 1 руб. 20 коп. зол.

2) *Какао:* бобы, [с] квинтала — $9^1/_3$ шилл., шелуха, [с] квинтала — 2 шилл., молотый и приготовленный шоколад, [с] квинтала — $18^2/_3$ шилл.

3) *Кофе:* жженое, молотое, смешанное с цикорием, с квинтала — $18^2/_3$ шилл., всякое иное, [с] квинтала — 14 шилл. (экстракт кофейный запрещен).

4) *Игральные карты:* с дюжины колод (не более 52 карт) — $3^3/_4$ шилл.

5) *Цикорий* и другие кофейные суррогаты: зеленые или сушеные, [с] квинтала — $13^1/_4$ шилл.; жареные, молотые или смешанные с кофе, [с] квинтала — $18^2/_3$ шилл.; они же с острова Мена или с островов Ламанша — $12^1/_2$ шилл. и $18^1/_6$ шилл.

6) *Спиртные напитки* (в том числе и очищенный метиловый (древесный) спирт): по крепости, с галлона пробного (около $57^1/_2$ градусов Траллеса) спирта — $10^1/_3$ шилл. (разлитые в бутылках, с дюжины — добавочных $^1/_4$ шилл.); эта пошлина отвечает почти 12 руб. зол. с пуда нетто пробного спирта, а с 90 градусов почти 19 руб. зол.

7) *Спиртные парфюмерные препараты:* с галлона — $16^1/_2$ шилл.

8) *Лекарственные спиртные жидкости в бутылках, которые не должны* откупориваться: с галлона — 14 шилл.

9) *Хлоралгидрат* и препараты, его содержащие: с квинтала — 140 шилл.

[1] 23 млн ф. с. акцизов + 20 млн ф. с. таможенных пошлин на рассматриваемые товары составляют 47.8% всех государственных доходов Англии. У нас, как далее увидим, они также составляют около (но менее) половины всех доходов.

10) *Хлороформ* и препараты, его содержащие: с квинтала — 336 шилл.

11) *Иодистый этил:* с галлона —13$^{7}/_{12}$ шилл. *Бромистый этил:* с галлона —14 шилл.

12) *Серный эфир* и коллодий и препараты, содержащие серный эфир: с галлона —25 шилл., что отвечает почти 36 руб. зол. с пуда.

13) *Сухие плоды не в сахаре:* с квинтала —7 шилл. (винные ягоды, чернослив, изюм), что отвечает 71 коп. зол. с пуда.

14) Серебряные ювелирные изделия: с монетной унции (troy) — 1$^{1}/_{2}$ шилл.

15) *Золотые ювелирные изделия:* с монетной унции (troy) — 17 шилл.

16) *Мыло прозрачное,* приготовленное на спирте: с квинтала — 28 шилл.

17) *Табак,* нефабрикованный: содержащий более 10% воды, с фунта — 3$^{1}/_{6}$ шилл.; содержащий менее 10% влажности, с фунта — 3$^{1}/_{2}$ шилл.

18) *Сигары:* с фунта — 5 шилл.

19) *Жевательный табак:* некрошеный, с фунта — 4$^{1}/_{2}$ шилл., крошеный и смешанный — 4 шилл.

20) *Нюхательный табак:* содержащий более 13% воды, с фунта — 3$^{3}/_{4}$ шилл., менее 13% воды — 4$^{1}/_{2}$ шилл., всякий иной — 4 шилл. с фунта.

21) *Чай:* с фунта — $^{1}/_{3}$ шилл., что отвечает около 3 руб. 75 коп. зол. с пуда.

22) *Вино:* до 30 градусов пробного спирта, с галлона — 1 шилл., при содержании от 30 до 42 градусов пробного спирта, с галлона — 2$^{1}/_{2}$ шилл., при высшем содержании спирта добавочных с градуса на галлон по $^{1}/_{4}$ шилл.[1]

Таможенные пошлины с колониальных товаров и напитков в других странах имеют примерно те же размеры, как в Англии, но нигде нет столь высокого, как в Англии, налога на спирт и спиртные напитки, и нигде среднее потребление чая и сахара на каждого жителя не достигает столь большой величины, а именно почти 6 ф. чая и около 80 ф. (русских) сахара на каждого жителя. Привозимый в Англию чай (около 6 млн пудов в год) стоит около 10 млн ф. с., а с пошлиною около 15 млн ф. с. Почти столько же тратится Англиею на ввозимый в нее сахар (около 78 млн пудов в год, на 20 млн ф. с.), а если присчитать кофе (на 4 млн ф. с. в год), вино (7 млн ф. с. с пошлиною) и плоды (в год на 7 млн ф. с.),

---

[1] Для перевода к русским и французским мерам могут служить следующие отношения:

1 шиллинг = $^{1}/_{20}$ фунта стерлингов = 12 пенсам = 48 фартингам = = 1.25 франка = 31$^{1}/_{4}$ коп. зол.

1 англ. квинтал, или англ. центнер = $^{1}/_{20}$ англ. тонны = 112 англ. фунтам = 50.802 кг = почти 3$^{1}/_{10}$ пуда.

1 торгов. (avoir du poids) англ. фунт = 16 унциям (avoir du poids) = = 256 англ. драхмам = 7000 англ. гранам = 453.59 франц. граммам = = почти 1$^{1}/_{10}$ русск. фунта.

1 англ. галлон = 4543$^{1}/_{2}$ куб. см = 0.369 русск. ведра.

1 монетная унция (troy) = 480 англ. гранам = 31.1 франц. грамма = = 0.0759 русск. фунта.

ввозимые в эту страну, то окажется, что расход на выписываемый Англиею зерновой хлеб и муку (около 50 млн ф. с.) в год меньше расхода на приобретаемые из других стран чай, сахар, кофе, вино и плоды. Таково значение рассматриваемых товаров в современном мире. И другие страны неуклонно идут по тому же пути. И русский народ, развив промышленность, весь станет заниматься чайком. Внутренний смысл этого явления, т. е. возрастающего потребления всяких возбуждающих приправ пищи, должно, по моему мнению, искать в усиленном труде, в напряжении всех человеческих способностей, необходимых ныне для того только, чтобы прожить, добыть и обойтись.

Если в Англии каждый житель ежегодно потребляет около 6 ф. чаю и до 80 ф. сахара, то до этого предела еще далеко другим странам. Так, Германия потребляет в год только около 120 тыс. пудов чая, но зато около 7 млн пудов кофе, за который она платит около 200 млн марок (около 10 млн ф. с.). Сахара Германия производит (в год около 50 млн пудов) и вывозит (около 30 млн пудов) более, чем сама потребляет (около 20 млн пудов), так что средняя потребность на жителя не превосходит 20 ф. в год, а кофе — 6 ф. Что касается до спиртных напитков, то их ценность почти одинакова по вывозу (преимущественно пива) и ввозу (вина), а именно, вывоз в 1888 и 1889 гг. равнялся (за оба года вместе) 101 млн марок, а ввоз 104 млн марок. Общие государственные доходы Германии достигают в последние года 1000 млн марок, и из них таможни доставляют около 280 млн марок и акцизы (например табачный 10, винный 120, пивной 20, соляной 40, сахарный 50 млн марок) — около 260 млн марок. Таким образом, и в Германии косвенные налоги образуют около половины государственных доходов.

Но откуда же достаются, например в Англии, такие громадные деньги, какие идут на покупку всяких пищевых прибавок и на уплату за них столь больших налогов всякого рода? Отчего у одних народов недостает средств на такие излишества, а другие их могут иметь и при этом даже видимо богатеют? Отчего иные «проедаются» и «пропиваются» на том, что у других служит только приправою и возбуждением? — Правильный ответ не так прост, как может показаться сначала, потому что слова «богаты» и «бедны» суть только перифразы того же вопроса; в них нет ответа, или предшествующие вопросы сводятся на вопрос о причине богатства и бедности, а главное, «богатство» и «бедность» суть понятия относительные и условные. Так, например, Россия страна очень

богатая, а народ в ней живет бедный, Голландия же страна очень бедная, а народ в ней живет богатый. В чем же тут дело?

Ответное понятие выразилось в словах нового происхождения: «на чай», «pour boire», «Trinkgeld» и т. п. Они показывают, что эти расходы на чай, на напитки и т. п. стали и должны быть, по сознанию всех народов, лишь маленьким прибавком к другим гораздо бо́льшим оборотам, к доходам прочным и крупным. Эти доходы получаются, и эти «на чай» сопровождают труд, притом постоянный, усиленный и, главное, иной, чем земледельческий. Этот последний «на чай» не дает или оставляет мало. Аромат полей должен заменять чай, сладость отдыха после «страды» должна отвечать сахару, если оставаться земледелами. Англичанину оттого и надо много возбуждающих приправ пищи, что он трудится в тесном воздухе копей, в душной атмосфере фабрик и заводов. Не впадая в напрасный морализм, а просто наблюдая действительность и над отдельными лицами и над целыми народами, можно видеть, что потребность пищевых возбудителей развивается не только у тех, кто много трудится, но и у тех, которые свободны от усиленного, постоянного труда, и у тех, которые имеют его лишь по временам. Однако есть и глубокое различие: первые реже впадают в излишество, чем вторые, для первых возбудители составляют постоянные потребности, сопутствующие труду; у вторых они становятся прихотью, легко впадающего в неумеренность.

Обращаясь к русским потребностям в описываемых товарах, которые далее будут разбираться подробнее, мы можем легко заметить лишь слабое возрастание потребления за все последнее время. Так, например, чай, хотя издавна привычный народу напиток, спрашивался средним числом в год (присчитывая и весь спрос кирпичного чая):

1872—1877	гг.	по	1460	тыс. пудов	в год
1877—1881	»	»	1595	»	»
1884—1888	»	»	2011	»	»
В 1889 г.	ввезено		1891	»	»
» 1890	»	»	1927	»	»

Считая только 100 млн жителей (а их по крайней мере 120 млн), получим на каждого менее фунта (около 0.8 фунта) в год. Потребность в кофе, сахаре и вине, также, сравнительно, невелика. Например, в 5-летие от 1884 до 1888 г. выкуривалось ежегодно около 33 млн ведер спирта, считая на безводный, из них около 5 млн ведер вывозилось за границу, следовательно, поступало в потребление около 28 млн ведер, что дает на 100 млн жителей с небольшим по $^1/_4$ ведра, или

около 8 фунтов безводного спирта на жителя в год, что гораздо менее среднего потребления большинства других стран Европы. Участие косвенных налогов на товары, рассматриваемые в этой главе, и для России, несмотря на сравнительную ограниченность потребления, выражается крупными цифрами. Из отчетов Государственного контроля и Таможенного департамента берем следующие крупные цифры для начала и конца 80-х годов:

	Действительные поступления в тысячах рублей кредитных			
	1881 г.	1882 г.	1888 г.	1889 г.
Обыкновенных государственных доходов, всего	654 186	706 048	898 532	927 035
В том числе акцизных:				
Питейный доход [1] .	225 470	252 997	265 125	274 920
Табачный [2] » . .	12 770	14 787	28 127	28 178
Сахарный [3] » . .	3 695	8 055	17 073	17 959
Таможенные сборы [4]				
С чая (по всем границам)	20 199	27 075	39 091	33 493
С табака (ст. 21) .	2 134	2 805	1 699	1 721
С напитков (ст. 25—32)	4 235	5 606	5 530	5 657
С кофе, какао, сахара, пряностей, орехов, плодов и других пищевых приправ (ст. 6—19, 22—24)	3 999	5 488	6 771	6 425
Итого акцизов и таможенных сборов по ст. 6—32	272 502	316 813	363 416	368 253
Отношение их ко всем государственным доходам . . .	41.7%	44.9%	44.1%	39.7%

[1] С 1 июля 1881 г. акциз на спирт возвышен с 7 руб. [до] 8 руб. с ведра безводного спирта, а с 1 января 1888 г. он возвышен с 9 руб. до 9 руб. 25 коп. с ведра безводного спирта.

[2] С 1 января 1883 г. введен усиленный акциз с табака.

[3] С 1 августа 1881 г. введена новая система взимания сахарного акциза, по действительному количеству выделанного продукта (вместо исчисления по производительности заводов).

[4] Таможенные сборы, данные в рублях золотом, перечислены мною на кредитные по следующим курсам золотого рубля: 1881 г. = 153 коп. кред.; 1882 г. = 161 коп. кред.; 1888 г. = 172 коп. кред. и 1889 г. = 150 коп. кред.

Следовательно, государственные доходы России почти настолько же, как английские, опираются на сборы с вина, чая, табака и тому подобных товаров и составляют крупную (но меньшую чем половина) часть современных доходов казны, и всякая крупная сбавка с них должна вызвать или сокращение расходов, или установление новых обложений [1] и во всяком случае может быть производима с надлежащею пользою только после подробнейшего изучения и осмотрительного обсуждения. По этой, конечно, причине почти все таможенные оклады, относящиеся к рассматриваемым товарам, при пересмотре тарифа не подверглись переменам. Менять их опасно, по причине важного финансового значения; меняя, следовало бы касаться других финансовых вопросов, а это не имелось вовсе в виду при пересмотре тарифа, производившемся для согласования таможенных окладов не с финансами России, а с развитием ее промышленности. Для тех товаров, например для табака, сахара, орехов, плодов и проч., которые производятся в России, доныне существовавшие пошлины настолько высоки, что сильно поощряют внутреннее производство, которое поэтому и развивается.

По указанной причине во всей этой главе я мало буду касаться размера таможенных окладов и остановлюсь на отдельных товарах преимущественно для сообщения статистических данных и некоторых замечаний, касающихся промышленного и торгового значения некоторых товаров, следуя порядку статей тарифа.

В статье 6-й содержатся оклады на свежие плоды и ягоды. Все почти они, считая в том числе и апельсины, и лимоны, могут произрастать в России, так как полутропический климат некоторых частей Закавказья и Закаспийского края позволяет разводить там плодовые деревья прихотливых свойств. Поэтому высокие оклады на эти товары вообще полезны для возбуждения русского садоводства. Но поныне некоторые из плодов, особенно апельсины и лимоны, идут исключительно из чужих краев (больше всего с берегов Средиземного моря), и

[1] Но так как распространение в народе и общее гигиеническое и промышленное значение различных из предметов рассматриваемого ряда очень неодинаковы, то некоторые изменения в акцизах и таможенных окладах могут быть мыслимы без существенных изменений в общей сумме доходов.

Питейный доход наименее мыслимо подвергать существенным переменам. Однако и здесь, по моему мнению, возможно было бы некоторое увеличение обложения.

Основанием акцизных сборов ныне служит сбор с ведра или ведерных процентов безводного спирта, а именно ведро его

высшие пошлины могли бы уменьшить потребление и таможенные доходы. Статистические данные это отчасти показывают, для чего возьмем данные по годам прошлого десятиле-

---

платит 9¼ руб. акциза (градус или ведерный процент — 9¼ коп.). Обложение по весу во всех отношениях рациональнее, и если бы оно было сделано, то при переходе можно было бы немного увеличить оклад. Ведро безводного спирта принимается весящим около 23.8 ф., а потому ныне фунт безводного спирта платит около 38.8 коп., а пуд — около 15 руб. 50 коп. акцизной пошлины. Если бы при переходе к акцизу с веса назначено было 16 руб. с пуда, или 40 коп. с фунта безводного спирта, то увеличение оклада составило бы всего 3¼% (или на ведро безводного спирта около 30 коп., на ведро 40-градусной водки около 12 коп.), что едва ли бы могло служить поводом к сокращению потребления. А между тем, тогда питейный доход мог бы возрасти на 6—7 млн руб. Возвышая оклад на табак и сахар с тем, чтобы получить прибавку акцизного дохода еще на 10 млн руб., можно было бы наполовину сбавить таможенный оклад на чай, составляющий не только народный русский напиток, но и заместитель водки. Ныне пуд чая, ввозимого морем, платит 21 руб. зол. таможенной пошлины, или фунт — 52½ коп. зол., или около 75 коп. кред. Хотя чай, ввозимый чрез Кяхту, платит только 13 руб. зол., но его провоз ровно на столько же дороже морской перевозки, на сколько вторая пошлина меньше первой. С постройкой сибирской железной дороги сибирским возчикам будет и без того много дела, а когда дорога устроится, все равно перевозка эта передастся железной дороге. А потому, быть может, близко время, когда будет возможно и для страны выгодно сильно уменьшить оклады на чай, например до 10 руб. зол. чрез Кяхту и до 12 руб. зол. по морской перевозке. Должно думать, что даже таможенный доход на чай тогда бы уменьшился очень мало, потому что бóльшая часть чая, ныне идущего наполовину чрез Сибирь, сухим путем, пошла бы морем. Если доныне имелось в виду — сбавкою пошлины на сухопутный чай — поддержать сибирский транзит и давно установившуюся кяхтинскую торговлю, то отныне, с решением строить великую сибирскую дорогу, обстоятельства значительно меняются. Возчики Сибири получат иную работу, и торговля Кяхты также должна и без того сильно измениться. А между тем все более и более выясняется необходимость оживить всеми способами нашу морскую торговлю. Далекие же плавания в Китай за чаем относятся к числу действительных средств такого оживления. Касаясь этих важных вопросов современной русской жизни, я, однако, понимаю все трудности, представляющиеся здесь с разных сторон, и, однако, считáю не излишним выразить личное свое мнение, чтоб вновь показать сложность предстоящих здесь задач и невозможность решения их одним скорым набегом мысли. Многое должно узнать и правильно решить — прежде чем изменять то, что успело установиться. Притом нельзя не заметить, что урожайные годы (например 1888 г.) и следующие за ними (как 1889 г. за 1888 г.) выделяются значительностью сборов тех косвенных доходов, которые нами рассматриваются. Оно и понятно, — тогда народу живется легче, и он имеет больше денег, чтобы купить лакомство или выпить водки.

Заводско-фабричная промышленность при своем распространении непременно должна возвысить эти виды косвенных доходов и возместить таможенные утраты, если количество ввозимых товаров уменьшится, т. е. заместится внутренними произведениями.

тия, а именно для ввоза по европейской границе лимонов, апельсинов и померанцев:

Год	Тыс. пудов	Тыс. руб. кред.	Год	Тыс. пудов	Тыс. руб. кред.
1880	1192	2905	1885	1456	3799
1881	1340	3585	1886	1301	3706
1882	1402	3586	1887	1253	2863
1883	1367	4280	1888	1160	2306
1884	1429	4206	1889	1543	3165

Здесь видно сперва явное возрастание ввоза, а потом, около 1887 г., падение, переходящее затем опять в прирост ввоза. Эти изменения зависели не только от различия урожаев, а потому и покупной способности России, но также и от перемены пошлин. К началу 80-х годов взималось 37½ коп. зол., в 1882 г. 50 коп. зол., а с 1887 г. по 70 коп. зол. с пуда брутто. Урожай 1888 г. увеличил русские средства, а потому и ввоз заметно возрос в 1889 г., но малая урожайность этого последнего повела к тому, что в 1890 г. опять ввоз не превышал 1339 тыс. пудов. Говоря вообще, на ввоз и потребление товаров, столь прихотливых, как относящиеся к 6-й статье, величина пошлин оказывает гораздо меньшее влияние, чем покупная способность народа, у нас зависящая ныне преимущественно от хлебных урожаев. Когда станут развиваться у нас многие другие виды промышленности, ввоз должен не только возрастать, но и становиться постояннее, потому что лица, имеющие «лишние» гроши и захотевшие апельсинов, не станут изменять своего намерения из-за прибавки нескольких копеек на десятке апельсинов. Из приведенных цифр уже видно, что средняя цена пуда брутто в последние 5 лет около 2½ руб. кред. (она с годами падает), или около 1 руб. 80 коп. зол., следовательно современная пошлина (70 коп. зол. с пуда брутто) составляет около 40% с цены. В отдельной продаже, за отбросом испорченных, и ради возможности вести торговлю таким непрочным товаром, как апельсины и лимоны, набавляется по меньшей мере 100%, так что пошлина здесь становится мало чувствительною. Для товаров 6-й статьи ввоз идет преимущественно по европейской границе, сравнительно немного идет в Батум из европейских стран и в Баку из Персии, а именно, например для 1889 г., апельсинов и лимонов пришло из Италии 963 тыс. пудов, из Турции (Палестины, Малой Азии) 475 тыс. пудов, из Греции

14 тыс. пудов по европейским границам, в Батум 23 тыс. пудов, а в Баку из Персии 25 тыс. пудов. Поэтому достаточно полное понятие о ввозе получается из данных для ввоза по европейской границе, что и приведено далее для трех последних лет:

Год	Пункты (ст. 6)							
	1. Плоды всякие		2. Апельсины, лимоны		3. Корка лимонная		4. Виноград	
	тыс. пудов	тыс.руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
1888	77	363	1106	2306	3	14	29	85
1889	43	203	1543	3165	3	14	30	110
1890	53	380	1339	2695	3	13	29	97

Как ни ограничен этот ввоз, но он все же дает изрядный таможенный доход, например в 1889 г. получено по всем товарам 6-й статьи около $1^1/_5$ млн руб. золотом. Пошлины с подобных товаров должно считать тем более справедливыми, что они ложатся на зажиточный класс и все же возбуждают внутреннее производство. Особенно это ясно для винограда, ввоз которого достигал, например, в 1876 г. до 54 тыс. пудов почти на $^1/_2$ млн руб., а ныне уменьшился в два раза и подешевел раз в пять, конечно, потому, что стало развиваться потребление своего русского винограда, цена которого, конечно, не зависит нисколько от таможенной пошлины. Здесь предстоит еще много сделать русской промышленности. Особенно важно было бы найти средства вывозить превосходнейшие сорта кавказского и закавказского винограда и для вывоза внутрь России завести особые породы, способные долго сохраняться и организовать всю торговлю. Дербент уже начал заниматься этим, как Крым, Астрахань и Бессарабия. При пересмотре тарифа прежняя пошлина 1 руб. 55 коп. зол. на виноград изменена в 1 руб. 60 коп., но останавливаться на столь малом изменении или округлении нет надобности.

К товарам статьи 7-й (сухие плоды: винные ягоды, чернослив, изюм, финики и т. п.) это желание возбуждения русского производства относится еще в высшей мере, чем к предшествующей статье, потому что сушеные плоды хорошо сохраняемы, удобно и далеко перевозимы и много дороже. Пуд

нетто стоит около 5½ руб. кред., а так как тара [1] — не более 10%, то пуд брутто — около 5 руб., т. е. в два раза дороже, например, пуда брутто апельсинов. На этом основании пошлину с сухих фруктов желательно иметь большею, чем двойная пошлина с апельсинов. Так это и было, так и оставлено (1 руб. 80 коп. с пуда нетто). Производство началось в России, например, киевский чернослив уже имеет очевидную будущность, хотя его производство следует еще улучшать. Но особенно подходит производство сухих плодов к условиям наших каспийских и черноморских местностей, тем более, что в жарких частях Азии солнце помогает очень усердно сушке плодов, и она там всюду распространена. Оттого Бухара и Персия доставляют России много своих сушеных плодов. В Баку и Астрахань идут целые корабли этого товара. Поэтому мы приводим здесь отдельно ввоз по европейской и азиатской торговле, ограничиваясь для последней двумя годами, потому что за 1890 г. еще не публикованы данные о ввозе по азиатской границе.

Сухие плоды	1888 г.		1889 г.		1890 г.
	европейская граница	азиатская граница	европейская граница	азиатская граница	европейская граница
Яблоки, сливы и т. п. (тыс. пуд.)	41	85	37	118	26
На тыс. руб. кред.	304	178	279	266	212
Винные ягоды, изюм и др. (тыс. пуд.).	150	1159	145	1451	118
На тыс. руб. кред.	585	2239	627	2676	529
Рахат-лукум и халва (тыс. пуд.)	3	0.2	7	0.8	6
На тыс. руб. кред.	16	1.5	34	4.0	32
Пошлин со всего (тыс. руб. зол.)	348	122	343	148	310
Весом всего (тыс. пуд.)	193	1244	189	1570	150
Ценою всего на тыс. руб. . .	908	2419	940	2946	773
Средняя цена пуда	4 р. 68 к.	1 р. 95 к.	4 р. 97 к.	1 р. 88 к.	5 р. 15 к.

Очевидно, что ввоз западноевропейского товара падает, но ввоз азиатских сухих фруктов, как более дешевых (и менее оплачиваемых: пошлина 5% с цены), возрастает. В 1888 г. всего ввезено 1438 тыс. пудов, в 1889 г. 1759 тыс. пудов. Если

[1] Деревянные ящики (вес брутто около 3½ пудов) составляют около 6—10% веса.

же прибавить сюда, что год от году все же, хотя понемногу, растет и внутреннее производство, то окажется, что потребление возрастает, а средняя цена потребляемого падает, хотя из Западной Европы везут все более и более дорогие сорта. Тут, по моему мнению, южным нашим хозяевам дело предстоит сравнительно легкое и выгодное, потому что часть плодов продастся в свежем виде, а не находящее прямого сбыта — приготовится впрок сушением. И лишь бы началось заводско-фабричное дело, родятся и новые потребители, и новые сады, потому что, куда ни ступайте, везде рядом с фабриками и заводами найдете садоводство, потому что хозяину и рабочему сад надобен для отдыха, а расчет и настойчивость уже сделают затем свое дело, научат сушить плоды, тем более, что и пошлина этому помогает, — устраняя западное соперничество, а судя по духу и направлению времени — вероятно, что и азиатско-иностранное соперничество не долго будет терпимо, если окажется вредным для процветания каких-либо развивающихся отраслей русского дела. Конечно, все забрать себе нельзя, а потому должно выжидать соответственных явлений русской жизни, а пока не было причин менять окладов на сухие плоды.

Это можно сказать и про «коринку», которая по тарифу 1868 г. пропускалась беспошлинно, с 1882 по 1885 г. несла пошлину в 1 руб. 50 коп. зол., а с тех пор, во внимание к тому, что доставляется преимущественно из бедных частей Греции и в России мало производится, опять впущена беспошлинно. Ввозят ее около 50 тыс. пудов в год, цена пуда с небольшим в 2 руб. У греков есть свои особые связи с Россиею; облагают коринку эту всюду — даже в Англии, — у нас ее не производят, хотя могли бы местами делать много, важности никакой в этом товаре видеть нельзя, недавно только что отменили оклад, а потому не было оснований изменять существовавшего беспошлинного ввоза по 8-й статье (коринка).

Сохранен также прежний оклад, в 2 руб. зол., с пуда, на каперцы, оливки и тому подобные товары, относящиеся к 9-й статье, уже потому, что лишь в 1890 г. пошлина на товары эти уменьшена с 2 руб. 40 коп. зол. до 2 руб. Понижение это мотивировалось дешевизною товаров (около 3 руб. пуд), потреблением его жителями юга России, особенно греками, соответствием в обложении оливкового масла (пуд 2 руб. 20 коп., ст. 117) и самых оливок, оживлением торговли с Грециею, откуда идет к нам много оливок, и отсутствием покровительственного значения в означенной пошлине. Ввоз,

например, в 1889 г. по европейской границе 94 тыс. пудов, по азиатской 2 тыс. пудов, но с годами он возрастает. Так, например, по европейской границе:

	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Каперцы, оливы, в бочках .	66	234	94	295	107	311

Средняя цена пуда около 3 руб. кред., но при этом каперцы стоят вдвое дороже оливок и имеют более обширное распространение, хотя и ввозятся в несравненно меньшем количестве.[1]

В 10-й статье соединены ныне товары такие, как анис, тмин и т. п., Россиею отправляемые, а потому мало ввозимые, с такими, как турецкие рожки (сладкие стручья черного цвета, всюду распространенное деревенское лакомство), ввозимые в значительной массе, потому что они доныне несли ту же пошлину (50 коп. зол.), оставленную и в новом тарифе. Вывоз аниса и тмина из России достигает 150 тыс. пудов (1889 г. 12 тыс. пудов тмина и 139 тыс. пудов аниса) на 500 тыс. руб. (по $3^1/_4$ руб. пуд). Идут они преимущественно в Англию и Германию. Но они поступают сверх того из Триеста и Аликанте (Испания) (Китай и Индия дают звездчатый анис, или бадьянс, ст. 15[3]), а потому соперничают преимущественно ценою. Немудрено, что ввоз их мал, например в 1889 г. вместе с горчицею сухою (ныне отнесена к ст. 12) ввезено всего 1739 пудов (на 7216 руб., т. е. по 4 руб. 15 коп. пуд). Развитие вывоза и постепенное уменьшение ввоза, вероятно, пойдут сами собою, особенно если сельские хозяева средних губерний поймут выгодность разведения аниса, которого собирают

---

[1] Каперцы идут из Марселя и Сицилии. Это почки особого колючего сорного кустарника (Caparris spinosa).

Часто, особенно из Германии, будет подложный товар (Geisskapern), образуемый почками различных трав.

В уксусе и соляном растворе каперцы хорошо сохраняемы. В уксусе каперцы и оливки пройдут по ст. 13-й как предмет более дорогой.

с десятины до 80 пудов. Что касается до сладких рожков (стручья Ceratonia siliqua, по-немецки Johannisbrot, Caroben), то они произрастают у нас в Закавказье, но, сколько мне известно, еще не производятся и везутся к нам преимущественно из Турции (производятся также в Сицилии, Далмации, Португалии и Испании, где прямо служат в пищу) чрез азовские порты.

Ввоз (почти исключительно по европейской границе) уменьшается не по какой другой причине, а только потому, что крестьянские дети стали предпочитать дешевые леденчики турецкому стручку, вкус и гигиенические свойства которого непривлекательны.

Ввезено по европейской границе:

1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890 гг.
586	453	455	310	121	252	213	238	227 тыс. пудов

Средняя цена пуда около 1 руб. 15 [коп.] кред. Пошлина 50 коп. зол. ложится здесь, конечно, очень тяжелым увеличением ценности, но мелочная продажа удорожает еще много более это лакомство, и прекращение его применения хотя отзовется таможенною утратою более 100 тыс. руб. зол. — едва ли не послужит на пользу крестьянским детям. Технические применения турецких рожков (в аптеках, для винокурения, семян для суррогатов кофе и т. п.) ничтожны, и надо полагать, что товар этот понемногу будет выходить из обращения, а потому произведение его едва ли заслуживает внимания.

Орехи и ядра всякие (ст. 11-я) ввозятся в Россию в изрядных массах (особенно грецкие). Так например, в 1889 г. ввезено:

	Весь ввоз		По азиатской границе	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Орехов всяких . .	433	999	56	124
Миндаля и фисташек	102	888	89	675

Ввоз идет преимущественно из Турции (около $^2/_3$) и Персии (около $^1/_5$ ввоза) и довольно постоянен в течение долгого периода, хотя некоторая убыль за последние года замечается.

Так, например, по европейской границе в 1869 г. ввоз орехов и миндаля составлял 475 тыс. пудов, в 1879 г. 494 тыс. пудов и в 1889 г. 392 тыс. пудов. При пересмотре тарифа пошлина на орехи поднята с 95 коп. зол. до 1 руб., а пошлина с миндаля опущена с 2 руб. 40 коп. зол. до 2 руб. Орехи всякие, садовые и лесные, производятся Россиею, а потому возвышенный оклад на них имеет не только фискальное значение, но и покровительственное. Особенность новой редакции составляет включение в нее до сих пор не упоминавшихся тыквенных «семечек», в изобилии производимых и потребляемых всюду в России и начавших ввозиться из-за границы. Не подлежит сомнению, что цена семечек определяется вовсе не ценою иностранного ввоза, что эти зерна играют роль орехов и что нет поводов допускать здесь иностранную конкуренцию. Вероятно, что с наложением пошлины в 1 руб. зол. с пуда «семечек» ввоз их из-за границы прекратится, а русские производители усилят свою конкуренцию, так что эта народная забава даже подешевеет и противу той низкой цены, которая ныне существует. Причиною понижения пошлины на миндаль и фисташки, идущие уже по гораздо высшей цене достаточным классам, служит то соображение, что производство их не существует в России, а ввоз их из Персии сильно преобладает:

	1888 г.	1889 г.	1890 г.
	тыс. пудов		
Западная граница, ...	39	16	10
	93	88	97
Персия	—	—	—
	132	104	107

Персидские товары платят всего 5% пошлины с цены, а потому с фискальной точки зрения вытеснение западноевропейского ввоза персидским убавляет доход. Он по названным границам равнялся в 1888 г. 127 тыс. руб. зол., а в 1890 г. только 62 тыс. руб. зол., т. е. упал в два раза. Уменьшая обложение на западной границе, можно рассчитывать на усиление ввоза с этой стороны, а следовательно, и увеличения таможенного дохода, ради которого и существует самое обложение. Так как средняя цена пуда миндаля и фисташек около 8 руб. кред., до 5% пошлины, взыскиваемой по персидской торговле, дают всего около 40 коп. с пуда, а потому следовало бы, в видах конкуренции персидского и западноевропейского товара, спустить с последнего еще более оклада, но тогда на-

рушилась бы та постепенность в изменении окладов, которой, вообще говоря, всегда держались в русской тарифной практике и которая имеет за себя много резонов. Направление, однако, дано и должно ждать результата принятой меры — прежде чем итти далее.

Статьи 12-я (горчица подготовленная), 13-я (паштеты и т. п.), 14-я (трюфели и т. п.), 15-я (пряности тропические) и 16-я (лавровый лист и т. п.) содержат предметы, во-первых, очень мелочного потребления, во-вторых, мелочного производства и, в-третьих, за малыми исключениями, почти не производимые Россиею, а потому особого обсуждения товары эти не заслуживают. Пошлина на них сохранена прежняя, за немногими изъятиями, не имеющими значения (например паштеты и т. п. платили 4 руб. 80 коп., а будут платить 5 руб.), и с тою же особенностью, вообще свойственною новому тарифу, что измельчение и вообще подготовка, например пряностей, считается делом настолько общедоступным, что его смело (т. е. без опасения лишнего повышения цены) можно оставить за русскими мелкими производителями. Завести терку или мельницу, ступку или развеску по коробкам может всякий, а потому соперничество здесь родится легко, а с ним и возможное понижение цен, с той разностью от порядка, доселе существовавшего, что при особом возвышенном таможенном окладе на товары, так переделанные, работа с ними для русских потребителей останется за русскими рабочими. Расчет над пряностями выйдет невелик, но подобная же система проведена в новом тарифе чрез множество товаров, а чрез это получится в результате возможность множеству народа находить заработок над легкою операциею приспособления сырья, например соли, кофе, пряностей, землистых веществ и т. п., к их практическому применению. Такие дела можно начинать с самых мелких размеров, и, следовательно, возвышение пошлины за перемол, упаковку и т. п. (примечание к ст. 15-й и 16-й, пункт 2-й в ст. 18-й, пункт 2-й в ст. 12-й, примечание 2-е к ст. 33-й и многие другие) на 25%, на 50% и т. п. имеет целью доставить заработок внутренним производителям даже на товарах, привозимых из-за границы. Приводимые числа показывают ввоз за последние года по европейской границе, в тысячах пудов, и цену в тысячах рублей кредитными.[1]

---

[1] Ввоз подготовленной горчицы входил в прежних таможенных отчетах в одну рубрику с анисом, тмином и т. п. (ныне ст. 10-я), а потому дан выше.

	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Паштеты и проч. (ст. 13) . .	12	234	13	263	13	209
Трюфеля и т. п. (ст. 14) . . .	1	30	1	83	1	39
Ваниль и шафран (ст. 15, п. 1)	1	294	1	246	1	317
Кардамон, мушкат (ст. 15, п. 2)	1	48	2	88	2	60
Гвоздика, перец и т. п. (ст. 15, п. 3)	135	1460	144	1515	164	1673
Лавровый лист и ягоды (ст. 16)	4	16	7	26	6	23
Калган (ст. 16)	1	19	2	8	2	11
Цикорий и другие суррогаты кофе — жженые, в кусках, немолотые (ст. 17)	—	—	0.4	2	0.2	1
Кофе (ст. 18)	386	5168	355	4809	388[1]	5573
Какао (немолотый) (ст. 19) .	30	439	34	44[3]	39[2]	511

К предшествующей таблице я присоединил данные для кофе, какао и кофейных суррогатов, потому что и они ввозятся почти исключительно по европейской границе. Малое потребление Россиею кофе очень примечательно, особенно по сравнению с тем, что Германия с ее 54 млн жителей потребляет в год кофе (и ввозимых суррогатов) около 113 тыс. т, или более $6^1/_2$ млн пудов, более чем на 80 млн руб. кред. Чай,

[1] В том числе: 87 тыс. пудов американского, 67 тыс. пудов цейлонского и 27 тыс. пудов с Явы.

Главными производителями кофе должно считать Бразилию (производит около 20 млн пудов, вывозит около 15 млн пудов), Центральную (экваториальную) Америку (Боливия, Гвиана, С.-Доминго, С.-Сальвадор и др.), Яву и соседние острова (производят около 10 млн пудов, вывоз около 6 млн пудов), Цейлон, Ост-Индию, Аравию (производят около 2 млн пудов, вывоз около $^1/_2$ млн пудов) и Африку. В мировой торговле обращается около 40 млн пудов кофе. Главные потребители суть С.-А. С. Штаты (около 12 млн пудов), Германия (около 7 млн пудов), Франция (около 3 млн пудов) и другие государства Европы. Средняя цена кофе, ввозимого в Германию, в 1880 г. — около 170 марок за 100 кг, а в 1885 г. только около 120 марок. В Лондоне цены с 1877 г. по 1885 г. упали почти в два раза. В Гавре бразильский кофе в 1877 г. стоил (без пошлины) за пуд около 35 франков, а в 1882 г. — не более 17 франков. Так, к началу 80-х годов пали цены не только на хлеб, но и на чай, кофе и множество других продуктов растительного царства.

[2] Общее производство какао едва ли превосходит 3 млн пудов в год. Его производят страны Центральной и Южной Америки. В торговле Европы обращается около $1^1/_2$ млн пудов.

а не кофе, составляет русский народный напиток, потребление которого и растет сильнее, чем потребление кофе, что видно из следующего сопоставления, показывающего ввоз по *всем* границам в тысячах пудов:

	1847—1854 гг.	1872—1881 гг.	1884 г.	1888 г.	1889 г.
Кофе . . .	215	440	508	389	359
Чая	344	1527	2067	1921	1926

Ввоз и потребление кофе хотя и возрастали первоначально, но ныне прибыль ввоза прекратилась; кофе все еще считается напитком для русских — или «немецким», или «восточным». Ввоз же чая (в том числе и кирпичного) возрос даже в прошлое десятилетие, потому что русский человек, как англичанин (в Великобритании и в колониях и С.-А. С. Штатах), привык к чаю, нашел его очень подходящим напитком. Из Китая за последние годы вывозится чая около 2 с небольшим миллионов ящиков (пекулей), каждый весом около 147 фунтов, что составляет около $7^1/_2$ млн пудов. Вывоз этот распределяется примерно так (1888): около 33% в Англию, около 25% в Россию, около 15% в С.-А. С. Штаты и около 30% в Гонконг и Австралию, главным образом для английских колоний. Всю производительность Китая должно считать около 10 млн пудов. Но ныне на рынках мира, кроме китайского чая, явился чай Японии, Цейлона, Индии и других теплых стран. Можно ждать успехов и от начинаний Закавказья и Туркестана. Если бы высокие таможенные оклады на чай повели к укреплению у нас чайных плантаций, то можно было бы сказать, что и в чайном деле пошлина не только давала доход, но дает и указание и поощрение к введению новой важной культуры. Табаководство и производство сахара имели тоже начало. Япония (1887) производит в год уже около 7 млн кван (около 9 русск. ф.), или около $1^1/_2$ млн пудов чая, и ее вывоз (вес мне неизвестен) представляет уже ценность около 10 млн руб. кред. (7млн иен, ценимых по $3^1/_3$ шилл.). Англичане как крупнейшие потребители чая позаботились о его разведении в Ост-Индии и на Цейлоне и имеют уже крупные, год от году возрастающие, результаты, явно указывающие на то, что нам, также крупным потребителям чая, следует, не жалея усилий, дойти до такого же результата в наших теплых краях наших азиатских владений; успех же тем вероятнее, что в Индии и на Цейлоне (как в самом Китае) для разведения чая приходится взбираться на горы, чтобы получить более умеренный климат и все другие условия, необходимые для разведения чайного деревца. На Цейлоне уже до 200 тыс. акров (около

60 тыс. десятин) занято разведением чая, и вывоз достиг до ценности в 12 млн рупий (каждая стоит около $1^1/_3$ шилл., или около 42 коп. зол., или около 60 коп. кред.), или до 7 млн руб. В Англию ввоз цейлонского чая начался только в 80-х годах и в 1888 г. достиг уже 13 млн англ. ф. (около 400 тыс. пудов). Но главным после Китая (46% всего ввозимого чая) поставщиком чая для Англии стала ныне Индия. В ней, как мы видели (стр. 291), чайные плантации занимают уже обширные площади. Годовое производство так велико, что ежегодно вывозится около 3 млн пудов на сумму около $4^1/_2$ млн ф. с. Англия получает (1888) в год около 90 млн англ. ф. индийского чая (около $2^1/_2$ млн пудов), платя за это около 5 млн ф. с. Русские чайные торговцы, сколько мне известно, уже вступили в сношение с цейлонскими и индийскими производителями чая. Ява и Бразилия также стали разводить и продавать чай. Но едва ли нам, русским, — вследствие соседства с Китаем, вследствие того, что чай и в Китае должен дешеветь по мере развития его культуры в других странах [1] и вследствие привычки сношений наших торговцев с китайскими — следует особо заботиться о получении цейлонского и индийского чая. Гораздо важнее обставить и обсудить с надлежащею обстоятельностью способы доставки китайского чая к центру России, откуда и ведется наша чайная торговля. Ныне преимущественно тремя путями идет к нам китайский чай: чрез Кяхту, чрез Одессу и по западной сухопутной границе.

Для примера рассмотрю ввоз чая в 1889 г. Все количество (почти 2 млн пудов) ввезенного чая распределено в таможенных отчетах 1889 г. так:

	Пудов	Рублей
Чая цветочного, зеленого и желтого		
по европейской границе	855	20 503
» азиатской »	22 394	895 702
Чая торгового, черного и стебелькового по европейской границе .	741 421	15 151 587
» по азиатской » .	425 070	9 560 203
Чая кирпичного по азиатской границе	726 810	6 988 671
Чая плиточного » » »	10 203	134 019
	1 926 573	32 750 685

[1] Отчеты Гамбургской биржи показывают, что с 1860 г. по 1887 г. цена чая упала почти на 40%. Главных причин три: прорытие Суэзского канала, удешевление морского фрахта и падение цен на вывозной чай в самом Китае — от соперничества Индии. Наибольшее понижение цен китайского чая отвечает началу 80-х годов, когда особенно стал распространяться индийский чай в Англии.

Ввоз по азиатской границе идет преимущественно чрез Иркутскую таможню, и только малая часть проходит чрез Семипалатинск и Туркестан. Чрез черноморские и азовские порты, т. е. привезенного морем, чая прошло 523 тыс. пудов, в балтийские порты прошло 30 тыс. пудов и чрез русско-прусскую сухопутную границу ввезено 189 тыс. пудов. Этот ввоз по западной границе идет преимущественно из Англии, потому что по торговле с нею записано всего около 220 тыс. пудов, да по торговле с Германиею около 10 тыс. пудов. Следовательно, в совокупности кирпичного чая (чрез Иркутск) прошло по весу 38% (по цене 21%), плиточных черных и цветочных чаев по азиатской сухопутной торговле взошло 24% по весу, в южные порты морем ввезено около 27%, а чрез западную сухопутную и балтийскую границу — около 11%. Следовательно, несмотря на то, что пошлина по сухопутной азиатской торговле (13 руб. с пуда) на 8 руб. зол. ниже, чем при ввозе морем или по западной (прусской) границе (21 руб. зол.), все же черных, и вообще некирпичных, чаев ввозится гораздо более последним путем, чем первым, и только кирпичный чай, идущий преимущественно в киргизские и приволжские степи, поступает все еще исключительно по сухопутной границе. Преимущество морской перевозки, очевидно, состоит в дешевизне, и, не вдаваясь в оценку переменчивой стоимости сухопутной и морской доставки китайских чаев в Россию, можно сказать с уверенностью, что современная разность пошлины, т. е. 8 руб. зол., представляет разность в стоимости доставки пуда обоими способами.

Чайная торговля России с Китаем началась в XVII ст.,[1] то есть с первых пор после того, как казаки проложили путь чрез Сибирь и Монголию; уже тогда в Москве чай стал распространяться. Тут мы шли вровень с Западной Европой. Но настоящая, правильная торговля чаем начинается только после трактата 1728 г., определившего речку Кяхту главным местом русско-китайского «обмена». Понемногу вместо бумажных (китайки) и шелковых (камка) тканей (и золота, сперва входившего из Китая) и фарфора стал преобладать чай, и плата от нас пушным товаром, кожами, сукнами и тому подобными своими и иностранными тканями понемногу стала заменяться платою серебром, составляющим поныне основной спрос Китая. Но уже в 1804 г. пробовали торговать с Китаем

[1] А. Корсак. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем (Казань, 1857), стр. 51. Сведения о нашей прежней торговле с Китаем содержатся также в сочинениях Небольсина (Стат. обозрение внешней торговли России), Скальковского и др.

морем, отправив туда корабли «Надежда» и «Нева». С западным Китаем чрез Семипалатинск и Иртыш и по другим путям также существует торговый путь, очень интересовавший Петра Великого и заслуживающий поныне большого внимания, потому что короче, идет почти все время водою и вводит в те края Китая, куда труднее проникают западноевропейские товары. В 1800 г. чай уже стал меновою единицею торговли. Пошлина с черного чая тогда была назначена в 7 руб. с пуда (с цветочного 10 руб., с кирпичного 1 руб.), в 1812 г. она увеличена. Но ввоз его тогда был мал. Например, в 1802 г. ввезено 22 тыс. пудов байхового и 23 тыс. пудов кирпичного чая. В 1814 г. выменено байхового чая 42 тыс. пудов, в 1820 г. 100 тыс. пудов. В 1824 г. всего получено товаров из Китая на $7^1/_2$ млн руб. и в том числе чая всех сортов на $6^1/_4$ млн руб., а именно за 154 тыс. пудов. В 40-х годах спрос чая удвоился, дошел до 250 тыс. пудов черных и 100 тыс. пудов кирпичных чаев. Пошлина за черный чай доведена была в 1841 г. до 24 руб. серебр. с пуда, с кирпичного до 4 руб. серебр. Чтобы дать понятие о прежнем кяхтинском ввозе, приводим данные, относящиеся к 1849—1851 гг.

Ввоз чая	1849 г.		1851 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Байхового, цветочного	$91^1/_2$	2385	$45^1/_2$	2168
» торгового	103	1846	194	4106
Зеленого	$^1/_2$	18	$^1/_2$	21
Кирпичного	$119^1/_2$	349	$92^1/_2$	324
	$314^1/_2$		$332^1/_2$	

Современый ввоз, в шесть раз превосходящий тогдашний, не столько зависит от перемен в окладах или ценах чая, сколько от того, что потребление в народе быстро стало развиваться со времени 60-х годов. Крестьяне так и говорят, что начали пить чай со времени освобождения. Вообще потребление чая и сходных с ним товаров мало зависит от их ценности, если только цены не очень быстро изменяются, но сильно зависит от других общих условий жителей, например от привычек, степени развития достатка, урожаев и т. п.

Изменения в пошлинах на чай за последние годы состояли в следующем. По тарифу 1868 г. для европейской границы

назначены были пошлины: за цветочный, зеленый и желтый чай по 22 руб. кред. с пуда; за торговый, черный, стебельковый и кирпичный, с пуда по 15 руб. 40 коп. кред. В 1877 г. пошлины эти, как и все прочие, переведены на золото, а в 1881 г. сделана надбавка в 10%, в 1882 г. по 2-му пункту (черные чаи кирпичные) пошлина округлена до 17 руб. зол. (вместо 16 руб. 94 коп. зол.), а с 1885 г. чай всякий, привозимый по европейской границе, стал платить 21 руб. зол. с пуда. До ноября 1887 г. байховые (цветочные, черные, желтые и зеленые) чаи, провозимые чрез Иркутскую таможню, платили по 11 руб. зол., а кирпичные — 2 руб. зол. с пуда, а с указанного срока стали платить 13 руб. зол. и 2 руб. 50 коп. зол. с пуда. Такие же пошлины оставлены и в тарифе 1891 г. (стр. 237), потому что таможенный доход с чая составляет очень крупную величину во всем таможенном доходе России. Так, в 1889 г. всех таможенных сборов поступило 79½ млн руб. зол., а за чай — 22½ млн руб. зол., то есть около 28%. Маленькая сбавка не могла бы иметь ощутительного влияния на цену чая и на его потребление, а большую сбавку пошлины сделать невозможно, не колебля финансов, пока не получится каких-либо указаний на то, что покупная способность русского народа возросла и с уменьшением оклада возрастет потребление. Справедливость предшествующих соображений видна уже из того, что, несмотря на постоянное возрастание оклада на чай, его потребление возрастало или по крайней мере оставалось постоянным. Особенно важен пример кирпичного чая. Его ввозят исключительно по сухопутной границе,[1] он дешевле всех других видов чая, го-

[1] Должно полагать, что основным препятствием ко ввозу кирпичного чая морским путем служит только высота таможенной пошлины: сухим путем кирпичный чай платит 2½ руб. зол. с пуда, а морским должен платить 21 руб. зол. Если принять, что провоз на подводах кладью от Иркутска до киргизских степей стоит столько же, сколько от Одессы или Таганрога, а на месте добычи пуд 4 руб. зол., то по караванной торговле он должен стоить около 10 руб. зол.; если караванную доставку от места добычи до Иркутска принять в 6 руб. зол., что недалеко от действительности — с пошлиною (2½ руб.), тогда караванный кирпичный чай обойдется в 12½ руб. зол. пуд, а морем его цена будет в два раза выше. Считая провоз по суше до корабля и по морю в 1 руб. зол. и пошлину в 21 руб. зол., получим на Черном море цену 4 + 1 + 21 = 26 руб. зол. за пуд. Когда можно будет решиться на соперничество морской и сухопутной перевозки кирпичного чая, тогда следует назначить на кирпичный чай, привозимый по европейской границе, пошлину не выше 7—8 руб. зол. с пуда. Но вследствие установившейся сухопутной торговли и особенно по Монголии, где русские интересы немаловажны в промышленном и политическом смысле, по моему мнению, не следует ныне приступить к подобному изменению таможенных окладов. Важнее же всего, по моему

товится из отбросов от других сортов чая (старых, худших, опавших листьев) и составляет просто предмет продовольствия ограниченных по средствам жителей Сибири и Центральной Азии. Следовательно, его потребление должно было бы сильно зависеть от окладов. Но до и после 1887 г., когда оклад возвышен с 2 руб. до 2 руб. 50 коп. зол., не замечается разности спроса и потребления, как видно из количества очищенного пошлиною [1] кирпичного чая:

1885	1886	1887	1888	1889 гг.
580	768	945	738	763 тыс. пудов
8587	11700	12911	7228	7347 тыс. руб.

Хотя ценность упала (от удешевления провоза по Китаю и Монголии и от сбавки на цене, сделанной китайцами), но количество сохраняется прежнее. Так, за 2 первые года ввоз был равен 1348 тыс. пудов, а в два последние 1501 тыс. пудов, то есть пошлина возросла, но это не помешало росту потребления. Следовательно, если бы чайные пошлины немного, даже на 20—25%, сбавить, потребление могло бы или возрасти, или уменьшиться, или сохраниться, — смотря по другим обстоятельствам, а не по причине изменения пошлин. Они здесь играют существенную роль, но не первенствующую. Поэтому при обсуждении тарифа, ради покровительственных целей, не было надобности касаться чайных пошлин, имеющих исключительно фискальное значение. И в этом последнем отношении сделано одно изменение бывшей пошлины на плиточный чай, а именно, вместо 6 руб. зол. с пуда по китайским границам введена пошлина в 10 руб. зол. с пуда. Плиточный чай по своей цене (в Иркутской таможне его цена около 13 руб. кред. за пуд, а черного — около 20 руб. кред., а именно от 10 до 100 руб. за пуд) и своему достоинству приближается к обыкновенному черному чаю, только его заготовка (прессованием в кирпичики) иная. Наши чайные торговцы,

---

мнению, с одной стороны, принять меры для расширения начавшейся торговли с западным Китаем (Семипалатинск, Иртыш, туркестанская граница), а с другой стороны, приложить попечение к разведению чая в наших теплых азиатских окраинах. Азиатская русская торговля не должна быть рассматриваема только со стороны экономической и еще менее только со стороны фискальной; в ней много интересов иного свойства, особенно же политических, которые, говоря вообще, всегда содержатся в таможенных окладах, как я старался показать в самом «Введении» предлагаемого сочинения.

[1] Ввозимый чай обеспечивается залогами и платит пошлины только чрез несколько месяцев после ввоза, а потому между количеством ввезенного чая (как на стр. 343) и очищенного пошлинами (как здесь) есть разница. Ее значение для наших целей очень мало.

заведя в Китае свои фактории, придумали этот способ потребления чая ввести в Россию, считая его за кирпичный. Предмет этот особо был рассмотрен в Министерстве финансов и принята была средняя пошлина в 6 руб. зол. (черные чаи платили 11 руб., а кирпичные — 2 руб.) с пуда. В 1888 г. привоза плиточного чая почти не существовало; в 1889 г. он достиг 10 тыс. пудов, а в 1890 г. — уже 32 тыс. пудов (на 430 тыс. руб.), так что пропорция ввоза обещала возрастать, а это могло грозить уменьшением таможенного дохода на чае, потому что всякий чайный лист можно превратить в плитки. Возвышение пошлины до 10 руб. зол. с пуда (при 13 руб. зол. с черного чая) и то условие, чтобы плитки были снабжены марками русских фабрикантов, не попрепятствует распространению плиточных чаев, если наши фактории позаботятся о количестве производимого ими плиточного чая, потому что он отвращает возможность подлогов и легко сохраняется, а по цене и по пошлине все же будет дешевле черных чаев. С своей стороны я полагаю, что, употребив должные усилия для производства плиточного чая из высших сортов листьев, наши фактории в Китае сослужили бы большую службу русскому народу в деле пользования чаем потому именно, что отвратили бы поводы к подлогу и возможность его подозрения. Притом это был бы действительно русский своеобразный чай который имеет все шансы скоро расширить свое потребление.

Нельзя думать, чтобы с технической стороны здесь встретились существенные препятствия.

Таким образом, даже в таможенных пошлинах на чай есть, кроме своих потребительских, свои русские производительские интересы: следует, во-первых, воспользоваться высокими пошлинами, чтобы приложить усилия к разведению чая в Туркестане, Закавказье и Закаспийском крае, а во-вторых, таможенный тариф дает нашим факториям в Китае премию в 3 руб. с пуда (черный чай 13 руб., плиточный 10 руб.) за их усилия в производстве и распространении плиточного чая. Тем, кто видит в чае только одно потребление, забывая общие русские интересы государственного казначейства, пользу торговли и интересы производительские, следует вникнуть глубже в сущность предмета, а для примера я рассмотрю отношение между среднею ценою чая и пошлиною на него, взяв числа, уже данные выше, и дополняя их немногими новыми. Прежде всего должно установить тот факт, что обыкновенные (всякие сыпучие, байховые) сорта чая везутся морем, несмотря на высшую пошлину (выше сухопутной на

8 руб. зол.), в большем количестве, чем сухим путем, хотя отправители (московские чайные торговцы), сорта и покупатели обыкновенно те же. Отсюда следует, что разность в 8 руб. зол. на пуд составляет еще некоторый барыш морской доставке. В 6 лет, от 1885 до 1890 г. (включительно), получено морем $4^1/_2$ млн пудов чаев на 126 млн руб. кред. Следовательно, этим путем (без пошлины) чай обошелся по 28 руб. кред. пуд. В те же 6 лет байховых чаев караванным путем ввезено $2^4/_{10}$ млн пудов на $77^1/_2$ млн руб., следовательно пуд обошелся в $32^1/_3$ руб. кред. Разность цен мала, но по доставке, например, до Москвы, она будет больше. Но не в ней наше дело, а в средней цене, выплачиваемой русскими покупателями за границею. Она, очевидно, близка к 30 руб. кред. или при курсе около 160 коп. кред. (за 1 руб. зол.), какой в среднем отвечает указанным 6 годам, она близка к $18^1/_2$ руб. зол. за пуд — без пошлин, а с пошлинами близка к 36 руб. зол. за пуд (значит, пошлина, в среднем, увеличивает цену чая почти в два раза). Вот эту стоимость и должно уплатить золотом. Допустим же, для простоты счета, что весь годовой ввоз равен 1 млн пудов байховых чаев (а ввозится более). Следовательно, не говоря о провозке по России, где идет плата кредитными, за границу уходит за чай около 18 млн руб. зол., да пошлины выплачивается около 18 млн руб. тоже золотом. Теперь и посмотрим, во что придется чай на границах России — при разных курсах. Для простоты возьмем два случая: курс 150 коп. кред. за 1 руб. зол. и курс al pari, то есть 100 коп. кред. за 1 руб. зол. В первом случае за границу придется уплатить 27 млн руб. кред. и пошлин уплатить тоже 27 млн руб. кред., следовательно, чай на границе обойдется в 54 руб. за пуд. А во втором только 36 руб. кред. за пуд. Разность равна 18 руб. кред., то есть равна пошлине, если курс равен al pari.[1] Вот где и как видно, сколь велико в потребительском отношении значение курса. Другими словами, пошлина тем чувствительнее, чем курс хуже. А так как пошлина необходима для надобностей государства, то должно, в потребительском смысле, больше всего искать источников для улучшения курса; все, что улучшает курс, — облегчает и потребление иностранного товара. Это столь очевидно, что я и не стал бы останавливаться над ним, если бы не желал воспользоваться случаем для указания на внутренний смысл

[1] Отношение между ценою иностранных товаров в России, пошлиною и курсом легко формулируется алгебраически, но, не желая усложнять изложения, я обегаю здесь этот предмет, имеющий свое важное значение.

покровительства, стремящегося в сущности к развитию производительности страны, а чрез это к уменьшению существующего ввоза и к увеличению отпуска, что и должно приблизить курс к al pari. Налагая пошлины на чай, взыскивая их золотом, увеличивая оклады на то, что легко может производиться в России, и возбуждая этим труд, государство стремится к тому, что должно составлять его первейшую заботу. Исправление курса или, по крайней мере, независимость его от урожаев прежде всего поставит всю внешнюю торговлю России, о которой одной и идет речь в таможенных вопросах, столь прочно и устойчиво, сколь это возможно, потому что главный недостаток наших международных отношений в сию минуту составляет неустойчивость курса, препятствующая всяким уверенным расчетам, касающимся внешних торговых отношений. Купцу, везущему чай чрез Монголию, надо платить серебром (золото имеет в Китае малый ход), и должно прежде всего видеть течение курса и относительную цену серебра, а тому, который везет морем, тоже неизбежно и за чай и за всю перевозку платить монетой, получать же придется кредитными, а между доставкою и продажею, уплатами и получками всякие курсовые перемены могут нарушить все расчеты. Поэтому наши торговые проценты всегда будут велики, пока курс не станет al pari, т. е. в то единственное устойчивое положение, в котором курс колебаниям не подвергается.[1]

Но посмотрим, согласуется ли выведенная выше из русских таможенных отчетов ценность пуда чая (за пуд, морем, без пошлин около 28 руб. кред., или около $17^1/_2$ руб. зол. с провозом до границы) с тою, за которую получает его Англия, потребляющая наибольшую массу чая? Должно сказать прежде всего, что к нам в Россию везется преимущественно первосборный, то есть самый дорогой сорт чая, что подтверждается и тою репутациею русского «караванного» чая, которою он пользуется по всей Европе. Сверх того, как мы выше видели (стр. 342), Англия берет ныне чай не только из Китая, но и из Индии, Цейлона и Японии, а там чай дешевле, чем в Китае, и столь высоких сортов, к каким мы привыкли, там не производят. Наконец, я сам пробовал сравнивать лучшие из купленных мною в Лондоне чаев с хорошим кяхтинским чаем и убедился, что этот последний дает более вкусный напиток и в большем количестве, чем тот, который пьют

[1] Всякую мысль о твердом курсе, не равном al pari, должно считать, по русским условиям, как я их понимаю, ошибочным.

англичане, заваривающие втрое или вчетверо более чая, чем это применимо в России. Следовательно, наш чай, в среднем, должен стоить более английского. Так оно и выходит. Английские таможенные отчеты определяют годовое количество всего ввоза чая (1888) в 223 млн англ. ф. и ценят его в 10.2 млн ф. с. Это дает цену пуда английского чая в $1^3/_4$ ф. с.,[1] или в 11 руб. 5 коп. зол. По справке, наведенной мною в Лондоне, лучшие сорта китайского черного чая и в Англии приходятся ценою за пуд около 17 руб. (не считая, конечно, исключительных цен за отборные чаи). Следовательно, в Европе и нельзя иметь хорошего черного чая ниже, чем по цене в 13—18 руб. зол. за пуд. При современном курсе, провозе по России, накладных расходах торговли и т .п. очевидно, что средняя цена фунта чая и должна быть около 2 руб. кред., как она и держится в последнее время.[2]

Если бы я столько же, сколько на чае, остановился на табаке, спирте, винах и тому подобных товарах, которые остается еще рассмотреть в этой главе, то она одна заняла бы больше места, чем я рассчитывал уделять на изложение сведений, относящихся к товарам, возбуждение производства которых не составляет первостепенной задачи русской таможенной системы. А потому, я ограничусь в отчете об остальных товарах этой главы лишь самыми крупными сведениями, необходимыми для понимания роли, занимаемой ими в торговле и промышленности России.

В статье 21-й, относящейся до табака, три пункта: табак в листах, табак приготовленный (для курения, нюхания и жевания) и готовые табачные изделия (сигары, папиросы и т. п.). Большое экономическое значение имеет только 1-й пункт. Пошлины 1890 г. сохранены, потому, во-первых, что то, что могут сделать таможенные пошлины, уже ныне должно сви-

[1] Такую же цену дают данные немецких таможен. Например, в 1883 г. ввезено 1592 т на 3980 тыс. марок.

[2] В чае, кроме других действующих, особенно же ароматических веществ, содержится теин, или кофеин, совершенно тождественный с содержащимся в кофе, в парагвайском чае (Мате, от Ilex paraguaeynsis Южной Америки, откуда идет и вывоз до 1 млн руб.), отчего они и имеют то же применение и действие, сходное с чаем. В какао (шоколаде) наш известный химик А. А. Воскресенский открыл теобромин, которого действие сходно с теином. В породах Ilex (колючник) теплых стран, например Кавказа, вероятно, также имеются свои действующие начала подобного рода, потому что чаи или настой из них и из многих трав по своему возбуждающему действию напоминает действие кофе и чая, а потому должно думать, что с течением времени явятся новые заместители этих товаров.

тать достигнутым, как далее будет объяснено, а во-вторых, потому, что табак, как чай и вино, всюду относится к числу товаров, доставляющих акцизный и вообще косвенный фискальный доход. По этой причине я бы скорее прошел табак, указав лишь его ввоз и вывоз, если бы здесь не было одного поучительного обстоятельства, показывающего значение таможенных окладов. Дело в том, что пошлина с листового (неприготовленного, сырого) табака (пункт 1-й) по тарифу 1868 г. была равна 4 руб. 40 коп. кред. с пуда. А цена пуда ввозившегося к нам табака была тогда около 21 руб. (ныне везут лишь высший сорт, стоящий в два раза дороже), а потому пошлина составляла около 20% стоимости. В 1872 г. пошлина увеличена сразу до 14 руб. кред. ввиду вызова устройства табачных плантаций на берегах Черного моря и во внутренних губерниях. В 1877 г. эта пошлина сделалась золотою, а после 10% надбавки 1881 г. дошла до 15 руб. 40 коп. зол., какою и остается ныне. Надо не забыть, что дело ввоза касалось преимущественно табаков турецкого и американского для приготовления папирос и сигар (оберточного листа), следовательно для прихоти, побеждать которую труднее, чем что-либо иное. Если аристократическая старушка в одной сказке Андерсена услыхала горошинку под высоким слоем пуховиков, то этому в действительности отвечают оттенки вкуса табака и сигар и тут бороться много труднее, чем в производстве хотя бы даже бархата, потому что тут действуют машины, а там слышны порода, солнце и почва. Но такова сила таможенных пошлин, таковы условия России, что и это победилось. Наши табаки Крыма и Черноморского округа развели из тех же турецких и американских пород, призвали турок и греков, где следовало, — и достигли двух результатов, которых должно ждать и всегда в России по отношению к настойчивым таможенным мерам: уменьшения ввоза и развития внутреннего производства до крайней дешевизны и до перепроизводства. Теперь остается достичь только третьего акта, уже достигнутого в нефти, но еще не совершившегося (потому что усилий к этому еще не довольно приложено), а именно, остается достичь внешнего вывоза. Все это видно в цифрах, содержится в подробных официальных сведениях [1] и только ждет, чтобы было узнано и понято.

---

[1] Сведения о производстве табака содержатся в статистических отчетах министерств: внутренних дел, государственных имуществ и финансов. В дальнейшем я руководжусь ежегодно издаваемым отчетом Департамента неокладных сборов за 1889 г. В этих отчетах содержится не только масса статистических данных, касающихся производства, торговли и потребления

Ввоз табака во всяком виде идет почти исключительно по европейской границе: чрез Одессу из Турции и чрез Ригу и Петербург из Америки, поэтому остановимся больше всего на ввозе по европейской границе и только для примера покажем для 1889 г. распределение всего ввоза.

Пункт 1. (Табак листовой) по европейской границе: 70 152 пуда на 2 313 380 руб. (в том числе Одесса — 52 тыс. пудов, Рига и Ревель — 9 тыс. пудов, Петербург — 3 тыс. пудов); по азиатской границе: 342 пуда на 2802 руб. и по финляндской границе: 680 пудов на 19 508 руб.; всего 71 тыс. пудов на $2^1/_3$ млн руб.

Пункт 2. (Табак крошеный и т. п.) по европейской границе: 128 пудов на 13 099 руб. и по азиатской границе: 3050 пудов на 13 511 руб.

Пункт 3. (Сигары, папиросы) по европейской границе: 1520 пудов на 511 325 руб., по азиатской границе: 55 пудов на 9787 руб.

Отсюда уже видно, что особого внимания заслуживает только ввоз листового табака (гаванские и тому подобные сигары по 3-му пункту ввозить будут, несмотря ни на какие пошлины) по европейской границе, и поэтому проследим его по годам [стр. 354].

Эти числа говорят: что требовался сперва ввоз около 200 тыс. пудов на 3—4 млн руб., что при возвышении пошлины (до 14 руб. кред. с пуда) сперва не могли свои плантации удовлетворить спросу на лучшие сорты табака, что, прослышав в 1876 г. о золотой пошлине (1877), сразу сделали запас избытков дорогих сортов табака (по 34 руб. пуд), что избытком ввоза хотели сперва сбить русскую конкуренцию, что все это повело к замене иностранного табака русскими сортами, которые стали успешно заменять турецкие и американские, что их, однако, все же ввозят, но всего не более 60 тыс. пудов на 2—3 млн рублей, и что ввозимые ныне сорта

всех товаров, обложенных акцизом, но и драгоценнейшие указания по районам России о состоянии ее производительных и потребительных сил. Когда-нибудь эти отчеты, ныне едва известные, послужат драгоценным материалом для суждения о важнейших экономических вопросах России, потому что пройдет время господствующего предрассудка о том, что в официальных наших отчетах содержится только один интерес казны и канцелярского делопроизводства. Когда-нибудь поймется же всеми, что интересы государственные и народные связаны между собою в России — как редко где — теснейшими узами и что понимание народных интересов есть, было и будет прежде всего в руководящих сферах правительственных учреждений, имеющих для того массу данных, прямо наталкивающих на коренные интересы народной жизни.

Год	Тыс. пудов	Тыс. руб.	Год	Тыс. пудов	Тыс. руб.	Год	Тыс. пудов	Тыс. руб.
1869	185	3894	1877	83	1288	1884	80	4257
1870	174	3644	1878	85	4384	1885	76	3930
1871	182	3822	1879	99	4237	1886	76	3603
1872	221	8845	1880	143	8653	1887	70	2931
1873	225	4453	1881	73	4297	1888	54	2004
1874	232	6946	1882	95	5234	1889	62	2565
1875	253	7639	1883	86	4402	1890	59	2127
1876	510	17954						

суть только самые дорогие, рублей по 30—40 пуд (лучшие турецкие и верхние сигарные — американские), а такие сорта могут выносить и высокий оклад в 15 руб. 40 коп. зол. с пуда.

Теперь посмотрим на внутреннее производство, потребление и цены за последние отчетные годы. Производство, то есть самое разведение табака, стало сильно возрастать в 70-х годах. Оно достигло наибольшей нормы около 1886 г., когда под табаком было занято 59 122 десятины. Тогда сбор достиг $4^1/_4$ млн пудов, а именно: турецких пород $1^1/_5$ млн пудов, американских $^1/_5$ млн пудов и низших сортов $2^9/_{10}$ млн пудов. При такой массе произведенного табака получилось уже перепроизводство, цены упали (небывалый урожай 1883 г. это уже подготовил), и стали убавлять количество засадок, так что в 1889 г. под табачными плантациями было 38 124 десятины, а сбор был в 3 млн пудов. Обильный урожай (почти в 5 млн пудов) 1888 г. послужил главною причиною того, что в складах скопились массы остатков табака (2 887 749 пудов) всех сортов и цены сильно упали. Те низкие сорта табака, которые продавались в Полтаве от 1 руб. до $3^1/_2$ за пуд в 1887 г., стали продаваться в 1888 г. от 25 коп. до $2^1/_2$ руб. за пуд. Черноморские и крымские высшие сорта, продававшиеся прежде по 30—40 руб. пуд, дошли до 10—20 руб. Здесь было бы своевременным приложить все возможные усилия для увеличения заграничного сбыта, но вывоз почти не возрос.

В 70-х годах он выражается среднею общею цифрою около 700 тыс. руб.; он почти таким и остался до последнего времени, а именно:

Вывезено по европейской границе	1887 г.		1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Табака в листах и крошеного	165	1.101	135	912	114	555
Сигар и папирос на		233		185		194

Русский рынок хотя и растет, но все же он мал для того, что может произвести Россия. Финляндия спросила, например, в 1889 г. 166 тыс. пудов (на 522 тыс. руб.) листового табака, но она не может составить рынка русским избыткам. Им надобен более широкий, и одна Англия может подать пример спроса более широкого, а потому туда следует направить усилия и соперничать с Северною Америкою, Индиею и Египтом в доставке табака.[1] Россия переделывает и потребляет в год

[1] Мельгаль следующим образом выражает производство и потребление табака во всем свете:

Производят	Тыс. т	Потребляют	Тыс. т
С.-А. С. Штаты	210	Великобритания	23
Центральная Америка . .	22	Франция	32
Бразилия	38	Германия	91
Япония	40	Россия	54
Ява	46	Австрия	85
Индия	170	Турция	22
Россия	75	Остальная Европа	76
Австрия	65	С.-А. С. Штаты	85
Турция	35	Индия	165
Германия	32	Япония	38
Франция	15	Бразилия	20
Остальные	20	Прочие страны	77

Всего около 768 тыс. т, или около 47 млн пудов. Следовательно, наше производство — около $^1/_{10}$ всего мирового. Наибольший ввоз идет в Англию и Германию. Табачная монополия (правительства) существует в Австрии, Италии и Франции. Табачный акциз С.-А. С. Штатов и Англии доставляет, однако, этим странам не менее государственного дохода, чем Франции. Чтобы хоть сколько-либо судить о перемене цен на табак, берем данные Гамбургской биржи — в марках за $^1/_{10}$ т ($6^1/_{10}$ пуда):

Около:	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.
Табак из С.-Доминго	112	166	103	97
» » Кубы (Гаванны)	158	240	179	338

Цены табака, вообще говоря, и всюду сильно изменчивы.

(1888—1889) около 4 млн пудов, и в этом числе около $2^1/_2$ млн пудов махорки, бакуна и других сортов, выпускаемых с низшею бандеролью. Акцизный сбор по своему возрастанию зависит от увеличения акциза и потребления. В 1880 г. он, со всеми добавочными поступлениями (за патенты и проч.), составлял лишь 13 млн руб., а в 1888—1889 гг. достиг до 28 млн руб. В том числе высшие сорты курительного табака вносят около 11 млн руб.; сигары около $1^1/_3$ млн руб. и папиросы — около 6 млн руб. (средним числом с фунта 48 коп. акциза), а с табака, махорки и других низших поступает около $8^1/_4$ млн руб. (средним числом с фунта по $8^1/_4$ коп.).

Переходя к сахару (статья 22-я), нельзя не заметить, что разведение сахарной свекловицы, как и табака, своим развитием более всего обязано таможенным мероприятиям. Писалось и говорилось всюду у нас, что ничего подобного производству сахара в самой России нельзя и думать затевать. Но когда свеклосахарное производство в первой четверти этого столетия стало распространяться в Западной Европе, тогда испробовали разводить свекловицу и у нас и после удачных опытов решили установить это дело самостоятельно в России. Кроме всего прочего, прибегли и к таможенным пошлинам. Сперва укрепили рафинадные заводы тем, что ввоз рафинада прямо был запрещен, а ввозимый сахарный песок (*большею* частью из сахарного тростника Центральной Америки) обложили окладом в 3 руб. 80 коп. с пуда. По современным ценам это выше стоимости самого песка.[1]

[1] Падение цен на сахар с начала этого столетия видно из следующих английских данных, показывающих, между прочим, что снятие в 70-х годах таможенной пошлины (Англия сама сахара не производит, а получает сахарный песок и рафинад) повело к сильнейшему росту потребления (см. стр. 321).

	1805 г.	1825 г.	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.
Число жителей, в миллионах	17	22	27	29	31	34
Ввоз в тысячах тонн (62 пуда) . . .	104	154	305	438	694	1000
Цена центнера (=3.1 пуда) в шиллингах (=31.2 коп. зол.) без пошлины	52	39	26	29	23	20
Цена с пошлиною	75	66	38	43	31	20
Фунтов (англ. = 1.1 русск.) на каждого жителя, в год	14	15	25	34	50	62
Шиллингов каждый, в год	9	9	9	13	13	11

Оттого дело и развилось, цены падали, получился акцизный доход с сахара и русский вывоз сахара за границу вместо бывшего ввоза. Тут результаты так ясны, что остается только подкрепить их цифрами, не входя в рассмотрение довольно сложного вопроса о перемене пошлин, размере акцизного

Привожу также официальные магдебургские цены (с акцизом) за последнее десятилетие за 100 кг, в марках:

Год	Сахарный песок	Рафинад	Год	Сахарный песок	Рафинад
1879	62.6	77.2	1884	46.8	61.7
1880	64.1	78.7	1885	47.8	59.5
1881	65.7	81.8	1886	42.9	54.3
1882	64.0	80.5	1887	42.9	53.9
1883	59.9	74.6	1888	47.7	58.5
			1889	40.3	68.7

Чтобы дать понятие о русских ценах за последние годы, прямо привожу выписку от отчета Департамента неокладных сборов за 1889 г. (стр. 153):

«В течение отчетного года, подобно предшествовавшему, цены сахара как на киевском, так и на других важнейших сахарных рынках России подвергались значительно меньшим колебаниям, нежели в продолжение 1886 и 1887 гг. Устойчивость эта была обусловлена, главным образом, состоявшимся в 1887 г. между большинством сахарозаводчиков соглашением о нормировке производства и об обязательном вывозе излишков сахара за границу, к каковому соглашению примкнули в 1889 г. некоторые из сахарозаводчиков, раньше не участвовавшие в этом соглашении, срок коего, согласно постановлению общего собрания представителей сахарозаводчиков 26 февраля 1888 г., в Киеве, продолжен до 1 сентября 1891 г. Этим же соглашением, если не совершенно устранена, то, во всяком случае, значительно ослаблена спекуляция, игравшая всегда большую роль в деле оборотов с сахаром и сильно влиявшая на колебание цен последнего. Наибольшее понижение цен сахара на главном киевском сахарном рынке в 1889 г. имело место в январе и феврале и было обусловлено тем, что в начале 1889 г. торговля сахаром шла довольно вяло: некоторые сделки заключались по 3 руб. 95 коп. за пуд. Но когда выяснился неурожай сахарного тростника и, вследствие этого, потребовалось для урегулирования американского сахарного рынка значительное количество иностранного сахара, а лондонский рынок, играющий роль посредника в международной торговле сахаром, предъявил значительные требования на русский сахар, то цена последнего в течение февраля и марта повысилась на заграничных рынках слишком на рубль за пуд. Повышение это не могло не отразиться на ценах внутреннего рынка, где сахар стал постепенно подниматься в цене и при некотором участии спекуляции дошел в середине года до 5 руб. 30 коп. за пуд; к концу года, когда выяснилось, что сбор свекловицы оказался хуже предшествовавшего года, цены возвысились еще более. Повышение это не считалось, однако, прочным, и как заводчики, так и крупные торговцы уклонялись от значительных сделок, причем средняя цена на рафинад не превышала цены на песок более 1 руб. 25 коп. на пуд.

сбора и о величине возврата акциза на вывозимый за границу сахар. Упомянуть следует только о том, что 5 августа 1890 г. пошлина с сахара-сырца (пункт 1) возвышена до 2 руб. 90 коп. зол. с пуда для ввозимого в порты Черного и Азов-

---

«Общее понятие о крайних пределах колебаний цен сахара на главнейших сахарных рынках России в 1889 г. дают следующие цифры:

а) для сахарного песка

	Низшие цены за пуд				Высшие цены за пуд			
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
На киевском рынке . . .	3	95	—4	16	(январь, февраль)	4	55	—5 30 (апрель, июнь)
для экспорта	2	80	—2	90	(» »)	3	30	—3 60 (июнь, октябрь)
В Варшаве:								
вагонами . .	4	40	—4	50	(январь, март)	5	20	—5 30 (июнь, август)
мешками . .	4	05	—4	30	(» »)	5	30	—5 40 (» »)
В Одессе . .	4	10	—4	25	(январь, февраль)	4	85	—5 15 (май, июль)
» Москве . .	4	35	—4	45	(» »)	5	30	—5 50 (» »)
» С.-Петербурге. . . .	4	65	—4	70	(» »)	5	65	—5 75 (» »)

б) для рафинада

В С.-Петербурге местных заводов	5	30	—5	90	(январь, февраль)	6	10	—6 50 (ноябрь, декабрь)
привозного .	5	35	—5	50	(январь, апрель)	5	75	—6 75 (сентябрь, ноябрь)
В Москве местных заводов	5	05	—5	40	(февраль, март)	5	80	—6 25 (май, август)
привозного .	5	10	—5	35	(» »)	5	75	—6 10 (июнь, август)
В Киеве . . .	5	10	—5	20	(январь, февраль)	5	65	—5 80 (июль, август)
» Варшаве . .	4	80	—5	30	(февраль, май)	5	65	—6 — (» »)
» Одессе . . .	4	95	—5	20	(январь, март)	5	45	—5 70 (май, июль)

«Начавшаяся в 1888 г. заграничная торговля желтым сахаром на условиях более выгодных, чем торговля белым сахаром, в отчетном году продолжалась еще с бóльшими выгодами, и отправка за границу желтого сахара увеличилась.

«Экспорт из России сахара в отчетном году, по сведениям Департамента таможенных сборов, вместе с вывозом в Финляндию, куда отправлено его 28 332 пуда (в том числе 25 411 пудов рафинада и 2921 пуд белого песка), простирался в совокупности по границам европейской и азиатской до 4 971 202 пудов. Из этого количества по европейской границе, исключая финляндскую, вывезено: 2 990 476 пудов белого песка, 433 499 пудов желтого песка и 86 616 пудов рафинада, всего же 3 510 591 пуд сахара, а по азиатской границе — 1 432 279 пудов, из коих 1 034 956 пудов рафинада и 397 323 пуда белого песка. Что касается экспорта собственно того сахара, который по европейской границе вывозился с возвратом акциза, а по азиатской границе, сверх того, с выдачей премии, то, на основании донесений Департаменту неокладных сборов

ского морей и до 3 руб. зол. для ввозимого в другие таможни, а для рафинада возвышена до 3 руб. 80 коп. зол. и 3 руб. 90 коп. с пуда, по той причине, что в этом году одна партия русского же сахарного песка в 29 тыс. пудов (на 75 тыс. руб.) ввезена была обратно в Россию, получив сперва возврат акциза, а потом уплатив таможенные пошлины. При пересмотре тарифа сохранены пошлины по всем границам в 3 и 4 руб. зол. не только ввиду того, чтобы отвратить вышеуказанную возможность, но и потому, что при современном положении нашего сахарного производства ввоз иностранного сахара в Россию не имеет никакого значения, пошлина же

самих таможен, чрез которые таковой вывоз дозволен, он в отчетном году дошел до 4958399.4 пуда, распределявшихся по отдельным таможням, расположенным в убывающем порядке размеров вывоза, таким образом:

Таможни	Рафинада	Белого песка	Желтого песка	Всего
		пудов		
Одесская	80511	2583831	209488	2873830
Граевская	—	78643	138200	216843
Млавская	—	148379	46415	185154
Волочиская	—	117420	4836	122256
Александровская	154	35297	8512	43963
С.-Петербургская	25157	2921	603	28681
Нешавская	—	6000	10005	13005
Новоселицкая	—	16423	—	18423
Либавская	—	3628	6691	10319
Николаевская	—	—	8748	8748
Унгенская	—	1806	—	1806
Таганрогская	685	—	—	685
Бакинская	938517	383795	—	1322312
Астраханская	80903	1795	—	82695
Тифлисская	13466	—	—	13466
Всего	1139394	3377299	433498	4950193

«По сравнению с предшествовавшим годом, в течение которого из России было вывезено по обеим означенным границам, в общем, 5241725.6 пуда сахара, вывоз последнего в отчетном году уменьшился на 291532.4 пуда, т. е. на 5.56%; в отдельности же, по европейской границе вывоз понизился на 428694.7 пуда, или на 10.82%, а по азиатской границе, наоборот, увеличился на 137157.8 пуда, или на 10.7%. Уменьшение в отчетном году вывоза сахара, несмотря на довольно значительный спрос его за границу, объясняется тем, что в общем собрании 11 октября 1888 г. представители сахарозаводчиков, для предупреждения дальнейшего падения цен на сахар, признали необходимым назначить дополнительный ускоренный вывоз за границу сахарного песка производства 1888/89 гг. в размере 6% сверх условленной нормы, что составило, в общем, до миллиона пудов, отправленных за границу, преимущественно в конце 1888 г. и только частью в начале 1889 г.».

в 3 и 4 руб. зол. с пуда представляет явно запретительную величину. Подробное рассмотрение всего вышеуказанного заняло бы много места и общий результат, сам по себе очевидный, не выиграл бы в наглядности.

Привоз по европейской границе сахарного песка и рафинада:

Год	Тыс. пудов	Тыс. руб.	Год	Тыс. пудов	Тыс. руб.
1872	498	2691	1881	1	5
1873	121	823	1882	32	179
1874	343	2434	1883	49	367
1875	1434	6894	1884	1/2	4
1876	495	1548	1885	1	6
1877	2	7	1886	1/3	2
1878	1	2	1887	2	7
1879	1	4	1888	1/2	2
1880	1	7	1889	1/2	3

Для вывоза даем только числа за два последних отчетных года, но по всем границам [стр. 361].

Итак, еще в 70-х годах был ввоз иностранного сахара, а теперь есть вывоз своего, да и притом не по мелочам, а уже на 20 млн руб. Такова Россия, таковы ее средства; они-то и заставляют держаться возбуждающей покровительственной таможенной политики.

Возврат акциза при вывозе играет во всем этом деле свою роль, но не первостепенную.

В 1879 г. акцизный доход с сахара составлял с небольшим 4 1/2 млн руб., а в 1889 г. он уже равнялся 19 млн руб. В 1878/79 г. на 240 сахарных заводах добывалось всего 11 млн пудов сахара (акциза падало на пуд около 40 коп.),

---

[*Продолжение сноски со стр. 359*]

Прибавлю от себя, что существующие ныне: соглашение русских сахарных производителей, возврат акциза и относительные цены сахара в России и Англии — должны в текущем 1891 г. и в следующие годы окончательно выясниться. Свои личные воззрения на этот очень сложный вопрос я, быть может, изложу в ином месте, для цели же этой книги не следует подробнее разбирать вопрос, решаемый иными путями, чем *ввозные* таможенные пошлины. Они свое дело сделали, но, имея свои задачи, ввозные пошлины не исчерпывают всех мер, направляемых правительством к улучшению промышленности и *торговли* (см. примечание к статье 22-й тарифа).

Вывоз	1889 г.		1888 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Сахарный песок: всего	4524	17748	3824	15138
В том числе по азиатской границе	403	1837	397	1769
Рафинад: всего	1057	5341	1147	5671
В том числе по азиатской границе	877	4496	1035	5153
Итого . .	5581	23089	4971	20809

а в 1888/89 г. на 220 заводах получается сахара 28 1/3 млн пудов (акциз с пуда около 70 коп.). Ныне в России (центральные губернии, юго-западные и польские занимаются разведением сахарной свекловицы) при заводах 109 и у соседних хозяев 136 тысяч десятин занято посадками сахарной свекловицы. Всего на них собрано в 1888 г. 280 млн пудов сахарной свеклы. Кроме 28 млн пудов сахара, получилось на тех заводах около 10 млн пудов патоки (черной и рафинадной). На сахарных заводах занято было в 1888/89 г. 85 508 рабочих (из них 11% женщин и 0.7% малолеток). На 1000 пудов свекловицы наши заводы расходуют около 1 1/2 куб. саженей дров (ценою не ниже 18 руб. за куб. сажень) или около 180 пудов каменного угля (ценою пуд около 20 коп.), следовательно, на топливо, считая его каменным углем, пошло около 50 млн пудов. Сколько замешано уже тут важных интересов — из сказанного ясно. И не будь таможенных сборов, мы бы и по сих пор, как англичане, получали чужеземный сахар, потому что своим заводам не дали бы развиться. И не надо забывать, что наше производство очень мало сравнительно с мировым. Вот, по счету Мельгаля, количество сахара (в тысячах тонн, каждая в 62 пуда), потребляемого в различных странах.

Потребление 1883 г.:

	тыс. т		тыс. т
Великобритания	1050	Австрия	240
Франция	360	Другие страны Европы	300
Германия	430	С.-А. С. Штаты	990
Россия	240	Колонии	65

Следовательно, не считая Китая, Японии и некоторых других стран, потребление сахара лет за 8 тому назад уже достигало до 230 млн пудов, ныне же вероятно превосходит 300 млн пудов.[1] Половина этого сахара добывается в Европе из свекловицы, другая из сахарного тростника жарких стран Америки и Азии. Десятина под свекловицею дает в год, судя по результатам России, около 120 пудов сахара, десятина же сахарного тростника в климате Бразилии доставляет, при $1^1/_2$-годовом периоде произрастания, около 450 пудов сахара. Тропические страны могут, следовательно, легче наших производить сахар. Они бы задавили зачатки нашего производства. И цена сахара в мире была бы выше современной, потому что предложение было бы меньше, а следовательно, и потребление было бы не только у нас, но и всюду меньшим. Если цена сахара у нас еще и поныне высока (на заводах сахарный песок — около 4 руб., рафинад — около 5 руб.), то это зависит от трех основных причин: 1) оттого, что на каждом пуде сахара лежит акциз, примерно 80 коп. на пуде рафинада; 2) оттого, что у нас еще не развилась та дешевизна каменноугольного топлива и металлических изделий, которая, как увидим в дальнейшем изложении, может развиться, если настойчиво — как для сахара — преследовать добычу этих материалов в самой России, и 3) оттого, что вся наша добыча все же сравнительно еще невелика (Германия производит около 54 млн пудов сахара и вывозит около 30 млн пудов в год) и вывоз за границу только что начался. Поэтому наши цены должно сравнивать не с сегодняшними ценами, например в Англии или Германии, а с теми, какие там существовали несколько лет тому назад. Сахар в Англии в 1860 г. стоил 29 шилл. без пошлины за центнер; это значит (при курсе 140 коп. кред. за 1 руб. зол.) за пуд 4 руб. 12 коп., а с пошлиною (43 шилл. за центнер) 6 руб. 21 коп. кред. А тогда в Англии уже вся и всякая промышленность была развита в сильной мере; нам еще до этого далеко доходить, и между тем у нас сахар в отличной степени чистоты (какая в то время в Англии была вовсе неизвестна) стоит с акцизною пошлиною около 5 руб. кред. за пуд. Понижение в цене уже есть, оно должно увеличиваться при возрастании внутреннего соревнования, особенно же при разведении сахара в наших теплых странах, например в Закавказье или в степ-

[1] Как в производстве табака, так и в добыче сахара Россия достигла $^1/_{10}$ общей мировой производительности, а, заметим кстати, население России немного менее $^1/_{10}$ населения всего света.

ных оазисах, где может расти и сахарный тростник. При достаточном соревновании нельзя бояться перепроизводства, потому что кроме западноевропейских рынков у России есть свой и среднеазиатский рынки, спрос в которых постоянно возрастает. По отчетам Департамента неокладных сборов, в 1889 г. нашим заводам сахарный песок обошелся вместе с акцизом от 2 руб. 75 коп. до 4 руб. 44 коп. за пуд, в среднем около 3 руб. 55 коп. Вычитая акциз (около 70 коп.), стоимость пуда песка дошла до 2 руб. 80 коп. кред. или (при курсе 140 коп. кред.) до $19^1/_2$ шилл. за англ. центнер. Такова же была цена в Англии от 1876 до 1882 г., когда сахар уже не платил в Англии пошлин. Следовательно, догонять нам надобно, но остается сделать немного, и при общем промышленном улучшении России, которое должно наступить, сахарное производство уже будет иметь много шансов впереди, конечно при условии дальнейшего усовершенствования как в разведении свекловицы, так и в ее переработке. Но, уяснив основы дела, я не считаю возможным касаться здесь технической стороны задач, предстоящих русскому сахарному производству.

В статье 23-й содержатся некоторые сорта сахара, например декстроза и мальтоза и их растворы, или сиропы, т. е. виды патоки, применяемой в пищу.[1] На первом месте здесь стоит пчелиный мед как закристаллизовавшийся, так и оставшийся жидким (медовая патока). Мед когда-то составлял предмет немаловажного русского отпуска, ныне же везется из России едва в количестве нескольких сот пудов (в 1889 г. вывезено 202 пуда на 1365 руб.), а если ввозится в Россию, то в сколько-либо значащих количествах из Персии. Так, в 1889 г. ввезено всего 4493 пуда на 23 тыс. руб., причем 4360 пудов пришло из Персии и Турции по закавказской границе. Мелкое, стародавнее и заключающее в себе много привлекательного, медовое хозяйство может быть рассматриваемо, с одной стороны как вид спорта, а с другой — как подсобная промышленность и с этой точки зрения нельзя не отнестись с большим сочувствием ко многим усилиям, которые вслед за покойным А. М. Бутлеровым прилагаются у нас к этому делу, но промышленного значения оно получить не может, и производство других видов съедобной патоки и сахара заслуживает, конечно, гораздо большего внимания. Из них два вида наиболее важны: рафинадная патока, остаю-

[1] Черная свекловичная патока, остающаяся при добыче сахара из свекловицы и применяемая для винокурения, в корм скоту и т. п., пропускается по примечанию к статье 39-й — беспошлинно.

щаяся при очищении (рафинировании) свекловичного сахара, и патока крахмальная, часто называемая картофельною, потому что обыкновенно готовится из картофельного крахмала. Два способа, для этого существующие, дают и два вида сахара: декстрозу и мальтозу. Глюкозу, или декстрозу, содержащуюся в обыкновенной патоке, получают при посредстве серной кислоты (около 1% на влажный крахмал, серная кислота удаляется мелом) и пускают в продажу или в виде медообразного сиропа (патока), или в виде мелкокристаллической твердой массы, получаемой из тех же сиропов и применяемой в виноделии для увеличения выходов виноградного вина. Мальтоза, или солодовый сахар,[1] слаще декстрозы, но ее еще не умеют вполне очищать от декстрина и других подмесей; образуется из крахмала при действии солода и применяется в пивоварении, приготовлении ликеров и т. п. У нас производство обыкновенной глюкозной, или картофельной патоки, применяемой для варенья, пряников и т. п., значительно развилось с давних пор, но мальтозу, сколько мне известно, еще не готовят. Производство той и другой очень просто и не требует крупных затрат. В России 125 паточ[ных] зав[одов], готовящих 4 млн пудов патоки (= 66 тыс. т).

---

[1] Дюбренфо в 1847 г. уже заметил, что при действии солода (диастаза) крахмал дает иной сахар, чем при действии серной кислоты. Сулливан, Мусклюс, Шульце, Герцфельд и другие в 70-х годах показали, что, кристаллизуя из спирта, легко можно получить мальтозу в чистом виде, в котором этот вид сахара представляет опасного соперника для обыкновенного кристаллического сахара (сахароза — химиков), извлекаемого из сахарного тростника и свекловицы. Температура 60° Ц содействует образованию наибольшего выхода (более $^2/_3$, остальное — декстрин) мальтозы из крахмала.

Нельзя не обратить внимания на то, что вопрос о химической природе и образовании различных сахаристых веществ ныне, особенно в самое последнее время, благодаря работам Е. Фишера, находится в том периоде основной научной переработки, вследствие которого может наступить во всей сахарной промышленности много коренных преобразований. Если позволено мне будет так выразиться, то я скажу, что наука стремится, расширяя область заводско-промышленных дел, настолько покорить вещество, чтобы человек, по возможности независимо от климата и других переменчивых условий природы, мог производить то, что ему нужно и полезно, и пищевые средства представляют здесь передовую задачу исканий, которые когда-нибудь увенчаются тем, что на заводах будут производить питательные вещества из того, что само по себе для питания служить не может. В развитии наук прямо преследуются иные — абстрактные — цели, но косвенно достигаются и те цели полезности (утилитарности), которые составляют прямую задачу промышленности. В классические времена целая бездна лежала между пользою и истиною, как между личным и общим, а ныне мосты уже перекинуты и по ним уже движутся в обе стороны с головокружительною быстротою.

В Германии известно до 50 заводов, готовящих до 400 тыс. т патоки, кулера и кристаллической глюкозы, большая часть которой вывозится в другие страны для виноделия (цена тонны около 250 марок). К нам ввоз не превосходит 5 тыс. пудов (1889) ценою на 24 тыс. руб. Патока в очищенном виде (очищение ведется животным углем) в том отношении представляет важный материал, что для питания играет ту же роль, как сахар, а получается из картофеля, всюду легко производимого. Кулер (Zuckercouleur), упоминаемый в статье 23-й, есть не что иное, как та же патока, только измененная в карамель через подогревание (со щелочью) и применяемая для окраски водочных напитков; ценится раза в $1^1/_2$ выше патоки. Пошлина на все эти товары в новом тарифе сохранена прежняя (1 руб. 20 коп. зол.), потому что и при ней ввоз мал и свое производство развивается. Замечу, однако, что доныне паточное дело в России развивается только подражанием, а оно имеет все условия (сырье повсюду в изобилии, спрос и цены на хорошую патоку прочны и т. п.) для того, чтобы самостоятельно и широко развиться во многих местах России, особенно потому, что простой народ охотно возьмет хорошо приготовленную патоку, конечно при условии ее дешевизны.

Многоразличные сладости, относящиеся к 24-й статье, особого объяснения не требуют, потому: 1) что всякому знакомы эти варенья, конфекты и пряники; 2) что оклады на них сохранены прежние; 3) что русское производство этих изделий достигло уже давно той степени совершенства, какая возможна в этих товарах; достаточно вспомнить наших Абрикосовых, Ландриных, Борманов, киевских производителей сухого варенья и т. п. и 4) что внутреннее производство товаров этого рода развивается исключительно под влиянием внутреннего, а не внешнего соперничества — крупных с мелкими и между собою, а это ведет к тому заключению, что понижение пошлин здесь было бы не только бесцельно, но и вредно, так как могло направить усилия наших производителей не в сторону улучшения качества, а в сторону соперничества ценою с иностранными конкурентами. Притом дела эти относятся к числу дающих заработок не только крупным предприятиям, но и множеству мелких (особенно производителям пастилы, пряников, конфект и варенья), усиленное покровительство которым наиболее обязательно для таможенного тарифа. Можно только приблизительно подсчитать все обороты, основанные в России на производстве рассматриваемых товаров, но можно сказать с уверенностью, что здесь вращаются

десятки миллионов рублей [1] и интересы десятков тысяч производителей. И надо заметить, что внутреннее производство, как всем известно, явно возрастает, а заграничный ввоз явно убывает, вывоз же возрастает, и хотя он все еще мал, но все же превосходит ввоз, как видно из чисел.

В 1872—1875 гг. конфект и тому подобных товаров по 1-му пункту ввозилось по европейской границе 12 тыс. пудов на 250 тыс. руб., а в 1885—1889 гг. ввоз уменьшился по цене и по количеству наполовину. По азиатской торговле товаров этого рода также ввозится очень мало (в 1887 г. 2 тыс. пудов на 17 тыс. руб.). Вывоз же из России конфект и вареньев достиг, например, в 1889 г. 27 766 пудов на 248 704 руб. по всем границам, в том числе по европейской 8 тыс. пудов почти на 100 тыс. руб., т. е. далеко превзошел ввоз. И этот род товаров, попутно с другими, когда станет развиваться нехлебная наша отправка, наверное будет сильно возрастать, потому что тут наши производители дошли во многом до того, чего другие народы еще не умеют делать, особенно же в производстве вареньев как в сиропах, так и сухих. Да и наш карамель всюду на выставках заслуживал общего внимания и одобрения по качеству и по дешевизне.

То же самое относится и к пунктам 2-му и 3-му, т. е. к фруктам вареным и к пряникам. Первых ввозится по евро-

[1] По сведениям Департамента торговли и мануфактур регистрированс на 1888 г. следующее количество заводов и фабрик «по производству питательных продуктов», а между ними и кондитерских и т. п.:

	Число заводов	Производство	
		млн руб.	млн пудов
1. Мукомольных	5731	165	139
2. Крупяных	366	9	9
3. Маслобойных	541	13	4
4. Крахмальных	199	1.8	1.3
5. Паточных	125	1.6	4
6. Солодовенных	45	0.6	0.5
7. Макаронных, пряничных и кондитерских	233	10	
8. Горчичных и цикорных	33	1	0.3
9. Консервов	75	1	
10. Соленарных и солемольных	69	3	24
11. Сахаро-рафинадных	31	84	17
12. Сыроварных	203	0.8	0.1
13. Дрожжевых	67	2.6	0.3
14. Уксусных	46	0.5	0.3
15. Искусственных минеральных вод	183	2.0	—
16. Водочных	293	57	11 млн ведер

пейской границе около 1 тыс. пудов, примерно на 30 тыс. руб., вторых — около 2 тыс. пудов на 40—50 тыс. руб., а вывезено по европейской границе одних пряников и разных печений в 1889 г. около 5 тыс. пудов на 74 тыс. руб. По финляндской торговле вывоз пряников доходит до 8 тыс. пудов на 49 тыс. руб. (в 1889 г.). Азиатские народы наших пряников не пускают, а персы посылают нам свои вареные без сахара смешанные фрукты, называемые бекмесом, в количестве до 18 тыс. пудов по цене около $2^1/_2$ руб. за пуд.

Между товарами 24-й статьи находится сгущенное молоко, которое поныне ввозилось в Россию из Швейцарии (Anglo Swiss condensed Milk C°) и Америки, где оно более всего готовится (обыкновенно с содержанием около 50% сахара). Но товар этот уже начали готовить в России, и мне известны образцы, отлично приготовляемые, а потому можно надеяться, по общей манере развития русских производств, что чрез несколько лет не только прекратится иностранный ввоз, но получится и русский вывоз. Развитие этого очень простого производства особенно важно для тех молочных хозяйств, которые по удаленности своей от потребительных центров не могут находить выгодного сбыта своему молоку иначе, как в виде консервов (масла, сыра и т. п.). И в этом отношении наши условия дают возможность завоевать большой рынок не только молоку отдаленных краев России, но и русскому сахару, потому что сгущенное молоко поныне имеет высокую цену, около 35 коп. кред. за фунт, в крупной торговле, а в одну Англию ввозится такого молока более полумиллиона пудов. Да и сама Россия, при надлежащей дешевизне и хорошем качестве, спросит массу этого товара, составляющего одно из приобретений новейшего времени. В Америке особенное распространение нашло «сохраняющееся молоко» (Preserverd Milk), получаемое прямо чрез смешение с сахаром и выпаривание до густоты сиропа, потому что такое молоко (запаянное в жестянки) сохраняется очень долго и очень удобно перевозится на далекие расстояния. Если бы многие хозяева наши, вместо того чтобы продавать свой овес или свою рожь, превратили их в своем хозяйстве в такое молоко, то не только бы получили больше дохода, но и поля свои привели бы в состояние гораздо высшей плодородности, как легко видеть простыми расчетами. Сбыт же дешевому и хорошо приготовленному молоку, можно сказать, беспределен, не у нас, так для вывоза за границу. Вот, от таких-то улучшений или новшеств скорее, чем от одного расширения хлебных запашек, могут поправиться наши хозяйства.

Дрожжи (ст. 25) и хмель (ст. 26) относятся также к таким продуктам, которые прямо соприкасаются с сельскохозяйственным делом, так как производство их может доставить весьма значительные по размерам подсобные доходы, тем более, что они таможенным тарифом защищены от иностранного соперничества и их производство в России хотя и не развито до избытков (вывоза хмеля почти нет, а дрожжей вывозится по финляндской границе около 3 тыс. пудов на 41 тыс. руб., 1889 г.), тем не менее уже существует и имеет много поводов еще более развиваться. Роль таможенного тарифа при таком положении предмета очевидна: пошлиною должно защитить развивающуюся промышленность от иностранной конкуренции. Но это уже было достигнуто ранее последнего пересмотра тарифа. Дрожжи платили по тарифу 1868 г. 75 коп., а хмель 1 руб. 10 коп. с пуда, а с 1887 г. те и другие платят гораздо более возвышенный оклад, ныне удержанный. И результат достигнут. Так, например, в 70-х годах дрожжей ввозилось около 40—70 тыс. пудов на 400—600 тыс. руб., а, например, в 1889 г. ввезено всего $1^1/_3$ тыс. пудов сухих и семенных (чистых культурных для пивоварен) дрожжей на 17 тыс. руб. В 1889 г. действовало 45 дрожжево-винокуренных заводов в России, на которых употреблено $2^3/_4$ млн пудов хлебных припасов и получено $14^3/_4$ млн ф. (бандероль накладывается на фунтовые пакеты) прессованных дрожжей. Заводов дрожжевых для винокурения было в том же году 58. Они переделали 120 тыс. пудов хлебных припасов и получили 709 тыс. ф. прессованных дрожжей. Сверх того 3 завода готовили пивные дрожжи и получили 70 тыс. ф. дрожжей. Таким образом, произведено (отчет Департамента неокладных сборов, 1889) в 1889 г. около 400 тыс. пудов прессованных дрожжей, что наверстало с избытком прежде бывший иностранный ввоз. Производство притом очевидно растет, дает и около $1^1/_2$ млн руб. акцизного сбора, не считая пивоваренных заводов, имеющих право безакцизно отпускать жидкие пивные дрожжи, которых в 1889 г. они продали около 90 тыс. ведер, что отвечает 10 тыс. пудов прессованных дрожжей. Отсюда ясно, что дрожжевое дело встало на ноги и пойдет по пути промышленного развития, которому свою помощь таможенные оклады уже дали.

Русское хмелеводство существует издавна, оно имеет и целую свою литературу, потому что страдает сыздавна некоторыми недостатками, которые особенно выдались с тех пор, как началось распространение заводского пивоварения. Немецкие, английские и чешские пивовары, поставившие наше пиво-

варение на должную ногу, предпочитали свой хмель, лучше культивированный, сортированный и упакованный, чем наш, а потому ввоз иностранного хмеля, при пошлине 1 руб. 45 коп. зол. с пуда, бывшей до 1887 г., был очень значителен, например в 1884 г. 79 тыс. пудов, в 1885 г. 69 тыс. пудов, в 1886 г. 85 тыс. пудов. Этот ввоз препятствовал дальнейшему развитию нашего хмелеводства и не давал ему возможности предпринять те капитальные расходы, которые требовались для надлежащей сортировки и разводки лучших пород. Министерства государственных имуществ и финансов пришли в 1877 г. на помощь этому делу, не только содействуя ему всякими другими способами, но и таможенным чрез увеличение до 10 руб. зол. пошлины с пуда иностранного хмеля,[1] потому что в деле развития внутренней производительности всякие другие меры — без ограждения внешнего соперничества — не могут принести никаких плодов. Это ограждение было тем своевременнее, что перепроизводство хмеля на западноевропейских рынках стало очевидным и следовало ждать, как это и случилось, падения цен на хмель. Вследствие падения цен на хмель и вследствие того, что наше производство хмеля не могло еще сразу удовлетворить всем привычным требованиям пивоваров, а отчасти и потому, что иностранные торговцы хмелем дали русским покупателям очень долгосрочный кредит — несмотря на пошлину в 10 руб. зол. с пуда (она составляет для цен 1887 г. около 70% стоимости), — все еще и поныне идет к нам ввоз иностранного хмеля. А именно ввезено по европейской границе:

	1888 г.	1889 г.	1890 г.
Тысяч пудов	37	55	40
На тысячи рублей кредитных	958	1253	1060
Средняя цена пуда . .	22 руб. кред. = 13 руб. зол.	23 руб. кред. = 15 руб. зол.	26 руб. кред. = 19 руб. зол.

Средний годовой ввоз за 3 последние года равен 44 тыс. пудов, а за 1884—1886 гг. он был равен 78 тыс. пудов, следо-

[1] Гейнцерлинг считает (в 1883 г.), что Германия производит до 35 тыс. т хмеля, Англия — 40, С.-А. С. Штаты — около 15, Австрия — 10, Бельгия и Голландия — 10, Россия — 2, Франция — 3, а во всем свете — около 100 тыс. т, или около 6 млн пудов хмеля в год. Лучшие сорта австрийского (чешского) хмеля ценились в 1885 г. от 150 до 200 марок за 50 кг, или за пуд от 15 до 20 руб. зол., но с тех пор сильно упали. По данным Гамбургской биржи, средняя цена за 100 кг хмеля в 1881—1885 гг. достигла наивысшей величины = 312 марок, а в 1886 г. = 191, а в 1887 г. = 178 марок. Если же цены столь сильно падают, то для них таможенный оклад не мог вполне препятствовать входу.

вательно, немалая часть (почти половина) иностранного хмеля заменилась русским. Другими словами, это значит, что свое дело увеличенная пошлина сделала, т. е. за хмель мы перестали переплачивать иностранцам лишний миллион, он остался русским хмелеводам, а во-вторых, что русское производство хмеля растет и развивается, удовлетворяя всем потребностям пивоварения. Прошло всего 4 года, и результат уже виден; вероятно он с годами станет очевиднее, потому что культура хмеля требует для своего улучшения гораздо продолжительнейшие сроки, чем 4 года. Если взвесить количество труда, потребного для производства того количества хлеба и хмеля, которые стоят 1 млн руб., то станет очевидным, что лучше сажать хмель, если ему есть сбыт, чем умножать хлебные посевы, как это и поняли в Англии, где на множестве пашен ныне разводят хмельники.

В 27-й статье содержатся крепкие хлебные и виноградные напитки и водки. До последнего пересмотра тарифа хлебное вино и спирт, привозимые в бочках, были запрещены. Если ныне они дозволены ко ввозу, то это еще не значит, что их будут ввозить, потому что Россия сама отправляет много спирта за границу, как далее увидим, притом и высота наложенной пошлины не позволит этого сделать. Пошлина в 12 руб. зол. с пуда брутто отвечает пошлине около 14—15 руб. зол. с пуда нетто, а такая пошлина превосходит цену самого крепкого продажного спирта. Спирт обложен акцизом $9^1/_4$ коп. с $^1/_{100}$ ведра безводного спирта, и он стоит сам по себе, в любом смешении с водою, от $1^1/_2$ до 2 коп. за $^1/_{100}$ ведра, или за градус. Следовательно, градус, или почти 0.006 пуда безводного спирта стоят с акцизом около 11 коп., а с укупоркой и другими расходами около 12 коп. кред. Следовательно, пуд нетто безводного 90—95%-го спирта, какой производится заводами и может быть в торговле, стоит с акцизом около 18 руб. кред., из которых на акцизный доход приходится около 14 руб. кред., или при курсе 120 коп. кред. за 1 руб. зол. (уже бывшем в 1890 г.) около 12 руб. зол. за пуд нетто. Это показывает, что впустить иностранный спирт с пошлиною менее 12 руб. зол. нельзя — без риска потери акцизного дохода. С этою же пошлиною не повезут в Россию спирта уже потому, что в России как стране хлебной спирт дешевле,[1] чем где бы то ни было, и вывоз спирта из России

[1] Для поклонников свободной торговли следует видеть, что, не будь таможенного обложения, и спирт можно было бы получать из-за границы, вывозя туда хлеб, для получения спирта надобный. Так это самое теперь

уже начался и достиг значительных размеров, как видно из того, что вывезено спирта из России — с возвратом акциза — средним числом ежегодно от 1879 г. до 1883 г. по 200 млн градусов, а в следующие 5 лет (1883—1888) по 480 млн градусов. Наибольший вывоз (650 млн градусов) отвечает 1887 г. В 1889 г. вывезено около 400 млн градусов. А так как вывозится спирт с около 90%-м содержанием алкоголя и ведро такого спирта весит около 25 фунтов, то вывоз отвечает приблизительно 3 млн пудов спирта ценою (конечно, без акциза, не взимаемого при вывозе) почти на 6 млн руб. (по $1^1/_2$ коп. градус). Вывоз этот весьма важен для русского хозяйства, потому что оставляет в стране не только плату за работу и хлеб, но и хлебную барду, составляющую важное питательное средство для скота. Поэтому вывоз поощряется всякими способами, особенно же тем, что не только с вывозимого спирта акциз не взимается, но ему дается акцизная премия на неизбежные путевые траты (в 1889 г. около 2 млн градусов) в $5^1/_2$% с вывозимого количества градусов, а при вывозе очищенного спирта (очистка сопряжена с потерями) еще $1^1/_2$%, так что все количество акциза, уступленного отправителям в 1889 г., отвечает 241 тыс. ведер безводного спирта или почти 3 млн руб. Эта уступка не поступает им прямо в пользу, потому что при вывозе спирта, а особенно очищенного, происходит множество затрат и требуются, особенно ныне, пока все дело вывозки русского спирта лишь развивается, особые расходы. Отправителям, конечно, достается часть выдаваемой им уступки акциза, но едва ли большая доля, и некоторого поощрения вывозители вполне заслуживают, потому что Россия может, в конце концов, если бы не было на то таможенных преград в иностранных государствах, быть монопольным поставщиком спирта на всю Европу, оставляя у себя вывозимый хлеб. Можно принять в круглых числах, что 100 пудов [1] ржи и пшеницы дают около 24 пудов безводного спирта (или около 40 ведер безводного спирта),

---

мы видим с суперфосфатом (стр. 230 и гл. 5), а если б своего не было, то привозный был бы дорог и завести своего производства было бы нельзя, потому что иностранные поставщики сбили бы всякий возникающий завод, требующий, для рационального и дешевого приготовления, большого навыка и много капитальных расходов.

[1] 100 весовых частей крахмала, если бы вполне превращались в спирт и углекислоту, дали бы около $56^1/_2$ весовых частей спирта, а в действительности (при выкуривании среднего качества) дают около 42 (даже до 49 при наилучшем производстве) весовых частей безводного спирта. В обыкновенных же сортах хлеба около 50% крахмала, следовательно они дают около 21% безводного спирта — по меньшей мере.

следовательно 200 млн пудов названных хлебов, вывозимых в последние годы из России (гл. 3), могли бы дать около 48 млн пудов, или 80 млн ведер безводного спирта. Пользуясь же данными различных официальных и частных (Мельгаля, Шерцера и др.), современную производительность европейских стран на безводный спирт можно считать следующею:

	[Производство] безводного спирта	
	тыс. куб. метров	млн ведер
Россия (1889 г.)	405	33
Германия (1888 г.)	306	25
Великобритания	150	12
Франция	170	14
Австрия	160	13
Дания, Швеция и Норвегия	80	6
Бельгия и Голландия	74	6
Италия и Испания	45	4
Прочие страны Европы	60	5
	1450 [1]	118=70 млн пудов

За вычетом производства России оказывается, что в Европе производится 85 млн ведер безводного спирта, т. е. именно столько, сколько могут дать вывозимые из России рожь и пшеница. Конечно, последняя мало применима (по дороговизне) для винокурения, но все же России выгоднее было бы превратить ее в спирт, чем отпускать от себя в виде хлеба. Иностранцы (англичане, французы, немцы) охотно платят, считая на наши меры и деньги, за ведро безводного спирта около 2 руб. 50 коп. кред. (без акциза), следовательно, за 80 млн ведер заплатили бы около 200 млн руб., т. е. столько же, сколько платят за вывозимые от нас пшеницу и рожь. Не говоря о барде и других доходах, уже на одной перевозке выгадалось бы очень много, потому что спирт в больших массах можно перевозить наливом, как возят нефть — целыми кораблями или вагонами. И конечно, Россия не стала бы перекуривать хорошего дорогого хлеба, а обратила бы на это дело

[1] С.-А. С. Штаты и другие внеевропейские страны производят еще около 200 тыс. куб. м или около 16 млн ведер безводного спирта, но эти сведения более сомнительны, чем приведенные в таблице.

низшие сорта своих земельных продуктов. Приводя такое сопоставление, я имел в виду указать на то, что интересы сельскохозяйственной промышленности России могут удовлетвориться вполне вовсе без всякого вывоза хлеба и могут вполне служить основою для развития в ней фабрично-заводской промышленности, если бы только мы сами поняли все те стороны, в которых лежат наши международные выгоды. Окончу эти вводные замечания тем химическим соображением, давно указанным Буссенго и Либихом, что вывоз из страны или из имения спирта, масла, сала, льна, хлопка и тому подобных веществ (не содержащих ни азотистых, ни зольных веществ) не убавляет плодородия почвы страны или имения, то есть не истощает их, потому что названные вещества слагаются в растениях из элементов, почерпаемых в воздухе и в нем имеющих безграничный запас. Не таков зерновой хлеб, наиболее истощающий землю.

В отношении к виноградному спирту (виноградная или французская водка, коньяк и т. п.), рому и тому подобным сортам спиртных напитков положение в России в настоящее время таково, что идет еще ввоз, но начало получения своего, внутреннего продукта уже видно, и вероятно наступит чрез небольшое число лет даже усиленный вывоз этих произведений России. В два прошедшие десятилетия средний ежегодный ввоз по европейской границе был следующий:

Года	В один год				
	в бочках		в бутылках		всего
	тыс. пудов брутто	тыс. руб.	тыс. бутылок	тыс. руб.	тыс. руб.
1869—1878	33	688	81	148	836
1879—1888	23	678	179	380	1058
1890	19	355	328	758	1113

Очевидно, что привоз в бочках уменьшается, потому что такие сорта, какие везут в бочках, стали в изобилии производить в России, а привоз высших, более дорогих сортов, привозимых в бутылках, особенно ликеров, возрастает. Хотя ввоз вообще невелик, но, тем не менее, и он постепенно должен вытесняться, потому что для производства всяких виноградных, плодовых и других видов водок, наливок, настоек и ликеров есть все внутренние условия, как видно далее из обзора

их производства. Поэтому оклады по ст. 27-й ныне увеличены для боченочной привозки с 11 до 12 руб. с пуда брутто, то есть до нормы оклада, при котором безопасно впустить в Россию и хлебное вино (стр. 370), а для напитков этих в бутылках оклад с 75 коп. зол. доведен до 1 руб. зол. с бутылки. Но так как в конце 1890 г. и начале 1891 г. действовала надбавка в 20%, то бочка платила 13 руб. 20 коп. зол., следовательно здесь произошла сбавка оклада, а бутылки платили 90 коп. зол., и надбавка оклада здесь невелика и платится в пользу не только русских производителей и погребщиков, но и казенного дохода, потому что разные «монахорумы», «шартрезы», «бенедиктины» и т. п. станут ввозить и при рублевом окладе, который на мелких долях потребляемых напитков вовсе и не чувствителен.

Размеры соответственных русских производств видны из ниже приведенных чисел Департамента неокладных сборов 1889 г. Особенно важно обратить внимание на развитие производства виноградного спирта не только потому, что «кизлярка» и тому подобные сорта этих водок давно производятся на юге России, но особенно потому, что первые попытки получить коньяк — в Крыму и на Кавказе — увенчались отличным успехом, а это производство может доставить огромный заработок как внутренней, так и отпускной торговле. Ввиду той важности, какую имеет фруктово-виноградное винокурение, ему даны многие акцизные льготы. Так как садовладельцы, производя виноградные вина, с одной стороны имеют разные отбросы, могущие прямо итти для получения виноградного спирта, а с другой стороны, должны, как это всюду делается, прибавлять к виноградному вину спирт, чтобы достичь сохраняемости, то им дозволено безакцизно выкуривать свой виноградный спирт. Из 2274 виноградно-спиртных заводов, действовавших в 1889 г., такою льготою воспользовались 224 завода, преимущественно в Крыму и Закавказье. Остальные же заводы платят не $9^1/_4$ коп. акциза с градуса, а только 5 коп. (с 1888 г., ранее 4 коп.), а потому в период 1888/89 г. получено акцизного дохода (вместе с патентным сбором) с фруктово-виноградного винокурения всего 834 тыс. руб., хотя выкурено 28 млн градусов, что дает в среднем лишь по 3 коп. акциза с градуса. Этот важный вид поощрения, конечно, принесет свои результаты, и часть их уже заметна даже на кратком промежутке времени последних годов. Так, например, число всех заводов в 1888 г. было 2125, а в 1889 г. уже 2274. Но последний год был малоурожайным для винограда, и цены его поднялись очень сильно, а потому в результате послед-

него года произошло даже уменьшение выходов виноградного спирта. Но все же дело явно становится во всех южных краях России правильным и прогрессирующим. Наибольшее число виноградно- и фруктово- (из ягод тутового дерева) винокуренных заводов (около 2 тысяч) находится в Закавказье — этой родине винограда, где виноградарство обещает полный расцвет. В Крыму (138 заводов), на Северном Кавказе, особенно в Терской области (70 заводов, готовящих 5—15 млн градусов винного спирта), в Бессарабии (12 заводов курят 6 млн градусов), в Туркестане (8 заводов курят 4 млн градусов), даже в земле Донецкого войска и в Херсонской губернии уже существуют надлежащие зачатки как промышленных, так и садовладельческих виноградно-спиртных заводов, которым можно только пожелать наибольшего успеха. Весьма важно обратить при этом внимание на то, что виноделие в своем развитии, уже сильно двинувшемся в последние годы, особенно благодаря мерам Министерства государственных имуществ, встретит очень важную поддержку в своих винокурнях и все свои сорта вин и виноградов, почему-либо негодных для прямого применения, может обратить в виноградный спирт. Его избыток, если он окажется, найдет, наверное, отличный заграничный сбыт, потому что Франция, Испания, Португалия и другие винодельные страны должны для прибавки к своим винам покупать много спирта, хотя бы хлебного, если он хорошо очищен.

Очистка хлебного вина имеет значение не только вкусовое и санитарное, но важное экономическое, потому что очищенный спирт имеет гораздо больший спрос. В 1886 г. 239 заводов очищали спирт перегонкою, то есть так называемым «горячим» способом, и 3643 места (подвалы и склады) очищали спирт цежением чрез уголь, то есть так называемым «холодным» способом. Этим заводам даны также некоторые льготы (1888), а именно, снятие акциза с отбросов, неизбежных при очистке. Собственно водочных заводов, готовящих как очищенное хлебное вино, так и разные другие виды водок, в 1889 г. было 300, и они выделали $1^1/_4$ млн ведер всяких водок. Если присчитать сюда 2145 винокуренных заводов, употребивших в 1888/89 г. 48 млн пудов хлебных припасов, 78 млн пудов картофеля и $4^1/_2$ млн пудов патоки, а выкуривших 33 млн ведер безводного спирта, то окажется, что русское винокуренно-водочное производство представляет одну из крупнейших ветвей русской промышленности, потому что здесь обращаются ежегодно многие десятки, а с акцизом и сотни миллионов рублей. Но и здесь ни производство, ни

потребление не дошли у нас до своих предельных размеров, как видно, например, из того, что среднее количество безводного спирта, приходящееся на каждого жителя, у нас меньше, чем во многих других странах. Так, например, для 1889 г. все производство = 3279 + 28 = 3307 млн градусов, вывоз = = 400 млн градусов (ввоз не превосходит десятков тысяч градусов), следовательно, потребление около 29 млн ведер или (1 ведро = 12.3 л) около 360 млн безводного спирта, что составляет, считая население России в 120 млн жителей, по 3 л на жителя. Мельгаль считает для 1881 г. потребление в Англии — $3^3/_4$, в Шотландии — $10^1/_2$ и в Ирландии — $5^3/_4$ л на жителя, хотя в его расчетах не ясно, какой крепости спирт взят был им для счета. Для Германии совершенно ясно, по официальным данным для 1889 г. о производстве (2727 тыс. гл безводного спирта), вывозе (32 тыс. т) и ввозе (3 тыс. т), что потребление в год близко к 250 млн л, что при 50 млн жителей дает по 5 л безводного спирта на каждого. Мельгаль считает около 6 л для Германии, для Франции 4, для С.-А. С. Штатов по $6^3/_4$, для Австрии по $3^1/_2$ л спирта на жителя. Все эти числа больше русского потребления. Следовательно, должно ждать, что по мере развития достатка, а он связан с промышленным ростом, русское потребление спиртных напитков будет возрастать. Но не должно забывать: 1) что по мере развития промышленности, просвещения и условий правильной жизни некоторые страны убавляют потребление спиртных жидкостей,[1] 2) что увеличение [потребления] пива и виноградных вин заменяет потребление водки и 3) что с течением времени все большее и большее количество спирта идет на производство различных предметов, например эфира, уксуса и разных других химических препаратов. Так, например, в Германии $^1/_5$ спирта идет для технических целей и потому освобождается от акциза. Англия «денатурализирует», то есть делает негодным для прямого применения (чрез прибавку вонючего древесного спирта или других примесей) целые миллионы галлонов своего спирта. В России также началось и развивается освобождение от акциза спирта, назначаемого для технических целей, о чем я буду иметь случай говорить впоследствии.

---

[1] Так, например, в Норвегии (Wagners's Jahresber., 1882), судя по счету производства ввоза и вывоза; приходится литров 50%-го спирта на жителя: в средине 70-х годов $6^1/_2$ л, а в начале 80-х годов только около 4 л. Однако же подобные расчеты упускают из виду контрабанду и требуют проверки, материалов для которой у меня нет под руками.

Закончу сведения, относящиеся к 27-й статье, замечанием, что вывоз водок (кюммеля, очищенной и т. п.), настоек и ликеров из России давно существует. В 1889 г. по статье этой (кроме спирта и хлебного вина) в русском вывозе заявлено 12 тыс. пудов на 186 тыс. руб., и если бы предприимчивость наших водочных торговцев была достаточно великою, то они наверное успели бы сбыть заграничным потребителям много своего добра, потому что в Западной Европе повсеместно славится русская водка, и она по справедливости выше достоинством, чем многие продукты, находящиеся там во всеобщем потреблении.

Виноградные вина (ст. 28) составляют предмет производства столь большого значения и ценности, что его преследуют все теплые страны, среди которых наш юг еще не занял надлежащего места, а вероятно со временем займет первенствующее положение во всей Европе. Чтобы показать это, достаточно взглянуть на числа, выражающие производство, которое мы даем, как и для спирта, в кубических метрах (1 куб. м = = 10 гл = $81^1/_3$ ведра) и ведрах, а так как в виноградных винах содержится от 8 до 15% безводного спирта, то соответственно с данными стр. 372 приводимые объемы следовало бы делить примерно на 10, чтобы получить количество содержащегося безводного спирта, но так как виноградные вина ценятся не по содержанию в них безводного спирта, то этого делать и не следует. Притом числа, относящиеся к производству виноградных вин, нигде особо не облагаемых, а потому и неучитываемых, изменяются сильно с годами и представляют только грубое приближение к действительности. Поэтому различные источники дают очень различную производительность стран. Я беру числа средние между данными Мельгаля и Нейман Спалларта, заимствуя их из Abriss d. chemischen Technologie v. Heinzerling (1888). Данные эти относятся к началу 80-х годов [стр. 378].

Среднюю цену ведра виноградного вина нельзя принять менее $2^1/_2$ руб. Такую же среднюю цену должно принять (без акцизных пошлин) для ведра безводного спирта, а потому производство вина и спирта по наименьшей стоимости должно составить в мире оборот по крайней мере на 3000 млн руб. Европейские страны, вместе взятые, тратят на вино и спирт, присчитывая акцизы, конечно, гораздо более, чем тратят на хлеб.

Занять в среде народов роль отправителя виноградных вин России нынче легче, чем какому-либо другому народу, потому что Франция со времени виноградной болезни больше

Страны	Производительность	
	тыс. куб. м[1]	млн ведер
Франция	4500	365
Италия	2700	219
Испания и Португалия	2200	178
Австрия и Венгрия	1000	81
Балканский полуостров и другие	300	24
Германия	250	20
Россия (?)	150	12
С.-А. С. Штаты	100	8
Южная Америка, Африка, Австралия	100	8
	11300	935

ввозит виноградных вин (дешевых), чем их вывозит (дорогих), а у нас это дело едва началось. В 1888 и 1889 гг. вывозилось всего по 14 тыс. пудов на 84 тыс. руб. в бочках, а в бутылках в 1888 г. 148 тыс. бутылок на 100 тыс. руб., в 1889 г. 170 тыс. бутылок на 120 тыс. руб. (в том числе более 1 тыс. бутылок шипучего вина). Местом вывоза служит Одесса, отправляющая бессарабские вина во Владивосток, и Батум, отправляющий закавказское вино во Францию. Мы его, вероятно, получаем оттуда обратно, — конечно, по другим ценам.[2] Что же касается до ввоза иностранных вин, то хотя он и продолжается, но год от году падает, потому что понемногу русские потребители стали понимать, что свое вино у нас есть и есть много хороших сортов, а производители стали употреблять соответственные усилия для того, чтобы содействовать сбыту русских вин. Еще многое и очень многое

[1] Так как плотность виноградных вин близка к плотности воды, то кубический метр виноградного вина весит около тонны, или около 61 пуда.

[2] Считаю не излишним рассказать здесь два случая, бывшие со мною. Один произошел в Москве, в 1882 г. С 60-х годов, пользуясь закавказскими винами, я выписывал их сперва прямо с Кавказа, а потом, узнав склад в Москве, стал брать там прекрасное матрасинское вино, которое обходилось мне менее 50 коп. за бутылку; такое же вино я имею теперь в Петербурге. В то время был съезд и выставка, и я, временно живя в Москве, заказал себе привычного вина, но его не успели доставить к завтраку, и я, дожидаясь гостя, послал в соседний французский погреб купить бутылку хорошего красного французского вина. Заплачено было за нее 3 руб. Вино было откупорено и действительно оказалось недурным. Но во время завтрака принесли и кавказское вино. Когда мы сравнили это 50-копеечное вино с 3-рублевым французским (бургонским), то отдали

следует сделать в этом отношении, но начало уже положено, уже в столицах России преобладает русское — донское, кавказское, крымское, бессарабское и туркестанское вино, и спрос растет с годами. Говорить обо всем этом подробнее здесь было бы неуместно, и я ограничусь указанием на то, что таможенные пошлины в отношении к русским винам сделали свое дело — обратили на них внимание, сделав иностранные вина более дорогими. В 1868 г. пошлина на иностранные вина равнялась 2 руб. 30 коп. кред. с пуда брутто, а на греческие вина 1 руб. 45 коп. кред., когда они привозились бочками; для привозимого же в бутылках пошлина равнялась 33 коп. кред. с бутылки нешипучих вин и 1 руб. кред. с бутылки шипучих. Оклад в 2 руб. 30 коп., конечно, был в то время почти запретительным для русских, например далеких закавказских вин, потому что, например, из Кахетии до Петербурга доставить пуд вина в то время, при бездорожице, наверное в среднем стоило с разными расходами гораздо дороже. Тогда, поэтому, легче было бы получить вино из Франции, чем из Кахетии, не было и складов своих вин. Но таможенный тариф сперва приравнял (1870) греческие вина с прочими, потом (1877) стал взиматься золотом, потом набавился [на] 10% (1881), затем (1885) увеличился для бочечной доставки до 3 руб. 50 коп. зол. с пуда, для бутылочной же до 1 руб. 25 коп. зол. с шипучих вин, а в августе 1890 г. возрос для бочечного вина до 4 руб. 20 коп. зол., для бутылок нешипучих вин до 48 коп. зол. и до 1 руб. 50 коп. зол. с бутылки шипучих вин. Почти такие же пошлины (4 руб. 45 коп. зол. и 1 руб. 40 коп. зол.) оставлены и в новом тарифе, для того чтобы начавшееся улучшение в потреблении и производстве русских вин не могло колебаться от усилий иностран-

---

предпочтение своему. Ко мне много тогда ходило знакомых, я многим давал сравнивать, не показывая этикеты, — все были одинаково согласны, что за 50 коп. можно получить лучшее русское вино, чем французское за 3 руб. бутылку. Другой случай относится к одной из моих поездок на Кавказ, к дням моего пребывания в Тифлисе, в жаркие дни июня. Вина, которые мне подавали в гостинице и за которыми я посылал в соседние погребки, мне не нравились, хотя за них платились рублевые цены. Спросил знатоков, где достать хорошего вина, и мне указали на грузинские базарные лавки. Проезжая из ботанического сада, я заехал туда и там получил превосходнейшее вино, бутылка которого стоила что-то около 40 коп. Оба эти случая, конечно, единичны; но, судя по сведениям и расспросам, то же встречается часто и везде у нас. С выбором, торговлею и выдержкою русского вина предстоит еще много дела, за которое могли бы приняться многие из тех, кому кажется ныне, что дел делать не с чем. Тут дела много и большим и малым капиталистам, и успех верен, если дело будет ведено с толком и добросовестно.

ной конкуренции.[1] На ввозе иностранных вин все эти меры отразились ясно. В середине 70-х годов иностранных вин ввозилось к нам на 16 млн руб., а в 1888—1890 гг. ввоз едва превосходил 7 млн руб., т. е. сильно сократился. Привожу числа годичного ввоза по трехлетиям:

Пункты		Года						
		1870—1872	1873—1875	1876—1878	1879—1881	1882—1884	1885—1887	1888—1889
1	Тысячи пудов . .	961	1019	854	912	848	553	498
	На тысячи рублей кредитных .	8216	11859	7841	11485	13797	6665	5497
2	Тысячи бутылок .	341	372	267	301	301	197	182
	На тысячи рублей кредитных .	327	326	329	349	741	334	275
3	Шипучего, тысячи бутылок	1103	1158	774	737	598	445	497
	На тысячи рублей кредитных .	1985	2979	1811	2208	2459	1749	1654

Если бы так же, как здесь, во всем другом иностранные продукты постепенно заменялись русскими, то русская экономическая жизнь, производительность и торговля стали бы быстро поправляться, а тогда потребность во всяких вкусовых приправах и напитках стала бы расти, потому что таково уже свойство экономических отношений этого рода. И если мы все сознательно отнесемся к этому, то можем сильно ускорить желаемое, а потому, хотя я и плохой потребитель вина, но все же стараюсь не покупать иного вина, кроме русского. Тут я замечу еще, что на Кавказе, где пьют не меньше, чем

[1] В таможенном тарифе 1891 г. есть новое небывалое прежде примечание, определяющее предельную крепость виноградного вина в 16 объемных процентов. Оно совершенно рационально, потому что естественное содержание алкоголя в бродящих жидкостях не превосходит указанного содержания (при большем содержании алкоголя броженье останавливается), а потому высший процент спирта может происходить только от искусственной подмеси крепкого спирта. Большинство вин, а особенно испанских и португальских, содержит подмесь спирта, но когда она мала — ее нельзя отличить от естественного содержания алкоголя в виноградных винах, если же она велика, то тем производит подрыв нашим виноделам, которые за прибавляемый ими спирт должны платить акциз, размер, которого, как разочтено на стр. 370, и отвечает приблизительно 12 коп. зол. за каждый процент спирта, содержащийся в пуде брутто спиртного напитка.

во Франции или Италии, не знают подагры, господствующей в указанных странах во всех классах жителей.

За виноградным вином, в ст. 29-й, следуют пиво, мед и сидр как продукты брожения, содержащие спирт (от 1½% в слабых сортах до 7 и 8% в крепких сортах портера и эля) еще в меньшей пропорции, чем виноградные вина. Из названных напитков пиво как питательный (от 5 до 15% экстрактивных веществ) и дешевый напиток [1] получило, особенно в последней половине этого столетия, огромное распространение и всюду обложено акцизом. Заводское производство его должно считать ныне достигающим приблизительно следующих количеств:

Производство пива [по странам]	в тыс. куб. м	потребление на жителя, в литрах
Россия (1296 заводов, 1889 г.)	390 [2]	3¼
Германия (1888/1889)	4770	97 [3]
Великобритания	4600	130
Австро-Венгрия	1200	32
Франция	900	25
Бельгия	900	140
Голландия	200	—
Остальные государства Европы	600	—
С.-А. С. Штаты	2000	—
Остальные страны, около	300	—
	15860, или около 1300 млн ведер	

Можно сказать с уверенностью, что пива выпивается в Европе ныне по объему более, чем вина, а потребление алкоголя в виде водки, виноградных вин и пива почти сравнивается между собою. Начало более общего, чем прежде, потребления пива в России уже положено, но увеличение потребления идет все же медленно, судя уж по тому одному, что акцизный доход (около 5 млн руб.) с пива за последние

[1] Крепкое мюнхенское пиво считают стоящим по величине всех расходов производства за кубический метр около 200 марок, или за ведро около 77 коп. зол. Обыкновенное пиво стоит дешевле.

[2] Производство = 32 млн ведер. Акциза на ведро 16.7 коп. Он собирается по емкости заторных чанов. Медоваренных заводов 551. Акциза с меда, 1889 г., 25 тыс. руб., с пива — 5⅓ млн руб.

[3] Потребление (= производство + ввоз — вывоз) растет, потому что в 1876—1886 гг. среднее потребление было не менее 87 л. С 1887 г. оно достигло 97 л.

10 лет почти не возрос. Главными местами служат Польша, остзейские края и подстоличные губернии.[1] Сельскому хозяйству пивоварение весьма сильно помогает не только спросом ячменя и хмеля, но и тем, что дает весьма питательный корм в виде различных остатков солода.

Вывоз пива и меда из России в Западную Европу почти не существует, а он есть только по финляндской границе и из Одессы отправляется во Владивосток морем.[2] Привоз бочками (пункт 1-й) в 70-х и начале 80-х годов составлял около 30 тыс. пудов, а в последние годы стал возрастать, а именно ввезено по европейской границе, начиная с 1886 г.: 36, 33, 36, 40 и 39 (в 1890 г.) тыс. пудов в год. Очевидно, что ввоз не уменьшается, почему повышение оклада с 1 руб. 30 коп., действовавшего в начале 1890 г., до 1 руб. 50 коп. зол. имеет прямую цель — подкрепить зачинающуюся у нас пивоваренную промышленность. Притом в конце 1890 г. и в начале 1891 г. действовал оклад (с 20% надбавки) 1 руб. 56 коп. зол., и он не уменьшил ввоза, противу же него произведено понижение. Что касается до ввоза портера и пива в бутылках, то он, видимо, уменьшается, и, следовательно, оклад в 20 коп. зол. с бутылки, очевидно, достаточен для ограждения наших пивоваров от иностранной конкуренции, а потому этот оклад сохранен. Ввоз пива и портера в 70-х годах достигал 600 тыс. бутылок в год (около 400 тыс. руб.), а ныне сильно сбавился, а именно, начиная с 1886 г. ввезено 166, 172, 122, 157 и 165 тыс. бутылок в год на 100—120 тыс. руб. в год.

К 30-й статье нового тарифа отнесены лимонный и другие фруктовые и ягодные соки, не содержащие прибавки сахара (ст. 24), давно ввозимые к нам из-за границы с подмесью

[1] Мне кажется, что в России, с вкоренившимися в ней привычками, пиво получит тогда только обширный сбыт и ход, когда будет по возможности приближаться к квасу, как напитку весьма полезному в гигиеническом отношении и хорошо знакомому русским. Квасными своими вкусами русские жители когда-нибудь перестанут брезговать и позаботятся достичь до таких способов производства кваса, которые обеспечивали бы не только разнообразие вкуса, но и питательность, сохраняемость и гигиеническое значение, которые присущи квасу. Не «баварский», а уж скорее «боярский» или лучше просто русский квас с его кислотностью и с его здоровым, сытным вкусом — нужны теперь, когда искусство домашней заготовки кваса начало исчезать. Слышно, что Общество охранения народного здравия принимает под свое попечительство квасное производство. Этому, вероятно, многие, взросшие на квасе, а в числе их и автор этой книги, ответят искренним сочувствием, несмотря на улыбки и наветы на «квасной» патриотизм. Интересно бы, вслед за проф. Кремянским, проследить, сравнительным способом, развитие разных «патогенных» бактерий в среде кваса и пива?

[2] То же относится и к товарам трех следующих статей этой главы.

спирта (для сохраняемости и для производства наливок) или без нее для производства различных наливок и разных питательных и вкусовых веществ. Подмесь спирта, вследствие существования и высоты акциза, очевидно должна подлежать особому обложению, пропорциональному с количеством спирта, как это было и ранее (по тарифу 1868 г.). Но и помимо того, так как производство таких ягодных и плодовых соков уже ведется в России и может составить предмет внутренней развитой промышленности, то иностранный товар этого рода требует оклада для защиты внутреннего приготовления. Ввоз их, не превышающий в начале 80-х годов 5 тыс. пудов в год, стал за последнее время возрастать:

По европейской границе	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.
Ввоз, тысячи пудов . .	7	11	10	15	21
« тысячи рублей . .	26	56	45	61	87

Поэтому повышение пошлины с 60 коп. зол. до 75 коп. зол. с пуда брутто должно быть рассматриваемо как указание нашим садоводам: вот вам товар, сравнительно легко приготовляемый, имеющий сбыт и могущий доставить заработок тем легкий, что капиталов на его установку не требуется. Таких небольших, но верных дел найдется немало, когда сведения о таможенных отчетах приобретут бо́льшую, чем до сих пор, известность. Соки многих русских ягод и плодов, при хорошем и дешевом их производстве, могут найти большой заграничный спрос, как видно уже из того, что клюкву (и бруснику) стали вывозить за границу. Так в 1889 г. за границу отпущено 14 тыс. пудов клюквы и брусники на $9^1/_2$ тыс. руб.

По 31-й статье нового тарифа будет проходить столовый уксус, содержащий не более 8% уксусной кислоты (обыкновенный уксус вдвое слабее), а так называемые уксусные эссенции, дающие по разбавлении водою уксус, будут оплачивать отныне такую же пошлину (4 руб. с пуда), какую платит уксусная кислота, производство которой, как увидим далее, необходимо защитить ради важных промышленных интересов России. Доныне в тарифе не определялось содержание уксусной кислоты в привозимом уксусе, и могли являться не только недоразумения об отнесении ввозимого товара к уксусу (оклад 1 руб. 30 коп. зол. с пуда брутто) или к уксусной

эссенции (4 руб. зол. с пуда), но и прямой обход статьи, охраняющей русское производство уксусной кислоты. Помимо этого, в новом тарифе не произведено существенных изменений, кроме округления пошлины с 13 коп. зол. за бутылочный уксус до 15 коп. зол. с бутылки, потому что производство уксуса в России давно существует [1] и достаточно обеспечено действовавшим тарифом, как видно из того, что ввоз мал и с годами для ввоза в бочках падает. Так, в 70-х годах и начале 80-х ввозилось 2—3 тыс. пудов уксуса в бочках (на 10—15 тыс. руб.) и 3—5 тыс. бутылок уксуса (на 2—3 тыс. руб.), а за последние годы ввоз бочками упал до 1½ тыс. пудов, бутылочного же уксуса ввозится до 5 тыс. бутылок (на 4 тыс. руб.). Маленькое количество уксуса (около 600 пудов в год) вывозится из России в Финляндию и в азиатские государства.

К разряду товаров, рассматриваемых в этой главе, отнесем еще минеральные воды (ст. 32), не только потому, что в действующем тарифе статья, до них относящаяся, тотчас следует за статьею об уксусе и составляет переход к соли (ст. 33), но и потому, что многие минеральные воды ввозятся не для лекарственных целей, а как напитки, подобные воде аполинарис, содовой и т. п. Ныне, когда повсеместно в России стали готовить искусственные минеральные воды и когда многие естественные наши минеральные воды, особенно же кавказские, например ессентукские и кисловодские, стали пользоваться должным вниманием потребителей и правительства, а вместе с тем и предпринимателей, пошлину на иностранные минеральные воды нельзя рассматривать только с фискальной стороны. Она имеет свое значение как защита внутреннего производства. Есть много данных на то, чтобы надеяться на широкое развитие пользования русскими минеральными водами как по их чрезвычайному разнообразию состава и свойств, так и по тем климатическим условиям, в которые они поставлены. Но им недостает поныне должной организации местной предприимчивости, особенно со стороны общего благоустройства, которое держится только благодаря субсидиям правительства. Для благоустройства же необходимы особые,

[1] По сведениям Департамента торговли и мануфактур сумма производимого в России заводскими способами уксуса выражается следующими цифрами производства уксуса: в 1887 г. на 339 тыс. руб., в 1888 г. на 501 тыс. руб., в 1889 г. на 444 тыс. руб. Так как записи ведутся по показаниям самих заводчиков и уксус часто готовят полудомашними способами, то надо думать, что годовая производительность России гораздо выше указанной.

прочные средства, каких не могут доставить временные приезжие. Вывоз и сбыт розлитых в кувшины или бутылки минеральных вод доставляет один из крупнейших доходов заграничным их содержателям. Как велико значение этого сбыта, видно из недавней истории, происшедшей на известных источниках зельтерской воды. Явился там, в Зельтер, в конце 80-х годов, из Вены г. Самуэль Унгар, купил или нанял по соседству землю, добыл воду и пустил ее в продажу с титулом «Original Selters Wasser (Nussau)». Правительственные агенты настоящих, давно известных зельтерских вод не остановились над крупными расходами, чтобы выяснить дело публике, и в ряде публикаций и анализов, произведенных известным висбаденским химиком Фрезениусом,[1] показали ту степень сходства и различия, которые существуют между старою и новою зельтерскою водою. При этом выяснилось, что главный доход казенного управления вод зависит от продажи зельтерской воды, сбываемой ежегодно в числе нескольких миллионов глиняных кувшинов, хотя с погрузкою в вагоны кувшин или бутылка продается всего за $^1/_4$ марки (около 8 коп. зол., или 12 коп. кред.). Но ведь и стоимость почти ограничивается укупоркою и малым трудом надзора. Многие другие воды Германии, Франции, Австрии и Италии идут едва ли в меньшем количестве. Это доставляет прочный и верный доход, который должны иметь и многие из наших минеральных вод. Необходимы годы настойчивых усилий для достижения этого и средства для того, чтобы успех в конкуренции был возможен. Тариф таможен должен этому помогать. Пошлина в 1868 г. была 2 коп. кред. с кувшина или бутылки, которые в привозе стоят ныне около 27 коп. кред. за каждый кувшин или бутыль. Постепенно пошлину возвышали. В 1890 г. она равнялась $3^1/_2$ коп. зол., а в январе 1891 г. $4^1/_5$ коп. зол. Новый тариф оставил эту последнюю пошлину, округлив ее до 4 коп. зол., что составит около $5^1/_2$ коп. кред. с кувшина. По моему мнению, пошлину эту следует постепенно возвышать по мере того, как начнет распространяться повсеместная продажа русских естественных минеральных вод. Что касается до искусственных газовых, минеральных и всяких других вод, то они у нас составляют уже предмет производства, оборот которого, по сведениям Департамента торговли и мануфактур, достиг в 1887 г. до $1^1/_2$ млн руб., а в 1888 г. почти до 2 млн руб., а потому хотя

[1] Брошюры под названием: «Aktenstücke über die Mineralquelle zu Selters bei Weilburg a. Lahn» (Wiesbaden, 1891) и «Die Mineralquelle zu Niederselters, ihre Bestandtheile u. Heilkräfte» (Wiesbaden, 1891).

в 60-х годах ввозилось еще много искусственных вод, ныне ввозят исключительно природные. Ввоз с 1880 г. (1902 тыс. бутылок) остается почти постоянным, и в 1890 г. ввезено около 2 млн штук (2034 тыс. бутылок) на 516 тыс. руб. В отдельной продаже они пошли, конечно, не менее как за 1 млн руб., да искусственных по крайней мере за 3 млн руб., из чего уже видно, как велики могут накопляться обороты даже столь мелким товаром, каковы минеральные и газовые воды. И если вообще в государственном хозяйстве, а следовательно, и в таможенном тарифе упускать из виду подобные, на первый взгляд мелкие предметы потребления, то нельзя ждать, чтобы и в частной жизни стали распространяться здравые экономические понятия, так как жизненные потребности как государства, так и отдельных лиц слагаются из совокупности мелочных требований. По отношению к естественным и искусственным водам еще много значит привычка, и борьбу с нею можно вести только при помощи постепенных и настойчивых усилий. России они теперь, при современном состоянии дел, нужнее всего, и таможенный тариф должен им всемерно помогать, не впадая ни в потворство дурным привычкам, ни в напрасный оптимизм розовых скорых вожделений, потому что первые только длят недоразумения, а вторые часто приводят к пагубным разочарованиям. То, что ныне сделано тарифом в отношении к минеральным водам, имеет именно этот характер, потому что закрепляет уже существующее производство искусственных минеральных вод и продолжает вызывать распространение русских естественных минеральных вод, удерживая на иностранный товар оклад, позволяющий русским конкурентам преодолевать первые трудные экономические шаги, потому что с 2 млн бутылок или кувшинов иностранных минеральных вод собирается сумма в 80 тыс. руб. зол., или около 110 тыс. руб. кред., которая окупит расходы, если не на перевозку, то, по крайней мере, на заготовку и укупорку такого же количества русских минеральных вод.

После статей о питательных товарах растительного происхождения и о напитках новый таможенный тариф переходит к статье о соли и к товарам, происходящим от животного царства, как питательным, так и техническим. Особое промышленное значение товаров этого рода заставляет отнести их в особую главу.

Июль 1891 г.

Глава 5

СОЛЬ, МЯСО, САЛО, КОЖИ, МЕХА И РАЗНЫЕ ТОВАРЫ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

(Статьи 33—57)

Между товарами, идущими для питья или пищи и ведущими происхождение от растений (ст. 1—31) или от животных (ст. 34—40), в тарифе 1891 г. помещена соль (ст. 33), потому конечно, что она составляет принадлежность питания и применяется для посола многих растительных и особенно животных питательных продуктов. Таково ее исключительное потребление лишь в странах с малоразвитою промышленною деятельностью, а там, где последняя уже успела развиться, например в Англии, Бельгии, Франции и Германии, столько же соли, или еще более, чем в пищу людям (и животным), идет для заводских потребностей. Но в Англии нет налога на соль,[1] а потому нет и полных статистических сведений о распределении соли.[2] В Германии же соль, применяемая в пищу, сильно обложена налогом (оклад = 12 марок со 100 кг, или почти 2 марки с пуда, то есть около 63 коп. зол. с пуда), соль же, применяемая для корма скоту, для удобрений полей, для содового производства и для различных других технических целей, освобождается от акциза, а потому здесь имеются полные сведения, которые далее мы и приводим. А так как освобождаемая от налога соль смешивается с полынью, углем, окисью железа (например для корма скоту), с нефтью (например для удобрения), серною кислотою

---

[1] Соляной налог отменен в Англии в 20-х годах этого столетия. В Германии, Франции и проч. соляной налог и поныне существует, но соль, отпускаемая для надобностей техники, освобождается от акцизного обложения. У нас, в России, в 1880 г. соляной налог вовсе отменен — ранее начала развития техническо-заводских применений соли.

[2] Добывается соли в Англии около 2 млн т.

(например для глауберовой соли или соды) и тому подобными подмесями, то собираются и полные сведения о тех применениях, для которых идет соль. Таким образом, для Германии известно отношение применения соли для разных целей, и крупные данные, сюда относящиеся, мы приводим, начиная с 1872 г., чтобы ясно показать, как растет техническое применение соли в краткий промежуток годов, раз только эти дела начнутся в стране. Заметим, что большое техническое применение соли в Германии появилось гораздо позже, чем, например, в Англии, Франции и Бельгии. Приводимые числа относятся к Германии и даны в тысячах тонн.

Год	Годовая добыча	Ввоз иностранный	Вывоз за границу	Для пищи людей	Без акциза	В корм скоту	Для удобрения	Для содового дела	Для других технических целей[1]
1872	510	44	39	313	180	80	3	78	19
1873	528	53	55	324	189	86	2	78	22
1874	546	55	60	332	197	95	3	82	17
1875	567	54	75	328	204	95	4	77	21
1876	568	55	81	331	196	88	5	84	19
1878[2]	589	43	79	336	198	87	5	81	24
1879	621	42	99	336	211	91	3	89	28
1880	664	39	105	339	248	96	3	105	44
1881	714	38	123	343	276	96	3	123	55
1882	756	36	144	344	293	98	4	130	60
1883	781	36	151	352	290	98	3	148	41
1884	795	37	137	354	315	101	4	169	41
1885	800	32	113	355	339	99	3	192	44
1886	838	29	116	354	372	104	3	214	52
1887	908	27	154	359	385	103	3	225	53
1888	863	26	88	360	388	108	3	221	56
1889	905	28	102	372[3]	391	119	3	207	61

[1] Главная масса идет на другие — кроме содовых — химические и красочные заводы, часть на мыловаренные, кожевенные, металлургические (для мокрого извлечения меди и др.), глиняные и тому подобные заводы.

[2] С 1887 г. отчеты добычи и проч. ведутся, начиная отчетные года с 1 апреля, а потому отчет за 1877 г. включен в 1878 г., но для этого переходного года первая четверть года выкинута, чтобы сделать цифры сравнимыми.

[3] Акциз с соли в 1872 г. дал в Германии 37½ млн марок, а в 1889 г. он доставил 44½ млн марок. Сумма потребленной соли не равна сумме добычи + ввоз — вывоз, потому что часть соли остается в складах, часть пропадает от усыпки и утечки и т. п. Тот официальный источник (Statistisches. Jahrbuch f. d. Deutsche Reich, 1890, стр. 127, 181), из которого я взял приводимые данные, не дает сведений о запасах и утратах. За 3 последние года добыто тысяч тонн: 2676 + ввезено 81 = 2759, а вывезено 344, следовательно в Германии осталось 2415 тыс. т, а потреблено для пищи 1091, для других целей 1164, всего 2255 тыс. т.

Следовательно, в Германии до 1886 г. соли в пищу людей применялось более, чем для всяких других целей, а ныне обратно, и ныне прямо для заводских целей (для приготовления глауберовой соли, для содового производства, для металлургических целей и т. п.), то есть, исключая корма скоту и удобрение земли, идет 268 тыс. т из 763 тыс. т, то есть более 35% всего количества применяемой в Германии соли. Потребление в пищу идет в Германии, как и всюду, совершенно пропорционально числу жителей, а именно, на каждого жителя в год по 7.7 кг ($18^3/_4$ русск. ф.); потребление в корм скоту также растет, но медленно; удобрение солью даже уменьшается (от него выгоды редки и малы). Техническое же потребление соли год от года растет и очень сильно.

В России техническая переработка соли в глауберову соль, в соду и соляную кислоту едва началась, для удобрения земли соли, сколько мне известно, не применяют, а идет соль главным образом в пищу людям и домашним животным, на посол рыбы и мяса и в малом количестве для таких технических целей, как мыловарение, обработка руд, соление кож и т. п. К русскому соляному делу мы обратимся, показав общую производительность и потребность соли в Европе, в миллионах пудов:

	Добыча	Ввоз	Вывоз	Потребление
Великобритания . .	135	$^1/_2$	$66^1/_2$	69
Россия (1886/1889)[1] .	$71^1/_2$	1	$^1/_2$	72
Германия (1886/1889)	54	$1^1/_2$	$7^1/_2$	48
Австро-Венгрия . .	25	2	2	25
Франция	45	1	9	37
Испания и Португалия	45	—	25	20
Италия	24	—	8	16
Прочие государства Европы	12	35	1	46
	$411^1/_2$	41	$119^1/_2$	333

Около 80 млн пудов соли идет в неевропейские страны, а в самой Европе среднее потребление соли на жителя составляет немногим менее пуда (около 36 ф.), прямо же в пищу идет лишь около половины этого количества, осталь-

[1] С Сибирью и другими частями Азиатской России.

ное — на посол продуктов и для заводских потребностей. В Германии, Франции, Италии и Австрии соль, потребляемая в пищу, обложена сильным налогом, какой действовал и в России до 1881 г.[1] и в Англии до 1824 г.[2] Среднюю стоимость пуда соли по местам добычи можно считать от 3 коп. (для каменной и самосадочной соли) до 12 коп. (выварочной соли), а вообще около $7^1/_2$ коп. за пуд (без перевозки). Следовательно, для стран, подобных России, где нет соляного налога, ценность соли определяется преимущественно стоимостью доставки и неизбежных торговых затрат, то есть в этом отношении соль сходна с каменным углем, что выступает особенно ясно при добыче каменной соли.

Россия обильно снабжена солью, но все давние места ее получения далеки от центра и лежат на востоке (пермская, оренбургская, илецкая — каменная, баскунчакская на Волге и т. п.) и юге (закавказская каменная, крымская лиманная и т. п.), а потому открытие и разработка вблизи давних славянских соляных варниц, действующих и поныне с успехом (на каменном угле), бахмутской (около г. Бахмута, Екатеринославской губ., в сред[ин]е донецкой каменноугольной области) каменной соли, как наиболее изобильный источник дешевой каменной соли, ближайший к центру и западу России, должно быть считаемо весьма большим приобретением прошлого десятилетия. Правильная и крупная добыча этой соли началась в 1883 г. и ежегодно возрастает. Вообще добыто соли в России:

Год	Соли добыто, миллионов пудов				Ввезено иностранной, миллионов пудов
	самосадочной	выварочной	каменной	всего	
1884	33	20	9	62[3]	5
1885	36	22	11	69	$2^1/_2$
1886	38	21	14	73	$1^1/_2$
1887	37	18	16	70	$^3/_4$
1888	32	20	14	66	$^3/_4$
1889	$47^1/_2$	$22^1/_2$	15	85	$1^1/_2$

[1] Соляной налог давал в 1879 и 1880 гг. до $13^1/_2$ млн руб. годового дохода. Отмена его произведена в последние годы прошлого царствования для облегчения тяготы крестьянских налогов и для споспешествования развитию потребления соли в корм скоту, для посола и для разных технических целей.

[2] Но в английской Индии соляной налог поныне очень велик и составляет одну из крупных частей доходов.

[3] В 1860 г. добывалось всего 26 млн пудов, в 1870 г. — 29 млн пудов, в 1880 г. — 48 млн пудов.

Вывоз соли из России мал, около $^1/_2$ млн пудов, например в 1889 г. вывезено по прусской границе $2^1/_2$ тыс. пудов, из черноморских и азовских портов 294 тыс. пудов и по Астраханской таможне 196 тыс. пудов, всего 508 тыс. пудов на 115 тыс. руб. Но вывоз этот в азиатские страны должен увеличиваться именно потому, что наша добыча близка к Черному и Каспийскому морям и азиатский[1] спрос возрастает. Что касается до ввоза, то он достигал, например, в 1876 г. до $17^1/_4$ млн пудов, а ныне, благодаря железнодорожным тарифам и открытию бахмутской соли, снабжающей даже западные окраины, привыкшие к каменной соли (из Велички), — почти совершенно прекратился. Так как от Стассфурта (в Германии) и Велички (в Австрии) расстояние меньше, чем от Бахмута или от азовских лиманов — до польских губерний, то размер таможенного тарифа сообразован так, чтобы пошлина прикрыла разность стоимости доставки, так как на местах добычи цена каменной соли у нас и в Германии одинакова. Пошлина собирается золотом, железнодорожная же доставка из Бахмута оплачивается кредитными, а потому как только курс улучшается, если пошлина разочтена верно, ввоз иностранной соли в западные польские губернии должен возрастать. Это мы и видим в действительности; например чрез Александровскую таможню (около Вислы, по прусской границе) ввезено соли:

	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Соли, тысяч пудов	3	5	228
Средний курс копеек кредитных за 1 руб. зол.	181	172	150

Это ясно показывает, что существовавший и ныне сохраненный оклад в 20 коп. зол. с пуда только что достаточен для ограждения западных наших окраин от наплыва иностранной соли, *при плохом курсе.* Если же курс улучшится, станет приближаться к al pari, пошлина в 20 коп. зол. с пуда соли очевидно поведет к ввозу иностранной соли в наши

[1] И в африканские страны — хотя доныне не от нас.

западные окраины, наиболее далекие от восточнорусских мест добычи соли. Поэтому, с своей стороны, я думаю, что пошлину для соли в 20 коп. зол. с пуда можно оставить только до поры до времени, пока курс стоит около 140—150 коп. кред. за 1 руб. зол., а при его улучшении — *если ввоз иностранной соли начнет возрастать* — непременно следует возвысить пошлину на соль. А так как здесь мы касаемся одного из деликатных вопросов русской таможенной политики, то я считаю полезным на нем остановиться, потому что подобный же случай встречается и в отношении к некоторым иным видам товаров.

Добыча соли как дешевого предмета всеобщей потребности составляла, составляет и должна составлять всюду предмет большого внимания государства и промышленности. Оставляя в стороне цели фискальные и даже — пока — интересы личные, потребительские, несомненно, что для страны выгоднее иметь дешевую соль, чем дорогую. Каждая копейка на пуде соли для России будет уже составлять $^3/_4$ млн руб. Следовательно, все то, что обеспечивает дешевизну стоимости соли, должно составлять предмет внимания и забот как правительства, так и промышленности, с ее личными интересами. Дешевизна же определяется прежде всего конкуренциею. Так, например, у нас на юго-востоке России дешевизна соли обеспечена конкуренцией нескольких больших предприятий: добычею бахмутской каменной соли, добычею выварочной соли в Славянске, на многих солеварнях, действующих соседним каменным углем, и несколькими, зато громадными, крепкими и старыми предприятиями, добычею самосадочной (в запрудах и лиманах около Геническа) соли из морской воды, испаряемой летними жарами. Эта последняя соль и составляла один из главных предметов чумачества южнорусских степей, доставлявшего крымскую соль в Украину. Не только в данном месте соперничают хозяева друг с другом, но и бахмутская соль с славянскою и с крымскою. Каждый предприниматель, очевидно, норовит продать дороже, но должен под давлением конкуренции спускать цену до возможно наименьшей величины. И нельзя правительству не употребить всех возможных мер для поддержания соперничества, потому что, если одни из соперников будут убиты и добычу прекратят, — соль, очевидно, может напрасно подорожать. Считаю неуместным входить здесь в подробности, касающиеся железнодорожных тарифов, которыми можно и должно поддерживать соревнование, потому что это завлекло бы в сторону и для нашего предмета не требуется. Но пусть соперничество существует,

рынки сбыта и цены так или иначе установились. При этом каждое предприятие, например данная соляная копь, нашло ту пропорцию соли, которую может сбывать, и чем она больше, тем, очевидно, общие накладные расходы, падающие на пуд соли, будут меньше. А они-то и велики: надо оплатить процент на затраченный капитал, необходимо погасить общие расходы управления, процент текущего оборотного капитала, складов и т. п. Если они падут на 5 млн пудов, то лягут, скажем для примера, в виде 1 коп. на пуд соли, а если на 1 млн пудов, то составят если не 5, то не меньше 3 коп. на пуд. Поэтому существование варшавских потребителей бахмутской соли удешевляет соль в Москве. Вот это должно понять, тогда и все прочее станет ясным. Заготовил некто соли 5 млн пудов и рассчитал сбыть в Варшаву, а туда ввезли иностранную соль только потому, что курс улучшился, а он от солепромышленника, ведь, не зависит. Что же выйдет? Явится так называемое перепроизводство соли и падение ее цены до невыгодности вести дела, многие конкуренты обанкротятся, другие бросят и без банкротства дело, а остальные назавтра непременно и с большою лихвою наверстают сегодняшние утраты на всей остальной массе, вся же соляная промышленность потеряет устойчивость и привлекательность для капиталов всякого размера (например, солеварницы — предприятия мелкие, а копи — крупные), и попадет она мало-помалу из многих конкурирующих рук в немногие, хотя и крепкие, но жадные руки, которые только и ждут, чтобы забрать, из-за временных неурядиц, все наше юго-восточное соляное дело. А раз это сделается, тогда уже прощай дешевизна соли и разнообразие ее способов получения. Монополисту же можно уступить немецким производителям соли весь польский край потребителей, можно и не увеличивать, а просто уменьшить добычу соли, возвысив на должное число копеек пудовую ее цену для всех русских потребителей. И выйдет тогда вот что: на окраинах соль станет дешевле, чем в центре России, немецкие соляные копи будут развиваться, а русские глохнуть; мы все здесь, внутри России, будем платить лишки — из-за падения внутренней конкуренции и в сущности для выгод внешней конкуренции. Ей будет всемерно помогать германское правительство, потому что выгода и долг каждого правительства помогать успехам своей родной промышленности, а не чужой, доставляя рынки сбыта своей и отбивая от чужой; сбавят, например, железнодорожный фрахт до ничтожности, тем более, что вагоны, привозящие в Россию соль, пойдут из нее с хлебом, немцам выгодно

будет даже дать премию за вывоз своей соли в Россию. Вот поэтому-то для меня и очевидно, что таможенная пошлина на соль должна быть такова в России, чтобы иностранная соль не входила вовсе или входила только в ничтожно малом количестве, не миллионами пудов, а разве десятками или сотнями тысяч, — это надобно именно для общей дешевизны соли. Изойдем например, из того предположения, что при курсе 150 коп. кред. за 1 руб. зол. и при пошлине 20 коп. зол. ввозится мало соли или такое ее количество, что оно не влияет на русские цены. Примем далее, что на русской границе пуд немецкой соли стоит с провозом до нее 16 коп. зол., то есть с пошлиною 36 коп. зол., или 54 коп. кред. за пуд. Если же ввоз мал, то очевидно русская соль стоит там дороже — по дальности провоза, скажем, например, 55 коп. кред. пуд и за 1000 верст от границы, внутри России, кладя перевозку и другие расходы (учет и проч.) в 25 коп. кред., пуд стоит 30 коп. кред. Спрашивается, как велика должна быть пошлина, чтобы при курсе al pari иностранная соль не проникла дальше, чем при курсе 150 коп. кред.? Очевидно, что для этого, если ничто (например цена на местах добычи) не изменится в ценности производства русской соли, необходимо, чтобы цена иностранной соли на границе, с пошлиною, опять была = 54 коп. кред., иначе соль иностранцев пройдет далеко внутрь страны. А потому, если при курсе 150 достаточна пошлина в 20 коп. зол., то при курсе 100 (или al pari) должно назначить пошлину 38 (= 54 — 16) коп. зол. То есть пошлина на иностранную соль — *чтобы иметь дешевую русскую* — должна возвышаться, по мере улучшения курса, примерно от 20 коп. зол. до 40 коп. зол. с пуда. Но это ужасно — скажут, конечно, многие. А я отвечу, что так следует сделать, для того чтобы Россия вышла из экономической зависимости от иностранцев, для того чтобы ее таможенный тариф служил не на пользу иностранной промышленности, а русской, для того чтобы русские финансы и курсы поправились, для того, наконец, чтобы русская экономическая жизнь окрепла. Это все я рассматривать особо не стану, потому что разбирал ранее и повторения на сей раз стараюсь избежать, а разберу три других вопроса, сюда соприкасающихся, которых не касался.

Так как цена русской соли на западных окраинах слагается из цены предпринимателя + барыша торговца + цены перевозки, то спрашивается: 1) неужели улучшение курса не изменит всех этих слагаемых цен? 2) нельзя ли наверстывать сбыт русской соли при помощи понижения железно-

дорожных фрахтов? и 3) не ставятся ли чрез наложение высоких пошлин на иностранную соль наши окраины в особо невыгодное экономическое положение? Отвечу на эти три вопроса без всяких обиняков, чтобы воспользоваться случаем разъяснить некоторые стороны, тесно связанные с таможенным тарифом России.

1) Курс кредитного рубля сам по себе имеет огромное значение для международных отношений России, но для внутренних отношений его значение тем ничтожнее, чем больше будет развиваться вутренняя русская производительность. Одну хлебную, или лучше сказать, полевую земледельческую производительность России должно ценить не менее 2500 млн руб. в год (стр. 284). Прибавляя к ней животноводство, горнозаводскую промышленность, рыбную, лесную, мануфактурную и тому подобные добывающие и переделочные производства, должно по крайней мере удвоить оценку внутренних русских оборотов. А присовокупляя перевозку всякого рода и торговлю, вместе с вращением государственных доходов, по крайней мере должно учетверить сумму, то есть считать внутреннее денежное обращение достигающим до 10 000 млн руб. в год и притом с тем, что каждый кредитный рубль кто-то вынимает из кармана и кто-то кладет к себе. Пред этою суммою оборотов, составляющих в год на жителя менее 100 руб., внешние русские обороты, при которых выплачивают русские около 400 млн и получают около 600 млн руб., составляют не более 500 млн, т. е. на каждого жителя падают только в виде 5 руб. Если курс будет изменяться, то изменяются только эти 5 руб. в своем значении, а 95 руб. не трогаются, потому что уплаты рабочим, за перевозку, жалованье служащим, проценты на запасный капитал и проч. останутся те же — кредитные, и если можно ждать, то ничтожного изменения, например вместо 5 руб. при курсе 150 коп. кред. получится при курсе al pari переход к 3 руб. 33 коп., то есть для целого оборота от 100 руб. к 98 руб. 33 коп. А это в целом обороте с солью ли или с другими крупными внутренними русскими товарами не может произвести никакой *скорой* перемены их цены. А потому, в сущности, как бы там ни колебался временно курс золотого рубля, — это не может быстро влиять на цену добычи, перевозки и торговых барышей. В этом много выгод и невыгод России, но я над тем не стану останавливаться, чтобы не усложнять изложения экскурсиями в посторонние области.

2) По той же причине я лишь кратко коснусь вопроса об изменении железнодорожных такс на соль и другие товары —

по мере изменения курса. Железные дороги, по существу дела, должны быть рассматриваемы как самостоятельные промышленные предприятия. Но если бы так смотрели на них, то давно бы следовало большинство их закрыть в России, как закрыта знаменитая частная железнодорожная ветвь в Кураховку (в Донецкой области, подходящая к константиновской ветви, идущей к Мариуполю). Это потому, что большинство дорог построено очень дорого, на заемный дорогой капитал, и доходы их при существующих таксах и количествах перевозок едва окупают текущие расходы и не выручают условного при займах процента на капитал. Это столь известно, что не требует особого подтверждения. По январь 1889 г. государственные затраты на железные дороги (казенные и частные) выражаются цифрою единовременных затрат 1500 млн руб. зол. + 450 млн руб. кред. и обеспечением или приплатами по гарантиям, которые ныне упали до 12, даже до 8 млн руб. кред. в год. Все же переплаты, производимые государством для железнодорожного дела, составлявшие еще в 1885 г. около 40 млн руб., ныне спустились, благодаря большому вниманию, обращенному на это дело (отчасти же исправлению курса), до 25 млн руб. в год. Очевидно, что эти недоборы железных дорог или эти приплаты правительственной казны можно было бы наверстать возвышением окладов с пассажиров и товаров. Так как вся сеть русских железных дорог (для примера беру 1888 г.) делает пробег около 900 000 млн пудо-верст и требует на эксплоатацию (158 млн руб.), на обязательное отчисление в запасные капиталы (6 млн руб.), на такую же обязательную уплату процентов и погашения капиталов (137 млн руб), на дивиденд (для некоторых доходных дорог) по акциям свыше гарантий (12 млн руб.) и на уплаты казне (9 млн руб.), всего около 323 млн руб., получает же только 281 млн руб., то следовало бы на каждую пудо-версту (считая и пассажиров) возвысить оклады с $^1/_{31}$ коп. до $^1/_{27}$ коп., или примерно на 14%. Следовательно, ныне взимаемые таксы ниже тех, которые должно было бы назначить для самостоятельного действия всей совокупности дорог (не говоря о полной бездоходности некоторых дорог), а потому понижение железнодорожных тарифов должно рассматривать как прямой новый налог на всю Россию и как средство портить начавшуюся поправку русских финансовых отношений. Особенно же важно обратить внимание на то, что с улучшением курса должен ухудшаться вывоз русских товаров за границу, особенно хлеба. А потому все, что может и должно делать

правительство, при улучшении курса, — это возвышать ввозные пошлины. Доставка крымской или бахмутской соли в польские губернии дает заработок или доход русским железным дорогам, доход которых по мере ввоза иностранной соли будет убавляться, и эти цифры не малы, потому что ввоз иностранной соли, при недостаточной таможенной охране, может и ныне, как было прежде, достигать десятка миллионов пудов, то есть может составить целые миллионы железнодорожных потерь, что отзовется увеличением податных сборов. Допускать этого не следует, если можно избежать столь простою мерою, какова увеличенная пошлина на иностранную соль, и так как в норме она уже не идет к нам, то возвышение пошлины только ответит этой желаемой норме.

3) Что же касается до неблагоприятного политико-экономического положения, которое будто бы произойдет на наших западных окраинах при значительном повышении таможенного оклада на соль, например с 20 коп. зол. до 40 коп. зол., так как тогда произойдет искусственное повышение цены на соль, как на одну из первых народных потребностей, то это, мною слышанное, замечание, считавшееся прозорливым, я со своей стороны считаю совершенно несостоятельным, а именно по двум причинам. Во-первых, потому, что на наших западных границах живут соседи, у которых действует высокий акциз на соль (например в Пруссии около 60 коп. зол. с пуда), в России же акциза нет, то есть соль жителям — даже при пошлине в 40 коп. зол — достанется дешевле, чем западным их соседям. Очень важно заметить при этом, что с провозною платою из далекого Бахмута наша соль все-таки дешевле достанется нашим пограничным жителям, чем соседним с ними германцам, именно потому, что в Германии соляной налог велик, а в России он не существует (с 1881 г.). И эта жертва правительства в пользу народной потребности была велика, так зачем же приносить еще новые жертвы, если ввоз иностранной соли равняется увеличению железнодорожных государственных приплат? Но всего важнее сделать второе замечание о том, что при возвышении таможенного тарифа на соль, соответственно улучшению курса, цена соли в России до ее окраин не возвысится, если Россия будет попрежнему снабжаться конкурирующими между собою, а следовательно, и понижающими цены, русскими производителями, а при ввозе иностранной соли на окраины, цена соли в центре России, как объяснено выше, непременно возвысится, хотя временно цены и упадут — за недостатком прежних потребителей. Постоянство цены соли во всей России прежде всего

и требует отрезать иностранную конкуренцию достаточно высоким таможенным тарифом, предоставив все шансы для самой широкой внутренней конкуренции и ей одной отдать русские рынки, следя только за тем, чтобы внутри страны конкуренция, ныне существующая и цены понижающая, сохранилась.

Таким образом, с своей стороны я вижу только прямые общие выгоды не только для русских производителей, но и русских потребителей как в существующем ныне окладе, так и в повышаемом по мере улучшения курса, если есть, как она есть в действительности, сильная внутренняя конкуренция разных предпринимателей и разных солепромышленных округов. Скажу еще яснее: если бы теперь снять ввозную пошлину на соль, она целой России досталась бы дороже, чем ныне, хотя западные окраины и получали бы дешевле, чем ныне. Произошло бы, вероятно, следующее: запад России наводнился бы опять иностранною солью, она отбила бы от русских производителей много потребления, скажем хоть 10—20 млн пудов, и закрылись бы, вероятно, все славянские солеварни и почти все крымские промыслы, остались бы, как наиболее дешевые, одни бахмутские копи, но и они были бы не в авантаже, пока не побороли бы окончательно своих соседних соревнователей. И в эту переходную эпоху прозорливейший капиталист скупил бы все копи и наверстал бы уж свои барыши. И опять раздались бы голоса о том, чтобы и это дело все прибрать в казну, а с ее капитально-нерасчетливыми затратами соли нельзя было бы дешеветь из года в год, как это будет при заботах о том, чтобы сохранилась внутри страны достаточная внутренняя конкуренция. Она найдет на заграничном юге и востоке сбыт избыткам, если они будут, она не позволит воспользоваться таможенным тарифом своим конкурентам, словом она представляет гарантию множества противу единиц, соревнования — против монополии. Так я понимаю значение тарифа в промыслах такой важности, как соляной промысел. Это сводится к защите от внешней конкуренции при помощи таможенного тарифа и к обеспечению усиленной внутренней конкуренции при помощи железнодорожных тарифов и всяких иных приемов. Притом, в охранительном тарифе я вижу гораздо более гарантий противу монополизма, чем в «свободе торговли» или в безучастном отношении правительства к промышленным потребностям страны.

В статье 33-й таможенного тарифа противу прежней редакции есть два изменения. Во-первых, прежде подвоз ино-

странной соли к черноморским берегам был запрещен, а ныне дозволен на общем основании, т. е. с уплатою 20 коп. зол. с пуда, потому что ныне на черноморских берегах такой оклад равен запретительному. Во-вторых, прежде всякая поваренная соль платила одинаковую пошлину 20 коп. зол., а отныне очищенная столовая соль в пакетах станет платить по 30 коп. зол. с пуда, для того чтобы предоставить нашей промышленности и этот, хотя малый, но легкий заработок, и еще потому, что ценность такой соли много выше, чем обыкновенной поваренной соли. Оклад же на соль, приходящую в порты Архангельской губернии, в 10 коп. зол. с пуда и беспошлинный ввоз соли на мурманский берег для посола рыбы в новом тарифе те же, что и в прежнем, потому что обстоятельства не изменились, сбыт русской соли в эти северные края труден, а собственная добыча незначительна.

Притом весь ввоз во все порты Мурмана и Белого моря невелик. В 1887 г. он равнялся 49 тыс. пудов, в 1888 г. — 81 тыс. пудов, в 1889 г. — 124 тыс. пудов и в 1890 г. — 179 тыс. пудов. Ввоз этот явно растет, но растет и заготовка соленой рыбы, а для некоторых ее сортов рыбопромышленники предпочитают определенные сорта иностранной соли, избегая обычные сорта. Эту сторону дела следовало бы изучить, и если она не основана на пустом предрассудке, то следовало бы русским солепромышленникам (особенно солеварам) позаботиться о добыче соли надлежащего качества для рыбного посола, потому что он в России имеет очень большое значение.

Статья о соли составляет в действующем тарифе переход к ряду статей о товарах, происходящих от животных. Соединение полеводства и вообще земледелия со скотоводством, сравнительная дороговизна мяса, кож, шерсти и тому подобных продуктов животного царства и благоприятность условий многих мест России для разведения скота — заставляют меня, прежде чем разбирать отдельные статьи указанного разряда, коснуться некоторых общих начал, относящихся к товарам из царства животных.

По Мельгалю, на 100 жителей Европы приходится средним числом (с Россиею) 29 голов коров и быков, 63 овцы и 10 лошадей. В России он считает число голов рогатого скота 27, овец 62 и лошадей 18 голов на каждых 100 жителей. Для центральной России эти числа, вероятно, недалеки от действительности, но для окраин, особенно степных, азиатских, конечно, пропорция выше. Однако и при указанном отношении, все же русские числа (107 голов на 100 жителей)

близки к средним для Европы (102 головы на 100 жителей). Но из этой близости чисел, равно как из прямого знакомства с разными частями России уже очевидно, что число голов скота в России можно значительно увеличить. Два обстоятельства препятствуют этому увеличению скотоводства в России: 1) у крестьян недостает ни выгонных и покосных угодий, ни искусства пользоваться самостоятельною добычею подсобных питательных средств для скота. Недостаток земли, при укоренившихся привычках очень экстенсивного пользования ею, очевидно неустраним, тем более, что во многих местах России уже необходимо заботиться о разведении лесов, и с течением времени недостаток земель не может не увеличиться, что и заставляет более всего обратить внимание на подсобное питание скота искусственным разведением кормовых средств и применением в корм скоту корнеплодов, технических отбросов переделки зерна и самого хлеба.[1] Известно, что около винокурен скотоводство быстро развивается, но и помимо них существующие цены на хлеб и мясо ясно указывают на выгодность разведения скота предпочтительно пред хлебами. Нельзя при этом забыть, что хлеб должно свезти для продажи, что сильно роняет его цену у производителей, а скот сам дойдет до места спроса и даст не только приплод с молоком, но и навозное удобрение. 2) У помещиков, кроме недостаточности сведений об относительной выгодности разведения хлебов и скота, существует недостаток в знающих дело скотниках и пастухах. Мысль об устройстве и распространении опытных молочных хозяйств, когда-то столь горячо на деле проводившаяся ими. Вольным экономическим обществом, благодаря инициативе известного Н. В. Верещагина, при соединении с обучением скотников и пастухов, заслужи-

[1] Неоднократно в Московской и соседних губерниях бывали годы, когда пуд сена стоил те же 40—50 коп., как и пуд овса и почти как пуд ржи. В этих условиях, очевидно, следовало продавать сено и скармливать скоту хлеб в кормовых дачах с значительною подмесью соломы. Выгодность применения хлебов в корм скоту начинается с того, когда овес стоит в $1^1/_2$—2 раза дороже сена. Задача скоту попеременно сена и рационально составленных хлебных кормовых смесей не только общеизвестна, но и лично мною испытана, как очень выгодная в экономическом смысле для увеличения удойливости и прироста скота. Основная моя мысль сводится к тому, чтобы хозяева обсуждали: выгодно ли им продавать зерно, не лучше ли его скармливать скоту и не выгоднее ли всего изменить засевы с тем, чтобы получать с пашни наибольшее количество пищи для скота и торговать мясом, кожами, молоком и т. п., тем более, что многие земства уже завели (например московское с 1884 г.) взаимное страхование скота. Внушить эти мысли крестьянству можно только при помощи многих примеров.

вает и ныне большего внимания земств, особенно центральных губерний России, где чувствуется большой недостаток в таких людях, которым можно бы вверить скот, если его сделать главным центром хозяйственных выгод. Касаясь этих задач русской промышленной жизни лишь попутно, я хочу только указать, поскольку это мне известно, на то значение скотоводства, какое оно должно *вновь* получить в России, при ее современном состоянии, когда станет ясным, что вместо хлебного вывоза России лучше, то есть выгоднее, прибыльнее и разумнее, позаботиться об экспорте скота и продуктов скотоводства. Но я боюсь, по размеру этой книги, вдаваться в технические подробности, сюда относящиеся. Их можно найти во множестве отличных сельскохозяйственных сочинений, существующих уже в России. И прежде чем итти далее, укажу на то, что великую выгоду скотоводства должно видеть, во-первых, уже в том, что оно должно дать ключ к интенсивным преобразованиям в сельском хозяйстве, составляющим насущнейшую потребность России; во-вторых, в том, что здесь нельзя страшиться давления капитализма, так как все аграрное устройство России не допускает мысли об этом; в-третьих, в том, что крестьянин будет всего отзывчивее ко всякому прогрессу именно в скотоводстве (достаточно припомнить холмогорский молочный скот, в котором имя Петра Великого замешано, как во многом первостепенном русском), потому что великую пользу его для своей семьи, для своей пашни и для своих доходов понимает уже сыздавна, и, в-четвертых, в том, что с развитием скотоводства неизбежно возрастет благосостояние сельских хозяев и хлебная урожайность, а истощаемость земель, сопряженная с исключительным разведением хлебов, прекратится, так как при равной ценности, в хлебах вывозится много более питательных начал, чем в скоте или его продуктах, и так как системы хозяйства, опирающиеся на скотоводство, пригодны не только для плодородных, но и для очень скудных земель.

Весьма важную часть товаров животного происхождения составляет мясо, применяемое в пищу. Еще недавно господствовал предрассудок, сильно говоривший в пользу мясной пищи, решались даже утверждать, что она способна в целом народе производить чуть не чудеса. Говорилось о длине и объеме пищеводов, и о примере англичан, которые в 40-х годах тратили только 45 млн ф. с., а в 70-х, когда мясо подорожало почти в $1^1/_2$ раза, тратили на мясную пищу около 120 млн ф. с. И все это клонили к тому, чтобы доказать не только потребность, но и великую пользу мясной пищи,

которую со всех сторон неустанно рекомендовали применять, как самую концентрированную. Опять-таки и эта сторона предмета представляет много сложного, не подходящего к этой книге, но я все же выскажусь в этом еще спорном предмете, если не в пользу крайних вегетарианцев, то во всяком случае против того восхваления животной пищи, которое раздается с противоположного конца. Самая организация человека, начиная от зубов, заставляет считать растительную пищу наиболее соответствующею пище людей. Взрастающий на молоке и имеющий четыре остроконечных зуба (клыка), человек, конечно, не совершенно чужд пищи, происходящей от животных, но многие народы, живущие преимущественно на такой пище, например степные кочевники Средней Азии или американские индейцы, или даже северные жители, питающиеся рыбою, не отличились в мире чем-либо другим, кроме легкости вымирания тех племен, которые не перешли к земледелию, а потому нет оснований в чем-либо давать предпочтение мясной пище. Уж скорее можно указывать на китайцев и индейцев, как на доказательство в пользу чисто растительной пищи, потому что эти народы не только сохранились, но и множатся, отличаясь суммою примечательных качеств, зависящих, конечно, не от рода пищи, а от иных, более духовных условий жизни. Мне кажется, что идеи вегетарианцев, как противовес бывшей проповеди о пользе мясоедения, должны получить временный успех для того, чтобы все согласились под конец с тем, что высшие проявления человечества скорее всего и легче согласуются с применением чисто растительной пищи, лишь с малою долею мясной или вообще животной пищи. Русский народ это давно понял инстинктивно, и если я говорю об увеличении производства в России товаров животного происхождения, то вовсе не имею при этом в виду какой-либо пользы от увеличения пропорции мясной пищи русского народа, а только выгодность сбыта животных продуктов — вместо хлеба и то не всей его массы, а только той, которая, выступая на внешний международный рынок, роняет цену хлебного заработка, особенно же потому, что с падением цены хлебных и всяких фабрично-заводских товаров, происшедшим за последние лет 20, сохранилась или даже повысилась стоимость многих товаров животного происхождения, особенно же питательных, выдерживающих далекую перевозку только при помощи заготовки (копчения, соления и т. п.) впрок или особых приспособлений, подобных перевозным ледникам. Для показания этого различия в изменении цен товаров разного происхождения привожу

небольшое извлечение из таблиц цен Гамбургской биржи, избегая чисто хлебные товары, потому что в гл. 3 мы уже видели меру изменения многих из этих цен. В Hamburg's Handel- und Schiffahrt (1888) даны цены за 40 лет, но чтобы не умножать числа цифр, я ограничиваюсь для каждого товара лишь средними ценами за 6 периодов, начиная с 1861 по 1888 г. Цены даны в марках (= 31 коп. зол.) за 100 килограммов (=6.1 пуда).

	Года					
	1861—1865	1865-1870	1871—1875	1876—1880	1881—1885	1886—1888
Гуано (содержит амміак)	24	22	18	13	13	9
Мрамор	19	18	17	13	13	11
Соль	2.9	2.0	3.2	2.6	2.0	1.7
Вермишель и макароны	70	93	63	—	61	55
Горох	16	19	20	20	19	14
Касторовое масло	115	120	117	104	89	69
Кокосовое масло	95	97	80	84	69	58
Пробки	289	291	260	252	225	193
Полосовое железо англ.	19	18	26	17	14	12
Жмыхи	13	15	16	16	14	11
Квасцы	16	18	19	16	14	11
Керосин	59	43	30	24	15	13
Мыло	56	49	66	65	55	46
Поташ	54	47	58	43	39	37
Рельсы	16	17	22	17	16	12
Сало	88	89	86	79	79	55
Конский волос	330	369	438	278	337	294
Кожи	410	362	342	289	339	301
Клей	94	97	126	94	103	97
Мясо соленое и копченое	87	118	97	90	101	90
Перо (для набивки)	167	185	243	214	172	147
Рога бычачьи	40	38	74	68	63	49
Рыба сушеная	48	48	49	49	56	47
Сыр	103	112	125	125	115	106
Китовый ус	867	870	941	1332	1431	1607
Щетина	470	494	715	723	800	632

Из этого сопоставления видно, что в то время, когда цены ископаемых, растительных и заводских товаров падали, стоимость товаров животного происхождения или оставалась почти тою же, как для клея и соленого мяса, или же возвышалась. Только для шерсти — по причине ввоза из Австралии, для сала — по причине его замены другими (большею частью нефтяными) продуктами, да для кож — по причине ввоза

массы этого товара из Южной Америки, и немногих других животных товаров цены упали за последние десятилетия. Начиная от 40-х годов к 80-м, Мельгаль считает, что цена мануфактурных товаров, говоря вообще, упала на 25%, для хлебных зерен на 7%, а для мяса возвысилась на 50%.[1] Это, в сущности, значит, что за период последних 40 лет всемирное предложение хлеба, мануфактур, железа и т. п. возрастало быстрее, чем предложение золота и мяса, и если спрос на хлеб и одежду можно считать постоянным и пропорциональным числу жителей, то спрос на мясо и золото сильно поднялся в странах, участвующих в больших мировых оборотах. А так как золото нельзя произвести из всюду рассеянных даров природы, а можно только добывать там, где оно имеется, то золотой расчет заставляет прилагать труд к добыче мяса и вообще продуктов животного царства. Это и составляет ту основную посылку, из которой я исхожу, указывая на великую пользу, долженствующую проистечь от усиления производства и отправки России не хлебного зерна, а мяса и скота и товаров, от них происходящих. На стр. 294 мы видели, что в отпуске (745 млн долл.) С.-А. С. Штатов мясо (104 млн долл.), скот, рыба (27 млн долл.) и кожа (11 млн долл.) составляют (142 млн долл.) 19% всего вывоза и превосходят вывоз зернового хлеба и муки (121 млн долл.), тогда как в русском вывозе (613 млн руб., стр. 294) продукты животного царства (71 млн руб.) едва составляют 11% и их ценность (71 млн руб.) даже в $4^1/_2$ раза менее цены вывозимых хлебов (330 млн руб.). Сюда, то есть на усиленное разведение скота[2] и на увеличение вывоза продуктов скотоводства, следует обратить общее как правительственное, так и частное и особенно земское внимание русских людей, потому что по современному

[1] Например, средняя лондонская цена килограмма мяса в шиллингах:

1840—1850	1850—1860	1860—1870	1870—1880	80-е года
1.10	1.22	1.38	1.56	1.66 шилл.
или 100	111	125	142	150%

[2] Так как общая народная перепись России, не возобновлявшаяся с 1857 г., вскоре должна быть повторена, то при ней весьма важно, кроме числа жителей, числа дворов и проч. (см.: *Янсон.* Теория статистики. 1887, Отд. 3), собрать данные о количестве различных земельных угодий, о горных и других производствах и о числе голов скота, потому особенно, что эти элементы ныне определяют силы государства. Тогда это будет уже «ценз», а не ревизия. Такую общую перепись России, быть может, правильнее и удобнее вести не сразу по всей стране, а по губерниям, продлив на 10—12 лет. Убежден, что результаты тогда выйдут однороднее (ибо те же лица будут участвовать в переписи многих губерний) и что по собранным данным можно составить точный вывод о числе жителей для данного года или срока.

состоянию нашей страны дела этого рода ближе всего подходят к привычным занятиям массы жителей.

После этих общих замечаний обратимся к частностям, касающимся статей таможенного тарифа, держась порядка, в нем существующего, но заметим, что шерсть (ст. 181), шелк (ст. 180) и изделия из них, относясь к разряду прядильных или волокнистых веществ, рассматриваются отдельно от других продуктов животного царства.

В статье 34-й содержится мясо соленое, копченое, вяленое и в виде колбас, то есть простые мясные консервы (свежее мясо — по ст. 39). Пошлина на него, равнявшаяся до августа 1890 г. 95 коп. зол., а в начале 1891 г. (+20%) 1 руб. 14 коп. зол., ныне равна 1 руб. зол., то есть в сущности, не изменена, потому что изменение не требуется — по ничтожности ввоза. С 1869 г. (пошлина 66 коп. кред.) он поныне мал и редко достигал 1 тыс. пудов, обыкновенно же не превосходит 400 пудов в год на 3—4 тыс. руб. Вывоз, хотя и мал, но все же больше, особенно если присоединить свежее мясо, которое по ценности почти равняется с копченым. А именно по европейской границе (по финляндской вывоз доходит, например, в 1889 г. до 32 тыс. пудов на 160 тыс. руб., а по азиатской не превосходит 2 тыс. пудов в год) вывезено:

	1887 г.		1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Мясо всякое копченое и т. п.	54	300	78	494	118	706
» свежее	39	171	53	241	177	939
Итого	93	471	131	735	295	1645

Вывоз явно и значительно возрастает. Свиное мясо преобладает [копченое], а в свежем — бычачье. Вывоз мясом должно предпочитать вывозу скотом не только потому, что перевозимый объем и вес меньше, но и потому, что кожа и прочие продукты остаются в России, а особенно потому, что ввоз в Пруссию, куда главным образом и идет скот и мясо, для живого скота затрудняется санитарными постановлениями (дабы не перешла зараза), и начавшийся ввоз в Англию обещает наибольшие выгоды, а отправка живого скота морем хотя и существует, но представляет много трудностей и до-

рога. Организациею перевозки свежего мяса из черноморских и азовских портов в условиях сохраняемости (при помощи охлаждения) уже начали заниматься, и она заслуживает полнейшего внимания.

Сыр (ст. 35), коровье и овечье масло (ст. 36) как товары, ввоз которых убывает, а вывоз возрастает, не претерпели изменений в своих таможенных окладах при пересмотре тарифа. Сыра в 70-х годах (пошлина 4 руб. кред.) по европейской торговле ввозилось от 60 до 80 тыс. пудов на 900—1300 тыс. руб. в год, а ныне ввозится вдвое меньше, да и то ввоз явно убывает:

	1887 г.		1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Сыр	41	720	38	673	36	61
Масло . .	0.1	2	0.2	2	0.3	3

По торговле с Финляндиею ввоз сыра невелик (например, 1889 г. 3 тыс. пудов на 20 тыс. руб. и вывоз 2 тыс. пудов на 29 тыс. руб.), но масло коровье вывозится из Финляндии в Петербург в большом количестве. Например, в 1889 г. ввезено 175 тыс. пудов на 2 млн руб. Это потому, что Петербург спрашивает много свежего коровьего масла и в Финляндии его умеют отлично готовить.[1] Ввоз сыра и масла по азиатским границам не превосходит 2—5 тыс. пудов и совершается по персидской границе. Вывоз сыра и масла *по всем* границам:

	1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Сыра всякого . .	46	253	62	363
Масла	426	4476	475	4993
Молока[2]	17	12	24	21

Вообще из данных за последние годы очевидно, что вывоз всех молочных продуктов хотя понемногу, но постоянно воз-

[1] При химическом исследовании, произведенном в лаборатории С.-Петербургского университета (проф. Коновалов, Горбов, Тищенко и др.) в 1890 г. многих сортов коровьего масла на подмесь маргарина, оказалось, что финляндское масло, говоря вообще, отличается чистотою и хорошею заготовкою.

[2] Молоко вывозится почти исключительно свежее по прусской и австрийской границам.

растает, а ввоз по европейской границе падает, что и отвечает правильному направлению наших внешних оборотов сельскохозяйственными (да и всякими почти иными) продуктами. Не мешает заметить при сем случае, что такое правильное направление торговли вовсе не обусловливается существованием каких-либо послаблений в размере пошлин на привозные товары, а совпадает с их увеличением, потому что (стр. 251 и сл.) между правильным и для страны выгодным направлением внешней торговли и ее балансом нет прямого соответствия.

Рыбный товар, входящий в 37-ю статью тарифа, в обиходе пищи играет большую роль повсюду, а в России по преимуществу, потому что наши озера и реки доставляют его в изобилии, а в наши посты спрос на этот род пищи громаден. Поэтому издавна обращено в России внимание на промыслы, сюда относящиеся, которые притом составляют немаловажную оброчную статью доходов как государственного, так и частного земле- (и водо-)владения. Но я не взойду в подробности, касающиеся рыбных промыслов, ссылаясь на многочисленные издания Министерства государственных имуществ и на Рыбопромышленный вестник, а укажу только на то, что искусственное разведение рыб, уже начатое у нас благодаря частному и государственному почину, в условиях многих мест России, заслуживает гораздо большего распространения, чем ныне это существует. Вообще говоря, размножение водяных животных, составляющее одно из приобретений нового времени, должно в будущем занять много сил и представляет отрасль промышленности, обещающую большие барыши, потому что доныне в водах неизбежно пропадает без пользы людям множество питательных начал.

Прежде всего должно обратить особое внимание на то, что, несмотря на вывоз многих рыбных товаров из России, примерно на 5 млн руб., ввоз все-таки превосходит вывоз, потому что Россия, сама не занимаясь сельдяным промыслом в океанах, спрашивает много сельдей этого рода, хотя и имеет свои сельди из Архангельска, с Волги и с черноморского улова. Особенно важна волжская (каспийская) или астраханская сельдь, или бешенка, потому что она может получаться в огромных количествах (ее прежде часто просто бросали при улове), по размерам больше океанской и по вкусу не уступает обычной океанской. Улов волжских сельдей в последние 10 лет изменялся от 160 до 310 млн штук, в среднем около 235 млн, или около $5^1/_2$ млн пудов. Доныне эта пропорция удовлетворяет только югу России, а следовательно, возвышение пошлины на сельди не только уменьшило бы ввоз и доход

таможен (сельди доставляют от $1^1/_4$ до $1^3/_4$ млн руб. таможенного дохода), но и лишило бы северо-запад России, куда преимущественно идет иностранная сельдь, привычного и важного питательного средства. При большом расстоянии от Волги до польских губерний соперничество в них волжской селедки с иностранной возможно было бы и ныне при пошлине 27 коп. зол. (около 40 коп. кред.) с пуда, если бы наши производители и торговцы озаботились об увеличении посола и об удешевлении способов добычи и перевозки, потому что иностранная сельдь не может проникнуть в названный край иначе, как пройдя длинный водяной и сухой путь.

Вообще, оклады на рыбу, при пересмотре тарифа, сохранены в прежнем размере и значении, за тем только изъятием, что доныне тюрбо, соль и форель, привозимые исключительно для таких видов потребления, при котором денежным расчетом выгодности не руководствуются, а только ищут наиболее дорогие съестные припасы, доныне платили 12 коп. с пуда, как и всякая свежая рыба, а теперь станут платить по 2 руб. 40 коп. зол. с пуда, что должно еще более возвысить значение названных рыб во вкусе названных потребителей, которым притом есть полная возможность платить дорого и за редкие сорта русской рыбы, удовлетворяющие всяким изысканнейшим вкусам. Ведь для них и вывозятся наша икра и некоторые виды нашей рыбы.

По западной границе вывоз

Вывоз по европейской границе	1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Рыбы разной . . .	130	696[1]	142	814
Рыбы маринованной, соленой и копченой	325	1387	383	1694
Икры всякой . . .	230	2403	242	2879

[1] В таможенных записях живая рыба до 1889 г. особо не упоминалась, но, судя по тому, что с 1889 г. она появилась в таможенных отчетах в статье, которая отвечает нынешней 40-й статье («домашний скот... и животные..., кроме особо поименованных»), следует, по моему мнению, отныне относить живую рыбу к статье о рыбе, так как она ныне «особо упомянута», чего прежде не было, так как свежая рыба доныне относилась к статье «съестные припасы, особо не поименованные». В новом тарифе статья 37-я прямо озаглавлена «Рыба», а в статье 40-й не дано той особой характеристики «живые животные», на основании которой можно было бы и ныне относить рыбу, если она «живая», не к 37-й, а к 40-й статье. По 40-й статье рыба живая прошла бы беспошлинно.

Ввоз по европейской границе (без ввоза по примечанию — на русских судах в Архангельск) за 4 последние года был следующий:

Пункты	Ввоз по европейской границе	1887 г.		1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
1	Рыбы свежей .	—	—	—	[1]	145	340	144	390
2	» маринованной, икры . .	47	769	54	797	56	788	54	800
3	» соленой, копченой, сушеной .	2	17	3	22	3	20	4	22
4	Сельди, треска[2]	5152	6698	4619	6086	5971	8007	5433	7630

Беспошлинный ввоз (по примечанию) свежей, соленой и сушеной рыбы (всякой) на русских судах в архангельские

а по статье 37-й она должна пройти как рыба свежая с пошлиною в 12 коп. зол. с пуда, если это не «тюрбо, соль, форель». Иное толкование тарифа было бы, по моему мнению, неправильным. Так, например, если ввозимая рыба уснула, то она должна платить пошлину. Притом термин «свежая» рыба очевидно подходит к живой рыбе точно так же, как и к жареной, потому что свежая противупоставлена с маринованною, соленою и копченою, а не с «живою». Это замечание касается толкований или применения тарифа. Пока это не будет выяснено, рыбу живую можно относить или к 37-й, или к 39-й (что все равно, по пошлине = 12 коп. зол.), или, как было до сих пор, к 40-й статье. Поэтому я упомяну лишь здесь о ввозе живой рыбы по европейской границе. Вес ее доныне не означался, а ценность равнялась 43 тыс. руб. в 1889 г. и 36 тыс. руб. в 1890 г. Живую рыбу везут преимущественно по рекам западной сухопутной границы. Затруднительность в определении веса ввозимой живой рыбы, по моему мнению, устраняется чрез определение ее объема, принимая его равным весу вытесненной воды. Этот вопрос, конечно, мелочной сам по себе, но он имеет некоторое значение в отношении к принципам и к интересам местных рыбаков.

[1] До 1889 г. в таможенных отчетах дается отчет только об общей цене съестных товаров «особо не поименованных», в число которых прежде и входила вся свежая рыба. Ввоз этот составлял, например, в 1888 г. по европейской границе 151 тыс. пудов на 385 тыс. руб. Следовательно, рыба в нем составляла главную долю.

[2] Ввоз копченых сельдей и трески ничтожно мал (они идут на архангельских судах — своих рыбопромышленников) сравнительно с ввозом соленых сельдей, например в 1889 г. трески ввезено 1 тыс. пудов на 2 тыс. руб.

порты[1] в 1887 г. достиг наибольшей величины, а затем, как будто бы, начинает падать, а именно для указанных годов:

По примечанию: 1138 706 993 763 879 725 993 711

В этом ввозе много трески, и сельдь начинает играть некоторую роль, например в 1890 г. ее количество дошло до 31 тыс. пудов, хотя еще в 1888 г. было не более 12 тыс. пудов. Этот беспошлинный ввоз на русских судах архангельскими жителями мог бы сам по себе доставить им огромный заработок, если бы предприимчивость начала развиваться в должных размерах, о чем ныне при общем внимании, к Мурману обращенному,[2] забывать не следует.

Что касается до ввоза и вывоза по другим границам, то он имеет некоторое значение по отношению к Финляндии (соленая рыба) и Персии, как видно из данных двух лет:

	1888 г.[3]				1889 г.			
	вывоз		привоз		вывоз		привоз	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Финляндская граница	9	46	135	217	11	47	190	343
Азиатская граница	4	28	261	376	2	19	357	663

Если не считать сельдей, то этот ввоз равняется западноевропейскому по цене, но тогда оба они вместе много менее вывоза.

Устрицы, омары и тому подобные предметы 38-й статьи сохранили прежний оклад, ввозятся в последние годы (когда начался подвоз к столицам черноморских устриц) в коли-

[1] Здесь должно подразумевать не только рыбу своего улова, но хотя бы и чужого, но на русских судах привезенную. Морской улов и ввоз добычи русскими промышленниками существует, например, в Черном, Азовском и Каспийском морях, конечно беспошлинно, океанский же доныне почти не практикуется, а заслуживает внимания не менее русского китобойного промысла. Это впереди даст свои заработки русским пограничным жителям.

[2] Оно основывается на том, что мурманский берег представляет единственные ближайшие к центру России свободные океанские порты, могущие служить к обеспечению морского влияния — на случай войны.

[3] Для 1888 г., как выше упомянуто, ввоз свежей рыбы особо не исчислялся, а ввоз «особо не упомянутых» съестных припасов из Финляндии составил 808 тыс. руб., и по азиатской границе 32 тыс. руб.

честве около 6½ тыс. пудов на 110—180 тыс. руб., доставляют около 20 тыс. руб. зол. таможенного дохода и не заслуживают особого рассмотрения. Можно только заметить, что разведение на черноморских берегах устриц может доставить, хотя и не крупный, но верный заработок.

К статье 39-й относятся особо не поименованные съестные припасы (например свежее мясо, дичь, яйца и т. п., которые, однако, не везут к нам в сколько-либо ощутительных массах) и особо приготовленные кормовые средства, количество которых с переходом свежей рыбы в 37-ю статью должно сократиться. За вычетом свежей рыбы в 1889 и 1890 гг. ввезено по европейской границе этих припасов 23 и 32 тыс. пудов на 18 и 19 тыс. руб., и малая цена их показывает, что сюда подошли все дешевые товары (пуд по 61 коп. кред.), вероятно отруби, жмыхи и тому подобный корм скоту, который ныне пойдет беспошлинно, по примечанию. Пошлина 12 коп. зол. сохранена. Что касается до вывоза, то к числу не поименованных съестных припасов и кормовых средств следует отнести отруби, жмыхи, яйца, черную (свекловичную) патоку и то, что при записи *вывоза* так и названо «особо не поименованными съестными товарами». Таких товаров Россия отправляет очень много. Для примера приведу данные 1888 г. с указанием для всех и для европейской границ:

Вывоз 1888 г.	По всем границам		По европейской границе	
		тыс. руб.		тыс. руб.
Отруби хлебные	13104 тыс. пуд.	7901	13011 тыс. пуд.	7032
Бульон, мясной экстракт	1 тыс. пуд.	17	1 тыс. пуд.	17
Яйца[1]	684512 тыс. шт.	11715	678217 тыс. шт.	11589
Белки и желтки.	75 тыс. пуд.	409	74 тыс. пуд.	405
Черная (свекловичная) патока	438 тыс. пуд.	184	437 тыс. пуд.	182
Жмыхи (выжимки масличных семян)	7239 тыс. пуд.	5329	7213 тыс. пуд.	5311
Особо не поименованные съестные припасы	—[2]	496	—	206

Следовательно, главную здесь роль играют яйца, отруби и жмыхи. Яйца собираются по деревням, чаще всего в промен,

[1] В пуде можно считать около 400 штук.
[2] Вес их не означен в таможенных отчетах.

за всякий женский крестьянский товар, потому что разведение кур составляет «бабье» дело и доход хозяек. Из громадной массы яиц, потребляемых по городам и деревням, вместе с вывозимою массою можно видеть, что дело это в России составляет народное предприятие большой важности, а это показывает, что всякое предприятие, могущее быть переданным крестьянству, разбившись на множество мелких хозяйств, должно составить крупную ветвь русской промышленности. Следует только умножать число таких дел и организовать торговлю их продуктами, а в этом отношении разведение животных заслуживает первейшего внимания. Когда оно умножится, тогда и отрубей не станут вывозить, крестьяне и крестьянки смекнут скорее многих иных, что выгоднее дома вырастить птиц ли или других животных, чем продавать на сторону зерно или тем паче отруби и жмыхи, составляющие концентрированный корм скоту. Тут надобны только толчок рассеянных примеров, заботы земства о закупке лучших пород для размножения и питательных отбросов других производств и, быть может, некоторые местные поощрительные меры, как успешным разводителям лучших пород, так и начинателям и скупщикам, успевающим возбудить в данном округе новые виды крестьянского производства продуктов животного царства. Издавна русская промышленность и торговля опираются на разъединенное крестьянское хозяйство, и хотя капиталистическая эпоха развития промышленности ныне господствует, но есть отрасли, в которых усиление крестьянского производства может обойтись без капиталистических пособий, а в числе таких животноводство занимает первое место, по наиболее легкой достижимости.

Беспошлинный впуск по статье 40-й скота и всяких животных отвечает такому же беспошлинному ввозу зерновых хлебов, то есть относительному изобилию у нас домашнего скота. Если его ввозят к нам, то главным образом для двух целей: для местных пограничных надобностей и для разведения в России некоторых пород, а вовсе не для экономической конкуренции с русскими производителями, а потому ввозная пошлина не имела бы здесь покровительственной цели, тем более, что издавна лошади, быки, свиньи и другой скот вывозятся из России. Вывоз был бы в последние годы очень значителен и отчасти мог бы служить для интересов сельского хозяйства, если бы вывоз нашего скота не встречал от иностранных правительств многих стеснительных и ограничительных мер. На эту сторону предмета обращено большое внимание нашего правительства, и за последнее время удалось дости-

гнуть некоторых существенных облегчений, хотя переговоры еще продолжаются.

За три последние года, начиная с 1888 г., ввоз скота и других живых животных по европейской границе, выраженный в стоимости, не превосходил 600 тыс. руб., 424 тыс. руб. и 396 тыс. руб., то есть был сравнительно мал и даже уменьшался. А чтобы показать состав, достаточно привести пример одного 1889 г., для которого привожу ввоз по всем границам:

Ввоз 1889 г.	По европейской границе		По финляндской границе		По азиатской границе	
	тыс. голов	тыс. руб.	тыс. голов	тыс. руб.	тыс. голов	тыс. руб.
Крупного рогатого скота	0.5	57	3½	99	6	121
Мелкого скота	0.8	32	25	65	102	314
Лошадей	0.9	227	2½	334	—	1
Всяких иных животных	—	108	—	10		26
		424		508		462

Для того же года приводим и вывоз с теми же подразделениями; заметим, что в вывозе мелкого скота преобладают

	По европейской границе		По финляндской границе		По азиатской границе	
	тыс. голов	тыс. руб.	тыс. голов	тыс. руб.	тыс. голов	тыс. руб.
Крупного рогатого скота	15	1220	—	—	2¼	58
Мелкого скота	169	2179	—	—	37	166
Лошадей	37	4354	0.4	44	0.3	18
Всяких иных животных[1]	—	5202	—	6	—	21
		12955		50		263

[1] В том числе живой домашней птицы около 3¾ и дичи около 3 млн штук.

свиньи, бараны и овцы, а в числе всяких[1] животных: гуси, куры (по Одесской таможне) и всякая битая дичь.[2]

Вывоз 1888 г. очень близок к приведенному вывозу 1889 г. Следовательно, вывоз по европейской границе в 30 раз превосходит ввоз.

Считаю не излишним привести берлинские цены цельных мясных туш (не в мелочной продаже, а на бойнях), как они даны в Statistisches Jahrbuch f. d. Deutsche Reich, 1890 (стр. 123), за 100 кг, в марках, причем данные относятся: I — к очищенному мясу рогатого скота 2-го сорта, II — ко свиному мясу неочищенному, то есть к цене живого веса (20% отброса), III — к ценности очищенной телятины и IV — баранины:

	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
I	98.5	97.0	101.7	98.2	97.0	93.5	91.9	90.1	95.9
II	110.4	108.2	103.5	92.3	99.3	94.2	87.2	85.8	110.6
III	107.2	108.1	101.3	94.6	83.8	86.5	83.6	85.5	95.2
IV	102.9	106.9	107.5	94.6	87.1	92.7	88.5	87.8	92.0

Свинина в Германии вообще ценится дороже других обыкновенных сортов говядины. Для покупных лавочных цен Берлина можно считать, по данным Прусского статистического бюро, для начала 80-х годов, общую среднюю цену 100 кг мяса быков и коров — 115 марок, свиного мяса — 123 марки, телятины — 99 марок, баранины — 109 марок. Цена в 115 марок за 100 кг отвечает при курсе 140 коп. кред. = цене русского фунта 20½ коп. кред. и относится к общей средней цене всего мяса, а не лучших его частей. В Англии и Франции эти цены мяса еще выше, несмотря на большой подвоз из Америки.[3]

[1] Но без включения живой рыбы, которая доныне относилась к статье о животных.

[2] Битую дичь *правильно относить* к статье о животных, потому что об этих животных нигде «особо не упомянуто» в тарифе.

[3] Полагаю, что в интересах России, ее сельского хозяйства и внешней торговли было бы необыкновенно важно собрать в ближайшее время все как статистические, так и технические (особенно о способах далекой перевозки живого скота и битого мяса) компетентные сведения, относящиеся к мясной торговле западноевропейских стран. Отдельные указания на все это имеются, но многие данные или отрывочны, или лишены достоверности, а необходимо распространить точные и полные сведения об этом предмете, могущем иметь большое влияние на дальнейшую судьбу множества хозяйств России и на ее внешнюю торговлю. С.-А. С. Штаты в начале 80-х годов отпускали ежегодно около 4½ млн пудов свежей говядины, 3½ млн пудов свинины, 22 млн пудов ветчины, около 180 тыс. живых быков, а всех мясных товаров на общую сумму свыше 200 млн руб. зол., или около 300 млн руб. кред. Главный потребитель — опять Англия.

В статьях, следующих за 40-ю (до 57-й), новый таможенный тариф касается до товаров, прямо или косвенно, то есть чрез обработку, получаемых от животных, и на первом месте ставит удобрительные вещества, важное экономическое значение которых заставляет подробнее рассмотреть товары этого рода в отношении к их местному производству и торговому значению для России.

Прежде всего должно быть вполне ясным, что связь землеудобрительных веществ с продуктами животного царства определяется почти исключительно тем, что эти последние продукты сравнительно богаты азотистыми веществами и фосфатами, или солями фосфорной кислоты, необходимыми в почве для произведения урожаев и легче всего истощающихся, потому что содержатся в особом изобилии во всех питательных веществах, например в зернах и зеленых листьях. Не только изучение всяких видов почвы и общее начало химии (элементы не превращаются друг в друга), но и прямой опыт многолетних культур (без удобрений) показывают необходимость и в известных (обычных) условиях прямую выгодность (то есть вознаграждение расходов на удобрение чрез увеличение жатв) — дать почвам некоторые начала, которых запас в них мал. Между этими началами азотистые занимают бесспорно первое место, а фосфористые второе, то есть удобрение азотистыми началами чаще всего (то есть почти на всех культурных почвах) вызывает выгодное увеличение жатв, а за ним следует удобрение фосфатами, хотя прямой опыт показывает, что на многих почвах этот род удобрений урожаев не увеличивает. Не входя в иные [1] подробности этих довольно сложных, но из теории и опыта уже довольно известных отношений, для нашей цели достаточно сказать, что многие вещества животного происхождения оттого и составляют обыкновеннейший материал удобрений, что содержат азотистые начала и фосфаты. Такие отбросы, как навоз (смесь подстилки и извержений травоядных) и всякие извержения, составляют естественнейшую форму удобрительных веществ. Подобные удобрения, содержа много воды и мало питательных начал, не выдерживают сколько-либо далекой перевозки, но зато всюду произво-

[1] Известковые (например прямо известь, мергель, и гипс) удобрения также очень часто явно влияют на урожайность. Реже калийные. Многие виды улучшения почвы чрез удобрения основываются не на доставлении почве потребных растениям химических начал, а на изменении свойств (влагоемкости, связности, отношения к теплу, низшим организмам и т. п.) почвы. Так, например, действует черноземное удобрение. Иные виды удобрений только содействуют химическим процессам, совершающимся в почве; словом, вопрос сложен и ныне составляет целую науку.

димы, вследствие сочетания земледелия со скотоводством. Опыт показывает, что навозное удобрение, — при разумном пользовании им и в том условии, что страна имеет достаточно земель для скотоводства и условий для его выгодности, — составляет не только самую экономическую форму удобрения, но и наиболее верно и прочно действующую, улучшающую физические свойства полей, доставляющую почве все, что ей необходимо, и устраняющую вредное санитарное влияние извержений, ибо в почве они претерпевают особые виды изменений, не вред людям, а пользу почве доставляющие. Городские извержения Лондона, Парижа и других городов, разливаемые (трубопроводами) по лугам, пашням и огородам, превратили бесплодные пустыри в плодоноснейшие участки. А потому иные — концентрированные — формы удобрений, которые далее рассматриваются, только тогда выступают в своем важном сельскохозяйственном значении, когда навозное (с извержениями) удобрение оказывается недостаточным в качественном или количественном отношении. В такой стране, как Россия, где скотоводство далеко не достигло своих возможных пределов и где масса навозного удобрения еще бесплодно пропадает, прибегать к массовому пользованию концентрированными удобрениями, оставляя без внимания ближайшее — навозное, совершенно нерационально и очень нерасчетливо, особенно в эпоху дешевизны зерна и других растительных продуктов сельского хозяйства, именно потому, что концентрированные удобрения должны быть рассматриваемы, да и всюду, где рационально прилагаются, рассматриваются только как *подсобные* туки, возмещающие недостаток навозного удобрения.

Вот первая и основная точка зрения, которой должно держаться, рассматривая вопрос об удобрении полей как с общегосударственной, а следовательно, и с тарифной стороны, так и с личной хозяйственной. Если в Англии, Бельгии или Голландии давно настала пора пользования концентрированными удобрениями и от них получается осязаемая выгода, то это вовсе еще не значит, что тот же результат будет и у нас, не по чему иному, как просто потому, что скотоводство там процветает, пользование как скотским навозом, так и городскими извержениями доведено там до возможной меры развития, а вместе с тем завелось и интенсивное хозяйство, чего у нас еще далеко нет и без чего погоня за искусственными удобрениями и их пропаганда показывает малое понимание существеннейших сторон сельского хозяйства и погоню за чужеземными образцами, без знания их истории и современного состояния.

Тем не менее подсобные, или концентрированные туки чрезвычайно важны и заслуживают внимательнейшего рассмотрения уже по одному тому, что некоторые индивидуальные хозяйства в России могут быть поставлены в голландские или бельгийские условия выгодного ими пользования, а главное потому, что эпоха необходимости и выгодности подсобных туков рано или поздно всюду придет, а следовательно, наступит и в России. А потому сперва коснемся существенных сторон значения таких удобрений, а потом их экономической стороны вообще и в частности в России. Тогда станет ясным, как должен относиться таможенный тариф к вопросу об этом виде удобрений; простое же, предвзятое и огульное решение этого предмета во фритредерском или протекционном смысле для страны, если не ныне, то позднее, может быть еще более опасным, чем 5-копеечная пошлина на чугун в эпоху необходимости развития добычи чугуна (см. стр. 222—240), потому что при 100 млн десятин культурных почв России могут понадобиться такие массы подсобных туков, которых ценность далеко превзойдет потребность в железе и его изделиях.

Хотя навозное удобрение, рассматриваемое как собрание остатков пищевых (людей и скота) средств, содержит все необходимые составные начала, надобные для плодородия почвы, и ее улучшает в отношении свойств, но при его применении неизбежно, как в сборе, так и в пользовании, множество утрат уже потому, что дожди уносят в реки и на глубину, недостижимую корням, много необходимого, и часть важных составных начал почвы поступает на образование тела животных, другая же идет на фабрики и заводы, то есть применяется не для питания. Хозяйство, продающее зерно или мясо,[1] должно лишаться части азотистых, фосфористых и других начал своей почвы. Для возмещения этих утрат служат прежде всего луга, особенно заливные, пользующиеся удобрительными началами текучих вод, а затем растворение или разъедание, медленно совершающееся в почве, ее неподвижных запасов, если они в ней еще содержатся. Но и это не помогает, да и не всегда встречается. А потому там, где воспользовались всем возможным и доступным, неизбежно необходимо влагать в почву то, что ей не может иначе возвратиться, как при помощи подсобных удобрений, потому что иначе наступает истощение или уменьшение урожаев, при всех прочих

[1] Продажа зерна, однако, ведет к быстрейшему истощению, чем продажа самих животных, не только тогда, когда дело идет о продаже произведений данного участка земли, но даже и тогда, когда имеется в виду получение одинакового валового дохода.

равных условиях. Это возмещение и определяет один род концентрированных удобрений. Сюда прежде всего относятся фосфаты. Но они одни редко действуют плодотворно. Смесь же их с азотистыми веществами действует вернее уже потому, что азотистые вещества сами по себе легко истощаются, лишь отчасти возмещаясь в своих утратах на счет азота дождей и воздуха (особенно при культуре стручковых растений, например гороха и клевера, чрез корни и наросты, на них происходящие), а главное потому, что азотистые начала сами по себе чаще всего бывают рентабельны, то есть настолько возвышают урожай, что окупают затраты на добавочные туки. Важнее же всего обратить внимание на то, что природные фосфаты, особенно фосфориты и те, которые получаются из костей, содержат непоглощаемую растениями среднюю [фосфорно]-известковую соль, а подмесь азотистых и углеродистых веществ, дающих в почве кислоты (азотную и угольную), или прямая, предварительная обработка фосфатов кислотами — обыкновенно серною — переводит нерастворимые средние фосфаты в кислые растворимые, способные усваиваться растениями. Поэтому важнейшими концентрированными, подсобными, или *искусственными* туками повсюду считаются прежде всего вещества, содержащие много азотистых начал и фосфатов, а для этих последних, сверх того, иногда и кислоты, делающие фосфаты отчасти растворимыми и переходящими в *«суперфосфаты»*.

Всякие такие туки должны обладать тремя экономически важными свойствами: мелкою раздробленностью, богатством деятельными началами и дешевизною, чтобы быть рентабельными при ограниченном их применении на пашне.[1] Мельчайшая раздробленность искусственных туков необходима для того, чтобы можно было распределить (рассеять) с равномерностью малое их количество по большой площади пашни. Если бы можно было найти трудно вымываемые, но растворимые туки и равномерно оросить ими все поле, то это было бы наилучшею мерою, но ныне неизбежно, пока такой вид удобрений не повсеместен, брать твердые вещества и требовать, чтобы измельчение было сколь возможно более мелким, так как 10—20, много 30 пудов таких туков должно лечь на поверхность целой десятины. И понятно, что результат будет полезен лишь тогда, когда в этом малом количестве порошка будет много фосфатов или азотистых веществ — иначе дей-

[1] Само собою разумеется, что много таких удобрений, например тысячи пудов на десятину, класть нельзя: выгоды не могут погасить расходов, если тук покупной или привозимый издалека.

ствия, основанного на возмещении недостающего, не может быть,[1] судя по тому, что в одной хорошей жатве хлеба (например в 150 пудах пшеничного зерна с десятины) содержится около $1^1/_2$ пуда фосфорной кислоты (в зерне и соломе) и около 3 пудов азота, что отвечает, примерно, 5 пудам фосфата и 20 пудам азотистого (например белковинного) животного вещества.

Но если надо выбрать столь концентрированное удобрение, да еще мелко измельчить его, то очевидно, что оно должно стоить много, а сельскохозяйственный промысел при подобных условиях, вследствие еще и поныне возможной конкуренции свежих почв, может давать лишь очень малые выгоды, а потому, хотя возможно было бы подобрать множество веществ, благотворно действующих даже в малых количествах на увеличение урожайности истощенных полей, но выбор ограничивается неизбежным условием дешевизны, — до того, что нигде и никто, правильно рассчитывающий баланс полеводства, не станет применять фосфористого или азотистого тука, пуд коего стоит, например, дороже 1 руб., а часто повторяемое удобрение десятины дороже 10—30 руб., потому что прирост травою или зерном не окупит высшей траты, так как выгодное действие большинства искусственных удобрений ограничивается обыкновенно одною, редко двумя жатвами.

Теперь мы можем прямо перейти к русским таможенно-тарифным целям нашего изложения, вспомнив громадность поверхности России, удаленность большой массы хозяйств от границ и дороговизну перевозки от них внутрь страны. Здесь уже сразу видно, что искусственные удобрения в России, больше чем где-нибудь в Англии, Бельгии, Голландии или Франции, должны быть домашнего, местного, внутреннего производства, по возможности из местных материалов, потому что только они могут быть дешевыми. Заморские удобрения, вроде перуанского или бакерского гуано, не могут никогда поднять наше хозяйство в его производительной выгодности и интенсивности. Пусть такое удобрение стоит на границе Рос-

[1] Гомеопатические дозы веществ могут действовать только возбудительно или как специфические яды на живые организмы почвы. Так, зерна, смоченные раствором медного купороса, по опытам оказываются дающими лучшую жатву, чем без смачивания, вероятно потому, что препятствуют развитию, в период прорастания, вредных низших организмов. По опытам одного русского врача, недавно мне сообщенным, но еще, если не ошибаюсь, не публикованным, даже слабый (1 на 100 тысяч) раствор сулемы действует на прорастающие зерна сильно возбудительно, увеличивая скорость развития и силу растений. С своей стороны, я считаю подобные опыты заслуживающими большего внимания и разработки.

сии только 70—80 коп. кред. за пуд, то есть почти только по цене доставки или по той цене, в которую приходится гуано в Бельгии или в Англии, все же в глубине России, на тысячеверстных расстояниях, оно обойдется столь дорого, что его обширное применение окажется невозможным. И надо понимать, что ныне, когда Россия вывозит хлеб по низшим ценам, она не может применять таких привозных из-за границы концентрированных удобрений, как гуано и ему подобные естественные скопления птичьего помета. Поэтому они могут ввозиться в Россию только случайно, для пограничных полей, и, следовательно, нет большого основания [1] облагать такие виды удобре-

[1] Небольшое же есть, а именно следующее: у нас подражательность иноземному так велика, что могут явиться малорасчетливые и легковерные хозяева, которые, ради легкости выписки, возьмут гуано, не заботясь вовсе о том, что на месте у себя много есть гораздо лучших удобрений, начиная прямо хотя бы с голубиного помета, который редко где идет на пользу полей, и кончая костями и фосфоритами, которыми Россия преизобилует. Гуано, применявшееся в 50-х и 60-х годах еще в изобилии, с 80-х годов стало повсюду терять свою цену, спрос уменьшился, а предложение возросло. Однако залежи знаменитого перуанского гуано (с 8—12% азота, 10—30% фосфатов и 2—5% солей кали) давно истощены, а ныне наиболее распространенные сорта тихоокеанского гуано часто вовсе почти не содержат азотистых веществ. По происхождению — это помет морских птиц. Вымытое водами, оно оставляет фосфаты. Гуано уже само по себе измельчено или легко измельчается. Безазотистое гуано идет для суперфосфатов; оно отвечает жженым костям, а костяная (нежженая) мука соответствует лучшим сортам азотистого гуано. Всякий местный вид (голубиного, куриного и т. п.) птичьего помета и по составу, и по опыту действует вернее и сильнее всякого заморского гуано. Русским хозяевам выписывать гуано столько же мало подходит, как и удобрять свои поля ржаною или гороховою мукою. Чтобы показать постепенное падение потребности в гуано, достаточно привести ввоз в Германию. Рядом приводим ввоз в Германию костяной муки, суперфосфата и костяного угля, в тысячах тонн:

Год	Германия, ввоз			
	гуано	костяная мука	суперфосфат	костяной уголь
1880	117	15	15	17
1881	114	18	20	25
1882	106	25	25	34
1883	73	22	32	27
1884	68	28	30	21
1885	64	22	23	19
1886	67	20	33	17
1887	74	23	41	19
1888	61	21	82	14
1889	58	22	125	15

ний пошлиною, тем более, что и доныне пошлины не было, но нет и ввоза гуано и подобных ему туков. К беспошлинным же удобрениям можно отнести и всякие другие неизмельченные туки, если они встречаются в России и вывозятся из нее, уже потому, что их к нам не повезут и технического труда к ним не приложено. Таковы сырая кость и томасовы шлаки. Кость собирают по России давно, особенно же с середины 70-х годов, а она содержит азотистое (клеевое) вещество, проникнутое известковым фосфатом. Томасовы шлаки, образующиеся при переделке чугуна в сталь и железо на щелочных набойках бессемеровских конверторов или мартеновских печей, содержат в различной пропорции фосфаты, годные для получения, после измельчения, фосфористых удобрений. Они также получаются в России в таком количестве, что скупаются за границу. Отпуск сырой кости записывается в таможенных отчетах отдельно, но томасовы шлаки включаются в общую рубрику шлаков, так что можно только дать общую цифру шлаков. В 1888 г. шлаков всяких по европейской границе отпущено 1393 тыс. пудов (на 70 тыс. руб.), а в 1889 г. 867 тыс. пудов на 44 тыс. руб. Только *часть* этого отпуска состоит из томасовых шлаков. Отпуск кости даем лишь по европейской границе, потому что по азиатской его почти нет, а отпуск по финляндской границе не представляет существенного интереса и невелик. Отпуск этот даем по всем отдельным рубрикам, существующим в таможенных отчетах, и начинаем с 1883 г., когда введена вывозная пошлина на кость, которую далее будем рассматривать [табл. на стр. 422].

Из этого уже видно, что материалов для фосфористого и костяного (азотисто-фосфористого) удобрения почвы так много в России и они здесь так дешевы (средняя цена на границах, без пошлины, около 75 коп. кред. за пуд), что выгодно даже скупать и вывозить из России. Впрочем, кость идет не для одного удобрения, а более всего для получения костяного угля (чрез накаливание без доступа воздуха), применяемого на сахарных заводах, и для получения костяного клея. Обработка костей составляет, таким образом, немаловажную ветвь промышленности, в которой Россия приняла уже участие и может легко выигрывать. Вот по этой-то причине сырая кость

[*Продолжение сноски со стр. 420*].

То же замечается в Англии и Бельгии.

Среднюю современную цену (по данным Германского статистического бюро) тонны в марках можно принять для гуано 140 марок, для костяной муки — 110 марок, для суперфосфата (и костяной золы) — 98 марок и для костяного угля — 150 марок за тонну. Эта последняя цена при курсе 140 отвечает 76 коп. кред. за пуд.

Год	Европейская граница, вывоз								
	кости сырой		кости порошком		костяного угля[1]		фосфоритов		итого
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	млн руб.
1883	471	402	802	1222	766	953	—	—	—
1884	509	421	970	1230	660	953	—	—	—
1885	301	204	968	862	510	685	766	344	2.7
1886	399	270	1007	1159	487	475	675	282	2.7
1887	246	169	1548	1095	590	624	469	202	2.9
1888	124	93	1231[2]	990	373	449	447	210	2.1
1889	148	84	1603	1300	249	305	521	246	2.5

(с 1885 г.), вывозимая из России, и ее фосфориты (с 1886 г.), для удобрения земли пригодные, обложены *вывозною* пошлиною (ст. 1-я, роспись отпускных товаров), оставленною в новом тарифе в размере 10 коп. зол. с пуда. Считая, с своей стороны, вывозные пошлины только могущими иметь преимущественно фискальное значение для товаров, составляющих (например как для Чили — натровая селитра, для Италии — сера) почти монополию страны, и зная, что фосфориты и кость не могут составить монопольные товары России, я вижу в наших вывозных пошлинах на сырую кость и немолотые фосфориты только

[1] Костеобжигание и превращение в костяной уголь, особенно для потребностей сахарных заводов, развилось в России уже в значительных размерах. По данным Департамента мануфактур и торговли, в последние годы протекшего десятилетия действовало 45 заводов, общий оборот которых указан в 1160 тыс. руб.

Заметим здесь также, что в таможенных отчетах упоминается о вывозе по европейской границе «землеудобрительных веществ», особо не поименованных, куда вероятно относятся роговые стружки, которые, как мне лично известно, скупаются для вывоза за границу в Клинском и Дмитровском уездах Московской губ. Таких товаров вывезено, например, в 1888 г. 162 тыс. пудов на 196 тыс. руб.

Для тарифных и промышленных соображений было бы, по моему мнению, не только полезно, но даже и очень важно, чтобы запись вывозных товаров в таможенных отчетах велась совершенно по той же системе и по тем же пунктам и подразделениям, как и запись привозных товаров. Это, конечно, существует до некоторой степени и ныне, но желательно, чтобы соответствие было полнее и яснее выражено.

[2] В том числе 2 тыс. пудов суперфосфата на 2 тыс. руб.

ту важную выгоду, что переделанные, например даже простым размалыванием (костяная мука), они освобождаются от вывозной пошлины, а потому вывозная пошлина служит здесь указателем необходимости устройства заводов, обрабатывающих кость,[1] то есть превращающих ее в более дорогие товары (костяную и фосфоритную муку, костяной уголь, костяную сажу, или чернь, суперфосфат, клей, фосфор и т. п., выпускаемые беспошлинно). Другими словами, вывозная пошлина, наложенная на кости и фосфориты, не налагает запрета на вывоз, даже не ограничивает его, а только поощряет переделку русского сырья в более ценные товары, что нельзя считать бесполезным по причине недостаточной степени инициативы русских предпринимателей. Предшествующая таблица показывает, что действительность оправдывает принятые меры, потому что вывоз сырой кости из России падает, а вывоз костяной муки возрастает. В Петербурге и различных других местах России уже основались и усиливаются заводы, обрабатывающие кость в другие беспошлинные костяные товары.

Чтобы оставаться последовательным, ту же меру — возбуждения русской переработки кости и фосфоритов — таможенный тариф должен был применить чрез наложение пошлин и к обработанным каким-либо способом привозным удобрительным веществам. По этой причине, хотя до сих пор все землеудобрительные вещества впускались беспошлинно, в новом тарифе беспошлинно впускаются только те из них (п. 1-й ст. 41-й), которые не подверглись никакой обработке, если же она произведена, то те же товары обложены ввозною пошлиною. Этим достигается та же цель, что и вывозною пошлиною, то есть поощряется внутренняя переделка в России сырой кости, фосфоритов и томасовых шлаков. Простой их перемол дешев, стоит лишь несколько копеек на пуд, если ведется с умением на больших заведениях современными механическими приемами, а потому на упомянутые туки, просто перемолотые, наложена ничтожная пошлина в 2 коп. зол. с пуда, на суперфосфаты же (п. 2-й ст. 41-й) — 5 коп. зол. К той же пошлине отнесены и всякие компосты и пудретты, потому что в большой международной торговле обращаются только такие компосты и пудретты, которые содержат много азотистых и фосфористых удобрительных начал, по содержанию коих и

[1] Чтобы уяснить это примером более общеизвестным, можно уподобить вывозную пошлину на сырую кость пошлине на вывозимое зерно, оставляя вывоз муки без обложения. С личной моей точки зрения такой вид вывозной пошлины на все хлебные товары я бы считал очень выгодным и полезным для России.

назначается самая их оценка. Такие компосты и пудретты приготовляются всегда особыми, заводскими способами. Притом многие компосты и пудретты прямо содержат суперфосфаты, и в России есть масса материалов (например рыбьи отбросы, остающиеся при чистке рыбы в посол, роговые и костяные опилки, отбросы боен, клеевых заводов и т. п.), которые с большою пользою могут служить материалом для производства сильно действующих компостов и пудретт, часть коих заготовляется самими сельскими хозяевами из всякого рода хозяйственных и технических отбросов с подмесью фосфатов, суперфосфатов, извести и других материалов. Что касается до размера (5 коп. зол. с пуда) обложения суперфосфатов, то он находится в связи с обложением серной кислоты, потому что она по ст. 108 несет с давних пор пошлину в 22 коп. зол. с пуда, но эта пошлина не выбирается химическими заводчиками (как доказано будет при рассмотрении указанной статьи), которые пользуются лишь частью этой пошлины, а именно примерно в размере 15 коп. зол. с пуда купоросного масла, то есть цена у нас серной кислоты ныне выше той цены, за которую можно было бы получить иностранный товар, не более как на 15 коп. зол. с пуда. А так как в суперфосфатах около $^1/_3$ по весу серной кислоты, то и пошлина на суперфосфаты взята 5 коп. зол., чтобы уравнять возможность производства суперфосфатов на наших и иностранных заводах и чрез то вызвать производство суперфосфатов в России, что, судя по вышеизложенному, непременно должно достичь, потому что иностранные удобрительные вещества в России дешевы быть не могут, а у нас есть все естественные условия (большие массы ископаемых фосфоритов, много сырой кости, масса колчеданов и т. п.) для того, чтобы начавшаяся внутренняя добыча суперфосфатов довела их цену до возможно наименьшей, какая и необходима для будущего широкого применения искусственных удобрений в массе сельских хозяйств.

Что касается 4-го пункта 41-й статьи (кость жженая, костяная зола и костяной уголь — 12 коп. зол. с пуда), то этот оклад (12 коп. зол.) существовал и прежде, до пересмотра тарифа, с тою лишь разностью, что доныне той же пошлине отвечала и кость «тертая», которая ныне пройдет, если она представит порошок, по 2-му пункту (2 коп. зол. с пуда).

Привоз вышеназванных товаров по европейской границе в последние годы был следующий [табл. на стр. 425].

Ознакомив с составом статьи 41-й; с условиями обложения разных товаров, к ней относящихся, и со ввозом и вывозом их, я бы должен был перейти к товарам следующей статьи, но,

Ввоз по европейской границе

Пункты / Год	1. 2 и 3[1]		4	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
1882	1404	778	8	19
1883	1802	987	3	3
1884	1582	857	5	6
1885	1515	875	2	2
1886	1077	607	2	5
1887	1415	786	1	3
1888	1857	1029	1	2
1889	2135	1197	1	3
1890	2679	1397	2	7

мне кажется, что здесь уместно коснуться того обстоятельства, что при рассмотрении оклада на суперфосфат с разных сторон явилась поддержка беспошлинного ввоза серы, колчеданов и суперфосфатов. Особую важность при этом имели соображения о связи между потребностью в суперфосфатах и необходимостью беспошлинного впуска серы и колчеданов, как таких материалов, при помощи которых готовится серная кислота, входящая в суперфосфаты. *В интересах будто бы и сельского хозяйства* требовали с особою настойчивостью такого беспошлинного впуска серы и колчеданов пограничные химические заводчики, указывая на то, что всякое обложение серы и колчеданов удорожит производство в России суперфосфатов, надобных для основной сельскохозяйственной промышленности. Этих голосов послушались, но суперфосфатов пограничные заводчики производить не думали и не стали, то есть ссылались на дорогие каждому интересы сельского хозяйства только ради совершенно иных своих целей, которые мы разберем, говоря о пошлине на серу и колчеданы. С другой стороны, пограничные сельские хозяева, начавшие применять суперфосфаты на своих полях, требовали беспошлинного ввоза суперфосфатов, что и существовало до последнего изменения тарифа. Ныне, когда по новому тарифу и сера (ст. 91), и колчедан (ст. 138), и суперфосфаты (ст. 41) обложены хотя малыми,

[1] В таможенных отчетах доныне не отличали землеудобрительные товары друг от друга, но из достоверных частных сведений, согласных с существом дела и с вывозом из России сырой кости, фосфоритов и проч., очевидно, что ввозился исключительно суперфосфат и очень немного (так сказать, для опытов) гуано.

но все же вызывающими начало дела покровительственными пошлинами, мне кажется не излишним привести часть доводов, служивших к тому, чтобы переменить прежнюю беспошлинную систему, успешного результата не давшую (ибо химические производства не развились от беспошлинного впуска серы и колчеданов, не стали готовить суперфосфатов, и применение их не распространилось внутрь страны), на новую. Что касается пользы и надобности обложения серы и колчеданов, то ее я стану разбирать в следующих главах, а теперь перепечатаю часть доводов, представленных мною в пользу обложения суперфосфатов, надеясь, что предмет этот, при всей сложности встречающихся здесь интересов, отчасти уяснится приводимыми соображениями, особенно если их восполнить теми исходными положениями, которые приведены во введении и в двух первых главах этой книги.

Начав с рассмотрения значения серной кислоты для сельского хозяйства и для приготовления суперфосфатов, я писал (1890), защищая пользу обложения суперфосфатов, серы и колчеданов, в статье о суперфосфатах следующее:[1]

Первее всего должны видеть то обстоятельство, что земледелие (особенно в России и ей подобных — обширных и малонаселенных — странах) может пользоваться с *выгодою* туками, приготовляемыми на химических заводах, лишь тогда, когда: а) провоз таких туков недалек и б) сами они, от взаимного соперничества заводчиков, *дешевы*, то есть тогда, когда внутри страны развита химическая промышленность. Удобрять поля привозимым из-за границы фосфорным удобрением тем неправильнее в России, что она отпускает от себя фосфориты и кости, составляющие главную ценность суперфосфатов. Если исходом для приготовления суперфосфатов внутри страны будет служить даже беспошлинная сицилийская сера, то суперфосфаты не могут быть дешевы, потому что серная кислота из серы дорога, что и заставило всюду заменить ее колчеданами, как это будет далее доказано. Поэтому ссылка на нужды русского сельского хозяйства в вопросе о пошлине на серу,[2] по меньшей мере неверна. А так как приготовление серной кислоты из беспошлинных колчеданов может быть дешево только близ западной нашей границы и не должно помочь развитию внутри России химических производств, по-

[1] Перепечатывая свое мнение о необходимости пошлины на суперфосфаты, я делаю в нем лишь небольшие сокращения и вставки, сообразные с современным положением вопроса о таможенной пошлине на серу, колчедан и суперфосфаты. Мотивом этих ничтожных сокращений и дополнений служит желание не усложнять изложение передачей некоторых второстепенных обстоятельств.

[2] А такую именно ссылку встречаем во многих записках, составленных по поводу пересмотра тарифа.

тому что устранит равенство шансов и правильное внутреннее соперничество русских химических заводчиков, то беспошлинный ввоз колчеданов также не может опираться на потребность русского земледелия в суперфосфатах внутреннего приготовления, ибо при отсутствии правильного соперничества внутренних производителей пограничные заводчики не будут иметь повода спустить цену на серную кислоту и вместо суперфосфата, как дешевого и мало спрашиваемого товара, направят свои усилия на то, чтобы подавить соперничество всяких других русских заводчиков, не могущих столь дешево изготовлять ценные товары, требующие серной кислоты. Но даже и в том случае, когда бы близ границы России суперфосфат подешевел[1] вслед за серною кислотою и другими товарами, ее требующими, все же внутри страны земледелие не могло бы пользоваться дешевыми суперфосфатами, потому что провоз от границ в страну будет дорог. Поэтому, при беспошлинном ввозе колчеданов, нельзя не только ожидать сколько-либо дешевого применения суперфосфатов в России, но также невозможно ожидать и того внутреннего соперничества химических заводов, которое одно может служить средством как для повсеместного развития химической производительности в России, так и для отыскания внутри страны способов для удешевления серной кислоты и для сбыта ее избытков в деле изготовления дешевых удобрительных средств. Поэтому надобности русского сельского хозяйства требуют ради суперфосфатов не беспошлинного ввоза колчеданов (или серы), а таких мер, которые вызвали бы повсеместное развитие химической производительности внутри страны. Меры же, ведущие к сей цели, должны прежде всего исходить из направления сил производителей на внутренние русские источники серы и серного колчедана, а затем должны состоять в возможном уравнении шансов всех начинателей, желающих воспользоваться выгодами покровительственного тарифа.

На основании сказанного уже можно было бы прямо устранить ссылку на потребности русского сельского хозяйства в суперфосфатах при обсуждении налога на серу, колчеданы и суперфосфат, но должно привести еще два других соображения, каждое из коих может показать, что при обсуждении вопросов русского таможенного тарифа на химические продукты не следует, ссылаясь на сельское хозяйство, отвращаться от вопроса о мерах для развития русской химической производительности.

Во-первых, общее современное состояние нашего полеводства вовсе не таково, чтобы искать в суперфосфатах решения задачи о средствах для увеличения плодородности наших полей. Развитие скотоводства, глубокой пахоты и знакомства с интенсивною культурою очевидно должны предшествовать потреблению суперфосфатов. Мы едва в недавнее время получили первое, сколько-либо научное, точное понятие о черноземе и

[1] От беспошлинного ли ввоза самих суперфосфатов и серной кислоты или от развития в пограничных губерниях фабрикации дешевой серной кислоты на счет беспошлинных колчеданов, — все равно.

некоторых других русских почвах, едва начали заниматься вопросами о сельскохозяйственных опытах, касающихся удобрений, и потому немудрено, что в России *нет спроса* на суперфосфаты и, при богатстве многих частей страны избытком земли, еще далекой от истощения, но испорченной нерациональною культурою, в России еще нет общей, сколько-либо ясно выразившейся действительной *потребности* в суперфосфатах. Другими словами, ту же мысль можно выразить в уверенности, что без суперфосфатов русскому сельскому хозяйству еще многое необходимо сделать, чтобы дойти до того состояния, при котором Англия и Бельгия стали применять суперфосфаты,[1] и что с суперфосфатами наше хозяйство, оставшись таким же в других отношениях, нисколько не подвинется вперед. Гораздо большего, чем от суперфосфатов, движения в нашем сельском хозяйстве можно ждать, помимо многих других влияний, от развития всяких иных видов промышленности, потому что они прямо (чрез потребление на месте заводами многих сельских продуктов и чрез пример развития хозяйства самих заводчиков) и косвенно (от развития достатка и привычки к постоянному, а не страдному труду) разольют в стране условия для улучшения нашего хозяйства. Пример других стран, имеющих развитое, рациональное и выгодное сельское хозяйство, показывает, что чрез соседство с фабриками и заводами, и именно от этого соседства, достигается то состояние сельского хозяйства, при котором является спрос и надобность суперфосфатов. Это до такой степени справедливо, что можно с уверенностью говорить о движении русского сельского хозяйства вперед лишь под условием развития заводской и фабричной промышленности в России. В Англии, в Бельгии, в Западной Германии и в некоторых штатах Америки очевидно, что округа промышленные в то же время обладают и высшею полевою культурою. Пользование же в сельском хозяйстве иностранными удобрениями или другими коренными условиями сельской производительности, могущее годиться для таких стран, как

[1] Применение фосфористых удобрений оказывается выгодным и важным не всегда тогда, когда в почве мало усвояемых фосфорнокислых солей, но лишь тогда, когда *при этом* достаточно всего иного (особенно же усвояемого азота), что потребно растениям. Поля Западной Европы, давно истощенные фосфором, пользуются в изобилии азотистыми удобрениями, а наши русские поля, говоря вообще, бедны особенно усвояемым азотом (от многих культурных и сорных злаков). Поэтому, начиная с опытов 60-х годов, произведенных под моим наблюдением императорским Вольным экономическим обществом, постоянно оказывается один и тот же результат: азотистые туки обыкновенно действуют и даже выгодны, сложные туки (например навоз) всегда действуют и дают пользу, а фосфорные (сами по себе), например суперфосфаты и костяная зола, часто почти вовсе не действуют или не приносят выгод, и лишь в особых случаях, например на подзоле, бедном усвояемою фосфорною кислотою, оказываются сами по себе выгодными. Но несомненно, судя прямо по составу, что даже богатейшие черноземы, чрез десятки новых жатв без удобрения, станут нуждаться прежде всего в азотисто-фосфорных удобрениях.

Бельгия или Англия, у нас может только вконец погубить и этот источник нашего благосостояния, а потому в интересах русского сельского хозяйства будут все меры, обеспечивающие как ведение русского сельского хозяйства при помощи русских природных ресурсов, так и развитие в России всяких видов заводской и фабричной деятельности. На основании этого, соображения о беспошлинном ввозе серы, колчеданов, суперфосфатов и т. п. ради интересов русского сельского хозяйства — должно считать пригодными только для чьих-либо личных и временных интересов (торговцев, заводчиков и т. п.), а не должно приводиться при рассмотрении мер для развития общерусской экономической жизни. Ей такое предложение идет прямо вразрез.

Во-вторых, Россия обладает массою богатейших, беспримерных в других странах, запасов ископаемых фосфоритов[1] и отпускает ежегодно целые $1^1/_2$ млн пудов костей. Залежи фосфоритов образуют широкое кольцо, охватывающее центр России, и столь значительны, что одной Орловской или Курской губернии достанет на много столетий богатого фосфорного удобрения всей России. Задача при сем становится очевидною: мы должны развить свою внутреннюю производительность фосфоритных удобрений до того, чтобы отправлять из России готовые — прямо в дело — фосфорные туки, а это может быть достигнуто лишь тогда, когда внутри страны они станут очень дешевыми и когда производство их *вызовется* всякими способами. Поэтому все, что удлиняет достижение такого результата, — вредно, что ускоряет, — полезно. Малая же пошлина или ее отсутствие на иностранные фосфорные и всякие другие искусственные туки, равно как и свободный впуск иностранного колчедана (ибо с ним суперфосфат будет, очевидно, дороже, чем со своим колчеданом) — удлиняют этот срок, а потому должны быть устранены. А так как рациональное рассмотрение вопроса о действии фосфорных удобрений на растения и почву, опыты многих заграничных хозяев, последовавшие за указаниями Грандо, и исследования и опыты Энгельгардта в России показали, что при достаточном измельчении фосфорные туки почти всегда также благоприятно действуют на урожай, как и суперфосфаты, то ныне должно считать вопрос о пользовании в сельском хозяйстве фосфорными удобрениями *независимым от вопроса о цене серной кислоты, колчеданов и серы*. Только обычай и дороговизна фосфатов, при дешевизне серной кислоты,[2] еще длят за границею применение суперфосфатов (фосфатов, обработанных серною кислотою). Считается выгодным для рентабельности фосфорного удобрения сделать часть фосфорной кислоты растворимою, но пря-

[1] Исследования Департамента сельского хозяйства, А. Н. Энгельгардта, Мельникова и других показали это с полною несомненностью.

[2] Мы видели в выноске на стр. 421, что суперфосфаты дешевле костяной муки. Это зависит от того, что серная кислота дешевле молодой кости или костяной муки, фосфоритного гуано и тому подобных фосфоритных и азотисто-фосфоритных туков.

мые опыты показывают, что в почве растворимая часть фосфатов делается сперва нерастворимою, и лишь от влияния углекислоты переходит в то состояние, в котором поглощается растениями. А потому, с одной стороны, к вопросу о фосфорном удобрении и об интересах сельского хозяйства не должно ни в каком виде примешивать вопроса о серной кислоте, а с другой — Россия, обладая дешевыми фосфоритами и костями, имеет все условия для того, чтобы пользоваться дешевейшими фосфорными удобрениями,[1] даже отправлять их массами за границу. Для этого должно, однако, приложить усилия специальных заводчиков, перемалывающих и вообще обрабатывающих кости и фосфориты, а потому ради истинной пользы русского сельского хозяйства, а чрез него и всей России, следовало воспользоваться тарифом как одним из средств для прочной установки в России заводских горных промыслов, исходящих из фосфоритов. Заводско-промышленные предприятия не враги, как хотят утверждать многие, а истинные союзники или родные братья сельскохозяйственной промышленности, если взглянуть на эти отношения с должной высоты, на которую необходимо подняться, обсуждая таможенный тариф. Противопоставление же нужд сельской промышленности с нуждами горной, заводской и фабричной есть одна из тех ошибок, которые, происходя от недостаточности обобщения интересов промышленности, с самого начала должны быть устранены при рассмотрении таможенного тарифа.

В дополнение к предшествующему полезно привести техническую подробность, касающуюся суперфосфата и с новой стороны показывающую, сколь неосновательно примешивать к вопросу о налоге на серу и колчедан вопрос о потребности русского сельского хозяйства в суперфосфатах. На 100 весовых частей самого богатого фосфата (например костяной золы) берут в самый дорогой суперфосфат 80 частей камерной (в 50° по Боме) серной кислоты, содержащей около 64% купоросного масла (H^2SO^4), то есть около 51 весовой части этой последней кислоты, и получают около 160 частей суперфосфата (часть воды испаряется при смешении). Следовательно, в 100 частях суперфосфата содержится не более $^1/_3$, *обыкновенно же 30% купоросного масла, а потому на 100* частей суперфосфата идет только 10 частей серы, переделываемой на химических заводах в серную кислоту и суперфосфат. Если пуд серы обложить пошлиною в 4 коп. зол. (а обложена она по ст. 91 пошлиною только в 2 коп. зол. для всех границ, кроме черноморской, где оклад = 5 коп. зол.), то она будет отвечать на пуд получаемого суперфосфата налогу в 0.4 коп. зол., или 0.6 коп. кред. Такое увеличение цены суперфосфата не может произвести заметного влияния на продажную его ценность, колеблю-

[1] Известно (см., например, «Справочную книжку для сельских хозяев»), что в Рязанской, Смоленской и других губерниях уже устроены многие заводы для приготовления фосфоритного удобрения и *покровительство* сей отрасли промышленности очень важно и полезно.

щуюся в России от 70 коп. — до 1 руб. кред., и соответствует провозу пуда суперфосфата *на расстояние нескольких десятков верст по низкому* тарифу железных дорог. Из этого одного очевидно, что, при обсуждении тарифа в 4 коп. зол. с пуда серы или колчедана, не должно придавать значения ссылке на интересы русского сельского хозяйства. Эта ссылка есть только отвод глаз от стремления (под прикрытием дорогих каждому русскому интересов сельского хозяйства) монополизировать — при помощи тарифа — русскую химическую производительность и брать затем на суперфосфатах лишний привенник, вместо той $^1/_2$ копейки, которая отвечает среднему тарифу — с пуда серы 4 коп. зол.

Рассмотрев отношение между надобностями русского сельского хозяйства в фосфорных удобрениях и пошлиною на серу и колчеданы, легко уже притти к заключению о необходимости обложения иностранного суперфосфата ввозною пошлиною, потому что суперфосфаты содержат около $^2/_3$ фосфороизвестковой соли (фосфористого гуано, костяной золы, фосфоритов и т. п.) и около $^1/_3$ серной кислоты; фосфориты же и всякие фосфороизвестковые соли находятся в изобилии в России, а производство серной кислоты следует укоренить в России и довести до дешевизны. Если же будут беспошлинно впускаться суперфосфаты и другие препараты, получаемые из серной кислоты, то очевидно, что основная задача тарифа — развить химическую производительность России — не может достигнуться, потому что не для какой цели будет развивать, некуда будет сбывать избытка (перепроизводства) серной кислоты. Только тогда, *когда наши заводчики будут знать, что их товару всецело открыт рынок* России и устранено соперничество иностранной конкуренции, обладающей укрепленною торговою практикою и удешевленною помощью кредита, только тогда они могут решиться на все затраты, необходимые для широкого развития своего производства, и только тогда можно ждать, во-первых, сразу многих усилий и соперничества, сбавляющего цены, а во-вторых, такого перепроизводства начальных продуктов, подобных серной кислоте, которое принуждает не только спускать цены, но и искать широких рынков, какие и составляет производство суперфосфатов для нужд русских и иностранных земледельцев. Без прикрытия начальных усилий предпринимателей, без дарования им сильно поощрительных пошлин, нельзя надеяться на скорый рост промышленности и на *дешевизну*, следующую за усилиями многих в погоне за предстоящими премиями. Чтобы сделать очевидною надобность в пошлине на суперфосфаты (если есть пошлина на серную кислоту и стремление развить ее производство в России), достаточно представить такой случай, что медь была бы обложена высокою пошлиною, а изделия из оной впускались бы беспошлинно — медь бы не ввозили, а повезли бы медные изделия, а в России и меди бы не добывали и изделий из нее не производили бы. Защита беспошлинных или низко обложенных суперфосфатов, при введении пошлины на серную кислоту и при существовании потребности в развитии химических произ-

водств, показывала бы полное невнимание к той связи частей тарифа, без которой он не может оказать влияния на экономическую жизнь страны. Введение достаточной пошлины на суперфосфаты есть притом единственное мыслимое средство для того, чтобы этот продукт мог *подешеветь в России,* производясь из туземных материалов без выписки из-за границы, получающей из России же кости и фосфориты, составляющие главную массу суперфосфатов. Очевидно, что Россия, имея неисчерпаемые залежи фосфоритов и массу костей, а также громадные запасы колчеданов, может не только дешево получать дома свои суперфосфаты, но и в сбыте их за границу (если применение суперфосфатов удержится и не вытеснится прямо фосфоритами) найдет выход для своих химических заводчиков, когда они, в погоне за тарифною премиею, произведут избытки серной кислоты. Надо только, чтобы начался с помощью твердо установленного тарифа надлежащий порядок вещей. Так Америка, вызвав тарифом развитие своей металлургии, быстро дошла до того, что стала отправлять много своих металлических товаров за границу, и они покупаются в Европе, — по причине высокого качества и низкой ценности. Так Россия, вызвав пошлиною производство сахара и керосина, достигла того, что отпускает их от себя, вместо того, чтобы ввозить к себе иностранный товар. То же должно случиться с фосфористыми туками, потому что недра России обладают фосфоритами в количествах столь же подавляющих, как и массы кавказской нефти, и ясно говорящих о предстоящей возможности из своего сырья иметь дома продукт более дешевый, чем где-либо за границею.

Но, конечно, на первое время, пока не наступит должного развития химических заводов, с наложением надлежащей пошлины на иностранные суперфосфаты может явиться *временное* их вздорожание. Однако и в этом отношении есть два смягчающих обстоятельства. *Во-первых,* количество ввозимых иностранных суперфосфатов невелико, потому что всех товаров по статье о землеудобрительных веществах (гуано, кости и суперфосфат) ввозится, и то только в последние года, от $1^1/_2$ до 2 млн пудов, а так как на десятину земли для удобрения ее идет не менее 10—15 пудов, то ввозимый суперфосфат идет едва лишь на 100 тыс. десятин полей, а известно, что в Европейской России распахивается ежегодно более 100 млн десятин, следовательно иностранным удобрением пользуется только $^1/_{1000}$ всех наших пахотных земель, а потому временное вздорожание для них, ради предстоящего удешевления общей потребности, не может само по себе составить основного препятствия, могущего задержать рациональное проведение мер для укрепления в России химической заводской промышленности и производства искусственных удобрений. *Во-вторых,* судя по статье В. Г. Котельникова (Покупные землеудобрительные туки в России), помещенной в приложении к отчетам Департамента земледелия Министерства государственных имуществ (1884 год в сельскохозяйственном отношении, выпуск III, 1886) и по «Справочной книжке русского сель-

ского хозяина 1889 г.», должно заключить, что ныне в различных областях России уже устроены многие заводы, приготовляющие фосфориты для потребностей полеводства и продающие их по цене *гораздо более доступной*, чем иностранные суперфосфаты,[1] а потому при увеличении дороговизны иностранных фосфористых туков они ныне тотчас же *могут быть заменены русскими*, а потому наложение пошлины на иностранный суперфосфат не обездолит русских сельских хозяев, нуждающихся в фосфорном удобрении, а только заставит их узнать и оценить свои русские удобрения. Результаты же, полученные с русскими фосфоритами, серною кислотою не обработанными, прямо указывают на то, что они в известных условиях (ибо и суперфосфаты выгодны только в известных условиях — при относительном минимуме легко усвояемой фосфорной кислоты в почве и в присутствии азотистых удобрений) действуют на урожай столь же *благоприятно*, как и суперфосфаты.

Сверх сего должно не упустить из вида то обстоятельство, что при наложении пошлины на суперфосфаты их ввоз может не прекратиться, а только станет уменьшаться[2] по мере замены их русским продуктом того же свойства, если мера обложения будет даже такова, что победа в борьбе может клониться на сторону русских химических заводчиков не только впоследствии, но и тотчас по введении пошлины. На этом основании при расчете пошлины на суперфосфат должно принять прежде всего за исход пошлину на серную кислоту. Притом, судя по данным, с разных сторон полученным, должно допустить, что центром потребления иностранных суперфосфатов ныне должно принять остзейские губернии. А потому расчет следует сделать именно для этих губерний, чтобы в них цены русского и иностранного суперфосфатов почти приравнялись. А так как чрез остзейские порты выходит русская кость и часть фосфоритов и так как остзейские химические заводчики, заведя у себя усиленное производство серной кислоты, могут с выгодою воспользоваться тарифом и спустить цену противу заграничной, то можно с уверенностью заключить, что при введении оклада в 5 коп. зол. цена суперфосфатов даже на первое время в Остзейском крае не возрастет более чем на 5—10 коп. кред.

---

[1] Иностранные суперфосфаты, содержащие от 9 до 18% растворимой фосфорной кислоты, стоят у нас в складах от 60 коп. до 1 руб. с лишком за пуд (продажа идет с мешками, в мешке около 100 кг, или 6 пудов), а русские фосфориты в измельченном виде продаются (например в Рязанской и Смоленской губ.) за пуд примерно по 15—20 коп., смотря по изменению содержания фосфорной кислоты, так что сотая доля пуда фосфорной кислоты обходится в 1 коп. кред. — на станции отправления. Следовательно, цена фосфорной кислоты для наших фосфоритов в 5—6 раз дешевле, чем для иностранных суперфосфатов.

[2] Особенно по трем причинам: 1) торговля иностранными суперфосфатами хорошо организована и торговцы станут продолжать свое дело, 2) есть в России много лиц, не верящих в достоинство русских товаров и ищущих иностранных, и 3) сведения о русских фосфорных туках еще мало распространены.

с пуда. Такое увеличение расхода отзовется ничтожно на цене производимого хлеба, если бы и сохранились впредь нынешние цены суперфосфата, потому что действие суперфосфата или вообще фосфорных туков сказывается по крайней мере 2 года, если земля обладает свойствами (недостатком фосфатов и достаточным количеством усвояемого азота), подходящими для рассматриваемого удобрения. Полагая расход суперфосфата в 15 пудов на десятину, а урожай хлеба в год в 125 пудов зерна или в 250 пудов в два года, получим, что даже при наибольшем возможном вздорожании суперфосфата пуд хлеба мог бы понести менее чем $1^1/_2$ коп. кред.,[1] если бы не представлялась очевидная возможность прямой замены суперфосфата — прямо фосфоритом. Применяя же русские фосфориты, не подвергнутые сернокислой обработке, и заменив ими вышеные суперфосфаты, остзейское земледелие окажется в выгоде,[2] доставив не только заработок русским — вместо иностранных — производителям, но и русским железным дорогам — вместо иностранных кораблей. А так как с развитием химической производительности России в ней должно ждать высшего возможного удешевления суперфосфатов, то, спустя некоторый небольшой промежуток времени, тот же Остзейский край получит возможность в изобилии воспользоваться удешевленными русскими суперфосфатами и возвратить с избытком те временные утраты, которые он может понести с наложением пошлины на суперфосфат.

На основании изложенных соображений я считаю, что обложение суперфосфатов пошлиною не менее 5 коп. зол. с пуда составит меру, могущую помочь быстрому росту в России производства серной кислоты, и не будет отяготительным для потребителей, потому что они взамен суперфосфатов могут получить тотчас более дешевый фосфоритный тук, производимый из русских ископаемых фосфоритов.

Ввиду же того, что подготовка химических и фосфоритных заводов к доставке на русские рынки до 2 млн пудов новых суперфосфатов не может быть очень скорою и потребует некоторых предварительных работ (например отыскания подходящих мест для устройства заводов), я считаю полезным наложить ныне на пуд суперфосфата не такую пошлину (около 20 коп. зол. с пуда), которая бы сразу устраняла иностранное

---

[1] Но суперфосфаты не подорожают на 10 коп. зол. с пуда даже в первые годы, потому что их начнут готовить в России, а чрез это цена быстро убавится, и, следовательно, не будет даже временного увеличения цены хлеба, ибо суперфосфат применяют только тогда, когда он *удешевляет* получение хлеба.

[2] Пуд фосфорной кислоты в суперфосфатах стоит у нас ныне около 6 руб. кред., а в виде молотых фосфоритов около 1 руб. кред. На место же одного пуда суперфосфата должно брать (для получения того же урожая) не более как около 3 пудов молотого фосфорита, а тогда в результате получится более продолжительное влияние удобрения, потому что фосфорной кислоты введется во много раз большее количество.

соперничество, а только взимать пошлину в малом размере, 5 коп. зол. с пуда. При этом ближайшие три или четыре года дадут не только заводчикам озаботиться о снабжении России суперфосфатом внутреннего приготовления, но и земледельцам освоиться с применением русских суперфосфатов, и торговцам переменить направление своей деятельности.

Судя по всему вышесказанному, основными мотивами для обложения суперфосфатов, доныне входивших беспошлинно, должно считать: 1) богатство России своими фосфорными удобрениями и, следовательно, возможность восполнить потребности русского сельского хозяйства русскими же источниками, 2) необходимость укрепления в России фабрикации серной кислоты, находящей ныне в суперфосфатах один из очень крупных сбытов,[1] ибо ожидать усиления внутреннего производства серной кислоты, отнимая от нее источники применения, было бы непоследовательно, 3) возможность достижения в России, при укрепившемся внутреннем соперничестве, дешевейшего суперфосфата, потому что свои фосфориты и свои колчеданы доставляют на то все природные средства, 4) польза от покровительства заводам, переделывающим уже ныне русские фосфориты в удобрительные вещества и 5) возможность замены суперфосфатов — прямо фосфоритами, приготовленными без серной кислоты.

Сравнительное изучение на опытных станциях и в хозяйствах действия фосфоритов (приготовленных без серной кислоты) и суперфосфатов должно окончательно решить вопрос об экономической пользе или бесполезности расхода на обработку фосфоритов серною кислотою, как сравнительные опыты ныне с уверенностью уже демонстрировали полную бесполезность фосфорного удобрения на полях, хотя бы и бедных усвояемою фосфорною кислотою, но лишенных естественных (от залежей или от разведения бобовых) или искусственных (вводимых вместе с фосфатами) азотистых составных начал.

В заключение считаю необходимым обратить внимание, *во-первых,* на то, что Россия еще не использовала всех для нее возможных ресурсов простого и дешевейшего навозного удобрения и вообще удобрения земли сподручными домашними отбросами, а потому ей своевременно ныне же озаботиться о заблаговременном обеспечении себя искусственными удобрениями, ибо будет уже поздно, если русское полеводство, как бельгийское или английское, начнет нуждаться в искусственных, заводских и заморских туках. А так как это когда-нибудь да случится (хотя ныне у нас существует только в редких местах), то такой обширной и земледельческой стране, какова Россия, нельзя же будет опереться на

[1] При беспошлинном ввозе $1^1/_2$ млн [пудов] суперфосфатов беспошлинно ввозится в Россию не менее 500 тыс. пудов серной кислоты, а все ее производство ныне в России едва превышает 2 млн пудов, считая на купоросное масло.

американское гуано или на испанские фосфориты, которых и нехватило бы на русские поля. Поэтому ныне же, то есть заблаговременно, следует принять меры к вызову в России заводского производства искусственных удобрений, что и указывает на своевременность обложения всяких иностранных туков ввозною пошлиною. Теперь это, возможно, и не обездолит полеводство, а придет время, когда будет это уже поздно и когда должно будет сложить всякие налоги с искусственных удобрений. *Во-вторых,* здесь же следует указать на то, что, вызывая внутреннее производство искусственных удобрений, предвидя в них предстоящую надобность, для того облагая таможенною пошлиною заморские удобрения, страна наша может избежать многих ошибок западноевропейского земледелия в отношении к искусственным удобрениям лишь тогда, когда вместе с тем будет всемерно заботиться об устройстве научных сельскохозяйственных станций, долженствующих разъяснить еще много темных вопросов земледелия, касающихся приложения его принципов, в специальном приспособлении к почвам, климату и экономическим условиям России. Особенную же настоятельность в сем отношении имеет та черноземная полоса России, которую весь мир считает житницею Европы и которую должно еще раньше того считать кормилицею самой России. Те десятки тысяч рублей, которые могут быть получены по таможням — при наложении пошлин на серу, колчеданы и искусственные удобрения, — найдут свое приложение к истинному благу страны, если будут обращены на коренную помощь в изучении русского чернозема. Возмещая расходы подобного рода охранительными и вызывающими таможенными пошлинами, Россия покажет полную возможность сочетания интересов сельской и заводской промышленностей и поступит прозорливо в отношении будущего. Вызывая ныне же пошлинами домашнее производство фосфорных туков как продуктов, могущих найти все для сего необходимое в самой России, таможенный тариф не только сейчас даст заработок своим химическим заводчикам, своим добывателям фосфоритов и русским железным дорогам, но и подготовит возможность русскому полеводству своевременно воспользоваться теми выгодами, которые может доставить дешевое фосфорное удобрение домашнего приготовления, если земли, от вывоза хлебов, дойдут до состояния, пригодного для выгодного применения таких туков. Налагая ныне 5 коп. с пуда суперфосфатов, следует в ближайшее предстоящее время, когда производство суперфосфатов около-либо установится, усиливать пошлину и доводить ее до полного прекращения иностранного ввоза, потому что при такой настойчивости усилий успех будет прочен и обеспечится.

Ныне, когда пошлина на суперфосфаты наложена, должно надеяться, что и при своих наименьших размерах она послужит, если не к широкому распространению их добычи, — в чем нет пока и надобности в России, — то, по крайней мере, к на-

чалу устройства нескольких внутренне-русских химических заводов, обращающих избытки своего производства серной кислоты на попутную добычу суперфосфатов; а раз только начало такого производства установится, тогда внутренние русские сельские хозяева будут в этом отношении поставлены в те же условия, как и пограничные, имеющие в близости рынков сбыта своих продуктов и без того весьма важное естественное преимущество.

Со статьи 42-й начинается ряд товаров животного происхождения,[1] применяемых или в фабрично-заводских производствах, как сажа и клей, или для одежды, как меха и кожи. Так как таможенные пошлины на товары этого рода или сохранены, или подверглись лишь небольшим изменениям, то мы рассмотрим только важнейшие из них, по их экономическому значению. Но предварительно приведем (по рубрикам таможенных отчетов) для всех их общий свод данных о ввозе и вывозе *по европейской торговле* за два (1888 и 1889) года, что даст уже ясное понятие о внешних торговых оборотах этими продуктами животного царства [стр. 438—439].

Следовательно, средняя годовая сумма *ввоза* названных товаров (ст. 42—57-я) *достигает до 14 млн руб., но вывоз* — по той же европейской границе — доходит до 27 млн руб. в год, то есть торговля перечисленными товарами приносит России более, чем берет от нее. Это зависит преимущественно от отпуска щетины, конского волоса, сала, пуха и перьев, то есть все от сырья, доставляемого крестьянским хозяйством, а вовсе не от развития технической обработки этого сырья. Но, однако, нельзя не приметить, что отпуск растет быстрее привоза и не только на счет сырья, но и на счет изделий, например кожаных изделий, подушек, тюфяков и проч., а это ясно указывает на возможность направить русские усилия к тому, чтобы наше сырье выходило за границу уже в переделанном виде, например щетина в виде кистей, щеток и т. п., кожа в виде обуви, чемоданов, сумок и т. п. И я думаю, что наши кустари, достаточно присмотревшись к тому, что надобно доставить, могут своими ценами соперничать с мастерами какой угодно страны, так что и здесь, исходя из своего сырья, найдутся многие новые дела не только для крупных капиталов (торговых и заводско-фабричных), но и для мелких предпринимателей, потому что зачатки всего уже существуют и предстоя

[1] Церезин, парафин и вазелин суть вещества происхождения минерального, но издавна сопоставляются со спермацетом и стеарином, а потому и ныне включены в ряд статей, касающихся продуктов животного царства.

Статьи	По европейской торговле	Привоз				Вывоз			
		1888 г.		1889 г.		1888 г.		1889 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
42	Сажа всякая	32	60	30	71	0	0[1]	0	0
43[1]	Рыбий клей, желатин и т. п.	6	224	6	186	4	660	7	935
43[2]	Шубный клей (обыкновенный)	4	50	3	18	4	17	2	16
44	Рога и т. п.	2	63	3	75	46	61	36	71
45	Волос, щетина не в деле . .	1	30	2	39	304	10837	336	13101
46	» » в деле . . .	2	31	1	34	0	0	0	0
47	Пух, перья	4	90	3	68	112	1811	114	1760
48	Подушки, тюфяки и т. п. .	1	16	1	17	10	473	9	423
49	Ус китовый	3	128	3	123	—	—	—	—
50	Губка грецкая	2	51	2	52	—	—	—	—
51	Сало	202	656	140	512	187	928	227	1069
	Стеарин, спермацет	14	60	2	15	—	—	—	—
	Ворвань всякая	39	165	58	234	20	52	21	51
52	Озокерит	315	670	239	730	—	—	—	—
	Церезин	16	93	24	108	—	—	—	—

52	Парафин	36	184	81	428	2	24	0.3	2
	Вазелин	1	6	1	7				
	Воск всякий	15	188	33	287	1	4	4	16
53	Свечи, факелы	6	78	9	95	14	135	18	153
54[1]	Кожи сухие, невыделанные	144	1186	147	1343	401	4447	327	4107
54[2]	» мокросоленые	371	2068	495	2461				
55	» выделанные, малые .	12	671	15	808	20	732	28	1186
	» » большие[2]	40	904	45	1137				
	Ремни приводные	22	895	30	1132	—	—	—	—
	Кожи лакированные всякие .	4	212	5	226[3]	—	—	—	—
56	Мягкая рухлядь всякая . . .	19	4172	20	4554	238	3760	339	5831
57	Кожаные изделия всякие . .	4	476	7	711	9	834	5	655
	Итого миллионов рублей .		13.0		15.0		24.7		29.4

[1] Нуль (0) означает, что вывоз есть, но малый, а черта (—), что его нет по таможенным отчетам.
[2] В том числе нет чисел по торговле с Финляндией: 33 и 27 тыс. пудов в указанные годы.
[3] Итого ввозится, по европейской границе кож сырых и выделанных средним числом 600 тыс. пудов на $6\frac{1}{2}$ млн руб., а вывозится на $5\frac{1}{4}$ млн руб.

[Производства в] России	1888 г.			1889 г.			Наиболее сильные заводы в губерниях
	число заводов	тыс. пудов	тыс. руб.	число заводов	тыс. пудов	тыс. руб.	
1. Салотопенное . . .	364	1443	5780	348	1427	5261[4]	С.-Петерб., южн. Сиб.
2. Мыловаренное[1] . .	473	2560	8007	449	3062	8189	Моск., С.-Петерб., Херс.
3. Свечно-сальное . .	138	108	588	93	132	573	Московская
4. Стеариновое	14	1407[2]	8281	10	1403	7908	С.-Петерб., Казанск.
5. Воскобойное . . .	43	58	1173	46	64	1017	Моск., Влад.
6. Восковых свечей . .	272	212	5056	263	237	5444	Моск., Курск., Влад.
7. Кожевенное	2251	—[3]	39002	2300	—[3]	38422	Варш., Вятск., Моск., С.-Петерб., Тверск.
8. Кож. изделий . . .	87	—	2210	82	—	2192	Моск., С.-Петерб.
9. Скорняжное	241	—	1759	222	—	1745	Влад., Вятск., Пермск., Тоб.
10. Костеобжигательное	45	1338	1105	45	—	1187	С.-Петерб., Ковенск.
11. Клееваренное . . .	63	137	524	54	197	662	С.-Петерб., Орловск.
12. Щетина, рог, пух, волос	61	—	1249	60	—	1421	Волог., Ряз., Черниг.
13. Парафиновое и церезиновое	1	210	1718	?	?	?	Петроковская

[1] Хотя мыло и не входит в разряд рассматриваемых статей, но по роду производства очень близко, а поэтому даем его вместе с ними.

[2] В том числе 105 тыс. пудов глицерина и 216 тыс. пудов оленина.

[3] Часть заводов дала показание по числу кож (более 7 млн штук), а другая по весу (350 тыс. пудов), а поэтому вес производимых кожаных товаров не может быть дан.

[4] Причисляя и маргариновое производство Московской, С.-Петербургской и Варшавской губ.

щие усилия требуют в большинстве случаев столь несложных приемов производства, что они могут быстро распространяться в массе народа. Прежде чем перейти к некоторым замечаниям, касающимся отдельных товаров рассматриваемого ряда. и пошлин, до них относящихся, считаю полезным сообщить некоторые статистические данные о русской заводско-фабричной производительности, относящейся к рассматриваемым товарам.

Заимствуем из изданий Департамента торговли и мануфактур «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1888 год» (изд. 1891 г.) и «Данные о производствах по обработке животных продуктов за 1889 г.» (изд. 1890 г.) [см. табл. на стр. 440].

Сумма производства на трех с лишним тысячах перечисленных заводов достигает до 76 млн руб. в 1888 г. и до 74 [млн руб.] в 1889 г. Возрастания незаметно, а скорее поражает некоторое уменьшение. Оно понятно для сала и стеарина, потому что нефтяные товары вытесняют эти продукты из употребления, что, например, легко видеть на свечно-сальном производстве, размеры которого быстро падают, а именно:

	1868 г.	1870 г.	1873 г.	1877 г.	1888 г.
Число свечно-сальных заводов в России	616	504	370	138	138
Производство, в тысячах рублей . .	3321	3180	1314	588	588
Число рабочих	1589	1433	694	184	184

Нельзя думать, чтобы показания местных губернских властей, основанные на данных, доставляемых заводчиками, были точны, но все же некоторое понятие о размерах внутреннего производства получается с помощью собираемых данных, и они явно показывают, что ввоз и вывоз (стр. 438—439) относительно внутреннего производства не особенно велик и, что гораздо важнее, весь спрос России (то есть сумма внутреннего производства + ввоз — вывоз) на рассматриваемые товары невелик. Так, например, кож выделывается примерно на 40 млн руб. + ввозится на 3 млн руб. — вывозится около на 1 млн руб., следовательно, потребляется, будто бы, всего на 42 млн руб., что на жителя (120 млн) дает менее 40 коп. в год. Это, очевидно, неверно и зависит не только от того, что в запись не попадает много кож, переделываемых кустарями,

но и от того, что показания о производительности, даваемые заводами, обыкновенно — особенно для мелких кожевенных заводов — ниже действительности.

После этих общих замечаний обратимся к возможно сжатому обзору статей в отдельности, останавливаясь при этом только на тех товарах, развитие производства (или внутреннего обращения) которых в России заслуживает внимания с какой-либо стороны, и особенно на тех, для которых тарифные ставки изменены противу прежних.

Статья 42-я содержит сажу как черную краску, применяемую в малярном деле, книгопечатании и во множестве других видов промышленности. Два главных вида сажи вращаются в торговле, а в названии или не отличаются, или отличаются только иногда указанием происхождения, например масляная, ламповая, дегтярная пробковая, костяная, печная и тому подобная сажа. Один вид сажи, производимый в наибольшей массе, представляет, как сажа печей или коптящего пламени, мелко раздробленный, легкий и пористый уголь, происходящий при неполноте сгорания углеродистых веществ от разложения паров и газов. В этом виде сажи главную подмесь составляют смолистые вещества, и чем выше сорт такой сажи, тем количество смолистой подмеси меньше, тем чище черный цвет, сообщаемый сажею, и тем мельче ее частицы, то есть тем более ее красящая или кроющая способность. Сожигая при малом доступе воздуха масло, деготь, бересту, нефть, пробки, смоляные деревья и т. п. при помощи различных приспособлений (особых камер, охлаждаемых и вращающихся поверхностей и т. п.), собирают происходящую сажу, подвергают ее очищению и получают товар, ценимый от одного до нескольких рублей за пуд, смотря по степени чистоты и красящей способности. Вологодские кустари знают это дело, но его развитие могло бы в России достичь до большего вывоза, если бы дело это было достаточно выяснено и попало в руки дельных предпринимателей. Нефть и ее «остатки», береста и низкие сорта скипидара могут, по своему изобилию и дешевизне, доставить материал для производства громадной массы сажи, охотно покупаемой на заграничных рынках, если качество товара будет хорошим. Тут является новое, не крупное, но верное дело, а потому прежний оклад в 26 коп. зол. с пуда на сажу[1] в новом

[1] Хотя в прежнем тарифе стояла такая пошлина на «сажу костяную», но она взималась и со всякой другой, потому что иной статьи о саже не было в тарифе.

тарифе возвышен до 50 коп. зол. в видах вызова развития русского производства. Но кроме указанного вида сажи, есть еще вид сажи, получаемой от животных продуктов,[1] а именно, из костей, даже из опилков, из стружек слоновой кости (noire d'ivoire) и из крови, роговых стружек и тому подобных (в смеси со щелочами) животных продуктов, прокаливаемых без доступа воздуха, а затем измельчаемых, растираемых и вообще приводимых в состояние краски, ценность которой гораздо выше, чем обыкновенной сажи. Этот-то вид сажи называют «голландскою», или «костяною» сажею. Ее потребление также довольно значительно, и она дает, особенно в смеси с другими красками, прекрасные оттенки черных, темных и серых цветов, закрепляемых на масле, клее и тому подобных материалах. В отношении к ее производству из тщательно отобранных костей и других животных продуктов в России имеются также все условия, благоприятные для развития и тем более важные в экономическом отношении, что дела этого рода можно начинать дома, кустарными способами, в малых размерах.

Рыбий клей, желатин и шубный (столярный) клей, относящиеся к 43-й статье, сохранили свой прежний оклад, потому что он и без того достаточен для покровительства внутреннему производству. Притом рыбий клей составляет почти монопольный товар России, а шубный, мездровый и костяной производятся, как выше видели, на полусотне заводов России, и ввоз (4 тыс. пуд.) ничтожен по отношению к внутреннему производству. Однако здесь далеко не все то сделано, чего может достичь Россия, пользуясь массою своих материалов (костей, остатков кож, мяса и рыб). В прежнее время русский клей имел в Западной Европе гораздо больший ход и высшие цены, упавшие со времени распространения костяного клея, массы которого пошли на обойные и тому подобные фабрики. Производство желатины, также начавшееся уже в России, может вместе с развитием производства костяного клея, особенно в значительных массах получаемого на Петербургском заводе, доставить постоянный предмет русского отпуска, если наши заводы, улучшая свое производство, станут следовать за потребностями иностранных рынков и к ним приноравливаться. И я думаю, что здесь, как и во многом другом, усилия мелких предпринимателей могут итти рядом с капиталистическим производством, потому что местное сырье

[1] По этой-то причине сажа и включена в тариф между животными продуктами, между костяным углем и клеем. Лучше было бы ее поставить в число красок.

(свежесть костей и других животных отбросов) им легче даст возможность, чем крупным предпринимателям, достичь до желаемого совершенства производимых товаров. В статью о клее ныне включен и растительный клей (агар-агар), составляющий вид тихоокеанского водоросля, применяемый вместо желатины в кондитерских изделиях и вообще начавший находить разнообразные применения в практике, например в аптечном деле и в лабораториях.

Из статей 44—50-й особое значение имеет для России статья 45-я, потому что к ней относятся волос и щетина, сыздавна составляющие значительный предмет русского отпуска.[1] Щетина составляет длинные, жесткие и толстые волосы, отдельно растущие у свиней, воспитываемых в диком и полудиком состоянии; животные же, запертые в хлевах, щетины не дают. Главными поставщиками для международной торговли щетины, идущей на множество мелких поделок, а более всего на кисти и щетки, являются две страны: Россия и Китай. По сведениям последних лет, Россия, кроме домашнего потребления, выпускает в мировую торговлю ежегодно около 160 тыс. пудов щетины, Китай — около 21 тыс. пудов, а все другие страны (Индия, Венгрия, Балканский полуостров и др.) около 12 тыс. пудов; всего в год торгуют примерно 195 тыс. пудов щетины. Главными покупщиками являются Великобритания и Германия, приобретающие ежегодно (за вычетом перепродаваемой) около 150 тыс. пудов щетины и примерно делящие ее поровну. Остальное количество идет в С.-А. С. Штаты (около 26 тыс. пудов в год), Францию (23 тыс. пудов) и Австрию (в ней остается около 4 тыс. пудов, из нее отпускается сверх того 15 тыс. пудов). Ценность щетины сильно изменяется по годам и сортам. Так, на Гамбургской бирже высшая средняя цена, за 100 кг — 800 марок, стояла в начале 80-х годов, к концу которых она упала почти в два раза (до 459 марок за 100 кг, в 1889 г., или 25 руб. зол. за пуд). В октябре 1890 г. на той же бирже цены разных сортов русской щетины изменялись, смотря по сорту, от 14 до 76 руб. зол. за пуд. Различие сортов щетины зависит от ее прямизны, толщины (жесткости) и длины. Спинная (хребтовая, над позвоночным хребтом) прямее и дороже, а боковая крива (распрямляется при нагревании) и дешевле. Не только в мастерских идет подборка щетины по ее величине и другим

[1] Приводимые за сим данные, относящиеся к щетине и волосу, взяты из материалов, составленных для пересмотра тарифа С.-Петербургским биржевым комитетом и Департаментом торговли и мануфактур.

свойствам (цвету, прямизне, толщине и проч.), но и в торговых заведениях, у сборщиков, прасолов и т. п. Высшие сорта (длинные, окатка и др.) ценою, в очищенном виде, доходят до 200 руб. за пуд. Низшие же сорта (очески) отсортированной (бракованной) щетины ценятся не выше 10 руб. за пуд. Несортированная же щетина, или сырец, содержащая еще и шерсть (пух), ценится от 10 до 60 руб. пуд, смотря по качеству. При сортировке около 30% по весу теряется и расходуется на пуд около 3 руб. Такая сортировка прежде обязательно велась пред отпуском из России и доставляла, следовательно, около 400 тыс. руб. дохода рабочим, занятым этим делом. Для проверки сортов и степени чистоты при отпускных биржах существовали обязательные браковщики, устанавливающие сорт и достоинство щетины. С 1860 г. (ст. 2345, ч. 2, т. XI, Св. зак. по прод. 1863 г., прим. 2 и 3) обязательность браковки отпускаемой щетины в сущности уничтожена, потому что министру финансов предоставлено право, по прошению купечества, дозволять отправку товаров без их браковки. С.-Петербургская биржа и поныне держит браковщика щетины, но отпуск из Петербурга стал постепенно уменьшаться, другие же отпускные места браковщиков не держат. Торговля русскою щетиною выражается следующими крупными цифрами:

	Отпуск щетины					
	Около 1790 г.	1810—1839 гг.	1840—1849 гг.	1850—1859 гг.	1870—1879 гг.	1880—1889 гг.
Всего щетины, тысяч пудов .	32	67	73	78	115	145
На миллионы рублей	—	4.9[1]	1.8	2.3	4.9	6.3
Из С.-Петербурга, тысяч пудов	25	60	64	57	66	59
На миллионы рублей	—	4.4[1]	1.7	1.8	4.4	—

Отсюда видно, что средний годовой отпуск щетины из России все время растет, возрастает и общая ценность, средняя же цена пуда в 40-х годах была 25 руб. кред.; в 50-х — 30 руб. кред.; в 70-х годах — около 43 руб. [кред.]; в 80-х вновь около 43 руб. [кред.], то есть также возрастает, то есть после отмены браковки она не упала, и, следовательно, браковка на-

[1] В рублях ассигнационных, а в следующие годы в серебряных или кредитных.

правляла торговлю к тем портам или таможням, в которых была браковка, а ныне вывоз направляется чрез многие пункты границ, так что Петербург сохранил свои прежние сношения, а не увеличил отпуска, быть может потому, что кроме всех прочих расходов здесь имеется еще и расход на браковщиков.

За последние годы отпуск щетины идет не только чрез Петербург, но и чрез Ревель, а особенно возрастает по Вержболовской, Границкой и Александровской таможням. В отношении к щетине должно заметить, что ее дороговизна заставила во множестве потребностей заменять ее проволокою, кокосовыми пучками волокон и другими материалами, что должно с течением времени уменьшить спрос на щетину; поэтому я, с своей стороны, не думаю, что ныне было бы своевременно налагать отпускную пошлину на щетину, что неоднократно предлагалось, так как это должно увеличить цену щетины и уменьшить ее потребление. Притом пошлина, например в 4 или 5 руб. зол. с пуда щетины, могла бы лечь столь тяжело на низшие сорта щетины, что уменьшила бы сразу их ход и отпуск России. С своей стороны я думаю, что для России всего важнее было бы организовать кустарное производство разнообразных щетинных изделий, особенно же кистей и щеток. Этого было бы легко достигнуть, если бы наши коммерсанты, экспортирующие щетину, позаботились доставить образцы главнейших изделий и, снабдив щетиною и другими материалами крестьянские семьи, постарались установить по селам выделку требующихся за границею щетинных изделий. Зная, как привилась и до какого совершенства доведена по деревням, например Клинского уезда, выделка роговых изделий (гребней, гребенок, колец, ножей и т. п.), я убежден, что щеточное производство, уже начавшее распространяться, при достаточном к нему внимании со стороны коммерсантов, земств и Министерства государственных имуществ, ныне ведающего кустарными производствами, могло бы быстро достигнуть надлежащего совершенства, доставив зимний заработок многим семьям кустарей и крупный предмет отпускной торговли, в которой достаточно предприимчивые торговцы могли бы иметь и свой крупный барыш.

Указывая на это дело, я имею в виду то соображение, что множество лиц, обсуждающих наши торговые обороты, совершенно упускают из вида возможность отпуска вместо сырья — готовых товаров при помощи налицо находящихся громадных крестьянских сил, без содействия устройства капиталистических заводско-фабричных предприятий. Организация кустар-

ных предприятий, особенно для отпускной торговли, также не может обойтись без капитальных предпринимателей, но здесь риска гораздо меньше и капитальные затраты также требуются в меньших размерах. А потому такие-то дела, по моему мнению, особенно подходят к вниманию и инициативе земств и тех еще немалочисленных русских людей, которые, видя крестьянские скудные заработки на земледелии, не найдут способов чем-либо ближе помочь им. Труды комиссии, относящейся к кустарным производствам, для которых покойный Е. И. Андреев и его сотрудники уже немало успели сделать, укажут желающим примеры существующих промыслов этого рода и те недостатки, которых можно и должно избежать, пропагандируя в данном округе известные виды кустарных предприятий. По моему крайнему разумению, здесь всего важнее, кроме правительственного содействия, на которое всегда можно с уверенностью рассчитывать, основание местных центров, преследующих кустарные предприятия как со стороны чисто коммерческой (доставление сырья и сбыта продуктов), так и со стороны того великого и благодетельного — образовательного и экономического — влияния, какое может иметь в России развитие кустарной предприимчивости. Если я останавливаюсь над указанным примером, то лишь потому, что внимательно обсуждая частности торгово-промышленных отношений России, встречаю на каждом шагу не только массу предстоящих России больших дел, требующих много капиталов и технических познаний, но и множество таких, которые совершенно пригодны для кустарной промышленности. Богатства капиталами (и предприимчивостью), соединенного с знанием или, по крайней мере, с доверием к знаниям, не знакомым классикам, мы еще не скоро дождемся или, говоря правильнее и ближе к делу, это может притти только понемногу и только исходя из несомненных расчетов в выгодности. Развитие же кустарной предприимчивости, не требуя капиталистических затрат, хотя нуждаясь в доброй воле, инициативе и трудолюбии, больше всего подает надежд на возможность скорого осуществления, особенно чрез содействие земств, а потому я считаю вовсе не лишним в своей книге, где можно, указывать на такие дела, которые, по моему мнению, способны сделаться кустарными. Основным внешним, если можно так выразиться, условием для быстрой успешности таких предприятий я считаю нахождение главных исходных материалов в самой России. Щетина, клей, волос, сажа, пух, кожа и множество других товаров из рассматриваемых в этой главе именно относятся к числу подобных, потому что не

только самое их производство, но и переделка их в ходкие всюду товары может сделаться легко, чрез простое снабжение сырьем и доставление образцов, предметом кустарной промышленности. Если наши высшие классы, как и наша литература, чужды понимания высшего значения развития промышленности вообще, то кустарное дело и здесь стоит особо, уже по одному тому, что крестьяне не заражены предрассудками противу промышленных дел и легко в них взойдут. Но отворить им настежь дверь в эти дела не будет сил у тех, кто, руководимый одною гуманностью, будет жертвовать свои силы, время и даже средства. Эти благородные порывы, чуждые экономических соображений, могут принести громадную пользу, но сделать всего дела они одни не могут. Здесь необходимо участие сил, прямо, экономически заинтересованных в развитии кустарных промыслов, потому что только их усилия могут быть достаточно настойчивыми и вполне обдуманными. А потому я больше всего желал бы, чтобы мои строки, указывающие на возможность развития многих кустарных предприятий в России, попали на глаза земским деятелям и предприимчивым людям, которые найдут свои расчеты в укреплении подобных дел, например в том, чтобы продавать кисти и щетки вместо щетины, потому что из щетины, купленной на 1 руб., получится кистей и щеток по крайней мере на 2 руб., и есть расчет, доставив побочных материалов на 10 коп. и выдав 30—40 коп. за работу, отправлять полученный товар далеко, для соперничества в цене на рынках России и других стран Европы. Знаю, что при таких соображениях у многих доброжелателей отпадет охота принять к сердцу дело, основанное на расчете, но я знаю, что экономические силы страны укрепляются не теми, кто расчетов не понимает, а лишь теми, кому они хорошо знакомы, потому что только они, затевая дело и помня о своих выгодах, не забудут рабочего со всеми его потребностями и с возможностью продолжать и развивать начатое. А пока не изчезнут господствующие у нас помещичьи предрассудки противу расчетливых людей, понимающих свои и чужие выгоды, до тех пор от добрых похотей не будет прохода, а добрых дел, страну питающих и предприимчивость еще более развивающих, будет трудно сыскать. Держась таких соображений, я полагаю, что другим основным условием для расширения области кустарной промышленности должно считать участие полного расчета, прямой выгодности у начинателей, заинтересованных в развитии дела. Без этого мало будет проку от наилучших начинаний, потому что только после некоторой степени развития на-

чала предприятий можно ждать, что сами крестьяне собственными соединенными усилиями будут в состоянии предпринять и вынести всю ту борьбу, которая неизбежна для начинателей. Так, например, в щетинном деле надо победить скупщиков, заботящихся и привыкших доставлять иностранцам щетину сырьем, надо покорить привычки прежних рынков, следует отыскать покупателей и т. п. Все это расчет увидит и одолеть может, а простое благожелание на всем этом легко может сломиться и превратиться в одно разочарование и даже в отчаяние.

Торговля волосом, то есть конскими хвостами и гривами, очень сходна с щетинным делом. Россия и здесь издавна — поставщица Запада. Измученных лошадей по осени, чтобы не кормить в зиму, много бьют, выручая за кожу, копыта, хвост и гриву, даже за мясо, идущее в корм собакам и отчасти свиньям. Прасолы и скупщики копят волос, и его достает не только на свою, но и на чужеземную надобность, хотя здесь уже многие другие страны, особенно Южная Америка, конкурируют с Россиею. Отпуск и цены и здесь возрастают. Так, например, конских грив в 40-х годах шло около 20 тыс. пудов в год примерно на 120 тыс. руб.; в 50-х годах идет уже по 29 тыс. пудов, ценою на 140 тыс. руб.; в 70-х годах шло по 35 тыс. пудов, ценою на 388 тыс. руб; в 80-х годах шло по 45 тыс. пудов на 655 тыс. руб., то есть в последнее время цена пуда дошла до 15 руб., а в 40-х годах она была не выше 6 руб. за пуд. Конские хвосты также возрастают в отпуске и цене, хотя мода украшать ими воинскую одежду уменьшается. В 70-х годах вывозилось средним числом конских хвостов по 20 тыс. пудов, ценою на 385 тыс. руб. в год, а в 80-х годах — по 30 тыс. пудов, ценою на 512 тыс. руб., то есть по средней цене около 17 руб. за пуд. И волос во многих потребностях, например для набивки мебели и тюфяков, стараются не без успеха заменять разнообразными растительными продуктами. Так как щетина и волос в деле (например сита, волосяные кисти и т. п.) должны составлять специальные дела нашей кустарной промышленности, то вход иностранных товаров этого рода должен быть затруднен пошлиною. Она в начале 1890 г. была = 2 руб. 90 коп. зол. с пуда, а в конце 3 руб. 46 коп. зол. Так как этот размер, хотя и невелик, но допускает вход лишь малому количеству изделий этого рода (до $1^1/_2$ тыс. пудов в год), то пошлина сохранена и округлена в 3 руб. зол. с пуда, тогда как средняя цена пуда ввозимых изделий около 15 руб. зол. ($21^1/_2$ руб. кред.). Этот оклад можно было бы считать очень низким (20% с цены) для по-

кровительственных целей, если бы дело шло о вызове начала промышленности, но здесь дело не в начале, а только в установке широкого (кустарного) производства переработки щетины и волоса в готовые изделия, а для такой цели высокий таможенный оклад не имеет значения, необходимы иные меры, совершенно не связанные с таможенными. Нельзя также думать, что обложение щетины и волоса (не в деле) вывозною пошлиною, при свободном выпуске изделий из этих материалов, послужило бы к указанной цели, потому что и тогда необходима была бы инициатива в устройстве кустарного производства, а наложение вывозных пошлин, скорее всего, привело бы к понижению внутренних цен на щетину и волос, то есть пало бы на внутренних производителей, а не на внешних потребителей.[1]

По отношению к пуху и перьям (ст. 47-я) ввоз хотя и невелик относительно отпуска (стр. 438—439), но постепенно возрастает:

Пух и перья, ввоз	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Тысяч пудов	1.9	2.2	2.2	3.7	3.2
На тысячи рублей	26	52	44	90	68

Средняя цена пуда ввозимого пуха доходит до 21 руб., тогда как средняя цена отпускаемого пуха и перьев около 16 руб. за пуд. Это зависит от того, что ввозится много дорогого североамериканского гагачьего пуха. Сообразно с высокою ценою товара, бывшая раньше пошлина (28 коп. зол.) столь мала (менее 2%), что ее возвышение само собою напрашивалось, по сообразности с другими товарами, но и ныне наложенная пошлина (50 коп. зол. с пуда) также мала, что зависит, конечно, лишь от того, что при последнем пересмотре тарифа избегнуты всякие быстрые перемены, если они не вызывались явными требованиями покровительства внутреннему производству.

Повышение пошлины на подушки, постели и тому подобные (ст. 48-я) изделия с 1 руб. 45 коп. зол. (или после 16 августа

[1] Обложение щетины и волоса вывозною пошлиною и беспошлинный отпуск изделий могли бы сильно сократить потребление и дали бы много шансов конкурирующим странам и товарам — пока не возродился вывоз изделий.

1890 г. с 1 руб. 74 коп. зол.) до 2 руб. зол. с пуда также мало существенно и отвечает только повышению оклада на пух и перья. Здесь можно только заметить, что начавшийся (стр. 440) вывоз из России изделий этого рода имеет все условия для очень значительного расширения, потому что весь материал для матрасов, подушек и тому подобных товаров в России дешевле и лучше, чем где-либо. Начавшая развиваться Азия, вероятно, со временем также примет много товаров этого рода. Ныне же вывоз по азиатской границе не превосходит 400 пудов на сумму около 4 тыс. руб., то есть вывозимый товар низкой доброты (пуд около 9 руб.), тогда как отправляемый по западной границе товар (преимущественно в Германию) идет по цене в пять раз высшей, то есть около 45 руб. за пуд, как и быть должно, если для изделий взяты пух, волос и тик хорошего качества. И это дело — отправка подушек, тюфяков и проч. в готовом виде — не только доставит сбыт вывозимому сырью, но даст и заработок некрупным предпринимателям, нажива которых более и быстрее всего может улучшить экономическое положение всей нашей страны.

Из следующих статей немалую важность в отношении к русскому производству имеет 51-я статья, касающаяся сала и сходных с ним жирных веществ животного происхождения и продуктов их переработки. Когда-то, лет 20 тому назад, Россия отправляла много своих товаров этого рода в Западную Европу, так, например, в 1862 г. вывезено:

	Тыс. пудов	Тыс. руб.
Сала ворванного	19	47
Рыбьего жира	48	303
Сала скотского всякого	2604	9828
Стеарина	2	17

Цена сала упала примерно на 30%, и вывозится (Одесса, С.-Петербург) не более $^1/_{10}$ прежнего количества, и ввозится (в порты Балтийского моря) почти столько же, сколько отпускается. Спрос быстро упал, именно с конца 60-х годов, и особенно к началу 80-х годов. Причины на это главным образом две. Во-первых, потребление животного сала сильно повсюду сократилось со введением нефтяных продуктов как осветительного и смазочного материала, а кокосового и пальмового масла или растительного сала для мыла и свечей. Во-

вторых, большие количества животного сала пришли в Западную Европу из Северной и Южной Америки и Австралии и спустили рыночную ценность на этот продукт. Оттого и видим (стр. 440) большое ежегодное сокращение салотопенного дела. В этом примере особенно поучительно соперничество между сравнительно дорогим животным продуктом и дешевым ископаемым, то есть нефтью. Победа последнего над первым столь велика, что не ограничивается заменою сальных и стеариновых свеч керосиновыми и бензиновыми лампами, но идет до того, что и помаду делают на вазелине, получаемом из нефти. И эта победа основывается прежде всего на великой относительной дешевизне нефти как ископаемого, всюду где можно стремящегося вытеснить продукты животного и растительного царства. В этом виден великий успех времени и ясное указание на то, что первейшее внимание ныне должно быть обращено на ископаемые продукты. Они лишь недавно начали свою борьбу с пастушеско-земледельческими, выработка еще длится, конец же несомненно будет состоять в произведении еще и еще многого другого из ископаемых или вообще из неорганических продуктов (вода, воздух, земля) по возможности всего людям потребного. Поэтому прозорливость будущего и прямой современный расчет одинаково заставляют, сознательно, на первейшее место в промышленном развитии поставить ныне разработку ископаемых, к чему мы и обратимся в следующих главах.

Сало производится в России преимущественно в Сибири, за Волгой и на юге. Провоз его дорог, а потому часть сала иностранного успевает попадать в Россию, и этому тариф может помочь, доставляя своему салу по крайней мере, по возможности, все русские рынки. Провозную плату по железным дорогам на сало, издалека привозимое, за последнее время сбавили, чрез что доставка облегчится, а ввозную пошлину с 36 коп. зол. (а с 16 августа 1890 г. $43^2/_{10}$ коп. зол.) увеличили до 50 коп. зол. с пуда, именно для достижения указанной цели. Интересы развития русского скотоводства именно и требуют мер этого рода. Притом Россия обладает всеми тремя главными видами сала: бычачьим (желтоватое твердое сало), бараньим (белое твердое) и свиным (белое мягкое сало), имеющими особо важное техническое значение.

Ворвань (или жир китов, тюленей, дельфинов и рыб), прежде плативщая 60 коп. (а с 16 августа 1890 г. 72 коп.), ныне обложена окладом в 75 коп. Ввоз ворвани с годами стал расти особенно потому, что жир дельфинов стали применять в каменноугольных копях для наполнения рудокопных лампо-

чек. Однако Россия обладает сама добычею ворвани всякого рода, получаемой на промыслах Черного, Каспийского и Белого морей, и для ее копей может быть сверх того применяемо тяжелое (соляровое) нефтяное масло, а потому существующий ныне ввоз 30—60 тыс. пудов ворвани нельзя считать желательным, что служит оправданием для возвышения оклада на ворвань. Ворванное же сало (ястык), доныне платившее низшую пошлину, как скотское сало (36 коп. зол.), по своей природе так сходно с самою ворванью, что должно платить равный с нею оклад. Эти виды жиров, применяемые для различных целей, а особенно для смазки кожи (юфти), представляют также сходство с сырым спермацетом, или особым видом жира кашалотов, а потому и он подведен под оклад в 75 коп. зол., хотя доныне платил 1 руб. 20 коп. зол. Эта пошлина ныне переведена на ряд продуктов технической переработки жирных веществ, а именно на олеин (он и прежде платил ту же пошлину), сушь, или отжатое сало (богатое стеарином и пальмитином), получающееся при изготовлении маргарина, так как эти и подобные им продукты, ввозимые из-за границы, отнимают спрос от русского сала и являются прямыми конкурентами таких же продуктов, получаемых на русских заводах, переделывающих сало. Сюда же отнесены дегра, или масло, отчасти изменившееся в составе (осмолившееся) при употреблении на суконных фабриках, и сало, разложенное, но не окончательно очищенное на стеариновых заводах, потому что и это суть продукты технической обработки сала, а допускать их для конкуренции с нашим салом, лишившимся прежнего сбыта, — значит отнимать от него и последние русские виды применения.

Стеарин (пуд около $4^1/_2$ руб. кред.) и сходный с ним пальмитин (в так называемых пальмовых свечах), несшие пошлину 1 руб. 20 коп. зол. до 16 августа 1890 г., а после того 1 руб. 44 коп., ныне обложены повышенною пошлиною в 1 руб. 70 коп. зол., чтобы прекратить, хотя малый, но все же существующий (около 10 тыс. пудов в год) ввоз иностранного продукта, так как русское производство стеарина с распространением керосина сильно упало и заслуживает поддержки. То же повышение пошлины установлено для спермацета, которого ввозится лишь 500 пудов, потому что он по применению сходен со стеарином, а ценою (около 10 руб. пуд) гораздо выше. Это повышение, притом, отвечает понижению (с 1 руб. 20 коп. зол. до 75 коп. зол.) оклада на неочищенный спермацет, так что очищение этого продукта, применяемого не только для свечей, но и в аптеках и парфюмерии, ныне может

производиться в России на основании вышеуказанной разницы окладов сырого и очищенного спермацета. Впрочем, это мелочной товар, не заслуживающий особого внимания.

Наконец, в статье 51-й последний пункт содержит более дорогие животные жиры и сходные продукты с окладом в 2 руб. 20 коп. зол. Сюда причислены, например, очищенные костяное (применяемое для смазки часов и других тонких механизмов) и спермацетовое масла, очищенный рыбий (тресковый, у нас уже хорошо приготовляемый) жир и ланолин (смолообразное вещество, извлекаемое из пота, овечью шерсть проникающего, при ее промывке, применяемое в аптеках для мазей и тому подобных целей), как вещества, во-первых, могущие изготовляться в России, во-вторых, более дорогие, чем вышеперечисленные виды животных жиров, и, в-третьих, как вещества, доныне чаще всего проходившие с окладом 2 руб. 40 коп. зол. (а с 16 августа 1890 г. 2 руб. 88 коп. зол.) в числе химических и фармацевтических продуктов, особо не поименованных. Таким образом, современный оклад ниже прежнего и только придает определенность окладов части товаров, до сих пор в тарифе не упоминавшихся.

В статье 52-й большое значение имеет горный воск (озокерит) не только потому, что ввозится из Галиции в значительных массах для переделки на петроковских заводах в церезин (идущий заместо обыкновенного пчелиного воска) и для пропитывания брезентных (непромокаемых) тканей (темнобурого цвета), но и потому, что на Каспийском море — на островах Челекене и Святом — и на северо-восточных берегах Черного моря (в предгориях Кавказа, на юг от Новороссийска) найдены давно залежи своего озокерита (нафтагила), которые, однако, до сих пор недостаточно разведаны и не разрабатываются.[1] Пошлина в 40 коп. зол. с неочищенного горного воска назначена всего в 1889 г.; до тех пор он платил лишь 6 коп. зол. с пуда, тогда как очищенный горный воск, или церезин, платил 1 руб. зол. с пуда, что и дало повод австрийским производителям церезина основать в границах России завод для очищения и таким образом избегать необходимость уплаты таможенной пошлины на товар, который ходко пошел в России в виде подмеси к пчелиному воску и для разных других целей, например для приготовления вазелина, получаемого у нас и в Германии чрез растворение церезина в очищенных смазочных нефтяных маслах. В 1889 г., когда неочищенный горный воск был обложен пошлиною

[1] Добыча на Каспийском море существовала в 60-х годах, но потом прекращена.

в 40 коп. зол. с пуда, на очищенный была возвышена пошлина до 1 руб. 50 коп., но оказалось, что ввоз очищенного стал возрастать, а неочищенного уменьшаться, а потому, при пересмотре тарифа, оставлена прежде установленная пошлина на неочищенный горный воск, а на очищенный увеличена до 1 руб. 70 коп., то есть доведена до размера пошлины, принятой для стеарина и очищенного спермацета, с которыми церезин имеет много общего по свойствам, а по цене занимает средину, потому что продается примерно по 7 руб. кред. за пуд, следовательно (около) в два раза дешевле пчелиного воска. Свечи из белого воска также стоят (около 28 руб. пуд). в два раза более, чем свечи церезиновые, что и заставляет первые заменять вторыми.

К той же пошлине в 1 руб. 70 коп. отнесен ныне и парафин не только потому, что он всегда нес пошлину, одинаковую со стеарином (будучи ему по применению подобен), но и потому, что церезин в сущности есть только сорт парафина, а именно один из наиболее трудноплавких, так что между обыкновенным парафином (например нефтяным) и обыкновенным церезином (из горного воска) существуют всевозможные переходы. Сюда же (пошлина 1 руб. 70 коп. зол. с пуда) отнесен и неочищенный вазелин (себонафт), тем более, что по составу и происхождению он близок к парафину и церезину, к которым приближается и по ценности, будучи в очищенном (лишенном запаха и вкуса) виде уже сравнительно дорогим аптекарским или парфюмерным товаром. Что касается до воска, то он причислен к тому же окладу (1 руб. 70 коп. зол.), как и церезин, хотя пчелиный воск стоит вдвое дороже, а растительный: японский (из семян Rhus Succedana), китайский (от Lugustrum lucidum) и карнаубский воск (из Бразилии) ценою ниже. Всего важнее здесь отношение церезина к пчелиному воску, потому что первый вытесняет второй, и это могло бы отозваться гибелью пчеловодства, если бы применение церезина для церковных восковых свечей не ограничивалось (полного прекращения замены и поныне не последовало, как показывают различные пробы восковых свечей всякого приготовления) правилами (14 мая 1890 г.), преследующими подмесь церезина в церковные свечи как подлог, караемый законом. Упомянув о важнейших экономических данных, касающихся товаров 52-й статьи, я считаю невозможным входить в этой книге в другие подробности, относящиеся сюда, потому что это потребовало бы изложения таких технических сведений, которые не отвечают предмету этого сочинения. Но в заключение скажу, что товары, относящиеся сюда, особенно же

виды парафина, а следовательно, и озокерит, и вазелин могут при должных усилиях составить предмет больших русских предприятий как горных, так и заводских. Не вдаваясь во многие подробности, я укажу только хотя бы одно то, что нефть, столь изобильная у нас около Кавказа, даже обыкновенная бакинская нефть, по моим личным опытам, может давать более 5% вазелина, то есть смеси, содержащей парафино- (церезино-) подобные вещества, и если бы Россия выпустила массу вазелина по дешевым ценам, она с лихвой наверстала бы те потери, которые она несет на понижении цен и спроса сала. Разведки же и добыча горного воска, найденного в разных местах Кавказа и Закаспийского края, могла бы послужить основанием очень крупным делам с парафином и церезином внутреннего производства.

Свечи, факелы и тому подобные товары статьи 53-й, ныне обложенные пошлиною в 2 руб. 80 коп., платили в начале 1890 г. 2 руб. 40 коп. зол., а в конце его 2 руб. 88 коп. зол., то есть современная пошлина более бывшей до 16 августа 1890 г. И необходимость этого понятна уже из того, что оклады на воск, стеарин, сало и спермацет стали выше, следовательно и на свечи, из них приготовляемые, необходимо было сделать соответственное повышение оклада. Но все же по новому тарифу оклад ниже (2 руб. 80 коп. зол.), чем был к началу 1891 г. При ограниченности ввоза и нет надобности в особо высоком окладе, тем более, что вывоз этого товара (стр. 438—439) более привоза и оба незначительны.

Со статьи 54-й начинается чрезвычайно важный разряд товаров животного происхождения, а именно кожи, меха и изделия из них. По данным, приведенным на стр. 439, видно, что сумма ввоза (по европейской границе) этих товаров в Россию почти равна сумме вывоза (обе суммы около $10^1/_2$ млн руб. в год). Россия стоит в этом отношении особняком, ей, по ее климатическим условиям, необходимо больше этих товаров, чем какой-либо другой стране, и, как видно из чисел, она довольствуется своими произведениями. Особенно важны здесь овечьи шкуры, дающие полушубки, и большие кожи (бычачьи и лошадиные), дающие обувь. Их почти и не ввозят в Россию, а если и ввозятся, то более всего кожи буйволовые, толстые, американские для подошвенного материала и для машинных ремней. Еще ввозится к нам не мало мехов енота, ильки и других дорогих американских мехов, которые вошли в общее употребление более или менее зажиточных классов. Вывозятся от нас совершенно иные кожи и меха. Кожи везут более легкие — телячьи, бараньи и т. п. и по временам, в года

неурожая сена, когда осенью бьют много скота, вывозят лошадиные и коровьи шкуры. А из мехов вывозят больше всего овчины, козьи меха, волчьи и медвежьи. Вывоз соболей и белок, когда-то столь сильный по всем границам, теперь едва происходит; все, что набьют охотники, идет для местного потребления и, как видно по ввозу (см. далее), своего даже недостает. В результате все же концы с концами кое-как сходятся. Большинство других стран Европы поставлено в положение гораздо худшее, например:

	Шкуры, меха, кожи			
	ввоз		вывоз	
	тыс. т	млн ф. с.	тыс. т	млн ф. с.
Великобритания (1883)	147	13	80	7
Франция (1883)	89	10	37	7
Германия (1883)	100	9	46	12[1]

Шерцер считает, что в европейские государства ввоз всяких (большею частью сырых кож и мехов) товаров этого рода достигает до 147 тыс. т (около 25 млн пудов) на 40 млн ф. с. (около 360 млн руб. кред.), а вывоз их близок к 233 тыс. т на 23 млн ф. с., то есть почти равен половине ввоза, хотя в вывозе преобладают готовые, то есть продубленные кожи, а в привозе сырые кожи и меха. Поставщиком являются страны Америки, как Северной (для мехов и кож), так и Южной (преимущественно кожи) и частью Австралия и Африка. С.-А. С. Штаты не только сильно развили свое скотоводство,[2] но и производительность своих кожевенных заводов, переделывающих свое и привозное сырье, ежегодно примерно на 500 млн руб. кред. Кожевенное производство Англии и Германии особенно быстро стало возрастать в 70-х годах. Ныне в Англии получается на кожевенных заводах около 30 тыс. т кожи из местных шкур и более 70 тыс. т привозных, вообще на сумму около 35 млн ф. с., и при этом около 85% товара идет для местной потребности и только малая часть вывозится.

[1] Германия вывозит ныне много дубленых кож в Англию, Бельгию, Голландию, Швейцарию и др. Эта отрасль немецкой торговли начала усиливаться только с 70-х годов.

[2] Стоимость фермерского скота в С.-А. С. Штатах на 1890 г. (Statesman's Year-book, 1891) оценивается по цензу в 2419 млн долл., в том числе 16 млн лошадей и мулов, 53 млн рогатого скота, 44 млн голов овец и 52 млн свиней.

Россия, когда-то славившаяся прекрасными кожами, особенно юфтью, сафьяном и опойком, ныне далеко отстала в кожевенном производстве от успехов времени, хотя и поныне наши

	Ввоз по европейской границе							
	1883 г.		1887 г.		1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Невыделанные кожи: сухие	67	679	144	1186	147	1343	133	1128
мокросоленые и обрезки	104	398	371	2068	496	2462	524	2229
Выделанные кожи: малые (опоек, лайка и т. п.)	17	976	12	761	15	808	14	720
большие (воловьи, лошадиные и т. п.)	78	2530	62	1179	75 [2]	2268	79	2110
лакированные кожи	4	219	4	212	5	226	5	216
Кожаные изделия: обувь кожаная	4	396	2	236	4	427	3	297
« дамская с шелком	0.07	19	0.07	15	0.07	16	0.1	10
перчатки сшитые	0.06	45	0.08	48	0.07	33	0.1	34
перчатки скроенные	0 [1]	3	0	3	0	1	0.0	0
Седла, чемоданы и т. п.	3	238	2	175	3	234	3	230
Меха в шкурах и шитые: соболь, чернобурая лисица, илька, шиншилла, куница	0.7	935	0.7	1325	0.7	1419	0.8	998
выхухоль	6.6	678	6.2	607	6.9	695	9.0	953
всякие иные	9.5	1889	11.5	2228	12.2	2426	12.3	2609
Итого, тыс. руб.	—	8005	—	10042	—	12358	—	11534

[1] Ввозится лишь несколько пудов, от 4 до 6 в год, но в 70-х годах ввозилось до 100 пудов.

[2] Здесь даны числа ввоза больших кож и приводных ремней по европейской границе, следовательно, без финляндского ввоза, который, например, в 1889 г. для больших кож и ремней достиг до 27 тыс. пудов на сумму 567 тыс. руб., в 1890 г. ввоз из Финляндии равен 41 тыс. пудов на 901 тыс. руб.

кожи отличаются еще хорошими качествами, особенно же производимые на петербургских и польских заводах. Толстые большие кожи, требующиеся для подошвенного товара и для машинных передаточных ремней, идут и к нам, как везде в Европу, из Америки и составляют главный предмет ввоза. Для того чтобы ближе видеть роды кожаных товаров, спрашиваемых Россиею, приводим данные последних лет для торговли по западной границе по отделам, имеющимся в таможенных отчетах по настоящее время [стр. 458].

Отсюда видно, что ввоз возрастает, но главным образом за счет сырых, т. е. невыделанных кож и мехов, особо не поименованных, в числе которых енот занимает первое место. Вот эти данные и то соображение, что енот и вообще меха не особенно роскошные по климату нужны русскому населению, а ввоз крупных кож тоже необходим как материал для кожевенных заводов, определяют отношение нового тарифа к перечисленным товарам. Очевидно, что ввоз больших сырых кож следовало не стеснять таможенным налогом. Они несли до 16 августа 1890 г. налог в 50 и 25 коп. зол. с пуда (а затем с 20% надбавки), а потому и ныне сохранен для сухих кож прежний оклад 50 коп. зол., а для мокросоленых 25 коп. зол. Ввоз последних, очевидно, возрастает, и, следовательно, растет и производительность русских кожевенных заводов, чему и требуется содействие даже и со стороны таможен. Сохранение низкого оклада для невыделанных кож, едва составляющего 7% их стоимости, было бы неправильным только тогда, когда бы русское скотоводство могло доставлять толстые большие кожи, и можно сказать с уверенностью, судя по духу современных таможенных мер, что лишь только появится хоть какая-либо надежда на возможность выращивать в России таких быков и буйволов, которые дают толстые кожи, — тотчас же таможенные мероприятия ответят повышением оклада на подобные кожи, потому что скотоводство не менее важно, чем кожевенное производство, и обязанность таможенных мероприятий, как указано с самого начала, состоит в доставлении равномерной охраны и способов развития всяким видам промышленности; и если кожевенные заводы составляют одну отрасль таких дел, то скотоводство есть другая отрасль. Наши скотоводы могут извлечь из этого указание на то, чтобы пробовать — в степях ли юга России, или в сибирских дебрях — разводить породы скота, кожи которого пригодны для выделки толстых подошвенных и ременных кож. На первый взгляд может показаться, что лучше всего в таких условиях ныне снять пошлину. Но стоит немногое узнать и чуть-чуть

подумать, чтобы тотчас такое фритредерское вожделение оказалось неполным и многое упускающим из вида. Прежде всего надо указать, что таможенный сбор с невыделанных кож, ввозимых по европейской границе, равнялся в 1889 г. 198 тыс. руб. зол., в 1890 г. 212 тыс. руб. зол., то есть составил около 300 тыс. руб. кред. Эту сумму государственных налогов, собираемых с наших подошв, при уничтожении налога надобно было бы откуда-либо возместить, то есть взять с наших доходов, и нельзя думать, что подошвенный налог в чем-либо хуже всякого иного карманного. Затем нельзя же упустить из внимания, что Россия может еще сильно развить свое скотоводство, а потому в налоге на сырые кожи непременно следует усматривать свою долю покровительства русскому скотоводству, потому что, не будь пошлин, — повезли бы сюда и всякие иные, в России даже изобилующие кожи, стали бы цены напрасно сбивать и тем уменьшать русскую производительность. Иным кажется, что, напротив того, впуск чужеземного возбуждал бы к соревнованию и улучшению. На это следует только вспомнить то, что произошло с железом и чугуном, когда их почти задаром впустили от заграничных производителей. Убить спрос русских кож даже на внутренних рынках легко, особенно ныне, когда луга Лаплаты, Австралии и тому подобных стран, еще пустынных и диких, питают миллионные стада с несравненно большею легкостью, чем это может делаться где бы то ни было в России. Одно за другим можно убить все сколько-либо выгодное России и превратить ее в страну чисто чернорабочих земледелов, но это будет выгодно отнюдь не России, а только тем, кто зарится на всякие ее ресурсы. Сверх всего этого, пошлина, существующая на сырые кожи, должна служить и вызовом, усиливающим стремление к попыткам разнообразить русское скотоводство, потому что всякому, рано или поздно, станет, наконец, известным, что ввозятся к нам преимущественно толстые большие кожи и что их внутреннее производство и ныне уже ограждено, а может, при господстве правильных покровительственных воззрений, легко быть усилено одним [рос]черком царского пера, если на то будет надобность.

Если же существуют давние залоги хорошей в России обработки кож вообще и если переделка даже чужеземных кож началась, то очевидна таможенная надобность в ограждении усилий этого рода, следовательно, в уменьшении ввоза иностранных выделанных кож, в увеличении таможенного на них налога и в предоставлении внутренней конкуренции, а в том

числе и всем господам фритредерам, — спускать внутренние цены на выделанный кожаный товар. Если был и есть русский вывоз выделанных кож (стр. 439), если внутреннее кожевенное производство (стр. 440) достигает 40 млн руб., а внешний ввоз готовых кож ограничивается 3 млн руб., то очевидно для всякого, умеющего читать смысл чисел, что о монополии здесь не может быть речи, что подъем пошлин, отнимая внешнюю конкуренцию, настолько же увеличивает внутреннюю и, следовательно, представляет все условия своевременного таможенного покровительства. Пусть чужеземные кожи составляют и ныне лишь малую долю внутреннего спроса, но ввоз их все же нежелателен не только потому, что сильное развитие кожевенного производства в самой России очень полезно, но главное потому, что ввозимые кожи относятся или к числу дорогих (шевро, лакированные кожи, дорогие лайки, сафьяны и т. п.), которым и стать нести большие пошлины как предметам, покупаемым от избытков и производимым лишь в особо благоприятных условиях, либо ввозимые кожи относятся к числу ходких, но еще мало производимых у нас кож (таковы, например, толстые подошвенные кожи), которых производство и не может усилиться под давлением иностранного соперничества, облегчаемого дешевизною там кредита и других условий производства. Словом, по важности кожевенного производства и по духу протекционизма все предшествующее заставляет, сохранив прежний низкий оклад на сырые (невыделанные) кожи, усилить таможенные оклады на выделанные кожи и на изделия из них, а в особенности на те, которых ввоз возрастает, внутреннее же производство имеет шансы развития. Это и видим в новом тарифе 1891 г. Так сафьян, лайка, шевро, шагрень и малые лакированные кожи, платившие до 16 августа 1890 г. пошлину 10 руб. 80 коп. зол. и 7 руб. 90 коп. зол. с пуда, ныне станут платить 15 руб. зол. с пуда. Большие лакированные кожи, платившие 7 руб. 90 коп. зол., будут платить 8 руб. 50 коп. зол. Большие же кожи (лошадей, быков и т. п.), платившие 6 руб., остаются с тою же пошлиною. Приводные же машинные ремни, доныне платившие по 6 руб. с пуда (а с 16 августа 1890 г. по 1 июля 1891 г. платившие 7 руб. 20 коп. зол.), ныне оплатятся по 8 руб. зол. с пуда (ст. 57-я, п. 6-й). Обувь кожаная, платившая 70 коп. зол. с фунта — 1 руб. зол. с фунта и т. д.

Что касается до мягкой рухляди, то новый тариф иначе, чем прежде, распределил пошлины и сообразил их с ценностью мехов. Потому, например, енот (в шкурках), платив-

ший 18 руб. зол., ныне оплатится пошлиною только в 6 руб. 60 коп. зол., потому что он дает меха, сравнительно дешевые и тяжелые,[1] а шкуры морского бобра, куницы и т. п. (ст. 56-я, п. 1-й), платившие до 16 августа 1890 г. или 18, или 36 руб. зол. с пуда, ныне, сообразно с их большою легкостью и дороговизной, обложены пошлиною в 50 руб. зол., которая, однако, ложится на них не более как в виде 15—25% их стоимости, что для предметов подобной роскоши должно считать невысоким окладом. Для прочих же шкурок оставлены прежние оклады (6 руб. 60 коп. зол. и 18 руб. зол.), действовавшие до 20%-й надбавки (16 августа 1890 г.). Но невыщипанные котиковые шкуры, содержащие ость, прежде платили, как котиковые шкуры вообще, 36 руб. с пуда, ныне отнесены к окладу в 6 руб. 60 коп. зол. (а выщипанные — 50 руб. зол.), для того чтобы поддержать издавна (до передачи русских североамериканских владений С.-А. С. Штатам) существующий промысел окончательной отделки этих ценных мехов, ныне попадающих к нам из Северной Америки.

Мне кажется излишним вдаваться в подробное рассмотрение других товаров, относящихся к ст. 55-й, 56-й и 57-й, потому что эти товары или имеют малое промышленное значение (например перчатки, сбруя и т. п.), или оклады на них сами по себе ясны (например бараньи шкуры некрашеные, меха,

[1] Из данных, собранных проф. Вылежинским, извлекаем следующие цифры относительно числа шкурок, содержащихся в пуде, и средней ценности шкурок различных зверей, применяемых для получения мехов.

	Число шкурок в пуде	Цена шкурки	Средняя цена пуда шкурок, рублей	Средняя цена меха, рублей
Двуутробка	90	50 коп. — 1 1/2 руб.	90	170
Медведь	7	20 руб. — 100 »	420	175
Лисица красная	50	2 » — 8 »	300	180
Выхухоль	450	30 коп. — 1 1/2 »	340	—
Американский соболь	100	3 руб. — 10 »	650	3400
Скунс	175	1 » — 6 »	600	450
Бобер речной	28	10 » — 35 »	630	400
Енот	100	1 » — 15 »	800	80—1000
Песец	60	20 » — 80 »	3000	2150
Илька	100	10 » — 50 »	3000	2000
Куница	800	5 » — 10 »	6000	650
Бобер морской	12	100 » —1500 »	9600	2000
Шиншилла	890	5 » — 12 »	7200	4000
Лисица черно-бурая	60	50 » — 500 »	16500	7000

ввозимые жителями Архангельской губернии, и т. п.[1] В заключение же этой статьи о кожах и мехах нельзя не указать на то, что в товарах этого рода, кроме чисто потребительских интересов, есть много русских торговых и производительных интересов, которые, очевидно, и послужили основанием для произведенных тарифных изменений, состоящих здесь, как и во всех других отделах тарифа, отчасти в сохранении окладов, отчасти в их возвышении, а отчасти в их понижении, как это и *должно* быть *при* рациональном пересмотре тарифа с целями чисто покровительственными. Общее же повышение окладов, которое может быть иногда очень полезным, как было с 16 августа 1890 г. по 1 июля 1891 г., может быть произведено с гораздо большею легкостью, если в нем опять встретится надобность для целесообразного проведения начал покровительства внутренней промышленности.

---

[1] Сшитые меха по 209-й статье платят пошлину в $1^1/_2$ раза большую, чем шкурки, потому что при кройке меха выпадает много обрезков и ценность меха включает сверх того стоимость работы.

Глава 6

ЛЕС, ДРЕВЕСНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И РАСТЕНИЯ

(Статьи 58—64)

В промышленном отношении наиболее важные лесные товары совершенно отчетливо делятся на дрова или лес для топлива и на поделочный лес, идущий для стройки зданий, кораблей и разных деревянных изделий. Хотя древесное топливо может быть вполне заменяемо торфом, каменным углем, нефтью, соломой и т. п., хотя в стройке зданий, барок, кораблей и т. п. также возможно, а во многих случаях даже и вполне выгодно и уместно — для прочности и безопасности от пожара — заменять лес другими материалами, особенно камнями и металлами или вообще ископаемыми, и хотя в мелочных изделиях, начиная с лопат, грабель и бочек, уже удается заменять дерево железом, бумагою и тому подобными материалами, тем не менее лес как естественный продукт солнца и почвы, возобновляющийся с приложением малого количества труда, и как материал, сравнительно очень удобно обрабатываемый, навсегда будет драгоценным пособием жизни людей, доставляющим, кроме прямых, много косвенных видов пользы, например крепление берегам и сыпучим пескам, покров почве, охрану ее влаге, защиту от ветров, тень при зное и ничем не заменимую красоту и оживление местности. Борьба противу избытка леса, при расчистке земли под пашню, всюду при разумном пользовании природою кончается перемежкою между лесом и полями, а превращение части пустырей, лугов и даже полей при их избытке в лесные насаждения составляет явное приобретение богатства в местностях, лишенных леса, каковы, например, сыпучие дюны Ландов во Франции. Соответствие лесной поверхности с площадью лугов и пашен составляет основное условие земледельческого благоустройства как для отдельных имений или округов, так и для целых

стран, а потому благоустроенные леса составляют такую же существенную и важную долю земельного богатства, как и благоустроенные пашни или луга. Если обязательно и расчетливо сохранять плодородие полей и лугов, то не менее важно сохранять и леса. Леса, как вся земля, в экономическом или хозяйственном отношении имеют весьма различное значение, различную доходность, а потому и различную ценность, смотря по тому, в сколь населенном округе они находятся, сколь велико отношение между всею землею и лесною площадью и сколь легок сбыт лесных запасов, при дешевизне которых водяной сплав представляется единственным способом их доставки в сколько-либо отдаленные места. Чтобы найти как бы норму современных отношений этого рода, привожу крупные данные для трех важнейших западноевропейских государств:

	Поверхность в тысячах квадратных километров		Миллионы жителей	На 1000 жителей квадратных километров	
	вся	лесная		всей земли	леса
Великобритания	304	11 = 4%	38	8	0.3
Франция	529	84 = 16	39	13½	2.2
Германия	543	138 = 26	47	11½	2.9
Вообще на них . . .	1376	233 = 17%	124	11	1.9

В Англии и Франции почти вовсе не употребляют древесного топлива, даже для жилищ, в Германии редко, и то только в южной, лесистость которой больше. Лесных товаров ввозят много в каждую из этих стран, и они там уже дороги, так что в стройку идут в возможно малом количестве, уже по причине одной дороговизны. Отсюда следует, что когда леса составляют около 15—20% всей поверхности земли и когда количество лесов не превосходит 200 десятин (это близко к 2 кв. км) на 1000 жителей и на поверхность земли в 1000 десятин, тогда лес становится дорог и идет только на самые ценные потребности, тогда уже пора разводить лес и следует его сильно охранять. Оно и понятно даже экономически, по следующему основному расчету. Считая по 10 пудов хлебных зерен на жителя (стр. 274), на 1000 человек надобно 10 тыс. пудов, а для их произрастания, считая урожай

в 100 пудов с десятины, надобно занять под хлебный посев, по крайней мере, 100 десятин. Полагая, как это и необходимо ныне принять для интенсивного хозяйства, что пашня, занятая зерновыми хлебами, составляет только $^1/_5$ всей обрабатываемой поверхности, получим под пашнею для 1000 жителей 500 десятин. Остальные 500 десятин из тысячи распределятся тогда примерно так: 100 под строениями, огородами, садами и дорогами; 200 под лесом и 200 под лугами и выгонами; и с 200 десятин, под лесом находящихся, очевидно, должно получить валовой доход не меньший, чем с 200 десятин пашни или луга, потому что иначе было бы невыгодно держать землю под лесом. Средний валовой доход с десятины лугов и пашен, считая хозяйство интенсивным (а иного при густоте населения и быть не может) и считая зерно и продукты скотоводства проданными, нельзя считать меньшим 100 руб. на десятину. Следовательно, 200 десятин леса должны доставить 20 тыс. руб. продуктами правильного лесного хозяйства. Это обусловливается правильною вырубкою только малой доли леса, а когда дело идет о производстве поделочного и строительного леса, тогда должно принять не менее как 100- или, во всяком случае, не менее 50-летнего периода вырубки. Другими словами, 20 тыс. руб. должно получить не более как с $^1/_{50}$ от 200 или с 4 десятин, следовательно, каждая должна дать не менее 5000 руб. А так как десятина 50-летнего леса в умеренном климате дает не более 50 куб. саженей лесного материала, то каждая кубическая сажень должна цениться по 100 руб. А так как кубическая сажень дров заменяется при топке примерно 100 пудами хорошего каменного угля, стоящего за пуд не менее как 25 коп. — при очень значительном удалении от копей, — то и оказывается, что, при указанных условиях, по крайней мере, в четыре раза выгоднее топить каменным углем, чем дровами. Отсюда уже ясно, что вышеприведенные западноевропейские отношения к лесу вызваны не какими-либо косвенными или абстрактными соображениями, а прямыми экономическими условиями, лежащими в сущности дела.

Россия в отношении лесов, как и во многом другом, совершенно выделяется от остальных стран Европы. Важнее всего здесь три обстоятельства: 1) лесов у нас там много, где народу мало, то есть на северо-востоке, а где много людей и где есть все другие главные условия для скорого дальнейшего увеличения населенности, то есть на черноземе и на юге России, где особо необходима забота об их разведении, оказывающемся по множеству опытов вполне возможным, там лесов

до крайности мало.[1] 2) Главный лесовладелец России есть само государство, потому что в 50 губерниях Европейской России (не считая польских, финляндских и кавказских), где живет около 82 млн жителей, занявших около 5 млн кв. км (или

[1] Для 50 губерний Европейской России, ссылаясь на данные, приводимые О. К. Арнольдом, рассчитываю: 1) процентное отношение лесов ко всей площади (лесистость) и 2) число квадратных километров леса на 1000 жителей. При этом даются только целые числа, а если получаемые числа менее единицы, то ставится 0.

Губернии	1	2		Губернии	1	2	
Архангельская	64%	1308	*Избыт.*	Новгородская	43%	38	Избыт.
Астраханская	0	1	*Недост.*	Олонецкая	76	269	*Избыт.*
Бессарабская	7	2	Недост.	Оренбургская	15	20	
Виленская	27	8		Орловская	19	4	
Витебская	33	10		Пензенская	22	5	
Владимирская	32	10		Пермская	75	82	*Избыт.*
Вологодская	90	260	*Избыт.*	Подольская	14	2	
Волынская	30	9		Полтавская	5	1	Недост.
Воронежская	9	2	Недост.	Псковская	30	12	
Вятская	61	29	*Избыт.*	Рязанская	23	5	
Гродненская	27	7		Самарская	8	4	Недост.
Донская обл.	2	2	Недост.	С.-Петербургская	42	10	Избыт.
Екатеринославская	2	1	*Недост.*	Саратовская	13	4	
Казанская	36	10		Симбирская	14	4	
Калужская	32	7		Смоленская	35	13	
Киевская	20	3		Таврическая	6	3	Недост.
Ковенская	21	5		Тамбовская	18	4	
Костромская	53	29		Тверская	30	10	
Курляндская	37	13		Тульская	10	2	Недост.
Курская	10	2	Недост.	Уфимская	42	24	Избыт.
Лифляндская	25	8		Харьковская	10	2	
Минская	39	18		Херсонская	2	0	*Недост.*
Могилевская	35	12		Черниговская	18	4	
Московская	38	5		Эстляндская	21	9	
Нижегородская	36	11		Ярославская	33	10	

Недостаток лесов очень силен именно там, на русском юге (губернии Астраханская, Екатеринославская, Херсонская), где польза от разведения была бы особенно ясно ощутительною. Большие же избытки леса так далеки на севере России, что пользование ими хотя и производится, но не может быть значительным. Вопрос засадки лесом южных степей принадлежит к разрешимым задачам. Опыт Велико-Анадольского лесничества (около Мариуполя) и обсадка Харьковско-Азовской дороги это ясно показали. И я думаю, что работа в этом направлении настолько важна для будущего России, что считаю ее однозначащей с защитою государства, а потому полагаю, что было бы возможно принять особые сильные меры для этой цели и даже освобождать семьи, засадившие известное число дерев в степях юга России, от обязательной военной повинности и давать им иные льготы как земские, так и общегосударственного свойства.

Но нельзя забыть, что в данной губернии, даже в данном уезде может существовать очень сильное разнообразие лесистости и что возможная равномерность распределения лесов составляет, по всем соображениям, наиболее желательную форму лесных насаждений. Много путешествуя, я заметил следующее общее явление: там, где укоренилось заводско-фабричное дело, садов и мелких лесных посадок всегда больше, чем в округах, лишенных заводско-фабричной деятельности. В Англии лесов, то есть сплошных древесных насаждений, как указано выше, очень мало, а древесной тени и мелких отдельных дерев много, именно оттого, что о них заботятся гораздо больше промышленно развитые люди, чем земледелы.

около $4^1/_3$ млн кв. верст, или около 450 млн десятин) земли, имеется под лесом около 38% земли, а именно около 117 млн десятин, а из них около 116 млн десятин [1] или около $^2/_3$ всего леса принадлежит казне. Обстоятельство это можно считать большим благом России, потому что этим только путем и можно надеяться на некоторое сохранение остатков русских лесов, истребляемых безрасчетливо для личных выгод хозяев и губительно для будущей судьбы России, что и заставило прибегнуть к лесоохранительному закону 1888 г. 3) Русский народ, исторически родившись в среде лесов, следовательно, привыкнув смотреть на лес как на божий дар, данный для топлива и стройки, а на землю из-под него как на средство расширять пашню, русский народ не привык беречь лесов, охотно их истребляет и очень мало заботится о их разведении, а это грозит при кажущейся еще большой пропорции лесов (38% площади, а на 1000 жителей 50 губерний в среднем по 62 кв. км леса) неисчислимыми бедствиями, особенно же уменьшением равномерности климата и увеличением и без того пагубных для русских урожаев засух. По этим причинам особую государственную и прямо сельскохозяйственную важность имеют не только меры, охраняющие леса от дальнейшего уменьшения их пропорции во всех губерниях, где лесу менее 20% по площади, но и возбуждение [2] усиленного лесоразведения, особенно там, где лесная площадь менее 10% всей поверхности.[3] В этом важном государственном деле таможенный тариф может иметь только косвенное и побочное значение, вызывая внутри страны всякие виды пользования лесом, что и делает тариф 1891 г., с которого начинается, например, явное покровительство лесотехническим продуктам, каковы, например, канифоль и уксусный порошок (древесноуксуснонавестковая соль), которые могут дать постоянные и прочные доходы от лесов, даже удаленных от непосредственной возможности сбыта по рекам и железным дорогам. Экономическая сущность дела здесь в том, что продукты лесов имеют чрезвычайно разнообразную ценность и те из них, которых

[1] Эти два последние числа и основные числа для расчета величин предшествующей выноски взяты из 1-го тома сочинения О. К. Арнольда «Русский лес», 1890, стр. 52.

[2] Такими мерами с давних пор занят Лесной департамент Министерства государственных имуществ, но нужны еще большая энергия и новые средства, которые косвенно быстрее возвратятся, чем расходы на многое другое.

[3] Из перечня, данного в выписке на стр. 467, видно, что из числа 50 губерний ныне 9 находятся в этом положении, не считая азиатских владений России.

цена наиболее низка, например сучья и дрова для топки, настолько дорожают от перевозки, что никогда и нигде не потребляются на дальнем расстоянии от места добычи. Строевой лес, особенно же большемерный, уже дороже и идет далее, но и он, по причине грузности и легкой возможности образования плотов, далеко идет только по системам рек. Например, Волга с ее притоками служит путем громадной лесной торговли северо-востока России с ее юго-востоком и центром. Такую же роль играют Днепр, Днестр, даже Дон и Донец для более западных частей России.[1] Если где-нибудь на отпускной пристани средних частей Волги кубическая сажень дров (около 250 пудов) стоит от 15 до 25 руб., то есть пуд от 6 до 10 коп., то там же строевой лес той же породы в круглых бревнах, годный для стройки и распила, стоит в такой цене, что его пуд обходится от 10 до 20 коп., а в распиленном виде (при распиле получаются горбыли, опилки и другие отбросы и ценятся работа и отборка леса) от 25 до 40 коп. за пуд. Так, цены за пуд возрастают по мере обделки леса не только потому, что на это тратится работа, но и потому, что при этом происходит сильная трата материала, то есть превращение иногда очень значительной части в щепы,

[1] По сведениям, сообщенным в «Вестнике финансов» (1891, № 30, стр. 223), не считая мелких пристаней, годовые обороты лесов (топливо, бревна, доски, лес для судов и стройки) по главным волжским пристаням выражаются следующими цифрами, в миллионах рублей:

	От	До
Тверь	2	2.5
Молога	1.5	2
Рыбинск	1.5	2
Ярославль	1	1
Кострома	2	2.5
Кинешма	0.7	0.8
Юрьевец	0.5	0.6
Макарьев-на-Унже	1.5	2
Пос. Пучеж	1	1
С. Городец и соседн.	0.7	1
Нижний-Новгород и соседние пристани	4.6	5.8
Васильсурск	0.5	0.05
Козьмодемьянск	1.5	2
Казань	1.5	2
Симбирск	0.75	1
Самара	2	2.5
Сызрань	1	1
С. Балково	1.5	2
Вольск и соседн.	1	1
Саратов	2.5	3
С. Ровны и соседн.	0.75	1
Камышин, Дубовка	1.25	1.5
Царицын	6	7.5
Астрахань	7	8
	44	52.5

Здесь сосчитаны, судя по смыслу дела, только те лесные товары, которые с данной пристани расходятся для местного потребления.

Зная, по личному опыту, продажные цены крупного (6 и более вершков в диаметре верхнего сруба) леса на верховьях Волги (около Корчевы), я убедился, проезжая низовья Волги, что под Астраханью эти цены увеличиваются примерно на $2^1/_2$—3 коп. с пуда на каждую тысячу верст пройденного пути, что составляет провозную плату около $^1/_{400}$ коп. с пудоверсты. Для лесного же товара, идущего не в плотах, а нагруженного в баржах, провозная плата выше, меньше же всего она для барочного леса, потому что главная цена барок окупается провозною платою за товары, в них погруженные.

обрезки, опилки и вообще малоценные отбросы. В лесной торговле, особенно отпускной (внутренней и внешней), имеет громаднейшее значение для размеров как валового, так и чистого дохода именно то состояние, в котором отпускается лес, главным образом потому, что по мере произведенной обработки цена товара увеличивается и абсолютно (тес, полученный из бревна, весит менее, чем само бревно) и относительно (пуд изделия стоит тем дороже, чем больше в нем работы). А потому в отношении к внешней лесной торговле, во-первых, Россия должна стремиться к тому, чтобы отпускать от себя по возможности наиболее выработанные лесные товары, то есть не круглые бревна, а доски, тес, фанерки, бруски, подготовленную клепку, готовые паркетины, всякие ручки, рамы, двери и т. п., конечно, зная спрос рынка, куда идет отправка, а во-вторых, Россия должна находить возможно ценные приложения всяким отбросам, остающимся при заготовке массы лесного своего товара, идущего в далекую отправку. В первом отношении кое-что начато уже, потому что число устроенных (иногда почти специально для внешней торговли) лесопилен возрастает год от года, хотя, как увидим далее, бревен вывозится еще все же значительная масса, особенно в Пруссию, и хотя обделка вывозного товара ограничивается преимущественно распилкою в доски и почти не идет далее. Что же касается до второго из вышеуказанных обстоятельств, то в отношении к нему до сих пор еще почти ничего не сделано, и громадные массы отбросов (щеп, опилок и т. п.) или просто гниют в местах заготовки лесных товаров (как я сам имел случай видеть), или сожигаются как топливо, тогда как они могли бы служить исходным материалом для производства древесной бумажной массы и целлюлозы, поныне ввозимых в Россию, для получения продуктов сухой перегонки дерева и т. п. Таможенный тариф на ввозимые товары только в этом втором отношении может помочь более правильному, чем ныне, направлению нашей лесной торговли, что он и делает, как подробно будет объясняться в отношении ко многим дальнейшим статьям тарифа (например ст. 176-я, 106-я и др.). Но таможенный тариф на отпускные товары мог бы оказать большее влияние, если бы необделанное дерево было обложено отпускною пошлиною, а обработанное выпускалось бы беспошлинно. Однако такой способ действия, могущий быть очень пригодным для предстоящего времени, ныне нельзя считать уместным или своевременным, потому что в лесной торговле, как и в хлебной, Россия встречает ныне сильное соперничество С.-А. С. Штатов. По данным

«The Statesman's Year-book» (1891), еще в 1890 г. в Штатах 25 708 лесных хозяйств было занято производством лесных товаров, и эти дела занимали 146 880 рабочих, а их продукт в 1888 г. оценивался в 120 млн ф. с. (около 1000 млн руб. в год). Если сосчитать все и всякие лесные производства России, то получится, вероятно, не меньшая цифра, но регистрировано, то есть попало в губернские списки фабрик и заводов, гораздо меньшее число уже потому, что простая заготовка лесного топлива, хотя бы и для торговли, вовсе не идет в счет, пилка леса очень часто производится домашними средствами, чрез наем пильщиков, и бондарное, столярное и тому подобные дела делаются кустарными и ремесленными способами, не подлежащими доныне в России никакой записи, возможной только в С.-А. С. Штатах, где совершенно самобытно выработана организация цензовых записей, представляющих перепись, соединенную с собранием всяких сведений о производствах и занятиях всех жителей. По регистрации Департамента мануфактур и торговли, в отношении к продуктам из дерева, в виде материалов для пересмотра тарифа, для 1888 г. стало (в 1890 г.) известно существование и производство следующих фабрик и заводов России:

Фабрики и заводы	Число	Производство в миллионах рублей
Лесопильные	603	21.4
Багеты, рамы, мебель, столярные фабрик[аты]	120	3.2
Мелкие древесные изделия	74	2.3
Древесная масса и целлюлоза	21	1.1
Пробочные	15	2.0
Рогожные, мочальные	91	0.5
Смола, скипидар, деготь и проч.	365	0.6
Всего	1289	31

В отчетах 1889 г. сумма производства сочтена в 33 млн руб. и число рабочих дано в 38 тыс. человек (15% женщин). Цифры эти, без сомнения, во много раз ниже действительности и представляют данные только для переделки доставленного лесного материала, тогда как американское производство лесных товаров выражено во всей целости, насколько оно поддается записи, чрез опрос каждого отдельного главы семейства, чрез отдельно избранных в каждом малом округе лиц, особо вознаграждаемых за такое собрание сведений, и при общем контроле сведущих лиц и общего статистического учреждения. По способу собирания данных о внутреннем

производстве наши и американские данные, следовательно, не сравнимы. Что же касается до внешней торговли, то здесь способы собирания сведений очень близки и подлежат сличению, а потому мы остановимся на русских данных вывоза, сообщив сперва, что годовой вывоз из С.-А. С. Штатов леса и всяких лесных товаров с июля 1889 г. по июль 1890 г. равнялся $28^1/_2$ млн долл., а в предшествующий год 27 млн долл., то есть (при курсе 150 коп. кред. за 1 руб. зол. или 1 долл. = 1 руб. 87 коп. кред.) достигает 52 млн руб. кред. Почти таков же современный внешний русский оборот лесных товаров, считая в нем только те, которые относятся к ст. 58-й и 59-й. Подробные данные таможенного отчета за 1889 г. дают следующие числа вывоза по всем границам. Вывоз в Финляндию и в азиатские страны мал, а потому особо и не показан в ниже приводимом сопоставлении.

Вывоз по всем границам и страны покупающие	1889 г.	
	млн пудов	тыс. руб.
Бревна дубовые (в Германию, Англию)	1.1	362
» сосновые (Пруссия, сухоп. и Голландия)	28.6	7390
» еловые (то же)	5.0	1462
» всякие иные (Балтийск. и сухоп. в Германию)	1.5	429
Жерди, фашины (Германия, Англия)	0.9	382
Брусья (балки, стропила и т. п.) (сухопутная и балтийская границы, Германия)	16.2	4946
Доски, шпалы, горбыли (Балтийск. и Белое м. и сухоп.)	87.1	35725
Дрань, столбы и др. (в Англию, Германию, Голландию, Францию)	3.2	625
Дрова всякие (Англия, Германия)	4.2	457
Хворост, древ. губка (Германия, Австрия)	0.1	22
Ореховое дерево (из Батума и Поти, Англия, Германия)	0.2	228
Пальмовое (самшитовое) дерево (из Батума и Поти, Англия, Германия)	0.3	407
Другое поделочное дерево (Балтийск. м., сухоп. Англия, Германия)	7.7	3444
Итого 1889 г.	156	55.7 млн руб.
1888 г.	123	39.0 » »

Сверх того вывезены: плотничные, токарные, столярные и тому подобные изделия, 1889 г. 0.2 млн пудов, 577 тыс. руб.

По совокупности 1884—1888 гг. годовой вывоз всех перечисленных товаров составлял около 40 млн руб., в 70-х годах

вывоз едва достигал 30 млн руб. Современный же вывоз должно ценить примерно в 50 млн руб., то есть равным по размеру со всем североамериканским вывозом, в число которого входят и многие изделия, вывоз которых от нас, как показано, ничтожен. Чтобы видеть эти отношения еще яснее, достаточно показать, что Германия ввезла в 1888 г. около 2.7 млн т дерева и изделий из него (на 170 млн марок) и притом из России половину всей массы, но бревна и доски составляют при этом $^3/_4$ всех вывезенных товаров этого рода, а для С.-А. С. Штатов только $^1/_4$ всего ввоза, состоявшего главным образом из готовых деревянных изделий. Вот к этому-то и должна стремиться наша отпускная торговля лесом, а это тем возможнее, что плотничная, столярная и всякая тому подобная работа в России, особенно зимою, дешевле, чем где-либо. Если предприниматели изучат в Англии, Германии, Голландии, Франции и Бельгии те роды потребностей, для которых идет туда русский (и финляндский) лес, если приноровятся ко вкусу и вообще ко спросу изделий этого рода и начнут заграничную торговлю деревянными изделиями, то для поощрения этого вида труда, могущего прокормить огромные массы кустарей и всяких мастерских, по моему мнению, можно было бы назначить вывозные пошлины не только на круглый лес (бревна), но и на доски и брусья, как на товары первой стадии обработки, прочие же изделия выпускать беспошлинно. В таких мерах, больше чем в чем-либо ином, должно видеть, по моему мнению, ответ на ввозные пошлины, назначаемые иными державами на наш хлеб. Они одним путем, а мы другим, но также таможенным, станем при этом поддерживать свою внутреннюю промышленность. Но ныне, пока наше производство лесных изделий для заграничного спроса не начало развиваться, пока мы сами, как увидим далее, еще ввозим много деревянных изделий, а вывозим их ничтожное количество, должно сперва озаботиться о том, чтобы внутренняя потребность удовлетворялась своими, а не чужими изделиями, что ведет, вообще говоря, к потребности назначить на древесные изделия достаточно высокие ввозные пошлины. Что же касается до вывозных пошлин на дерево, то они прежде существовали в России. По тарифу 1823 г. почти всякие виды дерева были обложены вывозными пошлинами, размер которых иногда был очень значителен. Так, например, за каждое сосновое мачтовое дерево, смотря по его размерам, взималось от 22 до 25 руб. асс.; за доски сосновые, еловые и т. п. — от 3 коп. до 2 руб. 30 коп. асс. с 5 дюжин; за липовые — от 82 коп. до 1 руб. 10 коп. с 5 дюжин; даже за биллиардные

кии взималось до 10 коп. асс. со штуки. И вывоз был, он и будет впредь, когда своевременно наложится вывозная пошлина на лес. По таможенному тарифу, действовавшему с 1868 г., никаких отпускных пошлин не было, и ныне, в тарифе 1891 г., их нет. Только сохранен сбор, назначенный с 17 апреля 1890 г. за вывозимые из России, особенно с Кавказа (Черноморского берега), ореховое и пальмовое (самшит, Taxus) дерево и с орехового наплыва, а именно по 30 коп. с пуда. Здесь дело в том, что вырубка орешника и самшита на Черноморском берегу пошла в последние годы столь усиленно, что грозила полному истреблению этих превосходнейших и ценных пород дерева. Пуд их стоит более рубля в крупной торговле (фунт «пальмы» в мелкой продаже около 6 коп.), а потому пошлина в 30 коп. зол. должна сильно задержать нежелательную вырубку указанных пород.

Переходя ко ввозу дерева и к пошлинам на него, должно прежде всего обратить внимание на некоторое различие в отношении к деревам, изобильно производимым Россиею, и к тем, которые ею не производятся, потому что первые вывозятся от нас, и ввоз их определяется только местными пограничными надобностями. Для них, как для хлеба (гл. 3), нет надобности в таможенной пошлине на сырье, но есть надобность в окладах (как на муку) на всякие изделия, начиная с досок и брусьев, потому что в них уже содержится работа, которую можно произвести дома, собственными рабочими, заработок которых таможенный тариф обязан защитить не менее, чем заработок предпринимателей, начинающих или развивающих потребные производства. Что же касается до пород редких, особенно тропических, например черного, палисандрового и тому подобных дерев, то их применение, составляя предмет роскоши, заслуживает хотя некоторого фискального налога, но пропорционального участию в них работы, так чтобы выгоднее было ввозить сырье, а не готовые изделия, и обделывать ввозимое дерево в России в фанерки, мебель и т. п., чтобы чрез это затруднить ввоз иностранных готовых изделий. Налагая небольшую ввозную пошлину на ценные породы дерев не в деле, можно, кроме *фискального дохода*, иметь в виду еще два другие соображения покровительственного характера: во-первых, многие из ценных пород дерева, доныне ввозимые к нам, вероятно, могут произрастать в теплых краях России,[1] и пошлина может помочь началу

[1] Ботанические сады юга России нравственно обязаны позаботиться о соответственных испытаниях. Особого внимания заслуживает разведение пробкового дуба.

культуры таких деревьев и, во-вторых, во множестве случаев есть возможность уже ныне, вместо выписки заграничного дерева, пользоваться своим, как видно уже из того, что Россия вывозит в год на 4 млн руб. (стр. 472) различных ценных пород дерева: ореха, пальмы, груши, ясеня, карельской березы и т. п. Подобными соображениями объясняются оклады действующего тарифа на дерево и деревянные изделия. При разборе частностей дело станет очевиднее, но предварительно я сообщу данные о ввозе по европейской границе различных товаров, рассматриваемых в статьях 58—64-й, ограничиваясь тремя последними годами и руководясь теми подразделениями, какие существуют в последних изданных таможенных отчетах.[1] При этом должно заметить, что в первой строке дается ввоз лесного товара без подразделения на

	Ввоз, европейская граница, статьи 58, 59, 60 и 61					
	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Лесной товар, особо не поименованный	11595	2758	13640	3219	—	3254
Дерево ценных пород столярн.	126	262	137	275	141	388
Фанерки всякие (не более $^1/_4$ вершка)	13	72	17	87	14	69
Пробковое дерево не в деле .	356	2201	331	1633	335	1506
» » в изделиях	3	53	4	84	3	74
Плотн. и бочарн. изделия . .	434	424	362	342	364	320
Простые столярные и токарные изделия	25	85	20	70	19	64
Оклеенные и лакированные .	48	497	56	559	53	570
Столярные и токарные изделия с украшениями	2	69	2	92	2	69
Мебель обтянутая	5	63	6	80	7	116
Деревянные сапожные гвозди	2	8	3	9	5	24
Резные деревян. изд. и рамы[2]	—	172	—	200	—	223
		6664		6650		6677

[1] Для обозрительности их, ныне во много раз превосходящей ту, какая была до последних годов, даже при начале 80-х годов, желательно, чтобы отчеты о вывозе не только располагались в том же порядке, какой дается для ввоза, но и носили бы те же самые подразделения, отвечающие статьям общего таможенного тарифа.

[2] Вес дан 6, 8 и 9 тыс. пудов для резных изделий, обложенных с пуда, а рамы с зеркалами и проч. оплачиваются с аршина длины; а их прошло около 9 тыс. аршин в год.

бревна, доски и т. п. (о чем говорится далее) и что доныне всякий необделанный (бревна, доски, дрова и т. п.) лесной товар проходил беспошлинно.

Ввоз (весом около 4 млн пудов на $6^2/_3$ млн руб.) товаров по этим статьям, как видим, сохраняется довольно постоянным в последние годы, но ранее он был меньшим; кроме того, ввоз невелик сравнительно с вывозом (стр. 472), но здесь дело в том, что пуд вывозимого лесного товара стоит в среднем менее 30 коп. кред., а пуд ввозимого в среднем стоит около 50 коп. кред., хотя главную массу ввоза там и тут составляет грубый лес. Причина такой большой разности в цене состоит главным образом в том, что ввозится много пробкового дерева (кора пробкового дуба), стоящего ныне более 5 руб. за пуд, и много столярных изделий, стоящих около 10 руб. за пуд.

Ввоз первого из этих товаров, то есть пробкового дерева, весьма важен, и даже желательно, чтобы он возрастал для потребностей винодельного, пивного и тому подобных промыслов.

Он и растет постепенно с годами, притом относительная пропорция ввоза пробочных изделий уменьшается, показывая, что пробочное производство пустило надлежащие корни в нашем мелком производстве.

	Ввоз по европейской границе			
	1870—1879 гг.		1880—1889 гг.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Пробочные изделия . .	4.5	80	5.5	84
Пробковое дерево . . .	132.8	394	266.2	1262
Средняя цена пуда около	—	3 руб. кред.	—	$4^3/_4$ руб. кред.

Количество ввозимого пробкового дерева в прошлое десятилетие удвоилось, а ввоз готовых пробок сохранился почти прежний.

Увеличение ввоза только показывает возродившуюся потребность в пробках (особенно для виноградных вин). Еще должно заметить, что ценность ввозимого пробкового дерева

сильно возросла в указанное десятилетие, не потому, чтобы цена на нее поднялась на рынках,[1] — она сохраняется почти неизменною лет 30, а лишь потому, что по мере развития производства пробок в России, особенно для виноделия, стали требовать лучшие сорта пробкового дерева, а они почти вдвое дороже обычных низших сортов, применяемых для низких сортов напитков. Так как пробковое дерево было и осталось с окладом в 12 коп. зол. с пуда, а пробки были и несут гораздо высший оклад, в 20 раз больший, чем на сырой материал, то таможенный тариф явно покровительствует производству пробочных изделий и достиг своей цели, водворив это дело в России, как он способен водворять и все почти иное в стране, особенно же легко то, что требует некрупных капиталистических усилий. Там, где дело не сложно, а это и есть в производстве пробочных изделий, где за него могут взяться ищущие всяких подходящих дел русские рабочие руки, там тарифные меры, хотя не быстро, но верно достигают своих целей. В отношении к пробковым изделиям тариф 1891 г. ввел некоторое изменение противу прежнего порядка, когда всякие изделия из пробки несли однообразный оклад в 2 руб. 65 коп. зол., ныне же назначен двоякий оклад: на подготовленную пробку в пластинках, кубах и т. п. назначен оклад в 2 руб. зол., а на готовые пробки и другие изделия 3 руб. зол. с пуда, что отвечает тому основному соображению, проникающему весь новый тариф, чтобы покровительственная защита его прежде всего касалась труда, прилагаемого к товарам, производимым в России, и давала бы работу русским людям. Притом, когда разрезанная в пластины и призмы пробка превращается в круглую, применяемую для укупорки бутылей, является много отброса, и получается товар высшей ценности за пуд.

Обращаясь к другим товарам статей 58—61-й, прежде всего должно рассмотреть состав той наиболее крупной их части, которая означена под названием «лесной товар, особо не поименованный».

По данным Таможенного департамента, ввоз этот по числу пудов распределяется следующим образом.

---

[1] Кора вечнозеленого пробкового дуба, или пробка, собирается примерно раз в 4 года. Испания, Португалия и Алжир отпускают пробку. В Италии дерево растет. Возможность разведения в России на юге едва ли подлежит сомнению. Кроме пробок делаются подошвы, шляпы и другие предметы из пробки. Обрезки идут или на сажу, или для изготовления камптулинона (с каучуком) и линолеума (пробковые ковры и дорожки, с олифою).

Ввоз	1888 г.	1889 г.	
	млн пудов		
Бревна всякие . .	4.0	4.9	$^3/_4$ из Австрии сухопутно и по Днестру
Доски, гонт и т. п.	6.7	7.5	$^1/_3$ из Румынии, $^2/_3$ из Австрии
Дрова, хворост .	0.7	1.2	В порты Азовского и Черного морей

Часть входящего лесного материала, особенно бревна, идет транзитом из Галиции и Румынии в Турцию и другие страны, а часть идет местному населению для стройки. В количестве же ввоза замечается быстрое возрастание. Так, например, ввоз по пятилетиям всех исчисленных товаров был, по ценности, следующий:

Ввоз	1870—1874 гг.	1875—1879 гг.	1880—1884 гг.	1885—1889 гг.
В 5 лет, на тысячи рублей	3263	4326	7473	12458

то есть в последние 20 лет ввоз по европейской границе почти учетверился. Кроме того, он существует по азиатской границе. Так, в 1889 г. ввезено лесного товара (почти исключительно тесу) по азиатской границе, особенно из Румынии в Батум (для приготовления ящиков, в которые укупориваются жестянки с керосином), на 413 тыс. руб. (в том числе из Персии в Баку на 25 тыс. руб.) и по финляндской границе на 910 тыс. руб. Ввозу топлива и круглого леса, то есть бревен, жердей и т. п., идущих для местных надобностей и ввозимых только по недостаточности или по дороговизне лесного товара на юге России, очевидно, не должно представлять никаких таможенных преград; такой лес (пункт 1-й ст. 58-й) и ныне оставлен без пошлины. Но брусья, доски, плахи и тому подобные предметы лесной торговли могут приготовляться на местах спроса из привозных бревен, и так как работа пильщиков и плотников стоит на пуд обтесанного или распиленного дерева, имеющего значительную толщину, все же не менее как 2 коп., то эта пошлина и наложена на пиленый и тесаный лесной товар по 2-му пункту той же статьи. Тес толщиною от $^1/_4$ дюйма до 2 дюймов обложен 4 коп. зол. с пуда по той же самой причине, а фанерки или всякие тонкие листы дерева, полученные или чрез распиливание, или, как ныне часто про-

изводится, чрез разрезывание (стругом), при толщине менее 1/4 дюйма обложены пошлиною в 75 коп. с пуда, потому что прежде бывшая пошлина в 60 коп. оказывается не охраняющею дальнейшее развитие внутри России фанерочного производства, особенно для дерев ценных пород, так как они должны платить ввозную пошлину и теряют часть материала при превращении в фанеры, пуд которых представляет при ввозе очень высокую ценность, а именно около 5 руб. за пуд. Притом в 70-х годах ввоз фанерок ограничивался 8 тыс. пудов, а ныне достигает (стр. 475) 14—17 тыс. пудов. Таким образом в ст. 58-й сохранены оклады на круглый лес (беспошлинно), на лес ценных пород (12 коп. зол.) и на пробковое дерево, а на дерево пиленое пошлины возвышены. Есть, однако, в этой статье и убавка пошлины, именно для тикового, красного гондурасского и других пород, применяемых в кораблестроении. Они прежде платили как дерева ценных пород, применяемых для токарных и столярных работ, по 12 коп. зол. с пуда. Ныне же они пройдут беспошлинно, по 1-му пункту статьи, если не будут превращены в доски или фанеры.

Плотницкие и бочарные изделия по тарифу 1868 г. впускались беспошлинно. Надо полагать, что в то время соображали так: в России плотники и бондари очень дешевы и великие мастера своего дела, их защищать не должно, они защищены своею дешевизною, и если ввоз иностранных изделий этого рода будет, то он послужит образцом для наших производителей и произойдет только там, где встретится случайная местная потребность и где местные производители будут требовать дорогую плату. Так и ныне рассуждают многие не только об этих, но и о многих других изделиях. Такой род соображений, носящий характер некоторого глубокомыслия, чужд действительного понимания промышленных и торговых отношений, потому что между покупателями и производителями (плотниками и бондарями) в огромной массе случаев легко встает посредник, а он очень часто рассудит совершенно иначе, чем рассуждает потребитель при прямом сношении с производителем. Посреднику необходимо, например, закупить товар для городских потребителей. Заказав в деревне или у соседних мастеров, необходимо оплатить тотчас и материал и работу, при покупке же заграничного товара часто можно получить долгосрочный кредит, и этого одного уже достаточно для того, чтобы склонить посредника к иностранному товару. Но и множество других причин может привести к тому же результату.

Конечно, в массе произведений плотницкой и бондарной работы покажется ничтожным то количество этих изделий, которое к нам поступает из-за границы, но не должно забывать, что с изделиями поступает и материал, для них надобный, что за все это уходят из страны деньги и что производство единичного бондаря или плотника ограничивается ничтожным валовым приходом, так как весь годовой заработок таких отдельных рабочих по деревням ограничивается много-много что сотнею рублей, и если ввозится на 500 тыс. руб., то это отвечает зимнему заработку нескольких больших деревень. Не какие-нибудь слащавые соображения идиллического свойства заставляют делать такой расчет, а прямое неведение о том, что всем нам будет лучше, когда у рабочего, именно нашего, а не какого-либо чужестранного, будет достаточно заработков.

Годичный ввоз плотницких и бондарных изделий с 1868 г. был следующий, по пятилетиям:

	1870—1874 гг.		1875—1879 гг.		1880—1884 гг.		1885—1889 гг.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Ввоз по европейской границе [в] 5 лет	243	508	206	443	402	698	476	574

Пошлина назначена в 1882 г. по 5 коп. зол. К 1889 г. она была 6 коп. зол., а к 1891 г. 7.2 коп. зол. Ныне она назначена для деревянных изделий плотничьей работы 12 коп. зол., а для бондарных 24 коп. зол. с пуда, потому, главным образом, что в покровительственном таможенном тарифе обложение в 20—30% противу ценности товара составляет низшую норму, оказывающую некоторое влияние, а по собранным данным пуд обычных бондарных изделий (бочек, ведер и т. п.) стоит от 2 до 4 руб. кред., или в среднем не менее $1^1/_2$ руб. зол., так что пошлина в 24 коп. зол. на бондарные изделия составит не более 20% с их цены, обычные же плотницкие изделия стоят приблизительно в два раза дешевле бондарных не только потому, что работы на них идет меньше, но и потому, что материал для них идет менее дорогой и с меньшею утратою. При этом должно заметить,

что ящики, бочки и тому подобные деревянные изделия, в которых привозится иностранный товар, впускаются беспошлинно, на общем основании, которого издавна держатся таможни для всех товаров, облагаемых с пуда нетто.

По отношению к более ценным — столярным, токарным и резным деревянным изделиям, относящимся к ст. 61-й, новый тариф, ввиду немаловажного ввоза большинства этих изделий и для сохранения того же принципа покровительства давно развитым у нас мастерствам этого рода, вообще говоря, возвысил оклады; только для простых, нелакированных и неоклеенных столярных и токарных изделий, ввоз которых с годами заметно уменьшается (например ввезено в 1878 и 1879 гг. на 578 тыс. руб., а в 1888 и 1889 гг. на 171 тыс. руб., за два года вместе), оставлен прежний оклад в 70 коп. зол. с пуда. Но возвышение, произведенное в новом тарифе, сравнительно невелико и соразмерено со среднею ценою пуда ввозимых товаров. Считаю достаточным разобрать два примера, чтобы объяснить и все другие ставки нового тарифа по ст. 61-й. Окленные и лакированные столярные изделия, равно как из дерев ценных пород, прежде пропускались с пошлиною 1 руб. 45 коп. зол., ныне же на них наложен оклад в 2 руб. зол. с пуда. Ввоз изделий этого рода в начале 70-х годов, когда пошлина была 1 руб. 10 коп. кред., отвечал стоимости в 700 тыс. руб., в конце 70-х годов он возрос до 1 млн руб., в начале 80-х годов дошел до $1^1/_3$ млн руб. кред., но с 1885 г., когда пошлина была доведена до 1 руб. 45 коп. зол., он стал падать, так что к началу текущего десятилетия равнялся 500 тыс. руб. кред. Всякий, следивший за этим делом, видел, что производство мебели в России всюду делает успехи, показываемые не на выставках, а просто в мебельных лавках, и ценность не возвышается, а явно уменьшается, что зависит, я полагаю, прежде всего от того, что во многих деревнях стали делать прекрасные мебельные изделия. Я сам посетил несколько таких деревень в Московской губернии около Крюковской станции Николаевской железной дороги, где производят как машинные столярные изделия, так и всякую резную и иную мебель во множестве мастерских. Вот когда видишь это и знаешь, что тут цену определяет взаимная внутренняя конкуренция, а отнюдь не иностранное соперничество, когда сравнишь, как я делал, цены обыкновенной мебели, например, в Москве или Петербурге, с ценами Германии или Франции (не говоря уже об Англии, где мебель дорога), тогда и поймешь, что следует по возможности отрезывать внешнюю конкуренцию, постепенно,

но постоянно повышая оклады, как это и происходит с 1868 г. доныне, для того чтобы ввоз ограничивался предметами только явной роскоши, с которых, по существу дела, и следует взять большой оклад. Современный же оклад в 2 руб. зол., или 3 руб. кред. с пуда составляет не более 30% стоимости, то есть составляет охрану или покровительство, далеко не доходящее до тех размеров его, которых в среднем держатся страны, следующие антифритредерским или протекционным началам. Так, например, в С.-А. С. Штатах таможенные доходы 1890 г. составляли 229.6 млн долл., а ценность всего ввоза (в Штатах большинство товаров обложено с цены, ad valorem, так что оценка здесь наиболее достоверна) в 1890 г. равнялась 789.2 млн долл., следовательно, средний оклад составляет около 30%, а между тем очень многие товары впускаются беспошлинно. Средняя же цена пуда ввозимых к нам оклеенных и полированных деревянных изделий, по сложности пяти последних лет, равняется 11 руб. 81 коп. кред., то есть пошлина в 2 руб. зол., или в 3 руб. кред., составляет около 25% стоимости изделий этого рода. Такою же пошлиною в 2 руб. зол. с пуда отныне будет обложена гнутая буковая (венская) мебель без плетенья или обивки, а с плетеньем или черновою обивкою она будет нести пошлину в 6 руб. зол. с пуда, что превосходит прежние оклады (1 руб. 45 коп. зол. и 1 руб. 76 коп. зол. до 16 августа 1890 г., а после того 1 руб. 73 коп. зол. и 2 руб. 11 коп. зол. с пуда), потому: 1) что цена пуда такой мебели, отличающейся, как общеизвестно, большою легкостью, превосходит в 3 или даже 5 раз цену обычной мебели; 2) что уже и ныне, когда устроилось не только в польских губерниях, но и внутри России несколько заводов для производства такой мебели, ввоз иностранной очень сильно сократился; 3) что ввозимая в Россию гнутая мебель относится ныне уже не к предметам общего потребления, а к числу роскошных, а потому и дорогих изделий, и 4) потому, что внутреннее соревнование в производстве гнутой мебели уже началось и год от года спускает цену изделий этого рода.

Не входя в подобное же рассмотрение других товаров 61-й статьи тем более, что их ввоз малозначителен (стр. 475), перейду к следующим статьям, заметив вперед, что тот же дух покровительства развитию многих мелких производств и постепенности в необходимых повышениях окладов, каким проникнут тариф 1891 г. в отношении к вышеуказанным товарам, ясно виден и в тех статьях 62—64-й, которые мы

рассмотрим в этой главе, хотя часть объектов, облагаемых этими статьями, и не относится к разряду лесных произведений.

	Ввоз по европейской границе, статьи 62—64					
	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Сено и солома	51	27	78	35	75	36
Солома, очищенная для изделий	1	3	1	3	1	6
Живые растения, луковицы и т. п.	45	232	47	343	53	370
Копра, рициновое семя и другие, особо не поименованные части растений . . .	1536	4391	1606	3890	1854	4070
Семена кормовых трав	59	119	35	80	89	159
Каменные орехи	20	38	79	109	69	136
Аптекарские травы и другие части растений	33	184	33	206	35	207
Ворсильные шишки	22	115	21	104	19	124
Простые корзины, половики и т. п. некрашеные	14	84	17	72	13	57
Они же, крашеные	4	32	5	26	5	22
Мебель из соломы и т. п. . .	1	5	1	5	1	6
Цыновки, рогожи и т. п. . . .	4	3	11	8	5	16
Разные солом. и стружковые изделия (кроме шляп) . . .	2	206	3	242	2	231
Итого, в миллионах рублей . .	—	5.4	—	5.1	—	5.4

Ранее чем говорить по поводу ввоза указанных товаров, приведем данные о вывозе из России соответствующих предметов, ограничиваясь данными двух лет. Здесь должны быть включены столь важные предметы русского отпуска, каковы льняные и другие масличные семена и жмыхи, им соответствующие. Хотя отпуск дается по всем границам, но в Финляндию и азиатские государства он столь мал (например семян всяких в 1889 г. всего на 57 тыс. руб.), что не изменяет результата сколько-либо чувствительным образом, вывоз же существует из Новороссийска, причисляемого уже к азиатской границе, а солодковый корень везется из Батума.

	Вывоз по всем границам			
	1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Семя льняное	22130	28319	23992	32612
» конопляное	1935	2293	1750	1983
» рапсовое и сурепное	4494	4958	4370	5235
» маковое, подсолнечное и др.	308	1454	265	1034
» кормовых трав	1153	1338	851	1146
Цитварное и другие не поименованные семена	399	486	267	969
Жмыхи всякие [1]	7239	5329	8789	6527
Сено и солома	735	234	1219	370
Солодковый корень	—[2]	—	200	296
Аптекарские травы и корни	21	188	14	214
Живые растения и особо не упоминаемые	208	208	146	131
Рогожи и кули	219	328	114	174
Итого, в миллионах рублей	—	45.1	—	50.6

И здесь, как в предшествующем (стр. 472) сличении, вывоз во много раз превосходит ввоз, потому что дело идет преимущественно о сырье. И нельзя не остановить вновь вни-

[1] В гл. 5 (стр. 411) уже упоминалось о вывозе жмыхов по поводу ст. 36, в которой упомянуты кормовые средства для животных, к числу которых относятся и жмыхи, но здесь необходимо говорить о них в связи с масличными семенами, которым они отвечают, тем более, что отпускаемые из России жмыхи обыкновенно еще содержат значительное количество масла. Они представляют товар, который весьма важно было бы сохранить внутри страны не только как сильное питательное средство, особенно для молочного и откармливаемого скота, но и как средство, прямо увеличивающее плодородие почв. Выписывают, например, суперфосфат на 1 или $1^1/_2$ млн руб., а отпускают жмыхов на 5 млн руб. Это так нерасчетливо и показывает такое малое знакомство с условиями экономического пользования удобрительными средствами, что я считаю полезным сказать об этом вполне определенно следующее: если хозяева, имеющие возможность дешево и в своей стране получать или производить жмыхи, покупают иностранный, а потому и дорогой, суперфосфат, то они не понимают правильного расчета и не умеют вести выгодного хозяйства, — им следует учиться, хотя бы при помощи таможенного тарифа.

[2] В 1888 г. еще не отмечался особо солодковый корень, вывозимый уже несколько лет в количестве около 200 тыс. пудов чрез Батум в С.-А. С. Штаты и Францию с Закавказья.

мания на том, что это самое сырье, включая в число его всякие масличные семена и жмыхи, во много раз выгоднее было бы переделывать у себя дома в масло и в мясо (употребляя жмыхи в корм скоту), цена которых много выше, а вес меньше. Тогда не только получилось бы больше работы внутри страны и больше в ней доходов, но и увеличилась бы масса полевого удобрения, то есть обеспечилась бы урожайность хлебов, потому что она зависит не только от условий погоды, но и от удобрения полей и способа их обработки.[1]

Из всех привозных товаров статей 62—64-й, судя по приведенной таблице, особое значение имеют «копра», или мякоть кокосовых орехов и клещевинное, или рициновое семя (дающее касторовое масло). Хотя истинное количество ввозимых товаров этого рода неизвестно (потому что в таможенных отчетах они ранее сего особо не выделялись), но из частных сведений несомненно, что эти два товара играют главную роль между ввозившимися поныне «особо не поименованными» частями растений, тем более, что в России основалось несколько заводов, получающих из копры кокосовое масло и из клещевинного семени — касторовое. Первое идет в мыловарении и других сходных производствах, а второе ныне требуется в больших массах для ситцекрасилен при окраске в красный (кумачный) цвет. С 1868 по 1887 г. подобные «особо не упомянутые» части растений пошлины не платили, ввоз же их, особенно с 1873 г., когда он был менее, чем на 1 млн руб. (329 тыс. пудов), стал быстро возрастать и достиг к 1886 г. до $8^1/_2$ млн руб. (за $2^1/_2$ млн пудов). В 1887 г. часть товаров, как и ныне, оставлена без пошлины, а на другую наложена была пошлина в 50 коп. зол. с пуда (живые растения, каменные орехи и проч., ныне составляющие п. 4-й ст. 62-й), а на остальную часть наложена была, пре-

[1] При недороде текущего года наложено с 15 августа 1891 г. запрещение вывоза ржи. Вывоз ржи, равнявшийся в 70-х годах 70 млн пудов в год, а в 80-х немного увеличившийся (например 1889 г. — 84 млн пудов), своею ценностью (около 50 млн руб.) почти равняется вывозу масличных семян, а значение вывоза этих последних для истощения почвы и для корма скота, то есть для наверстания этого истощения, — едва ли не больше. Поэтому одною из легко исполнимых мер для возвышения русского земледелия в его связи с отпускною торговлею должно признать наложение некоторой вывозной пошлины на льняное и конопляное семя и на жмыхи, им отвечающие. Но подобную меру можно вводить не иначе, как подробно обсудив ее, в связи ее с другими отношениями внешних оборотов России, чего я не предполагаю делать в этом сочинении.

имущественно в интересах увеличения таможенного дохода, пошлина в 10 коп. зол. с пуда. От этой меры ввоз в сущности не сократился, как видно из того, что за 5 предшествующих лет (1882—1886) он составлял, в среднем, по 1545 тыс. пудов (на $5^1/_3$ млн руб.), а в 2 последующих года (1889—1890) он достиг, в среднем, 1807 млн пудов (на 4811 млн руб., — значит, товар подешевел, и действительно, за эти года цена на копру и клещевинное семя упала). Это показывает, что наложение пошлины не препятствовало развитию производств, основавшихся на ввозе упомянутых товаров, чему подтверждением служит основание близ Москвы в последние годы нескольких заводов, занятых получением клещевинного масла, а в Одессе завода, переделывающего индийскую копру. В тарифе 1891 г. оставлены все прежние пошлины (1-й пункт — беспошлинно, 2-й — 10 коп. зол. и 4-й — 50 коп. зол. с пуда) на товары 62-й статьи, но пошлина на клещевинное семя и копру увеличена с 10 коп. зол. на 15 коп. зол. (с 16 августа 1890 г. по 1 июля 1891 г. пошлина была = 12 коп. зол., то есть увеличение, в сущности, ограничено 3 коп. зол.), и это сделано, очевидно, с явною и законною покровительственною целью, которую я далее объясню. Но раньше того следует упомянуть о том, что как копра, так и рициновое семя суть только материалы для получения соответственных растительных масл. Возвышая пошлину на сырье, ввозимое в Россию, следовало помнить, что оно ввозится только потому, что есть оклад на получаемые из него масла. Если бы не было этих окладов, — ввозили бы не копру, а кокосовое масло, и не рициновое семя, а рициновое масло.

Следовательно, для того, чтобы не убить устроившиеся заводы, переделывающие копру и рициновое семя, необходимо было соответственно возвысить и пошлину на кокосовое и рициновое масло. Оно так и сделано. Прежде клещевинное масло платило 2 руб. 20 коп. зол., ныне (ст. 117, п. 2) оно будет платить 2 руб. 40 коп. зол. Кокосовое и пальмовое масла, составляющие продукты тропических стран, особенно азиатских и африканских, и применяемые для тех же целей, как животное сало, платили прежде 65 коп. зол. с пуда, а ныне (ст. 117, п. 3) будут платить 1 руб. зол. с пуда. Из этого ясно, что увеличение пошлины на сырье (копру и клещевинное семя) нисколько не повлияет на русские заводы, его переделывающие. Но, спрашивается, зачем же было возвышать пошлину как на сырье, так и на продукты, из него получаемые, если и при прежних пошлинах дело

промышленного развития России шло вперед? На этот вопрос, тем более настоятельный, что кокосовое и клещевинное масла сами составляют сырье других заводов, на этот вопрос отвечать легко, узнав то, что изложено выше. Мы видели (стр. 452), что вывоз и все потребление сала в последние годы у нас стали сильно падать. Кокосовое масло есть один из тропических конкурентов сала, а потому таможенный тариф должен стеснить ему дорогу, не впадая в утрировку (например в запрещение ввоза как масла, так и копры) и только облегчая тяжесть переходной эпохи удешевления сала и оттого убытков многим скотоводам. Отсюда явно видны потребность и польза, хотя временные, повышения оклада на кокосовое и пальмовое масла. Оттого пошлина на эти масла возвышена, в сущности, в интересах сельских хозяев как производителей сала, с 65 коп. зол. до 1 руб. зол. Но, возвысив пошлину на кокосовое масло и оставляя прежний оклад на копру, не достигли бы желаемого результата, потому что кокосовое масло и ныне в значительных количествах производится в России, а возвысив на кокосовое масло пошлину в полтора раза, следовало и на копру возвысить в той же пропорции, а потому вместо 10 коп. зол. копра [1] ныне будет платить 15 коп. зол. с пуда. Что касается до семян клещевины, то возвышение оклада на них определяется тем, что уже и ныне часть этих семян получается из Донского, Закаспийского и других краев, где клещевина растет отлично и разводится с таким же успехом, как в Китае, Индии, Италии и других странах. Здесь дело идет опять о соперничестве русского и чужеземного товара, но уже самого разведения масличного растения, а не масла, из него извлекаемого.[2] Следовательно, в обоих рассмотренных слу-

[1] Копра (по-английски Copra, по-немецки Korpa) есть подсушенная мякоть орехов (семян) кокосовой пальмы, но, повидимому, различных пород. Индийская (Цейлон, Пенанг, Сингапур и др.) идет исключительно от настоящей кокосовой пальмы, Cocos nucifera, австралийская же быть может от другой породы или другого вида. Ценится копра того и другого происхождения почти одинаково, в Лондоне около 13 ф. с. за тонну (пуд около 2 руб. кред.), при цене тонны кокосового масла около 23 ф. с. (пальмовое около 26 ф. с.). Кокосовое масло, составляющее около $^2/_3$ копры, желтоватого цвета; малая его прочность и консистенция его такие же, как у коровьего масла. Очищенное кокосовое масло начали применять в Германии для приготовления пищи и подмеси к тому жиру и салу, на которых в Германии чаще всего жарят мясо. Пальмовое масло извлекается из мякоти плодов масляной пальмы, Elajs guineensis, и других пород, преимущественно африканских.

[2] Пуд касторового масла, применяемого мануфактурами, у нас стоит около $6^1/_2$ руб. кред.

чаях (копра и рициновое семя) — корень дела, или основная причина возвышения оклада сводится на покровительство сельскому хозяйству. Так, на первый взгляд невидимо, а в сущности постоянно и настойчиво новый тариф при возвышении окладов на многие товары стремится встать прямо или косвенно на помощь сельскому хозяйству, не прибегая к быстрым переменам в окладах, но в то же время заботясь и о том, чтобы обрабатывающие виды промышленности (заводы и фабрики) возбуждались и развивались. Это составляет тот смысл нового тарифа, который не должен ускользнуть при его рассмотрении и который свои плоды должен принести, хотя и не сразу.

В 62-й статье нового тарифа есть еще одно небольшое отличие от соответствующей статьи прежнего тарифа, а именно, в 4-й пункт включены камыш, прутья и тому подобные корзиночные материалы щепленные, струганные (необработанные, «в естественном состоянии» пройдут по 2-му пункту с окладом 10 коп. зол.) и беленые, чего не было в прежнем тарифе, по которому они проходили с окладом (некрашеные) 18 коп. зол. с пуда. Ныне они пойдут с окладом 50 коп. зол. с пуда. Цель этого возвышения — дать эту мелкую работу русскому труду. По тому же окладу в 50 коп. зол. с пуда пройдут ныне, как проходили прежде, «каменные орехи», на которых я остановлюсь только для того, чтобы объяснить, что этот товар, идущий ныне в значительных массах в Европу из Бразилии и других стран Южной и Центральной Америки, привозится и к нам, как всюду, для приготовления пуговиц (см. ст. 212-ю) и других мелких точеных изделий, потому что представляет материал, по красоте, легкой окраске, твердости и легкой полируемости соперничествующий со слоновою костью. Это есть плод «слоновой» пальмы, Phytelephas macrocarpa, составляющий в то же время один из многих плодов облегченной международной торговли нашего времени. Его применение очень недавне и расширилось до того, что московские и другие русские пуговичные фабрики спрашивают в год около 70 тыс. пудов этого товара. Пошлина в 50 коп. покупателям не тяжела, хотя увеличивает цену товара на 40—50% (пуд стоит $1^1/_2$—2 руб. кред.), потому не тяжела, что покупатели или производители пуговиц защищены соответственною статьею (212-ю) от иностранного соперничества. А нам, потребителям пуговиц, не только незаметен таможенный оклад на пуговицы или орехи, из которых они делаются, но важнее всего, чтобы в России развилось как можно более пуговичное производство, так как только чрез это внутреннее

соперничество, при дешевизне русских рабочих рук, мы можем рассчитывать на то, что наши портные не поставят нам много за пришитые пуговицы.

По статье 63-й пропускаются с прежнею низкою пошлиною (20 коп. зол. с пуда) ворсильные шишки, составляющие колючий, обсаженный крючковатыми иглами плод растения ворсянки (Dipsacus). Они применяются на суконных фабриках; пуд их стоит около 6 руб. кред., и количество их ввоза издавна остается почти постоянным, даже с годами, по мере уменьшения моды на сукна с ворсою, уменьшается. О разведении ворсильных шишек в России мне ничего неизвестно. Лучшие идут из Авиньона.

К статье 64-й относятся корзинные изделия или всякие (кроме шляп) плетения из камыша, тростника, ивовых прутьев или лозы, всяких гибких отростков корней (например еловых и сосновых), из соломы, водорослей, пальмовых листьев, из лыка, луба, коры, щепы и тому подобных частей растений. Повсюду товары этого рода, особенно корзины, цыновки, мешки, половики, щетки, метелки, мебель, маты и другие тому подобные изделия, производятся в огромных массах крестьянами, слепыми, пастухами и т. п. и везде составляют своеобразные местные произведения. Москва и Поволжье применяют, например, такие лубочные короба, которых почти нигде не встретить в других местах. Северо-восток России и Сибирь делают кузовки, «туесы» и бураки из бересты. В Петербурге сыздавна щепяные корзины идут на всякую потребность укупорки. Из сосновых и еловых корней и из лыка и бересты [1] в центральной России плетутся разнообразнейшие предметы. Дешевизна, легкость, своеобразная местная форма и достаточная для надобности крепость составляют общие и обычные качества таких изделий. Но с течением времени пришло требование красоты и даже роскошности многих изделий этого рода, без которых не обходятся ни хижины, ни дворцы. И некоторые корзиночные изделия действительно достигли возможности удовлетворить изысканному вкусу, пользуясь не только разнообразнейшими случайными материалами или готовыми в природе, от камыша до соломы и пальмовых листьев, но и нарочно (для корья, то есть дубильного материала и для прутьев) разводимыми сортами растений, например и длинными ровными ивовыми прутьями (лозою от Salix purpurea и др.), получаемыми из специальных сплошных на-

[1] Мочало, лыко, луб, береста и тому подобные продукты лесов уже начали уступать место древесным стружкам и частям травянистых растений и водорослей, в чем виден успех дела сохранения лесов.

саждений, ныне составляющих, по примеру Франции, особый вид сельскохозяйственно-лесной культуры. Они у нас начали развиваться в Вологодской, польских и других губерниях. Покровительство этим началам[1] требует держать на иностранные корзиночные материалы (ст. 62-я п. 4-й) и на самые изделия (ст. 64-я) достаточно высокую пошлину, в той уверенности, что раз только дела этого рода начнутся, цена будет определяться лишь одним внутренним соревнованием. Этим соображением определяются размеры пошлин на иностранные корзиночные изделия. Прямые справки с рыночными ценами, собранными проф. Н. Ф. Лабзиным, показывают, что простейшие прутяные изделия (например бельевые корзины) стоят около 5 руб. за пуд, а мелкие корзинки и тому подобные изделия, плетеные из тонких ровных прутьев, соломы и т. п., стоят за пуд около 60 руб. кред. И между этими обычными пределами есть много переходных изделий, не считая ни самых дорогих, снабжаемых отделкою разного рода, ни простейших, приближающихся к кулям, рогожам и т. п. Отсюда уже ясно, что рациональное покровительство может достигаться только при довольно большом разнообразии окладов, что и видим в 64-й статье, где (с примечанием, где 2 оклада) введено 9 окладов — от беспошлинного (рогожи и т. п.) и от оклада в 60 коп. зол. с пуда имеются оклады до 1 р. зол. с фунта, или до 40 р. зол. с пуда. Низший из этих окладов отвечает тем простейшим некрашеным корзиночным изделиям (например дорожным корзинам, метелкам и т. п.), которых цена за пуд близка к 5 руб. кред., или к 3 руб. зол., так что пошлина составляет около 20% стоимости. Высший же оклад (40 руб. зол. с пуда, или 1 руб. зол. с фунта) назначен для мелких изделий, весящих каждое менее фунта, и для соломенных лент, служащих для приготовления шляпок, а цена изделий этого рода такова, что фунт их стоит дороже 3 руб. зол. Не входя в дальнейший разбор подразделений 64-й статьи, замечу только, что по тарифу 1868 г. большинство корзиночных изделий проходило беспошлинно; по тарифу же, действовавшему до 16 августа 1890 г., существовало для некрашеных изделий три пошлины (считая на пуд): 18 коп. зол., 24 коп. зол. (это очень мало даже для самых грубых привозных корзин, пуд которых стоит не менее 4 руб.) и 42 руб. зол. (= 1 руб. 5 коп. с фунта) с пуда. Эта последняя пошлина взималась за всякие соломенные и стружковые изде-

[1] Министерства финансов и государственных имуществ в комиссиях по кустарным видам промышленности озаботились об издании соответственного руководства и об устройстве опытного поля для такой посадки.

лия. Крайности были велики, и новый тариф, увеличив низшее обложение и уменьшив высшее, назначил промежуточные обложения, так что и здесь, как всюду, часть товаров пойдет по высшей, другая же по низшей пошлине, и центром тяжести всего сделанного служит защита внутренних производителей, достигаемая без запрета иностранных товаров, при помощи умеренного и по возможности однообразного (в отношении к цене) обложения. Притом и здесь легко может действовать производитель некрупный, близкий к деревне и лишенный всяких орудий борьбы с внешними соперниками.

Со следующей, т. е. 65-й, статьи таможенный тариф переходит к товарам ископаемого происхождения, то есть оставляет продукты животного и растительного царства. А так как в большинстве случаев значение ископаемых и тех товаров, которые из них происходят, совершенно иное, чем товаров органического происхождения, то с рассмотрения следующих статей мы начинаем новую главу.

4 августа 1891 г.

Глава 7

ЗЕМЛИСТЫЕ ВЕЩЕСТВА, КАМНИ, ГЛИНЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И СТЕКЛО

(Статьи 65—78)

Альфою и омегою русского таможенного тарифа служат товары преимущественно растительного и животного происхождения, так как почти $^2/_3$ из 64 первых статей относятся к продуктам растений, а из остальной $^1/_3$ все, кроме соли и минеральных вод, относятся к продуктам животных, а из 38 последних статей (176—213) тарифа большинство рассматривает продукты хлопка, шерсти, льна и тому подобных произведений растительного и животного царств. Но центр тарифа и главную массу средних статей занимают продукты царства ископаемого, а именно товары, означенные в заглавии этой главы, каменный уголь, металлы и изделия из них. Оно так и есть в современной нам промышленной жизни всех народов: начало и конец ее составляют, как и у дикарей, все же пища и одежда, получаемые от растений и животных; но особенность современной жизни, ее главное содержание, ее силу и прочность и ее основной успех составляют товары, которые люди научились получать, исходя из продуктов царства ископаемого. Древние его боялись, как моря, боятся его еще и поныне всюду там, где старый дух еще не подчинился новым требованиям и где свет знания не осветил подземной глубины. Плутонов и кобольтов перестают пугаться лишь понемногу, глубже и глубже пронизывая почву. Металлы и каменный уголь, главную промышленную силу нашего времени определяющие, уже часто приходится брать с верстовой глубины. Но до нее доходят лишь постепенно. Началом служит пользование теми дарами подземного царства, которые прямо выступают на земную поверхность; таковы исходные товары этой

главы: глины, известняки, песок, гипс, жерновый камень, мел и т. п. Их узнали, ими воспользовались давно. Но только в последние века земли и камни наружных слоев земли стали предметами, дающими разнообразное множество товаров, большинство массы которых служит материалом для постройки и украшения жилищ. Добыча и применение камней, извести и гончарных изделий служили наукою для горных работ и первыми предметами заводских дел по двум способам — огненному и водному, — которыми и доныне чаще всего переделывают ископаемые продукты. Всякий знает, как страдает Россия от пожаров,[1] и всякий должен узнать, что Россия не менее того страдает от недостатка заводской переработки продуктов горного дела, а потому на развитие усиленной добычи и переделки поверхностных русских ископаемых, то есть глин, песка, извести и т. п., должно смотреть как на первое и настоятельнейше необходимое дело. Таможенный тариф тут может помочь только в очень слабой мере, но и ее не следует упускать, потому что только сумма постоянных, сознательных и неуклонных мер может поправить существующую беду, а потому свое воззрение на отношение таможенных пошлин к предметам, рассматриваемым в этой главе, я выражу категорически, сказав, что тариф 1868 года (Предисловие, статьи 65—68, 72, 73) поступал недальновидно, впуская беспошлинно все главные роды строительных материалов: глины, камни, цементы, плиты, мел, кирпич и т. п., а изменения этого порядка, произведенные перед и во время пересмотра тарифа, то есть обложение этих товаров пошлинами, не только полезны, но и составляют меру, усиление которой должно отныне стать принципиальным для русского таможенного дела. Разве на счет иностранных изделий этого рода может наступить желаемое изменение в России? И разве свободный вход иностранных строительных материалов, хотя бы только в пограничные местности России, не удлиняет срока наступления желаемого повсеместного снабжения России негорючими строительными материалами, для которых сырье у всех и всюду находится прямо под ногами? Разве в России существует такой избыток добычи и производства негорючих строительных материалов, чтобы можно было относиться ко ввозу их так же безучастно, как ко ввозу хлеба или леса, отпускаемых Россиею? Ошибочное мнение, которым прежде и ныне защищают беспошлинность ввоза строительных материалов, основывается на

[1] По данным Министерства внутренних дел, например, в 1882 г. только в 50 губерниях Европейской России было 48 тыс. пожаров, и их общий убыток достиг 89 млн руб.

следующих бесспорных началах, которые следует положить в основу и прямо противоположного вывода: 1) природного сырого добра для производства таких строительных материалов всюду многое множество в России; 2) пограничные местности России первые, по примеру и отчасти по почину иностранцев, введут у себя негорючие строительные материалы того же рода, какие применяются иностранцами, и 3) этим первым усилиям и примерам должно предоставить все возможные преимущества. Если отсюда выводят следствия, прямо друг другу противоположные (о беспошлинном ввозе или о необходимости окладов), то это зависит прямо от того, что одни принимают во внимание только сейчас существующие интересы потребителей, а другие выше всего ставят общие интересы страны и ее производителей. На частном примере это очевиднее, а потому, не называя имен, я постараюсь уяснить дело частным примером — цемента, так как все то же, что уже совершилось с ним, относится ко всякому иному строительному материалу. А цемент составляет драгоценнейший строительный материал, уже ныне играющий громадную роль, с течением же времени долженствующий вытеснить почти всех других соперников, потому что при его помощи зерна песка скрепляются в камни, в сплошные стены, в целые полы, потолки и своды, имеющие крепость прочнейших камней, недоступных влиянию воды и огня. Примерно три части песка с одною частью цемента и с надлежащим количеством воды образуют тестообразную массу, которая после некоторого уплотнения (поколачиванием, давлением и т. п.) чрез короткий промежуток времени, считаемого часами или много что днями (смотря по свойству цемента и песка), превращается в крепкий монолит, на который вода, даже морская, не действует и только содействует еще большему укреплению. Из такой массы не только выделываются целые громадные сооружения (портов, гаваней, доков, зданий, оводов, мостов и т. п.), но и более мелкие, например трубы для стока вод, плитки для полов, резервуары для воды, ступени, кормушки для скота и т. п.[1] Песок и вода всюду; следовательно, там, где легко по-

[1] Совершенно несгораемые дома легче всего сооружаются из цемента, причем потолки и полы требуют меньшего, чем при кирпиче, количества дорого стоящих массивных железных балок, потому что комбинация цемента с железными прутьями и проволокою оказалась по опыту способною прочнейшим образом покрывать значительные пролеты. Стены из цементной массы, конечно, при соблюдении должных условий строительного дела, могут быть в несколько раз тоньше кирпичных и других каменных. Передача звука чрез такие тонкие цементные потолки и стены составляет одно из серьезных препятствий для широкого применения подоб-

лучить цемент, легко строить всевозможные сооружения, а их цена, кроме ценности работы, определится исключительно ценою цемента, тем более, что правильно сооруженный цементный потолок не потребует и никакой кровли — вода и огонь на него не подействуют. Словом, цемент, составляющий одно из важнейших приобретений между приложениями химии к потребностям жизни, есть строительный материал будущего, есть драгоценное вещество, применение и удешевление которого в России желательно развить всеми возможными способами: казенными заказами, таможенными мерами, банковыми ссудами, даже похвальными ему аттестациями во всех подходящих случаях. Но пойдем далее и разберем частности, относящиеся к таможенным вопросам, касающимся цемента. Представим себе все прочее сделанным для распространения сведений о цементе. Статей о нем явилось действительно в России множество, казенных заказов для доков, для крепостей, для портовых сооружений и т. п. является также много, учреждена при Институте путей сообщения и специальная лаборатория, где можно испытывать приобретаемые цементы, в частных постройках день от дня все более и более усиливается спрос на цемент, словом, все надобное делается. Поглядим же на тарифные отношения, заметив предварительно, что производство цемента требует или естественной (подобной мергелю) смеси известняка (углеизвестковой соли) с глиною, или соответственных материалов в отдельности, а затем — обжигания, смешения, измельчения и укупорки, производимых не зря, кое-как, а с полным знанием материалов и процессов, с ними совершающихся. Всегда в России было много и смешений известняка с глиною, и всяких видов глины и известняков, начиная с мягкого мела и кончая плитняком большой твердости; есть уже лица, обладающие не только химическими знаниями вообще, но и действительные передовые специалисты цементного дела, которых имена я не называю только потому, что хочу описать дело, не упоминая имен; их легко узнать и помимо этой книги, спрашивая о цементных заводах, существующих уже в России от Балтийского до Черного моря на русских берегах. Для лиц, незнакомых с делом, тотчас представляется вопрос или следствие из этой ссылки на цементные заводы России: итак, заводы цемента установились в России помимо таможенного

ных тонкостенных и легких сооружений для жилищ; но, с одной стороны, подмесь древесных опилок, а с другой, — устройство пустостенных (или с двойными стенками) цементных масс, вероятно, обойдут и эти затруднения.

покровительства, на счет естественных материалов, имеющихся для их производства? — Нет, дело было иначе. По тарифу 1868 г. как цемент, так и материалы для него (мел, глины) впускались беспошлинно, но в 1873 г. для цемента, ввозимого по всем границам, кроме черноморских (и азовских), назначена пошлина в 3 коп. кред. Она в 1881 г. поднята до 7 коп. зол., а в 1885 г. до 9 коп. зол. с пуда; материалы же, надобные для производства цемента, пошлиною не обложены. Спрос на цемент в 70-х годах уже был значителен,[1] и его ввозилось все более и более из-за границы, где особенно быстро стало расти цементное производство со средины 60-х годов. До введения пошлины на цемент его ввоз возрастал с 1 до 2 млн пудов. При 3-копеечной пошлине он все еще возрастал и достиг в 1880 г. до 3 млн пудов в год. С 1881 г. ввоз его сразу убавился, но потом все же опять стал возрастать, как видно из данных:

	Цемент, ввоз, европейская граница									
	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890
Тысячи пудов	2006	1535	2977	3262	2865	1701	1827	804	891	1161
Тысячи рублей	1293	853	1003	2035	1546	930	948	479	568	651

Производство русских цементных заводов в точности неизвестно, но несомненно, что в 70-х годах число их было 3, а в настоящее время не менее 12, что в средине 70-х годов их производительность ограничивалась $^1/_2$ млн пудов, а ныне превосходит 7 млн пудов,[2] что с 70—80 коп. за пуд в Москве, бывшей еще в конце 70-х годов, ныне там цена упала до 40—50 коп. за пуд, а в Петербурге можно иметь прекрасный цемент и дешевле этой цены на заводе. Испытание же русских цементов показывает, что многие из них ни в чем не уступают лучшим иностранным. В общих чертах значение пошлины на цемент сказалось явно. Пока ее не было, не было

[1] В таможенных отчетах до 1881 г. цемент особо не выделялся от извести, а в отчетах о заводах и фабриках это делалось до 1888 г., так что прежние цифры о ввозе и производстве цемента отчасти гадательны, но они даются мною на основании сведений неофициального характера.

[2] По данным 1888 г., было 11 заводов, произведших (переводя число бочек в пуды и считая в бочке только 10 пудов, а не 11, как обыкновенно бывает) $6^1/_4$ млн пудов цемента. Главным потребителем поныне является казна, с ее сооружением портов и крепостей.

и никакого повода заводить или развивать свое производство, а когда пошлина была наложена, дело, конечно, не сразу, стало явно развиваться и явилось внутреннее соревнование как в отношении улучшения качества, так и в отношении к понижению цен, много зависящих от стоимости топлива [1] и всякого рода машин, применяемых на подобного рода заводах. Но пойдем далее в рассмотрении частностей. Сперва цементы делались только из специальных, довольно редких, в природе находимых смешений, потом, особенно благодаря усилиям Франции (где имя Вака особенно достопамятно) и Англии, первой начавшей готовить много «портландского» цемента, стали выделывать цементы всюду, но бережно охраняли применяемые способы производства, и только в 60-х и 70-х годах дело уяснилось окончательно, чрез что производство цемент[ов] быстро стало расти, их ценность всюду стала уменьшаться и спустилась ныне до того, что многим заводам, удобно расположенным около месторождений известняков и глин и пользующимся дешевым топливом, цена пуда лучшего цемента стала обходиться примерно в двойную стоимость пуда каменного угля, а потому с укупоркою (в легкие деревянные боченки, обкладываемые внутри бумагою) цена пуда портландского цемента [2] во многих западноевропейских центрах промышленной деятельности дошла до 20 коп. зол.[3] Но это сделалось не сразу. Когда английские заводы были главными поставщиками цемента (в 50-х и 60-х годах), цена была почти двойною и высшею, чем современная русская цена, устанавливающаяся под влиянием пошлины в 10 коп. зол. с пуда. Нельзя требовать, чтобы в короткое время, протекшее после развития этого производства в России, где цена машин, а в некоторых местах и топлива (например около Москвы), еще очень высока, сразу установились такие цены, как в Англии и Германии, где это производство очень развилось; необходимо рассчитывать на некоторую запоздалость наших дальнейших понижений в ценах, тем более, что в надлежащее время была дана возможность входа беспошлинному иностранному цементу. Но мало этого. Когда наложена была пошлина на цемент и этим вызвано развитие русского цементного дела, первым заводам наиболее было удобно основаться

[1] На пуд цемента идет хорошего каменного угля около $^3/_4$ пуда.

[2] Так называемый романовский цемент гораздо дешевле портландского и обыкновенно немногим превосходит цену негашеной извести.

[3] Так, например, в 1888 г. Германия вывезла (преимущественно в Голландию, Бельгию, Австрию и Америку) $360^1/_2$ тыс. т, ценою на $14^1/_2$ млн марок, следовательно, тонна около 40 марок, или пуд почти по $20^1/_2$ коп. зол.

на берегах моря и взять почти все иностранное для производства цемента в России, а именно: иностранные машины, уголь и известняк, составляющие главную часть стоимости цемента. Самый сильный или производительнейший русский завод и поныне берет все это из Англии. Таков результат действительности, отвечающий той таможенно-тарифной системе, которая господствовала у нас до последнего времени. Спрашивается: многим ли отличается цементный завод, построенный на границе России, от иностранного завода, если он получает все главное, что ему необходимо, от иных стран? И если он при этом еще пользуется покровительственною пошлиною, то есть удорожает продукт, то результат можно признать прямым убытком страны, хотя предприниматель и будет наживаться. Но самое печальное при этом еще впереди и начинается с того момента, когда под влиянием покровительственной пошлины на цемент и требования времени начинают возрождаться внутри страны новые цементные заводы, берущие все главные материалы, то есть топливо и известняк, от самой России, а чрез то доставляющие и внутренний заработок иным предпринимателям и начало дальнейшего развития добычи всяких ископаемых в своей стране. Ради этого, в сущности, и нужна пошлина на цемент, эти-то заводы пошлиною и вызываются, потому что пошлина дает им возможность с самого начала иметь преимущество пред ранее укрепившеюся иностранною конкуренциею. Но теперь дело становится на другую почву. Теперь есть свой русский завод, хотя работающий на иностранном сырье, но все же русский, огражденный от иностранных соперников. Он уже забрал силу, нашел уже потребителя, вызвал привычку, скопил капитал. А в таких условиях ему совершенно естественно стремиться к тому, чтобы подавить своих начинающих конкурентов. В результате выходила бы только задержка, если бы расстояния России и провозные платы не полагали пределов развитию истинного промышленного монополизма в нашей стране. Для порта Поти, для доков Севастополя, для западных русских крепостей и тому подобных больших сооружений потребовалось много цемента, что и послужило поводом к основанию других новых предприятий, потому что установившееся полуиностранное предприятие не могло так далеко посылать свой цемент, что и дало возможность установиться в разных концах России нескольким цементным заводам. Тогда стали понимать, что можно обойтись и без иностранного сырья, а приложив усилия и воспользовавшись большими казенными заказами, оказалось возможным и сбавлять цены. Все дело здесь в том, что для

устройства цементного завода и ему подобных предприятий необходимо иметь установившийся спрос, сбыт вблизи места устройства завода, при легком (водном, дешевом) с ним сообщении. Если сбыт не обеспечен, если он будет меньше, чем может дать завод, — цемент будет дорог, потому что самому заводу он обойдется дорого, так как часть времени приборы и люди на заводе должны будут бездействовать. Спрос будет мал — цемент будет дорог, а цемент будет дорог — спрос будет мал, и ранее установившиеся заводы в состоянии будут монополизировать в своих руках, если не все, то большинство цементных дел. Круг кажется безысходным; повидимому, куда ни повернуться, все будет плохо. Но это только оттого, что в начале дело было понято не совсем правильно, и это повело к глубоким внутренним неравенствам. Одним заводам надо было позаботиться все разыскать, что следует для производства, начать добычу и доставку всего сырья и прежде, чем самим что-либо получить, сперва накормить кого-то другого, своего же русского. Другим же полуиностранным заводам, то есть действующим на иностранном сырье, ничего не надо было искать и особо устанавливать вне своего завода. Подобное неравенство и приводит к тому, что видим в результате прежних воззрений на тарифно-промышленные вопросы. Если б в 1873 г., наложив на цемент 3 коп. кред., наложили на мел, для цемента часто применяемый, и на уголь, для его производства надобный, хоть маленький оклад в $^1/_2$ или в 1 коп. кред., тогда прямо вызвали бы сразу действительно русские цементные заводы, и наши цены на цемент, особенно после усиления покровительства (1881), наверное, уже сильно упали и достигли бы, вероятно, почти той же нормы, как в Западной Европе. На первый раз кажется, что можно и теперь это сделать, то есть поправить прежнюю ошибку, наложив ввозную пошлину на иностранный мел, служащий для полуиностранных русских цементных заводов? Это только кажется так с первого взгляда, а внимательно вникнув в дело, окажется неудобство, состоящее в том, что полуиностранный наш завод основался там, где нет известняка, могущего служить (и обыкновенно служащего) для получения цемента; следовательно, пошлина на иностранный мел или известняк просто убила бы такие, *переделочные* или полуиностранные (то есть пользующиеся вместо соответственных русских сырых материалов беспошлинными или низкопошлинными иностранными) цементные заводы. Но не дав еще укрепиться желаемому, важному и вызываемому делу, убивать таможенною пошлиною то, что уже началось, под влиянием прежних та-

моженных же мер, — было бы плохою системою. А потому и ныне, в новом тарифе, мел (ст. 65-я п. 5-й) оставлен беспошлинным. Но теперь из всего того, что сделано, и из того, что должно последовать при современной таможенной системе, уже очевидно, что лишь крайние соображения осторожной последовательности мероприятий удержали прежнюю беспошлинность мела. Первое предостережение дано. Есть время «переделочному» заводу стать из полуиностранного — русским, дав хлеб не английским, а русским добывателям надобной для завода известковой массы. И очевидно, что при достаточном усилении внутреннего русского производства цемента можно будет наложить и на иностранный мел покровительственную пошлину, какой заслуживает всякий иностранный товар, оттесняющий соответственный русский.

В рассмотренном выше примере очевидно (стр. 493—494): 1) что всякого природного добра, надобного для производства цемента, России не занимать стать, а потому, если цементное дело следует развивать, то следует при этом развить и добычу своих материалов, для него применяемых, а потому иностранные не впускать беспошлинно, иначе покровительство продукту повлечет за собою, ко вреду России и без пользы для ее промышленности, только к устройству «переделочных» заводов; 2) что пограничные местности России, составляющие естественные проводники для установления западноевропейских производств в России, имеют в своих естественных условиях достаточно причин для развития в них покровительственных производств (например более легкую, чем внутри России, возможность получать из-за границы надобные для первого обзаводства приборы), а при беспошлинном впуске иностранного сырья, пользуясь им, они не увеличивают промышленной готовности России, а скорее препятствуют ей, так как не несут труда и забот о вывозе коренных видов добывающей промышленности, и 3) что особых забот и внимательнейшего покровительства заслуживают прежде всего и особенно те виды заводов и фабрик, которые пользуются русским сырьем, то есть выпускают товары, производимые из не применяемых доныне или не переделываемых естественных (природных) запасов страны, потому что починную цель развития промышленности страны составляет добыча полезного из того, что в стране без этого остается неприменяемым. Разумная покровительственная система страны должна прежде вызывать именно добычу или завоевание от природы новых средств или полезностей, потому что только страны, умеющие из данных им даров природы извлекать полезное и спрашиваемое, могут спокойно

взирать на будущее и увеличивают общие средства, находящиеся в распоряжении человечества.

Сопоставляя сказанное с тем, что (стр. 493—494) на первый взгляд кажется справедливым и правильным, видно, в указанном примере, как осторожно должно обращаться с вопросами, относящимися к промышленному развитию страны, как настоятельны покровительственные таможенные пошлины в отношении к товарам, наиболее необходимым стране, и какую задержку желаемому развитию и удешевлению в России наиболее необходимых произведений составляют фритредерские вожделения, требующие беспошлинного ввоза в Россию необходимых ей товаров. И чем дешевле этот необходимый товар, тем необходимее и пошлины на него, потому что беспошлинн[ый] иностранный товар внутри России, по ее размерам судя, навсегда должен остаться дорогим, дешевизна же может достигаться только чрез развитие добычи данного товара во всех подходящих местах России. То же самое, что до цемента, относится к великой массе других надобных России в дешевом виде товаров, а потому ради этой самой дешевизны необходимо не только облагать соответственные иностранные товары достаточно высокою пошлиною, но ту же меру применять и к потребному сырью, чтобы устранить возможность развития столь пагубных для дешевизны и для промышленного развития «переделочных» заводов, которые мало чем по своему существу отличаются от иностранных, а в некоторых отношениях даже хуже иностранных, так как они замедляют истинные успехи развития отечественного производства сильнее иностранных заводов, борьба с которыми, при содействии таможен, во много раз легче.

После этих общих замечаний перейдем к частностям, касающимся отдельных товаров, и к размерам пошлин по тарифу 1891 г.

В статье 65-й на первое место поставлены, с окладом в 2 коп. зол. с пуда, глины всякие, кроме красильных (ст. 125-я), боксит и тальк в кусках нежженый. До сих пор эти товары проходили беспошлинно, вместе с мелом, который и ныне остался не обложенным пошлиною. Из приведенного далее сопоставления данных о ввозе видно, что общий (с мелом) ввоз в последние годы равнялся 4—5 млн пудов, а из сведений, касающихся отдельных товаров, известно, что в этом числе глин ввозится около 2 млн пудов в год и больше всего чрез Петербург и Ригу. Так как ввозимая глина, конечно, не есть простая, всюду находимая глина, применяемая для кирпичей, печей и гончарных изделий, то необходимо об-

ратить внимание на то, что в глинах ценятся три главных свойства, которым не удовлетворяют обыкновенные, всюду распространенные сорта. Белый цвет (отсутствие красящих окислов, например железных), пластичность (мелкость зерна, отсутствие подмесей, вязкость теста и способность принять много подмесей, не теряя вязкости) и огнеупорность (отсутствие спекаемости или начала плавления при высоких температурах, достигаемых в печах) составляют эти три искомые качества глины. В некоторых случаях требуется одно из этих качеств, например бесцветность, для подмеси в бумажную массу, или огнеупорность для производства реторт, тиглей и т. п.; но для некоторых применений, например для фарфорового дела, требуется комбинация указанных признаков. Такие глины реже обыкновенных, и долгое время многие глины считались драгоценными для специальных потребностей. Особенно славится «китайская глина» (china-clay), или фарфоровая глина. «Трубочная глина», «огнепостоянная глина» и другие подобные сорта глины давно отличены и оценены всюду — только пока не у нас. На громадной поверхности России уже известны, да и то больше по случайному опыту местных жителей, разнообразнейшие виды и сорта глин, но систематически исследован этот предмет очень мало, и везде, где ни принимались за дело, находили неожиданные драгоценные по свойствам глины. Укажу на один пример. Около Киева применяют для кирпичного дела разные сорта глин, но они изучены лишь недавно С. М. Богдановым в лаборатории Киевского университета в отношении их состава, а потому и свойств, так как здесь между составом и свойствами связь уже вполне очевидна. Оказалось, что некоторые сорта могут дать огнепостоянные изделия. В Донецком крае также только недавно найдены столь хорошие сорта огнепостоянной глины, что местные заводчики, например Юз, перестали брать английскую огнепостоянную глину, которую прежде выписывали. От Черниговской и Киевской губерний вдоль по гранитному выступу, образующему низовые пороги Днепра, встречается во многих местах превосходная белая глина, употребляемая издавна жителями для беления печей и стен. Давно уже известно несколько месторождений фарфоровой глины. Из них глуховская (Черниговской губернии) наиболее давно разрабатывается. Гжель около Москвы, Боровичи около Мсты и многие места Урала издавна славятся своею глиною. Мне самому посылали не раз из разных мест России образцы прекрасных сортов глины. И надо полагать, что между русскими глинами разыщутся всевозможные сорта, как нашлись

они в Англии, особенно со времен Веджвута. Я слыхал, что он, получая издалека несколько сортов надобных его знаменитому заводу глин, стал систематически испытывать все глины, в своих окрестностях находящиеся, и подобрал все надобные сорта, а потому и говорил, что, прежде чем брать далекую глину, следует испытывать глины, «по которым мы ходим на наши заводы». Поэтому должно думать, что таких «китайских глин» (china-clay), какие мы получаем для наших заводов (фарфоровых, фаянсовых, бумажных и др.), найдется много между теми, которые топчутся нашими ногами. Но кто же станет испытывать и искать, пробовать, рисковать добычею и подготовкою (отмучиванием), если заводы, требующие высшего сорта глин, могут, не заботясь о разведке и разработке русских глин и устраивая свои заводы недалеко от границ, беспошлинно получать иностранную глину? Конечно, заводам, расположенным вдали от границ, невыгодно брать чужеземную глину, потому что провоз дорог, но ничто не указывало до сих пор на то, чтобы заводы, производящие ценные и хорошо огражденные таможенными пошлинами товары, устраивались внутри страны; напротив того, беспошлинный впуск иностранных сырых заводских материалов и высокие покровительственные пошлины на произведения заводов и фабрик прямо указывали на пограничные места для всех русских начинаний и на заграничные сырые материалы. Спрос на товары этого рода невелик в России, потребность ее легко восполняется, а избыток производства вывозить за границу трудно, получая оттуда сырье. Поэтому и видим ту вялость русской производительности, которая приписывается обыкновенно существованию покровительственного тарифа. Причины же тому иные, а главная в том, что свое сырье, начиная от своей глины, в загоне, все привычки, все интересы сосредоточились на иностранном сырье. Если бы сразу принуждены были искать своего сырья, допустим, развивались бы заводы, хотя и тише, но вернее. Учредив свою добычу, скажем для примера, хотя бы глины, надобной для фарфорового дела, и устроив производство фарфора, имели бы полный интерес шире и шире развивать добычу и глины и фарфора, а при дешевизне русских рабочих и наших земель, скоро бы, как в нефти, дошли до насыщения русского рынка и до потребности заграничного сбыта. Если бы, назначив в 1868 г. (ст. 76) 4, 8, 16 руб. с пуда за фарфоровые изделия, назначили хотя бы 10 или лучше 20 коп. за пуд иностранной фарфоровой глины, тогда бы все дело было иным, чем ныне, а при пошлине в 4, 8, 16 руб. за фарфоровые изделия назна-

чить за глину даже 20 коп. — не значило бы запретить ввоз иностранной глины, а значило бы только, что свою искать было бы выгодно, потому что на 1 млн пудов ввезенной глины пришлось бы уплачивать 200 тыс. руб., то есть такую сумму, из-за которой стоило бы поискать своей фарфоровой глины. Теперь же, когда давно действовал иной порядок, надлежащий, и затевать сразу неудобно, следует, так сказать, начинать сначала, идти понемногу, чтобы не пошатнуть то, что существует. Начало и положено — в виде пошлины в 2 коп. зол. с пуда чужеземной глины всякой. Две копейки мало для начинаний этого рода, то есть для истинного поощрения усиленных разведок и выработки редких и дорогих сортов глин, но все же хоть дано указание на то, чтобы строили новые заводы не на счет переделки английской «китайской глины», а на счет русской «китайской глины», которую разыскивать и пробовать, хотя вяло, но все-таки начнут даже из-за того одного, что при миллионо-пудовом расходе придется уплачивать 20 тыс. руб. зол. пошлины. Этим и объясняется пошлина на глину. То же относится к тальку, которого в России, особенно на Урале и в Сибири, много, и даже к бокситу, хотя этого последнего в России до сих пор не найдено. Боксит (от местечка Baux, на юге Франции, около устья Роны) есть водно-глиноземистый (около 60% глинозема) камень, чаще всего содержащий окись железа и имеющий красный цвет (но есть и бесцветный, от выветривания базальтов происходящий). Он найден, кроме Франции, в последние года, когда явился на него спрос, в Америке, в Австрии и Германии и, вероятно, найдется, когда хорошо станут искать (а при пошлине в 2 коп. зол. с пуда этого ожидать трудно, у нас много дел поважнее боксита) и в России. Употребляется он для получения глиноземных, то есть квасцовых, препаратов вместо алюнита, очень редкого в мире, а у нас заброшенного. Если бы только рассказать подробности истории[1] изобильнейшего Заглицкого (в Елизаветпольском уезде, на севере от озера Гокчи) месторождения квасцового камня, то потребовалось бы много страниц, показывающих, как мало наше техническое

[1] Она помещена во II томе «Сборника сведений о Кавказе», 1872, стр. 97, в отчете г. Богачева о Загликском квасцовом заводе. В этом примечательнейшем и запущенном кавказском богатстве, помещенном в горе Шарул-Кор, в 4 верстах на юг от с. Заглик (Меллер. Полезные ископаемые Кавказа, 1889 г.), находятся пласты от 1 до 6 аршин толщиною. Местность сдавалась долго на откуп от казны для добычи квасцов. Цены за откуп были чересчур велики, откупа упали, дело прекращено, и завод пустует, а земли по претензиям местных жителей отошли от казны в частные руки. В этом квасцовом камне, как в боксите, почти нет (0.14%)

внимание обращено на то, что имеется у себя дома, но я должен оставить подобный предмет, потому что дело возбуждения промышленного развития хотя и разбивается на частности, но состоит не в них, а в преследуемой системе и в указании на основные, важнейшие стороны предмета, а ни боксит, ни квасцовый камень не могут сами по себе составить важной промышленной задачи, хотя могут служить базисом для постройки крупных частных предприятий. Промышленная же система, при помощи которой можно надеяться на прочное развитие русской заводской переработки ископаемых, очевидно, должна опираться на возбуждение всеми способами добычи и переделки прежде всего русских, а не заморскочужеземных ископаемых. Для меня это так ясно, что я бы не рассказывал и всего предыдущего, если бы не существовало проникавшего в жизнь и в таможенный тариф иного воззрения, основанного на явном недоразумении, которому тариф 1891 г. положил предел, хотя и должен был, ради постепенности перехода, ограничиться слабыми окладами на иностранное сырье, которому столь сильно покровительствовал тариф 1868 года.

Так как о кусковом меле (п. 2-й статьи 65-й) и о цементе (п. 4-й) сказано выше, то из 65-й статьи остается упомянуть о пункте 3-м, где содержится прежде всего гипс (камень) нежженый (жженый же, или алебастр, содержится в пункте 4-м с пошлиною 10 коп. зол.), обложенный ныне по всем границам пошлиною в 3 коп. зол. с пуда, прежде же этот оклад он нес только при ввозе в балтийские порты, по прочим же границам впускался беспошлинно, должно быть потому, что считался материалом, надобным всюду и в России редким, только в Остзейском крае изобильным. Но так как беспошлинно гипса нежженого ввозится до 700 тыс. пудов в год, как показано далее, и так как во многих краях России известны целые горы гипса (они изобильны и на Волге, и в Донецком крае, и в Подольской, и в Бессарабской губерниях, и т. п.), то ныне нет никакого основания беспошлинностью ввоза покровительствовать каким-нибудь иностранным гипсовым ломкам и следовало уравнять оклад всех границ с балтийскими, что и

кремнезема, но кроме $37\frac{1}{2}\%$ глинозема содержится 39% серного ангидрида (чего нет в боксите, равно как и кали) и 9% окиси калия. Из алюнита этого, хотя в нем и содержатся (кроме $14\frac{1}{4}\%$ воды) следы окиси железа, легко получаются квасцы, лишенные железа. Будь такой камень доступен западноевропейским заводчикам по дешевым ценам, они бы сделали с ним огромные технические дела. Не на кавказские залежи всяких ископаемых указывал таможенный тариф 1868 года, а на английские и всякие чужеземные, — теперь поправлять трудно, но при настойчивости можно и должно.

служит объяснением для пошлины, принятой в действующем тарифе. Те же замечания относятся и к жирной извести (жженый мел представляет такую же известь) и жженому тальку, тем более, что они уже содержат в своей цене не только плату за труд добычи и перевозки, но и за работу и другие расходы, надобные для обжигания.

Прежде чем перейти к ст. 66-й, касающейся грубых каменных товаров, приводим данные для ввоза и вывоза землистых и каменистых веществ в тех подразделениях, какие даются таможенными отчетами, ограничиваясь европейскими границами и последними годами.

	Ввоз по европейским границам					
	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Глины и мел	4905	794	4439	695	5816	759
Гипс нежженый и известь в балтийские порты	88	50	82	49	126	47
Они же, в другие таможни	734	147	1079	220	1194	242
Цемент	804	479	891	568	1161	665
Цементные кирпичи и плиты	9	5	3	2	5	2
Алебастр, пуццолан	13	9	26	13	34	15
Дикий камень, битое стекло	1189	114	1389	117	1411	111
Камни точильные и другие недрагоценные	979	775	1191	819	1100	744
Драгоценные камни, жемчуг, кораллы и т. п., не в деле	—	905	—	1501	—	1396
Кораллы сверленые, без оправы	—	216	—	178	—	178
Янтарь, кость слоновая, черепаха, мозаика и т. п., не в деле	4	396	3	385	4	276
Наждак, пемза, графитовый порошок	212	549	254	657	255	616
Наждак, пемза куск.	27	41	29	43	45	75
Мази и замазка разная	6	12	3	14	5	13
Алебастр в деле	1	8	1	12	1	17
Мраморные и другие изделия из недрагоценных камней, кроме нижеупомянутых	19	126	40	164	25	140
Мраморные ступени и нешлифованные плиты тонкие до 5 вершков толщиной	14	13	106	127	110	170
	9004	4639	10536	5564	11292	5456

Следовательно, общее количество ввоза возрастало за последние годы и достигло до 10 млн пудов, ценою примерно на 5 млн руб. А так как в этом привозе по цене и по весу преобладают товары, бывшие беспошлинными, то обложение их таможенным окладом может оставить миллионный заработок не только народу, работающему на выемках глин и тому подобных ископаемых, но и железным дорогам, и подвозчикам, и т. п., чем пренебрегать, очевидно, не должно, тем более, что, разрывая землю для глин и тому подобных ископаемых пород, будут приучаться к тому, чтобы видеть в земле и под нею всякий доход кроме одного хлебного.

Для знакомства с размерами вывоза указанных ископаемых и простых из них изделий приводим для 1888 и 1889 гг. данные для всех границ, выделяя вывоз по европейской границе.

	Вывоз из России							
	1888 г.				1889 г.			
	всего		по европейской границе		всего		по европейской границе	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Глины (не крас.) . . .	94	13	26	2	58	8	33	5
Мел кусками .	11	3	6	1	9	3	6	2
Известь . . .	226	31	190	27	134	24	117	21
Цемент	5	4	2	2	2	2	2	2
Простой камень	?	286	5301	273	5224	268	5143	258
Малахит не в деле	0.023	4	0.023	4				
Малахит в изделиях . . .	0.003	0.4	0.003	0.4	—	74	—	74
Другие полудрагоценные камни . . .	—	8	—	8				
Янтарь . . .	0.8	52	0.8	48	0.2	58	0.2	46
Гипсовые изделия	0.3	5	0.2	3	0.2	3	0.1	2
	—	406	5528	368	5428	460	5301	419

Ценность вывозимых по европейской границе простейших товаров ископаемого царства настолько меньше (раз в 25 или

30) ценности ввозимых, что в этом различии сказываются два обстоятельства, которые подтверждаются и при дальнейшем знакомстве с промышленно-торговыми отношениями России. Во-первых, и это, по моему мнению, важнее всего, русские таможенные тарифы всегда, до последнего времени, забывали про ископаемые, взятые как товары, помнили только про металлы и товары заводско-мануфактурные, растительные и животные, а во-вторых, по моему мнению, вследствие предшествующего, и русский народ забывал про камни, глины и тому подобные на первый взгляд маловажные предметы, добычи их не развивал, все дело предоставил какой-то случайности и хотя знал, что в России всякого рода камней и земель много, но про это и мало говорил и мало помышлял пустить в народный обиход эти дары русской природы, а где понадобится — там выписывал иностранный товар этого рода. Если что и делают здесь, то, кроме правительства, обыкновенно крестьяне и разве кое-кто из предпринимателей для местных потребностей. Из массы более или менее известных мне предметов этого рода, ради примера, упомяну о двух. Всякий, ездивший около Донца, например, в том месте близ Каменской станицы, где он пересекается Воронежско-Ростовскою железною дорогою, должен был видеть массы прекрасных местных сланцев, которыми казаки даже огораживают свои поселки. На выставках показывают прекрасные образчики донецких аспидов или сланцев, совершенно пригодных для безопасных от огня, хотя тяжелых, но зато прочных кровель. Пора бы приняться за это дело с должною настойчивостью, и пожарная болезнь России, вероятно, много бы поутихла, если бы по Донцу и Дону стали бы развозить этот прекрасный для строительного дела материал. Но возьмем другой пример, поближе к одному из центров русской предприимчивости, к Петербургу, чуть не ежегодно перемащивающемуся и тратящему большие средства на свои торцовые мостовые и немалые на булыжные пути. А между тем к Петербургу вниз по воде, следовательно с дешевейшею доставкою, можно пригнать олонецкие красные кварциты, могущие, по свидетельству проф. А. А. Иностранцева, служить превосходнейшим материалом для выстилки улиц. Бельгия не только себя вымостила таким камнем, добываемым на небольшом участке, но снабжает и множество городов других стран своим прекрасным мостовым камнем, который важивали и к нам. А тут громадная площадь прямо по Свири (Олонецкой губ. Петрозаводского уезда, около дер. Остроречино) покрыта таким красным кварцитом, содержащим 89% кремнезема и выдерживающим

900 пудов нагрузки на 5 кв. см. Следовало бы сбывать такой камень всюду, а у нас от непривычки смотреть на дела этого рода с должной точки зрения, и соседнюю столицу мостят булыгой и не начинают выработки. Подобных примеров не перечтешь, то есть не пересчитать явных и крупных промышленных дел, предстоящих для России. Вызвать, возбудить и развить их, однако, нельзя, не указывая таможенным тарифом и всякими иными способами именно на эти русские дела и не заставляя отвращать внимание от иностранного сырья. Так и поступает таможенный тариф 1891 г., хотя и со всею возможною осторожностью и постепенностью.

Так, в 66-й статье сохранен беспошлинный ввоз (п. 1) ни чем не обделанных камней и 3-копеечный золотой оклад (п. 3, 4-й *а* и 6) для подправленных обсечкою камней, точильных брусков, литографских камней и т. п., но для камней, превращенных в порошок или вообще в однородный вид и применяемых в заводском деле (п. 2), назначен оклад в 10 коп. зол. с пуда вместо прежнего беспошлинного ввоза, а для толстых мраморных (толще 5 вершков, п. 4, б), вместо 3 коп. Для слюды же (ст. 66-я п. 7) и асбеста (ст. 69-я), как ископаемых сравнительно дорогих и в России имеющихся в должном изобилии, назначена высшая пошлина 5, 12 и 15 коп. зол. Пошлина для драгоценных и полудрагоценных камней (с фунта) по ст. 67-й для янтаря, слоновой кости и т. п. (с пуда) была в 2 руб. 40 коп. зол., а ныне сделана в 3 руб. зол., что не имеет, в сущности, особого значения, кроме маленького подъема таможенного дохода, так как высокая ценность товаров этого рода не позволяет налагать на них оклада, сколько-либо соответствующего с их ценностью, потому что иначе много товара, хотя бы и с риском, повезут контрабандным путем. Столь же несущественны перемены окладов по ст. 70 для простых (не галантерейных) каменных, гипсовых и тому подобных изделий, потому что ввоз их малозначителен. Более внимания заслуживают перемены, относящиеся к 71-й статье. Например, для наждака в кусках пошлина назначена в 8 коп. зол. вместо 15 коп. зол., потому что наждак трудно измельчается и производство наждачных изделий (шкурок, колес и т. п.) установилось в России и должно выписывать малоазиатский камень, ныне всюду применяемый для подобных изделий. Пошлина же на изделия возвышена сообразно с пошлиною на бумагу, полотно, гуттаперчу и другие материалы, применяемые для товаров этого рода, которые по прежнему тарифу платили только 30 коп. зол. с пуда, то есть столько же, сколько платил (и ныне будет платить) моло-

тый наждак. На том же основании, то есть сообразуясь с пошлиною на входящие материалы (например воск, масла и т. п.), возвышена пошлина на мази и разные сорта замазок (ст. 71-я п. 5-й), тем более, что производство их установилось в России и ввозится к нам преимущественно товар дорогой. На добыче и переработке товаров, относящихся к статьям 66—71-й, могут много предпринимателей и рабочих найти себе хлеб, если внимательно отнесутся к имеющимся в России запасам каменистых веществ, но подробнее разбирать условия этих предприятий нет особенной надобности, потому что во ввозе и в промышленном обиходе их значение не столь велико, как товаров, относящихся к следующим затем статьям, а именно керамических (гончарные изделия, фаянс, фарфор) и стеклянных. Прежде чем разбирать частности, к ним относящиеся, приведем количество ввоза по европейской границе, вывоза по всем границам и внутреннего производства товаров двух указанных родов, ограничиваясь для ввоза и внутреннего производства 10 последними годами, а для вывоза лишь двумя.

Цифры этой таблицы [стр. 511] показывают, что в первую половину 80-х годов ввозилось на 5—6 млн руб., а в последнюю только на 3—4, а в крайних годах ввоз сократился почти в два раза как по цене, так и по массе. На взгляд одних это худо, показывает только обеднение, а взглянув с иной стороны, это показывает развитие внутреннего производства, определяемого повышением пошлин, начавшимся с 1881 г. Эти стороны предмета я рассматриваю далее в отношении к отдельным статьям и пунктам тарифа, но предварительно по отчетам, собираемым Департаментом торговли и мануфактур, привожу сводку сведений о развитии внутренней производительности за те же, как выше, года, ограничиваясь данными о числе рабочих и о ценности производства товаров главных категорий.

Здесь [см. стр. 512] всего поразительнее сравнительное постоянство [1] потребления (производство внутреннее + ввоз). Это значит, что ни в стройке, ни в домашнем быте народ не увеличил за истекшее десятилетие своего спроса на стеклянные и глиняные изделия, применяет их только столь в малой пропорции, что на каждого падает расход разве в 40 коп. в год. И действительно, жилища все еще остаются преимущественно деревянными, только трубы, да иногда печи (чаще они лепятся

[1] Ввиду несовершенства в собирании статистических данных такие различия как между 27 и 30 млн руб. (10%) потребления нельзя считать достойными внимания. Они, вероятно, находятся в пределе погрешности чисел.

Год	Ввоз по европейской границе												
	кирпич,[1] черепица, трубы глиняные, ст. 72 и 73		гончарные изделия всякие, ст. 74		фаянсовые изделия всякие, ст. 75		фарфоровые изделия всякие, ст. 76		стеклянные изделия по ст. 77[2]		зеркальные стекла и зеркала в тысячах рублей		итого стеклянных и глиняных изделий
											до 300 кв. вершков	свыше 301 кв. вершка	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	млн руб.
1880	6801	1195	96	314	77	859	15	452	247	2763	424	1062	7.1
1881	3524	775	76	287	47	583	12	354	156	1951	183	391	4.5
1882	2425	1025	72	324	53	721	11	421	156	2215	436	682	5.8
1883	5024	960	123	565	38	509	12	364	148	1967	374	709	5.5
1884	3002	808	132	590	34	406	11	373	121	1726	354	676	5.0
1885	3447	655	161	367	31	379	10	433	125	1563	407	232	4.0
1886	3632	684	144	303	34	411	9	392	110	1335	770	270	4.2
1887	2559	925	153	375	21	265	7	266	100	1117	367	232	3.6
1888	2389	650	133	385	26	289	7	301	70	826	328	147	2.9
1889	3223	848	161	370	30	364	8	374	103	993	501	253	3.7

[1] Для перевода числа штук огнепостоянного кирпича, показанного в отчетах до 1887 г. по весу, принято 5 штук на 1 пуд.

[2] Там (до 1883 г.), где даны бутыли числом штук, принято 20 бутылей на пуд.

Год	Внутреннее производство								итого тысяч рабочих	итого миллионов рублей	ввоз + производство, миллионов рублей	отношение ввоза к потреблению %
	кирпич		гончарные изделия		фаянсовые и фарфоровые изделия		стеклянные и зеркальные					
	тысяч		тысяч		тысяч		тысяч					
	рабочих	рублей	рабочих	рублей	рабочих	рублей	рабочих	рублей				
1880	38	11010	3	924	8	3219	15	8307	64	23.4	30	23
1881	39	11065	3	1090	8	3639	17	9884	67	25.6	30	15
1882	41	12922	3	1076	8	2697	18	9753	70	27.4	33	17
1883	35	10684	3	962	8	3569	18	10236	64	25.4	31	18
1884	28	9420	2	857	8	3889	20	10279	58	23.4	28	18
1885	26	7928	2	811	8	3937	19	9400	57	22.0	26	15
1886	36	8640	2	783	9	4203	21	9991	68	23.6	28	15
1887	29	8815	2	851	9	4226	21	9757	61	23.6	27	13
1888	29	8962	2	875	10	4375	21	10311	62	24.4	27	11
1889	31	9274	2	1582	10	4228	23	11146	66	26.2	30	12

Ввоз 1889 г.	Границы							
	все		европейская		финляндская		азиатская	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Кирпич обыкновенный	460	50	389	38	3	0.3	74	15
» огнепостоянный	2680	707	2563	673	—	—	117	6
Черепица кровельная	122	49	115	43	—	—	7	16
Трубы дренажные	159	95	155	93	2	0.7	2	0.3
Простые гончарные изделия	176	378	159	334	13	36	5	8
Гончарные изделия для украшения	2	36	2	36	—	—	—	—
Фаянсовые изделия одноцветные	16	153	8	76	7	68	1	8
» с узорами и живописью	26	331	22	288	3	34	1	8
Фарфор белый	4	88	4	86	—	1	—	1
» с живописью и украшениями	5	294	5	288	—	1	—	5
Изделия бутылочного стекла	174	165	0.7	3	173	162	—	—
Бутылки, в черноморские и азовские порты	1	2	—	—	—	—	1	2
Оконное стекло бесцветное	76	254	37	122	37	124	2	8
» » крашеное	6	116	7	113	—	1	—	3
Стеклянные изделия не граненые	46	419	46	412	—	1	1	6
» » граненые и окрашенные	12	352	12	343	—	2	—	7
Зеркало и зеркальные стекла до 100 кв. вершков	14	233	13	229	—	1	1	3
То же от 101 до 200 кв. вершков	—	150	—	147	—	2	—	1
» » » 201 » 300 » »	—	128	—	126	—	1	—	1
» » » 301 » 400 » »	—	85	—	84	—	—	—	1
» » большого размера	—	172	—	168	—	1	—	3
Итого, млн руб.	—	4.3	—	3.7	—	0.4	—	0.1

из глины), делаются из кирпича, и хотя в окнах распространено стекло, но на столе крестьянина его очень мало, большинство посуды глиняной и деревянной. Для развития дел, очевидно, надобно поднять достаток, а он без фабрично-заводских дел, очевидно, подняться не может, ибо нет на то видимых ресурсов, кроме горных, заводских и фабричных заработков, на хлебе же можно сидеть и без хлеба, как недород этого (1891) года воочию показывает.

Затем очевидно, что ввозимый иностранный товар идет отнюдь не крестьянину, а барину, городам, вообще потребителям. Только ничтожная доля идет производительно, например огнепостоянный кирпич и некоторые гончарные изделия на заводы, как будет еще очевиднее при разборе частностей. Но прежде чем перейти к ним для 1889 г., дополним предшествующие данные о ввозе некоторыми подробностями для всех границ и приведем вывоз для 1888 и 1889 гг., насколько он известен из таможенных отчетов [стр. 513].

Следовательно, ввоз из Финляндии и по азиатской границе (в Батум и проч.) составляет едва $^1/_7$ ввоза по европейской границе, и если ввоз из Финляндии имеет еще некоторое значение, то для потребностей близкого Петербурга в отношении к грубым стеклянным и глиняным изделиям. Гораздо важнее обратить внимание на то, что весь русский вывоз рассматриваемых изделий ничтожно мал и притом по всем границам:

Вывоз по всем границам	1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Кирпич и черепица	—	46	—	27
Гончарные изделия всякие	20	28	20	22
Фаянсовые и фарфоровые изделия	24	259	26	318
Стекло оконное и посудное	48	319	43	304
Зеркало и зеркальное стекло	—	116	—	54
		768		725

Должно не забыть, что ввоз и вывоз рассматриваемых изделий есть простой ввоз и вывоз результатов труда, потому что глина, песок, известь и топливо, составляющие главный материальный расход этих товаров, стоят почти исключительно по цене поденной работы, которая на них тратится, а потому Россия с ее дешевыми рабочими, особенно в зимнее время (когда глина и должна быть заготовляема, чтобы промерзла), в таких местах, как Донецкий край или Баку, или

северные леса, где топливо дешево, представляет все выгоды дешевого производства гончарных и стеклянных изделий. Особенно благоприятным местом для развития стеклянного и гончарного производства должно считать Донецкий край не только потому, что там топливо дешево и водный сбыт для отправки в Черное море близок, но и потому, что там много превосходнейших глин уже отыскано, а по Владикавказской дороге или водным путем легко получить с баталпашинских и вообще прикубанских озер готовую самосадочную глауберову соль, составляющую одну из главных расходных статей стеклоделия, для которого можно также воспользоваться местною каменною солью. Трудно где-либо даже подыскать наибольшую сумму благоприятных условий для производства дешевых стеклянных изделий и, не боясь ошибки, можно сказать, что придет время, когда Россия будет снабжать своим донецким и кавказским стеклом не только страны Востока, но и берега Средиземного моря, потому что доныне нигде там не собрано столь редкое сочетание для развития этих производств. Если русское потребление или спрос малы, то это зависит первее всего от того, что стекло, фарфор и тому подобные изделия принадлежат, для массы русского народа, к предметам роскошной прихоти, а когда около заводов и фабрик народ не только насмотрится случаев удобства применения этих товаров, но и получит лишний заработок, тогда он сам спросит огромную массу товаров этого рода. Промышленность должна это предвидеть и выбирать подходящие места для массового производства наиболее ходких товаров этого рода, конечно только из числа тех, которые по своей цене выдерживают далекую перевозку.

От обыкновенного кирпича и простой бутылки, как дешевейших, стеклянные и глиняные изделия представляют огромнейшие разности в ценах. Если 1000 обычного кирпича стоит около 22 руб. и весит около 220 пудов, то цена пуда — около 10 коп. Огнепостоянный кирпич и черепица за пуд стоят уже от 25 до 40 коп., гончарные изделия простейшего сорта — до 2 руб., а сколько-либо более сложные, например потребные заводам или с более чистою отделкою для комнат, до 6 руб. за пуд. Фаянс в простейших изделиях стоит уже 10 руб., а фарфор не менее 20 руб. пуд. Так и в стекле. Простые бутылки весом в $1^1/_2$, много 2 ф. стоят на заводах около 3 руб. за сотню, следовательно, за пуд около 75 коп. Простейшая белая, выдутая стеклянная посуда (стаканы, графины и т. п.), стоя материалом и работою гораздо более, продаются на заводах уже от 4 руб. до 7 руб. за пуд, простое оконное

стекло — около 4 руб. за пуд, тонкая же стеклянная посуда, ныне столь обыкновенная для сервизов, хотя заключает мало материала (легковесна), но обходится заводам не менее 30 руб. за пуд; зеркала средней величины и толщины — не менее 15 руб. за пуд, а граненые, хрустальные (с окисью свинца, а иногда и с поташом) и ценные стеклянные изделия обходятся еще гораздо дороже. Поэтому очевидно, что дальнюю перевозку, а следовательно, и возможность заграничного вывоза могут выдерживать, при всей дешевизне материалов и рабочих, только те изделия рассматриваемых производств, которые имеют значительную пудовую стоимость, но водяная перевозка, по рекам и морю, наиболее пригодная для хрупких изделий из глины и стекла, может давать им далекий ход. Все эти обстоятельства, особенно же близость сырья (глины, песка, глауберовой соли, извести и т. п.), дешевизна топлива [1] и удобство дешевой вывозки на рынки потребления — должны определять выбор мест для устройства соответственных заводов. Умелых рабочих и техников для всех подобных дел уже легко найти в России, а при развитии производства число их легко возрастет, так что нет ни одного коренного препятствия [2] к тому, чтобы производство рассматриваемых товаров не возросло в значительной мере в России, когда ее промышленные усилия станут развиваться. Поэтому здесь, как и во многом другом, необходимы и плодотворны всякие меры возбуждения и в числе их таможенный тариф. Мы видели выше (стр. 511—512), что по ценности ныне ввоз составляет от 10 до 20% всего потребления или около $^1/_6$ внутреннего производства. Возвышая равномерно оклад на всякие изделия, можно не достичь желаемого результата; необходимо разбирать частности и выбирать для современного усиленного

[1] На пуд простейшего бутылочного стекла, например при переплавке горных пород (базальтов и т. п.) идет около $1^1/_2$ пудов каменного угля, а на высшие сорта оконного стекла до 5 пудов при обычном ходе производства.

[2] Но не должно забывать, что наше, например, стеклянное производство, почти не развивающееся в последние десятилетия, успело отстать во многих отношениях, особенно же в отношении экономии топлива и времени варки стекла, т. е. должно усовершенствовать выплавку стекла при помощи применения каменноугольного топлива и газовых печей, чтобы догнать успехи, сделанные в Западной Европе. Здесь понижение тарифа не поможет, как думают иные, оно только понемногу убьет и те зачатки, которые существуют. По моему мнению, в улучшениях стимулом может быть только внутреннее соперничество и заграничный сбыт избытков, потому что он может дать тем заводам, которые правильно и дешево устроят свое производство, особые крупные барыши. С своей стороны я полагаю, что крупное стеклянное производство в Донецком крае может всего скорее служить для этой цели.

таможенного вызывающего покровительства такого рода товары, к которым наиболее готовы существующие промышленные силы России и между ними особенно те, которые ныне ввозятся в изобилии и еще едва начали производиться на наших заводах. Подробное исследование, произведенное проф. А. К. Крупским при пересмотре тарифа (стр. 243), имело именно эту цель и показало, например, что между стеклянными изделиями в указанном отношении особенно важны два их разряда: 1) оконные стекла выдутые (правленые, но неполированные) больших размеров, представляющие гораздо высшую стоимость противу обыкновенных оконных стекол, и 2) легкая, тонкостенная, выдутая сервизная посуда, которая ныне взошла во всеобщее употребление потребителей среднего достатка и пудовая стоимость которой [1] несравненно (до 30, даже 50 руб. за пуд нетто) во много раз превосходит пудовую стоимость обычных более тяжелых стеклянных изделий. Это прежде всего предметы более или менее изысканного вкуса и нового рода, еще не успевшего укорениться на наших стеклянных заводах. Пошлина в 1 р. 45 коп. зол. с пуда, которую доныне несли изделия этого рода, во-первых, не отвечает высокой их стоимости, составляя во многих случаях лишь менее 10% стоимости, тогда как большинство других стеклянных изделий охранено пошлиною выше 30% стоимости, а во-вторых, не позволяет и надеяться на развитие и укрепление производства подобных изделий в России, потому что иностранные производители, чтобы не потерять сбыта своих товаров, употребят все усилия на то, чтобы подавить всякие начинания, направленные в сторону продажи в России изделий собственных заводов, если таможенные меры не придут на помощь. На основании этих соображений при пересмотре тарифа введены на вышеуказанные два рода стеклянных изделий значительно повышенные пошлины. Для оконного или листового стекла мерою более 480 кв. вершков (ст. 77-я п. 6 *б*) вместо 1 руб. 45 коп. зол. назначена пошлина в 3 руб. зол. с пуда, а для дутых, гладких посудных изделий вместо 1 руб. 45 коп. зол. введен оклад в 4 руб. зол. с пуда (ст. 77-я п. 2 *б*). Прочие же ставки, относящиеся к стеклу по ст. 77, или оставлены в прежнем раз-

[1] Подразумевается стоимость без укупорки, нетто. Мне кажется, что можно было бы для стеклянных изделий, даже для зеркал, сильно упростить всю таможенную систему окладов, если бы назначить оклад не с пуда нетто, а с пуда брутто, то есть с укопоркою, потому что чем тоньше и дороже стеклянные изделия, тем более они требуют тары для укупорки.

мере, или изменены лишь незначительно, о чем особо говорить нет надобности. Сущность дела станет ясною, если скажем, что прежде было в статье о стекле пять ставок с пуда: 60 коп., 1 руб. 45 коп., 2 руб. 40 коп., 4 руб. 85 коп. и 9 руб. 70 коп. зол., а ныне получается семь окладов: 60 коп., 1 руб. 50 коп., 2 руб., 3 руб., 4 руб., 6 руб. и 10 руб., что позволило ввести большее соответствие между ценою изделий и пошлинами с них, чем было прежде, но сущность дела, за исключением двух вышеуказанных изменений, осталась прежнею, а потому, не входя в мало существенные, небольшие перемены в размере окладов и распределения товаров, обратимся к пошлине на зеркала и зеркальные стекла. Прежде была и ныне осталась (ст. 78-я п. 3) 30%-я надбавка на пошлину, отвечающую зеркальным стеклам, если они «подведены», то есть снабжены отражающею металлическою (обыкновенно амальгама олова или серебра) поверхностью, что дает возможность выписывать зеркальные стекла без подводки и подводить их здесь. Сохранены также оклады для зеркальных стекол средних размеров, но для стекол низших размеров оклад поднят (например до 100 кв. вершков фунт платил прежде 6 коп. зол., а ныне они станут платить или по 10 коп. зол. с фунта, если менее 50 кв. вершков, или 1 коп. зол. с квадратного вершка, если имеют размер 50—100 кв. вершков), а для стекол наивысшего размера оклад, если не понижен, то все же ограничен пошлиною в $4^1/_2$ коп. зол. с квадратного вершка, тогда как прежде он беспредельно увеличивался по мере увеличения размеров. Так, например, зеркальное стекло в 5000 кв. вершков (размер редкий, как в больших цельных магазинных окнах) прежде должно было уплатить $387^1/_2$ руб. зол. пошлины, а потому таких больших и вообще очень больших зеркальных стекол, у нас не производимых, к нам и не ввозили; ныне же такое стекло уплатит 225 руб. зол. пошлины. Возвышение оклада на маломерные иностранные зеркала вызывается тем, что зеркала этого рода, ввозимые из-за границы, относятся к числу наиболее ценных, так как простые сорта малых зеркал уже производятся в России и опускаются в цене от внутренней конкуренции. В то время как ценность зеркал всюду падает, цена ввозимых к нам маломерных зеркал поднимается год от года, потому что ввозятся одни высшие, дорого стоящие сорта. Так, например, средняя цена фунта ввозимых к нам маломерных (до 100 кв. вершков) зеркал в конце 60-х годов и в начале 70-х была не выше 25 коп. кред., а в последние годы она доходит до 40 коп. кред. за фунт (например

в 1889 г. ввезено 351 тыс. ф. зеркал на 140 тыс. руб.). Для товара же, стоящего 40 коп. кред., прежняя пошлина в 6 коп. зол., или в 9 коп. кред. составляла 22½%, современная же в 10 коп. зол., или в 15 коп. кред. составит 37½%, а таков, приблизительно, размер покровительственных пошлин на другие зеркальные и вообще стеклянные изделия, потому что опыт многих стран уже давно показал, что возбуждающее промышленно-покровительственное значение имеют только такие оклады, которых размер превышает 30% стоимости. В отношении к зеркальным стеклам новый тариф отличается от прежнего еще тем, что ныне нешлифованные и неполированные, а только отлитые зеркальные стекла будут оплачиваться как и полированные, сообразно размеру или величине, хотя со скидкою 40% с величины пошлины (ст. 78-я п. 2); прежде же такие стекла входили с пошлиною по 1 руб. 45 коп. зол. с пуда, а при этом, неся невысокий оклад, такие иностранные неполированные зеркальные стекла подрывали возможность развивать в России отливку зеркальных стекол, что задерживало в корне рост развития зеркального производства в России, так как главную трудность этого заводского дела составляет именно отливка доброкачественной массы, пригодной для полировки. Возвышение оклада, ныне сделанное для такого рода зеркальных стекол, вероятно, заставит существующие в России зеркальные заводы расширить свое производство и, быть может, поведет к основанию новых более совершенных производств.

Таким образом в отношении к стеклянным изделиям новый тариф, говоря вообще, увеличил существующие пошлины, к чему побуждает малая степень развития, замечаемая в числе и производительности русских стеклянных заводов (стр. 511), и пригодность многих мест России к широкому развитию дел этого рода. Должно стремиться к тому, чтобы они не только укрепились, но и развивались, увеличиваясь в числе и соперничая друг с другом, а для этой цели повышение окладов и должно играть роль временной премии начинателям. Если же внутреннее соревнование станет возрастать, то с ним и цены будут падать, как они падают для низших родов стеклянных изделий, которых производство уже укреплено в России. Статистика считает на русских стеклянных заводах около 23 тыс. рабочих, но не должно забывать, что здесь считаются только те, которые работают на самих заводах, а те, которые готовят топливо, песок, известь, соду, золу, глину и т. п., равно как и перевозчики всего этого сырья и готового товара, — в счет не входят, а они

числом вероятно превосходят заводских рабочих, что не следует забывать, обсуждая развитие русских видов промышленности.

Отношение тарифа 1891 г. к изделиям из глины совершенно такое же, как к стеклянным, потому что дела эти можно и должно всеми мерами не только укреплять, но и развивать, увеличивать в числе и производительности.

По тарифу 1868 г. всякий кирпич впускался беспошлинно, и это длилось до 1886 г., когда простой кирпич обложен пошлиною в 1 коп. зол., а огнепостоянный, черепица и трубы дренажные — 3 коп. зол. с пуда. Ныне на простой кирпич сохранен оклад в 1 коп., на огнепостоянный кирпич, черепицу и т. п. (ст. 72-я) пошлина поднята до 4 коп. зол.,[1] а на дренажные и тому подобные глиняные трубы до 6 коп. зол. Не налагали оклада на подобные грубые глиняные изделия, потому что считали их промышленным сырьем, а его, дескать, следует впустить, чтоб облегчить самое развитие производств. Оно так-то так, но в то же время и не так. Куда нужно это сырье? Скажем для примера — производителям чугуна. Но и чугун есть сырье для железа и стали, а они — для проволоки и гвоздей, а они — для таких-то и таких дел, например для жилья, а оно — для человека. Так на все, кроме разве певчих птиц да готовых платьев, можно взглянуть как на сырье. А производить, трудиться, умудряться надобно и для производства сырья, подобного кирпичам, черепице и т. п. Где же граница, где основание? Его следует искать в том, что дано без особого личного, чьего бы то ни было к делу приложенного труда. Глина в земле — сырье, а глина на возу или на корабле — была сырьем, а теперь товар, как всякий другой, ценимый по мере приложенного труда. Надобно мне, скажем, для печки тысячу огнепостоянного кирпича, я не стану из-за этого заводить производства, хотя бы у меня и под боком была огнепостоянная глина, спрошу, где есть, и куплю — в складе. А складчику, конечно, лучше купить заведомый, давно известный, клинкер или тот,

[1] К тому же окладу отнесена «шамотная масса», то есть обожженная глина, прибавляемая к свежей глине для уменьшения сжимаемости при прокаливании. Она доныне проходила (молотая) или с окладом в 3 коп. (порты Балтийского моря) или беспошлинно и ввозилась в изрядных количествах. Например, в 1890 г. ввезено 23 тыс. пудов по балтийской границе и 24 тыс. пудов по другим границам, всего на 17 тыс. руб. Дают повадку, так и песок везут, повезли бы и все, что хотите, да давать-то не следует, потому что это отнимает работу от крестьян и устраняет развитие промышленности в ее корнях. Скажу даже еще резче, не страшась впасть в утрирование: пошлины следует возвышать уже для того, чтобы дела переходили от иностранцев к русским.

какой надобно, он и покупает за границею, благо беспошлинный ввоз узаконен, и архитектор требует ему известного — такой-то заграничной марки. Ведь не крестьянину же пойти впереди этого дела, да если бы и пошел (и шли иные), то широкого спроса не достиг бы, потому что все идут по старой привычке и взять на риск мало известный кирпич, в огневое дело, даже опасно и может быть убыточно. Так дело и стояло, так бы и долго, долго простояло. Пошлина, наложенная на такой кирпич, заставила оглянуться. Ведь пуд огнепостоянного кирпича с провозом до русских границ обходится больше 25 коп., а пошлина на него в 3 коп. зол. или, примерно, в 4½ коп. кред. составляет уже около 20%, следовательно стоит и похлопотать, годы усилий употребить, чтобы пробовать. И начались с пошлиною пробы, завели заводы в разных краях России, как на юге, так и на севере. Здесь, например, около Боровичей, давно известна глина, могущая давать огнестойкие кирпичи, ее и стали усиленнее и разумнее, чем прежде, применять к этому делу. Но предстоит борьба. Один инженер или архитектор, или заводчик, который, попробовав, другого и спрашивать не хочет, а другой держится заветного образца и о новшестве слышать не хочет. Следовательно, когда пересматривался тариф, — положение выходило такое: свой огнеупорный кирпич начали делать, а чужой везти продолжают, борьба началась, а кто кого победит — еще не видно, потому что начинания единичны, разорваны, а импортеры многочисленны и единодушно уступают и в долг отпускают: расчет соблюдают удержать привычный рынок. В таком положении поддержка со стороны таможенного тарифа может быть очень полезною. Что же касается до глиняных труб, применяемых в водопроводном деле, на заводах, в земледелии, в печах и проч., то они уже составляют отрасль гончарного дела, как по способу производства, так и по своей цене (около 50 коп. пуд), а потому возвышение на них оклада до 6 коп. зол. согласуется с общею системою окладов, тем более, что многие из русских (особенно в польских губерниях) гончарных заводов уже начали производить прекрасные изделия этого рода.

Гончарные изделия (ст. 74-я) имели два оклада: 26 коп. зол. и 1 руб. 30 коп.; ныне сделано три: 30 коп., 75 коп. и 1 руб. 50 коп. зол.; для фаянсовых было три (1 руб., 1 руб. 30 коп. зол. и 3 руб. 30 коп. зол.), и осталось три, но высшие еще повышены (1 руб., 1 руб. 40 коп. и 3 руб. 75 коп.); для фарфоровых изделий также было три: 5 руб. 30 коп., 10 руб. 55 коп. и 21 руб. 10 коп. зол. с пуда, и оставлено три: 5 руб.

30 коп., 10 руб. 60 коп. и 21 руб., то есть существенных изменений не сделано, а произведено только несколько перемен редакционного свойства, например, прежде майолика особо не упоминалась и проходила как фаянс, с которым она и сходна по своей природе, а ныне она особо упомянута в ст. 76-й вместе с фарфоровыми изделиями, платящими 5 руб. 30 коп. с пуда. Причину такого возвышения оклада составляет то обстоятельство, что лишь только, к началу 80-х годов, появилось в России несколько новых заводов, производящих майолику, и спрос на нее явился, стали ввозить много иностранной, что уже и успело сбить некоторые из существовавших заводов.

Из упомянутых — от гончарных до фарфоровых — изделий, спрос на которые явно возрастает по всем родам производств (только фаянсовое дело менее обещает впереди), особенно быстро должен возрастать спрос на гончарные изделия, употребляемые на множестве химических заводов, например на реторты, шлемы, трубы, приемники, змеевики и т. п., потому что многие отрасли химической промышленности под влиянием тарифа 1891 г. и от многих других причин, например от введения новых видов пороха, должны сильно оживиться в ближайшее время. Желательно, чтобы наши гончары не только сами получили чрез это новый крупный заработок, но и ответили бы спросу, который так велик, что я лично знаю один завод около Петербурга, который ныне рассчитывает ежегодно выписывать из-за границы потребные ему гончарные изделия на целые десятки тысяч. Английские, бельгийские и французские, а отчасти немецкие гончарные заводы приобретают чрез подобные поставки главный свой заработок, расширили, улучшили и довели в последние 20 лет дело до совершенства, которое ранее того было неизвестно, чему много помогли усовершенствования, достигнутые в печах Сименса, применяемых с таким же успехом гончарами, как и стеклоделами. В гончарном же деле требуются глины, довольно широко всюду распространенные, а потому главные достоинства и ценность определяются, при надлежащем выборе глин, рациональностью и точностью формования и экономическим, но постепенным и сильным обжиганием, так что вопрос топлива, к которому я перехожу в следующей главе, играет здесь, как и во множестве производств, одну из важнейших ролей.

Август 1891 г.

Глава 8

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ И ДРУГИЕ ВИДЫ ТОПЛИВА

Топливо, а особенно каменный уголь, в наше время составляют первейшее — после людей — условие всего промышленного развития всякой страны и всякой ее части, потому что при помощи его передвигаются люди и товары, то есть совершается главная сухопутная и водная торговля, движущая промышленность. Топливом же работают машины фабрик и заводов, умножающие людскую силу, на топливе идут все многочисленные (например металлургические, стеклянные, гончарные и т. п.) огневые превращения, совершаемые на заводах, и топливом производится большинство нагреваний и испарений, столь обыкновенных во множестве случаев, начиная с нагревания кухонных очагов и кончая паровыми ваннами, действующими на большинстве заводов, в каждой аптеке и в каждой красильне или сушильне. Каменноугольное топливо определяет всю промышленную, а от нее и всю мировую политическую силу Великобритании. Если бы С.-А. С. Штаты не имели своего каменноугольного топлива в таком же, если еще не в большем изобилии, чем Англия, они не могли бы составить той новой и важной мировой силы, которая доныне одна в состоянии противопоставиться с великобританскою. И если бы Россия не обладала своими, едва початыми, запасами столь же громадных каменноугольных залежей, как Англия или С.-А. С. Штаты, нельзя было бы никогда и никакими тарифными или иными способами достичь широкого промышленного развития нашей страны. А так как и с этой стороны естественные условия России чрезвычайно благоприятны, только не развиты и еще мало кому в должной мере ясны, то, исследуя русскую промышленность со стороны возможного ее роста, считаю необходимым особо остановиться на различных вопросах, представляющихся

в отношении к топливу, как одному из важнейших корней всего промышленного роста. Посетив в 1887 и 1888 гг. все главные места богатейшего русского каменноугольного бассейна, а именно Донецкого, я тогда же написал статью об этом предмете. Она помещена в журнале «Северный вестник» за 1888 г. и далее воспроизводится в этой книге.[1] Поэтому, ссылаясь на эту статью, я коснусь, в отношении топлива, только таких сторон, которые или не рассматриваются мною в этой статье или разбираются лишь вскользь, а заслуживают более подробного развития по основному смыслу этой книги.

Чтобы видеть отношение между техническим применением каменноугольного и древесного топлива, должно обратить главное внимание на связь различных заводско-фабричных производств между собою и на районы потребления топлива. Взаимная связь разнообразнейших заводов и фабрик определяется массою тех послуг, которые они делают друг другу. Так, например, мануфактуры получают большие выгоды не только от соседства машинных и вообще металлических фабрик, но и от близости белильных, химических и красочных заводов. Эти последние, нуждаясь в соседних покупателях для легкости сбыта главной массы своих товаров, требуют, с другой стороны, близких гончарных, стеклянных, механических, бочарных и тому подобных заводов, от которых они берут многое им необходимое. Выгоды от соседства разнообразнейших заводов и фабрик так велики, что всюду в мире от Иваново-Вознесенска до Манчестера и от Москвы до Лодзи и Лондона эти выгоды заставляют разнообразнейшие заводы и фабрики жаться друг к другу; одни вызывают другие. Это все равно, что ярмарка или гостиный двор — переделывающей промышленности. Совершенно иное видим в сельском хозяйстве, а потому промышленность стала делом людских скоплений или городов, а сельское хозяйство — делом разрозненных фермеров или деревень. Бывают, конечно, и переходные формы, особенно в видах заводов и фабрик, переделывающих продукты сельского хозяйства, лесоводства и т. п. У нас множество заводов и фабрик учреждаются в лустырях, в деревнях, и тогда их дело сильно усложняется тем, что заводу, кроме главного своего дела, необходимо затевать много своих мелких побочных дел, требующих, в сущности, не только крупных затрат основного капитала, но и рассеяния внимания. Однако такие уединенные заводы скоро становятся центрами, около которых устраиваются

[1] Много раз получал я запросы об ее отдельном издании.

другие новые (у нас чаще всего кустарные), если только хозяин не завладел всеми соседними землями и не забрал себе в голову старопомещичью разорительнейшую мысль — все и вся для своего дела готовить самому. Эта, у нас нередкая, мысль в конце концов губит многие из наших предприятий. Одною из причин такого способа действий служит вопрос топлива. Заводу и фабрике оно необходимо, и если основою служит лес, то под завод для правильности его снабжения топливом необходимо отвести соответствующую лесную площадь. Уже в этом видно, как трудно вести многие промышленные дела, опираясь на лесное топливо. Если же заводы и фабрики где-либо сгустились, образовали центры, а действуют на древесном топливе, то спрос его быстро растет, цена дров поднимается, и к выгодам общения и близости примешиваются невыгоды, от нее же происходящие. Отсюда уже легко было бы заключить о невозможности широкого промышленного развития на дровяном топливе, если бы не принимать во внимание таких частностей и исключительностей, каков, например, Петербург, лежащий между морем и громадною внутреннею водною системою, могущими со всех сторон снабжать этот оазис древесным топливом. Но и при этом потребность в каменном угле, именно для промышленных целей, сказалась явно и выразилась в том, что английский уголь идет сюда миллионами пудов. Чтобы ближе разобрать это дело, не надо и брать конкретные случаи сколько-либо населенных мест, обладающих даже 30% лесной площади, как в наших промышленных губерниях (стр. 467), потому что очевидно и без дальнейших расчетов, что своего топлива в них не может доставать — на сколько-либо продолжительное время — даже для умеренного развития многих связанных между собою видов промышленности, а особенно для огневых заводов, например, металлургических, стеклянных и т. п. Значит, ценность топлива там возрастет до значительной меры, будет возвышать цену всех товаров и повлечет за собою прилив топлива из других районов. Это видно в настоящее время около Москвы, где кубическая сажень дров в 240 пудов стоит не менее 25 руб. А так как это количество дров под паровыми котлами заменяется примерно 100 пудами доброкачественного (бедного кислородом и зольными веществами) каменного угля или 75 пудами нефтяных остатков, то очевидно, что хороший каменный уголь, вступая в окрестности Москвы, должен быть не дороже 25 коп. за пуд, а нефтяные остатки дешевле 33 коп. за пуд, а покупая топливо за столь высокие цены, нельзя уже произ-

водить по низким ценам множество товаров, требующих значительную массу топлива. Возьмем грубые примеры, начиная с требующего мало топлива. Для производства пуда цемента (портландского) идет (на паровые двигатели и для накаливания) обыкновенно от 30 до 20 ф. хорошего каменноугольного топлива, следовательно, топливо будет стоить в Москве от 19 до 12 коп. на пуд цемента, там же, где пуд каменного угля стоит 8 коп., — от 6 до 4 коп. Разность составляет около 10 коп. на пуд цемента. А за 10 коп. можно его провезти по крайней мере на 700 верст, следовательно, если места дешевого топлива и других цементных материалов лежат на расстоянии 500—1000 верст от Москвы, может быть, выгоднее заводить цементный завод для московских требований вдали, а не вблизи Москвы. Для цемента топливо участвует лишь малою массою, хотя крупным процентом стоимости в продукте производства, а в других случаях значение виднее и сильнее. На производство 100 пудов кирпича разного сорта идет от 20 до 60 пудов (смотря по рациональности устройства печей и по сорту производимого кирпича) топлива, взятого в виде каменного угля, на пуд стекла в среднем, при соответственно хорошем (газовом регенеративном) устройстве печей, не менее 3 пудов каменного угля (2 пуда на бутылочное стекло и до 4 пудов на оконное), а обыкновенно около 4 и даже до 5 пудов угля (дров в $2^1/_2$—3 раза более). На пуд чугуна редко расходуют менее $1^1/_2$ пудов кокса или другого угля, а это отвечает $2^1/_2$ пудам хорошего каменного угля и 6 пудам дров. В пуде обыкновеннейших машин, считая выработку их от руды, находится не менее 5 пудов каменного угля. Даже в пуде сахара расходуется около $1^1/_2$ пудов каменного угля. Белль в 1882 г. сообщил в докладе Кардифскому обществу механиков следующие данные о распределении 140 млн т каменного угля, потребляемого Великобританией (не считая вывозимого из Англии):

Около	27	млн	т	для отопления жилищ
»	48	»	»	» производства чугуна, железа, стали и машин
»	24	»	»	» топки паровых машин (пароходов и т. п)
»	11	»	»	» горнопромышленных целей
»	9	»	»	» получения светильного газа
»	7	»	»	» прядильного и ткацкого (мануфактурных) дел
»	5	»	»	» извести, глиняных и стеклянных изделий
»	3	»	»	» винокуренных и пивоваренных заводов
»	2	»	»	» водопроводного дела
»	4	»	»	» медных, бумажных, кожевенных и других заводов

Как из этого, так и из других источников должно заключить, что в Западной Европе для паровых двигателей (завод-

ско-фабричных, железнодорожных и т. п.) идет только около $^1/_3$ потребляемого топлива, почти столько же идет на железное и вообще металлургическое и газовое дело, где топливо служит не только для повышения температуры, но и для прямого (восстановляющего металлы) химического действия, а из остальной трети около половины — на нагревание домов, кухонных очагов и т. п., а остальная половина — на испарения, перегонку и нагревание, необходимое на множестве фабрик и заводов. А так как металлургические и многие другие заводы, потребляющие много топлива, стремятся устроиться как можно ближе к добыче угля, чтобы расходоваться как можно менее на перевозку топлива, то в результате около половины добываемого топлива вывозится из областей, добывающих каменный уголь, остальная же часть потребляется на месте для производства товаров более ценных и таких, вес которых менее веса каменного угля, требующегося для их производства. Здесь мы встречаемся с очень важным в промышленном отношении понятием о районах или областях топлива. Хотя этот сложный и еще мало разработанный статистикою предмет представляет много трудностей для краткого и общего изложения, но я считаю необходимым коснуться этого дела в отношении к его современному положению в России.

Гужевая (на подводах) подвозка топлива столь дорога (не менее 5 коп. за 100 верст с пуда, в благоприятнейших условиях), столь медленна и столь сопряжена с разнообразными случайностями (ценою кормов, изобилием других работ и т. п.), что применяется только на короткие расстояния, т. е. ничтожно расширяет район топлива. Сплав по воде в барках и иными способами обходится во много раз дешевле, и за 5 коп. можно провезти этим способом пуд топлива на 800, 1000, а при благоприятных условиях на 2000 верст и даже далее. Железнодорожная подвозка занимает средину; при самых низких тарифах ($^1/_{125}$ с пудо-версты) за 5 коп. пуд топлива можно провезти на 600 верст, обыкновенно же от 300 до 500 верст. Но так как перевозная плата для топлива различного качества не может значительно изменяться, а например, древесного топлива должно вывезти примерно в $2^1/_2$ раза более, чем хорошего каменноугольного, чтобы получить при нагревании и отоплении тот же результат, то для этих двух видов топлива радиусы районов потребления относятся по крайней мере как 1 к 8, площади же около как 1 к 64, или площадь района доброкачественного каменноугольного топлива по крайней мере в 64 раза более площади распространения древесного

топлива. Пока местное топливо в изобилии и дешево, т. е. пока промышленный спрос на сгустившиеся заводы и фабрики незначителен, предшествующие соображения и им соответствующие расчеты имеют мало значения, но они выступают со всею своею силою в то время, подобное ныне предстоящему для России, когда является спрос на многие разнообразнейшие заводы и фабрики. Современные фабрики России или рассеяны далеко друг от друга, или сгруппировались в немногие центры. Об этих центрах легко получить понятие, подводя итоги промышленных предприятий в различных губерниях и уездах России по отчетам статистики. Для сравнения возьмем 5 губерний из числа 50, для которых имеются полные сведения в статистических изданиях Министерства внутренних дел:

1882 г. губернии	Поверхность, тыс. кв. верст	% лесной поверхности	Млн жителей	Заводы и фабрики		На 1 млн жителей (млн руб.)	Тыс. рабочих
				сумма производства, млн руб.	на 1000 кв. верст		
Московская	29	38	2.2	173	6.0	79	158
С.-Петербургская . .	39	42	1.6	134	3.5	84	74
Владимирская . . .	42	33	1.4	92	2.2	66	91
Киевская	45	20	2.8	73	1.6	26	39
Полтавская	44	6	2.7	9	0.2	3	6

Таково же промышленное развитие и остальных краев России, т. е. оно прямо связано с лесистостью. Без лесов у нас не основывают заводов и фабрик. Когда-то и всюду было так, но ныне иначе. Если бы Англия держалась того же порядка, то в ней, как в стране, очень бедной лесом (стр. 465), не должно бы существовать заводов и фабрик. В Европейской России должно принять ныне 4 главных промышленных района: московско-владимирский, петербургский, польский и уральский. Только один польский район опирается на местный каменный уголь, и в этом отношении он опередил другие и стоит прочнее других, потребляя ежегодно для промышленных целей около 120 млн пудов местного каменного угля. В этом обстоятельстве должно искать главную причину многих промышленных успехов польских губерний. Петербургский промышленный район может еще долгое время опираться отчасти на лесное топливо, доставляемое водою из далеких мест, и отчасти на каменноугольное, приходящее морем. Этим путем ныне идет почти исключительно англий-

ский уголь, но может приходить и донецкий при двух основных условиях: когда добыча его разовьется до того, что получатся большие его избытки, сверх местного потребления и сверх спроса на юг и север, где топливо дорого, и, во-вторых, когда доставка водою (по Донцу, Дону и Азовскому морю) также разовьется, подешевеет (она от мест добычи до Петербурга может дойти до 10 коп. с пуда, ныне соль возят этим путем) и будет привозиться на своих кораблях — кружным морским путем. А так как на местах добычи донецкий каменный уголь обходится от 3 до 4 коп. за пуд, то можно быть вполне уверенным в осуществимости такого плана снабжения даже севера России своим каменным углем. И когда время будет подходить к этому, тогда для достижения скорейшего результата полезно будет наложить более возвышенную, чем ныне, пошлину на иностранный каменный уголь, ввозимый в порты Балтийского моря. Запасы же донецкого каменного угля, как далее излагается, позволяют широчайшее его распространение. Проходя по Средиземному морю, донецкий уголь найдет себе много рынков и на его берегах. Но пока, ныне, этого еще должно достигать, прежде же всего для донецкого угля являются задачи более осязательные и легче выполнимые, часть которых далее рассматривается, особенно же снабжение углем берегов Черного моря и центрального московского района. Уральский промышленный район обладает не только своими местными каменными углями, которые, однако, слабо доныне разрабатываются, но и своими еще обширными лесными запасами. Ему впереди предстоит большая и важная роль, и если ныне на Урале заметны затишье и вялость промышленных оборотов, то причину этого должно искать более всего в том, что при новом обороте всех промышленных отношений, начиная с рабочих и кончая необходимостью переменить во множество случаев древесное топливо на минеральное, все еще дела на Урале ведутся старым порядком или старыми приемами и ограничиваются захватом громаднейших площадей, годных для сотен предприятий всякого размера, в одни руки, под одно ведение, ревниво остерегающееся впустить оживляющее соперничество в свое соседство. Конец этому придти должен от чисто естественных последствий такого способа действия, и тогда Урал оживет снова, имея под руками неисчерпаемые запасы всякого топлива и руд, а около себя плодородные равнины Сибири.

Труднее всех положение московского промышленного района, потому что местное древесное топливо, на котором и обосновалась подмосковная фабрично-заводская деятель-

ность, очевидно, недостаточно и необходим подвоз топлива из других районов. Разработка местного торфа, конечно, способна поддержать действие многих единичных предприятий, но отнюдь не может служить опорою для дальнейшего широкого промышленного роста нашего центрального и во всех отношениях важнейшего промышленного округа. Поэтому он и притягивает к себе топливо со всех сторон. В средине 80-х годов везли миллионы пудов английского каменного угля в Москву. Теперь это прекратилось по трем причинам: во-первых, потому что Николаевская железная дорога перестала возить из Петербурга английский уголь по исключительно низкому тарифу; во-вторых, потому что тарифы на подвозку к Москве донецкого угля сбавлены до возможного минимума, около 11 коп. за пуд от копей, т. е. на расстояние около 1100 верст; в-третьих, дешевые нефтяные остатки от Волги дошли до Москвы и стали, сообразно с их нагревательною способностью, дешевле каменного угля, привезенного ли с Донца или из Англии. Сверх указанных видов топлива еще два других их вида, при московской дороговизне, имеют ход в московском районе. Это суть угли Подмосковного бассейна и дрова. Каменные угли Тульской (копи Левинская, Ясенковская, Малевская и др.) и Рязанской (Чулковская, Побединская и Мураевинская) губерний, добыча которых достигла в 1888 г. до 17 млн пудов, в 1889 г. до 20 млн пудов, представляют наиболее надежную опору дальнейшего развития подмосковной промышленности, но требуют переноса к югу, в соседство с копями, центра многих отдельных видов производства, потому что подмосковные угли по своему составу (содержат много зольных и кислородных веществ), по своим свойствам (многие не могут долго храниться в кусках, рассыпаются) и по своей малой теплопроизводительности (100 пудов этого угля равняются нередко лишь 40 пудам хорошего каменного угля) не выдерживают перевозки даже на сотни верст и в этом отношении вполне одинаковы с большинством бурых углей и с дровами. На тульско-рязанских углях может и с течением времени непременно должна образоваться своя сильная промышленная производительность. Только она будет в состоянии бороться равным оружием с промышленностью польских губерний. Для того же, чтобы сама Москва могла воспользоваться в сильной мере углями этой области, необходимы столь ценные приспособления и приемы, что гораздо целесообразнее поступить иначе, т. е. вновь прибывающие заводы и фабрики ставить около самых копей, чтобы свежий уголь мог прямо применяться в дело.

Кроме местного древесного топлива, кроме английского, донецкого и подмосковного углей, кроме нефтяных остатков и торфа, московский промышленный округ может еще пользоваться и применяет подвозное древесное топливо. Но оно в некотором изобилии может подходить только с севера, а в отношении к нему берега самой Волги и ее притоков представляют много преимуществ по легкости водяной доставки, что и заставляет многие заводы и фабрики прижиматься к этим берегам. Предвидится впереди, по моему мнению, только один способ удержать за Москвою и ее ближайшими окрестностями их первоклассное промышленное значение среди соседних мест, в которых дальнейший промышленный рост не только желателен, но и непременно должен совершаться; способ этот состоит в организации водяной доставки донецких каменных углей по Донцу и Дону на север, а оттуда по железным дорогам до Москвы. Не то чтобы путь этот, требующий выработки и сравнительно длинный и медленный, был наидешевейший по сравнению с прямым железнодорожным, но дело в том, что одна, две, даже три железных дороги не могут подвезти столь много угля, сколько может и должен потребовать центральный промышленный округ России, когда начнется настоящее промышленное движение в России. Железные дороги, не говоря о стоимости, вообще мало пригодны для передвижения очень больших масс, выражаемых сотнями миллионов пудов. Только водяные пути годны для этого. Их преимущество состоит еще в том, что и малый и большой капитал на них могут действовать рядом, не завися ни друг от друга, ни от множества тех стеснительных порядков, которые поневоле неизбежны на железных дорогах. Помимо же Донца и Урала, с их углями, неоткуда Москве получить ту массу топлива, которая ей понадобится, когда начнется промышленный период русской жизни. Тула, Рязань, Тверь, Ярославль, Кострома и Нижний оттянут к себе те небольшие массы топлива, которые с их стороны могут подойти к Москве, и станут развивать свои местные заводы и фабрики, а нефтяное топливо, как я подробнее разовью в одной из следующих глав, ненадежно или непрочно не потому, что нефти не будет — ее нетронутой много на Кавказе, а потому, что жечь под паровыми котлами нефть можно только теперь, когда промышленность еще в полузастое, а когда она начнет двигаться, тогда поймут, что вместо топок лучше нефтяные остатки превращать в более ценные товары. По моему мнению, необыкновенно важный вопрос о топливе для московских заводов и фабрик может

настать даже очень скоро, если только, вслед за тарифными мерами, последуют и другие, промышленность оживляющие и вызывающие, и начнется ответ на эти вызовы. Тогда, сверх московского и с ним соседних промышленных центров, должен возродиться новый, важный по будущему значению, донецкий промышленный центр. До этого-то предмета и относится та моя статья 1888 г. — «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца», которая далее перепечатана. Предполагая, что читатель ознакомился уже с нею, я заключу эту часть моего изложения советом для всех тех, которые, внимая к современному вызову промышленности всею Россиею, начиная от царя и кончая крестьянином, захотят умножить русскую производительность новыми заводско-фабричными предприятиями. Совет этому следующий: если иные обстоятельства (сырье, готовые местные рабочие и т. п.) не указывают с настоятельностью на какое-нибудь определенное место России, то большинству заводов и фабрик, товары которых обыкновенно весят больше, чем топливо, для производства их сожигаемое, — начинать новые дела в Донецкой области. Начинатели, конечно, встретят много трудностей, но они избегнут их в будущем. Не развиваю этого совета до его подробностей отчасти потому, что говорю о части их в приводимой далее своей статье 1888 г., а отчасти потому, что из существа дела или из основной мысли подробности вытекают уже легко, сами собою напрашиваются. И советую русским людям, дорожащим промышленной будущностью страны, немедля ехать в те донецкие места, хоть летом для прогулки, чтобы видеть на месте, каковы условия тех мест. Истинный противовес европейской промышленности, настоящая русская, центральная для всего Старого Света промышленность может возродиться только там, на Донце, около угля, моря, чернозема и вблизи Кавказа, который только тогда и получит свое подобающее значение. Такого сочетания, как там, на Донце, массы благоприятных для расцвета промышленности условий нет нигде в Европе. И если Англия обязана всем своим прошлым развитием своему каменному углю, то Россия всем своим будущим будет обязана донецкому углю, которого не меньше, чем в Англии. Государственные надобности создали громадную Россию, ее войско, ее столицы, ее железные дороги, ее все устройство. Они же создадут и промышленность России, потому что ныне ею живут народы. И нет куска земли, в которую вдунуть дыхание промышленной жизни было бы легче, чем в земли, столь богато одаренные спрятанным в них углем, как донецкие. Близко время, когда узнают, что каменноуголь-

ные запасы, как и вообще ископаемые, должны быть не частною, а общегосударственною собственностью, только эксплоатируемою отдельными членами государственной семьи, потому что в угле спрятана такая же энергия страны, как в ее войске. Но здесь я необходимо должен остановиться, потому что иначе зайду в новую сторону предмета, отвлекаясь от основной темы этой книги.

Обращаясь к ней, мы должны рассмотреть ввоз иностранного угля, его цены и его таможенное обложение. Прежде всего следует обратить внимание на то, что к той же статье таможенного тарифа (ныне ст. 79-я), к которой относится каменный уголь, всегда (с 1868 г.) относились: кокс, древесный

Ввоз по европейской границе каменного угля, кокса, торфа и древесного угля

год	млн пудов	млн руб.	год	млн пудов	млн руб.	год	млн пудов	млн руб.
1867	49	2.5	1875	63	8.7	1883	139	18.1
1868	35	1.8	1876	91	12.4	1884	117	16.0
1869	49	7.3	1877	90	13.0	1885	112	15.5
1870	52	7.7	1878	111	17.1	1886	113	13.4
1871	76	11.3	1879	91	12.9	1887	96	11.3
1872	55	10.6	1880	117	17.6	1888	106	12.9
1873	51	10.5	1881	109	14.6	1889	126	15.1
1874	63	8.9	1882	106	15.5	1890	107	12.4
В 8 лет	440	61		778	112		915	115
Средняя цена пуда, копеек кредитных		13.9			14.4			12.6
Средняя таможенная пошлина,[1] копеек кредитных		0.1			0.1			2.3
Цена в России, копеек кредитных		14.0			14.5			14.9

[1] Она получена мною так: сумма таможенных сборов, поступивших за уголь, кокс и проч., разделена на общее число ввезенных пудов. Эта сумма по указанным, например, в первое восьмилетие равна 391 тыс. руб. кред. Таможенный сбор золотом переведен в кредитные рубли по курсу, указанному на стр. 218.

и торфяной уголь. Ввозится преимущественно каменный уголь и кокс; они одни и заслуживают внимания, а потому о них одних и будет далее речь, но сперва приведем весь ввоз *по европейской границе* (следовательно, без ввоза в порты Кавказа, о которых сказано далее). Счет этот ведем уже *миллионами пудов* и *рублей*, а не тысячами, как в большинстве других отчетов о ввозе, потому что здесь важны крупные цифры, а они все выражаются миллионами, что очень важно заметить с самого начала. Тысячи — здесь мелочь, о которой говорить не стоит [см. табл. стр. 533].

В этом сопоставлении, не входя пока в другие подробности, более всего следует обратить внимание на следующие обстоятельства:

1) Сперва (с 1869 по 1884 г.) пошлину платил только уголь, ввозимый в Царство Польское, а когда начали сбирать пошлину по всем границам, тогда цена ввозимого в Россию угля упала, хотя (как было на деле) в Англии и в Германии за это время цена его поднималась. Следовательно, сбавка сделана России и в Россию, *несмотря на пошлину, иностранный уголь проходил по той же цене*. В первое восьмилетие, когда средний оклад был мал, цена поднялась на $^5/_{10}$ коп. с пуда, и во второе восьмилетие возвышение, вместе с пошлиною, также равно $^4/_{10}$ коп. кред. Это так важно, так поучительно для людей, привыкших мало справляться с действительностью, судить о таможенных предметах и не могущих поверить, что русскую пошлину на каменный уголь понесли не русские покупатели, а иностранные продавцы, что я считаю необходимым подчеркнуть указанное явление. Ближайшее его объяснение, или, точнее, истинная причина явления такова: когда Россия, выписывающая сотню миллионов пудов каменного угля, наложила пошлину, отправители каменного угля подумали, поглядели, да и стали улучшать фрахт и сбавлять цены. А то ведь можно и покупателя потерять. Если же бы возвышения пошлины не было, наверное, русские покупатели все то же заплатили бы и стали бы при сем удобном случае заверять, что русские угли — негодны в дело и что их нет.

2) Россия в 24 года переплатила за иностранный уголь, т. е. иностранным рабочим, землевладельцам, их железным дорогам и кораблям и всяким иностранным предпринимателям и посредникам около (ввоз в черноморско-кавказские порты не считая) 300 млн руб. Прошу обратить на это внимание, потому что эти переплаченные деньги, ушедшие за границу, требуют ныне и будут долго требовать хоть по 4% в год

интереса, а следовательно, около 12 млн руб. в год. Ведь их стране надо приписать на счет попадающего к нам иностранного угля. А на 100 млн пудов ввозимого угля это выходит *удвоение цены*. И если не позаботиться об остановке такого способа снабжать нашу промышленность топливом, то выйдет и утроение, и удесятерение цены, а *удешевления получиться никак не может*. Не лучше ли уж прямо сразу удорожить этот иностранный уголь пошлиною да позаботиться о том, чтобы впереди было легче; а то дешевизны ради попадем в большую дороговизну. Это сделается очень просто: курс будет падать, и работать будут из-за хлеба.[1] Расчистить Донец да Дон и сделать их легко судоходными — просто ничтожный расход перед этими годовыми платами процентов. Их видят в железнодорожных делах, а тут не считают, потому что эта покупка велась не прямо на занятые деньги. Их занимали для железных дорог (стр. 220 и сл.), на золото покупали железо, оно и видно, что делалось. А тут не так ясно, сущность же одна и та же. Как может сделаться промышленность выгодною для страны, рационально поставленною — по соображению местных условий — и обещающею дешевизну, если она обопрется на иностранное топливо? Не говоря уже о случайностях войны, одно понимание первенствующего значения каменного угля в устройстве всей современной промышленности должно заставить употребить все усилия на то, чтобы поставить русскую промышленность и русский флот в полную независимость от иностранного угля.

3) Существующие несомненные числа эту возможность явно показывают. Возьмем хотя бы 7 последних лет и сосчитаем для них русскую потребность в угле, складывая ввоз (по европейской границе) с внутренним производством, в миллионах пудов:

Год	Ввоз	Внутреннее производство		Все потребление	
1883	139	243	Среднее=248	382	Среднее=371
1884	117	240		357	
1885	113	261		373	
1886	113	279		392	
1887	96	277	Среднее=324	373	Среднее=434
1888	106	317		423	
1889	126	379		505	
Среднее	116	285		401	

[1] Все это подробнее объяснено в гл. 3-й.

	1888 г.					1889 г.					
	по всем границам				по европейской границе	по всем границам				по европейской границе	
	вывоз		ввоз		тыс. руб.	вывоз		ввоз		тыс. руб.
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	
Каменный уголь	1252	131	96151	11628	11525	997	103	114664	13618	13562
Кокс	—	—	9800	1415	1413	—	—	12037	1561	1556
Древесный и торфяной уголь	3	1	361	86	20	85	18	283	65	14
Торф	100	8	2	0.2	0.2	120	7	0.8	0.1	0.1

Потребность в угле год от года растет, примерно, на 16 млн пудов в год. Рост этот, с развитием промышленности (и с прекращением сожигания нефти), должен ускориться. Но увеличивается и внутренняя добыча, и этот рост, примерно, равен 20 млн пудов в год. Это показывает, что сама себя своим углем Россия удовлетворить может. Действительно, весь средний спрос около 1884 г. равнялся 370 млн пудов, а в 1889 г. добыча своего угля была больше этого. Следовательно, в 5 лет, при современном вялом ходе добычи, достают столько, сколько требуется своего угля. Значит, все дело в том, чтобы явился период, примерно лет в 5 или много 10, в который привоз иностранного угля задержался, а добыча своего угля особо усилилась. Нетрудно понять, что способ для сего в руках у таможен, но я далее особо говорю о пошлинах на уголь, а потому не остановлюсь теперь на этом средстве и перейду к некоторым подробностям, которые необходимо видеть, обсуждая пошлины на каменный уголь.

Прежде всего возьмем два года для показания распределения ввоза по разным границам и видам товаров. Эти два года покажут всю

систему распределения ввозимого иностранного топлива, по ст. 79.

Что касается до вывоза, то каменный уголь идет преимущественно по прусской границе в Германию, начался и в Румынию — донецкого; древесный же уголь вывозится главным образом по туркестанской границе, а торф — в Германию. Но все это ничтожно и не заслуживало бы упоминания, если бы не служило уже ныне указателем того, что избытка внутреннего производства страшиться нет ни малейшего основания: избытки уйдут во все концы.

В отношении же ко ввозу нам следует отметить, что ввоз по европейской границе, который мы далее рассматриваем подробнее, настолько преобладает над ввозом по другим границам (финляндской и азиатской), что другие границы имеют лишь ничтожное влияние на общий результат. Количество ввозимого кокса, примерно, составляет $^1/_{10}$ всего ввоза, а потому отделять кокс в рассмотрение дела, и без того сложного, также нет оснований, пока дело не касается стоимости, потому что для кокса она, примерно, в $1^1/_2$ раза выше, чем для угля, так как кокс составляет лишь $^2/_3$ массы лучших из углей, способных к коксованию.

Распределение ввоза по отдельным частям европейских границ видно из следующих данных, выраженных в миллионах пудов для каменного угля и кокса в отдельности:

Год	Границы						
	беломорская	балтийская		сухопутная		черноморско-азовская	
		каменный уголь	кокс	каменный уголь	кокс	каменный уголь	кокс
1885	0.3	70	3	21	2	15	—
1886	0.2	73	3	21	3	13	0
1887	0.2	71	4	13	5	3	—
1888	0.3	70	3	11	6	15	0.6
1889	0.3	84	5	10	6	18	0.1

Отсюда очевидно, что главный ввоз идет в балтийские порты, поставщиком является Англия, а потому сюда и должно обратить главнейшее внимание. Но трудность здесь наибольшая, потому что близко нет русских углей. От польского угля расстояние велико, и нет прямых водных путей, так как устья Вислы и Немана приходятся уже в Германии. Притом и уголь

этот плох для далекого вывоза, много золы, и коксу обыкновенно не дает. Тверские (боровицкие) угли того хуже, и их мало; это угли для местного потребления. Из русских одни донецкие угли могут явиться в балтийские порты, но для этого должно: 1) расширить добычу на Донце; 2) устранить препятствия для сплава по Донцу и Дону; 3) завести свое большое и сильное морское судоходство, чтобы фрахты из Азовского моря в Балтийское были малы, но представляли бы и свои выгоды, и 4) защитить начало всех этих дел достаточною охранительною пошлиною. Но для чего делать? И может ли быть при этом удешевление? — Вот вопросы, на которые я считаю должным ответить обстоятельно теперь же, потому что иначе пришлось бы далее делать многие отступления.

Достичь того, чтобы донецкий уголь показался в Петербург и другие порты Балтийского моря, по моему мнению, кроме вышеуказанных общих соображений о значении угля и кроме требований осторожности на случай войны, заставляют следующие соображения:

1) Прибалтийская переделочная промышленность (например, на стр. 498 и сл. описания), пользующаяся привозным иностранным углем, в некотором смысле извращает и задерживает правильность развития всей русской промышленности, потому что не позволяет русскому вниманию сосредоточиться на русских естественных условиях производства, так как с первого раза кажется, что такие заводы суть русские, а на деле этого нет. Потребности России малы, они легко насыщаются, а много их удовлетворяется при помощи переделки иностранного сырья, да еще и на иностранном топливе. Когда пошлины мешают конкурировать готовым товарам с русским производством, — возят сырье и им не дают развиться корням русской промышленности. Если вместо английского угля придет донецкий, тогда всякому будет ясно, что можно дело затеять и на Донце, а теперь, когда работают на чужеземном угле, ничего и не знают про русское топливо, как и про все русское сырье. А так как донецкий уголь может стоять в одной цене с английским даже в Балтийском море, как увидим далее, то на балтийских берегах укрепятся, как и следует быть, только те производства, которые в силу торговых (например для заграничного или местного сбыта) и промышленных (например вследствие переделки местного сырья) условий имеют полное основание существовать в данном месте.

2) В каменноугольном деле высшей производительности отвечает низкая цена, то есть уголь «гуртом дешевле» стоит.

До тех пор, пока сбыт ограничен, пока предпринимателей мало и дела у каждого из них идут о малых количествах угля, все основные расходы (покупка земли, проводка шахт, подготовительные работы, содержание управления и т. п.) ложатся на малую массу добываемого угля, а потому уголь будет в России становиться тем дешевле, чем больше откроется ему рынков сбыта. Берега Балтийского моря уже сами представляют большой рынок, но он важен не столько сам по себе, сколько потому, что донецкий уголь, идя сюда, пройдет Черное и Средиземное моря, а их берега все спрашивают уголь, и туда приходит английский, который постепенно может вытесняться донецким, как более дешевым и близким. Если на русские балтийские берега надобно всего менее 100 млн пудов в год, то на берега Черного и Средиземного морей пойдут попутно многие сотни миллионов пудов. Вызывая перевозку угля с Донца в Петербург, мы вызовем гораздо более важное дело сбыта русского угля в Италию, Турцию, Египет и Францию. Рано или поздно это должно случиться, но чем скорее произойдет, тем больше выиграет Россия.

3) Один хлеб не может служить основою для русского коммерческого флота, потому что хлеб — груз временный (стр. 320) по месяцам и особенно по годам, и рано или поздно хлебная торговля России должна же уменьшиться — к выгоде России, как я доказывал в 3-й главе. Не таков уголь. Это — продукт прочный по добыче, всегда урожайный и везде всегда спрашиваемый. Запасы же его на донецких берегах, как рассказывается далее, едва-едва початы с верхов. Если думать о русском коммерческом флоте, надо думать и о работе для него. Западно-европейцы не сразу уступят русским кораблям свои перевозочные заработки по морю, а потому началу развития русского морского судоходства необходимо дать свое специальное крупное дело. Так Англия вызывала свой коммерческий флот, дав ему специальное, привилегированное дело, как объяснено на стр. 150. Если перевозку из Азовского моря в Балтийское счесть каботажем (перевозкою с одного места русских берегов на другое место своих же берегов) и предоставить перевозку угля своему каботажу, то этим уже отчасти достигнется в морском отношении для России возможный результат — устройство своего коммерческого флота. Всякие же усилия устроить его, не дав ему специального дела, будут, по моему мнению, пустым бросанием денег и надежд. Школа же плавания кругом Европы с юга на север России настолько плодотворна, что

в состоянии приготовить действительных русских коммерческих моряков.

4) Заведя морской флот для перевозки донецкого угля в Балтийское море и сбывая попутно донецкий уголь по берегам Черного и Средиземного морей, Россия не только рекламирует на весь мир свое угольное богатство (а оно всеми признается условием промышленного развития), но и даст возможность попутно сбывать массу русских товаров, то есть установить новые основания для русской внешней торговли, а мы видели в первых главах этой книги, что прежние или современные основы этой торговли требуют перемены. Английская внешняя торговля всегда, с XVII века, опиралась на вывоз угля. Везут грубый товар, подобный углю, а по пути грузят и мелкие ценные товары. Это путь испробованный, верный; всякий иной едва ли будет столь надежен. И когда будут знать, что Россия каменный уголь может не покупать, а продавать, тогда и только тогда поймут, что она может не покупать, а продавать массу иных товаров. Это поймут как иностранцы, так и сами русские, и тогда эти последние сделают Донецкий край новою Англией, основав там всякие виды производств. Но эта новая Англия будет отличаться тем от старой, что над угольными копями будут пшеничные поля, что хлеб, ими производимый, будет тут же на месте потребляться, а не привозиться издалека.

Вот для чего, по моему мнению, не только полезно, но и важно понять необходимость доставки донецкого угля в балтийские порты России. Выполнение такого сложного плана не может быть очень быстрым, но иметь его в виду или не иметь — настолько важно, что я, не страшась столь легких упреков в поспешности суждений, считаю долгом еще далее развить этот план в трех отношениях: во-первых, в отношении к практически *возможной* в будущем ценности донецкого угля, привезенного в Балтийское море, а во-вторых, в отношении к необходимым подготовительным мерам, отвечающим этому плану, и, в-третьих, в отношении к таможенным мероприятиям, ему соответствующим. Эти последние отношения я рассмотрю, однако, в связи со всею таможенно-тарифною системою на уголь.

Пусть мы переплачиваем прямо и косвенно за привозимый иностранный уголь, но ведь он все же дает жизнь немалой части русской промышленности, сберегает ее леса, а потому естественно рождается вопрос: может ли дешеветь донецкий уголь в балтийских портах? И даже: может ли он когда-нибудь здесь соперничать по цене с английским? Ответ мой

утвердителен, и я его постараюсь доказать с возможною краткостью, избегая технических подробностей, но пользуясь теми общеизвестными фактами, которые отчасти развиты в перепечатываемой далее моей статье 1888 г.

Цена угля вдали от места его добычи слагается из следующих величин: 1) цены на месте добычи, зависящей главным образом от: а) ренты на право выработки и землевладения, б) рабочей платы, в) величины общих расходов (проведение шахт, управление и проч.) и г) процента на основной и оборотный капиталы; 2) цены доставки (фрахта, погашения, страхования и проч.) и 3) цены всех видов посредничества, необходимого для подобной торговли, считая здесь цену складов, контор и т. п. Рассмотрим эти составные части для некоторого будущего времени как в отношении английского, так и донецкого угля. Под этим будущим временем я подразумеваю такое, когда будет заведен перевозочный русский флот, когда уголь, добытый на берегах Донца, будет сплавляться по Донцу и Дону и когда добыча каменного угля в Донецкой области будет широко развита. Рано или поздно все это непременно случится, следовательно, обсуждать предмет в указанном предположении возможно, и все дело сводится к определению разности цен, например в Кронштадте, английского и донецкого углей.

Что касается до цены посредничества, хранения и проч., то здесь не может быть разности, когда дела с донецким углем разовьются, хотя ныне разница очень велика и в пользу английского угля, потому что торговля им установлена, а донецким только что начинается и ведется начинателями неумело и очень убыточно. Достаточно сказать, что складов донецкого угля почти нигде нет, что они только начинаются. Но все это уладится, и все это уладить легко, самый интерес дела все это постепенно устроит. Ведь и английский уголь и вся торговля не сразу же сделались такими, какими их ныне видим. Но в то будущее время развитых оборотов с донецким углем, для которого делается наше сравнение, нет основания признавать разность цены посредничества для обоих углей, тем более, что все большие русские предприятия сами должны будут завести свою перевозку донецкого угля своих копей, и всякое посредничество, с передачею владения углем, избегнется, как оно избегается крупными нефтевладельцами при продаже бакинского керосина в Москве и Петербурге.

Цена перевозки, очевидно, останется всегда в пользу Англии, потому что она ближе к Балтийскому морю, чем

Таганрог или Мариуполь. Но как велика эта разность? Год от году фрахты всюду падают и становятся не пропорциональными расстояниям, а зависящими преимущественно от числа и правильности оборотов, потому что главную ценность фрахтов составляют не величины текущих расходов, а погашение стоимости тех больших паровых морских кораблей, которые ведут морскую торговлю, что будет более развито в этой книге, в 11-й главе, говоря о судостроении и судоходстве. Пример соли показывает, что *ныне* уже можно отправлять из Азовского моря в балтийские порты соль, платя не более 8 коп. кред. с пуда, а вывоз соли ничтожен (10—15 млн пудов) сравнительно с вывозом угля, который пойдет сотнями миллионов пудов, лишь только сделается правильным. Поэтому я надеюсь не ошибиться, приняв, что при установке большого и, главное, правильного и прочного морского вывоза фрахт от Таганрога или Мариуполя до Кронштадта может быть не выше 6 коп. с пуда. Из Англии же ныне фрахт в Петербург очень изменчив, но в среднем для угля не менее 4 коп. кред. за пуд. Допустив в будущем сбавку до 3 коп., я полагаю, что сделаю сличение возможным и принимаю разность фрахтов в 3 коп. с пуда, считая в этом числе доставку от копей до корабля. Что касается этой последней величины, то ныне она очень велика и доходит до 2, 3, даже 4 коп. с пуда, потому что ведется железнодорожными способами. Мое же предположение относится к случаю развития доставки по Донцу и Дону, а эту последнюю при значительности (во многие сотни миллионов пудов) отправки можно сделать очень малою. Нельзя также забывать, что в Англии лишь немногие копи Южного Валлиса лежат близко к морю, другие, так же как донецкие, требуют своих расходов для доставки от копей до моря.[1]

Если в цене морской доставки до балтийских портов донецкие угли всегда будут накладнее английских, то в отношении качества и стоимости на местах добычи, особенно же при плохом, например современном, курсе, перевес будет на стороне донецких углей. Из английских углей малодымные,

---

[1] Замечу здесь, что сухим путем по существующим железным дорогам прямое расстояние от донецких копей до Петербурга не менее 1600 верст, следовательно, при взимании даже одних путевых издержек, составляющих около $^1/_{200}$ с пуда и версты, фрахт не может быть ниже 8 коп. с пуда. Но за 10 коп., вероятно, можно будет при надобности, например, во время войны, возить уголь, следовательно, его цена этим путем хотя и возвысится, но не очень сильно, как возвысится она при пользовании английским углем. Это имеет свое значение.

подобные кардифу, отличаются наиболее хорошими качествами, но они зато и дороже прочих, например ньюкастельских, примерно, на 2 коп., даже на 3 коп. кред. с пуда (а именно обыкновенно более 2, до 3 шилл. с тонны, что при курсе 150 дает разность с пуда в $2^1/_2$ коп. кред.). А такие полуантрацитовые угли, близкие по свойствам и составу к кардифу, и лежат в той южной части Донецкой области, которая наиболее близка к берегам Азовского моря, но ныне почти не разрабатывается, потому что вывоз идет преимущественно на запад и север, а копи северо-западных частей области поставлены в более благоприятные условия для отправки своего угля. Сравнивая теплопроизводительную способность обычного ньюкастельского угля с теплопроизводительною способностью южно-донецких углей, можно видеть, что 100 пудов первых заменяются 85 пудами вторых, и, следовательно, если первые стоят в Кронштадте около 14 коп. кред., то вторые следует ценить в $16^1/_2$ коп. Следовательно, донецкие угли, могущие легче всего придти в балтийские порты, противу обычных английских представят выгоду по качеству. Но есть выгода и помимо качества в стоимости добычи, потому что на Донце все дешевле, чем в Англии: земля в покупке и в арендной плате дешевле раз в 10 по крайней мере; рабочая плата, считая на пуд добытого угля, также ниже, примерно в $1^1/_2$ раза, что понятно уже из одной дешевизны хлеба и всего содержания, особенно малого у нас зимою, когда средний дневной заработок у нас около 1 руб., а в Англии около 3. Прочие расходы добычи ничтожны пред этими двумя. Результат действительной стоимости на местах добычи оправдывает указанные соображения. У нас, я сам лично знаю, много мест на Донце, где со всеми расходами до станции отправления пуд угля обходится не более 3 коп., а за 4 коп. продают, хотя редко, обыкновенно за 5 коп. при условии доставки до станции. Если же добыча возрастет на сотни миллионов пудов, то железнодорожные станции будут у всех крупных копей, и все накладные расходы сбавятся, а потому современную цену донецких углей должно принять не выше 5 коп. с пуда, а будущую едва ли выше 4 коп. Она понятна из малой глубины копей, громадности залежей и дешевизны рабочих. В Англии на местах добычи углей давно уже такой цены и не слыхивали. Действительно, 4 коп. кред. за пуд отвечает цене тонны (английская тонна — около 62 пудов) в 2 руб. 48 коп. кред., или, при обычном ныне курсе 150 коп. кред. за 1 руб. зол., в 1 руб. 65 коп. зол., то есть около 5 шилл. 4 пенса за тонну.

Привожу цены хорошего сорта ньюкастельского угля в самом Ньюкастеле.[1]

1886 г.	1887 г.	1888 г.
От 7 шилл. 6 пенс.	7 шилл. 6 пенс.	7 шилл. 3 пенс.
До 8 » —	9 » —	9 » —

1889 г.	1990 г.
9 шилл. 6 пенс.	11 шилл. 6 пенс.
11 » —	13 » —

Средние цены тонны английского каменного угля в шиллингах на местах добычи (Sir Rawson-Rawson) и с погрузкою на корабль:

Год	На местах добычи	Год	На местах добычи	С погрузкою на корабль
1854	9.6	1877	10.1	10.2
1857	9.3	1880	8.8	9.0
1860	8.9	1883	9.2	9.4
1864	9.3	1886	8.3	8.5
1867	10.2	1889	10.1	10.2

Общую среднюю цену английскому углю, при обычных английских ценах хлеба, ныне должно принять на местах добычи от 8 до 10 шилл., а лучшего — от 9 до 13 шилл. за тонну. Этот-то уголь и сравним с южно-донецким. Эта последняя цена (около 11 шилл. за тонну) в два раза выше местной донецкой цены. Пусть даже курс наш дойдет до al pari, все же наши цены при равном качестве будут ниже, потому что 11 шилл. за тонну отвечает 5.6 коп. зол. за пуд, а на Донце всюду, где ведется дельное хозяйство, цены ниже. Об антрацитах нечего и говорить; их цена в Англии высока, потому что их там очень мало. Но этого еще мало для надлежащего сравнения предстоящих цен английского и донецкого углей. Первые, вообще говоря, при данной цене хлеба, возвышаются, вторые падают. Повышение английских цен понятно из того, что трудность добычи возрастает год от года как по глубине

[1] В те же годы лондонские цены, конечно, много выше. Так, например, лондонские цены 1886 г. для разных сортов изменялись от 10 до $17^1/_2$ шилл. за тонну.

шахт, так и вследствие истощения многих местностей. Правда, в последние годы открыты новые пласты, но они идут под море, и их разработка не обещает удешевления. Притом цены рабочих возрастают и должны еще подняться, когда хлебные цены будут возрастать, чего (гл. 3-я) есть полное основание дожидать. Донецкие же цены падают по мере увеличения числа шахт и добычи из них. В 70-х годах на шахтах обыкновенно требовали 7 коп. за пуд, ныне редко кто спрашивает более 5 коп. Поэтому, если на 3 коп. кред. пуд донецкого угля в будущем будет дороже английского по отдаленности доставки, то с большею вероятностью можно признать, что цена пуда угля на месте добычи при одинаковых качествах на Донце будет и впредь, как ныне, на 3 коп. ниже, чем в Англии. Следовательно, в будущем цены обоих углей, доставленных в порты Балтийского моря, должны сравняться. Но, конечно, ныне или при начале доставки в Балтийское море донецкий уголь будет дороже английского. Следовательно, донецкий будет дешеветь, что и требовалось доказать. Но, не задаваясь далеко и в сумму сложных рискованных расчетов, посмотрим, что может стоить донецкий уголь в Балтийском море, если принять, что образуется большая, разумно действующая и богатая средствами компания для разработки ныне пустующих южно-донецких полуантрацитов. Допустим, что она построит свою железнодорожную ветвь (или несколько на каждые 100 млн пудов вывозимого угля), специально назначаемую для подвозки угля к берегам Азовского моря. Длина пути будет от 110 до 150 верст, следовательно, при массовой перевозке доставка, с оплатою всех расходов и с погашением капитала, не может быть более 1 коп. за пуд (валовой доход со 100 млн пудов будет 1 млн руб., что более чем достаточно для специальной угольной дороги). Цена на месте вместе с доходом предприятия, предполагая разумное пользование капиталом и судя по множеству существующих примеров, не должна быть выше 4 коп. за пуд. Перевозку до Кронштадта с накладными торговыми расходами (нагрузкою, выгрузкою и др.) можно принять не выше 12 коп. с пуда. Следовательно, и ныне, при достаточно большом капитале, можно доставить донецкие полуантрациты в Петербург за 17 коп. пуд. А современная цена кардифа, платящего 1 коп. зол. с пуда пошлины, именно такова и есть. Следовательно, возможность доставки донецкого каменного угля можно считать доказанною.

Но отчего же теперь-то цены русского донецкого угля таковы, что он не может окончательно вытеснить английский

уголь даже из Севастополя и Одессы? — Вот тот труднейший для ответа вопрос, которого разрешение должно до конца уяснить все дело донецкой каменноугольной промышленности. Для *ответа* мне придется коснуться очень деликатных сторон предмета, но я свободно буду говорить о них, потому что дело касается чресчур важных интересов, можно сказать, даже важнейших — после хлебных интересов России.

Сущность ответа на поставленный вопрос состоит в том, что к юноше, почти ребенку, нельзя предъявлять таких требований, какие законно спрашивать с взрослого. Английская каменноугольная промышленность живет и развивается 300 лет, нашей донецкой нет и 30, потому что ее начало должно считать всего с 70-х годов; английская угольная промышленность получает в год 11 000 млн пудов угля, а наша вся только 400 млн пудов, донецкая же только 150 млн пудов в год, то есть относится размерами добычи ко всей английской, как 1 к 73. Но не надо забывать, что и английская добыча когда-нибудь была в 73 раза менее современной, то есть не превосходила донецкую. И земля, и люди, и даже почти все средства добычи тогда в Англии были все те же, что и ныне, но никто не стал бы спрашивать от Англии того времени всей современной силы и выдержки. А их мы хотим от страны хозаров, сербов, казаков и земледелов, у которых под руками прямо на поверхности рассыпаны дары божьей благодати. Но перейдем от некоторых недоразумений к настоящему делу. Оно очень мелко на Донце, мало, мизерно, а потому и все расчеты и приемы таможних деятелей мелки и нерасчетливы. На миллионе или наибольшее на 5 млн пудов хотят окупить дело, развить его и еще поживиться, а расширить дело до возможно больших размеров или не видят расчета, узко глядя на предмет и дожидаясь, чтобы вывезли то, что уже заготовлено, или не имеют возможности, не располагая ни должным кредитом, ни надобными капиталами. Самая обстановка всего дела мелка для возможности широкого и скорого роста. Все дела основаны на сбыте угля по трем железным дорогам, в которые упираются концы Донецкой: на Харьков, Воронеж и Екатеринослав, то есть по Азовской, Воронежской и Екатерининской железным дорогам. А что тут можно вывезти? Все, что можно, на что есть вагоны и другие приспособления, везут — и только. Но это мелко и есть, это и есть что-то близкое к 150 млн пудов в год. Нужны же пути углю свои, свободные, широкие, а именно: или многие специальные пути к водным путям, или самые водные пути. Железных дорог и построить столько

нельзя, чтобы вывозить столько угля, сколько может достать Донецкий край; с одними общими железными дорогами нет и быть не может ходу донецкому углю. Тут корень объяснения современности донецких дел и их мелкоты. А потому далее я отдельно разбираю Донец как путь сбыта угля. Сверх того надобны специальные угольные дороги не внутрь России, которые своим чередом понадобиться могут; нет, особенно надобны дороги к берегам Азовского моря. Ныне с одного края идет к Мариуполю Константиновская дорога, с другого к Таганрогу — Азовская железная дорога. Порт для угольной нагрузки готов только в Мариуполе и уже действовать начал, но все это мало. Казне все подобное строить или гарантировать, по моему крайнему разумению, не следует; казна если очистит Донец и Дон, то сделает все, что можно желать получить от казны. Нужны частные большие средства, сразу десятки миллионов. И они найдутся, как нашлись на нефтяные дела, если внимание правительства направится к такому же оживлению наших каменноугольных дел, как в 70-х годах оно было направлено на оживление дел с бакинскою нефтью. Это отчасти рассматривается в моей статье 1888 г., далее перепечатываемой.

Представьте же теперь, что донецкие каменноугольщики отлично знают, что вывезти избытков добычи им нельзя; очевидно, они будут добывать лишь вступно потребные количества и на них наложат все свои расходы, а когда спрос возрастет, поднимут цены, помогут задержаться всякому избытку предложения и станут изловчаться, как могут, среди своей узенькой обстановки. Где тут с англичанами бороться массой своих отправок, надо хлопотать только о том, чтобы немногое добытое и могущее быть отправленным повыгоднее сбыть, и, конечно, не туда, где нужно соперничать, а туда, где соперничества нет. Оттого и цены высоки, а англичане везут свой уголь в Одессу и Севастополь. Все это можно выразить иначе, но в более резкой форме, за которую извинят господа донецкие каменноугольщики, если этот способ выражения может показаться им укоризною, хотя я не имею основания их укорять, как не укоряю детей, которые иногда очень монопольно пользуются своими правами, — на то они и дети. Современные мало развитые донецкие каменноугольные разработки тоже монопольны, всем, чем можно, завладели, а о прочем, то есть о дальнейшем расширении способов сбыта, предоставляют думать другим. Словом, цены высоки потому, что внутреннее соперничество мало, а оно мало потому, что для большего соперничества нет путей. Те из добывателей,

которые сами устроят свои независимые пути сбыта, например свою отдельную дорогу от копей к морю и по морю до русских и заграничных портов, и поведут дело широко, не на миллионы пудов, а на их сотни, — получат наверное и рынки, и барыши, хотя спустят цены до того, что будут в России, Италии и Египте продавать дешевле англичан. Современные же деятели Донецкой области расчистили путь, уяснили многое, но сами по себе не имеют силы и сноровки надлежащим образом расширить взятое на себя дело. Когда-то нефть в Баку добывалась сотнями тысяч пудов (см. сл. главу), и ей цена была высока, а как сразу стали получать сотни миллионов, тогда и нефть и ее продукты страшно подешевели. То же будет и с углем.

Дело расширения вывозки донецкого угля при помощи больших паровых кораблей, бывшее еще в 1887 г. только простою перспективою будущего, с тех пор началось. Кошкин устроил большие пароходы для вывоза антрацита из Таганрога или Ростова, а французская компания — из Мариуполя, порт которого окончен. Каботажная подвозка донецкого угля в 1888 и 1889 гг. равнялась всего $2^1/_2$ млн пудов в год, а в 1890 г. уже превзошла 6 млн пудов и в нынешнем году растет. Но ее развитию препятствует современное положение вопроса о судостроении для Черного и Азовского морей, что рассматривается особо в дальнейших частях этой книги и в гл. V-й перепечатываемой далее статьи.

Обращаясь затем к таможенным окладам на каменный уголь, я считаю необходимым подробно сообщить главнейшие данные о переменах в этих окладах. До 1868 г. каменный уголь (и прочие товары ст. 76-й) никаких при ввозе пошлин не платили, а по тарифу 1868 г. беспошлинный ввоз сохранен для всех границ, кроме границ Царства Польского. Прозорливость тогдашнего особого Министерства финансов Царства Польского послужила к тому, чтобы был наложен оклад в $1^1/_2$ коп. кред. с пуда для ограждения Царства Польского, имеющего свои угольные копи, от наплыва иностранного угля. Результат оправдал эту меру, потому что добыча угля в этих копях росла быстро, и местный уголь послужил основою для развития мануфактурного, металлургического и всяких других родов промышленностей в Польше, где уголь, однако, не отличается высокими качествами и не дает (за малыми изъятиями) кокса. Иностранный кокс и уголь Силезии требовались для польской промышленности, но пошлина, хотя и очень небольшая, все же давала возможность единовременно развивать и местную добычу. Ввоз по польским границам

в 1869—1877 гг. достигал до 15 млн пудов в год. Он не убыл и тогда, когда (в 1877 г.) пошлина стала собираться золотом, была увеличена (1881) на 10% и доведена (в 1882 г.) до 1 коп. зол. В этот период быстро росла вся польская промышленность, возрастала и добыча своего местного угля (до 80 млн пудов в год), и количество ввозимого поднялось до 25 млн пудов в год. Но по прочим границам, хотя внутренняя добыча уже давно началась, все еще иностранный уголь и кокс впускались беспошлинно. И это длилось до 1884 г., когда весь ввозимый уголь был обложен пошлиною, кроме приходящего в порты Белого моря. Основным мотивом обложения служили потребности государственного казначейства. Но, налагая для угля и кокса, поступающих в балтийские порты, фискальный оклад в $^1/_2$ коп. зол. с пуда, нельзя было оставить без соответственного повышения пошлину на уголь и кокс, ввозимые в Царство Польское, потому что тогда в некоторой мере нарушились бы установившиеся отношения производства в западных частях империи. А так как на юге России, особенно в Одессе и Севастополе, потребление английского угля явно возрастало и в то же время росла добыча донецких углей и увеличилось число железных дорог, по которым его стало возможным доставлять в порты Черного моря, то для южных портов к фискальным целям требовались и покровительственные, что и привело к следующей системе обложения 1884 г.

Уголь каменный, торфяной и древесный, кокс и торф:

а) привозимые к портам Черного и Азовского морей, с пуда 2 коп. зол.;

б) по западной сухопутной границе, с пуда $1^1/_2$ коп. зол.;

в) к портам Балтийского моря, с пуда $^1/_2$ коп. зол.;

г) к портам Белого моря — беспошлинно.

В 1886 г., по ходатайству донецких углепромышленников, ввиду неустройства морской каботажной доставки, дороговизны доставки по железным дорогам и того обстоятельства, что английские отправители угля приняли на свой счет бо́льшую часть наложенного оклада (2 коп. зол.) на уголь и кокс, ввозимые в порты Азовского и Черного морей, оклад увеличен до 3 коп. зол. с пуда.

Из этих данных или поводов для наложения окладов видно, что они родились до некоторой степени случайно, не возбуждались еще существом промышленных требований или принятою системою, а определялись или фискальными требованиями, или заявлениями местных производителей, интерес которых хотя совпадает, но не отождествляется с общегосударственными интересами.

Более цельная система в обложении каменного угля таможенными пошлинами является с 1887 г. Это особенно ясно видно в трех обстоятельствах, выступивших в законе 1887 г.: во-первых, для кокса назначена пошлина в полтора раза большая, чем для угля, потому что для получения кокса расходуется полуторное количество угля, цена кокса по крайней мере в полтора раза выше цены угля на местах добычи и увеличенная пошлина на кокс могла возбудить внутреннюю переделку углей в кокс; во-вторых, в законе 1887 г. явилось примечание (подобное сделанному для пошлин на чугун), определяющее, что для сухопутной и балтийской границ оклады на уголь не будут возвышены до 1898 г., то есть в продолжение более 10 лет, чтобы успокоить опасение промышленников, пользующихся привозным углем, в отношении к прочности существования их производств; в-третьих, хотя для портов Черного и Азовского морей сохранена пошлина в 3 коп. зол. на уголь, но для кокса она увеличена на общем основании до $4^1/_2$ коп. зол. и, что всего важнее, не дано указания на то, что пошлины эти не будут увеличиваться. Это обстоятельство ясно показывает, что первым местом для борьбы русского угля с английским избраны порты Черного и Азовского морей, как ближайшие к донецкому бассейну, и что, буде условия этой борьбы потребуют увеличения окладов, оно будет произведено. За этими тремя очень важными нововведениями, показавшими, что взгляд на пошлину с каменного угля глубоко изменился, должно упомянуть о том, что закон 1887 г. увеличил фискальный оклад с угля, ввозимого в балтийские порты, до 1 коп. зол. (с кокса $1^1/_2$ коп.), потому что опыт трех лет показал, что оклад в $^1/_2$ коп. зол. нисколько не уменьшил пропорцию вывоза английского угля: она была около 70 млн пудов, такою же и осталась, большинство же пошлины приняли на свой счет отправители, а потому, в интересах фиска, было безопасно возвысить оклад еще на $^1/_2$ коп. зол. Так получилась та норма окладов на каменный уголь и кокс, которая и ныне воспроизведена в пунктах 79-й статьи таможенного тарифа.

В тарифной системе 1887 г. на каменный уголь и кокс очевидна та последовательность, которою должен отличаться истинный протекционизм. Но эта же последовательность указывает и на дальнейшие, будущие необходимые шаги. И надобность их скоро представилась, а именно тогда, когда со скоротечным улучшением вексельного курса, наступившим с весны 1890 г., в видах обеспечения правильного движения всей русской промышленности, пришлось увеличить сразу все

оклады на 20% (16 августа 1890 г.). Тогда, судя по сделанному ранее заявлению, пошлина на уголь и кокс, ввозимые в порты Балтийского моря и по западной сухопутной границе, оставлена без повышения, а пошлина на эти товары для портов Черного и Азовского морей возвышена не на 20%, как для других товаров, а на 40%, то есть для угля доведена до 4.2 коп. зол. и для кокса — до 6.3 коп. зол. с пуда. Эти самые оклады, при пересмотре тарифа, оставлены (прим. 2-е к ст. 79-й) в действии до 1 июля 1892 г. Очевидно, что к этому сроку закон будет вновь пересмотрен, а потому я считаю не излишним особо остановиться на черноморском окладе, чтобы уяснить опасение для него изъятий в таможенном тарифе. Выходит ныне так, что все пункты ст. 79-й носят характер временных мер, которого не видно ни в одной другой статье тарифа: одни оклады обещано не возвышать до 1898 г., другие действуют только до половины 1892 г. В чем же тут дело, отчего такая особенность? — Мне кажется, в том, что на каменный уголь прежде не обращали никакого внимания и запустили, если можно так выразиться, это дело до того, что вышло нежелаемое: всю промышленность русскую, начиная с железнодорожной, так или иначе развивать старались, а ей, хоть не прямо, а лишь косвенно, рекомендовалось или изводить лес, или сожигать нефть, или выписывать чужестранный уголь. Теперь же увидели, хотя еще не с полною очевидностью, что все это дело очень печально само по себе и еще печальнее для предстоящего времени. Стало необходимым переменить прежний способ отношения к делу, но все еще не решаются поступить с полною определенностью, с готовою системою, потому что теперь уже увидели, каких живых струн страны касается весь вопрос топлива. Отсюда нерешительность, меры переходные, временные, срочные. Стоим мы на распутье и в раздумье: идти прежним путем — значит отказаться от развития русской промышленности, потому что ей нужны такие массы топлива, которые не могут ни под каким видом дать ни леса, ни нефть, ни чужеземный уголь; а переменить все это на свой каменный уголь можно только при помощи сильного, определенного и настойчивого покровительства развития своей местной добычи каменного угля и его доставки во все промышленные центры России.

Без покровительства этой местной добыче и созданию новых средств развозки добытого — сами они пойдут, но так медленно, что леса изведутся, нефть подорожает и за иностранный каменный уголь придется переплатить громадные миллиардные суммы и притом развить промышленность не

там, где ей подобает быть в России, не около ее внутренних естественных источников, а в пограничных местах, то есть сделать ее полуиностранною. А с покровительством придется пережить эпоху вздорожания каменного угля на окраинах, куда приходит много иностранного угля и куда трудно, как на балтийские берега, доставить свой. Принятая ныне система есть, очевидно, покровительственная, но постепенная, умеренная, назначающая для достижения сперва скромные, легко достижимые цели. Плод от нее, конечно, будет, и зрелость придет, конечно, скорее, чем без покровительства, но при одном непременном условии: твердой настойчивости в достижении заданных целей. Скромная задача, которую с 1887 г. начал преследовать с полною настойчивостью таможенный тариф, состоит в распространении донецкого каменного угля на черноморские берега и в вытеснении здесь английского угля русским. Если бы задаться сразу более широкою задачею, можно было бы причинить более вреда, чем пользы, но, взяв малую цель из общей системы предстоящего покровительства, необходимо идти к этой цели с полным сознанием и на каждую случайность отвечать не ослаблением частного покровительства, а его усилением, чтобы стало, наконец, ясным, к какому предмету направляется вся та общая система, об одной части которой пока идет речь. Это проба пера, это задаток необходимого роста русских производительных природных сил, и в то же время это выкинутое знамя, под которым должны собраться промышленные силы России. Но если сознательность в деле возбуждения русской промышленности проснулась в России и выкинула знамя, то неужели можно думать, что это знамя не увидят во всем свете, по ту сторону морей? Конечно, видят и свои сознательные меры принимают. Ведь дело идет не о сбыте какой-нибудь сотни миллионов пудов угля, а не много, не мало, как о существовании для стомиллионного народа или своей независимой промышленной будущности, или же такой, которой корень наполовину зависит от чужеземной, а с такой полузависимой промышленностью бороться можно легко и всегда, так как ее корни не у нас, а где-то за морем. Я очень ясно вижу, что, утверждая существование сознательной мирной, но глубоко важной борьбы, которую никто не видит, о которой нет газетных депеш и от которой кровь не льется ныне, необходимо доказать ее существование на конкретных явлениях, не довольствуясь одними общими соображениями и неясными указаниями, то есть необходимо показать, что борьба идет в самом деле, что она началась с того момента, когда

задались целью вытеснить с черноморских берегов нерусский уголь, и что она совершается именно там, где назначено ей ныне происходить. Для такого доказательства обратимся к фактам. Часть их дана выше. Из обзора пошлин на уголь видно, что на черноморских берегах пошлина назначена высшая, чем где-либо. Это объявление промышленной войны. Фазисы ее видны из сильного колебания (стр. 537) во ввозе иностранного угля на черноморские берега. Везде идет ввоз ровно, либо возрастая, либо убывая, либо оставаясь постоянным, а на черноморские берега ввозят то 3 млн пудов в год (1887), то 18 млн пудов (1889). В войне случайности, перемены так называемого «счастья» неизбежны. С русской стороны для склона этого «счастья» к донецким углям, во-первых, усиливают оклады на иностранный продукт чуть не год за годом. Например, черноморская пошлина: 1884 г. — 2 коп., 1886 г. — 3 коп., 1887 г. — 3 и $4^1/_2$ коп., 1890 г. — 4.2 и 6.3 коп.; во-вторых, устраивают в Мариуполе специальный порт с приспособлениями для отправки донецких углей, строят корабли, хоть нет на то, как увидим далее, никаких подручных средств, образуют специальные каботажно-перевозные компании, — словом борются всякими подходящими способами, всем, что попадается под руку.[1] С противной стороны тоже не дремлют, как видно из переменности «счастья», то есть из возрастания ввоза, несмотря на усиление окладов и на подвоз донецкого угля. Что же делают для этого? А просто и прямо сбавляют цену. Но на местах добычи или отправки нельзя в Англии изменить цен угля, потому что там цены назначаются для миллиардных масс угля и по ним идет плата рабочим, следовательно, для миллионов пудов менять всего общего дела нельзя. Это не то, что у нас, где уголь казне, либо железным дорогам продают много дороже, чем частным покупателям, а за наличные так делают и того большие уступки. Ничего этого нельзя проделать в Англии даже для целей борьбы. А все же сбавлять цены английского угля в Одессе можно, потому что цена угля при провозе почти удваивается. Можно сбавлять цену фрахта. Он дело личное, частное, случайное и очень изменчивое. Его и сбавляют. Это не скрывается, это ясно из публикуемых отчетов, часть которых, собранную в Министерстве финансов при изучении таможенной пошлины на уголь, привожу для июля, когда подвоз английского угля к Одессе наибольший.

[1] Главного же орудия, могущего сразу закончить борьбу, то есть самостоятельной сильной компании со всеми своими средствами перевозки, еще не пускают в ход (стр. 545). Это — резерв войны.

Средние июльские фрахты за провоз тонны каменного угля из Англии в Одессу в шиллингах:

1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.
11—13½	12	11	9—10½	8½

1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.
7¾—8¼	7—8		7—8	

Вместо 12 шилл. с тонны фрахты понижены до 7—8 шилл., то есть в 1½ раза, или на 4½ шилл. с тонны, что составляет около 2¼ коп. зол. с пуда, или (курс 150) около 3⅓ коп. кред. На этом не останавливаются. В октябре 1890 г. фрахт ньюкастельского угля дошел до 5 шилл. с тонны, а в октябре 1881 г. он был 10 шилл., то есть понизился в два раза. Кредит, устроенная торговля со складами и известность свойств английских углей сильно клонят на их сторону шансы борьбы противу выступающих новичков, неопытных во всем этом деле, да и мало капитальных. Стоит ослабить таможенную поддержку — победа наверное на сей момент останется за английским углем, а русские начинатели разорятся и, пожалуй, закаются принимать участие в таком народном экономическом деле, хотя казацкий дух и будет их звать на борьбу, где ставкою служит не цена угля, а уже вся жизнь.

Поэтому, затеяв борьбу в данном пункте, следует, ради общего результата, не ослаблять ее понижением окладов. Возвышать их нет основания. Ухудшение курса, происшедшее в текущем 1891 г. и отвечающее малой урожайности хлеба, уже служит к усилению покровительства, потому что удорожает иностранный товар; но нет никакого основания и ослаблять таможенную поддержку начавшимся усилиям, тем больше, что совершенно то же, что делается в Одессе, следует проделать и в Балтийском море, а для этого необходимо устройство новых вывозных железных дорог и больших каботажных пароходов, к чему необходимо собрать силы и средства.

В результате мое мнение сводится к тому, что при пересмотре к июлю 1892 г. пошлины на уголь, ввозимый в порты Черного моря, следует назначить на каменный уголь пошлину не менее 4 коп. зол. с пуда, на кокс не менее 6 коп. зол. с пуда, а при пересмотре к 1898 г. тарифа на уголь, привозимый в балтийские порты, такую же пошлину следует назначить и для портов этого моря, потому что с нею донецкий

уголь может вступить в борьбу с английским углем даже в Кронштадте, если к тому времени успеют развиться вывозные средства донецкого угля для доставки его к морю, а именно: регулируется сплав по Донцу и Дону, разовьется разработка копей угля около берегов Донца, построятся специальные пути для подвоза южно-донецких углей к морю, и начнет расти русский каботажный флот. Все эти задачи первостепенные, все легко выполнимы, потребуют лишь немногих правительственных средств, все они обещают участникам крупные выгоды, а России — свой уголь и начало своей прочной промышленности, силу и корни которой должно искать прежде всего в донецких углях. Борьба этих углей с английскими в Одессе есть борьба важная: победа там откроет возможность победы и в других местах.

Окончив то, что я считал необходимым сказать об отношении угля к таможенному тарифу, перепечатываю вышеупомянутую свою статью 1888 г., потому что в ней, под живым впечатлением виденного на месте, сказалось многое конкретное так, как я не могу теперь писать, обсуждая всю совокупность статей тарифа.

БУДУЩАЯ СИЛА, ПОКОЯЩАЯСЯ НА БЕРЕГАХ ДОНЦА[1]

I. Мировое значение каменного угля и Донецкого бассейна

Много, много веков в земле пластом лежат, не шевелясь, могучие черные каменные великаны. По слову знахарей, их поднимают, и они идут в услугу. Без рабов стали обходиться, а сделались сильнее; такие дела великанами производят, о каких при рабах не смели думать. Они шутя двигают корабли, молча день и ночь вертят затейливые машины, все выделывают на сложных заводах и фабриках, катят, где велят, целые поезда с людьми ли или с товарами, куют, прядут, силу хозяйскую, спокойствие и досуг во много раз увеличили.

Не из сказки это, — у всех на глазах. Эти поднятые великаны, носители силы и работы — каменные угли, а знахари — наука и промышленность.

Людей на свете живет около 1500 млн. Если бы все они, ничего другого не делая, только вертели бы машины во всю свою силу по 8 часов в день, ели, да спали бы, то они при всем усердии производили бы постоянную работу меньшую, чем в 50 млн паровых сил. Если бы люди заставили с собою работать, также по 8 часов в день, все 50 млн лошадей и все 170 млн разведенных и прирученных быков и коров, то и тогда работа только удвоилась бы, то есть в каждый момент, общими усилиями всего мира, могущего работать, производилась бы не более 100 млн паровых сил. Но подобное, крайне изнурительное, напряжение сил сгубило бы весь иной труд в очень короткий срок, а потому вся работа, которую *могут* дать живые двигатели, едва достигает до 35 млн паровых лошадиных сил. А в мире уже ныне действует не меньшая сила пара. Считают около 25 млн лошадиных сил в паровозах, около 5 в пароходах и не менее 15 млн сил в постоянных заводских и фабричных машинах. Если принять, что половину времени все эти машины не работают, а при

---

[1] Перепечатываемая статья была помещена в 1888 г. в журнале «Северный вестник». Те незначительные добавления, перемены и сокращения, которые сделаны мною при перепечатывании, касаются или более поздних сведений, или внешней стороны изложения, не трогая его сущности.

работе потребляют в час на каждую силу 1 кг угля, или $^1/_{1000}$ т, то оказывается, что для исчисленного количества паровых машин в год требуется около 200 млн т, или около 12 000 000 000 пудов каменного угля. Его добывается в два раза более не только потому, что паровым машинам не дают предположенного отдыха, но и потому, что каменный уголь употребляют для множества других целей, кроме одного создания силы, увеличившей людское могущество по крайней мере в два раза. Конечно, и без каменного угля люди не только топили свои дома, делали чугун и железо, исполняли машины, гнали водку, испаряли свекловичный сок для добычи сахара и т. п., но с ним всего этого стали добывать во много раз больше и гораздо дешевле. Это доказывать нет надобности.

Дело, однако, не в механическом могуществе машин, если ими управляет слабый человек, суть в другом. Пушкину казалось, что

Все куплю — сказало злато,
Все возьму — сказал булат.

Так оно и было еще недавно, еще в пушкинское время. А теперь бы следовало сказать как-нибудь иначе, следовало что-нибудь прибавить о могуществе восставших черных гигантов, потому что в них, как в общем труде, сила непобедимая и быстро растущая. Посмотрим для убеждения на цифры. Они очень прозаичны, их приходится искать в кропотливых трудах статистиков, но в их прозе есть свое красноречие. Сократы и Цицероны убеждали, конечно, иной прозой, а многое из того современные поэты воспели стихами. И грубую прозу статистики они когда-нибудь облекут в стихи, потому что цифрами открывается сила, власть, людские слабости, пути истории и много других таких сторон мира, которые вдохновляют поэтов.

Вот, например, выписка из «History of prices since the year 1850, by Michael G. Mulhall» (London, 1885, p. 72).

Год	Добыча каменного угля в миллионах тонн		
	в Англии	в других странах	всего
1850	48	48	88
1860	80	61	141
1870	110	93	208
1883	160	220	380[1]

[1] Добыча возрастает с того времени повсюду, как видно, например, из данных для 1889 г., когда одна Великобритания добыла 178 млн т. Производство во всем свете ныне, вероятно, близко к 500 млн т. Добыча на Тихом океане (Китай, Япония, Сахалин, Австралия и др.) хотя медленно, но явно возрастает.

Англия, отечество автора этой интересной книги, десятки лет преобладает в общей мировой пропорции, и только за последние годы ее добыча менее, чем всех остальных стран, как это видно из более подробных данных, например для 1880 г.:

	Добыто миллионов тонн	Один рабочий добывает в год тонн	Цена угля в миллионах фунтов стерлингов	Цена тонны в шиллингах
Великобритания . . .	147	303	47.0	6.5
Франция	19	190	10.2	10.7
Германия	59	270	13.7	4.5
Австрия	16	192	4.2	5.2
Бельгия	17	168	6.1	7.2
С.-А. С. Штаты . . .	70	295	28.0	8.0
Россия и др.	16	160	4.0	5.0
Всего . . .	344	–	113.2	—

Россия поименована вместе с другими, неупомянутыми странами, добыча которых сравнительно мала. По официальным данным Горного департамента, в России было добыто каменных углей в миллионах пудов:

В бассейнах	1879 г.	1881 г.	1883 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
Донецком	76.5	91.2	107.3	114.9	125.5	189.9
Царства Польского . .	66.3	85.7	102.3	109.2	121.2	151.1
Подмосковном	28.6	23.4	22.7	21.3	17.6	18.7
Уральском	4.1	10.0	7.6	10.8	10.0	16.0
Киргизской степи . . .	1.0	1.0	1.2	1.6	0.1	0.2
Киево-Елисаветградском	0.3	0.5	0.5	0.5	0.6	0.9
Приморской обл. . . .	0.2	0.3	0.3	0.5	0.6	0.6
Кузнецком	0.4	0.4	0.3	0.7	0.8	0.9
Кавказском	0.4	0.2	0.1	0.2	0.2	0.2
Туркестанском	0.4	—	—	0.4	0.4	0.4
Онежском	0.1	0.1	—	—	—	—
Всего . . .	178	213	243	261	277	379

Следовательно, добыча России в 1879 г. была не более 3 млн т каменного угля, или менее 1% всемирной добычи, которая растет и растет крупно в целом свете. Она возрастает год от года и у нас, особенно с 60-х годов. До 60-х годов добыча была мала, потом все растет явно. В 1876 г. вся русская добыча равнялась 112 млн пудов, в 1880 г. — около 200, в 1885 г. — 261, в 1887 г. — 277, а в 1889 г. — почти 380 млн пудов, то есть в 10 лет *удвоилась*.[1]

Общую мировую добычу угля с 1887 г. должно считать превосходящею 400 млн т, или достигающею до 25 000 млн пудов в год.[2]

Из 1500 млн жителей земного шара в России около 120 млн. На каждого из нас, русских, приходится своей добычи около 3 пудов. А на каждого жителя мира, считая и негров, о каменном угле не слыхавших, приходится в среднем не менее 16 пудов угля в год, то есть в пять раз более. Догонять немедля, очевидно, следует, не то будем отставать.

Есть и другая сторона, для нас поучительная. У нас рабочий добывает, судя по английскому статистику, 160 т, или около 9800 пудов в год, а в Англии 303 т, или почти вдвое. И эта цифра от истины недалека. По Горному департаменту, в 1885 г. на каменноугольных копях России работало 31 203 человека, а добыто 260½ млн пудов, или на рабочего по 8350 пудов. Это, пожалуй, заставит думать, что у нас либо добыча трудна, либо рабочие хуже, либо приспособления добычи плохи. Но это все будут ошибочные догадки, как увидим далее: у нас добыча много легче, рабочие, как всякий знает, не хуже, и приспособления для добычи

[1] В Германии за тот же срок (считая сумму бурого и каменного угля вместе) добыча возросла в меньшей пропорции, но в 10-летний период 1861—1871 [гг.] и там возрастание было почти в два раза. В Германии средняя годовая добыча в миллионах тонн:

Годы	Уголя		
	каменного	бурого	всего миллионов пудов
1861—1865	17.6	5.6	1400
1866—1870	24.9	7.2	1960
1871—1875	34.5	9.7	2690
1876—1880	40.9	11.3	3180
1881—1885	54.4	14.1	4180
1886—1890	66?	17?	5060

Русская каменноугольная производительность ныне в 13 раз менее германской и в 30 раз менее английской. Если бы здесь дело пошло (а это может легко быть) так же скоро, как в кавказском нефтяном деле после 70-х годов, то мы бы скоро догнали немцев.

[2] А в 1890 г. добыча, вероятно, дошла до 500 млн т, или до 30 млрд пудов.

уже почти все имеются, только дело у нас ведется иначе и запись другая. Так, например, официально указано, что на землях крестьян Зайцевской волости (Екатеринославской губернии, Бахмутского уезда) рабочих было 810 человек, а добыто угля (1885 г.) около 3 млн пудов. А между тем, как лично мне известно, те крестьяне и пашню пашут, и сено косят, и извозом занимаются, а есть время да спрос и цена — добудут и уголь. И на большинстве капитальных копей летом, в страдное время, работает гораздо меньше народу, чем зимой, и цены летом выше, — зимой около рубля, в летние месяцы иногда и за два рубля не достать. От плуга и косы, перейдя к кирке, рабочий не так-то ловко работает ею, однако все же нередко выламывает за день и по 100 пудов угля, что и составит английскую годовую пропорцию добычи на рабочего. Следовательно, не в этом дело.

В чем оно, — это будет рассказано далее, а теперь обратимся еще к одной стороне английского источника, и именно к цене угля. Она указана для России, для Германии и для мелких потребляющих стран ниже, чем для стран, много угля добывающих. В Англии $6^1/_2$ шилл. за тонну, в Америке 8, а в России и мелких странах 5 шилл. за тонну. Это цены на месте добычи или на станции отправки. Вот это важно, и, можно сказать, — важнее всего, потому что ценою топлива определяется область его потребления, возможность вытеснять конкурентов. Во Франции спрос велик, а углей немного, добыча же затруднена малой обширностью бассейнов, цена на уголь около копей и высока, слишком вдвое противу немецкой или русской. Оттого Англия туда везет сотни миллионов пудов своего угля. В цене угля много составляющих величин; мы о них будем говорить подробнее, а теперь остановимся только на сравнении действительных цен у нас и в Англии для весны 1888 г., когда я разбирал это дело ближе, потому что это сразу дает вопросу наглядность. Многие цифры для ясности излишни, беру лишь типические и средние.

Из той Зайцевской области, о которой выше была речь и к которой возвращаться придется не раз, у меня есть несколько копий с условий между крестьянами-добывателями и скупщиками их угля. Цена обусловлена так, что приходится от $2^1/_4$ до $2^3/_4$ коп. за пуд угля, вынутого на поверхность. Так как от шахт до станции железных дорог здесь расстояния невелики, всего несколько верст, то за провоз платят около копейки с пуда. Считая накладные расходы, уголь обходится на станции складчикам менее 4 коп., и они, продавая вагонами, получают около 5 коп. за пуд. За эту же цену можно купить ныне в Донецкой области на железнодорожных станциях уголь уже в массах относительно больших и от множества шахтовладельцев. Но есть места и условия, где выгодно продавать и гораздо дешевле. Так, в Лисичанске цена около 3 коп. за пуд, да и в Зайцевской волости, хотя тут добыча и потруднее, те из крестьян, которые умеют обходиться без скупщиков, продают уголь на станциях по цене около 4 коп. пуд. Зато есть и такие предприниматели, где началь-

ные затраты были чрезмерно и излишне велики, например, на устройство капитальной шахты вместо 30—40 тыс. руб. истрачено более 200 тыс. руб. Там и теперь есть немало напрасных расходов, если платят многотысячные жалования управителям и инженерам, которых можно было бы найти и на более скромные оклады, потому что дело около угольных копей несложно и немудро. Таким шахтовладельцам самим часто уголь обходится (с погашением затрат всякого рода) около 5 коп. пуд, так что им продавать нельзя ниже $5^1/_2$ — 6 коп. пуд. В области антрацита, который трудно выламывать по его твердости и вязкости, цены выше: при экономном хозяйстве самому владельцу пуд обходится от 6 до 5 коп., а при халатном отношении к делу, то есть в заглазных, широко задуманных, но плохо руководимых предприятиях, антрацит обходится и того дороже — до 8 коп. за пуд. Выше я и не знаю, хотя пересмотрел немало подлинных отчетов. А так как в Донецком крае на 90 млн пудов, так называемых курных или пламенных углей, легко выламываемых, добывается всего около 35 млн пудов антрацитов, то можно смело принять, что ныне продажная цена всего угля в Донецком крае на станциях отправки не выше 6 коп. за пуд; а если ограничиться одними курными углями, многие виды которых, особенно полуантрациты, даже для специальных целей ни в чем не уступят антрацитам, то цену на местных станциях угля должно принять ныне в 5 коп. за пуд. Около того же, если не ниже, обходится каменный уголь в других наших областях добычи. Для польского каменного угля, по официальным данным Горного департамента (1885), цены за пуд угля: несортированного от $2^4/_{10}$ до $3^7/_{10}$ коп., для сортированного в кусках средней величины от $3^1/_2$ до $6^3/_{10}$ коп. Г. Бригевич в статье об уральских углях («Инженер», журнал Министерства путей сообщения, 1884, № 11 и 12, стр. 509), оценивая их на пристанях Камы и Волги, принимает цену пуда угля, нагруженного в вагоны уральской дороги, в $5^1/_2$ коп. Следовательно, на станциях отправления, ближайших к местам добычи, русские угли вообще можно принять ныне в средней цене не выше 6 коп. за пуд, и весьма вероятно, что конкуренция и развитие дела эту цену спустят до 5 коп. Цены угля у нас действительно постепенно уменьшаются с годами и явно клонятся к указанным нормам. Это можно было бы доказать рядом цифр, но мне кажется, что и сказанного довольно для суждения о наших ценах.

Цены угля в Англии публикуются постоянно, устанавливаются очень точно, изменяются по качеству углей, по местностям и времени, то есть по спросу и предложению. И нельзя иначе быть, так как, во-первых, конкуренция громадна, что сейчас будет видно из громадности годовой добычи, а во-вторых, в Англии плата рабочим определяется по продажной цене угля. Так, из статьи манчестерского профессора Мунро (I. E. Crawford Munro — Sliding Scales in the Coal Industry), сообщенной в 1885 г. в Британской ассоциации для споспешествования наукам, узнаем, что во всех каменноугольных областях Англии с 1876—1882 гг. существует изме-

нение платы рабочим, сообразно изменению продажной цены угля, так что при возвышении цен и плата рабочим возрастает в определенной мере. В контракте или условии, установленном в 1882 г. для Южного Валлиса (Кардиф, Ньюпорт и Сванзе), определены цены рабочим при изменении цен угля (с нагрузкой на корабль) от 8 до 21 шилл. за тонну. В условии же 1884 г. для Кумберланда принято изменение продажных цен угля от $4^1/_2$ по $6^1/_2$ шилл. за тонну.[1]

Из той же обстоятельной статьи, а также из отчета «The Coal Industry» заимствую следующие общие сведения о размерах добычи угля в Англии, Шотландии и Ирландии.[2]

Год	Тысяч тонн великобританского угля добыто в год
1884	160 758
1886	157 515
1887	162 112
1888	169 935
1889	176 917

За все это время цены колебались, но в ограниченных размерах. Понижаться им еще, и значительно, нельзя, не только потому, что при громадной конкуренции и полной невозможности играть ценами, цены и без того низки, дают владельцам копей барыш лишь по громадности масс добываемого угля, но особенно потому, что год от году в Англии приходится извлекать уголь все из большей и большей глубины, из таких мест, где еще недавно и не было возможности знать о существовании углей,[3] отчего столь часто и повторялись в этой стране опасения полного истощения великобританского угля, даже раздавались требования сохранить часть угля потомкам. Но практические люди разумно разочли, что лучше

---

[1] Здесь средняя цена тонны изменялась (в шиллингах и пенсах), например, так: сентябрь 1876 г. — 4 шилл. 6.19 пенса; от октября до декабря 5 шилл. 6.14 пенса; в 1880 г. от января до марта — 5 шилл. 2.99 пенса; от апреля до июня — 5 шилл. 0.38 пенса; от июля до сентября — 4 шилл. 10.64 пенса; от октября до декабря 5 шилл. 2.83 пенса; и т. п. Высшая цена — 5 шилл. 10.45 пенса — существовала в октябре—декабре 1882 г. В январе—марте 1885 г. она дошла до 5 шилл. 11.39 пенса за тонну.

[2] Из 161 млн т 1884 г. добыто в Англии и Южном Валлисе 154, в Шотландии 6, в Ирландии 0.1 млн т. Всех рабочих 520 376 человек, из них для подземных работ 422 233, на поверхности земли 98 143 человека. Для 1886 г. в Шотландии добыто 20 млн т.

[3] В последние годы (Godwin-Austen, Boid Dawkins и др.) доказано, что южно-английские угольные пласты суть те же самые, какие известны на севере Франции и в Бельгии, и что они, вероятно, идут под морем. Около самого Дувра поэтому открыты угольные копи. Одно время думали, что истощение Великобритании каменным углем близко в будущем. Ныне этого нельзя признавать. Трудности извлечения будут расти, но угля еще очень много.

потомкам оставить сильную, богатую страну, пользуясь случаем, теперь существующим, — сбыть как самый уголь, так и товары, на счет его производимые, особенно чугун, железо и сталь, да дать заработок своему народу, которого бедность и эмиграция без этого заработка наверное бы возросли. Да если принять, что капитал в Англии дает только $^1/_{30}$ интереса, то в самом деле ведь за 30 лет, пожалуй, получится у народа заработок и сбереженный капитал, достаточный для приобретения потом, когда уголь весь изведется, всего потребного угля на стороне, не говоря о том, что с капиталом, наживаемым на угле и применениях его, Англия может выделять для развития в стране своей науки такие средства, о каких в других странах и не могут думать; наука же, укрепившись в стране, найдет, когда придет в том надобность, другие средства, кроме угля, существующие в природе для произведения той работы, какую ныне дает уголь. Ведь и эту работу углем указали люди науки. Раньше и в Англии, как еще и поныне у нас, довольствовались то дровами, то кой-чем, а главное, не умели из угля и посредством его добывать не только капиталы, но и сталь, ткани, корабли, торговлю. Выходит, очень выгодно тратить стране ее подземную силу, она становится силой современной, и капиталы Англии в корне все оттуда, да из колоний, но и их можно удерживать благодаря только помощи угля. Стоит посмотреть на цены, чтобы это видеть. Но прежде приведу из «Statistical report, for 1887, the Coal Industry in 1887» (p. 56) данные о заграничном английском вывозе угля по странам; эти цифры понадобятся нам в дальнейшем изложении. Числа даны в тысячах тонн, вес же каждой тысячи английских тонн — около 62 000 пудов[1] [табл. на стр. 564].

Итак, Англия продает другим странам около 24 000 000 т, или около полутора миллиардов пудов угля в год, производя около 10 млрд, или потребляя у себя около $8^1/_2$ млрд пудов угля.

Чтобы узнать современные (1888) английские цены на уголь, я писал в Англию и получил от моего многоуважаемого друга, бывшего кентского фабриканта, а ныне начальника всех арсеналов, В. И. Андерсона, следующие мартовские цены сего года угля на шахтах: газовый уголь за тонну 5 шилл. 6 пенсов, самый лучший (дыма мало дающий), для домашнего употребления, 9 шилл.; обыкновенный для паровых котлов 7 шилл. 6 пенсов. Эту последнюю цену и должно принять за текущую среднюю. Поэтому при курсе 1888 г. (172 коп. кред. за 1 руб. зол.) цена тонны английского угля на шахтах должна быть принята в среднем равною 4 руб. 6 коп. кред. за тонну, или за пуд более $6^1/_2$ коп. кред.

Итак, средние цены угля в шахтах в Англии, имея стремление к повышению, выше (около $6^1/_2$ коп.), чем в России (около 5 коп.), где цены имеют стремление к понижению. Там быстро возрастать добыче уже нельзя, норма достигнута, и есть даже поводы к ее уменьшению, не

[1] Английская тонна — около 1016 кг, или около 62 пудов; французская и международная — 1000 кг, или около 61 пуда.

	Вывезено из Великобритании		
	1885 г.	1886 г.	1887 г.
В Россию [1]	1471	1460	1305
» Швецию и Норвегию	1835	1734	1756
» Данию	1160	1138	1147
» Германию	2635	2858	2784
» Голландию	362	269	288
» Францию	4216	4081	4213
» Испанию	1329	1417	1450
» Италию [2]	2705	2852	3187
» Турцию	314	343	370
» Египет	1143	1005	1256
» Бразилию	460	475	513
» Гибралтар	353	387	488
» Мальту	652	496	374
« Ост-Индию	1305	1163	1271
« другие страны	3866	3576	4051
	23771	23283	24455

[1] Относительно России, например, для 1885 г. известно, по нашим официальным данным, что ввезено угля:

Из Великобритании	85 418 927 пудов
» Германии	18 609 468 »
» Австро-Венгрии	2 050 451 »
Ввезено в Россию всего	106 078 846 пудов

[2] Так как вывоз донецкого каменного угля в Италию, по моему мнению, должен при развитии нашей промышленности составить одну из первых задач, выполнения которых следует достичь, то привожу (по новым данным из «Acad. dei Lincei» и «Bullet. Soc. d'Encouragement», 1891) сведения о потреблении угля в Италии, тысяч тонн в год:

	1871 г.	1876 г.	1881 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Свой лигнит	80	116	135	243	328	368	300
Ввоз каменного угля	791	1454	2073	2927	3583	3873	3990

Следовательно, ввоз сильно возрастает и до 1889 г. превзошел 240 млн пудов. Италия кроме лигнита (около 25 млн пудов) добывает еще свой торф (до 30 тыс. т, т. е. менее 2 млн пудов). В 1899 г. каменный уголь стоил Италии около 108 млн лир, т. е. около 40 млн руб. кред., т. е. по $16^1/_2$ коп. кред. за пуд.

только от затруднительности добычи с глубин, нередко уже достигающих 400 саж., но и от того, что выработка ведется давно. И цены рабочих не падают, а растут. У нас совершенно иное. Добыча лишь началась, глубины шахт все маленькие, работают нередко только около самой поверхности, областей разведанных не перечесть, вглубь не проникал никто, конкуренция только что начинается, оттого и цены стремятся падать и наверное еще сбавятся. Все на нашей стороне, и, обозревая современные условия одной донецкой каменноугольной области, мы увидим, что она одна может и должна соперничать с Англией, а угольных у нас областей много, стоит перечислить хоть самые важнейшие, после донецкой, не останавливаясь над мелкими, ограничиваясь только заведомо большими.

В Приамурской области и на Сахалине есть угли и даже добыча, но это очень отсюда далеко, хотя и важно для могущества России на Тихом океане.

Обширнейшая (более 40 тыс. кв. верст) и богатейшая (по числу, мощности и свойству пластов) из известных наших областей каменных углей находится в Западной Сибири, около Кузнецка, и Алтая, по реке Томи. Но роль этого угля далеко впереди, зато уже значение для развития будущей нашей азиатской промышленности не менее, чем американских аллеганских углей. Там много прямо обнаженных на обрывах рек толстых угольных пластов, только их не берут, лес еще очень дешев, а видов промышленности, требующей массы угля, совершенно почти нет. В Сибири известны и другие угольные области, например Сидоров нашел на Нижней Тунгузке (Енисейской губ.) многие пласты каменных углей, Злобин на Лене (Якутской обл.), и т. п.

Идя на запад, встречаем по ту и по эту сторону Урала массу угля; добычу завели там, где железные дороги и реки близко, а на беду начали с углей невысокого качества, да и металлургическая деятельность Урала ослабела, о чем следует, однако, говорить особо, не здесь, а потому и по сих пор, хотя есть несомненно угли высокого качества, добыча ограничивается каким-нибудь десятком или 20 млн пудов. И этим углям свое время придет. Они, как кузнецкие и как китайские угли, должны будут иметь мировое значение.

Есть угли и в Киргизских степях и в Туркестанской области, и они займут свою роль, когда станет развиваться во всей России промышленность. Нам важно показать только, что при обширности России она только ныне бедна добычею угля, а добывать его станет всюду со временем, когда до надлежащего промышленного развития дорастет. Это должно скоро совершиться; таковы все современные условия, и знать угольные богатства России следует каждому из нас, потому что это запас силы еще больший, чем военные резервы.

Идя далее на запад, почти подо всей Центральной Россией от Белого моря до Азовского, наверное, идут каменноугольные геологические образования. Большая часть их покрыта позднейшими отложениями, так что

до них доступ труден, и только в далеком будущем здесь можно ждать нахождения углей и их добычи, и не об этом теперь должно говорить, а лишь о тех местах, где пласты, вмещающие каменный уголь, выступают на поверхность и где их легко искать и добывать. На юг. от Москвы, в Рязанской и Тульской губерниях, хотя отрицали когда-то даже существование углей, на основании нескольких напрасных попыток, к тому же недостаточно настойчивых, каменные угли найдены и разрабатываются, например, в Мураевне (Губонина), чулковскими и побединскими копями в Рязанской губернии, а в Тульской левинскими, малевскими (гр. Бобринского), гилевскими и другими копями. Правда, что уголь этих мест невысокого качества, легко рассыпается, мало теплопроизводителен (почти как дрова или торф), а потому и слабо еще разрабатывается. Но, во-первых, здесь и усилий до сих пор приложено было мало как для правильной утилизации (формовки брикет), так и для разведок в глубь и ширь, где, быть может, найдутся и лучшие угли; во-вторых, угли низшего качества, подобно торфу, требуют развития местного потребления, далекой же вывозки не выносят, на что до сих пор обращено еще мало внимания, а в-третьих, масса уже известных из этих углей так громадна, что они сами по себе должны, когда проснутся промышленные силы России, оказать громадное влияние на производительность наших центральных губерний. А потому и эти подмосковные угли надо принять в счет при измерении наших промышленных резервов.

Каменные угли Петроковской губернии, добываемые в количестве большем 100 млн пудов в год, ведь создали же промышленные условия наших польских окраин. Не от немецкой интриги, а от найденного и добываемого угля в тех краях возросла за последние десятки лет новая крупная русская производительная область с ее ткацкими и прядильнями, с ее металлургическими и всякими другими заводами. Сила, в угле спрятанная, здесь сказалась явно, конечно потому, что углем занялись как следует. Но область эта не из богатейших по размерам, и ее угли не из лучших, не то, что донецкая, которой посвящается вся наша статья. Польский уголь ни по количеству, ни по качеству и расположению (вблизи силезских месторождений) не может иметь мирового спроса, к какому способен донецкий, и если добыча первого ныне почти равняется как добыче донецкого, так и количеству иностранного ввоза, то это лишь потому, что в польском крае разумно налегли сразу как на каменноугольное дело само по себе, так и на развитие местной промышленности, спрашивающей или потребляющей уголь, а в Донецкой области едва лишь начали понимать необходимость местного потребления угля.

Не следует забывать, что не только в Кубанской области Кавказа, но и в Кутаисской губернии уголь есть и добывается. Особенно много обещает развитие добычи угля около Кутаиса, тем более, что здесь в Тквибуле, где пласты угля достигают толщи в 7 саж., уже проведена ветвь железной дороги, и там за разработку угля взялся А. Н. Новосель-

ский, столь известный основатель общества пароходства и торговли и общества «Кавказ и Меркурий», и за ним последовали другие. Здесь и условия беспримерны: пласт угля очень мощен, выходит к обрыву, мало наклонен, работать начали штольнями (горизонтальными галереями), вода сама вытекает, груз сам может себя вытаскивать из копи, потому что прием его и нагрузка ниже места выломки, море недалеко, рабочие дешевы. Великая будущность Черноморья обеспечивается, однако, не этим одним топливом, а также и особенно донецким углем, потому что он тоже недалек от моря, а его масса и его качества беспримерны, выше английских, с которыми донецкие угли должны непременно когда-нибудь встретиться не только на наших черноморских берегах, но и на Средиземном море, если позаботиться об условиях осуществления этого промышленного завоевания. По отношению к тквибульскому углю должно заметить, что он из новых (юрских), не коксуется и едва ли представляет хотя малейшее подобие по массе с углем донецким, а потому хотя и должен иметь свое важное, особенно местное значение, но не столь крупное, какое может иметь донецкий уголь, особенно для мировой торговли и для металлургии.

Прежде чем переходить к главному русскому угольному богатству, невольно приходится ответить на назойливые вопросы: стоит ли заниматься таким непривычным для России делом, как угольное? Не лучше ли пахать, а это оставить потомкам? Да и можем ли мы бороться, есть ли для того действительная возможность?

Это подробно станем разбирать, но сперва для вступления посмотрим на сумму цен, вращающихся около черного золота, не изменяющегося в земле, но много легче настоящего золота из земли добываемого.

Так как русские местные цены каменного угля ниже, чем большинства других (только в Силезии уголь дешевле) стран, и так как местное употребление угля прямо из шахт все же ограниченно, а для суждения о ценности угля следует найти среднюю цену (лучше низшую, чем высшую), за которую продается в мире уголь, то прежде всего для этого полезно узнать наши цены. Для нашего угля, судя по статистике дела, следует найти цену угля на расстоянии от 300 до 400 верст, куда наш уголь средним числом ныне доходит.

Наш железнодорожный тариф на уголь (1888) определяется, во-первых, полукопеечным станционным сбором (мы его и станем рассматривать в своем месте), во-вторых, поверстным сбором в размере от $^1/_{55}$ до $^1/_{80}$ с пуда и версты, так что за 300—400 верст расстояния приходится платить за провоз угля от 5 до 8 коп.[1] Считая сверх того за нагрузку и выгрузку, за склад и хлопоты складчика и предпринимателей, производящих торговлю углем, в сумме меньше копейки за пуд, да за самый

[1] Современный (1891 г.) железнодорожный тариф угля особо рассматривается в этой главе после перепечатываемой статьи.

уголь на станции отправления 5½ коп., получим, что наши донецкие угли продаются ныне от 11 до 15 коп. за пуд, среднее по 13 коп., считая в той цене заработки шахтарей, предпринимателей и перевозчиков. В самом деле, ныне по этой средней цене едва ли можно иметь уголь в Харькове, а расстояние от него до ближайших копей едва превосходит 300 верст. Каменный уголь английским внутренним потребителям в количестве около 10 млрд пудов достается в среднем дешевле, около 10 коп., но иностранцам в среднем обходится не дешевле 12—15 коп. за пуд, считая огромный заработок на угле, достающийся английским кораблям. Приняв во внимание современные цены угля на местах добычи и средние цены провоза на средние расстояния районов потребления, я нашел, что среднюю цену в мире должно принять никак не меньше, чем 11 коп. за пуд, а вероятно она не менее 12 коп. из первых рук, не говоря о мелких перекупщиках.

Но примем для осторожности цену угля только в 10 коп. за пуд. Все же за уголь платит ныне мир не меньше 2 500 000 000 руб. ежегодно. Эта почтенная цифра внушает разного рода мысли, не теряющие значения при сопоставлении их с различными другими крупными потребностями людей. Возьмем, например, хлеб. В год на каждого жителя России можно принять расход хлеба около 1½ четвертей в среднем, или около 13 пудов. Если ту же пропорцию в среднем принять на весь мир, то потребность хлеба выйдет в год около 20 млрд пудов, если население земли считать 1500 млн людей. Следовательно, вес ежегодно производимого угля превосходит вес производимого хлеба. А так как цена пуда хлеба в 5 или 10 раз выше средней цены каменного угля, то ценность хлеба превосходит ценность потребляемого угля. И пусть не покажется сличение угля с хлебом очень искусственным. Каменный уголь, как хлеб, продукт растительный, оба питались водой, почвой и воздухом, оба составляют резервы природы, в углях около 1½% азота, в семенах ржи хоть и больше, но немногим, а именно около 2% по весу, а азот составляет самую важную составную часть растительных продуктов. Цена хлеба, потребляемого Англией, во всяком случае, с избытком покрывается ценой ее угля. Словом, хлеб и уголь — сонзмеримы, хотя все же хлеб ныне важнее угля и ценнее. Но последнее слово здесь еще не сказано. Еще возможно, что из угля с его помощью сделают, произведут питательные вещества, потому что в угле все для того начала содержатся. Ведь произвели же и фабрикуют из угольного дегтя, правда очень сложным процессом, краски, часть которых может вырабатываться только редкими растениями теплых стран. Да и, кроме того, добыча угля год от году растет в гораздо быстрейшей пропорции, чем возрастает количество производимого хлеба, а потому быть может, что уголь своим содержанием азота и своею ценностью много превзойдет цену хлеба. Всего же важнее и вероятнее ждать возникновения особых заводов, где уголь будет переделываться в горючий газ (например в генераторные газы или в водяной газ), как уже делают в некоторых особых случаях, например на метал-

лургических и стеклянных заводах.[1] Тогда станут, вероятно, собирать азотистые продукты угля, как делают и на современных газовых заводах, а эти азотистые продукты угля способны сильно возвышать урожаи хлеба. Словом, все угольное дело и во всем-то мире еще молодо, всей своей силы еще не показало, хотя и теперь она уже очевидна. И если уголь еще не перегнал хлеба, то он уже давно оставил позади многое другое, считаемое и крупным, и важным. Возьмем хоть золото. Его добыча во всем свете, измеренная в миллионах рублей (считая фунт стерлингов около 10 руб. кред.), достигла по «History of prices»:

в 1850 г.	1860 г.	1870 г.	1883 г.
миллионов рублей			
130	230	240	180

Эта цена годовой добычи золота раз в десять менее цены добываемого ежегодно угля. Добываемого золота далеко недостанет на одни

---

[1] Думаю, что время выгодности устройства общих заводов для переделки топлива в горючие газы недалеко, потому что города сильно растут, заводы и фабрики скопляются около них и топливо здесь идет в громадных массах, а сокращение хлопот и расходов с развозкой топлива, с истопниками, с заботою об экономии топлива и с необходимостью во многих случаях высокой температуры должны дать значительные сбережения при употреблении газового топлива. Открыл кран, и топливо потечет само собою, количество его измерить легко, им легко управлять. При постоянной топке, стоит раз урегулировать приток газа — дальше и присматривать не надобно. А температуры дает газовое топливо наивысшие, бо́льшие, чем сам уголь, отчего и ныне уже нередко прибегают к полному превращению угля в горючие газы (окись углерода и водород) при помощи простых снарядов, называемых генераторами. Особенно вероятно полное превращение угля в так называемый «водяной газ», получающийся при действии сильно перегретого пара на сильно накаленный уголь. В этом газе содержится смесь водорода с окисью углерода. Этот газ горит пламенем бледным, тусклым, но при помощи бензина его легко сделать ярко горящим. Вероятность близости времени для подобной фабрикации возрастает по мере удешевления труб, составляющих поныне большую капитальную затрату при устройстве способов распределения газа и проведения его на длинные расстояния. Вот сюда должна направиться изобретательность людей. Они станут дешевы — ведь и металлическое железо сильно дешевеет, и есть возможность улучшить и сильно изменить современное производство труб. А когда это произойдет, настанет, вероятно, со временем даже такая эпоха, что угля из земли вынимать не будут, а там в земле его сумеют превращать в горючие газы и их по трубам будут распределять на далекие расстояния. Нефтяные газы, или горючие газы, прямо идущие из земли, уже ныне в С.-А. С. Штатах ведут на сотни верст для действия заводов, очагов и газовых горелок.

Прибавляю все это, чтобы ясно показать возможность еще крупных, основных усовершенствований угольного дела. Оно до сих пор пока еще в забросе, еще не осмотрелись с его значением, еще притом очень дешев уголь. Будущность его, без сомнения, громадна, к нему еще должны обратиться: людская изобретательность и наука, капиталы и сила.

европейские ежегодные военные расходы мирного времени, потому что они доходят до 1700 млн руб. Суммы же стоимости каменного угля могут покрыть даже расходы, подобные военным. Таково уже ныне значение угля.

Следовательно, есть из-за чего хлопотать, заботясь об угле не меньше, а больше, чем о многом другом. И если даже оставить в стороне все внутреннее потребление стран, добывающих уголь, то и тогда суммы, вращающиеся около каменного угля в международной торговле, окажутся заслуживающими того, чтобы заняться этим видом торговли. Одна Англия высылает от себя около 1500 млн пудов угля. В Одессе и Кронштадте за него, не считая пошлин, дают выше 10 до 15 коп. В Египте и Италии платят не меньше, в Бразилии и Ост-Индии много дороже, а потому среднюю цену вывозного угля следует принять около 14 коп. Поэтому его стоимость близка к 200 млн руб. в год. Если русский уголь, или точнее донецкий, имеющий на то наибольшую возможность, успеет завоевать себе только половину этого вывоза, а именно ту, которая идет чрез Средиземное море, то и тогда заработок наших шахтарей, копевладельцев, железных дорог и, главное, нашего коммерческого флота на угле составит почтенную цифру. А вся возможность для этого налицо, хотя флот надо создать, хотя копи надо устроить, хотя и о многом другом следует позаботиться. Знаю, что добрыми желаниями ад устлан, но говорю не из одного смутного пожелания, а потому что стану по частям разбирать все, узнанное на месте, да потому, что для выполнения, как увидим, нет ни одного препятствия, которое нельзя было бы легко побороть, а главное потому говорю, что у меня на глазах развилось наше нефтяное дело, и сам я в его развитии занимал такую же роль указательного пальца, какую теперь желал бы занять в нашем каменноугольном деле. Явились ведь для нефти и флот, специально устроенный для дела на Каспийском море и на Волге, и специальные склады или резервуары, и дешевизна нигде небывалая, и внешняя торговля, развитие которой теперь задерживается отсутствием нефтепровода; нашлись люди и капиталы, и все сделалось в какой-нибудь пяток, много десяток лет, *когда решились дать условия, необходимые для возможности возникновения* нефтяной нашей промышленности: откупа с их привилегиею уничтожили, земли нефтяные сдали в аренду, акциз отменили, дали всю возможную свободу бороться на поприще промышленности крупным с мелкими, старым с новыми. Вот когда такой результат на глазах, когда знаешь, что значение каменного угля еще во много раз выше, чем нефти, когда видишь, что для широчайшего развития нашего каменноугольного дела препятствий еще меньше и естественных условий еще больше, чем у нефти, тогда не страшно, что «бородатые риторы» назовут мечтательным прожектором, и необходимо писать, да и по возможности показывать, раскрывать дело со всех сторон. Мне кажется, что сила России возрастет во много раз, если промышленность наша укрепится, обосно-

вавшись на разработке каменного угля, что без этого даже есть много для нас опасности подчиниться внешнему экономическому давлению и что другого способа нельзя и придумать для сохранения жизни народной, но я не имею претензии сказать последнее слово, вершить и строить мир по-своему. Такие завзятые, готовые на все решения предоставляются классическому полету мысли. Помимо этого и впредь мир пойдет, руководимый вечными законами, да личными и общими интересами людей, а они будут жить и мыслить, приноровляясь к условиям и по сумме запаса имеющихся сведений. Этот-то запас мне хотелось бы расширить, говоря о значении каменного угля, об его условиях в Донецком бассейне и о тех мерах, при помощи которых можно надеяться на то, что донецкие угли окажут влияние на многие стороны нашей внутренней и внешней жизни.

Каменный уголь оттого и получил свое современное значение, что проник уже во все стороны людской деятельности. Вот и эту книгу печатают, двигая станок углем или газом, из него полученным, пользуясь металлами, на угле добытыми и на угле приехавшими к месту назначения. В этой пушке, в этом стакане, в этом учетном проценте, в этом курсе, даже в моей возможности поехать на Донец, во всем так или иначе замешан уголь. Конечно, в хлебе его прямое участие еще очень мало, но в той постоянной экономической войне, которую ныне ведут все страны и которая глубоко всех затрагивает, роль каменного угля не менее роли хлеба потому именно, что вся современная промышленность обосновалась на угле. Чрез нее же родится особая мировая сила, очевидно всюду действующая. Кажется, на первый взгляд, что и поныне сила оружия и храбрости покоряет мир. Но дикарь, купив ружье, достав порох и пули, все же остается дикарем, хотя бы его храбрость была образцовою. Он не будет в сонме покорителей мира, в нем не родится той уверенности, которая одна побеждает. Он становится совершенно иным, так или иначе приняв прямое, деятельное участие в промышленности, особенно в той, которая движется каменным углем. Тут необходима полная организация, тут она видна, тут ясно, что, обдумав и все приготовив, можно делать то, что кажется прямо невозможным и что личному порыву совершенно недоступно. Самая война промышленностью уже сильно преобразована. Словом — промышленность составляет новую силу мира, а в ней уголь играет роль первостепенную. Считая это очевидным без дальнейшего разъяснения, я постараюсь теперь показать те естественные условия, которые находились в Донецком крае и делают его местом для возможности развития промышленности, имеющей мировое значение, но предварительно необходимо остановиться на двух сторонах предмета, которые, по моему мнению, недостаточно ясны у нас многим, а именно: на древесном топливе как историческом предшественнике каменного угля и на нефтяном топливе как на возродившемся у нас сопернике, названном даже «жидким углем».

Так как 1 пуд каменного угля, говоря об обычных донецких или английских, для замены под паровиком требует около $2^1/_2$ пудов сухого дерева, то взамен 25 000 млн пудов угля следовало бы сжигать ежегодно около 60 000 млн пудов дров, или, приняв вес кубической сажени дров в 250 пудов (березовые дрова весят около 280, сосновые около 230 пудов), следовало бы сожигать 250 млн куб. саж. дров. Десятина под лесом дает в год прироста около кубической сажени, и это на почве недурной, при рубке лет чрез 40. Пришлось бы, следовательно, для замены угля вырубать в год $6^1/_4$ млн десятин, а держать под лесом около 250 млн десятин, или около $2^1/_2$ млн кв. верст. Пространство всей Европейской России едва в два раза больше той поверхности, какую следовало бы сплошь держать под лесом, чтобы заменить уголь, необходимый для современной промышленности.

Этим уже доказывается, что дрова не могли бы дать промышленности того движения, которое она ныне получила, потому что лес вывозить много дороже угля и под лесом нельзя оставить столько земли. Следовательно, нам пора перестать думать об одних дровах как топливе. В них причина невозможности расширения множества отраслей нашей промышленности не только южнее Москвы, но и около нее самой. Эти окрестности я близко знаю, сам летом здесь живу. Фабрикант, положим, хоть производящий миткаль, размеры своего производства прежде всего соразмеряет с количеством дров, которые может получить. Он и фабрику строит в захолустье не только потому, что тут народ охотно идет на заработок, отпускает часть свободных сил семьи на фабрику, рубит и возит лес, но и потому, что лесов тут больше и дрова обходятся дешевле. Больше, чем можно по пропорции дров в окрестностях, — фабрика расшириться не может, основаться у железной дороги тоже нельзя, — там дрова дороже, да уже и мало их. Выгоднее было бы расширить производство, поставить его у дороги, да невозможно. Оттого все наши заводы по захолустьям, друг от друга далеко, мало их видно подле железных дорог. Это сильно мешает нашему промышленному движению и росту и значительно увеличивает все цены наших товаров. С углем будет иное. Собьются фабрики либо около угля, либо при железных дорогах, а больше всего прильнут к городам и рекам, везущим уголь. Общая картина, рисующаяся из окон вагонов наших железных дорог, совершенно иная, чем в Западной Европе, именно потому, что там уже не топят заводов дровами, а уголь попадает всюду, его перевозка и проще и дешевле, так как вместо 25 пудов дров надо перевозить только 10 пудов угля. Всякий знает, что лесов уже становится у нас мало там, где топливо особенно необходимо промышленности, что она остальные изводит, что пустыней станет страна без лесов, что реки начнут мелеть, дождей пойдет меньше, что пора думать о сохранении лесов, что недавние законы о сохранении лесов, особенно охраняющих истоки рек, пришли кстати, хоть и не нравятся помещикам, рассчитывающим остальные свои

леса вырубить, да и промышленникам, потому что они страшатся вздорожания лесов. Если бы о лесе думали, его поберегли, а уголь забыли бы, — действительно было бы плохо и той промышленности, которая успела сколько-нибудь укрепиться у нас. Оттого-то и время теперь пришло углю, что лес на него указывает и говорит ясно: «около меня мелка ваша промышленность, оставьте меня, замените углем, я необходим для других дел, для того, чтобы из вашей страны не вышла азиатская пустыня, для того, чтобы под моею тенью были прохлада и влага, чтобы трава и хлеб росли у вас попрежнему; ведь угля-то у вас много, ведь в нем еще больше силы, чем во мне, ведь он вам и кирпич обожжет и известь, надобные для домов, скует, что надобно, и все, все вам надобное сделает не хуже меня». Знаю, что на это ему ответят: «рады бы мы углю были, если бы он дешев был, а то когда за кубическую сажень дров просят 20 руб., а за 100 пудов угля надо заплатить 23 руб., тогда и скажешь, чтобы закупали дрова». Ответ этот верный и его забывать не следует, а должно, во-первых, все сделать возможное для того, чтобы уголь подешевел, а во-вторых, ясно видеть, что на севере России, где дрова еще дешевы и их много, нет места углю. Но дело в том, что уже под Москвой, даже в захолустьях самых трущобных, дрова не дешевле 20 руб. за кубическую сажень (в самой же Москве еще много дороже), а цена 100 пудов каменного угля, заменяющего эту кубическую сажень дров, может быть сделана гораздо меньшею, чем 20 руб., а потому и должно заботиться именно об этом. Тогда и леса целы останутся, и промышленность может расшириться, и всякое дело пойдет по-иному, бойчее. А то теперь и выходит рознь: надо и промышленность развить, топливо ей дать, необходимо и леса сохранить. Помирить это противоречие может только уголь. Оттого о нем и надо писать и говорить. Пришла пора промышленная, следовательно каменноугольная. Счет с лесом кончить пора, надо открыть русский счет углю.

Но может быть не ему, а нефти, этому «жидкому углю»? То западная выдумка, это русская, своя, да еще со многими действительно неоцененными выгодами. Если за 25 пудов дров могут служить 10 пудов хорошего каменного угля, то нефтяного топлива довольно и 8, даже пожалуй и 6[1] пудов под паровиками. Да и кроме того истопника не на-

[1] При употреблении нефтяных остатков расходуется в «форсунках» (это род инжекторов или пульверизаторов, приводящих нефть в топку) пар, на что тратится часть топлива. Судя по составу, нефтяные остатки по сравнению с *лучшими* (например полуантрацитами) углями могли бы давать на 25% более полезного тепла, а по сравнению с *обычными* (ньюкастельскими или донецкими) даже на 50%. На практике отношение или выгодность немного меньше, однако все же в достоверных определениях по сравнению с обычными каменными углями, донецкими или английскими, можно считать, что в *хорошо* устроенных топках 100 частей *обычного* угля заменяются 70 частями остатков, что отвечает выгодности в 43%. Но нельзя, как иногда делают, допускать, имея в виду обычные

добно, дыму может вовсе не быть, хранить и применять очень удобно. Достоинства нефтяного топлива уже сказались на каспийских и волжских пароходах, на нескольких металлургических заводах, да и везде, где стали применять. И ясно, что расчет жечь нефтяное топливо будет везде, где будет дешевле купить 75 пудов этого топлива, чем кубическую сажень дров или 100 пудов угля. Зимой 1887/88 г. 100 пудов каменного угля в Москве стоили около 24 руб., следовательно было выгодно жечь нефтяные остатки, если их цена была ниже 32 коп. за пуд. А она стояла эту зиму от 28 до 30 коп. за пуд, следовательно была выгодна. А на Волге, особенно внизу, цена того ниже; в Царицыне была и 15 коп. Тут уж другому топливу мало места, надо, чтобы уголь стал в 11 коп. пуд, а дрова 11 руб. кубическая сажень; первого там нет, да и нескоро достичь, а второе и не было и не будет. Даже на Каме стали топить «нефтяными остатками». У них, следовательно, есть свой район, свои условия. Но откуда это благо, прочно ли оно, да и отчего только у нас, нигде нет этого сорта топлива? Эти вопросы разберем, потому что иначе многое и об угле останется неясным, нельзя будет сознательно отнестись ко всему делу нашей промышленности, от вопросов топлива сильно зависящей, как и всюду.

В 1882 г. Америка добывала нефти по 82 000 бочек (средним числом) в сутки, а как в бочке около 9 пудов, то годовая добыча была около 250 млн пудов. У нас и всюду в мире добывалось тогда около 100 млн пудов. Ни раньше, ни в ближайшие годы после того Америка столько не добывала, наша же добыча возросла, достигла 150 млн в год, с американской поровнялась, а потом и перерастет, к 300 млн пудов подходя. Следовательно, во всем мире добывается нефти не более, чем 500 млн пудов в год. У нас усиливать добычу нет пока расчета — нефтепровод к Черному, отпускному морю не готов, хоть и решен в принципе, а в Америке, где нефтепроводов к океану давно наделано много и где капиталов и энергии не занимать стать, сколько ни бьются, больше нефти получить не могут, и то набурили везде, где можно было подозревать нефть. Следовательно, ныне нет никакой надежды на то, что годовая пропорция добычи станет расти и много превзойдет 500 млн пудов. Сделаем невозможнейшее допущение: предположим, что всю эту нефть сожгут не в лампах, как это возможно, а на место угля, под паровиками, так как технические выгоды такого отопления несомненны. Вся существующая добыча нефти заменит только 600 млн пудов угля, следова-

---

каменные угли, что 100 частей их заменяют 60 частей остатков. В опытах этого рода что-либо было не соблюдено для правильности сличения (например уголь был взят мокрый, или очень плохой, или в неподходящей топке и т. п.). Противу же 100 частей лучших углей нельзя принимать менее 80 частей остатков, потому что это равно 25% выгодности. Где есть выбор, как на Донце, там далеко вывозить стоит только лучшие угли.

тельно, лишь $^1/_{40}$ долю всего потребляемого угля. Следовательно, нефтяное топливо — неопасный по количеству конкурент угольному топливу. Все дело, однако, в местной цене. В Америке на местах добычи цена бочки сырой нефти была в 1864 г. около 8 долл., затем все спускалась, дошла в 1882 г. до 78 центов и потом опять стала подниматься. Ныне недалека от 90 центов за бочку, или 25 коп. за пуд. Тут и разговору не может быть об нефтяном отоплении — дорога нефть сама по себе, ничего из нее дешевого получить нельзя. А дорога потому, что надо бурить глубоко, — ныне в Америке бурят на 200—300 саж. вглубь; надо скважину всю железными трубами обделать, надо качать нефть — дорого и выходит, особенно же потому, что не каждая скважина дает нефть, иные только газ, либо одну воду, да сверх того и те-то скважины, которые дают что-нибудь, лет чрез 5, а то и раньше перестают давать нефть; приходится новые рыть и все новые тысячи каждогодно. Ежегодно действует около 25 тыс. буровых скважин. Никто в Америке не думает поэтому топить нефтью, и для перегонки подвозят к заводам каменный уголь, а из нефти добывают бензин, керосин, смазочные масла да вазелин, и все сбывают, хотя вчера еще спросу не было, а является, потому что получаемый товар недорог, удобен, и рынок ему находится; никто не боится, что рынка не будет, все спешат добыть, переделать в товар, да его продать. У нас в Баку все иначе сложилось. Вырыли, начав лет 15 тому назад, всего несколько сот буровых скважин, глубиною все почти меньше 100 саж., часть оставили, забросили не потому, что нефти не дали, а потому, что в сутки выкачивали лишь всего сотню пудов нефти, и все работают на том же месте, получая из каждой скважины в день средним числом пудов по тысяче, и хоть сдерживаются из-за дешевизны нефти, а все добыча растет, а пути сбыта всего и есть Волга, т. е. Россия, да Закавказская дорога. Волга принять может, конечно, сколько угодно груза, да Россия не может принять нефтяного осветительного и смазочного масла больше как 30 — много 40 млн пудов в год. Добывают же 200, а железная дорога всего в Закавказье одна, грузов на нее много и своих, да еще персидских и закаспийских, вот она и может отвозить разве что 30 млн пудов нефтяных товаров, скажем даже, что 40 млн пудов. Если сбывать 35 млн в Россию чрез Волгу, да столько же чрез Закавказскую дорогу — для России и для заграничной торговли, все же выйдет не больше 70 млн пудов, следовательно, более 100 млн пудов остаются в «остатках». Можно бы выгодно их продать в переделанных товарах, да пути нет, нет и сбыту. Для этого-то и надобен нефтепровод. Он своей трубой или своими трубами примет сколько угодно нефти, отведет ее к Черному морю, там ее переделают в товары и сбудут за границу, а сырую, уже решено, выпустят только с таким налогом, чтобы было выгоднее переделывать ее в России. Но нефтепровод все еще у нас тянут вот уже пять лет в разговорах, а когда на деле поведут, все еще не известно. Оттого и является дело об «остатках». Они составляют избыток добычи

перед возможным вывозом и сбытом. Остается, однако, не сама нефть, а только ее часть, которую не вводят в керосин. Из 150 млн пудов нефти получают всего около 50 млн пудов керосина и смазочного масла, теряют при этом часть добра, сжигают для перегонки нефти другую часть; все же «остатков» получается около 60 млн пудов. Сама нефть на промыслах ценится много что в $2^1/_2$ коп. пуд, а остатки сожигают как «жидкий уголь». Спрос, в сущности, на топливо в тех безлесных каспийских берегах есть, на низовьях Волги тоже топлива нет, необходимо оно и для Закаспийского края. На все на это за глаза достало бы 30 млн пудов, тогда бы и цена была, например, хоть угольная, 5—6 коп. за пуд. А выкинули на рынок избыток, двойное количество — цена и пропадает. Тогда нефтяные остатки повезли столь далеко, сколько можно по Волге, и цену им составляет почти один провоз. Так сложилась цена остатков около 20 коп. за пуд в Нижнем, в Москве около 25—30 коп. Тут обавлять уже почти не из чего, если товар на месте дают в иные годы даром, а прибавлять тотчас придется, как только явится цена на остатки в самом Баку. Это должно произойти лишь тогда, когда с нефтепроводом поднимется цена самой нефти и убавится ее количество в условиях бакинских. При них ничего не придумаешь другого, как выгонять из нефти привычный керосин, да сбывать за что можно остатки. Думают, однако, особенно многие лица на Донце, что с нефтепроводом явятся остатки соперником каменному углю на Черном море, но тут есть ошибка, которая состоит в том, что на берегах Черного моря «остатки» должны быть всегда дороги, а уголь должен год от году дешеветь. И ныне за 20 коп. можно уже купить уголь на Черном море, а впереди цены должны непременно падать и от донецкого, и от ткибульского угля, а нормальная цена углю, например донецкому, где-нибудь на черноморском берегу, например в Батуме, конечно, должна быть не выше, а ниже 15 коп. за пуд. При такой цене на уголь за нефтяные остатки нельзя дать дороже 20 коп., а по этой цене их продавать не будет расчета на берегу Черного моря, потому что в Баку нефть, допустим это, будет стоить 5 коп. пуд, да прогон по нефтепроводу будет с накладными расходами от 10 до 15 коп., керосин же нельзя будет продавать дороже бакинского (с провозом), следовательно доход можно будет получать только от переделки остатков, т. е. они будут самим заводчикам стоить дороже, чем нефть, стоящая 15—20 коп. пуд. Следовательно, на черноморском берегу «остатки» должны стоить дороже 20 коп., а потому соперничать с углем не могут, если углепромышленники не предполагают держать на Черном море непомерно высоких цен за свое столь близкое добро. Притом, опасаясь нефтепровода на Черном море, они забывают, что нефтепровод расширит сбыт углю внутри России, — это рынок-то побольше рынка кавказских берегов. Допустим цену в Москве остаткам 26 коп. Следовательно, 75 пудов будут стоить 19 руб. 50 коп., и, чтобы каменный уголь мог соперничать с остатками, необхо-

димо, чтобы лучший (по теплопроизводительности) уголь, например полуантрацит, стоил в Москве не более 19 коп. за пуд. Полная на то возможность существует, как будет далее доказано, и можно ждать даже цены до 15—16 коп. за пуд угля в Москве. Тогда здесь рано или поздно конец ходу остатков, им место останется на Каспии, да на низовьях Волги. Этого не только должно ждать, но и надобно желать, потому что применение нефтяных остатков для топки есть дело случая, не норма, их можно и должно превратить в товары ценные.[1]

Теперь же ясно одно, что при современных ценах каменного угля в Москве и ее окрестностях нефтяные остатки могут иметь ход как простое заводское топливо, но впереди этого не будет как от того, что уголь подешевеет, так и от того, что остатки подорожают. Поэтому опираться на остатки, видеть в них исход нашей промышленности в Центральной России, опасаться их соперничества распространению каменного угля — нет никакого повода. Прибавлю еще одно. Около Баку и вообще на Кавказе есть очень много тяжелых сортов нефти, их ныне не добывают, потому что легкая нефть течет легче и ее имеется избыток, а тяжелая керосина почти не дает. Цена тяжелой нефти не может быть ниже, даже должна быть выше, чем легкой, на самых местах добычи. Она может прямо применяться для топлива, как остатки, и будет не дешевле этих остатков. А потому и тогда, когда вся легкая нефть пойдет на ценные продукты (бензин, керосин, смазочные масла, вазелин и другие), все же найдется на Кавказе нефть для топлива, но ее цена будет настоящая, не такая, как ныне на «остатки». Следовательно, и на счет громадности масс нефти на Кавказе не следует никоим образом задерживать развитие наших каменноугольных дел. Нефти, благо ее у нас много, надо находить свой сбыт, свое применение. Ее как товар редкий в мире должно превратить в редкие продукты, а за них взять цену не угольную, а возможно высокую, тем более, что все это легко устроится с помощью нефтепровода. Какую войну противу него ни вели, какие ни взводили на него напраслины, все же он один только и способен устроить наши нефтяные дела, уничтожить напрасное сожигание нефти вместо угля, увеличить заграничный отпуск наших нефтяных товаров, а главное, при нем только и возможно ждать правильного пользования нашими нефтяными и каменноугольными богатствами.

Следовательно, уже ныне пора признать по существу дела — не дрова и не нефть, а уголь основным промышленным топливом, если не всюду в России, то в ее центре и на юге, наиболее способных к промышленному развитию. Знаю я, что многим у нас очень не нравится промышленное развитие, им все бы хотелось сохранить стародавний, патриархальный

[1] Особенно же вазелин. 100 пудов обычных остатков могут дать, кроме 50 пудов осветительных и смазочных масл, еще до 10 пудов вазелина в очищенном виде, а если назначить за него не 10—16 руб., как ныне, а только 3—4 руб. за пуд, то пойдут миллионы пудов.

быт, им все кажется, что промышленность состоит только в отрезывании купонов, что от нее русское благодушие все пропадает.

Тенгоборский когда-то определил Россию как страну исключительно земледельческую. Такой она была, и даже сейчас почти такова. Но народу прибывает, зимней поры не уменьшается, леса изводятся, извоз пропадает, подати и всякие нужды растут, а дела какие же делать народу в долгие сроки свободного, не страдного времени? Промышленность страшна с ее купонными ножницами там, где народ может быть закрепощен в нее, у нас же этого быть не может, если всегда и каждому есть выход к земледелию. Этот народ примется за промышленность только от избытка сил, а то ведь и железные дороги и молотильные машины пришлось бы запретить — ради сохранения патриархальности. Народ принял, нанял всю землю, он земледел настоящий, да дел-то с землей все же ему мало. Притом и хлеба-то скоро некуда будет девать. Ведь за последнее время, какой бы там ни был, а все же существует тот общий мир на земле, при котором страны теплые и заморские начали производить массу хлеба и роняют цену нашего. Было, да прошло время, когда одним хлебом жили люди. Теперь им надо и многое другое: ситец, керосин, самовар, даже железный плуг, не говоря о водке. Время идет, свое берет, патриархальность ушла, не воротишь. А что делать образованности? Или и ее вместе с железными дорогами и молотилками запретить? Число ее членов, очевидно, возросло и расти продолжает. Прежде хозяйничали, да служили, — этим кормились, теперь мест таких нет в должном количестве, и всюду доля образованности отходит к промышленности. Она даст выход народу и его образованности, их впервые свяжет одним общим сознательным интересом. А что касается до купонов, то при нынешнем порядке они-то и развиваются, сидят да стригут купоны, и все готовое получают. При развитии промышленности купоны в цене падают, потому что капиталы промышленностью образуются и друг с другом соперничают, требуется их пустить в дело, а иначе доходы получаются малые. Неравенства, конечно, тогда растут, но их никто и никогда не мог сгладить, и даже в патриархальные времена они были, и в размерах колоссальных до того, что с голоду вымирали целыми уездами, о чем уже ныне и забыли — с железными дорогами. С промышленным развитием все дело, конечно, усложняется, да ведь оно и без того сложнее, чем кажется, чем было в классическое время, и в этой современной сложности мимо промышленного строя остаться нельзя — без проигрыша, без продолжающегося неустройства, без дефицитов, без низкого курса, без увеличивающихся нужд и податей, без явной, достижимой цели, без сознательного отношения к общим интересам. Все это надобно разъяснять, но для каменноугольного дела достаточно и намеков, показывающих роль и надобность промышленности.

Из всех русских месторождений каменного угля ближайший по череду, важнейший по предстоящему значению, первейший по истории и

даже едва ли не богатейший — бесспорно есть донецкий. Его предстоящую пользу понял уже Петр Великий, о нем князь Воронцов в 1841 г. в письме к наказному атаману писал: «Искать и открывать новые руды как антрацита, так и обыкновенного угля сделалось теперь для нас священным долгом. Минерал сей есть новое для южного края богатство, и в крае безлесном он сделается гораздо важнее золота и серебра». До 1825 г. добыча велась по Донцу и реке Быстрой, но и позднее, начавшись на реке Грушевке (впадает в Тулузок, а она в Аксай, рукав Дона) и во многих других местах края, она шла без системы и правильности, как видно по статье полковника Попова, приложенной в 40-х годах к Донским ведомостям. Демидовская экспедиция конца 30-х годов, судя по прекрасному и поныне описанию каменноугольной области, сделанному геологом Лепле, уже нашла много разработок, произвела по Донцу много буровых разведок и показала всему свету, что Донецкая область обладает громаднейшими залежами прекраснейшего каменного угля.

Покойный профессор Петербургского университета Ал. Абр. Воскресенский сделал первое точное химическое исследование нескольких сортов донецких углей и утвердил анализом высокое их качество и разнообразие свойств. Геология Донецкой угольной области уяснилась после множества работ, особенно Мурчисона, Носовых, Антипова, Леваковского и Гурова, и стало очевидным, что с юга, не доходя верст 100 до северного берега Азовского моря (Таганрог—Мариуполь), настоящие каменноугольные пласты начинаются, налегая на древнейшие породы, а на севере от Лисичанска, даже от Бахмута, равно как на западе и востоке, каменноугольные пласты прикрыты новейшими образованиями. Но я не стану касаться специальных геологических подробностей, потому что они для возбуждения интереса к донецкому углю имеют ныне малое значение.[1] Когда добыча была очень слаба, ютились в немногих местах, тогда было практически важно узнать, где и какие идут пласты. Теперь иное. Хотя добыча все еще очень не велика, но она ведется не только в отдаленных друг от друга местах, каковы южные берега Донца на востоке и местности около Екатерининской дороги, в направлении к Екатеринославу на западе, но и во многих промежуточных пунктах, прилегающих к железным дорогам, прорезывающим каменноугольную область. Сверх того, множество мест уже разведано практически, но не служит для добычи лишь потому, что железные дороги отстоят далеко. Есть места, например, на юг от Лу-

[1] Геологические разведки ныне, по моему мнению, представляют особый и важный интерес на восток (к Волге) и север от Донецкой области, чтобы узнать, не залегают ли под позднейшими образованиями каменные угли. Мне пришлось слышать однажды про то, что в калмыцких степях есть залежи углей, которые скрываются, чтобы не привлечь горных чинов, которых туземцы страх как побаиваются. Если в Англии явились некоторые сюрпризы каменных углей, то у нас легко их ждать.

ганска, около Успенского, где добыча велась даже в порядочных размерах до устройства железных дорог, а ее пришлось оставить, потому что подвоз к станциям далек. Словом, теперь вместо общих надежд — есть уверенность живой действительности, и ее можно видеть прямо на месте. Поэтому я стану далее опираться прямо на действительность, мною самим во многих местах виденную, а потому и совершенно несомненную. Она показывает великую промышленную будущность Донецкой каменноугольной области. Покажем, чтобы убедить других, с возможною краткостью: массу угля Донецкого края, его качество, его цену, его пути сообщения с остальными частями России, его способы для морской торговли, его другие естественные условия и то главное, что уже сделано для эксплоатации этой местности, а потом подробнее остановимся на некоторых примерах того, что можно и должно сделать здесь, чтобы развить производительность неисчерпаемо богатого края.

Поверхность земли, занятая в Донецкой области каменноугольными образованиями, составляет около 25 000 кв. верст. Ее давно определяли в 19 000 кв. верст, но с тех пор сделано много поправок прежних исследований, и область оказалась больше, чем считали. Укажу для примера на ту местность, которая лежит около станции Мандрыкино, на Константиновской железной дороге, идущей к Мариуполю. Здесь г. Карпов несколько лет тому назад нашел отличный уголь и стал его разрабатывать, а это место считалось по прежним геологическим картам неугольным. Если взять не крайние разведанные пункты, а те, где уголь добывается или находится уже массами, то на севере должно начинать с Лисичанска (у Донца) и идти до Каменской станицы, на Донце же (по Козлово-Воронежско-Ростовской дороге), а на юге от упомянутой выше станции Мандрыкино до знаменитой Грушевки, расположенной верст на 30 севернее Новочеркасска. Среднюю ширину этой полосы должно принять в 100 верст. На востоке крайними пунктами, где добыча была или есть и ныне, должно считать берега реки Быстрой, впадающей в Донец, и берега низовьев Донца, до впадения его в Дон. Отсюда на запад до Мандрыкиной около 250 верст. А еще западнее известен и добывается уголь. Следовательно, смело можно принять, что выходы каменного угля известны на площади не меньшей 25 000 кв. верст. Залежи угля, конечно, находятся и вне этой площади, особенно на восток, запад и север, но здесь сверху налегают уже толщи других, позднейших образований. Англия, а особенно тот каменноугольный бассейн, который тянется в Вестфалии, Бельгии (Льежских или Льеж) и северо-восточной Франции, представляют уже много таких мест добычи угля, где на земной поверхности находятся лишь новейшие образования, прикрывающие каменноугольные. И у нас, надо думать, найдется масса угля там, где на земной поверхности нет угольных пластов. Но это время впереди. Довольно и тут угля, близкого к поверхности, а потому легко добываемого.

Не подлежит сомнению, что каменный уголь произошел из растений, что он представляет прямое или отдаленное подобие с торфом, происходящим на наших глазах. Притом вода и ее отложения играют здесь роль первостепенную. Это особенно ясно из параллелизма верхней и нижней поверхностей, которым отличаются водные отложения, он свойствен залежам угля и выражается словом «пласт». Притом угольные пласты обыкновенно залегают один над другим, разделенные пластами пород (известняков, чаще песчаников и глинистых сланцев), не содержащих угля. Этот параллелизм каменноугольных отложений, иногда тянущийся на десятки верст, составляет важное и даже существеннейшее свойство углей, по которому возможна правильная их выработка. Встречаются случаи обрыва и выклинивания, окончания или полного прекращения пластов, подобно тому как имеются торфяники, со всех сторон окруженные не торфяною почвою. Разведки и добыча угля в Донецком крае показывают полную благонадежность и обычный пластовой характер здешних месторождений. Хотя на Донце и нет таких многосаженных пластов, как, например, в Ткибуле (около Кутаиса) или в Польском бассейне, но зато протяженность пластов и равномерность их толщины ручаются за то, что в промежутках, где нет ныне выработок, идут те же пласты в той же последовательности и толщине. Это второе после обширности площади существенное условие великого значения Донецкой угольной области. Если сравним в этом отношении Донецкую область с Польскою, то увидим огромную разность. Здесь 25 000 кв. верст, там едва ли более 1500 кв. верст, там, например в Сельце, пласт толщиной в 9 аршин, тут же рядом становится тонким до 1 аршина, и вообще толщина быстро изменяется, а здесь пласт хоть и в 1 аршин, но его можно часто проследить верст на 30 непрерывно и под ним и над ним найти те же породы, ту же перемежаемость пластов.

Но если мы представим себе Донецкую каменноугольную область подобной стопе разноцветного картона, с пластами разной толщины, и верхний лист подобным земной поверхности, а черные листы — углю, то сильно ошибемся. Подобие будет гораздо полнее, если представить, что стопа картона намокла, сдавлена и изогнута, местами разорвалась, получила складки, сдвиги, часть картона с поверхности стерлась, срезана, местами края черного картона выступили прямо на поверхность, а растертый мякиш всяких пород налег на нее и образовал нанос, где пашут поверхностный чернозем. Чтобы проделать такую операцию со стопой картона, нужно много времени, воды и сил, а с пластами земли нужны многие века, массы воды и силы подземные, подобные тем, от которых берега морей выпучиваются или опускаются, горы оседают или смываются, трескаются, колеблются и изменяют свой вид. Все это теперь можно наблюдать, конечно, при внимательности и условиях точности измерений, но все это совершалось и в те многие тысячелетия, которые протекли со времени отложения растительных осадков, давших пласты каменных углей.

Поэтому действительность сложна, и пласты, бывшие горизонтальными, редко где могли такими остаться, наблюдаются складки, выходы угольных пластов на земную поверхность, сдвиги, перегнутость, обнажения выпученной нижней породы, словом, различные внутренние неправильности, то отвечающие неправильностям внешней поверхности земли, то с нею ничего общего не имеющие, а главное, по этим причинам одни угольные пласты идут, круто падая вглубь, другие представляют падение или наклон на различные румбы, третьи вдруг всею толщью как бы исчезают от происшедшего сдвига (трещины), и их надо искать где-либо выше или ниже, ближе или дальше. Но и при этом легко уловить, внимательно исследуя, те пласты, которые были некогда сплошными и горизонтальными, потому что относительная последовательность слоев песчаника, сланцев, известняков и угля дает для этого не мечтательные, а реальные указания. Свет в эту глубину вносится фонарем науки, рукою внимательных местных исследователей. Таких людей уже немало в Донецком крае, не только в виде массы бывших слушателей Горного института, находящихся у практических дел края, но и между другими живыми деятелями местности. Вот натуралист хочет охватить тайну изменений, совершившихся когда-то в крае; его приглашают сколачивать деньги с его знанием природы, а он только выбивает ракушки из обнаженных пластов. Здесь технолог сел на фабрику природы. Тут доктор изучил горное дело, полюбил его больше лазаретов, на нем себе и достаток сделал. Там гусар и казак бросили седло, всю утеху нашли в горном деле и с порывом, вскачь, преследуют каменноугольные пласты. Здесь путеец проводит кратчайшие пути к добыче состояния на угле. Только жаль, что нет связующего органа, многое из дознанного пропадет.

Общий вывод способов наслоения весьма полезно осветить хоть немногими отрывочными примерами.

Начну с того места, о котором упоминал ранее неоднократно — с Зайцевской волости. Здесь седловина, или, как говорят, антиклиналь, то есть складка пластов, выпученная кверху, с осью поднятия, идущею с юго-востока на северо-запад, почти параллельно с той частью Курско-Харьковско-Азовской (короче Азовской) железной дороги, которая лежит между станциями Никитовкою и Константиновкою. От этой станции идет на юг (к Мариуполю) Константиновская ветвь Донецкой дороги, а от Никитовки на запад ветви Донецкой же дороги к Донцу и Дону. Здесь узел природный. Это место сравнительно высокое. Никитовка лежит на высоте 130 саж. над уровнем моря (например в Таганроге), станция Щербиновка — $86\frac{3}{4}$ саж., а, например, недалекий на северо-востоке Славянск всего на высоте около 34 саж., даже станция Константиновка — 41 саж. Также и к югу и к морю места ниже. Станция Пантелеймоновка — $114\frac{1}{3}$ саж., Харцизская — $109\frac{3}{4}$ саж., Амвросиевка — 80 саж. и далее все понижается. А железные дороги прокладывали, где можно, по водоразделам на высших точках местности, чтобы избежать туннелей, больших

выемок и оврагов, образующихся по скатам. Отсюда текут реки на север (Лугань и притоки Торца) и на юг (Крынка и другие). Следовательно, и теперь здесь выпуклость, поднятие. Оно выразилось в *пластах угля и на породах*, его сопровождающих. Пласты эти, тянущиеся между Азовскою и Константиновскою дорог[ами] имеют падение на юго-запад, следовательно простирание с северо-запада на юго-восток, а отвечающие им пласты, выступающие севернее Азовской дороги, падают на северо-восток, имея почти то же простирание. Притом здесь же и конец подъема, именно как раз около места схождения упомянутых дорог, недалеко от Щербиновки и мест, арендуемых г-ном Шейерманом. Северный склон пластов не разрабатывается, зато весь южный, очень счастливо приходящийся между двух железных дорог, сплошь покрыт шахтами, и если пойти с юго-востока вдоль по выходам пластов на северо-запад, то встретим, исходя от станции Горловки, следующие владения: Корсуньская копь Южно-Русского общества (г-на Полякова), пласты падают на 62°, 1 верста длины по пласту; $4^1/_2$ версты — копи железнянских крестьян, падение 55°; $1^1/_2$ версты — копи г-на Успенского; 1 верста — земли крестьян опять железнянских; $3^1/_2$ версты — Чагорская копь г-на Полякова, куплена у никитовских крестьян, падение до 70°; $1^1/_2$ версты — [земля] нелеповских крестьян, 55° падения; 2 версты — земля, арендованная г-ном Шейерманом у щербиновских крестьян, падение 50° и 3 версты — земли щербиновских крестьян с падением пластов от 50 до 15°. Далее к северо-востоку пластовый выход поворачивает и переходит в тот ряд пластов, который лежит севернее Азовской дороги. В промежуточной полосе угля нет, пласты его разорваны или срезаны природой, здесь выступили нижние породы, и здесь-то найдены долгими личными усилиями горного инженера г-на Миненкова те кварцевые пласты с киноварью, на которых гг. Ауэрбах, Половцев и К° основали добычу ртути. Посетив завод, идущий под руководством г-на Миненкова, видев остатки древних разносов, оставшихся на выходе тех же кварцевых пластов, я убедился лично, что здесь прочно основется русская добыча ртути, которой вообще на свете мало и которая весьма важна и особенно для извлечения золота и серебра. Следовательно, вдоль по оси поднятия, т. е. вдоль по вершине складки, угольные пласты здесь снесены или раздвинуты, стерты, и подъем или складка произошла позже угля, который, конечно, отлагался в то время, когда пласты здесь были еще горизонтальны. Южные выходы угольных пластов все усеяны шахтами, и поучительно видеть, как линии расположения шахт тянутся на десятки верст параллельно друг другу все в одном и том же направлении. Главных рабочих пластов здесь четыре. Начиная с верхнего, они суть следующие: *куцый* пласт, толщина 6 четвертей; чрез 70 саж., идя по поверхности земли (а не перпендикулярно к пласту), *толстый*, 8 четвертей, в нем есть тонкие прослойки породы, которые отбираются; чрез 130 саж. — *мазурка*, 9 четвертей, также с тонкими прослойками, и чрез 13 саж. — *девятка*, тоже в 9 четвертей аршина толщиною, но около половины здесь

плохого. Лучше, чище всех, а потому и усерднее разрабатывается «толстый» пласт. Его ценят за четверть, или 11—12 пудов, 57 коп., на станциях отправления, «куцый» — 45 коп., из «мазурки» и «девятки» — 35 коп. четверть. Известно, что на юго-запад пласты те же тянутся, по крайней мере, верст на 7 к селу Корсунь, но их здесь не работают. А сколько идут пласты вглубь, как и где они загнуты или сломаны, еще неясно, а все же очевидно, что общую рабочую толщину пластов здесь должно принять хоть не за 9 аршин, а все же более 6 аршин, или 2 м. Нельзя всего угля до конца выбрать, не производя очень дорогих работ; обыкновенно приходится процентов 10—15 бросить при конце выработки из-за опасности работы, хотя при таких не очень мощных пластах, какие обычны в Донецком крае, приходится оставлять чуть ли не половину угля, как это практиковалось долго в Польском крае. Приняв общую толщину пластов в 2 м, а потерю в 15%, получим добычу 1.7 м, следовательно в пласте поверхностью в 1 кв. версту (= 1138 тыс. кв. м) находится 1 934 600 куб. м угля, а так как кубический метр воды весит тонну (около 60 пудов), а плотность угля сравнительно с водою около 1.27, то квадратной версты пласта можно извлечь около 2 457 000 т, или около 178 млн пудов. А простирание пластов здесь непрерывно и тянется на десятки верст.

Месторождений седловых, или антиклинальных, равно как и вогнутых, или синклинальных, есть очень много в Донецкой области. Таково, например, знаменитое месторождение Грушевского антрацита около Воронежско-Ростовской железной дороги. Здесь работают на двух пластах, отстоящих друг от друга около 7 саж., и хотя есть сверху еще третий пласт (толщиною 2 фута 4 дюйма), но его не работают. Оба рабочие пласта толщиною около 5 четвертей (1-й рабочий — 3 фута 6 дюймов, 2-й — 3 фута). Склон пластов — почти прямо на север, то есть простирание почти с востока на запад. Падение от 4 до 12°. Пласты, однако, не пропадают в глубине, а, загибаясь, выходят на севере опять на земную поверхность и здесь, около Власовки, имеют падение, или склон на юг. Тут уже начата работа, а там, где лежит недавно образованный из массы поселившихся шахтовладельцев город Александров-Грушевской, все места уже розданы и идет деятельная добыча, хотя головы пластов уже почти выработаны. Но на глубинах от 70 до 100 саж. еще массы угля едва тронуты. Здесь толща обоих рабочих пластов также около 2 м, и, следовательно, каждая квадратная верста отвода может дать около 150 млн пудов угля. Здесь уже много прекрасно устроенных рудников, хотя только в 1863 г. завелись здесь первые паровые машины для откачивания воды и подъема угля. Теперь хоть и есть еще работы конными приводами, но уже масса угля добывается с помощью паровых машин. Завод г-на Пастухова в Ростове-на-Дону строит отличные машины, необходимые рудникам, и в превосходных шахтах г-на Кошкина и компании Кукса и Чурилина я сам видел машины этого завода.

Большинство донецких каменноугольных месторождений носит подобный описанному характер, зависящий от сдвигов, складок и тому подобных изменений, произведенных, как должно думать, тем главным выступом порфиров и им подобных пород, который тянется на южной окраине бассейна и за которым угля не найдено.[1] Для примера, определяющего богатство края углем, кратко перечислю пласты еще двух местностей — одной на севере, в Голубовке, другой — на юге области, около Богодуховской балки; при этом, как и [при] других перечислениях, я вовсе не упоминаю о пластах, хотя известных, но лежащих ниже тех малых глубин, в которых ныне производится выработка.

Голубовка лежит к юго-востоку от Славяносербска, верстах в 20 от Донца и в нескольких верстах от ветви Донецкой железной дороги, идущей на юг от Лисичанска. От промыслов к этой железной дороге проведена для доставки угля особая проволочная дорога с вагончиками, вмещающими по 15 пудов угля и могущими грузить в час более 4 тыс. пудов. Долго владел этим местом и зачал добычу угля г. Голубь. У него эту добычу арендовал в 60—65-х годах г. Уманский и гужом возил уголь до 600 000 пудов в год к Ростову. В 1870 г. имение купили гг. Задлен и Арман, работали до 1875 г., потом опять сдали г-ну Уманскому. В 1882 г. землю (6000 десятин) и все дела от конкурса купил П. И. Губонин и образовал товарищество, которое ныне ведет дело, находящееся в заведывании г-на Уманского. Добыча развивается, и если ныне дает до 10 млн пудов, то при спросе, как и множество других промыслов, может значительно усилить отправку. Пласты здесь полого падающие, падение не более 6° на запад. Слои те же, которые идут далее на десятки верст к Кореневу и Шапилову и к Марьевке. Здесь поверхность земли падает также на запад, так что уголь добывается с одной почти глубины на всей площади имения. Пластов пройдено и работается семь: 1) в 6 четвертей аршина, 2) в 3 четверти — не работают, 3) 4 четверти, 4) 8 четвертей, 5) 4 четверти, 6) 7 четвертей и 7) 6 четвертей толщины. Все угли длиннопламенные, кокс дают не спекающийся. Общая толща угля более 8 аршин, и на каждую квадратную версту здесь смело можно класть возможную добычу в 300 млн пудов, хотя разведанные глубины (всего 8 шахт, из них 2 с паровыми двигателями) не превосходят, если не ошибаюсь, 50 саж.

На восток от северных частей Кальмиуса (впадает при Мариуполе в Азовское море), следовательно уже в Миусском округе земли Войска Донского, между этою крохотною речкою и Богодуховскою балкою, почти на ровной степи, проезжая с севера на юг верст 20, известны выходы многих пластов прекраснейшего угля, дающего металлургический кокс. Пласты эти идут с востока на запад, падают полого менее 20° и все на

[1] Не следует ли поискать бурением угля прямо на берегах Азовского моря?

север, что зависит, без сомнения, от поднятия, произведенного главною массою пород, выступающих на южной окраине бассейна. Некоторые из пластов отличаются большою чистотою, то есть полным отсутствием прослоек, другие прослоены и требуют очищения. Превосходное водно-механическое устройство для этой цели заведено на Берестово-Богодуховском промысле. Всей земли между Кальмиусом и Богодуховской балкой, где проходят перечисляемые пласты, около 80 кв. верст, и на ней расположены промыслы, начиная с севера: г-на Кебера, Берестово-Богодуховского товарищества, Н. Н. Иловайской, Новороссийского общества (г. Юз), Рыковского, Древицкого, Прохорова и Древицкого, Данилова, Прохорова и Алексеевского общества (г. Алчевский). Границы этих владений идут по простиранию, то есть с востока на запад. Здесь известны и более или менее начаты следующие пласты, начиная с юга: прохоровский пласт в 7 четвертей, два павловских пласта в 8 и 5 четвертей, два пласта у Прохорова и Данилова в 6 и 5 четвертей, два пласта Синаревского в 5 и 5 четвертей, пласт Прохорова и Древицкого в 8 четвертей, смоляниновский пласт (особо славится) в 6 четвертей, мушкетовский пласт (у Юза и Рыковского) в 6 четвертей, три семеновских пласта в 6, 8 и 9 четвертей, три берестовских пласта в 10, 4 и 4 четверти (у Иловайской и у Берестово-Богодуховского товарищества) и александровский, или кедровский, пласт в 10 четвертей. Там (в северных частях площади), где, как надо думать, проходят все пласты, общая их толща более 9 саж. А каждая кубическая сажень угля, такого, как здесь, весит около 760 пудов, за вычетом же неизбежных затрат при выемке дает не менее 600 пудов угля, а потому каждая квадратная верста, при толще выемки всего в 1 саж., может дать угля 150 млн пудов, а полагая добычу только на трех или четырех горизонтах, ближайших к поверхности, то есть общею толщею около 2 саж., получим запас угля на 80 кв. верстах не менее 24 000 млн пудов, то есть годовую пропорцию современной угольной добычи всего света. Представьте же себе теперь, что с такой-то богатой площадки земли, из-за которой могли бы воевать целые народы, если бы им можно было полакомиться подобным добром, добывали в 1887 г. всего около 10 млн пудов угля, работая на глубинах всего в 30, много 40 или 50 саж., и весь уголь вывозили на волах, платя за подвоз к станции от 10 до 20 руб. за тысячу пудов (ныне проведена здесь ветвь железной дороги). Очевидно, что развитие возможно, что надо его достичь, что стоит приложить к этому волю и капитал.

В примерах, взятых мною, нет ни подбора, ни исключительности. Они взяты из тех 18 местностей, которые мне стали более известны при поездке, сделанной в 1887/1888 г., и из них выбраны географически крайние на севере, востоке, юге и западе. Есть места много более богатые, хотя бы, например, Макеевка г-на Иловайского.

Всей угольной площади в Донецком бассейне, как упомянуто выше, не менее 25 000 кв. верст, и если не 300, не 150, а только 50 млн пудов

положить средний запас угля на квадратную версту при нынешних глубинах выработки (от 20 до 100 саж.), то общий, легко извлекаемый запас должно признать равным

1 250 000 000 000 пудов.

Если бы весь мир снабжался донецким углем в пропорции современного потребления (25 000 млн пудов в год), то и тогда бы здесь достало *с мелких глубин* угля на 50 лет. А на больших глубинах, на север, восток и запад от области, конечно, есть еще много угля. Следовательно, тут не может быть того вопроса о потомках, который у нас — по недостатку экономических сведений — часто поднимали по поводу нефти. Ясен вывод, ради которого даны были примеры и примерный общий расчет: *Донецкий край содержит такое количество угля, которое достанет на много, много лет не только для всей области потребления* (юг, центр и юго-восток) *России, но и для громаднейшей отпускной им торговли*, особенно на берегах Черного и Средиземного морей. Современную добычу 150 млн пудов в год следует рассматривать как почин, как разведку, как исходную точку, не более.

Однако угли углям рознь, и большая. Вот в Подмосковном бассейне угли найдены и в массах значительных, но дело не развивается, главнейше из-за качества углей — они, во-первых, не хранятся долго, а во-вторых, тепла дают почти столько же, как дрова или торф. Притом угли надобны для разных целей различные. Так, в кузнице плохо будет служить уголь, трудно горящий или оставляющий кокс, не образующий свода, или закрышки, удерживающей тепло. Для иных целей надобен уголь, дающий, как дрова, длинное пламя, для других же особенно драгоценны угли, сгорающие, как кокс, как древесный уголь — без пламени. У нас еще нет, а вот в Англии, где каменноугольная копоть надоела и много вреда людям причинила, там прямо запрещено топить по большим городам углем, дающим много дыма. Хоть угли, подобные антрациту, и горят без дыма, да разжигать их трудно, надо умеючи, а для домашнего обихода, очевидно, лучше всего взять угли, подобные знаменитому валлийскому кардифу, которые разжигаются легко, а дыму все же не дают, то есть того едкого и во всякую щелку проникающего каменноугольного дыма, который портит в жилье и предметы и воздух, а с ним и здоровье обитателей.

Специальное дело разделения каменных углей по их качеству не может быть предметом нашего рассмотрения, тем более, что здесь есть спорные пункты, разбор которых завлек бы нас далеко в сторону, а потому я обращу внимание только на главные, в практическом отношении, стороны предмета.

У нас господствует в широкой практике только одно различие — антрацита от собственно каменного угля или, лучше, от курного угля; даже в официальных отчетах такое деление преобладает. Оно может быть пере-

ведено словами более удобопонятными: уголь, горящий без пламени и горящий с пламенем и дымом. Деление это по существу верно и удобно, но недостаточно и дает повод думать, что антрацит не есть каменный уголь. По этой-то причине лучше оставить название каменных углей как родовое, а название антрацита будет видовым, все же другие виды пламенных углей означать «курные угли». Но эти виды резко друг от друга, равно как и от антрацита, не отделяются, представляют всевозможные переходы от одного к другому. Можно отличать только типические свойства. Оставляя в стороне чисто химические определения углей, должно признать в них все переходы от торфа (или едва измененных болотных трав, преимущественно мхов) или лигнитов (едва измененных под землею или водою дерев), особенно же от масс сжатых и изменившихся без воздуха водорослей, до антрацита, или угольной массы сплошной и блестящей, как настоящие камни, однородной, вязкой, с угловатым сложением и изломом, подобным тому, какой представляют, с одной стороны, шпаты, например, полевой шпат, входящий в гранит, а с другой — базальты, образующие угловатые столбы и отдельности от давления, при отвердевании действовавшего. Последовательность перехода от углей, сохранивших следы растительного происхождения, до углей, как антрацита, совершенно их утративших, завершается в природе и выражается в пластах угля разных мест и различных глубин. Уголь не только образовывался когда-то из растительных остатков, но и теперь под слоями земли продолжает изменяться. Это видно из тех особых рудничных, или угольных газов, которые выделяются из угольных пластов. Эти газы, несомненно, происходят из угля и представляют подобие как с тем газом, который для освещения добывают из углей, так и с тем, который выходит из болот там, где под водою изменяются растительные остатки или где начинается образование торфа. Действительно, там и тут в выходящем газе много того горючего газа (CH^4), которому дано название болотного газа. Смешавшись с воздухом, он дает в угольных копях те взрывы, которые так долго задерживали широкую разработку каменных углей в Западной Европе. Донецкий уголь доныне почти свободен от этого бедствия и стеснения. До сих пор нет в копях этого края взрывчатого, гремучего, угольного газа и всюду работают с обычными открытыми масляными лампочками и не употребляют тех «предохранительных ламп», или «ламп Дэви», в которых огонь лампы окружен стеклом и металлической сетью для того, чтобы не прикасался с взрывчатой смесью. В Англии и других странах многие копи должны работать не иначе, как с такими лампами. Главное же средство противу взрывов составляет сильная вентиляция выработок, производимая то естественною тягою чрез особые вентиляционные шахты или колодцы, то особыми воздуходувными, вентиляционными приспособлениями, заставляющими воздух часто и быстро возобновляться под землею в тех ходах, где идет работа. Вентиляция необходима даже помимо взрывчатых газов, потому что иначе подземный воздух удушлив, и ее по

закону и по необходимости всюду заводят в угольных и всяких других подземных работах. Но вентиляция и предохранительные лампы все же, особенно при малейшем упущении, не спасают от подземных взрывов, если в копях угля выделяется угольный газ, как видно из многих гибельных примеров всех других стран — Англии, Бельгии, Германии, Франции. А потому отсутствие угольного газа в Донецких копях составляет их великое преимущество. Вероятно, оно зависит от того, что здесь выработка еще не глубока, а на больших глубинах, может быть, газы будут. Сказать точнее, признаки горючих газов есть и здесь, но редки, и люди, сидящие у дела, внимательно следят за этим. Так, в одной копи известного стального рельсового завода Юза газ заметили, работу временно приостановили, выписали массу предохранительных ламп и начали работу с ними, производя сильную вентиляцию. Однако выделение газа скоро прекратилось. В одной из шахт г-на Иловайского, в Макеевке, куда я спускался вместе с управляющим, горным инженером г-ном Шёном, и с помощником донского горного начальника г-на Иосса, при проходе той основной горизонтальной галереи, которую называют «продольной», встретили выделение угольного газа в одном месте и здесь остановились. А чтобы избежать несчастий и случайностей, не только здесь пустили полную вентиляцию, но и прибегли к прямому сожиганию газа на месте. Те трещины угля, из которых сочится вода и идут пузырьки газа, залепили глиною, а в нее вставили газовые рожки, и выходящий газ постоянно горит там под землей, освещая конец продольной галереи. Здесь с г-ном Шёном мы собрали газ, его я отвез с собою, и химический анализ газа, сделанный в лаборатории нашего Университета С. А. Пржибытком, показал, что этот газ, как и всегда газ каменноугольных копей, содержит преимущественно массу азота (вероятно, из угля), болотный газ и углекислоту, а свободного кислорода в нем вовсе нет.[1]

Если из растительных остатков, травы, водорослей, дерева и т. п. отнимать часть тех составных частей, которые дают воду и угольный газ, то получатся каменные угли всех сортов, до антрацита включительно. В этом состоит процесс природы, дающий из растений — торф, бурые угли, виды курных углей и антрациты. Тот еще более крепкий, чем антрацит, уголь Олонецкого края, который уже горит с трудом и составляет чрезвычайно интересное в научном смысле изменение угля, названное проф. А. А. Иностранцевым «шунгитом», вероятно, произошел от преобразования еще более глубокого, чем в антрацитах, и составляет крайний, но зато редкий и в практике не находящий до сих пор применения член ряда углей. А обычные угли суть средние члены этого ряда от растений до шунгита. Мы застаем их в ту или другую эпоху изменения, подобно тому, как из костра дерева мы можем извлечь куски в различном состоянии обугли-

[1] Анализы помещены в протоколах Русского химического общества, 1888 г.

ния. Различные качества каменных углей природы, однако, зависят не от одного вышеуказанного обстоятельства, а от суммы многих. Особенно должен влиять основной материал: болотная ли трава, водоросли, дерево или что другое дало уголь — это не безразлично, хотя со всем этим будет идти процесс обугливания совершенно одного и того же рода. Затем весьма должны влиять на ход процесса и на качество угля те условия, среди которых совершается углеобразование. Какое давление испытывают пласты, какую воду они пропускают чрез себя, какие породы лежат сверху, какая температура пласта ныне и была прежде, — все должно иметь влияние. Отсюда и все разнообразие свойств углей.

Но так как наша статья назначается не для популяризации научных сведений, касающихся каменных углей, а имеет в виду распространить сумму практических данных, необходимых для привлечения общего русского внимания к донецким углям, то я и оставляю рассказ о причинах различия свойств углей, переходя прямо к указанию их деления по свойствам, важным для практика. При этом я придержусь системы известного французского металлурга Грюннера. Ее держатся всюду, и у нас в Донецком крае, благодаря инициативе харьковского профессора А. Д. Чирикова, много работавшего над исследованием состава донецких каменных углей. Для подробностей я и отсылаю читателя к статьям и сочинениям уважаемого собрата по науке, и особенно к его статье «Химические исследования каменных углей из 62 рудников Донецкого бассейна» (1880). Чтобы не было сбивчивости, я придержусь той русской номенклатуры, которую употребляет г. Чириков.

Грюннер отличает пять групп углей: I) сухие, II) газовые, III) кузнечные, IV) коксовые и V) тощие или антрацитовые, составляющие столь явный переход к антрацитам, что отличить их от антрацитов едва возможно. Остановимся только на грубейших, а потому важнейших в практическом смысле признаках, вовсе не касаясь чисто химических отношений, в которых, однако, должно видеть единственный критерий для точного суждения.

Для связи же с предшествующим скажем только одно: сухие угли наименее, а антрациты наиболее изменены по составу, исходя из растительных остатков. Первые ближе к дереву или торфу, последние — к коксу и шунгиту.

В плотной массе угли представляют различный вес одной кубической меры, хотя все много тяжелее воды, удельный вес которой принимается за единицу. Конечно, удельный вес угля много зависит от тех землистых подмесей, которые в нем содержатся, особенно от примазок и мелких прослоек железного колчедана, но тем не менее можно ясно видеть, что удельный вес возрастает с переходом к высшим группам, то есть с возрастанием процесса обугливания и с удалением от состояния, свойственного растительным остаткам. Вычитая то, что приходится на золу для сухих (I) углей, получаем удельный вес около 1.2, и он в естественном состоя-

ний обыкновенно около 1.25,[1] при 10% золы — около 1.28. Настоящие же антрациты, например из 2-го грушевского пласта с копей И. С. Кошкина, имеют удельный вес 1.6 при содержании около 2% золы. Угли промежуточных групп имеют и промежуточные удельные веса: II — около 1.28—1.30, III, IV и V — около 1.3—1.4. Признак удельного веса имеет значение не только для понимания других естественных свойств углей и того объема, который занимает уголь как в пластах природы, так и на складах, но и для горения в топках, на колосниках, потому что плотное топливо, говоря вообще, при прочих равных условиях, дает больший жар.

Важнейшие свойства углей для практического их применения определяются коксом, или обугленным каменным углем, подобным древесному углю, оставляемому обугленным деревом. Весьма важно, в каком виде кокс остается от угля; в порошковатом ли, сильно ноздреватом, едва слипающемся или же в виде цельной сплошной, хотя и пористой массы; спекаются ли (как бы сплавляются) кусочки угля при коксовании или кокс, хотя и не рассыпается в порошок, сохраняет форму кусков угля. Порошковатый кокс частью улетает с дымом, если тяга сильна (как в локомотивах), частью провалится чрез решетку колосников в золу, а потому исчезает для горения в очаге. Если же уголь дает кокс спекающийся, ни одна частица его не уйдет, и грузить топку можно даже мелкою пылью такого угля, — все сгорит. Это — одно из основных свойств углей, определяющее их свойства. В этом смысле угли первых и последних групп — сухие и тощие — отчасти сходственны, оставляя кокс не спекшийся, тогда как угли III и IV групп, то есть кузнечные и настоящие коксовые, дают кокс, явно и сильно спекающийся, а потому не только выгорающий хорошо на колосниках даже при употреблении мелочи, но и могущий прямо переделываться на кокс как материал, потребный в огромных массах для выплавки чугуна в домнах, для чугунной отливки из вагранок и для множества других потребностей. Все различие кузнечных (III) углей от настоящих коксовых (IV) только в количестве кокса, которого получается меньше из кузнечных (около 70% при коксовании лабораторном в тиглях и около 60% при хорошем коксовании в открытых шомбургских печах) углей, чем из коксовых (около 80% кокса в тиглях и около 70% в шомбургских печах). Оба эти сорта углей совершенно хорошо означаются словом «смолистые», хуже словом «жирные» угли. В них, как в смоле, от разогревания при горении наступает сперва слабый вид размягчения, отчего кусочки спекаются. Способность давать из порошка, при обжиге в печах, огромные куски кокса есть признак этих металлургических углей, наиболее важных для многих целей, хотя для топок под паровиками все угли годны, и даже легкие представляют преимущество, образуя длинное пламя. Там, где углей много и им цену знают для разных потребностей, как

[1] Например, лисичанский уголь копи, арендуемой от казны г-ном Ивановым, из пласта № 7, с глубины 58 саж., имеет, по определению г-на Чирикова, удельный вес 1.259 при содержании 2.6% золы.

в Англии, угли кузнечные и коксовые редко применяют в топках паровиков, сберегая для металлургических целей. У нас не так — жгут и эти, мало того, прямо в контрактах требуют под паровики явно металлургические угли. Эти последние при осторожном накаливании дают около от 30 (III) до 20% (IV) летучих веществ, сгорающих пламенем. Угли сухие (I) дают наиболее летучих веществ (от 40 до 50%), оттого и горят подобно дровам, оставляя мало кокса. Но как от дров, газ от этих углей мало пригоден для освещения: при горении получается много воды. Истинные газовые (II) угли потому и применяются для добычи газа, что дают газу много (около 20%, а летучих веществ, то есть воды, аммиака, смолы и газа вообще — от 40 до 30% по весу), и этот газ горит ярко. Они дают и кокс, едва спекающийся, рыхлый, ноздреватый, но мало пригодны для его получения. Эти два первые (I и II) рода углей суть истинные материалы паровиков, потому что тут нужно много пламени, чтобы прогреть все трубы, и мало концентрированного в топке жара. Эти угли в обыкновенном очаге легко горят, почти как дрова, но для домашнего обихода сухие угли, как более близкие к дровам, удобнее, чем газовые и чем кузнечные или коксовые, особенно потому, что сажи в дыме не так много и разжигание очень легко. Вообще сухие угли драгоценны как первый проводник угля в народ, так как ближе всех углей к дровам. По внешнему виду их, однако, нелегко отличить от углей других сортов, хотя их легкость, трудность стирания в порошок, занозисто-раковистый, непластинчатый (как в II, III и IV) излом и местами буровато-матовый, местами черный блестящий, как бы облитый чем-нибудь вид дает некоторую возможность их отличить с первого взгляда. Они ломаются кусками и при выемке от действия ударов киркою не столь легко рассыпаются в мелкий порошок, как настоящие смолистые (III и IV) угли, и так как порошок их не спекается в огне, то в продажу идут исключительно крупные куски. От подмесей, включенных в них, эти куски иногда рассыпаются сами собою на воздухе, особенно при долгом хранении летом и во влажное время, и это составляет важный недостаток многих сортов сухих углей. По теплопроизводительной своей способности они бы мало чем уступили другим, то есть жирным, пламенным углям, если бы кокс их выгорал до конца, но на деле они все же оказываются, по крайней мере, на 10—20% меньше дающими пара, чем угли газовые II группы или следующих двух. Всего же более дают паров антрацитистые (V) угли и антрациты. Антрацитистые угли хотя связнее коксовых, но все же не так плотны, цепки, тверды, блестящи и вязки, как антрациты. Эти последние, составляя подобие плотного, постепенно в природе произошедшего кокса, есть драгоценное топливо, наиболее отличающееся от дерева, даже не горящее в обычных дровяных печах и требующее особого устройства топок; их трудно разжигать, потому что они пламени не дают, но зато они дыма не образуют. Это зависит от того, что в них едва (около 10%) остались летучие вещества. Поэтому антрациты драгоценны для металлур-

гии как готовый, природный кокс. Сперва в Америке, а потом и у нас, благодаря настойчивым усилиям г-на Пастухова, антрациты прямо применяются к выплавке чугуна. Для применения под паровиками антрациты, конечно, служить могут, но требуют особого устройства топок, и топки эти, от концентрированного жара в очаге, часто перегорают, что ограничивает применимость антрацитов и к домашнему отоплению, хотя отсутствие дыма, а следовательно и копоти, весьма важно. Вот в этом-то смысле антрацитистые угли (V), или полуантрациты, типом которых служит общеизвестный валлийский «кардиф», особенно важны как для домашнего обихода, так и для многих целей техники. Оставляя около 80% кокса, то есть давая около 15% летучих веществ, угли эти пламя дают, загораются легко, но дыму почти не образуют и тепла дают более, чем угли первых групп, столько же, как антрациты. Если в них есть, однако, способность растрескиваться в огне и давать много мелочи, проваливающейся в зольник, то они становятся мало экономными для топок в паровиках, что зависит от отсутствия спекаемости в этих углях.

Понятно, что применение каменного угля много зависит от разнообразия качеств угля, имеющегося в распоряжении для разных целей и вкусов. Так, в Польском крае и Подмосковном угли почти все сухие, кокса не дающие, таков и тквибульский уголь. В Донецком же крае — какие угодно — такие и можно брать угли, и только сухих углей немного, лишь на севере, около Лисичанска. Идя оттуда на юг, встретим все виды углей и притом так, что на западе преобладают жирные кузнечные и настоящие коксовые, а на юге и востоке залегают антрациты. Для примера укажем на крупнейшие промыслы, заложенные в пластах различных свойств. В Голубовке, лежащей на севере, недалеко от Лисичанска, и в окрестных копях добывают настоящие газовые угли, пригодные для топки паровиков. Область эта обширна, и если будет из нее прямой выход на север, хотя бы по Донцу или чрез прямые железнодорожные пути на север, то она может доставить центру России массу превосходнейших углей, тем более, что тут находятся и все переходы к углям кузнечным и сухим. А ныне[1] этот край хоть и прорезан двумя ветвями Донецкой дороги, но должен платить за провоз лишки, потому что ближайший железный путь идет от западных углей, которые оттого более всего ныне разрабатываются, что ближе всех как к морю (Мариуполю), так и к юго-западной и северной частям России, притом к северу России они ближе не географически, а только по железнодорожным расстояниям. Здесь, в западной части области, например в вышеописанной Зайцевской волости, равно как около завода Юза, в той французской компании (Горное и промышленное общество на юге России), которая вместе с Иловайским (в Макеевке) добывает до сих пор наибольшие массы угля, равно как в той кальмиусо-богоду-

[1] То есть в 1888 г. В 1890 г. это уже отчасти изменилось тем, что для отдаленных рынков, например Москвы, плата железнодорожного тарифа сделана одинаковой для всех копей.

ховской площади, которая описана выше, залегают угли спекающиеся, как настоящие кузнечные, так и настоящие коксовые. Их область проходит и севернее, то есть тянется полосой южнее той, где Голубовка и вообще газовые угли.

Лучшие для множества целей, эти смолистые угли заняли самую центральную часть Донецкого края. Но на юго-востоке и юге, где добыча едва развита, — по недостатку путей вывоза, и где одна Грушевская котловина издавна разрабатывается, содержится масса антрацитов и полуантрацитов: из числа этих последних добываются только немногие, именно на юг от Зверевской ветви Донецкой дороги. И им далек путь, и они должны вывозиться мимо жирных углей запада или антрацитов востока.

По разнообразию сортов каменных углей, по изобилию прекрасных металлургических углей — полуантрацитов и антрацитов — Донецкий край представляет богатейшее в мире месторождение ископаемого угля. Выходит, что количество, взятое вместе с качеством угля — в описываемом крае, указывают ему первоклассное место не у нас одних, а в целом свете, и говорить об этом пора и давно пора.

Говоря о свойствах и видах угля, не следует, однако, упустить, что данный вид углей, например газовые или кузнечные угли, могут значительно изменяться в своих практических достоинствах от множества второстепенных обстоятельств, например, происходящих от недостаточного внимания к делу добычи. Многие виды угля проникнуты землистыми веществами, сгорая, оставляют массу золы и тогда мало пригодны к далекой перевозке. Но угли Донецкой области этого недостатка, свойственного углям многих других местностей, не имеют. Те количества зольных веществ, какие встречаются в углях донецких, содержатся и в лучших углях всех стран. Так, в грушевских антрацитах всего 2, много 3% золы. В голубовских, макеевских и массе других донецких углей при хорошей сортировке, как видно из многих анализов, процент золы не более указанного. Но могут попадаться угли, содержащие механическую подмесь сопровождающих пород и колчедана. Эти породы и прослойки, преимущественно содержащие глинистый сланец (рабочие зовут его «глей») и железный (или серный) колчедан, прямо руками отбирают или в самых копях, или чаще в тех свалах и кучах, в которых скопляется уголь, поднятый из шахты. Во многих случаях было бы выгоднее, а для потребителей и весьма важно, если бы стало распространяться механическое очищение, заведенное на Берестовско-Богодуховской копи и существующее при многих заграничных копях. Конечно, есть масса пластов чрезвычайно чистых, для них почти не нужно никакой сортировки, но встречаются и такие пласты, для которых сортировка была бы очень важна. Она ложится малыми долями копейки на пуд угля, а достоинство и цену его может возвысить весьма сильно. Достаточно для примера показать, что из угля, содержащего 10—11% золы и механической подмеси, можно получить уголь с количеством золы, не превосходящим 3%, и тогда провоз

7—8% подмеси на такое расстояние, при котором плата равна 10 коп. за пуд, составит уже сбережение, близкое к копейке на пуд, тем более, что масса золы не только удорожает перевозку, но вообще затрудняет топку. Современная практика показывает, что сортировка наших углей уже доведена до некоторой степени успеха, если железнодорожные контракты включают условие, чтобы доставляемый уголь не содержал золы более определенного процента, обыкновенно 7, считая под золой все (а следовательно, и кусочки угля), что проваливается чрез колосники.

Кроме того, для достоинства угля важно содержание в нем серы (она портит металлы, паровики), способность трескаться в огне, свойство сохраняться при лежании на воздухе, не рассыпаясь в мелочь и не теряя качеств, крупность кусков для сортов неспекающегося угля, содержание влаги (вынутые из копей, многие угли проникнуты водой) и отсутствие способности самовозгораться в складах, но все это рассматривать здесь считаю неуместным, потому что донецкие угли в этом отношении не только не уступают, взятые в массах, прославленным английским углям, но превосходят во многом такие угли, каковы, например, силезские и вестфальские. Мне хочется ведь изложить сумму благоприятных условий, скопившихся в Донецком крае, указать возможность широкого его развития, и остается еще многое в этом отношении, прежде чем излагать условия, необходимые для осуществления этого желаемого результата, а потому все технические подробности, касающиеся каменных углей, здесь было бы неуместно разбирать в подробности.

О дешевизне донецкого угля, сравнительно с английскими и другими углями, в общих чертах я уже упомянул выше, но теперь еще раз коснусь этого предмета, взяв некоторые местные подробности, но не имея в виду тот или другой уголь, ту или другую копь. Цена угля на месте добычи слагается из следующих трех элементов: из ренты за поверхность земли и за ее недра, из цены единовременных затрат на разведки, на шахту и на те приспособления (машины, здания), помощью которых извлечение угля становится возможным, и, наконец, из текущих расходов добычи. С возможною краткостью и общностью разберу эти три слагаемые величины.

Поверхность земли, занимаемая под добычу угля и под приспособления (жилье рабочих, контору, мастерские, склады), для того необходимые, очень мала, чтобы сколько-нибудь влиять на цену угля. Это видно уже из того, что казна и войско сдают землю и ее недра для выработки угля часто с платою четверти копейки с пуда добытого угля, так что в расчет идет только богатство недр земных, а не поверхность. И в самом деле, поверхность, надобная под огромную шахту и жилья рабочих, в ней занятых, едва составит две, три десятины, если в недрах земли займется поле даже в 20 или более десятин. Важнее цена за право владения недрами. У нас, как было когда-то всюду, недра земли не различаются по

владению от поверхности,[1] и, следовательно, возьмем случай наиболее общий: покупку земли для добычи угля и притом такую, что при добыче угля поверхностью вовсе не пользуются и ее цена идет в цену угля. Только надо помнить, что земли те черноземные, пшеничные, что их цена год от году не падает, а растет, следовательно, по выработке угля капитал сохранится, а в цену угля должно только вложить процент, затраченный на покупку земли. Скажем, что заплачено будет за 100 десятин, или квадратную версту, угольной земли, 30 000 руб., а, конечно, ныне можно купить дешевле. Полагая по 6%, получим 1800 руб. ренты за право добычи, если хозяйство на поверхности считать ничего не дающим. Положим для простоты счета, что земля эта на глубине, меньшей 100 саж., будет содержать только 60 млн пудов и станет эксплоатироваться так, что в 10 лет добудется весь уголь в количестве 50 млн пудов, то есть по 5 млн пудов в год. Поэтому ренты придется на пуд только около $^1/_{30}$ доли копейки. Если считать ренту в 10% стоимости, а годовую добычу только в 1 200 000 пудов, то тогда рента составит $^1/_4$ копейки, что ныне берут на землях Войска Донского. Следовательно, выше этого ренту за землю и ее недра принять нельзя, скорее она будет ниже, при развитии дел.

Единовременные затраты на капитальную шахту, открывающую поле выработки примерно в 25 млн пудов и дающую возможность ежегодно извлекать по 5 млн пудов, должно считать близкою к 25 000 руб., и при правильном ведении дела никак не более 35 000 руб., если считать в том числе самое рытье шахты, ее облицовку, проведение продольно[го] и поперечных [штреков], надшахтное здание и здание для служащих при шахте и рабочих и если считать в той сумме половину погашения стоимости машин подъемной и водоотливной. Полагая опять высокий процент на затраченный капитал, все же достаточно на него положить в год 3000 руб. интереса. Считая 2 года на устройство шахты и 5 лет на эксплоатацию, получим весь этот расход в сумме не меньше 50 000 руб., или примерно около $^1/_5$ коп. на пуд угля, если же положим $^1/_4$ коп., то это будет, очевидно, более должного.

Текущие расходы на добычу угля определяются, при готовой шахте, продольных и поперечных штреках, преимущественно, платою рабочим за выемку, подъем и сортировку и расходами крепы и общего управления добычею, вместе с другими мелочными расходами. Если на одного рабочего, считая в год только 200 рабочих дней, добывается у нас в среднем по 130 т, или по 7800 пудов угля, а поденную заработку принять в среднем на всех по 1 руб. 25 коп., то окажется, что цена рабочих ляжет примерно в $3^1/_5$ коп. на пуд угля. Очевидно, что эта цена высока и чересчур, если находятся подрядчики, которые берут все расходы на себя с платою за выемку по $2^1/_2$ коп. с пуда угля. Но примем высокую цифру, чтобы

[1] Это составляет одну из причин застоя в русской горной промышленности. Но вопрос так важен и сложен, что выяснить его и даже вообще говорить о нем в немногих словах я считаю невозможным.

не ошибиться в сторону понижения цены угля. Считая за управление шахтою, на лес для креп и на мелкие расходы по $^3/_{10}$ коп. с пуда угля, получим текущий расход добычи около $3^1/_2$ коп. на пуд угля.

Следовательно, добыча угля всеми своими расходами, даже при преувеличенных платах, должна составлять не более 4 коп. с пуда. Мы выше видели, что так это и есть на деле, если продажная цена стоит от 3 до 5, много 6 коп. уже на массе копей. Следовательно, все цены донецкого угля низки, ниже, например, английских. Это зависит, главным образом, от того, что добыча не глубока, редко глубже 40 саж., кажется нигде не достигает 100. И в этой-то малой глубине мы разочли выше промадные запасы угля, следовательно и впредь не предвидится высоких цен угля, а напротив, при расширении добычи и соревновании предвидится возможность значительного понижения цен.[1] Это обстоятельство весьма важно для показания того значения, какое должен получить Донецкий бассейн по запасу спрятанного в нем угля.

Для возможности быстрого развития этой добычи немалое значение имеет то обстоятельство, что в Донецком крае уже многое подготовлено и подготовляется к ожидаемому развитию. Первее всего есть люди, всеми силами, всей деятельностью преданные новому для русских способу промышленности. И не только одни распорядители, инженеры и хозяева, но и настоящие мастера горных дел, или штейгеры. В Лисичанске, на самом северном крае области угля, есть учрежденная правительством штейгерская школа. Хотя я сам видел ее, познакомился с ее директором Н. Н. Курбановским, с ее учителями и воспитанниками, хотя я видел, что здесь готовят не баричей и не классических доктринеров, хотя я считаю, вместе со всеми в крае, школу эту отлично веденною, но как натуралист больше всего я ценю приговор действительности, а жизнь многих рудников, виденных мною, показала, что лисичанская школа дает именно таких практических деятелей, каких вообще мало выпускают наши учебные заведения. Есть еще и на руднике С. С. Полякова другая штейгерская школа, но ее хотят превратить в особые практические классы лисичанской школы, что еще более должно увеличить значение практической подготовки горных деятелей, столь нужных для края. А в рабочих недостатка не будет, если цены на работу будут стоять близкие к нынешним. Ведь если дойдут не до 360 т, как в Англии, а только до 200 т = 12 000 пудов в год на рабочего, то при добыче, вместо нынешних количеств, миллиарда пудов в год потребуется всего только 83 000 рабочих, и не такие массы

[1] Если сверх погашения всех затрат шахтовладелец получает по 1 коп. с пуда, добывая 5 млн пудов, то его барыш будет равняться 50 тыс. руб. Но, добывая 50 млн пудов и получая только по $^1/_2$ коп. барыша, тот же владелец получит 250 тыс. руб. дохода. Это будет понято скоро, но доныне мало имеет веса, потому что нет способа для вывоза больших масс угля. Их могут доставить только водяные пути и специальные к ним подъездные пути.

рабочего люда способна выставить Россия. Еще весьма важно то обстоятельство, что в Донецком крае уже существует такая сеть железных дорог, какой у нас нигде нет в России. Курско-Харьково-Азовская и Воронежско-Ростовская дороги идут с западной и восточной сторон к центру России и к морю. Екатерининская дорога идет к западу, Ростово-Владикавказская — к юго-востоку, а Донецкая, так называемая «каменноугольная», изрезала всю угольную область своими паукообразными ветвями. Конечно, не все сделано здесь, но главное уже есть, и, исходя из него, можно идти дальше мало-помалу, преимущественно уже силами самой промышленности, которая должна умножить подвозные пути, уже ныне ею устроенные, и должна создавать водные способы отправки. Уголь — товар дешевый, ему надобна вода как дешевейший путь сбыта, а главное как среда или средство свободного сбыта в беспредельном количестве, в большую даль. От реки Донца и край весь свое название получил. Река эта, пройдя уже верст 600, обходит сперва по северному краю у Лисичанска Донецкую угольную область, а потом от Гундеровской и, особенно, от Каменской станицы идет среди углей вплоть до впадения в Дон. Этот путь легко сделать сплавным для угля, как я особо буду разбирать далее, и важно дать этот выход северному и восточному краям области, теперь мало разрабатываемым на уголь именно по недостатку путей сбыта. Главный же водный путь сбыта для донецкого угля дадут порты Азовского моря. От Мариуполя и Таганрога с небольшим 100 верст до южного края угольного бассейна, верст 200 до северного, и, следовательно, путь сбыта широчайшего готов природою. Пройдет русский Керченский пролив этот уголь, проникнет и чрез Суэцкий канал и чрез Гибралтар уголь донецких берегов, потому что для этого осталось сделать уже немного, все главное готово в природе и в существующих условиях. Будем же это немногое ускорять, рассматривая подробнее, что надо сделать, содействуя словом тому, что должно осуществляться делом и из-за чего не пострадают ничьи интересы, а выиграют и общие, и частные.

Как одна беда не проходит, а другую ведет, так же одно благо и одно природное богатство не живет, ведут и они за собой другие. Так в Донецком крае не один уголь, много есть чего другого. Не его искали здесь разные половцы, печенеги и татары, а того раньше, в доисторические времена, какие-то другие народы по степи ставили сопки, оставляли вытесанных каменных болванов, копали землю, где есть руды, а уголь едва ли знали. Не из-за угля в эту новую Россию шли веками русские, не для него лилась здесь русская кровь, когда еще мал был наш народ и татарин побивал русскую рать на Калке или на том Кальмиусе, где чудесные лежат угли, где идет теперь Константиновская железная дорога к Мариупольскому порту, приводимому теперь[1] в порядок, необходимый

[1] С тех пор уже все главное устроено в Мариупольскомм порте, и он грузит угли в Одессу.

для народа, еще за 1000 лет сознавшего надобность порядка для занятой им, обильно наделенной природою страны. Люди бились здесь, и русские стали тут по той причине, что море близко, что почва — благодатный чернозем, что прокормить она может много душ и голов. Эта видимость и теперь еще та же. Степь, точно пустыня, поселки в глубине оврагов, у воды, а кругом, когда едешь весной, все зелено, все усеяно цветами, всюду тюльпаны, приволье здесь и овражкам, как людям. Если нет лесов, их разведут, и Велико-Анадольское лесничество тут, около Константиновской железной дороги, ясно показало, как эта почва способна быстро давать леса. На Донце они были еще на памяти стариков, по верховьям есть и поныне. Разведется здесь когда-нибудь масса лесов садами, но, конечно, не при пшеничном хозяйстве, а лишь при развитии той промышленной эпохи нашей жизни, которая — наперекор пшеничным и патриархальным требованиям наших помещичьих вкусов — придет и быстро изменит весь облик нашей земли, станет делать из нее сад, а не пашню, построит город возле города, завод подле завода, забор к забору, вместо гладкой пустыни и редких поселков с мазанками и соломенными крышами. И нет в России края, который скорее бы, чем Донецкий, мог претерпеть такую перемену. Она и будет скоро, потому что стали всего с 60-х годов здесь немного, но внимательнее, рыть уголь, а вот глядите, чего не нашли. Лепле, большой знаток, внимательный наблюдатель, весь край хорошо обследовавший, сожалел, что он лишен железных руд, обеспечивших Англии и Бельгии с их углем укрепление всей промышленности. А теперь оказалось, что руд железных некуда девать, можно века флоты целые ими грузить.[1] Пастухов в своем Сулине нашел и берет сколько надо ему руду рядом с своим заводом. Мужички везут на завод Юза подводами массы железных руд, сами находят, сами добывают, это около Еленовки. А тут недалеко от Мариуполя, севернее Бердянска и Ногайска, нашлись в холмах Корсак-Могилы руды необычайной чистоты и богатства, а к железным рудам Кривого Рога особую дорогу построили, которую сперва назвали Криворожской, а теперь зовут Екатерининскою. На этих-то рудах и основаны два новых громадных завода для выделки чугуна, железа и стали. Один — Брянский — около самого Екатеринослава, другой — тоже на Днепре, верст 20 от него. Да и кроме этих много других железных руд есть в этом благодатном крае. И медь нашли и добывают. В 1885 г. найдены и богатые марганцовые руды в Покровском имении великого князя Михаила Николаевича и уже служат не только для стального дела в России, но и для вывоза за границу, — ведь это руды редкие, только на Кавказе есть у нас такие, а в Западной Европе иссякли, нужны же для массы заводских дел, особенно для приготовления стали (для ферромангана) и белильной извести (хлора), требуются миллионами пудов. Давно известен в Донецком крае и свинец;

---

[1] А в Англии-то своих руд уже давно недостает (см. гл. 11-ю).

известно, что в нем и серебра много, только никто еще за это дело не принимался с таким вниманием, как г. Миненков за ртуть. Да не одни металлы, не одна черная земля сверху и внутри заложены здесь. Много уже найдено и другого. Особенную важность имеет открытие недалеко от Бахмута каменной соли. Давно здесь в Славянске, недалеко от Донца, от того воспетого места, где стоят на нем Святые Горы, добывают соль выварочную из крепких рассолов, настаивающихся на подземной соли. Около Бахмута тоже варят соль. И вот верстах в 10 на север от Бахмута в 1876 г., по распоряжению Горного департамента, горный инженер г. Иванов заложил буровую скважину, и на 52-й сажени бур вошел уже в целую толщу соли глубиною в 17 саж., да чистую, сплошную. А ныне (1888 г.) я уже спускался сам и ходил вместе с управляющим промыслом, бароном Корфом, по громаднейшим чудным залам Брянцевской соляной копи. От того ли, что здесь Россия, что освещение тут электрическое, что залы тут правильны и поражают громадностью своих размеров, рассчитанных по свойствам соли, для того особо изученным, от того ли, что перешел я сюда чуть не прямо из темных черных галерей каменноугольных копей, или от чего другого, но я лично получил впечатление, что эти новички величественнее соляных копей Велички и Стассфурта, где мне также приходилось быть. Эта массивная лестница, выточенная из соли и ведущая в соседнюю Декоповскую копь, даже этот стиль выемок, этот грохот взрывов, этот блеск бенгальских огней, которыми любезный хозяин приказал осветить там и сям выемки, — все это останется навсегда в памяти. Добывают на этой одной копи по 6—7 млн пудов соли в год, а копей-то уже 4, если не больше, дело же чуть не вчера затеяно. Здесь, в этих копях Летуновских, Ивановских и им подобных, будут отдыхать когда-нибудь от рабочего устатка донецкие деятели, станут может быть и лечиться здесь, потому что тут воздух с температурою, зиму и лето равною, около 10° Ц, пропитан солью, дышится легко, и будут тут задавать фантастические подземные пиры в хрустальных сказочных залах с чудным резонансом. Тут складывать будут и распивать вина юга России — лучших погребов не придумать.

Ведь соль у нас идет для пищи, да для солки впрок. А в Англии и других странах с развитою промышленностью много больше, чем люди, изводят ее заводы, именно химические. Все для них и для всяких заводов готово в Донецком крае. Известняков массы, разных камней, например песчаников, начиная от брусков для кос и кончая жерновами, всяких сланцев, до кровельных, алебастров, всякой глины, от лучшей огнеупорной, столь необходимой для многих заводов, до фарфоровой, — всего найдут тут, уже открытого. А ищут недавно, искали немного, найдут и много, больше. Уголь — это клад, а условия того края, среди которых лежит здесь этот клад, того дороже, и все говорит громко, что здесь, при помощи угля, моря, руд и почвы, создается благодатнейшая страна процветания русской промышленности.

Для уверенности в этом мало одного общего обзора, мало было бы и подробнейшего описания современного положения вещей, необходимо и важнее всего обсудить и увидеть меры, могущие восполнить недостающее, привлечь в край деятелей, устранить препятствующее, оживить хоть не мертвое, хоть проснувшееся, но все же вялое, не такое, какое приличие стране казачества и краю легких, не пьяных, но оживляющих донских вин. Тут не восток с его сонным фанатизмом, тут и не запад с его хладнокровием, тут задремал пока казак, но подождите, проснется и покажет себя с новой стороны, с какой мало кто его знает, со стороны промышленной, живой, практической, благо никогда не был и не будет за латынство. Посмотрим же на то, что можно и должно сделать для того, чтобы Донецкий край получил не только общее русское значение, но и широкое всемирное со своими блестящими задатками.

Июнь 1888 г.

II. Железнодорожный тариф на уголь [1]

Хоть очень надобен каменный уголь, а все же без него так долго обходились в такой лесной стране, какова коренная Россия, что для широкого и общего распространения он должен быть дешев, иначе сил страны увеличивать не может, благополучия в ней не прибавит. А Донецкая область, в которой угля так много и уголь так дешев и так хорош, хотя и близка к морю, да не на море, и нет там Волги, длинной и глубокой, как море, охватившей своими водами и притоками громадную часть России; лямка в тех местах не тянула баржи с углем. И хоть можно по воде пустить к центру России донецкий уголь, но путь этот, как дальше увидим, надо еще устроить. Поэтому без железных дорог донецкий уголь мало что стоит, не сослужит большой службы. Но и они без него вконец бы извели русскую казну и русские леса. Поэтому, если хотеть достижения тех благ, какими может уголь наделить промышленность, торговлю и всю силу России, должно прежде всего разобрать сложное отношение между углем и железными дорогами. Тем более необходимо это, что желать чего-либо, даже заведомо хорошего и полезного, не видя путей для достижения, не взвешивая сил, которыми можно располагать, и не думая о средствах и следствиях, — уже очень часто приводит к нежелательным результатам, хоть и свойственно классицизму, дон-кихотству и

[1] Статья эта писана в 1888 г. Ныне с учреждением при Министерстве финансов Совета и Департамента железных дорог, ведающих железнодорожными тарифами, дело существенно изменилось, и в конце этой главы я изложу те результаты, которых поныне достигли в отношении железнодорожных ставок. Перепечатываемая статья помещается мною ради того, чтобы показать, насколько современность уже удовлетворила тем желаниям, которые должно было высказать за три года пред тем. Если бы и другие стороны удовлетворялись столь же быстро, тогда бы каменноугольное дело пошло более скорым шагом, чем шло доныне.

юношескому порыву. Хоть и красивы они, хоть и господствуют у нас, но все же назначаются быть только неизбежными ступенями развития. Пора вникать в средства.

В издании статистического отдела Министерства путей сообщения «Главные результаты деятельности железных дорог за 1886 год» находим, что на всех 24 069 верстах наших железных дорог поезда сделали $104^1/_2$ млн верст пробега в год,[1] т. е. в день средним числом пробег поездов был около 288 тыс. верст, или менее 12 поездов проходило ежедневно чрез каждую точку среднего пути. Так как на каждой дороге идет хоть один пассажирский поезд в сутки или проходит ежедневно в оба конца по меньшей мере 2 пассажирских поезда, а на многих дорогах пробегает и по нескольку пассажирских поездов, то можно с уверенностью говорить, что на наших дорогах в среднем пробегает в одну сторону только по 4 поезда с товарами, что и даст в общем 8 товарных и около 4 пассажирских поездов в оба конца. Вот первое число, и оно очень поучительно, потому что явно объясняет малую доходность железных дорог, так как доход, как известно, дают преимущественно товары, а их, оказывается, возят мало. Если тарифы поднимать, повезут еще меньше, и доходов получать будет неоткуда. Такие доходные дороги, как, например, Николаевская, пропускают средним числом (длина 609 верст, пройдено 7 538 586 поездо-верст) не по 12, а по 34 поезда в сутки, или в один конец 17, и так как здесь 6 пассажирских поездов, то товарных в каждый конец идет не по 4, как в среднем, а по 11 поездов в сутки. Движение, очевидно, и по Николаевской дороге может возрасти, тем более, что она двухколейная, а на всех дорогах оно возрасти должно непременно, если желательно соединить две, на первый раз кажущиеся несогласными, стороны предмета — доходность дорог и то промышленное развитие страны, ради которого государство жертвовало, устраивая железные дороги, громадные суммы (около 1500 млн руб.) и продолжает жертвовать ежегодно — для возмещения недочетов по гарантиям и процентов на занятой капитал.

Без увеличенного движения дохода ждать нельзя, долг железных дорог будет расти ежегодно, и цель дорог не достигается. А увеличение движения, очевидно, надо искать не в стороне увеличения тарифов, а скорее уже в стороне их уменьшения. Вот исходная точка зрения, которую следует принять при суждении о железнодорожном тарифе на уголь.

За 1886 г. расход[2] всех дорог равнялся 144 803 270 руб., или на поездо-версту по 1 руб. 39 коп. Если бы все поезда были груженые, товарными (а расход пассажирских поездов не меньше товарных), то, считая в поезде от 20 до 25 вагонов (а берут часто более) с 600 пудами

[1] Позднейшие данные о железнодорожном движении России отчасти даны на стр. 395.

[2] Под словами «расход» и «приход» мы подразумеваем только расход и приход эксплоатации.

груза, стоимость провоза пуда товара на версту пути была бы от 0.0117 до 0.0093 коп., или около $^1/_{100}$ коп. с пудо-версты. Следовательно, тариф, к этому близкий, безубыточен, расходы покрывает. Весь приход всех железных дорог в 1886 г. был равен 232 099 328 руб., или на поездо-версту по 2 руб. 22 коп. А потому доход эксплоатации составил в этом году сумму 87 296 058 руб., или 83 коп. на поездо-версту. А так как на постройку (не считая приплат, гарантии и проч.) на все дороги израсходовано 2438 млн руб., то доход в 87 млн руб. составляет около $3^1/_2$%, и для того, чтобы не было железнодорожных дефицитов, считая 6% на капитал, необходимо довести доход до 146 млн руб. Из разности (доходящей до 60 млн) большую часть приходится платить казне, то есть податным онлам страны. По счету основного капитала наших дорог, приведенному в «Сборнике сведений по России» за 1884—1885 гг., изданном Центральным статистическим комитетом, исчислено обязательных ежегодных платежей железных дорог $131^1/_2$ млн рубл., и, следовательно, доход эксплоатации (87 млн руб.) показывает прямой убыток около 44 млн руб. Накоплять его ежегодно, то есть увеличивать из-за него подати беспредельно, нельзя же. Пора подумать, как бы тут выйти из беды. Еще можно вычеркнуть какой-либо из сделанных расходов, даже такой большой, как на железные дороги или на войну, можно обязаться платить за него процент и погашение, но расход текущий, постоянный и крупный, притом от такой статьи, которая назначается для подъема всей деятельности страны, для увеличения ее доходов и оборотов — терпеть, не думая о нем, не следует. Его, очевидно, должно постараться уничтожить, потому особенно, что расход этот идет непроизводительно, не возвращается ни в каком виде. Вот французская компания (Горное и промышленное общество на юге России) устроила было в 70-х годах свою железную дорогу длиною более 20 верст в Кураховку, да увидела, что все затеянное дело барыша не обещает, взяла да и бросила устроенное, принялась за другое дело и теперь ведет отличное предприятие и построила другие подъездные ветки к своим новым копям, в Рутченкове. Конечно, государству поступать так нельзя, построены дороги — содержать их необходимо, а потому есть своя выгода даже при самом маленьком доходе, уменьшающем приплаты, но все же следует стараться дело исправить, насколько это возможно. А исправление, малое ли или даже полное, возможно, очевидно, только при помощи возрастания движения и тарифов, определяющих приход, притом так, чтобы в результате получился доход больший, чем ныне. Расходы, конечно, сократимы и даже сокращаются по мере введения контроля.[1] Но много сократить расходы эксплоатации нельзя, потому что большая часть их идет на починку и вообще содержание дороги, на прислугу поездов, на топку, смазку и тому подоб-

[1] За 10-летний период 1876—1885 гг. средний расход на версту пути был 6673 руб., а в 1886 г. он стал 5963 руб., а на поездо-версту был средний за 10 лет 1 руб. 47 коп., а в 1886 г. 1 руб. 40 коп.

ные совершенно неизбежные статьи. Иное дело приход: он зависит главнейше от количества провозимых платных грузов и от железнодорожного тарифа. А так как количество грузов находится в связи с тарифом, то очевидно, здесь узел вопроса о доходности железных дорог. Но прежде чем распутывать его, для уяснения отношения к каменному углю, необходимо остановиться на расходах не для того, чтобы искать средств к их сокращению, а для того, чтобы видеть зависимость расходов от движения грузов по дорогам. Другими словами, следует узнать, сколько стоит товарная поездо-верста, или на сколько увеличится расход при возрастании числа поездо-верст на данной длине пути.

Все эксплоатационные расходы железных дорог могут быть разделены и всеми всегда разделяются на два вида. Одни сопряжены с самым существованием дороги, лишь только она открыта и действует, другие же прямо зависят от движения и могут быть рассчитаны по стоимости поездо-версты или пудо-версты. К числу первых следует отнести все расходы управления (центрального, станционного и путевого), ремонт зданий и шпал, так как они гниют не от пробегающих по рельсам грузов, а по своей природе. Даже пассажирские поезда со всеми на них затратами следует относить к первой категории расходов, потому что поезда эти назначаются заранее и без прямого соответствия с потребностью, тогда как число товарных поездов определяется количеством грузов. Но расход на возобновление рельс должен быть отнесен ко второй категории, потому что стирание и вообще порча рельс зависят от грузов, по ним пробегающих. Ремонт локомотивов и вагонов, смазка тех и других, топка и тому подобные расходы, зависящие прямо от движения, очевидно, взойдут во вторую категорию, которая одна для нас представляет интерес, близко касающийся железнодорожного тарифа на уголь. Я избавлю читателей от подробностей тех расчетов, которые сам делал для этой цели, взяв доступные мне отчеты железных дорог. Даю только окончательный свод, который сделан был сперва по очень подробным отчетам казенных железных дорог, а потом поправлен по данным пяти частных железных дорог. Оказалось, что точного или полного согласия расходов нет, да и ждать его нельзя, но в общих чертах близость расходов, отнесенных к поездо-версте, при данном составе поезда, очень велика. Состав нормального товарного поезда, к которому я относил все расходы (считая некоторые из них по осям, иные по грузам брутто, а третьи по грузам нетто, большинство же по поездам), я счел в один сильный паровоз и в 20 груженых вагонов, вмещающих каждый по 600 пудов, или в поезде 12 тыс. пудов товара. Хороший паровоз повезет по равнинным участкам много больше этого, но лучше счесть меньший, чем больший груз, тем более, что часть вагонов пойдет в ту или другую сторону порожнем, и при расчете на 12 тыс. пудов в поезде можно избежать сложного и произвольного расчета на пробег порожних вагонов. При таком составе товарного поезда пробег каждой версты пути состоит:

	Коп.
Ремонтом рельс и их возобновлением около	7.0
» паровоза, тендера и вагонов	19.6
Топливом	11.2
Водоснабжением	2.3
Смазкою	1.8
Платою машинистам и кондукторам	17.0
Мелкими расходами	0.6
Верста пути товарного поезда стоит	59.5

Эта цена, около 60 коп., не какой-нибудь абстракт или возможность, это цена действительно существующая в России в наше время, в среднем выводе для обычных железных дорог. Она дает стоимость перевозки на пудо-версту товара около 0.005 коп.[1] Надо думать, судя по данным, имеющимся под руками, что цена эта на одних дорогах, экономно содержимых и имеющих сравнительно большое движение, спускается до 0.004 коп., а на других возрастает до 0.007 коп.

Считая среднюю стоимость поездо-версты по отношению к расходам, пропорциональным с движением, равною не 60, а 70 коп., получим удобозапоминаемое отношение, потому что мы выше видели, что все расходы эксплоатации стоят 1 руб. 40 коп. на поездо-версту. Следовательно, общие расходы, не зависящие от движения и не влекущие за собой нарастания прихода, составляют около половины всех расходов, а потому, если бы движение возросло в два раза, расходы возросли бы только в полтора раза. Приход же возрос бы тогда, конечно, примерно в два раза, и доход поднялся бы в очень сильной мере.[2]

Но откуда взять увеличенную массу груза?

Хлеб и вообще продукты земледелия и без того ныне составляют главную массу железнодорожных грузов, но везутся в одном направлении — к морским гаваням, а главное, грузы эти только временные, постоянного ресурса составить не могут, не только потому, что родятся

[1] Конечно, не на всех дорогах стоимость одна и та же, но и на данной дороге стоимость каждой станции будет другою, дело идет о среднем современном результате. Он непременно уменьшится, если движение возрастет, и особенно тогда, когда порожних вагонов будет двигаться меньше, чем ныне. Каменный уголь Донецкого края, двигаясь к Центральной России, дающей массу хлеба, должен до известной степени, содействовать этому.

[2] Для памяти удобно иметь в виду еще одну цифру, ради ясного понимания существующего положения вещей: чтобы не давать прямых убытков, дороги должны приносить, при современном движении, около 1 руб. 40 коп. дохода на поездо-версту, следовательно расход, пропорциональный движению, около 70 коп. на поездо-версту, весь расход около 1 руб. 40 коп., а приход должен бы быть 2 руб. 80 коп., чтобы не было недочетов.

раз в год, но особенно потому, что спрос на них изменяется по урожаю и у нас и в других странах.

Следовательно, от земледелия нельзя ждать прибыли значительной массы грузов для железных дорог. Остается один источник: промышленность, с одной стороны, опирающаяся на переработку ископаемых, а с другой — превращающая всякое сырье в товары, а главное, требующая массу каменного угля и дающая ценные товары как для внутреннего, так и для внешнего потребления. Все иностранные большие дороги живут промышленностью: горною, заводскою и фабричною. В этом смысле должно признать два рода грузов, и это разделение, нередко упускаемое из виду, должно считать очень существенным. Одни грузы, например каменный уголь, всякие металлические руды и огнепостоянная глина, добываясь в немногих местах, перевозятся иногда далеко не для того, чтобы прямо служить обычным потребностям людей, а преимущественно для заводов и фабрик, а потому они дают другие более ценные грузы, часто возвращающиеся по тому же пути, по которому прибыли сравнительно дешевые сырые материалы. Грузы этого рода мы назовем *передовыми*. Число их невелико, и даже хлеб к ним не относится, потому что везется в одну сторону и редко возвращается в виде произведенных из него других более ценных грузов. Нефть и ее товары также не передовые. Строительные материалы, например камни, известь, цементы, стекло, тес и т. п., также не относятся к числу передовых грузов. Каменный же уголь есть типический представитель грузов этого рода, потому что везется массами, составляет ископаемое, требуемое развитой промышленностью, и возвращается в виде всяких изделий заводов и фабрик, кроме того требуется и самими железными дорогами. Типическими представителями грузов иного рода или обычных могут служить ткани, спирт, готовые машины и вообще всякие готовые изделия.

Тарифы железных дорог, в видах общей пользы и по дальновидному расчету, должны быть основаны на этом делении грузов, а так как сеть наших железных дорог создана и поддерживается государством, то оно может ставить такие принципы для тарифов, которые, удовлетворяя прямо расчетливости или выгодности, требуются общею пользою. Тарифы передовых грузов должны быть близки к прямой стоимости перевозки, пусть они прямо дадут лишь малый приход, доход дадут другие обычные грузы, и прирост доходов возможен преимущественно при увеличении движения передовых грузов.

Такое начало положено в основу соображений этой главы. Для ясности дальнейшего изложения сделаем примерный расчет, исходя из данного выше современного состояния наших железных дорог, но округляя все цифры. Притом опустим все усложнение, зависящее от пассажирского движения, то есть предположим, что все 100 млн вагоно-верст пройдены грузами, что каждый поезд везет 10 000 пудов груза и что все современные грузы, как это почти и есть, не относятся к числу пере-

довых. Тогда оказывается, что ныне средний тариф около 0.0222 коп., или $^1/_{45}$ коп. с пуда и версты, потому что при нем с 10 тыс. пудов должно получиться с каждой версты 2 руб. 22 коп. прихода, что близко к действительности (2 руб. 23 коп.) именно по той причине, что масса хлеба везется по тарифу, близкому к $^1/_{40}$ коп. Для простоты счета этот тариф и примем. Тогда поездо-верста дает 2 руб. 50 коп., а все 100 млн поездо-верст 250 млн руб. прихода. Всех грузов, при 100 млн поездо-верст, по этому предположению перевозится 100 млн поездо-верст, а считая расход перевозки по 75 коп. с поездо-версты, весь расход, сопряженный с движением, равняется 75 млн руб., общие же расходы эксплоатации, от движения не зависящие, составляют также около 75 млн руб. Поэтому доход равен приходу, или 250 млн руб. без всех расходов, или без 150 млн руб., или равен 100 млн руб. Цифра эта выше действительной (87 млн), потому что средний тариф взят более действительного и сделаны другие упущения, упрощающие счет, которым современная картина выражается верно, потому что обязательные платежи капиталу, близкие к 150 млн руб., выше дохода именно на 50 млн руб. Следовательно, недобор в 50 млн руб. надо покрыть перевозкою как передовых грузов, так и тех, которые чрез них должны возникнуть. Допустим, что опять едва ли далеко от действительности, что на $4^1/_2$ пуда передовых грузов, например каменного угля, получится пуд обычных грузов. Для этих последних примем опять тариф $^1/_{40}$ коп., а для передовых грузов $^1/_{100}$ коп. и допустим, что первые везутся, как ныне, поездами в 10 000 пудов, а вторые поездами в 15 000 пудов груза, что составляет весьма естественное предположение, потому что для таких грузов, как уголь, составляются особые, тяжелые поезда, как для передвижения рабочих — поезда четвертого класса. Допустим, что передовых грузов получится 45 млн поездо-верст, что и возможно при низком тарифе и развитии русской промышленной производительности.[1] При 45 [млн] поездо-верст пере-

[1] 45 млн поездо-верст при 15 000 пудов груза составят 675 000 млн пудо-верст груза. Эта цифра действительно возможная для передовых наших грузов, каковы каменные угли, руды и т. п. Теперь уже криворожские руды везут на 300 верст, а разовьется добыча чугуна — повезут и дальше. На одну доменную печь, дающую ежедневно по 1000 пудов чугуна, идет в год лучшей руды около полумиллиона пудов. При провозе на 300 верст это уже составляет 150 млн пудо-верст. А такой сравнительно еще небольшой завод, как Юза, имеет уже три доменных печи. Если отчислить 175 000 млн пудо-верст на руды, огнеупорную глину, плавни и т. п., количество 500 000 млн пудо-верст останется на уголь. Не считая польских, уральских и других углей, эту пропорцию вывоза, рано или поздно, даст один донецкий уголь. Например, так: 1) 500 млн пудов за границу, чрез порты Азовского моря, по железной дороге 100 верст, всего 50 000 млн пудо-верст; 2) 200 млн для русских черноморских портов, Кавказа, Одессы, Николаева и т. п. 20 000 млн пудо-верст; 3) 500 млн пудов для сравнительно близких мест внутренности России, при среднем расстоянии 400 верст, что составит 200 000 млн пудо-верст, и 4) 230 млн пудов на далекие русские рынки, при среднем расстоянии 1000 верст

довых грузов получится на счет их произведенных 15 млн поездо-верст остальных грузов, что с нынешними 100 даст 115 млн поездо-верст этих грузов. Приход от них будем опять считать по 2 руб. 50 коп. с поездо-версты, следовательно по этой статье получится $288\frac{1}{2}$ млн руб. За перевозку 45 млн поездо-верст передовых грузов, по тарифу $\frac{1}{100}$ коп., получится (по 1 руб. 50 коп. с поездо-версты) $67\frac{1}{2}$ млн руб. Весь приход будет 355 млн руб. Расход на 115 + 45, или на 160 млн поездо-верст будет, по 75 коп., равняться 120 млн руб. К нему должно причислить 75 млн руб. общих расходов эксплоатации, которые не возрастут даже тогда, когда движение возрастает во много раз, не то, что с небольшим в полтора раза, как принято в нашем примере. Поэтому всех расходов получится 120 + 75, или 195 млн руб., а доход (355 — 195) получится в 160 млн руб., то есть не только покроет обязательные платежи, но еще и сверх того даст прямой истинный доход. Очевидно значит, что тариф на уголь и ему подобные передовые грузы можно понизить с выгодою даже до нормы меньшей $\frac{1}{100}$ коп. с пудо-версты, лишь бы этим вызвалось усиленное движение грузов. Сверх того должно иметь в виду возможность повышения тарифа на некоторые продукты заводов и фабрик, и уже лучше это сделать, чем оставить тот тариф на уголь $\frac{1}{50}$ до $\frac{1}{80}$ коп., какой ныне практикуется.

Таким образом оказывается, что поправку железнодорожных недочетов должно искать в развитии промышленности, в перевозке массы угля и в дешевом на него тарифе.

Конечно, желаемое положение тарифа на уголь не должно достигать стоимости перевозки (около $\frac{1}{200}$ с пудо-версты), а так как она меняется от $\frac{1}{250}$ до $\frac{1}{150}$ коп. с пудо-версты, то тариф около $\frac{1}{150}$ коп. должно считать за минимальный возможный. А так как в 1888 г. уже действует тариф с Донца на Москву по $\frac{1}{80}$ коп. и при нем недочеты Курско-Харьковско-Азовской дороги не увеличиваются, а уменьшаются, то должно считать тариф $\frac{1}{80}$ за высший, заслуживающий обсуждения. В этих пределах[1] должен лежать русский тариф на уголь.

Для определения величины тарифа на уголь и подробностей, к этому тарифу относящихся, следует принять во внимание следующие обстоятельства:

1) Каменный уголь только при условии дешевизны провоза может составить у нас предмет обширного и общего потребления, потому что и без него обходились до сих пор.

(до Москвы в среднем более 1100 верст), что дает 230 000 млн пудо-верст. Придет, и сравнительно скоро, если все нужное будет сделано, время, когда эти пропорции будут малы для русского и заграничного спроса на донецкий уголь.

[1] Считая груз вагона 600 пудов, вагоно-верста угля должна платить от 4 до $7\frac{1}{2}$ коп., или за 1000 верст (примерно с Донца до Москвы) от 40 до 75 рубл. за вагон.

2) Дешевизна перевозки угля отзовется выгодно на расходах всей сети русских железных дорог, которые уже и ныне сами потребляют, судя по официальному отчету «О количестве топлива, потребленного на железных дорогах в 1886 г.», около 80 млн пудов в год, хотя сожигают сверх того более 500 000 куб. саж. дров, отвечающих 50 млн пудов каменного угля; при увеличении же движения пойдет много больше 150 млн пудов. Каждая копейка, сбавленная на провозе, может дать уже $1^1/_2$ млн руб. экономии в расходах железных дорог.

3) Понижая тариф на уголь, можно его возвысить, если крайняя нужда заставит, на ценные товары, на счет угля производимые, и это не может во многих случаях влиять на движение этих грузов.

4) Если уголь в Донецком крае дешев, а оказывается дорогим вдали от него, очевидно, должно заботиться об удешевлении тарифа, чтобы увеличить его потребление вдали. Встреча донецкого угля с английским ныне происходит в Москве. Если ныне считать в Петербурге английский уголь в 12 коп. и провоз его до Москвы (Николаевская железная дорога везет за 7 коп.) с накладными расходами в 8 коп., а за донецкий уголь плата на месте 5 коп., а доставка с накладными расходами 15, то оба угля приходятся в Москве по 20 коп. за пуд. При тарифе в $^1/_{120}$ коп. английский уголь будет стоить в Москве около 17 коп., а донецкий около 15 коп. Но в Петербурге, при расстоянии от донецких копей около 1700 верст, даже тариф в $^1/_{150}$ коп. не даст возможности распространиться донецкому углю, потому что его провоз с накладными расходами тогда будет стоить около 12 коп., следовательно цена угля здесь будет более 17 коп., а потому до Петербурга донецкий уголь по железным дорогам дешево дойти не может (он может попасть по морскому пути), но от Москвы и ее окрестностей, при правильном тарифе, он вытеснит окончательно английский уголь. А так как ныне Москву должно считать центром развития нашей промышленности, то следует прежде всего назначением тарифа завоевать окончательно московский рынок для донецкого угля.

5) Так как русская промышленность ныне не только содействует истреблению лесов, но и сама страдает как от вздорожания лесов, так и от их недостатка, то улучшения русской промышленности можно ждать только при распространении каменного угля, а оно может начаться и идти правильно только при условии дешевизны угля, когда прямой и явный расчет покажет выгодность применения минерального топлива. Ныне, когда в Москве топить дровами уже дороже, чем каменным углем,[1]

---

[1] Ходячая цена каменного угля с доставкою (стоит около 2 коп.) на место потребления ныне (1888 г.) зимой в Москве была около 23 коп. пуд, а дрова ценились от 25 до 35 руб. за кубическую сажень, а то и выше. Было уже и ныне выгоднее жечь уголь, но, во-первых, привычка дело важное, во-вторых, в цене угля ныне нет никакой уверенности

этот последний мало применяется преимущественно потому, что ныне не видно никакой обеспеченности в доставке, цене и достаточной массе угля. А так как, с одной стороны, обеспеченность топливом и условиями пользования им составляет не менее важное народное дело, чем железные дороги, а с другой стороны, необходимость сохранения тех остатков леса, которые ныне имеются в Центральной России, принадлежит к надобностям страны еще более важным, то в это дело своевременно вступить правительству. Законом об охране лесов положено начало одной стороне дела, но страна обездолится, если другая часть предмета, то есть добыча, доставка и потребление каменного угля, не будет в то же самое время вполне обеспечена и уяснена. Необходима полная ясность и совершенно неизменная определенность железнодорожного тарифа, позволяющая сделать наперед все необходимые расчеты. Если одни места добычи, или одни добыватели, или определенные потребители под тем или другим предлогом, даже благовиднейшим, получат какое-либо преимущество, — все дело нарушится в его основе, потому что при этом практические дельцы станут заботиться не о том, чтобы преодолеть массу естественных трудностей нового обширного дела, а будут всемерно стремиться попасть в число лиц, так или иначе поставленных в привилегированное положение. От правительственного вмешательства требуется, чтобы оно оградило экономическую свободу добычи каменного угля, исправность, дешевизну и равноправность его доставки, и чтобы все это было сделано столь явно и твердо, как то необходимо для того, чтобы всем и каждому стало ясно, что отныне здесь не могут иметь места ни произвол железнодорожных компаний, ни давление крупных предпринимателей, ни особые частные и временные мероприятия администрации. Это возможно только узаконением. Без этого не может родиться ни стремления к добыче, ни широкого применения нашего каменного угля.

6) По этим соображениям закон о тарифе на уголь должен быть дан не на сегодня только, а на неопределенно долгое время. Однако в ближайшее время можно ждать только приготовлений к добыче потребной массы угля, необходимы годы, чтобы привлечь в донецкие края массу угледобывателей, а потому тариф на уголь должен быть спущен не сразу до своей окончательной нормы, а только постепенно, например в течение 7 лет, в которые легко может добыча угля возрасти в громадных размерах. Без этой постепенности железнодорожные доходы могут первое время пострадать, ибо сбавка тарифа тогда только может вести к увеличению дохода, когда движение возрастет, а для этого необходимо время как для увеличения добычи, так и для возрастания потребления. При этом должно соблюсти еще два условия. Во-первых, сразу необходимо

английский того гляди обложат, либо задержат от каких-нибудь политических усложнений, а на донецкий ждут надбавки от железных дорог, от малочисленных продавцов, от отсутствия обширных складов, так что боятся начинать топить углем.

назначить такой тариф, при котором донецкий уголь стоил бы дешевле английского в Москве как центре нашей промышленной деятельности. А во-вторых, чтобы предусмотрены были все возможные обстоятельства, могущие влиять на результат, например провозная способность дорог, распределение вагонов, образование угольных складов и т. п. Важная роль этих, на вид мелких, влияний заставляет меня рассмотреть их особо в следующей главе.

7) Смысл дифференциального тарифа, пока он не вызывается особыми соображениями,[1] состоит в том, что при перевозке угля, как и всякого груза, необходимы, кроме времени и работы для пробега расстояний, еще время простоя и труд нагрузки и выгрузки, и если расстояние мало, то трата на пробег может составить лишь малую долю, сравнительно с теми, которые израсходуются на простой, нагрузку и выгрузку. Тот станционный сбор, который уплачивают товары при их отправке по железным дорогам, может служить для этой цели. Если, как далее будет разобрано, назначить по 12 часов для нагрузки и выгрузки и по полкопейке с пуда угля в виде всего станционного сбора (кроме самой нагрузки и выгрузки, которые производятся отправителем и получателем), то на расстояние 20 верст плата эта увеличит поверстный тариф, например в $^1/_{100}$ коп., на 0.25 коп. с пуда и версты, то есть получится тариф 0.035 коп., при расстоянии в 100 верст — 0.015, а на 1000 верст — 0.0105 коп. Важнее всего, чтобы железнодорожные тарифы не давали искусственных преимуществ одним добывателям и потребителям перед другими. Так как многие виды промышленности сами перейдут поближе к топливу, то всякий особый вид преимущества железнодорожных тарифов для тех или других добывателей может задержать естественное распределение и ширину развития. Поэтому при узаконении тарифов на уголь должно избежать всякого их подразделения по местам добычи.

На основании всего предшествующего, необходимо установить две общие средние нормы: высшую для немедленного введения и низшую для окончательного. Что касается до первой, то она найдется легко, если примем за исход цену английского угля в Петербурге в 12 коп. за пуд, а в этой низшей цене нельзя ждать уступки, потому что конкуренция без нас спустила в Англии донельзя цену как самого угля, так и его перевозки до моря. От Москвы до Петербурга расстояние 609 верст, следовательно, полагая $^1/_2$ коп. за нагрузку и выгрузку и на утрату, получим, что средняя цена английского угля будет в Москве $12 + m \cdot 609$, если чрез m означим тариф угля. Полагая среднее расстояние от Москвы до ближних копей Донца в 1100 верст[2] и среднюю цену угля в 6 коп.

[1] Например, для возбуждения соревнования таких мест, которые представляют различные расстояния, может быть назначен одинаковый оклад или оклад, не пропорциональный расстоянию.

[2] До Грушевки 1090 верст, до Харцизской 1079 верст.

с нагрузкой, выгрузкой и путевой утратой, получим цену донецкого угля $6 + m \cdot 1100$. Равенство цен получится при тарифе $m = 0.012$ коп. с пуда и версты. Для перевеса на сторону выгодности донецкого угля необходим низкий тариф, и при тарифе $^1/_{100}$ коп. получится уже достаточная выгода для прекращения ввоза в Москву английского угля, потому что донецкий обойдется в 17 коп., английский — в 18 коп. Но на этом нельзя остановиться, потому что, во-первых, перевес невелик, а во-вторых, и уголь будет ещё дорог, так как на него ляжет станционный сбор, положим, около $^1/_2$ коп. с пуда, расходы склада и барыши посредников, долженствующих нести риски разного рода и иметь средства вести свою операцию, неизбежную по существу дела. Не должно думать, как иные у нас полагают, что большие предприятия не нуждаются в посредниках, сами могут иметь комиссионеров и потому дешевле доставят товар. Надо видеть, что комиссионеры больших предприятий, как показывает живая действительность, получают не меньшую плату, чем соперничествующие между собою особые перепродавцы. Эти последние разыщут уголь более дешевый и покупателя найдут скорее, потому что прямо заинтересованы во всем этом. А потому цена за комиссию непременно прибавится, и без этой набавки нельзя думать достичь больших оборотов с углем. По меньшей мере на склады, риск и хлопоты (нагрузку, выгрузку) необходимо положить около $1^1/_2$ коп. с пуда угля, тем более, что для складов необходим капитал, интерес которого также нельзя упустить из виду. Поэтому в складах Москвы,[1] при тарифе $^1/_{100}$ коп., донецкий уголь обойдется около 19 коп. А эта цена высока, она еще не может сильно побуждать к замене дров углем, и всякая копейка, с нее сбавленная, здесь будет очень важна, тем более что даст сразу расширеные потребления, а следовательно, и увеличение конкуренции. Низким возможным предельным тарифом $^1/_{150}$ коп. достигнется понижение цены угля на $3^2/_3$ коп., но такой тариф дает мало ручательства за увеличение доходов дорог, даже при провозе 60 млн пудов угля в Москву и ее окрестности, а более ввозить и нельзя ни по потребности края, ни по существующим железным дорогам, соединяющим Москву с Донецким бассейном. Поэтому я, с своей стороны, считаю полезным принять за низший предельный тариф на уголь $^1/_{125}$ коп. (0.008 коп.). Эта норма притом не новая, не здесь является в первый раз. В Пруссии, ради покровительства силезскому углю, при его соперничестве с английским, действовал долгое время (не знаю, как теперь) такой же тариф, если принять во внимание курс нашего рубля. Из наших дорог на Юго-Западных уже несколько лет действует тариф $^1/_{125}$ коп. при расстояниях, превышающих 416 верст. И ни там, ни здесь о невыгодности такого тарифа не слышно. Это размер расчетливый и выгодный, не только возможный.

[1] Провоз из складов на дом или завод в Москве ныне стоит очень дорого, около 2 коп. с пуда. Из-за этого одного будет выгодно строить заводы около самой железной дороги.

Из всех изложенных соображений слагается следующая желательная система для тарифа на уголь:

1) Железнодорожный сбор за провоз угля определяется законом и не подлежит изменениям со стороны администрации как казенных, так и частных железных дорог.

2) Сбор за уголь при провозе целыми вагонами составляется из: а) тарифного сбора, по расстоянию и с пуда, б) станционного сбора за подачу вагонов для нагрузки и выгрузки, за взвешивание и другие расходы станции и в) из сбора за нагрузку и выгрузку, если отправитель или получатель заранее заявят, что не могут произвести эту работу собственными средствами.

3) По истечении месяца (или подобного краткого срока) после публикации закона назначается до 189... г. (или до срока, близкого к 1895 г.) тарифный сбор по 0.010 коп. с пуда и версты провоза, считая кратчайшее железнодорожное расстояние от станции отправления до станции назначения.

4) С 1 января 189... г. по 1 января 189... г. тарифный сбор определяется в 0.009 ($^9/_{1000}$) копейки с пуда и версты.

5) С 1 января 189... г. тарифный сбор взимается в размере $^1/_{125}$, или 0.008 коп. с пуда и версты.

6) Изменения, могущие засим последовать в размере железнодорожного тарифа или станционных сборов с угля, объявляются вперед за 3 года, а без того сборы эти не подлежат увеличению.[1]

7) На раструску и усушку угля добавляется $1^1/_2\%$, с которых сборов не взимается.

8) Железнодорожные компании ответствуют за целость принятого для перевозки угля, возмещая потерю углем из своих местных складов, по выбору получателя.

Такой железнодорожный тариф поставит угольную промышленность совершенно в иное положение, чем ныне, когда никому неизвестно, что будет завтра предпринято по отношению к перевозке угля, какие придумают размеры тарифа, какие и кому дадут привилегии под титлом дифференциальных или уравнительных, или специальных тарифов, какие кто понесет расходы или получит особые барыши. А для того, чтобы затеять свою добычу, чтобы пустить добытый уголь по возможности дешево, чтобы переделать свой завод, даже свои домашние печи на топку углем, чтобы затратить капитал и просто, чтобы прекратить старый, привычный, хотя и заведомо уже невыгодный порядок, — нужна уверенность и полная определенность. Большой московский промышленник теперь обеспечивает себя лесом, а тогда обеспечит ход своего предприятия или контрактами с добывателями и поставщиками угля, или же сам купит

---

[1] Этот пункт считаю важным для правильного начала больших дел с донецким углем.

угольную землю и займется добычею, чем теперь и не думают делать, потому что выпутаться из всей сложности железнодорожных порядков по доставке угля ныне успевают только люди, особо подготовленные, ловкие. Либо они попадают в привилегированные отправители, либо заручаются привилегированными потребителями, либо такую придумают уравнительность да дифференциальность тарифов, что их конкуренты остаются без возможности конкурировать. Эти приемы еще можно считать терпимыми, когда дело идет об английских конкурентах, но когда дается покровительство внутренней производительности, то долг каждого понимающего дело состоит в том, чтобы требовать для внутренних производителей полной возможности сбивать цены, соперничать и прекращать всякие виды искусственных внутренних экономических преимуществ, потому что они ведут, как видим сейчас на угле, к массе возникающих недоумений и, главное, к дороговизне, основанной не на природных, а на подстроенных обстоятельствах. Нефтяные дела пошли быстро потому, что покровительство отрезало внешнюю конкуренцию, а полное отсутствие внутренних привилегий, особенно крупным предпринимателям перед мелкими, довело цены до низших, нигде в мире не существующих. Сделать одно, но не делать другое — значит все испортить. Уголь еще нежнее нефти, здесь еще важнее отнестись с полнейшим вниманием ко всем мелочам дела, потому что каждою из них, при недостаточной обдуманности, может воспользоваться не только своекорыстие, но и произвол, недальновидность. Поэтому в следующей главе разберем по возможности все подробности, сверх тарифа, могущие влиять на развитие наших дел с углем. А теперь закончим эту главу расчетом, относящимся к Москве и близким к ней местам, составляющим один из крупных центров современной русской промышленности. Сколько я мог собрать данных, в Московской и Владимирской губерниях на заводах, фабриках, на железных дорогах, а также и в домашнем быту, переводя все роды топлива на дрова, потребляется ныне не менее 200 000 куб. саж. дров, а вероятно около 300 000 по средней цене 20 руб. за куб. саж. Этому количеству отвечает 30 млн пудов каменного угля. У нас как-то не видят причины, по которой Лодзь и вообще Польский край стал за последний десяток лет быстро расти в промышленном отношении; все думают, что это немецкая или там польская, или какая другая интрига, а упускают из виду каменный уголь, который в виде 120 млн пудов стал там двигателем и созидателем промышленного развития. Увеличивать добычу угля в два-три раза было очень легко, и даже он становился дешевле, а не дороже. Донецкий же край и во сто раз может увеличить свою добычу. А попробуйте увеличить в Московском крае спрос на дрова хотя в два раза. Не только цена поднимется в несколько раз, но и просто лесу нехватит на несколько лет, подрастать не успеет. В Московской и Владимирской губерниях все пространство (при $3^1/_2$ млн жителей) земли около 9 млн десятин, и если $^1/_3$ его положить под лесами, назначенными для топлива, и оборот рубки

принять в 30 лет, то все же можно получить дров не более 100 000 куб. саж. А лесов, вероятно, теперь уже меньше, и есть места, из которых лес очень трудно подвозится. Вот и выходит, что нельзя Московскому району увеличивать свою производительность — помимо доставки каменного угля. С ним одним, да тогда, когда он дешев, может это сделаться. При тарифе в $^1/_{125}$ коп. цена угля со всеми накладными расходами в Москве может быть не выше 16 коп. за пуд, и, следовательно, по железным дорогам Московского района, где дрова дороже 20 руб. за кубическую сажень, донецкий уголь может совершенно вытеснить древесное топливо. Тогда в захолустьях, откуда подвозка дров дорога, они подешевеют, и общая производительность района может удвоиться, утроиться, что ныне невозможно.

Допустим же, что донецкого угля придет к Москве 60 млн пудов, и посмотрим, насколько выиграет прямой доход дорог, провозящих этот уголь по $^1/_{125}$ коп.? При расстоянии 1100 верст весь сбор железных дорог за уголь составит 5280 000 руб. Израсходуют же они по $^1/_{200}$ коп. с пудоверсты, всего 3300 000 руб. Прибавляя часть дохода из $^1/_2$ коп. станционного сбора, железные дороги получат, подвозя уголь к Москве, приращение своего дохода по крайней мере на 2 млн руб. Но прибыль будет много большею, потому что на 60 млн пудов угля произойдет масса товаров, которые пойдут по тем или другим дорогам страны, да и топливо дорогам достанется дешевле.

Так пониженный и вообще урегулированный железнодорожный тариф на уголь улучшит доходность дорог, увеличит промышленную производительность страны, даст сильный толчок развитию угольного дела в Донецком крае, прекратит опасное истребление лесов и в конце концов изменит весь строй нашей жизни, захудалой от массы недоразумений, господствующих во всех слоях общества, еще мало видящих, какое предстоит дело впереди русской жизни. Это дело — широкого промышленного развития. Надо понять это и начать с угля. Гиганты покоятся на Донце, пора их будить, поднимать и брать в услугу.

III. Железнодорожные силы и порядки по отношению к каменному углю

В феврале, марте и апреле 1888 г., изучая на месте каменноугольное дело Донецкого края, я убедился в существовании многих недостатков современной железнодорожной доставки каменного угля, сверх основного недостатка, состоящего в непригодности ныне действующего тарифа. Об этих недостатках необходимо говорить особенно потому, что вопросы железнодорожного тарифа уже встали на очередь, уже разбираются как правительством, так и во всех слоях общества, а те другие условия, от которых сильно зависит доходность и исполнение задач железных дорог, мало кому знакомы и не считаются многозначащими, хотя от них

часто и много зависит промышленное развитие России в такой же мере, как от тарифов, да от таможенных обложений. Уголь есть, но нет вагонов, есть они — нет паровозов, есть и они — назначают вагоны туда, где угля нет, а сюда, где он лежит, не дают, и т. п. Эти явления не только внушают справедливые сожаления, не только влияют глубоко на интересы тех многих, которые заинтересованы лично в сбыте или получении угля, но эти обстоятельства прямо и косвенно ограничивают распространение угольного топлива в России, прямо удорожают его, а потому должны быть устранены. Предваряю, однако, что обвинить кого-либо вовсе не хочу, что мою прямую цель составляет желание показать способы избежать существующее зло. Обличение не в моем характере. По этой причине я в своем изложении постараюсь быть кратким, укажу современный ход дела и его недостатки, а потом, не разбирая, от кого и откуда произошли эти недостатки, стану излагать те приемы, которыми устранить их мне кажется возможным и должным.

Начать необходимо с недостаточности движения по дорогам Донецкого края. Отчего происходит этот недостаток, — это вопрос иной, но сперва необходимо показать самое существование недостатка движения для вывоза предлагаемых: хлеба, угля, соли, глины и всяких иных продуктов.[1] Есть люди, которым нравится отрицать этот недостаток, они выставляют на вид, что вот там-то и там-то вагоны подали под уголь, но получили отказ — угля или нет, или покупатель не нашелся — не грузят. Все это бывает, но важнее этих частностей показать общий недостаток товарного движения по железным дорогам юго-востока России. В прошлой главе было доказано, что доходность дорог может поправиться только при увеличении движения, даже за дешевый тариф, а теперь покажем, что недостаток движения происходит не оттого, что товаров для перевозки нет, а оттого, что грузы, предложенные к перевозке, не перевозятся железными дорогами, лежат либо на станциях, либо около них, либо у отправителя готовые, либо, что чаще всего бывает, не добываются просто из-за того, что наплачешься с товаром, когда все расходы для него сделал, а он лежит себе у хозяина, потому что железные дороги не везут. Не могут ли или не хотят, то есть не прилагают усилий, — это все равно для производителя, он — не прокурор и не адвокат, он рассчитывал на дорогу, а она отказывается везти, он все бросает и принимается за другое дело, стараясь, чтобы оно по возможности не было связано с железными дорогами. Тут видно, как вся сущность наших железнодорожных дел тесно связана с доказательством существующей на деле недостаточности движения. Сперва приведу то, что сам видел и узнал, а потом обращусь к объяснению, предваряя, что ни о снежных

[1] Ныне (1891 г.) все то, о чем писать было так необходимо в 1888 г., не только сознано кем следует, но и большинство недоставшего поправлено, тем не менее, полезно указать на побочные причины, объясняющие русский застой в угольном деле.

заносах, бывших ныне зимою, ни о недостатке рабочих рук на угольных копях, случавшемся ныне летом — от особо счастливого урожая, — я не забываю и не в них тут дело.

В феврале, марте и апреле 1888 г. я сам видел громадные массы угля в складах, около станций, например на Петровской станции Константиновской ветви, в Голубовке у копей, от которых идет своя проволочная (канатная, воздушная) дорога, грузящая прямо в железнодорожные вагоны, у станций Крестной, Юрьевки и многих других. «Вагонов не дают» — один плач отправителей; «вагонов нет» — отвечают на станциях.

В феврале 1888 г., когда я жил в Харькове, где обычная цена угля около 14 коп., уголь стоил выше 30 коп. за пуд, и не потому, что стакнулись продавцы, а потому, что весь распродали, в чем убедился и сам, посетив несколько окладов, и в чем убедились власти, желавшие помочь горю. Подвозу не было не только в дни, когда были заносы, но и в те дни, когда движение было свободно. «Вагонов нет, вагонов не дают» — слышно было со всех сторон. Приходит подрядчик; казенные дома, беднята, взялся отоплять, уголь у него недалеко, давно куплен, сложен у станции, третий месяц плачется — вагонов не дают. Взялся один помочь городскому горю, продавать уголь обязался по 12 коп., только бы вагоны для подвоза дали; их и дали — в неделю десяток: на руках уносили, в мешках распродавали из этих вагонов. А больше — «вагонов нет». Обвиняли, конечно, евреев, а они плакались, что никакого гешефта сделать не могли: «вагонов нет». Те, которые являлись, назначались «привилегированным» потребителям и «привилегированным» отправителям, о которых будем говорить далее, частное же потребление, от которого должно исходить распространение угля в жизни, поставлено вне всяких привилегий, на самом последнем месте. А те складчики или скупщики, без которых торговля нигде и никогда в мире не обходится и которые необходимы для распространения всякого товара и особенно такого еще нового, как уголь, эти складчики не только между отправителями стоят на последнем месте, вне всяких привилегий, но еще преследуются всякими позорными прозвищами, выжимаются из дел. Оттого угля и не было в Харькове прошлой зимой.

В Одессе и Севастополе, где с увеличением таможенной пошлины на английский уголь стали спрашивать донецкий, нужда в угле и его цены были эту зиму еще бо́льшими, чем в Харькове. Вагонов — нет, вагонов не дают. Благоразумные, конечно, контрактов не заключили, либо в них поставили оправдательную статью о недостатке вагонов, но были, конечно, и такие простаки, которые много поплатились, покупая вздорожавший английский уголь. И стали одна за другой являться статьи о сложении пошлины с английского угля.

Городок Славянск лежит чуть не подле самых угольных копей, но уже на пермской геологической формации и в угле сильно нуждается

для выварки соли из своих соляных рассолов. Это одно из примечательных явлений, потому что масса прекрасной каменной соли тут же близко. Выварку, однако, ведут успешно благодаря близости угля и вкусу иных потребителей, которые эту соль предпочитают каменной. Всего верст 50 от Славянска до ближайших угольных копей. А ныне зимой остановили там варку соли, вагонов под уголь не дают, вагонов нет. А нет вагонов — нет угля, нет угля — нет соли, нет и массы другого, что углем производится. Какая может быть охота ввязаться в этот угольный вопрос, уж лучше последки леса выжигать, а то, кроме убытков, еще «корреспондентом» обзовут и показаться никуда нельзя.

Когда в апреле месяце я был на Брянцевских копях каменной соли, то узнал, что вот теперь стали давать вагоны, а то ничего не давали, даже в те дни, когда пути были свободны от заносов. Прекратили на месяц добычу. Те польские рынки, которые отвоеваны были от иностранной соли (австрийской и германской), опять стали выписывать эту последнюю. Ответ давался один и тот же: «вагонов не дают, вагонов нет».

Превосходная огнеупорная глина, добываемая М. А. Ковалевским около Бахмута же, прекратившая иностранный ввоз уже во многих местах юга России, ныне зимою и весною совершенно не получила вагонов, их не было.

Проезжая взад и вперед несколько раз по Курско-Харьковской дороге зимой и весной этого года, я видел на множестве станций громаднейшие склады мешков хлеба. Местами для них околотили сараи, но на множестве станций так они и лежали, едва прикрытые брезентами, и брезентов-то недоставало, и я сам видел мешки, где хлеб уже испортился от подмочки. Вагонов нет. Тут интерес самих железнодорожных властей требовал отправки, потому что за подмочку придется отсчитываться, но что же делать — вагонов нет. А недочеты дорог — казна уплатит.

Много больше мог бы я привести подобных данных, но ограничусь последним. Когда в апреле этого года, то есть во время цвета тюльпанов и среди ковра яркой зелени, а не во время гор снега, — я осматривал крестьянские копи той Зайцевской волости, о которой говорил уже в I главе поверенный от крестьян хутора Нелеповки, Гаврило Иванов Иваненко, подал чрез меня прошение о нужде в вагонах (от 3 апреля 1888 г.). В нем между прочим сказано: «От декабря месяца 1887 г. притесняют покупателей нашего угля, складчиков, неподачей вагонов на станции железной дороги. Это же притеснение отзывается убийственно на нас. Именно, если отправка не производится, то покупатели отказываются от покупки угля даже за низшую цену, вследствие чего выработки прекращаются, а мы все страдаем, первое от неурожаев вследствие неудобной почвы, и все наше упование было, как для питания себя, так и для уплаты государственных повинностей только от трудов нашего собственного выработка, с которого мы пользуемся как за уголь, так и

за извоз, а лишившись этого заработка, мы должны терпеть голод и накопить государственные недоимки. А потому обращаемся к вашему высокопревосходительству[1] покорнейше просить защитить нас от этих бед и сделать надлежащее распоряжение, чтобы нашим покупателям подавались вагоны наравне с другими шахтовладельцами, чтобы продолжать наше существование». Прошение это передано мною по назначению. К прошению приложена доверенность схода, обеспечивающая г-на Иваненко хлопотать о подаче вагонов. Все почти крестьянские выработки угля за это время были остановлены не потому, что пришло время сельских работ, а просто и прямо потому, что угля сбывать было нельзя. В верности этого я убедился, собрав справки на месте и на станциях. В апреле скупщики крестьянского угля, сложившие его на Петровской станции Донецкой дороги, должны были, к явному своему убытку, перевозить уголь на волах на станцию Азовской дороги, потому что здесь шло кое-какое назначение вагонов, а на Донецкой дороге вагонов не давали, не приплачивала?

Что же такое произошло с декабря 1887 г., после которого явилась эта формула «вагонов нет»? Отчего раньше формулы той не было слышно? И где выход к тому, чтобы вагоны были, а вместе с ними движение росло и русская промышленность не бедствовала, русская казна не приплачивала?

Снежные заносы — первая причина, но она далеко не главная, далеко не одна. Сам я сидел раза четыре в заносах, проходил их тотчас после расчистки, видел самую расчистку, и мне очевидно, во-первых, что с заносами бороться можно деятельнее, чем боролись, и этому доказательство налицо в том, что на некоторых дорогах (например на Николаевской, Московско-Курской, на Козлово-Воронежской и Воронежско-Ростовской) задержки от заносов короче, менее убыточны, а во-вторых, я убедился на месте в том, что после заносов, когда сбудут назойливых пассажиров на станции назначения, товарное движение не усиливают, а ведут по-прежнему, потихоньку да помаленьку. Возьмем цифры для уяснения особой важности как борьбы с заносами, так и необходимости после их устранения ускорением движения наверстывать потерю. Годовой приход Азовской дороги около $4^1/_2$ млн руб., то есть ежедневный средний около 12 000 руб., а в такое горячее для вывоза время, как ныне зимой, не менее 15 000, если все идет правильно. Таков прямой недочет дороги от каждого дня замедления, а дней около 15 — правильного движения не было. Так как, ускоряя ход поездов, можно легко наверстать такую задержку, то в ускорении расчистки заносов и хода поездов должно видеть простые средства к тому, чтобы заносы — для товарного движения — были в целом нечувстви-

[1] На прошении написано: «Его высокопревосходительству господину товарищу министра горного ведомства».

тельны. Притом заносятся не все места, а только особо к тому благоприятные. Все эти места наперечет у начальников движения, инспекторов и служащих на дороге. Здесь принимаются меры: обсаживают деревьями, но так близко, что холм заноса, образующийся на деревьях, своею подошвою заграждает дорогу. Ставят шпалы и особые щиты, но они действуют хорошо лишь там, где высоких многосаженных сугробов снега не происходит, а расчистка таких сугробных мест и держит все движение. Здесь бы следовало прямо ставить крытые ходы, легкие продольные крытые сараи, подобные тем, которые делают в горах, где падают лавины. Только там необходимы тяжелые, очень крепкие, могущие сдерживать давление и удар массы падающего снега. А здесь достаточны были бы легкие, даже временные, разборные сараи. Их цена окупится легко постоянством движения и сбережением не мелких расходов на срочную очистку высоких заносов. Следовало бы испытывать и механические паровые приспособления для очистки, а о них одно время поговорили, а теперь, кажется, и думать забыли.

Главная временная, с декабря, причина того, что вагонов не было или их было мало, состояла вовсе не в снежных скоплениях на железных дорогах, а в заносах вагонами передаточных станций. Хлеба прошлого года, сравнительно урожайного, а также и другие товары для заграничной отправки этого года с юга России находили выход только чрез Севастополь, порт которого не замерзает. А потому на Севастополь явилась масса грузов, а у Севастопольской дороги паровозы портились, чинить не успевали, двигаться скоро и даже исправно было нельзя, на передаточных станциях вагоны других дорог и скоплялись сотнями и тысячами, дожидаясь очереди замены их пустыми или груженными вагонами, идущими от Севастополя. В этом была главная причина временной задержки. Устранить ее было возможно только присылкою других временных паровозов с тех дорог, где за то время не было усиленного движения. Позже это было сделано по особому распоряжению властей. Вообще подобные задержки можно и должно устранять особым общим железнодорожным парком, настоятельная надобность в котором особенно очевидна на случай военной мобилизации, когда задержка в пути может стоить очень дорого целой стране, которая, однако, не меньше страдает от задержки ее промышленного и торгового движения, происходящей по причине того, что «вагонов не дают, вагонов нет». Мобилизация войск теперь всем понятна, есть для нее и особое ведомство. А кому близки дела мобилизации наших товаров?

Вот первые причины временные. Есть и были кое-какие и другие временные, мелкие, но не стоит о них говорить, особенно «чтобы гусей не раздразнить», и потому, что важнее всего, выставим на вид причины постоянные, долженствующие влиять тем сильнее, чем более железные дороги будут удовлетворять своему назначению — дать толчок промышленному движению России. Хоть вагонов и паровозов мало, но прежде

всего должно усилить движение тех, которые имеются, а то застои и простои хуже всяких заносов ведут к недостатку движения, а он — к убыткам казны и народа, в особенности его промышленности. Ныне товарные вагоны должны делать и делают в сутки путь в 125 верст. «На долгих» так езжали. Ямщик и лошадей выкормит, и сам выспится вдоволь на станциях. Для погрузки назначен суточный срок, для выгрузки тоже, для передачи с одной дороги на другую — тоже целые сутки простоя. Спешить нет надобности, казна недочет заплатит, она и сроки установила, паровозы целее будут и вагоны сохраннее. Вот это следует изменить и тем скорее, что это расхода потребует немного более, чем на рассылку циркулярного предписания. Если сроки все сократить в два раза, то это будет равносильно увеличению числа вагонов и паровозов вдвое. А мы видели выше, во II-ой главе, что при увеличении движения даже в полтора раза у дорог должен прекратиться недочет, даже при тарифе очень пониженном, таком, как мы предлагаем для угля. Паровозы, вагоны и рельсы оплачиваются своим ремонтом не по времени действия, а по количеству прошедших грузов, и при увеличении скорости движения скорее получится экономия в ремонте, чем лишние расходы. Доказательство этому налицо. Пассажирские вагоны ходят скорее товарных, а починки для них требуется не больше. Это видно прямо из отчетов железных дорог.

Поэтому, избегая дальнейших рассуждений, касающихся этого предмета, думаю, что было бы полезно, выгодно и даже настоятельно[1] надобно:

1) Чтобы суточный пробег товарных поездов определялся в 250—300 верст.

2) Чтобы для нагрузки и выгрузки назначался срок в 6 часов.

3) За промедление в нагрузке и выгрузке, производимых отправителем и получателем, надо назначить определенную однообразную часовую плату, а за сокращение срока в два раза определенную премию, чтобы по возможности ускорить операцию нагрузки и выгрузки и дать за то «на чай» рабочим. Так стоит во многих английских контрактах между пароходами и торговцами каменным углем. У нас это «на чай» должно действовать магически, если отлично действует даже в Англии. Наши крючники чай любят.

4) Для передачи вагонов с одной дороги на другую достаточно назначать наибольший 6-часовой срок днем и 18-ти часовой ночью.

Для убеждения в том, что значит или сколько стоит напрасный простой паровозов и вагонов, возьмем прямо их стоимость. Хороший товарный паровоз с 20 товарными вагонами стоит около 60 000 руб., а для простоты счета примем цену одинаковую — 30 тысяч за паровоз и 30 тысяч за 20 вагонов. Полагая 8, много 10% на погашение и интерес капитала,

[1] Большинство перемен этого рода с 1888 г. уже выполнено.

да часть времени на простой в починках, получим, что ежедневно паровоз обходится самым его существованием около 10 руб. и каждый вагон около 50 коп. Из этого ясно, что, полагая средним числом по 12 часов на нагрузку и выгрузку, необходимо взять за них около 50 коп. с вагона. За постановку вагонов на путь, за прислугу, производящую маневры при нагрузке и выгрузке, хотя бы ее саму производили отправитель и получатель, за взвешивание при отправке и поверке, за квитанцию и другие мелкие расходы станции достаточно взять 2 руб. 50 коп. с вагона, еще барыш должен получиться у взимающей дороги. Так составляется тот станционный сбор по 3 руб. с вагона, или по $^1/_2$ коп. с пуда, который был указан в прошлой главе.

Таким образом возможно, без нового расхода казны на новые лишние вагоны и паровозы, строящиеся ныне обыкновенно при содействии субсидий (заметить это очень важно), увеличить почти до двойного количества весь подвижной состав дорог. И этого уже будет достаточно на первое время для многих дорог, чтобы на них не являлось застоя товаров. Но временные стеснения если не от угля, то от других товаров, особенно от хлеба, все же могут являться. Для пособия необходим особый парк, из которого являлась бы в надлежащее время скорая помощь для временного усиления движения в данном направлении. Такой парк должен быть общим, следовательно казенным, и я думаю, что его можно устроить мало-помалу, без всякого расхода казны, как далее изложу. Самое существование такого парка и страх частных компаний, что к ним явятся казенные вагоны и паровозы, за которые придется платить суточные деньги, будет уже благодетельно действовать на аккуратность движения, чего и следует достичь ради цели безостановочного движения промышленности и увеличения дохода железных дорог.

Представьте себе, что у вас есть каменноугольные копи и вы затратили или решились в это дело затратить капитал, например 400—500 тысяч, рассчитывая добывать ежегодно по нескольку миллионов пудов угля, да получать от его продажи в Москве хоть около копейки барыша с пуда. На каждый миллион пудов это составит по 10 000 руб. дохода, а добыть вы можете на ваш капитал 5 млн, даже более пудов. Таково, и даже еще много выгоднее, положение современного нашего угольного дела. Но все ваши расчеты обрываются, если вывозки нет, если «вагонов нет», «вагонов не дают». Путь подле вас, уголь готов, затрата сделана, а вывозить нельзя; поэтому правильных расчетов, дешевых подрядов, словом, правильной торговли заводить нельзя; надо срывать барыш, не приходится довольствоваться малым, да верным. И если вы разочтете дело вполне, то охотно сами предложите свои вагоны и свои паровозы, лишь бы дали вам ручательство за то, что вывозка ими будет постоянною, безостановочною, и согласитесь охо́тно на поставку вагонов и паровозов, если за то получите уступку в тарифе, да такую, что она почти оплатит сделанный вами расход. Один паровоз с 20 вагонами, поднимающими 12 тыс. пудов угля,

стоящими (не более) 60 000 руб., свободно может, при той скорости оборота, которая принята ныне (125 верст в сутки), довезти в неделю груз угля на расстояние 500 верст, даже если на пути будет передаточная станция; следовательно при проектируемом ускорении движения поезд вернется в неделю обратно. Считая только 42 недели движения, все же 1 паровоз и 20 вагонов свезут в год на 500 верст полмиллиона [пуд] угля, следовательно, сделают годовой заработок в один конец в 250 млн пудо-верст, причем на них зарасходуется около 5 000 руб. в виде процента на капитал и его погашение. Поэтому на пуд угля, вывезенного на расстояние 500 верст, ляжет расход в виде 1 коп., на 1000 верст — 2 коп. и т. д., словом на пудо-версту около 0.002 коп. Весь этот расход принять на себя вам нельзя, невыгодно, но часть расхода вы, конечно, понесете охотно, лишь бы получить уверенность в аккуратности вывозки. А потому, если вам дадут по копейке с вагона (600 пудов) на версту уступки тарифа (это составит 0.00167 коп. на пудо-версту, или в год, на 250 млн пудо-верст, 4166 руб., или на 60 000 руб. почти по 7%), то вы можете решиться на затрату нового капитала (60 000 руб.), чтобы обеспечить остальной, положенный в угольное дело. Конечно, затраты ваши возрастут, но зато дело станет уверенным, солидным, каким ныне быть не может.

Но какая же будет выгода делать с тарифа скидку по 1 коп. с вагона или версты? Во-первых, та, что тариф в 0.010 и даже 0.008 коп. чуть ли не вдвое выше расходов дорог (около 0.005 коп.), а сбавка (0.00167 коп.) уменьшает его лишь на малую долю (на $16^2/_3$% при тарифе $^1/_{100}$ коп.), оставляя бо́льшим, чем стоимость перевозки, а всякое возрастание движения, как мы видели выше, доход дорог увеличивает. Во-вторых, дороги получат от поставленных им вагонов увеличение своего подвижного состава, и в этих вагонах даровыми паровозами повезут обратные грузы, что увеличит всю провозную способность и доходность дорог для всяких грузов. Не одни отправители угля и дороги получат выгоды от предлагаемого способа увеличения железнодорожного состава. Страна вся получит выгоду чрез увеличение промышленного развития, чрез уменьшение железнодорожных приплат, чрез образование из поставляемых вагонов дарового запасного парка и чрез возбуждение выделки многих паровозов и вагонов.

Предлагаемое можно формулировать в следующем виде: 1) углепромышленники (то есть шахтовладельцы или торговцы каменным углем) должны получить право ставить в казну от себя или целые поезда, состоящие из паровоза и 20 вагонов, или отдельные вагоны, приплачивая тогда на каждый вагон по 1500 руб. для устройства паровозов; 2) тип-

---

[1] Новые угольные вагоны следовало бы делать не на 600, а хоть на 800 пудов груза. Ныне, с развитием стального производства, это возможно — оси выдержат, легко доказать.

паровозов и вагонов для каждой поставки особо заранее должен быть установлен, и прием должен производиться по определенному заранее способу испытания; 3) вагоны и паровозы должны быть сделаны в России из русских материалов; 4) на каждый выставленный в казну вагон поставщик получает сбавку тарифа в продолжении N лет ежемесячно с M вагоно-верст пробега угля, отправляемого с заранее определенной станции; 5) сбавка тарифа определяется в 1 коп. с вагоно-версты пробега; [1] 6) поставщикам вагонов ежемесячно должно ставиться вне всякой очереди непременно то количество вагонов, которое приходится по числу им причитающихся пудо-верст отправки; 7) вагоны и паровозы, таким образом поступающие в пользование дорог, должны составлять особый, принадлежащий казне, запасный парк, которым, при своей надобности, государство распоряжается по произволу, не платя за пользование особого вознаграждения.[2]

Так как потребление угля осенью и зимой должно усиливаться, а в это время идут хлебные грузы и завалживают дороги, и так как выработка угля преимущественно усиливается также осенью и зимой, когда является масса свободных рабочих рук, то помимо обширных каменноугольных складов, составляющих фонд потребления, нельзя устранить тех явлений временного недостатка и вздорожания угля, которые в 1888 г стали особенно очевидными в Одессе, Харькове, Славянске, Севастополе и других больших городах, пользующихся донецким углем. Хотя операции громадных складов может быть ведена сама по себе с выгодою, конечно, на счет продажной цены угля, но мне кажется полезным на некоторый срок, например до 1895 г., поощрить образование угольных складов следующим способом. Углепромышленники (шахтовладельцы или торговцы углем), учредившие на железнодорожных станциях в определенных городах и на узловых станциях особые угольные склады, застрахованные в определенную сумму, должны получать от железных дорог кредит, под залог угля и страхового полиса, за весь тот уголь, который будет привезен в склады в течение марта—сентября (или в другие по назначению месяцы), с тем, что уплата кредита за провоз производится при отпуске угля и, во всяком случае, не позже 15 декабря того же года. Таким образом складчики будут иметь выгоду и возможность заготовлять уголь в такие месяцы, когда движение железных дорог наиболее слабо. Железные дороги, часто не имеющие целыми месяцами достаточного количества грузов, будут зарабатывать на увеличенном движении и не потеряют от такого кредита, а выиграют в своей доходности. Города же и вся страна

---

[1] Быть может, эту сбавку следует увеличить (сокращая срок сбавки) до 0.002 коп. с пудо-версты или сделать ее равной 20% тарифа. Это — подробность, дело в принципе.

[2] Прямо ставить свои вагоны на льготных основаниях — едва ли не следует распространить на некоторые другие грузы. Уж лучше, чем давать субсидии на устройство вагонов и паровозов.

обеспечатся углем, и получится привычка вести дело угольных складов. Городские и земские власти должны об этом хлопотать. Если бы сами железнодорожные компании завели подобные угольные склады, то не только получили бы в них регулятор своего движения (наполняли бы склады во время наиболее свободное и имели бы равномерное движение), но и приобрели бы выгоды несомненные, потому что могли бы организовать дело в широких размерах и чрез своих местных агентов. Операция угольных складов тем свойственнее железным дорогам, что главная часть цены угля приходится именно на долю железнодорожной перевозки. Но, конечно, такие склады только тогда можно считать особо желательными, когда все дело перевозки угля урегулируется точными законами и правилами, что даст возможность возникновения соперничеству, без которого железные дороги могли бы явиться монополистами каменноугольного дела в России. Вопрос угольных складов столь важен в деле дальнейшего промышленного развития России и сохранения оставшихся лесов, что тот принципиально презрительный отзыв о складчиках, как каких-то особых «эксплоататорах», который я слыхал не раз даже от железнодорожных эксплоататоров, показывает только малое понимание промышленности, еще господствующее в нашем общественном сознании. Угледобыватель, железнодорожник, скупщик, складчик, заводчик, землевладелец, арендатор земли, купец — всё посредники, выработанные жизнью, всё лица, кажущиеся только с глубины непонимания ненужными, лишними, напрасными. Эта заметка невольно приходит на мысль, когда приходится перейти к распределению вагонов, при котором о сравнении шахтовладельцев со складчиками многие не могут даже хладнокровно говорить, так им симпатичны первые и неприятны вторые. Вникая же в дело ближе, я не нашел различий и, не страшась обычных наших нареканий, прямо и твердо говорю, что шахтовладельцы, складчики и железнодорожники — все одинаково необходимы, но только те из них, которые свое дело ведут честно, аккуратно, а не спустя рукава, заслуживают почтения. А что они о выгодах думают, то это естественно и свойственно даже самым завзятым охотникам жить на готовую даровщинку, хотя оттенки меняются. Как в былое время местничество сильно вредило нашему развитию, так ныне много нам мешают эти новопридуманные категории деятельностей, настолько же необходимых для целого, насколько нужна для него и свободная речь, от этих пустых категорий свободная.

Дело распределения вагонов между разными лицами, желающими отправить в них уголь, становится весьма простым, когда для всех желающих достает средств перевозки. Но когда этого нет, начало распределения весьма важно и требует великого понимания как по отношению к лицам, распределение производящим, так и к правилам, по которым эти лица действуют, потому что иначе легко может явиться лицеприятие или, того хуже, пристрастие к каким-нибудь временным и местным категориям, а чрез то окажутся обездоленными одни и привилегированными

другие. Дело же промышленного развития, особенно у нас, только тогда может идти быстро и правильно, когда одинаковый путь открыт всем и промышленное соревнование возможно большому с малыми, мелкому, не капитальному, крестьянскому — с крупными, богатыми, влиятельными, словом, когда промышленные категории устранены. Для начала, я готов согласиться, они могут быть полезны, потому что начинатели заслуживают особой внимательности и составляют свою особую категорию; но в угольном деле на Донце начало уже сделано, у дела стоят уже не начинатели, те в большинстве случаев легли в дело своим достатком и энергией, теперь у него сидят почтенные практические деятели, воспользовавшиеся уроком начинателей, и им не след кого-нибудь отстранять от дел, они имеют без того перевес тех прав — современного владения и установившихся связей, которые дают уже сами по себе массу преимуществ.

Распределение вагонов (1888 г.) ведется на основании циркулярных распоряжений Министерства путей сообщения от 11 мая 1879 г., 3 сентября 1883 г. и др. Первее всего указывается на то, что «силы Курско-Харьковско-Азовской дороги оказались несостоятельными для перевозки предлагавшегося ей минерального топлива», а потому, «признавая крайне желательным предоставить полную свободу спроса и предложения на уголь», определено полезным подчинить перевозку каменных углей ежемесячному распределению подвижного состава, которое будет производиться «комиссиею выборных от углепромышленников», согласно «инструкции выборным». Эта инструкция, мало изменившаяся в течение своего действия, выражена затем правилами 3 июля 1882 г., а потом циркуляром 3 сентября 1883 г. за № 7334. Правила эти относятся к вывозу при посредстве дорог Азовской и Донецкой, а ныне и Екатерининской. По ним к 20 числу каждого месяца от копевладельцев и складчиков подаются заявления о размерах желаемой отправки. Скопив их, председатель комиссии выборных должен сопоставить их с заявлениями главных потребителей о запасах угля в их складах и с заявлением представителей железных дорог о числе вагонов, которые могут быть выставлены в предстоящем месяце. Надо заметить, что заявление о запасах угля на практике не получается, потому что запасов почти не делают, а это очень важно и глубоко изменяет весь смысл распределения. Определив перевозочные средства, комиссия выборных распределяет их (по § 4) на следующих основаниях, которые приводим в подлиннике:

«а) копям и складам, поставляющим минеральное топливо потребителям, подлежащим обязательному удовлетворению, назначаются сполна такие перевозочные средства, которыми возможно обеспечить: а) железным дорогам — установленные для них нормы зимнего и летнего запасов топлива, б) остальным привилегированным потребителям — безостановочное действие их производств;

«б) копям и складам, запродавшим минеральное топливо прочим потребителям, назначаются остальные перевозочные средства, каковые,

вместе с первыми (пункт а), не должны превосходить общих перевозок минерального топлива, определенных для Курско-Харьково-Азовской, и частных перевозок того же топлива, отделенных Козлово-Воронежско-Ростовскою дорогою на удовлетворение донецких грузов;

«в) при распределении перевозочных средств, упомянутых в пункте б, принимается во внимание состояние запродаж и запасов на станциях и копях, производительность копей и наблюдается, чтобы отправители, снабжающие привилегированных потребителей, удовлетворялись по остальным своим частным отправкам тогда, когда все остальные отправители получат соответствующее первым отправителям число вагонов».[1]

Привилегированные потребители поименованы в порядке удовлетворения их требований и с количеством спроса в циркуляре 11 мая 1879 г. так:

	Т. пудов каменного угля
Железные дороги в год	19800 000
Управление черноморских портов	600 000
Газовые заводы Харькова, Таганрога и Ростова	700 000
Днепровское пароходство	600 000
Тульский и Бежицкий заводы	300 000
Сахарные заводы Сумского уезда	2275 000
Сахарные заводы Харьковской и Курской губ.	1400 000
Промышленные и общественные заведения Харькова и других городов	1122 000
Сахарные заводы Фастовского района	2650 000

Они, сказано в циркуляре, «подлежат преимущественному полному удовлетворению». Остальное частное потребление «должно быть единовременно удовлетворяемо, но может быть, в случае недостаточности средств перевозки, временно сокращаемо». Над этим стоит желание, от того же числа высказанное, полной свободы спроса и предложения на уголь. А выходят категории спроса. Вышли и категории предложения, хотя они произошли больше по какому-то недоразумению, но их так истолковали, что выходят неудобства. Выше мы видели, что правила министерства (пункт а и выноска) говорят о копях и складах одинаково, хотя в выноске и требуется зачислять вагоны складчиков за счет копей, из которых получен уголь. Съезды горнопромышленников (а съезды проектируют, ходатайствуют и поясняют правила) разъяснили это, и вот от комиссии выборных шлются циркуляры, представляющие дело немного иначе. Привожу для примера циркуляр от 26 августа 1886 г. за № 428:

[1] «Лица, купившие минеральное топливо на копях, пользуются правом отправки, согласно пунктам а, б и в § 4, причем подаваемые им вагоны зачисляются в очередь тех копей, на коих уголь ими куплен».

Гг. СКЛАДЧИКАМ МИНЕРАЛЬНОГО ТОПЛИВА, НЕ ИМЕЮЩИМ СОБСТВЕННЫХ ИМИ АРЕНДОВАННЫХ КОПЕЙ

Комиссия выборных, в подтверждение циркуляра своего от 28 марта, № 159, настоящим заявлением своим вновь имеет честь покорнейше просить вас, милостивый государь, при ежемесячном требовании вашем вагонов под погрузку угля — доставлять ей засвидетельствованные владельцами копей удостоверения о пробретении вами угля с данной копи. Не получая при ваших требованиях таких удостоверений, Комиссия выборных лишена будет возможности удовлетворить ваши требования на подачу вагонов.

Председатель Комиссии выборных *А. Мевиус.*

Так родились категории складчиков и шахтовладельцев; жизнь обострила эти отношения, посыпались с обеих сторон нареканья, но входить в них не стоит, потому что все дело распределения при категориях и, однако, при полной, в принципе, свободе спроса и предложения оказывается только тогда удобным и годным, когда есть избыток вагонов, то есть когда никаких правил распределения не требуется и все становится действительной полной свободой спроса и предложения.

Все дело здесь в отсутствии твердого начала, не то что временно полезного, а справедливого, допускающего беспристрастие и возможность всем и каждому воспользоваться выгодами добычи угля и продажи его на рынках России. Какое дело железной дороге до того, в какой копи добыт уголь, кто и куда его везет, состоит ли отправитель на жалованье у шахтовладельца или сам рискует торговать углем. Ведь паспорта у угля нет, и железным дорогам до него дела нет. Дело горных чинов проверять добычу, а у железных дорог дело возить уголь. До 1879 г. вагоны под уголь распределяли начальники станций. Тут нельзя ждать беспристрастия, не от одной возможности прямого лицеприятия, а просто потому, что следует кому-либо уравнять станции друг с другом. Распределяющая власть необходима, но еще нужнее дать ей в руки твердые начала. Не желая удлинять мелочами изложение, а желая как можно более подойти к господствующим ныне приемам и, однако, соблюсти возможную справедливость, я предлагаю принять за начало распределения годовую производительность копей, заявленную ее владельцами, а для копей крестьянских — сельским и волостным сходом, причем местное потребление следует исключить. Заявки эти в своей справедливости могут быть проверяемы как прошлою деятельностью копей, так и их современным состоянием, то есть местным контролем, для возможности которого у съездов есть средства, собираемые с того же угля, по 15 коп. с вагона при его отправке.[1]

[1] Средства эти немаленькие. Каждый миллион пудов даст 250 руб., а число их доходит до 100, а может превзойти скоро и 400. Этот сбор правилен, разумен и достоин подражания. На него содержатся съезды,

Для добычи надо многое сделать, и легко узнать, сколько угля в год может дать каждая шахта. Она, конечно, может дать меньшее количество, но ведь и при всяком роде заявления может быть дано вместо заявленного нулевое количество. Узнав годовую производительность шахт, имеющееся число вагонов следует ежемесячно или в какой другой срок распределять пропорционально этой производительности и раздавать право на вагоны по этой пропорции, не спрашивая, сам ли владелец или какой скупщик, или складчик, или прямо сам потребитель в момент отправки владеет углем. Покупатель угля купит вместе с ним и право на вагоны для вывозки. Если на этот срок у копевладельца нет отправки, потому ли что весь уголь продан или нет покупателя, или самый уголь не добыт, он может свое право уступить другому своему соседу или просто тому, кто не получит достаточного числа вагонов, а на другой срок от тех же лиц или у других приобретает право на вагоны. Конечно, заведется торговля правом на вагоны, но барышей от нее быть не может, потому что проверка производительности и отправки всегда возможна, а потому эта торговля может иметь значение только простой мены сроков. Можно эту мену сроков производить и прямо чрез комиссию, которая распределяет вагоны, хотя это сложнее. Во всяком случае, право отказа от назначенных вагонов, за срок нескольких дней, должно быть дано владельцам этих прав, равно как и право просить временной добавки из тех излишков, которые образуются от отказов. Категорий тогда никаких между отправителями не будет, уничтожатся они и между покупателями. Чтобы показать пользу этого последнего, достаточно взглянуть на то, что и без всяких особых привилегий железные дороги, как учреждения полуказенные и как крупнейшие потребители, станут на первом плане у продавцов. Я бы даже считал справедливым поставить железные дороги на последнем месте в лестнице потребителей, потому что они обязаны удовлетворить страну с ее потребностями и для себя должны все же успевать свезти надобное количество угля, а главное, они-то могут иметь запасы, склады, пополнять которые должны во время, наиболее свободное от перевозки угля. Частные потребители поставлены теперь ниже всех, а я бы считал полезным поставить их выше всех, если бы сочинял бесполезную лестницу потребителей. Словом, категории потребителей, по моему мнению, следует совершенно оставить, так как возрастание пропускной способности дорог и их движения составляет первое условие их доходности, и все меры должно направить именно к тому, чтобы всякому потребителю уголь достался в желаемом количестве.

Если количество железнодорожных вагонов возрастет в той мере, какая возможна, то есть если исчезнут фразы «нет вагонов», «вагонов не

временная комиссия, фонд для увечных рабочих, печатаются отчеты, получается деловая статистика; следовало бы издавать полезные делу книги, назначать премии, делать выставки и т. п. Польза съездов и ими установленных маленьких обложений для меня очевидна.

дают», то дело распределяющей комиссии будет сравнительно легко. Но все же она необходима. По моему мнению, ее состав следует образовать так, чтобы во главе стоял, хоть номинально, хоть на случай вящих трудностей, один из высших представителей власти, например начальник губернии или, лучше, инспектор промышленности. Ему помощником и заместителем полезнее всего назначить одного из правительственных инспекторов железных дорог, как лицо, хорошо осведомленное о провозоспособности дорог. Затем в комиссии должны быть два лица Горного ведомства именно для того, чтобы их специальные сведения могли служить для убеждения в правильности показаний, относящихся к производительности копей. Сверх этих официальных лиц, в комиссии непременно должно быть не менее трех выборных от горнопромышленных съездов. Они будут главными работниками комиссии, и из числа их двое должны быть избраны от углепромышленников, а третье лицо — от других отправителей ископаемых, каковы соль, руды, гипс, камни и т. п. Они должны также иметь своего представителя для защиты их интересов. Комиссия подобного состава будет сильнее современной и много может влиять на исправность железнодорожной отправки. В ней самой представители железных дорог должны давать свои заявления о числе вагонов, могущих быть в данный срок поставленными для вывоза ископаемых Донецкого края. И я думаю, что было бы особенно важно образовать одну общую комиссию для целого этого края, для его восточной и западной частей, потому что единство здесь существует в природе дела и Воронежско-Ростовская дорога также может принять массу угля, идущего на север, как и Курско-Азовская. Объединение усилий здесь особенно важно для того, чтобы от мелких подробностей даже самого распределения вагонов не явилось новых крупных разноречий и задержки в охоте добывать уголь, рисковать его торговлей, бороться с господствующим лесоистреблением. Сперва были, может быть, надобны категории, но начало, благодаря усилиям правительства и пионеров, уже сделано, теперь необходим простор общий, одинаковый для всех. Притом влияние и значение комиссии выиграет, если она будет одна и все дело вывозки угля ей будет прямо и точно известно. Контролируя железнодорожное движение — ради умножения вывоза угля, такая комиссия поможет государственным доходам, развитию промышленности и привычке народа к углю, хотя и будет преследовать цели личных выгод отправителей. Только тот порядок и можно считать твердым и разумным, при котором примиряются интересы общие с личными, государственные с частными, железнодорожные с промышленными. Возможность этого существует во всем, везде, да только ее ищут вяло и мало, потому что классическая, ложная мысль о противоречии общего с личным еще господствует. Но близко другое, лучшее время, когда увидят, что общее можно согласить с частным, общественное с личным, государственное с промышленным. И донецкие черные гиганты, еще спящие, поднимутся для того, чтобы приблизить его наступление.

IV. Донец как путь для вывоза каменного угля

Только шесть железнодорожных веток могут вывозить каменный уголь из Донецкого края. Три пути идут на юг: Воронежско-Ростовская — к Ростову, а отсюда к морю и на Кавказ, Азовская дорога — к Таганрогу и Константиновская дорога — к Мариуполю. Два железных пути могут служить для вывоза на север: Азовская дорога — чрез Харьков и Ростовская — на Воронеж. Да на запад можно вывозить донецкий уголь по Екатерининской дороге — на Екатеринослав. Эти дороги одноколейные. Если паровозов, вагонов, угля, расчетливости и усердия будет довольно, то можно ежедневно отправлять в одну сторону до 10 угольных поездов; больше едва ли мыслимо при пассажирском движении и при существовании других грузов. Сочтем в поезде не 12 или 15 тыс. пудов угля, как считали ранее, а допустим 20 тыс. пудов груза. Все же каждый путь вывезет в год не более 75 млн пудов угля, следовательно, весь вывоз угля по существующим дорогам не может превосходить 450 млн пудов в год. Это мало не только для богатств края, но и для потребностей России, не говоря о заграничном вывозе. В действительности вывозить можно много меньше, и я не знаю ни одной в мире железной дороги, которая вывозила бы в одну сторону ежегодно более 60 млн пудов угля или другого однородного товара.[1]

Поэтому, кроме усиления движения на существующих дорогах, необходимы еще иные, новые пути для вывоза донецкого угля. Эти пути не должно смешивать с так называемыми подъездными, или подвозными путями, назначаемыми для данного промысла или для нескольких соседних и везущими уголь или другие большие товары от копей к ближайшему общему пути, например к морю, к реке, каналу или, чаще всего, к общей сети железных дорог. Дело устройства подъездных путей уже началось в Донецком крае; там уже ныне, сколько мне помнится, есть до 20 подъездных путей,[2] по нескольким из них я сам ездил. Эти пути —

[1] Судя по «Отчету Комиссии выборных 12-му съезду горнопромышленников юга России» (1887) с 1 сентября 1886 г. по 1 сентября 1887 г. на станции Азовской дороги (на юг и на север от Донецкого бассейна) отправлено 31 384 вагона каменного угля. На станции Московско-Курской — 13 081 вагон, Харьково-Николаевской — 20 615 вагонов, Курско-Киевской — 2344, Московско-Рязанской — 2268, Московско-Брестской — 1504 вагона каменного угля. Все эти отправки и часть других прошли чрез Курско-Харьково-Азовскую дорогу. В сумме она вывезла в этот год, вероятно, около 80 тыс. вагонов угля, или около 50 млн пудов угля. Но эти отправки шли в оба конца, на север и на юг. Впрочем, большинство отправок шло на север. Если бы вывоз к югу и к северу доходил до возможной или достижимой нормы 50 млн пудов в год, то перевозка угля Азовскою дорогою возросла бы в два раза противу современной.

[2] 12 из них я поименую: 1) от станции Ясиноватой к Макеевским копям г-на Иловайского и оттуда к станции Харцизской, 22 версты; 2) от станции Юзово к копям и заводу г-на Юза, 8 верст; 3) от станции Рудничной к копям Французского горнопромышленного общества, общее про-

дело частное, назначаются для личного употребления, строятся личными средствами. Числа им нет в такой стране, как Англия. Они, без сомнения, станут развиваться и у нас, и им следует, ввиду всенародного значения угля, всемерно покровительствовать. Закон 14 апреля 1887 г. о подъездных путях это дело урегулировал, хотя и сделал процедуру разрешения чересчур сложной и длинной, поставил ее в сильную зависимость от доброй воли соседей и администраторов, которые могут руководиться узкими соображениями, совершенно не приложимыми к углю. Следовало бы упростить дело именно в пользу подъездных дорог для каменных углей, чтобы охота и расчет их постройки ничем бы внешним не ограничивались, потому что здесь частный интерес производителей совпадает с общим народным, и если он противоречит личным соображениям соседей, то это именно указывает на пользу новых питательных путей, потому что они соревнование поддерживают, массу углей увеличивают и цену их спускают.

Не одни такие специально угольные подъездные пути необходимы, хотя часть их, а именно те, которые пойдут от южных угольных копей Донецкого края к морю,[1] будут увеличивать общий вывоз края. Необхо-

---

тяжение веток 8 верст; 4) в Кураховку дорога, 24 версты, заброшена; 5) от Никитовки ветка в 2 версты к копи Южно-Русского общества (г-на Полякова); 6) от станции Изюм к шахтам гг. Завадского и Лемешевского и к шахтам Алексеевского общества (г-на Алчевского), около 13 верст; 7) от станции Деконовка к Брянцевской соляной копи, 2 версты; 8, 9 и 10) три подъездных ветки в Грушевке к копям общества Русского пароходства и торговли г-на Кошкина и Английского общества; 11) от станции Мануиловки узкоколейная дорога кн. Долгоруковой — закрыта и 12) проволочная железная дорога от Голубовки, около 5 верст. Остальные пути я точно не помню, а потому не перечисляю.

[1] Длина такого пути будет около 100 верст, если за исходные точки взять, с одной стороны, самые южные пункты угольных месторождений, а с другой — берег моря, например между Мариуполем и Таганрогом. Допустим, что соглашение существует между несколькими шахтовладельцами самой южной окраины Донецкого бассейна и что вывоз чрез существующие дороги невозможен для того количества угля, которое эти владельцы добыть могут, например 60—80 млн пудов в год. Необходимо будет строить свою дорогу к морю. При длине в 100 верст, с пристанью, стоимость может быть доведена до 3 млн руб., много что 4 млн руб. Стоимость самого провоза, конечно, будет с пуда не выше 1 коп., а процент на капитал с погашением едва достигнет $^1/_2$ коп. на пуд. Поэтому доставка по своей дороге обойдется не дороже тарифа в $^1/_{125}$ коп. А уверенность родится полная, дело можно сделать отчетливым, верным, не зависящим от всяких случайностей общего железнодорожного движения. Поэтому я утверждаю, что к морю станут строить свои специальные подъездные пути сами углепромышленники, когда дело торговли донецкими углями разовьется до своей должной нормы. Расчет привожу, считая, что продавать станут уголь в Константинополе и по берегам Черного моря по 12 коп. за пуд, а за провоз по морю заплатят по 4 коп., что более чем нужно для регулярной, столь большой отправки. Уголь на

димы кроме них общие длинные пути, по которым могла бы увеличиваться вывозка угля как к морю, так и внутрь России. Укажу, для примера, на два пути, которые мне кажутся особо настоятельными. Один путь должен начинаться где-то около Кальмиусо-Богодуховской местности с металлургическими углями, указанными в I главе, и должен проходить чрез Корсак-Могилу, то есть чрез залежи лучших южно-русских железных руд, а окончание ему должно быть не только в Бердянске или Ногайске, то есть в порте Азовского моря, но и на одной из станций Севастопольской дороги, чтобы вывоз к Севастопольскому незамерзающему порту из Донецкого края был наиболее краток и обеспечен и чтобы металлургические угли с рудами Корсак-Могилы послужили основою обширного развития выделки у нас чугуна, железа и стали. Мы можем эти товары производить дешевле кого бы то ни было в мире и должны их отправлять в массах не только в Азию, но и в Западную Европу, где уголь и руды дороже и хуже. Путь этот будет всего длиною около 300 верст. Он когда-нибудь да построится,[1] и, очевидно, должен быть не специально угольным, частным, а общим, потому что его важное народнопромышленное значение сомнению не подлежит. Подобный же общий путь необходим и на север в направлении примерно от Лисичанска или Луганска, как таких местностей Донецкого края, от которых на юг лежат угольные копи, а на север выхода нет никакого. Тут мало соединительной ветки, вроде той, которую хотели вести от Луганска на Миллерово, потому что по ней уголь пришел бы на ту же Воронежско-Ростовскую дорогу, а она и без того должна быть переполнена углем, когда настанет промышленная эпоха России. Эта северная дорога едва ли не нужнее много раз обсуждавшейся восточной, начинающейся от Зверевской станции и долженствующей упираться в Волгу, потому что на Волге существует «жидкий уголь» в виде нефтяных остатков и на нее когда-нибудь придут уральские угли. При этом эта северная дорога, подобно проектированной Пензо-Лозовской, пройдет по плодоносным, густо населенным местам. От Лисичанска, например, до Ельца около 400 верст, и, следовательно, цена этой дороги

копях обойдется, как разочтено ранее, не выше 4 коп., провоз к морю менее 2 коп. (не забудьте, что эти цены с погашением затраченных капиталов), по морю 4 коп. В сумме 10 коп., следовательно, 2 коп. с пуда будет барыш чистый. А при 75 млн пудов годовой добычи ведь это составит $1^1/_2$ млн чистого барыша в год, сверх процентов и погашения капитала. Денег, со своей железной дорогой, со своими копями, даже со своими пароходами едва ли потребуется на такое дело более 7, много 8 млн руб. Процентов 20 на чистоту дело даст, и оно будет верным, капитальным предприятием. Масса таких дел на Руси. Капиталы найдутся, да дельцов мало. У нас этих дельцов поедом изводят, ничего им, кроме осуды, не достается. От этого их нет. А без них крупные дела нигде не делаются.

[1] По Кальмиусо-Богодуховской области в 1889 г. уже устроен путь, соединяющийся с Донецкою дорогою.

вместе с указанною южною дорогою будет не меньше (общая длина двух дорог около 700 верст) 30 млн руб., а то и много больше, если станут строить их путем концессий или с излишним комфортом казенных дорог. Вот при таком-то соображении о стоимости необходимых новых дорог ясно выступает великое значение водных путей, которыми можно вывозить уголь, потому что если реки для этого имеются, то превращение их в судоходные, во всяком случае, стоит дешевле проведения новых больших железных дорог или новых каналов.

В наше время, особенно у нас, железные дороги с их порядками и беспорядками настолько привлекли к себе общее внимание, что о всяких других способах передвижения товаров чуть совершенно не забыли. Притом у нас, как и всюду, есть несомненные случаи успешного соперничества железных дорог с перевозкою грузов по рекам.[1] Причиною этого служит та полная организация, которая придана железнодорожным делам, и та отсталость и бесформенность, которая еще господствует в деле речных перевозок, если они предоставлены мелким личным усилиям частных предпринимателей. Железная дорога может с выгодою возить товары по $^1/_{100}$ коп. с пуда и версты, идет почти прямо и смотрит на множество товаров, как на добавочные грузы, потому что создается и снабжается всякими средствами ради некоторых особых целей. По многоводным рекам, подобным Волге, возят товары с выгодою даже по $^1/_{300}$ коп. с пуда и версты, а при готовых организованных предприятиях даже по $^1/_{500}$ коп. Если же реки неглубоки, то есть не могут нести глубоко сидящих барок, если организация правильной перевозки по таким рекам не устроилась, если необходимы усилия отдельных частных лиц и им ни в чем не помогают, то водяная перевозка обходится столько же дорого (более $^1/_{200}$ коп. с пудо-версты), как и железнодорожная. Поэтому ныне идут споры о преимуществах этих двух способов перевозки товаров. Здесь неуместно входить в интересы этих диспутов, но достаточно припомнить, что всюду рядом с железнодорожным движением, иногда даже совершенно параллельно, происходит перевозка многих грузных товаров, особенно угля и руд, по рекам и нарочно созидаемым каналам. В Англии, Бельгии и Франции, не говоря о Голландии, всякий лично в этом легко убедится, если обратит внимание на движение тех грузов, которые спрашиваются промышленными предприятиями. Достаточно этого факта и немногих других общих соображений, чтобы убедиться в великом значении для развитой промышленности товарного движения даже по маловодным рекам и каналам. Для хлеба и вообще для продуктов земледелия можно довольствоваться железными и грунтовыми дорогами, но для таких громадных и дешевых грузов, как, например, особые роды глин, руды, соль и каменный уголь, надобность и польза водных путей не подлежит никакому

---

[1] Забывать не должно, что есть случаи обратные, и они гораздо многочисленнее.

сомнению уже потому, что силы железных дорог ограничены и не могут удовлетворить возрастающему в промышленных странах требованию на вышеупомянутые ископаемые. Особое и важнейшее значение имеет в этом отношении каменный уголь, как основной двигатель современной промышленности. Поэтому, обсудив отношение донецкого угля к железным дорогам, необходимо уяснить отношение его к водным путям сообщения. В этой главе займемся речными путями, а в следующей морским путем для отправки донецких углей.

На западной границе Донецкая каменноугольная область касается Днепровского бассейна. Река Самара, впадающая в Днепр недалеко от Екатеринослава, могла бы при правильном уходе, конечно с затратою капитала на регулирование или шлюзование, принять немалую долю угля с западных окраин области для подъема по Днепру и его притокам, особенно по Десне, к самому центру России, к Киеву, Смоленску, Брянску. На пути много железных дорог, и они тогда могли бы развозить этот донецкий уголь в места потребления. Но я не стану останавливаться на перевозке угля по днепровской системе особенно потому, что западная окраина Донецкой угольной области снабжена сравнительно изобильно железными дорогами и до Днепра или даже до Самары придется здесь строить подъездные пути довольно значительной длины.

Иное дело Дон и особенно Донец. С севера и востока каменноугольная область окружена Донцом, уголь находится на восточном (левом) берегу Донца. Весь угольный край изрезан притоками этой реки. Оттого она и дала свое название всему каменноугольному бассейну. А Донец, или, как его называют в географиях, Северный Донец, впадает в Дон, по которому еще Петр Великий сплавлял свои корабли к морю, тут ход пароходам, подъем возможен почти до Ельца,[1] и, следовательно, чрез Донец есть возможность попасть углю водным путем в центр России. Вот путь углю к северу и здесь же ему новый выход на юг, в Азовское море, которое можно рассматривать, как широкое устье Дона.

Донской бассейн хотя и много меньше Волжского или Днепровского, но все же громаден. По прямому пути от Таганрога при устьях Дона до Ельца или, точнее, до станции Дон Орловско-Грязской железной дороги

---

[1] Елецкий предводитель дворянства г. Бихтеев поднялся в августе 1888 г. с баржею от Ростова почти до Ельца, или до станции Дон Орловско-Грязской железной дороги. Пароход «Надежда» для этого дела дали братья Дубровины, что в Ростове. Длина парохода 126 футов, ширина 28 футов, осадка 2 фута, 26 номинальных сил. Баржа шла с осадкою 10 вершков, угля на ней было взято 6000 пудов. Около Тюнина, выше Задонска, перекат 8 вершков, его просто разгребли лопатами, стоило 25 руб. Вверх от Ростова прошли всего 1650 верст в 375 часов. Лоцман Орлов. По словам гг. Дубровиных, пароход попорчен в этом опыте и прямо пошел в починку. В 1888 г., если не ошибаюсь, приступили к обстановке верховьев Дона знаками и частью к регулированию реки, хотя для этого отпущены малые средства.

расстояние около 600 верст, по дорогам или по реке, конечно, много более, а от Ельца до Москвы прямое расстояние около 300 верст. Следовательно, почти две трети пути до Москвы уголь может плыть по воде. Знаю, что тут необходимы затраты не только частных предпринимателей, но и казенные — для регулирования Донца и «тихого» Дона, так как путь даже от Ростова до Калача сопряжен с препятствиями и задержками от мелей и перекатов. Но, однако, не такие реки, как Дон или даже Донец, а несравненно менее пригодные, вроде Шельды или Роны, Сены или Гаронны, сделали же судоходными, и расходов для этого надо не десятки миллионов рублей сразу, как для железных дорог, а всего сотни тысяч, на несколько лет. Знаю, что не в моде ныне у нас водяные пути. Знаю, что железные дороги успешно соперничают с водяными дорогами Знаю, что на зимнее время потребуется при сплаве угля водою позаботиться о складах, а к ним не привыкли у нас, и они потребуют[1] новых капиталов. Знаю, что доставка по извилистой реке, не обильной водою, не может быть особо дешевою; знаю, что знатоков водного дела у нас мало, чтобы сделать дело регулирования рек как следует. Знаю это, а все же считаю водный путь по Донцу, а потом по Дону тем естественным путем сбыта донецких углей, который должно устроить ранее, чем какую-нибудь новую железную дорогу или какую-нибудь иную водную систему, не только потому, что на Донце лежит уголь, а он России теперь надобен, как хлеб, но еще потому, что водяной путь примет много угля, теперь лежащего втуне, вообще вызовет самодеятельность, еще и потому, что на водяной путь концессий не дадут, и он может быть совершенно устроен на деньги сравнительно малые и притом постепенно. Наконец, потому я убежден в настоятельной надобности устройства именно этого водного донецкого пути, что он будет свободнее всякой железной дороги и только с ним и чрез него начнется настоящее народное угольное дело, не будет оно окружено и запутано всеми теми трудностями, какими сопровождается его отношение к железным дорогам. Тут очередей не заведешь — разве на шлюзах, привилегий не придумают, тут предприимчивость, практическая сноровка, исправность и добросовестность больше будут значить для успеха, чем те приемы, которые господствуют на железных дорогах, благодаря их полуказенным, полумонопольным порядкам.

Но войдем в некоторые подробности, чтобы лучше разобраться, и притом ограничимся одним Донцом, так как Дон все же известнее Донца и на Дону все же и ныне есть уже водяное движение: ходят пароходы, баржи, плоты. Притом с Донцом я познакомился больше и лично, и по архивным документам, и по расспросам.

Вся длина Донца больше, чем Вислы или Западной Двины, чуть ли не такая же, как Рейна, около 1000 верст. Величина Донецкого бассейна

---

[1] Необходимы в складах и те гидравлические приспособления для нагрузки и выгрузки угля, которые сильно удешевляют это дело.

около 62 000 кв. верст, то есть такая же почти, как у Сены и Роны. Ширина Донца в летнее, меженное время очень неодинакова в разных местах. Для местностей, лежащих ниже Лисичанска, привожу ширину реки, по данным Горного луганского управления. «Средняя ширина Донца может быть принята в 30 или 35 саж., но местами, особенно ниже впадения Луганки и Калитвы, достигает 50, 70 и даже 100 саж.; местами же, напротив того, она суживается между скалами до 7 и 10 саж. Таких мест, однако, не более шести». Глубина часто в $1^1/_2$ саж., местами становится еще большею (до 7 саж.), а местами уменьшается до образования перекатов и мелей. Среднюю глубину можно принять в 2 аршина, а до $1^1/_2$ аршин глубину, вероятно, можно будет легко довести на самых мелких местах, если течение где следует сузить, перекаты очистить землечерпательными машинами и боковыми каменными насыпями, а воду с верховьев спускать, когда надо, пользуясь теми «лиманами» или озерами, которые в огромном количестве находятся около левого берега реки и наполняются весеннею водою, а уровень летом имеют выше Донца. Его течение каждую весну меняется по широкой долине левого берега, и только в скалах ниже Каменской станицы, где Донец течет среди твердых пород каменноугольной эпохи, положение реки строго определяется вымытым руслом, всюду покрытым легким наносным песком и илом. Идет Донец с севера из Курской губернии, протекает (мимо городов Белгорода, Волчанска, Чугуева и Змиева) посредине Харьковской, составляет потом границу между нею и Екатеринославскою губерниею и входит, наконец, в Землю Донских казаков, где и впадает двумя руслами в Дон около Золотовской станицы. По прямой линии от истока до устьев около 500 верст, и общее направление течения — с северо-запада на юго-восток. Излучины, кривизны местами значительны, но если путь по реке только в два раза более прямого, значит в целом они невелики. Это не канал, но сделают из него когда-нибудь каналообразную речную дорогу, потому что множество излучин, особенно в низовьях, чуть не ежегодно после разливов меняет русло, и искусственными сооружениями легко направить эту работу природы на то, чтобы год от году прямизна возрастала. Общий изгиб Донца и его течение отвечают форме того Донецкого кряжа, который определяет явно форму рельефа Донецкого бассейна. Множество рек впадает в Донец, и многие из них могут доставить возможность, хотя бы только весною или при искусственных сооружениях, сплава по ним грузов в Донец. Идя снизу и доходя только до Изюма, наиболее крупные реки, вливающиеся в Донец, суть следующие:

Справа (верст 15 выше устья) впадает река Кундрючья; она течет почти с запада, длина более 100 верст; по ее берегам залегают почти сплошь антрациты и полуантрациты. Протекает около Сулина, где завод г-на Пастухова, на Воронежско-Ростовской дороге.

Слева (около 40 верст выше устья) впадает в Донец р. Быстрая, текущая с севера, и на ее берегах, по крайней мере на десятки верст

снизу известны залежи угля. Но они не добываются — путей сбыта нет.

Справа вливается р. Лихая, текущая от станции Зверево с запада; и на ее берегах знают залежи угля. Часть их, лежащая около железной дороги, добывается.

Слева (немного далее устьев Лихой, верстах в 70 от устья Донца) впадает в севера река Калитва; это опять река длиною более 100 верст, и опять на всем нижнем течении здесь угли известны и даже частью добывались.

Между Каменской и Гундеровской станицами справа Глубокая, а слева впадают в Донец небольшие, но углем богатые реки Малая и Большая Каменка.

С севера, то есть на левом берегу Донца, впадает Деркул, на нем уголь не известен. Здесь угольная почва прикрыта новейшими образованиями, но я думаю, что здесь следует искать уголь.

С юга и юго-запада, то есть чрез левый берег Донца, вливаются Луганчик и Лугань, в системе которых идет добыча курных углей, хотя в низовьях, около самого Донца, добычи нет, потому что здесь каменноугольные пласты прикрыты меловыми, образующими такой выступ, что течение Лугани почти параллельно течению Донца. Такая река, как Лугань, сама может служить для сплава. На ней лежит известный казенный литейный Луганский завод, действие которого ныне прекращено.

Слева, почти прямо с севера, впадает затем в Донец значительная речка Айдар, текущая по хлебородному Старобельскому уезду Харьковской губернии.

Справа, чрез Славянск, впадает река Торец, а ранее Бахмут, на верховьях которых находятся западные угольные копи, расположенные на том седлообразном возвышении, где лежит Зайцевская волость, описанная в I главе. На низовьях уже пермские отложения, где соль, а в верховьях начинаются уже притоки реки Самары, то есть Днепровского бассейна.

Еще далее на северо-запад слева впадает в Донец ниже Изюма и выше Святых Гор значительнейший приток Донца — река Оскол. Его длина около 400 верст. С него начинает Донец быть рекою очень пригодною для судоходства, хотя и выше Изюма реку эту можно канализировать для судоходства. Но там плотина над плотиной и оттуда даже весною нет сплава. Он начинается от Изюма, от Святых Гор, хотя до Лисичанска еще есть плотины и, следовательно, невозможно — без отчуждения собственности — правильное судоходство.

Около Лисичанска, лежащего на высоком правом берегу Донца, ниже впадения Торца, а потом вниз от Гундеровской станицы до устья Донец течет прямо по каменноугольной почве, хотя севернее Лисичанска и южнее его до Гундеровской казачьей станицы по берегам реки на угольные пласты налегают позднейшие геологические пласты. От Лисичанска до впадения Донца в Дон, то есть до Золотовской (при одном устье) и Раз-

дорской (при другом устье) станиц, по течению реки около 420 верст.[1] Вот эту-то часть течения реки и следует сделать судоходною, способною выносить каменноугольные и другие грузы в Дон, а по нему на север, к центру России, и на юг, к Азовскому морю. Мне кажется, что устройство водных путей для вывоза угля начинать следует не с верховьев Дона, а именно с низовьев Донца, потому что пусть дорога к северу будет еще не устроена, здесь есть железная дорога (Воронежско-Ростовская), которая ныне еще много может увеличить свою провозоспособность для грузов, идущих с юга на север. Когда низовья Донца и Дона улучшатся до возможности сплавлять по ним массы угля, тогда они пойдут прежде всего чрез (Таганрог) Азовское море как на русские берега (в Севастополь, Одессу, на Кавказ), так и за границу. Тут сбыт углю верный, сразу, а потому и результат будет надежнее. Заботы о снабжении юга России донецкими углями и об ограждении их от английской конкуренции следует (и даже следовало бы ранее всего) начинать именно устройством низовьев Донца и Дона.

Не Америка открывается этим. Стара эта песня, но ее необходимо вновь повторять и когда-нибудь да надобно выполнить. Твердили об этом давно, архивы хранят дела «об исследовании течения Донца», в нашей и в иностранной литературе писалось об этой необходимости и возможности сотни раз. Упомяну кой о чем, чтобы виднее было. Из дел, которые я обязательно имел возможность читать в Министерстве путей сообщения и в Горном луганском управлении, видно, что много раз изучали Донец, чтобы сделать сплав по нему правильным и возможным. В 1828 г. Министерство финансов отправило подполковника Крафта изучить Донец и указать способы сделать его судоходным. Проект был составлен на 5 млн руб. асс. Поговорили и оставили. В 1838 г. граф Канкрин опять поднял это дело. Начали тем, что жителей обязали вытаскивать карчи, а они и посейчас составляют одно из главных препятствий судоходству по Донцу. Выписали из Англии пароход. Заказывали с осадкой в 30 дюймов, получили с осадкой в 40 дюймов. Ходить оказалось нельзя. Послали капитана Леонтьева изучить Донец. Он предложил шлюзовать. Поговорили и еще раз, послав исследовать Донец штурмана Ермолаева. Граф Воронцов в 50-х годах горячо говорил за Донец, но и тот ничего сделать не мог. Горный департамент, ради казенного Луганского завода, в 1863 г. предписал обследовать течение Донца. В результате явилось полное описание всего течения реки от Лисичанска до устья. Его произвели, под начальством горного полковника Мевиуса, подпоручик Першин (от Лисичанска до устья Лугани), коллежский регистратор Норов (от Луганского

[1] От Лисичанска до 7-й роты 27 верст, от нее до Славяносербска — 38 верст, до устья Лугани — 63, до Гундеровской станицы — 80, до Каменской станицы — 28, до Екатерининской — 105, а отсюда до устья — около 85 верст (по съемке 1863 г., произведенной Луганским горным правлением).

завода до Калитвянской станицы) и поручик Щербина (от Калитвянской станицы до устья). Время выбрано было отличное — после сильно сухих лет 1862 и 1863 гг. Смерили, знаки забили, мели все и перекаты описали, подробные карты составили,[1] увидели, что можно пароходу ходить с баржами. Пароход завели, и с баржами ходили, уголь возили из Екатерининской станицы в Луганский завод, а из него (в 1872 г.) до Лисичанска кирпич и всякие машины поднимали вверх по реке и не весной, а летом и осенью. А все же дело кончилось тем, что в архиве лежит преинтересное описание Донца, а пароход приказано было продать; он и теперь ходит по Дону, а Донец и поныне считается рекою несудоходною, а пригодною только для весеннего сплава. Дело на том не кончилось. Затеяло его вновь Министерство путей сообщения, после того как в 1871 г. г. Задлер, а в 1873 г. Л. П. Семячкин просили себе особых судоходных прав, обязываясь на свой счет исправить реку и сделать ее судоходною. Летом 1878 г. отправились описывать реку чины Министерства путей сообщения. Опять описали и все промерили и проект полный составили, чтобы удобное судоходство было возможно вниз от Гундеровской станицы, где начинаются изобильные угли, прямо по реке. Проектировали 7 разборных плотин системы Пуаре, с напором 1.4 саж., со шлюзами; стоимость исчислена в 2 млн руб. Бывали на Донце и иностранные знатоки рек. Особенно помнят исследование, произведенное в 1870 или 1869 гг. голландским инженером Стангом, знатоком предмета, и я слышал от г-на Уманского, ездившего с ним по реке, что он говорил о легкой возможности превращения такой реки, как Донец, в правильно судоходную. Не только Лепле, Мурчисон, Девальк и много иностранцев видели и ясно писали о великом значении донецких углей и о роли Донца для этой цели, немало и русских увлекалось, как увлекаюсь и сам я, предстоящим промышленным значением Донца. Для примера укажу на брошюру Ю. И. Морозова «Гидрографический очерк Северного Донца» (Харьков, 1874), на статью 1875 г. Л. П. Семячкина «О водных путях для распространения донецкого каменного угля», на его доклады об этом предмете в техническом и других обществах и на брошюру П. А. Давыдова «Река Северный Донец как магистральный путь для промышленности и торговли Донецкого края» (Харьков, 1883).

Что же за притча тут такая? Приказывают, изучают, пишут, а на деле нет ничего, только по-старому сплавляют весной несколько плотов да барок с лопатами и другими местными поделками, а угля не возят, даже добывать бросили по берегам Донца, где нет железных путей. Не может быть, чтобы дело было просто в апатии и лени, в недостатке настойчивости, энергии, инициативы и денег, в отсутствии понимания и расчетливости. Думаю, что не в том секрет, а в чем — изложу по пунктам,

[1] Одна теперь где-то в Министерстве путей сообщения, другую я видел в Луганске, у г-на Першина. Данные этого исследования упоминаются мною во многих местах этой статьи.

только вперед прошу заметить, что ни один из них сам по себе не выражает причину всего, а совокупность сильна; на нее, на эту совместность нескольких единовременных обстоятельств, обращаю внимание. Быть может, и у тех дельцов, до которых дело о Донце доходило, мелькала эта совокупность и удерживала от осуществления. Конечно, я излагаю эту совокупность не для того, чтобы на этом и покончить, а для того, что сознанное должно привести к совместности мер, которые излагаю затем по крайнему своему разумению. Пишу потому, что считаю печатное слово не пропадающим, хоть помаленьку, но влияющим, хоть под острасткой, но свободным.

1) Первее и важнее всего история края. Она к таким мирным делам промышленным, к хлопотам с водяной отправкой отнюдь не приглашала. Не бедная это Голландия, где сызмала надо было уметь сражаться с водою, даже не камские здесь места, где едва прокормятся люди, сносясь с остальным миром по кормилице-реке. Здесь сперва жили кочевники, потом пришли передовые русские посты, и даже когда прогнали татар и всяких ногаев усмирили, надо было казаков поселить и кроме того болгар и сербов, из которых сделали гусарские полки. Так произошли эти «роты», по Донцу, около Лисичанска, расположенные. Теперь в них и следа нет гусарского, только Депрерадовичи да Милорадовичи напоминают старую славу. Народ все тут пришлый, сборный, а край ему достался широкий, да богатый хлебом и скотом; войной занимались здесь больше, чем другими промыслами, и команду сверху слушать привыкли, нужды же не испытывали. До реки ли тут, до торговли ли? Так и не затевали ее. Оттого зародыша давнего, как на Волге, Днепре, даже на Оке, здесь искать нечего. А от него идет и наша волжская торговля. Не старая здесь, а настоящая Новая Россия, притом преимущественно казацкая, военная. Но старое время ушло, казаку приходится забывать военное дело, и он нуждается во всем и ему пора становиться мирным промышленником. В «ротах» уже не видно гусар, но еще много земли.

2) Хотя верховья Донца и его притоков не бедны лесом, но весь бассейн Донца не лесной, хвойные же леса, как главный материал судостроения, здесь не водятся, скорее тут вырастет акация или виноград, чем сосна. Ныне только около монастырей да кое-где найдутся леса. Святые горы еще ими изобилуют. И вот из этих-то лесов немногочисленные плоты да поделки вроде кадок, ободьев и лопат сплавляют вниз по течению Донца. Сам я видел такие барки в Каменской станице в апреле 1888 г. Плоты, как утверждает г. Могильников в Лисичанске, ходят сперва с осадкой 5 четвертей аршина, длиною в 10 саж., а позже, в мае, пускаются с осадкой до поларшина. Судя по дороговизне леса и малости сплава, здесь нет того избытка лесов, который помогает строить барки. Сплав леса уменьшается год от года, потому что остатки лесов вырубают. Кто затеет здесь большой водяной сплав, тому дорого будут стоить суда, если их делать такими, в какие привык народ грузить товары

на наших реках. Не думали на юге России о железном судостроении, о своих средствах для этого — вот и нельзя пользоваться реками, текущими в малолесных бассейнах. По важности этого дела не только для судоходства по рекам Донского бассейна, но и для азовского каботажа, особенно же для дальнего плавания с углем, я в следующей главе остановлюсь отдельно на этом предмете, а теперь только замечу, что думать о сильном судоходстве по Донцу и Дону нельзя иначе, как при помощи единовременного создания условий для постройки в крае железных и стальных судов.

3) Сплав по течению да бичева с лямками составляют зародыши нашего судоходства, а тут на Донце эти примитивные способы просто невыполнимы. Еще весной есть довольно скорое течение, а летом оно очень вяло, падение всего около устья 0.06 саж. на версту, от Быстрянской до Каменской станицы — всего 0.04, выше к Гундеровской — 0.05 саж., и общее падение от Гундеровской до устья едва ли выше 0.047 саж. на версту.[1] Расход воды в среднем на низовьях летом около 3 куб. саж. в секунду.[2] Средняя скорость около устьев по средине реки летом около 3 верст в час, а выше местами разве что 1 верста в час. Общую среднюю скорость надо считать около $1^1/_2$ верст в час, или около $1^1/_2$ футов в секунду летом. В половодье, конечно, течение скорее. Поэтому тянуть надо летом даже вниз, а хоть лошадей много, да людей в тех краях недостает летом и на сельские работы по поденной плате, доходящей до 2 руб., даже теперь, прежде же было того меньше. Да и берега Донца очень быстро изменчивы: то низменны, в разлив очень удалены от русла, то сразу идут обрывы, много балок, совсем неспособных для гужевой тяги, и бичевник здесь обошелся бы дороже регулирования самой реки. О бичевой нечего и думать, а можно и стоит затевать здесь судоходство только двух родов: весной месяца на $1^1/_2$ или 2 самоплавом по течению в тяжелых барках, а летом и вверх пароходами, которым топливо под боком.[3] Следовательно, всякие проекты судоходства по Донцу должны быть непременно связаны с проектами устройства дешевых, мелко сидящих

---

[1] Из данных съемки Министерства путей сообщения.

[2] Для сравнения из книги г. Богуславского о Волге привожу данные для Волги у Ярославля по наблюдениям 1882 г.: расход воды в кубических саженях в секунду: май 170—70, июнь 65—48, июль 49—35, август 35—29, сентябрь 29—24 куб. саж. Средняя скорость: май 0.24—0.16, июнь 0.16—0.14, июль 0.14—0.12, август 0.12—0.10, сентябрь 0.10—0.09 саж. в секунду.

[3] На мелкой воде, на реках и на каналах всюду часто ходят, толкаясь шестами и ручною работою. Известно, что этим способом с малой тратой силы легко идти со скоростью до 4 верст в час по тихой воде. Мне кажется, что способ этот, подобный хождению людей и зверей по суше, заслуживает большого внимания механиков, именно для движения барок по мелководью. Следовало бы испытать паровые приспособления для этой цели, и если бы они были практически удобными, то, вероятно, требовали бы много менее топлива, а следовательно, и силы для пере-

пароходов. Об этом мало думали. Оттого, между прочим, ничего из затей не выходило. Край этот — Новая Россия, и она по-новому и жить должна. Это наша Америка; дано ей много, но надо умеючи взяться за клад и слово «пароход» не отделять от судоходства по Донцу. Каменные угли на них прямо указывают, соседние руды так и просятся на постройку железных и стальных пароходов.

4) Такие наши реки, как Волга с Окой и Камой, или две Двины, или Нева да Волхов, даже Вятка или Сура, не говоря о реках Сибири, без всяких затей так пригодны сами по себе к судоходству, что народ наш и даже наши инженеры не привыкли приниматься за дело улучшения неглубоких рек для приспособления их к судоходству, и только при Петре I научились рыть каналы, запирать и спускать воду для хода судов. И лишь в последние годы стало заводиться у нас искусство регулировать, канализировать маловодные реки. Днестр едва ли не одна из первых наших рек, преобразованная так, как давно стали обделывать — поневоле, других рек не было, — все реки Западной Европы. Русская сметка, соединенная со знанием, даст тут, вероятно, кое-что свое, но потом, а пока нужны знающие люди, чтобы не напрасно бросались деньги, как на Волге брошены при устьях или около Саратова. А пока знатоков таких у нас мало и опыты были плохи. Вот и боятся. Только уголь-то больно нужен России. За урок можно заплатить, все же суммы выйдут много меньшие, чем при даче любой концессии на железную дорогу. Возникавшие проекты все смахивают на шлюзы, на затеи сложные, дорогие, сразу фундаментальные, все упускается из виду сила самой реки, особенно в половодье, а все речное искусство сводится именно к тому, чтобы заставить воду выделать всю ту работу, которая нужна для судоходства. С этого, по крайней мере, следует начинать, и вот это-то искусство надо пока занять, если не для исполнения, то для совета, указания. Если бы воля моя была, приставил бы я к Донцу молодежь, под руководством аккуратного исследователя, чтобы изучать эту реку с возможною точностью и продолжительно, как следует для того, чтобы дело окончательного регулирования шло не наугад, не по одному охвату и набегу мысли, а по результатам перемен в скоростях, сечениях и тому

движения по воде, чем винты или колеса. Пар и топливо как двигатели по воде имеют свою рутину — колеса, винты, и для глубоких вод эти пропеллеры едва ли заменимы чем другим, хотя еще здесь и возможно много улучшений, как видно, например, из недавних усовершенствований Н. А. Ягна, применившего качающиеся винтовые лопасти. Но для мелких вод, думается мне, самым приличным делу, самым экономичным пропеллером будет шестовой, толкающий судно чрез упор в дно. Практические трудности, зависящие от разности глубин, конечно, могут быть преодолимы. Канатная, тоуэрная система, представляя важные достоинства, страдает тем, что лишает судно части свободы и требует общей, капитальной организации, а потому и не может рассчитывать на очень широкое применение.

подобных условиях речных. Да призвал бы лучших знатоков этого дела, чтобы от них узнать, как лучше, дешевле и вернее можно устроить Донец и Дон для наших русских надобностей. А за это же время распорядился бы, как давно предложено и непременно надобно, карчи, или затонувшие деревья вытаскивать, а где нельзя вытащить — взрывать, балки или боковые овраги, сносящие в реку целые косы правия и камней, загораживать плетнями, где сильные излучины — непрямлять течение реки и где сыпучие берега — засаживать их ивняком или отводить от них реку. А когда сегодня изучат, а завтра проект в миллионы составят, да он пойдет в разные инстанции, а там и начальство-то сменится, которое думало о Донце, и опять посылают вновь изучать, со старым не справляясь, — тогда дело стоит по-старому, все время на бумаге. Читайте в книге г. Богуславского, как делалось на Волге, — это поучительно не меньше железнодорожных концессий и предупреждает повторение на старый лад текущей переписки, спрятанной в архивах. По Волге хоть и плачутся, а все же ходят, а тут на Донце все же не ходят — по-старому, несмотря на массу сделанного, да не доделанного. Тут одна из наших притчей. А приниматься за реки наши, особенно за южные, надобнее, чем затевать новые железные дороги. Донец, по важности угольных интересов, в нем замешанных, нужнее всех. Пусть над ним учатся, как учились на Николаевской дороге. Только там нужны были сотни миллионов, а здесь пойдут разве сотни тысяч. Зато уж выйдет солидно, как вышла та первая дорога. Всего же важнее начинать хоть с того, что уж настоятельнее всего и само в глаза бросается.

5) Отдавать реки в частные руки, на концессии, как сдана Москва-река, конечно, можно, если обусловить не только нормы сбора, но и сроки пользования, однако все же очень рисковано и едва ли для страны выгодно, особенно потому, а) что концессионеру ради погашения затрат придется брать дорого за пропуск судов и самому ставить много груза, а это родит особый вид монополизма, который вреден в таком деле, как угольное; б) что наука регулировать реки, сравнительно маловодные, лучше всего привьется, когда дело будет делаться средствами самого государства, которому небольшие расходы легко снести без немедленного или быстрого погашения; в) что реками привык пользоваться народ свободно и г) что для такой реки, как Донец, где сплав уже есть и пароходы уже ходили, а грузы надо еще создавать, учреждая по берегам крупную добычу угля, всего приличнее не спеша, мало-помалу, но твердо и верно улучшать течение, а на такой методический, затяжный труд частная, срочная компания концессионеров наименее пригодна. А очень уж к концессиям приобыкли у нас. В них есть свои выгоды, только наука с железнодорожными концессиями требует подпускать к ним, по возможности, без гарантий и субсидий а то «самому дороже станет».

Думаю я, что эти соображения достаточно объясняют притчу о Донце, его современную непригодность для судоходства и великую

пригодность для живописцев, в его прелестном нетронутом виде, с нависшими скалами, с висящими деревами, завтра долженствующими упасть в воду и ее затрадить, с байдачными и всякими другими мельницами — вместо пароходов, с переменным руслом, с перекатами и бродами, а рядом с омутами и глубокими плёсами, с красивыми петлями извилин и заливов, с косами противу балок, словом, со всей прелестью природного неблагоустройства. Спешите, А. И. Куинджи, И. И. Шишкин, — скоро ничего этого не найдете, уголь повезут, дым всюду, берега поравняют, одумаются ведь когда-нибудь, хоть лямкой и не потянут.

Перечислим, однако, главные свойства Донца, делающие из него реку, годную для судоходства, а все же без рук — не судоходную, имея в виду лишь течение нижнее, от Лисичанска, потому что там и ниже есть уголь, который и заставляет нас писать о Донце. Но не надо забывать, однако, что берега его черноземны, что кругом его и соль и камни всякие и что грузы по нему пойдут всякие — не один уголь.

Вскрывается Донец около половины марта, подо льдом остается $4^1/_2$, редко около 5 месяцев. Понятно, что это условие важно, особенно по сравнению, например, с реками или каналами онежских или беломорских местностей. Высокие весенние воды, допускающие и теперь, помимо всяких улучшений, свободное движение судов, сидящих 5 и более четвертей (аршина), стоят здесь месяца полтора, причем замечают две прибыли воды, зависящие от того, что с севера вода снегов приходит позднее, чем с юга, а много притоков и верховья самого Донца лежат на севере, за сотни верст. После вторых высоких вод уровень падает медленно, допуская в течение целого месяца (мая) свободный ход судов, углубленных на 3 четверти. На большинстве плёсов Донца круглое лето глубина больше этой, но есть мели, косы и перекаты, не допускающие большей осадки. Среди лета на них вода еще мельче, особенно в годы засухи. До сих пор измерено до 70 мест, где глубина летом бывает меньше 0.3 саж., а из них на 13 мелях и перекатах глубина оказалась в сухие года и месяца падающею даже до фута. Самые мелкие места встречаются около устьев: здесь находили однажды (но это показание недостаточно проверено) в 1863 г. до $^3/_4$ фута (0.11 саж.), а в 1878 г. не было глубин менее 0.18 саж., или всюду было более фута. А на футовой глубине пароходы в Америке еще ходят. Осенью опять вода растет, и везде можно проходить с осадкой в $^3/_4$ аршина, или 0.25 саж. во всякие года, и это длится недели 4 или 5. Таким образом суда, сидящие 5 четвертей, могут ходить и ныне недель 6, а суда, углубленные на $^3/_4$, сверх того еще недель 8, или 2 месяца. Остается мелководных около 4 месяцев, но, конечно, с постепенным изменением глубин. В крупных чертах это можно выразить так: $^1/_3$ года лед, $^1/_3$ года мелководье и $^1/_3$ года судоходство для судов с осадкою в $^3/_4$ арш. Думаю, что первое усилие должно быть направлено к тому, чтобы срок плавания судов с осадкою в $^3/_4$ арш. продлить хотя бы еще месяца на два. В два или три самые жаркие месяца

на юге России жатва, покос. народ очень дорог, ни грузить, ни что другое выполнять не найдешь людей, и уголь добывать не находят. Но промежуток в 4 месяца для этого длинен, его следует сокращать, улучшая реку землечерпательными машинами и суженнем потока. По уверению местных деятелей и лиц, много ходивших по Донцу, которых я расспрашивал, все мели и перекаты Донца образованы не каменными грядами, не суть пороги в истинном смысле, а состоят или из песку, столь легко подвижного, что его переносит и наносит весенним теченнем, или из гравия и камней, приносимых из балок правого берега. Эти балки и следует заградить плетнями. С быстрым таянием снегов и даже от проливного дождя в балках образуется быстрый поток, он несет с собою все, что осилит, в Донец. Так образуется и подновляется ежегодно большинство кос и мелей. С подобными наносами легко справляются в стране балок, при помощи поперечных плетней, которые задерживают наносы и ведут даже к тому, что мало-помалу балки заплывают, исчезают. Это улучшение так недорого и просто, что приступить к нему, равно как и к выемке карчей, можно тотчас, и этим одним путем можно сильно улучшить Донец.

Заведя две-три паровые землечерпательные машины и имея достаточные средства для мелких работ по берегу и в русле реки, легко и сразу можно достичь существенных улучшений донецкого судоходства, то есть дать возможность пароходам, углубленным сперва хоть на $^3/_4$ аршина, ходить беспрепятственно 6 месяцев в году, с летней и зимней вакациями. Зимой добудут уголь, сложат у реки, весной сплавят, а осенью повезут весеннюю и осеннюю добычу угля и хлеб. Грузить баржи весной станут до $^5/_4$, может быть до 6, а со временем и больше, а летом и осенью на $^3/_4$ осадки. Построят плоскодонные паровые железные баржи и пароходы с барками. Они, идя со скоростью 8—10 верст в час, сделают от Лисичанска к Таганрогу и обратно весь путь, с нагрузкой и выгрузкой, в неделю, следовательно в лето обернутся по крайней мере раз 20, и если средняя нагрузка на тягу одного парохода не будет больше 15 тыс. пудов угля, все же в год каждый пароход свезет до 300 тыс. пудов. Сотня их даст около 30 млн вывоза, а может ходить много сот, а тоуэрной тягой потянуть и больше — лишь был бы путь. Выгоды будут, потому что отправка обойдется себе от Лисичанска до моря много что по 2 коп. с пуда, считая процент и погашение капитала. Следовательно, уголь самый дальний, лисичанский, стоящий на месте теперь 3 коп. за пуд, придется в Таганроге по цене около 6 коп., а в Одессу или в Севастополь не дороже 10 коп., даже хоть бы и по 12 коп. за пуд. Там цена на уголь стоит и стояла гораздо высшая, даже 19, 20 и выше копеек с пуда. А когда первые годы улучшений пройдут, судоходство же начнется, а улучшения будут продолжать, год от году станут ходить глубже и возить больше, на весну станут заготовлять массы угля.

На такое постепенное улучшение Донца расходы пойдут самые малые. А если достигнется отправка 100 млн пудов в год, то, кладя казенный

сбор за сплав угля не по $^1/_4$ коп., как всюду, а только по $^1/_{10}$ коп. с пуда, получится прихода с одного угля в год до 100 000 руб. Если расходовать лет 10 такие деньги, да поступать систематически, советуясь и с опытными людьми и с местными, то можно, без сомнения, достигнуть крупных коренных улучшений Донца, углубить все его перекаты, укрепить берега, исправить излучины. Иное дело, если затеются шлюзы и станут считать необходимым допустить большие осадки на все лето, да захотят сделать все сразу. Тогда пойдут миллионы, а едва ли пропускная способность реки возрастет. Поэтому о шлюзах пока, без первого улучшения реки, не следовало бы говорить; сперва следует сделать канализацию, она ведь и при шлюзах будет надобна, а быть может, дело обойдется и без дорогих шлюзов. Пора, срок пришел — приступать.

Держась нормы улучшений Донца, изложенной выше и мною не сочиненной, а только высказываемой почти прямо со слов, на месте раздающихся, должно не упустить из вида следующие четыре обстоятельства.

Во-первых, следует начинать немедля, потому что не может явиться судоходства, пока реку не взялись твердо улучшать, не может и добыча угля по берегам Донца сразу стать большою, на все надо время и надо, чтобы все знали, что оно близко, что дело не ограничится опять разговорами и сметами. Им уже перестали придавать какое-либо значение.

Во-вторых, следует в то же время употребить все меры, необходимые для производства на юге России железных барж, пароходов и всяких других судов, о чем в следующей главе скажу подробнее.

В-третьих, мелководным рекам, которым числа нет на земле русской, черед стоит у нас теперь первее, чем новым железным дорогам, а типа плоскодонных пароходов и барж, подобных тем, какие столь часто всюду снуют в Америке, еще у нас нет, следует выписать для образца лучшие типы, дать премии за их устройство, словом, вызвать в России это начало. Это опять будет стоить денег, но таких уже малых, что этого расхода жалеть нечего, а погасится он развитием судоходства сторицей.

В-четвертых, к делу постепенного улучшения Донца и ему подобных рек следует призвать не только ведомство путей сообщения, инженерам которого и книги в руки следует отдать, не только горных чинов, которые свяжут реку с недрами земными, но и местных выборных лиц, чтобы они внесли в такие дела возможно большую массу местных сведений, а главное, чтобы не существовало в подобных делах канцелярской тайны, при которой обделывают часто в далеких наших углах хорошие делишки, но редко делаются порядочные дела, а это дело, — хоть суммы казны в нем и будут малые, — крупное для будущего промышленного развития России. Примером может служить очистка донецких гирл, которыми ведает особая в Ростове комиссия с сильным участием выборных от города лиц. Улучшения здесь очевидны.

Сказав про Донец, что знаю и как думаю, я боюсь больше всего именно того, что при таком способе действия, какой здесь предлагается,

интерес к нему будет мал. Вот если бы затеять и здесь проектец с миллионными расходами, да особенно с концессиями, тогда бы стали одни уличать в том, что я хочу примазаться к этим миллионам, другие стали бы сами лакомиться на них, завязался бы разговор крупный, полемика, интерес. А то разве одни гидротехники, специальные инженеры вступятся, да скажут, что не за свою специальность берусь. Хоть бы они, право, зачали, я же готов нести ответ — лишь бы дело сделалось, лишь бы интерес возбудился. Хуже всего, однако, если опять отправят собирать сведения, а дела не начнут, «заговорят» его на особый русский манер. Только «капля камень долбит», а потому говорить все же следует. Капля моих слов пускай упадет еще на одно окаменелое дело, тоже у нас заговоренное и в то же время замолчанное. Ему посвящается следующая глава.

«Мелко плавать» у нас даже обидным кажется. По сих пор все в истории и в природе нас приглашало именно к тому, чтобы мы мелко плавать не любили. Но донецкие черные великаны покоятся на берегах рек неглубоких, гигантов стали будить, а, просыпаясь, они требуют широких, многих, всяких путей для того, чтобы придти и послужить русскому народу, им мало выхода по рельсам, они любят плыть по воде, они ее ищут, среди нее родились, в ней преобразовались и водных путей ждут не дождутся. Энергию в себе заключая, каменные угли дают ее своим владельцам, а Россия, нуждаясь, или, по крайней мере, начиная нуждаться в угле, должна приобрести ту настойчивость, такую силу, которые необходимы для приведения в порядок водных ее путей, особенно на юге. Расчет даже политический, не то что один промышленный, требует для юга еще больших особых настоятельнейших усилий, чем те, которые приложены к водным путям севера. Такое время придет, и почти забытый ныне русский юг вознаградит за приложенные к нему усилия — углем, сохранившимися лесами, увеличивающимися заработками, развитою торговлею, возрастающим общим благополучием, даже экономическими завоеваниями, которые ныне едва ли не важнее военных. На Донце и на Дону передовые казачьи отряды промышленных, мирных русских завоеваний.

V. Железное судостроение на юге России

Вероятно, многих поражает быстрое развитие железного, парового, торгового судоходства по Каспийскому морю и на системе рек, в него вливающихся, и малая успешность усилий для развития своего пароходства на Черном море и на реках, ему несущих свои воды. На обоих морях почти единовременно вызваны были, чрез субсидии, первые образцы: «Кавказ и Меркурий» на Каспии и «Русское общество пароходства и торговли» на Черном море. Субсидировали последнее общество даже сильнее первого, а все же и поныне на Черном море нет частного

свободного развития своего парового торгового флота, и если есть частный без субсидий возникший каботаж, то жалкий, с дорогим фрахтом, почти весь парусный, с массою неудач и несовершенств, как подробно выяснено в «Докладе учрежденной в Севастополе[1] комиссии по вопросу о поддержании и развитии каботажа на Черном и Азовском морях» (Одесса, 1887) и во множестве статей и докладов, писанных и печатанных до и после этого «Доклада». А по Каспийскому морю, без новых субсидий, перевозка товаров уже несколько лет стала не только дешевою (от значительного частного соперничества), но и прекрасною во всех отношениях: паровые шкуны ходят одна лучше другой, про неудачи, крушения и т. п. слышно мало, словом, дело встало твердо и каждогодно идет вперед.

Каспийское пароходство и впредь обещает сильный рост. Черноморское же русское пароходство, ныне живущее в зародышном состоянии, расти не хочет и ныне не растет.

Одним кажется, что причина этого различия заключается в том, что «Русскому обществу пароходства и торговли» дано чересчур много субсидий и привилегий, что с ними оно давит соперников, которые возникали не раз и гибли, или поглощались тем же обществом, или влачили жалкое существование. Думаю, что стоит отнять субсидии и привилегии, — все и устроится. Но пример целого света и даже Каспийского моря прямо показывает неосновательность этих соображений. Другим кажется, что различие результатов на двух наших южных морях зависит от того, что на Черном море есть соперники иностранцы, а на Каспии их нет. Третьи приписывают всё нефти, забывая, что хлеба, угля и других товаров везут по Черному морю по крайней мере раза в четыре больше, чем нефтяных товаров по Каспийскому. Есть и такие, которые готовы все различие приписать преимуществам персидских матросов Каспийского моря, но нельзя же забыть, что без русского матроса не было бы славы побед русского черноморского флота [...]. Не там надо искать корень. Думаю, что он в двух иных более реальных причинах. Первая — на Черном море до сих пор каменный уголь шел английский, платили пуд более 15 коп., а то и все 20 коп., а на Каспийском море «жидкий уголь», или нефтяные остатки давно уже свои и их чуть не даром дают, обирай только, увози, а дадут $^1/_2$ или 1 коп. за пуд, много-много что 2, редко 5 коп., так скажут большое спасибо. Без широких дел на Черном море с русским углем — не дождаться нам своего, столь желанного торгового флота на Черном море. Паровой флот забил парусный всюду, а у нас, при дороговизне капиталов и при возможной дешевизне топлива, да в нашей Америке, или Новой России нельзя и думать ныне действовать иначе как паром, а потому уголь тут, как и во многом другом, стоит на первом плане. Да и для самой торговли им, этим углем, как для торговли

[1] Под председательством контр-адмирала Н. М. Кумани.

нефтью, необходим особый флот. Угля по морям возят больше, чем хлеба, — только у нас видно обратное. Другая причина глубокой разницы между нашим паровым судоходством на Черном и Каспийском морях заключается в том, что на первом необходимо покупать новые пароходы за границею, платить за них высокую таможенную пошлину (о ней скажу далее), да получать их, какие пришлют, потому что без кредита тут не обойдешься. А на Каспийском море прислали образцы от Кокериля (Бельгия) да из Моталы (Швеция), а теперь свои русские завели, да не хуже, и получают — что и когда надобно. На реках волжской, то есть каспийской, системы лес есть надобный для судостроения, а все же строят год от году больше железных судов, потому что они оказываются легчайшими и надежнейшими пловцами по воде. Оттого железное и стальное судостроение везде вытесняет деревянное, как пар — паруса. На системе черноморских вод лесов для судостроения почти нет, они дороги, но нет и своего железа со сталью, надобных для постройки судов, нет и верфей для этого. Это можно видеть из прекрасного отчета статистического отдела Министерства путей сообщения (12-й выпуск) «Речной паровой флот Европейской России по переписи 1884 г.». Нет у меня под рукой подобных сведений о морском флоте, а потому возьму этот отчет.[1] Дело, в сущности, однако, одно и то же по отношению к судостроению. Всех речных пароходов записано в отчете 1246 с 72 105 номинальными силами, первоначальная стоимость 49 млн руб. Топились 526 дровами (276 911 куб. саж. дров сожгли), 422 — каменным углем (сожгли они $9^3/_4$ млн пудов), 261 — нефтяными остатками (сожгли 13 млн пудов) и 1 пароход топили торфом. На дровах работали более всего, а «жидкий уголь» работал сильнее, чем каменный, и преимущество это отвечает каспийской системе. На Волге было 629 торговых пароходов. Для 748 речных пароходов несомненно известно, что они построены в России, а для 467, что они пришли или привезены из-за границы. Своих уже много больше. Они все новейшего времени. Из них 152 парохода построено в Нижегородской губернии (на Сормовском и других заводах), 126 — в Пермской (у Кузнецова, Любимова и др.), 109 — в Петербургской, 95 — в Костромской (у Шипова) и Ярославской (у Журавлева) губерниях, 90 — в Финляндии и 177 — «в других местах». Между этими последними видны и Московская и Архангельская и всякие губернии, а в губерниях Черноморского бассейна строили, кроме 14 пароходов, севастопольских эллингов «Русского общества пароходства и торговли», только катера да койкакую мелочь, а именно 4 — в Екатеринославской губернии, 1 — в земле Войска Донского и 11 пароходиков — в Херсонской губернии. На Черноморье нет парового судостроения для промышленных целей, даже для рек, не то что для морей. Пишут, пишут о торговом флоте, о надобности

[1] Далее, в 11-й главе этого сочинения, приводятся некоторые числа из отчета о морском коммерческом флоте России.

судоходства по рекам, по морским берегам (каботаж) и для дальнего плавания, чтоб самим нам иметь заработок на перевозке наших товаров, а думают мало о постройке судов и об их топливе. Все хочется плоды кушать вкусные, а похлопотать о дереве, те плоды производящем, об уходе за ним, прививке — охоты нет; все кажется, что садовник надувает, свои интересы соблюдает, и сейчас у нас «эксплуататорами» выбранятся. Примечательно, что к этому, у нас ныне бранному, слову одинаково охотно и часто прибегают — за отсутствием других аргументов — оба крайние наши, во многом столь различные лагери: рьяных либералов и еще более рьяных консерваторов.

Не могу я здесь, разбирая угольные дела, весь вопрос о торговом судоходстве поднимать со дна, разбирать во всей его сложности, которую сам старался охватить. Мне довольно для моих теперешних целей указать немногое и преимущественно то, что относится к судостроению. В 1885 г. из 28 тысяч морских судов, пришедших в наши порты, по числу чуть не половина, а по вместимости более половины (57%) отвечает Черному и Азовскому морям. Для отходящих судов отношение, конечно, почти то же. Моря эти поважнее Балтийского. Товаров за границу отправлено из этих морей в 1885 г. более миллиона ластов на иностранных судах, а на русских менее 12% (133 000 ластов), и то больше на субсидированных пароходах Русского общества пароходства и торговли. Своих судов здесь нет и под свои теперешние товары. А прибудет каменный уголь да нефть, если проведут наконец нефтепровод, на чем их прикажете возить? Своих судов нет и заказать негде. Иностранный пароход дешево, копеек за 5—7 с пуда, из Англии везет к нам в Черное море каменный уголь потому только, что едет за нашим хлебом, а отдельно за нашим углем либо не поедет (надо идти порожнем), либо дорого спросит, а за нефтяной товар того дороже, потому что надо судно приспособить к наливу жидкостью, без этого нефтяное дело жить теперь не может. Если товар продать дешево, да за фрахт отдать дорого, — торговать и нельзя будет. За уголь фрахт на малые, а на большие расстояния цена фрахта дороже цены самого угля, следовательно, заработок судовладельцев и матросов больше, чем копевладельцев и шахтарей. Не жадность, а простой расчет заставляет думать о своем судоходстве по морю, если только приняться думать о развитии угольных наших дел. А без них нам не прожить, экономически нас задавят, как выше показать старался. Вот поэтому и надо видеть и показывать связь угольного дела с судоходством, с судостроением.

То же самое, только еще резче, будет для береговой каботажной отправки, например при отправке угля из Азовского моря в Одессу. И с этим будет горе, если нет ни каботажного пароходства, ни соревнования у судов, могущих вести каботажное дело, как видим в действительности.

Вот и выходит, что, думая о донецком каменном угле, о его подвозе к морю, об отправке его в свои южные порты и за границу, да пред-

полагая соперничать ценами с английским углем, налагая для той цели охранительные пошлины, грех и немалый, а ошибка большая не думать о своем судоходстве на Азовском и Черном морях. Не сделать ничего для этой цели — значило бы то же, что позаботиться об охране лесов, а о распространении угля забыть, другими словами, это значит, чуть не «тришкин кафтан» чинить. Поэтому и понятно, что теперь, когда о сбережении лесов не народ, а правительство стало заботиться, стали думать крепче и о распространении каменного угля и начинают со всех сторон говорить о необходимости развития своего судоходства, не только по своим берегам, но и по чужим. Все это связано тесно одно с другим, и надо ясно видеть совокупность, а не одну сторону, которая иначе может только ад устилать своими доброжелательными мерами. Лес, уголь, судоходство — это корни, листья, соки одного дерева. Корни наши на севере, а сочные листья на юге.

Считая ясною и частью доказанною надобность своего судоходства на Черном и Азовском морях, потребность именно в железном паровом судостроении, а не в деревянном (лесов подходящих там на юге нет) и не в парусном (тихо оборачивается парусами капитал, а при его дороговизне у нас всего необходимее быстрое его обращение), я прямо перехожу к сущности этой главы, то есть к доказательству народившейся уже ныне потребности во всем этом и невозможности ее ныне выполнить [...]. И тут уголь говорит яснее всяких других товаров, потому что это товар дешевый, всюду спрашиваемый, словом «передовой» во всех отношениях. О хлебе не говорю лишь потому, что все его видят и, ежедневно кушая, помнят. Видя все значение хлебной нашей торговли, многие, однако, забывают, что груз этот временный — много что раз в год родится, а иногда и в два года, — либо не спрашивается (от урожаев других стран), либо дешев там, где рынок нашему хлебу, либо у нас — от недорода — дорог. Оттого на одном хлебе нельзя завести ни прочной торговли, ни дешевой отправки, ни обеспеченного судостроения или судоходства. При других товарах хлеб свою роль окажет, торговому движению поможет, а сам один составляет для такой крупной страны, как наша, дело рискованное, колеблющееся. Отсюда и ведет начало колебание нашего курса. Уголь и ему подобные прочные, из земли прямо извлекаемые, да по возможности переделанные, товары одни способны укрепить наше денежное положение. Поэтому, не упуская из вида другие товары, стану говорить преимущественно о каменном угле. Этот груз — «передовой» не для одних железных дорог (стр. 606), а еще более для речных и морских путей. Он в силах устроить не только обеспеченное движение, но и доходность не одних железных путей, но и морских, потому что в каменном угле весь секрет современного экономического быта народов, их сила в настоящем и предстоящем.

В прошлой главе мы видели, что из шести железных дорог, могущих вывозить уголь, три идут к морю. Если и на Дон вывезут уголь, то два

пути представятся — на север и на юг, к морю. Следовательно, море может принять половину донецкого угля и отвезти. Допустим хоть 200 млн пудов подвезенного к морю угля и предположим, что отправка будет вся на Черное море, не дальше, и что она пойдет в паровых баржах емкостью в 50 000 пудов угля. На рейс с возвратом следует положить две недели, и судоходство предположим 10 месяцев, то есть в год 20 рейсов. Следовательно, под уголь надо 200 таких паровых барж, и общая их подъемная сила должна быть около 10 000 000 пудов. Если устроится нефтепровод, то даст около 50 млн нефтяных грузов, которые надо отправить к себе и за границу; в год примем 10 рейсов, а вместимость судов примем опять в 50 тыс. пуд. Один пароход вывезет $^1/_2$ млн пудов, следовательно, надо под нефтяные грузы 100 пароходов. Стоимость только этих 300 пароходов будет не менее 30 млн руб. Не говоря ни о чем другом, вот уже количество заказов, которые должны быть выполнены самое большое что в 5—6 лет, чтобы не было задержки и переплат на фрахт.[1] Никаких средств даже для медленной, не то что для быстрой постройки морских (как и речных) пароходов теперь нет на Черном и Азовском морях. Создать, вызвать к жизни эти средства и должно, и можно.

Для пояснения приведу два примера: французское горнопромышленное общество, владеющее Рутченковскими копями (около завода Юза) и добывающее в год уже до 15 млн пудов отличного каменного угля,[2] после наложения ввозной золотой пошлины (3 коп. с пуда) на английский уголь, стало торговать своим донецким углем в Одессе. Дело оказалось выгодным даже при отправке по железной дороге, хотя дистанция велика, но, конечно, по морю было бы много надежнее и выгоднее, тем более, что от копей до Мариуполя с небольшим 100 верст и Мариупольский порт устраивают, скоро кончат.[3] Если нанимать суда, то можно возить до Одессы за 4 коп. с пуда, только не всегда найдешь необходимые суда. Лучше самому возить на паровых баржах, обойдется дешевле, а главное отвезется вся пропорция верно, без задержки. Однако известно, что по нашим законам каботаж на наших берегах иностранцам запрещен. Ко-

[1] Переплата в 1 коп. с пуда на 250 млн пудов даст уже напрасную трату $2^1/_2$ млн руб., а иностранным пароходам при вывозе ими подобных товаров и в таких количествах придется переплатить не по 1 коп. на пуд, но по нескольку. Фрахт на дешевых товарах, подобных каменному углю, не только обеспечит заработки судов и возможность судостроения, но определит и самое существование торговли. Не будь дешевых морских фрахтов, Англия не могла бы отпускать от себя уголь, ввозить к себе массу грузов, ей необходимых. Подобными соображениями демонстрируется та тесная связь, которая существует между каменным углем и всей мировою торговлею. Если мне удастся убедить в этом до того, что на уголь взглянут правильно и его поставят на ближайший практический черед, то цель моя будет совершенно достигнута.

[2] В 1890 г. до 25 млн пудов.

[3] Он уже действует с 1890 г.

нечно, такой закон можно обходить, ведя дело чрез подставное лицо. Но общество крупное, дело свое ведет начистоту, а потому не захотело прибегать к обходу закона, а стало хлопотать о праве завести свои паровые баржи с тем, что они станут только свой уголь возить по морю. Долго ходило дело, но наконец разрешили и, конечно, хорошо сделали, хоть узким воззрениям и не угодили. Вот тут-то, когда разрешили иметь свои паровые баржи, и оказалось, что их негде заказать. Из-за границы выписывать приходится, а таможенная плата, о которой дальше будем говорить, чуть ли не в полтора раза увеличивает действительную стоимость. В России же, тут, в области Черного моря, нет таких мест, верфей, где бы можно было снарядить железное паровое судно. На казенных элингах Севастополя и Николаева — своя военная работа, хоть и дорогая, но своя.[1] В Севастополе есть элинги Русского общества пароходства и торговли, на них строят подобные суда. Но они заняты работою судов для Общества, да и не стать этому Обществу себе соперников строить. Кроме того, ему приходится скоро сдавать свои элинги обратно в казну. Были в Николаеве верфи г. Кундышева-Володина, да он взял казенный заказ и с ним не справится, не до того ему теперь. Точь-в-точь то же рассказал мне в Грушевке большой там деятель по добыче антрацита И. С. Кошкин. Ему тоже хочется завести стальную паровую шкуну для вывоза своего антрацита. Г-н Титов проект составил (200 футов длины, 30 футов ширины, 250 индикаторных сил машина при грузе 50 тыс. пудов, осадка 8 футов, скорость 7 узлов). Иностранцы (например, Ньюландский завод в Христиании, Мотала в Швеции, Stubilemento technico Triestino) берутся так, что с пошлиной пароход обойдется в 115—125 тыс. руб. За ту же цену брались и в России — Д. А. Пастухов в Ростове, но надо денег вперед и тотчас по доставке. Иностранцы же дают льготные рассрочки. Когда в апреле сего года я был на юге, г. Кошкин так и не знал, что ему делать, но я узнал вскоре, что заказ принял[2] завод г. Пастухова в Ростове.

А чтобы понять отношение цен русских к иностранным, привожу выписку из действующего ныне таможенного тарифа. За суда железные морские и речные в целом виде, с оснасткой и без оной, с каждой полной тонны вместимости по 38 руб. зол. за 100 первых тонн, по 20 руб. зол. со следующих тонн до 1500, а что выше, по 10 руб. зол. с тонны. Баржа на 50 тыс. пудов угля полною вместимостью будет около 900 т. Следовательно, пошлины в таможню следует уплатить $100 \times 38 + 800 \times 20$, или

---

[1] Она сильно подешевеет, если разовьется железное коммерческое судостроение, и в этом будет прямой барыш казны, то есть общий русский, ведь военный-то флот там надобен и сильный.

[2] Выполнен к весне 1889 г. У г. Кошкина в 1891 г. уже три таких парохода, у французской компании и у других дело также растет, но его корни, то есть судостроение, все еще не установлены. Отсюда вся дороговизна и малость соперничества.

в сумме 19 800 руб. зол., или более 32 000 руб. кред. Вот какой явный барыш предлагается нашим судостроителям. Ведь это при современном (для апреля) курсе, около 40% стоимости, так как за вычетом 32 тыс. из 115 остается 83 тыс. руб. действительной стоимости.

Следовательно, нашему судостроению дана правительством таможенная охрана. Что же медлят предприимчивые люди? Чего боятся? Отчего они на юге не заводят судостроения, ведь оно там не менее в спросе и нужно, чем на Волге или на Неве, где сумели сделать многое для судостроения нужное. Причины сложны, но постараюсь объяснить эту сложность как можно короче, конечно, по крайнему своему разумению.

Первее всего, сколько я узнал по личным сношениям, боятся переменчивости в системе таможенных сборов. Заведешь, а тут все переменят и даже дойдут до того, пожалуй, что совершенно без пошлины впустят готовые иностранные суда, ведь и у нас довольно своих фритредеров. Лично я этого не думаю, но заверять в невозможности не могу. Надо, чтобы заверила в этом сама власть. Как тут рисковать? А рисковать надо многим, как далее увидим, и соперничать придется с готовыми уже иностранными предпринимателями, пользующимися всякими пособиями и дешевизной капиталов.

Потом боятся того, что кому-нибудь из возникающих судостроителей дадут опять привилегии и гарантии или субсидии вроде тех, какие дали рельсовым заводам, Русскому обществу пароходства и торговли и т. п. С привилегированными предприятиями боролись бы легко, соперничали бы, если бы не онабдили те привилегии казенной обстановкой и казенными подрядами — не ради превосходства дела, а просто ради особого вида личного покровительства. А раз его дали кому-нибудь, все уже знают, что покровительствовать станут до конца, всему поверят, все, что нужно для гибели соперников, будет сделано. Покровительство, по моему разумению необходимо во всем равное, чтобы личное искательство не могло находить лазеек. А тут ничего не выяснилось. Надобность все видят, но ждут — что сделают. Даже не знают, кто сделает что-либо в пользу коммерческого флота и судостроения. В других странах есть для того министерства промышленности и торговли. А у нас дела эти как-то случайно приписаны к Министерству финансов, а ему до того ли? Надо казну сберегать, накоплять, а тут все выставляют, что на морское судоходство французская казна столько-то вложила и столько-то ныне платит ежегодно, Италия, Австрия, Англия и др. столько-то. Финансы же наши не блестящи и без того, до новых ли тут крупных жертв.

Наиболее боятся сложности дела, предстоящего с судостроением, потому что придется чуть не с чугуна начинать самому, а делать его надо у моря, придется, пожалуй, особую железную дорогу ставить для подвоза угля и руды, их ведь много надобно для постройки сотен пароходов. Чугун, правда, можно еще в желаемых количествах и желаемого качества заказать или у Пастухова в Сулине или у Юза на рельсовом заводе,

или с новых екатеринославских заводов на Днепре. Но последние заводы только что возникают, а два первых стоят совершенно особо. Г-н Пастухов, без всяких особых содействий, вызвав к жизни в Сулине, далеко от моря, чугунное и железное дело на антраците, терпел и преодолевал неудачи, завел и механический завод в Ростове, но все ведет своими средствами, позатянулся, преодолевая без всякой помощи трудные дела; ему, очевидно, нельзя без внешней поддержки приняться за новое крупное дело, хотя бы за доставку миллионов пудов чугуна, надобного для производства судостроительных предприятий. Завод Юза весь приноровился к железнодорожным рельсам, и тоже без особого, явного интереса не вступит в дело доставки сырья судостроительному предприятию. Тем более это касается до изготовления железа и стали, листов и всяких частей, нужных для постройки кораблей. Пока не выяснилось дело с новыми двумя екатеринославскими заводами (оба далеко от моря, выше днепровских порогов), нельзя думать о железном судостроении, не начиная прямо с руд и угля. Их превратить следует в чугун, из него сделать железо и сталь, их превратить в листы и всякие принадлежности кораблей, эти собрать на элингах и, спустив в воду, их следует вооружить паровою машиною и всякими мелкими принадлежностями. Каждое такое дело, само по себе велико, а их совокупность очень трудна и сложна, потребует миллионы затрат, а миллионы эти, лежа в кармане, требуют только купонных ножниц, потому начинать и боятся. И не начнут в должных для нашего спроса размерах, пока что-нибудь да не уяснится, хоть в начале, хоть в конце сложного дела судостроения.

В конце судостроительного предприятия стоит получение заказов, а за ними денег за готовые суда. Вот и этого конца много боятся, из-за него не начинают. Знают уже, что железные суда надобны, особенно пароходы для рек юга России, для каботажа по кавказскому, азовскому, крымскому и одесскому берегам, также знают и великую потребность в готовых пароходах для дальнего плавания. Знают, что выгоды предстоящих дел понятны уже многим, то есть что заказы будут следовать друг за другом. Но знают также, что заказчики будут двух родов. У одних много доброй воли, энергии и понимания, но мало денег, и уплата за готовое судно такими людьми не может быть скорою. То же и у других, хотя денежных и деятельных заказчиков, но уже вложивших свой достаток в массу затеянных дел. Им надобен кредит — а где его достать? Выходит, что затратить придется очень много, но возврата придется ждать чересчур долго, а потому, кроме крупного основного капитала, следует судостроителю готовить еще больший оборотный капитал. Оно спокойнее купоны резать, с ними деликатно поступают, а с тем, кто рискнет сам в дело, да еще если в долги взойдет, с тем церемониться не станут, тому помогать не решатся, ему все поставят в вину, заслуг не приметят, еще «эксплуататором» обзовут. Всем это видно и примеры налицо — какого бы общеполезного дела предприятие ни касалось. Довольно одного завода

Пастухова, он у всех на глазах живет, и такие примеры одерживают риск.

Как же преодолеть всю эту сумму страхов, имеющих свое основание в современном нашем общем положении и быте? Как же выбраться из этой затяжной петли? Не лучше ли уж и впрямь снять пошлину с судов заграничной заготовки, чтобы только русские завели свои суда? Или не вложить ли в это дело принцип субсидий, казенных заказов да гарантий, которыми столько новых дел успели вызвать в последние десятилетия? Или не взять ли примера с Австрии, Франции и иных стран, которые свое судостроение вызвали и поддерживают[1] прямо крупными денежными жертвами, в том расчете, что они торговыми оборотами стране возвратятся? Не последовать ли предложению севастопольской каботажной комиссии, которая советует (l. c., стр. 9) установить выдачу правительственных премий за перевозку на судах русского каменного угля в размере (l. c., стр. 10) 1 коп. с пуда при перевозке в Керчь, 3 коп. — в порты Черного моря и 4 коп. — в порты иностранные — с пуда вывезенного угля, в течение 15 лет?

Это такая система вопросов, которая требует для самого краткого, но обстоятельного и прямого ответа больше, чем я желал бы посвятить всему делу каменного угля, а потому пропущу почти все аргументы, часть которых желающие найдут в трудах Общества содействия русскому мореходству, и прямо перейду к выводу, которого достиг не без колебаний в разные стороны.

Главная посылка моих соображений состоит в том, что на юге России сосредоточены все условия не только для важного значения торгового движения хлебом, нефтью, углем и всякими нашими товарами, но и для производства того типа металлических паровых судов, который, очевидно, вытесняет ныне всякие другие виды судов. Тут руды лучшие в мире, например в Кривом Роге, в Корсак-Могиле и еще, еще разные, до чисто марганцевых включительно. Тут уголь превосходнейший для металлургии и для пароходства, да и дешевле, чем где-нибудь. Тут из Тулы, с Урала, от Костромы придет сколько угодно дешевых, отличных мастеров всяких металлических дел, надобных для судостроения. Тут есть уже много техников и инженеров, запас знаний уже существует, да можно, пожалуй, и лучших знатоков выписать из Америки, Англии, Франции, — все окупится. Тут хлеб для рабочих не привозить, не покупать-стать, не выменивать на железо и уголь. Тут по берегам Азовского моря всякий пункт защищен пушками Керчи, которая теперь значение имеет не меньшее, чем кронштадтские или севастопольские, а на черноморских берегах устья Днепра,

[1] Историю мер, примененных разными государствами для возбуждения судостроения, можно найти в интересной статье Л. П. Семячкина «О необходимости и возможности развития русского торгового мореплавания и коммерческого судостроения», помещенную в 22-м выпуске Известий имп. Общества содействия русскому мореходству.

Буга и Ингула загорожены очаковскими твердынями вместе со всей русской силой. Здесь и место для судостроительных предприятий. Ни в Швеции, ни во Франции, которые уголь везут из Англии, ни в Бельгии, где уголь на исходе, ни в самой Англии, где хлеб и руду надо привозить издалека, — нет этой суммы благоприятных условий. А потому все естество дела говорит, что не нам покупать железные корабли от других наций, а нам продавать их следует, и мы можем соперничать в цене их с кем угодно.[1] Но конечно лишь тогда, когда начало будет заложено и заложено верно, основательно, когда явится, как в нефтяном нашем деле, свободное соревнование всяких сил, малых с большими, николаевских элингов с ростовскими и мариупольскими, ногайских с херсонскими. Вот подобное развитие судостроительного дела можно и непременно должно вызвать к жизни. И можно это, думаю, сделать без крупных прямых расходов казны, то есть без приплат, не гарантируя, не субсидируя, не платя за каждый пуд вывезенного по морю товара (повезут и без приплат, дело-то выгодно само по себе), не расходуя и без того скудные средства казны. Однако при этом надобно, ничего не вынимая из казны, во-первых, все возможное сделать для всех и каждого, кто за это примется, а во-вторых, об этом совершенно определенно объявить, чтобы всем стало ясно, что государство особо заботится развить металлическое судостроение на нашем юге из тамошних руд и углей, в-третьих, не облагать это дело будущего, долженствующее внести на юг России новую жизнь, никакими сборами, ныне столь крупными для всех заведенных дел, то есть капиталы, доходы и обороты судостроительных предприятий оставить без всяких обложений, да и самое судоходство облегчить, уменьшив и регулируя сумму портовых сборов, ныне уплачиваемых пароходами и всякими другими судами.[2] Ведь без особого покровительства, с одной ввозною тамо-

---

[1] Чтобы дать понятие о мировой потребности в одних паровых морских судах, достаточно указать, что подъемная способность морских судов всего света (по «History of prices by Mulhall», стр. 42) была в 1870 г. 1 918 000 т, а в 1883 г. 7 330 000 т. Следовательно, ежегодно (не считая устаревших и погибших судов, замененных вновь построенными) строилось морских пароходов более чем на 400 000 т вместимости. В 1883 г. паровые суда вместимостью в 7 330 000 т перевезли по морю 109 450 000 т товаров, следовательно каждый пароход в среднем сделал около 15 грузовых перевозок по морю. В том же году парусные морские суда с вместимостью 14 310 000 т перевезли только 42 630 000 т товаров, то есть в $2^1/_2$ раза менее свезли грузов, чем паровые корабли, и сделали в среднем только 3 грузовых перевозки в год. Ясно, что паровое судно заработает больше парусного. Из $152^1/_2$ млн т всех товаров каменного угля в 1883 г. перевезено $42^1/_2$ млн т, а хлеба 16 млн т.

[2] В вышеупомянутых докладах о каботаже, морском судоходстве и судостроении подробно перечислены те поборы, лишенные системы, а иногда и разумности, которым подвергаются наши суда в наших азовских и черноморских портах, при всем их неустройстве. Урегулирование этого дела, вместе с устройством портов и взаимного морского страхования, составляет теперь важную задачу администрации и ведомства

женною пошлиною, не идет дело судостроения, следовательно, теперь оно ничего не дает (кроме дороговизны судов и фрахтов), и, следовательно, те десятки миллионов, которые вложатся в это дело, без всякого казенного убытка можно оставить без обложений. И если всякие купончики, уже ныне обложенные, еще и еще, обложат, а купоны таких акций, которые ответят капиталам, вложенным в дело железного судостроения на юге России, оставят навсегда без обложения, — найдутся охотники завести у себя такие купоны.

Слышу я, слышу, вы очень боитесь, что придут на судостроительное дело Кокерили из Бельгии, шведы из Моталы и всякие иностранные капиталы, а вам бы хотелось, чтоб только русские тут сами сливки снимали. Очень похвально это, но, во-первых, до сливок-то надо еще добраться, во-вторых, если всем даны будут одинаковые права, ничто не попрепятствует вам самому взяться за дело соперничества с Кокерилями, особенно если купонами занимаетесь, в-третьих, и это всего важнее, я вижу ясно и верю в то, что, понемногу развиваясь, в своей стороне, с русско-казацкой смекалкой, да с запасом необходимых знаний, крупнейшие барыши и преимущества будут иметь не те, кто принесет много денег, а те, кто лучше вникнет во все существо дела и в наши домашние условия. А потому пусть их едут Кокерили, они, как при Алексее Михайловиче, как при Петре Великом, еще и ныне нам ко двору; они пример покажут — ведь даром, они работу дадут массе народу, они дешево корабли нам же поставят. А там мы и сами, видя выгоды и приемы, изверне мся и сделаем, глядишь, дешевле, да не хуже кого-нибудь. Ведь г. Тагиев, бакинский житель, на моих глазах стал владельцем миллионного нефтяного дела около Баку, бывши сперва владельцем немногих сотен рублей. А рядом стоит дело шведско-русской фирмы бр. Нобель, еще более многомиллионное, но все те миллионы не от нефти нажиты, а получены от акционеров. Один смекнул, как на нефти деньги можно наживать, барыши получать, а тут разобрали, как можно находить деньги под нефть и для нефти. А в сумме Россия в выгоде от тех и других дел, и нефтяные товары стали дешевы, дела с нефтью обширны. Словом, при промышленной свободе, ни больших, ни пришлых миллионов бояться нечего, если они станут надобные дела делать, а потому из-за них речь приостанавливать много не стоит.

Устраивая морские порты, заботясь дома и за границею, как заботятся англичане о своих торговцах, ведущих внешнюю торговлю, облегчая всякими способами промышленное и торговое соревнование, — правитель-

---

торговлею, что может быть поставлено в параллель с возбуждением судостроения. Мне невозможно касаться всего этого, но нельзя не упомянуть, потому что, устраивая одно, позабывая о другом, легко утратить главную цель. Сложное дело морской торговли одно, само по себе, не говоря о массе других дел, ясно уже говорит о необходимости для промышленно-торговых дел особого управления.

ство окажет косвенную поддержку судостроению в большей мере, чем прямыми субсидиями, тем более, что их можно дать лишь немногим, а к делу морского судоходства и судостроения следует привлечь именно многих. Наши русские порядки таковы, что выгодных дел у нас множество, но в них не идут — пока два, три первые примера и особое внимание правительства не обратят на которые-нибудь общего внимания. Если же это случится с каким-нибудь родом предприятий, на него бросаются со всех сторон. Укажу для примера на табачные, сахарные и нефтяные дела. Полное равенство для всех и каждого предпринимателя, отсутствие особого личного покровительства составляют при этом непременное условие. А если дело само по себе обещает выгоды, притом крупные, тогда его успех, после удачного почина, обеспечен. Поэтому дело судостроения на юге России, по моему мнению, может развиться до значительных размеров без больших прямых затрат казны, благодаря сумме природных условий, благоприятствующих судостроению на южно-русских берегах в такой мере, в какой нигде, кажется, в мире не скопились эти условия.

Вот как, по моему мнению, можно помочь возбуждению железного парового судостроения на юге России:

1) Объявить, что существующая или ей подобная, еще большая таможенная пошлина не изменится в течение определенного срока, скажем 15—20 лет. Нефтяное дело началось высокою покровительственною пошлиною, кончилось тем, что хоть снимай ее теперь совершенно: у нас нефтяные товары дешевле, чем где бы то ни было. То же будет на русском юге с железом и с кораблями. В этом так же убежден, как убеждал когда-то в нефти.

2) Следует предприятия металлического судостроения объявить совершенно свободными от всяких сборов и налогов, торговых ли или промышленных, и акции этих предприятий освободить от всяких обложений. Надо помнить, что чрез это долги не увеличатся, а доходы страны, все ее торговые обороты сильно возрастут от дешевизны судов, даже прямо от заработка народа на судостроительных предприятиях.[1]

---

[1] В настоящей, нынешней цене металлических паровых судов три четверти их стоимости прямо уплачивается рабочим, добывателям руды и угля, мастерам при выделке чугуна, железа и стали, при их превращении в корабль, в машину, в якоря, цепи и тому подобное и только разве 25% стоимости судна распределяется предпринимателям, владельцам руд и копей, доменных и сварочных печей, элингов и всяких мастерских. Соревнование и с этой цены умеет сбавлять. Оттого-то чисто капитальные предприятия остаются без барышей, а рабочие, мастера, а с ними и вся страна все же имеют заработок. В этой организационной работе нашего времени должно видеть главное ручательство как за стойкость существующего порядка вещей, так и за его усовершенствование не чрез перевороты, не путем ломки, а постепенно, чрез соревнование, чрез сознание надобности как капитала, так и рабочих, как риска, так и определенного уверенного заработка, как частных личных целей, так и общих. Тут, в деле чисто промышленном, как подумаешь хорошенько, помири-

3) Следует под заводы судостроительные на морских берегах отчуждать землю, как в казну, а эту землю или сдавать в аренду, или продавать предпринимателям с обязательством вести судостроение, без чего та земля опять отойдет в казну под судостроительное предприятие — без приплат.

4) Первым пяти или даже десяти судостроительным учреждениям (малым или большим), созданным на берегах Азовского моря или в днепровских устьях, следует дать право ввезти из-за границы такие снаряды и станки (но не чугун, не сырье), которые нужны для их специального дела, с рассрочкой таможенной пошлины на пять, десять лет. Тут потери не будет, а делу мера та поможет, потому что капитал и без того надобен громадный, а таможенные оплаты у нас ныне крупны, заводов же, дешево поставляющих снаряды и станки, еще не устроилось.

5) Готовые суда, застрахованные как должно, следует принимать в залог под банковые ссуды с таким низким процентом интереса и погашения, какой только возможен без убытка для Государственного банка. И эти ссуды следует давать как покупателям, так и судостроителям, лишь бы корабли отвечали некоторым условиям, заранее точно объясненным и публикованным. Если выдаваемые ссуды будут составлять $^2/_3$ или $^3/_4$ стоимости, потерь казне быть не может, а покупателю и заводчику конец дела и весь расчет будут тогда ясны.

6) Один прямой, но не крупный, единовременный, незатяжной расход казны мне кажется необходимым: следует вызывать кораблестроительные и вообще судоходные проекты и публиковать их, лучше же крупно поощрять, чтобы вырабатывались формы судов, речных и морских, особенно для разных специальных целей, для экономии топлива и для увеличения быстроходности. Последнее слово здесь далеко еще не сказано. Хотелось бы, чтобы корабли нашей стройки были не только дешевле, но и лучше существующих типов. Дело это само по себе стоит внимания и затрат, которые могут возвратиться на одном военно-морском судостроении.

Кончив изложение своего мнения о возбуждении судостроения на русском юге, я сам тоже боюсь кое-чего. Не разберешь, — кому хлопотать об этом возбуждении судостроения, не знаешь, какое министерство ведает этим подлинно. Тут уголь и руды с добычею железа и стали, — они в Министерстве государственных имуществ, оно хлопочет развить эти дела, кораблестроение же потребует этого добра больше, чем железные дороги. Тут и порты и речное судоходство замешались явно, а они у министра путей сообщения. Тут интересы торговли и промышленности, а они в Ми-

---

лись государственные, социальные, капиталистические и личные, трудовые интересы. Кто придумал что лучшее? А классики ничего подобного и не подозревали. Не по причине ли господства их понятий поныне у нас, как и всюду, многие и теперь не понимают целей и средств промышленности?

нистерстве финансов. Тут и морское дело, а оно в Морском министерстве. Вот и боишься — начинать некому, в чужое ведомство зайдет каждый, а своего у нашей промышленности еще нет. Боюсь, однако, и еще кое-чего другого, особенно такого, что говорят у нас и даже пишут, не справляясь ни с действительностью, ни с высказанным, а так, по наитию, да по классическому приему всякое дело решать на основании некоторых немногих допущений и общих мест. Одни скажут, что мало добра хочу, коли казну очень берегу, что везде в мире на дело судостроения прямо жертвуют деньги, а тут расходов казны не предполагается, без них же нигде такие дела, как возникновение судостроения, не делались. Хотелось бы на это мне ответить — съездите, да вникните в местные благоприятные условия, но лучше я уж прямо приведу противуположное нарекание, которого жду. Ведь скажут, что не одно судостроение надобно и важно, что если есть условия, выгодные для его возникновения, то дела эти и сами должны возникнуть, давать им особых привилегий, терять казне свои возможные доходы здесь незачем. На это скажу, во-первых, справьтесь с историею судостроения и торговли, а потом вникните в теперешнее положение судостроения на юге России, никакого исхода не обещающее. Во-вторых, попрошу посчитать, сколько у самой казны явится сбережений от дешевизны угля и кораблей; ведь углем топят всякие здания, казною содержимые, а им числа нет, им же топят пароходы той же казны и железные дороги, а от своего судостроения уголь подешевеет, как и все надобное для военного судостроения. В-третьих, этим возражателям, требующим тесноты, как тесноты всем и каждому, я рекомендую следующую главу, где говорю о всей промышленности того края Новой России, где должен возродиться коммерческий флот не только для наших русских, но и для соседских, иностранных надобностей.

А если вместо этих предвидимых нареканий будет указано что-либо мною упущенное и доказывающее, что мои предложения ничему не помогут, судостроения не вызовут, тогда я признаю пропуск и явно присоединюсь к мнению лиц, требующих каких угодно жертв, конечно разумных и целесообразных, — лишь бы возбудилось скоро и верно на нашем юге свое прочное судостроение, потому что оно не менее надобно, чем железные дороги, построенные преимущественно для подвоза наших товаров к морям и для взаимного сношения далеких частей России между собою. А в этих делах корабли и вода играют такую же роль, как рельсы и катящиеся по ним вагоны [...].

Каменный уголь, торговое пароходство на своих кораблях, свое железное судостроение — все новшества, как железные дороги, как освобождение крестьян, как свободное слово, но и они претворятся в русскую силу и крепче крупповских пушек станут содействовать сохранению нашей самобытности.

Август 1888 г.

VI. Местное промышленное применение донецкого каменного угля

Путешественники не удивляются, когда не могут в швейцарских горах достать хорошего местного сыра — лучший давно запродан, раньше добычи, гастрономическим торговцам Лондона и Петербурга. В Клину не найдешь ранних огурцов, земляники к Пасхе и ананасов, хоть ими торгуют местные производители. В лавке около фарфорового завода часто продают только брак. Но масса обычных товаров не такова; на месте добычи товары не только лучше по выбору, но и дешевле. Это особенно относится к товарам, производимым в значительных размерах, при свободном соревновании и прямо добываемым из природы; больше же всего к таким, которые дешевы и расходуются потребителями в больших массах. Тем более, что тогда посредники, то есть комиссионеры всякой формы (скупщики, факторы и т. п.), торговцы и перевозчики, цену товара неизбежно повышающие, могут быть прямо исключены, и потребитель или сам может становиться добывателем, или может взойти в прямое соглашение, то есть в наем или другой вид контракта, с действительными добывателями, то есть с рабочими, землевладельцами и т. п.

Таков и каменный уголь. На месте добычи он дешевле и выбор его всегда лучше, чем где-либо. На этом основано развитие многих промышленностей, пользующихся углем на самых месторождениях угля. Конкуренция производителей заставляет изыскивать способы удешевления всяких товаров, а так как в цене многих из них стоимость угля входит значительною долею, то учреждение таких производств около самых мест добычи каменного угля может значительно удешевлять товары. Особенно же тогда выгоды от этого велики, когда другие продукты природы, надобные для данного производства, находятся или рядом, или недалеко от угля. Пусть даже от перенесения производства в каменноугольную область увеличится стоимость рабочих или размер первоначальных затрат, или стоимость доставки товара к потребителям, все же выгоды от удешевления угля и другого сырья могут с избытком покрывать эти излишние расходы, если уголь в данном производстве играет важную роль по массе и ценности.

Так как эта простая правда очень важна для дальнейшего нашего изложения и для предстоящего промышленного развития России, а соображения, относящиеся к ее выводу, у нас еще много распространены, то, прежде чем прилагать их к Донецкой области, считаю полезным развить некоторые общие стороны предмета, а потом в частном примере железного производства выяснить практическую важность правильного отношения к выбору мест для устройства заводских и фабричных промышленных предприятий. Необходимая при этом краткость изложения заставляет меня быть отрывочным, лишь бы сущность стала ясна.

В заводах преобладает химическое, на фабриках механическое изменение сырых или исходных продуктов производства. Механическая мастер-

ская, ткацкая, прядильная, даже мельница составляют в этом смысле примеры фабрик. Здесь изменяется лишь форма, но само вещество не переделывается. Главные участники изменений этого рода суть двигатели, например руки рабочих или паровые машины. Уголь здесь играет роль механической силы. Стоимость рабочих и переделываемого сырья здесь составляют главнейшую долю стоимости готового товара. Место, приличное для учреждения данной фабрики, редко определяется ценою топлива, чаще зависит от цены сырья и рабочих, но более всего определяется близостью самих потребителей или по крайней мере торговцев. Поэтому масса фабрик жмется к большим городам. Париж и Лондон, Петербург и Москва, Нью-Йорк и Пекин выросли и растут от этой причины. И это правильно. Еще необходимо добавить по отношению к большинству обычных фабрик, что в их продуктах изменение формы играет существенную роль, что ход и цена их, даже достоинство, часто определяются не массою, не весом товара, а его формою, а потому обычай, прием, вкус, знание, даже мода производителей и потребителей, здесь играют первейшую роль, и чем более они участвуют в цене товара, тем сильнее склоняется его производство к скоплению около городов, столиц. Примеры всякий знает. Нечего и думать о какой-либо зависимости промыслов этого рода от мест нахождения угля. Уголь, как хлеб, как сырье, должен к ним прибыть, они крепки на данном месте, если оно верно соображено с обстоятельствами рабочих и потребителей.

Не таковы заводы всякого рода. Сырье здесь химически изменяется самим своим существом. Из хлеба или картофеля получают спирт и барду. Из дерева добывают смолу, уксус, уголь; из масл, содержащихся в каменноугольном дегте, краски; колчедан превращают в купоросное масло; из землистой руды выходит металл, из глины квасцы. Форма товаров, производимых настоящими заводами,[1] конечно, играет роль, но второстепенную. Важнее всего их качество. Хотя стакан вы ищете красивый, но худо разочтете, если упустите из виду качество стекла. Хотя форма кирпича, железного листа, даже той бочки, в которой находится сахар или спирт, имеют свое значение при покупке и продаже, но первее всего важно количество и качество материала, в данной форме содержащегося, тем более что качество зависит прямо от производителя, от его искусства достичь до получения товара желаемого свойства с наименьшею затратою сырья и работы. Если же из материалов природы один заводчик добудет товар желаемого качества и формы дешевле, чем другой, то первый возьмет перевес над вторым, даже тогда, когда у этого последнего будут старые связи и готовые рынки. Русскую ртуть стали тотчас покупать как испанскую, русское стекло пойдет на восток как венецианское, русский

---

[1] Есть много переходов или сочетаний фабрик с заводами. Белильный завод почти всегда связан с ткацким. На заводах, добывающих металлы, их отливают, обтачивают и т. п., т. е. имеют фабричное отделение.

корабль купят как английский, русский керосин идет как американский, европейский свекловичный сахар почти вытеснил тропический в мировом спросе; надо только, чтобы цена была ниже, а качество материала такое же или высшее. Следовательно, здесь главное дело в дешевизне сырья и доставки, ибо капитал и знание, надобные для производства, можно приобресть самому или приглашая к участию капиталистов и знатоков, и цена капитала и знания ложится лишь ничтожною долею на цену продукта при производстве сколько-либо развитых размеров. Поясним это коротким сравнительным расчетом. Примем, что доменная печь, производящая в год 600 000 пудов чугуна с пудлинговыми и сварочными печами и со всем надобным для переработки всего чугуна в 500 000 пудов железа, стоит у нас 300 000 руб. Пусть этот капитал у нас требует для интереса и погашения 8%, то есть 24 000 руб. в год, даже 10%, или 30 000 руб. в год. Все же цена капитала ляжет на пуд железа не более как 6 коп. И пусть в Англии стоимость устройства и процент интереса дешевле до того, что они лягут на пуд железа только 2 коп. Если на угле, или на руде, или на земельной ренте, или на цене рабочих, или на совокупности всего этого у нас можно получить железо на 10—12 коп. дешевле, соперничество, с шансами преимущества, все же становится не только возможным, но технически и экономически обязательным, неизбежным. По отношению к знанию дело еще проще. Знатоку бессемерования, или стеклоделия, или нефтяной перегонки, или хоть выделки соды везде дадут деньги, и пусть придется переплатить ему несколько тысяч рублей в год, это составит рубли в день, а если в день добывают тысячи пудов товара, то на них ляжет та переплата долями копейки, а потому если сбережение на цену сырья эту переплату превосходит, то конкуренция опять возможна, законна и может дать победу. Таково положение множества наших заводских дел. Конечно, торговля, все ее искусство, все ее атрибуты должны быть при этом готовы, но для этого искусства всюду, и у нас также, знатоки найдутся, потому что сумма всех влияний, здесь действующих, очень ограниченна, не требует головоломных, специальных предварительных изучений. Ведь с китайскими купцами отказываются соперничать даже английские. Ловкость, торговую сноровку наших армян, москвичей, даже того торгового космополитического сбора, который действует в Одессе, — нельзя отрицать, и если у них недостает смелости заводить заграничную торговлю нашими заводскими товарами, то лишь потому, что они либо дороги, либо низки по качеству, а явятся такие, которыми можно соперничать, торговцы найдутся. Вот для этого-то и важно, чтобы производители наши разобрали, где и что можно производить дешево и хорошо. Вот для этого-то и необходимо разобрать, — что можно дешево и хорошо добывать в Донецком крае, благо там уголь и море под рукою. Всего этого не перечтешь, да и нет в том надобности, потому что многое зависит от основного: его не будет — и многого другого быть не может. А потому остановимся на железе и соде, как на

основных заводских производствах, — много определяющих, докажем возможность их укрепления в Донецком крае до того, что нужны будут особые таможенные покровительственные пошлины для ограждения внутреннего производства не у нас, а в Англии или во Франции, чтобы соперничать с донецкими товарами. И пусть наложат там такие пошлины, не там наш рынок, а в тех иных странах, особенно средиземноморских и азиатских, куда возить донецкие товары ближе, чем из Англии, Бельгии или Германии. Да и сама Россия — обширный рынок, на который железо, соду и им отвечающие другие изделия шлют Англия и Франция до того, что начало нашего внутреннего производства приходится ограждать покровительственными пошлинами, а они удорожают все и мешают свободному развитию нашей промышленной производительности. Тут и выходит дилемма: снять пошлину — многое свое никогда развиться не будет иметь возможности; наложить пошлину — придется во все время, до развития своего производства, переплачивать. А железо, всякий знает, везде, во всякой промышленности, играет важную роль орудий. Охранительная железная пошлина (с пуда в копейках золотом) у нас ныне (1888 г.) такова: чугун морем — 25 коп., сухопутно (с западной границы) — 30 коп. (до 1898 г.); железо и сталь в полосах, лому и т. п. — 50 коп.; листовое, в плитах, тонкосортное — 70 коп.; чугунные изделия необделанные — 1 руб. 40 коп.; железные и стальные изделия грубые — 1 руб. 20 коп.; котельные, обточенные, полированные и т. п., локомобили, инструменты, машины — 1 руб. 40 коп.; паровозы 2 руб. с пуда золотом. Величина этих пошлин[1] такова, что увеличивает цену, за которую можно производить чугун, железо и сталь в необделанном виде, почти что в два раза, потому что пуд чугуна обходится уже ныне заводам, хорошо поставленным и действующим на каменном угле, не более 40 коп. за пуд, а 25 коп. золотом, вместе со всякими таможенными процедурами и хлопотами стоят больше.

Нельзя мне здесь вдаться в рассмотрение того мирового спора протекционистов с фритредерами, который волнует вот уже целое столетие и поныне умы всех разумных деятелей всюду, но я считаю необходимым сказать, что, по моему мнению, для столь обширной, еще чисто почти земледельческой страны, как Россия, следует вызвать промышленную производительность основных товаров, подобных железу, не только потому, что все для добычи его необходимое у нас есть в изобилии, но и потому, что покровительство, при правильном к нему отношении, должно довести внутреннее производство наше до того, что наше железо будет дешевле привозного. Пример нефтяных дел разителен. И вот для таких-то производств покровительство разумно, основательно. В этом смысле мне все велит быть протекционистом.[2] Пошлина на кофе есть подать, она законна как подать. Пошлина на железо, в наш железный век, была бы бессмыс-

[1] Тариф 1891 г., см. предисловие, статьи 139 и сл.

[2] Писавши в 1888 г. эти строки, я сохранил те же убеждения и ныне. Развитие их помещено в этой книге (1891 г.).

лицею, если бы у нас нельзя было произвести железа дешевле, чем привезти его из Англии. А потому она есть покровительство внутреннему производству — для возможности его развития. Но ограничиться этою одною мерою нельзя, потому что эта мера отрицательная, разумною же она может сделаться только тогда, когда рядом с нею будут приняты положительные меры для свободного, широкого развития железного производства внутри России. Не сделается этого необходимого дополнения, — бесполезно быть протекционистом. Поэтому в дальнейшем изложении предлагаются меры, могущие этому содействовать. Но сперва коснемся ближе отношения между железом и углем.

По «Statistical report for 1887» (p. 56), в Великобритании:

	1886 г.	1887 г.
	т о н н ы	
Добыча чугуна	6 870 665	7 441 927
Потреблено каменного угля	15 287 527	16 458 614
На тонну чугуна тонн угля	2 1/5	

Для добычи чугуна уголь обыкновенно предварительно превращается в кокс, и 16 частей угля дают около 10 частей кокса, так что на одну часть чугуна шло около $1\frac{1}{2}$ частей кокса. Главная масса чугуна переделывается в железо и сталь, и при этой переделке на 100 частей чугуна или на 90 частей получаемого железа расходуется около 100 частей каменного угля, при бессемеровании или вообще при переделке чугуна в сталь теряется около 20% (100 [частей] чугуна дают около 80 стали) и расходуется от 50 до 100% угля. При отливке чугуна идет около 25% угля, при производстве изделий и сортов из железа и стали опять расходуется уголь, так что на пуд железа или стали в изделиях в среднем расходуется около 4 пудов угля. А так как стоимость чугуна на месте добычи в Англии около 40 коп. за пуд,[1] а железа и стали — около 1 руб., то, полагая цену угля в 7 коп. за пуд, получаем, что цена угля составляет (15 коп.) более $\frac{1}{3}$ стоимости чугуна и более $\frac{1}{4}$ стоимости железа. Поэтому станет понятным, что переделка руд в чугун, железо и сталь должна сгущаться в местах добычи угля — там уголь дешевле, а потому и чугун и железо дешевы. Доменные печи и заводы для выделки железа и стали ставят на местах добычи угля, даже прямо около угольных шахт, для того чтобы избежать всякого накладного расхода на подвозку самого тяжелого груза — топлива. Поднятый из шахты уголь тут же кладут в печи для превращения в кокс и рядом же ставят домну, то есть печь для добычи чугуна. Расчет очевиден даже тогда, когда руду надо привезти

[1] Подробности об изменении английских цен чугуна будут даны в одной из следующих глав этой книги.

издалека, тем более тогда, когда руда, как это иногда бывает, находится в той же копи, рядом с углем. Это потому, что на производство пуда чугуна требуется более угля, чем руды, даже тогда, когда в ней содержится не более 45% железа, а для таких богатых руд, каковы лучшие криворожские или корсак-могильские, даже кокса надо больше, чем руды. О железе или стали нечего и говорить, тем более об остальных железных изделиях, требуемых в массах: они истребляют огромное количество топлива, а потому те из таких заводов и фабрик, которые, производя валовые ходячие предметы (рельсы, паровозы, оси, колеса и т. п.), стоят прямо на угле, всегда будут иметь перевес над подобными заводами, долженствующими привозить к себе уголь или даже кокс.[1] Поэтому каменноугольная область, содержащая металлургические, коксующиеся сорта углей, есть в то же время непременно область развития железного производства. И в Англии и во Франции руду подвозят к углю иногда издалека, с Эльбы, из Испании, из Алжира. Поступать иначе, очевидно, нерасчетливо. А так как в Донецкой области металлургических углей масса, а рядом или недалеко есть и всякие виды железных руд, от богатейших магнитных и марганцовистых до бурых железняков, и здесь уголь и руды дешевле, чем где-либо, то Донецкая область есть естественнейшее место для развития такого железного производства, которое может соперничать с кем угодно. Московский и даже Польский угольные бассейны не содержат коксующихся углей, а добыча Урала должна вся переделаться на каменный уголь вместо древесного, если желает вновь воспользоваться своими богатейшими рудами, потому, во-первых, что одна добыча на каменном угле может сделаться громадною и, следовательно, дешевейшею, а во-вторых, потому, что с открытием томазирования (щелочного бессемерования) на всяком виде топлива из всяких, даже плохих руд стало возможным дешево добывать такие железные изделия, какие еще недавно умели получать только на древесном топливе и только из редких по чистоте и богатству руд, подобных уральским. То время теперь прошло, не воротишь.

Что же медлят у нас-то на Донце? Отчего цена чугуна и железа, а затем и всяких изделий из них у нас выше, чем где-нибудь, не говоря об Англии или Северной Америке?

Ответ на эти вопросы был бы очень длинен, если бы я захотел изложить всю историю изменения наших таможенных пошлин на железо и правительственных влияний на развитие нашей металлургии. Но считая эту сторону предмета уясненною промышленными съездами и нашей литературою, а современные охранительные пошлины достаточными (при существующих курсах кредитного рубля) для укрепления у нас металлургии, я ограничу свой ответ тем, что укажу на предстоящее важное

[1] Фабрики чисто механические, без заводской добычи, производящие разные металлы, лучше, выгоднее ставить около городов или мест спроса.

и выгодное дело, а из прошлого кратко остановлюсь лишь на том, что делалось до сих пор в Донецком крае.

Первые попытки установить металлургическое дело на юге России, около каменных углей, сделаны были правительством, то есть горным ведомством, которому принадлежит Луганский чугунно-литейный завод, основанный в самом конце прошлого столетия и занимавшийся преимущественно чугунною отливкою. Снаряды севастопольской обороны были отлиты Луганским заводом. Он расположен недалеко от Донца, не на угле, а на запрудах Лугани, дававших водяную силу заводу. Но все же с самого начала и потом в 30-х годах на нем ставили домны, но своего чугуна не имели: сил, уменья не было, да и место было не подходящее во всех отношениях. Выплавку чугуна на антраците основали около Керчи, пред самым началом Крымской войны. Опытов еще не напрасили, как неприятель все разорил, взявши Керчь. Еще во время войны решено было поставить завод в самой области угля. Министром финансов и начальником горного дела тогда был Вронченко. Сверху дело было понято правильно. И место выбрали не худое, около села Корсунь, в Бахмутском уезде, прямо около угля и руд. Завод назвали Петровским, но вся его история показывает, что он не из времен Петра. Его открыли в 1859 г. Домну поставили сперва шотландскую, горн в ней скоро прогорел, потому что материал, взятый для него, был мало пригоден. Но все же чугун добыли, и хоть много стоил каждый его пуд, но начало установлено, пример показан. Вместо прежней сложили печь новую и нового типа, нигде не бывалого, ни на что здесь не пригодного. Ее очень хвалили на бумаге, писаной и печатной. Тогда неудачи пошли за неудачей. Пригласили немца, того хуже стало. Пришлось бросить все дело из-за того будто бы, что руд нет, а в сущности оттого, что знающих людей не было. Приказные дела и отчетность занимали все силы казенных деятелей. В 1866 г. основали новый чугунный завод, в Лисичанске на Донце, среди казенных угольных копей. Только опять неудачно, потому что лисичанский уголь пламенный (I группа Грюннера), прямо уже не коксующийся. Правда, что на таких углях давно выплавляют в Шотландии чугун, но здесь хоть и были способные к делу люди, но не было головы, знатока, а с казенною обстановкою не было и настойчивости. Неудача была явная. И этот, вот уже пятый казенный завод, закрыли.[1] Можно с уверенностью сказать, что главную причину этих неудач составляет тот порядок, которым ведутся казенные технические предприятия. Если бы избрали лицо, не столько знающее, сколько способное, да дали бы ему, во-первых, доверие, то есть свободу действия, во-вторых, капитал и, в-третьих, выгоду личную при успехе предприятия, тогда бы, конечно, с половинами затрат

[1] Фактические данные, до них относящиеся, заимствованы мною из местных рассказов и из обзора промышленности, составленного к выставке 1882 г. (группа IV, горная и соляная промышленность, составлен инженером А. П. Кеппен).

давно бы уже достигли желаемого. А то назначали и жалованье платили по чинопроизводству, доверием не снабжали, отчетов бумажных требовали массу, заставляли класть печи сверху, — все оттого и рушилось. А все же урок вновь был получен, и дело затем пошло иначе. В конце 60-х годов на северо-восточной окраине Донецкого бассейна Пастухов, а на юго-западной — англичанин Юз взялись установить и установили-таки добычу чугуна и железа на донецких углях: Пастухов — на антраците, Юз — на отличном коксовом угле Кальмиусо-Богодуховской местности. Первый все дело вел и ведет от себя, на свои личные средства. Второй основал компанию «Новороссийское общество каменноугольного и железного производства» и заключил с казною обязательство вырабатывать уголь и добывать чугун, железо и сталь и делать рельсы, которые по сих пор составляют главную специальность этого образцового у нас завода. Сперва заказывались рельсы железные, ныне давно уже стальные. Г-н Юз, сам знаток дела, был мастером в Англии, привез оттуда мастеров. Ни крупных ошибок, ни долгих остановок, конечно, помимо мелких, неизбежных, случайных неудач, завод г. Юза не терпел, выгоды давал, дает и — будем думать — станет и впредь давать; пустыню, степь превратил в кусочек Англии, хоть рядом с английскими рабочими пользуется и массою русских сил. Сел он на голой степи, на землях, арендованных от князя Ливена, устроил целый город для жилья рабочих, для контор, мастерских. У него три домны для чугуна, одна малая для ферромангана (марганцовистого чугуна, необходимого для производства стали в регенеративных печах, по способу Мартена) и все необходимое для переделки чугуна в сталь и в рельсы. Рядом с одной стороны — угольные копи, добывающие ежегодно до 15 млн пудов угля,[1] и коксовальные печи. С другой стороны, на земле князя Ливена, устроился целый городок «Новый свет», с собором, с рынком, с еврейским контингентом, со школами с больницею, со своей полициею, оплачиваемой заводом. Своя ветвь железной дороги идет от завода к общей дороге. Рабочих на металлургическом деле около 2500 человек, на угольном — около 1500 человек. Чугуна выплавляется около $2^1/_2$ млн пудов в год, железа выделывается около 400 000 пудов, стали около $1^1/_2$ млн пудов. Словом, недавняя пустыня ожила, результат очевиден, успех полный, возможность доказана делом. Чтобы видеть значение завода Новороссийского общества, то есть выплавки чугуна на коксе, достаточно сказать, что на 59 казенных и частных заводах Пермской, Уфимской, Оренбургской, Вятской и Вологодской губерний в 1885 г. (по официальным данным) было 104 доменные печи и получено $21^1/_2$ млн пудов чугуна, то есть из каждой домны средним числом в год около 207 000 пудов, а на заводе Юза — около 650 000 пудов на каждую домну. А уход-то ведь тот же.

---

[1] С тех пор (1887) добыча ныне (1891) удвоилась.

Около того же времени, когда возникал для казенных железнодорожных подрядов завод Юза, строился новый Сулинский чугунный завод частным человеком, Д. А. Пастуховым, одним из тех Пастуховых, которые издавна известны как производители железа на северо-востоке России. Г-н Пастухов сел на северо-востоке Донецкой угольной области, около реки Кундрючьей, подле станции Воронежско-Ростовской дороги (Сулин), на таком месте, где рядом нашел антрацит и пласты железной руды. Плавку повели прямо на антраците, сперва на местном, а ныне ведут на грушевском. Много и долго трудное дело такой выплавки не удавалось, но все побороли, и я видел домну в действии и отличный чугун, полученный из смеси руд местных с криворожскими, и ряд пудлинговых печей для получения железа. Хотя заводу лучше было бы прямо встать около Грушевки, хотя здесь были неудачи, хотя размеры здесь скромны сравнительно с Юзом, но зато ведь это дело все ведено энергиею одного лица, без казенных подрядов, на частные заказы (водопроводные трубы, чугун в штыках, сортовое железо, машины для угольных копей и т. п.), и выплавка чугуна прямо на антраците, практикуемая лишь в Америке,— все составляет очевидный и крупный успех русской металлургии. Поэтому имя Д. А. Пастухова займет в летописях русской промышленности почетное место, указывая на то, как много могут сделать частные, личные усилия. Неудачи, бездна хлопот достойны всякого поощрения с того момента, когда все же достигнута желаемая цель и когда охранительная пошлина приобретает свой настоящий смысл только чрез возбуждение внутреннего производства. Чтобы привлечь других, родить соревнователей, охотников, необходимо пионеров всячески поощрять — иначе двойную плату за все железное придется платить в России беспредельно долго. Ныне ясно, что завод Пастухова может жить и развиваться, что он окупит затраты, но и для этого необходимо время, новые упорные усилия, и вот их-то должно поддержать. Как сделать это — не мое дело, только я знаю, что если сломится этот начинатель, труднее будет ждать тех многих новых, именно частных, не субсидируемых начинателей, которых должно вызвать и которых вызывает покровительственная пошлина. Ведь всем нельзя же найти казенных заказов и ведь прочна и необходима частная инициатива, и вот она-то будет всегда иметь перед глазами Пастухова прежде, чем Юза.

Во всяком случае, начало есть, и необходимо вызвать соответственными мерами подражателей, расширителей, конкурентов, чтобы достичь возможной дешевизны. Уроки прошлого и покровительственная пошлина сами по себе помогут, обещая выгоды, но этого мало, по моему мнению, а потому я и перейду, сказав два слова о содовом деле, к тем общим мерам, которые считаю способными дать последний толчок сделанному, но еще не доделанному.

Если выплавка чугуна есть передовое дело массы промышленных предприятий, основанных на применении металлов, то содовое дело

должно считать передовым для всей той отрасли промышленности, которая называется химическою и пользуется ископаемыми для превращения их в массу потребляемых всюду предметов. Стекло, краски, мыло, керосин, беление и крашение тканей и масса других крупнейших отраслей техники, прямо или косвенно, связаны с содовыми заводами, работающими по обычному (Леблановскому) способу, потому что на таких заводах готовятся кислоты (серная, азотная, соляная), щелочи (сода углекислая и едкая) и соли (белильная известь, бертолетова соль, квасцы, глауберова соль или сульфат и т. п.), а они требуются всюду. Исходом служат три главных материала: соль, колчедан и уголь, а вместе с тем требуется и масса побочных: марганец, поташ, глина и т. п. Содовые заводы составляют зерно развития массы других побочных, соседних. Для примера упомяну о стеклянных заводах, которые требуют глауберову соль, известь, песок и топливо, да о гончарных заводах, требующих, главным образом, глины и угля, но всегда вызываемых содовыми заводами, потому что они спрашивают много гончарных изделий. Для содового завода идет приблизительно (на 1 часть соды) такая пропорция главных материалов: 1 часть колчедана, 1 часть соли, 2 части угля и 2 части известняка. Все эти материалы в Донецком крае изобильны и дешевы: сколько угодно каменной соли можно иметь по 4 коп. за пуд, колчеданов по такой же цене отберут из угля (гилевский завод так и поступает), уголь немногим разве дороже, а известняк, конечно, дешевле. Тут все условия, чтоб сделать дешевою соду и всякие соли и кислоты содовых заводов. Только их надо вызвать, сделать. Богатства Донецкого края зовут туда русских деятелей.

Не одни железные и содовые заводы там должно строить, как я уже упоминал в I-й главе, но, чтобы не расплываться в общих местах, я остановлюсь еще над добычей чугуна, чтобы показать, во что может обойтись пуд при ценах Донецкого края. На пуд чугуна, при 60% (а руды в 70% и выше есть в Донецком крае) содержания железа в руде, потребуется никак не более $1^3/_4$ пуда руды. Пуд ее ныне можно иметь по 4 коп., но я приму с провозом около 5 коп. Следовательно, цена руды будет около 9 коп. Хорошего металлургического угля на пуд чугуна достаточно 2 пуда, цену его при своей добыче должно у нас принять, как показано в I-й главе, не более 4 коп. за пуд, а с накладными расходами (коксование и пр.) примем за 2 пуда 10 коп. Плавня или флюса (известняка) пойдет на пуд чугуна много что 15 фунтов, и если принять для него цену 1 коп., то это будет больше, чем следует. На ремонт и погашение стоимости печи и машин не ляжет более как 3 коп. с пуда, если все идет как следует и ежедневная выработка из каждой печи равна 1500—2000 пудов, что легко достижимо. Рабочие и управление вместе с общими расходами не должны превосходить 5 коп. на пуд чугуна, потому что на каждую печь тогда получится в год около 30 тыс. руб., а расходы на доменную артель, очевидно, будут меньшими.

Таким образом, стоимость пуда чугуна на Донце может быть не выше 28 коп., и весьма вероятно, что при конкуренции и знании дела стоимость эта может быть доведена до 25 коп., а за 30 коп. чугун можно будет продавать с выгодою.[1] При такой исходной цене чугуна железо и сталь, машины и всякие железные сооружения должны обходиться в Донецком крае дешевле, чем где бы то ни было.

Сколько бы угля ни повезли из Донецкого края, как ни желательны меры, этому вывозу помогающие, а все же важнее всего именно развитие местной производительности Донецкого края, потому что он может доставить товары, всюду спрашиваемые, дешевле, чем какая-либо другая местность в мире, а на торговле ими внутри и вне России может прочно основаться все дальнейшее промышленное наше движение. Тут чрез Россию может выгадать и весь мир, как выгадал он от нашей нефти.

Здесь центр всего того, что мне желательно сделать ясным для всех русских. Личные выгоды и общая польза, казалось бы, одни были достаточны для того, чтобы привлечь к этим донецким делам массу деятелей, рабочих, предпринимателей, торговцев. Ведь всюду в угольные края идут предприниматели, везде, начиная с Польского края, на угле развивается местная производительность. Но наша страна, что бы там ни говорили славянофилы и западники, сложилась во многом особо, по-своему, — не скажу, чтоб желательнейшим, но своеобразным способом. В ней на все надобен толчок сверху, а особенно в делах промышленных, заводских. Ведь заводы, особенно металлургические, сперва прямо были казенными, требовали особого, царского начала. Читайте Аристова «Промышленность древней Руси» (1866), если хотите убедиться. Потом возникли дела, правительством особо поощряемые. Таково возникновение уральской металлургии, московских мануфактур, киевских свеклосахарных заводов. Прямо брали лиц, давали им в поссессию землю и людей, давали и деньги и заказы — только давай то, что надобно, что желательно. Много в том даже хорошего, только в результате получилось отсутствие в народе промышленной инициативы, надобен во всем толчок. Пусть он не будет вновь в виде казенного завода или привилегированного частного предприятия (те и другие даже составляют ныне во многих случаях задержки), довольно, если один за другим выйдут особые освобождающие, исключающие, поощряющие предписания, указы, меры, и дело может сделаться, на него обратится общее внимание. Так было с бакинской нефтью. Продали или сдали в бессрочную аренду казенные нефтяные земли (еще около 3 млн руб. за это получила казна), освободили добывателей от некоторых мелких, но тяжких стеснений, наложили, а потом сняли, ныне

---

[1] Припомним, что Англия производит в год 7 млн т, или более 400 млн пудов чугуна. Сбережение на 1 коп. здесь уже важно, а можно сделать выгоднее — вероятно, на 5, быть может на 10 коп. с пуда.

опять наложили акциз, дали право съездам нефтепромышленников заявлять свои нужды, — словом, обратили глаза на нефть, и все стали туда смотреть, бросились там делать дела. В результате получился быстрый успех и такой дешевый керосин, какого нигде в мире нет. Так, думаю я, будет и с Донецким краем, с его углем, с его металлами и всякими другими продуктами. Стоит обратить на тот край особое внимание, предпринять ряд мер, до него относящихся, не давать привилегий, особо не расходоваться, а только обратить на него внимание мероприятиями, разумно связанными с главною целью, чтобы явились там дела и крупные и мелкие, массы деятелей, труд и капитал. И я изложу здесь свои предположения *о совокупности* тех мер, которые мне кажутся достаточными для того, чтобы, при естественных задатках Донецкого края, привлечь к нему общее русское внимание, сделать из него новый, важнейший центр развития русской промышленности. Лишь бы русский кормчий положил руль на тот румб, на котором видно мирное и всемирное промышленное развитие нашей страны, она ответит ходом скорым, рассечет гребни волн и вступит охотно в новое для нас море промышленного прогресса. Эти привлекающие меры составляют то необходимое дополнение к покровительственной пошлине, о котором говорено выше.

Первее всего мне кажется необходимым означить ясно тот благодатный край, где может и должна, под влиянием предпринимаемых мер, развиться особая, живая промышленная деятельность, опирающаяся на угольные богатства Донецкого бассейна. С юга берега морей Азовского и Черного составляют естественную границу. С востока Дон, а с запада Днепр составляют также вполне естественные границы счастливой страны русского юга. Крым при этом взойдет в нашу исключительную область, но его особо счастливые условия и его современная скудость всякому известны, а потому и к нему полезно вновь призвать русское внимание. Только с севера нет естественных границ. А так как севернее 49-го градуса широты нет угольных копей, то гранью, особо покровительствуемой южно-промышленной области, можно назначить 49-ю или 50-ю параллель. В первом случае на востоке Калач (Дон), а на западе Кременчуг (на Днепре) будут около его границы, а во втором и Харьков взойдет в южно-промышленную область. Тогда университет и технологический институт этого города будут составлять естественные, готовые научные центры промышленной деятельности всей обширной области, долженствующей сделаться нашей Англиею с ее угольными богатствами, с ее сильною промышленностью и торговлею. Морских берегов, портов, железных дорог здесь довольно, следует только улучшить существующие, приспособить их к предстоящему делу — большой торговли, сильного промышленного развития.

Эту область следует освободить лет на 15, или хоть до начала будущего столетия, от всяких промышленных налогов, потому что от них вообще освобождаются начинатели дел, надобных для общих целей, пре-

следуемых государством. Ныне немного собирает казна промышленных сборов с очерченной области, и если что потеряет на промышленных сборах, то выиграет не только косвенно — от развития промышленности, но и прямо — от увеличения торговли, гильдейских повинностей. Не в сумме сбережений здесь сущность, а в том, чтобы этою и ей подобными мерами привлечь общее внимание к делам Донецкой области.

Так как основою ожидаемого промышленного развития Донецкого края должны служить ископаемые и их заводская переделка, то владельцев копей, рудников, словом, всяких предприятий, добывающих уголь, руды и всякие другие минералы, и владельцев фабрик и заводов, перерабатывающих эти ископаемые, следует вообще на данный срок освободить от всяких, даже гильдейских, сборов, и желательно упростить до последней степени все формальности, сопровождающие устройство и ведение таких дел, чтобы охота рыться в земле и добытое превращать в товары не была стеснена здесь ничем, не боролась с соображениями, еще часто у нас мешающими широте развития наших промышленных дел. Пора было бы подумать об этом и для всей России, но общее узаконение, которым установилось бы правильное и, однако, достаточно свободное развитие промышленных дел в России, составляет такое сложное дело, которое не может скоро сделаться и потребует такого близкого знакомства с разнообразием русских условий, что нельзя скоро ждать твердых и правильных шагов в эту сторону. Иное дело — выделить часть России в этом отношении и над нею посмотреть в течение сравнительно короткого времени, какой результат отвечает облегчениям, сделанным промышленности.

В описываемой области юга России уже ныне периодически повторяются съезды горнопромышленников, много содействовавшие началу развития каменноугольных дел. С 1869 до 1888 г. было 12 таких съездов, ныне должен собраться 13-й. Но полезно иметь съезды сельских хозяев и еще съезды заводчиков. Они много помогут разъяснению дел, если и впредь таким съездам дадут права: а) облагать себя особыми небольшими сборами подобно тому, как существующие съезды обложили уголь сбором по 15 коп. с вагона; б) право обсуждать и возбуждать вопросы, относящиеся до развития местной производительности; в) право ходатайствовать чрез посредство своих выборных о нуждах промышленности, обсужденных съездами, и г) право назначать постоянные комиссии для того, чтобы следить за складами, за движением товаров, за их браковкою и за точностью статистических данных, относящихся к промышленности края. Вот для этих-то последних целей и будут необходимы средства, о которых упомянуто в первом пункте. Не считаю надобным особо разбирать всю ту пользу, которая должна получиться от подобных съездов, потому что предмет этот многосторонний, спорный, и говорить о нем следует особо и подробно, когда желаешь доказать пользу съездов.

Предоставив многие общие преимущества всяким рудникам, фабрикам и заводам Донецкого края, следует дать еще некоторые особые преимущества тем из них, которые желательно особо вызвать, например стальным, кораблестроительным и содовым. Заказы для казенных надобностей по особо разобранным условиям, допускающим конкуренцию, уже много могут сделать в этом отношении так же, как и бесплатная отдача свободных казенных земель для обязательного устройства заводов. Но еще важнее снабжение таких желательных заводов оборотным капиталом, и оно возможно без убытков и утрат, если те заводы станут принимать в залог под ссуды от государства, как это делалось и делается часто. Только беда, если здесь вмешается какая-либо тень лицеприятия. Надо объявить условия и сделать всех желающих участниками выгод, могущих от этого проистекать подобно тому, как это делается в Крестьянском и Дворянском банках. Надо только сознать, что ссуда желательным заводам не менее, а, пожалуй, более важна для возбуждения правильного экономического роста России, чем ссуды земледельцам. Этот толчок, этот поворот нашей внутренней политики, опирающейся исключительно на землевладение и торговлю и оставившей промышленников самим себе, или, что того хуже, покровительствующей отдельным, избранным лицам, поворот от этого, например учреждение Донецкого государственного промышленного банка, был бы плодотворен и, при разумном ведении дела, мог бы не только не дать убытка, но скорейшим образом возбудить развитие именно тех видов производства, какие особо желательны. Ссуды под залог самых заводов, хотя бы еще и недостаточно развитых, позволят учредителям уменьшить величину капитала, необходимого для развития дел и для расширения конкуренции.

Затем, считая полезным для возбуждения промышленного движения в данной области учреждение в ней Государственного промышленного банка, я думаю, что было бы полезно разрешить также учреждение частных промышленных банков в отмежеванной промышленной области, но, однако, с тем, чтобы действия частных банков подлежали казенному контролю. Участие Государственного банка в текущих оборотах предприятия также может быть важным, особенно если банк станет выдавать, по возможно невысокому проценту, ссуды под залог готовых кораблей и всяких неизменяющихся товаров, сложенных в определенные склады, и если эти ссуды будут даваться товаровладельцу, а не определенным, особо обусловленным лицам, чтобы лицеприятие здесь имело наименее места. Сода, стекло, цемент, гончарные, фарфоровые и тому подобные неизменяющиеся товары заслуживают этого доверия не в меньшей мере, чем железо и хлеб, которым дается или предполагается дать банковые, варрантные ссуды. Они важны как оборотный капитал и принесут не убытки, а доход банку прямой, не только косвенный, — всей стране.

Свободные, безлесные государственные земли очерченной области следует продавать и отдавать в аренду желающим за определенную заранее

плату, не только для учреждения добычи ископаемых, что и ныне существует, но и для устройства фабрик и заводов, однако с тем, чтобы те заводы или фабрики стали действовать к определенному сроку. Если же они не будут учреждены или перестанут действовать, то государство опять может отбирать те земли для передачи их более деятельным лицам, которые тогда и возвратят стоимость приобретенной земли первоначальному владельцу. Такое ограничение необходимо для того, чтобы не могли явиться фиктивные заводчики, желающие или только спекулировать землею или, что того хуже, скупить все участки, на которых могли бы учредиться соперничествующие предприятия. Роль государства, очевидно, должна состоять в устранении монополизма, то есть в обеспечении всем и каждому возможности принять участие в том движении, к какому способна промышленность Донецкого края.

Хотя я не принадлежу к числу лиц, до забвения очевидности боящихся иностранцев и их участия в наших промышленных делах, хотя я и убежден, что не только иностранные капиталы, но и сами иностранцы нам еще очень полезны, потому что капиталы и люди создают предприятия и идут на риск, к какому наши люди и капиталы мало привычны, тем не менее и мне, как всякому русскому, желательно, чтобы свои, русские, пользовались некоторым перевесом в делах, предстоящих в России, а потому уступку ли земель, освобождение ли от промышленных сборов или другие виды поощрения предприимчивости следует, по моему мнению, ограничить русским подданством, чтобы хоть этим способом дать некоторые преимущества русским перед иностранцами. Но из-за боязни иностранных капиталов все дело тормозить — считаю просто вздорным. Возьму крайность. Пусть все дела Донецкого края очутятся в руках иностранцев. Это значило бы, что у нас иссякли смелые предприниматели, чего я вовсе не думаю. Но допустим. И пусть промышленность края процвела, завелась из него внутренняя и внешняя большая торговля. Ведь барыши от нее, пусть даже доходящие до 10—15%, составят только долю затрат и оборотов, ведь 90—85% всех оборотов, не говоря о затраченном капитале, останутся русским рабочим, землевладельцам, железным дорогам, да сверх того покупатели всей страны выиграют от удешевления товаров. Следовательно, благо разольется даже от иностранного капитала, приложенного к русской природе, втуне лежащей. Оно, конечно, лучше, если свои русские возьмутся за дело, потому-то я и рекомендую им одним дать некоторые исключительные права, которыми, думаю, вызовется быстрое развитие производительности нашей богатейшей каменноугольной области.

Необходимейшею сверх того мерою должно считать учреждение в крае особой промышленной инспекции, назначенной не для того только, чтобы взыскивать и требовать с местных производителей мер для попечения о рабочих, но преимущественно для всякого рода помощи предпринимателям в их первейших надобностях. Без этой второй цели одна первая

едва ли может дать пользу, потому что инспектор промышленности был бы тогда только полицейскою властью, составил бы отрицательную, а не положительную меру. Помирить попечение государственной власти о рабочих с государственною надобностью развития промышленности — составляет такую высокую и прекрасную, но и трудную задачу, что инспектор промышленности, имеющий в виду развитие промышленности, сразу получит особое значение, если будет взвешивать на весах справедливости обе свои задачи, сразу встанет вместо ходуль на здоровые ноги. Для того, чтобы достигалась цель главнейшая — помочь промышленному движению края, при инспекции должен существовать особый институт: 1) с химическою и механическою лабораторией, где бы за небольшую плату можно было исследовать продукты земли, заводов и фабрик; 2) с полною техническою библиотекою, доступною для всех; 3) с консультантами и инструкторами, могущими прямо указать лучшие способы и средства достижения технического совершенства, и 4) со справочным бюро для своевременного ознакомления желающих с условиями рынков, русских и иностранных, с отношениями спроса и предложения. Роль такой инспекции будет особенно важна, если все статистические и торговые данные, ею получаемые, будут быстро публиковаться, если возродится живая связь между инспекциею и вышеупомянутыми съездами деятелей края, и если инспекция, употребляя все усилия для того, чтобы внушить к себе доверие края, покажет ему плодотворность связи, существующей между промышленностью, наукою и властью, заботящейся как о предпринимателе, так и о его рабочих. У нас еще нет и, пока искусственно не разовьют, долго не будет такого прирожденного антагонизма между предпринимателями и рабочими, какой существует на безземельном Западе, а потому правительственный инспектор, помогающий единовременно как рабочему, так и предпринимателю, составит новое благодетельное учреждение, могущее подвинуть в лучшую сторону наше убогое промышленное развитие.

Ни новые казенные заводы, ни усиленные еще более охранительные[1] пошлины, ни гарантии или субсидии, ни привилегии отдельным лицам или предприятиям (хотя и такие способы свою пользу приносить могли), а ряд упомянутых или им подобных мер может быстро поднять местную производительность Донецкого края, потому что уголь и море всему будут помогать, а народ ждет только царского намека, чтобы двинуться в промышленность, и страна страдает от недостаточности существующей промышленности. И эти меры не могут быть считаемы личными привилегиями, если вы и я можем ими воспользоваться, если плоды от этих мер сделают ваши и мои расходы меньшими, потому что многое от них подешевеет для нас самих, и родятся новые типы отпускной торговли.

---

[1] То есть охраняющие лишь существующие виды промыслов, а о возбуждении новых не думающие.

поправляющие общий наш быт. Уголь Донца сам по себе когда-нибудь все это сделает, но тихо, мало-помалу, судя по нашему теперешнему строю и по существующим порядкам. Можно мерами ускорить, можно и замедлить. Меры, противодействующие, замедляющие неразумны, а возможны, даже существуют, конечно не преднамеренно, а по ошибочности соображений. Так, например, особое покровительство лишь некоторым предпринимателям, оставляя других без этого покровительства, заставляя искать этой исключительности и создавая особый вид монополии, препятствует такому широкому развитию промышленности, какое необходимо для России. Противодействовать вредному, нежелательному, неестественному разумно, но естественному, желательному, неизбежному не только следует помогать, но даже очень ошибочно и опасно не помочь. Слабая сила моих слов стремится избежать этой опасности. Но для заметного замедления или ускорения движения нужны силы, соизмеримые с движущими, а широкая промышленность движется силами народными, крупными, поэтому здесь надобна для ускорения сила большая. Сила власти, сознательно приложенная к ускорению естественных и желательных результатов народной жизни, составляет истинное народное благо, его высший разум. А широкое развитие промышленности в тех донецких местах, где находится много дешевого и прекрасного угля, принадлежит к естественным и желательным явлениям.

Еще упомяну под конец о том, что с развитием промышленности, особенно металлургической, которая дает дешевые земледельческие орудия и дешевые пароходы для вывозки товаров на дешевом угле, должен сделаться более, чем ныне, выгодным и весь сельский наш промысел, потому что хлеб обойдется дешевле себе и доставится куда следует по ценам более дешевым, чем ныне. Это может, однако, сделаться лишь понемногу и этого ждать долго, потому что в массу сельских хозяев не скоро проникают нововведения. Что же касается до развития заводской и фабричной производительности, то она может совершиться в немногие годы, судя по многим примерам, каковы: сталерельсовое (переделочное) производство, нефтяные дела в Баку и масса производств, быстро на угле возникших около Лодзи и Домброва. Первый пример обязан своим существованием исключительно мерам и расходам правительства, второй зависел настолько же от богатства края, насколько и от мер (но не расходов) правительства, а третий пример определился добычею угля и разумным пользованием этою промышленною силою. Поэтому должно иметь полную уверенность в быстром развитии промышленных дел в Донецком крае, если будут к нему приложены соответственные меры правительства, так как здесь все естественные условия для этого сошлись самым благоприятным образом. Сила главная в каменном угле, и на нем может и должен создаться благоприятный выход из того экономического положения, в котором мы теперь находимся. Для того, чтобы поправить наше финансовое и экономическое положение, нужно немногое, но необ-

ходимо это немногое сделать твердо, быстро и с доверием к силам страны и ее народа. Разбивая все на мелочи, проволакивая все чрез тонкое ушко бумажного производства, нельзя вести войны. Это знает всякий. Это картинно выразил Л. Н. Толстой. Но промышленные и экономические дела ныне стали во многом сходны с военными. Разведки уже сделаны, пора прямо наступать и пустить вперед черных донецких великанов. В них силы довольно для новых мирных русских побед.[1]

Август 1888 г.

Не вдаваясь в технические стороны предмета, а оставаясь на одной экономической стороне дела, многое следовало бы еще сказать о современном положении русского каменноугольного дела, но размеры этой главы и без того перешли пределы, которые я предполагал ей дать в своей книге, а потому об остальном скажу только кратко и даже отрывочно. А именно, неизбежно необходимо сказать, по крайней мере: о современном железнодорожном тарифе на каменный уголь, об отношении крупной каменноугольной промышленности к мелкой и о каменноугольных складах, потому что правильное суждение об этих трех сторонах предмета должно ныне считать наиболее важным, но полное решение вопроса, по моему мнению, невозможно без организации надлежащего сбыта водными путями (стр. 538 и 631).

Московский рынок, то есть сама Москва и ее самые ближайшие окрестности, наиболее всех других промышленных центров страдает от дороговизны топлива. На нем ныне могут конкурировать, сверх торфа, дров и нефтяных остатков, пять родов каменных углей: 1) английский, приходящий чрез балтийские порты и от них по железным дорогам; 2) донецкий, приходящий по Курской и Рязанской железным дорогам

---

[1] На этом кончаются мои статьи 1888 г. Оканчивая их, я писал следующее: «Другие дела и отношения, которым должен отдать все свое время, не позволяют мне теперь же изложить недосказанное как о донецком каменном угле, так и о ходе наших промышленных дел. Тот строй мысли, который составился у меня в этом отношении, возник не вчера, он только укрепился поездкою на Донец; думаю, что новые данные будут только усиливать его, а потому надеюсь, что, принявшись вновь за *временно* оставляемое, я сохраню крепкую уверенность в живую и блестящую промышленную будущность России и в скорую возможность ее достижения при помощи простых подручных России, естественных средств. Ноябрь 1888».

Предлагаемая книга, хотя посвящается более общему вопросу, может быть рассматриваема как окончание статьи 1888 г. и развитие ее основных положений.

со средним расстоянием около 1100 верст; 3) домбровский, который можно подвозить по железным дорогам, проходя около 1300 верст; 4) подмосковный (рязанский и тульский) с расстоянием около 400 верст и 5) уральский по Каме и Волге до Нижнего, а потом по Нижегородской железной дороге в Москву. Провозные платы за каменный уголь по железным дорогам из Донецкого края до Москвы регулированы в 1890 г. и значительно понижены, а именно, определено брать с вагона по 72 руб., то есть с пуда 12 коп. (+ станционный сбор около $^1/_6$ коп., нагрузку и выгрузку около $^4/_{10}$ коп., всего около $12^1/_2$ коп.), *для всех станций отправления одинаково.*

Последнее условие увеличит внутреннюю конкуренцию отдаленнейших от Москвы копей, то есть предоставит всем копям одинаковые преимущества. Притом на восток ли, то есть на Зверево и Воронеж, или на запад, то есть чрез Харьков, пойдут угли — плата взимается одна и та же. А так как некоторые копи лежат от Москвы на расстоянии около 1300 верст, то ставку можно считать вообще равною $^1/_{100}$ коп. с пудо-версты. Цена донецкого угля, поступающего в склады Москвы, будет, таким образом, в среднем не выше 6 + 13 коп., или около 19 коп. А так как на Николаевской дороге провоз английского угля с 7 коп. поднят до 9.3 коп. с пуда и цену этого угля в Петербурге (при курсе лета 1891 г.) нельзя (с пошлиною) принять ниже 15 коп., то он обойдется в Москве от 20 до 25 коп. за пуд. Следовательно, для устранения английского соперничества сделано все необходимое. Но если бы ничего другого не было сделано, то донецкий уголь, вероятно, поднялся бы около Москвы в своей цене почти до цены английского угля, тем более, что склады английского угля лучше организованы, чем склады донецкого угля, и цены английского угля определяли до сих пор цену донецкого угля. Прекращая или уменьшая внешнее, английское, соперничество чрез удорожание английского каменного угля, можно было бы оказать худую услугу московской промышленности, если бы не позаботиться о возможности новых регуляторов ценности топлива, так как иначе оно все могло бы подняться в цене. Поэтому единовременно с обсуждением тарифа на перевозку английского и донецкого углей обсуждался и тариф на перевозку польского, рязанского и уральского каменных углей, и для всех них спущена провозная плата, как видно из прилагаемого сличения прежнего (до 1890 г.) железнодорожного тарифа и современного, установленного тарифными учреждениями, состоящими при Министерстве финансов.

Прежние тарифы означены в графе под заглавием *ранее*, а в графе *ныне* даны действующие тарифы с пуда на все расстояние. Часть тарифов этого рода не применена еще в тот момент (август 1891 г.), когда я пишу эти строки, но предначертана к применению на ближайшее время. Тарифные платы этого последнего рода означены звездочкою (*), поставленною над величинами предначертанной пудовой ставки на уголь.

	Плата за провоз пуда угля и кокса, в копейках									
	из разных мест Донецкой области				из Польской угольной области (от Домброва)		из Нижнего (для уральских углей)		из Скопина—Чулкова	
	ранее		ныне							
	от	до[1]	от	до	ранее	ныне	ранее	ныне	ранее	ныне
В Москву .	13.92	15.61	12		20.40	13.55	6.05	4.10	5.86	4.80
» Петербург	23.92	27.61	14		17.36	11.18*	—	—	—	—
» Одессу .	11.59	13.54	10.50*—11.26*		12.93	10.50	—	—	—	—
» Варшаву	18.53	19.38	12.51		—	—	—	—	—	—
» Царицын	15.43	17.65	12.72*—13.66*		—	—	—	—	—	—
» Киев . .	12.05	14.00	10.89*—11.54*		10.46	9.30*	—	—	—	—
» Кишинев	11.94	13.89	10.50*—11.26*		13.29	11.39*	—	—	—	—

Для углей внутренней добычи провозная плата везде понижена, а для иностранных углей она повышена; например в Москву из Петербурга — от 7 до 9.3 коп., из Либавы — от 15.99 до 17.54 коп. с пуда. Ту же систему — облегчить провозную плату для русских товаров и увеличить ее для иностранных, то есть действовать в том же духе, как и таможенный тариф, — ныне Министерство финансов осуществляет для

[1] Прежде пудовая ставка изменялась, смотря по станциям отправления, например до Москвы от Грушевки 15.61 коп., от Должанской 15.45 от Крестной 14.42, от Изюма 14.00, от Рудничной 13.92 коп. с пуда. Поэтому, например, Рудничная станция имела $^1/_2$ коп. преимущества противу Крестной станции. Ныне все станции сравнены. Это очень важно для того, чтобы поравнять условия производства и сбыта — по крайней мере на отдаленные рынки.

массы товаров [1] и тем направляет развитие внутренней производительности.

Правительственная система возбуждающего промышленного покровительства получает свой истинный смысл и ведет к постепенному удовлетворению народных надобностей только тогда, когда, устраняя или уменьшая внешнее соперничество, она всеми способами, доступными для государства, вызывает внутреннее соперничество во всех его видах. А внутреннее соперничество во вновь вырастающих видах производств определяется, главным образом, двумя видами конкуренции: различных округов производства данного товара и различных его форм и способов в одном данном округе. Что касается до соперничества первого рода, то оно в деле каменного угля рассмотрено выше и имеет сравнительно малое значение в применении к столь дешевому товару, каково топливо, потому что может прилагаться только на границах районов, например в Москве, где, как выше показано, могут соперничать дрова, торф, нефтяные остатки, донецкий, польский, подмосковный и уральские угли. Имея в виду этот вид соперничества, не должно упускать и другой, потому что он в данном районе определяет цену товара. Вообразим себе, что всю разработку донецких углей передали бы на откуп некоторой сильной компании. Очевидно, что ей понижать цены до возможного их предела не было бы никаких оснований; она бы даже не имела поводов расширять производство, если бы достигла при данных его размерах и стоящих ценах удовлетворения намеченного заранее барыша, потому что, говоря короче, «от добра добра не ищут». К этому воображаемому случаю подходят или, правильнее сказать, составляют переход, например, случаи добычи каменных углей в обширных местностях, принадлежащих немногим крупным землевладельцам, подобное чему видим на Урале. Оттого-то самая широкая внутренняя конкуренция, сбивающая цены, вечно стремящаяся к усилению способов добычи и к расширению потребле-

[1] Для примера укажу следующее. Железо полосовое иностранное, проходя по русским железным дорогам в Москву, платило до и после декабря 1890 г.:

Из Петербурга (новый порт)	Из Кенигсберга (по русским железным дорогам)	Из Бреславля (по русским железным дорогам)
10.5, ныне 17.85	18.69, ныне 23.93	24.44, ныне 15.53
Паровики и резервуары железные:		
26.0, ныне 35.48	33.36, ныне 41.98	33.28, ныне 44.53
Москательные и аптекарские товары:		
26.0, ныне 52.59	43.11, ныне 60.31	55.19, ныне 63.47

ния, отвечает только тому порядку, у нас существующему до некоторой степени только в Польском крае, когда недра земли принадлежат государству, а не землевладельцу, эксплуатирующему поверхность, а государство отдает, на определенных условиях, разработку этих недр всякому, кто действительно станет производить разработку, а не захватит, по возможности, все кругом, чтобы устранить возможность соседнего соперничества. Но я не стану вдаваться в эту систему горного дела, практикуемую почти во всех странах Западной Европы, потому что ныне она не отвечает нашим порядкам, при которых можно захватить, чтобы не допускать соперников, десятки тысяч десятин земли, годной для извлечения известного ископаемого, и вести добычу только на маленьком клочке земли. Наши порядки в этом отношении рано или поздно, без сомнения, изменятся. Но и при современных — существуют, хотя не вполне развитые, условия соперничества разных предприятий в данном месте. Эти-то условия и вызвали успехи нефтяного дела в Баку на клочке земли в немногие сотни десятин поверхностью, где, однако, имеется множество владельцев и арендаторов. Они же определяют относительную быстроту развития добычи угля в Домброве. Им же во многом обязано и современное положение каменноугольной добычи на Донце, потому что здесь область углей громадна (около 2 500 000 десятин) и принадлежит громадному множеству владельцев, а именно: казне, частным собственникам и крестьянам или казачьим общинам. Но кажущееся множество конкурентов сокращается в сильнейшей мере от необходимости доставки до железных дорог и от относительной слабости всей суммы перевозочных средств. Регулирование Донца тем и важно, между прочим, что откроет всем прибрежным копям, ныне почти не тронутым, большой и свободный сбыт. А так как железные дороги (ветви Донецкой железной дороги) вели, как и следовало, не по залежам углей, а по условиям местности (избегая мостов, туннелей и т. п.), то и оказалось, что прямо конкурировать могут только немногие счастливо расположенные угольные копи и те, которые, обладая достаточным капиталом, могли построить свои подъездные пути. Здесь выступил на первый план тот вид конкуренции, который во всем мире еще долго и долго будет составлять предмет недоразумений, споров и всякого вида борьбы, а именно соперничество капиталистических предприятий с мелкими, лишенными помощи капитала. Легко советовать последним соединяться и соединенными силами добывать капитал, но выполнять это тем труднее, чем

меньше развита общая солидарность интересов и чем разрозненнее отдельные мелкие предприниматели. Капитальному предприятию надобны проценты интереса и погашения и плата текущих расходов на материалы, рабочие силы и всю организацию сложного дела. Мелкий предприниматель, работающий на своей земле, например крестьянин на своей делянке, не видит прямой необходимости покрывать большую часть таких расходов, стремится только найти в угле свой заработок, а потому, во-первых, не производит ничего капитального (например, ограждений от обвалов, креп, безопасных подъемов, вентиляции и т. п.), иногда очень важного для прочности (продолжительности выработки) и безопасности работ, а во-вторых, понижает цены противу капиталиста, чтобы иметь свой хоть некрупный, но верный сбыт, а для этого подыскивает подходящего посредника. Понижение цен мелкими предпринимателями противу крупных создало все наше нефтяное дело и все наши пониженные цены нефтяных продуктов, заставило капитальные предприятия расширять и улучшать свои дела, чтобы массою и ценою побороть соперников. Пусть *A* и *B* суть борющиеся между собою крупные конкуренты, но они тотчас сходятся между собою в борьбе с *C, D*... и всем легионом мелких предпринимателей, если последние сбивают своими мелкими партиями цены крупных масс, производимых *A* и *B*. На основании этих опытов действительности, уже испытанных и еще всюду долженствующих произойти во всех отраслях развивающихся русских видов промышленности, я, с своей стороны, всегда буду стоять за эту борьбу крупных с мелкими и примкну к последним, потому что смотрю на них как на истинный регулятор русских промышленных дел, зная, что Нобели, Ротшильды и им подобные крупные сами себя защитят. Но это вовсе не значит, чтобы следовало остаться одним мелким, что нужно теснить крупных, — нет, они, крупные, очевидно, нужнее и важнее, они делают истинные завоевания. А мелкие только не дают им, побеждающим природные трудности, зарываться и забываться, особенно при назначении цен. Стану горячо защищать и крупных, если дело пойдет на утрировку, но так как легко родится и уже рождается всюду утрировка иного рода, исключающая мелких, то тут позволяю себе выставить пункты в защиту мелких, ибо иначе будет хуже прежнего, и дело встанет или, что того хуже, появится монополизм капитала, который составляет горшее зло.

Три обвинения, если можно так выразиться, выставляются в Донецкой области противу мелких крестьянских каменно-

угольных копей, не упоминая о главном (понижении цен): 1) крестьяне ведут выработку хищнически, то есть вырабатывают верхи пластов так, что заваливается или теряется много (до 40, даже 50%) залегающего в них угля; 2) их выработки опасны, потому что шахты (дудки) узки, штреки (горизонтальные ходы) и выработка не креплены или худо креплены, подъемы веревочные и т. п. и 3) крестьянские выработки эксплуатируются скупщиками [...], и результат добычи служит только к наживе этих последних, тем более что обманам (например, подмеси породы) здесь нет конца. Все это в общих чертах так, но все это ведет к иным следствиям, чем те, которые выводят местные более капитальные предприниматели. А они выводят два следствия: во-первых, требуют, чтобы надзор за крестьянскими выработками был столь же усилен, как и над капиталистическими, и, во-вторых, чтобы неудовлетворительные из них были бы закрыты распоряжением правительственной власти. Кажется очень гуманным, но умысел при этом иной — убрать конкурентов, сбивающих цены. И это-то вовсе не желательное следствие, могущее сильно задержать развитие донецких каменноугольных дел, заставляет меня выставить смягчающие обстоятельства противу возводимых трех обвинений.

1) Когда добывают то или другое от природы, употребляют приемы всякого рода. Они совершенствуются не только со временем, но и со степенью сведений у добывателей. Стреляющий белку хороший охотник норовит попасть ей между глаз, чтобы шкурку не испортить. Добыватели золота стремятся извлечь последние его следы из песков и глин, а есть и такие, которые вымывают только половину, не умея или не имея возможности достать другую. В Америке из нефтяных остатков добывают вазелин, а у нас «жидкий уголь», или топливо. Понятие хищничества в обсуждении даров природы столь условно, что я, с своей стороны, готов назвать самым сильным хищничеством захват многих земель, чтобы не пускать на них работу соперничествующих сил. Польские (Домбровские) каменноугольные копи, говорят, и в большинстве случаев разрабатываются так, что берут только 50—60% пласта; остальное заваливается. Следовательно, аргумент «хищничества» — плохой, кабинетный, неживой аргумент, годный только для тех, кто в дела добычи полезностей от природы не вникал и судит о всем этом по предвзятым категориям.

2) Гораздо серьезнее аргумент «безопасности» выработок. Но здесь есть одно существенное различие больших капи-

талистических выработок от мелких крестьянских, и это различие изменяет сущность воззрения на предстоящий вопрос. Капиталистические выработки назначаются на многие годы, для нескольких этажей (пластов) разработки и для больших их глубин и площадей, а крестьянские шахты назначаются на один-два года, для одного этажа работ, для работы одних голов пласта, для малых глубин и крохотных площадей. В первых работают сразу сотни людей, здесь же и десятка иногда нет. А главное, там работа идет для дохода капиталу, здесь же просто для хлеба насущного. Предъявлять к тем и другим работам требования одного и того же рода — просто неразумно и несправедливо. Бывши на десятках капиталистических донецких каменноугольных предприятий, я там и тут слышал о случаях гибели, происшедших от того или иного сплетения непредусмотренных обстоятельств, а посетив не меньшее число крестьянских выработок, я нигде не слыхал о случаях опасности. Имев случай достать от местных властей официальные справки о бывших случаях гибели на каменноугольных работах, я получал данные для случаев этого рода на больших промыслах, а для крестьянских, многочисленных в уезде, не было ни одного. Ведь крестьянин, идущий на разработку своего угля, тоже кое-что смекает, зря не идет, раньше он же работал на соседних больших копях и о себе кое-что подумает. Притом, взглянув просто на дело, легко понять, что год и два, да при собственном призоре и знакомстве с делом, земля продержит, не обваливаясь, тогда как в несколько лет она непременно завалится. Первый случай — крестьянских шахт, второй — капитальных. Все это заставляет меня говорить противу того, чтобы требования к первым предъявлялись одинаковые со вторыми. Это было бы все равно, что про каждую царапину заботиться столько же, сколько о глубокой ране.

3) А по отношению к «эксплуатации» крестьян скупщиками я и говорить бы не стал, если бы здесь не было больного места, большой раны в современной нашей промышленной жизни. Но начинать надо не с угля, а с хлеба, с леса, с пеньки и подобных крепко-русских товаров [. . .].

Вот я бы, с своей стороны, посоветовал капиталистам каменноугольного дела не давать наживаться этим посредникам, а самим бы предлагать цены высшие за поднятый уголь, да и вытеснить этим путем нежелательных им [. . .] посредников. Неужели думают, что крестьяне не поймут разности цен? А ныне они дело противу «посредников» понимают как дело,

идущее противу них самих, потому что крестьянин идет в свою «дудку»» только в свободную от других крестьянских дел минуту, а о сбыте куда-то в далекие места ему думать, очевидно, нельзя. Все эти вопли, ныне всюду раздающиеся противу посредников, представляются мне долженствующими найти исход не в капитализме, который есть сам не что иное, как особая форма посредничества, а в сплочении разрозненных интересов единичных мелких масс в ассоциации или артели, которые могут обходиться, как обходятся крупные предприятия, наемными, служащими посредниками, своими лавками, своими складами. Но это работа долгая, культурная, интересы же каменного угля в России должны быть решаемы как можно скорее, потому что тут корни корней и запутывать их предстоящими к решению иными вопросами — значит чаще всего просто устранять конкурентов под благовидным предлогом, на который «авось» поддадутся, оставив распорядиться нарекателям по их доброй воле.

Стоял я за мелких нефтяных производителей и не раскаиваюсь, хотя знаю все их недочеты. И теперь становлюсь за мелких крестьянских добывателей каменного угля, зная все недостатки их приемов, потому что убежден в великой пользе сочетания и борьбы крупных с мелкими и первых между собою. От этой борьбы скорее, чем без нее, достигается должное улучшение и возможное понижение цен. Притом и вся русская жизнь такова: дает простор и большому и малому. Это святое место и великое благо нашего строя, а потому касаться его, с своей стороны, считаю неправильным и даже неблагоразумным, непрозорливым. Большие предприятия сами постоят за себя, а маленькие надо защищать и нашему брату, пишущему, и правительственным органам, тем более, что из малых часто, хоть и понемногу, вырастают большие, и в существовании малых единовременно с большими есть явные задатки развития. Каменноугольные дела Урала и Подмосковного района, быть может, оттого и идут чресчур медленно, что там нет или простора, или условий для существования, рядом с большими предприятиями мелких, крестьянских. Если бы я ближе знал условия тех мест, то стал бы защищать меры, могущие вызывать сразу те и другие. Если «большие баталионы» необходимы в промышленных завоеваниях, то нельзя отрицать и значения разъездов, застрельщиков и тому подобных мелких единиц. У нас, в нашем промышленном обиходе, эту последнюю роль играют крестьянские предприятия. Во что они перейдут и насколько

разовыются, ныне еще нельзя предвидеть, но поберечь их следует, а губить — грех и общественный, и личный, в который впасть никого не приглашено.

Для развития как выработки углей в различных местностях России, различными силами и средствами, так и для распространения его частного и промышленного применения великое значение должно иметь развитие складочного дела, т. е. каменноугольных запасов по городам и в узлах железнодорожной сети. Нефтяные дела двинулись очень быстро в России и во всем мире именно благодаря складам. Их вызвали у нас два обстоятельства: во-первых, доставка водою (Каспийское море и Волга) идет только летом, а потребление преимущественно зимою, и, во-вторых, для нефти, как жидкости, легко утекающей, бочки оказались и ненадежны, и дороги, пришлось строить железные цистерны, а они тем дешевле, чем больше размерами. [. . .] Нефтяные остатки успешно соперничают с каменным углем, между прочим, потому, что всегда имеются в складах и их цена определяется большими оборотами с этим «жидким углем». Технически дело угольных складов много проще, а важность их так велика, что без них все прочее, даже пониженные тарифы, будет недостаточно. Появление большой компании и еще лучше ассоциации самих угольщиков с железнодорожными предприятиями до того здесь желательно, необходимо и понятно по сущности дела, что я не считаю надобным подробнее развивать этот предмет. Замечу только, что соревнование складов, например в Москве, нескольких от Донецкой области, от польских и уральских добывателей, может скоро умножить потребление, обеспечить добывателей и дать железным дорогам регулирующий груз. Доставка летом свободнее и даже дешевле, и эта одна разность может обеспечить доходы складов, если они большинство своих углей привезут в летние месяцы. Как велики интересы, которые сопряжены с этим делом, видно из того уже одного, что наполнение многих складов надлежащим запасом сразу потребует массу, чуть не годовую пропорцию, вывозимого угля, а это и копевладельцам, и железным дорогам даст такое увеличение оборота, какого, помимо складов, пришлось бы ждать еще долгое время.

Кончая статью о каменном угле, я считаю необходимым обратить внимание на то, что полное освобождение русской промышленности от давления западноевропейской не может совершиться иначе, как при посредстве широкой разработки русских углей и при возможно полном устранении иностранных углей из русского потребления. Это последнее всегда

условно и в будущем представляет менее обеспеченности, чем пользование своими углями. Англия, Бельгия и Германия, наиболее богатые из западноевропейских стран каменным углем, во многих своих копях уже видят концы выработок и трудность добычи с чрезвычайных глубин. Кроме этого, не следует связывать судьбу русской промышленности с западноевропейскими углями еще и потому, что их вздорожание возможно и [...] от вздорожания хлеба и морских фрахтов и тому подобных причин,[1] влиять на которые Россия не имеет никакой возможности. Влиять же прямо и косвенно на цены каменного угля своей добычи государственная власть, чуждая воззрений, касающихся «невмешательства» (laissez faire), может всегда, и, устраняя внешнее соперничество, она уже ныне прилагает все меры к понижению цен угля в России, что должно составить одну из задач внутренней промышленной политики.

Август 1891 г.

---

[1] Не следует забывать, что с течением времени, если продержатся современные политические порядки, страны, отпускающие каменный уголь, могут при известных сплетениях обстоятельств или наложить пошлины на вывозимые угли, или даже запретить самый вывоз, как война может затруднить или запереть подвоз.

Глава 9

НЕФТЬ, ТЕРПЕНТИН И РАЗЛИЧНЫЕ СМОЛЫ И КАМЕДИ

(Статьи 80—88)

Между товарами, отнесенными к статьям 80—88, самое важное экономическое значение имеют нефть с продуктами ее переработки и терпентин (живица) с происходящими из него канифолью и скипидаром. Прочие товары, как то: разные смолы и камеди (ст. 80 и 87), асфальт (ст. 83) и каучуковые изделия (ст. 88), хотя составляют немаловажные товары, но в общем внешнем русском обороте и во внутреннем производстве занимают второстепенное место. Поэтому я рассмотрю первоначально нефть и терпентин в их отношении к русской промышленности, а потом обращусь к остальным из упомянутых товаров. Вследствие того, что в России нефть заменяет каменный уголь и названа даже «жидким каменным углем», прямой переход от каменного угля к нефти тем естественнее, что судьба развития, добычи и применения этих двух ископаемых в России представляет много пунктов зависимости и сходства. Еще сравнительно недавно, а именно в 1873 г., добыча в России как нефти, так и каменного угля была столь мала, а спрос был так велик, что заграничный товар того и другого рода поступал почти на одинаковую сумму, в 10 с небольшим миллионов рублей в год [см. табл. стр. 692].

С 1873 до 1890 г. ввоз каменного угля по количеству возрос почти в два раза, хотя по цене остался почти таким же (уголь и фрахты подешевели), а керосин не только перестали выписывать, но в 1890 г. вывезли массу, в 15 раз большую, чем ввозили в 1873 г., хотя продали его (цена керосина всюду спустилась) в 10 раз дешевле, чем покупали в 1873 г. Когда русский уголь выйдет в мировую торговлю, надо полагать, что цена каменного угля сбавится не только у нас, но и во

Год	Ввоз (без вывоза) по европейской торговле			
	керосина		каменного угля	
	млн пудов	млн руб.	млн пудов	млн руб.
1873	+ 2.7	+10.3	+ 50.9	+10.5
1881	+ 1.2	+ 3.8	+109.3	+14.8
1890	—39.3	—11.0	+ 93.7	+10.8

всем мире. Но до этого должно еще ждать, не засыпая, а работая; в нефти же это уже совершилось, всего в какие-нибудь 10—15 лет. Ныне Россия на нефтяных товарах получает столько, сколько тратит на каменный уголь, и в ней топливо дорого в самых ее центрах. Все дело изменится в корне, когда уголь подешевеет у нас, т. е. когда и он, как керосин, пойдет за границу. Не только сберегутся миллионы рублей, платимые ныне за него, но и получатся сотни миллионов рублей от видов промышленности, развивающихся на дешевом угле. И если бы нефтяного примера не было, тому бы никто не стал верить: теперь же, когда нефтяные перемены так резки и очевидны, нельзя не верить, зная «будущую силу, покоящуюся на берегу Донца».

Чтобы уяснить ход русских нефтяных дел, я привожу сперва важнейшие статистические сведения, сюда относящиеся, а потом излагаю, в сжатом виде, некоторые черты прошлого, современного и предстоящего положения кавказских нефтяных дел.

За последние 30 лет, начиная с 1861 по 1890 г. (включительно), добыча нефти на Кавказе, т. е. преимущественно в Баку, по совокупности сведений как официальных, так и частных источников может быть выражена следующими величинами:

Года	Миллионы пудов в год									
1861—1870 . .	1/3	1/3	1/3	1/2	2/3	3/4	1	1	1 3/4	1 3/4
1871—1880 . .	2	2	4	6	7	12	15	22	25	35
1881—1890 . .	41	51	60	90	116	135	165	193	206	240

Следовательно, средняя годичная добыча в первое десятилетие равнялась 3/4 млн пудов, во второе — 13 млн пудов,

а в последнее по 130 млн пудов. Среднюю добычу за те же десятилетние периоды в Америке[1] должно считать близкою к 30, 80 и 200 млн пудов в год. Добыча Кавказа сравнялась с американскою в 1888 г. Эта последняя в средине 80-х годов дошла до своего наибольшего развития, а затем сперва упала (1887 г. дал около 180 млн пудов), потом же, с разработкою Огайских источников, хотя и поправилась, но не растет.

Кавказская же все сдерживается (за недостатком цен, способов вывоза и мест сбыта), но тем не менее постоянно растет, не доставляя ни одного из признаков истощения,[2] потому что во все вышеуказанные 30 лет (когда американская нефтяная добыча разрослась на пространстве около 400 верст — по длине вырабатываемых местностей) кавказская добыча нефти еще не переменяла своего места, и множество, несомненно (по опыту) нефтеносных, мест Кавказа вовсе не начали добычи.

Чтобы судить о распределении добываемой на Кавказе нефти, приводим для пяти последних лет следующую поучительнейшую таблицу, данные для которой заимствуем из трудов съездов нефтепромышленников и из отчетов департаментов неокладных сборов и таможенного.

По поводу этой таблицы следует заметить:

1) Что продажные продукты (добытых продуктов 65% и сырой нефти 20 млн пудов = 2%) составляют лишь $^2/_3$ всей добычи, а $^1/_3$ расходуется на промыслах и на заводах (на топку паровиков и т. п.) и теряется (в виде газов, паров бензина и отбросов — кислотной и щелочной обработки). Такая громадная потеря,[3] явно исчезающая без всякой пользы, зависит от небрежности, с которою расходуется нефть в Баку на заводах, где вовсе не заботятся об извлечении всего возможного из дешево покупаемой нефти. Здесь главнейшее зло бакинских предприятий, какого не существует нигде. В Америке нефть отводится от промыслов нефтепроводами на сотни верст и, доставаясь заводам по дорогой цене, утилизируется ими с возможною полнотою, так что в продажу поступает не менее 85% всяких продуктов.

---

[1] Менделеев. Нефтяная промышленность в Пенсильвании и на Кавказе, 1877; Бакинское нефтяное дело в 1886 г. [Собрание сочинений Д. И. Менделеева, т. X, 1949. *Прим. ред.*].

[2] Вопрос об истощении рассмотрен мною подробнее во втором из моих сочинений, указанных в предшествующей выноске.

[3] Как топливо для полной, то есть доведенной до конца, перегонки нефти, как доказано мною, совершенно достаточно менее 10% ее отбросов, а для добычи керосина не надобно более 3%.

Год	Добыто на Апшеронском полуострове [1]				Отпущено за границу чрез Батумскую и Бакинскую таможни				Вывезено каботажем в Россию из Баку и Батума			
	сырой нефти всего	из нее получено			сырой нефти	керосина	смазочных масл	нефтяных остатков	сырой нефти	керосина	смазочных масл	остатков
		керосина	смазочных масл	нефтяных остатков								
1886	150	35	1.7	50	0.5	7	1.2	1.7	2	24	0.8	45
1887	165	44	2.3	56	0.4	9	1.8	3.1	2	23	0.7	50
1888	193	50	2.6	60	0.2	21	1.8	4.3	6	25	0.9	56
1889	206	61	3.4	90	0.2	30	2.2	5.6	3	27	0.7	79
1890	239	67	4.6	97	0.7	37	3.5	2.4	5	27	0.8	88
Сумма .	953	257	15	353	2	104	11	17	18	126	4	318
	100%	695 = 65%			134 = 14%				466 = 49%			

2) Местное, кавказское, потребление всяких продажных продуктов бакинской нефти очень невелико. Из 625 млн пудов всяких продуктов, полученных за 5 лет, вывезено в остальные части России 448 млн пудов, за границу 132 млн пудов, всего 580 млн пудов, то есть на месте сбыта (для топки Закавказской железной дороги и разных заводов, для освещения и смазки) около 45 млн пудов, или около 7%. Это очень важное обстоятельство показывает, что главный сбыт идет вне Кавказа, что и объясняет возможность существования заводов только у берегов моря. Так оно и есть в Америке, где переделочные заводы расположены далеко от мест добычи, откуда нефть подходит по нефтепроводам, как дешевейшему способу передвижения миллионных масс нефти.

3) Перегнанные и очищенные продукты нефти (в 5 лет 272 млн пудов) составляют в Баку не более как 30% (от 953 млн пудов, без 20 млн пудов, вывезенных в виде сырой нефти) по весу, а между тем прямые опыты показывают, что

[1] Добыча в других местах (Кубань, Грозная и др.) ничтожно мала, а потому имеет малое значение для выводов. В следующей таблице (вывоз) даны числа, относящиеся также и до кубанской нефти, поэтому они и различаются от чисел, здесь данных.

всю бакинскую нефть можно перегонять до конца, расходуя 10% на топливо и получая около 15% газов (они должны идти в топливо) и отбросов очистки и, по крайней мере, 5% бензина и вообще легких продуктов, 30% обыкновенного керосина, 10% тяжелого безопасного керосина (или всего около 40% бакуоля), 20% смазочных масл и около 10% вазелина, парафина и твердых смол. Все эти продукты, при должной и возможной дешевизне, непременно получат всемирный ход и будут иметь среднюю продажную цену, высшую, чем обыкновенный керосин, потому что американская нефть дает их мало. Такая более полная утилизация нефти для бакинских заводов невозможна, потому что при 200 млн пудов добычи она дала бы 150 млн пудов товаров, Россия же покупает из них не более 30 млн пудов, а 120 млн пудов нетто вывезти по Закавказской железной дороге невозможно даже тогда, когда будет проложен двойной путь. Одноколейная дорога не может вывозить в год более 40—50 млн пудов однородного товара в одну сторону. Бакинские заводы поэтому поставлены в необходимость добывать не продукты перегонки, а «жидкий уголь», или «остатки», которые и сбывают как топливо в Россию. Устранить это беспутное истребление нефти возможно только, отведя часть ее по нефтепроводу к берегам Черного моря.

4) Масса получающихся для продажи (не считая сожигаемых на заводах) «остатков» превосходит массу продуктов перегонки, а потому, строго говоря, в Баку добываются «остатки», а не керосин. В текущем 1891 г. даже цена остатков равнялась цене керосина. А между тем вместо «остатков» как топливо можно прямо применять природные тяжелые сорта нефти, ныне вовсе не добываемые на Кавказе и около Баку, а там повсюду изобильные.

5) Заграничный вывоз продуктов перегонки бакинской нефти уже ныне превосходит русское потребление, как и в Америке внутреннее потребление менее отпуска, а потому расположение нефтяных заводов по черноморскому берегу отвечает условиям наибольшей экономности производства. Бакинские заводы, главным образом, снабжали бы Россию и азиатские страны, прилегающие к Каспийскому морю, отправляя часть своих зимних продуктов за границу по железной дороге, а черноморские заводы работали бы, при осуществлении нефтепровода, преимущественно для заграничной отправки и отчасти для снабжения юга России.

6) Бензин и вазелин, составляющие самые ценные (первые и последние) продукты нефтяной обработки, требуя уку-

порки (тары) и удобства вывоза, почти вовсе не добываются ныне в Баку (пропадают и сожигаются), а между тем, если их добыча составит только 10% нефти, то даже при сильном уменьшении современных цен (ныне бензин более 1 руб. пуд, а вазелин более 6 руб. пуд), они стоят много дороже, чем 25—30% керосина (ныне в Баку цена его, без акциза, менее 10 коп. за пуд). Продажа бензина и вазелина должна составить главный доход черноморских заводов, если они правильно поймут свою роль, после устройства нефтепровода.

7) Сбыт в Россию нефтяных продуктов, за исключением остатков, возрастает, но очень медленно; количество вывозимой сырой нефти также растет очень медленно, а потому для возможности дальнейшего правильного роста добывающей и перерабатывающей нефтяной промышленности на Кавказе необходимо на первый план поставить заграничный отпуск, который поныне поглощает менее 20% добываемой в России нефти, тогда как С.-А. С. Штаты вывозят за границу около 60% добываемой ими нефти в виде различного рода товаров.

8) Бакинская нефть дает мало (менее 30%) того керосина американского типа, который общеизвестен по своей большой огнеопасности, но наша нефть дает гораздо более американской нефти тяжелых продуктов перегонки, способных сожигаться в лампах и представляющих несравненно меньшую опасность в пожарном отношении. «Бакуоля», или такого керосина, который отлично горит в хорошо устроенных керосиновых лампах, из бакинской нефти можно получать в два раза более, чем обыкновенного керосина, и этот продукт, представляя температуру вспышки выше 40°, может, при умелом его распространении и приготовлении, отучить мир от опасного керосина американского типа, а потому бакинская нефть может найти себе огромный мировой сбыт, не взирая на соперничество Америки, тем более, что на местах добычи в Баку нефть ценится чаще всего в 2 (как, например, летом 1891 г.), много что 3 коп. за пуд, редко, и то временно, до 7 коп. пуд, а в Америке пуд ее стоит всегда выше 15 коп. кред., обыкновенно же около 20 коп.

В отношении к заграничному отпуску русских нефтяных товаров приводим данные за шесть последних лет [см. табл. стр. 697].

Отсюда видно, что вывоз по европейской границе (чрез Волгу — на Царицын, а потом на западную границу), равно как и вывоз сырой нефти падают, потому что экономических выгод не представляют, и что главный сбыт керосина происходит из Баку по железной дороге в Батум, для отправки

Год	Весь вывоз в тысячах пудов						
	сырой нефти	нефтяных остатков	смазочных масл и нефтяного сала	керосина			всего миллионов пудов
				по европейской границе	из кавказской границы	по финляндской границе	
1885	1129	208	2223	1483	5543	243	11
1886	1257	2256	2300	1657	7317	222	15
1887	1078	3281	2807	2239	9219	362	19
1888	300	4481	2800	5597	21350	416	35
1889	224	6130	3454	4778	29757	457	45
1890	761	2986	4567	2734	36558	483	48

морем. Но по этому пути, очевидно, возрастания вывоза дальше известного предела (40—50 млн пудов в год) ждать нельзя, а при достижении предела вывоза промышленность развиваться не будет; тогда керосин от перепроизводства избытков непременно чрезчур подешевеет (он уже в 1891 г. сильно упал в цене). Только один выход из этого может быть считаем экономически правильным, а именно: постройка нефтепровода от Баку до берегов Черного моря. Как для развития донецкого каменноугольного дела необходимо очищение Донца и умножение путей сбыта к морю, так для бакинского нефтяного дела необходим нефтепровод. Этот основной вывод ныне так же ясен, как в былое время было ясно, что развития нефтяного дела в Баку можно ждать только после уничтожения откупов на нефть и передачи нефтяных земель в частные руки.

Ввоз нефтяных товаров в Россию ныне ничтожен, но для соответствия с вышеприведенными данными и для истории развития русской промышленности необходимо привести эти данные. Они даны для последних 20 лет:

	Ввоз по европейской границе тысячи пудов									
	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.
Нефть . . .	30	98	108	105	42	56	41	55	30	26
Керосин, бензин. .	1720	1798	2716	2532	2661	2679	1723	2004	1720	1453
Смазочные масла . .	—	8	15	8	8	16	21	15	8	8

	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.
Нефть . . .	27	16	19	14	2	0	0	0	0	0
Керосин, бензин ·	1213	1047	459	276	140	46	15	12	14	8
Смазочные масла . .	9	8	10	7	7	6	7	7	10	15

Не вдаваясь в отдаленное время, когда цены керосина и других нефтяных продуктов были весьма высоки, укажем на то, что еще в середине 80-х годов ввозимые к нам продукты американской нефти ценились так дорого, что этому теперь, когда пуд керосина в Баку стоит лишь несколько копеек, и верить уже трудно. Находились охотники покупать дорогой американский продукт, потому что был распространен предрассудок о том, что «русский» керосин нехорош. Мне самому, смеясь, говорил один из продавцов американского керосина, что он его держит по той причине, что в некоторых домах не хотят жечь иного керосина. В таможенных отчетах средины 80-х годов даны следующие цены досмотренного керосина, бензина и тому подобных осветительных масел:

Ввоз	1884 г.	1885 г.	1886 г.
Тысяч пудов	189	125	43
Общая ценность, тысяч руб. . .	551	347	148
Средняя цена пуда, кред.	2 руб. 92 к.	2 руб. 78 к.	3 руб. 44 к.

Для смазочного масла цены еще выше:

Ввоз			
Тысяч пудов	7.9	6.8	5.7
Общая ценность, тысяч рублей .	26.8	25.9	23.0
Средняя цена пуда, кред.	3 руб. 39 к.	3 руб. 81 к.	4 руб. 4 к.

Не должно, однако, забывать, что в числе ввозимых нефтяных продуктов находится много бензина, а его стоимость ныне повсюду во много раз превосходит цену керосина;[1] Баку же добывает мало бензина (теряет его при перегонке и не заботится о добыче и вывозе в достаточной мере), а потому и поныне бензин ввозится еще из-за границы. Так, в последние три года (1888—1890) ввезено 9, 13 и 7 тыс. пудов бензина (лигроина, газолина и тому подобных сортов бензина) на 49, 46 и 29 тыс. руб., следовательно, по средней цене около $4^1/_4$ руб. за пуд. Точно так же по отношению

[1] В начале 70-х годов бензин в Америке ценился ниже керосина, потому что еще не имел достаточных применений, ныне же идет для дегатирования сукон, для растворения каучука, для нефтяных двигателей, для карбурирования газа и множества других приложений, а потому ценится высоко, раза в два или три выше керосина.

к ввозу смазочных масл должно заметить, что бакинская нефть, именно из остатков, сожигаемых под паровиками, дает отличнейшее цилиндровое (вазелиновое, парафиновое и т. п.) масло, но его не добывают в Баку или добывают ничтожное количество, получая только легче летучие смазочные масла. Поэтому к нам и поныне ввозят американское парафиновое (цилиндровое) смазочное масло, а между тем именно наша-то нефть и наиболее пригодна для получения высшего сорта вазелина и всяких цилиндровых масл; [1] так что Россия могла бы не только сильно спустить их цену на мировом рынке, но и приобрести крупный заработок, потому что при низкой цене вазелин и сходные с ним продукты нашли бы беспредельно большое распространение для разнообразнейших промышленных целей, начиная со смазки металлов и кончая помадою или смазкою кожи. В три (1888—1890) последние года к нам ввезено, не считая вазелина,[2] парафинового смазочного масла 7, 10 и 15 тыс. пудов [3] на 29, 35 и 48 тыс. руб., следовательно, по средней цене $3^1/_2$ руб. за пуд. Не получая или мало получая бензина и вазелина, наша нефтяная промышленность теряет (бензин прямо в воздух при перегонке, а вазелин в остатках) самые дорогие составные части нефти. Пока дело перегонки нефти будет идти в Баку, нельзя ждать изменения этого порядка вещей, потому что вазелин получается как последний продукт перегонки нефти, и, следовательно, его получение предполагает полную утилизацию нефти; если же переработать в Баку 200 млн пудов нефти, то окажется невозможным вывезти ту массу продуктов нефти, которые при этом получатся. Только с нефтепроводом и устройством черноморских заводов можно ожидать правильного дальнейшего движения промышленных оборотов с бакинскою нефтью.[4]

[1] О способах обработки бакинских нефтяных остатков для переработки их на вазелин и сходные с ним дорогие смазочные продукты, ныне сгорающие у нас под паровиками, я написал недавно особую статью для Энциклопедического словаря, а именно для слова «вазелин». Мои личные прямые заводские опыты показывают, что наша нефть может дать от 5 до 10% вазелина и ему подобных масл, годных для цилиндров паровых машин и тому подобных целей, для которых ныне платят за смазочный материал от 3 до 10 руб. за пуд.

[2] О вазелине и его ввозе говорено ранее на стр. 439 и 455.

[3] Ввоз возрастает именно потому, что в дорогих машинах, прямо из опыта, оказалось наиболее выгодным — ради сохранности цилиндров и котлов — применять вазелинообразные дорого стоящие смазочные средства вместо обыкновенных смазочных масл, способных давать пары, уносимые с водяным паром машин высокого давления.

[4] Эти мысли я привожу с 1885 г. не только в вышеуказанном (стр. 691) своем сочинении «Бакинское нефтяное дело в 1886 г.» [Д. И. Менделеев, Сочинения, т. X, стр. 595—713. — *Прим. ред.*], но и во

Таможенные пошлины на нефть и ее продукты в настоящее время имеют малое значение, но исторически они играли роль явно возбудительную, а потому перечисляю перемены окладов, произведенные с 1868 г.:

	Оклад с пуда			
	1868 г. коп. кред.	1877 г. коп. зол.	1881 г. коп. зол.	1882 г. коп. зол.
Нефть сырая	15	15	16½	17
Керосин, бензин . . .	55	55	60½	60
Смазочные масла . .	55	55	60½	60

	1885 г. коп. зол.	1887 г. зол.	1890 г. $\frac{16}{VII}$ зол.	1891 г. $\frac{1}{VI}$ зол.
Нефть сырая	20	20 коп.	24 коп.	20 коп.
Керосин, бензин . . .	70 1 руб.		1 руб. 20 коп.	1 коп.
Смазочные масла . .	70	70 коп.	84 коп.	1 коп.

Здесь должно заметить, что развитие нефтяного дела происходило все время под влиянием окладов на сырье или самую нефть и на керосин, т. е. продукт переделки нефти; оба были обложены, а потому дело сразу и встало самостоятельно, быстро стало русским. В других производствах этого не было прежде, например в цементном впускали мел беспошлинно, а цемент обложили; в шелковом впускается шелк-сырец почти беспошлинно, а ткани сильно облагаются. Величины окладов на нефть и керосин таковы, что они в свое время не были запретительными, т. е. составляли около 20—40% стоимости товаров, ныне же они просто запретительны, т. е. во много раз превосходят цену самого товара в его обычных, ходячих видах. Это не мешает русским ценам быть ниже иностранных, потому что своевременное покровительство вызвало сильное внутреннее соревнование. Это полезно заметить для поучения тех, которые судят о значении таможенных окладов не по опытам действительности, а по классическим приемам предвзятых мнений. Заметим сверх того, что повышение оклада на керосин в 1887 г. было произведено по той причине, что в этом году керосин, назначенный для внутреннего потребления,[1] был обложен акцизным сбором по

многих статьях и обществах, например в Обществе для содействия русской промышленности и торговли, в Техническом обществе, в Лондонском обществе химической промышленности и др. Те же мысли развиваются мною в докладе, далее перепечатываемом, представленном при пересмотре тарифа.

[1] Керосин, выходящий за границу, не подлежит акцизному обложению, чтобы не возвышать его цену.

40 коп. кред. с пуда,[1] что и заставило набавить таможенную охрану на 30 коп. зол., чтобы не дать возможности иностранному керосину вновь входить в Россию. При пересмотре тарифа оклад на смазочные масла доведен до 1 руб. зол. с пуда, вместо 70 коп. зол., ради того, чтобы сделать обложение всех нефтяных продуктов одинаковым, а это необходимо уже потому, что между бензином, керосином и смазочными маслами разных сортов существуют все возможные степени переходов.

При пересмотре тарифа был вновь[2] поднят вопрос о наложении вывозной пошлины на сырую нефть и на нефтяные остатки, но это предложение отвергнуто, потому что рановременно. Чтобы уяснить эту сторону предмета, я считаю полезным перепечатать свой отзыв (1890), касающийся этой вывозной пошлины, тем более что до сих пор не был публикован и назначался для лиц, занимавшихся пересмотром тарифа. В этом отзыве я стараюсь, с одной стороны, уловить важнейшие стороны прошлой истории нефтяной промышленности России, а с другой стороны, пытаюсь показать наиболее важные из предстоящих надобностей разбираемой промышленности, не вдаваясь в технические подробности.[3]

Хотя при пересмотре тарифа не предположено подвергать существенным переменам оклады на нефть и продукты ее переработки,[4] но я считаю необходимым особо остановиться на этих окладах, потому что они служат поучительнейшим примером того, как быстро может идти в России промышленное развитие при целесообразных правительственных мероприятиях, назначаемых для возбуждения предприимчивости как добывающей природные ископаемые, так и переделывающей их на русских же заводах. Здесь особо важно видеть в одно и то же время потребность возбуждения не только добычи от природы исходного вещества, но и переделки его в потребляемые товары. Стоит одно из двух этих условий

---

[1] Акцизный доход с керосина доставил в 1888 г. $6^2/_3$, а в 1889 г. $9^1/_3$ млн руб.

[2] Далее видно, что вопрос об этом обложении был поднят еще в 1880 г. и что он возобновился в 1886 г., когда обсуждалась в высших сферах необходимость нефтепровода.

[3] В предлагаемой статье я делаю несущественные сокращения и изменения и некоторые добавления, отвечающие современному положению вещей и тому, что выше изложено по отношению к нефти.

[4] Только пошлина на вазелин (ст. 52) и смазочные масла поднята. В смысле покровительственном этот подъем именно потому и рационален, что вазелин и смазочные масла в бакинской нефти содержатся в изобилии, легко получаются, но к нам еще ввозятся и у нас получаются в недостаточном количестве. Возвышение оклада отвечает необходимости вызова этих производств.

поставить на второе место — нельзя уже и ждать роста, подобного тому какой видим в нефтяном нашем деле, в котором не была забыта ни та, ни другая из двух вышеупомянутых сторон.

Не излагая всей очень сложной, хотя и новой — на моих глазах протекшей — истории возникновения и расширения дел с кавказской нефтью, я ограничусь тем немногим, что, по моему мнению, важнее всего иметь в виду, обсуждая прошлое, современное и предстоящее отношение русских нефтяных дел к массе других промышленных дел, готовящихся в России. При этом будет случай коснуться и некоторых таможенных вопросов, ныне существующих в отношении к вывозу нефтяных товаров.

Давно в разных частях Кавказа туземцам известная нефть стала предметом русского промышленного внимания лишь с 60-х годов, благодаря начинаниям двух предпринимателей, правительством поощрявшихся и широко взглянувших на дело, а именно: винного откупщика В. А. Кокорева и уланского полковника А. Н. Новосильцева.[1] Один в Баку, другой на Кубани начали в большом виде добычу нефти и ее переделку заводскими способами. Первый для того сделался откупщиком казенных нефтяных источников и скупил на миллион рублей нефтеносных земель в Баку, а второй заарендовал массу такой же земли около низовьев Кубани и близ Тамани. Оба вложили в дело много денег и труда, но пожать плодов своих начинаний не успели. Новосильцев даже задолжал и раззорился. Было бы поучительно,[2] но здесь неуместно, разобрать —

---

[1] Достойно примечания, что начинателями столь новых дел, как нефтяные, электротехнические и т. п., у нас, как и всюду, являются люди совершенно новые в промышленном отношении. Желательно думать, что возбуждение вызываемых чрез таможенное покровительство промышленностей, долженствующих возникнуть в России, особенно же тех, которые касаются ископаемых, привлечет к себе много интеллигентных русских сил, ныне не участвующих в делах этого рода. Если это случится, то в том должно будет видеть великую пользу страны, потому что поныне промышленность (взятая в смысле горной, заводской и фабричной) привлекала в России мало ее интеллигентных сил, сосредоточиваясь или в руках ограниченного числа купцов, или у заезжих иностранцев, или переходя в руки крестьянства, которое очень чутко примечает промышленные дела, давшие начинателям соответственные выгоды. В крестьянстве должно и впредь видеть силы, могущие расширять промышленность и увеличивать конкуренцию, но начинателей должно вызывать преимущественно из круга лиц, получивших современное, реальное образование, потому что только они могут отнестись к предстоящим России предприятиям с должным вниманием, ибо подобные дела требуют знакомства с природными силами и современными требованиями. Задачею усовершенствования русского просвещения должна стать реальная сторона ее экономического процветания, всюду связанного с успехами совокупности сельской, горной, мореходной, заводской и фабричной промышленностей. Этому учит история, понимаемая без предвзятых суждений.

[2] Сам я слышал от Ардалиона Николаевича всю историю его кубанских предприятий, знаю, что «Кудако», фонтан которого составлял один из плодов многих затрат, отошел от него в иные руки помимо его воли

отчего же произошло то, что не им, а тем, кому пришлось после них разрабатывать это дело, достались его плоды. Сущность в том, что оба начинатели 60-х годов были людьми широких планов, обширной предприимчивости, увлекающиеся предстоящими выгодами, но лишенными той осторожной расчетливости, которая необходима в подобных делах, и притом оба действовали на остаток своих капиталов, а затеяли сразу чересчур крупные дела, требовавшие гораздо большего капитала, чем бывший в их распоряжении. Они оставили стране не только начатые дела, но и поучительные примеры, и притом имели достаточно сил для того, чтобы привлечь к русскому нефтяному делу внимание правительства, науки и многих предпринимателей. В этом последнем отношении особенно важное значение имели нефтяные дела В. А. Кокорева в Баку и его там соперничество с М. И. Мирзоевым по отношению к откупу на нефть, к устройству завода и к покупке казенных нефтеносных земель. Лично знавши этих начинателей, ныне уже скончавшихся, и приняв однажды (в 1863 г.) участие в нефтяных делах В. А. Кокорева, я считаю долгом заявить, что все то, что потом совершилось в бакинских предприятиях (бурение, перекачивание нефти по трубам, перевозка наливом, применение смазочных масл, непрерывная перегонка, топка нефтяными остатками, учреждение заводов в России и т. п.), входило в их планы и было бы ими осуществлено, если бы у этих инициаторов, любивших зачатые ими дела, достало средств для выполнения задуманного. Но если бы это совершилось, то, по моему мнению, хотя лица вполне того достойные выиграли бы, страна же потеряла бы, потому что легко явился бы монополизм, а с ним и дорогие цены, довольство достигнутым и остановка в развитии. По этой-то причине с самого начала и поныне я утверждаю, что жду в нефтяных наших делах наилучших результатов от свободы внутренних соперничествующих сил: возможно многих больших предпринимателей и массы с ними и друг с другом соперничествующих мелких. До сих пор так и было; желательно, чтобы и впредь это сохранилось, ради успеха в деле. Того же должно желать и по возможности достигать в других предстоящих России делах промышленности, если есть природные на то возможности. Тогда страна выиграет от новых дел, быстро растущих, а народ — от дешевизны продуктов, при сем получаемых, и от заработков.

При ознакомлении с развитием нефтяных дел в Баку весьма важно

или ошибки, понимаю типическую поучительность истории происшедшего с Новосильцевым, но не могу приступить к изложению этого предмета, потому что не обладаю необходимыми документами и боюсь писать по памяти, потому что история еще свежа, и изложенная документально, она бы представила одну из интереснейших страниц нашего промышленного развития. Придет время расцвета русской промышленности, когда изложение подобных предметов будет вызываться и объяснит те причины и привычки, которые сламывали в русском прошлом даже столь предприимчивых и сильных по характеру людей, каков был А. Н. Новосильцев.

обратить внимание на то, что начинатели поневоле должны были первоначально принимать во внимание сомнения в нефтяных богатствах Кавказа, высказанные, например, известным геологом Абихом, и только указания опыта и подробные разведки истребили эти сомнения, малая основательность которых уже в начале 60-х годов, при первой поездке в Баку, казалась мне очевидною. Нефтяные фонтаны, начиная (с «Кудако» на Кубани в 1866 г.) с так называемого «Вермишевского», фонтаны, в Баку ежегодно повторяющиеся и год от года возрастающие[1] в силе (если не в числе) служили и у нас, как в Америке, одною из внешних причин не только для привлечения общественного внимания к нефти, но и для понижения ее цен. В этих отношениях особенно важною мерою должно считать продажу с торгов (за 3 млн руб. в бессрочную аренду) казенных нефтяных месторождений около Баку и установление вслед за тем того вида свободной частной конкуренции малых предпринимателей с большими, который создал «Черный город» нефтяных заводов около Баку и спускал год от года цены на керосин. Не те большие нефтяные предприятия (например, братьев Нобель и К°, Палашковского и К°, а затем Ротшильда, Шибаева и др.), которые возродились и усилились в 80-х годах и всем известны, а это свободное соревнование, начавшееся в 70-х годах, было главною причиною понижения цен на нефть и на товары, из нее получаемые. Большие предприниматели[2] не успевали в своем стремлении к монополизации именно благодаря той сво-

---

[1] Так, фонтан 1887 г. на участке «Горнопромышленного товарищества», бивший до 60 саж. высоты и дававший в сутки по 100—200 тыс. пудов нефти, превзошел все предшествующие, а фонтан 1891 г. (август) на промыслах хаджи Тагиева (на Бейбате), дающий по полумиллиону пудов в сутки (и все это течет в море), помрачил славу всех своих предшественников.

[2] У больших предпринимателей есть свои немаловажные заслуги, вызванные конкуренцией; они построили трубопроводы от источников к морю, верст около 20 длиною, они соорудили многие пароходы на Каспии и Волге и популяризировали перевозку наливом по воде, они завели большие резервуары для складов керосина и вагоны-цистерны — наподобие американских, они пустили в оборот смазочные масла русской нефти, они привлекли техников, они начали и развили заграничную торговлю продуктами русской нефти и т. п. Эти славные их дела вызваны желанием овладеть рынком, т. е. строить цены. Но все попытки не вели к этой намеченной цели, потому что мелкие, следуя за крупными, сами улучшали свои дела и в то же время понижали цены, потому что в кавказском нефтяном деле русское правительство не давало шансов крупным поглотить мелких. С своей стороны, будучи связан с бакинскими делами, начиная с 60-х годов, я всегда считал наиболее важным именно такое отношение к предмету и по возможности ему содействовал. Такое же мое отношение и к массе других промышленных дел, предстоящих России, которая, по моему мнению, этим путем может парализовать вредные стороны капитализма и решить на свой лад труднейшую задачу времени. Устранить капиталистов от практических дел России — значило бы не иметь широких, быстро идущих современных и важнейших предприятий.

боде конкуренции, которая сначала и поныне составляла заботу правительственных мероприятий. Это весьма важно заметить, особенно теперь, когда изменением тарифа и иными способами желательно и своевременно возбудить многие иные промышленные предприятия, особенно же те, которые берут свое начало от ископаемых.

Отмена нефтяных откупов, продажа казенных нефтеносных земель около Баку в частные руки, враздробь, соблюдение условий свободы конкуренции, при устранении всяких стесняющих начинания суровых горнозаводских постановлений, и назначение достаточных по размеру охранительных таможенных пошлин, — вот те основные меры правительства, которые сразу и быстро выдвинули нефтяные дела из ряда других русских дел, основанных на разработке ископаемых. Достаточно сравнить — на деле — эту свободу с тем, что должен встретить добыватель хотя бы меди или квасцового камня, чтобы видеть причину того поразительного явления, что в те 70-е года, когда другие русские горнозаводские предприятия или не двигались (например железное), или требовали (как каменноугольное дело) различных правительственных пожертвований, — в эти самые годы нефтяное дело само собою привлекло силы предпринимателей и капиталы, а потом даже стало давать государству прямые доходы. Для ясности скажу так: если бы в 60-х годах в каменноугольном и железном делах поступали так же, устраняя внешнюю конкуренцию и покровительствуя внутренней, то давно бы имели возможность, когда надобно, обложить свой уголь и свой чугун акцизным сбором (чего не дай бог), и Россия отправляла бы их миллионами за границу. Хотя начинатели, подобные В. А. Кокореву и М. И. Мирзоеву, не учредили (как думали сначала) обширных дел с бакинскою нефтью, но явилась масса лиц, соревнующих и доводящих начало до желаемого стране конца, т. е. до избытков добычи, до дешевизны и до заграничного вывоза. Для столь живого дела, каким стало нефтяное в Баку, строится железная дорога, создается каспийский флот, учреждаются склады, изобретаются удешевленные способы перевозки, открывается приложение тяжелых нефтяных масл для смазки и освещения, а остатков — для отопления, обсуждаются на съездах, в печати и в ученых обществах многие нефтяные вопросы, посылаются ученые для исследований, издаются новые

Им следует дать полный простор развития, их следует призвать всеми способами. Но им не следует давать исключительности и рядом с ними еще более содействовать и вызывать мелких предпринимателей и при столкновениях последних с первыми — всеми правдами и всею властью — помогать более мелким, чем крупным. Тогда будет и быстрый рост и скорое удешевление, потому что все силы направятся к одной цели — выиграть от природы во всем. В каменноугольном, в металлургическом, в ткацком и в массе других дел подобный путь возможен и желателен. И я думаю, что он может, если будет выполнен с разумною осмотрительностью и настойчивостью, обеспечить благие плоды покровительственной промышленной политики, не внося зол капитализма.

законоположения и т. п. От устранения таможенной пошлиной иностранной конкуренции и от установления свободы промысла и внутреннего соревнования, вызванного и покровительствуемого правительством, природные нефтяные богатства Кавказа быстро — в каких-нибудь 10 лет — дали русскому народу новое крупное дело, новую отрасль внешней торговли, каспийское пароходство и по всей стране распространили дешевое освещение, что при настоятельных нуждах казначейства оказалось возможным с керосина, потребляемого для освещения, собрать акциз, доставивший казне, например в 1889 г., доход более $9^1/_3$ млн руб. Если совершенно новые, непривычные нефтяные дела быстро расцвели, скоро привлекли внутренние и внешние капиталы и ныне дают крупный доход государственной казне и заработок народу и стране, требуя засим лишь мер, а не жертв для еще более широкого развития, то такой же скорый результат можно предвидеть и по отношению ко многим другим, а особенно к двум еще важнейшим делам: каменноугольному и железному, если для них будет сделано не менее, чем для нефти, потому что природа дала все необходимое для самого широкого их процветания в России. Я живо помню те сомнения, которые выставлялись в 60-х годах многими по отношению к развитию у нас нефтяных дел, а потому ныне по отношению к железному и каменноугольному делам не могу придавать подобным же сомнениям[1] никакого значения, ибо знаю, что наши донецкие каменноугольные и железные богатства по своему положению и мировому значению во много раз превосходят наши кавказские нефтяные богатства. Пора наверстывать упущенное в отношении их время, ибо каменный уголь и железо составляют основы промышленности; десяток

---

[1] Еще сравнительно недавно Ле-Пле сожалел, что в Донецком крае нет железных руд, а позднее того закрыли казенный Петровский завод Донецкого края, между прочим, по недостатку руд. А в тех краях оказалась целая уйма. И даже в каменноугольном деле повторилось то же. Еще и ныне находятся люди, решающиеся заверять, что Донецкие копи угля не довольно благонадежны. Этих отрицателей русских природных богатств воспитывала наша история, и они должны быть считаемы основателями у нас того безнадежного образа мыслей, который начинает мало-помалу уступать место правильным взглядам. В осуществлении толкового таможенного тарифа, обдуманного до подробностей и сопровождаемого соответственными иными мероприятиями, должно видеть орудие не только для обеспечения народной промышленности, но и для рассеяния многих заблуждений, господствующих в русской интеллигенции. Народу, исторически, или, правильнее сказать, экономически еще молодому, необходима, как и молодым людям, уверенность, ясность в предстоящем и выражение надежды на будущее, что и выполняется таможенным тарифом, если он не только охраняет существующие виды промышленности, но и вызывает возможные к полнейшему развитию. Покровительственный таможенный тариф в России должен иметь значение не только одно экономическое, но и прямо образовательное и успокаивающее. Он дополняет меры прошлого царствования именно с той стороны, которая была упущена из виду.

лет, при возможно обдуманных вызывающих, охраняющих и освобождающих мерах в отношении к углю и железу, даст государству и стране несравненно более, чем может дать нефть, хотя и она важна. Она своевременно была принята во внимание, быть может, потому отчасти, что составляет дело совершенно новое, даже модное, если так можно выразиться, в промышленном развитии всего мира, дело, технически рожденное и поставленное на ноги благодаря усилиям американцев, быстрые промышленные успехи которых прославлены на весь свет — по справедливости. Но американцы не забывали — при развитии нефтяных операций — ни каменного угля, ни железа, ни серебра, ни золота, ни лесных запасов, ни своих мануфактур (не говоря о сельском хозяйстве), а успели в делах этого рода еще более, чем в нефтяных, поправили свои финансы, извлекая хлеб и уголь, перерабатывая свои железные и всякие руды, развивая все стороны своей жизни, отчасти — при помощи таможенного тарифа. Россия же оттого много проиграла в своем экономическом развитии в предшествующие года, что, заботясь о хлебе и нефти, мало думала о своем угле, железе и т. п.

При обсуждении быстрого развития кавказских нефтяных дел никоим образом не должно упустить из виду того влияния, какое оказал тариф.[1]

[1] Рассуждая априорно, или упуская из виду свойства людей и вещей, можно было бы думать так: если есть в стране местные, внешние условия для выгодного возрождения и развития данной промышленности, то она и сама собою разовьется, таможенный тариф тут не при чем, он только удорожает товары потребителям и делает их данниками предпринимателей. Так и рассуждают поныне многие. Корни ошибочности выступают наружу, если прямо указать на то, что таможенный тариф, правильно (как шло в развитии русского нефтяного дела) примененный к внутренней промышленной политике, дает возможность всякому внутри страны заняться покровительствуемым делом и из потребителя сделаться производителем. Но такая схоластическая точка зрения устраняет жизнь целого в его совокупности и потому не должна иметь места. В действительности, во всяком деле должны быть начинатели, без них не может быть *развития* дел. А начинатели промышленных дел ведут свои расчеты, им хочется своих, близких барышей, а как всякое промышленное дело представляет риск успеха и поводы к конкуренции, то таможенная охрана возбуждает предприимчивость, уменьшая риск и устраняя внешнюю конкуренцию. Без нее начинатель не является, особенно в таких странах, как Россия, где капитал и без рисков или трудов хорошо оплачивается, а без начинателей дела *развиться*, очевидно, не могут. Если же начинатели получат выгоды или, по крайней мере, покажут их возможность, дела *могут развиться*. С развитием же является своя конкуренция и понижение цен. Эту действительность видим на глазах в нефтяном, хлопчатобумажном, сахарном и других делах. При свободной внешней конкуренции, при отсутствии промышленных привычек и уверенности, при дороговизне капитала, при обширности страны и при существовании природных условий возможности внутреннего развития, — что и видим в России, — без высокого таможенного тарифа промышленность никогда развиться не может. Это логически, экономически и исторически проверяется у нас и всюду.

Когда они начинали зарождаться на Кавказе, т. е. в конце 60-х и в начале 70-х гг., начинатели и их преемники уже знали, что их усилия достаточно ограждены от внешней конкуренции, потому что уже тогда иностранная сырая нефть платила по 15 коп., а иностранный керосин по 55 коп. с пуда таможенной пошлины. Это очень важное обстоятельство, потому что на него сильно рассчитывали и В. А. Кокорев, и А. Н. Новосильцев, и Л. Э. Нобель, расчеты которых в то время мне были лично известны. Не будь этой таможенной охраны — не было бы начинаний и затрат этих пионеров нашего нефтяного дела, не было бы ни современной дешевизны у нас керосина, ни государственного от него дохода, и, вероятно, Россия и поныне получала бы, как Англия или Германия, американский керосин, потому что начинатель, по существу дела, должен принимать во внимание все шансы могущей представиться конкуренции, а конкуренция Америки с ее дешевыми капиталами опасна даже для английских предпринимателей. Оклад в 55 коп. на иностранный керосин имел для кавказских начинателей великое значение, потому что цена русского керосина определялась, в начале дела, исключительно ценою американского + пошлина + провоз до места потребления. Начинатель назначал цену своего товара не по его истинной стоимости, а лишь сообразуясь с ценою американского керосина. Так как провоз от Петербурга до Нижнего пуда американского керосина стоил,[1] с накладными расходами, почти столько же, сколько взималось таможенной пошлины, то в начале 60-х годов русский керосин, производимый Кокоревым, шел только до Нижнего и продавался там по цене ниже, чем американский. При увеличении производства, при его улучшении и при соревновании производителей, уменьшалась стоимость, а потому возрастал район потребления и падала цена кавказского керосина. За Нижним — Москве, а потом Петербургу и всей России стало затем выгоднее покупать русский керосин, чем американский. В 1889 г., когда русский керосин в количестве 34 млн пудов мог продаваться за границею, конкурируя с американским, очевидно, что таможенную пошлину можно было бы совершенно снять, если бы ее сохранение не вызывалось существованием акциза и другими побочными обстоятельствами. Во всяком случае, ныне в России цена керосина, завися в сильной мере от условий добычи, производства, перевозки и всех видов конкуренции вовсе не находится ни в какой — кроме исторической — прямой связи с таможенною пошлиною на керосин и нефть. Историческая же связь громдна: таможенная охрана, вместе с другими мерами правительства, вызвала самое начало дела, укрепила это начало и сделала очевидным значение таможенной охраны. Она уве-

[1] Ныне стоимость провоза от Баку до Нижнего упала противу прежней, бывшей в 70-х годах, почти в три раза не столько от удешевления провозной платы, сколько от уничтожения бочек, т. е. от развития перевозки «наливом» прямо в трюмы особо приспособленных шкун (по морю) и барж (по Волге).

личила массу добываемого из недр земли, она не подняла, а спустила цену нефтяных товаров в России и во всем свете, потому что цены русского керосина уже имеют влияние на цену этого товара на всемирном рынке.[1] Для правильного воззрения на значение таможенных пошлин в деле промышленного развития такой страны, как Россия, пример обложения нефти и керосина очень важен и назидателен.

В настоящее время, когда нефтяное дело укрепилось в Баку до того, что получило не только русское, но и мировое значение, когда существует крупный заграничный вывоз керосина и когда очевидна возможность поправления денежного курса (при его улучшении вывоз затруднителен), ныне своевременно озаботиться о том, чтобы облегчилась нашей нефтяной промышленности дальнейшая возможность успешной конкуренции с американскою нефтью и ее продуктами на иностранных рынках, потому что русский нефтяной рынок переполнен избытками и в своем расширении ограничивается существующим акцизным обложением. Не входя в подробное рассмотрение внешней торговли керосином и тех мер, которые для ее улучшения, по моему мнению, необходимы, считаю полезным указать:

во-первых на то, что американцы имеют не одно, а множество мест добычи своей нефти, *переделываемой на керосин, идущий во всемирную* торговлю; у нас же для внешней торговли поныне нефть добывается почти исключительно около Баку, хотя весь Кавказ окружен нефтяными источниками;

во-вторых, на то, что при существовании многих железнодорожных путей, идущих от нефтяных источников к морю, американцы все-таки сочли не только рассчетливым, но и необходимым провести рядом с рельсами длинные нефтепроводы, по трубам коих нефть дешево достигает океана, около которого идет переработка и производится иностранный сбыт, а в России, несмотря на 7-летнее рассмотрение вопроса о пользе и возможности устройства нефтепровода, все же он еще не осуществлен, чрез что, при поправке курса, должно наступить время (кризиса) задержки и затруднений в развитии русской отпускной нефтяной торговли;

в-третьих, на то, что по мере увеличения добычи нефти в Баку (притом все на одних и тех же местах) являются все большие и большие трудности бурения, ибо возрастает его глубина, а потому либо должна возрастать цена пуда сырой нефти, либо должна, хотя со временем, уменьшаться масса добычи, а потому прозорливость требует дать чрез разрешение Баку-Батумского нефтепровода возможность добычи нефти во многих других южных предгорьях Кавказа;

---

[1] В текущем 1891 г. американский Стандарт (Standard Oil C°) предпринял уже явную борьбу с русским керосином, потому что опыт 1890 г. показал ему, что русский керосин начал отбивать рынки сбыта американского керосина не только в Европе, но и в Азии, особенно в Индии и Китае (добавлено в 1891 г.).

в-четвертых, на то, что, предвидя соперничество других южнокавказских месторождений и переделку части бакинской нефти на черноморских берегах, бакинцы, во вред правильному на будущее время течению общерусских нефтяных дел, ходатайствуют о непроведении Баку-Батумского нефтепровода, но сии ходатайства, объясняющиеся личными интересами, не должны быть принимаемы во внимание, потому что, при беспримерном естественном богатстве бакинских нефтяных месторождений, при их соседстве с Каспийским морем, т. е. при дешевизне сообщения с Центральной Россией (по Волжской системе) и при установившихся уже в Баку делах — соперничество с Баку для новых источников и заводов может быть достигаемо только суммою улучшений и благоприятных условий, т. е. обстоятельств, движущих промышленные дела всей страны к развитию;

в-пятых, на то, что Закавказская железная дорога, даже и после проведения Сурамского туннеля, как всякая железная дорога, не может подвозить в год более 50 — или хотя бы — 60 млн пудов однородного товара, подобного керосину, а добыча нефти в Баку уже ныне доходит до 200 млн в год, русское же потребление нефтяных продуктов не превосходит 25 млн пудов в год, а потому отсутствие нефтепровода не только содействует сосредоточению нефтяного дела в одном лишь Баку, т. е. не только закрепляет нефтяные дела за теми, кто успел их захватить, не только ограничивает предложение русских нефтяных продуктов за границу, т. е. отстраняет возможность полной победы над американской конкуренцией, предоставляя выгоды бакинцам и американцам, не только лишает Россию выгод от расширения кавказских нефтяных оборотов, но и поддерживает тот пагубный способ переделки бакинской нефти, который состоит в сожигании под паровиками $^2/_3$ всей добычи, когда уже несомненно имеются способы превращения в ценные осветительные и смазочные товары (не $^1/_3$ нефти, как ныне), по крайней мере, $^3/_4$ всей добываемой в России нефти; [1]

в-шестых, на то, что ныне практикуемое в России сожигание под

[1] Эти способы двух родов. Мною показано в Русском физико-химическом обществе, что смесь всех продуктов перегонки русской нефти (включая сюда и смазочные масла и вазелин), получающихся при содействии перегретого пара, после обычных приемов очищения (но при условии правильной очистки), совершенно выгорает в хороших (широнафтных) лампах, назначаемых для сожигания тяжелого нефтяного керосина. Если из этой смеси отбросить самые легкие бензины, то смесь дает безопасное освещение, потому что имеет вспышку выше 50° Ц. С другой стороны, мой друг, проф. Дьюар (Dewar), в Лондоне и Кембридже показал, что тяжелые части русской нефти («остатки»), перегоняясь под значительным давлением, превращаются в более легкие, образующие обыкновенный керосин. По тому и другому из этих способов, отбирая особо бензины, можно иметь для лампового освещения очищенные нефтяные масла, составляющие 75% по весу взятой нефти. Эти виды пользования нефтью для цели лампового освещения отвечают свойствам нашей нефти.

паровиками большей части добываемой в Баку нефти, в виде так называемых остатков, составляет способ истребления и истощения запасов русской нефти, могущий устраниться или уменьшиться только после устройства нефтепровода, когда учредятся черноморские нефтяные заводы, долженствующие, по существу дела, озаботиться о полной утилизации нефти, ибо иначе они не будут иметь выгод; [1]

в-седьмых, на то, что казенная постройка нефтепровода, как предприятия чисто коммерческого и долженствующего принести выгоды только после устройства черноморских заводов, не может быть считаема целесообразною и свободною от влияния ныне действующих бакинских предприятий, а потому и не обещает тех выгод для русских оборотов с нефтяными товарами, какие могут быть достигнуты при передаче этого дела особой, новой частной компании, контролируемой правительством и долженствующей составить новую конкуренцию с ныне усилившимися сильными нефтепромышленными компаниями, каковы предприятия Нобеля и Ротшильда;

в-восьмых, на то, что замена нефтепровода керосинопроводом (мысль, уже не раз высказанная бакинскими деятелями) не только не уменьшит истребления нефти [2] в виде «остатков», не только отнимет от Закавказ-

---

[1] Как мною показано в докладах Обществу содействия русской промышленности и торговле при рассмотрении вопросов о налоге на нефть и о нефтепроводе.

[2] На первый раз может показаться, что тот же результат, какого можно ожидать при осуществлении нефтепровода и черноморских заводов, т. е. переделка «остатков» в ценные товары и победа над американским керосином — дешевизною и безопасностью, может быть достигнут при помощи керосинопровода, *если бакинские заводы введут у себя* в большом виде производство из «остатков» тяжелых и «безопасных» сортов осветительных масл, подобных «бакуолю» (тяжелому керосину), пironафту и т. п., т. е. выполнят задачу черноморских заводов и по керосинопроводу станут отправлять к Черному морю свой готовый товар. Тогда, повидимому, избегается надобность в устройстве новых — черноморских заводов, и в Баку останутся для потребностей отопления «тяжелые» остатки. Притом цена керосинопровода, долженствующего проводить более легкий продукт, чем нефть, будет дешевле. Но керосинопровод не может играть роли нефтепровода, т. е. не искоренит огульного сожигания $^2/_3$ нефти под котлами и не посодействует введению в жизнь безопасных тяжелых осветительных масл, соответствующих составу и свойствам нашей нефти уже потому, что с ним уничтожатся разные сорта керосина, а это будет одним из способов уронить (а не поднять) русское нефтяное дело, особенно потому, что безопасный (тяжелый) керосин должен лишь постепенно пробивать себе дорогу во всеобщем применении. С устройством нефтепровода современная отправка из Баку обычного керосина (американского типа) будет совершаться попрежнему, но вместе с тем появятся и новые его сорта, производимые черноморскими заводами, которые вовсе не будут иметь доходов, если не произведут бензина, вазелина и тяжелого керосина, потому что бакинская нефть достается им дорого (по цене в Баку + цена перекачивания, которая близка к 10 коп. с пуда). Производство бензина, вазелина и тому подобных про-

ской железной дороги главный ее груз — бакинский керосин, не только не подвинет вперед всю технику бакинской переделки нефти, но и закрепит то, противу чего ныне следует усиленно бороться, а именно сожигание в топках $^2/_3$ нефти и сбыт в заграничную торговлю почти исключительно только $^1/_3$ нефти, что ускоряет бакинское истощение;

в-девятых, на то, что, увеличивая чрез учреждение Баку-Батумского нефтепровода и черноморских нефтяных заводов внутреннюю конкуренцию в нефтяных наших делах, следует наложить пошлины на вывоз из России сырой нефти, о чем я делал представление г-ну министру финансов еще в конце 1880 г., после командировки в Баку и Батум для собрания сведений о положении нефтяных дел,

и, в-десятых, на то, что с проведением больших кавказских нефтепроводов, упирающихся в Черное море, и с устройством на берегах оного переделочных заводов для товаров, назначаемых в заграничный сбыт, не только должна возрасти утилизация (получение ценных товаров) русской нефти и переделка «остатков» в безопасные осветительные масла, но и должна достигнуться еще большая, чем ныне, дешевизна русских нефтяных товаров, ибо изобилие нефти на Кавказе громадно и добыча очень легка, а чрез эту дешевизну американское внешнее соперничество будет побеждено, так как американские источники более глубоки и легче истощаются, чем кавказские, а потому нефть обходится там дороже. А когда эта победа вполне достигнется, не только внешние торговые обороты России возрастут, не только на Черном море возродится, как на Каспийском, особый флот для торговли нефтяными продуктами, но и получится возможность тяготу акцизного обложения на керосин сложить с одних русских на всех, а в том числе и на иностранных, потребителей — в виде умеренного обложения или самой нефти, или всех добываемых из нее нефтяных товаров.

Что касается до вопроса о современных таможенных окладах на нефть и ее продукты, то я считаю необходимым коснуться здесь только одного обложения выпускаемой из России сырой нефти и нефтяных остатков, не только потому, что уже 10 лет тому назад поднял этот вопрос, но и потому, что обложение это тесно связано с нефтепроводом, составляющим насущную надобность дальнейшего успеха в течении нефтяных дел на Кавказе. Если бы Баку-Батумский нефтепровод устроился, то без наложения вывозной пошлины на нефть и нефтяные остатки иностранцы могли бы перегонять доставляемую по нефтепроводу дешевую кавказскую нефть на своих морских берегах и скупили бы для своих надобностей все нефтяные остатки, если бы они оказались на черноморских берегах, т. е. взяли бы львиную долю выгод с русских нефтяных

пунктов полной утилизации нефти станет для этих заводов обязательным — по соображениям чисто экономического свойства, чего вовсе не может быть при керосинопроводе.

запасов. При устройстве нефтепровода должно быть ясным, что правительство чрез вывозную пошлину не допустит подобного поворота нефтяных дел.

Размер этой вывозной пошлины достаточно принять одинаковым для нефти и нефтяных остатков и равным 10 коп. зол. с пуда, так как он обеспечивает русским заводам выгоду переделки и отвечает с избытком той разности обложения сырой нефти и керосина, какая существует в некоторых странах, например во Франции. Однако при таком размере обложения не устраняется возможность отправки некоторого количества сих продуктов для специальных потребностей, например для смазки железнодорожных осей, куда могут идти и уже идут нефтяные остатки — без дальнейшей их переработки.

Положив вышесказанное в основу дальнейших соображений, считаю необходимым остановиться на некоторых существенных подробностях, которые должно иметь в виду, дабы, желая сделать наилучшее для русского нефтяного оборота, не произвести чрез то задержки и недоразумений, выгодных тем внешним американским конкурентам, с которыми еще долго придется бороться русским экспертерам русских нефтяных продуктов.

Прежде всего должно обратить внимание на то, что, судя по таможенным отчетам, вывоз сырой нефти и остатков поныне очень ограничен сравнительно с вывозом керосина и смазочных масл:

Вывоз в тысячах пудов

	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Сырой нефти отпущено за границу	923	74	0
Остатков » » »	3211	4416	5995
Керосина » » »	11191	26652	34160
Смазочных нефтяных масл отпущено за границу	2739	2724	3346

До проведения Баку-Батумского нефтепровода не предвидится возможности и выгоды отправлять за границу сырую нефть или остатки в больших массах, могущих задержать развитие наших нефтяных дел. Еще в 1880 г., когда обсуждалось в Министерстве финансов предложение об обложении сырой нефти, выяснилось, что современный вывоз сырой нефти не имеет угрожающих размеров, наложение же вывозной пошлины может задержать заграничные обороты, а потому следует, приняв вывозную пошлину в принципе за необходимую, отложить ее введение до того срока, когда вывоз будет достигать сколько-либо значительных величин по отношению к вывозу переделанных товаров. Признавая справедливость такого заключения, я и поныне считаю его совершенно верным, полагая, что следует назначить сроком введения сей пошлины время устройства, в принципе уже признанного за необходимый, закавказского нефтепровода. Таким образом не нарушатся до поры интересы тех не-

многочисленных отправителей сырой нефти и остатков, которые ныне находят им более выгодный заграничный сбыт, чем в России. Если же ввести пошлину немедленно, то окажется вовсе нежелательная задержка в заграничных нефтяных русских оборотах. А так как вывозные пошлины, говоря вообще, могут быть считаемы рациональными только в двух случаях: 1) когда вывозимый продукт полезно оставить внутри страны, страдающей недостатком вывозимого товара (таково у нас, например, тряпье), и 2) когда можно считать, что вывозимый товар монополизирован страною и пойдет после наложения пошлины в количестве не меньшем, чем прежде (так, Чили облагает вывоз натровой селитры, а Италия — серы), то нельзя не согласиться с тем, что вывозная пошлина на какой-либо нефтяной товар — при наших нефтяных избытках и при американской конкуренции — может быть вводима только при тщательном ее обсуждении и только по требованию крайней настоятельности, каковой в настоящую минуту, очевидно, не имеется и какая *может наступить* лишь после проведения кавказского нефтепровода.

Здесь следует обратить внимание на то, что американцы, обложившие было однажды вывоз сырой нефти,[1] отпускают ее ныне свободно и наполняют рынки перегнанными ее продуктами, хотя некоторые страны покровительствуют ввозу сырой нефти сравнительно с керосином. Концентрируя перегонку на больших заводах, устроенных прямо у берегов океана, и имея выгоды, происходящие от большой массы перегнанных продуктов и от скорости оборота затрачиваемого капитала, американские заводчики предоставляют другим народам заниматься заводскою перегонкою их нефти, зная, что сами могут соперничать потому, что в их руках самые источники дела. Того же должно и можно достичь со временем у нас, когда укрепятся нефтяные заводы черноморских берегов. Тогда будет выгодно и уместно снять вывозную пошлину на нефть, но когда еще должно ждать первого нефтепровода и возбудить развитие первых черноморских нефтяных заводов и переделку «остатков», следует оградить начало их осуществления — после проведения нефтепровода —

[1] С 1 сентября 1862 г. по июль 1864 г. в С.-А. С. Штатах взимался со всякого продукта перегонки нефти акциз в 10 центов с галлона, что при курсе 1 долл. = 1 руб. 50 коп. отвечает 80 коп. с пуда. Надо заметить, что в это время цена керосина достигла в Америке до 20—30 центов за галлон, а в России до 4—5 руб. за пуд. Тогда акциз при вывозе не возвращался, т. е. иностранцы платили этот акциз. Сырая нефть тогда налога не платила. Несмотря на акциз, потребление возрастало, потому что соперников не было. С 1864 г. сверх этого установлен был акциз на сырую нефть по 1 долл. с 45 галлонов, но акциз на керосин (но не на нефть) уже возвращался при вывозе за границу. Сверх того были изданы сложные правила акциза и возврата. На пуд керосина падало до 2 руб. акциза. Все это повело к злоупотреблениям. А между тем финансы Штатов, расстроенные войною, поправились, вместе с поправкою курса (он был равен 150—250 центов бумажных за 100 центов золота в 1864 г.). С 1870 г. всякий акциз с нефти в С.-А. С. Штатах уничтожен.

вывозною пошлиною, чтобы под ее покровительством эти заводы могли устроиться и укрепиться. Так поступить рационально. Подобно этому и поступили в 60-х годах С.-А. С. Штаты. Только у них тогда не было соперников, а у нас они есть в виде сильной промышленности этих самых С.-А. С. Штатов. Им следовало иметь в виду: надобности казны и расширение рынка; а нам сверх того следует иметь все время в виду и то, что наша нефтяная промышленность должна вне России бороться с американскою конкуренциею.[1] Поэтому нам необходимы не только орудия борьбы, имеющиеся у противников, например нефтепроводы и заводы на берегу моря, открытого для внешней торговли, но и большая осмотрительность во всяких мероприятиях, особенно же тех, которые касаются заграничного вывоза нефти и ее продуктов. Поэтому без крайней необходимости нет оснований до устройства нефтепровода наложить вывозную пошлину на нефть и нефтяные остатки.

В заграничных нефтяных оборотах Кавказа должно ждать близкого кризиса,[2] который мог устраниться своевременным устройством нефтепровода, но если поныне это не свершилось, то не должно увеличивать остроту кризиса бесполезным ныне введением вывозной пошлины. Поэтому-то я, с своей стороны, считаю полезным, приняв пошлину в принципе и обсудив ее в частностях, ныне ее не вводить, а отложить это введение до времени устройства закавказского нефтепровода.

Но и тогда, когда он устроится, должно ограничить приложение вывозной пошлины ее истинными целями, т. е. выгодами развития всей русской нефтяной промышленности, а не одних бакинских нефтяных заводчиков.[3] А это случится, если без дальнейших ограничений и опреде-

---

[1] Сверх сего ныне, в отличие от 60-х годов, нефтяное освещение должно соперничать с развитием электрического освещения.

[2] Он будет зависеть от избытка предложения керосина, от понижения на него цен и от невозможности по Закавказской жел. дор. вывозить более 40—50 млн пудов нефтяных грузов. (Текущий 1891 г. уже служит началом такого кризиса.)

[3] Должно ясно отличить интересы нефтедобывателей от интересов нефтяных заводчиков. Первым важнее всего получить возможность верного сбыта добываемой нефти по наиболее высокой цене, вторым интересно заплатить за нефть подешевле и получить дороже за керосин. Первые видят выгоды нефтепровода — не со стороны общегосударственных интересов, а прямо со стороны личных своих интересов, вторые же видят подрыв своих интересов в возможности соперничества черноморских заводов, забывая, что сами родились только потому, что правительство желало дать арену соревнованию и потому уничтожило монополизм и с ним боролось своею сильною рукою. Представителей чистых нефтедобывателей мало в Баку. Укажу, например, фирму Муромцева и Бенкендорфа. Чистых заводчиков в Баку много между мелкими фирмами, но большинство заводчиков в то же время имеет свои буровые скважины. Поэтому в Баку преобладают интересы заводчиков. А для хода нефтяных дел важнее всего, конечно, нефтедобыватели, потому что в них корень дела и их интересы согласнее с государственными. А чтобы

лений прямо наложится вывозная пошлина на всякую сырую нефть и на всякие нефтяные остатки. При этом должно принять во внимание следующие соображения, относящиеся к сырой нефти и к «остаткам».

Сырая, или природная нефть бывает очень различных свойств. Есть сорта нефти почти бесцветной и прозрачной, которые, как нефть *белая* сураханская (около Баку, близ монастыря огнепоклонников), и поныне прямо (очищается без перегонки) применяются для освещения в обыкновенных керосиновых лампах. Но таких сортов нефти очень мало, и количество ее добычи ничтожно. Запрет или выпуск такой нефти за границу не может иметь никакого реального значения. Притом такую нефть трудно было бы отличить от плохо очищенного осветительного масла. Затем, сверх обычной бакинской или вообще кавказской «*зеленой*» нефти, имеющей удельный вес от 0.84 до 0.90 (и даже 0.92), применяемой на заводах для получения бензина, керосина и смазочных масл, сверх этой обычной нефти, на Кавказе много тяжелой, или «*черной*» нефти, имеющей удельный вес более 0.9. Такова же, большею частию, так называемая «*озерная*» нефть, если она долго оставалась на воздухе. Она скопляется на поверхности озер, стекая в них чаще всего при действии нефтяных фонтанов.[1] Тяжелую нефть дают многие источники на Кубани, такую же нефть дают в изобилии неглубокие колодцы в Бинагодах, около Баку, и многие другие кавказские местности. Ныне *около* Баку такой нефти на заводах не применяют[2] и, что всего важнее заметить, такую нефть почти не добывают, хотя ее много. Вывоз такой нефти не может отозваться на благосостоянии бакинских заводчиков, а добыча ее и сбыт даже за границу был бы очень важен для владельцев нефтяных земель. Притом ее добыча должна начаться и ради того, чтобы эту нефть, вместо остатков «зеленой» нефти, начали сожигать в топках. Так как тяжелая черная нефть из Баку даже по нефтепроводу не будет отправляться (потому что по густоте не потечет столь легко, как «зеленая» нефть, и

показать различие интересов разного порядка, достаточно указать на то, что для товаров, подобных нефтяным, государственные интересы требуют широчайшего развития внутреннего соревнования, а для промышленников — *уже существующих*, — конечно, выгоднее сохранить или даже сократить число соперников. Промышленнику в Баку столь же чужды вопросы о пользе черноморских заводов, как и вопросы о пользе американских заводчиков. Для России же, в ее целом, дорого все русское нефтяное дело, и современные интересы бакинцев и предстоящие интересы черноморских заводов. Ей чужды, однако, интересы американских заводчиков, и в этом бакинские интересы сходятся с общегосударственными.

[1] Нефть «фонтанов» иногда в изобилии собирается на озерах, но тогда — пока она не испарится и не окислится — она может прямо идти в заводское дело.

[2] Ибо она дает очень мало керосина и смазочных масл, а требует много серной кислоты для очищения.

в подмеси ее испортит), то запрещение или обложение ее заграничного вывоза не будет иметь никакого значения. Но такое запрещение может быть вредным для кубанских и вообще черноморских береговых нефтяных месторождений, потому что в них такая нефть встречается часто и при стеснении заграничной ее отправки, существовавшей и доныне, может отозваться или необходимостью закрыть многие из ныне действующих (внебакинских, например кубанских) колодцев или, что того хуже, прекращением охоты и выгодности рытья новых колодцев. Замечу при этом, что бакинцам, и без того одаренным природными выгодными условиями и правительственною поддержкою, было бы выгодно, чтобы не разрабатывались иные кавказские нефтяные источники; но России это не только не выгодно, но даже прямо опасно и вредно. Конкуренция всех кавказских нефтяных деятелей составляет гарантию того, что бакинцы все время будут стремиться к дальнейшему улучшению своих дел. Из всего этого вытекает одно существенное следствие: обложить после устройства нефтепровода вывозною пошлиною следует только ту зеленую нефть, которая употребляется нашими заводами для выделки нефтяных товаров, обложение же тяжелой нефти, даже после устройства нефтепровода, может вредно влиять на развитие добычи нефти по берегам Черного моря.

Но какою гранью отделить между собою различные сорта нефти? Где критерии справедливости? Какие простые средства должно считать возможными и желательными? [1]

Ответы на эти вопросы хотя и трудны, но возможны, однако, только после разбора сведений, касающихся нефтяных «остатков» и вообще продуктов переделки нефти.

Как сырая нефть, так и «остатки» бывают различные. Одни желательно обложить, чтобы они переделывались в России, а вывоз других облагать не следует — ради успеха внешней русской торговли и ради американской конкуренции нефтяными товарами. Обычные «остатки» зеленой бакинской нефти, или «мазут», как его иногда называют, остаются после отгонки бензина и керосина; их желательно удержать (пошлиною) от вывоза именно потому, что искусство получать из них ценные нефтяные товары, а именно соляровое масло (пironафт) и смазочные масла (олеонафты), уже распространилось в России и практикуется на многих русских заводах. Эти остатки, будучи тяжелее взятой нефти, имеют удельный вес, близкий к 0.9 и сходный с удельным весом легких сортов «тяжелой» нефти, от которых остатки мало отличаются и во всех других свойствах, хотя разнятся по составу или по продуктам переработки. Но если обычные «остатки» переделывают на соляровые и смазочные масла, то получают свои тяжелые «остатки», которые после переделки на вазелин дают еще иной род остатков, часто застывающий

[1] Например, нежелательно снабжать вывозимую нефть свидетельствами, относящимися к месту добычи нефти.

или отвердевающий при низкой температуре.[1] Эти два вида тяжелых «остатков» поныне *вовсе еще* не применяются у нас для обширной заводской переделки,[2] а идут или в деготь, или в топку. Запрещать или стеснять их вывоз — значит стеснять развитие иной заводской обработки нефти, кроме бакинской, при которой отгоняют, говоря вообще, только один керосин и получают, следовательно, обычные «остатки». Бакинцы жгут или продают на топливо эти «остатки», т. е. $^2/_3$ добываемой и переделываемой ими нефти. Это зло надо истребить — ради сохранения нефти в самом же Баку,[3] ради возможного увеличения утилизации нефти,

---

[1] Чтобы еще более не усложнить и без того сложного вопроса о разных видах остатков и отбросов нефтяного производства, я не касаюсь ни тех кислотных составных начал нефти, которые извлекаются щелочами, ни тех продуктов, которые извлекаются серною кислотою. Те и другие получили уже практическое применение и к заграничному вывозу способны, хотя не из Баку, откуда не успевают отвозить самый керосин. Черноморские заводы будут, вероятно (хотя не сразу), отправлять часть их за границу, потому что им (в отличие от бакинских заводов) должно будет заботиться о выгодном помещении *всех* и *всяких* продуктов нефти, так как им сама нефть достанется сравнительно дорого, а именно по цене бакинской, сложенной с ценою перекачивания по нефтепроводу (а она, вероятно, будет близка к 10 коп. с пуда). Эта разность цены сырья и будет лучшим стимулом для полнейшей утилизации нефти, заставит извлечь из нее все возможное и продать его не как топливо, а как более дорогие товары.

[2] Но они-то и могут давать или даже прямо дают вазелин и цилиндровое масло, как я убедился прямыми опытами в большом виде.

[3] Тип бакинской переделки нефти определился еще заводом В. А. Кокорева, в начале 60-х годов, когда задача состояла прежде всего в том, чтобы продуктами бакинской нефти вытеснить из России американский керосин. Поэтому добывали из бакинской нефти только те легкие части, которые сходны — по употреблению в обычных лампах — с американским керосином. Их всего 20—35% в «зеленой» бакинской нефти. Остальное сочли отбросом, назвали «остатками» и начали жечь как топливо. Громадное предприятие братьев Нобель только укрепило своими действиями такое представление о бакинской нефти. Таким образом, русская нефть для получения осветительного масла подвергается и поныне заводской обработке, соответствующей свойствам не нашей нефти, а заморской, дающей керосин сильно огнеопасный в пожарном отношении. Если бы у американцев в 50-х годах, когда они устанавливали переделку своей нефти, была такая нефть, как бакинская, они установили бы совершенно иной тип осветительного нефтяного масла. Бакинцы же, сперва просто подражавшие американцам, потом и не могли уже изменить заведенных способов, потому что если бы они стали получать из 200 млн пудов своей нефти не 60, а 150 млн пудов осветительного масла, то не имели бы путей для выгодного их сбыта. А между тем бакинская нефть вся — до конца — сожигается при первобытном освещении, существующем издавна в Персии, и, после надлежащего очищения, способна гореть в пиронафтных лампах, как показано мною много лет тому назад. Притом кавказская нефть дает *главною своею массою* осветительное масло, столь же «безопасное» (т. е. не способное вспыхивать при обычных температурах) в пожарном отношении, как и растительные (жирные)

ради развития каменноугольного дела в России и ради направления нашей промышленности в сторону прекращения хищнического отношения к дарам природы. Для истребления указанного зла особенно важную роль будут играть нефтепровод и черноморские заводы, если тогда, когда они устроятся, будет наложена вывозная пошлина на обычные нефтяные остатки (удельного веса около 0.9). Если же обложатся всякие (обыкновенные и тяжелые) остатки, то дело устройства черноморских заводов значительно затруднится, потому что на Черном море русского сбыта тяжелым остаткам будет мало и цены их там будут очень низки, *если в то же время будут приложены все усилия к развитию донецких каменноугольных дел*, а надо желать этого последнего еще в большей мере, чем развития нефтяных дел. Обычные остатки от обычной бакинской нефти составляют около 60% по весу, но 100 пудов нефти дают не более 30 пудов «тяжелых» остатков, получающихся после отгонки смазочных масл, и не более 10% после отгонки вазелина.[1] Если запретить или обложить вывоз остатков этого рода, то будущие черноморские заводы не будут иметь возможности с выгодою переделывать обычные нефтяные остатки, ибо должны будут или сами сжигать все свои остатки под котлами, или находить им сбыт в России. Россия же на черноморских берегах их примет как простое топливо, но даст за них, если донецкое угольное дело будет развиваться, цену меньшую, чем они действительно стоят: иностранцы же их купят за сравнительно дорогую цену (около 20—30 коп. кред. за пуд), потому что они, во-первых, больше, чем мы в соседстве Донецкого бассейна, нуждаются в топливе, особенно столь интенсивном, каковы всякие виды нефтяного топлива, а во-вторых, потому что они найдут те виды применения всяких нефтяных остатков, которые окупят их ценность, если она не увеличится в значительной мере вывозною пошлиною в 10 коп. зол. Таким образом, от наложения вывозной пошлины на всякие остатки бакинцы ничего не выиграют, ни проиграют, а хлопочут некоторые из них об этом лишь для того, чтобы не дать возможности развиться тем, желательным для России, черноморским заводам, которые будут утилизировать нефть, переделывать обычные остатки, увеличивать технический успех русского нефтяного дела и которые будут нуждаться в свободе сбыта таких «тяжелых» нефтяных остатков, которые остаются после отгонки от нефти (или из обычных остатков) — соляровых (они пойдут прямо в освещение), смазочных и вазелиновых масл.

масла. Всю эту значительную часть нашей нефти (а в американской нефти ее или нет, или мало) ныне, по бакинскому типу производства, жгут не в лампах, а под котлами. Такой порядок есть явное истребление нефтяного запаса или приближение ускоренными шагами к гибели самого бакинского дела.

[1] Вазелин *можно* готовить перегонкою, но можно (и лучше) получать без перегонки. Тогда «остатков» не будет.

Поэтому и в нефтяных «остатках», как в сырой нефти, не всякие должно обкладывать вывозною пошлиною, а лишь некоторые должно обложить, когда построится нефтепровод. Желаемого различения можно достичь, по моему мнению, прямо по удельному весу, как далее излагается, не отличая сырую нефть от остатков. Но прежде чем перейти к указанию желательных определений, должно вспомнить еще важное обстоятельство, могущее повредить правильному развитию нефтяных наших дел, если наложение вывозной пошлины на сырую нефть и нефтяные остатки не будет ограничено в должной мере. А именно, должно иметь в виду отличение товаров, беспошлинному выпуску не подлежащих, от нефтяных товаров, которые, будучи с ними сходны или по названию, или по свойствам, составляют или могут составить истинный и желаемый предмет нефтяного сбыта за границу, так как необходимо, чтобы заграничный вывоз всяких продуктов переделки нефти нисколько не пострадал в своей свободе международного обращения. Эта сторона представляет много затруднений. Для примера достаточно указать на то, что некоторые сорта смазочных масл по цвету и внешнему виду, а иногда и по удельному весу чрезвычайно сходны с неперегнанною (сырою) нефтью, очищенною без перегонки.

Не входя во многие технические частности, относящиеся к этим предметам, я считаю достаточным прямо изложить те ограничения, при которых, по моему мнению, можно ожидать, что наложение 10-копеечной золотой пошлины с вывозимой нефти и с нефтяных остатков не повлечет за собою *после открытия нефтепровода* вредных последствий, а черноморским нефтяным заводам позволит установиться и развиться.

1) При вывозе должны не подлежать пошлине ни нефть, ни всякие из нее производимые товары, провозимые в бутылях, жестянках, бочках и тому подобных сосудах, вмещающих менее 10 пудов жидкости, потому что тара или укупоривание в мелкую посуду стоит дорого (не менее 20 коп. зол. с пуда нетто за тару) и, следовательно, может назначаться лишь для товаров более ценных, вывозная же пошлина на нефть и остатки, по самому существу своему, назначается на товары дешевые, в предупреждение их заграничной переделки, и всякий иной, например фискальный, смысл такой пошлины был бы прямо вреден развитию нашей отпускной торговли нефтью и был бы наруку только американской конкуренции или только некоторым русским заводчикам, но не стране.

2) Вывозной пошлине на нефть и остатки не должны подлежать ни в каком случае, т. е. даже при вывозе наливом (на судах или в железнодорожных цистернах), ни товары — при температуре вывозки — затвердевшие, т. е. не выливающиеся из сосудов без особого нагревания (таковы, например, остатки после отгонки вазелина), ни жидкие нефтяные товары, имеющие плотность менее 0.83 или более 0.93. Плотность менее 0.83 имеют всякие виды бензинов и большая часть обычных осветительных нефтяных масл (керосин), а плотность более 0.93 из жидких

нефтяных товаров имеют только такие сорта черной тяжелой сырой нефти, которые ныне в России не применяются для добычи керосина и вообще ценных нефтяных товаров, и кроме того «остатки», получаемые после отгонки смазочных масл. А так как такие товары, идя за границу, не могут ни в каком случае составить предмета конкуренции для существующих бакинских заводов и не могут задержать устройства черноморских заводов, то их следует выпускать беспошлинно, чтобы не задержать пошлиною развития русских нефтяных дел. Отсюда следует, что обложению могут подлежать лишь нефтяные товары, вывозимые наливом и имеющие плотность от 0.83 до 0.93. Обычная сырая нефть, переделке подвергаемая, и обычные нефтяные остатки, которые следует удержать в России для их переработки, относятся именно сюда. Но сюда же относятся и всякие смазочные масла, пironафт и тому подобные продукты переделки нефти, которые, конечно, не должны подлежать отпускной пошлине, а потому в третьем пункте дается признак, их отличающий от нефти и нефтяных остатков.

3) Из нефтяных жидкостей, вывозимых наливом и имеющих удельный вес менее 0.93, должны подлежать, после устройства нефтепровода, 10-копеечной золотой пошлине только такие жидкости, которые, как обычная сырая нефть и обычные остатки, представляются не только окрашенными, но и непрозрачными в слое некоторой толщины, например в 4 вершка. Очищенные смазочные масла, хотя бы и окрашенные, при удельном весе менее 0.93 и при толщине слоя в 4 вершка настолько прозрачны, что чрез них можно читать напечатанное, если освещение составляет обыкновенная керосиновая лампа. Притом очищенные смазочные масла, как продукты сравнительно дорогие, обыкновенно отправляются не наливом, а в бочках и боченках. Таким образом, тяжелые керосины, соляровые и смазочные масла, отправляемые наливом и имеющие удельный вес от 0.83 до 0.93, будут выпускаемы беспошлинно вследствие их прозрачности. Обложению же будут подлежать только обычные сорта нефти и нефтяных остатков, потому что они представляют *жидкости непрозрачные, вывозимые наливом, и удельного веса от 0.83 до 0.93.* Все эти признаки столь легко определяются, что не могут составить затруднения для чинов таможенного ведомства, тогда как отличие сырой нефти и «остатков» между собою или от иных нефтяных продуктов само по себе могло бы подать повод к недоразумениям, так как терминология сбивчива и способы определения очень затруднительны.

Сверх всего считаю полезным остановиться еще раз на вопросе о нефти как топливе, потому что существует мнение о необходимости для России ввозимых из Баку нефтяных остатков (около 50—80 млн пудов в год), с проведением же нефтепровода и с увеличением утилизации с первого раза кажется, что Россия лишится потребного ей количества топлива и ее промышленные интересы чрез то могут пострадать. Такое мнение подробнее рассмотрено мною в статье о донецком каменноуголь-

ном деле (гл. 8-я) и подлежит полному сомнению на основании именно следующих соображений.

Ныне везут из Баку как топливо такие «остатки», из которых можно получать ценные нефтяные товары, но этот род товаров нельзя добывать в большом виде в Баку, потому что Россия не нуждается в увеличении массы нефтяных продуктов, а Закавказская дорога не в силах вывозить для заграничного сбыта еще иные нефтяные товары, кроме керосина. Следует же и можно отправлять из Баку как топливо ту черную нефть, которая ныне не добывается вовсе, потому что она почти не дает керосина. Такой нефти около Баку много.

Так как за бакинскими заводами сохранится и впредь снабжение России керосином, то, продолжая обычный способ переделки нефти на керосин, бакинские заводчики будут иметь «остатки» не только от добычи керосина, потребляемого Россией, но и от того керосина, который они отправят по Закавказской дороге за границу.

Следовательно, нефтяное топливо, потребное России, *может* доставляться из Баку даже после устройства нефтепровода.

Но следует ли поддерживать это зло, неизбежное при существовании современных бакинских порядков? Прочно ли стоит та русская промышленность, которая опирается на бакинское нефтяное истребление?

На эти вопросы должно отвечать отрицательно.

Потребление нефтяных остатков как топлива на системе Волги и даже до Москвы, родившись как следствие бакинских избытков нефтью и бакинских способов ее переделки, не только не может дать прочной опоры русской промышленности, но и не заслуживает ни в каком случае поддержки, потому что:

1) Цена «остатков» очень непрочна, до того, что меняется в Баку от $^1/_2$ коп. до 10 коп. за пуд, а на топливе, не имеющем сколько-либо прочной ценности, очень опасно основывать промышленные предприятия, как само собою понятно. Непрочность же цены остатков зависит от изменчивости цен на самую нефть, на керосин, на фрахт и главное — от степени утилизации нефти.

2) Если «остатки» даже ничего не стоят в Баку, то по обычной цене фрахта и хранения они должны стоить в Москве от 25 до 30 коп. кред., а так как пуд остатков как топлива для паровиков имеет равное значение с $1^1/_2$ пудами хорошего каменного угля, то возможность проникновения нефтяного топлива до центра русской промышленности зависит только от того, что в нем цена каменного угля высока и обыкновенно даже превосходит 20 коп. А так как эта цена высока для многих производств и так как легко достичь того, чтобы донецкий уголь в Москве стоил менее 20 коп.,[1] то следует употребить усилие на то, чтобы разви-

[1] В главе 8-й доказывается, что донецкий уголь может стоить в Москве до 16 коп. за пуд, а ныне *должен* стоить менее 20 коп. кред.

валось потребление около Москвы донецкого угля, а не бакинской нефти, если желательно укрепить московскую промышленность, как укрепилась польская от добычи и применения польского каменного угля. Рассмотрение нефтяного топлива, без связи его с каменноугольным, должно привести не только к неверным, но и к опасным следствиям.

3) Потребление нефтяного топлива, временно удовлетворив народной потребности в топливе и особенно развитию пароходства на Каспии и по системе Волги, никоим образом не может быть считаемо (ни по массе, ни по цене) за средство для прочного восполнения народной и промышленной потребности в обеспечении топливом. Эту роль может играть только каменный уголь. Для центра и юга России донецкий уголь, для востока уральский и для запада польский могут, при должных мероприятиях, выполнить эту роль в совершенстве, особенно же донецкий уголь. Все то, что задерживает эти шаги, неизбежные для процветания промышленности России, а в том числе и нефтяное топливо, должно быть рассматриваемо, как ослабление промышленного роста страны.

4) Средние части Волги, выше Царицына, с проведением дороги от Донецкой области (от станции Зверево), должны будут заменить нефтяное топливо донецким углем, который по Волге пойдет и вверх, где должен встретить близ устьев Камы уральский уголь, чем и возместится убыль и дороговизна нефтяного топлива.

5) Не говоря о всей восточной России, даже такой обширной части России, как юго-восток ее, лишенный добычи своего каменного топлива,[1] при развитии этого края в промышленном отношении, во всяком случае, нельзя опереться на одно бакинское нефтяное топливо, потому что его не может быть много. Весь мир добывает всей нефти не более 500 млн пудов в год, мировая же добыча угля превосходит 25 000 млн пудов. Не нефть, а только каменный уголь может поддерживать современный спрос на топливо, и прозорливость правительства требует обратить все внимание на уголь, а не на нефть, если нежелательно, чтобы из-за недостатка топлива остановилось или задержалось дальнейшее и необходимое промышленное развитие России. Истребление лесов и истребление нефтяных запасов для топлива одинаково гибельны для России и одинаково задерживают промышленное могущество нашей страны, которое должно и может прочно основаться только на каменноугольном топливе. В нем корень прочной будущности России.

Связь основных задач промышленного развития России с вопросом о топливе столь велика и очевидна, столь близка к задачам, возбужденным при пересмотре таможенного тарифа, что я считал долгом коснуться всех частей сложного вопроса о снабжении русской промышленности топливом.

---

[1] А такое топливо в этих местах есть, например в Киргизских степях, хотя и невысокого сорта.

Нефть, с одной стороны, представляет много сходства с маслами (почему и названа горным маслом, petroleum), а с другой — со смолами, тем более что, окисляясь и вообще изменяясь на воздухе, она дает дегтеобразные и смолообразные вещества, к числу которых относятся многие (вероятно даже все) виды природных асфальтов и гудронов.[1] В этом отношении к нефти близки (по составу и свойствам) не только ископаемые, но и всякие дегти и смолы, получаемые из растений в природе и искусственно. Терпентин, или живица (древесная сера), т. е. содержащаяся в хвойных деревах смесь (раствор, соединение) гарпиуса, или канифоли со скипидаром (или терпентинным маслом), относится к числу важнейших в промышленном отношении растительных продуктов этого рода. Измененная накаливанием и полученная чрез сухую перегонку смолистых дерев живица образует смоляной деготь, а после удаления из него летучих частей он дает виды твердых смол — хвойных дерев. Гарпиус, скипидар, самый терпентин, деготь и смола хвойных дерев суть товары, имеющие многообразное практическое приложение, и составляют крупные отрасли лесотехнических продуктов, чрезвычайно важных для России, некоторые места которой (стр. 466—67) обладают большими избытками лесов. Вследствие большой запутанности предмета, значения упомянутых продуктов для русской промышленности и торговли и того соотношения, которое они имеют к добыче уксусного порошка (ст. 106 таможенного тарифа), я сперва перепечатываю до сих пор не опубликованное свое представление, составленное при пересмотре тарифа на лесотехнические продукты, а потом

---

[1] Кавказский «кир» явно происходит из нефти. Там, где нефтеносные пески выходят на земную поверхность, они покрываются слоем кира, который можно считать молодым, в геологическом смысле слова, асфальтом. Кир поныне находит применение только по берегам Каспийского моря. Им кроют кровли, полы, резервуары и т. п. Следует расширить применение этого легкоплавкого строительного материала, потому что он с известью (как я убедился на деле) дает превосходную массу, постепенно твердеющую на воздухе до каменистого состояния, подобно асфальтовому, и принимает много правия, подобно асфальту. Для русских архитекторов применение кира и его смесей с асфальтом в стройках может доставить новое местное средство, пригодное для специальных целей. Множество домов в Баку имеют прямо плоские кровли, покрытые киром. Образцы шемахинского кира, бывшие у меня в руках, еще выше бакинских. Необходимы полные, организованные опыты, чтобы пустить в русский обиход этот новый материал. Россмеслер в начале 60-х годов хотел из кира доставать керосин. Его получали мало, не более 10%, но прямое применение кира, давно известное местным жителям Закавказья и Закаспийского края, заслуживает гораздо большего внимания.

обращусь к статистическим данным, относящимся к статьям 80-й и 88-й, содержащим дегти, смолы, гарпиус, терпентин [1] и другие товары, рассматриваемые в этой главе.

К разряду лесотехнических товаров относятся, кроме древесного угля, древесный деготь, вар, канифоль (гарпиус), терпентин, скипидар и уксусная кислота как важные продукты лесов, могущие доставить крупные статьи дохода лесным хозяевам.[2] При рассмотрении тарифа на привозные товары следует иметь в виду преимущественно канифоль и уксусную кислоту с ее солями, потому что их ввозят в Россию более значительными массами; на втором месте стоят скипидар и терпентин, которых ввозится мало, а деготь, вар и им подобные смолы вывозятся из России как товары издавна производимые своеобразными крестьянскими способами «сидки дегтя».[3] Производство древесного дегтя, составляющее в лесных местностях России исконный крестьянский промысел, улучшалось по сих пор в хозяйствах немногих крупных землевладельцев и почти вовсе еще не сделалось у нас предметом развитой заводской промышленности. Производство это страдает поныне у нас тем, что побочные продукты, сопровождающие смолы (уксусная кислота, древесный спирт и др.), или сгорают вполне, или в большом количестве пропадают, так что поныне уголь и деготь составляют *важнейшую* цель лесотехнических операций в России, обладающей еще громаднейшими массами лесов в местах, удаленных от сплавных рек и горных или других заводов. Такие места занимают целые сотни квадратных верст не только на северо-востоке России, но даже и во многих отдаленных частях таких губерний, как *Новгородская* и *Костромская*, где еще ныне возможно приобретать вдали от рек, железных дорог и городов сплошные лесные насаждения по баснословно дешевым ценам, ибо вследствие отдаленности

---

[1] В перепечатываемой статье сделаны лишь незначительные изменения и сокращения противу того вида, в котором она представлена была в 1890 г. *Комиссии для пересмотра тарифа*.

[2] Сверх того сюда же относятся, не говоря о продуктах прямой механической обработки дерева: древесная бумажная масса, целлюлоза, сажа, древесный спирт, ацетон и другие товары, менее существенного значения. Из них важнее всего обратить внимание русских сельских хозяев на целлюлозу. Целлюлоза, будучи продуктом химической обработки леса и материалом бумажной массы, заслуживает особого внимания. Неправильно думают, что *Россия* не богата *условиями для производства* целлюлозы и вообще древесной бумажной массы, особенно механически подготовляемой. Приводят в доказательство отсутствие или малое развитие у нас водяных двигателей. Но, во-первых, можно пользоваться в этом деле и ветряными двигателями, а во-вторых, там, где лес дешев, — дешево обойдутся и паровые двигатели. Нужна, более чем паровые двигатели, инициатива, подтолкнуть которую на промышленные дела составляет основную задачу *покровительственного тарифа*.

[3] Статистические данные о ввозе и вывозе смолы и дегтя приводятся в дальнейших частях этой главы.

и неблагоприятных для земледелия условий многие из таких мест не имеют и впредь не обещают усиления в них населенности и возвышения ценности леса. Такие места доставляют природные условия для развития в них добычи лесотехнических продуктов, подобных перечисленным выше, потому что они — по их ценности — выдерживают отдаленную перевозку и спрашиваются во всем мире, применяясь для разнообразнейших технических потребностей. Вырубаемые леса своими пнями доставляют другой, еще более общий материал для тех же производств. Канада и С.-А. С. Штаты в своих северных округах успели воспользоваться своим избытком леса и отправляют не только в Западную Европу, но и к нам массу канифоли, скипидара и уксусного порошка или извести, насыщенной уксусною кислотою. А Франция нашла целесообразным и выгодным засадить (при содействии земских и государственных средств) песчаные ланды своего юго-запада морскою сосною ради целей не только улучшения пустынной местности и пользования лесными материалами, но и для собирания терпентина, составляющего ныне предмет немаловажного отпуска и материал для изготовления «французского» терпентина, заменившего всюду «венецианский» терпентин,[1] канифоли и «французского» скипидара. Не производя таких больших затрат, какие сделала Франция при помощи, во-первых, таможенного тарифа, а во-вторых, немногих других мер (далее исчисляемых), Россия может пустить в оборот свои леса северных пустынь для добычи указанных лесотехнических продуктов и достичь в отношении к ним преобладающего значения на всемирном рынке, потому что для обсуждаемых предметов торговли важнее всего относительная цена земли и леса, а она в указанных местах России ниже, чем где-либо на свете. Однако при сем случае должно вновь, с особою настойчивостью, выразить те основные положения, которые необходимо иметь в виду при обсуждении влияния тарифа на возбуждение многих производств, берущих свое начало из естественных ресурсов России, а именно: 1) первые усилия промышленности в начале возникновения или капитального улучшения дел всегда стоят дорого и требуют много капитала, а потому, при всех естественных условиях, неприложимы, пока начинатели не будут иметь в виду достаточно высокую премию, которую необходимо дать в виде явно покровительственного, высокого таможенного тарифа; 2) временное возвышение продажных цен, такому тарифу могущее соответствовать, должно быть рассматриваемо как косвенный налог, уплачиваемый на пользу промышленного народного развития, но возвращаемый сторицею народу же как в виде нового постоянного заработка, так и в виде предстоящего понижения цен, чему

[1] Истинный венецианский терпентин происходит не от Pinus maritima Dec. (Pinaster Ait), а от Larix decidua Mill. южного Тироля, но такой очень редок и чаще всего ныне заменяется «французским» терпентином; этот последний ныне очень часто в торговле называют «венецианским».

очевидный пример виден в русском керосиновом деле, доставившем России дешевейшее освещение; 3) одно тарифное обложение, хотя и составляет неизбежно необходимый стимул для начинаний, не может преодолеть косности, препятствующей восстановлению естественно необходимых России *обширных* промышленных предприятий с предметами, отвечающими природным ее ресурсам, ибо кроме начинателей необходимо вызвать и подражателей, т. е. соревнователей, опускающих цены, а за таковых должно признать в России преимущественно мелких предпринимателей, могущих учиться только из примеров и возникать только при настойчивом и разностороннем указании. Для этой последней цели в деле лесотехнических производств, по моему мнению, могут быть полезны ниженисчисленные меры, требущие правительственных расходов, но временно незначительных и могущих возместиться за ближайшие годы чрез сбор возвышенных таможенных окладов с тех же лесохозяйственных продуктов иностранного производства, которые будут еще — до некоторого срока — ввозиться в Россию из-за границы, пока не возникнет успленное русское их приготовление. За такие меры, могущие помочь, *при назначении высокого таможенного тарифа,* скорейшему возникновению рациональных лесотехнических мелких предприятий, я почитаю: 1) отправку одного или несколько ученых для обследования существующих дел на месте как в России, так и за границею; 2) издание соответственных руководств; 3) назначение премий за сочинения, разрабатывающие русские лесотехнические вопросы со стороны научной и технической, и 4) всемерное поощрение предприятий этого рода (учрежденных в лесных губерниях), если они станут принимать учеников для обучения мастерству и хозяев, желающих ознакомиться с действиями заводов.

Не говоря о добывании угля и дегтя, главнейшие лесотехнические предприятия должно разделить на два класса, имеющих одинаково важное значение и во множестве случаев могущих соединиться в одно целое (вместе с добычею угля и дегтя): добывание и обработка уксусной кислоты составляет центр одного рода лесотехнических операций, как у другого класса — скипидар и канифоль. Для первого более подходит лиственный лес,[1] для второго — исключительно хвойные леса.

Дабы видеть тарифно-таможенное и экономическое значение товаров первого рода, должно заметить, что с 1882 г., при пошлине на уксусную кислоту[2] в 4 руб. зол. с пуда (ст. 108[4]), ввоз ее хотя сокра-

[1] Далее приведены средние выходы смолы или дегтя и уксусной кислоты из различных обыкновеннейших древесных пород.

[2] В практике древесно-уксусная кислота встречается не только в различной степени очищения от подмесей, ее сопровождающих в дегтярной воде, но и различной крепости. Древесный уксус представляет едва очищенный продукт сухой перегонки дерева, содержащий лишь несколько процентов уксусной кислоты. Более всего готовится у нас и спрашивается

тился, но продолжается, а именно ввозится крепкая (от 80 до 100%) уксусная кислота, но так как таможенные отчеты дают вес ее вместе с некоторыми другими органическими кислотами (лимонною, винною, дубильною и др.), то нельзя сказать, как велик ввоз самой уксусной кислоты, ввоз же всех упомянутых кислот доходит в год до 35 тыс. пудов на сумму в 650 тыс. руб., и можно думать, что уксусная кислота в этом числе занимает около половины. По тарифу, действовавшему в начале 1890 г., *уксусный порошок* (древесно-уксуснокислая известь) провозится с пошлиною в 15 коп. зол. с пуда; и по таможенным отчетам очевидно, что с 1885 г. (57 тыс. пудов), когда, сколько мне известно, началась (преимущественно в польских губерниях) переделка этого порошка на уксусную кислоту, ввоз достиг до 173 тыс. пудов (на 289 тыс. руб.), причем наибольшая масса ввозится чрез Сосновицкую таможню. Так как уксусный порошок[1] дает обыкновенно не более 50% крепкой (кристаллической) уксусной кислоты и около 150% той 35%-й уксусной кислоты, которая более всего спрашивается красильными и другими заводами, то существующее ныне тарифное обложение прямо вызывает развитие переделочного производства, ибо дает ему очевидную премию, а именно на каждый пуд слабой 30—35%-ой кислоты более 1 руб. 20 коп. зол.,[2] или около 1 руб. 80 коп. кред. При такой премии, доставлявшейся таможенным тарифом 1890 г., прямо окупается вся цена уксусного порошка, потому что цена североамериканского сырого (особо не очищенного) препарата близка в большом виде к 10 ф. с. за тонну, или за пуд около 1 руб. 50 коп. кред. При таких ценах устройство переделочного завода для иностранного порошка представляет прямой и очевидный расчет, потому что на пуд 30%-й уксусной кислоты пойдет не более $^2/_3$ пуда порошка, цена их около 1 руб. кред., пошлины уплатится около

мануфактурами кислота в 6° Боме, или с содержанием от 30 до 35% уксусной кислоты $C^2H^4O^2$. Затем кристаллическою (acidum aceticum glaciale) называется кислота, содержащая более 90% и застывающая при температурах выше 0°. Количество или крепость всегда считаются по содержанию гидрата $C^2H^4O^2$, представляющего определенное соединение, без подмеси растворенной воды (100%). Но этот гидрат неудобно называть безводною уксусною кислотою, потому что сим словом часто означается совершенно иное тело: $(C^2H^3O)^2O$, или уксусный ангидрид.

[1] Состав чистой мелкокристаллической уксусно-известковой соли $Ca(C^2H^3O^2)^2H^2O$ или $CaO + 2C^2H^4O^2$ (по Бертело и Любавину), показывает, что в ней содержится около 32% извести и 68% уксусной кислоты. Продажный же уксусный порошок обыкновенно содержит избыток извести и дает лишь около 55% уксусной кислоты. Ныне уже готовят и ввозят к нам также соль почти совершенно чистую.

[2] Пуд крепкой (90%-й) уксусной кислоты, отвечая 3 пудам слабой (30%-й), платит 4 руб. зол., следовательно, пуд слабой (если разбавление водою сделано в России) — 1 руб. 33 коп. зол., а пуд уксусного порошка, отвечая $1^1/_2$ пуда слабой кислоты, платит только 15 коп., следовательно, пуд слабой кислоты — около 10 коп. зол.

10 коп. зол., или 15 коп. кред., серной или соляной кислоты пойдет не более как на 1 руб. кред. и расходов на рабочих и ремонт не более как на 35 коп., следовательно пуд 30%-ой уксусной кислоты обойдется заводу около 2 руб. 50 коп. кред. и никак не более 3 руб., или почти столько же, сколько такая кислота стоит заграничным заводчикам.[1] Пуд же такой кислоты, неся таможенную пошлину не менее 2 руб. кред. (если кристаллическую кислоту ввезти и разбавить) и стоя в заграничной продаже около $3^1/_2$ руб. кред., стоит у нас около 6 руб. (у Штоля и Шмидта 7 руб.). Внутренние русские производители, конечно, имеют столь же крупный расчет переводить добываемый ими уксусный порошок в уксусную кислоту, что они отчасти и делают,[2] если управляются техниками.[3] Но, с одной стороны, дело добычи древесно-уксусной кислоты, вообще сравнительно новое, в России требует усилий особого рода, потому что начинателям[4] приходится преодолевать многие трудности и борьбу с рутиною, опиравшеюся на добывание дегтя и бросавшею все водянистые продукты сухой перегонки, в числе коих содержится и уксусная кислота. С другой стороны, немаловажным препятствием для развития и расширения у нас добычи уксусного порошка составляет трудность и дороговизна металлических сосудов (котлов, реторт, кубов, сковород и т. п.), без большой массы которых обыкновенно не обходится сухая перегонка дерева, если она имеет в предмете уксусную кислоту.[5] Поэтому, лишь приложив выше указанные приемы, подкрепленные явно покровительственными пошлинами, можно ждать широкого распростране-

---

[1] Переделка порошка в кристаллическую (крепкую) и чистую уксусную кислоту, требуя соды, хромпика, сложных приборов и знающих техников, гораздо более дорога, если расчет вести на пуд порошка или кристаллической уксусной кислоты.

[2] Так, например поступал бывший орловский завод гр. Апраксина, описанный в сообщении проф. В. М. Руднева (1884).

[3] По сведениям Департамента торговли и мануфактур (Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1885—1887 гг., 1889, стр. 83), в 1887 г. на всех 240 смоляных, скипидарных и дегтярных заводах России, при 1195 рабочих, было только 4 техника, получивших техническое образование, остальные довольствовались самоучными «смолокурами», лишь следующими давней рутине, т. е. изучившими «сидку дегтя», а не добычу уксусной кислоты.

[4] Шипов, Рейхель, Шапиро, Удельное ведомство, гр. Апраксин и др. в разных краях России неоднократно прилагали усилия для водворения у нас рациональной сухой перегонки дерева, но по тем или другим причинам должны были прекращать начинания, и, пока правительство не придет на помощь этому делу, оно, предоставленное слабым усилиям отдельных лиц, не может обещать успеха, особенно потому, что весьма обширное пользование древесным дегтем, составлявшим еще недавно главный доход, ограничивается при помощи замены этого дегтя нефтяными остатками.

[5] Для смолокурения из осмола у нас чаще всего применяют «ямы» и различные виды печей, довольствуясь лишь немногими металлическими трубами и частями приборов.

ния в России правильной сухой перегонки дерева, направленной к добыче уксусной кислоты, т. е. к производству и переделке уксусного порошка. Но здесь следует заметить, что уже на многих заводах Вятской, Вологодской, Новгородской, Владимирской, Орловской и других губерний существует начало развития добычи уксусного порошка, а потому дело идет не о вызове несуществующей промышленности (как шло, например, когда-то дело о вызове заводов для переделки кавказской нефти), а только о поддержании и развитии давно существующей. Поддержка же необходима, как можно видеть из того, что число заводов, занятых у нас сухую перегонкою дерева, год от года не растет, а падает. Так, например, по данным Департамента торговли и мануфактур (l. c., стр. 1, 6 и 8), смоляных и дегтярных заводов было:

	1885 г.	1886 г.	1887 г.
В Архангельской губ.	11	11	2
» Вологодской »	13	18	11
» Вятской »	31	36	8
В трех губерниях сумма	55	65	21
Во всей России число заводов . . .	354	332	240
Годовой оборот всех, тыс. рублей .	976	748	572

Быстрое исчезание этой отрасли промышленности в ее сколько-либо развитых формах[1] тем плачевнее, что не только русский народ спрашивает массу дегтя, но и потребление его за границею, особенно в Англии, не падает, а возрастает, только на счет Америки, Россия же год от года

[1] Регистрации подлежит только заводское смолокурение, соединяемое с добычею скипидара, иногда же и уксусной кислоты, а то крестьянское («сидка дегтя» в ямах, корчагах, кучах и т. п.), которое ведется попутно с рубкою леса и выжиганием угля, — регистрации или статистической отчетности Департамента торговли и мануфактур вовсе не поддается. Смола и деготь, потребляемые внутри России и отправляемые за границу, частию производятся заводами, но наибольшая масса простейших товаров этого рода учету вовсе не подлежит и составляет, однако, поныне важнейшую отрасль нашей лесотехнической промышленности. Отрасль эта падает, как видно не только из цифр, приводимых далее и относящихся к иностранному вывозу, но также из того, что в крестьянском обиходе колесный деготь (ценою в розничной продаже около Москвы выше 1 руб. 20 коп. пуд) всюду стал заменяться более дешевыми (не выше 60 коп. пуд около Москвы) нефтяными остатками. Такая замена, будучи совершенно правильною и выгодною, еще более ясно указывает на потребность перехода от прежнего способа смолокурения к такому более совершенному (заводскому), при котором не деготь, а скипидар, канифоль, уксусный порошок и древесный спирт должны и у нас сделаться товарами, обильно и дешево приготовляемыми в местах, богатых дешевыми лесами. Предметы эти столь важны для экономической жизни наших северных губерний, что возвышение таможенных окладов на продукты сухой перегонки дерева и вообще лесотехнические, по моему мнению, должно считать неизбежно необходимым. (Это писано в отношении к тарифу, действовавшему в 1890 г.).

теряет эту исконную свою отрасль вывоза. По данным таможенных отчетов, дегтя и смолы древесной отпущено за границу:

в	1884	1885	1886	1887	1888 годах
	1510	1231	1006	920	1077 тыс. пудов.
на	722	535	430	385	363 тыс. руб.
по	48	44	43	42	34 коп. кред. пуд

Это сопоставление показывает не только упадок вывоза с $1^1/_2$ до 1 млн пудов, но в то же время дает указание весьма большой важности: совокупная цена пуда дегтя и древесной смолы быстро падает и достигает в 1888 г. такой величины, которая, очевидно, при всей дешевизне леса в местах смолокурения не окупает расходов добычи и перевозки смолы и дегтя к Архангельскому порту.

Такое положение всего дела становится на первый раз непонятным, особенно в виду того, что за последние десятилетия возникла добыча сухою перегонкою растительных смол не только в Северной Америке, но даже и в юго-западной Европе (особенно из водорослей) и в самой Англии, куда главным образом идет наша древесная смола и где для сухой перегонки применяют стружки и опилки дерева, получаемого частью из самой России же. Очевидно, что нигде деготь и древесная смола, как таковые,[1] не могут сами по себе обходиться дешевле, чем в лесных пустошах северной России, везде им цена должна быть во много раз большею, а по редкости дерева и поднятию всюду цен на него — должно бы ждать, что год от года цены древесного дегтя и смолы должны возвышаться. В действительности же цены или падают, или остаются неизменными, как видно из данных Гамбургской биржи[2] для цены тонны, в марках:

	1880 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.
		м а р о к		
Древесный деготь (Holztheer) . . .	155	144	135	166
Смола (Harz)	115	80	76	74

Хотя может казаться сначала, что древесные смолы, заменяясь каменноугольными и нефтяными, и должны терять в спросе и цене, но истинная причина явления совершенно иная и состоит в том, что прежде всюду, а у нас и до сих пор деготь и смола получались из дерева как главные продукты, долженствующие (вместе с углем) окупать при сухой перегонке дерева цену леса, топлива и работы, ныне же всюду — кроме России — главным по цене продуктом сухой перегонки дерева является

[1] Получаясь как *побочные или совместные продукты* при добывании уксусной кислоты, древесная смола и деготь приобретают иную, низшую ценность, и в этом должно видеть главную причину той перемены направления лесотехнических операций, которую должно возбудить у нас — отчасти при помощи тарифов, как таможенного, так и железнодорожного.

[2] См.: Hamburg's Handel und Schiffahrt, 1888.

уксусная кислота. И легко видеть, принимая цену пуда дегтя и смолы за 50 коп. (а она ниже на местах добычи), а пуда уксусной кислоты ($C^2H^4O^2$) только за 7 руб. кред.[1] (а она всюду выше на местах добычи), что все дело сухой перегонки дерева приобретает совершенно иной характер, когда заботятся о получении уксусной кислоты,[2] сравнительно с тем, какой имеет все дело при собирании одного дегтя и при *выбрасывании всех водянистых продуктов при перегонке дерева* или того, что называют у нас подсмольной и надсмольной водой. 100 пудов сухого «осмола» (например лишенных коры и заболони хвойных пней или «подсочных» сосновых и еловых дерев) при благоприятнейших условиях дают около 15 пудов смолы и дегтя, обыкновенно же не более 10% (+4 пуда скипидара + 25 пудов угля), а 100 пудов обыкновенных хвойных дерев (ели, сосны и лиственницы), осмолению (подсочке) не подвергнутых, дают от 4 до 10 частей дегтя. Мне неизвестно ни одного достоверного случая перегонки лиственных наших дерев, в котором получалось бы дегтя менее 2%, обыкновенно же — от 3 до 4%. Следовательно, 100 пудов дерева смолою и дегтем могут дать от 1 руб. до 8 руб. кред. валового прихода, а так как 100 пудов дерева одною рубкою, расколкою и подвозкою, не говоря уже ни об иных расходах, ни о ренте на землю, стоят около 1 руб., то и очевидно, что смолокурение и «сидка дегтя» могут давать сами по себе хоть какой-либо доход только при употреблении «осмола».[3] Что касается до уксусной кислоты (считая ее не содержащею воды, как $C^2H^4O^2$), то в заводской практике,[4] при сколько-либо аккуратной перегонке, получается для хвойных от 1 до 2%, для дуба — около 3, осины — 4, березы — около 5% уксусной кислоты. Если для хвойных при-

---

[1] Действительная цена ее всюду выше, даже в слабых и нечистых растворах. Так, например, в Лейпциге у Kõnig und C° (Preis-Liste, April 1890) техническая (acid. acetic. techn.), т. е. неочищенная 50%-я уксусная кислота за 100 кг стоит 58 марок (чистая 50%-я — 64 марки), или за пуд около 4 руб. 40 коп. кред., т. е. за пуд 100%-й, или $C^2H^4O^2$ около 8 руб. 80 коп. У Штоля и Шмидта 99%-я стоит 17 руб. за пуд, или, вычитая таможенные пошлины, 6 руб. кред. (=4 руб. зол.) и 1 руб. торговых, около 10 руб. пуд. У Кенига в Лейпциге 100%-я кислота стоит за 100 кг 143 марки, или за пуд около 11 руб. кред.

[2] Часто заводы, производящие сухую перегонку дерева, сами готовят не уксусную кислоту, а уксусный порошок, но рациональнее вести дело до конца, если есть надлежащий спрос — как у нас.

[3] Это давно известно нашим смолокурам, которые подвергают обработке или «осмол», или бересту. Перегонка этой последней, хотя дает малый выход дегтя, но очень высоко ценимого для кожевенного дела, для просмаливания кож (сбруи и т. п.) и для заграничного спроса, с годами возрастающего.

[4] Г-н Яковлев из 100 частей дерева, высушенного при 120°, лабораторными приемами осторожной перегонки получил уксусной кислоты ($C^2H^4O^2$): для липы — 10.2%, березы — 9.4%, осины — 8.2%, дуба — 8%, для сосны — 5.9%, ели — 5.1%, для бересты — 2.3%, для вываренной в кислоте березы — 6%, сосны — 5%.

нять лишь 1½%, то все же 100 пудов такого дерева, наименее пригодного для получения уксусной кислоты, дадут *валового прихода* около 10 руб., а лиственные деревья дадут (4% по весу) около 25—30 рублей, то есть уксусная кислота во всяком случае дает при современных ценах больший валовой доход, чем деготь. И если выливают ту бурую и вонючую дегтярную воду, которая гонится при сухой перегонке дерева, а собирают только один деготь, то бросают главный, ценнейший продукт перегонки дерева. Тогда же, когда дегтярную воду переделывают на уксусную кислоту (древесный спирт, ацетон и проч.), деготь является малоценным товаром.[1]

В последние десятилетия — вследствие указанных причин — главное внимание при сухой перегонке дерева всюду обращено именно на уксусную кислоту, как на продукт, имеющий постоянно возрастающий спрос, сдерживаемый только высокою ценою, существующей на этот препарат. И в России было сделано немало личных усилий частных лиц, но без правительственной поддержки, которая здесь необходимее, чем во множестве других промышленных дел, потому что не только природное сырье дано изобильно, но есть и люди, и предание, и история у нашей русской смоляной промышленности. Направляя их в надлежащую сторону как тарифом, так и другими мерами, правительство даст толчок не одному смолокурению, но и всему химическому и вообще промышленному делу России, потому что при добыче уксусной кислоты требуется много металлических сосудов, извести, соды, серной и соляной кислот, марганца, хромпика и, как главные реагенты, — знание и труд. Сумма же усилий, сюда приложенных, должна иметь тот конец, подобный достигнутому в нефтяном деле, что наше производство уксусной кислоты скоро превзойдет русский спрос,[2] спустит цены и достигнет до крупного заграниц-

---

[1] Не должно, однако, забывать, что деготь после отстаивания прямо поступает в продажу, а для извлечения уксусной кислоты различной крепости требуется длинный ряд операций (новая отгонка, ректификация, насыщение известью, испарение, поджаривание порошка, его новая перегонка с кислотою серною или соляною и с окислителями и т. д.), а они расходуют реагенты и приборы и требуют знания — гораздо большего, чем то, которым обходятся смолокуры. Эти требования древесно-уксусного дела явно показывают, что деятельная инициатива в отношении к нему должна исходить от интеллигентной (а не крестьянской) среды русского народа, а так как эта последняя всецело определяется правительством, то без его воздействия нельзя ждать широкого развития у нас древесно-уксусного дела, столь подходящего к многим русским местам и условиям.

[2] Вслед за широкими начинаниями (помещиков, мануфактуристов, техников и т. п.) правильных лесотехнических предприятий, долженствующих последовать за тарифными и другими мерами правительства, неизбежно начнутся крестьянские предприятия того же рода. Так было в ткацких, нефтяных и даже химических операциях России. А когда эти силы вступят, они-то и собьют цены, упростив дело до крайней возмож-

ного вывоза, так что впереди можно предвидеть опять возврат того давно прошедшего времени, когда Россия занимала первенствующее значение между странами, снабжающими мир своими лесотехническими продуктами. Для сего необходим покровительственный тариф и меры, отчасти выше рассмотренные, но не подлежащие здесь подробнейшему разбору, хотя и долженствующие стоять в тесной связи с таможенным тарифом.

По отношению к нему следовало (как и сделано при пересмотре тарифа) а) настолько возвысить пошлину на уксусный порошок (в 1890 г. 15 коп. зол.), чтобы стало выгодным применять русский товар вместо иностранного, и чрез это оживить дело сухой перегонки дерева в местах, богатых дешевым лесом,[1] б) сохранить высокую (до 1891 г. существовала [пошлина] 4 руб. зол. за пуд, и ныне она оставлена) охрану производству

ности и довольствуясь ограниченными барышами. В этом ходе русской промышленности (множество мелких нефтяных заводов и даже антагонизм крупных и мелких нефтепромышленников явно показывают все это) должно видеть тот своеобразный прием, какой принимают у нас вопросы фабрично-заводских дел. Следует не только иметь это в виду, но и пользоваться этим, чтобы не впасть в те самые крайности, которые составляют общественное зло промышленного развития Западной Европы. Мероприятия правительства, при освобождении от сильной подражательности Западу, могут здесь все сделать, а сущность того, что необходимо, сводится на полную свободу внутренней конкуренции, с некоторою особою заботою о том, чтобы капитал не мог убивать мелких, ему соперничествующих предприятий.

[1] Должно, однако, заметить, что Англия ведет очень выгодную сухую перегонку дерева, лесов не имея, а применяя для дела отбросы лесопильных заводов и фабрик, подвергающих дерево механической обработке, и я думаю, что в наших портах и пограничных местах, отпускающих лес, было бы очень выгодно завести, сверх технической обработки дерева, сухую перегонку отбросов (щеп, опилок, стружек и т. п.) — преимущественно ради добывания уксусной кислоты. Со временем же, когда установятся главнейшие части нашей промышленности, можно предвидеть такое положение вещей, что будет полезно обложить круглое, механически не обделанное дерево вывозною пошлиною, дабы, возбудив этим развитие лесо-фабричных предприятий, дать новый материал для сухой перегонки дерева и усилить значение и цену русского отпуска. Щеп, стружек и опилок столь много пропадает в России напрасно (ими засыпают дороги, овраги и только часть сожигают в топках), что один этот материал мог мы дать гром адную массу уксусной кислоты. Утилизация же «отбросов и остатков» составляет основное начало современной техники. Россия должна ее догонять, и покровительственный тариф при этом может играть роль приманки или указателя, другие же правительственные мероприятия должны быть истинными двигателями, как были двинуты державной волею Петра многие экономические силы России и как в новейшее время двинуты правительственными мероприятиями дела с кавказскою нефтью. Привыкнув следовать указаниям свыше, народ русский тем охотнее займется лесотехническими предприятиями, что они имеют давнее историческое преданье и выдвинут многих, уже привычных к ним деятелей.

самой уксусной кислоты, и в) все препараты, уксусную кислоту содержащие (например уксус, свинцовый сахар и т. п.) или ее требующие, также оградить достаточно высокою пошлиною, чтобы производители имели внутренний рынок для сбыта своей уксусной кислоты.

Для уксусного порошка как сырого материала для приготовления самой уксусной кислоты должно считать необходимою пошлину от 50 коп. зол. до 1 руб. зол. с пуда, чтобы начинатели знали, что впереди им не будет предстоять борьбы с внешней конкуренциею, а переделочные заводы, основанные на иностранном уксусном порошке, озаботились обеспечением себя русским товаром надлежащего достоинства, например, польским заводчикам укрепить в Могилевской губ. и вообще в западных лесных округах (в Полесье) производство уксусного порошка, а петербургским заводчикам в лесах Новгородской губернии, московским — в костромских. Так как провоз пуда брутто из Вятской, Вологодской и Архангельской губернии до Петербурга или до польских окраин может стоить около 50 коп. зол. = 75 коп. кред., то такую пошлину необходимо сразу дать северным производителям русского уксусного порошка, чтобы их товар сразу мог конкурировать с иностранным. Чтобы найти наименьший оклад, могущий защитить внутреннее производство от внешней конкуренции, должно изойти из отношения заграничных цен уксусного порошка и уксусной кислоты ($C^2H^4O^2$), не содержащей воды. Эта последняя близка к 140 маркам за 100 кг, или около 7 руб. зол. за пуд, когда цена порошка около 1 руб. зол. за пуд. От двух до полутора пудов уксусного порошка (или около $1^3/_4$ пуда), потребных для производства пуда уксусной кислоты, стоят поэтому около 2 руб. зол. Если же пуд уксусной кислоты стоит 7 руб. зол., а для него идет порошка на 2 руб. зол., то вся операция переделки порошка в уксусную кислоту (вместе с расходами капитала, перевозки, укупорки и проч.) ценится на пуд уксусной кислоты в 5 руб. зол., или на пуд порошка в $2^1/_2$ руб. зол. С этой цены, очевидно, возможна уступка, и тем большая, чем соперничество более усилится и чем слабее будет производиться кислота, если счет вести все-таки на кислоту ($C^2H^4O^2$), воды не содержащую, и считать, например 2 пуда 50%-й кислоты равными по цене 1 пуду кислоты, воды не содержащей. Но так как переход от порошка к кислоте требует ценных реагентов (соляной или серной кислоты, хромпика, перекиси марганца и соды), ценных (медных и глиняных) приборов и знающих техников, то нельзя допустить, чтобы переделка пуда порошка со всеми расходами могла стоить менее $1^1/_2$ руб. зол. при заграничных условиях. При наших же условиях цену этой переделки следует на первое время принять не меньшею чем от $2^1/_2$ до 3 руб. зол. с пуда порошка, ибо у нас металлические сосуды, реагенты и капитал стоят дороже, чем за границею, и хотя чернорабочие у нас дешевы, но они в химической переработке принимают участие лишь в малой мере. Следовательно, можно предвидеть впереди следующее положение вещей, *если цену уксусного порошка принять*

у нас и за границею одинаковою и равною 1 руб. зол.: для заграничной уксусной кислоты израсходуется (на пуд кислоты) 2 руб. зол. за порошок + 3 руб. зол. за переделку + 4 руб. зол. таможенной пошлины = = 9 руб. зол.; для русской же 2 руб. зол. за порошок + 6 руб. зол. за переделку = 8 руб. зол. Следовательно, обработка русского уксусного порошка в кислоту найдет в тарифе достаточное покровительство. Но необходимо, чтобы тариф обеспечил потребление русского уксусного порошка, т. е. чтобы цена пуда уксусной кислоты, приготовленной в России из иностранного порошка, была более 8 руб. зол. и приближалась к 9 руб. зол. Если принять для нее $8^1/_2$ руб. зол., то именно получим, за вычетом от 5 до 6 руб. зол. на переделку, от $3^1/_2$ до $2^1/_2$ руб. зол. за $1^1/_2$—2 пуда порошка, следовательно его цена должна быть от 1 руб. 75 коп. до 1 руб. 25 коп. зол. с пуда. Для низшего предела оклада поэтому следует считать обложение, равное 50 коп. зол. с пуда, как такое, которое уравнивает внутри России условия переработки русского порошка с иностранным. Но для окончательного обеспечения установления предприятий, доставляющих в Россию уксусный порошок, следует принять не низшую норму, а высшую, необходимую для охраны, потому что иностранным поставщикам будет выгодно отправлять в Россию *особо чистый уксусный порошок*, которого идет на пуд кислоты менее, чем обычного порошка, лишь бы водворять к нам свой продукт, а чистый порошок даст до 68% уксусной кислоты, причем на пуд уксусной кислоты пойдет только около $1^1/_2$ пудов порошка. Если примем цену такого порошка в 1 руб. 10 коп. зол., то при пошлине 50 коп. зол. с пуда, иностранный товар обойдется в России около 2 руб. 40 коп. зол. за $1^1/_2$ пуда, переделка будет стоить от 5 до 6 руб. зол., и пуд уксусной кислоты придется в 8 руб. зол., т. е. в той же цене, как из русского товара. Поэтому пошлина в 50 коп. зол. не может совершенно устранить ввоз иностранного порошка, как это желательно, и для сей цели нужна пошлина, по крайней мере, около 75 коп. зол. с пуда. Только такая пошлина может обеспечить усилия наших заводчиков, приготовляющих уксусный порошок, и вызвать новых соревнователей, долженствующих довести цены до их истинной величины.[1]

Во втором (стр. 727) разряде лесотехнических продуктов важнейшее место по техническому значению принадлежит гарпиусу, или канифоли.[2]

---

[1] Уксусный порошок относится к ст. 108-й тарифа 1891 г., и оклад на него рассматривается здесь (а не в одной из следующих глав, в которой мы вновь встретим этот товар) только потому, что его производство составляет одну из главных ветвей лесотехнических дел.

[2] Эти слова — синонимы в торговом мире, хотя в обыденной жизни канифолью часто и предпочтительно зовут чистый сорт гарпиуса, который применяется для скрипичных смычков. Название галипота не должно быть смешиваемо ни с гарпиусом, ни с канифолью, потому что галипот есть тело мягковатое, не вполне прозрачное, более дорогое (в 1890 г. у Штоля и Шмита галипот — 3 руб. пуд, гарпиус, или канифоль —

Его ввозят к нам до $1^1/_3$ млн пудов в год. Идет он не только для различных мелких дел (заливки бутылей, при полуде и т. п.), но и для белильных (в мыло для вываркн тканей и пряжи) и писчебумажных фабрик, для заводов, готовящих мыло, колесную мазь и различные замазки и мастики, также для некоторых непромокаемых тканей. Вывозят и готовят гарпиус многие страны (например Франция, Швеция), но первое место между всеми занимает ныне Северная Америка (Канада и С.-А. С. Штаты). Цена пуда в привозе к нам вообще не выше 1 руб. 10 коп. кред., или 75 коп. зол., и даже до 60 коп. зол. Материалом для гарпиуса служит смола хвойных дерев (живица, терпентин, серка), преимущественно сосны, естественно в них скопляющаяся, из надрезов вытекающая, а при снятии коры с части дерева пропитывающая его, равно как и пни, остающиеся после рубки. Дерево, пропитанное такою отложенною смолою (смолье), или «осмол», у нас служит обыкновенно для «сидки дегтя» и смолы и для получения «*вара*», или «пека» (Pech), причем канифоль отчасти разлагается и подгорает, а между тем этот осмол при перегонке перегретым паром или, еще проще, при извлечении скипидаром или даже бензином дает, после отгонки скипидара, настоящую канифоль, цена которой в большой торговле на местах добычи раза в три выше цены дегтя и раза в два более цены вара. Поэтому, по мере развития технических производств в России, естественно желать и искать, чтобы ее исконный деготь и вар заменились канифолью, которую к нам ввозят в таком же почти количестве, в каком отпускаются от нас дешевые деготь и смола. Может поэтому показаться, что замена вара и смолы, отпускаемых из Архангельского порта, добычею канифоли, привозимой чрез западную границу, будет даже невыгодною для производителей, потому что, добывая канифоль, они, во-первых, израсходуют лишнее на производстве, а во-вторых, потеряют на провозе до западных или центральных частей России, ибо если этот провоз счесть в 60 коп. кред. и приложить к цене смолы и дегтя, которые около мест добычи стоят 30 коп., то и получится цена канифоли, равная 90 коп. кред. Такое соображение, при всей кажущейся рациональности, страдает в справедливости преимущественно в следующих отношениях. 1) Если Россия отпустит по 35 коп. миллион пудов смолы и вара, а купит по 90 коп. миллион пудов канифоли, то она переплатит за границу 550 тыс. руб., а если она превратит ту же смолу в канифоль, то все 900 тыс. руб. останутся в России ее производителям и перевозчикам. 2) С производством канифоли, долженствующим возникнуть в России на основании ее лесных запасов, «сидка дегтя» и заготовка вара не прекратятся; дела первого рода тре-

---

1 руб. 15 коп. за пуд) и представляющее переход от гарпиуса к терпентину, или живице. Хотя таможенная статистика и делает различие канифоли от гарпиуса, но под ними в действительности проходит один и тот же товар. В Петербургской, Рижской и многих других западных таможнях его называют «гарпиусом», а в Одесской таможне «канифолью».

бу́ют заво́дов, вторые же ведутся крестьянами прямо в лесу и подобны выжиганию угля, а потому с развитием канифольного дела дегтярное не прекратится, если только цены не будут еще более падать, к чему, как видели выше, есть большая наклонность. 3) Вар и древесный деготь, постепенно падая в цене, стремятся исчезнуть из торгового обихода, заменяясь другими (ископаемыми) смолистыми веществами, тогда как гарпиус приобретает год от года всюду все большее и большее значение. В 1869 г. Россия ввозила всего 321 тыс. пудов этого товара, в 1879 г. — 936 тыс. пудов, а в 1889 г. — уже 1 млн 338 тыс. пудов. С развитием русской промышленности в самой России спрос на деготь и вар уменьшается, а на канифоль возрастет, так что вызов канифольного дела, хотя бы и в ущерб добыче вара и дегтя, совершенно согласен с ходом технического и экономического улучшения всей русской обстановки. 4) Для западных частей империи должен идти гарпиус, производимый в Полесье, и нет необходимости архангельскому товару идти до польских губерний, потому что и центральные, подмосковные губернии спрашивают гарпиус в таком количестве, что его восполнение из северных лесов может доставить жителям тех мест лишний миллион рублей, ныне уходящий отсюда в Америку и к иностранным перевозчикам. 5) Весьма важно обратить внимание на то, что канифоль и скипидар получаются проще всего из живицы, собираемой с живых и растущих деревь, т. е. составляют прибавочный доход лесного хозяйства, и возбуждение чрез таможенное покровительство канифольного дела сопряжется с улучшением лесного дела России и с возвышением лесного дохода — лишь бы началось значительное его распространение в местностях, еще изобилующих хвойными лесами. Конечно, возможно получать канифоль и скипидар из пней и осмола, т. е. при сведении леса, взамен дегтя и вара, но это не составляет неизбежного условия. А потому ссылка на равенство масс вывозимых дегтя и смолы, с одной стороны, и ввоз канифоли, с другой стороны, не должна удерживать от стремления к тому, чтобы воспользоваться тарифом для направления нашего лесотехнического производства в сторону усиленной добычи канифоли. При этом должно ясно видеть, что направление северно-русских лесотехнических предприятий в сторону производства канифоли, даже и при уменьшении добычи смолы и вара, будет очень выгодно именно по двум причинам. Во-первых, потому что, производя деготь и вар из осмола, получают бурый, отчасти испорченный, а потому малоценный скипидар, и притом в малом количестве, а при добыче канифоли получается весь содержащийся в дереве скипидар более чистый, а потому и более дорогой; Россия же отправляет, именно из северных портов, все больше и больше (1885 г. — 143 тыс. пудов, а в 1889 г. — 263 тыс. пудов скипидара, но по низкой цене (менее 50 коп. за пуд), тогда как могла бы производить много лучшего скипидара и сбывать его по цене, далеко превосходящей цену канифоли. Во-вторых, при «сидке дегтя» и вара теряется и портится не только много скипи-

дара, но и самой смолы, как видно уже из того, что осмол, наиболее богатый смолою, дает обыкновенно не более 10% по весу дегтя (скипидар + смола), смолистого же вещества содержится в хорошем (здоровом) осмоле обыкновенно около 15%,[1] а потери, сопряженные с добычею канифоли и скипидара, ничтожно малы, сравнительно с теми, которые происходят при лучших приемах добычи дегтя и вара. Можно даже считать, что производство канифоли и скипидара окупится прямо излишними выходами продажных продуктов, не говоря о том, что вар и ему отвечающий бурый скипидар по цене своей в несколько раз ниже, чем канифоль и ей отвечающий чистый скипидар. Словом, смолистый лес дает, при производстве дегтя, и меньшую массу смолы со скипидаром, и товары

---

[1] Профессор Петровской академии В. М. Руднев (техническая беседа 15 декабря 1884 г.) получил из трех образцов отобранного пневого осмола: 36—38% смолы, хотя при определении и терялся скипидар. Он полагает, «что среднее содержание смолы в пневом осмоле, употребляемом крестьянами, не менее 20%». По моим определениям, сделанным в 60-х годах в новгородской лесной даче покойного проф. А. К. Рейхеля, в пневом осмоле (бралась средняя проба) — около 15% смолы (живицы), а в стволовом — около 13%.

Считаю своевременным и уместным устранить одно из недоразумений, которое может препятствовать развитию нашего лесотехнического дела и не раз высказывалось. Именно, нередко полагают, что свойства нашей живицы и входящих в нее канифоли и скипидара настолько иные противу тех, которые принадлежат товарам, обращающимся в торговле и заводских предприятиях, что наши товары не могут служить для вытеснения привозных к нам иностранных. Уже 25 лет тому назад, занявшись этим предметом вместе с покойным профессором Технологического института *Рейхелем,* я имел случай убедиться в противном, но ныне имеются на это многие обстоятельнейшие доказательства, особенно же проф. *Ф. Ф. Флавицкого* в Казани, показавшего, что живица и скипидар русских хвойных или тождественны с иностранными, или отличаются только как сорта этих товаров, добываемые в различных странах и из разных пород хвойных дерев. Недавние исследования, особенно же сравнение работ Alb. Vesterberg (Om hartssyrorna i galipot. Svenska Vet. Akad. Handlingar, Bd. 13, Afrl, II, № 3, 1887) и инженера-технолога *Вл. Шкателова* (О химическом составе смол. М., 1889), явно показывают тождество канифоли нашей сосны (Pinus sylvestris) и морской (Pinus marit), служащей для добычи лучшей французской канифоли, которая есть, в химическом смысле, ангидрид пининовой кислоты, происходящей чрез окисление сильвиновой кислоты. Таким образом, ныне не остается никакого сомнения в том, что терпентин, скипидар и канифоль наших хвойных лесов могут играть в промышленном деле совершенно ту же роль, как французские или американские товары. Замечу еще, что, по показанию проф. *Руднева,* один рабочий, следя за 1800—3000 дерев на 13—15 десятинах (гектарах в ландах Франции), собирает с каждого из них в год, во Франции, смотря по возрасту, от 2 до 8 кг сырой живицы, т. е. всего не менее 200 пудов, или до 14 пудов с десятины. По наблюдениям же проф. *Рейхеля,* лично мне сообщенным еще в 1863 г., в Новгородской губернии можно собрать с десятины 10 пудов очищенной живицы в год. Пуд сырой (неочищенной) живицы дает около 13 ф. канифоли.

низшей цены, чем тогда, когда тот же лес переделывается в канифоль и белый скипидар.

Возбуждение таможенными пошлинами добычи в лесах России канифоли и белого скипидара представляет еще ту большую выгоду, что перепроизводство этих товаров не представляет опасности, потому что оно может произойти только при соревновании многих (один завод не может собрать очень значительных масс осмола или живицы) производителей, а такое соревнование, при дешевизне земли и леса и вследствие великой простоты всего производства, должно повести к сильному падению цен и к вывозу этих товаров за границу, где спрос на них существует и растет. Сверх того, собирание в лесах живицы составляет предприятие, требующее много ручной работы, равно как и добыча осмола; следовательно, в этом деле, при его развитии, найдут новые средства не только капиталисты-предприниматели, но и рабочее крестьянское население.[1]

Размер желательной таможенной пошлины на канифоль (по тарифу 1890 г. она платила 13 коп. зол. с пуда) и скипидар (в 1890 г. — 40 коп зол.), ввиду легкой возможности усиления существующего у нас производства и ввиду падения цен на вывозимые Россией деготь и вар, следует определять по тому соображению, что производство названных лесотехнических продуктов вполне отвечает запасам и интересам России, ее землевладельцев и самой казны, получающей значительный попенный доход, а потому должен сообразоваться лишь с тем, чтобы как можно скорее явились при новом тарифе начинатели улучшений. Для этого надобно

---

[1] Многие из промышленных дел (например хотя бы приготовление кислот, красок и т. п.), требуя капитала, расходуют мало рабочей силы и, следовательно, мало способствуют развитию благ промышленности на все классы, хотя и содействуют обогащению страны. К числу таких относятся все переделочные. Весь запад Европы — преимущественно — богатеет от переделочных производств. А они, развивая дела аферно-капиталистические, влекут за собою общественные социально-экономические недостатки. Совершенно иной характер принадлежит таким промышленным делам, которые, основываясь с добычи сырья, требуют участия большого числа рабочих рук. В таких делах капиталисту достается только небольшой процент интереса, если есть соперничество. Вот такие-то промышленные дела и следует вызывать тарифом, не страшась временных возвышений цены и даже того, что первыми предпринимателями явятся иностранные капиталисты. Если такой капиталист затеет канифольное дело в России, он не только должен будет устроить леса и заводское дело, которому подражать легче, чем начинать, но и уплатить, во всяком случае, не менее $^3/_4$ своего валового прихода рабочим. Если же такой иностранный предприниматель ввезет в Россию свой, например австрийский, горный воск и из него добудет в наших границах церезин, то он едва разве несколько процентов из своего валового дохода оставит рабочим и развития русской промышленности вовсе не доставит. Обсуждая таможенный тариф, постоянно необходимо иметь в виду высказанные соображения. Они, в приложении к лесотехническим продуктам, столь очевидны, что я считал неизлишним выставить их при сем удобном случае.

существовавший оклад на гарпиус и скипидар возвысить,[1] но так как они входят в виде сырых материалов в иные производства, то следует рассмотреть влияние возвышения оклада с гарпиуса (скипидара вывозится мало и ввозимый дорог, а потому менее заслуживает рассмотрения) на те производства, которые его применяют. Главные его потребители суть мануфактуристы и писчебумажные заводы. Массы печатной и писчей бумаги вместе с массою хлопчатобумажных и других волокнистых изделий, для коих, главным образом, применяется привозимая к нам канифоль, столь велики (превосходят 20 млн пудов в год), а ценность производимых из них товаров, превосходя 200 млн руб., столь значительна, что если повышение пошлины с 13 коп. зол. на 40 коп. зол. повлечет за собою прямое повышение цены канифоли на 27 коп. зол., или на 40 коп. кред. с пуда, то это отзовется ничтожным повышением цены получаемых дорогих изделий, потому что на $1^1/_2$ млн пудов канифоли это составит всего 600 тыс. руб. кред., или повысит цену указанных товаров всего на $^1/_3$%. Ради одного этого не следует упускать возможность полного развития внутри России лесотехнических производств. Как развитие нефтяных дел привело Россию к тому, что она обладает дешевейшим в мире осветительным материалом, так развитие лесотехнических производств должно дать России дешевейший в мире скипидар и наидешевейшую канифоль, ибо нигде нет ни столь дешевых лесов, ни столь дешевых рабочих — особенно зимою, как на севере России. Привлечь интеллигентные силы к этому делу возможно лишь тогда, когда впереди видна будет явная охрана. Во всяком случае, покровительственною пошлиною для канифоли можно считать лишь такую, которая покрыла бы существующую у нас дороговизну металлов (а без большого количества их нельзя обойтись при производстве канифоли и скипидара), капиталов и провозных плат. Устроенные же заводы будут сбавлять цены — в силу того, что первые затраты погасятся первыми барышами, в силу дешевизны сырья (леса, осмола, пней, ручной работы), а главнее всего — в силу соревнования мелких и крупных предпринимателей. Что же касается до заводов, потребляющих гарпиус как главный сырой материал, например, при составлении мазей и замазок (например копытной мази), то их интересы, при возвышении оклада на канифоль, вполне вознаградятся, если на мази будет соответственным образом возвышен таможенный оклад.[2]

[1] В своих записках по пересмотру тарифа я предлагал (в 1889 и 1890 гг.) оклад на канифоль возвышать последовательно и назначить сперва вместо 13 коп. зол. — 30 коп. зол. с пуда, постепенно переходя к 1 руб. зол. с пуда; принято же возвышение до 40 коп. зол. с пуда. Так как предлагавшийся мною способ постепенного возвышения обложения не принят, то я оставляю в стороне вопрос об определении размера оклада на канифоль и скипидар, тем более что сущность дела, во всяком случае, сводилась на необходимость возвышения оклада, а оно достигнуто в тарифе 1891 г.

[2] По тарифу 1891 г. пошлина с мазей (ст. 71 п. 5 а) назначена в 2 руб. зол. с пуда, вместо бывшей пошлины в 30 коп. зол. с пуда

В заключение повторю, что лесотехнические продукты составляют исконные русские товары, отвечающие ее лесам, что дела этого рода падают и что цены на первичные товары, производимые нашими смолокурами, также падают, потому что наступило новое направление: вместо угля и дегтя стали готовить уксусную кислоту, канифоль, скипидар и целлюлозу. Тариф должен направить лесотехнические наши дела в эту новую сторону и достигнет этого, если, покровительствуя производству товаров (тканей, бумаги, мазей и т. п.), требующих химические товары, производимые в лесах, в то же время устранить доступ к нам иностранных лесотехнических продуктов высокими на них пошлинами, чтобы указать самим ткачам и другим мануфактуристам на возможность восполнить их нужды с помощью разработки русских, а не американских лесов. В этом и заключается узел той связи, в которой находятся статьи тарифа и промышленные силы России. Когда мануфактурист скажет, что ему надобен дешевый гарпиус и недорогая уксусная кислота, тогда ему должно ответить так: ваше производство от охраны тарифом рождено и живет, то же средство необходимо и для того товара, который вы спрашиваете, и притом вы сами, окрепнув под кровом тарифа, можете теперь озаботиться о том, чтобы получить в России все, что вам нужно и что вы, пока крепли, получали из других стран. Словом, тариф должен до некоторой степени принудить самих мануфактуристов, прямо или косвенно, сделаться не только сожигателями русских лесов, но и устроителями лесотехнических производств. Те самые леса, которые накупили, заарендовали или сводят мануфактуристы, могут дать им новый доход, если они, побуждаемые к сему тарифом, займутся в них лесотехническими производствами. Одна отрасль дел должна давать зачаток другой. Это должно было бы совершиться само собою, но если не происходит, тарифом по возможности должно и можно этого достичь. Одни пни от лесов, сводимых промышленниками, могут дать столько канифоли[1] и уксусного по-

---

(стр. 509), что обеспечивает интересы заводчиков, производящих мази, содержащие канифоль.

[1] Десятина 40—50-летнего соснового леса в средней полосе России дает около 40 куб. саж. дров и при корчевании сверх того доставляет пней и корней около 10 куб. саж. или не менее 2000 пудов. Если принять выход канифоли равным только 5% веса пней, то с десятины снятого соснового леса можно иметь около 100 пудов канифоли. Поэтому для получения в год 1 300 000 пудов гарпиуса следует эксплоатировать ежегодно 13 тыс. десятин пней хвойного леса, дающего дров около $^1/_2$ млн куб. саж. Судя по имеющимся данным, в Московской, Тверской, Владимирской, Нижегородской и Ярославской губерниях ежегодно сжигается всего около 1 млн куб. саж. дров и сводится более 25 тыс. десятин леса; следовательно, одни названные губернии, вероятно, могут доставить своими пнями все количество гарпиуса, потребное России. Если здесь уже мало спелых сосновых насаждений, особенно пригодных для строевого леса, то в Костромской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Новгородской и Архангельской губерниях от вырубаемого ежегодно леса остается пней

рошка, сколько потребляет вся Россия. Поэтому, если бы голоса мануфактуристов раздались противу покровительственных пошлин на канифоль и уксусный порошок, то им не следовало бы внимать. Но, уверенный в прозорливости центрально-русских мануфактуристов, я убежден, что они, не упустят случая показать ее при обсуждении пошлин на лесотехнические продукты, потому что они наверное поймут, что из России они, в конце концов, получат дешевейшие в мире уксусную кислоту и канифоль — при высоком тарифе на иностранные лесотехнические продукты.[1] Всякое иное направление этих дел было бы чуждо духу русской жизни, узко и непрозорливо.

В отношении ко ввозу по европейской границе всех товаров, рассматриваемых в этой главе, приведем данные за три последние года. Должно, однако, заметить, что товары, относимые ныне к 81 статье, (сырые):[2] антрацен, нафталин,

---

больше, чем нужно для добычи указанного количества канифоли. Притом несомненно, что они могут дать более 5% канифоли, а вышеуказанная (10 пудов с десятины) пропорция добычи смолы (терпентина) из живых сосновых деревьев (чрез надрезы или подсочку) показывает, что канифолью можно довольствовать Россию без всякой связи с тем беспорядочным истреблением лесов, которое составляет одно из бедствий современного нам быта. Если положить, что с десятины соснового леса соберется в год 5 пудов гарпиуса, то для $1^1/_3$ млн пудов товара нужно эксплуатировать $^1/_4$ млн десятин сосновых лесов. При правильной же эксплуатации пней и подсоченных сосен выходы будут, конечно, гораздо бо́льшими, а скипидар своей высокой ценой окупит все расходы.

Все вышеуказанное требует, однако, новых и упорных усилий, а их без некоторого принуждения, производимого тарифом, и без некоторой особой гарантии выгодности, также тарифом доставляемой, при современном строе нашей жизни ожидать нельзя. Поэтому на таможенный тариф должно смотреть в разбираемом и во многих других случаях, как на простое, подручное и многостороннее (но, однако, не единственное) средство для возбуждения промышленной деятельности страны. Если железные дороги и развитие реального образования, трудолюбия, бережливости и т. п. могут много помочь в этом отношении, то нельзя не видеть в тарифе, построенном с должным вниманием, одного из сильнейших деятелей в отношении к этому возбуждению промышленных сил страны.

[1] В отзыве московских и других русских мануфактуристов, требовавших при пересмотре тарифа сильного повышения тарифа на канифоль, это ожидание оправдалось. И не следует забывать, что, в конце концов, повышенную пошлину на канифоль — пока своей не появится в изобилии — уплатят преимущественно эти самые мануфактуристы.

[2] В очищенном виде товары эти пойдут по ст. 112-й с окладом в 2 руб. 40 коп. зол., что дает возможность заняться русским предпринимателям очищением названных товаров. А когда заводы этого рода установятся, можно надеяться, что они позаботятся о добыче сырья, т. е. о переделке каменноугольного дегтя. Так новый тариф, оставляя без окладов сырье, дает возможность установиться новым производствам. Следующие товары: каменный уголь (1—2 коп. с пуда), каменноугольный деготь (6 коп.), сырые продукты его переделки (ст. 81, 20 коп. зол. с пуда), они же очищенные (2 руб. 40 коп.), антрахинон (ст. 111, 4 руб.

фенол и бензол, до сих пор проходили или в числе химических продуктов, «особо не поименованных» (ст. 112), или как деготь (ст. 80), или, наконец, как бензин (ст. 85), а потому количество ввоза товаров этой 81-й статьи в отдельности неизвестно; выделена же она ныне потому, что перечисленные в ней вещества составляют продукты переработки каменноугольного дегтя, применяемые для различных технических и медицинских (гигиенических) целей как сырье, до сих пор в России мало производимое, а между тем спрашиваемое и не могущее выносить высокой пошлины (по ст. 85-й — 1 руб.

	Привоз по европейской границе					
	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Деготь всякий и смола . . .	406	336	378	323	404	307
Гарпиус и галлипот	1383	1490	1338	1334	1308	1380
Асфальт всякий[1]	84	62	208	140	207	157
Нефтяные товары (стр. 697) .	19	84	24	85	23	79
Скипидар	10	40	16	57	12	57
Терпентин всякий	4	15	7	30	8	38
Камеди и смоло-камеди, шеллак, манна	166	2480	171	2339	129	1441
Камфора	3	35	4	46	3	26
Ладан простой	29	291	28	239	28	250
Ладан, амбра, толу- и перубальзамы	2	56	2	73	2	58
Каучук сырой и раств. . . .	40	818	58	1275	87	2555
Каучуковые изделия без примесей	7	234	6	250	7	266
Каучуковые изделия с другими материалами и каучуковая обувь	1	41	1	35	1	44
		5982		6126		6668

зол. с пуда) и ализарин (ст. 135, 17 руб. с пуда) представляет ряд последовательно производимых товаров, все высшей и высшей ценности и все большего и большего обложения. Это дает возможность, исходя от сырья, начинать производство всякого из этих товаров, встречая соответственное покровительство.

[1] По таможенным отчетам отличался асфальт в плитах (платил 13 коп. зол. с пуда) от асфальта в порошке, гудрона и т. п. (платили по 6 и по 7 коп. зол. за пуд), но эти деления не отвечают пунктам нового тарифа, а потому я предпочел соединить весь асфальт под одну рубрику.

зол., по ст. 112—2 руб. 40 коп. с пуда), а, однако, долженствующие нести некоторое среднее обложение (назначено 20 коп. зол. с пуда брутто), чтобы дать возможность установиться в России добыче этих веществ, получающих год от года все большее и большее значение, а именно: антрацен — для приготовления искусственного ализарина или краповой (кумачной) красной краски, нафталин и фенол — для дезинфекции и производства своего рода искусственных пигментов и бензол — для приготовления анилиновых красок.

Хотя сумма ввоза возрастает, но для большинства указанных товаров ввоз уменьшается, только для сырого каучука он возрастает, потому что за последние годы устроились новые предприятия, возросло внутреннее соперничество и даже усилился вывоз каучуковых изделий, которые, кстати сказать, в России отличаются до того хорошими качествами, что русские резиновые изделия вывозятся за границу, и этот вывоз, надо думать, станет постепенно возрастать.

Вывоз товаров, соответственных вышеисчисленным (ст. 80—88) товарам, выражается следующими данными:

	Вывоз по всем границам			
	1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Деготь (березовый)	28	33	20	25
Смола древесная	1048	331	1131	438
Нефтяные продукты (стр. 697)	34945	25125	44801	27130
Скипидар	202	533	268	735
Терпентин	18	54	4	8
Каучуковая (резиновая) обувь	33	1162	41	1471
Разные каучуковые изделия .	4	157	1	56
		27397		29863

Возрастает вывоз не только нефтяных товаров (стр. 697), но и резиновых, и в этих продуктах заводской обработки должно видеть образец, которому последует внешняя торговля России, когда покровительственные начала будут столь же последовательно и настойчиво проводиться, как в отношении к производству нефтяных и каучуковых товаров. Для тех, кто

держится начал фритредерства, здесь должно видеть поучительнейший пример, демонстрирующий ход действительного, а не какого-либо воображаемого промышленного развития. Притом два вида вышеупомянутых заводских дел представляют коренные различия друг от друга: резиновое производство берет главное свое сырье [1] из чужих стран и требует много механических сил и ручной работы, так что ценность сырья [2] сильно возрастает от прилагаемого к нему труда и искусства, нефтяное же производство берет сырье из земли и дает, при малом содействии работы, дешевый товар, в мировой цене которого стоимость доставки играет одну из главных ролей. Резиновое производство носит признаки исключительно капиталистического, но требует много рабочей силы, нефтяное же может развиваться как путем капиталистических предприятий, так и способом мелких производств, потому что не требует крупных затрат на машины. Развитие в России — под влиянием покровительственного тарифа — того и другого вида промышленности, до того что получается заграничный вывоз, показывает, что при должных усилиях и настойчивости всякие виды заводско-фабричных производств могут процветать и развиваться в нашей стране.[3] Особенно важно заметить это в отношении к производству скипидара, канифоли и вообще продуктов сухой перегонки дерева, потому что здесь природа дала сырой материал, и требуется только приложить к нему достаточные усилия, чтобы Россия заняла подобающее ей место в мировой торговле этими произведениями. Число и

[1] Каучук есть продукт многих тропических стран и разных растений; он представляет сгущенный млечный их сок. В мире переделывается более 25 000 т каучука (= 1½ млн пудов), по крайней мере на 75 млн руб. При фабрикации в резину входит много (до 70%) минеральных подмесей (мела, серы и др.), так что вес изделий гораздо более веса взятого каучука.

[2] Сырой каучук, смотря по свойствам (происхождению), имеет весьма различные цены, от 40 коп. кред. до 1 руб. за фунт. С 50-х годов до конца 80-х цена его возвышалась, и притом она сильно колеблется на рынках, смотря по отношению спроса к предложению.

[3] Не раз раздавались голоса противу развития в России каучукового производства и таможенного ему покровительства на основании лишь того, что некоторые из наших резиновых мануфактур дают громадный дивиденд своим акционерам, потому что обыкновенно предполагают, что доходы предприятий зависят только от таможенных пошлин. Что это не так, что они образуются от искусства, от дешевизны рабочих и от экономического ведения дела, доказывается проще всего тем вывозом каучуковых изделий, какой давно уже существует, и отношением русских и иностранных цен — *при равенстве качества* (особенно же количества подмесей). Резиновое изделие, содержащее мало минеральных подмесей, служит дольше и стоит дороже. Русские изделия в этом отношении лучше и выгоднее иностранных, иначе их бы и не вывозили.

производительность резиновых заводов России возрастает,[1] а число и производительность смологонных заводов (стр. 730) падает, и коренную на то причину должно видеть в том, что первое производство давно сильно покровительствуется, а второе только ныне (по тарифу 1891 г.) получило некоторое начало покровительства.

После сообщения предыдущих данных мне остается рассмотреть в отношении к описываемым товарам размеры таможенных окладов, что я и делаю по порядку статей тарифа.

По ст. 80-й (дегти и смолы всякие, кроме особо упомянутых) оклад в 6 коп. зол. с пуда при пересмотре тарифа сохранен прежний, потому что нефтяные и древесные деготь и смола вывозятся Россиею, а для каменноугольного дегтя, по его невысокой ценности и малому производству и потреблению в России. (ввоз его не возрастает), нет надобности возвышать оклада, так как переработка русских каменных углей (на газ и кокс) едва лишь началась и должна основываться, во всяком случае, на расчетах иного рода, а не на стоимости дегтя как побочного продукта.

Ст. 81-я, относящаяся к антрацену, нафталину, фенолу и бензину в сыром виде, т. е. в таком виде, как они получаются при перегонке каменноугольного дегтя, в первый раз является в русском тарифе, и, как объяснено на стр. 743, здесь пошлина сбавлена и назначена (20 коп. зол. с пуда брутто) выше, чем на деготь (6 коп. зол.), но много ниже, чем на очищенные товары (2 руб. 40 коп. зол.), чтобы дать возможность развиться заводам, переделывающим каменноугольный деготь и его продукты, анилиновые, ализариновые и другие искусственные каменноугольные краски (ст. 135, пошлина 17 руб. зол.), исходя сперва хотя бы из иностранного сырья, что для начала установки легче, чем устройство производства прямо из основного сырья, т. е. каменного угля и его дегтя.

Ст. 82-я, касаясь гарпиуса, или канифоли, представляет очень значительное повышение, потому что вместо 13 коп. на-

[1] Привожу несколько данных Департамента мануфактур и торговли о размерах резинового производства. В 1867 г. существовала в России только одна резиновая фабрика и на ней производилось товаров на 712 тыс. руб. и работало 453 человека. В 1877 г. было уже 4 фабрики; они производили на 5525 тыс. руб. и занимали 2295 рабочих. В 1884 г. было 3 фабрики (две слились вместе), производство на 6810 тыс. руб., рабочих 1652 чел. (введены многие новые машины). В 1888 г. производительность 8 заводов отвечает уже 9471 тыс. руб. и занимает 2832 рабочих. С тех пор основались еще новые заводы, и ввоз сырой резины возрос. Защитники фритредерства очень не жалуют нефтяной пример, но каучуковый, право, не менее поучителен.

значен оклад в 40 коп. зол. с пуда. Причины, требующие такого возвышения, выше (стр. 739) объяснены в подробности.

В ст. 83-й содержится очень важный строительный товар — асфальт. Здесь новый тариф прежде всего ввел некоторую определенность, до тех пор не существовавшую, в разделении товаров, различив сырой асфальтовый камень (п. 1, 10 коп.) от измельченного (п. 2, 15 коп.) и от гудрона и мастики (п. 3, 20 коп.). Эти последние ранее сего платили 13 коп. с пуда, теперь уплатят 20 коп. Повышение это определяется тем, что Россия имеет много своего асфальта и добывает уже в год около 1 млн пудов.[1] Чтобы уяснить важнейшие стороны дела, я перепечатываю часть своего доклада, представленного (1890 г.) в Тарифную комиссию и относящегося к асфальту.

Всего лет 40 тому назад начавший широко распространяться для полов, тротуаров и тому подобных сооружений *асфальт* получил все еще расширяющееся широкое приложение в строительном деле. В России идет он в дело ежегодно в количествах довольно значительных, а именно: привозится из-за границы около 100 тыс. пудов и производится около Сызрани, на Кавказе и в Туркестанской области около миллиона пудов. Показанный в производстве и в привозе «асфальт в плитах» и гудрон смешиваются при употреблении с крупным песком (гравием), и притом количество последнего очень сильно (по весу) превосходит массу асфальта и гудрона, а потому количество «асфальта», идущего в строительное дело России, превосходит ежегодно по крайней мере 2—3 млн пудов, не считая бакинский *кир*, в сущности имеющий то же значение. Кроме песка, при составлении строительного асфальта (мастики), идет прежде всего одна из смол легкоплавких или даже жидких или полужидких, получающих название «гудрона». Такие смолы, часто извлекаемые из особого смолистого леска, проникнутого ископаемою смолою, сходны с загустевшею нефтью, киром, «тринидатом» (с острова Троицы, или Тринидата, где смола эта покрывает целое озеро), «иудейскою смолою» и т. п. В котел при варке «мастики» кладется сперва гудрон именно для того, чтобы сам асфальт (в плитах или порошке, в природном виде или особо приготовленный чрез смешение известняка и смол) при нагревании на голом огне не пригорал и равномерно прогревался. Этот «асфальт» есть известняк, насквозь пропитанный твердою асфальтовою смолою. К расплавленной смеси его с гудроном прибавляется масса песка. Чрез сплавление и перемешивание массы получается мастика, которою заливают тротуары, полы и тому подобные поверхности. Гудрон дает плавкость, асфальт — связ-

[1] В 1888 г. добыто 737 тыс. пудов, гудрона 169 тыс. пудов и 55 тыс. пудов кира, всего около 1 млн пудов.

ность, а песок и известняк (в асфальтовых плитах содержащиеся) придают твердость получаемой массе, которая в общежитии называется «асфальтом», а технически «мастикою». Слово «асфальт» имеет, следовательно, многоразличные значения. В химии асфальтом называется ископаемое смолистое, углеродистое горючее вещество; в горном деле — как известняки и пески, пропитанные ископаемою смолою, так и самая эта смола, составляющая, по всей вероятности, остаток испарившейся и окислившейся нефти. В технике асфальтом называют исключительно известняки, пропитанные смолою, едва размягчающиеся в жару и с трудом загорающиеся, а гудронами зовут жидкие, полужидкие и легкоплавкие ископаемые смолы, часто отчасти заменяемые каменноугольными и нефтяными смолами. Наконец, в общежитии называют асфальтом вышеупомянутую смесь или мастику, которая от содержания смол приобретает цвет и связность, а от большого (около 85—90%) содержания известняка и песка до такой степени теряет горючесть, что асфальтовые полы средних этажей способны предохранять распространение пожара в нижние этажи, как показывает неоднократный опыт. Обыкновенно смешение с песком и все производство асфальтовых поделок предпринимается прямо лишь на месте стройки.

Естественный (ископаемый) асфальт находится во многих местах России, а добывается поныне около Сызрани на Волге, где благодаря настойчивости семейства Боейковых укрепилось это дело, которое ныне ведется Товариществом сызранского асфальтового завода и Обществом сызрано-печерской асфальтовой промышленности (Воронцова-Веньяминова и К°). Обе компании, конкурируя, добывают почти поровну и в сумме до 600 тыс. пудов асфальта и гудрона. В предгориях Кавказа, во многих местах — даже прямо около Черного моря, также найден асфальт в больших массах, но еще ждет предприимчивых и денежных людей, чтобы взойти в русский обиход и доставить товар для отправки в Россию и за границу. Бакинский и шемахинский кир, прямо применяемый на месте для кровель, улиц и полов, также представляет род гудрона, к разряду асфальтов принадлежащих. Таким образом, Россия легко обойдется без привозных асфальтов и уже успела пустить часть своего в строительное дело. Если же будет оказано должное покровительство этой промышленности, то она успеет окончательно вытеснить даже с пограничных местностей иностранных соперников, а затем чрез внутреннюю конкуренцию даст и понижение цен. А так как асфальт составляет товар все-таки дешевый, то здесь играет важную роль масса добычи и ценность перевозки. Поэтому пошлина в 20 коп. зол. с пуда асфальта и гудрона, составляя около 50% стоимости гудрона, должна быть считаема совершенно достаточною для окончательного укрепления в России работ с русским асфальтом. При такой пошлине такие приморские города, как Рига, Одесса и Петербург, еще станут получать тринидат и тому подобные дорогие виды асфальтовых материалов, пока внутренняя конкуренция не начнет разра-

ботку и торговлю прекрасными сортами кавказских асфальтов[1] и ради борьбы с внешнею конкуренциею не позаботится об изыскании способов наиболее дешевой доставки русских асфальтовых материалов вплоть до западной границы империи.[2] Если счесть от Сызрани доставку до западных границ равною 40 коп. кред. с пуда, а доставку морем к этим местам иностранных асфальтов того же качества в 10 коп. с пуда (везут асфальт как балласт), то при равной цене на месте отправления получается в пользу иностранного товара разность в 30 коп. кред., или 20 коп. зол., что и покрывается пошлинною ставкою в 20 коп. зол. с пуда.

Оклады на нефть по ст. 84-й и на продукты ее перегонки, по ст. 85-й, а также на скипидар и терпентин, по ст. 86-й подробно рассмотрены выше, а потому заметим только, что оклады, действовавшие в 1890 г., почти все сохранены, возвышены же только для смазочных нефтяных масл с 70 коп. до 1 руб. зол. и для скипидара (и терпентина) с 40 коп. на 60 коп. зол.

В 1-м пункте 87-й статьи содержатся столь дорогие товары, как аравийская камедь (пуд стоит от 8 до 30 руб. зол.; цены очень колеблются), гуттаперча (стоит от 10 до 30 руб. зол. за пуд), шеллак (цена пуда около 9 руб. зол.), копал и даммара (цена пуда около 6 руб. зол., с большими изменениями, смотря по свойствам), каучук (около 20 руб. зол. пуд) и тому подобные смолы и камеди, что перемену пошлины с 33 коп. зол. на 40 коп. зол. можно рассматривать как округление оклада, не имеющее экономического значения, тем более что с 16 августа 1890 г. по 1 июля 1891 г. эти смолы и камеди платили 39.6 коп. зол. с пуда. По отношению же к сплавленному (из стружек, обрезков и т. п.) янтарю, идущему, как и многие другие из упомянутых смол, в лаки, произведена существенная сбавка оклада, потому что доныне он платил, как янтарь в кусках, 2 руб. 40 коп. зол. с пуда, что стесняло применение сплавленного янтаря нашими лаковыми заводчиками.

В п. 2 той же (87) статьи для простого ладана (церковного) сохранена прежняя пошлина — 1 руб. 30 коп. зол. с пуда, но для манны, камфоры, асса-фетиды и белковины, несших прежде оклад лишь в 33 коп. зол., пошлина возвышена — в видах доставления таможенного дохода, а по

---

[1] Г-н Давыдов доставил мне образцы замечательного асфальта, сходного с иудейскою смолою и найденного им в горе Дзишра, в Абхазии.

[2] Западнокавказские асфальты дешевле всего доставлять в Петербург и т. п. при помощи морского пути.

отношению к белковине[1] и в видах охраны внутреннего производства. Пуд манны[2] стоит около 14 руб. зол., пуд камфоры (очищенной) — около 12 руб. зол., асса-фетиды — около 7 руб. зол. пуд, кровяного альбумина (белковина) стоит от 5 до 11 руб. зол., а яичного — около 16 руб. зол. Судя по этим (заграничным) ценам, пошлина в 1 руб. 30 коп. зол. составит от 7 до 25% стоимости. Замечу здесь, что приготовление кровяного и яичного альбумина, состоящее, в сущности, в осторожном высушивании, столь просто, что может составить (и даже уже составляет издавна) предмет мелкого, даже крестьянского производства, сырой материал для которого имеется иногда в изобилии. Применение же для печатания кисей и других тканей, запариваемым после нанесения смеси альбумина с красками (например с ультрамарином), причем белок свертывается, и другие роды применений альбумина (для придания тканям способности принимать некоторые пигменты, для осветления напитков и растворов, в фотографии и т. п.) доставляют этому веществу, отчасти вывозимому из России, постоянный спрос, а потому возвышение оклада на белковину вызывается целями покровительства. В России имеются (по данным Департамента торговли и мануфактуры) 12 заводов, готовящих альбумин из крови, и 11 заводов, приготовляющих альбумин и желток из яичного белка. Общая сумма их производства (до 100 тыс. пудов) оценивается в 350 тыс. руб. в год.

По 3-му пункту 87-й статьи оклад на росный ладан (бензойная смола, пуд около 17 руб. зол.), амбру серую, бальзамы толуанский и перуанский (пуд этого последнего стоит более 40 руб. зол.) сохранен в прежнем размере (5 руб. 30 коп. зол.), а для всяких других душистых смол, употребляемых в парфюмерном деле, уменьшен, потому что доныне они проходили с пошлиною 15 руб. 85 коп. зол. (ныне ст. 116-я).

В отношении к ст. 88-й, касающейся резиновых изделий, оклады сохранены почти те же, как видно из сличения.

	Оклады до 16 августа 1890 г.	Оклады 1891 г.
	С пуда 3 руб. 65 коп. = 9.125 коп. с фунта	10 коп. с фунта
	» » 6 » 60 » = 16.5 » » »	17 » » »
(Обувь)	» » 11 » — » = 27.5 » » »	28 » » »

[1] Добывается как из белка куриных яиц, так и из крови.

[2] Это есть сладкий засохший сок некоторых, притом различных растений, например Fraxinus orna, а персидская манна — особого вида бобовых.

Но сделано два существенных изменения:

1) Прежде каучуковые ткани всякие, не обращая внимания на материал(шелк, бумага, шерсть), платили одинаковую пошлину (24 руб. 20 коп. зол. с пуда, 60½ коп. с фунта), а ныне они уплатят различную пошлину, смотря по материалу, на который нанесен каучуковый слой или с которым он соединен; только для кардовых лент,[1] как составных частей, необходимых для производства кард, применяемых мануфактурами, сделано изъятие; они особо упомянуты, и на них наложена невысокая пошлина,[2] чтобы дать возможность производителям кард выписывать ленты из-за границы.

2) В прежнем тарифе различались (кроме обуви и тканей) каучуковые изделия по тому, есть ли или нет в них примеси других, кроме каучука, веществ, ныне же редакция пунктов сделана более соответствующею действительности и относительной стоимости резиновых изделий. Так как ввоз резиновых изделий вообще мал, а вывоз значителен (стр. 543) и многие из них пройдут по статьям о тканях, платьях, хирургических инструментах, игрушках и т. п., то нет надобности более останавливаться над пошлинами на каучуковые изделия.

Со ст. 89-й начинаются товары, применяемые и производимые химическими заводами, и так как производство химических продуктов носит на себе много особенностей, заставляющих всегда выделять этот род промышленности в особый класс, то с 89-й статьи мы начнем новую большую главу, относящуюся к химическим производствам.

---

[1] На бумагопрядильнях применяются для расчесывания волокон толстые ленты, обыкновенно с каучуковыми прокладками, в которые воткнут ряд стальных проволок, торчащих из ленты по всей ее длине и служащих для расчески или трепания. Такие ленты называются «кардами», или «кардо-лентами». Вопрос о них особо и подробно разбирался при пересмотре тарифа. Кардовые ленты со всаженными проволоками относятся к ст. 156-й п. 1 (пошлина 4 руб. 40 коп. зол. с пуда, или 11 коп. с фунта). В пуде готовых кард большая доля веса принадлежит проволоке.

[2] Иначе по ст. 198-й они платили бы по 55 коп. зол. с фунта, если бы, например, содержали войлочную ткань.

Глава 10

ТОВАРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ И ПРОИЗВОДИМЫЕ ХИМИЧЕСКИМИ И КРАСОЧНЫМИ ЗАВОДАМИ

(Статьи 89—137)

Отличительную черту огромного большинства продуктов химических заводов составляет отсутствие их применения в обыкновенном, домашнем обиходе. Купоросного масла, соды, квасцов и тому подобных товаров не видно в обыденной жизни, а между тем они производятся в количестве миллионов пудов. Это потому, что они служат сами материалами, применяемыми на других заводах и фабриках. Так, например, сода идет в мыловарении, стеклоделии, белильном производстве, а продукты этих последних обращаются всюду в общежитии. Поэтому можно понять причину, заставлявшую не раз и многих смотреть на истинные химические продукты (кислоты, щелочи, соли и т. п.) как на сырье, надобное другим заводам, и мало заботиться о водворении этого рода заводов, прилагая заботы к другим заводам и фабрикам, дающим продукты, прямо идущие в жизнь, как ткани, машины, стекло, бумага и т. п. Но из предшествующего уже очевидно, что без существования местных химических заводов нельзя ждать широкого развития многих иных и всего возможного удешевления их продуктов, потому что привозное иностранное химическое сырье вследствие уже одной платы за далекий провоз не может быть дешевым. Так, например, для стекла ныне применяется сульфат или прокаленная сернонатровая соль, и основать производство стекла в России на иностранном сульфате — значит навсегда отказаться от возможности достичь вывоза дешевейших стеклянных изделий. Незаметно, но очень далеко в глубь множества производств входят те интересы, которые касаются прямо химических заводов, потому что они посредничествуют между истинным сырьем природы, прямо

от нее получаемым, например из копей, и множеством других промышленных предприятий. Колчедан, подсмольная (дегтярная) вода, винный камень, роговые стружки и множество тому подобных веществ, бесполезно пропадавших для людской пользы, на химических заводах превращаются в дорогие и очень важные товары, например в серную, уксусную и виннокаменную кислоты, синь-кали и т. п., применяемые на мануфактурах, красочных заводах и т. п. Сверх того, развитие химических заводов само по себе спрашивает сравнительно малое число рабочих лиц, так как действия, совершаемые на заводах этого рода, основываются на внутренних (химических, сокрытых) процессах, изменяющих природу вещества, но учреждение подобных заводов вызывает добычу и применение множества сырых продуктов, для чего начинаются многие новые дела, требующие массы рабочих и перевозки. А потому химические заводы не только дают новую жизнь множеству других фабрик и заводов, но и оживляют горное дело и вообще добывающие промыслы. Хотя масса людей, пользующихся условиями развитой промышленности, даже не знает, никогда не видит товаров, производимых химическими заводами, тем не менее, вся промышленность, не могущая развиваться без обеспечения топливом, не может быть считаема правильно поставленною, если не опирается на развитие химических заводов. Между заводско-фабричными делами — это суть, вместе с металлургическими заводами, центральные. Поэтому тариф 1891 г. в центре своем содержит именно каменноугольные, химические и металлургические товары.

Посмотрим же на степень развития химических производств в России, основываясь на официальных отчетах и выводах Департамента мануфактур и торговли, собранных при пересмотре тарифа.

Прежде всего сопоставим химическую производительность России с производительностью некоторых других отраслей заводско-фабричных дел, насколько они известны по собранным данным, и возьмем для этого три эпохи: 1867 год, то есть год, предшествующий тарифу 1868 г. (начавшему действовать с 1869 г.), 1876 год, предшествующий крупному повышению пошлин, при переходе от окладов в кредитных к окладам в золотых рублях, и, наконец, 1888 год, для которого перед последним пересмотром тарифа разобраны все статистические данные о разных родах производств. Производительность выражена в миллионах рублей полученных товаров, по показаниям самих заводчиков и фабрикантов. Не должно забывать, что цена сырья, примененного в дело, содержится

в указанных цифрах, а это еще более усложняет возможность правильного заключения. Однако прирост производств и неравномерность его все же очевидны и поучительны.

Производство	Производительность в миллионах рублей		
	1867 г.	1876 г.	1888 г.
Хлопчатобумажное (прядение и тканье)	73	103	254
Шерстяное » » »	49	56	68
Льняное и пеньковое (полотно, канаты)	15	20	29
Шелкоткацкое	4	8	12
Красильное, набивное, отделочное	32	38	74
Писчебумажное и обойное	5	10	16
Кожевенное	16	27	34
Стеклянное	4	5	9
Фарфоровое и фаянсовое	1	2	4
Машиностроительное	14	43	46
Химическое и красочное[1]	5	6	17
	218	318	563

Будучи посредствующею, химическая и красочная промышленность развивалась вместе с другими отраслями фабрично-заводских дел, но легко показать, что развитие первых не удовлетворяло росту вторых. Для этого достаточно сопоставить для указанного промежутка лет внутреннее производство с количеством ввоза иностранных химических и красочных товаров [см. табл. на стр. 756].

При этом не должно забывать, что в сумме ценностей внутреннего производства химических и красочных заводов входит очень много чужеземных материалов, например красильных дерев, серы, натровой селитры и т. п. И во всяком случае очевидно, что спрос химических продуктов и красок, хотя и возрос в последние 20 лет в два раза, но не на счет русских продуктов, а преимущественно иностранных, то есть химическая промышленность России росла, но недостаточно скоро. Это особенно ясно потому, что вывоза из России товаров истинных химических заводов почти не существует. Чтобы не

[1] В прежних отчетах не отличались красочные заводы от химических, а потому приходится говорить о их совокупности.

		Ввоз по европейской границе в миллионах рублей				
		1870 г.	1875 г.	1880 г.	1885 г.	1889 г.
Химические продукты		5.0	15.1	19.3	13.7	12.6
Красильные		13.4	16.6	16.6	15.0	15.7
Те и другие	Ввоз иностранный	18.4	31.7	35.9	28.7	28.3
	Внутреннее производство	6.1	5.2	7.3	11.6	17.4
	Сумма	24	37	43	40	46

возвращаться к этому предмету, привожу здесь для всех товаров этой главы весь вывоз для 1888 и 1889 гг.:

	Вывоз по всем границам			
	1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Поташ	39	92	45	94
Фосфор	1	?	3	58
Спички зажигательные	?	?	1	8
Дубильные вещества (кора и др.)	100	57	108	64
Мел очищенный, красильные глины и разные краски	41	242	78	294
Сантонин	—	1.264	0.2	31
Аптекарские товары различные			—	1013
Масло конопляное и льняное	32	147	33	144
Прочие растительные масла	44	321	42	281
Мыло обыкновенное	40	120	38	120
Косметики и благовонное мыло	2	141	2	208
		2.4 млн руб.		2.3 млн руб.

[1] В 1888 г. фосфор и спички в вывозе особо не отмечены, а включены в число особо не поименованных сырых и полуобработанных товаров.

Ничтожность суммы вывоза, сравнительно со ввозом, в число которого включены только настоящие товары, производимые химическими заводами, но не масла, косметики и т. п., показывает с совершенною ясностью, что ни одна ветвь химической промышленности не доведена еще в России до сколько-либо значительного развития, при котором начинается вывоз. Все ввозится, а вывозится разве сантонин, получаемый из цитварного семени оренбургских степей, фосфор и некоторые растительные, жирные и эфирные масла, на производство которых обратили внимание некоторые из наших производителей, исходя из обильных природных местных ресурсов.

Но отчего же здесь, в столь важном деле, каково производство химических товаров, достигнуто Россиею столь мало по сравнению с другими отраслями сходных производств, например стеарина, керосина, резиновых изделий и т. п.?

Дело станет ясным, если обратим внимание, во-первых, на размеры таможенных окладов и, во-вторых, на то, что первоначально установившиеся в России промыслы, например металлургия, свеклосахарное дело, полотняное и суконное производства, — не требовали химических товаров. Пошлины прежнего времени возбуждали именно такого рода производства, которые не требовали химических продуктов, и направление всей прежней техники всюду было таково; например стекло и мыло делали не при помощи сульфата или соды, а при помощи золы или поташа, получаемых крестьянством, красили не искусственными красками, добываемыми при помощи химических продуктов, а отварами растительных и животных продуктов и т. п. Тогда и нигде не было развитых химических заводов. Они начали играть видную роль только с средины текущего столетия. Понятно поэтому, что химические заводы не могли исстари основаться в России, а около средины столетия, когда стал рождаться спрос на товары этого рода и пошлина на них была назначена столь малою, что получение иностранных товаров было проще и короче. Если завелись в России химические заводы, особенно же производящие серную и другие кислоты, то только потому, что они, будучи веществами едкими и жидкими, весьма неудобны и дороги для далекой перевозки. Для того же, чтобы показать, как низки были оклады на химические продукты, назначенные по тарифу 1868 г., я беру для примера один 1873 год и выписываю из таможенных отчетов *самые крупные* статьи ввоза химических продуктов и пошлины, за них полученные, придерживаясь порядка статей нового тарифа (от 89-й до 112-й).

	Ввоз по европейской границе 1873 г.		
	тыс. пудов	тыс. руб. кред.	пошлина тыс. руб. кред.
Поташ	41	85	0
Другие калийные соли	59	97	0
Чилийская селитра и т. п.	304	311	15.1
Сера	310	554	0
Антимоний	8	39	1.6
Бура	12	106	1.2
Винный камень	12	300	2.5
Барит сернокислый	121	108	60.7
Нашатырь и соединения аммиака	29	200	5.8
Мышьяк	7	42	3.4
Синь-кали и хромпик	9	130	18.2
Квасцы и сернокислый глинозем	111	194	22.2
Сода углекислая и едкая	1168	2544	261.0
Сульфат и магнез[иальная] соль	182	262	18.2
Растворимое стекло	111	206	22.1
Белильная известь и кислоты соляная и азотная	298	902	119.2
Серная кислота и сероуглерод	40	128	8.1
Кислоты: уксусная, щавелевая и т. п.	18	817	39.4
Купоросы всякие	43	160	15.4
Химические и фармацевтические продукты, особо не поименованные	60	4223	65.4
Сумма, тысяч рублей		11506	680

Отсюда видно, что существовавшие в 1873 г. оклады на обыкновеннейшие химические продукты составляли в среднем менее чем 6% от их цены, а подобные оклады никогда и нигде не могут *вызывать* и даже охранять промышленности; они были малы даже в фискальном смысле, т. е. были ниже фритредерских норм (стр. 191). Неправильное понимание требований промышленности, выразившееся в тарифе 1868 г., отразилось тем, что в эпоху от 1868 до 1877 г., когда пошлины сразу были переведены на золото, химическая промышленность совершенно не развивалась (стр. 755), а иностранный ввоз стал сильно возрастать и в десять (1870—1880) лет удвоился (стр. 756).

Но и после 1877 г., когда от повышения окладов началось развитие русской химической промышленности, оставалось

в тарифе на товары этого рода множество таких обстоятельств (например беспошлинный впуск сырья), которые мешали правильному росту русской химической производительности; но я не останавливаюсь в этих предварительных замечаниях над указанною стороною действовавшего тарифа, потому что при рассмотрении пошлины на серу, соду и белильную известь постараюсь выяснить совокупность причин, заставивших при пересмотре тарифа на химические продукты поднять многие из действовавших до тех пор ставок.

Но прежде чем перейти к обсуждению частностей, касающихся отдельных товаров, считаю полезным привести данные о ввозе всех товаров, относящихся к статьям, рассматриваемым в этой главе, и о размерах их внутреннего производства, чтобы затем не возвращаться к статистическим цифрам. Должно, однако, заметить, что таможенные отчеты даны по статьям прежнего тарифа, а потому во многих статьях нового тарифа явятся значительные различия в распределении товаров. Так, например, из статьи (ныне 112-й, касающейся товаров, «особо не поименованных», при пересмотре тарифа выделено много продуктов в другие или в особые статьи (например 81-ю, 105-ю, 108-ю, 110-ю, 111-ю). Однако, за немногими изъятиями, в общих чертах рубрики таможенных отчетов прежнего времени отвечают современному распределению товаров по статьям тарифа 1891 г., а потому я располагаю отчет по порядку статей ныне действующего тарифа и сперва рассмотрю чисто химические производства.

Статья[1]	Ввоз по европейской границе	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
91	Сера комовая	1114	837	993	698	871	741
—	Она же по кавказской границе	249	249	173	167	254	247
—	Сера очищенная	34	63	27	38	25	36

[1] По статье, отвечающей нынешней 89-й, прежде проходили беспошлинно всякие соли калия, получаемые в Стассфурте, особенно хлористый калий и сернокалиевая соль. Ныне они пройдут по ст. 104-й куда я и отношу весь ввоз, потому что «природных» солей калия доныне, сколько мне известно, не ввозили. Те естественные соли, которые ныне отнесены к ст. 90-й прежде проходили вместе с чилийскою селитрою по ст. 103-й п. 2, а потому данные о них помещены при этой статье. Поэтому перечень начинается с 91-й статьи (сера).

Продолжение

Статья	Ввоз по европейской границе	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
92	Антимоний во всяком виде	20	68	19	100	28	118
93	Бура всякая[1]	33	142	57	234	44	155
95	Винный камень и кремортартар	12	85	16	106	11	76
96	Барит сернокислый . .	14	39	18	68	16	37
98	Аммиачные препараты .	41	184	72	282	48	214
99	Мышьяк	15	65	16	65	21	115
100	Синь-кали желт. и красн.	14	112	11	107	3	30
—	Хромпик и другие хромовые соли	1	9	2	22	6	63
101	Квасцы кристаллические	71	112	83	151	67	93
—	Серноглиноземная соль и квасцы в порошке	32	61	55	97	50	80
102	Окиси бария, стронция, магния, алюминия, олова, ртути	3	33	4	28	3	40
103	Чилийская селитра . . .	350	652	425	783	503	728
—	Селитра калиевая . . .	59	440	30	91	2	7
104	Хлористый калий и стассфуртские калиевые соли	172	154	215	125	95	80
105	Сода углекислая всякая	642	924	705	1087	754	1143
—	Поташ	26	49	17	46	13	34
—	Едкий натр (и кали) . .	913	1921	883	1820	943	2157
—	Он же по кавказской границе	216	427	153	257	134	203
—	Натр сернокислый (сульфат), магнезия углекислая и сернокислая	265	333	213	330	203	228
—	Растворимое стекло и двууглекислый натр .	83	170	118	254	122	235
106	Уксусный порошок . .	111	158	173	289	109	138
107	Белильная известь и кислота соляная . . .	508	1037	593	1122	609	1212
108	Серная кислота	143	209	96	147	43	78
—	Она же дымящая . . .	33	76	23	49	11	33
—	Она же по кавказской границе	11	52	7	38	0	0

[1] По ст. 94-й ныне будет проходить магнезит. Измельченный он прежде пропускался вместе с серномагнезиальной солью, а потому содержится в данных по ст. 104-й. Неизмельченный же магнезит проходил прежде с строительными материалами.

По ст. 97-й ныне будут пропускаться природные стронциановые соли. Доныне они проходили по статье о рудах (ныне 138-й).

Продолжение

Статья	Ввоз по европейской границе	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
108	Сернистый углерод . .	7	29	7	25	2	8
—	Азотная кислота	2	11	19	102	3	9
—	Кислота уксусная . . .	1	16	0	5	0	4
—	» лимонная, винокаменная и орешковая и кисличная соль	27	504	27	484	23	431
—	Таннин	6	134	7	154	6	113
109	Купорос железный . . .	3	9	3	7	7	6
—	Купорос медный и цинковый	44	158	67	270	88	387
112	Химические и фармацевтические препараты, особо не поименованные	134	2872	170	3368	183	3258

Перечисленные статьи отвечают настоящим продуктам химических заводов. Сумма ввоза по европейской границе для указанных 3 лет равна 11.7—12.6 и 12.1 млн руб. кред. в год, а сбор пошлин на эти товары составил 1.87—2.05 и 2.21 млн руб. зол., или (стр. 217) 3.2—3.1 и 3.0 млн кред. Эти таможенные сборы отвечают 26% стоимости товаров, а отсюда видно, что в период с 1873 (стр. 758) по 1888 г. таможенные оклады на химические продукты значительно увеличены (в 1873 г. было 6%). Если присчитать ко ввозу по европейской границе ввоз по черноморской границе Кавказа, то оказывается, что в 1888—1890 гг. средний годовой привоз химических товаров достигал 13 млн руб., а размер внутреннего производства одних химических товаров в эти годы (как увидим далее) едва превосходит половину этой величины, а именно достигает 8 млн руб. в год. Это значит, что химических товаров ныне в год надобно России более, чем на 20 млн руб. и что внутреннее производство едва доставляет (так как в его цене содержится цена иностранного сырья, например цена серы в серной кислоте) третью часть спрашиваемых товаров этого рода. Угля добывают в России мало, но все же свой (стр. 529) удовлетворяет $^2/_3$ потребности, а здесь свое производство составляет только $^1/_3$ потребности. Все это показывает явно, что для химической отрасли промышленности пришла

в России пора, что спрос на товары этого рода внутри страны уже имеется и что тариф должен помочь оживлению как спроса, так и производства химических продуктов. Незначительность же развития в России чисто химических заводов, производящих кислоты, соли и щелочи, видна из данных (Департамента мануфактур и торговли) о числе русских химических заводов. Чтобы не умножать и без того большого числа таблиц этой главы, я ограничиваюсь данными одного 1888 г., тем более, что за последние два года хотя замечается некоторое оживление химической деятельности, особенно усилившееся с публикациею тарифа 1891 г.,[1] но, однако, не произошло еще существенных улучшений [стр. 763].

Список этот нельзя считать полным, и в нем, вероятно, некоторые заводы повторены неоднократно, потому что обыкновенно на химических заводах производят разнообразнейшие препараты, например, рядом с производством серной кислоты ее превращают в квасцы и купоросы. По сумме все химическое производство России 1888 г. не достигает до 9 млн руб. в год. Боюсь приводить цифры производства химических продуктов других европейских стран, во-первых, чтобы не удивить их громадностью, а во-вторых, еще потому, что грань, отделяющая химические заводы от множества других (например от заводов, переделывающих сало и масла, производящих краски, землеудобрительные вещества и т. п.), очень условна. Достаточно указать на одно то, что из Англии *вывезено* (а вывоз всегда составляет лишь малую долю всего производства) химических продуктов на 15.5 млн ф. с. в 1889 г. и на 15.0 млн ф. с. в 1890 г. (The Statesman's Year-Book 1891, page 137). Германия, химическая производитель-

[1] Для примера укажу на некоторые мне более или менее известные случаи. Вводя бездымный порох для перевооружения армии, Военное министерство нуждается в такой массе различных химических продуктов, особенно серной кислоты и эфира, что существующие русские заводы не могут удовлетворить такому спросу и должны для его удовлетворения или возникнуть, сверх созданных уже казенных заводов, или новые частные, или сильно расшириться ныне существующие. Потребности казны всегда служили в России к расширению ее производительности. Но и помимо этого крупного спроса многие частные предприниматели стали видеть русские потребности на многие химические продукты. П. К. Ушков на своем Елабужском заводе, на Каме, с 1890 г. начал производство едкой и углекислой соды, по способу Леблана, и приготовление белильной извести. Фирма Любимова и Сольвея приступила к устройству содового завода в Донецком крае. В. Н. Лепешкин строит около Москвы, близ Петровского-Разумовского, новый большой химический завод. Р. Р. Келер, в Москве, пустил в ход новый химический завод для производства различных аптекарских и химических продуктов. Будем ждать и еще дальнейшего оживления.

	Внутренняя производительность 1888 г.		
	число заводов	производство в тысячах рублей	стоимость продуктов в тысячах рублей
Аммиачные соли	3	32	55
Нашатырный спирт	18	17	57
Серная кислота	52	2656	2062
Квасцы	8	204	290
Купорос железный и медный	32	245	262
Сернокислый глинозем	5	332	353
Азотная кислота	35	37	112
Соляная »	35	324	240
Уксусная кислота и другие особо не поименованные	32	226	525
Уксусный порошок	18	63	46
Сантонин	1	1	58
Сода всякая	28	1030	1241
Винный камень и винная кислота	4	6	48
Хлорная известь	1	12	36
Синь-кали	9	5	54
Соли: глауберова, горькая, свинцовая и др.	52	289	442
Растворимое стекло	1	3	3
Очищенная сера	2	69	79
Фосфор	9	14	432
Различные химические продукты	27	—	773
Хромпик	1	60	480
Хлористый цинк	1	5	22
Серный эфир	2	4	38
Таннин	1	5	180
Селитра	8	184	735

ность которой во много раз слабее и моложе английской, и та выпустила за границу, не считая ничего другого, солей (конечно, без поваренной соли), кислот и щелочей, полученных на заводах, в 1888 г. на 60.3 млн марок (равно 3 млн ф. с.), а в 1889 г. на 63.6 млн марок. Это показывает, что один иностранный вывоз химических продуктов для Англии почти в 20, а для Германии почти в 4 раза более всего русского химического производства. А в прошлом столетии почти и не было торговли химическими продуктами; это дело новой промышленности, здесь догонять обязательно необходимо, иначе заграничные переплаты будут расти год от года вместе с ростом всякого спроса на товары этого рода.

Но к химической заводской деятельности относится не одно производство кислот, щелочей и солей, а все те производства,

при которых совершаются с веществами полные превращения начальных свойств, например, когда из нерастворимого сала или масла получается сладкий, растворимый глицерин, когда из дегтя добывается краска, из спирта — эфир и т. п. Область химических производств громадна: вся металлургия относится к числу их. Но мы, кроме химических продуктов в тесном смысле, станем рассматривать здесь только те товары химической производительности, которые отнесены к статьям от 113-й до 137-й. Здесь главную роль играют масла и краски. Перечислим, по порядку статей, их ввоз, а затем их внутреннее производство.

Статья	Ввоз по европейской границе	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
113	Патентованные лекарства	2	97	2	113	2	113
114	Фосфор	1	35	0	6	0	7
115	Серный эфир, фруктовые эссенции, хлороформ	2	96	2	89	2	79
116	Опий и лактукарий	0.2	29	0.3	30	0.3	31
117	Масло деревянное и другие растительные масла	594	7025	665	6141	628	5191
—	Масла жирные и пригорелые	5	95	5	115	8	110
—	Олифа	0	1	0	1	0	1
—	Масло кокосовое и пальмовое	257	1327	255	1301	324	1765
—	Масла эфирные и благовонные	3	330	3	398	3	344
—	Глицерин	3	16	3	15	2	17
118	Ароматические воды (без спирта)	1	15	1	16	1	16
119	Косметики всякие	3	271	3	465	5	555
120	Мыло благовонное	2	57	2	66	2	80
—	» простое	7	34	8	42	7	34
121	Лаки всякие	2	114	2	140	1	123
122	Сургуч	0	1	0	2	0	2
123	Спички	0	4	0	3	0	5
124	Дубильные вещества в естественном виде	481	399	542	438	420	308
125	Авиньонские зерна, вайда	78	184	112	251	111	217
—	Чернильные орешки, диви-диви	12	20	10	23	18	50

Продолжение

Статья	Ввоз по европейской границе	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
125	Деревья красильные в чурках	2281	2716	1697	1592	1890	1877
—	Они же тертые	40	104	45	123	42	100
—	Красильные глины	261	221	276	205	52	36
—	Кровавик, мумия	18	57	57	96	171	241
—	Мел белый (краска)	249	128	311	162	294	117
126	Орсель, орлеан, лакмус, вау, кермесные зерна	29	64	50	162	81	190
—	Катеху	159	612	172	663	185	560
127	Крап толченый	6	46	6	39	6	32
128	Индиго	50	5975	53	6507	55	6539
129	Кошениль	5	116	3	94	4	102
130	Берлинская лазурь, ультрамарин	21	288	22	273	17	208
—	Синька всякая	1	16	2	30	1	19
131	Белила свинцовые и цинковые	96	291	129	414	126	419
132	Сурик	81	231	88	252	92	265
133	Краски медные, сурьмяные, хромовые и киноварь	16	293	22	352	20	229
—	Ярь-медянка	9	108	12	140	14	165
134	Экстракты и другие красильные препараты	29	460	35	596	27	343
135	Анилиновые и другие краски из каменноугольного дегтя	46	2964	63	3437	48	2743
136	Миниатюрные краски, тушь	1	62	1	64	1	59
137	Чернила и вакса	7	87	8	94	8	94
—	Краски в комьях и на воде	13	155	13	147	13	140
—	Краски на масле	3	26	4	41	2	26
Итого красок (ст. 125—137), миллионы рублей [1]			15.1		15.7		14.5
А всего по ст. 113—137, миллионы рублей			25.0		25.1		23.3
А всего по всем статьям этой главы (89—137) миллионы рублей			37		38		35

[1] Пошлины получено золотом миллионов рублей: 1.45—1.77 и 1.62, среднее — 1.161; в кредитных — около 2.4 млн руб. на среднюю ценность привозных красок в 15. 1 млн руб. кред., или пошлины составляют около 16% стоимости.

Следовательно, ввоз товаров, рассматриваемых в этой главе, отвечает примерно одной десятой доле всего вывоза по европейской границе (стр. 204). И не следует забывать, что за ничтожными изъятиями большинство товаров этой главы может производиться в России, потому что даже такие материалы, как оливковое масло и индиго, отвечают уже климату южных частей русских владений в Азии. Но особенно важно возбудить таможенными пошлинами производство таких красильных и вообще химических препаратов, которые происходят от ископаемых, потому что добыча их не зависит от климата. Посмотрим же на статистические данные, отвечающие внутреннему производству товаров, перечисленных в последней таблице, то есть относящихся к статьям 113—137 [табл. на стр. 767].

В производстве многих из указанных заводов содержатся преимущественно цены покупного иностранного сырья. Так, например, заводы, перерабатывающие красильные дерева, покупают (часть идет прямо на мануфактуры) красильные дерева (ввозится более чем на $1^1/_2$ млн руб.) и только их измельчают и вываривают, то есть готовят экстракт. Белила готовятся из иностранного свинца или барита и т. п. Поэтому истинная производительность заводов должна быть считаема гораздо меньшею, и ввоз превышает внутреннее производство.

Но должно заметить, что начало положено и настоящим, действительно русским заводам. Таковы, например, мыловаренные и спичечные заводы, хромпиковый завод, заводы некоторых минеральных красок и т. п., берущие русское сырье и превращающие его в ценные товары. Но всего этого чересчур мало — до очевидности.

Помочь этому необходимо тарифом, и при пересмотре его такая цель была поставлена с самого начала. Но тут-то и явились разноречия в отношении к способам возбуждения, потому что до сих пор глядели на этот предмет так, что, желая возбудить известную отрасль промышленности, например данные виды заводов, облагали продукты их высоким окладом, а потребное сырье впускали или даром, или по низким пошлинам. Мы уже видели не раз (например стр. 499), что это устраняет добычу русского сырья, ведет к устройству приграничных «переделочных» заводов и корень промышленного роста скорее сушит, чем оживляет. Тариф 1891 г. взглянул на это дело иначе, то есть, защищая произведения желаемых заводов, облагал или по крайней мере *начал* облагать и все то заводам потребное сырье, которое можно добывать в России.

	Внутреннее производство, 1888 г.		
	число заводов	производительность	
		тыс. пудов	тыс. руб.
Ализариновое масло[1]	8	40	163
Касторовое (клещевинное) масло	2	24	159
Кокосовое и другие растительные масла	6	138	775
Гарное (с нефт. смазочн.) масло	2	73	220
Олифа	17	31	130
Мыло зеленое (калийное)	2	12	25
Мыло обыкновенное	486	2606	8352
Косметики всякие	15	—	629
Лаки всякие	56	—	1159
Сургуч	13	—	168
Спички (зажигательные)[2]	240	—	3640
Ализариновая и анилиновые краски[3]	16	104	2206
Белила (баритовые, свинцовые и цинковые)	38	261	840
Вакса	6	—	601
Чернила	7	—	59
Экстракты красильные (и измельченные)	9	160	1542
Ультрамарин	6	52	420
Охра, мумия, хромовая синька, ярь-медянка (12 зав.) и другие краски	117	236	1181

[1] Ализариновым маслом называется подготовленное для применения при крашении в кумачный (адрианопольский) цвет. Ныне оно производится из касторового масла чрез обработку серною кислотою. Производство это год от года усиливается, потому что кумачная окраска очень прочна и ныне стала вполне точною, так как химически изучена в полной мере. Русские мануфактуры давно славятся своими товарами этого рода.

[2] Спичечное производство с 1888 г. несет акцизный налог. Он дал в 1888 г. 2.7, а в 1889 г. 4.4 млн руб. Число спичечных фабрик в 1888 г., по данным Департамента неокладных сборов, равнялось 278, в 1889 г. — 312. В этом году произведено почти 13 млрд. (тыс. млн) спичек и израсходовано 8125 пудев фосфора. Он ныне весь русский (и вывозится). Безопасных (безфосфорных) производится около 20%. Заметим еще, что ныне фосфорные спички идут уже из России за границу (в Европу и Азию), а еще в средине 80-х годов их ввозили к нам до 30 тыс. пудов в год.

[3] Некоторые (большинство) заводов этого рода просто привозят иностранный чистый ализарин и занимаются только его превращением в тестообразную смесь с определенным содержанием краски, так как такое тесто применяется в крашении. Тут уже чисто передаточное производство, вызываемое тем, что [за] чистый и 20%-й ализарин платят одну и ту же пошлину, а различить их нельзя, потому что для этого надобно было бы анализировать каждую партию. Числятся такие заводы русскими — красочными, но в них нет русского производства.

Пример соображений и мер, сюда относящихся, мы видели выше (стр. 728) в отношении к уксусному порошку, а в рассматриваемом далее вопросе о пошлине на серу встретим другой подобный же случай. По той же причине, например, пошлина на винный камень возвышена с 26 коп. зол. до 60 коп. зол. с пуда.

Но кроме покровительства добыче и потреблению в России своего местного сырья, тариф 1891 г. задался, в отличие от прежнего образа действия, задачею, не прибегая к особо значительным переменам тарифных ставок, вызвать и укрепить в России преимущественно те роды химических заводов, которые добывают важнейшие, начальные, исходные продукты, требуемые развитою промышленностью. За такие коренные и в полнейшем смысле «химические» заводы должно считать содовые заводы, работающие соду из поваренной соли, потому что на них получаются — неизбежно, по сущности процесса — массы серной, соляной и азотной кислот, а это суть важнейшие кислотные химические деятели, и образуются сульфат (глауберова соль), углекислая сода и едкий натр, которые суть важнейшие из щелочных соединений, спрашиваемых техникою в массе производств, например в стеклоделии, при очищении керосина, для мыловарения, для беления тканей и т. п. Вызов содовых заводов усилением пошлины тем правильнее, что все сырые материалы (колчеданы, соль и каменный уголь суть главные из них), для ее производства надобные, находятся в изобилии, например в Донецком крае (стр. 672) и около Урала, а ввоз (стр. 760) весьма значителен, т. е. спрос налицо; при участии же многих соревнователей здесь легко ждать не только понижения цен, но и заграничного вывоза избытков, особенно с берегов Черного моря, где (около Баталпашинска) есть и разрабатываются необыкновенно богатые и редкие природные озера глауберовой соли, дающие ее в кристаллическом (водном) виде, известном в минералогии под именем мирабиллита.

Развившись в России, содовое дело даст уже само толчок развитию многих других более мелких отраслей химической промышленности, когда содовые заводы начнут производить избытки. Так, избыток соляной кислоты на тех содовых заводах, которые работают соду Леблановским способом, ведет к тому, что они всегда готовят тут же у себя белильную известь, как вещество, получаемое с помощью соляной кислоты, извести и черного марганца (перекиси его), залежи которого на Днепре и Кавказе превосходят своим богатством

все, что где бы то ни было известно. А белильной извести, идущей на мануфактуры и на бумажные фабрики, ввозят (стр. 760) к нам сотни тысяч пудов. Последовательно возвышая по ст. 105 (содовые продукты) оклады на углекислую и едкую соду, следовало непременно возвысить и оклады на белильную известь, что и сделано (ст. 107, с 44 коп. оклад поднят до 70 коп. зол. с пуда), потому что иначе возникающие содовые заводы, переделывая соль, не знали бы, куда девать избытки соляной кислоты. Здесь следует, хотя в очень кратком очерке, коснуться истории содового дела, чтобы понять потребность России в устройстве этих дел, начиная с соли. Переделка соли в соду и соляную кислоту составляет прием техники, изобретенный в конце прошлого столетия Леблаком во Франции. Англия наиболее воспользовалась этим открытием, потому что там производство искусственной (естественная сода получается из золы морских водорослей) соды развилось в громаднейших размерах. Прием прост и очень удобен во множестве отношений, но имеет три недостатка, заставлявшие искать других способов выделки соды из поваренной соли. Эти три недостатка суть: 1) на каждый пуд соли, переделываемой на содовом заводе, необходимо готовить почти пуд серной кислоты, которая, в конце концов, разрушается в производстве; 2) при этом образуется масса соляной кислоты, применение которой трудно отыскивается, а спускание в воды или в воздух не может быть допущено, как вредное для растений и животных и во всех странах запрещенное, и 3) сверх соды и соляной кислоты, в производстве получаются массы «содовых остатков» (сернистый кальций и др.), составлявшие около содовых заводов целые смрадные горы, пока не нашлись способы регенерации (возобновления) серы, в них заключающейся. Это стремление избежать недостатков леблановского способа привело к открытию «аммиачного» способа производства соды, пущенного в ход Сольвеем не только в его отечестве (Бельгии) и в Англии, но и в России (в компании с Любимовым, завод на Каме, в Батраках). По этому способу серную кислоту готовить не надо и соляной кислоты вовсе не получается, а остаток составляет хлористый кальций, находящий кое-какое применение в практике и не представляющий столь вредного в гигиеническом отношении вещества, как содовые остатки. Новый способ, представляя некоторые очевидные выгоды, полагал, что убьет прежний, а потому рядом с прежними содовыми заводами в Англии (менее в других странах) стали строить новые, давшие новые массы соды. Перепроизводство

повело к сильному падению цен. Прокаленная (считая за 100%, смотря по содержанию) сода, стоившая в начале 60-х годов в Англии (переводя на русские меры и золотые рубли) около 1 руб. 50 коп. зол. за пуд, дошла в 1887 г. до 50 коп. зол. за пуд, но тогда продавалась с убытком (часть заводов закрылась). Едкий натр (каустическая сода) стоила в 1863 г. 2 руб. 50 коп. зол. за пуд, а в 1889 г. дошла до 77 коп. зол. за пуд, но и эта цена была убыточною; заводы продолжали закрываться, образовалось соглашение (синдикат), цены немного подняли, и борьба двух видов производства, т. е. части новых и части старых заводов, прекратилась. Произошло это от того, что заводы, производящие соду по способу Леблана, приняли радикальные меры для уничтожения трех вышеупомянутых недостатков применяемого у них способа[1] и, сверх того, стали производить не соду углекислую, а соду едкую (едкий натр), которая теперь и пошла прямо в большинство потребностей (особенно в мыловарении, для очистки керосина и т. п.). Этого последнего не могли сделать заводы, производящие соду по аммиачному способу. Кроме того, лебланóвские заводы стали выпускать массы белильной извести и на нее сильно спустили цены, чрез что потребление ее расширилось. В эту эпоху борьбы английских химических заводчиков множество содовых заводов других стран Западной Европы обанкротилось от сильного падения цен. Ныне можно считать острый период протекшим и борьбу кончившуюся тем, что впредь будут рядом существовать заводы того и другого типа. Лебланóвские потому останутся, что они дают едкий натр и белильную известь и могут не терять (возобновлять, регенерировать) как ту серу, которая идет для производства серной кислоты, так и ту перекись марганца, которая применяется для приготовления (хлора, надобного для получения) белильной (хлорной) извести. Словом, производство соды по лебланóвскому способу существенно улучшилось за последнее время и отстояло свое дальнейшее существование. Но и сода, приготовляемая по аммиачному способу, нашла себе хороший рынок, потому что она много чище, не содержит свободной щелочи и годится без дальнейшего очищения (кристаллизации) для многих, особен-

---

[1] Особенно важны при этом: установка способов регенерации серы из содовых остатков, улучшение приемов для получения прямо в печах едкого натра, который, после надлежащего сгущения раствора, вливается в железные боченки и застывает, и усовершенствование в добыче белильной извести, прочной и богатой деятельным хлором.

но мануфактурных (отбелочных) операций, для которых лебланóвская сода должна особо очищаться.

Вот в такую-то эпоху чрезвычайной, даже убыточной, дешевизны и борьбы неустановившихся представлений о дальнейшей судьбе содового дела, в России с 1881 г., когда снят был всякий акциз на соль, долго препятствовавший установке у нас этого дела, явились внутренние экономические условия возможности развития содового производства. Но не было внешних, потому что цены год от года сильно падали, а таможенные пошлины были малы и не защищали от внешней конкуренции, потому что годовые падения заграничных цен часто прéвосходили таможенный оклад. Пошлина была с пуда:

	1868 г.	1877 г.	1882 г.	1886 г.	1891 г.
	коп. кред.	коп. зол.	коп. зол.	коп. зол.	коп. зол.
Сода прокаленная углекислая . . .	20	20	30	40	55
» едкая	30	30	30	60	90
Белильная известь	40	40	44	44	70

Всякому новому делу не только производимый товар обходится дороже, по недостатку опыта у руководителей и рабочих, но и потому, что необходимо оплачивать, кроме текущих расходов, основной капитал обзаводства. Нельзя требовать, чтобы стоимость производства в начинающем русском заводе была такою же, как у старых, развившихся в условиях соперничества, еще и потому, что у нас все металлическое, надобное в заводском обиходе, дорого, капитал должен платить бóльшие проценты, чем за границею, и наши расстояния удорожают всякий товар провозными платами. Если бы существовала еще некоторая прочность цен, то при окладе в 40 коп. зол. с пуда соды могло осуществиться производство по аммиачному способу, но нельзя было надеяться на прочную установку производства соды, едкого натра и белильной извести на заводах лебланóвского типа, потому что в последние годы (от 70-х до 80-х) цены упали более чем на 40 коп. зол. с пуда, и нельзя же было требовать, чтоб долженствующие у нас развиться заводы сразу стали лучше и дешевле велись, чем английские или германские

з 70-х годах. Поэтому и видим, что в 80-х годах не устроилось лебланoвских заводов, а установилось (Любимовым и Сольвеем) производство соды по аммиачному способу. А между тем ввоз именно белильной извести и едкого натра (стр. 760) громаден и доходит до 3 млн руб. в год. Очевидно, что при пересмотре тарифа, ввиду вышеобъясненного коренного значения содового производства, следовало возвышением окладов на ввозимые продукты этих заводов дать время основаться заводам, готовящим по лебланoвскому шаблону едкий натр и белильную известь. Оттого на них оклады подняты сравнительно в бо́льшей мере (с 40 и 44 коп. зол. до 90 и 70 коп. зол. с пуда), чем для самой соды (с 40 коп. зол. до 55 коп. зол.). Я такого мнения в этом отношении, что полагал бы необходимым, если эти оклады окажутся недостаточными для быстрого развития содовых дел в России, идти *со временем* еще на бо́льшие оклады, потому что так или иначе необходимо установить эти корни химической промышленности. Но и современные оклады таковы, что возможность установки содового дела — для крупных капиталов — имеется и ныне, если Донец и Пермские края будут местами их устройства, так как там сошлись все условия, благоприятствующие выгодному ходу дел, и уж слышно (стр. 762), выноска), что дела этого рода оживляются.

Как в указанном примере, так по каждому товару обсуждались при пересмотре тарифа все обстоятельства дела, и в результате получилось или уменьшение прежнего оклада, или его сохранение, или его увеличение. Не входя во множество сложных и к этой книге не идущих технических подробностей, я считаю невозможным или излишним пройти каждый отдельный из товаров, содержащихся в статьях 89—137. Это потребовало бы целого тома изложения. Ограничусь некоторыми общими указаниями и примерами, а подробнее остановлюсь лишь на пошлине с серы, потому что назначение ее (прежде она проходила бе́спошлинно) очень важно в принципиальном отношении.

Сбавка окладов произведена, при узаконении тарифа 1891 г., во внимание к двум соображениям. Если данный товар (например наждак, стр. 509) служит сырьем установившемуся или могущему установиться важному производству и в России не только нет ныне, но и не предвидится в ближайшее время его добычи (например сырье не найдено в природе), то сбавка тарифа может быть считаема покровительственною мерою, если тариф стеснял развитие производства. Так сбавлен оклад по ст. 97-й на стронцианит и другие

минералы, содержащие стронций. Прежде стронцианит проходил с пошлиною в 1 руб. 20 коп. зол. с пуда, а целестин — с пошлиною в 7 коп. с пуда, и притом оба не были упомянуты в прежнем тарифе (переработки их не существовало тогда), а оклады они несли по «применению», т. е. по духу прежнего закона. Эти вещества составляют сырой материал для едкого стронциана, нашедшего себе важное применение на сахарных заводах, особенно для отделения из свекловичной (черной) патоки кристаллического сахара. Едкий стронциан ныне по ст. 102 уплатит 1 р. 20 к. зол., как он платил и доныне. Сбавка же оклада с сырья (4 коп.), в России не добываемого и не открытого, даст возможность основаться переделке его в едкий стронциан. Очевидно, что можно было, в интересах сахарного дела, достичь того же результата, сбавив оклад с едкого стронциана, но принятая система лучше, потому что она не только может пойти в пользу сахарных заводчиков, но и в пользу химических, которые получат указанным путем хотя некрупное, но обеспеченное новое дело. По соображениям того же рода с тяжелого шпата (барита) немолотого оклад с 7 коп. зол. (как и с магнезита) сбавлен до 4 коп. зол., хотя барит и давно найден в России, например на Алтае, в Киргизской степи и др., но в странах далеких, и добыча его для торговли еще не начиналась. Зато для молотого барита пошлина даже поднята с 55 коп. до 60 коп. зол., чтобы дать даже мелкому производству размола свои таможенные выгоды.

Другой случай сбавки окладов представляет несообразность существовавших окладов с ценою товара, если он не производится в России, а ее промышленности требуется или приносит видимую пользу. Так, например, дубильные экстракты (стр. 236) в сухом виде платили доныне 2 руб. 50 коп. зол. с пуда, а будут платить (ст. 124, п. 3) 30 коп. зол. с пуда, потому что и при этом окладе может установиться не существующее еще доныне их внутреннее производство, а потребность в подобных экстрактах для кожевенных заводов явно ощутима.

Для многих товаров между рассматриваемыми в этой главе оклады 1891 г. или равняются бывшим в 1889 г., или столь ничтожно повышены (менее чем было в период 20%-й надбавки конца 1890 г.), что это не может влиять на их обращение. Не считаю надобным особо останавливаться на этом разряде товаров, тем более, что еще большее количество химических товаров получило в 1891 г. возвышение окладов.

В третьей категории находятся товары, подобные соде, едкому натру, белильной извести, уксусному порошку

(стр. 735), винному камню, кокосовому и пальмовому маслу (стр. 487), для которых, по соображениям, приведенным выше, оклад повышен; но в указанных примерах должно видеть случаи наиболее важных повышений, а потому затем следует упомянуть только немногие из случаев, ранее сего не рассмотренных. По ст. 90-й (естественные соли всякие, кроме особо поименованных, рассолы и т. п.) оклад поднят с 6 коп. зол. до 10 коп. зол. ввиду того, что по этой статье будут проходить смеси, содержащие или поваренную соль (а соль несет оклад в 20 коп. зол. с пуда), или соли минеральных источников, а последние дороги, и желательно, чтобы взамен иностранных начали идти соли русских минеральных источников (стр. 385). По ст. 93-й оклад для сырой природной буры понижен с 11 до 8 коп. зол., а для очищенной повышен от 11 коп. до 1 руб. 25 коп. зол., чтобы дать возможность установиться внутреннему производству этой необходимой в технике соли, хотя бы из привозного сырья. По той же причине по ст. 96-й сернокислый барит искусственный, производимый химическими заводами, будет нести оклад в 1 руб. зол. вместо 55 коп. зол. По ст. 100-й красное синь-кали, платившее столько же, сколько и желтое, по 2 руб. 65 коп. зол. с пуда, будет платить 4 руб. зол. с пуда, потому что гораздо дороже желтого и из него приготовляется. По ст. 101-й пошлина на квасцы повышена на 5 коп. с пуда, чтобы содействовать прекращению еще продолжающегося ввоза иностранных квасцов. Притом боксит (стр. 504), служащий для производства серноглиноземной соли, прежде не платил оклада, а ныне понесет оклад в 2 коп. зол. с пуда. По ст. 102-й пошлина для калиевой селитры повышена с 50 до 65 коп. особенно потому, что для хлористого калия, доныне пошлины не платившего, назначена, ст. 104-й пошлина в 15 коп. зол. с пуда. Эта же последняя назначена потому, что хлористый калий заменяется поташом, производимым Россией в изобилии (и вывозимым, стр. 756) и ныне находящим малый сбыт именно вследствие соперничества стассфуртского хлористого калия. Но при этом следует заметить, что сырые, природные стассфуртские соли и впредь, как было до сих пор, пройдут (ст. 89) беспошлинно, так что получение из них хлористого калия может составить предмет русского производства. По ст. 105-й кроме возвышения пошлины на рассмотренные выше товары (соду, едкий натр и проч.), возвышен оклад на очищенные едкий натр и едкое кали, с 60 коп. зол. до 4 руб. зол., не только ввиду высокой ценности этих продуктов, применяемых лишь в лабораториях, но и потому, что

для очищения их применяется спирт, платящий высокий акцизный налог. По той же статье для сернонатровой соли (глауберова соль, сульфат) оклад поднят с 15 коп. зол. до 20 коп. зол. с пуда, чтобы содействовать распространению, взамен иностранного товара, русского, в изобилии находимого на Кавказе в естественном виде. По ст. 108-й сохранен оклад для серной кислоты, но для ангидрида и дымящей кислоты он поднят с 60 коп. до 1 руб. ввиду высокой ценности этого товара и необходимости установить его производство в России. Для виннокаменной кислоты пошлина поднята с 4 до 5 руб., особенно ввиду поднятия оклада на винный камень (ст. 95). Для таннина, бензойной, хромовой и тому подобных кислот пошлина поднята с 4 до 6 руб. ввиду дороговизны этих веществ и укрепления существующего уже начала их производства в России. Ляпис, или азотносеребряная соль и ему подобные дорогие препараты 110-й статьи платили 2 руб. 40 коп. зол., а ныне заплатят 8 руб. зол. с пуда, потому что и этот оклад составляет лишь малую долю их стоимости, и желательно, чтобы производство подобных препаратов укреплялось в России. То же можно сказать про антрахинон (ст. 111), плативший 2 руб. 40 коп., а ныне долженствующий платить 4 руб. зол., как препарат промежуточный между антраценом (ст. 81) и ализарином (ст. 135). По ст. 115-й для эфира, коллодиума и разных эссенций, как веществ, содержащих спирт или из него приготовляемых, пошлина от 6 руб. поднята до 10 руб. зол. с пуда по сообразности с окладом на спирт (ст. 27). Для глицерина неочищенного (ст. 117, п. 5) возвышен оклад с 65 коп. зол. до 1 руб. зол. не только потому, что пошлина с глицерина была ранее одинаковая с окладом на кокосовое и пальмовое масло, а он доведен до 1 руб. зол., но и потому, что добыча глицерина в России возросла до начала вывоза и пошлина на сало (ст. 21, п. 1) поднята. По ст. 125-й пошлина возвышена на самородные красильные глины с 6 до 10 коп. и для отмученного мела с 6 на 15 коп. зол. ввиду соображений того же рода, как и для глин всяких некрасильных (стр. 502), и, кроме того, получение названных товаров уже началось и заслуживает поддержки, как вид промышленности, могущий развиваться, исходя из местных материалов. Такого же рода соображения относятся к товарам статей: 130 (берлинская лазурь, ультрамарин), 131 (белила), 132 (сурик), 133 (медные краски), 135 (краски каменноугольного дегтя) и 137 (краски хромовые, чернила и т. п.), но я избегаю остановки над этими статьями, потому что, развивая причины, побуждающие к возвышению окладов

на эти краски, легко впасть в сложные технические подробности.[1]

Многочисленные увеличения пошлин на химические товары, при всей своей незначительности по размерам, должны в свей совокупности дать толчок развитию химических заводов, предоставляя им явные, скородостигаемые выгоды. А при таком условии совершенно целесообразно воспользоваться случаем для возбуждения тех видов добывающей промышленности, которые основываются ради целей химических предприятий, потому что, с одной стороны, заводы возбуждают добычу сырья, а с другой, — добыча сырья вызывает всякие заводы, переделывающие это сырье. Так надо взглянуть, например, на пошлину с уксусного порошка, с красильных глин и т. п. Этот же смысл имеет и назначение, по тарифу 1891 г. (ст. 91), пошлины на серу, впускавшуюся поныне беспошлинно. Так как сера сама по себе имеет малое практическое применение, а идет на заводы, например химические, пороховые, спичечные и т. п., то на нее смотрели, как на сырье, ввозившееся из-за границы, и считали непоследовательным облагать серу, если желательно иметь заводы, ее потребляющие. Такое воззрение изменено тарифом 1891 г., пошлина на серу назначена (2 коп. зол. с пуда, а в Черном море 5 коп. зол.), и хотя она невелика, хотя назначенные оклады мало помогут установке добычи русской серы, но здесь очень важен самый принцип обложения. По этой причине я перепечатываю свое представление, касающееся оклада на серу и колчедан, опуская только те места его, в которых говорится о размерах обложения. Последнее не столь важно, как установление самого начала обложения. Различие окладов на серу, ввозимую в порты Черного и Азовского морей (5 коп. зол. с пуда), от пошлины на серу, ввозимую по другим границам (2 коп.), берет свое начало, как далее станет ясным, от того, что русские месторождения серы ближе к Черному морю (и к Баку, ради которого и входит сера по черноморской границе), чем к остальным, западным границам России, так что увеличенный оклад предполагает предоставить сперва бакинский район потребления начинателям добычи русской серы. Это уже второстепенная частность.

---

[1] Здесь, между химическими товарами, следует упомянуть о порохе и других взрывчатых веществах. Они относятся к числу запрещенных товаров (роспись Б., стр. XLIX предисловия, ст. 220), но с 1889 г. позволено их ввозить, по особому каждый раз разрешению министра финансов. Оклады, на них установленные, как достаточно охранительные, сохранены в прежнем размере.

Важнее же всего, во-первых, принципиальное решение вопроса о налоге на серу и, во-вторых, отношение налога на нее к налогу на привозный колчедан. Этим двум сторонам вопроса и посвящается прилагаемая статья, составляющая пример того рода соображений, который имелся в виду при пересмотре тарифа 1891 г. Если бы по каждому из вышеуказанных видов химических продуктов войти в такие же общие экономические подробности (хотя бы не касаться технических частностей), какие приходится указать при обсуждении налога на серу, то пришлось бы написать много томов. Поэтому прилагаемая статья должна быть рассматриваема, как личное мое мнение о рассматриваемых вопросах и как одна из многих записок, составленных и предъявленных при пересмотре тарифа 1891 г.

О таможенной пошлине на серу и на серный колчедан

Основанием развития главнейших отраслей химических производств служит, бесспорно, серная кислота, и даже степень процветания химической промышленности определяется совершенством производства, мерою потребления и дешевизною серной кислоты.

Серная же кислота производится поныне при посредстве сожигания или самой серы, или серного колчедана и дальнейшего окисления происходящего сернистого газа в прикосновении с воздухом, водяными парами и парами азотной кислоты. Получение серной кислоты из серы проще, чем получение из колчеданов, даже дешевле, если не обращать внимания на цену самой серы. Тем не менее уже лет 20 тому назад повсюду оставлен прежний способ получения и применяется колчеданный. Причиною служит прежде всего большее распространение залежей серного колчедана, чем серы, и вследствие сего большая дешевизна получаемой серной кислоты, если ее добывают из колчеданов. Так, если около Лондона тонна серы, привозимой из Сицилии, стоит около 6 ф. с., то тонна колчедана, привозимого из Норвегии или из Испании и содержащего от 45 до 50% серы (но мало меди), ценится около 1 ф. с., так что тонна серы, входящей в серную кислоту, обходится в первом случае почти втрое дороже, чем при пользовании колчеданами. Западная Европа, Северная Америка и Россия пользуются серою, получаемою в Сицилии, а итальянское правительство облагает вывозимую серу налогом (около 4 коп. зол. с пуда), торговля ею находится в немногих руках, а потому, пока не родилось соперничество колчедана, цена серы значительно удорожала цену серной кислоты. Колчеданы же найдены почти во всех странах света. Однако испанские и скандинавские колчеданы пользуются наибольшим распространением, потому что содержат от 1 до 5% меди, легко из них извлекаемой после того, как они послужили уже для добывания сер-

ной кислоты. Сверх этих причин, потребление колчеданов для добычи серной кислоты определяется тем, что после обжигания на серную кислоту колчеданы оставляют около 70% железной окалины (с содержанием 60% железа), ныне всюду прямо поступающей в переплавку на чугун. Чрез это еще более удешевляется пользование серою в виде колчеданов. А так как за последнее десятилетие значительно усовершенствованы и распространились особые вашгерды, или промывные снаряды для очищения от колчеданов каменных углей, то предложение колчеданов для добычи серной кислоты идет с разных концов и служит, с одной стороны, к удешевлению серной кислоты, а с другой — для добычи меди и железа и для очистки каменных углей от вредной для них подмеси колчеданов. Для уяснения современного технического положения вопроса о колчеданах сверх того необходимо обратить внимание на то, что для полной утилизации серы, содержащейся в колчеданах, полезно иметь их в мелко раздробленном виде, в котором выжигание совершается с надлежащею степенью совершенства. За последнее время механические приемы для измельчения столь твердых пород, как колчеданы, усовершенствованы до такой степени, что дробление обходится очень дешево даже для твердейших пород. Все это послужило к окончательному укреплению широкого применения колчеданов в химической и металлургической промышленностях.

Таково во всем мире, кроме большинства химических заводов России, положение вопроса о пользовании серою и колчеданами для химической промышленности.

Исторически дело сложилось у нас следующим образом. Русская заводско-химическая промышленность началась у нас не вследствие постепенного и естественного роста всей производительности страны, а лишь из потребности в химических продуктах для некоторых отраслей товаров, которые стали развиваться в ответ на правительственные мероприятия. Таковы особенно мануфактуры. Им необходимы, например, протравы и краски, а для их получения необходимо было начать устройство химических заводов. Оттого-то наши химические заводы устроены преимущественно около мануфактур Москвы и Владимира, в Казани для обработки сала на стеарин, в Баку для переработки нефти на керосин. Возить далеко серную кислоту очень неудобно и дорого, вследствие того, что это есть жидкость весьма едких свойств. Заводы для ее получения строили недалеко от тех заводов, которые в ней нуждались. Это естественное и разумное положение вещей заставило заводчиков стремиться к получению серной кислоты наиболее простыми и подходящими способами. А добыча ее из серы в середине сего столетия, когда стали развиваться наши химические заводы, была вполне выработана и всюду распространена. Поэтому от Петербурга до Казани и Баку и поныне добыча серной кислоты ведется у нас при помощи сицилийской серы. А когда в Западной Европе всюду обратились к колчеданам, чрез что

везде цена серной кислоты упала, у нас с 1857 г. серу стали впускать беспошлинно, с колчеданов же (до 1887 г.) брали пошлину, и нашлись лишь немногие лица, догадавшиеся, что можно воспользоваться русскими залежами колчеданов. Таковы, например, Ушков в Елабуге на Каме, пользующийся уральскими медистыми колчеданами; Гилль, применивший колчеданы тульских каменных углей; Кованько, воспользовавшийся боровицкими (мстинскими) колчеданами, послужившими в Крымскую войну для добычи серы на порох, когда ввоз иностранной серы оказался невозможным. Большинство же остальных наших химических заводов и поныне получает серную кислоту из иностранной серы или в редких случаях (в Польском крае и один завод в Петербурге), когда заводы лежат близ границ, некоторые заводы пользуются иностранными колчеданами, впускавшимися с 1886 г. беспошлинно, как и сера.

При пересмотре таможенного тарифа подлежит внимательнейшему обсуждению вопрос об указанных товарах, потому что они оба составляют, во-первых, предмет горнозаводской добывающей промышленности, а во-вторых, исходное сырье для множества продуктов, между коими серная кислота занимает первое место; должно заметить, однако, что сера сама по себе идет в каучук, порох, спички и много других товаров, а колчедан дает, кроме серы и серной кислоты, прямо медь, железо, даже золото (особенно мышьяковистые сорты колчеданов) и, косвенно — очищенный каменный уголь. Следовательно, тут ключ многого другого, кроме одной серной кислоты.

Но дабы не усложнять соображений, я считаю возможным ограничиться одною серною кислотою.

Спрашивается: во-первых, следует ли облагать серу и колчедан таможенными окладами, а во-вторых, если следует облагать, то каково должно быть отношение окладов на оба названные вещества?

Прежде всего должно видеть, что сера и колчедан, служа исходным сырьем для химических заводов, в то же время составляют готовые продукты добывающей промышленности — горной, образующей, вместе с земледелием и морскими промыслами, основу благоденствия и богатства стран. Можно и даже должно было вызывать переделывающие промышленности, подобные мануфактурным, потребляющим хлопок, или сталеделательным заводам, перерабатывающим чугун, можно и даже должно было сделать сие в известное время, когда это требовалось, даже при пользовании иностранным сырьем, во-первых, для того, чтобы дать определенную и надобную для страны работу капитала и труда внутри самой страны, а во-вторых, когда нельзя было надеяться на быстрое внутреннее развитие всех частей производства, начиная с сырья. Но когда переделывающая промышленность более или менее установилась [1] и *когда сырье,*

[1] Такая установка может совершаться в России в ответ на меры правительства с поразительною быстротою, как видим на примере сталеделательных, чугунолитейных, нефтяных и многих других заводов.

для переделки необходимое, *может быть добываемо внутри страны,* тогда следует, в заботах о правильном развитии промышленности, прежде всего иметь в виду основную или добывающую промышленность, то есть земледельческую, горную и мореходную промышленности, ибо они составляют ключ к накоплению благосостояния, доставляя заработок не только крупному капиталу и чрез них немногим рабочим фабрик и заводов (как это происходит на переделывающих заводах, откуда бы они ни брали свое сырье), но гораздо более широкому кругу земледельцев и рабочих, занятых добывающими промыслами, черпающими прямо из недр природы предметы полезности или товары. Всякая переделывающая промышленность, берущая иностранное сырье, в своем развитии в каждый момент может претерпеть невзгоды и даже разрушиться от внешних причин, например от войны, от стачки иностранных рабочих, от обложения, установленного иностранными государствами, сырья высокою вывозною пошлиною и т. п. Развитие же внутри страны добывающих видов промышленности не только устраняет указанные неудобства, не только даст новые заработки народу, не только доставляет новые грузы внутренним путям сообщения, но в то же время: 1) увеличивает общее мировое достояние людей, потому что втуне лежащее природное добро входит в человеческий обиход; 2) содействует увеличению предложения, а потому, в конце концов, ведет к понижению цены предлагаемых товаров, и 3) приучает народ к отысканию среди природных условий новых видов и предметов, надобных людям, кроме хлеба и крова.

Естественным путем все сие совершается, но всюду идет очень медленно. Россия же быстро введена государственными мероприятиями в то состояние, при коем развились многие переделывающие отрасли промышленности, но в то же время не в пример слабее успели развиться иные, кроме земледелия, виды добывающей промышленности, особенно же горная.

При пересмотре таможенного тарифа необходимо принять сие во внимание, особенно в отношении к товарам коренным и таким, добыча которых путем горной разработки уже началась в России, но не имеет возможности развиться до надлежащих размеров под влиянием беспошлинного входа иностранного сырья, по таможенному тарифу 1868 г., назначавшемуся преимущественно для покровительства переделывающих видов промышленности. Химические же заводы сюда и относятся, так как их цель состоит в превращении добытого из природы в новые виды товаров, потребных или в жизненном обиходе, или для иных заводов и фабрик. При исключительном покровительстве таким переделывающим заводам предполагается, что они, развиваясь, вызовут сами добычу русского сырья, так как свое сырье достается дешевле. Но такое соображение, хотя иногда и оправдывается, редко оказывается прозорливым в стране, привыкшей следовать за указаниями правительства. Оно указывало таможенными мерами на ввоз сырья и развитие его переделки, —

такому указанию и последовали: занялись переделкою, а о добыче сырья почти забыли думать.

В таком именно положении находилась Россия в отношении к сере и колчеданам,[1] когда они впускались беспошлинно как сырье, потребное химическим заводам. Не обращая вовсе внимания на возможность самой России не только пользоваться своею серою и своим колчеданом, но и отправлять их, при дальнейшем развитии добывающей и переделывающей промышленности, в чужие края, как это случилось с русскою нефтью, добыча и переделка которой без наложения пошлин на керосин и самую

[1] Уже ныне выгодно было бы заменять сицилийскую серу русскими колчеданами, привозимыми издалека, например с Урала или из Донецкой области. Цена пуда сицилийской серы в Петербурге за последние года изменялась от 65 коп. (в 1890 г. в течение нескольких дней, при благоприятнейшем курсе) до 1 руб. 5 коп., а среднюю цену при курсе 150 коп. должно принять в Петербурге равною 90 коп. кред. Считая провоз по $^1/_{50}$ коп. с пудо-версты, получим внутри России на расстоянии x верст от Петербурга цену пуда серы $90 + x^1/_{50}$ коп. За 10 коп. на Урале, в Донецком крае и вообще на рудниках легко иметь колчеданы и в настоящее время. Если содержание серы принять только в 40%, получим пуд серы на руднике в виде колчедана за 25 коп. и вывозить следует $2^1/_2$ пуда взамен 1 пуда серы. Если провозную плату опять принять равной $^1/_{50}$ коп. с пуда колчедана, то пуд серы провозом колчедана обойдется в $^1/_{20}$ коп. за версту, а потому на расстоянии y верст от рудника цена пуда серы в виде колчедана будет равна $25 + y^1/_{20}$. Так, например, если завод лежит за 1000 верст как от Петербурга, так и от русского месторождения колчедана, то пуд сицилийской серы будет стоить ему 1 руб. 10 коп., а пуд серы в виде русских колчеданов только 75 коп. Расчет замены, следовательно, существует уже и ныне, но им пользуются только немногие наши заводчики именно потому, что не существует правительственного указания. Достаточно упомянуть о том, что один заводчик, которому я указывал вышеприведенный расчет, заметил мне, что он до тех пор не станет приноравливать своего завода к работе на русских колчеданах, пока не уяснится вопрос о колчеданах в правительственных сферах, и прибавил, что вопрос о налоге на колчеданы русского происхождения (подразумевается горная подать, с медистых колчеданов собираемая) играет при этом главную роль, иностранная же сера и даже иностранный колчедан, известно всем, свободны от всякого налога. Обложение этих иностранных товаров будет первым толчком для разработки и применения русских месторождений, а если бы при сем было объявлено, что сера и колчеданы, добываемые и переделываемые в России, освобождаются, как нефть, от всякого вида горной подати, то можно быть уверенным, что чрез небольшое число лет почти ни один центральный русский химический завод не будет получать серной кислоты из чего-либо другого, кроме русских колчеданов. Ничтожный доход от горной подати с меди, извлекаемый из медистых колчеданов, столь же полезно и важно отменить, как когда-то было важно упразднить откуп на нефть. Придет время, какое наступило для нефти, что продукты добычи дадут не только народу доход, не только послужат к коренному понижению цен, но при особой надобности могут служить даже предметом особого акцизного обложения. Мне кажется, что ныне пришло такое время по отношению к сере и колчеданам, какое было в 60-х годах по отношению к нефти.

нефть, конечно, никогда бы не развилась до того положения, в котором теперь находится, несмотря на все естественное свое богатство в сем отношении. Но Россия так же богата серою и колчеданами, как нефтью, только поныне это мало известно и требует объяснения, к которому я и перейду. Начну с самородной серы, как продукта в природе столь же редкого, как нефть, и могущего, при надлежащих мероприятиях, служить предметом или непосредственной внешней торговли, или исходом для производства общепотребных товаров.

Переходя к русским месторождениям серы, я ограничусь двумя: дагестанским и закаспийским, но вовсе пропущу не только места, подобные Камчатке, где найдена сера в изобилии, но даже и волжские месторождения, которые хотя давно известны, но вовсе не обследованы ни с практической, ни с геологической стороны. И хотя с этой последней мало разведаны также и дагестанская, равно и закаспийская залежи серы, но зато с практической стороны обе они настолько выяснены, что не подлежит сомнению их промышленное значение и необходимость принять его во внимание при установлении оклада на серу.

Дагестанское месторождение серы, в Кхиуте, на высоте около 5 тыс. футов, я посетил лично, вскоре после осмотра сицилийских разработок серы, а закаспийское месторождение серы, хотя лично мною не виденное, описано мне несколькими достоверными очевидцами и лицами, начавшими эксплуатацию.

Дагестанское месторождение серы открыто было и работалось для пороха еще черкесами при Шамиле. В конце 70-х годов это место арендовал князь Эристов и начал добычу и отправку серы в Петровск (верст 80 от Кхиута) для бакинских заводов серной кислоты. Затем аренда перешла к французской компании, но и новые владельцы, хотя довели добычу почти до 100 тыс. пудов в год, не имели ни достаточного капитала, ни настойчивости, чтобы успеть широко развить разработку. Как в Сицилии, в Дагестане сера встречается в больших гнездовых месторождениях, так что по выработке данного месторождения следует переходить к эксплуатации соседнего. В Дагестане известно несколько месторождений серы, но до сих пор разрабатывалось лишь одно кхиутское. Хотя все признаки указывают на другие места и гнезда серы в Дагестане, столь же богатые серою, как кхиутское, но ни точных разведок, ни надлежащего геологического сличения с сицилийскими месторождениями для дагестанских еще не существует. И нельзя иметь никакой уверенности в том, что эксплуатация серы здесь будет продолжаться, если все это дело оставится без внимания и если усилия первых начинателей не получат поддержки при помощи покровительственного тарифа. Ныне он особенно будет полезен в отношении к дагестанской сере, потому, во-первых, что железнодорожная ветвь, идущая на Петровск, облегчит цену доставки до моря и внутрь России, а во-вторых, потому, что покровительственная пошлина на серу и другие мероприятия правительства в отношении к до-

быче русской серы должны единовременно содействовать разработке закаспийской серы, что должно возродить внутреннее соперничество, необходимое для сбавки цены на покровительствуемый товар. Дагестанская сера, будучи ближе к Каспийскому морю и к Центральной России, может, на основании сих преимуществ, конкурировать с более богатыми месторождениями закаспийской серы, но здесь и там необходимо принять своевременные меры против захвата всех месторождений в одни или немногие руки. Для последней цели, по моему мнению, было бы полезно в Дагестане и Закаспийском крае произвести горные разведки, экспроприировать в казну те из месторождений, которые находятся в частном владении, и, разделив на участки, сдать в долгосрочное (или бессрочное) арендное пользование отдельные участки с торгов, как это было произведено по отношению к бакинским нефтяным месторождениям. Важное государственно-экономическое значение серы составляет первый и главный повод для подобного образа действия. Но есть и другая причина, побуждающая рекомендовать такой способ правительственного образа действий по отношению к серным месторождениям. Пока правительство явным своим участием не взойдет в известные промышленные отношения, до тех пор они не развиваются в России, потому что народ наш и наши практические деятели привыкли следовать за указаниями правительственных мероприятий, тем более, что только тогда вполне выясняются до конца многие из тех отношений, касающихся землевладения и данных промышленных предприятий, которые нередко удерживают, особенно же на Кавказе и в Закаспийском крае, многих предприимчивых людей от своевременных начинаний. Убежден, что русские дела с серою столь же быстро разовьются в Дагестане и Закаспийском крае, как нефтяные дела развились близ Баку, если правительство наложит пошлину на иностранную серу и само, взяв в свои руки месторождения серы, сдаст их в аренду (с торгов или как иначе) нескольким частным предпринимателям. Особенное же значение, по моему мнению, меры такого рода могут иметь в Закаспийском крае, где неисчерпаемые богатства серы, очевидно, превосходят все то, что известно в Сицилии или в какой-либо другой стране.

Среди Каракумских песков, лежащих на север от Кизил-Арвата и Асхабада (оба они на Закаспийской железной дороге), верстах в 200 от названных станций и во столько же от восточных берегов Каспия, расположено примечательнейшее и особо исключительное месторождение серы, ставшее известным тотчас по присоединении его к России. В конце 80-х годов его описал и отчасти разведал горный инженер Коншин, а в прошлом 1890 г. его начал эксплуатировать потомственный почетный гражданин Ахвердов. Сведения мои не ограничиваются теми, которые получены от сих лиц, но дополняются единогласными показаниями нескольких очевидцев и исследованием образцов, имеющихся в руках.[1]

[1] В этих образцах оказалось много гипса и содержание серы, превосходящее 50% руды. При должном устройстве путей сообщения столь

Все то, что узнал о названном месторождении, заставляет признать это новое богатство России чрезвычайно важным и достойным величайшего внимания со стороны как правительства, так и частных лиц, потому что найденное месторождение может не только обеспечить России всю потребную ей серу, но и служить, со временем, источником обширной внешней торговли. Сорок холмов оказались содержащими серу. Один из них (Дерваза-Кыр) прорезан с поверхности, при разведках инженера Коншина, на глубину 2 саж. и на вершине произведен разнос глубиною в 3 саж., причем извлечено 100 куб. саж. камня, содержащего около 50% серы, и расчет показывает, что в этом одном холме до 30 млн пудов серы. А холмов с серою в каракумском месторождении насчитывается ныне 40. При этом особо важно заметить, что серная руда лежит прямо с поверхности, так что может разрабатываться простыми разносами, что сопровождающие породы рыхлы, а это еще более облегчает выработку, и что во всех расследованных образцах содержание серы превосходит 50%, чего не бывает никогда в Сицилии, где высшее содержание ограничивается 25%. Кажущимся препятствием к пользованию столь богатым месторождением серы служит необитаемая пустынность местности и ее отдаленность. Но г. Ахвердов (в 1890 г.) уже произвел опыт доставки руды на верблюдах в Асхабад и показал, что такая доставка обходится оразу не выше 30 коп. с пуда. Выплавку же следует производить на месте, как это делается в Сицилии и в Кнуте. Доставка выплавленной серы в Нижний должна стоить ныне[1] не более 50 коп. с пуда, а именно: 1) от месторождения до Кизил-Арвата (расстояние то же, что и до Асхабада, но Кизил-Арват ближе к морю) — 30 коп., 2) от Кизил-Арвата до Узун-Ада (230 верст) по железной дороге — около 5 коп.; 3) от Узун-Ада до Астрахани — около 5 коп.; 4) от Астрахани до Нижнего Волгою — около 10 коп.

Сицилийская сера, следуя от Мессины или из другого порта Сицилии до Петербурга, заплатит пошлины и за провоз около 25 коп. с пуда, а отсюда, следуя до Нижнего, уплатит около (по $^1/_{50}$) 20 коп. Следовательно, при некотором улучшении средств сообщения доставка серы в центр России обойдется почти в одинаковую сумму как из Сицилии, так и из Каракумских песков. Следовательно, соперничество в России этих двух сортов серы будет возможно, так как на стороне закаспийской серы будет ее легкая добыча и большой ее выход, а на стороне сицилий-

---

богатую руду, особенно после механического обогащения, вероятно будет выгодно вывозить, не переплавляя, и прямо сожигать в камерах, производящих серную кислоту. Тот же способ можно рекомендовать владельцам серной залежи по Волге.

[1] Устройство подъездного пути, хотя бы конно-рельсового, при условии достаточности предпринимателей, может свести эту цену до 10, даже до 5 коп. с пуда, потому что сбыт, при дешевизне, может быть легко найден для многих миллионов пудов руды и самой серы.

ской серы — установившееся производство и избыток рабочих рук, которые еще должно привлечь к закаспийским залежам серы. Впереди видна прямая выгода от разработки этих залежей и возможность их соперничества, на первый раз в России, с сицилийскою серою. Но все начало дела требует внимательной поддержки и покровительственной пошлины. Для доказательства сего достаточно указать на то, что торговля сицилийскою серою находится в руках сильных английских и немецких фирм. Имея уже установившиеся (чрез агентов в русских портах) сношения и давая кредит крупным русским покупателям серы, эти посредники легко могут сбавкою цены, хотя бы временною, и продлением кредита отнять покупщиков от русских производителей серы, при равенстве цен. Конкуренция возможна с столь давно установившимися делами, каковы с сицилийскою серою, только при помощи неравенства цен. Поэтому, хотя закаспийская сера может быть и равною по цене с сицилианскою, но она не пойдет в ход, и предприятие весьма важного значения должно будет погибнуть при самом зарождении. А так как для начала дела в столь пустынном крае, каков Каракумский, потребуются усиленные особые расходы обзаводства, и легко предвидеть разнообразные задержки, то без некоторого стеснения ввоза и обращения иностранной серы нельзя надеяться на охотников, друг с другом соперничествующих в разработке найденного богатства. Отсюда ясно, что без покровительственного обложения иностранной серы нельзя надеяться на широкое развитие русских месторождений серы и что при умеренном окладе на иностранную серу русская будет, даже вначале, не выше в цене, чем беспошлинная иностранная. Но хотя бы оклад на иностранную серу и превзошел ту меру уступки, какую могут иностранцы сделать на своей сере, продавая ее в Россию, все же ценность русской серы не может в России подняться на всю меру таможенного обложения, потому что с развитием производства химических товаров в России должен возродиться спрос не столько на серу, сколько на колчедан, так как выгоднейшим сырьем для серной кислоты ныне должно считать уже не серу, а колчедан. Поэтому я обращусь к пошлине на серу лишь тогда, когда изложу сведения об известных русских месторождениях серного колчедана как материала для добычи серной кислоты.

Лет 30 или 40 сему назад серные или железные колчеданы (пириты) считались бременем горного дела, потому что не имели ни одного установившегося вида потребления. Их месторождений не только не искали, но прямо даже избегали, среди них разведок не делали и их залежи не записывали. У нас это длится и поныне, потому что спрос на колчеданы существует только в немногих местах Урала, да и то лишь на такие колчеданы, которые содержат медь и золото. А между тем Кавказ и Урал, север России и ее центр преизобилуют колчеданами. Не стану перечислять все то, что уже известно в этом отношении, например не буду выписывать из полезнейшей книги проф. Меллера (Полезные ископаемые

Кавказа 1889 и 1890 гг.) список известных (более 40) на Кавказе месторождений серного колчедана, а остановлюсь только на крупных месторождениях, близких к центральным местностям России.

Уральские колчеданы во всех отношениях должны быть поставлены на первый план, ибо их изобилие неисчерпаемо,[1] их переработка начата уже не только для получения меди (Богословские заводы), но и для добычи серной кислоты, и выгодность их отправки внутрь России — на волжскую систему — доказана развивающимся в Елабуге химическим производством, берущим из них свое начало. На Урале колчеданов такая масса, что можно выбирать из многих месторождений. Ушков вывозит свой медистый колчедан (3—5% меди, 45% серы) из Кушвы по реке Кушайве. В Сойменской долине у Кыштымских заводов масса серного колчедана, очень чистого (50% серы), но не медистого. Калатинское месторождение Верхнеисетских заводов также богато колчеданами, и они могут быть вывозимы по рекам; содержание меди в них доходило до 2%, а серы в среднем около 48%. На Богословских заводах ежегодно обжигают до 3 млн пудов колчеданов, чтобы воспользоваться 3—5% меди, в них содержащейся. Сплава отсюда нет, но громадность залежей неизмерима. Здесь на месте добычи начато получение серной кислоты, но дело извратилось тем, что серная кислота здесь стала случайным продуктом, а медь главным, тогда как по существу должно быть обратное. Вывезенный колчедан должен служить всеми своими частями: серою, медью и железом.[2]

Таким образом, восток России может соперничать своими колчеданами с Испанией и Скандинавией, взятыми вместе.

Север России, без всякого сомнения, также богат колчеданами. Так, например, г. Красильников, перерабатывающий олонецкие медные руды, отыскал в той же губернии залежи колчеданов, соседние с водною системою, идущею к Петербургу, и берется доставлять в него эти колчеданы, если спрос будет на сотни тысяч пудов в год, с тем что пуд серы в колчеданах будет обходиться в 50 коп. вместо 70—90 коп., которые стоит здесь пуд сицилийской серы. А так как в колчеданах около 50% серы, то за пуд колчедана приходится около 25 коп., то есть почти столько же, сколько стоят здесь иностранные беспошлинные колчеданы. Но разработка олонецких колчеданов не начинается и не начнется, по-

---

[1] Когда старого опытного штейгера в Сойменской долине спрашивали, как далеко простираются залежи там колчедана, судя по тем разведкам и шахтам, которые он сам видел, то он отвечал, что «тут колчеданы идут должно быть до самого ада — конца им нет».

[2] Если в колчеданах 50% серы, 40% железа и даже 4% меди, то, ценя пуд меди в 12 руб., железа в 1 руб. и серной кислоты в 50 коп., получим, что валовой доход от 100 пудов колчедана в виде серной кислоты будет 75 руб., от железа 40 руб. и от меди 48 руб. Цифры эти показывают, что все три составные части достойны полного внимания.

тому уже, что цена спрашивается такая же, как за иностранный товар. На последний легко дадут кредит, а на разработку и доставку олонецкого — особенно вначале — придется вложить не мало денег, из чего очевидно, что с развитием дела и соперничества цена упасть должна, без особых же тарифных мер и эти залежи останутся нетронутыми.

Берега Мсты, около Боровичей, содержат колчеданы. Их добывают из реки и применяют для добычи серной кислоты. Здесь же известны, но почти не эксплуатируются каменные угли (невысокого качества), содержащие обильные прослойки колчеданов. С наложением достаточно вызывающей пошлины на серу и колчеданы эта местность, вследствие ее близости к столицам, без сомнения, также станет вырабатывать свои колчеданы, хотя их количества здесь едва ли значительны.

В центре и на юге России колчеданы изобильны в виде прослоек и подмеси к каменным углям подмосковного (тульского, рязанского) и донецкого каменных углей. Спрос на колчедан должен поднять и само каменноугольное дело этих мест, а от его развития зависит весь предстоящий рост русской промышленности. Гилль (ныне Кнопп) в Ясеиках Тульской губернии уже применяет такой колчедан для добычи на месте серной кислоты. Англия и Бельгия, вымывая некоторые из своих каменных углей, изводят весь получающийся при этом колчедан на производство серной кислоты и на выплавку чугуна. Меди в каменноугольных колчеданах обыкновенно не содержится.

Следовательно, в России есть, и много есть, своей серы и своих колчеданов. Только добычи нет или она едва-едва начинается и развиться ей, очевидно, не было возможности, потому что при беспошлинном ввозе иностранной серы и колчеданов происходят два явления: во-первых, химические заводы жмутся к морю и вообще к западным границам, чтобы дешевле получать чужое сырье, не заботясь о добыче своего, а во-вторых, установившиеся привычки спрашивать иностранное сырье и получать его с кредитными льготами — привлекают к чужому, отвлекая от своего, которое надо еще только начинать добычею, что всегда сопряжено с особыми хлопотами и расходами. По этим причинам — без пошлинного оклада на иностранное сырье — свое развиваться не имеет возможности. Так ввозилась в Россию многомиллионная масса иностранной соли и своя добывалась только там, где сама садилась или где давно была заведена добыча (например в Солигаличе, в Славянске и т. п.), пока наложение пошлины не изменило дела к лучшему. Еще поучительнее пример керосина, который сперва не мог развиться без покровительственной защиты таможенным окладом, а теперь стал так дешев и в столь большой массе, что доставляет акцизный сбор по 9 млн руб. в год и вывозится за границу по 30 млн пудов. На то же можно надеяться и в отношении к сере если первые шаги добывателей будут защищены достаточно выгодным таможенным окладом.

Но если бы обращать внимание лишь на одну добычу серы и колчеданов, упуская из вида прочие интересы страны и особенно потребителей, то пришлось бы требовать или запрещения ввоза иностранных товаров, или столь высокого на них таможенного оклада, что он отозвался бы сильным возвышением цен не только облагаемых товаров, но и всех тех, которые от них происходят. Правильная же таможенная политика, по отношению к сырым товарам, *облагаемым исключительно с покровительственною целью*, должна состоять в том, чтобы: 1) внутренняя добыча облагаемого товара действительно получила возможность развиваться, но 2) в то же время не было бы стеснено производство товаров, от него происходящих, то есть, чтобы заводы, потребляющие облагаемое сырье, могли бы пользоваться выбором между сырьем отечественным и иностранным, и 3) чтобы цена производимых товаров, пользующихся облагаемым сырьем, не потерпела значительных изменений, сокращающих потребление. Из этих условий очевидно, что, приняв принцип обложения, дальнейший основной вопрос таможенной политики сводится на размер пошлин.

Не останавливаясь на размере пошлин на серу и колчеданы, считаю необходимым обратить внимание на одно существенное обстоятельство, долженствующее влиять на результаты таможенных мероприятий России по отношению к дешевому сырью, потребляемому другими производствами, колчеданы же, а также отчасти и сера, составляют именно пример товаров сего рода.[1] В глубь столь обширной страны, как Россия, такое иностранное сырье, подобное колчеданам, проникать не может, становится там дорогим, и потому для добычи подобного рода сырья расстояние от границ и провозная от них плата составляют естественное покровительство. Оттого мы и видим, что в Елабуге или в Туле химические заводы сами позаботились о добыче русских колчеданов. На первый раз кажется, что такой естественный порядок вещей вполне гарантирует их дальнейшее улучшение. Но на деле этого нет и быть не может, если заводское сырье впускается беспошлинно, а произведения заводов облагаются пошлиною, как это и необходимо ради того, чтобы обрабатывающая промышленная деятельность началась в стране. Если продукты, заводами производимые, обложены таможенною пошлиною, а сырье не обложено (что и видим здесь и во многих других товарах по тарифу 1868 г.), то получается чрезвычайная выгода у заводов, располагающихся около границ. Около них и группируются такие чисто «переделочные» заводы. Это явление замечается ныне в России. Внутренним заводам,

[1] Яснейший пример составляет каменный уголь как сырье, потребное заводам и фабрикам всякого рода. К нему, по незначительной ценности, подходят глины, мел и тому подобные товары. Хлопок-сырец, сталь, медь, машины, краски и т. п., имея более высокую пудовую цену, могут проникать внутрь страны гораздо глубже и не приводят к устройству пограничных переделочных заводов.

пользующимся отечественным сырьем, приходится при этом не только преодолевать затруднения, неизбежные с устройством новых видов добывающей промышленности, но и успешно соперничать с такими пограничными заводами, поставленными в условия, наиболее благоприятные во многих отношениях. Обыкновенно, однако, дело кончается тем, что истинного соперничества, цены понижающего, не является, а оба рода заводов разделяют по районам русских потребителей, причем на долю внутренних производителей остается лишь меньшая часть, потому что все экономические условия, тарифною системою (1868 г.) образуемые, благоприятствуют процветанию и умножению пограничных переделочных заводов. Ныне, когда по совокупности всех условий русской производительности следует при пересмотре тарифа повысить оклады на многие готовые химические товары, было бы весьма опасно впускать иностранное сырье беспошлинно, потому что все усиление русской производительности ограничилось бы ростом таких «пограничных» заводов, а они, по совершенно естественным условиям дела, обыкновенно ведутся иностранцами, берут иностранных техников, а с ними и рабочих, так что истинному развитию того благосостояния страны, которое отвечает полному развитию ее промышленной деятельности, вовсе не соответствуют; о русских природных условиях подобные заводы обыкновенно вовсе ничего не ведают и только стремятся, под защитою тарифной системы, подавить внутренно-русскую производительность, берущую корни в недрах русской земли и дающую заработок разнообразным слоям русского населения. Даже тогда, когда иностранный капиталист внутри страны, пользуясь ее сырьем, заводит предприятие, плоды его только в малой доле барышей уходят из России, заработок и достаток распространяется в русской среде, сопричастной с деятельностью такого завода в большей мере, чем при учреждении пограничных заводов, берущих иностранное сырье.

По указанным соображениям, применяя тарифные меры к развитию химической производительности России, необходимо в то же время те же таможенные меры применить к тому, чтобы с развитием химической производительности России развивалась переделка на химических заводах преимущественно русского основного сырья, добываемого горным и сельским промыслами. А потому для тех видов сырья, потребляемого на химических заводах, которые несомненно есть в России и уже начаты добычею (куда относятся сера и колчедан), для этих видов сырья необходима охранительная пошлина, прямо для укрепления русской химической производительности.

Из сего, однако, не следует, чтобы, покровительствуя добыче сырья, следовало забыть о заводах, переделывающих сырье — свое или иностранное, потому что промышленный рост страны, как рост организма, не может здраво совершаться без единовременного питания и роста всех составляющих органов, а химические заводы суть всюду весьма важные органы промышленного роста, потому что они доставляют в большинстве

случаев материалы не для непосредственного потребления народом, а для других заводов и фабрик. Таковы и серная кислота, и сода, и квасцы и большинство других товаров, производимых крупными химическими заводами.

Развитие химических заводов есть признак и средство для развития множества других видов промышленности.

Поэтому таможенная пошлина на серу и колчеданы имеет троякую цель: 1) возбудить развитие добычи в России этих важных видов ископаемых, чему начало уже положено, но что не может укрепиться ввиду беспошлинного ввоза иностранной серы и колчеданов; 2) уравновесить шансы внутреннего соревнования химических заводов пограничных, получающих уже готовое иностранное сырье, и тех внутренних заводов, которые применяют русское сырье, и 3) дать, по крайней мере в предстоящее время, возможность России иметь дешевые химические товары, потому что только при развитии добычи своего сырья и при уравновешенных шансах соревнования химических заводов разных районов и условий возможно достижение дешевизны производства в России химических товаров, а следовательно, и многих других, ими пользующихся как сырьем Пошлина на серу и колчеданы должна существовать как мера, деятельная во всех трех указанных отношениях.

Но, как упомянуто выше, конкретным и важнейшим вопросом таможенного законоположения должно, после решения вопроса о полезности наложения пошлин, служить определение их размера, к чему и следует теперь обратиться.

Очевидно, что чрезмерное, с многими другими обстоятельствами не уравновешенное, обложение серы и колчеданов, хотя должно родить быструю их добычу в России, — не может быть благоприятным для русской химической промышленности, потому что даст добывателям русской серы и колчеданов не заслуженные, чересчур крупные, почти монопольные барыши, а внутренним заводам, расположенным близ копей серы и колчеданов, совершенно такие же искусственные преимущества над пограничными заводами, коими сии последние ныне пользуются по отношению к первым. Притом быстрые и крупные перемены в таможенной политике и в распределении заводской деятельности не могут не быть тяжелыми для промышленного развития страны, а смена беспошлинного ввоза колчеданов и серы обложением их сразу значительным окладом должна бы быть причислена к числу резких перемен таможенной политики и должна бы повлечь за собою значительные изменения в распределении выгод химических заводов различных районов. Сверх того никакой размер таможенных окладов не может быстро совершить столь широкое развитие добычи в России своих серы и колчеданов, какое необходимо для удовлетворения всей существующей химической промышленности и той, которая должна возродиться от усиленного покровительства производству их в России, а потому при высоком обложении привозного сырья

должна произойти нежелательная задержка в развитии химической производительности страны.

Следовательно, обложение серы и колчеданов должно быть умеренным, принимая во внимание интересы химической промышленности наравне с интересами добывающей — горной промышленности. По этой причине я не могу считать пошлину в 20 коп. зол. с пуда серы, предложенную одним из добывателей русской серы, за такую, которая могла бы удовлетворить всей сумме имеющихся налицо данных. То же могу сказать о пошлине на серу в 15 коп. зол. с пуда, предложенной некоторыми лицами, рассматривавшими оклад на серу. Пошлина в размере 15 коп. зол. с пуда серы ляжет на пуд серной кислоты в 5 коп. зол., или в $7^1/_2$ коп. кред., потому что из пуда серы получается 3 пуда серной кислоты. И хотя серная кислота обложена окладом в 22 коп. зол. с пуда, но этот оклад не выбирается внутренними производителями серной кислоты, потому что некоторое внутреннее соперничество для столь простого товара, как серная кислота, уже существует[1] и заставляет спускать цены. Следовательно, обложение серы пошлиною в 15 коп. зол. могло бы поднять цену на серную кислоту примерно на 5 коп. кред. с пуда, что вовсе нежелательно ни в каком случае. Напротив того, желательным должно считать такое таможенное обложение, от которого ценность серной кислоты, если не тотчас, то быстро упала бы, так как серная кислота сама есть сырье, необходимое другим заводам и фабрикам, ее применяющим. Способ же, при помощи которого во всем мире цена серной кислоты сбавилась, состоял в замене серы серным колчеданом. Обложение серы пошлиною должно быть так разочтено, чтобы побуждать русских химических заводчиков наиболее скоро обратиться к этой замене, удешевляющей ценность производства серной кислоты. А потому исходною должно считать пошлину на колчедан, а не на серу, вследствие чего я подробнее рассматриваю именно отношение размера пошлины на колчедан и на серу.

Прежде всего очевидно, судя по содержанию серы в колчеданах (а именно от 40 до 50% серы), что пошлина на серу должна быть почти вдвое большею, чем на колчедан.

Для определения же размера пошлины на иностранные колчеданы, должно напомнить вышеуказанное коренное различие, какое во всемирной торговле и заводской практике имеют колчеданы с различным содержанием меди. По таможенному тарифу медные руды ограждены столь высокою пошлиною,[2] что ее должно считать запретительною. Поэтому, хотя

[1] Достаточно сказать, что в центральных русских губерниях существуют чисто крестьянские заводы, производящие серную кислоту. Существование же подобных заводов не только показывает спрос, но и дает ручательство в довольно значительной сбавке цен, как видим в мануфактурном, нефтяном и многих других делах.

[2] До 1 июля 1891 г. медные руды всякие должны были платить 2 руб. 50 коп. зол. пошлины с пуда. Такая пошлина равнялась полному

железный или серный колчедан пропускался беспошлинно, но лишь тогда, когда он не содержал меди и для ее добычи не служил. Здесь существо дела, долженствующее служить к решению задачи о таком налоге на колчедан, при котором было бы выгодным не только его добывать внутри России, но даже для пограничных заводчиков выписывать из-за границы.

Между колчеданами много таких, которые не содержат меди, но добыча и торговля такими колчеданами или избегается, если есть возможность получить медистые колчеданы, или производится лишь тогда, когда они получаются как побочный продукт, например при извлечении каменных углей (в Англии) и руд свинца и цинка (например в Бельгии), или тогда занимаются добычею их, когда местная химическая промышленность их спрашивает, как сырье для серной кислоты, например в Вестфалии и в департаментах Gard и Ardèche во Франции. В морской же транспортировке встречаются почти исключительно колчеданы медистые, каковы, например, испанские и португальские, вывозимые из Rio-Tinto, и скандинавские (фалунские и др.). Такие колчеданы стоит перевозить, потому что они не только содержат от 40 до 50% серы, но и окупаются извлекаемою из них медью. Ее содержание обыкновенно около 2%, но так как оно возрастает иногда до 5%, то ценность колчеданов определяют по содержанию меди. Запрещение ввоза медистых колчеданов в Россию весьма затрудняло наши пограничные химические заводы не только потому, что лишало их возможности извлекать выгоды от попутной добычи меди, но еще и потому, что не медистые колчеданы в крупной торговле редки и обыкновенно содержат подмеси, а потому беднее серою. Так, каменноугольные колчеданы обыкновенно, при всей тщательности промывки, содержат менее 40% серы, и часто пользуются такими, в которых лишь 30% серы. Далекой перевозки такие колчеданы, по своей рассыпчатости и по своей бедности серою, обыкновенно не заслуживают.

Основная мысль дальнейших соображений сводится к тому, чтобы допустить вход в Россию медистых колчеданов, обложив всякие из ввозимых колчеданов определенною пошлиною, при содержании до 2% меди, а при большем содержании меди взимать с каждого ее процента по $2^1/_2$ коп. зол. за пуд. Измерять или определять при ввозе в таможни процентное, содержание меди было бы чрезвычайно неудобным и могло бы повести к злоупотреблениям. Запрещать ввоз медистых колчеданов в Россию — значит лишать наших пограничных химических заводчиков, уже ныне многочисленных, возможности извлекать такие побочные выгоды из применения колчеданов, которые служат во всем мире средством для удешевления серной кислоты. Заставлять искать и ввозить только колчеданы, не содержащие меди, — значит удорожать серную кислоту в России, по-

---

их запрещению. Ныне, по ст. 138-й, они уплатят по $2^1/_2$ коп. с каждого процента меди, в них содержащейся.

тому что такие колчеданы обыкновенно содержат мало серы и, следовательно, провоз их обходится сравнительно дорого.[1] Найти меру обложения на колчеданы, исходя из высшего ее процентного содержания, а именно в 5%, было бы также мало основательным, потому что такие колчеданы редки и пошлина на колчеданы вышла бы сразу чрезмерною, а потому и неудовлетворительною. Избирая же среднее — 2%-е содержание меди в колчеданах, то есть предлагая их обложить определенною пошлиною, я полагаю, что можно достигнуть многих выгод и получить желательное соответствие различных обложений, принятых в нашем таможенном тарифе, не нарушая интересов ни химических заводчиков, ни русских добывателей колчедана.

1) Руды всякие, кроме местных, обложены пошлиною в 7 коп. зол. с пуда (ст. 133). Ныне всякий колчедан, даже не медистый, должен быть считаем рудою, потому что из остатка, получаемого после обжигания то есть после применения к добыче серной кислоты, получается всюду чугун, и это пользование колчеданами хотя еще не началось в России, — должно в ней служить к успеху промышленности, одна из лучших целей которой ныне состоит в том, чтобы найти соответственное применение отбросам всяких производств. Так как колчедан оставляет после обжигания около 70% железной руды, то, по существующей 7-копеечной пошлине на руды, следовало бы обложить — ради последовательности в тарифных ставках — колчедан пошлиною 70% от 7 коп. зол., или пошлиною около 5 коп. зол., а потому всякое низшее обложение будет уже льготою для возбуждения химических заводчиков к улучшению своего дела.

2) Очевидно, что при обложении колчеданов, как металлической руды, сера, в них содержащаяся, пройдет беспошлинно, подобно тому, как проходят беспошлинно укупорочные средства товаров, обложенных пошлиною. Товар обложенный — будет здесь железная руда, даже и в том случае, когда ввезется колчедан, не содержащий меди.

3) Если же сера в колчеданах пройдет — по существу дела и по соответствию с окладом на руды — беспошлинно, и если в то же время иностранная сера будет обложена пошлиною, то это будет служить явным побуждением для пограничных заводчиков к тому, чтобы они вместо серы применяли для добычи серной кислоты — колчеданы; иностранные ли, если они найдут выгодным приобретать их, уплачивая пошлину, или русские, если таковые можно будет получать по более сходным ценам, чем иностранные с пошлиною. А одним из могущественнейших средств для удешевления серной кислоты всюду служит добывание ее из колчеданов, на что укажет, при предлагаемом способе обложения, новый таможенный тариф, пересмотр которого должен служить способом улучшений всякого рода в русской промышленности.

[1] Колчеданы, не содержащие меди, всюду перерабатываются только на соседних, недалеких химических заводах. Чистых колчеданов без меди мало, а те, которых много, содержат подмеси угля, глины и т. п.

4) Русские заводчики, извлекающие из колчеданов, хотя бы русских, содержащуюся в них медь, оплачивают, помимо всяких иных расходов, горную подать с пуда получаемой меди. Очевидно, что и те химические заводчики, которые ввезут медистые колчеданы и станут их применять для добывания меди, должны платить с пуда извлеченной меди такую же горную подать, чтобы уравнялись тяготы, возлагаемые на производителей металлов в России. По этой причине, хотя за исход в нашем основном расчете взято содержание 2% меди в колчеданах, но избыточное содержание ее не избегают своего обложения, хотя все же медь даст пограничным заводчикам свой заработок.

5) Что касается интересов, вполне законных, русских металлургов, то в конкуренции иностранных медистых колчеданов не должно видеть какой-либо опасности. Если предположить, чего быть не может и не должно, что вместо 1 млн пудов серы, ныне ввозимой преимущественно для переделки на серную кислоту, ввезется 2 млн пудов серного колчедана, содержащего в среднем 2% меди (большего среднего содержания допустить нельзя — не найдется столько очень богатого медью, да он и дорог), то ему будет отвечать добыча менее 40 тыс. пудов меди (часть меди в производстве теряется), и эта медь уплатит свою пошлину, ограждающую русских производителей меди. Очевидно, что из-за одной добычи меди медистые колчеданы, богатые медью, ввозить не станут. Настоящие же медные колчеданы, легко отличимые по внешнему виду от железного (хотя бы и медистого колчедана), уплатят при входе в Россию свою охранительную пошлину, чему ручательством, кроме всего прочего, будет служить горная подать, учет которой покажет, какое содержание меди было в тех колчеданах, которые ввезены по статье о серных колчеданах. Для того же, чтобы здесь были окончательно ограждены интересы русских медных руд, достаточно сказать в применении к статье о колчеданах, что «железные колчеданы, содержащие более 2% меди, оплачиваются как медные». Тогда можно быть уверенным, что колчеданы, богатые медью, не провезутся из-за границы, потому что охранительная пошлина на медные руды очень значительна.

6) Интересы владельцев залежей русских колчеданов и лиц, занятых их добычею, особенно же интересы русских каменноугольных копей, очищающих свой уголь от колчедана, найдут в окладе на колчеданы не только охрану, но и прямое побуждение заняться разработкою этих залежей и очисткою углей от вредящей им колчеданной подмеси. Пошлина на серу побудит применить колчеданы, а пошлина на колчеданы побудит извлекать их отовсюду, где они находятся. А это последнее поведет непременно к тому, что цена на колчеданы, надобные русским химическим заводам в России, быстро упадет, потому что колчеданов в России многое множество, как нефти в Баку. Достаточно сказать, про одно то, что среднее содержание колчеданов *в каменноугольных копях* России, считая только донецкие, подмосковные и польские области, без всякого сомнения,

не менее 5%. Часть их отбирают от углей ручною отборкою, часть остается в углях, а большая часть углей, богатых колчеданами, проходится шахтами и остается неразработанною. При выгодах от колчеданов — их отберут дочиста от добываемого угля, что будет служить как к улучшению качества углей, так и к увеличению их добычи (и даже, вероятно, к удешевлению), а добывается уже ныне в России более 300 млн пудов каменных углей, что может дать по крайней мере 15 млн пудов колчеданов, то есть количество, далеко превосходящее возможный на ближайшее время спрос на колчеданы для русских химических заводов. Но и помимо каменноугольных, колчеданы найдутся в России, когда спрос на них явится, как указано выше при рассмотрении русских месторождений колчеданов.

Таким образом пошлина на колчеданы, при некоторой величине, соизмеримой с их ценностью, должна привести к добыче русских колчеданов и, вместе с пошлиною на серу, заставить русских химических заводчиков перейти к получению серной кислоты именно из колчеданов, а не из серы, как ныне, а это повлечет за собою удешевление серной кислоты. Если же колчеданы оставить без пошлины или наложить на них малый оклад, серу же обложить, то пограничные заводы получат, в беспошлинном ввозе колчеданов новый вид специального им покровительства, добыча русских колчеданов станет, как ныне, развиваться лишь очень слабо, а цена серной кислоты и продуктов, из нее получаемых, при таких условиях, в России и впредь останется высокою.

Но сверх сих соображений, есть еще одно, весьма большой важности, побуждающее ныне, пока Россия находится в периоде мирного развития, к тому, чтобы вызвать в ней, чрез таможенное обложение серы и серного колчедана, усиленную разработку ее богатств этими природными продуктами; это — случайности войны, хотя бы такой, в которой Россия не примет участия, и случайности рабочих беспорядков в Западной Европе.

Возможность этих случайностей необходимо предвидеть, обсуждая способы к развитию русской промышленности, которой необходима сера, серная кислота и другие химические продукты, исходящие от серной кислоты. Русская химическая промышленность, опираясь на иностранное сырье, будет от всякой такой случайности потрясена в корне, если без ввоза чужой серы она не будет иметь возможности обойтись. Особенно же при возможности войны самой России — важно принять во внимание коренные интересы отечественной химической промышленности ныне, когда всюду обычный порох, содержащий лишь около $^1/_{10}$ серы, заменяется бездымным порохом, производимым при посредстве серной кислоты. На пуд такого пороха требуется до 6 пудов серной кислоты, чему отвечает 2 пуда серы. Следовательно, заготовка пороха ныне будет спрашивать такую массу серы, что она превосходит во много раз современный спрос на сей предмет. Если не озаботиться своевременно о добыче серы и серного колчедана в самой России, то пороховое дело потребует громадных

переплат иностранцам за их серу и колчеданы, а во время войны может быть прямо гибельным. Оклад на серу и на колчедан должен, судя по всему предшествующему, служить не только возбудителем добычи и разработки уже известных русских залежей этих веществ, не только должен сохранить за нашею страною заработок, получаемый от России итальянским правительством (собирающим отпускную пошлину с серы), сицилианскими и испанскими рабочими и матросами Англии и Германии, везущими к нам иностранное сырье, но в то же время и средством укрепить и обеспечить русскую химическую промышленность и даже средством для усиления условий русской обороны на случай войны. Если для подобных целей строятся железные дороги и производятся огромнейшие расходы, то кольми паче для них не должно пренебрегать такими способами, которые не поведут к государственным расходам, а могут увеличить доходы в виде таможенных сборов, притом с тем, что народу русскому в конце концов достанутся продукты русских химических заводов дешевле, чем они могут достаться при помощи пользования иностранным сырьем.

Когда сера ввозилась беспошлинно (с 1857 г., до того она платила с 1841 г. 60 коп. серебр. пошлины), было последовательно впускать беспошлинно и колчеданы, еще рудою для получения железа почти нигде не служившие, как ныне; но когда созрело сознание в необходимости обложения того и другого из этих важных, сырых материалов, могущих получаться в России, и когда желательно, чтобы колчедан заменил серу на русских химических заводах, тогда необходимо обложить серу не менее как удвоенною пошлиною против колчедана, потому что в колчеданах, обращающихся в торговле, более 50% серы не заключается. Такое двойное обложение серы противу колчедана будет служить, во-первых, побуждением предпочитать выписку колчеданов сере, ибо колчеданы дают сверх серы еще медь и железо, а во-вторых, будут давать особую премию тем заводчикам, которые утилизируют колчеданы для добычи из них металлов, а это последнее поведет к успеху русской металлургии и к удешевлению в России самих металлов, потому что извлечение металлов (и серной кислоты) из колчеданов во всем мире служило одним из способов удешевления металлов.

Исходя из этого, очевидно, что, назначая на колчедан пошлину в n коп. зол. с пуда, следует назначить на серу пошлину в $2n$ коп. с пуда.

Достаточно высокая, но меньшая 15 коп. зол., пошлина на серу даст дагестанским и закаспийским добывателям премию, могущую заставить предпринять коренные меры к развитию добычи в розысканных залежах и вызовет их соревнователей, чрез что цена серы в России должна сделаться независимою от ее таможенного обложения, как цена керосина уже давно стала независимою от его таможенного обложения, потому что начавшаяся добыча, при внимании правительства, призвала соревнова-

лей, а их соперничество спустило цены, увеличило добычу и привело к заграничному вывозу.

Указанная система обложения, при достаточной величине пошлины с пуда колчедана, удовлетворяет трем основным требованиям, представляющимся по отношению к обложению товаров, подобных сере и колчедану. А именно:

1) Пошлины эти могут быть возбудителями добычи в России серы и колчедана. Важнее всего помочь сразу закаспийским добывателям серы, чтобы они тотчас могли затратить средства для начала дела, по крайней мере на те 300 000 пудов, которые из Сицилии ввозятся в Баку. Весьма вероятно, что сами бакинские заводчики будут первыми добывателями закаспийской серы, если, как мне кажется и необходимо сделать, будут приняты меры к тому, чтобы каракумские залежи серы не попали в одни монопольные руки, а распределились между несколькими предпринимателями. Первые усилия их будут тяжелы и будут требовать многих накладных расходов, а потому, несмотря на близость доставки в Баку, следует всеми возможными способами (сверх тарифной защиты) содействовать возрождению подобных добывающих промыслов.

2) Те химические заводы, которые ныне пользуются иностранными колчеданами, получат новые выгоды усилить свое производство, потому что ввезут медистые колчеданы, чего не могли делать до сих пор, и на производстве меди не только погасят таможенную плату, но и получат, вследствие дороговизны меди в России, особые и заслуженные барыши. Те же более многочисленные химические заводы России, которые производят серную кислоту при помощи сицилийской серы, найдут в тарифе прямое побуждение обратиться к колчеданам, что послужит к явному усовершенствованию их производства.

3) А так как, вследствие всего вышеуказанного, химические заводы должны будут во всех краях России, то есть близкие к границам и от них удаленные, обратиться к добыче серной кислоты, вместо серы — из колчеданов, то и ценность серной кислоты должна всюду в России упасть, потому что, несмотря на вздорожание колчеданов, если оно произойдет от таможенного оклада, все же пуд серы в виде колчеданов обойдется дешевле, чем в виде беспошлинной сицилийской серы, будут ли колчеданы медистые или без меди. Обычная цена беспошлинной серы в Петербурге на бирже около 90 коп. кред. за пуд, в окрестностях Москвы — около 1 руб. за пуд. Уральские колчеданы обходятся в Елабуге на заводе около 20 коп. Провоз до Нижнего стоит не более 5 коп. и оттуда до Москвы около 6 коп. Следовательно, в Москве ныне уральский колчедан будет стоить около 30 коп. Допустим, что с наложением оклада цена поднимется до 35 коп., чего, конечно, не произойдет, все же пуд серы в таких колчеданах, не считая меди, обойдется от 70 коп. (при 50% серы) до 80 коп. (при содержании около 44%) и будет дешевле беспошлинной сицилийской серы. При наложении же на серу оклада разность

возрастет и добыча из русских колчеданов станет еще выгоднее. А когда многие или даже почти все химические заводы России перейдут к колчеданам и получат серную кислоту более дешево, чем ныне, тогда ее цена неизбежно опустится в России. Так таможенные оклады, правильно обследованные, могут вести не только к выгодам производителей, но, в конце концов, и к выгодам потребителей, то есть к удешевлению товаров.

В заключение следовало бы рассмотреть вопрос: почему же ныне, когда подобная же выгода замены серы колчеданом может существовать, пользуются ею лишь немногие химические заводчики? Но я боюсь уклониться в сторону, подробно развивая ответ на такой вопрос, а потому отвечу лишь кратко: русская промышленность еще отстала, сама движется медленно, ждет указания или толчка от правительственных мер и боится преобразований, не указываемых правительственными мероприятиями. Вышеуказанное обложение иностранной серы и чужеземных колчеданов будет прежде всего служить таким правительственным указателем, и ему, при достаточной мере обложения, ответит наверное добыча русской серы, новый рост русской химической промышленности и желаемое удешевление столь важного продукта, как серная кислота, потребная для множества производств и ныне особенно для бездымного пороха.[1]

---

[1] Во всех предшествующих соображениях, конечно, предполагается, что размер таможенных окладов будет достаточно высок, чтобы влиять на цену происходящих товаров. Я полагаю поэтому, что оклады, назначенные по тарифу 1891 г., придется с течением времени возвысить.

Глава 11

РУДЫ, МЕТАЛЛЫ, МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ, ИНСТРУМЕНТЫ, МАШИНЫ И КОРАБЛИ

(Статьи 138—175)

Большое количество товаров, рассматриваемых в этой главе, в том отношении сходно с предметами трех предшествующих глав, что они являются во всеобщем применении только с развитием промышленности, так как первобытная жизнь обходилась и еще ныне обходится почти без каменного угля, без нефти, без химических продуктов и без металлов, хотя все они более или менее известны с древнейших веков. Притом металлы доставляют столь видимые и столь полезные для жизни предметы или орудия труда, что по ним отличают первобытные эпохи жизни людей. Государственность родилась и развилась в текущий век железа, умножившего органы людей в борьбе их с природою. Отсюда уже понятна громадная важность развития металлургических видов промышленности для всей жизни народов и то всеобщее внимание, которое обращает на себя повсюду добыча в стране всяких металлов и изделий, из них получаемых, равно как и великое разнообразие товаров, содержащих различные металлы. Согласно с порядком, принятым в тарифе 1891 г., мы рассмотрим промышленные и таможенные металлические интересы России в пяти главных отделах этого сложного предмета: 1) руды как природное сырье, служащее для получения металлов; 2) металлы не в деле или в таком виде, в каком они, как сырой материал, обращаются в торговлю и служат для производства разных металлических предметов; 3) орудия и всякие прочие изделия, производимые из металлов, или металлы в деле; 4) машины или сложные приборы, в которых главную роль всегда, поныне, занимают металлы, и 5) экипажи, вагоны и суда, или корабли, в кото-

рых ныне металлы не только играют главную роль, но и находят одно из крупнейших применений. Только совокупностью этих пяти отделов металлических товаров определяется мера влияния металлов на современную людскую жизнь, как производительную, так и потребительную.

Руды как продукты природы и добычи горной промышленности сравнительно редко составляют предмет особого рода торговли. Этот вид товаров отличается тем, что обыкновенно страны, много руд добывающие, их вовсе не отпускают, а сами переделывают и торгуют уже готовыми металлами, а идут руды из стран с малоразвитою промышленностью, например из Испании, Южной Америки и т. п. Металлы не переходят друг в друга, получаются только из веществ, их содержащих в природе, как учит химия, а государственно-национальная экономия могла бы учить, что руды не должны переходить из одной страны в другую, потому что, если есть руды в стране, если есть в ней силы их добывать и отпускать, то должны найтись и силы переделывать в металлы; основное дело уже сделано, если руда добыта, ее переделка составляет сравнительные пустяки, недостача которых в стране зависит от каких-либо упущений, легко исправляемых, в руках людей находящихся. Поэтому, строго говоря, никаких таможенных пошлин на руды быть не должно, если предполагать нормальный ход промышленности и некоторую степень одинаковости в народах, обособленных таможенными и государственными границами. Так и глядели на Россию составители тарифа 1868 г., а потому тогда всякие руды[1] были

[1] Словом «руда», строго говоря, следует означать только такие природные соединения и смешения металлов, которые дают обычные металлы обычным путем горнозаводской практики. Так, например, хотя в поваренной соли содержится металл натрий и из нее он может быть извлечен, но соль никто не назовет рудою, потому что содержащийся в ней металл не относится к числу обыкновенных и обычные горнозаводские приемы не дают из нее металла. Поэтому выражение «руды металлические и минеральные», попав[шее] в тариф 1868 г. и с тех пор применяемое в тарифе, нельзя считать правильным. Если желательно, чтобы под статью о рудах (подразумевая одни металлические руды) были подведены и различные минералы, в практике применяемые, но особо в тарифе не поименованные, то так и следовало бы это выразить в тарифе. А выходило на деле так, что плавиковый шпат пропускался прежде как «минеральная руда», Ныне он должен пройти по ст. 66-й (камни), п. 2. Но ныне, со стороны научной терминологии, сверх прежней неверности, вкралась еще другая, потому что графит признан рудою, так как сказано в ст. 138-й «руды металлические и минеральные всякие, кроме графита» (он ныне по ст. 71), в тарифе же 1868 г. графит был упомянут особо в статье о рудах, то есть рудою не считался. Для объяснения всех подобных неточностей служат те ходячие в таможенной практике понятия, которых не желали трогать, если того не требовали настоятельные нужды

впущены беспошлинно. А именно по европейской границе ввезено руд, графита, разных минералов и металлов в виде стружек, окалины и т. п.:

Год	Ввоз		Год	Ввоз		Год	Ввоз	
	тыс. пудов	тыс. руб.		тыс. пудов	тыс. руб.		тыс. пудов	тыс. руб.
1869	48	289	1876	145	263	1883	1230	1095
1870	63	375	1877	170	286	1884	1019	930
1871	62	372	1878	229	291	1885	758	498
1872	78	490	1879	417	423	1886	551	178
1873	67	146	1880	1539	1576	1887	539	211
1874	124	417	1881	1076	996	1888	757	371
1875	129	287	1882	566	575	1889	733	235

Распределение этого ввоза по разным родам товаров не ясно за прежние годы, но с 1887 г., когда медные руды были уже исключены из статьи о рудах (на них была назначена пошлина в 2 руб. 50 коп. зол. с пуда) и ввоз колчедана записывался особо, становится очевидным, что главный ввоз представляли графит и железный колчедан, а именно металлических руд и графита в кусках ввезено:

1888 г.		1889 г.		1890 г.	
тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
482	272	444	175	1145	311

промышленности. Так, например, о графите упомянуто при рудах, конечно, потому, что доныне графит был включен в статью о рудах. Неопределенность таможенного понятия о рудах вела, в свое время, к тому, что по статье о рудах проходили «всякие, особо не упомянутые металлы не в деле», стружки чугуна, «медный обгар» и т. п. Наплыву именно этих металлов, вероятно, и обязано накопление массы товара по статье о рудах. Уменьшение ввоза в 80-х годах обязано не столько наложению окладов, сколько выяснению терминов и ограничению чересчур широкого понятия: «руды металлические и минеральные». Удерживая ныне прежнюю терминологию, таможенное ведомство, вероятно, уяснит разряды товаров, которые могут быть, кроме металлических руд, относимы к ст. 138. Мне кажется, что эту статью следовало бы выразить так: «руды металлические в природном виде, хотя бы обогащенные или обожженные». Всякие же минералы (или минеральные руды тарифа) следует относить к камням (ст. 65, 66, 67 и 70).

а так как графит несомненно ввозится в значительных массах для производства тиглей, карандашей и других предметов (например графитом натирают чугун), то должно полагать, что главный (по цене) предмет ввоза по этому пункту составляет в последние годы именно графит. Ныне он пойдет по 71 статье (пошлина для кускового графита — 8 коп. зол.), а потому по статье о рудах вероятно ввоз будет ничтожно мал, если не подведут под неопределенную терминологию «минеральных руд» какие-либо минералы, ввозимые для технических целей (ст. 66). Что касается до остальной массы товаров, ввозимых по статье о рудах, то они почти нацело состояли из железного (серного) колчедана, ввоз которого за три последних года равнялся 275, 289 и 141 тыс. пудов на 98, 51 и 47 тыс. руб.

В 1882 г. все товары, подводившиеся под статью о рудах, стали платить пошлину в 2 коп. зол.; в 1885 г. пошлина увеличена для части товаров, для серного же колчедана снята, а в 1887 г. произведено увеличение пошлины на руды всякие, кроме медных, и на графит до 7 коп. зол. Такая пошлина сохранена и в тарифе 1891 г., но введено несколько существенных частных изменений, а именно: 1) прежде с рудами проходило и было особо упомянуто «железо в порошке», ныне оно будет проходить по ст. 140[1]-й с окладом в 60 коп. зол., потому что оно по ценности не ниже, а выше полосового железа; 2) графит в кусках отнесен к ст. 71, с окладом 8 коп. зол.; 3) беспошлинный ввоз серного колчедана прекращен, и на него наложен оклад в 1 коп. зол. с пуда, увеличивающийся при содержании меди в пропорции более 2%, о чем подробнее говорится в конце прошлой главы (стр. 792); 4) цинковые руды, ввозимые чрез таможни Царства Польского, платившие прежде 2 коп. зол. с пуда, но за последнее время вовсе почти не ввозимые (своих цинковых руд в тех местах много, их даже вывозят), ныне приравнены по окладу с другими рудами, и 5) медные руды, платившие с 1887 г. по 2 руб. 50 коп. зол. с пуда (их, конечно, не ввозили при таком окладе), ныне станут платить по $2^1/_2$ коп. зол. с каждого процента меди, содержащегося во ввозимых рудах (надо думать, что ввоз и при этой пошлине будет ограничиваться медистыми колчеданами).

Что касается до вывозных пошлин на металлические руды, то в этом отношении тариф 1891 г. не сделал нововведений, хотя немного изменил размер пошлин (ст. 4, в росписи В — товаров отпускных) на цинковую руду — галмей, которая была равна $2^1/_2$ коп. зол. с пуда, а ныне доведена до 3 коп.

зол., что, однако, не имеет существенного значения, потому что вывоз мал. Более значительно то, что к той же пошлине отнесены при вывозе руды меди и свинца, доныне проходившие беспошлинно. Наложение пошлины на вывоз таких руд прежде всего определяется тем, что вывоз начался, во-вторых, тем, что медь и серебро, добываемые из руд в России, несут горную подать, размер которой и может служить основанием для наложения отпускной пошлины, и, в-третьих, медь добывается в России ныне в столь ограниченном количестве, что имеется, как увидим далее, значительный ввоз ее из-за границы в виде меди, латуни, бронзы и изделий из них, а потому желательно, по крайней мере, чтобы те из русских медных руд, которые уже добыты, переделывались внутри страны. То же относится до вывоза свинцовых руд, содержащих серебро, так как добыча его в России очень ограничена, а свинцово-серебряные руды за последние годы открыты в различных краях России, а особенно же много на Кавказе (также в Донецком крае). Горная пошлина на медь равна 50 коп. кред. с пуда, руды меди редко превосходят 9% содержания, а потому при таком содержании они дали бы $4^1/_2$ коп. кред. горной подати, что отвечает пошлине в 3 коп. зол. с пуда руды (бедные руды, конечно, не станут вывозить).

Собственно говоря, в видах возбуждения местной производительности металлов, следовало бы обложить пошлиною вывоз всяких руд, но этого ныне, пока не развилась внутренняя переделка, не следует еще делать, потому что, как увидим далее, добыча некоторых, особенно марганцовых и железных руд довольно значительна и сильно превосходит внутренний на них спрос, а потому наложение пошлины могло бы сильно сократить выработку руд, что вовсе не может согласоваться с целями, преследуемыми тарифом 1891 г., так как весь пересмотр тарифа назначался к возбуждению всех отраслей промышленности, а добыча руд составляет важнейшую отрасль горной промышленности. Поэтому, оставляя свободным вывоз всяких руд, тариф 1891 г. удержал только те виды стеснения вывоза, которые до сего времени существовали, и только обложил руды меди и свинца такою же пошлиною, как цинковые руды. В ст. 5 тарифа 1891 г. в росписи В запрещен вывоз руд железа и железных шлаков по таможням Царства Польского, но такое запрещение существовало и ранее сего для того, чтобы оставить польским чугуноделательным заводам все материалы края, могущие служить для выплавки чугуна.

После этих замечаний о тарифе на руды, мы можем перейти к данным о их вывозе. Для суждения достаточно двух

последних лет, для которых вместе с сим приводятся данные о всех других металлических товарах для всех границ, но особо, для примера, выделяется вывоз в Персию для 1889 г. и по европейской торговле для 1888 г.

	Вывоз по всем границам						
	1888 г.			1889 г.			
	тыс. пудов		всего на тысячи рублей	тыс. пудов		всего на тысячи рублей	
	всего	по европейской торговле		все границы	в Персию		
Руды железные	439	439	16	407	—	12	Сырья на 1½ млн руб.
» марганцовые	3055	3055	1514	3237	—	1373	
» цинковые	2	2	6	11	—	3	
» кобальта, меди и др.	1	1	1	3	—	10	
Шлаки всякие	1393	1393	70	867	—	44	
Лом железный и стальной	62	6	68	127	45	92	Металлы не в деле на 2½ млн руб.
Чугун не в деле	7	—	5	10	—	6	
Железо листовое	48	41	160	61	98	213	
» сортовое	105	12	230	127		267	
Сталь сортовая	8	3	25	4	3	15	
Медь в штыках и листах	4	1	40	6	2	76	
Цинк	1	0.5	6	0.6	—	3	
Платина	0.2	0.2	1196	0.26	—	1360	
Ртуть	9	8	174	8	—	355	
Прочие металлы не в деле[1]				13	—	52	
Изделий золотых, серебряных, медных, железных и всяких иных	—	тыс. руб. 1069	1854	—	тыс. руб. 337	2665	Изделия на 3 млн руб.
Инструментов музыкальных и математических	—	210	234	—	—	180	
Часов всяких	—	8	37	—	—	66	
Экипажей	—	27	45	—	—	60	
			5.7 млн руб.			6.8 млн руб.	

[1] Не считая золота и серебра в слитках. В 1889 г. записан вывоз 1380 пудов золота в монете и слитках на 17½ млн руб., а серебра 4376 пудов на 3 млн руб.

Вывоз на 6—7 млн руб. ничтожен не только в отношении к мировой торговле металлическими товарами, но даже и в отношении ко ввозу в России и ее внутреннему производству, которое мы приведем далее в отношении к отдельным металлам. Это ясно показывает общеизвестную малую развитость всего металлического дела в России, обладающей всеми естественными условиями для широчайшего развития в ней металлургической деятельности. Не говоря о польских губерниях, Сибири и среднеазиатских владениях, одни Кавказ, Донец и Урал, особенно два последних с их богатыми рудами и углями могут и должны заявить свое природное богатство развитием сильной металлургической деятельности. Мы уже видели во 2-й и 8-й главах, как задержали таможенные меры эти дела в России; возвращаться к этому нет надобности, необходимо только ясно видеть, что «обжегшись на молоке», теперь следует «дуть и на воду», чтобы поправить испорченное, чтобы наверстать потерянное. Но здесь, при всей громадной важности металлургической деятельности страны, следует действовать хотя с большою настойчивостью, но осторожно, чтобы, исправляя металлургические грехи, не наделать новых в других видах промышленности. Это показывает те великие трудности, с которыми пришлось бороться при пересмотре статей, касающихся до металлов. Я постараюсь, проходя статьи об отдельных металлах, передать существеннейшие соображения, которыми, на мой взгляд, объясняются таможенные меры, принятые в тарифе 1891 г.

Начнем с чугуна (ст. 139, 150), как основного материала для производства железа и стали, а потому и большинства инструментов и машин. Было время, когда без чугуна прямо получали из руд железо и сталь, но их получение было тогда и дороже и сопряжено со многими потерями и случайностями. Ныне опять возобновляются с разных сторон попытки экономно получать железо и сталь прямо из руд, и нельзя не пожелать этим попыткам большого успеха, потому что при современном ходе производства вся металлургия железа попала в капиталистические руки, потому что чугун становится возможным и выгодным получать только в непрерывно действующих доменных печах, производящих ежедневно по 1000 и более пудов чугуна, а железо и сталь получаются исключительно только из чугуна, добытого при помощи дорого стоящих домн, дающих огромные массы чугуна. Единицею годовой производительности приходится считать уже не десятки, а многие сотни тысяч пудов чугуна. Из этих-то единиц получаются те громадные массы железа и стали, кото-

рые ныне требует мир не только для производства всяких орудий и приборов, но и железных путей, стальных балок, броневых и вообще железных кораблей. Все это ведет начало от чугуна; он корень всей громадной массы предметов, производимых из чугуна, стали и железа. Мировая производительность чугуна за последние 40 лет этого столетия возрастала необыкновенно быстро и увеличивалась, по крайней мере, в 5 раз; а именно приблизительно можно считать годовое производство чугуна:

	Около 1850 г.	Около 1870 г.	Около 1890 г.[2]
	Тысяч тонн		
Англия[1]	2250	6000	8400
С.-А. С. Штаты	560	1800	9600 [3]
Германия	402	1400	5000
Франция	408	1200	1750 [4]
Бельгия	170	300	850 [5]
Австро-Венгрия	140	400	860
Россия	220	360	750
Прочие страны	150(?)	540(?)	790 [6]
Итого	4300	12000	28000

[1] Необходимо обратить внимание на то, что Великобритания ввозит много железных руд из других стран (особенно из Испании, 55% Fe, тонна [стоит] 1 ф. с.). Так в 1889 г. переделано $14^1/_2$ млн т добытых в стране сравнительно бедных железных руд, а иностранных (богатых по содержанию металла) ввезено 4 млн т. Так как на пуд чугуна идет около 2 пудов каменного угля (стр. 667), то подвоз руд к углю составляет естественное явление.

[2] Данные прежних лет приведены на основании цитированных не раз книг Мельгаля и Гейнцерлинга, а новых — на основании «Statesman's Year-Book, 1891». Большинство данных относится к 1889 г.

[3] Быстрые успехи американского производства железных товаров относятся, главным образом, к концу 80-х годов и обязаны преимущественно следующим обстоятельствам: покровительственному таможенному тарифу, громадному развитию железнодорожного и кораблестроительного дела, применению в Пенсильвании, где сосредоточилась главная добыча, антрацитов и нефтяных газов (чего нет в других странах и что может быть выполнено у нас) и сильному накоплению капиталов, могущих образовать громадные торговые и промышленные предприятия. Своих руд не достает в Америке, много везется с Кубы и из Испании. Более половины чугуна, добываемого в Америке, переделывается в бессемеровскую сталь, что в высшей мере содействует развитию потребления в железнодорожном, кораблестроительном и архитектурном применении добываемого чугуна. Наши предстоящие заводы должны держаться того же спо-

Из громадной, около 1700 млн пудов, массы производимого ежегодно чугуна Россия добывает ныне около 50 млн пудов (в 1889 г. = $45^1/_2$, в 1888 г. = $40^3/_4$ млн пудов), то есть около 3%. Лет 30 сему назад русское производство составляло около 5%. При общем быстром росте мы отстали именно в эпоху начала действия тарифа 1868 г. (стр. 225). Теперь мы понемногу наверстываем утерянное, но догонять надобно усиленно, чтобы встать в средний уровень производительности. Считая 1500 млн жителей на всем свете, придется ныне на каждого около 1.1 пуда добываемого в год чугуна, следовательно, при 120 млн жителей Россия должна бы добывать в год около 132 млн пудов, если бы держалась средней производительности. Современная же русская добыча в $2^1/_2$ раза менее. Усилить добычу надобно и для того, чтобы удовлетворить внутреннему спросу, возмещаемому чрез ввоз заграничного чугуна. Количество этого ввоза за последнее десятилетие дано на стр. 224 по европейской границе, но следует еще причислить ввоз по финляндской границе, а потому для 1888 и 1889 гг. даем полные цифры ввоза по всем границам. А для того, чтобы получить понятие о всей русской потребности в чугуне, приводим здесь же и ввоз железа, стали и главных изделий, железных и стальных, ведущих свое начало от чугуна. Для 1889 г., сверх того, делаем перевод всех изде-

---

соба действия. Ныне сталь всюду должна вытеснять железо, а в Америке она вытесняет и чугун из многих видов применения. В 1890 г. в Штатах действовало более 150 сталелитейных заводов.

[4] Франция, держась по отношению к чугуну, железу и стали покровительственной таможенной системы, хотя должна ввозить много иностранного угля и чужеземных руд, сильно увеличивает в последние годы свою производительность. Так, в 1888 г. получено 1700 тыс. т чугуна, а в 1890 г. почти 2000 тыс. т. Производство стали, однако, развивается здесь медленнее, чем в других производящих странах, а именно лишь $^1/_4$ чугуна переделывается в сталь.

[5] В Бельгии за самое последнее время замечается понижение производительности. Главную причину составляет истощение угольных залежей и стачки рабочих.

[6] Для средины 80-х годов считают производительность в тысячах тонн: Испания 140, Португалия 3, Италия 25, Швеция и Норвегия 430, Швейцария 9, Турция 12, Канада 20, Южная Америка 60, Китай и другие части Азии 100, Африка 20, Австралия 10; в сумме около 810 тыс. т. Но большая часть этих данных сомнительна, и принятая мною цифра, вероятно, значительно ниже общей современной производительности «прочих стран». Придет и даже приближается уже время, когда эти прочие страны, а особенно такие громадные материки, как Южная Америка, Австралия, Азия и Африка, далеко превзойдут своею добычею Западную Европу. Производства меди, угля, железа и мануфактурных товаров могут считаться в мире регуляторами направления международных отношений.

лий на чугун, пользуясь коэффициентами, указанными на стр. 204 ($1^1/_4$ [пуда] чугуна вместо 1 пуда сортового железа и стали и $1^1/_2$ [пуда] чугуна вместо 1 пуда машин и инструментов). Сделав такой перевод, то есть сосчитав массу чугуна, служившего для получения ввозимых к нам железных товаров, и прикладывая величину внутреннего производства (без Финляндии), получим истинную величину современной нашей потребности в чугуне.[1]

Статья	Ввоз по всем границам	1888 г.		1889 г.		Чугуна
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	млн пудов
139	Чугун	1790	2692	6672	4233	6.8
140	Железо: полосовое, рельсовое и листовое . .	3911	8078	5294	10391	6.6
141	Жесть	9	46	23	96	—
142	Сталь: полосовая, рельсовая и листовая . . .	602	2310	914	3228	1.1
150	Чугун в деле	262	1068	245	897	0.3
151—161	Изделия железные, стальные и жестяные . . .	1275	11476	1476	12306	2.2
167	Машины	2192	19000	2730	22746	4.1
173	Экипажи [2]	4	150	8	305	—
174	Вагоны [3]	6	118	22	434	—
175	Суда железные [4]	209	2089	438	4377	0.7
			47027		59013	21.8 = 32%
Внутреннее производство чугуна в России (без Финляндии)						44.7 = 68%
Чугуна всего						66.5

[1] Получающиеся величины отличаются от данных стр. 225 потому, что ввоз взят по всем границам, производство Финляндии исключено и взято более статей железных изделий.

[2] Вес экипажей в таможенных отчетах не показан, потому что они оплачивают пошлину поштучно. Для приблизительной оценки веса железа и стали, в них содержащихся, я считал, что в каждой тысяче рублей стоимости содержится 25 пудов железа и стали.

[3] Для вагонов также дается не вес, а число, и я принял, что на каждую тысячу рублей стоимости входит 50 пудов железа или стали.

[4] Для железных судов дается число тонн вместимости, число судов и стоимость. Для определения веса железа и стали я принял, что на каждую 1000 руб. стоимости содержится 100 пудов железа и стали.

Если принять, что чугун внутреннего производства дает такие же товары, как чугун, дающий ввозимые товары, то среднюю цену железных товаров, происходящих из пуда чугуна, должно считать, примерно, в 2 руб. 70 коп. кред., а потому современная русская потребность в железных товарах выражается 67 млн пудов и 180 млн руб. кред. (на каждого русского жителя около 22 ф. на $1^1/_2$ руб.), считая в этом числе всякие машины, инструменты, иголки и рельсы. Эта потребность очень мала, в два раза меньше *средней* мировой. Она, однако, растет и будет расти тем скорее, чем более мы станем строить железных дорог и железных судов, ибо они, как увидим далее, суть главные потребители железа. Тут, и именно тут, нам много необходимо догонять. А догонять, очевидно, нельзя, без риска новых страшных финансовых потерь (стр. 216) всякого рода, иначе как при помощи собственной добычи, и, следовательно, ее необходимо возбуждать. Возбуждать же можно, потому что руд не занимать стать, не то что Франции или Англии, которым их приходится вывозить отовсюду: из Алжира, из Испании, из Германии, с Эльбы, из нашего Кривого Рога и т. п. Довольно одной «Корсак-Могилы», чтобы весь мир наделить железом (стр. 657), а рядом донские угли. Довольно Урала и Кривого Рога с их неисчерпаемыми богатствами. Да и в Орловской и Олонецкой губерниях и всюду по России руды железа превосходного качества прямо выложены на показ и на пользование. А возбуждать иначе нельзя, как покровительствуя. Следовательно, таможенную пошлину на чугун следует держать покровительственною и явно вызывающею. Этим определяется то, что при пересмотре тарифа в 1891 г. пошлина с пуда чугуна поднята на 5 коп. зол. с пуда (ст. 139), а для ферромангана, или марганцовистого чугуна и тому подобных дорогих сортов его, плативших прежде, при ввозе морем, 25 коп. зол. с пуда, даже удвоена (доведена до 50 коп. зол. с пуда; пункт 3), особенно потому, что марганец, надобный в это дело, преизобилует в России, и его руда вывозится от нас миллионами пудов. Возбуждать усиленную добычу чугуна, однако, нельзя, при всех наиблагоприятнейших естественных условиях производства, если чугуну этому не дать сбыта внутри страны, так как всякое новое дело не может не быть дорогим и потому вначале не допускает вывоза в другие страны. Поэтому необходимо держать и на сталь и на всякие изделия из железа и стали достаточно высокие пошлины, что и видим в тарифе 1891 г. Но здесь возвышений мало (см. предисловие, ст. 140—174), и они определились только тем возвышением, которое

сделано для чугуна; например полосовое и рельсовое железо получили оклад в 60 коп. зол. вместо 50 коп. зол., чугунные отливки (ст. 150) 75 коп. и 1 руб. зол. вместо 70 коп. и 95 коп. зол. с пуда, большинство машин (ст. 167, п. 2) 1 руб. 70 коп. зол. вместо 1 руб. 40 коп. зол. и т. д. Оклады же на многие железные и стальные изделия сохранены, или потому, что ранее были достаточно охранительными, как, например, на иглы (ст. 157), или потому, что относятся к товарам, применяемым в частной деятельности как орудия производства, не доставляющие крупного сбыта чугуну, например серпы, косы (ст. 160), ручные инструменты для ремесл (ст. 161), сельскохозяйственные машины (ст. 167, п. 4) и т. п.

Так определяется в общих чертах отношение тарифа 1891 г. к железным товарам, но не такие общие, элементарные соображения могли указывать и определять размеры окладов по каждому роду товаров в отдельности. Лишь при внимательном разборе частностей можно достичь желаемого установления и я, для большего уяснения дела, во-первых, приведу несколько примеров основных приемов, устанавливающих оклады, во-вторых, рассмотрю, насколько это возможно, распределение добываемого чугуна на разные современные потребности и, в-третьих, в виде примера особо остановлюсь на пошлинах с железных судов, тем более что тариф 1891 г. не коснулся прежних на них окладов и дело о назначении рациональных пошлин на этот род товаров отложено на ближайшее время, так что ныне пошлины на суда подлежат еще новому пересмотру, который предполагается произвести после конца 1891 г.

Сколь бы тонок или подробен ни был, при назначении таможенных окладов, разбор всяких обстоятельств, влияющих на промышленность и торговлю, все же в них существует и всегда останется много сторон, неуловимых и ускользающих от предвидения, так что таможенные тарифы, назначаемые, на основании прошлых и современных данных, для предстоящего времени, должны при наступлении этого времени проверяться полученными результатами, принимая во внимание всю совокупность действовавших влияний, подлежащих изучению. Поэтому тарифов прочных и незыблемых быть не может, и в таможенной отчетности должно видеть одно из очень важных пособий в суждении о размерах пошлин. Прибывает ли или убывает ввоз, достаточен ли размер оклада для обзаводства новыми внутренними предприятиями, обходится ли или нет данная тарифная ставка прибылью ввоза сырья (например ввозом чугуна — ставка на сортовую сталь) или того

продукта, для которого идет данный товар (например ввоз меди может возмещаться ввозом медных изделий), — все это должно быть принято во внимание, по опыту протекших лет, обсуждено и приведено в систему ранее, чем окончательно судить о необходимости той или другой пошлины на известный род товаров. В примере самого чугуна это очевидно, если даже не вдаваться в дальние годы и ограничиться одними последними, протекшими с последнего пересмотра ставок на чугун, то есть с 1887 г., когда назначено 25 коп. зол. для чугуна, привозимого морем, 30 коп. зол. с пуда при сухопутном ввозе и когда было указано, что до 1898 г. пошлины эти уменьшению не подлежат, что и оживило нашу добычу чугуна на каменном угле (стр. 232). Оживление *частной*[1] деятельности получилось очевидное.

Производство чугуна на частных заводах	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
	миллионы пудов в год				
Уральских и сибирских	18.6	18.0	20.6	20.8	21.9
Подмосковных	3.6	4.0	4.4	4.6	5.1
Польских	2.5	2.8	3.7	4.8	5.6
Южно-русских	2.2	3.1	4.2	5.4	8.8

Но это увеличение добычи все же не покрывало возрастающего спроса, и ввоз по западной границе, сперва было упавший, опять стал расти:

Ввоз чугуна по западной границе	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.
В миллионах пудов	17.3	13.5	14.5	8.8	4.5	6.4	7.6
В миллионах рублей	11.2	8.7	8.2	5.5	2.5	3.9	4.8

Несмотря на назначенную пошлину, ввоз стал возрастать с 1888 г. совершенно явно, хотя некоторые заводы, близкие

[1] То есть не считая производства чугуна на казенных и кабинетских заводах, которые идут не из-за барышей.

к границам, например Путиловский, около Петербурга, получили чрез понижение железнодорожного тарифа возможность выписывать далекий русский уголь. Так, Путиловский завод в 1890 г. переделал около $1^1/_2$ млн пудов иностранного чугуна и 600 тыс. пудов южно-русского и уральского чугуна. Очевидно, начавшееся улучшение внутренней производительности могло при этом не достичь до желаемого государству конца, потому что иностранный чугун не только подрывал и ограничивал спрос русского, но и направлял дальнейшую переделку не туда, куда следовало, то есть не к русским заводам, добывающим чугун, а к западным границам. С своей стороны, прибавлю еще одно, на мой взгляд существенное, обстоятельство: очевидно, что скорого роста добычи чугуна и удешевления его цены можно ждать преимущественно и скорее всего из Донецкого края, обладающего углем и рудами в изобилии, а вновь учрежденные на юге России заводы основались не там, а в Екатеринославе, за сотни верст от угля — в средине между криворожскими рудами и донецкими углями. Это определилось разными личными соображениями, следует же вызвать именно заводы прямо, как Юзовский завод, основанные на копях угля, потому что такие прочнее и дешевле всех. На счет 5—8 млн пудов ввозимого чугуна могут основаться такие новые 2—3 больших предприятия, и достаточно взглянуть на прилагаемую (в выноске) [1] таблицу — потребности угля для чугуна, — чтобы видеть выгодность скорее подвоза руд к углю, чем обратно. В ту же сторону, требующую дальнейшего возвышения оклада на чугун, гово-

---

[1] Количество каменного угля, употреблявшегося в Англии при получении (в доменных печах) 1 весовой части чугуна в разные эпохи, по Melhall'ю:

1796	1805	1840	1870	1875	1880—1890 года
6	5	3.5	3.1	2.5	2 части угля

Главный успех получился в 30-х годах при введении вместо холодного дутья — нагретого, а потребление для нагревания доменных же газов, прежде терявшихся без пользы, составило второе существенное улучшение. Но нельзя не обратить внимания на то, что сущность доменного производства более сотни лет остается неизменною. Главного будущего успеха должно ждать от замены твердого топлива газовым. Сюда следует искателям направить свои усилия. В результате, вероятно, возможно получить непрерывно действующее производство чугуна в сравнительно малых размерах и при помощи, что всего важнее, всякого вида топлива. Ныне же требуется изысканное лучшее топливо. Это будет иметь важное, освобождающее от капитализма и удешевляющее влияние.

рят: относительные изменения цен уральского и английского [1] чугуна на Нижегородской ярмарке, изменения денежного

[1] Статистические данные о цене чугуна должны быть относимы к определенным сортам в данном месте добычи или же выражать для данной страны общую среднюю ценность. Для примера изменчивости цен на данный сорт английского чугуна (Cleveland № 3 — не из лучших, но очень известный сорт) привожу средние годовые цены на месте добычи в шиллингах за тонну (в 1016 кг).

Год	Шиллингов	Год	Шиллингов	Год	Шиллингов
1865	49 1/2	1872	97	1879	41
1866	49 1/2	1873	109 1/6	1880	50 1/2
1867	45 1/6	1874	71	1881	39 1/6
1868	43 1/6	1875	54 1/2	1882	43 1/2
1869	45 3/4	1876	47 5/6	1883	39 1/2
1870	50 3/4	1877	42 1/12	1884	37 1/12
1871	49 4/10	1878	42 1/4	1885	32

1886	1887	1888	1889	1890
31.8—35.8	31.5—37.3	31.2—35.2	35.5—66	42—62

Цены чугуна в Англии и всюду колеблются не только вследствие колебания спроса и цен на уголь, но и от множества местных и случайных условий, например, заказа многих кораблей или лушек, спроса рельсов куда-нибудь на большую железную дорогу и т. п.

Привожу, сверх того, поучительную таблицу изменения средних цен чугуна в Германии за тонну (1000 кг) в марках (марка почти равна шиллингу). Под знаком I даны цены в Дортмунде для чугуна, идущего в бессемерование; II — там же вестфальского № I для пудлингования; III — в Дюссельдорфе лучшего пудлингового; IV — там же лучшего для чугунных отливок; V — лучшего шотландского в Берлине (таможенная пошлина с тонны равна 10 маркам) и VI — английского Middlesbro № 3 в Берлине:

	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
I.	64.2	78.7	69.3	70.1	60.6	53.1	45.8	42.6	49.0	52.7	65.9
II.	53.2	68.7	57.4	65.0	57.6	50.4	44.2	41.0	46.6	50.5	64.5
III.	56.1	83.5	59.0	64.6	57.6	50.0	44.5	40.9	46.7	50.9	65.3
IV.	62.6	87.1	73.3	75.0	72.9	65.7	58.4	51.9	54.9	57.4	70.8
V.	74.4	87.3	81.7	83.8	82.5	75.1	69.8	67.0	73.6	72.0	83.0
VI.	55.6	71.1	64.9	67.3	62.9	58.5	53.4	50.9	57.0	56.3	66.3

(Из «Statist. Jahrbuch f. d. Deutsch. Reich», 1890, p. 124)

Из этого видно, что для данного сорта (и места продажи) цена 1886 г. ниже цены 1880 г. на: I — 29.7 марки; II — 27.7 марки; III — 42.6 марки; IV — 35.2 марки; V — 20.3 марки; VI — 20.2 марки с тонны. В среднем это дает около 25 марок с тонны. Если с местами добычи и сортами цены столь изменчивы, если низшая (49 марок) цена чуть не в два раза менее высшей (87.3 марки), то, мирясь с этою изменчивостью действительности, должно в таможенной пошлине видеть не более, как одно из условий изменчивости цен. Разные обстоятельства, влияющие на рыночную цену чугуна, считаются, по той или иной при-

курса,[1] привычки потребителей к иностранному чугуну определенных марок и многие другие обстоятельства, которых я не стану разбирать, потому что все их стали разыскивать главным образом тогда, когда ввоз увеличивался и тем показывал, что покровительство ради окончательного достижения желаемой цели следует возвышать.

Когда стала очевидною надобность и польза поднятия пошлины на чугун, тогда размер повышения уже не мог здесь представить трудности, потому что очень большое повышение было бы нарушающим торговлю, а малое бесцельным, повышение же на 5 коп. зол. с пуда представляло последовательность и согласовалось с прежними видами повышения (стр. 227).

Повышение пошлины на чугун определило размер повышений на большинство других железных и стальных товаров. Упомяну о главнейших переменах, произведенных при пересмотре тарифа 1891 г., но сперва необходимо обратить внимание на то, что сам по себе чугун имеет сравнительно очень малое применение (для чугунных отливок), главнейшая его масса переделывается на железо и сталь. Это тотчас видно из сопоставления далее приводимого внутреннего производства

чине — целесообразными, законными; такова же и таможенная пошлина, как целесообразная государственная мера.

Считаю, сверх того, уместным обратить здесь внимание на то, что при курсе 150 коп. кред. за 1 руб. зол. цена пуда чугуна в 45 коп. кред. на месте добычи (это цена высокая и очень выгодная на месте добычи, например на Урале или Донце) отвечает 30 коп. зол. за пуд, или 18 руб. 60 коп. за англ. тонну, что соответствует 58—60 шилл. за тонну. Но такие цены не то что в 70-х, но даже [в] 1890 г. бывали в Англии, а цена 45 коп. кред. за пуд чугуна очень обычна на русских заводах. Расстояния увеличивают эту цену, и малость добычи не позволяет разложить расходы на большие массы. Поставить, сверх того, нашу торговлю в прямую зависимость от английской изменчивости цен — значило бы просто лишить Россию своего железа. Все это излагать и подробно разбирать было бы сложно и невозможно в этом сочинении. Притом и в железном деле, как в угольном (стр. 561), англичане умели помирить интересы крупных предпринимателей с интересами рабочих, потому что «подвижная» рабочая плата определяется по продажным ценам, например полосового железа, что не скоро еще достигнется в других странах, особенно у нас; партии продажи мелки, и ценность их изменяется от множества мельчайших обстоятельств.

[1] Так, например, в 1887 г. при установлении пошлины на чугун руководились расчетами, основанными на курсе 167 коп. кред. за 1 руб. зол. Тогда 25 коп. зол. = $41^3/_4$ коп. кред. При окончательном пересмотре тарифа в 1891 г. курс колебался от 132 до 136, и тогда пошлина в 30 коп. зол. равняется всего $40^1/_2$ коп. кред., то есть была ниже, чем за три года тому назад пошлина в 25 коп. зол.

железа и стали и количеств чугуна, добытого в России и ввезенного из-за границы.

	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	Всего
	миллионы пудов					
Производство железа[1]	20.0	21.6	22.1	22.1	25.8	112
Производство стали	11.6	14.6	13.6	13.5	16.0	69
Производство чугуна	30.8	31.6	37.4	39.5	44.7	184
Ввезено чугуна по всем границам	13.8	14.9	9.1	4.8	6.7	49
Всего чугуна в России потреблено	44.6	46.5	46.5	44.3	51.4	233
На передел в сталь и железо[2]	39.0	43.4	42.7	42.7	50.2	217
На отливку	5.6	3.1	3.7	1.6	1.2	15

Следовательно, на чугунные изделия идет в год средним числом около 3 млн пудов, на передел в железо около 26 млн пудов чугуна в год и на сталь около 17 млн пудов чугуна в год. С приведенными числами сопоставим для указанных лет ввоз сортового, листового и рельсового железа и стали по европейской границе.

Железа (ст. 140)	3.9	4.0	2.8	3.3	4.5	$18^1/_2$
Стали (ст. 142)	0.4	0.5	0.8	0.7	0.9	$3^1/_{10}$
Итого чугуна, железа и стали ввезено	18	16	13	9	12	

Прибыль ввоза железа и стали после 1887 г. замечается в такой же мере, как и чугуна, а потому, если возвышена пошлина на чугун, следовало возвысить ее и на железо и на сталь. Но отличить пошлину на сталь и железо нет основания, потому что в крупных изделиях, например в рельсах, отличение затруднительно, производство одинаково, переходы последовательные (резкости не имеют) и даже цены близки.[3] Если для чугуна произведено повышение оклада на 5 коп. зол. с пуда, то для стали и железа следовало произвести возвышение на 10 коп. зол., не только потому, что чугуна идет около $1^1/_5$—$1^1/_4$ на пуд железа или стали и с расходом топ-

[1] Во всей России, но без Финляндии.

[2] Считая по $1^1/_5$ пуда чугуна на пуд железа и стали.

[3] Вероятно при следующем пересмотре обе статьи (140 и 142) будут слиты вместе.

лива и работы, но уже просто потому, что стоимость грубых, ходячих сортов железа и стали по крайней мере в два раза превосходит цену чугуна. Что же касается до дорогих сортов железа и стали, например инструментальной (пуд от 8 до 15 руб.), то ее выделять нет возможности для таможенной практики, и ее производство составляет очень специальное и сравнительно малое дело, не зависящее от таможенных окладов. Оно началось у нас на некоторых заводах, например Путиловском. Таким образом, для железа и стали в рельсах, полосах и т. п. получилась пошлина 60 коп. зол. вместо 50 коп. зол., бывших прежде (до 16 августа 1890 г.). Для листовых сортов работы больше, утрат больше и цена выше, а потому и пошлину следовало поднять на 15 коп. зол. с пуда, а потому вместо 70 коп. получилось 85 коп. зол. с пуда. По соображению ценности и большей трудности производства выделены сверх того самые тонкие сорта листового железа (тоньше № 25, п. 4-й ст. 140-й и 142-й) с высшим окладом 1 руб. зол. с пуда. Если бы на чугун оклад был поднят, а на железо и сталь не был соответственным образом возвышен, стали бы ввозить сталь и железо, и производство чугуна не развилось бы. Если бы на железо и сталь оклады возвысились, а чугун остался бы при прежнем окладе, вновь стали бы (как было в начале 80-х годов) развиваться переделочные заводы, получившие сталь и железо из иностранного чугуна. Так из всех возможностей избирается единственная, ведущая к той цели, чтобы Россия не только наверстывала под крылом таможенной охраны утраченное ею значение металлургической страны, но и продолжала расти в этом отношении до того, чтобы получились избытки внутреннего производства, ведущие к удешевлению и заграничному вывозу. В 70-х годах (стр. 225) русская железная производительность доставляла лишь менее половины спрашиваемого металла. Ныне она доставляет уже $^2/_3$. Усилия увенчались некоторым успехом, и не пройдет 10 лет, если меры не будут ослабевать, достигнется желаемый отказ иностранному ввозу. А еще немного усилий, и как в нефтяном деле получится нигде не бывалая дешевизна и большой иностранный вывоз. Как бы ни хотелось фритредерам уличить меня в утопизме и тщетности упований, сделать этого они не могут, потому что всякая посылка сламывается на примере нефти, а русское богатство рудами и топливом тоже не удастся уже отныне охаять никакими способами. Короче сказать: возвышение окладов на чугун, железо и сталь есть следствие системы, оправдываемой английским навигационным актом и русским нефтяным делом,

в которых сила настойчивого протекционизма сказалась с блестящею ясностью, не скоро, но верно, прочно и к успеху протекционировавших стран и всей мировой промышленности.

Одно из важных, но труднее доказываемых обстоятельств, побуждающих усиливать пошлины не только на чугун, но и на железо и сталь и их изделия, состоит в том, что по мере возвышения окладов на иностранные продукты в данном классе товаров прекращается или сокращается ввоз низших сортов и усиливается ввоз дорогих, высших сортов, для которых повышенная пошлина приходится в виде меньшего процента стоимости. Отнятие же от наших заводов этих высших сортов лишает их возможности улучшать и расширять свое дело. Поэтому при пересмотре тарифа, там, где было возможно, выделены в некоторых статьях новые пункты для товаров высшего сорта и более дорогих, с высшими окладами. Пример этому виден выше (ст. 140 и 142) в отношении к листовому железу, из которого выделены тонкие сорта. То же сделано, например, для проволоки (ст. 155), но я не вдамся в разбор всего того множества обстоятельств, которые обсуждались при решении вопросов о пошлинах на изделия из железа и стали, потому что это завлекло бы в далекие подробности. Для руководства во всяком случае служили статистические данные о ввозе по европейской границе, а потому я их приведу со всеми подразделениями на отдельные товары, какие имеются в таможенных отчетах: [1]

Статьи тарифа 1891 г.	Ввоз по европейской границе	1887 г.		1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов.	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
141	Жесть [2]	8	45	8	41	17	78	11	64

[1] При этом в выносках даны указания тех товаров, для которых сделано возвышение окладов.

[2] Пошлину на жесть следовало возвысить с 1 руб. 55 коп. до 1 руб. 70 коп. зол. уже просто по соответствию с возвышением оклада на листовое железо, имея в виду, что производство жести началось в России. Заметим здесь, что большие количества жести входят в Батумский порт для приготовления жестянок, в которых керосин развозится в теплые страны. Такая жесть освобождается, при вывозе жестянок, от таможенного обложения. Такой жести вывезено в 1888—1890 гг. 791, 1015 и 1347 тыс. пудов. Сверх того, часть жести ввозится в Батумский порт с оплатою пошлин, а именно, в указанные годы 2, 6 и 9 тыс. пудов.

Продолжение

Статьи тарифа 1891 г.	Ввоз по европейской границе	1887 г.		1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
150	Чугунные ливки без обделки [1] .	51	175	155	337	115	273	135	237
—	Они же с обделкою [2]	68	476	95	698	119	588	102	610
—	Чугунная эмалированная посуда [3]	5	16	4	15	4	14	2	12
151	Кузнечные изделия [4]	141	937	117	517	157	723	114	452
152	Котельные изделия [5]	174	879	183	905	216	1169	191	1097
153	Обделанные железные и стальные изделия более 5 ф. весом [6]	216	1327	296	2687	207	1294	180	1231

Отсюда видно, что общий ввоз сильно превосходит ввоз по европейской границе, но что обложению подлежит только ничтожная часть из ввозимой жести.

[1] Пошлина поднята на 5 коп. зол., как для чугуна. Ввоз в последние годы уменьшается.

[2] Обточенные и вообще обделанные чугунные изделия должны быть рассматриваемы как части машин (ст. 167, п. 2), а потому несли и несут такой же оклад, как самые машины. Назначение низшего оклада повело бы к тому, что чугунные части высылали бы отдельно от машин. Ввоз довольно постоянен.

[3] Поднятие также на 5 коп., как для чугуна. Внутреннее производство значительно развилось и при прежней пошлине, следовательно, более сильного возвышения не надобно.

[4] Пошлина повышена с 1 руб. 20 коп. зол. до 1 руб. 70 коп. зол., то есть приравнена к пошлине на машины (ст. 167, п. 2) на том же основании, как для обделанных чугунных отливок.

[5] Пошлина поднята от 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 70 коп. на том же основании, как в предыдущей статье.

[6] То же замечание, как в предшествующей выноске. В таможенной практике весьма трудно во многих случаях отличить части машин от котельных, кузнечных и обделанных железных и стальных товаров, а потому назначение однообразной пошлины (1 руб. 70 коп. зол.) устраняет много недоразумений и облегчает досмотр. Можно бы сократить число статей, соединив в одну все железные и стальные товары с окладом в 1 руб. 70 коп., но тогда определение рода товаров было бы очень трудно выразить, и существование сыздавна статей изложенного содержания родило привычки, которые не было надобности нарушать.

Продолжение

Статьи тарифа 1891 г.	Ввоз по европейской границе	1887 г.		1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
153	Они же 5 ф. и менее[1]	42	548	42	493	53	581	50	549
—	Замки, шурупы[2] .	8	145	7	121	9	151	7	120
154	Жестяные изделия	25	326	20	235	27	337	27	393
—	Они же с украшениями[3]	0.8	30	1.1	34	1.5	48	2	57
155	Проволока железная и стальная[4]	24	176	30	213	33	236	28	206
—	Проволока медная[5]	10	124	13	163	12	164	14	217
156	Проволочные изделия железные[6]	47	837	52	1042	56	1029	55	937
—	Проволочные изделия медные[7] .	13	361	13	368	17	424	18	496
157	Иглы всякие[8] . .	1.5	155	1.4	165	1.6	196	1.0	213
158	Ножевый товар[9] .	1.4	95	1.5	95	2.5	149	2.2	161

[1] По соответствию с предыдущим пунктом оклад возвышен с 2 руб. 50 коп. до 2 руб. 70 коп. зол. с пуда.

[2] Оклад в 4 руб. зол. с пуда сохранен. Это товары дорогие, почти по 20 руб. за пуд. Кустарное производство замков и мелкое производство шурупов в России давно укрепилось.

[3] Оклад сохранен прежний в 3 и 6 руб. для двух пунктов ст. 154.

[4] Вместо одного оклада 1 руб. 10 коп. зол. установлено три: 1 руб., $1^1/_2$ и 2 руб. зол., смотря по толщине и относительной ценности. Производство низших нумеров (толстой проволоки) настолько укрепилось, что не может страдать от понижения оклада, который не выбирается, от существующей внутренней конкуренции, а производство тонкой проволоки следует поддержать.

[5] Вместо пошлины в 4 руб. зол. установлено три пошлины: 4, 5 и 6 руб. зол., смотря по толщине.

[6] В том числе и карды всякие (стр. 752) и проволочные гвозди. Был оклад 2 руб. 75 коп. зол., назначен для гвоздей 2 руб. 70 коп., а для прочих товаров повышенный до 3 руб. 20 коп. зол., ввиду повышения окладов по ст. 155, а для кард назначена пошлина 4 руб. 40 коп. зол., чтобы покрыть оклады на проволоку, резину и ткани, входящие в карды, и дать возможность развиваться начавшемуся внутреннему производству.

[7] Вместо оклада в $5^1/_2$ руб. зол. установлено два оклада, смотря по относительной ценности, в 6 и 9 руб. зол., ввиду возрастающего ввоза и покровительства начавшемуся развитию дел этого рода в России. Медную проволоку и изделия из нее, в сущности, следует отнести к меди и другим металлам, далее рассматриваемым.

[8] Оклады сохранены прежние, потому что ввоз мал и производство отчасти уже установилось в России.

[9] Прежние оклады сохранены или ничтожно повышены, например с 15 руб. 85 коп. до 16 руб. То же относится к трем следующим статьям (оклад сохранен). Производство в России существует, но ввиду устано-

Продолжение

Статьи тарифа 1891 г.	Ввоз по европейской границе	1887 г.		1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
159	Оружие	4.6	591	4.0	550	4.1	510	4.0	497
160	Косы, серпы . .	170	1175	200	1460	261	2260	236	2014
161	Инструменты ручные	163	1797	200	2011	255	2383	225	2122
167	Железные и стальные машины [1] .	1341	12971	1630	15806	2078	19243	1924	17117
167	Паровозы [2] . . .	11	83	8½	88	3½	36	5	96
—	Сельскохозяйственные машины [3]	349	1742	506	2644	592	2958	471	2519
173	Экипажи всякие и их части [4] . .	—	94	—	106	—	264	—	384
174	Железнодорожные и конно-железные вагоны всякие [5]	штук 333	505	штук 25	29	штук 258	421	штук 18	22
175	Суда морские и речные, всякие железные [6] . .	27	2153	17	1887	24	4180	45	3247
—	Они же деревянные	820	122	999	154	481	153	882	165
	Сумма ввоза железных изделий в миллионах рублей кредитных	—	27.9	—	32.8	—	39.8	—	35.2
	Средний курс года	—	181	—	172	—	150	—	137
	Ввоз в миллионах рублей золотых	—	15.4	—	19.0	—	26.5	—	25.7

вившегося спроса и разнообразия инструментов туго развивается; удорожание же этих товаров чрез повышение пошлины может поднять цены необходимых орудий труда, долженствующего усиливаться по мере развития промышленности. Для совокупности товаров статей 159-й, 160-й и 161-й взимаемые пошлины составляют не более 24%, например в 1889 г. ввезено на 5.1 млн руб. кред. = 3.4 млн руб. зол., а пошлин получено 818 тыс. руб. зол. По существу дела вызывающего значения такие оклады иметь не могут.

[1] Всякие машины, особо не поименованные, до августа 1890 г. платили 1 руб. 40 коп. зол. С августа 1890 г. по 1 июля 1891 г. — 1 руб. 68 коп. зол., а ныне будут платить 1 руб. 70 коп. зол., кроме локомобилей при молотилках, которые будут уплачивать 1 руб. 40 коп. зол., как прежде. Мотивом для повышения окладов с машин служит громадность их ввоза, необходимость установить их производство в России

Эти итоги показывают, что ввоз железных *изделий* (около 4¼ млн пудов в 1890 г.) возрастал в последние годы, когда

начало этому производству, существующее уже в России (см. далее), и дороговизна, еще ныне существующая у нас на металлы. Притом возвышение оклада на чугун, железо и сталь, по существу дела, должно вести за собою возвышение оклада и на машины, для которых эти металлы применяются. Многие товары статей 150[2], 151, 152 и 153, входя в состав машин, будут нести одинаковый с ними оклад. Нельзя не обратить внимания на то, что при ввозе машин на 15—20 млн руб. в год может основаться несколько соперничествующих заводов. Часть же машин (например некоторые мануфактурные машины, скоропечатные — типографские и т. п.) непременно должна выписываться из-за границы, потому что некоторые специальные машины производятся на весь мир одной-двумя фабриками и основывать производство таких стальных специальных машин в России, где требование ограничено, нет никакого основания. Главную задачу пока, на первый раз, должны составить паровые машины, машины, применяемые в сельскохозяйственных промыслах, в горном деле и в мануфактурах, потому что эти отрасли промышленности уже развились и должны быстро расти в России. По отношению к машиностроению следует обратить внимание еще на то, что с 1881 г., когда машиностроение получило усиленную таможенную охрану, произошло, но мало, существенных улучшений в отношении между ввозом I и внутренним производством II:

	Года							
	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889
	миллионы рублей							
I. Ввоз	21	20	17	12	18	18	16	19
II. Внутреннее производство	50	50	45	41	49	49	54	56

Мера обложения, действовавшая, например в 1889 г., составляет около 22% стоимости машин, потому что цена ввезенных машин равна 19.2 млн руб. кред. = 12.8 млн руб. зол., а пошлин получено 2.88 млн руб. зол. Из опыта же России, Америки и других стран известно, что явно возбуждающее значение в большинстве случаев имеют оклады, превосходящие 30%. Это один из аргументов в пользу повышения оклада *на машины, так как возбудить дальнейшее развитие их внутреннего производства*, очевидно, необходимо по смыслу рационального протекционизма. А так как, между машинами есть много очень ценных (например швейные, вязальные), считая с пуда, и есть немало (например горнозаводские машины) дешево стоящих с пуда, то и очевидно, что данный таможенный оклад будет вызывающим только для данного разряда машин. Поэтому принятое ныне увеличение оклада не может вызвать производства всяких машин, а только расширить деятельность русских машиностроительных фабрик, что и отвечает духу, господствующему в тарифе 1891 г.

[2] Оклад в 2 руб. с пуда сохранен. Ввоз убывает. Паровозы делаются в России на нескольких фабриках, иностранный спрос мал. Высокая пошлина и правительственные заказы установили их производство в России с 70-х годов. Ныне к тому же окладу отнесены паровые пожарные трубы, потому что их производство в России также можно считать обеспеченным.

убывал ввоз чугуна и возрастало внутреннее его производство. Другими словами, ныне наступила эпоха, когда пошлины на изделия оказались ниже пошлин на сырье, теперь наступило, значит, время не только продолжать возбуждение сырья, но и всемерно поощрять переделку его в изделия, чем и определяется своевременность умеренного возвышения таможенных окладов на железные изделия, между которыми машины занимают целую половину — по стоимости. Точно тот же вывод получаем, сличая данные внутреннего производства. Мы видели выше (стр. 815) возрастание, хотя не очень быстрое, но твердое и постоянное, добычи чугуна, железа и стали. В 1882 г. добывалось чугуна (без Финляндии) 27 млн пудов, а в 1888 г. 39½, рост в 6 лет = 46%, а машин приготовлено

[3] Оклад в 70 коп. с пуда сохранен ввиду потребности машин этого рода для сельского хозяйства, переживающего острый критический период, и ввиду того, что производство многих машин сего рода в России уже обосновалось и развивается.

Не вхожу в рассмотрение очень обостренного вопроса о пошлине на сельскохозяйственные машины уже потому, что ввоз иностранных машин этого рода на 2—3 млн руб. в год, даже хотя бы и на 10 млн руб., а особенно пошлина на них, составляющая в год лишь 200—400 тыс. руб. зол., представляют ничтожнейшие элементы стоимости сельскохозяйственного промысла. Притом, вследствие сравнительной дешевизны (с пуда) машин этого рода, нельзя в промадной России ждать дешевизны этих орудий труда иначе, как при помощи развития туземного производства, насчет же иностранных машин не может развиться их распространение в народе.

[4] Пошлины 132 руб., 92 руб. 40 коп., 39 руб. 60 коп., 13 руб. 20 коп. и 6 руб. зол., бывшие на экипажи разного рода и их части, ныне оставлены почти такими же: 132 руб., 90 руб., 40 руб., 12 руб. и 8 руб. зол., потому что ввоз, хотя и возрастает, но ничтожно мал, сравнительно с внутренним производством, установившимся с полною прочностью, благодаря давно действующим покровительственным окладам.

[5] Оклады сохранены. Производство внутри страны установилось, благодаря правительственным заказам и покровительственным таможенным пошлинам.

[6] Пошлина на суда сохранена, но предположено ее вновь всю пересмотреть. О ней поэтому говорится далее особо. Но заметим здесь, что деревянные суда, ввозимые по европейской границе, явно суть преимущественно лодки, так как их цена мала. Между железными судами несомненно находятся частью речные, частью морские. В два последние года ввезено на 7⅓ млн руб., в два предшествующие на 4 млн руб., то есть ввоз растет. Пошлин с железных судов за три последних года поступило 94, 189 и 359 тыс. руб. зол., сумма = 642 тыс. руб. зол., или 900 тыс. руб. кред., а ценность объявлена в 9314 тыс. руб. кред. Следовательно, существующий оклад не превосходит 10% стоимости. Такой оклад нельзя считать ни настолько низким, чтобы он не влиял на стремление приобретать за границею железные суда, ни достаточно большим для того, чтобы вызвать внутреннее производство. Поэтому-то существующий оклад следует подвергнуть пересмотру, имея в виду как интересы развития русского судоходства, так и интересы русского судостроения.

в 1882 г. на 50.3 млн руб., а в 1888 г. на 54.2 млн руб., то есть в шесть лет производство возросло всего менее чем на 8%. За эти же года иные производства возросли даже сильнее, чем чугун (стр. 755).

Однако, рассматривая производство железных (как и всяких иных) товаров, непременно должно иметь в виду их распределение в потреблении. Жизнь крестьянина, да и вообще частная, изводит и требует ежегодно лишь ничтожное количество мелких железных изделий, главная масса которых сводится на строительные потребности и на разные виды легких ручных стальных и железных орудий, начиная от плужных лемехов, до ножей и иголок. Не сюда идут современные массы железа. Если *годовую* потребность на каждого жителя принять в 1 ф., то это будет, вероятно; больше действительного спроса не только что у нас, но и у народов, очень богатых железом, например англичан. По 1 ф. на жителя это составит на 120 млн русских только 3 млн пудов в год. Остальная громадная масса железа идет на иные потребности: 1) на железные дороги, 2) на железные суда, 3) на военные надобности, 4) на машины всякого рода и 5) на сооружение зданий, особенно общественных. Если в год строить хотя бы только по 1 тыс. верст новых дорог и возобновлять рельсы тоже на 1 тыс. верст, то требуется для этого по крайней мере по 10 млн пудов железа в год. Белль (Report of the Royal Commission, appointed to inquire into the depression of trade and industry, Heinzerling Technology) утверждает, что около $^1/_2$ всего добываемого в мире железа поглощается ныне железными дорогами.

Он указывает, что в Англии на кораблестроение расходовалось:

В 1878	1880	1881	1882	1883	1884 годах
401	390	579	313	860	611 тыс. т

или средним числом ежегодно по 30 млн пудов, а годовое производство Англии в эти годы было около 400 млн пудов чугуна, из которого в разных формах переработки вывозилось около половины всей добычи. Пушки, брони военных кораблей и укреплений также поглощают немалую массу производимых в Европе железных товаров.

Обращаясь к России, из указанного должно сделать следующий ясный вывод: дело развития всего железного производства есть дело развития общественности и сношений всякого рода, а они находятся целиком в руках правительства. Станет оно опять заказывать свои пушки, корабли, ружья и

всякие строительные и железнодорожные принадлежности за границею, предоставит оно нашим железо- и сталеделательным заводам перебиваться как знают, хотя бы и при высоком покровительственном тарифе, а тем паче если вновь и вновь станет опираться на казенные заводы, — конечно, ничего не выйдет путного, то есть и таможенный тариф не поможет. Но эти старые приемы 60-х годов хотя не извелись вконец, но постепенно исчезают до того, что Министерства путей сообщения и финансов уже вовсе не имеют своих крупных заводов, и заказы делаются на других заводах. Специальные требования военного и морского ведомств заставляют иметь несколько нормальных, если так можно выразиться, казенных заводов, но и они, как мы видим на примере Обуховского сталеделательного завода, могут итти, субсидируемые и руководимые специальными ведомствами, лучше всего при содействии частного интереса. Балтийский завод, производящий военные корабли, идет совершенно как частное предприятие. Такие заводы, как Юзовский, Обуховский и Балтийский, произведения которых со стороны качества выдерживают самую строгую мировую критику, могут служить образцом того, как следует и возможно, к успеху русской промышленности, выполнять казенные потребности. Будучи частными заводами, они не только дают то, что нужно специальным ведомствам, эти стальные рельсы, эти громадные пушки и эти образцовые броненосцы, но и принимают частные заказы, так что постепенно входят в область чисто частной предприимчивости.[1] Правительственная инициатива всегда была впереди всей другой русской, такою она должна остаться и впредь, а потому и то, что предстоит далее в развитии русской металлургии, должно быть связано с прямыми потребностями и усилиями правительства; но опыт прошлого показал, что чисто казенные заводы, с их порядками, мало что дают русскому промышленному делу. Заказы же и разные виды косвенных пособий в силах, вместе с таможенным тарифом, устроить все, что надобно. Поэтому, кроме сравнительно умеренного таможенного тарифа на железные изделия, то есть такого, который подобен ныне действующему, составляющему от 25 до 30% стоимости,[2] главный плод должны дать всякие виды прави-

[1] Однако, при недостаточном покровительстве судостроению, Балтийский завод в частных делах почти вовсе не заинтересован.

[2] Для лиц, мало вникающих в действительность, а все же решающихся судить по «ясновидению», то есть для лиц, полных предрассудков (но, однако, противу иных предрассудков ратующих), должно эти цифры подтвердить. Вот это подтверждение. По таможенным отчетам (№№ от-

тельственной поддержки и, особенно, казенные заказы. В разбираемом далее примере возбуждения кораблестроения и мореходства виднее, чем в общем очерке, сказывается та мысль, которая содержится в моих словах. Но прежде чем перейти к этому частному, но весьма важному примеру, считаю не лишним обратить внимание на то, что заказы, сделанные правительством в своей стране, кроме всех прочих целей (развитие промышленности, заработки многих участников, обеспеченность на случай войны и т. п.), достигают исправления курса и, следовательно, уменьшают самые платежи правительства по тем обязательствам, которые должны быть уплачиваемы не кредитными рублями, в виде которых поступают все внутренние сборы, а золотыми. Представим, для ясности, такой случай, что рельсов, вагонов, пушек, ружей, пороха, кораблей и тому подобных правительству надобных товаров следует заказать в год на 100 млн руб. зол. при курсе 150 коп. кред. за 1 руб. зол. и что вместо 100 млн руб. зол. приходится при заказе в России уплатить не 150 млн руб. кред., а целых 200 млн руб. кред. Лишние 50 млн руб., расходуемые при этом, однако, нельзя считать прямо жертвою на пользу промышленного развития страны, потому что ныне 100, да на следующий год 100 млн руб. зол. и т. д., выданные за границу, и образуют те суммы заграничных долгов, по которым приходится платить золотые проценты и от которых курс падает. Ведь надо же ясно видеть, что при падении

четных статей в печатных «Обзорах» от 337 до 361) за все ввезенные по европейской границе стальные и железные (также жестяные) изделия, долженствующие ныне проходить по статьям от 151 до 161, получено таможенных пошлин:

1888	1889	1890 года
1746	2210	2216 тыс. руб. зол.

Средний курс этих лет (стр. 218) показывает, что полученные пошлины в кредитных рублях равнялись.

3003	3315	3136 тыс. руб. кред.

Стоимость же предметов в оценке по привозу:

10762	11648	11060 тыс руб. кред.

Сумма = 33½ млн руб. кред., а сумма таможенных пошлин = 9½ млн руб. кред., следовательно, пошлины составляют (по сравнению с иностранною ценою) 28¼%. Для машин, относящихся к 167 статье, ввоз равнялся в указанные года 61 млн руб. кред., а сумма таможенных сборов 9.3 млн руб. зол., или менее 14 млн руб. кред., что отвечает 23% стоимости.

курса 100 млн руб. зол. могут очень легко превратиться в 200 млн руб. кред. и что при стомиллионных заграничных заказах невозможно и думать о том, чтобы курс исправился. Поэтому я думаю, что все развитие русской промышленности много бы выиграло и вся тесная связь между растущей производительностью страны и ее правительственными сферами окрепла бы еще более, если бы в ежегодных отчетах государственного контроля явилась особая глава о годовых заказах всех ведомств по трем родам промышленных предприятий: заказы казенным заводам, заказы частным и заказы заграничным заводам. Если бы подобное исследование было сделано за прежние года, начиная с 60-х, то стало бы видно, что ныне дело стоит иначе, чем было прежде, но что остается еще и поныне сделать немало для того, чтобы частная предприимчивость получила многое из того, что производится на казенных и на заграничных фабриках и заводах. В этом отношении Америка пошла дальше всех стран — там нет казенных заводов. В Англии они существуют почти только как модели или опытные станции для изучения дела и для того, чтобы сдержать поползновение частных предпринимателей в стремлении обобрать казну. Зная, что дела этого рода представляют громадные фактические трудности и имеют в каждой стране свою историю, от которой трудно отрываться, я упоминаю об этом предмете в статье о железной металлургии именно потому, что она всюду сильно зависит от железнодорожного дела и казенных заказов, а у нас, где железные дороги прямо или косвенно приписаны к казенному ведению, вся дальнейшая судьба железной металлургии не может быть ни под каким видом рассматриваема без того, чтобы устранить участие казны и правительства.

Это становится очевидным при разборе той, на первый взгляд, чисто частной деятельности, которая выражается в торговом мореходстве и кораблестроении. Не поднимая пыль старого времени, когда в Англии действовал навигационный акт (стр. 150) или когда Петр Великий сам рубил корабли, забирал морские выходы и всячески помогал русскому торговому мореходству, ограничиваясь лишь самым последним периодом времени, можно ясно видеть, что во всех странах, понимающих высокое значение мореходства для всей промышленности и торговли, правительства несут сознательные жертвы для возбуждения и поддержания частной предприимчивости в деле кораблестроения и мореходства, как двух видов деятельности, по существу тесно связанных между собою. Англия, где все мореходное и кораблестроительное

дело установилось под влиянием навигационного акта до преобладающего во всем мире значения, содержа громадный военный флот, усиливает свои заказы всяким своим кораблестроительным заводам, лишь только наступает какой-либо застой. Ныне, на 1890—1891 г., ассигновано, например, на кораблестроение и вооружение кораблей $6^1/_4$ млн ф. с., или около 60 млн руб. кред. в год, бо́льшая часть которых прямо пойдет частным заводам. По постановлению парламента для 1889—1894 гг. определено израсходовать на новое кораблестроение Англии $21^1/_2$ млн ф. с. (Военные флоты. Морская справочная книга, составленная под наблюдением е. и. в. великого [князя] Александра Михайловича). С.-А. С. Штаты, строящие в год до 60 больших судов, не только все корабли своего военного флота заказывают частным заводам, но и дают премии (сбавку таможенной пошлины) своим кораблям, ведущим заграничную торговлю, и устанавливают крупные премии для кораблей далекого плавания в виде платы за регулярное почтовое пароходство в разные страны, что практикуется давно почти всеми странами Европы и у нас выразилось субсидиями нескольким частным пароходным компаниям (Общество пароходства и торговли, «Кавказ и Меркурий» и др.[1]). Франция, Австрия и Италия сверх заказов и почтовых субсидий прямо жертвуют в виде премий на постройку кораблей и в виде помильной платы за рейсы значительные суммы. Для примера рассмотрим отношения Франции к судостроению и мореходству по закону 1881 года, вызванному тем, что в 70-х годах явно оказалось, что вместимость французских судов коммерческого флота ежегодно уменьшается от естественной убыли кораблей и от малочисленности вновь строящихся и приобретаемых в иных странах. Закон 1881 г.,[2] установив премии судостроительные и судоходные,

[1] В год на субсидии мореходным компаниям, содержащим желаемые для России морские сообщения, выдается около $1^3/_4$ млн руб.

[2] Заметим сперва, что во Франции судовладельцы обязаны иметь $^3/_4$ матросов из лиц, зачисленных в запас флота, лечить их на свой счет и отправлять их на родину. По французскому закону 29 января 1881 г. между прочим постановлено:

Ст. 4. — В возмещение сборов, возлагаемых на строителей морских судов таможенным тарифом, назначаются следующие премии:

Каждому железному или стальному судну по 50 франков за тонну валовой вместимости.

Каждому деревянному судну в 200 т вместимости или более по 20 франков за тонну.

Каждому деревянному судну менее 200 т вместимости по 10 франков за тонну.

Каждому судну смешанной постройки по 40 франков с тонны. (К судам смешанной постройки относятся суда, которых обшивка

достиг некоторого видимого, но еще пока мало значащего результата, потому что дело мореходства и судостроения

деревянная, а тимберсы и бимсы исключительно железные или стальные).

За двигательные механизмы, установленные на пароходах, и за вспомогательные аппараты, каковы: паровые помпы, лебедки, валы, вентиляторы, приводимые в действие механическим образом, а также за котлы, снабжающие их паром, равно как и трубы для этого — по 12 франков за каждые 100 кг.

Ст. 5. — Всякая переделка судна, послужившая к увеличению вместимости его, дает право на получение премии, рассчитанной согласно вышеуказанному тарифу, соответственно числу тонн увеличения вместимости. Премия за двигательные механизмы и вспомогательные принадлежности присваивается и в таком случае, когда они установлены на судне после его постройки. В случае замены старых котлов новыми, владельцу судна, предоставляется вознаграждение в размере 8 франков за каждые 100 кг новых котлов французской конструкции, но без принадлежащих к ним труб.

Ст. 6. — Премии, установленные ст. 4 и 5, будут уплачиваемы вслед за предъявлением выданного ближайшим к месту постройки таможенным приемщиком вида, свидетельствующего французское происхождение судна.

Ст. 9. — В виде вознаграждения за обязательства, налагаемые на торговый флот рекрутским набором и отбыванием воинской повинности, французским парусным судам и пароходам в течение 10 лет, со времени издания настоящего закона, назначается навигационная премия. Таковая премия присваивается исключительно судам дальнего плавания. Она рассчитывается за каждую тонну чистой вместимости и за каждую тысячу пройденных миль, по 1 франку 50 сантимов для судов паровых и парусных французской постройки.

Премия эта уменьшается ежегодно: на $7^1/_2$ сантимов для судов деревянных, $7^1/_2$ сантимов для судов смешанной постройки, 5 сантимов для железных судов. Для судов иностранной постройки означенная премия уменьшается наполовину.

Суда иностранной постройки, но получившие право носить французский флаг до издания настоящего закона, по отношению к размерам премии, приравниваются к судам французской постройки.

Премия возвышается на 15% для пароходов, выстроенных по чертежам, предварительно одобренным морским департаментом. Число пройденных миль рассчитывается по расстоянию, измеряемому между двумя пунктами отправления и прибытия, считая по прямому курсу.

В случае войны торговые суда могут быть потребованы правительством.

Исключаются из числа имеющих право на получение премии суда, занятые рыбною ловлею, большою и малою, а также принадлежащие субсидируемым компаниям и предназначенные для увеселительных прогулок.

Ст. 10. — Всякий командир судна, получающего премию, установленную ст. 9 настоящего закона, обязывается бесплатно перевозить корреспонденции, вручаемые ему почтовым ведомством, или же имеющие быть доставленными оному, в силу предписаний консульского постановления. В случае назначения почтового агента сопровождать корреспонденцию он, равным образом, перевозится бесплатно.

очень сложно и требует для роста очень многих и продолжительных усилий. В 1881 г. общая вместимость судов коммерческого флота во Франции равнялась 914 тыс. т, но только треть вместимости принадлежала пароходам, а так как парусные суда ходят в среднем в 3—5 раз медленнее паровых (в дальних плаваниях), то, переведя всю вместимость на пароходы, получим общую вместимость около 500 тыс. т. К январю 1890 г. вместимость парусных судов (числом 14 128 с вместимостью в 440 тыс. т) была уже меньше вместимости (493 тыс. т) паровых судов (числом 1066 пароходов), так что, переведя всю вместимость на пароходную, общая равнялась 630 тыс. т, то есть перевозная способность возросла в 9 лет на $^1/_4$. Очевидно, что под влиянием усиленных премий за железное паровое судостроение и за число пройденных миль во Франции (как и всюду) идет замена деревянного и парусного судостроения и судоходства железным и паровым. Дальние, внеевропейские плавания совершаются ныне и во Франции, как всюду, преимущественно паровыми судами (а именно 178 пароходами с вместимостью в 293 тыс. т, парусных же судов в дальние страны ходит 392 корабля с вместимостью в 151 тыс. т, что отвечает только 50 тыс. т, вместимости пароходов). Главная масса французских кораблей занята каботажем, рыбною ловлею и европейскою торговлею. В 1889 г. каботажных судов вошло в порты Франции с грузом 54 тыс. судов с вместимостью в $5^1/_4$ млн т, французских судов из дальних портов (и рыболовных) взошло $8^1/_2$ тысяч с $4^1/_2$ млн т, а иностранных судов взошло 18 тысяч с 8 млн т груза (всего 18 млн т), не считая пришедших с балластом (с ним $19^1/_2$ млн т).[1] Это показывает, что все еще главная

[1] Для сравнения привожу данные, относящиеся к Великобритании (из «The Statesman's Year-Book, 1891»).

Год	Число тысяч всех кораблей	Вместимость в миллионах тонн	Год	Число тысяч всех кораблей	Вместимость в миллионах тонн				
					всех кораблей	пароходов каботажных	пароходов дальних	парусных судов	матросов тысяч
1880	20	6.3	1885	19	199	0.3	3.6	3.2	7.2
1881	19	6.5	1886	18	204	0.3	3.7	3.2	7.1
1882	19	6.7	1887	17.7	203	0.3	3.7	2.9	7.1
1883	19	7.0	1888	17.7	224	0.3	4.0	3.0	7.4
1884	19	7.1	1889	17.6	230	0.3	4.4	2.9	7.6

внешняя торговля Франции ведется и ныне иностранными судами, то есть что дальнейшее улучшение мореходства легко достижимо даже на счет французской внешней торговли и что прибыль на $^1/_4$ провозоспособности еще далеко не исчерпывает французскую надобность в мореходстве и судостроении. Успех, доныне (с 1881 г.) достигнутый Францией, стоил ее государственному казначейству около 100 млн франков, потому что средний ежегодный расход на премии по судостроению был равен, примерно, $2^1/_2$ млн франков, а судоходная (помильная) премия равнялась в среднем $7^1/_2$ млн франков в год. Особенно важно отметить при этом, что помильная плата, равнявшаяся в 1881 г. всего 3 млн франков, ежегодно возрастает и ныне возросла до 9 млн франков в год, показывая, что французские корабли все более и более ходят, то есть принимают участие во всемирной торговле. В начале 1891 г. помильная плата возобновлена, сроком на 1 год, в который предположено взвесить все достигнутые результаты и решить вопрос о способе поощрения мореходства.

Вопрос этот в самом деле представляет громаднейшие трудности для решения. В премиях должно видеть не только односторонний способ возбуждения, но и прямой общий народный расход, который может легко нести такая богатая береговая страна, как Франция. Притом в погоне за премиями может возбуждаться некоторый азарт, сбивающий правильные коммерческие расчеты, которые должны руководить делом мореходства и даже кораблестроения. И в то же время очевидно, что морское судоходство представляет один из видов промышленности, от которого народы выигрывают или проигрывают в сильной степени, особенно при торговле малоценными товарами, например каменным углем, керосином, хлебом, чугуном и т. п., так как перевозящая нация получает свой доход даже и тогда, когда продающая или покупающая терпят одни убытки. Мельгалль считает (History of Prices), что в 1850 г. по морскому пути великобританская (без колоний) торговля перевозила товаров 25 млн т, в 1860 г. — 40,

---

Следовательно, вместимость, приведенная к пароходной (деля для парусных на 3), всех около 5.7 млн т, то есть в девять раз больше, чем у Франции.

Торговое морское движение великобританских берегов в 1889 г. выразилось входом в порты английских кораблей с общею вместимостью в 26 млн т, иностранных с $9^1/_2$ млн т, всего $35^1/_2$ млн т, то есть более противу Франции только в два раза. Это ясно показывает, что английские корабли много работают для перевозки чужих грузов и возят товары в очень далекие моря. Торговлю с С.-А. С. Штатами ведут преимущественно английские корабли.

в 1870 г. — 69, в 1880 г. — 123 млн т, а по «Statesman's Year-Book» для конца 80-х годов английскую перевозку следует считать превосходящею 150 млн тонн. Считая с тонны провозную плату средним числом только по 6 руб. кред. (с пуда по 10 коп. кред.), получим сумму заработков 900 млн руб., то есть достигающую стоимости всего хлеба (стр. 288), вращающегося в международной торговле. Переводя на более практический язык эти отношения, должно сказать, что морская перевозка кормит целые народы. Если же определим стоимость морской перевозки, то увидим, что в ней немалую долю занимает погашение (и страховка) капитала, затрачиваемого на устройство кораблей.[1] Всего виднее это на парусных судах, где расходы перевозки слагаются из стоимости портовых расходов, содержания команды, страховки и ремонта судна, погашения капитальной цены корабля и процентов на капитал. Три последних слагаемых должно отнести к стоимости судна, и сумма этих величин едва ли не превосходит стоимость прочих расходов перевозки. А так как стоимость корабля сама слагается из стоимости материалов и сооружения, то и понятно, почему все страны, желая возбудить или поддержать мореходство, в то же время возбуждают и развивают судостроение. Эти два рода промышленности можно умственно различать и разделять, как можно отделять международную торговлю от мореходства, но такое разделение будет разрывом естественнейшей связи, которую можно формулировать так: мировая торговля опирается на мореходство, а мореходство — на судостроение. Отдельный торговец рассчитывает только цену фрахта, ему нет дела до того, кому платить за провоз, лишь бы платить поменьше. Отдельному судохозяину также нет дела до того, к какой нации относятся матросы и где построен корабль, лишь бы получить хороших матросов и хороший корабль подешевле. А целому народу все это не безразлично, он заинтересован в том, чтобы торговля велась на судах своей страны, чтобы заработки от нее доставались своим, а не чужеземным кораблестроителям и матросам. А потому установить правильную, то есть народу выгодную,

[1] Выше (стр. 829) мы видели, что вся вместимость, приведенная к пароходной, для английского торгового флота около 5.7 млн т. Считая стоимость построения парохода с грузовой тонны только в 10 ф. с. (в действительности она больше), получим 57 млн ф. с., или около 570 млн руб. кред. Полагая 6% страховой премии, 4% интереса капитала и 10% погашения на капитал, получим около 110 млн руб. кред. расхода на суда английского коммерческого флота. А на 230 тыс. служащих (матросов и проч.), считая по 600 руб. на каждого, расход составит примерно такую же сумму.

международную торговлю, нельзя иначе, как при помощи своего торгового флота и своего судостроения. Притом внутреннее судоходство по своим морским берегам (каботаж), по рекам, каналам и озерам, капиталом, в нем вращающимся, и всем своим значением повсюду еще важнее, чем внешнее мореплавание. А внутреннее судоходство требует и своего судостроения и своих матросов, следовательно, ни под каким видом, в интересах страны, оно не должно быть резко разделяемо от внешнего мореплавания.[1] Всякое резкое отделение будет ошибкою, приведет к потерям, потому что будет противуестественно. Так, например, ныне, когда паровое железное судостроение (стр. 649) стало преобладающим, нельзя обособить постройку морских пароходов от речных и береговых (хотя они обособляются размерами, глубиной и т. п.) тем, что первую предоставить иностранцам беспошлинно, а вторую, в видах развития туземной промышленности, выделить чрез обложение соответственными таможенными окладами. Нельзя или не следует этого делать именно потому, что внутреннее судоходство ежеминутно соприкасается с внешним; железо, сталь, машины там и тут те же, и полноты развития не может быть при отделении одного рода судостроения от другого. Английское паровое металлическое судостроение столь развито и так укрепилось, что в Англии как речной, так и морской пароход можно получить скорее, дешевле и лучше, чем где бы то ни было. Следует ли из этого, что так дело и должно оставить навсегда? А не начиная у себя, таким дело и останется, только чем дальше, тем труднее будет начинать. А если начинать следует, то надобно действовать по сознательному плану и *впереди* иметь в виду все дело всякого судостроения речного и морского, потому что первое — лишь доля общего. А общность его особенно ясно выступает именно ввиду связи судостроения и судоходства с металлургическою и каменноугольною промышленностью.

Чтобы еще более уяснить отношение к судостроению и судоходству, я привожу официальные данные (из «Statistisches

[1] В Германии, где ведется однообразная статистическая отчетность как для мореходства (ее главные результаты далее приведены), так и для речного судоходства, хотя реки Германии малы, по сравнению, например с русскими или американскими, все же речное судоходство сильнее морского:

1837 г. Германия, германские суда	Число судов	Общая вместимость в тысячах тонн
Речных	20390	2101
Морских	4021	1285

Jahrbuch f. d. Deutsche Reich», 1890, pag. 108) о немецком морском коммерческом флоте. Состав его:

	1871 г.	1876 г.	1881 г.	1886 г.	1889 г.
Парусных судов	4372	4426	4246	3471	2885
Их вместимость в тысячах тонн .	900	901	965	851	731
Тысяч служащих	35	33	31	24	20
Пароходов морских	147	319	414	664	750
Их вместимость в тысячах тонн .	82	184	216	421	503

Мореходство берегов Германии выражается следующими крупнейшими величинами:

	1873—1875 гг.		1888 г.	
	вместимость			
	число	тыс. т	число	тыс. т
Пришло кораблей с грузом . . .	37591	5766	50032	10433
» » » балластом .	9039	663	10049	1188
В том числе каботажных всего .	22046	1023	36301	2178
Из пришедших было немецких:				
С грузом	22908	2609	35380	5228
В том числе пароходов	3430	1244	14988	4073
С балластом	6603	363	7026	543
В том числе пароходов	388	89	1138	341

Из этих чисел видно, что и в Германии, как повсюду, число кораблей (парусных) убывает, но так как относительное количество пароходов прибывает, а они делают больше рейсов, то перевозная способность возрастает. Процент перевозок, производимых германскими кораблями из Германии и в нее, с годами остается, по отношению к перевозке, производимой кораблями других наций, почти таким же (около 50%), то есть с возрастанием торговых оборотов Германии растет и провозная способность ее торгового флота. Каботажное движение кораблей в Германии усиливается с годами, но внешние сношения возрастают быстрее каботажных.[1]

[1] В России относительно *состава* своего торгового флота нет столь подробных статистических данных, как в Германии или других западноевропейских странах, но участие своего флота в перевозках ясно. Что же касается до перевозок русского товара из одного моря в другое (например, из Черного в Балтийское), то оно у нас каботажем не считается.

Переходя специально к русскому судостроительному и мореходному делам, считаю полезным, сверх вышеуказанного, перепечатать еще часть своих суждений об этом предмете, представленных при пересмотре тарифа.[1]

Железнодорожные вагоны представляют один из важнейших способов для перемещения всякого рода грузов, но все же водяной путь, несмотря на всю борьбу этих родов передвижения, не только ныне, но и впредь сохранит первенствующее значение относительно наибольшей массы товаров. Это видно даже в результатах внешней торговли России, хотя ее граница, оживленная торговлею, гораздо длиннее тянется по суше, чем по морю, и хотя отправка по рекам считается за сухопутную. Для примера достаточно указать на 1888 г. Ценность товаров, отправленных морем, более чем в три раза превосходит ценность русских товаров, вывезенных сухопутно, а для привезенных товаров почти в полтора раза. Таким образом, внешний торговый оборот России в 1888 г., равнявшийся почти 1200 млн руб., на 70% произведен чрез морские границы, и только 30% ценности прошло границы России сухопутно. Когда отпуск России еще увеличится, — процент морской отправки (ныне 75%) должен возрасти, потому что отпускаемые Россиею товары дешевы и грузны. А так как отпуск растет и, наверно, с пересмотром тарифа будет подниматься, то своевременно принять меры для обеспечения этого отпуска на своих кораблях, тем более, что их постройка сразу даст крупное потребление железу, в котором — со всех сторон — видны корни всякой промышленности.

Наибольшая часть судов, вывозящих русские товары и привозящих иностранные, ходит не под русским флагом.[2] А так как главную массу

---

[1] В перепечатываемой статье я сделал несколько небольших добавлений, которыми желаю более уяснить свои мысли, и выбросил свои предположения, касающиеся нормы обложения судов. Эти предположения (сделанные в 1889 г.) ныне не имеют никакого значения, потому что вопрос о пошлине на суда и о поощрении мореходства будет вновь подвергнут рассмотрению в правительственных сферах.

[2] В портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей в 1888 г.: в приходе (выгрузилось) под иностранными флагами было 3932 судна с нагрузкой 2.1 млн т, а русских 1115 судов с нагрузкой 0.4 млн т. Отплыло с грузом: иностранных судов 10 107 с нагрузкою 6.3 млн т, а русских 1228 судов с грузом 0.4 млн т. Часть морских судов, действующих на русские капиталы, ныне носит иностранный флаг ввиду: 1) высокой таможенной пошлины, которую необходимо внести для того, чтобы иметь право поднять русский флаг, и 2) высоких консульских и всяких иных сборов, которые, несут русские суда — по сравнению с иностранными, особенно английскими и немецкими. Сверх того финляндские корабли носят русский флаг, следовательно, за вычетом финляндских судов, чисто русское мореходство окажется еще меньшим.

русских товаров составляют малоценные, то, оставляя иностранцам главный заработок морской перевозки, Россия теряет очень много в своем промышленном развитии. Особенно ощутителен и резко выдается недостаток русских судов для заграничного плавания в портах Черного и Азовского морей, хотя там грузятся суда Черноморского общества пароходства и торговли и Добровольного флота. В 1888 г. в этих морях с грузом русских товаров вышло 1878 судов под иностранными флагами и только 251 судно под русским; вместимость первых была 3.9 млн т, а вторых — 0.1 млн т. Причину этого напрасно ищут в некоторых посторонних обстоятельствах; она всецело лежит в отсутствии способов и материалов для постройки судов: судостроительного дерева на берегах Черного моря очень мало, а железного судостроения, не считая казенного и субсидированного Черноморского общества, и вовсе почти нет. Там же, где есть условия для судостроения, свой русский флот растет быстро, что особенно ясно по системе Волги и Каспийского моря, где сперва ходили исключительно деревянные суда, а железные пароходы были привозные из-за границы; но ныне железные суда паровые и парусные готовятся с успехом в России и год от году растут в числе и сбавляют быстро цены перевозки (стр. 651). Возможно быстрое развитие железного и притом парового судостроения на черноморских берегах относится к важнейшим задачам предстоящего промышленного развития России особенно потому, что в ближайшем будущем предвидится для всего флота усиленная работа с вывозом по морю донецкого угля и закавказского керосина. Если на месте добычи донецкий уголь стоит от 3 до 6 коп., то свезенный в Румынию или Константинополь он уже стоит более 15 коп., а в Суэце — почти 20 коп. Следовательно, на таком дешевом товаре, как уголь, главный доход получают перевозчики, и необходимо, чтобы подобная торговля велась под русским флагом. Дело железного судостроения на Азовском и Черном морях столь важно, что его следует поставить вне всяких случайностей, не страшась некоторых затрат, для сего необходимых и могущих быстро возвратиться, с укреплением русского морского пароходства на Черном море в такой же мере, в какой оно уже окрепло на Каспийском, еще за пятнадцать лет сему назад бывшем столь же бедным в этом отношении, как ныне Черное и Азовское моря. Для сей цели должно: 1) тщательно обсудить вопрос о таможенных пошлинах на иностранные суда, приобретаемые русскими подданными, ибо лучше взять от иностранцев судно и сделать его русским, чем всю почти перевозку вести на иностранных судах, так как тогда и капитал, и труд, и проценты уходят из России; 2) принять неотложные меры к развитию на юге России достаточного железоделательного производства, вполне необходимого как для прекращения иностранного ввоза, так и для железного парового судостроения, и 3) не жалеть ни средств, ни усилий (например, чрез казенные заказы) для возбуждения на указанных берегах судостроительных предприятий. При этом должно обратить внимание на то, что в Чер-

ном (и Азовском) и Балтийском морях грузится ежегодно русских товаров примерно 500 млн пудов[1] на 500 млн руб., и средний фрахт за них достигает 15 коп. с пуда, следовательно, за вывоз своих товаров Россия ежегодно платит около 75 млн руб. Отсюда видно, сколь важен по своему значению вопрос о приобретении собственных русских судов и об учреждении русской внешней торговли на таких судах. Полагая паровое судно вмещающим 200 тыс. пудов ($3^1/_2$ тыс. т) и делающим в год лишь 5 рейсов с русскими товарами, оказывается для вывоза всех русских товаров надобным иметь 500 судов. Считая стоимость каждого в 400 тыс. руб., получим, что основной капитал, необходимый для устройства этих судов, не превосходит 200 млн руб., а разделяя его на пять лет последовательного обзаведения, получим в год по 40 млн руб. расхода основного капитала. Все, могущее приблизить таковой результат, должно быть исполнено по тому важному значению для промышленной жизни России, какое имеет морское судоходство. Всякий год промедления есть явная потеря возможного и очевидного заработка, есть один из способов продления экономических затруднений России. Многие из предприимчивых людей юга России сознали уже великую выгоду от обзаведения собственными паровыми судами. Но ныне для сего нет никакой возможности: своих элингов и металлургических предприятий там нет, а выписка иностранных судов, кроме прямой их стоимости, значительно увеличивается таможенною пошлиною. Так, за паровую шхуну в 2 тыс. [т] вместимости следует уплатить таможенных пошлин:

За	первые	100 т	3 800	руб. зол.
»	следующие	1400 т	28 000	» »
»	остальные	500 т	5 000	» »
			36 800	руб. зол.

А такое судно (железное, торговое, с слабою машиною) можно иметь за 160 тыс. руб. зол. Останавливает при этом особенно то обстоятельство, что таможенный оклад должно внести тотчас и сразу, а это мало кому под силу, ибо известно, что скопления свободных капиталов у деятельных людей в России почти никогда не бывает.[2] Для скорейшего возбуждения желаемого приобретения русских судов, прежде всего было бы полезно объявить на известный срок — пока будут длиться хлопоты с учреждением собственного русского судостроения — беспроцентную рассрочку всего таможенного оклада на пять или даже десять лет. Но мера эта может быть лишь временною и должна относиться только к судам Азов-

[1] Из них приблизительно 200 млн пудов на Балтийском море, 200 на Черном и 100 на Азовском.

[2] Министру финансов, однако, предоставлено рассрочивать взнос части таможенной пошлины за суда.

ского и Черного морей, потому что там ныне нет возможности строить русские железные суда, в Балтийском же море эта возможность существует. А так как соответственными мерами, особенно же правительственными заказами, можно на юге России быстро возбудить как добычу массы железа и стали, так и судостроение из них (стр. 648 и сл.), то к сему сроку необходимо прекратить применение указанной меры, чтобы дать возможность укрепления на юге России собственного судостроения. Тогда вначале должна будет действовать всею своею силою охранительная пошлина, с течением же времени, когда укрепится соревнование (особенно между судостроением в Азовском море и в Днепровско-Ингульских устьях), — пошлина эта окажется излишнею, так как юг России обладает условиями для железного судостроения гораздо в большей мере, чем какие-либо другие страны Европы.

Что касается до размеров пошлины на суда, то должно заметить, что до 1882 г. суда, прибывающие по воде, пропускались беспошлинно. Такая система была бы вполне целесообразною, если бы Россия не имела естественных условий для построения как деревянных, так и железных кораблей. Русское экономическое самосознание, мало работавшее в прошедшие десятилетия под влиянием многих внутренних преобразований и потрясений, воспользовалось сею льготою для системы Волги и частью Балтийского моря, но южные наши моря не обзавелись за это время своими судами, не говоря о тех немногих исключениях, вызванных правительством, которые у всех на виду. Беспошлинный ввоз судов получает свой истинный смысл только тогда, когда принято будет во внимание преобладание в настоящее время железных судов над деревянными[1] и паровых над парусными — по количеству грузов, ими перевозимых во всемирной торговле. Если же железное и паровое судоходство составляет норму современного судостроения, то беспошлинный ввоз судов однозначащ с тем,

---

[1] По данным, собранным Fovill'ем, вместимость морских кораблей всего света в миллионах тонн:

Парусных	12	Паровых	$5^1/_2$	в	1875 году
»	14	»	$6^3/_4$	»	1880 »
»	13	»	$10^1/_3$	»	1885 »
»	$11^1/_2$	»	11	»	1888 »

Первые только отчасти железные, вторые все железные; парусные способны в данное время сделать в три раза менее перевозок, чем паровые. Ежегодно строится кораблей с вместимостью около 700 тыс. т. По Mulhall'ю, в 1883 г. — все паровые морские суда могли действительно поднимать (действительная подъемная способность паровых судов менее их вместимости, потому что они содержат котлы и машину) $7^1/_3$ млн т, а перевезено $109^1/_2$ млн т, то есть сделали в год 13 рейсов с грузами. В том же году на парусах перевезено в $2^1/_2$ раза менее грузов.

что Россия обрекалась бы никогда не иметь ни своего развитого кораблестроения, ни одного из крупнейших потребителей своего железа. Поэтому, сперва в 1881 г. для разобранных судов, а потом в 1882 г. и для целых назначена была ввозная пошлина, которой и обязана Россия тем, что ныне все суда для системы Волги и Каспия строят уже в России, а затем в Петербурге основались два крупных судостроительных предприятия, доныне еще нуждающихся в поддержке усиленными заказами. Размер пошлин (увеличенный в 1885 г. на 20%) для железных судов определялся в 24 руб. зол. с первых 200 ластов (или 400 т) и 12 руб. зол. со следующего числа ластов водоизмещения. А так как мера водоизмещения (ненагруженного судна) выражает собою вес судна и каждый ласт (70 куб. футов воды) отвечает $121\frac{1}{2}$ пуду, то за первые 200 ластов водоизмещения взималось почти по 20 коп. зол. с пуда, а за следующие — по 10 коп. Такое, в сущности незначительное (в год хорошей судовой работы оно могло окупиться), обложение в 1887 г. было изменено и переведено на тонны груза *полной вместимости*, считая ее по общепринятой системе Мурсома. Такое изменение облегчило таможни, потому что каждое судно имеет официально определяемую (по измерению внутренней вместимости, на основании измерений длины и поперечных размеров судна) грузовую вместимость, так что при досмотре судна нет надобности прибегать к трудным промерам, определяющим водоизмещение *пустого* судна (без груза), которое и представляло основание прежней системы сбора. Было принято, что для железных судов 100 ластов водоизмещения равняются 70 ластам, или 140 т вместимости, а для деревянных судов 100 ластов водоизмещения — 100 т вместимости. Полученные оклады с тонны вместимости были увеличены ввиду малости прежнего оклада. Чтобы перейти от ныне действующего оклада к окладу с пуда веса железного судна, очевидно, необходимо оклад с тонны вместимости помножить на 0.7 и разделить на 61. Поэтому оклад в 38 руб. с первых 100 т вместимости отвечает окладу с пуда $43\frac{1}{2}$ коп., а оклад в 10 руб. с тонны соответствует окладу $11\frac{1}{2}$ коп. с пуда материала, примененного к постройке и снаряжению судна. Точно так же для деревянных судов современный оклад по 12 руб. с первых 100 т полной вместимости почти равняется 10 коп. с пуда, а со следующих — почти 5 коп. с пуда. Так как в вес всего судна входят все прикрепленные к нему части, машины, мачты, устройство кают и т. п., и так как все такие предметы несут гораздо высшие оклады, то в сравнительно малом обложении судов видна забота правительства о снабжении страны, лишенной сколько-либо зрелого морского судостроения, дешевыми заграничными судами. Но, не выжидая того действия, которое произведет установленный оклад, можно уже ясно видеть, что по существующему окладу не будет заводиться русского морского торгового флота на основании заграничных заказов. С 1882 г., когда введена пошлина на суда, во все русские порты приобретено следующее количество железных судов:

Год	Число	На сумму тысяч рублей
1883	36	2973
1884	25	2012
1885	31	1167
1886	32	1799
1887	47	2409
1888	27	2039
1/2 1889	15	3803
	213 судов на	16202 тыс. руб. кред.
В год среднее	33 судна на	2492 тыс. руб.

Средняя цена каждого приобретаемого за границею судна около 76 тыс. руб., что уже явно показывает преобладание мелких (речных, прибрежных, каботажных, буксирных) судов над торговыми мореходными, которые, при вместимости около 1000 т, обходятся при наинизшей цене железа около 125 тыс. руб. каждое, а в обычных условиях железного рынка (иностранного) около 150 тыс. руб. Так как в готовом железном, паровом, торговом судне обычных размеров (следовательно, имеющем средний ход узлов 7, но небольшие возможные скорости, а потому и небольшую машину), судя по сведениям, почерпнутым из различных источников, можно принять, что около 65% общего веса (ненагруженного судна) состоит из железа котельной и кузнечной работы, около 20% относится к весу машины, котла (пустого) и винта или колес, около 10% приходится на деревянные судовые поделки и около 5% на снасти (мачты, паруса и проч.), то, расценивая в отдельности пошлину за 100 весовых частей судна, получим оклад *с пуда* (при тарифе за машину и за котел 1 руб. 70 коп.) около 1 руб. 50 коп. зол. с пуда веса судна. Судно в 1000 т вместимости, или весом около 88 000 пудов, ныне уплатит 21 800 руб. зол. пошлин, и если цену этого судна принять в 180 тыс. руб. зол., то современная пошлина составит около 12% стоимости. Если же то же судно представить привезенным в разобранном виде, то оно бы ныне уплатило пошлин около 100 тыс. руб. зол.

Таким образом, является дилемма: *малый оклад* (или — в пределе — свободный беспошлинный пропуск) на железные суда, облегчая их приобретение, не даст возможности укрепиться в России железному делу, так как отнимет от него крупнейшего потребителя, а *большой оклад* (или — в пределе — полное запрещение иностранных судов к привозу), пока не возникнет достаточного соперничества и большой собственной добычи дешевого железа, не даст возможности развиваться в это переходное время русскому кораблестроению и мореходству. В первом случае[1] — продолжатся те переплаты за границу за железо, которые со-

[1] Выше определена надобность в 500 судах большого калибра. Если счесть на каждое только по 100 тыс. пудов железа, то его потребуется на все 50 млн пудов.

ставляют за прошлые 20 лет сумму бо́льшую, чем в $1^1/_2$ млрд руб. Во втором случае продолжится переплата иностранным кораблям фрахта за русские товары по 75 млн руб. в год, или в 20 лет опять около $1^1/_2$ млрд руб. Если же ничего не предпринимать — в таможенном смысле, — то годовая переплата может составить сумму двух вышесказанных или образует новые 3 миллиарда в 20 лет. Выгоды от вывозимого хлеба и вся страдная работа русского землевладельца пойдут в эту бездну, потому что 3 миллиарда потребуют ежегодно одних процентов более 100 млн руб.

Установление надлежащего таможенного оклада на железо и его изделия в новейшие — железные — времена должно иметь решающее значение, и притом — не обращая внимания на то — прибавится или убавится таможенный доход (по статьям, касающимся железа) от рациональной постановки дела, лишь бы достигалось желаемое и необходимое. А оно, очевидно, состоит в том, чтобы железо добывалось в России и в ней же находило крупные применения, подобные судостроению, и, следовательно, чтобы суда строились на русских элингах из русского железа и, прежде всего, для русских промышленных целей. Ясно далее, что сперва необходимо оборудовать всю добычу железа на подходящих местах (подобных местности около Корсак-Могилы), а за это подготовительное время полезно дать возможность удовлетворения надобности в судах на счет иностранного заготовления. На основании этих соображений едва ли будет иной более рациональный способ обойти вышеуказанную дилемму — чем нижеследующий:

1) Время от настоящего положения вещей до желательного — когда в России будет избыток своего железа и совершенно обеспеченное свое судостроение — следует представить разделенным двумя определенными эпохами на три периода: подготовительный, созидательный и период развития. В каждый из этих периодов должны изменяться как способы отношения правительства ко всей железноделательной промышленности России, так и таможенные оклады на железные суда.

2) В подготовительный период (примерно до 1895 г.) следует всеми способами вызвать в Донецком крае, как наиболее к сему способном, добычу и переделку массы железа. Для этой цели следует месторождение руд в Корсак-Могиле и др. сделать центром оживления, экспроприировать их в казну, сдать малыми частями в аренду, заказать на заводах, долженствующих возникнуть там и в других местах юга, не только рельсы, броню и т. п., но и прямо корабли, так как они необходимы для мелкой службы черноморского и вообще русского флота. Это возбуждение будет стоить расходов, даже, быть может, нескольких миллионов в год, но грозная цифра миллиардов нового долга должна показать целесообразность такого приема. В этот подготовительный период следует невысокою пошлиною на суда иностранного приготовления дать возможность выписывать готовые суда из-за границы и даже облегчать покупки этого рода чрез

раскладку пошлины на несколько лет, чтобы из заработков судна можно было выплачивать таможенный оклад.[1]

3) В период созидательный правительственные заказы не должны быть совершенно оставлены, но должны служить способом для усиления внутренней конкуренции, а потому являться на помощь начинателям или тем строителям, которые по какой-либо причине понесли незаслуженные убытки. Но в этот период главный доход возникших чрез правительственную инициативу русских эллингов должны составить частные заказы, которые направятся в эту сторону, если пошлина за иностранные суда будет достаточно высокою, чтобы погасить расходы первых русских судостроителей юга, и если при этом вся русская промышленность будет возрастать и вместе с нею будет расти спрос на морские суда. В этот период пошлина на готовые суда должна быть достаточно высокою, чтобы прикрыть своим размером как экстренные расходы новичков, так и цены на сталь и железо, еще не окончательно опустившиеся до низкой своей — возможной в России — нормы.[2]

4) В период развития, когда железо и сталь уже подешевеют в России, железное паровое судостроение до того должно укрепиться у нас, что можно будет *затем* с одинаковым правом или совершенно снять ввозную пошлину на суда, или совершенно запретить ввоз иностранных судов. Но грань времени между сим периодом и предшествующим вперед установить нельзя, а потому в практическом вопросе тарифа можно отличить только переходный период от созидательного, полагая некоторый предел (например 1895 г.). После него пошлина на пуд готового железного парового судна должна быть достаточною для прикрытия выгод русских начинателей, а потому должна сообразоваться с пошлиною на железо.

Прежде чем перейти к заключительным замечаниям, приведем данные по внешнему мореходству России, ограничи-

---

[1] Если не подготовлять своего большого железного дела, а пошлину на суда сделать очень низкою, то произойдет, вероятно, то же, что было до 1882 г. (когда таможенной пошлины на суда не было), то есть ни судов иностранных покупать не станут, ни своего железного дела развивать не будут, то есть придется в 20 лет задолжать несколько миллиардов рублей за границу, а свои достатки и заработки расти по-тогдашнему не будут.

[2] На стр. 673 объяснено, что донецкие цены железа, при легко возможной степени развития, должны быть ниже английских, потому что уголь и руда на Донце дешевле, чем в Англии, которая (стр. 806) выписывает чужеземные руды.

Здесь полезно напомнить исходную точку зрения этой книги: протекционные меры, правильно отнесенные к предметам, имеющим все естественные условия для развития, не только дают стране заработок, но и приводят к дешевизне товара в стране и во всем мире, то есть действуют в пользу человечества.

Заграничное плавание под русским и иностранными флагами	1886 г.				1887 г.				1888 г.				1889 г.			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Черноморское и Азовск. моря	4.5	1.4	2.7	1.3	5.4	1.9	3.3	1.7	6.2	2.3	4.2	2.1	5.7	2.2	4.0	2.0
Балтийское море	5.3	1.2	3.5	1.0	6.3	1.4	4.4	1.2	6.9	1.6	4.8	1.4	6.2	1.5	4.6	1.3
Белое море [1]	0.6	0.1	0.1	0.04	0.6	0.1	0.1	0.04	0.7	0.1	0.2	0.06	0.6	0.1	0.2	0.08
Всего заграничн. плаван.	10.4	2.8	6.4	2.4	12.4	3.4	7.9	2.9	13.8	4.0	9.2	3.6	12.5	3.8	8.8	3.5
В том числе русских	1.4	0.3	0.6	0.2	1.5	0.3	0.6	0.2	2.0	0.3	0.7	0.2	1.5	0.3	0.7	0.2
Сверх того каботажн. плаван.	28.6	3.0	16.2	2.4	28.0	3.0	—	—	29.1	3.6	17.1	3.2	27.7	3.6	17.8	3.2

ваясь четырьмя последними годами, для которых имеется таможенная отчетность, и даем лишь сведения об отходивших судах, потому что приход почти равен отходу и часть пришедших кораблей груза не имела. Для каждого года дано 4 столбца: I — число (в тысячах кораблей) всех отошедших судов, II — их общая вместимость в миллионах ластов (ласт = 2 т), III — число тысяч отошедших пароходов и IV — их общая вместимость в миллионах ластов [см. таблицу].

Всего важнее здесь заметить: 1) что в заграничном плавании русские суда, по вместимости, участвуют в виде 8½% общей русской морской заграничной отправки, а это показывает, что главные фрахтовые заработки идут иностранцам; 2) что пароходная перевозка составляет в России, по массе перевозимого груза, около 90% не только в заграничной, но и в береговой торговле, а это больше, чем где-либо, и определяется, по всей вероятности, тем, что в мореходном деле России принимают участие преимущественно капиталисты, а не мелкие судохозяева, которые всюду предпочитают начинать с парусных судов, и 3) что участие русских кораблей в заграничном плава-

[1] Для Мурманского берега и вообще для берегов Северного и Тихого океан[ов] данных о мореходстве не получается в таможенных отчетах. Данные для Каспийского моря, где плавают лишь русские суда, не могут идти в число данных других наших морей и должны скорее относиться к внутреннему судоходству. Заметим, однако, что в 1889 г. в Каспийском море записан 931 корабль, пришедший из заграничного плавания (в Персию) в порты, с общею вместимостью 105 тыс. ластов, а в каботажном плавании записан 10 361 корабль, в приходе с 1730 тыс. ластов вместимости; из них 1105 тыс. ластов для паровых судов и 625 для парусных.

нии если и возрастает чуть в абсолютной величине, то очень медленно, а в относительной падает. Это последнее видно особенно ясно по сравнению с 1875 г., когда всего пришло 10.9 тыс. кораблей с вместимостью 2.0 млн ластов, а из них русских было 1.3 тыс. с вместимостью 0.21 млн ластов = = 10½%, а ныне 8½%. Другими словами, это значит, что русская внешняя торговля растет быстрее, чем русское мореходство, но все же оно возрастает, а вот в 70-х годах во Франции, как видели выше (стр. 827), оно падало абсолютно пред временем издания закона 1881 г., и причину падения должно искать в том, что таможенных мер, поощряющих судоходство и судостроение, не существовало. Мое мнение выразится ясно, если я скажу, что таможенная свобода судоходства и приобретения судов вела и будет вести такие страны, как Россия, не к медленному возрастанию, а к медленному, но верному падению мореходства и судостроения. Во внутреннем, речном и каспийском судоходстве и судостроении Россия делает довольно скорые успехи,[1] конечно, не потому одному,

[1] На стр. 650 даны для 1884 г. некоторые сведения о развитии волжско-каспийского судоходства и судостроения. В дополнение привожу, далеко не полный для настоящего времени, список (к 1 января 1889 г.) паровых судов каспийского коммерческого флота, построенных в России.

Название судна	Владелец	Год постройки	Место постройки	Грузовая вместимость в тоннах
Арцах	Аветов и Мадатов	1883	Коломна	96
Астраханец	Канненберг	1872	Балахнинский у. Нижегородской губ.	130.04
Васпурокан	Любимов	1888	Пермская губ.	519.74
Имп. Александр III	«Кавказ и Меркурий»	1884	Спасский затон, Казанской губ.	628.88
Князь Пожарский	Любимов	1888	Пермь	735.20
Коломна	Общ. Коломенск. машиностр. завода	1883	Коломенский машиностроительный завод	1025.48
Кострома	Товарищество «Каспий»	1882	Кострома	943.04
Минин	Сормовск. завод насл. Бенардаки	1887	Балахнинский у. Нижегородской губ.	433.82

что сюда прямой вход иностранцам отрезан, а потому, что таможенные и провозные расходы затрудняют вход иностранных судов.

Но в 70-х годах, когда вход иностранных кораблей и всяких судов был совершенно свободен, усилилось внутреннее производство железных пароходов по системе Волги и Каспия, а, начавшись давно, выросло до самостоятельности и до дешевых фрахтов именно в эпоху 80-х годов, когда наложена была пошлина на суда во всяком виде.

Приводим затем ежегодный ввоз иностранных судов (морских и речных), оценку которых, данную в таможенных показаниях, должно считать справедливой только до известной

Продолжение

Название судна	Владелец	Год постройки	Место постройки	Грузовая вместимость в тоннах
Михаил с сыновьями	Насл. поруч. Бенардаки	1888	С. Сормово Нижегородской губ.	678.12
Нина	Товарищество «Каспий»	1872	С.-Петербург	174.00
Ост-Индия	Артемьев	1886	Астрахань	929.84
Рафаил	Насл. поруч. Бенардаки	1888	Балахнинский у. Нижегородской губ.	491.14
Сормово	Сормовск. завод насл. Бенардаки	1888	С. Сормово Нижегородской губ.	659.52
С. Шибаев	Общ. Колом. машиностр. завода	1888	Коломенский машиностроительный завод	1026.12
Тегеран	«Кавказ и Меркурий»	1888	Спасский у. Казанской губ.	374.64
Уран	Дадашев	—	Воткинский завод	187.73
Шексна	Товарищество «Каспий»	1879	Рыбинский у. Нижегородской губ.	744.00
Энзели	«Кавказ и Меркурий»	1884	Спасский затон, Казанской губ.	11.84

Сверх того приведем (1888) список, еще менее ныне полный, пароходов русской постройки на трех внешних морях, конечно, не упоминая

степени. Между тем в таможенных отчетах до 1883 г. не указано даже число судов, беспошлинно пришедших из-за границы. Однако из общих частных сведений известно, что

о военных кораблях. (Данные взяты из списков, изданных Министерством финансов).

Название судна	Место приписки	Владелец	Год постройки	Место стройки	Грузоподъемность в тоннах	Число инд. сил
Александр	Ростов	Бр. Дубровины	1883	Ростов-на-Дону	77.66	300
Бабушка	Севастополь	Русск. общ. пароходства и торговли	1871	Севастополь	97.81	360
Балтик	Таганрог	Стороженко	1882	Рига	278	—
Волга	Одесса	Русск. общ. пароходства и торговли	1881	Севастополь	414.75	360
Вестник	Севастополь	» » »	1882	Севастополь	211.86	420
Гайдамак	Ростов	Общ. по Дону, Азовскому и Черному морям	1882	Нахичевань	29.53	—
Гонец	Одесса	Балков, Чернов и др.	1880	Одесса	44.98	96
Днепр	»	Зворано	1857	»	43	120
Дедушка	Севастополь	Русск. общ. пароходства и торговли	1871	Севастополь	97.59	360
Звездочка	Ростов	И. Найденов	1884	Калач	34.49	30
Кача	Севастополь	Русск. общ. пароходства и торговли	1872	Севастополь	412.27	360
Копчик	Севастополь	» » »	1870	Севастополь	299.69	240
Косарь	Севастополь	» » »	1874	Севастополь	19	120
Малоросс	Ростов	Стороженко	1887	Ростов-на-Дону	44.89	222
Мезень	Мезень	Русанов	1875	Петербург	27.44	360
Николай	Либава	Коваленко	—	Одесса	85.5	600
Нина	Николаев	Батизманский	—	Николаевское адмиралтейство	39.07	150

в 70-х годах заводились многие каботажные суда, отчасти речные пароходы, но мореходных судов Россия ни сама не строила, ни за границей для внешних морей тогда почти не покупала. Поэтому сперва даем ввоз всех судов только с указанием их стоимости.

Судов ввоз, европейская граница

Год	Стоимость тысяч рублей	Год	Стоимость тысяч рублей	Год	Стоимость тысяч рублей
1869	296	1874	234	1879	511
1870	1466	1875	281	1880	440
1871	355	1876	913	1881	2918
1872	198	1877	162	1882	2131
1873	383	1878	283	1883	3118

Продолжение

Название судна	Место приписки	Владелец	Год постройки	Место стройки	Грузовая вместимость в тоннах	Число инд. сил
Павловск	Темрюк	Общ. пароходства на Дону	1881	Ростов	13.91	90
Поляков	Одесса	Общ. азовского пароходства	—	Аккерман	64.27	—
Поспешный	»	Русск. общ. пароходства и торговли	1873	Севастополь	220.31	360
Рассвет	Херсон	Волохин	1886	Херсон	26	180
Розалия	Николаев	Гурович	1880	Николаев	84	210
Ростов	Ростов	Комп. Дон. гирл.	1863	Ростов	28.29	—
Рысак	»	Максимов	1888	»	116.92	360
Тесть	Одесса	Русск. общ. пароходства и торговли	1883	Севастополь	67.50	420
Теща	»	» » »	1881	Севастополь	140. 1	20
Форверц	Пернов	Либавский биржевой комитет	1888	Рига	39.3	480
Чайльд-Гарольд	Одесса	Починский	1864	Одесса	30	298
Юлия	Николаев	Батизманский	1880	Николаев	35.83	210

В 1881 г. замечается сразу возрастание. А надо заметить, что именно в 1881 г. в первый раз таможенные оклады коснулись ввозимых судов, потому что для разобранных был назначен оклад по материалу, а в 1882 г. уже прямо наложена была пошлина на все суда по водоизмещению. С 1884 г. даем ввоз с большею подробностью, но не отделяя (как делалось до 1887 г.) паровые суда от парусных, потому что железные суда преимущественно ходили паровые, а деревянные — парусные. Ввоз дан по *всем* границам (Батум и Новороссийск кое-что купили, а часть кораблей пришла из Финляндии) [см. табл. стр. 848].

Здесь бросается в глаза то, что в 80-х годах, когда установилась пошлина на суда, ввоз их возрос, а не упал. Конечно, часть различия зависит от того, что, с наложением пошлин, к вопросу о записи судов таможни отнеслись внимательнее, чем прежде, но все же главнейшую роль играет, хотя небольшое, но, однако, несомненное оживление всей промышленности, а потому и торговли, наступившее в 80-х годах.

Пошлины не страшат предпринимателей, когда есть или предвидится заработок, их покрывающий; другими словами, если явится судовая, мореходная работа, например в виде подвоза массы угля и нефти, исключительно предоставленная русским (как каботаж) или для них особо выгодная, то и свои суда строить начнут и от иностранцев покупать станут — несмотря на пошлины. Так и развила Англия свое мореходство и свое кораблестроение, дав выгодное дело для судов английской стройки (стр. 150). Да иного пути никогда и нигде не было. Свободный вход чужеземного товара не может развивать внутри страны ни производства, ни потребления, если начала их нет в достаточно сильной мере или есть угнетенное состояние.

От свободы входа иностранных кораблей и ныне ничего иного ждать нельзя, как удовлетворения спроса на суда каботажные, ныне спрашиваемые в Черном море только потому, что каботаж по русским берегам иностранным судам не дозволен.

Таможенный департамент в 1889 г. публиковал первый общий список судов русского морского коммерческого флота, под названием «Опыт перечня судов Российского морского торгового флота, к 1 января 1889 г.». Для внешних: Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей исчислено всего 333 парохода и 2870 парусных судов, из которых, однако, наибольшее количество имеют вместимость от 15 до 100 регистровых тонн. В Каспийском море приписано 96 пароходов и 1131 парусное судно.

Год	По всем границам ввоз судов						Стоимость всех, в тысячах рублей
	железных судов				деревянных		
	водоизмещение						
	менее 400 т		более 400 т		число	стоимость, тысячи рублей	
	число	тыс. руб.	число	тыс. руб.			
1884	28	465	5	1620	873	260	2345
1885	37	897	4	1114	835	240	2251
1886	28	567	9	1267	677	227	2061
1887 I	29	497	4	529	443	73	
	Вместимость						2551
	до 100 т		100—1500 т		более 1500 т		до 100 т		более 100 т		
	число	тыс. руб.	число	тыс. руб.	число	тыс. руб.	число	тыс. руб.	число	тыс. руб.	
1887 II	5	169	8	1204	—	—	429	72	3	7	
1888	17	250	10	1264	1	575	1002	142	8	14	2245
1889	21	352	17	938	1	3087	502	153	8	64	4594
1890	18	249	30	2146	3	1060	849	170	4	3	3628

Необходимо ясно видеть, что причину спроса и тут составляет таможенно-правительственная мера. Но все же каботаж растет, несмотря на пошлину, как видели выше.[1] Одни, то есть покупатели, говорят, что существующая пошлина высока, другие, то есть строители, — что она мала, что она много ниже пошлин на другие виды железных изделий. Если принять, судя по свидетельству известного нашего судостроителя (управляющего Балтийским заводом) М. И. Кази, в его сообщении, сделанном при пересмотре тарифа, что в большом паровом и грузовом (при скорости около 7 узлов) корабле тонна вместимости стоит в Англии от $11^1/_2$ до $15^1/_2$ ф. с. (с ценою машины), смотря по спросу и ценам железа, то одно изменение цен на местах очень сильно развитого производства достигает с тонны до 4 ф. с., или до 25 руб. зол. с тонны вместимости. А так как пассажирские пароходы с сильными и дорого стоящими машинами и с дорогою отделкою стоят гораздо более (до 25 ф. с. с тонны полной вместимости), то существующий ныне оклад (ст. 175-я п. 1) в 20 и 10 руб. зол. с тонны больших кораблей никоим образом не может побуждать к устройству русского кораблестроения, так как таможенная премия (в 2—3 ф. с. на тонну) менее той разности, какая существует в разные эпохи и для кораблей различного устройства. Ныне существующая таможенная пошлина на суда в комбинации с дороговизною провоза во внутренние воды, защищает, как показывает опыт, внутренние заводы от внешней конкуренции, но не имеет силы вызвать частной предприимчивости для устройства кораблестроения на внешних морях. Отсюда следует, что пошлина должна быть увеличена для двух целей: во-первых, для того, чтобы дать возможность установиться на внешних морях русскому кораблестроению, а во-вторых, для того, чтобы чрез это дать крупный внутренний сбыт русскому железу. Как нельзя лумать о большем удешевлении и вообще широком применении в России серной кислоты, отнимая от русских производителей, чрез беспошлинный впуск суперфосфатов (стр. 425 и сл.), один из крупнейших видов потребления серной кислоты, так нельзя думать о возможности удешевления железа в России и о широком развитии его производства, если чрез беспошлинный или низкопошлинный впуск железных кораблей и машин, на них действующих, отнять от русских железозаводчиков один из крупнейших видов потребления железа.

[1] [B] 1886 и 1887 гг. в каботаже 3 млн ластов, а в 1888 и 1889 гг. — по 3.6 млн ластов.

Самая консеквентность тарифа тогда нарушится. В виде примера это станет ясно. Железный океанский пароход в 2500 т с машиною в 2500 сил (слабосильная для скорого хода такого парохода) ныне уплатит таможенных пошлин 38 380 руб. зол. В его корпусе и машине, наверное, будет железных изделий (ст. 151-я, 152-я, 153-я и 167-я), платящих по 1 руб. 70 коп. зол. с пуда, не менее 90 тыс. пудов, следовательно, пуд железа в изделиях уплатит в виде парохода не более 45 коп. зол., то есть менее, чем железо не в деле (ст. 140-я). Очевидно, что при таком несоответствии пошлин явится масса несообразностей, например, подобных тому, что пароход, разбившийся до уплаты пошлин, за свои обломки должен будет уплатить в четыре раза более таможенных пошлин, чем за целый пароход.

Поэтому в духе общего таможенного тарифа 1891 г. следует возвысить пошлины на железные суда. Но когда, с какою постепенностью сделать это и как помирить потребность судостроения с потребностью мореходства и каботажа? Да и есть ли какая-либо надежда на то, что Россия одолеет предстоящую ей задачу большого железного судостроения? Постараюсь ответить на эти вопросы с возможною краткостью, руководясь рядом тех мыслей, которые уже выражены в предшествующем изложении, и по возможности избегая технических подробностей, которые могут прикрыть и запутать основную мысль.

Прежде и главнее всего следует сказать, что дело кораблестроения, а в том числе особенно постройка железных паровых судов, не только всюду, по сущности своей, составляет дело капиталистическое, но и легко достижимое — лишь только являются условия подходящие, то есть дающие не убытки или одни риски, а прямые, очевидные выгоды. Это дело легко достижимо или легко создаваемо, потому что оно краткосрочно, конкретно, не то, что мореходство, обязывающее хозяина корабля на весь срок жизни корабля. Доказательство налицо в виде постройки судов для Волги и Каспия на многих заводах, расположенных по системе Волги, в виде производства Обществом пароходства и торговли нескольких кораблей на Севастопольских элингах, в виде (стр. 654) выполнения Пастуховым в Ростове-на-Дону большой шкуны в первый же год после того, как явился спрос, наконец в виде исполнения громадных военных броненосцев в Петербурге и Николаеве. Стоит только дать выгодную цену — за кораблестроением дело не встанет: уменье, рабочие, материал — все найдется. Но обыкновенное международное торговое движе-

ние не может вестись такими, сперва дорого стоящими, русскими кораблями. Казна только израсходуется, а дело на свои ноги не поставит, если вздумает уплачивать разности стоимостей обзаводства и фрахтов, то есть если вздумает строительными премиями и помильною платою вызывать русское судостроение и свободное мореходство. Мне кажутся очень полезными немногие субсидируемые океанские предприятия, но обобщать такую меру не только очень накладно, но и бесцельно, потому что приплаты к строительному капиталу и к фрахтовым расходам не могут создать того внутреннего соревнования, которое одно может оборудовать все дело до конца. Притом исторически испробован иной способ действия, не подходящий к другим, меньшим, чем Англия и Россия, странам, а потому ими и не испытанный. Этот способ, проверенный английским навигационным актом, должен в России принять иной образ, потому что колоний, в собственном смысле или в таком, какой был и есть в Англии, у нас нет. Россия представляет тело компактное, единое, притом с морскими берегами, удаленными друг от друга на такое расстояние, которое стоит расстояния некоторых колоний от Англии.

Проход из Черного моря в Балтийское[1] или из Балтийского в Белое есть в действительности «дальнее плавание» в большей мере, чем проход из Финского залива к берегам Германии или Франции. Каботаж во всех почти странах оставлен или предоставлен туземным кораблям. Если эту каботажную исключительность предоставить привозу грузов из каждого прибрежного русского моря в другое такое же море, и если дать действительное и, несомненно, выгодное дело такой перевозке, то получится уже возможность сделать многое для русского судостроения и мореходства и для взаимного соревнования участвующих сил. Но что же, какое дело можно дать для подобной перевозки? Часть дел уже есть, другую легко создать без всяких иных приемов, кроме таможенных. Например соль из Азовского и Черного морей везут в балтийские порты[2] по той причине, что морем дешевле, чем сухим

[1] Морской путь этот около 5 тыс. м[орских] миль.

[2] Из Евпатории, Севастополя, Феодосии и Керчи, например, в 1889 г. вывезено в С.-Петербург, Ревель, Пернов, Ригу и Либаву 4 456 476 пудов соли, оцененной в 1 336 037 руб. Всех товаров, вывезенных, например из Одессы в порты Балтийского моря в 1889 г., было на 467 тыс. руб. А из Петербурга кружным морским путем в 1889 г. отправлено товаров в русские порты Черного и Азовского морей на 3211 тыс. руб. Эти несомненные числа показывают, что уже ныне грузы туда и сюда имеются для «большого каботажа» между русскими портами Черного и Балтийского

путем, и что существует таможенная пошлина на соль. Но такая перевозка ныне производится преимущественно иностранными кораблями, потому, что по русским законам «большой каботаж» (grand cabotage), или перевозка из русских портов в русские же, но лежащие в других морях, каботажем не считается, а относится к заграничному плаванию, то есть предоставляется всем нациям. Керосин, нефтяные остатки (когда будет устроен нефтепровод), каменный уголь, и особенно этот последний, могут доставить большую работу такому «большому каботажу», если он будет предоставлен только русским судам русской постройки и если таможенные пошлины на эти товары будут таковы, что привозить их из-за границы будет менее выгодно, чем кружным путем доставлять из Черного моря в Балтийское. Если пошлина на лесной товар будет сколько-нибудь охранительною, то из Белого и Балтийского морей повезут в Черное потребный там лесной товар. Можно, со временем, когда представится к тому возможность, дать кроме такой перевозочной работы и некоторые крупные виды внешней, действительно «заграничной» перевозки, например, допуская вывоз известных хлебных грузов только на русских судах, особенно ржи и пшеницы в зерне. Если при этом вывоз мукою будет свободным, то выигрыш может быть двойным в отношении мореходства и хлебной переработки. Такой же двойной выигрыш получится и при обложении, после 1898 г., иностранного угля

морей. Но главную массу грузов должны дать продукты нефти, когда будет сооружен нефтепровод, и всего более каменный уголь и товары, от него производимые, в Донецком крае. Для обратного же пути могут служить, во-первых, лесные товары северной России, а потом мануфактурные товары петербургского и вообще прибалтийского промышленного округа. Заметим, что рис и муку уже везут из Одессы в Петербург морем и что Архангельск и Мурман дают для Петербурга на 500 тыс. руб. разных товаров, например соленую рыбу. Вообще юг и север России столь различны своими продуктами, что найдется масса товаров, могущих связать их узами внешней, кружной, морской торговли. Внимательное изучение и опыт покажут многие товары этого рода, а таможенные пошлины могут направить дело в желаемую сторону. Но, повторяю, всего прежде и всего важнее донецкий каменный уголь (стр. 538 и сл.). Он может создать не только твердую русскую промышленность, но и ее коммерческий морской флот, а чрез него и русскую внешнюю торговлю на своих кораблях. Будущая сила России, поправка курса, русское железо и, что всего важнее, новая русская трудовая деятельность, не боящаяся ни зим, ни засух, сокрыта на берегах Донца. Разбудить этих черных великанов казацкого края — представляет великую задачу, легко осуществимую для России. Первые корабли с донецким углем, огибающие Гибралтар, будут составлять задатки новых важнейших мирных русских побед и обеспечат нашу экономическую будущность.

достаточною пошлиною, чтобы донецкий уголь мог попадать в балтийские порты, что особо рассмотрено в 8-й главе, стр. 538 и сл.

Подобные меры, напоминая приемы навигационного акта, могут родить свое кораблестроение и свое мореходство, но они будут плодотворными, при современных русских условиях, только тогда, когда сверх таможенных мероприятий будут проведены в жизн[ь] и другие помогающие правительственные меры, подробное перечисление которых завлекло бы нас чрезчур далеко. Однако упомяну главнейше о том, что развитие добычи донецких углей, донецкой выработки железа, приведение в порядок речных путей юга России, ссуды под залог кораблей русского производства, правительственные заказы на возникающих русских элингах и тому подобные меры (гл. 8) непременно должны действовать рядом с таможенными, чтобы эти последние привели к действительному результату.

Таким образом, мое личное мнение сводится в отношении к кораблестроению и мореходству к следующим основным положениям: 1) оба эти вида промышленности следует развивать единовременно и во взаимной связи, имея в виду все другие самые заглавные надобности развития каменноугольного и железного дела в России; 2) прямых жертв правительственной казны, вроде помильных плат и выдач за судостроение, производить не желательно; 3) производить косвенную помощь казначейства, в виде устройства рек, портов, ссуд под корабли, уголь и проч.; 4) не искать того, чтобы русские корабли приняли участие сразу в международной торговле, а 5) вводить меры, предоставляющие русским кораблям, построенным в России из русских материалов, особые исключительные дела, подобные перевозке из Черного моря русских товаров в Балтийское; 6) «большой каботаж» или провоз из одного русского моря в другое причислить к каботажу и предоставить его только русским подданным и кораблям, построенным в России; 7) корабли иностранного производства обложить сперва — пока русское кораблестроение не разовьется — пошлиною невысокою, подобною ныне действующей, но более соответствующею ценности, чтобы многосильные, дорогие, например пассажирские пароходы платили высший оклад, чем торговые, и непаровые — меньший, чем пароходы; 8) когда начнется на юге, где можно ждать дешевейшего железного парового кораблестроения, развитие этого последнего, тогда таможенный оклад на подобные корабли следует усилить; 9) мелкое железное (речное,

торговое и т. п.) судостроение, как уже начавшееся и легче осуществимое, возвышенными таможенными окладами необходимо возбуждать[1] в столь достаточной мере, чтобы иностранное соперничество было в должной мере устранено (например при помощи окладов, близких к 50—60% стоимости), и 10) так как Россия, особенно близ берегов Азовского моря, имеет превосходные и изобильные металлургические каменные угли и массу железных руд высокого достоинства, и в ней эти материалы и рабочие дешевы, то при достаточном соревновании *многих* предпринимателей она может иметь дешевые железо, сталь и паровые корабли, а потому, при должном попечении о развитии и росте кораблестроения и соответственных ему других видов промышленности, Россия должна получить не только свои дешевые железные суда, но и снабжать ими другие страны Средиземного моря, на берегах которого доныне неизвестно нигде столь благоприятного, как на Азовском море, сочетания всех условий для процветания кораблестроения. При этом присовокуплю, что все указанное естественно, само по себе, пойдет и будет развиваться, но вяло и до того медленно, что за это время Россия страшно много может потерять. Чтобы этого не случилось, чтобы желаемый, вполне возможный и совершенно естественный рост произошел с надлежащей скоростью на глазах у нашего поколения, понявшего в том надобность, можно сильно помочь делу казенными мерами, например выдачею небольших, хорошо разочтенных премий за вывоз на русских кораблях русской постройки и за подвоз в балтийские порты донецкого каменного угля. Связать дело кораблестроения и мореходства с прекращением ввоза в Россию английского угля тем более рационально, что уголь есть основа всей промышленности, всего мореходства (современного — парового) и всего кораблестроения (тоже современного, то есть железного и стального). Ныне нельзя думать о мореходстве и судостроении, не думая прежде всего о каменном угле и железе. Связывая в одно целое развитие промышленности, торговли, добычи угля, его удешевления, добычи железа и его удешевления, можно достичь гораздо вернее каждой из этих целей в отдельности, чем тогда, когда, избрав одну из целей для начала, будем

[1] Ныне нельзя сказать, чтобы это было достигаемо. Так, например, в 1888 г. железных судов, емкостью меньше 100 т, впущено 17, на 250 тыс. руб. кред. и получено пошлины 20 тыс. руб. зол., то есть около 30 тыс. руб. кред., что составляет около 12% стоимости, а известно, что оклады такого размера не имеют возбудительно-покровительственного значения.

стремиться достигнуть по очереди каждой из них. Душу, корень, весь смысл дела всякого промышленного движения должно видеть в каменном угле, но и ему, сверх всех уже существующих потреб, чрезвычайно полезно дать еще новую: на русское мореходство, на русское кораблестроение, на вывоз морем в русские балтийские порты и на русский сбыт в другие страны Европы, куда пойдет донецкий уголь, когда явятся условия подвоза его к Кронштадту. Все это русское, всем этим овладеть и осилить правительству легко, это не то, что задаться задачею конкурировать в морской международной перевозке русским кораблям. Задача та гордая, достойная России, но труднее достижимая, чем добыча своего угля и вывоз его в свои же порты. Если же эта последняя осуществится в должной мере, — достигнется и более далекая.[1]

[1] Замечу, сверх того, что народным делом кораблестроение и далекое мореходство может сделаться в России лишь понемногу, после ряда долгих усилий, а потому оно сперва неизбежно должно быть правительственным и капиталистическим. Притом торговое мореходство естественно развивается исключительно при соревновании парусных и паровых судов. В таких сильных мореходных странах, как Англия или Голландия, при всех преимуществах пароходства, парусное судоходство держится крепко по двум причинам: основной капитал обзаводства менее, чем у пароходов, и избегается крупный расход на каменный уголь. Состояние всего (каботажного и дальних плаваний) великобританского коммерческого флота выражается следующими данными.

Год	Парусных судов		Паровых судов		Общая вместимость тысяч тонн	Число команды тысяч человек
	число	вместимость тысяч тонн	число	вместимость тысяч тонн		
1885	17018	3457	6644	3972	7430	199
1887	15473	3250	6663	4085	7335	293
1889	14640	3041	7139	4718	7759	230

Из 62 тыс. кораблей, пришедших из-за границы в порты Великобритании, 39 тысяч было своих, вместимость которых равнялась 26 млн т, тогда как вместимость иностранных была менее 10 млн т. Хотя парусное мореходство и в Англии падает, но тем не менее в 1889 г. в портовые списки Англии вписано 277 новых парусных судов. Общая вместимость всех парусных судов еще и ныне в Англии превосходит 60% вместимости пароходов. В Голландии в 1889 г. считалось 500 парусных морских судов и 110 пароходов и водоизмещение первых 388, а вторых — 311 тыс. куб. м (англ. тонна вместимости = 2.83 куб. м водоизмещения), следовательно, вместимость парусников более, чем пароходов. В Голландии и Англии мореходство составляет народный промысел, и не подлежит сомнению.

Все предшествующее, относящееся к развитию мореходства и судостроения, можно выразить в следующих общих пожеланиях: 1) перевозку русских товаров из одного русского моря в другое, например из Черного в Балтийское и обратно, то есть большой каботаж, желательно предоставить русским кораблям; 2) русским кораблям, построенным в России и перевозящим товары по большому каботажу, например подвозящим донецкий уголь и черноморскую соль в порты Балтийского моря или доставляющим лес из Белого и Балтийского морей в Черное, желательно предоставить особые временные выгоды в виде ли премий, пропорциональных числу перевезенных грузов, или в каком-либо ином виде, чтобы положить чрез то начало большому мореходству и судостроению России; 3) развитие каменноугольного и железного производств, вполне необходимых для мореходства и судостроения, следует поставить на первый план при обсуждении развития мореходства и судостроения, как и всей русской промышленности, а потому для этого следует пользоваться таможенными мерами без всяких отступлений; 4) уменьшение портовых, консульских и всяких иных расходов русским кораблям вполне желательно, так же как и дальнейшее устройство портов в Черном и Азовском морях, где морская торговля постоянно и явно усиливается и обещает впереди еще более сильный дальнейший рост.

Разобрав с некоторою подробностью те статьи тарифа, которые относятся до железа в разных его формах, я считаю себя вправе говорить гораздо короче о статьях, относящихся до других металлов, тем более: 1) что при пересмотре тарифа в этих статьях не сделано существенных изменений и 2) что значение каждого из прочих металлов, даже золота и серебра, в сравнении с значением железа в экономическом отношении, гораздо мельче, скромнее. Однако, так как каждый металл в практике имеет свою особую роль, часто вовсе иную, чем железо, не могущее удовлетворить всяким требованиям, потому что легко ржавеет, очень тугоплавко и очень твердо, то добыча и обработка многих иных металлов, а особенно их со-

---

что капиталистическое паровое мореходство не в силах вытеснить парусное, имеющее свои преимущества. Россия, опираясь на одно капиталистическое паровое, искусственно вызываемое мореходство, не может надеяться отнять свои грузы от чужеземных кораблей уже по тому одному, что капитал у нас дорог и для морской торговли иностранный капитал не имеет повода придти в Россию, если русское морское дело само по себе (то есть помимо субсидий казны) не будет представлять особых несомненных и выгодных заработков. Только эти заработки могут создать русский коммерческий флот.

вокупности имеет свое большое практическое значение. Для того, чтобы судить об относительном значении различных металлов, я привожу, на основании различных, по возможности, компетентных источников, сведение о современных мировых количествах добычи и ценности главнейших металлов, присовокупляя данные о добыче их в России. Большинство данных относится к 1888 г., для которого я и собирал соответственный материал.

Добыча металлов	(Страны, добывающие наибольшие количества)	Годовая добыча во всем свете, около 1888 г., в пудах	Средняя приблизительная цена пуда не в деле,[1] рублей золотых	Общая стоимость миллионов рублей золотом	Добыча в России 1893 г. пуды[2]
Железа . .	(С.-А. С. Штаты, Англия)	1 200 000 000	0.7	840	33 млн
Меди . . .	(Чили, С.-А. С. Штаты)	18 000 000	$4^1/_2$	81	281 015
Цинка . .	(Германия, Бельгия)	20 000 000	$2^1/_3$	47	236 505
Свинца . .	(С.-А. С. Штаты, Испания)	30 000 000	$1^1/_3$	40	48 810
Олова . .	(Австралия, Азия, Англия)	3 000 000	11	33	1 186
Ртути . .	(Испания, С.-А. С. Штаты)	300 000	18	5	10 062
Серебра (в 90%) .	(С.-А. С. Штаты, Мексика)	200 000	560	112	1 105
Золота (в 90%) . .	(С.-А. С. Штаты, Австралия)	10 000	12 830	128	2 136
Платины (природная) . .	(Россия, Америка, Борнео)	300	7 000	2	166

[1] Ценность взята средняя в Лондоне для 1888—1890 гг. для металлов в обычном (наиболее распространенном) торговом виде, например для железа (подразумевая и сталь) в виде полос и рельс, для меди, свинца и др. в виде слитков, для серебра и золота в виде слитков в 90%. Цены железа, меди, цинка, свинца, ртути и платины по отношению к цене золота подвергаются за последние годы страшным колебаниям, зависящим, главным образом, от трех причин: 1) добыча сильно изменяется. Так, например, для платины добыча уменьшилась, для меди же увеличилась в течение одного года. В 1888 г. пуд платины стоил около 5 тыс. руб. зол., а в 1890 г. более 7 тыс. руб. зол.; 2) добыча в некоторых случаях превосходила спрос. Так, в 1889 и 1890 гг. С.-А. С. Штаты произвели избыток чугуна, железа и стали, а другие государства Америки, по финансо-

Включая железо, добываемые во всем свете, исчисленные металлы не в деле[1] оцениваются примерно в 1300 млн руб. зол. (а добыча каменного угля, считая по 6 коп. зол. пуд, более 1500 млн руб. зол.), в России же — на 55 млн руб. зол., то есть по ценности наша добыча в 20 раз менее всемирной. При этом примечательно, что главная наша отсталость относится не к золоту и вообще не к драгоценным металлам (тут наша добыча = $^1/_8$ всемирной), а к железу, которого добыча у нас в 36 раз меньше мировой. С другой стороны, достойно упоминания то, что ценность железа выше ценности всех прочих металлов, взятых в совокупности (а у нас ниже, самое высшее место занимает у нас ценность добычи золота). С.-А. С.

вым неурядицам, убавили спрос этих металлов. В год цены часто колеблются на многие десятки процентов; 3) центры производства и даже виды производимых товаров претерпевают в последние годы резкие перемены. Но все же нельзя, строго взвешивая обстоятельства, говорить о перепроизводстве металлов, потому что возрастающее их количество находит новые виды применения при уменьшенных ценах. Если прежние цены падают, то это зависит, прежде всего, от того, что способы добычи (особенно железа и стали, чрез щелочной процесс и регенеративные печи) ежегодно улучшаются. Сверх того необходимо заметить, что добыча в мире золота с 1850 г. падает. По данным Topley (Rep. British Association, 1887—510), ценность его добычи в 1851 г. достигла 35 млн ф. с., в 1860 г. = 23, в 1870 = 22, в 1880 г. = 21 млн ф. с. Прежде разрабатывались главным образом россыпи, ныне началось сильное развитие добычи жильного золота и обработки золотоносных руд химическими способами. Все эти условия вместе с урожаями и общим ходом торговли сильно меняют цены всяких металлов. Защитить страну в момент возбуждения в ней металлургической (особенно железной) деятельности от этих мировых колебаний, то есть положить значительные таможенные оклады на металлы, заставляет прямое благоразумие. Так от детей необходимо устранить некоторые волнения, которые должны переносить взрослые.

[2] Для количества железа (и стали), отвечающих добыче чугуна, вес его разделен на $1^1/_4$.

[1] Металлы «не в деле», то есть в полосах и слитках, находят ограниченное прямое приложение в практике, а металлические изделия требуются народу гораздо больше, чем самое получение металлов. Мы видели, что железо и сталь, среднюю западноевропейскую цену которых «не в деле» можно принять в 70—75 коп. зол., или около 1 руб. кред., превращенные в изделия, стоят уже средним числом около 8 руб. кред. за пуд (стр. 822), что и зависит от двух причин: от большой траты работы для превращения металлов в изделия и от утрат, неизбежных при обработке металлов. Для более ценных металлов обработка их, конечно, увеличивает в меньшей пропорции стоимость изделий, но все же, в среднем для всех металлов цена продажных или применяемых металлов и их изделий, наверное, не менее как в три раза выше цены самих металлов. Таким образом, можно считать, что металлические предметы, потребляемые в мире, стоят не менее 4 млрд руб. зол., или 6 млрд руб. кред. Эта сумма более средней стоимости каменного угля, но менее общей стоимости изделий из волокнистых веществ (гл. 12) и, конечно, ниже общей стоимости разводимых хлебов (гл. 3).

Штаты в добыче всей совокупности металлов занимают, бесспорно, первое место в свете. Расширяя нашу угольную и железную добычу, мы более всего сделаем для экономического устройства России, а имея в виду преимущественно золото, которого не видим, мы только длим существующий порядок.[1] Но я не думаю этим сказать, что золота искать и добывать не следует; нет, и оно нужно, как нужно и земледелие — хоть и не столько, а всего нужнее в усложненный угольно-железный век вся сложная промышленная деятельность, в которой добыча металлов, особенно железа, играет видную роль, хотя далеко не первенствующую. Чаю, кофе, вин, сахара, пива и тому подобных товаров 4 главы в совокупности, не говоря о хлебе (гл. 3), угле (гл. 8), железе и одежде, добывают по цене больше, чем металлов, составляющих средство, а не основную цель[2] промышленного развития народов.

Но в общей и в частной русской жизни поныне еще мало вращается и спрашивается металлов. Оттого их ввозят: своих недостает [табл. на стр. 860—862].

Возрастающие и по величине крупные цифры ввоза, незначительность местной добычи многих металлов, условия для ее усиления и существование уже многих фабрик, обрабатывающих металлы, совершенно явно указывают на то, чтобы приложены были всякие усилия, необходимые для роста металлургических дел в России. Но всякие усилия, начиная с образовательных и кончая прямо казенными заводами или

---

[1] Добыча золота подобна добыче хлеба в том отношении, что заключает много рисков — пан или пропал. Сделать эти оба вида добычи лишенными риска, солидными и верными может только развитая промышленность. В добыче золота переход от поверхности (то есть от разработки россыпей) внутрь, то есть к разработке жильных месторождений, и к извлечению золота химическими способами (хлорирования), составляет ныне явный успех, определенный всем развитием промышленности и знания. Так и в земледелии: интенсивная культура, разведение промышленных растений, глубокая пахота, искусственные удобрения и многое другое составляют плоды влияния знания и промышленности на эту отрасль людских дел. «Авось» исчезает и верный расчет наступает только с развитою промышленностью. Для этой-то цели человечество и придумало промышленность.

[2] Цель жизненную, действительную, конечно, нельзя видеть ни в одном промышленном деле, даже ни во всей совокупной промышленной деятельности. Она вся есть не более как средство для личного, государственно-народного и общечеловеческого существования, но имея в виду лишь абстрактно далекие, общие цели, не видя средств или не обсуждая их, легко и даже непременно неизбежно впасть в состояние индейцев, которые в конце концов теряют народное и личное, покоряются горстью пришельцев, становятся узко-материальными и пропадают для человечества, принужденные заботиться лишь бы об единоличном. [...].

Статья	Ввоз по европейской границе	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
143	Медь не в деле[1] . . .	14	140	195	2068	213	2530
—	» в листах и т. п. .	7	107	20	230	22	230
—	Никель и другие, особо не поименованные металлы	4	73	4	60	4	66
144	Олово в слитках и прутьях[3]	116	1731	112	1501	128	1251
—	Олово в листах	1	12	1	13	1	15
145	Ртуть[3]	—	7	—	9	—	10
146	Свинец в слитках[4] . .	991	2197	994	2486	1080	2582
—	Свинцовые листы, трубы	155	461	185	581	182	511
—	Свинцовый глет[5] . . .	69	127	78	161	84	187
147	Цинк в кусках[6]	61	188	184	574	295	1113

[1] Оклад (2 руб. 50 коп. на медь в штыках и полосах, зеленую и красную) сохранен для всей ст. 143, хотя ввоз в последние годы возрастал, потому что причины ввоза зависят не от уменьшения добычи, а от неодинакового изменения в ценах на всемирном рынке и России.

[2] Оклад на олово (45 коп. зол.) в прутьях и слитках сохранен в своем размере (от 3 до 5% с цены), потому что оловянных руд в России не найдено, есть только в Финляндии (Питакаранда), но для листового олова возвышен с 85 коп. до 1 руб., потому что прокатка олова в листы заведена в России (то же для листового свинца, цинка и всякого тянутого). В указанные годы ввоз олова в закавказские порты (для пайки жестянок под керосин) равнялся: 23, 39 и 31 тыс. пудов.

[3] Оклад на ртуть сохранен. Ее добыча в России превосходит спрос и дает вывоз (стр. 583 и 804). Ввозятся лишь ничтожные количества.

[4] Ввоз свинца растет, потребность его велика, русская добыча мала, руд свинца найдено много, особенно в Западном Кавказе (также на Алтае, в Киргизской степи), но добыча мала по той причине, что ныне свинец добывают только там, где он содержит серебро, так что свинец является как бы побочным продуктом. Найдены (в Донецком крае и на Кавказе, сверх давно разрабатываемых алтайских руд) в России также и многие месторождения серебристого свинцового блеска, но добыча не устанавливается потому, вероятно, что требует много капиталов для глубоких разработок и даже разведок (а на глубинах часто залегают наиболее богатые руды). Следовало бы поднять ныне ничтожную (10 коп. с пуда, или около 5% с цены) пошлину на свинец для возбуждения его усиленной добычи, но оказалось, что Военное министерство, как один из главных потребителей свинца, и помимо таможенных окладов, предлагает поставщикам русского свинца высшие цены, чем за иностранный свинец, желая получить полную обеспеченность в снабжении свинцом.

[5] Свинцовый глет (зильберглет) пропускается по 10 коп. зол. с пуда, как свинец, потому что получается вместе с ним при отделении серебра. Сурик (еще выше окисленный свинец) проходит по ст. 132-й платя 40 коп. зол.

[6] Добыча цинка в России (преимущественно Польша) стала уменьшаться за последние годы: например, [в] 1885 г. = 280 тыс. пудов, а [в] 1889 г. = 225 тыс. пудов, но здесь существует доныне почти монополия (общ. ф. Крамста), а потому при пересмотре тарифа пошлина поднята лишь ничтожно, с 45 коп. зол. до 50 коп. зол.

Статья	Ввоз по европейской границе	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
147	Цинк в листах[7]	17	62	53	226	29	124
148	Золотые, серебряные, платиновые, позументные и мишурные изделия[8]	0.3	820	0.3	876	0.4	869
149	Бронза и другие сплавы в изделиях для украшений[9]	2.4	209	3.2	322	4.9	265
—	Медная посуда[10] . . .	42	933	48	1313	48	1244
162	Литеры и другие изделия для типографий[11]	3	122	2	124	3	157
163	Оловянные и тому подобные изделия[12] . .	16	201	20	252	17	260
164	Свинцовые изделия[13] . .	4	20	3	19	4	22
165	Поталь и фольга[14] . . .	1	20	1	19	1	22

[7] Оклад возвышен с 85 коп. до 1 руб., как ст. 144, п. 2. Всего металлов не в деле (с железом) по европейской границе ввезено в указанные годы на 17, 24 и 26 млн руб. Ввоз растет, потому что своя выработка возрастает очень медленно, а для некоторых металлов даже падает.

[8] В статье о золотых, серебряных, ювелирных и позументных изделиях существенно повышены только пошлины на серебряные изделия, с 2 руб. 90 коп. (на фунт) до 4 руб., и на листовое золото и серебро, с 1 руб. 45 коп. до 3 руб. (с фунта). Оба повышения сделаны, очевидно, ввиду того, что производство этих изделий в России явно совершенствуется под влиянием внутренней конкуренции.

[9] Ввиду малого ввоза никаких существенных перемен в окладе не сделано, а только изменены некоторые подробности редактирования и к той же статье причислены медные посудные изделия.

[10] Для медной посуды, хотя ее ввоз довольно значителен, произведено возвышение с 4 руб. 75 коп. зол. до 4 руб. 80 коп. зол., ввиду того, что пошлина эта по расчету оказалась допускающею выделку медных изделий из меди, уплатившей (ст. 143) 2 руб. 50 коп. пошлины. А ввиду того, что изделия этого рода легко могут быть при таможенном досмотре смешаны с медными приборами (ст. 167, п. 1), для обоих родов товара назначен одинаковый оклад.

[11] По ст. 162 — типографских принадлежностей оклад не возвышен ввиду того, что словолитное дело до того укрепилось в России, что ввоз литер почти не существует, а ввозятся разнообразные типографские принадлежности, приготовляемые специальными заводами, для устройства которых, самостоятельно для России, спрос еще не достаточно велик.

[12] В ст. 163 (оловянные и тому подобные изделия) сделано только одно существенное повышение, а именно (п. 3), для изделий, покрытых медью, никелем и т. п., которые по окладу приравнены с медною посудою (4 руб. 80 коп. с пуда вместо 3 руб. 30 коп.).

[13] Оклад по 164 ст. с 1 руб. 5 коп. понижен до 1 руб. с пуда.

[14] Поталь (листовое серебро и золото, не настоящие, для покрытия дерева и др.) и фольга ныне будут платить, как платили прежде, 20 коп. зол. с фунта. Производство в России существует. По ст. 166 бронзировальный порошок, образуемый чаще всего из металлических сплавов, при-

Статья	Ввоз по европейской границе	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
167 [1]	Медные аппараты и машины [15]	9	195	10	207	11	244
168	Весы с принадлежностями [16]	3	57	3	69	3	77
169	Математические и физические приборы [17] . .	11	1114	14	1516	16	1294
170	Очки, лорнеты и т. п. [18] .	1.2	141	1.3	142	1.3	137
171	Часы и их части [19] . . .	—	2427	—	3467	—	3649
172	Музыкальные инструменты [20]	—	819	—	990	—	1016
Итого, меди, олова, свинца, цинка и тому подобных металлов и изделий из них, млн. рублей кредитных . .			12.2		17.2		17.9
Железные издел. (стр. 817), млн. рублей			32.8		39.8		35.2
Чугуна, железа и стали не в дело, млн. рублей			11.7		16.1		17.4
Итого, металлов и металлических изделий (ст. 139—175), млн. рублей . .			57		73		71

веденных в порошок, или из сернистого олова и т. п., платил прежде только 30 коп. зол. с пуда, как наждак, пемза и т. п. (ст. 71-я), что не отвечает его большой стоимости. Количество ввоза отдельно доныне не записывалось, а содержится в данных о ввозе полировальных веществ.

[15] Медные аппараты и приборы, ввозимые довольно значительными количествами, повышены окладом с 3 руб. 50 коп. до 4 руб. 80 коп., потому что при окладе на медь (2 руб. 50 коп.) пошлина в 3 руб. 50 коп. для изделий была недостаточною для ограждения внутренней переделки меди в изделия. Оклад сравнен с окладом для медной посуды (ст. 149, п. 1).

[16] Оклад на весы (не из меди или ее сплавов) был в 2 руб. 65 коп. зол. с пуда, но так как ввозятся в большинстве случаев большие весы (грузовые, железнодорожные, сотенные и т. п.), то для них (при весе более 3 пудов) назначен низший оклад 1 руб. 70 коп., одинаковый с окладом на железные машины (ст. 167, п. 2), так как подобные весы относятся к изделиям названного рода.

[17] Производство математических и тому подобных инструментов возрастает, а потому оклад на них возвышен с 7 руб. 25 коп. до 8 руб. зол. с пуда, что, однако, составляет малый процент с цены.

[18] Очки, лорнеты и тому подобные изделия в готовом виде (стекла без оправы по предшествующей статье пройдут с низшим окладом) доныне платили только по 7 руб. 25 коп. с пуда, а ныне уплатят по 16 руб. с пуда, сообразно своей высокой ценности, ввиду развития соответственных производств в России.

[19] В пошлинах на самые часы сделано лишь небольшое округление окладов и улучшение редакции, но для простейших сортов (п. 4) оставлена прежняя пошлина. На принадлежности же для часов пошлина возвышена с 12 до 75 коп., потому что прежний чересчур низкий оклад, поощряя сборку часов, препятствовал установке производства составных частей (колес, ключей и т. п.).

[20] Для музыкальных инструментов оклады остались почти те же, потому что они оказываются достаточными для развития производства в России.

заказами, не только по опыту, но и по существу дела [1] останутся или бесполезными, или мало помогающими, пока прямая выгода не будет побуждать к осуществлению многих частных промышленных предприятий. Возвышение таможенных пошлин составляет уже испытанный вид возбуждения соответственных предприятий, а потому и следовало во всей области металлических товаров, не впадая в утрировку и не производя очень быстрых спешных перемен, прибегнуть к увеличению таможенных окладов, чтобы и этим путем усилить металлическую производительность России. Если бы металлических руд не было в России, как, например, нет (правильнее, поныне не открыто) олова, тогда бы увеличенные пошлины были бы напрасны в промышленном смысле. Но когда заведомо существуют изобильные руды, например железа и меди, то, облегчая всеми способами их добычу (например, расширяя права на недра, сбавляя горные подати, освобождая от напрасного формализма и т. п.), следует уменьшить внешнюю конкуренцию повышенными окладами, потому что другого способа, более простого, скорого и действительного, — не существует.

Закончу эту главу статистическими данными о развитии фабричных дел России, относящихся к переделке своих и привозных металлов, заимствуя эти сведения из отчетов Департамента торговли и мануфактур. Должно, однако, заметить, что многие горные заводы (входящие в отчеты Горного департамента), мастерские при других заводах и фабриках, кустарные и ремесленные (слесарные, кузнечные, жестяночные и т. п.) заведения, арсеналы, портовые учреждения и т. п. имеют свои отделения для механической обработки металлов, но многие из них, вероятно, не попали в общий счет, а потому надо полагать, что металлическая фабрикация занимает гораздо более рук и ворочает гораздо большими капиталами, чем те, которые указаны в прилагаемом перечне [табл. на стр. 864].

В этой сумме заключается ценность сырых (не в деле) металлов, употребленных для переработки, и, вероятно, она составляет очень большой процент общей ценности. Сводя данные о добыче, ввозе и внутренней переделке всех металлов, получаем сумму их стоимости в России [см. стр. 865 вверху]:

---

[1] Так, например, патриотизм может заставить совершать множество важных дел, определять и направлять деятельность, но он не может, например, заставить многих, конкурируя друг с другом, добывать металлы или устраивать фабрики для их переделки. Дела промышленные относятся к порядку дел того рода, в которых, кроме всего прочего, непременно должны участвовать соображения денежного расчета.

Металлическое производство России[1]	1888 г.		1889 г.[3]	
	число фабрик	производство в миллионах рублей	число фабрик	производство в миллионах рублей
Чугунолитейное	187	6.1	156	3.3
Различных железных и стальных изделий[2]	111	21.8	64	21.2
Вагоны и паровозы	8	12.0	405	56.2
Судостроительные	24	6.6		
Паровые котлы	29	3.7		
Машиностроительные и ремонтные	201	6.0		
Сельскохозяйственные орудия	158	5.2		
Проволоки, гвозди, цепи и металлические ткани	117	11.4	77	11.9
Жесть и ее изделия	37	4.0	409	14.3
Весы, домовые приборы, замки, иглы, серпы, инструменты, оружие	242	4.2		
Дробь, свинцовые, цинковые и тому подобные металлические изделия	139	2.1		
Медные изделия, лампы, часы, колокола	266	10.8	217	11.5
Золотые, серебряные и ювелирные изделия	71	2.9	52	2.7
Экипажи	134	2.0	?	?
Музыкальные инструменты	37	1.3	?	?
		100		121

Следовательно, не считая монетного дела, русское потребление всяких металлов в разых видах и изделиях составляет в год около 300 млн руб. кред. (по $2^1/_2$ руб. на жителя), но и в этой ничтожной пропорции потребления приходится по ценности около $^1/_3$ товаров иностранных, внутреннего заработка

[1] Добыча самих металлов в России видна из данных, помещенных ранее (стр. 857), а потому здесь не приводится.

[2] Рельсы, мостовые принадлежности, листовое железо и т. п.

[3] Для всего (кроме производства экипажей и музыкальных инструментов) переделывающего металлического производства по отчетам 1889 г. израсходовано: 381 тыс. саж. швырка, 55 млн пудов каменного угля, около 400 тыс. пудов торфа и 1.3 млн пудов нефтяных остатков. Переводя все на каменный уголь, получим около 70 млн пудов угля. Рабочих было занято 112 тыс. чел. (2% женщин). Между заведывающими металлическими заводами было: русских техников 355, иностранцев техников — 183, остальные заведывающие (1035 русских и 134 иностранцев) не получили технического образования. Паровых машин действовало 1141, в 36 348 сил.

	Млн руб. кред.
Добыча чугуна (около 45 млн пудов по 60 коп. кред.) .	27
Ввоз чугуна (около 8 млн пудов) с пошлиною около .	6
Получено стали и железа (стр. 815) около 41 млн пудов по $2\frac{1}{4}$ руб. = 90 млн руб., а за вычетом вошедшего чугуна (около 30 млн руб.)	60
Ввезено железа и стали не в деле (стр. 808) около 6 млн пудов (примерно на 15 млн руб.), с пошлиною (по 80 коп. кред.)	20
Ввезено железных изделий (стр. 820) на 36 млн руб., с пошлиною (около 25%) около	45
	Млн руб. кред.
Добыча меди около 300 тыс. пудов по 11 руб. кред. 3.3	около 45
» цинка » 250 » » » $4\frac{1}{2}$ » » 1.1	
» свинца и ртути (стр. 857) 0.4	
» серебра, золота и платины (стр. 857) . . . 40.0	
Ввезено всяких металлов, кроме золота, серебра и железа и их изделий, кроме железных (стр. 862) на 18 млн руб. кред., с пошлиною около	24
Произведено металлических изделий всяких на 120 млн руб. кред. за вычетом 50 млн на пошедшие в дело металлы, около	70
Итого, около	[300 млн руб. кред.]

народу не дающих, усиливающих заработки наших соседей и увеличивающих нашу промышленную несостоятельность. Чтобы образ закончился в представлении, допустим, что таможенные пошлины, удорожающие все наши металлы и изделия из них на $\frac{1}{3}$ (в действительности же, вероятно, удорожание менее $\frac{1}{4}$), сняты, получится в расходе не 300, а 200 млн руб. кред. Сперва кажется, что народ сэкономит 100 млн руб. На деле же будет не экономия, а прямой разор. Во-первых, на все 200 млн руб. ввезут иностранных металлов, курс упадет еще больше, и стоимость иностранного металла, пожалуй, превзойдет и 300 млн руб. кред. Во-вторых, трудящийся народ во всех классах жителей лишится ныне существующего заработка в 200 млн руб. Это бедствие будет хуже самой худшей голодовки, потому что хлеб, недостающий голодающим, стоит много дешевле, если даже его купить в Америке и превратить в булки. В-третьих, ныне от пошлин с металлов и всяких изделий из них государственная казна получает около 25 млн руб. кред. Отняв работу, придется, для возмещения таможенного дохода, отнять от народа и последки, наложив новые подати. В-четвертых, и, в конце концов, это всего важнее, всего больше говорит противу свободы впуска в Россию иностранных металлов: металлические руды так, дарма, и бу-

дут валяться под землей России, то есть человечество проиграет на всю сумму металлических богатств России, ибо металлы не творятся, а только добываются из земли, и их цена есть не что иное, как цена труда, их добыча есть один из многообразных видов трудолюбивой деятельной жизни, священно завещанной людям. Здесь и там, всюду необходимо прибавлять условия для приложения труда, а не отнимать их от множества ищущих и не получающих. История наказует народы, не вносящие своим трудом в мировую сокровищницу всего того, что они могут добыть трудом из дарованных им и втуне лежащих условий расширения общечеловеческой силы. Во имя труда и развития всего человечества России необходимо приумножать свои металлические ресурсы на счет занятой ею территории. Таможенные оклады на металлы эту цель и должны преследовать. Все другие меры необходимо приложить в ту же сторону. И если я трачу много слов на показание этой очевидности, то лишь потому, что желаю посильно помочь благому делу и показать всю несостоятельность и весь прямой вред учения, противного тому, что принципиально принято тарифом 1891 г.

Сентябрь 1891 г.

Глава 12

МАНУФАКТУРНЫЕ, ПИСЧЕБУМАЖНЫЕ И РАЗНЫЕ МЕЛКИЕ ТОВАРЫ

(Статьи 176—218)

Хотя в подлинном значении слова мануфактурами (от латинских слов manu factum) должно было бы считать всякое рукоделие или производство ручными приемами полезностей, но когда жизнь людей стала сменяться, усовершенствуясь и улучшаясь по сравнению с классическими образцами, тогда под название мануфактур стали подводить все меньшие и меньшие отрасли промышленных дел, а ныне название «мануфактур», на всех европейских языках, прилагается исключительно только к машинным техническим производствам, перерабатывающим волокнистые, или прядильные вещества: хлопок, лен, пеньку, джуту, шерсть и шелк. Даже производство писчей бумаги, хотя называется иногда писчебумажною мануфактурою, но не относится к мануфактурному делу в тесном смысле, в котором мы и применяем затем это слово.

Глубочайший переворот машинное производство внесло во все отрасли промышленности, но ни в одной результат изменений не выразился столь ясно, как в мануфактурах, нигде он не обратил на себя столь много всеобщего внимания, как в обработке волокнистых веществ в пряжу и ткани, и я думаю, что причиною этому служит то обстоятельство, что прядильное веретено и ткацкий челнок когда-то были нераздельными спутниками всякого семейного очага, делом всеобщего женского труда, занимавшего половину времени прекрасной половины человечества. Они бросили это вековечное свое дело не потому, что его отняли у них машины, а потому, что машины стали прясть и ткать и лучше и дешевле, до того, что и в крестьянстве стало невыгодным сохранять эти домашние

ремесла, и даже дикари охотно всюду бросают свои доморощенные одежды, заменяя их изделиями мануфактур. В переходное время раздаются голоса почтенного консерватизма, ратующие противу такой замены и всегда выставляющие аргумент прочности рукодельных тканей противу мануфактурных. Но прямой опыт, простое рассуждение и непосредственное сравнение давно уже показали, что *при равном весе* или плотности мануфактурные изделия дешевле и сверх того превосходят ручные не только в однообразии «добротности», но и в крепости или носке, хотя в некоторых случаях и уступают в красоте и индивидуальной разнообразности. Но последнее слово здесь, по моему мнению, еще далеко не сказано. Мануфактуры доныне отождествлены с громадным капиталистическим производством, для которого одного преимущественно придумывались усовершенствованные приемы тканья и, особенно, прядения. Но при всем этом все же никакие промышленные устройства не требуют столь много рабочих, особенно женских рук, как мануфактуры, оттого рабочие вопросы тутто и возникают, здесь же и развиваются. А это указывает на то, что мыслимо впереди время, когда мануфактурное дело, оставаясь машинным производством, разольется или разобьется на множество мелких предприятий. Для этого ныне недостает, во-первых, удобных способов закупки основного сырого материала; во-вторых, окончательно установившихся способов распределения по отдельным домам центральной движущей силы (сжатого воздуха или давящей воды, или электричества, или дешевого горючего газа) и, в-третьих, уютных и выгодных малых домашних прядильных и ткацких приборов. Направив в эти стороны усилия, человечество может претерпеть новый важный экономический переворот, которого важность станет видна из того, что современный образ организации мануфактур создал новые виды зависимостей, освобождение от которых будет столь же важно и всюду влиятельно, как освобождение от господствовавшей когда-то всюду крепостной зависимости. Мануфактуры и вообще капиталистические промышленные предприятия оттого только не успевают всего забрать в руки, что встречают всюду в той или иной форме ограничение и даже противодействие власти и тех остатков крепостных сил, которые, не без выгоды для правильного развития, сохранили еще остатки прежнего своего влияния. Упоминаю обо всем этом, к слову о мануфактурах, именно потому, что в литературном сознании еще не разделяется промышленное развитие от развития капиталистического влияния, а между тем в существе дела ныне соединен-

ное глубоко различно: промышленное развитие есть высшее благо, современностью выработанное, а капитализм есть сознанное зло, которое оставляют существовать лишь потому, что нет еще выработанных средств достигать промышленного развития без развития капитализма. Но это сочетание лишь временное, лишь простая эволюция роста человечества, и раз только зло сознано — а зло капитализма сознано, — средства избежать его найдутся. Основным приемом для улучшения современного хода промышленных дел должно считать, сверх развития общего просвещения, развитие трудолюбия, и я с своей стороны считаю, что только то просвещение должно быть почитаемо правильным, то есть ведущим к быстрому улучшению человеческих отношений, которое сопряжено с широким развитием трудолюбия, не в качестве одного постоянного умственного упражнения, а в смысле прямой внешней привычки видеть в труде, то есть в произведении полезностей (другим людям, а в числе их и себе), не только долг или обязанность, но и утеху, полноту жизни и внутреннее удовлетворение. Если представим такое просвещение развивающимся, оно, наверное, дойдет до отыскания способов разбить громадные мануфактуры и множество других видов капиталистической промышленности на мелкие отдельности, потому что чрез это общее стремление к труду найдет себе наибольшее удовлетворение, производительность достигнет наивысшего возможного размера, и разносторонность благ промышленности разольется наиболее равномерно по всем углам земли. А ныне мануфактурные дела скопились не только в немногих больших фабриках, но и фабрики этого рода скопились в немногих странах. Тот и другой род скопления в сущности не нормален, временный, в нем нет ничего такого, что бы зависело от сущности самого дела, а потому противу этого скопления человечество действовать начало и будет продолжать действовать, пока не достигнет результата. Не кровавыми столкновениями, а мирными путями идет эта борьба, столкновений ищут не те, которые хотят правильного решения, а те, которые желают удержать во что бы то ни стало достигнутое неравенство. Таможенные тарифы представляют один из способов или видов мирного достижения желаемого в отношении одной стороны дела, то есть в отношении распределения благ промышленности между странами. Оттого-то и видим, что когда в сознании человечества родилось понимание зла скопления промышленного капитализма в отдельных руках и странах, идеи протекционизма, с которыми, казалось, человечество навсегда простилось, опять стали повсюду торжествовать, потому что

путем протекционизма блага промышленности разливаются во всех странах, а чем более это усилится, тем легче будет и борьба с другим видом скопления, так как силы капитализма уже разобьются на более мелкие единицы. Сперва победит человечество один вид скопления, потом другой. И для него найдутся способы столь же скромные и мирные, хотя и обходные, как таможенные тарифы.

Но поныне, хотя мануфактурное дело повсюду быстро распространяется, оно все еще концентрировано преимущественно в небольшом числе стран. Легко в этом убедиться, сводя статистические данные о развитии в мире мануфактурной переработки шести важнейших волокнистых веществ. Данные о добыче собраны мною на основании неоднократно цитированных источников, но преимущественно по «Statesman's Year-book 1891», потому что я убедился многократною проверкою по подлинникам, что данные этого источника заимствуются из самых новейших и достовернейших, чаще всего официальных статистических отчетов различных стран. Чтобы не было недоразумений при обзоре предлагаемого свода, должно заметить, что «сырым» хлопком, или «сырьем» должно считать тот вид его (в кипах), в котором он вывозится из производящих стран, после отделения от семян и оболочек (в машинах, называемых «джинами»). Сырою пенькою, льном и джутою должно считать также торговые их виды в связках, пучках и кипах после сельскохозяйственной обделки. Сырою шерстью мы будем считать уже отчасти мытую шерсть, близкую к тому состоянию, которое у нас называется «перегоном», а сырым шелком называть размотанный из кокон «сырец». Относительно производства этих волокнистых веществ существуют сколько-либо точные данные только для немногих стран. Количество же хлопка, шерсти и шелка, потребляемых для домашнего внутреннего мелкого производства, особенно в азиатских странах, совершенно неизвестно и может подлежать определению лишь то, что входит в крупную общую торговлю, особенно международную. Словом, свод данных о добыче не может быть точным. Но и то, что более или менее регистрировано, представляет столь крупные величины, что они превосходят ценность *всех* добываемых металлов. Но, конечно, производство зерновых хлебов и вообще питательных веществ превосходит производство волокнистых веществ и даже тканей, из них приготовляемых, в чем убеждение дают не только статистические отчеты, но и данные повседневной обстановки. Чтобы получить среднюю ценность, отвечающую сырым волокнистым веществам (за пуд в рублях зо-

лотых), я взял средние цены ввозимых волокнистых веществ для России, Англии и Германии за последние года (1888—1889), полагая, что этим путем достигаются цены, наиболее отвечающие средней ценности разнообразных сортов волокнистых веществ, применяемых мануфактурами. Под именем «прочих стран» должно подразумевать все те из не упомянутых в своде, для которых существуют хотя приближенные сведения о производстве. Приведенный свод относится в большинстве данных к эпохе 1887—1890 гг.

Сырые волокнистые вещества	Годичное производство отдельных стран в миллионах пудов	Добыча всех стран, миллионы пудов	Средняя цена пуда в рублях золотых	Общая стоимость в миллионах рублей золотых
Хлопок	С.-А. С. Штаты 96 [1], О.-Индия [2] 40, Египет 6, Россия 3, прочие страны 11	156	5 1/4	820
Лен	Россия 20, Германия 3, прочие страны 22	45	3 1/3	150
Пенька	Россия 8, Италия 6, прочие страны 7	21	3	63

[1] Относительно годичного хлопкового производства С.-А. С. Штатов сообщим следующее:

Год	Получено	Вывезено	Цена тонны в долларах
	тысячи метрических тонн		
1800	18	18	775
1820	61	57	590
1840	399	348	205
1860	855	657	240
1880	1230	828	275
1889	1560	1082	260

Высшая цена хлопка отвечает первой половине 60-х годов, то есть времени внутренней войны в Штатах. Внутреннее производство С.-А. С. Штатов достигло к 1880 г. переработки 436 тыс. т (=35% производства), но вывоз хлопчатобумажных изделий и поныне невелик (около 10 млн долларов), что объясняется дороговизною труда в Штатах и быстрым возрастанием внутреннего потребления, ради которого ежегодно, сверх внутреннего производства, ввозится на 30 млн долл. продуктов чужеземных.

[2] Под хлопком в Индии занято около 9 млн акров, то есть около 3 млн десятин, в С.-А. С. Штатах 19 млн акров, а производство их равно

Продолжение

Сырые волокнистые вещества	Годичное производство отдельных стран в миллионах пудов	Добыча всех стран, миллионы пудов	Средняя цена пуда в рублях золотых	Общая стоимость в миллионах рублей золотых
Джута [1]	Ост-Индия 50	50	$1^1/_{10}$	55

96 млн пудов. По пропорции площадей можно принять добычу Индии около 50 млн пудов, но в действительности принимают производство Индии не более 40 млн пудов. Вывоз оценивается в 187 млн рупий, а так как рупия, по курсу, стоит около $1^1/_3$ шилл., то он $= 12^1/_2$ млн ф. с. $=$ $= 79$ млн руб. зол. Полагая цену пуда вывозимого хлопка (индийский хлопок имеет короткие волокна и ценится ниже американского или египетского) около 4 руб. зол., получим около 20 млн пудов вывоза. Вывоз из Индии хлопка за последние годы определяется средним числом в 25 млн пудов. Принимая для производства 40 млн пудов, я думаю, не сделаем большой ошибки, потому что Индия издавна славится своим хлопчатобумажным производством. Она даже когда-то отсылала в Англию огромные массы своих хлопковых изделий. Она и поныне готовит их как для внутренней потребности домашними и фабричными (особенно около Бомбея) способами, но и для вывоза (вывоз тканей до 90 млн рупий), хотя ввоз тканей достигает 340 млн рупий. Известно, что разведение хлопка в Америке ведет начало от индийских образцов.

[1] Джута происходит из О.-Индии (Бенгалия), где с давних пор применяется для прядения. Эти волокна дает растение, называемое «европейскою коноплею», ботанически Corchorus capsularis и др., могущее произрастать в русских закаспийских владениях, где опыты разведения джуты были вполне удачны. Распространилась джута в Западной Европе со времени Крымской войны, когда подвоз русских льна и пеньки был невозможен, а во время американской войны, когда задержался подвоз хлопка, применение джуты усилилось. Волокна джуты очень крепки, но жестки; при действии пара высокого давления они рассыпаются раньше, чем лен, пенька или хлопок. Многие страны применяют свои — джуте подобные — волокнистые вещества, например Китай и Япония породы Urtica. В этом отношении Кавказ может доставить свои сорта волокнистых веществ. Из них примечательно по крепости волокно «канаф» (берег Каспийского моря), получаемое из дикорастущего растения, сходного с джутовым и достигающего до 7 футов и более высоты (как и джута). Г-н Бланненбург изучил это дикорастущее растение (1888) и считает его разведение в большой массе легко возможным. Пряжа, приложенная им в виде образца, представляет примечательную крепость.

Джута в значительном количестве перерабатывается в мешки и другие изделия в самой О.-Индии и вывозится в одну Англию в количестве 20 млн пудов.

Вслед за джутою следовало бы сделать свод данных о производстве многих других, особых волокнистых растительных веществ, подобных манильской пеньке, кокосовым волокнам, рами и т. п., но сведения об этих родах товаров очень неполны, и их потребление, без сомнения, даже в сумме менее джуты или пеньки.

Продолжение

Сырые волокнистые вещества	Годичное производство отдельных стран в миллионах пудов	Добыча всех стран, миллионы пудов	Средняя цена пуда в рублях золотых	Общая стоимость в миллионах рублей золотых
Шерсть	Австралия 16, Южная Америка 10, Северная Америка 10, Россия 6 [1], прочие страны 20	62	9¾	604
Шелк [2]	Китай 0.6, Япония 0.2, Западная Европа 0.25, прочие страны 0.05	1.1	100	110
Общая ценность *сырых* волокнистых веществ в миллионах рублей золотых				1812

Переделка сырых волокнистых веществ в пряжу и ткани сопряжена не только с некоторыми неизбежными утратами, особенно значительными при шелке и шерсти (хлопок теряет менее всего, преимущественно при белении), но и с большим расходом силы, ручной работы и разных добавочных (особенно химических и красильных товаров) материалов, а потому ценность пряжи и тканей во много раз превосходит ценность прядильного сырья. Притом переработка его, несмотря на введение разнообразнейших машин, облегчающих труд, расходует наибольшее количество ручного труда. В примере С.-А. С. Штатов, где статистическая промышленная отчетность полнее чем где-либо, это очевидно,. По цензу 1880 г. там на мануфактурах ($10^1/_2$ млн веретен) переделано в год $1^1/_2$ млн кип, или около 21 млн пудов хлопка, примерно на 105 млн руб. зол. Постоянных рабочих было занято 175 тыс. Считая среднюю их поденную плату в год по 500 руб. зол.,

[1] Сведения о производстве шерсти в России очень неполны. Несомненно, что до 8 млн пудов немытой шерсти должно быть добываемо в России, но масса шерсти у нас идет в крестьянском обиходе на приготовление домашних изделий (валенок, рукавиц, носков, войлоков и проч.). Большая часть нашей шерсти, как и из некоторых других стран, идет в торговлю в немытом виде, а наш свод относится к количеству уже мытой шерсти (перегона), выход которой (из немытой) часто менее 50%.

[2] Данные о производительности стран для шелка взяты из «Heinzerling's Abriss d. chem Technologie» (1888, pag. 47). Цена шелка относится к размотанному шелку-сырцу.

получим уже $87^1/_2$ млн руб. зол., то есть расход почти равный стоимости сырца, а по отчету произведенные товары оценены в 242 млн руб. зол., то есть в $2^1/_3$ раза. Можно с уверенностью сказать, что переделка хлопка в пряжу средних нумеров увеличивает цену его примерно в $1^2/_3$ раза, а в неокрашенные ткани среднего достоинства (по весу единицы квадратной поверхности) — в $2^1/_2$ раза, и что мануфактуры занимают большее число рук и рабочего времени, чем сельскохозяйственное производство (с первою обработкою, то есть с приведением в торговый вид) прядильных веществ.

Из этого очевидны два весьма важных следствия, относящихся к связи между мануфактурами, сельским хозяйством и трудом рабочих классов. Во-первых, ясно, что в деле получения тканей чрезвычайно заинтересована не только переделывающая, но и производящая или добывающая промышленность. Добыча волокон всякого вида доставляет сельскому народу заработки, хотя и меньшие, чем добыча хлеба, но зато более крупные, чем получение каких бы то ни было других сельских продуктов, даже мяса, вина и сахара. Укрепить в стране добычу волокнистых веществ — значит поднять основную промышленность страны. Россия преобладает на мировых рынках со своими льном и пенькою, но она ввозит хлопок, джуту, шерсть и шелк, тогда как может не только удовлетворять свою потребность в этом сырье, но и отпускать его в иные страны. Достижение этого последнего составляет одну из задач, которые должны иметь в виду все правительственные мероприятия, а между ними и тарифные. В пересмотренном тарифе 1891 г. задача эта все время имелась в виду, но мы увидим далее, что прежняя система исходила из других начал, считала сырые волокнистые вещества сырьем, которое следует впускать или беспошлинно, или с малою, фискальною, пошлиною, а потому во избежание опасной ломки сложившегося и здесь следовало действовать осторожно, наметив пути, но не насилуя постепенность исторического хода развития промышленности, не отдавая сразу явного предпочтения одним интересам перед другими, доныне забытыми.

Второе обстоятельство, явно выступающее из первых крупных данных о переработке волокнистых веществ, состоит в том, что откуда бы ни пришло сырье, его переделка в пряжу и ткани занимает такую массу рабочих сил, как капитальных, так и тех, которые имеют только руки да свободное время для своего пропитания, что водворение иностранных готовых изделий этого рода в стране равносильно отнятию работы от

внутренних капиталов и рабочих рук, то есть укрепление мануфактур не менее важно, даже, пожалуй, важнее (ибо двигает наибольшее количество капиталов и рабочих), чем укрепление сельского промысла добычи сырья. Мало того, установка мануфактур, если не тотчас, то со временем, непременно вызовет и добычу сырых материалов, надобных мануфактурам. Так, начало роста добычи хлопка в России многим обязано развитию русской хлопчатобумажной мануфактуры. Но если мануфактуры вызываются усиленными таможенными пошлинами и имеют возможность брать чужеземное сырье беспошлинно или с малой пошлиною, у них не будет побуждений заботиться о добыче сырья дома, по возможности дешево, и делиться своими барышами с сельскими хозяевами, а потому истинную цель последовательного действия таможенных окладов должно составлять укрепление мануфактур, дающих новый вид внутреннего заработка, а затем, когда это дело начнет устраиваться, постепенное укрепление добычи всех, к разведению возможных, сырых волокнистых веществ чрез последовательное обложение сырья, чтобы мануфактуристам стало выгоднее брать свое, а не чужеземное сырье. Когда внутреннее соревнование начнется в должной мере, когда от него цены как на сырье, так и на готовые товары упадут, только тогда, по духу рационального протекционизма, может явиться время «свободной торговли», как оно явилось в Англии после двухвекового настойчивого протекционизма (гл. 1). Но и тогда свободная торговля труднее исполнима для России, могущей все сырье получать у себя, ибо не следует забывать, что Англия должна получить чужое сырье и сбыть готовые изделия, чтобы давать заработок своему населению. До наступления же такого времени всякий намек таможенной политики в сторону фритредерства представит средство отнять работу от своих трудовых классов и передать ее чужеземным. Так я лично понимаю эти дела, и отсюда мне видна ошибочность тех, которые защищают тему «история протекционизма мануфактурам есть история переплат за хлопчатобумажные изделия». Они меряют историю годами, много что десятками лет, а ее шаги становятся очевидными только в длинные, иногда лишь столетние периоды времени, как было в Англии с ее мануфактурами. А у кого терпения нет, тот ничего и добыть не может; пошиб, порыв нужны и годны в других делах, а для привития к народу трудолюбия и промышленности они не годятся и с ними легче всего попасть в число народов промышленного застоя, которых история отпевает, как покойников.

Чтобы еще яснее выразить мои личные мысли, относящиеся к мануфактурным делам современного положения России, я перепечатываю одну из своих записок, представленных (в 1890 г.) при пересмотре тарифа и относящихся к сделанному мною предложению повысить таможенный оклад на хлопок, не изменяя в существе окладов на хлопковые изделия.

В сравнительно недавнее, еще памятное время русский народ почти не знал хлопка, не нуждался в нем, пользуясь для одежды волокнами своего льна и своей шерсти. Ныне же хлопок до того оттеснил эти местные виды волокнистых веществ, что ежегодно Россия расходует более 10 млн пудов хлопка [1], и домашнее прядение и тканье заменено фабричным. Хотя не раз высказывалась мысль о том, что такая замена вредна народу во многих экономических отношениях и хотя покупка иностранного сырцового хлопка извлекла из России многие сотни миллионов рублей золота, тем не менее водворение, при посредстве таможенных и вообще правительственных мероприятий, хлопкового дела в России должно быть считаемо за великую пользу для страны, преимущественно потому: 1) что всемирный опыт — от Индии и Средней Азии до Бельгии и Англии — показал, что тропический хлопок доставляет дешевейший вид волокнистых тканей, успешно соперничествующих со всеми другими видами тканей; 2) что приобретение хлопчатобумажных тканей от заграничных производителей, отняв еще большие сотни миллионов рублей золотом, чем ввоз сырца, не дало бы жителям того заработка, какой получается от переделки сырца в ткани, и не позволило бы народу широко воспользоваться дешевейшими тканями; 3) что хлопчатобумажные, прядильные и ткацкие дела составили один из первых видов как обширных, так и мелких фабричных предприятий, без существования коих ни одна образованная страна в настоящее время не имеет возможности сохранить и развивать промышленную и экономическую самостоятельность, и 4) что хлопчатобумажное производство, в его современных формах, составляет образец для возможности успешного развития всех других (льняных, пеньковых, джутовых, шерстяных и шелковых) производств, исходящих из волокнистых веществ. Сверх сего хлопковое дело в России приобрело, с покорением теплых азиатских стран, особое значение, потому что Россия получила возможность восполнить свою потребность в хлопке чрез его разведение в своих закавказских и закаспийских владениях, так что усилия русского народа отныне могут и должны направиться к тому, чтобы

[1] Кладя цену сырца только в $7\frac{1}{2}$ руб., а цену тканей только в 25 руб. за пуд, получим, что сырец стоит России ежегодно около 75 млн руб., а бумажные ткани 250 млн руб. Если бы они заменились русскими льняными тканями, то масса была бы больше, цена выше и истощение культурных почв значительнее, а урожаи хлеба и его вывоз ниже.

весь потребный стране хлопок разводился внутри страны и не служил бы к извлечению из нее денежных капиталов.

Так как заботы о всестороннем развитии промышленности в России составляют первейшую причину предпринятого пересмотра таможенного тарифа, то при этом пересмотре необходимо не только видеть пользу и вред от развития ныне уже крупного хлопчатобумажного дела в России, но и основательно обсудить предначертываемый план дальнейшего движения сих дел в стране. Предложив ныне же возвысить ввозную пошлину (с 1 руб. зол.) на иностранный хлопок-сырец до 1 руб. 20 коп. зол. с пуда, а затем возвышать ее последовательно до 1 руб. 60 коп. с пуда, я имел в виду эти стороны предмета и хотя выставил в своем первом докладе основные мотивы своего предложения, но считаю небесполезным еще раз коснуться того же предмета в его основаниях, чтобы уяснить причины, руководившие мною в данном случае.

При обсуждении вопроса о пошлине с хлопка необходимо иметь в виду нижеизлагаемые суждения и выводы, которые или уже доказаны статистическими данными, собранными в докладах, составленных как материалы для пересмотра тарифа, или же по своей общеизвестности или очевидности не требуют дальнейших доказательств:

1) Развиваясь под сильным покровительственным тарифом на пряжу и ткани, русское хлопчатобумажное производство, вследствие технических усовершенствований и внутреннего соперничества, постепенно улучшало качество и сбавляло цены с хлопчатобумажных изделий внутреннего приготовления и давно перестало выбирать на внутренних рынках весь таможенный оклад, существующий на изделия, так что ныне фабричная цена хлопчатобумажных изделий в России уже не зависит от меры таможенной на них пошлины, а определяется ценою хлопка + цена производства, которая почти равна цене на западноевропейских фабриках, если под ценою производства считать расходы: по капиталам, основному и оборотному, + расход на администрацию и рабочих + расходы на топливо, смазку и т. п. + прибыль фабриканта. Этот результат действительности очень важен для оправдания того значения, какое имеют охранительные пошлины при свободе внутренней конкуренции, потому что показывает, что цена продукта, сперва равняющаяся цене сырья + цена производства + цена таможенной охраны, постепенно теряет последнее слагаемое и становится, по мере укрепления соперничества, независимою от охранительной пошлины.

2) Хлопок-сырец до 1879 г. впускался беспошлинно, но с наложением, в видах восполнения государственных ресурсов, таможенного оклада, достигшего ныне до 1 руб. зол. с пуда сырца, цена хлопчатобумажных изделий в России не только не возвысилась, но даже уменьшилась, и потребление возрастало, потому что за это время внутреннее соперничество заставило производителей улучшать мануфактурное дело и, уменьшая цену производства, получать все еще крупные барыши от увеличения раз-

меров мануфактур и от уменьшения расходов. Имея на глазах несколько таких фабрик, улучшенных в 80-х годах, легко в частных примерах видеть справедливость этого статистического вывода.

3) И ныне еще существует некоторая возможность, возвышая пошлину на хлопок, достигать уменьшения или, по крайней мере, неизменности цен на хлопчатобумажные ткани, потому что технические улучшения еще выполнены не во всех частях производства[1] и барыши фабрикантов могут сбавляться в виду того, что капитал в России уменьшается в цене или процент, платимый на него, сбавляется. Хлопок в виде сырца стоит за пуд около 9 руб. кред., а в дешевейших хлопчатобумажных тканях (миткале) — около 25 руб. Прибавка в цене сырца может не возвышать цены изделий, если чрез улучшение, соперничество и сбавку барышей, получаемых с пуда, может падать цена (равна 16 руб. на пуд хлопка в вышеприведенном примере), взимаемая производителями за переработку сырца в ткани. Но этому, очевидно, существует предел, и результат может достигаться лишь последовательно, при своевременном повышении пошлин на сырец, при заботах о топливе и т. п.

4) Приближаясь к возможному для нашего времени техническому совершенству, русское хлопчатобумажное, прядильное, ткацкое и набивное

---

[1] Особенно возможно уменьшать цену производства на счет важной статьи расхода топлива, при замене его дешевыми местными видами минерального топлива (торф, подмосковный и донецкий уголь и т. п.). Мануфактурное дело именно таково, что в нем весьма явно видна зависимость комбинации шести сил, определяющих современный промышленный строй государств: 1) капитала, 2) знаний и предприимчивости, 3) ценности труда рабочих, 4) топлива, 5) машиностроения и 6) путей сообщения. Во всех' сих слагаемых улучшения возможны и желательны, но не следует упускать из вида, что, улучшая что-либо одно, забыв о прочем, нельзя достигнуть успеха. Организм растет сразу всеми органами. Их взаимная связь, охватываемая только при полном изучении и невидимая при первом приступе к предмету (так, многие видят в мануфактурах — только один рабочий вопрос), эта взаимная связь должна быть ясна всякому, решающемуся судить о вопросах промышленного развития. Стоит, например, упустить из вида топливо и железо, обсуждая мануфактурные дела, и тотчас явятся в действительности непреоборимые трудности, при которых неразрешенными станут не только такие вопросы, как о путях сообщения или о скоплении и приложении к промышленности капиталов, но даже и такие, как вопросы о развитии предприимчивости и знаний. По причине такой сложной связи частей, обсуждая таможенный тариф, можно достичь несомненных по пользе результатов только при знакомстве со связью его частей. Но все корни современного промышленного дела стран, несомненно, по отношению к тарифу, сходятся около топлива, железа и машин, а потому в своем докладе о тарифе я ставлю именно сии предметы на первый план. Вопросы о капитале, о предприимчивости и знании, о рабочих и о путях сообщения с таможенным тарифом связаны лишь косвенно и посредственно, а вопрос о топливе и железе — прямо и всесильно. Без правильного решения этих двух вопросов — мануфактурный, а с ним и рабочий вопросы не могут быть приведены к должному правильному и твердому разрешению.

производства имеют развиться в России до того, что ценность производства у нас сделается даже меньшею, чем в других странах Западной Европы, потому что цена рабочих в России ниже, чем там, а цена тканей сильно зависит от заработной платы, так как при цене пуда ткани в 25 руб. и хлопка в 9 руб., рабочие на прядильных и ткацких фабриках получают в заработную плату не менее 8 руб., остальные же 8 руб. идут на топливо,[1] администрацию, ремонт машин, погашение и процент капитала и тому подобные расходы и в доход фабрик. Если же все крайнее уменьшение цен хлопчатых тканей будет достигнуто, то Россия получит возможность вывозить за границу свои хлопчатобумажные изделия и соперничать ими с иностранцами вне России. Страны Азии и берега Черного и Средиземного морей представят при этом первые рынки, на которых может быть достигнут такой возможный и желательный результат. Длинные зимы, свободные от сельскохозяйственного заработка и труда, с дешевизною при сем рабочих и с возможностью массе населения принять участие в предстоящих заработках, указывают на то, что вышеуказанный результат должен служить к возвышению общенародного благосостояния. Тульская, Рязанская и тому подобные губернии и юг России, особенно по соседству с Азовским морем, представляют наиболее условий для процветания в будущем подобной отрасли народной деятельности, ибо там хлеб и уголь дешевы. Азия и море со странами, потребляющими западноевропейские хлопчатобумажные изделия, недалеко, как и провоз хлопка-сырца из среднеазиатских владений и с Кавказа, русское же население стремится в те края, и из них уголь и хлеб везется в промышленные наши центры.

5) Очевидно, что сколько-либо широкий заграничный сбыт хлопчатобумажных изделий,[2] при существовании иностранного ввоза хлопка и пошлины на сырец, возможен только при возврате таможенных пошлин, взимаемых с сырца. Такой возврат не представляет больших трудностей, потому что вес хлопковых волокон в сырце и изделиях мало различен (при очищении и переделке утрата не превышает нескольких процентов), а вес краски и аппретуры, на них наложенной, легко может быть определен по опыту в каждом виде тканей. Вместо возврата денежного при этом может производиться только возврат залогов, вносимых в таможни

[1] Цена торфа и угля на местах их добычи у нас также ниже, чем в Западной Европе, и в развитии наших мануфактур должно ждать улучшения при устройстве новых около мест добычи угля, например около углей Подмосковного бассейна (тульских, рязанских и т. п.). Можно считать, что при переделке 1 пуда хлопка-сырца в ткани расходуется от 3 до 7 пудов каменного угля или соответственное количество иного топлива.

[2] Он может во многих случаях послужить регулятором нередких у нас — так называемых мануфактурных — кризисов, то есть таких эпох (неурожаями хлеба определяемых), когда простой народ покупает мало тканей.

при ввозе хлопка. И хотя часть, ныне уже достигающая 20% всего перерабатываемого в России хлопка, не платит ввозной пошлины,[1] потому что производится в русских азиатских владениях, *но на первое время*, по моему мнению, не следует делать различия при возврате пошлин для хлопка своего и иностранного, дабы ускорить чрез такую премию русскому хлопку как его разведение в больших размерах, так и развитие отпуска за границу русских хлопковых изделий. Под таким покровительством, если оно не будет парализовано другими вредящими мероприятиями, легко и всего своевременнее возвышать пошлину на иностранный хлопок, потому что те утраты барышей, которые могут потерпеть фабриканты от увеличения цены сырца, они могут наверстывать, увеличивая заграничную отправку своих изделий и увеличивая массу русского хлопка, обращаемого в пряжу и ткани. Что же касается до размеров возврата, то он на пуд хлопка в изделиях должен быть, по мнению моему, меньше чем на пуд ввозимого хлопка-сырца, например, если последний платит 1 руб. 20 коп. зол. с пуда, то возвращать должно около 1 руб. зол. по расчету на пуд сырца.[2]

6) По мере же возрастания как иностранного вывоза, так и отношения между собственным и привозимым сырцом следует возвышать ввозную пошлину и выдавать в возврат все меньшую и меньшую долю привозной таможенной пошлины, с таким расчетом, чтобы пошлина от ввоза иностранного хлопка все же давала более тех сумм, которые израсходуются на возврат, ибо первую цель всей операции должны составлять — развитие русского разведения хлопка и расширение фабрик, приготовляющих из него пряжу и ткани, а вторую цель — интересы казны, или ее доходы, так как и они составляют настоятельную надобность страны. Если — на счет умеренного возвышения пошлин на иностранный хлопок и чрез возврат пошлин изделиям — достигнется, с одной стороны, прекращение ввоза иностранного сырья, а с другой — установление обширного вывоза русских хлопковых изделий, притом без прямых правительственных затрат, то народ получит в результате новый заработок на разведении хлопка и на расширении его переработки и всевозможное удешевление хлопчатобумажных изделий, потому что только с их крайним удешевлением (конечно, при достаточном совершенстве производства) возможно достичь крупного иностранного вывоза. Страна же получит при этом огромные выгоды от того, что деньги за сырец пойдут не иностранцам,

---

[1] Или платит лишь 5% стоимости, как, например, при ввозе из Персии.

[2] Так как таможенные пошлины по азиатским границам России поставлены в особые условия, и я обсуждаю в своем докладе только пошлины по западной, или европейской границе, то я не вдаюсь здесь в сложное рассмотрение правдивых и желательных мер, относящихся к ввозу хлопка и к вывозу хлопчатобумажных тканей по русским восточным, или азиатским границам.

а русским, и в Россию придут уплаты за вывозимые хлопчатобумажные изделия.[1] При ожидании такого результата должно считать ничего не значащим уменьшение и даже полное прекращение ныне существующего таможенного дохода с хлопка-сырца, во-первых, потому что истинною целью протекционных таможенных пошлин должно считать развитие внутренней производительности, а при достижении сего, само собою ясно, что таможенный доход с данного товара[2] прекращается; во-вторых, потому что с возрастанием народного благосостояния являются иные, совершенно новые государственные доходы и возрастают всякие промышленные и акцизные сборы; в-третьих, потому что разводимый в России хлопок уже сам по себе, непосредственно, может, подобно керосину, получаемому в России, составить, при настоятельной надобности, предмет прямого обложения, ибо между таможенными и акцизными окладами существует то основное сходство, что они доставляют необходимые государству ресурсы, раскладываясь на достаточных потребителей, без стеснения промышленности страны с иной стороны, кроме вздорожания некоторых товаров. Такое вздорожание происходит, в сущности, и при всяком другом виде государственных обложений, только раскладывается иными способами.

Некоторое же вздорожание, ради государственных надобностей, противу нормальной ценности хлопчатобумажных изделий, очевидно, имеет тот же смысл и значение, как вздорожание табака или сахара от акциза, или чая и шипучих вин от таможенной пошлины.

7) Хотя интересы промышленного развития и экономического могущества России требуют того, чтобы дальнозоркость ее правительственных мероприятий направляла хлопковое дело к желаемым вышеуказанным целям, но при сем, очевидно, не должны ускользать от внимания настоятельные нужды настоящего времени, а потому предполагаемые меры должны быть обдуманы в своей последовательности с надлежащею осмотрительностью. А так как ныне, именно в 1889 г., при ввозе до $8^1/_2$ млн иностранного хлопка и при обложении его пошлиною в 1 руб. с пуда, получено с него таможенных пошлин $8^1/_2$ млн руб. золотом, то с возрастанием внутреннего получения хлопка вышеуказанный крупный источник государственного дохода должен когда-либо уменьшиться. В эпоху начала тех финансовых преобразований, какие ныне производятся, прежде чем

[1] А в цене изделий хлопка, кроме сельскохозяйственной работы (сырца), содержится плата за массу труда при его обработке. В 100 руб., израсходованных на покупку коленкора в Англии, содержится около 40 руб. за труд сельский и около 40 руб. за труд мануфактурных рабочих.

[2] Но когда народный достаток растет и промышленные обороты оживляются, тогда являются новые таможенные доходы, ибо страна спрашивает больше, чем прежде. Это не следует забывать. Доходы казны — во всяком случае — возрастут, если благосостояние страны и количество производительного труда умножатся.

укрепится внутреннее получение хлопка, возвышение таможенного оклада на иностранный сырец вызывается прежде всего тем соображением, что такое возвышение, произведенное в умеренных размерах, не изменяющих ввоз противу спроса, увеличит таможенный доход или позволит ему сохраниться, даже и тогда, когда начнет уменьшаться количество ввоза. Хотя год от году количество хлопка, вывозимого из азиатских владений, возрастает,[1] но до сих пор привоз американского, египетского и тому подобного иностранного хлопка по западной границе едва ли уменьшается:

	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Иностранного хлопка ввезено миллионов пудов	8.4	7.2	10.1	6.9	8.6

Следовательно, рост внутренней переделки и потребления хлопковых изделий до 1888 г. превосходил рост внутренней производительности. Но впереди, особенно с возвышением таможенного оклада, должно ждать обратного, следовательно, в ближайшие годы должно ждать уменьшения ввоза, и тогда при возвышении таможенного оклада таможенный доход от хлопка может не уменьшиться, даже при установлении возврата, потому что этот последний будет возрастать медленно и по своей величине будет менее таможенного сбора.

8) Главнейшею и принципиально важнейшею причиною, заставляющею желать возвышения таможенной пошлины на иностранный хлопок, должно считать то, что вздорожание иностранного хлопка, произведенное таможенными окладами, увеличивает шансы разведения собственных хлопковых плантаций в наших среднеазиатских владениях и в Закавказье. А так как такое разведение сопряжено с крупными затратами, с орошением и вообще культурою пустынь, так как оно оказалось уже не только возможным, но и выгодным, так как оно ведет за собою сумму весьма важных следствий всякого рода для распространения благ просвещения на азиатские страны, и так как чрез это выигрывает Россия и все человечество, то возможно быстрое достижение такого результата стоит и гораздо важнейших и больших мероприятий, чем простое возвышение таможенных окладов, ибо ведет к победе мирного свойства и к разлитию благ просвещения. Здесь видна реальная связь таможенных пошлин с высшими задачами стран. Таким, то есть ведущим к благу, и должен быть правильно взвешенный таможенный тариф.

9) Те усилия, которые уже предприняты и будут продолжаться начинателями разведения русского хлопка, столь достойны всякого поощрения, возмещающего их затраты и труды, что будь наш азиатский хлопок

[1] По сведениям за первую половину 1890 г., ввезено по Закаспийской дороге почти 2 млн пудов.

дороже американского и тогда бы следовало свой поставить на первый план и ради того, широко открывая ему все пути, мало-помалу стеснять пути распространения иностранного хлопка. Но наш хлопок дешевле американского, как русская нефть дешевле американской, русский хлеб дешевле американского, ибо цена для товаров, добываемых ежегодно в больших массах, зависит прежде и главнее всего от количества и ценности труда, затрачиваемого на добычу товара, и лишь в меньшей мере от ренты на землю и от процента на капитал, поденная же плата азиатских рабочих, сравнительно с американскими, как всякому известно, несравненно меньше. Очевидно, что ни при какой ценности труда нельзя достать массы хлопка в северных тундрах; солнце и вообще природные условия здесь так же необходимы, как содержание нефти в почве для получения керосина. Но в том-то и дело, что Россия обладает, во-первых, — вследствие своей обширности и богатства — природными условиями для производства всяких товаров, а во-вторых, — вследствие своего нуждающегося в работе стомиллионного оседлого населения, еще лишенного требовательности, Россия обладает дешевейшими, сравнительно с Западною Европою и Америкою, рабочими силами. Находясь между западом Европы и юго-востоком Азии, Россия, пользующаяся уже благами мира и просвещения, своею природою и историею назначена к тому, чтобы снабжать Запад хлебом и полуобработанными продуктами, а возрождающийся Восток готовыми изделиями, между которыми во всем мире железные и хлопчатобумажные занимают первое место. Это пути и способы просвещения, для которых Россия слагала свою историю. Она должна вершиться этими мирными завоеваниями и потому на очереди в ней стоят вопросы промышленного развития, среди которых вопрос о хлопчатобумажных тканях занимает одно из первых мест, потому что они требуют и работы машин, и ручного труда, и усилий образованности, и разумных правительственных мер.

Из того, что здесь и в моем первом (декабря 1889 г.) докладе сказано, следует, что, по моему мнению:

должно и можно возвысить существующий таможенный оклад на сырой хлопок, производя такое возвышение с последовательностью, мало-помалу. Должно ради поощрения внутреннего производства хлопка и ради возможно долгого сохранения государственного дохода, собираемого ныне с иностранного хлопка. Можно же возвысить оклад потому, что в России уже существует и растет внутренняя конкуренция фабричной обработки хлопка, и она, при постепенности и умеренности возвышения, может вести к тому, что цены готовых товаров от малого возвышения оклада на сырье не возрастут и потребление не убавится, а при благоприятных других условиях (при урожаях и при развитии промыслов и торговли) даже будет еще возрастать.

Для увеличения существующего вывоза хлопковых изделий и для успешности завоевания новых внешних рынков этим произведениям рус-

ского труда было бы полезно производить возврат большей части пошлин, взимаемых с сырца, при вывозе тканей, из него произведенных, с тем, чтобы возврат этот уменьшался по мере развития вывоза и по мере уменьшения ввоза иностранного хлопка.

Хлопчатобумажные плантации и мануфактуры, доставляющие множеству людей прочный и очень крупный заработок, должны быть рассматриваемы, вместе с железными дорогами и горнозаводскими промыслами, как виды народного труда, хотя новые и патриархальному быту незнакомые, но, однако, необходимые для развития независимого, прочного экономического благосостояния страны, потому что хлопок доставляет дешевейший, то есть требующий наименьшей суммы труда, вид тканей для одежды, как железные дороги — дешевейший способ передвижения по суше и как горнозаводские промыслы доставляют дешевейшие виды топлива, освещения и тому подобных потреблений.

При развитии в России добычи своего хлопка хотя станет иссякать таможенный доход от ввоза иностранного хлопка, но настолько приумножатся внутренние капиталы и промышленное благосостояние народа, что возрастание государственных доходов других категорий должно и может совершаться в большей мере, чем ныне — при сборе пошлин с иностранного хлопка.

Обеспечение России хлопком своих теплых стран и вывоз из России значительных количеств хлопковых тканей должны иметь важное во всех отношениях экономическое, финансовое и политическое, международное и народное — для России благоприятное — значение. Достижение до этого, равно как до перевеса вывоза над привозом угля и железа с его изделиями, может произойти с такою же легкостью, с какою в 10—15 лет достигнут вывоз керосина вместо его привоза, но не иначе, как с помощью сильного таможенного покровительства и суммы других правительственных мер, которым ответят: дешевизна названных товаров внутри России, возрастание народного в ней благосостояния, благоприятный торговый баланс, прочное уравнение цен кредитного рубля с золотом и новый рост русского могущества и просвещения.

Сырые прядильные вещества в тарифе 1891 г. содержатся в 179-й, 180-й и 181-й статьях. Как и прежде, лен, пенька и сходные с ними товары будут впускаться беспошлинно, потому что Россия изобилует ими, отпускает их и нет опасения, чтобы здесь встретились ей соперники, потому что народ весь сыздавна знаком с разведением и обработкою льна и конопли, хотя в этом отношении и желательны многие важные улучшения, увеличивающие сбор и улучшающие достоинство этих исконных продуктов русского земледелия. Но здесь очевидно, что, работая для вывоза, для чужих, далеких фабрикантов, по спросу посредничествующих скупщиков, не будут иметь сил

улучшать культуру и первую обработку (вымочку), потому что посредник, скупщик спрашивает валовой, ходкий, привычный, массовый товар и за лучший, дороже стоящий, не может предложить высшую цену, так как такого высшего сорта вначале могут быть только малые количества. Некто улучшит свой лен, потратит на него силы и средства, а у него купят его по той же цене, как и ходкие, худшие сорта, а потому намеченное улучшение остановится. Это взято прямо из живых примеров и показывает, с новой стороны, что для сельскохозяйственных улучшений надобны свои местные потребительные мануфактуристы, то есть что сельское хозяйство в стране с развитою мануфактурою будет всегда выгоднее, чем в стране, отпускающей сырье в непеределанном виде.[1]

Джута же, как чужеземный соперник льна и пеньки, разведение которого только что началось в России, заслуживает таможенного обложения, сообразного с его низкою ценою и с окладами на изделия, из него изготовляемые. Числа ввоза I — джуты-сырца и II — джутовых мешков за последние 9 лет,[2] в тысячах пудов, были следующие:

	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.
I	42	73	36	70	186	394	481	598	454
II	216	172	233[3]	209	178	100	121	102	48
Ввоз джуты и ее изделий . .				279	364	494	602	700	502

Они показывают, что джута, ввозимая в другие страны Европы, особенно в Англию, десятками миллионов пудов, нашла применение и в России для изготовления укупорочных мешков и других тканей. Дешевизна джуты, зависящая от ее большой урожайности и простой обработки, делает это прядильное вещество драгоценным приобретением нового вре-

[1] Я не вдаюсь в развитие указанного примера лишь потому, что общие начала, защищаемые этою книгою, все говорят о тесноте слияния интересов сельских хозяев с промышленностью. Маленькая частность здесь не важна, важна лишь совокупность, общее понимание упомянутой связи, многими невидимой.

[2] До 1881 г. джута пропускалась беспошлинно и особо не регистрировалась в таможенных отчетах. В 1881 г. назначен был на нее оклад в 40 коп. зол. с пуда.

[3] До 1885 г. мешки джутовые и холщевые записывались вместе. Производство тех и других в последние годы сильно развилось в различных местах России — ради роста вывозимого хлеба.

мени, и если бы Россия не могла сама разводить джуту и заменить ее низшими сортами пеньки и льна, то налог на джуту должно было бы считать неправильным, потому что дешевизна мешков, служащих для укупорки отпускаемых хлебов, имеет свое значение в отпускной торговле России. Для того, чтобы установить в деле джуты и джутовых мешков такую точку зрения, которая отвечает общим русским интересам всякого рода, очевидно недостаточно одного того обстоятельства, что джута дает дешевые мешки для вывоза хлеба, потому что мало прочные дешевые мешки могут делаться из низших сортов русских материалов, и сверх того, мало-помалу вывоз хлеба насыпью делает все большие и большие успехи. А так как с возрастанием хлебного вывоза из России и с обложением джуты и джутовых мешков в последние годы возникли не только многие фабрики для производства джутовых пряжи и мешков, но рядом усилилось и производство льняных мешков, то следовало прежде всего иметь в виду основной русский материал — лен и ради поддержания его потребления оклад на джуту-сырец увеличить для того, чтобы ввоз ее, по крайней мере, не возрастал в ущерб потреблению льна. Этим соображением объясняется возвышение оклада на джуту с 40 коп. до 60 коп. зол. с пуда (ст. 179). Но так как джутомешочное производство (и вообще переделка джуты) уже возродилось в России, то возвышение оклада на сырец без возвышения оклада на изделия могло бы подорвать джутовые фабрики. Поэтому на джутовые мешки пошлина поднята с 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 60 коп. зол. (ст. 191).

В примере джуты видно то отношение к сырью и тканям, какое принято в тарифе 1891 г. Но чтобы стала очевидной великая трудность, предстоявшая при пересмотре тарифа в установке окладов на прядильные вещества и изделия из них, я остановлю внимание на шелке в его четырех важнейших торговых формах: кокон, сырца (греж), крученого шелка (основа — органсин и уток — трам) и шелковых тканей.

Коконы стоят, смотря по добротности своей, от 10 до 15 руб. зол. за пуд; примем среднее 12 руб. зол. Шелк-сырец (греж) также ценится различно, смотря по качеству, но среднюю цену нельзя принять менее 100 руб. зол. за пуд (коконы сырые дают менее 10%, сухие не более 20% шелка-сырца, остальное идет в отбросы или в очес, называемый «фризон», и т. п.). Крученый шелк (трам и органсин), получаемый из сырца, представляет еще высшую ценность, не только потому, что шелкокручение требует искусных масте-

рид, но и потому, что оно сопряжено с утратами части материалов в очески, вату и т. п. Пуд некрашеного крученого шелка (из сырца, а не из бурра, или очеса) стоит средним числом около 170 руб. зол. Цена чисто шелковых тканей, без окраски и аппретировки, конечно, выше цены шелкового утка и основы, а с окраскою, узорами и вообще в том виде, в каком поступает в продажу, цена эта видоизменяется весьма сильно, особенно же под влиянием того, что множество современных шелковых изделий содержат иные (более дешевые) прядильные материалы и пряжу из очеса (= бурр, буррет, бурр-де-суа). Для настоящих шелковых тканей среднюю цену должно принять равною, по крайней мере, 400 руб. зол. за пуд. Теперь, указав приближенные цены, приведем и таможенные оклады [см. таблицу].

	Цена пуда в рублях золотых	Таможенная пошлина с пуда и процентное отношение к цене с пуда			
		1886 г.	1890 г.	по тарифу 1891 г.	
Коконы	12	0	26 руб. зол. = 2%	30 коп. зол. = 2½%	
Шелк-сырец	100	50 коп. = ½%	65 » » = ⅔	1 руб. » = 1	
Крученый шелк (некраш.) . . .	170	5 » зол = 3	16 » » = 9	30 и 40 » » = 18 и 24	
Шелковые ткани .	400	200 » » = 50	264 » » = 66	300 » » = 75	

иноземных шелковых тканей было всегда велико и на них тем охотнее налагали большие ввозные пошлины, что дело касалось предметов роскоши, так что высокая пошлина на шелковые ткани сложилась исторически и имела характер фискально-охранительный. Шелковое же сырье, когда оно вывозилось из России, не было надобности охранять; с него даже собирали отпускные пошлины, а шелковичные яички, которые собирали западноевропейцы сперва в Закавказье, а потом в среднеазиатских наших владениях, чтобы освежать свое зараженное болезнями шелкоразведение, были обложены до самого последнего времени, когда вывоз грены уже прекратился, вывозною пошлиною в 2 руб. зол. с фунта (80 руб. зол. с пуда). Другими словами, теплые края России считаются шелководными. Рассуждали так: производство шелковых тканей необходимо, уже по историческому преданию, охранять высокими таможенными окладами, а сырье, то есть коконы, не следует, а потому для промежуточных форм переделки шелка (для сырца и крученого шелка), служащих сырьем для тканей, следует назначать малую фискальную пошлину, да и то только ввиду дороговизны товаров этого рода. Вышла очень красивая последовательность окладов, считая их с цены: 0, $^1/_2$, 3 и 50%. В известной степени последовательности нельзя отказать этой системе 1868 г. Но взглянем на ее плоды, сперва с точки зрения статистических данных.

Вывоз из России в Западную Европу всяких (коконы, сырец и очески) сырых видов шелка, начиная хотя бы с 1880 г., был следующий:

	Вывоз, число пудов						
	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.
По Закавказью	34260	42408	26362	38430	35361	13975	23692
По европейской границе	15886	23564	15117	18640	16347	15753	21830
Пряденые шелка . . .	—	104	22	19	11	3	19
Всего, тысяч пудов	50	66	41	57	57	30	45

Средним числом вывозилось в год около 50 тыс. пудов, примерно на 6 млн руб. Часть этого вывоза, но очень малень-

кая, производится в виде пряденого шелка, главная же масса идет сырца и того очеса, который остается при его получении.

Привозится же почти исключительно шелк крученый (трам, органсин) и шелковая пряжа из очесов (бурр-де-суа). Количество ввоза за три последние из приведенных выше годов было следующее:

	Ввоз, число пудов					
	1884 г.		1885 г.		1886 г.	
	границы					
	европейская	азиатская	европейская	азиатская	европейская	азиатская
Сырец и бурр	1076	2545	2531	600	3036	452
Шелк крученый и пряжа: некрашеный	15240	8	16486	3	18997	4
Шелк крученый и пряжа: крашеный	7735	3	4726	11	3298	20
Всего, тысяч пудов	27		24		26	

Следовательно, ввозится средним числом около 26 тыс. пудов в год, но так как ввоз главным образом состоит из крученого шелка, то эти 26 тыс. пудов стоят около 7 млн руб. (по 270 руб. кред., или по 170 руб. зол.), то есть много дороже, чем 50 тыс. пудов вывозимого из России шелка в виде кокон и сырца.

Отсюда, в духе предшествующих мероприятий, следует таможенными окладами достигать переделки своего сырца в России же в крученый шелк. Эта логически верная мера и принята в тарифе 1891 г., а именно некрашеный крученый шелк (также пряжа шелковая из охлопьев шелка) платил 16 руб., а будет до июля 1893 г. платить 30 руб., а затем 40 руб. зол. с пуда, крашеный же на 16 руб. зол. с пуда более. Возвышение же пошлины на пряжу вызвало и возвышение пошлины на шелковые ткани до 7 руб. 50 коп. от 6 руб. 60 коп. зол. с фунта. Таким образом, хотя оклады и изменены, но процентное обложение все же идет, сильно возрастая от сырья к готовому товару, только переход от шелка-сырца

к шелку крученому теперь стал столь же велик, как был прежде от шелка крученого к шелковым тканям. Им одним сперва покровительствовали, а теперь стали вызывать шелкокрутильни.

Такое отношение к делу, вызванное прошлою историею пошлин на шелк, может повести к тому, что оно начнет расти, начиная сверху: фабриканты шелковых тканей, совершенно обеспеченные от иностранной конкуренции, начнут заводить шелкокрутильни и для того позаботятся о получении добротного шелка-сырца. Но тут-то, по моему мнению, и может произойти неладное: вместо того, чтобы позаботиться об усовершенствовании русских шелкомотален и брать русский сырец, эти шелкопрядильщики могут предпочесть выписку шелка-сырца из-за границы, потому что он обложен всего лишь пошлиною в 1 руб. зол. Мне кажется, что следовало бы, возвышая оклад на крученый шелк, возвысить, в значительной мере, и пошлину на шелк-сырец. Такое обложение доныне не имело значения, потому что шелковые фабриканты могли прямо брать иностранный крученый шелк, но ныне, когда станет мало выгодным брать чужой крученый шелк, они, вероятно, прибегнут к чужому сырцу. Вообще мне кажется, что в ряде последовательно изменяющихся товаров, на сырье, если его производят или можно производить в России (а шелк производится), следует налагать в процентном отношении не меньшую пошлину, чем на готовый товар, чтобы было выгодным развивать дела от их оснований, то есть добычи и первой обработки сырья, потому что тогда выгоды от протекционируемого производства распределяются между многими, а не скопляются у немногих лиц, занятых окончательно фабрикациею. Я даже склоняюсь скорее всего к такому способу обложения товаров, могущих производиться в России, при котором сырье несет высшее процентное обложение, чем готовый товар, как, например: чугун, стоящий около 30 коп. зол. пуд, платит 30 коп. зол., то есть 100%; сталь, стоящая около 1 руб. зол. пуд., — 60 коп. зол. = 60%, а машины или приборы (стр. 824) — около 20—30% их стоимости. Тогда дело возродится от корней. Если бы все шелковые товары обложили 50% со стоимости, тогда бы с кокон следовало брать 6 руб. зол. с пуда, с сырца — 50 руб. зол., с крученого шелка — 85 руб. зол., а с шелковых тканей — 200 руб. зол. с пуда (5 руб. зол. с фунта). Знаю, что сделать этого по смыслу прежде действовавшей системы невозможно, и не для того пишу об этом, чтобы рекомендовать такой способ к немедленному осуществлению, а только для того, чтобы

ясно выразить свою мысль о том, что производства, подобные шелковому, развиваемые сверху, имеют мало поводов делиться своими барышами с истинными производителями русского шелка, а в них должно видеть корень укрепления шелководства в России и от них, больше чем от фабрикантов шелковых тканей, можно ждать соревнования и сбавки цен при высоких таможенных пошлинах, тем более, что число таких фабрикантов (данные будут далее приведены) очень ограничено, а число производителей велико. И если дух тех изменений тарифа, которые введены в последние годы, будет продолжать действовать при новом будущем изменении тарифа, я убежден, что окажется уже потребным возвысить оклады на сырец и коконы. Мне кажется, что, исходя из системы 1868 г., когда оклады на четыре формы шелка (как показано выше) были в процентах стоимости 0, ½, 3 и 50%, следует подходить к системе в 50% примерно так: 1) 10, 20, 30, 50%; 2) 20, 30, 40, 50% и т. д., чтобы этим путем вызывать не только производство шелковых тканей или шелкокручение, но и самое шелководство, так как корень дела все же в получении кокон. Дело же шелководства падает даже в тех юго-восточных краях России, где оно существует сыздавна, и вовсе не распространяется в те многие местности юга России и Сибири, где оно может развиваться в широчайших размерах.

В примере шелка видно, как таможенные перемены и улучшения, введенные тарифом 1891 г., зависят от тех таможенных воззрений и окладов, которые доныне действовали в России.

Система же, доныне действовавшая, явно состояла в том, чтобы вызывать преимущественно окончательную обработку волокнистых веществ или их промежуточную форму (например производство пряжи), а не самую их добычу. Для того, чтобы сделать это очевидным, я свожу для трех последних лет по каждому отдельному классу волокнистых веществ данные о ввозе (по европейской границе) по трем категориям товаров: сырье, пряжа и ткани, и притом привожу при каждом роде товаров сумму таможенных доходов за указанные три года. Мне кажется, что этим путем уясняются некоторые стороны предмета лучше, чем подробным обсуждением окладов по отдельным статьям.

Начну с шелка, потому что о нем только что говорено подробнее, а потом перейду к шерсти, льну с джутою и пенькою и закончу хлопком, как важнейшим прядильным материалом.

Статья		Ввоз по европейской границе							
		1888 г.		1889 г.		1890 г.		Сумма 3 лет в тысячах рублей кредитных	Сумма таможенного сбора в тысячах рублей золотых
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов.	тыс. руб.		
	В в о з *шелка*								
180	Коконы, сырец и охлопья .	15	2156	15	1684	15	1839	5679	27 = 3/4% [1]
185	Крученый, пряжа	26	8999	27	8791	24	6813	24603	1403 = 8 1/2%
195 196 197	Шелковые и полушелковые материи, платки, ленты и тому подобные изделия . . .	3	1362	4	1859	5	1766	4987	2112 = 63 1/2%
	Итого, миллионов рублей кредитных		12.5		12.3		10.4	35.2	5.4 = 15 1/2%
	В в о з *шерсти*								
176	Тряпье шерстяное . . .	118	435 [2]	25	62	64	136	633	1513 = 12%
181	Шерсть нечесаная, непряденая . .	401	8061	315	5674	226	4512	18247	
186	Шерсть чесаная, пряденая	385	16510	387	15264	330	16173	47947	7259 = 23%
От 198 до 204	Шерстяные ткани и изделия разного рода	32	2308	45	3277	43	3325	8910	3156 = 53%
	Итого, миллионов рублей кредитных		27.3		24.3		24.1	75.7	17.8 = 24%

[1] Цены ввоза даны в кредитных рублях, а пошлины в золотых. Для перевода принят средний курс (стр. 218) 150 коп. кред. за 1 руб. зол.

[2] Для 1888 г. шерстяное тряпье показано совокупно с тряпьем всяким иным (178 тыс. пудов на 535 тыс. руб.), и я выделил часть его в число шерстяного тряпья только на основании частных сведений.

Продолжение

Статья		Ввоз по европейской границе							
		1888 г.		1889 г.		1890 г.		Сумма 3 лет в тысячах рублей кредитных	Сумма таможенного сбора в тысячах рублей золотых
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.		
	Ввоз *льна, пеньки, джуты* и т. п.								
176	Тряпье всякое	60	100	112	200	57	150	450	—
179	В сыром виде	575	2083	688	2197	549	1368	5648	621 = 16%
184	Пряжа	8	245	4	97	5	118	460	87 = 28%
От 190 до 194	Канаты, веревки, мешки, полотно и другие ткани	195	1608	160	1682	86	1013	4591	1802 = 59%
	Итого, миллионов рублей кредитных		4.0		4.2		2.9	11.1	3.8 = 34%
	Ввоз *хлопка*								
179 182	Хлопковый сырец и вата .	6895	68292	8626	83587	7998	79159	231038	24332 = 16%
183	Пряжа бумажная	263	10025	271	9837	227	8609	28471	4789 = 25%
187 188 189	Хлопчатобумажные ткани разные .	24	1519	35	2134	32	1913	5566	1804 = 47%
	Итого, миллионов рублей кредитных		79.8		95.6		89.7	265.1	46.4 = 17%

Из этих данных видно, что, несмотря на существование в России полной возможности снабжать себя своими домашними волокнистыми веществами и изделиями из них, средний годовой ввоз достигает:

	Средний годовой ввоз	Средний годовой таможенный доход
	миллионы рублей кредитных	
Для шелка и изделий из него . . .	12	1.8
» шерсти и шерстяных изделий .	25	5.9
» льна, джуты и тому подобных изделий из них	4	1.3
» хлопка и изделий из него . . .	90	15.5
Всего мануфактурных товаров и сырья для них в год около	131	24

Самый важный предмет ввоза составляет сырой хлопок (шерсть и шелк вывозятся почти в том же размере, в каком ввозятся), а потому основного уменьшения ввоза должно ждать именно от развития русского хлопководства. Это вопрос огромной важности, и повышение оклада на сырой хлопок, как объяснено выше, направлено именно в эту сторону.[1] Повышая оклад на сырец, сочли надобным повысить оклады на пряжу и на некоторые изделия, чем и объясняются тарифные перемены, произведенные в 1891 г. Здесь должно заметить одно важное обстоятельство: сырец, смотря по степени чистоты и по свойству (длинноте, крепости, блеску или лоску) волокон имеет различную цену, но разнообразия не велики

[1] Туземный среднеазиатский хлопок имеет короткие волокна, и долго полагали под влиянием предрассудка, что такое свойство зависит от климата, тем более что хлопок происхождения азиатского и индийский также дает короткое волокно. Но прямой опыт убедил, что в Ташкенте, Коканде и других местах Средней Азии отлично произрастает и ныне разводится в больших размерах американский длинноволокнистый хлопок (гуд-мильдинг и др.), ни в чем не уступающий американским сортам. В июне 1891 г. на московских мануфактурах цена такого хлопка (около 9 руб. 30 коп. за пуд) стояла наравне с ценою американского, тогда как местный (бухарский, туземный, ташкентский и т. п.) ценился гораздо ниже (около 7 руб. пуд.).

(самый дорогой, например, 11 руб., а самый дешевый 7 руб. пуд), тогда как пряжа, смотря по толщине (нумеру пряжи),[1] ровноте, крепости, белизне и окраске, а тем более ткани, ценится очень различно. Хлопковое прядение настолько укрепилось в России, что низшие нумера не привозятся к нам вовсе из-за границы, хотя и требуются более всего для миткаля и наиболее обыкновенных бумажных тканей. Высшие же нумера стоят дороже за пуд,[2] а потому процентное отношение таможенных окладов к цене пряжи в действительности выше, чем выходит по отчетам ввоза. Ныне можно признать, что при цене чистого хлопка-сырца в 10 руб. за пуд пряжа низких нумеров, идущих в миткали, стоит 17 руб. за пуд, а суровый миткаль (без беления, без аппретурных прибавок крахмала, без красок и т. п.) примерно в 24 руб. пуд, считая на фунт 8 аршин. Считая курс в 150 коп. кред. за 1 руб. зол., современная пошлина на хлопок (1 руб. 20 коп. зол.) = 1 руб. 80 коп. кред., следовательно, без нее пуд хлопка стоит 8 руб. 20 коп. кред. (= 5 руб. 47 коп. зол.), и пошлина составляет 22%. Пошлина на пряжу низших нумеров ныне — 4 руб. 20 коп. зол. = 6 руб. 30 коп. кред. Вычитая эту пошлину из цены пряжи 17 руб., получим цену без пошлины 10 руб. 70 коп. кред., и оказывается, что пошлина составляла бы почти 59% стоимости, если бы она вполне выбиралась. Но она не выбирается, потому что при цене пуда хлопка N цена пуда пряжи обыкновенных низких миткальных нумеров (около 35-го) в Англии, где прядение особенно сильно развито, приблизительно равна $N + 3$ руб. зол., или $4^1/_2$ руб. кред.; следовательно, при цене хлопка в $5^1/_2$ руб. зол. = $8^1/_2$ руб. кред. она может быть в привозе (без пошлины) не выше $12^3/_4$ руб. кред., пошлина же была в начале 1890 г. = 3 руб. 60 коп. зол., ныне 4 руб. 20 к., или была около $5^1/_2$ и стала около $6^1/_4$ руб. кред., а прикладывая иностранную цену, $18^1/_4$ и 19 руб. кред., продается же такая пряжа гораздо ниже, около 17 руб. кред. Мне кажется поэтому, что, возвышая пошлину

---

[1] Нумера пряжи в России считаются по английскому (манчестерскому) счету, то есть выражают собою число ярдов в английском фунте, деленное на 840. Английский фунт = 453.6 г, или почти $1^1/_{10}$ русск. ф., ярд = 3 англ. футам (или русским) = 914 мм. № 1 пряжи — значит, что 840 ярдов весят 1 англ. ф. Обыкновенные нумера, применяемые в миткале, 30—40. Толщину пряжи доводят до 300 нумеров. Нитки делаются из нескольких прядей высших нумеров.

[2] Оценка и продажа пряжи ведется прямо по нумерам, а именно в определенной зависимости, происходящей от того, что более тонкие нумера требуют большей работы и лучших сортов хлопка-сырца.

на хлопок, можно было не возвышать пошлины на пряжу низших нумеров, но так как ее цены в России определяются уже не величиною таможенных обложений, а внутреннею конкуренциею (и, конечно, ценою хлопка), то возвышение оклада здесь не имеет существенного значения, подобно, например, тому, как возвышение оклада на керосин не может влиять на русские его цены. Оклад в $6^1/_4$ руб. кред. с низших нумеров пряжи, стоящих около $13^3/_4$ руб. кред., составляет около 45% стоимости, а разность между 17 и $13^3/_4$ руб. кред., равная $3^1/_4$ руб. кред., составляет от заграничной цены рассматриваемого сорта пряжи менее 25% стоимости, то есть подходит к тому проценту обложения (с цены, ad valorem), какой несет ныне сам хлопок. Очевидно, что ныне до поры до времени, пока своего хлопка мало и пока следует усиленно покровительствовать его разведению (возвышая оклад на привозный), нельзя приравнять процентное обложение на хлопок, пряжу и ткани. Но когда пошлина на хлопок составит около $^1/_3$ его цены, то есть дойдет примерно до 1 руб. 60 коп. зол. с пуда, тогда можно будет и пошлину с пряжи и тканей довести до того же процентного размера, по заграничной их стоимости. Если для пряжи 30-х нумеров примем среднюю заграничную цену пуда в 8 руб. зол., то оклад в $3^1/_2$ руб. зол. с пуда такой пряжи будет вполне обеспечивающим развитие внутреннего производства и не будет выбираться. Цена миткалей (небеленых, некрашеных) определяется в Англии из цены пряжи, прибавляя на пуд опять около 3 руб. зол., или $4^1/_2$ руб. кред. Следовательно, в вышеприведенных условиях (хлопок 5 руб. зол., пряжа 8 руб. зол. пуд в Англии) пуд миткаля стоит около 11 руб. зол. = $16^1/_2$ руб. кред. При 7 кв. аршинах на русский фунт (обыкновенный миткаль) эта заграничная цена составляет около 6 коп. кред. за квадратный аршин. У нас такой миткаль стоит ныне около $7^1/_2$ коп. кред. (обыкновенно даже ниже), то есть за пуд около 21 руб. кред. Средние сорты ценятся выше, до 25 руб. за пуд,[1] отделанные (беленые, крахмаленные) еще выше. Приняв указанную (25 руб. кред. за пуд) цену, получим, что и здесь пошлина не выбирается, потому что она была и осталась с пуда (35 коп. зол. с фунта) 14 руб. зол. = 21 руб. кред., то есть почти равняется нашей стоимости, а вся разность 25 руб. кред. от $16^1/_2$ руб. кред. равна $8^1/_2$ руб. кред., или около 50% стоимости миткаля за границею. Следовательно, для низших сортов бу-

[1] Продажа идет всюду обыкновенно на меру длины и ширины, редко на вес, потому что последний зависит от количества аппретурного крахмала и т. п.

мажных тканей пошлина не выбирается (с нею была бы цена 37½ руб. кред., а не 25 руб. кред.), и все сказанное о пряже может быть повторено для миткалей. Если оклад на них сделать равным 5 руб. зол. с пуда (при 11 руб. зол. за пуд), то это будет лишь впору в отношении к низшим нашим ценам. Поэтому в некотором будущем, когда можно и должно будет поднять, в видах покровительства русскому разведению хлопка, пошлину с сырца до 1 руб. 50 коп. зол. с пуда, *можно* (но особой прямой надобности нет) спускать для низших сортов пряжи оклады до 3½ руб. зол., а для низших сортов миткаля — до 5½ руб. зол., не опасаясь подрыва местного производства. Но такая система, представляющая почти равное процентное обложение для трех родов переделки хлопка, хотя может удовлетворить идеальному требованию, соблюдающему интересы как потребителей, так и производителей, не может быть рекомендована для немедленного применения, потому что теперь во главе всего хлопкового дела должно поставить основное условие — покровительство разведению своего хлопка высших сортов. Это так важно для будущности России, для ее экономической самостоятельности, что ради достижения этой заглавной цели не следует изменять прежнюю систему обложения пряжи и тканей, потому что система эта, как и видим ныне, оказала свое достоинство, то есть укрепила у нас хлопкопрядильное и хлопкоткацкое производство и довела их до того, что пошлины не выбираются из-за внутреннего соперничества.[1] Очень сильно ошибаются

[1] Логика всего этого дела представляется мне столь простою, что ее можно кратко формулировать в следующих немногих утверждениях.

Если пошлины на хлопок не будет, — свое разведение его или прекратится, или будет, как видим в шелковом деле, едва влачить жалкое существование и не будет иметь сил вырасти до народного и международного значения, какое может и наверное, при должных заботах, получит наше хлопководство. Я уже и не говорю о том, что 8 млн зол. пошлины с привозного хлопка представляют такой незаметный род обложения, который при уничтожении оклада должно будет возместить с нас же каким-либо иным — заметным, новым окладом.

Если пошлины на пряжу и ткани будут сняты или станут ниже, в процентном отношении, чем с хлопка, то повезут не хлопок, а пряжу и ткани, то есть от народного заработка отнимется еще более, чем чрез ввоз хлопка, потому что ткань, даже простейшая, стоит в три раза дороже хлопка и разность цены определяется ценою работы и капитала.

Пусть укажут те, которые вопиют о дороговизне у нас хлопковых тканей, иной способ, а простое сложение пошлин или сведение их на фискально выгоднейшие размеры совершенно не пригодно для обдуманного движения России в сторону дальнейшего развития ее сил, ибо она состоит не из чистых потребителей, а из потребителей, черпающих свои средства от труда и разработки природных запасов страны для введения их в свое и общее мировое потребление.

те, которые полагают, что сбавка пошлин, понизив у нас цены хлопковых изделий, увеличит их распространение в народе. Покупная способность народа ныне зависит исключительно от урожаев, а с развитием внутренних промышленных заработков всякого рода будет возрастать, со ввозом же иностранных товаров, наверное, станет падать. В год урожаев и при существовании многих видов заработка пойдет миткаль и за 8 коп. аршин, а в года неурожаев и при 5 коп. ему ходу в России не будет.

Мне кажется, что, не входя в подробный разбор окладов, сказанного достаточно для того, чтобы выразить основные мысли, лежащие в таможенной системе по отношению к прядильным веществам. Система эта, видоизменяясь в частностях, по статьям или родам товаров, стремится к тому, чтобы обложить ввоз всех сырых, полуобработанных (пряжи) и готовых волокнистых веществ столь высокою пошлиною (от 15 до 60% в среднем с цены), чтобы Россия могла развивать добычу у себя своих прядильных материалов и их переделывать в изделия — сперва для себя, потом и для других народов. Такая система давно уже существует в русской таможенной практике, но она ныне мало-помалу усовершенствуется, нисходя от готовых изделий к производству сырья, потому что опыт показал возможность достичь переделки сырья и есть уверенность, что он оправдает усилия к водворению производства самого сырья. Существующую систему, как заведомо полезную, можно улучшить, но колебать в основах грехотворно. Представим выше данные числа в следующем виде:

	Средний ввоз в миллионах рублей в год (1888–1890)				
	шелк	шерсть	лен, джута, пенька и т. п.	хлопок	всего
Сырье	2	6	2	77	87
Пряжа	8½	16	—	9½	34
Ткани	1½	3	1½	2	8
	12	25	3½	88½	129

Здесь очевидно, что готовых изделий ввозится ничтожно мало, полуобработанных более, а всего более сырья. На него,

очевидно, и следует теперь налечь, то есть, развив фабричное дело, перейти к сельскохозяйственному. Переход этот начат в тарифе 1891 г. Ранее чем приводить данные, определяющие степень развития мануфактурного дела в России, считаю необходимым закончить выше данный обзор ввоза мануфактурных товаров сведениями о ввозе различных мелочных предметов одежды, производство которых основывается на прядильных веществах или близко к ним соприкасается.

Статьи	Ввоз по европейской границе [1]	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов.	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
206	Тюль бумажный	1.7	162	1.4	106	0.2	66
207	Кружева, блонды, прошивки и т. п.	2.1	632	1.4	442	1.1	337
209	Белье и платье	2.6	578	3.0	619	2.4	570
210	Шляпы, шляпки и фуражки	—	75	—	115	—	103
211	Зонтики	—	60	—	124	—	78
212	Пуговицы	9	384	12	499	9	409
213	Перья, искусственные цветы и т. п.	—	167	—	215	—	181
214	Стеклярус, бусы, бисер и т. п.	15	241	14	251	10	218
218	Образчики материй и проч.	0	6	1	8	1	11
	Всего на миллионы рублей		1.8		2.4		1.9

Приведенные виды товаров составляют предмет такого потребления, которое само собою просится под налог, и этот налог может хотя отчасти поддерживать внутреннее производство. Без налога наводнили бы иностранным товаром этого рода и отняли бы хлеб от швей и портных, от рабочих пуговичного товара, зонтиков, шляп и т. п. Опыт показывает, что высокий налог, например на пуговицы, послужил поводом к основанию многих новых русских пуговичных фабрик, а потому здесь если и раздадутся голоса противу высоких

[1] Басонные и вязаные изделия (ст. 205-я) причислены, смотря по материалу, к изделиям шелковым, бумажным и т. п. Вышитые ткани (ст. 208-я), составляя новую статью, прежде проходили или с тканями или с платьем.

окладов, то они будут менее всего уместны. Поэтому останавливаться на тарифных подробностях, относящихся к исчисленным товарам, считаю вовсе ненужным, тем более, что увеличение окладов, сделанное при пересмотре тарифа, в сущности, невелико, а оклады и до сего времени были довольно значительны, какими их и следует держать, тем более, что многие из перечисленных товаров, например кружева, шляпы, роговые и костяные изделия и т. п., выделываются у нас кустарями и в своей цене нисколько не зависят от таможенных окладов, которые дают немалый доход таможенному ведомству; а именно на белье и платье около 250 тыс. руб. зол., на пуговицах, перьях, бусах, шляпках и т. п. около 350 тыс. руб. зол. и на галантерейных вещах и игрушках около 500 тыс. руб. зол., а всего более 1 млн руб. зол.

Прежде чем перейти к сведениям о внутреннем производстве мануфактурных и близких к ним, только что рассмотренных товаров, необходимо ознакомиться с их вывозом, потому что если не ныне, то в некотором будущем они должны составить очень важный предмет нашего отпуска, так как наши зимы представляют массу свободного времени, которое крестьянство тем охотнее посвятит мануфактурному делу, чем более оно разольется по всем углам России и разобьется на мелкие отдельности.[1] Крестьянство с его домашнею обстановкою уже ныне прямо участвует в мануфактурном деле России, но это участие, во-первых, очень слабо, во-вторых, проявляется обыкновенно только чрез посредство капиталистов-предпринимателей, сдающих часть фабричной работы на зиму в деревни. Можно же ждать впереди иного, более широкого участия артельных (кооперативных) деревенских сил в развитии русской мануфактурной деятельности, и, если способы к этому найдутся, значение таких дел должно будет сказаться

[1] Со времени некоторого развития мануфактур в России прошло еще так немного времени, что домашнее прядение и тканье не окончательно извелись. Всякие усилия превратить часть мануфактурных дел в кустарные крестьянские промыслы зимнего времени можно считать ныне более обещающими успеха, чем это будет чрез несколько десятков лет. На беду, инициативы подобных дел ныне мало. Вязание, плетение и тканье, при помощи ныне столь усовершенствованных соответственных домашних машин, могло бы иметь еще больший успех, чем ручное кружевное дело, если бы подыскались средства для распространения их. Я даже полагаю, что здесь правительственная помощь будет столь же плодотворна, как и в виде «крестьянского» банка для покупки земель. Организация, конечно, много сложнее, решимости, знания и внимания нужно приложить больше, но и плоды будут, хоть медленнее, но важнее и вернее, потому что дело сделается новое, а не то, что одна перетасовка земельного владения, имеющая свое значение, но не столь крупное, как многие полагают.

в русском вывозе, который доныне состоит главным образом из товаров, произведенных совокупным, свободным крестьянским трудом.

Вывезено из России по всем границам	1888 г.		1889 г.		В том числе по азиатской границе на тысячи рублей
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	
Лен	11304	61023	11220	57984	3
Льняная кудель и пакля	1854	5805	1258	4418	1
Пенька	3323	16964	4078	20738	—
Пеньковая пакля	320	926	333	991	—
Тряпье всякое	499	759	421	619	—
Льняная пряжа	5	73	4	49	—
Пеньковая пряжа	106	478	170	796	1
Канаты, бичевки	257	1568	286	1832	2
Холст,[1] парусина, полотно	110	1103	132	1387	149
Итого льна, пеньки и изделий на	89 млн руб.		89 млн руб.		
Хлопок-сырец	1	11	6	29	1
Пряжа бумажная	2	30	3	33	4
Ткани бумажные[2]	168	6707	115	4656	1656
Итого хлопка и изделий	8 млн руб.		5 млн руб.		
Шерсти (и пуши) мытой и не мытой, всякой (бараньей, верблюжьей, козьей и проч.)	1448	14523	2404	25341	1461
Шерстяной пряжи	1	16	0.1	3	—
Шерстяных тканей, ковров, войлоков[3]	110	3071	103	2910	1283
Итого шерсти и изделий	18 млн руб.		28 млн руб.		
Коконы (и яички шелковые)	6	390	8	516	513
Шелковые очески	8	384	20	655	534
Шелк-сырец (частью и пряденый)	2	399	7	1041	1
Шелковые ткани	1	500	2	800	409
Итого шелка и изделий	2 млн руб.		2 млн руб.		
Белье, платье, кружева	42	6685	38	4687	7
Всего на	123 млн руб.		128 млн руб.		

Так как для обоих годов числа близки, то для сопоставления со ввозом берем среднее:

[1] Для холста не дано веса, считал пуд в 10 руб., а потому принял, что вывоз на 1015 тыс. руб. отвечает 101 тыс. пудов.

[2] Для вывозимых по азиатской торговле бумажных тканей вес не показан, а дана сумма 1655 тыс. руб. Вывозятся крашеные ситцы, а потому принял среднюю цену 40 руб., что дает 41 тыс. пудов веса.

[3] Для сукна не дано веса, принял пуд в 80 руб.

	Среднее, 1888—1889 гг., миллионы рублей									
	лен, джута, пенька и т. д.		хлопок		шерсть		шелк		всего	
	прив.	отп.	прив.	отп.	прив.	отп.	прив.	отп.	прив.	отп.
Сырье (и тряпье)	2.3	85.0	75.9	0.0	7.1	19.9	1.9	1.7	87	107
Пряжа . . .	0.1	0.7	9.9	0.0	15.9	0.0	8.9	0.0	35	1
Ткани и другие изделия[1] . . .	1.6	2.9	1.8	5.7	2.8	3.0	5.1	6.4	11	18
	4	89	88	6	26	23	16	8	133	126

Следовательно, в отпуске и ввозе сырье преобладает, а сумма ввоза почти равна сумме отпуска. Сырье производят не заводы, а сельские хозяева. Покровительство производству сырья, стремящееся к тому, чтобы его ввоз уменьшился, имеет в виду прежде всего тех же сельских хозяев. Покровительство русской переделке сырья как своего, так и чужеземного, имеет главною целью дать работу внутри страны ее капиталу и ее жителям, и если бы его не было, то не только вывоз русского сырья увеличился бы, а ввоз заграничных продуктов его переделки возрос, но, что гораздо важнее, вместо сырого хлопка, стоящего за пуд 6 руб. зол., ввозились бы изделия, стоящие от 11 до 25 руб. зол. пуд, и если примем только удвоение цены (что для среднего ввоза едва ли достаточно), то вместо 87 млн руб. пришлось бы уплатить не менее 175 млн руб., так что ввозилось бы, по крайней мере, на 250 млн руб., а вывозилось бы (изделий очевидно не было бы), вероятно, в два раза менее, то есть около на 125 млн руб. кред. Ежегодно пришлось бы уплачивать — сверх отпуска сырья — около 125 млн руб. Курс тогда бы упал еще более, бедности прибавилось бы и накладных расходов покупателям заграничного дешевого товара пришлось бы нести гораздо более, чем несут они ныне в виде таможенных окладов. Вот что показывает рассмотрение ввоза и отпуска, и вот как оно

[1] К числу изделий для шелка причислено все — платье, кружева и проч., — чтоб не усложнять табличного свода.

отвечает фритредерству, видящему только потребление, а о производстве и заработке забывающему.

Посмотрим же на производство мануфактурных товаров, имея в виду не одну их переделку, но и самое получение сырья. Но здесь статистические данные очень слабы. Известно, например, что под льном в Европейской России в последние годы находится около $1^1/_2$ млн десятин, овец и баранов считают в Европейской России около 50 млн, но сколько получается льна и шерсти неизвестно, тем более, что часть льна разводится исключительно для семян, часть овец идет на полушубки, и много льна и шерсти вовсе не является на рынки, применяясь прямо в домашнем обиходе. То же относится к пеньке, хлопку и шелку. Тем не менее можно с уверенностью полагать, что во *всей* России годовая добыча волокнистых веществ не менее:

20 млн пудов льна и кудели льняной (по 5 руб. кред. пуд) на	100 млн руб. кред.
8 млн пудов пеньки и пакли (по 4 руб. за пуд) на	32 » » »
3 » » хлопка (по 7 руб. пуд) на	21 » » »
6 » » шерсти (считая среднюю очистку по 15 руб. пуд) на	90 » » »
0.06 млн пудов шелка (считая сырец и охлопки по 100 руб. пуд) на	6 » » »
	249 » » »

Если примем даже общую ценность 300 млн руб., то все же окажется, что вывозится около $^1/_3$ производства.[1] И если бы никакие иные причины не существовали, из-за этого одного следовало бы устанавливать покровительственный тариф, побуждающий устраивать внутреннюю переделку своего сырья в те формы его (пряжу и ткани), которые про-

[1] На стр. 873 дано, что мировое производство сырых волокнистых веществ можно считать в 1810 млн руб. зол., что близко к 2700 млн руб. кред. Производство России составляет поэтому около $^1/_{10}$ всего мирового производства. А так как жителей в России менее чем $^1/_{10}$ всего земного населения, то в отношении к волокнистому сырью наше положение лучше, чем многих других стран Европы. Наше положение в отношении горного дела, особенно каменноугольного, заводского и фабричного, гораздо хуже, и главное русское внимание должно быть направлено в эту сторону, чтобы страна наша сделала вперед те шаги, которые не только приравняют ее с остальными странами Европы, но и дадут, вследствие суммы природных преимуществ, надлежащую экономическую устойчивость, которой ныне нет, вследствие основных недостатков в промышленном развитии страны. Задача сводится на то, чтобы, исходя из современного положения вещей, направить предстоящее в желаемую сторону.

изводятся из нашего сырья, чтобы сбывать избытки производства в состоянии уже обработанном. Из $^2/_3$ остающихся в России, по крайней мере, половина идет на непосредственное домашнее пользование, для холстов, веревок, сукон, войлоков, ниток и т. п., потому что мануфактуры получают местного сырья едва ли более чем на 50 млн руб. Действительно (как видно далее), производительность русских мануфактур, перерабатывающих всякие прядильные вещества [1] в ткани и вообще в готовые изделия, например в полотно, ковры, ситцы, веревки и т. п., нельзя, по существующим сведениям, принять превосходящею 500 млн руб., считая же, что в окончательной выработке средняя цена ткани в три раза более цены сырья, получится, что оно стоило мануфактурам около 150 млн руб.; это соответствует потреблению на 100 млн руб. иностранного сырья (хлопка, джуты, шелка, пряжи и т. п.) и на 50 млн руб. русского. Если же такую производительность мануфактур сравнить с сельскохозяйственною производительностью волокнистых веществ в России, то окажется, что последняя (на 250 млн руб. в год) много превосходит мануфактурную, представляющую заработок лишь в 150 млн руб. Однако не должно забывать, что принятые выше размеры производительности лишены сколько-либо прочных оснований, и подробное исследование предмета, быть может, заставит переменить принятые допущения. А они показывают ничтожность развития в России мануфактур по сравнению с другими странами, обладающими, в сущности, меньшею совокупностью всех основных (цены хлеба и рабочих) условий развития мануфактурной промышленности. Так,

---

[1] В наших статистических отчетах, относящихся к промышленности, кроме других, есть тот, существенный общий недостаток, что производительность заводов и фабрик дается без всякого указания ценности употребленного сырья (в Америке приводится), а потому и выходит, что ценность основного сырья входит в цифру производительности всех переделывающих заводов. Так, для хлопка цена сырца входит в величину производительности прядильных фабрик, а в производительности ткацких содержится цена пряжи, следовательно опять цена сырья, в красильных и набивных — цена тканей и красок, и т. п. Все это очень усложняет возможность верного суждения о производительности данного рода заводов и фабрик. Нельзя не высказать желания, чтобы, сверх других улучшений, наша промышленная статистика приводила по каждому разряду заводов и фабрик ценность употребленного сырья. Тогда только и можно будет видеть, что делают промышленные силы и что дают производства основные: горные и сельскохозяйственные. Наиболее же необходимо объединение усилий разных ведомств, собирающих у нас статистические данные.

например, Великобритания покупает за границею хлопка, шерсти, шелка и других волокнистых веществ на 90 млн ф. с., или, примерно, на 900 млн руб. кред., а ее современную (1888) производительность для хлопковых, шерстяных и льняных изделий (не считая шелковых и проч.) Еллисон (Thomas Ellison) определяет (в минимуме) в 170 млн ф. с., или 1700 млн руб. кред. (100 млн ф. с. для хлопка, употребляющего 1500 млн ф. сырца, 50 млн ф. с. для 500 млн ф. шерсти и 20 млн ф. с. на 200 млн ф. полотна). Из своего производства Великобритания оставляет для внутреннего потребления: хлопковых тканей около 85%, шерстяных около 60% и льняных около 90%, остальное вывозит (в виде пряжи, тканей и изделий из них) в чужие страны, примерно, на 110 млн ф. с. в год. При такой громадной производительности можно усовершенствовать все части дела, и внутреннее соперничество может устанавливать нормальные цены, до которых Россия может доходить только чрез одно усиленное развитие своих мануфактур.

По официальным сведениям Министерства финансов, развитие русских мануфактур выражается следующими цифрами, выражающими число фабрик и их годовую производительность в миллионах рублей:

Мануфактурное производство России	1886 г.		1887 г.	1888 г.	1889 г.	
	число	млн руб.	млн руб.	млн руб.	число	млн руб.
Льнотрепальное	66	3.1	3.5	3.2	72	1.4
Льнопрядильное и ткацкое	23	13.5	14.3	15.2	31	14.3
Полотняное	87	10.8	12.8	15.1	74	16.5
Канатное	232	3.5	5.3	5.2	265	5.9
Клеенчатое	21	1.1	1.5	1.8	32	1.5
Тесемочное и басонное	71	3.3	3.3	3.8	92	4.6
Ватное	64	1.0	2.3	3.8	61	1.4
Хлопкоочистительное	—	—	—	—	28	4.0
Бумагопрядильное (с ткацким)	94	145.4	169.0	189.4	100	188.7
Бумаготкацкое (без прядильного)	341	55.8	60.4	74.8	354	68.3
Шерстомойное (и чесальное)	50	6.9	7.2	8.4	100	8.5
Войлочное	41	0.3	0.4	0.4	72	0.6
Шляпное	37	1.4	1.3	1.5	36	1.4
Шерстопрядильное	109	19.1	19.4	29.8	112	19.2
Шерстоткацкое	244	33.4	34.3	37.2	205	34.8
Суконное	496	40.8	43.9	46.2	542	42.7
Вязаных изделий	42	1.3	1.6	1.7	46	2.1

Продолжение

Мануфактурное производство России	1886 г.		1887 г.	1888 г.	1889 г.	
	число	млн руб.	млн руб.	млн руб.	число	млн руб.
Ковровое	9	0.5	0.9	0.8	8	1.1
Шелковое	232	11.6	11.1	12.5	246	12.3
Ленточное	13	0.8	1.0	1.1	25	1.6
Парчевое	44	2.3	2.4	2.4	44	2.1
Красильное, набивное	317	47.8	63.7	75.3	333	84.6
Отделочное	106	3.9	4.4	4.7	92	4.5
Искусственных цветов	18	0.1	0.1	0.1	18	0.1
	2757	398			2988	522

Со своей стороны я считаю, что всего важнее заметное увеличение числа мануфактур в четыре года с лишком на 200, потому что это увеличение показывает развитие дел еще в большей мере, чем возрастание суммы производства (на 100 с лишком млн руб.).

Мануфактуры, подлежавшие раскладочному обложению (Вестник Министерства финансов, 1891, № 40), исчисляются в своей совокупности следующим образом:

В России:	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Число мануфактур	2349	2646	2560
Годовой оборот в миллионах рублей	208	233	224
Годовая прибыль, миллионов рублей	10.4	14.0	14.0

Годовая прибыль, без сомнения, была больше. Это видно даже из данных для тех мануфактур (компанейских), которые подлежали 3-процентному обложению и которых отчеты известны более точно:

	1887 г.	1888 г.
Число мануфактур, уплативших обложение	82	106
Чистая прибыль, миллионов рублей	14.0	25.0

Это увеличение чистой прибыли и вообще ее размеры заслуживают того, чтобы на них остановиться, потому что обыкновенно указывают на большие размеры дивидендов наших мануфактур, как на признак чресчур высоких цен, собираемых с России нашими мануфактуристами. Недавно в ка-

кой-то книге я видел сопоставление по годам оборотов одной мануфактуры.

	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
	млн руб.	млн руб.	млн руб.	млн руб.
Употреблено на производство	8.5	8.9	11.6	10.8
Приход	9.7	10.3	13.6	12.5
Списано с цены строений	0.4	0.4	0.4	0.5
Чистая польза . . .	0.7	1.0	1.5	1.3
Дивиденд	0.3	0.5	0.5	0.6
На первоначальный капитал	12%	20%	20%	26%

Вот эта-то последняя величина и возмущает писавшего. Но посмотрим на дело спокойнее. Если 500 000 руб. дивиденда составляют 20% с основного капитала, то он = $= 2^1/_2$ млн руб., а продано в год товара более чем на 10 млн руб. Из этого тотчас можно заключить уже, что дело старое, крепкое, развившееся и что не дивиденд, а весь чистый доход на основной и оборотный капитал, взятые вместе (1-я строка + $2^1/_2$ млн руб.), составляют в четыре года: $6^1/_2$, $8^3/_4$, $10^1/_2$ и $9^3/_4$%. Конечно, и такой процент не мал, но всякий знает, что, не заводя фабрики или завода, не возжаясь с этими мелочами, а просто отдавая капиталы под залог домов или в подряды, у нас получают не меньшие проценты. Нельзя же требовать, чтобы мануфактурист мне и писателю, его осуждающему, делал уступочку ради какой-то неясной идеи, позволяющей писателю взять за статью или книгу то, что он назначит, а чиновнику или служащему, не затрачивающему капитала на свою деятельность, получать в дивиденд свое жалованье, мануфактуриста же упрекающие за то, когда он, имея в руках 12 млн руб. в год, спрашивает на них около миллиона рублей прибыли. Здесь еще много неясного и, не вдаваясь в разбор пресловутого вопроса капитализма, мне несомненны лишь два вывода: 1) писателю, осуждающему великость барышей, если он имеет капитал в других формах затраты, никто не мешает самому затеять такое же дело, как у осуждаемого мануфактуриста, да попробовать продавать аршин миткаля хоть на $^1/_2$ коп. меньше, чего и добивается протекционизм, призывая всех и каждого к участию в соревновании на поприще промышленности, и 2) если же у писа-

теля того капитала не накоплено, а есть охота содействовать желаемому всем и каждому удешевлению мануфактурных товаров, то можно и кооперативное дело образовать, может быть даже не бросая писательства, и этим путем увеличивать русскую мануфактуру и удешевлять ее продукты. Просто же напросто ворчать и осуждать, а не помогать делу, надобному стране и ее рабочему люду, очевидно, значит — либо не понимать современных нужд действительности, либо быть непризванным цензором, смотрящим на дела с личной потребительской точки зрения и увеличивающим, а не уменьшающим сумму тех недоразумений, от которых и накопляется современная масса ничего не делающих осудителей, кое-как пробивающихся остатками прежних порядков.

Коснувшись вскользь больного места не мануфактуры нашей, а нашей классицизмом подбитой литературы, чуждой промышленных интересов страны, я, как один из участников той же русской литературной деятельности, поспешу привести в оправдательный пункт, который многие упускают из виду, обсуждая разлад между требованиями, господствующими в жизни, где все кричат «дайте работы!», и тем направлением, которое господствует в нашей литературе. Она, в ее современном общем составе, состоит из таких же ищущих работы и душой, хотя, увы, не привычками, преданных интересам работы, а ныне труд всюду поставлен в некоторый антагонизм к капиталу, Россия же в этом отношении разделена надвое: одна, к западу более близкая часть образованных русских людей, проникшихся требованиями времени, хочет перескочить чрез капитализм и обойтись совсем без него, то есть прямо попасть в тот готовящийся период, в котором капитализм не будет иметь своего современного значения; другая же часть русского народа, в которой находится, по моему мнению, громаднейшее большинство, видя и сознавая зло капитализма, не видит возможности обойтись без него и принимает его не как цель, а как неизбежное историческое средство, придуманное людьми, подобно многому, многому другому, для того, чтобы чрез него, как чрез войны и таможенные границы, достигать основных национальных целей и общечеловеческих. Сюда, не без колебаний в прошлом, примкнула и моя мысль. А потому она временно мирится с капитализмом и только стремится найти пути для освобождения от его всесильного влияния и способы к обузданию его, подчас неумеренных, аппетитов. А так как мне ясно, что чем менее капиталов в стране, тем она дальше от намеченных целей, тем сильнее значение немногих капиталов и тем они эгоистичнее, то я и

стою за создание новых капиталов в России, за конкуренцию или борьбу капиталов между собою и за их встречу с усилиями бескапитальных предпринимателей. Толковые усилия последних мне симпатичнее всего, потому что более всего разливают выгоды промышленности на всю страну и более всего обязывают изучать природу вещей и людей. В этих приемах я даже вижу и путь к достижению желаемой дальнейшей эпохи экономического развития человечества, когда оно, не исключая капитал из его участия в общей деятельности, отведет ему должное место. Понижение процентов на капиталы есть один из видимых для того способов, и русское правительство, заключая, вместо 6-процентных, 3-процентные (1891) займы и назначая таможенные пошлины не только на изделия, но и на сырье, для них потребное, делает уже крупные шаги в деле постепенного накопления капиталов и уменьшения их значения или преобладающего их влияния. Путь этот еще долог, но зато последователен, связывает прошлое с будущим и дышит тем сознанием силы, которое неизбежно необходимо для успеха дальнейшего экономического движения России. Таможенные пошлины не составляют первого попавшегося под руки оружия борьбы, а одно из немногих существенных средств, которыми государство может располагать в интересах современного и будущего роста экономической силы своего народа.

После краткого обзора отношения таможенных мероприятий к мануфактурному делу, мне следует сказать лишь о немногих остальных статьях тарифа, касающихся писчей и всякой иной бумаги, книг и другой утвари просвещения и людских сношений.

Бумага есть одно из многих китайских изобретений, чрез арабов распространенное в Европе и представляющее один из первых примеров пользования отбросами, так как главную массу бумаги готовят из тряпья или старых, негодных частей белья (приготовленного из растительных [1] волокон, например хлопковых, льняных и т. п.), из старой же бумаги и бумажных обрезков, из соломы, древесных опилок, крапивы, эспарто (или альфа арабов, степное растение, идущее огромными количествами для метелок и в Англию для бумаги; везется

[1] Тряпье шерстяное разбивается машинами в массу, называемую «искусственною шерстью», «шодди» и т. п. Оно применяется в шерстяные материи, в подмесь к цельным волокнам. Полушерстяное тряпье (например бумага с шерстью, или вигонь и т. п.) обрабатывается парами соляной кислоты или варится с сернею кислотою, причем клетчатка растительных волокон (превращаясь в так называемую гидроцеллюлозу) теряет связность и легко отмывается водою.

из Алжира, Испании и т. п.) и множества других растительных веществ, не имеющих другого более ценного применения. При помощи столь простых приемов, что они выполняются в Японии чуть не в каждом хозяйстве, эти волокнистые вещества превращаются в однородную «бумажную массу», а потом и в бумагу, и весь этот прием ныне, при громадном спросе на бумагу, особенно для газет, обоев и оберток,[1] выполняется машинными способами, удешевляющими и улучшающими производство, но требующими сложных приспособлений, закупки больших масс сырья и торговли в больших размерах, а потому ставших достоянием капиталистических «писчебумажных фабрик», иногда причисляемых к мануфактурам. Тряпье, составляющее основу бумажной массы, настолько изобилует в России (собирается по деревням и городам), что давно из нее вывозится в количестве от 800 до 300 тыс. пудов в год, уплачивая (уже и по тарифу 1868 г.) отпускную пошлину в размере, ныне назначенном в 30 коп. зол. с пуда по всем границам.[2] Смысл этой отпускной пошлины состоит в том, что, отправляя свое сырье, Россия спрашивает иностранную бумагу и, получая ее, платит, очевидно, не только за работу, но и за двойной провоз; для дешевых же сортов бумаги и картона, стоящих за пуд от 3 до 6 руб. кред., один проезд удорожает цену очень значительно. Вообще же бумажного сырья, кроме тряпья, Россия готовит мало. Удержание основного сырья отпускною пошлиною в России даёт возможность русским производителям бумаги получать дома свое сырье по более дешевым ценам и чрез это удешевлять свой товар. Притом русское тряпье, преимущественно льняное, дает бумагу наиболее прочную, лучшую почтовую и писчую и спрашивается за границу особенно потому, что там (льняному цена около 2 руб. 50 коп. кред. пуд, хлопковому около 1 руб. кред.) избыточествует хлопчатобумажное, по крайней мере в два раза более дешевое тряпье.[3] Приводим вывоз и ввоз тряпья в Россию за два последних года и для 1870 и 1880 гг.

[1] Считают, что в мире производится около 100 млн пудов бумаги и что половина идет для печати газет, книг и проч., 15% — на письмо и его принадлежности, 15% — на обои и 20% — на обертку, папку, картонки и т. п.

[2] До тарифа 1891 г. тряпье по сухопутной границе и чрез Либаву платило 30 коп., по балтийской (кроме Либавы) и беломорской — 45 коп. и по черноморской — 20 коп. зол. с пуда.

[3] Ценность бумажного сырья, начиная с тряпок, сильно изменяется по сортам, то есть по степени чистоты (со швами или нет, с пуговицами и т. п.), по цвету и по материалу. Если высший сорт льняного тряпья ценится в 4 руб. пуд, то низший пестрый доходит до 1 руб., высший бумажный — до $2^1/_2$ руб., низший — до 1 руб.; канаты примерно в той же цене; джута и бумажные обрезки дешевле.

Тряпье России	1870 г.		1880 г.		1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Вывоз по европейской границе	779	782	746	792	436	669	350	516
Вывоз по финляндской границе	—	—	—	—	65	90	71	108
Вывоз бумажных обрезков по всем границам .	—	—	—	—	1	4	6	9
Привоз тряпья и бумажных обрезков по всем границам[1] . . .	65	130	215	163	181	540	114	201

Беспошлинный ввоз тряпья, идущего в бумажное производство, обложение отпускного тряпья и привозимых в Россию всяких бумажных товаров имеют одну общую цель — содействовать развитию бумажных фабрик в России. Но прежде чем говорить о самих бумажных товарах, необходимо рядом с тряпьем остановиться на других товарах 176- статьи, содержащей сырье, для бумаги применяемое.[2] Уже давно для этой цели применялась соломенная и древесная (лучшая осиновая) масса, приготовленная путем исключительно механической обработки. Такая «бумажная масса» подмешивается к получаемой из тряпья в различных пропорциях, особенно значительных в газетной, оберточной и вообще в дешевых сортах бумаги, приобретающей чрез эту подмесь (легко открываемую) ломкость. Хотя в России такое производство давно существует, но в недостаточном размере, и ввоз, особенно из Финляндии, значителен.[3] За последний же

[1] До середины 1889 г. не отличалось во ввозе тряпье шерстяное (гораздо более дорогое, идущее для искусственной шерсти) от тряпья растительных волокон, а потому и цены вышли высокие. В 1890 г. ввезено тряпья нешерстяного 57 тыс. пудов на 150 тыс. руб.

[2] Не должно, однако, забывать, что в печатную и многие другие виды бумаги применяется у нас, как и всюду, много (иногда до 20% по весу и более) каолина (ст. 65-я), а для проклейки бумаги идет много канифоли (стр. 736, ст. 82-я).

[3] Для механической обработки дерева в обычную бумажную массу на каждый пуд идет более одной лошадиной силы в сутки работы, так

десяток лет найдены (Унгерером, Синклером, Митчерлихом и др.) способы химической обработки дерева (раствором едкого натра или раствором сернистокислых солей, в котлах под давлением), при которых лигнин или инкрустирующее вещество удаляется и остается масса, состоящая, главным образом, из клетчатки, а потому носящая название «целлюлозы». Такая масса обладает большею связностью, ценится гораздо выше[1] и может быть вводима в лучшие сорта бумаги, хотя непременно требует прибавки массы, полученной из тряпья или из эспарто.[2] Производство механической и химической древесной массы чрезвычайно важно развить в России; начало уже есть, но развитие еще очень слабо, а потому таможенная пошлина здесь совершенно уместна. Она назначена в 1889 г. по 35 коп. зол. с целлюлозы и по 20 коп. зол. с пуда всякой иной древесной массы. При пересмотре тарифа (1891) эти оклады сохранены, потому что главная часть товаров идет из Финляндии, в отношении к которой существует особое постановление, касающееся ввоза бумажных (и некоторых иных) товаров, снабжаемых при ввозе свидетельством о местном их производстве, а именно: а) бумажная масса всякая, кроме целлюлозы, сухая — 14 коп. зол., мокрая — 9 коп. зол. с пуда, папка из древесной массы — 20 коп. зол., целлюлоза — 25 коп. зол. с пуда; б) бумага небеленая обойная, оберточная и т. п. — 30 коп. зол.; в) печатная серая — 40 коп. зол.; г) всякая писчая и проклеенная — 80 коп. зол. с пуда. Этот, пониженный для Финляндии, таможенный тариф на бумажные товары ведет к тому, что главный ввоз этих товаров идет из Финляндии. Рассматривая эту страну, как нераздельную часть России, нельзя видеть в таком порядке вещей никакого недостатка, тем более, что изобилие водяной силы и леса дает Финляндии много условий для производства дешевой древесной массы. Не только для бумажной массы, но и для всех бумажных товаров (ст. 177) при пересмотре тарифа не введено никаких существенных изменений (только сделаны

что ценность механической древесной массы зависит, главным образом, от ценности дерева, движущей силы (ветер, вода, пар) и провоза.

[1] Механическая древесная масса ценится примерно по 1 руб. кред. пуд, а целлюлоза — выше 2 руб., до 3 руб. кред. за пуд, то есть наравне с хорошим тряпьем. Из 100 частей дерева выходит целлюлозы менее 50 частей, обыкновенно 35 частей.

[2] Масса из альфа, или эспарто (Stipa tenuissima), часто применяемая и хорошо ценимая в Англии, получается также путем щелочной обработки, за которой следует беление. Из 100 частей эспарто получается около 50 частей бумаги.

некоторые мелкие перемены в распределении товаров и некоторые оклады округлены), потому что по большинству родов бумаги замечается сокращение ввоза по европейской границе, показывающее, что производство бумаги делает в России (с Финляндиею) некоторые успехи. По общей сумме ввоз из Западной Европы в отношении к внутреннему производству, действительно, незначителен.

Бумага и изделия из нее	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
			миллионы рублей	
Внутреннее производство (без Финляндии)	20.0	21.0	20.6	21.6
Заграничный привоз (без Финляндии) . . .	1.2	1.1	1.0	1.3

Для двух последних лет приводим более подробные данные не только для бумажных товаров, но и для всех тех, которые нам остается рассмотреть:

Ввоз по границам, из ст. 176 и 177	1888 г.				1889 г.			
	[по] всем [1]		[по] финляндской		[по] всем		[по] финляндской	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Древесная масса всякая [2]	638	542	404	384	898	839	233	152
Папка из древесной массы . . .	348	656	326	625	373	691	350	660
Картон в листах и ролях	36	125	3	5	46	184	1	2
Картон сатинированный	3	30	1	7	5	30	0.4	2
Обои бумажные .	7	88	6	53	8	106	6	55
Бумага непроклеенная	11	79	9	52	11	45	9	23
Бумага проклеенная	315	841	305	657	418	1203	405	996
Бумага с украшениями	3	135	—	—	4	155	—	—
Папиросная бумага, листы с картинками и т. п.	38	657	22	223	46	835	21	243
Переплетные изделия, картонажи и т. п. . . .	2	69	—	—	2	80	—	—
		3232		2006		4168		2133

[1] Ввоз по финляндской границе причтен сюда же.

[2] Различие в окладах (и в таможенных записях) на механическую и химическую древесную массу сделано только с 30 мая 1889 г. После этого срока, по всем границам ввезено целлюлозы 158 тыс. пудов на 187 тыс. руб., а иной древесной массы 412 тыс. пудов на 346 тыс. руб.

Статьи	Ввоз по границам	1888 г.		1889 г.	
		по всем границам			
		тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
177[7]	Печатные и другие гравюры, эстампы, рисунки[1]	4	277	3	147
178[2]	Печатные ноты, карты, чертежи	3	137	3	138
178[1]	Они же ручной работы	4	184	6	235
178[3]	Книги на иностранных языках	56	1571	61	1681
178[4]	Книги на русском языке[2]	0.3	6	0.5	11
216	Принадлежности письма, рисования и т. п.	10	475	12	576
217	Вещи музейные	5	79	5	126
215	Галантерейные вещи:				
	Ценные	1	298	2	349
	Простые	8	550	12	759
	Из металлов	3	108	2	69
	Игрушки детские[3] . .	6	294	8	389
			4.0 млн руб. кред.		4.5 млн руб. кред.

[1] Пункт 7 статьи 177 содержит *рисунки* и проч., воспроизведенные путем печати (типографии, литографии, фотографии и проч.), пошлина 8 руб. с пуда. Пункт 2 в статье 178 содержит *чертежи*, ноты и карты, воспроизведенные путем печати (типографии, литографии и фотографии), пошлина 4 руб. с пуда. Так как между рисунками и чертежами очень часто нельзя сделать резкого различия, то могут быть поводы к разъяснению. Мне кажется, что смысл дела требует относить к 4 руб. пошлине все те воспроизведенные путем печати изображения, которые служат для какого-либо ремесла или знания (ноты, чертежи машин, педагогические воспроизведения и т. п.), а все, что служит для украшения или составляет картины и картинки, относить к 8 руб.

[2] По прежнему тарифу отличались переплетенные и не переплетенные книги — только привозимые из-за границы на русском языке; первые платили 3 руб. с пуда, вторые 4 руб. 50 коп. Ныне сохранен беспошлинный ввоз иностранных книг без переплета и для русских без переплета оклад в 3 руб., а для всяких книг в переплете назначен оклад в 1 руб., так что иностранные книги в переплете будут платить 1 руб., а русские 4 руб. зол. с пуда. Это, очевидно, ограждает интересы русского печатного и переплетного дела, не стесняя ввоза иностранных печатных изделий на иностранных языках.

[3] Производство игрушек сильно развито в России, но ввоз ценных происходит и поныне в довольно значительных размерах. До последнего пересмотра тарифа игрушки всякие платили по 45 коп. зол. с фунта. Ныне они приравнены к галантерейным вещам и заплатят, смотря по материалу, или 25, или 50, или 200 коп. зол. с фунта, что должно считать более целесообразным.

Чтобы дополнить предшествующие данные, приводим сведения о вывозе перечисленных товаров и о их внутреннем производстве.

Вывоз по всем границам	1888 г.		1889 г.	
	тыс. пудов	тыс. руб.	тыс. пудов	тыс. руб.
Писчая бумага	12	128	14	156
Оберточная бумага . .	11	28	9	25
Картон и папье-маше .	16	30	12	18
Книги	18	506	19	574
Картины	—	360	—	159
Рисунки, гравюры и т. п.	0.1	17	0.2	28
Вещи для музеев . . .	—	88	0.2	27

В вывозе, кроме того, значится товаров в 1888 г. на $2^1/_3$, а в 1889 г. на $6^1/_6$ млн руб. особо не поименованных изделий фабричного, заводского и ремесленного производства.

В отношении к внутреннему производству беру лишь один 1888 г., потому что неполнота имеющихся сведений не позволит сделать сколько-либо уверенных заключений о развитии производства в краткий промежуток времени, сведения же за 1888 г. обработаны все же более полно, чем за предшествующие годы.[1] Вся бумагоделательная промышленность сведена на три отдела: производство самой бумаги и картона, обоев и бумажных изделий. Привожу также данные для производства бумажной массы и других выше перечисленных изделий, насколько они выделены в сведениях, почерпаемых Департаментом торговли и мануфактур из губернаторских отчетов [табл. на стр. 916].

О многих производствах (например, числе игрушечных фабрик, типографий и т. п.) сведения, у меня имеющиеся, или очень устарели, или неполны; например, известно, что типографий и литографий, подлежащих раскладочному сбору, в 1888 г. было ровно 1000, но далее ничего не дается.

При всей неполноте существующих данных не подлежит сомнению, что производство бумажного товара в России недалеко от 5 млн пудов в год, а потребление едва ли превосходит 6 млн пудов. Мировая же производительность,

[1] Данные для 1889 г. очень близки к данным 1888 г. Рабочих всего на бумажных фабриках было 24 тысячи, из них около 11 тыс. женщин.

1888 г.. производство России	Число заводов	Количество тысяч пудов	Ценность, тысяч рублей	В каких губерниях наиболее развито
Древесная, бумажная масса .	19	375	688	С.-Петербургская, Волынская, Могилевская
Бумага и картон	155	4900(?)	16849	С.-Петербургская, Калужская, Лифляндская
Обои	25	—	1519	С.-Петербургская, Московская
Бумажные изделия	67	—	2234	Московская, С.-Петербургская
Толь кровельный	23	—	388	Варшавская, Лифляндская
Карандаши	5	—	109	Московская, Варшавская

вероятно, превосходит 100 млн пудов, не считая Китая и Японии, где производство бумажного товара чрезвычайно велико. Не одни печатные и письменные дела требуют массу бумаги, она потребляется и всякими товарами, укупориваемыми в бумажные оболочки, начиная от чая и сахара, до цемента и стен жилищ. Вообще роль бумажной массы и разнообразие ее применений год от года растут до того, что бочки и даже колеса или выделываются, или стремятся производить из бумажной массы с подмесью разнообразнейших веществ. Бумага была бы уже давно сильным соперником металлам, если бы железо и сталь не были бы дешевле бумаги. Пуд железа и стали в листах и полосах стоит от 1 до 3 руб. кред., а сколько-либо добротную бумагу за эту цену приобрести нигде нельзя. Пуд обыкновенной мало прочной печатной бумаги, стоящей у нас около 6 руб. кред., или около 4 руб. зол., можно иметь в Германии или Франции около 3 руб. зол., но не дешевле, и эта сравнительная дороговизна бумаги вместе с ее горючестью и малою прочностью, особенно при употреблении древесной или соломенной массы,[1] ведет

[1] Бумага, пропитанная аммиачным раствором окиси меди, не изменяется водою, прочнее обыкновенной бумаги и неспособна загораться; в обычных условиях она хорошо может служить вместо полотна для временных построек, как я сам видел в Манчестере на съезде британской ассоциации для развития наук, но и она нашла мало применений — по дороговизне.

к тому, что разнообразнейшие попытки расширить область ее применения в жизни, особенно в строительном и инженерном деле, оканчиваются малою успешностью: камень, стекло и железо повсюду берут верх. Поучительность этого тем важнее, что явно указывает на ту победу продуктов ископаемого царства, которую возвещает весь ход современной промышленности. Уже 15 лет на всемирных выставках можно было видеть железные листы такой тонины, что они весят немногим более писчей бумаги равной поверхности, а потому можно думать, что придет время, когда бумага даже в деле письма и печати уступит часть своего места продуктам минерального царства, особенно железу и, быть может, алюминию, которые широчайшим образом распространены в природе и все легче и легче добываются, то есть становятся дешевле и дешевле, и, что всего важнее, постепенно улучшаются в своем внутреннем достоинстве, то есть крепости, тогда как бумага, улучшаясь во внешнем виде, постепенно теряет в своей прочности. Однако не должно забывать, что бумага, изготовленная из хорошо очищенного волокна, отлично сохраняется всею своею массою в обычных атмосферных условиях, тогда как металлы, подобные железу, ржавеют или медленно превращаются в землистые вещества, из которых они получаются. Это показывает, что между металлами и бумагою, как веществами, способными принимать и сохранять желаемые формы, должно существовать разделение служебных ролей в жизни человечества даже в отдаленнейшие будущие времена.

Если современный период жизни людей характеризуют названием железного века, то с таким же правом его можно считать веком бумаги или, еще общее, веком волокнистых веществ и еще с большим — веком господства каменного угля и вообще применения минеральных продуктов. Охота, скотоводство, земледелие и государственное обособление составляют великие приобретения доисторической эпохи передового человечества. Они имеют предметом земную поверхность. Но, расширившись по ней и встретившись с противоположных концов, то есть охватив всю поверхность земного шара, люди увидели неизбежную необходимость границ, и потому последние века лучше всего определяются стремлением к завоеваниям в подземном царстве, из которого придется черпать все более и более условий для развития дальнейшего прогресса жизни человечества. Как страдают и гибнут народы, не знающие земледелия и относящиеся к нему высокомерно и презрительно, так в будущем, а отчасти уже и ныне, пострадают или окажутся в проигрыше народы, с презрительною высокс

мерностью относящиеся к тем новым силам и средствам, которые человечество начало черпать из недр земли. Как земледелие не уничтожило, а только прямо и косвенно урегулировало и даже улучшило скотоводство, так промышленные завоевания в подземном царстве способны прямо и косвенно урегулировать и усовершенствовать все прошлые людские приобретения, и между ними самое земледелие и государственное устройство. Как страна передовая в человечестве, Россия, продолжая свои поверхностные улучшения, обязана в то же время развивать свои завоевания в направлении разработки недр земли, а для этого прежде и более всего заботиться о каменном угле и железе, как основных продуктах, сокрытых в ее глубине в едва початых массах. Весь русский строй жизни [усовершенствуется], а чрез то и человечество беспримерно выиграет, когда Россия станет выпускать от себя избытки своего угля и железа. Тогда, и только тогда, можно ждать новых крупных шагов России в ее промышленном развитии, а чрез то и в ее мировом могуществе.

Октябрь 1891 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение таможенных окладов России необходимо дополнить данными об отношении между таможенными и государственными доходами России, а также между общею ценностью ввозимых товаров и размером пошлин, с них полученных. Сведения этого рода даны в прилагаемом сопоставлении за 21 год, начиная с 1869 по 1889 г.

В 1-м столбце дана цифра всех *обыкновенных*[1] доходов государства. Источником до 1877 г. служило исследование И. И. Кауфмана «Статистика государственных финансов России в 1862—1884 г.» (издание Центрального статистического комитета, 1887), а для последующих годов «Объяснительные записки к отчету Государственного контроля».

Во 2-м столбце, на основании тех же источников (с переложением на кредитные рубли), дана сумма *всех*[2] таможенных доходов.

---

[1] Не включены поэтому ни остатки прежних лет, ни оборотные поступления, ни поступления по выкупной операции, ни особые фонды морского и военного Министерств, ни поступления, возмещающие военные издержки, ни займы.

[2] Таможенные доходы, кроме пошлин с товаров, содержат ластовые и другие специальные доходы. Часть таможенных доходов поступает, вследствие рассрочки платежей, в следующие годы, часть досмотренных товаров оплачивается также в следующие годы, часть доходов поступает с вывозимых товаров и т. п., но все эти небольшие отступления, исправление которых потребовало бы особенно сложного труда, мало влияют на величину *всех* таможенных доходов данного года и мало отличают ее от величины таможенного дохода с привозных товаров. Гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что сбор производится золотом, а для сравнимости с другими данными его должно выразить в кредитных рублях. Очень много значит, какой взять курс для этого перевода. Так, например, в отчете Таможенного департамента (Обзор ... за 1889 г., табл. I, стр. 4) за 1889 г. дана общая сумма таможенных доходов 138 млн руб. кред., потому что, согласно государственной росписи, принят курс 170 коп. кред. за 1 руб. зол.; в отчетах Государственного контроля дана та же сумма таможенных доходов за 1889 г. А так как в 1889 г. средний курс можно принять (стр. 218) 150 коп. кред. за 1 руб. зол., то истинный доход был не более 122 млн руб. кред. (вместо 138 млн руб. кред.). Я держался чисел, приведенных в отчетах Государственного контроля и выражающих

В 3-м столбце дана общая ценность ввоза досмотренных иностранных товаров по *всем* границам.[1]

В 4-м столбце дано отношение между таможенным доходом и всеми государственными доходами, считая последние за 100.

Год	1	2	3	4	5
	сумма обыкновенных государственных доходов	сумма таможенных доходов	ценность ввоза по всем границам	процентное отношение таможенных доходов	
	миллионы рублей кредитных			ко всем доходам	к ценности товаров
1869	436	41	339	9%	12%
1870	460	43	345	9	12
1871	488	49	380	10	13
1872	490	55	441	11	12
1873	510	56	446	11	13
Среднее за 5 лет	**447**	**49**	**390**	**10**	**12**
1874	531	58	469	11	12
1875	558	64	544	11	12
1876	540	72	455	13	16
1877	526	78	347	15	22
1878	614	81	603	13	13
Среднее за 5 лет	**554**	**71**	**484**	**13**	**15**
1879	653	93	591	14	16
1880	641	96	604	15	16
1881	640	88	540	14	16
1882	689	97	568	14	17
1883	686	98	562	15	17
Среднее за 5 лет	**668**	**94**	**573**	**14**	**16**
1884	697	99	537	14	18
1885	719	97	434	13	22
1886	713	102	438	14	23
1887	737	107	393	16	32
1888	804	141	390		
Среднее за 5 лет	**734**	**109**	**438**	**15**	**25**
1889	832	138	437	17	31

истинные поступления. В 5-летних средних большинство мелких неравенств исчезает, и получаемые отношения, разочтенные различными способами (по отчетам Государственного контроля и Таможенного департамента), сходятся.

[1] За прежние годы выборка была сделана из таможенных отчетов А. И. Штейном, которому и приношу мою благодарность. Сличая эти

В 5-м столбце дано процентное отношение между таможенными доходами и ценою ввозных товаров.

Отметим прежде всего тот факт, что ввоз до 1881 г. лишь немногим был менее всей суммы обыкновенных государственных доходов, а с тех пор стал уменьшаться до того, что ныне лишь немногим более половины государственных доходов.

Чтобы сами собою явились другие выводы из приведенного сопоставления, необходимо прежде всего сличить русские данные с подобными же отношениями нескольких других больших государств. Для этого беру числа из прекрасной и много раз выше цитированной книги «Statesman's Year-Book». Беру числа из книг 1890 и 1891 гг., потому что большинство данных этих годов относится к 1889 г., который и взят для России. Данные для Финляндии взяты из «Statistisk Arsbok för Finland», 1889—1890. Расположение таблицы то же самое, как и предшествующей, но государственные доходы, таможенные сборы и величина ввоза даны *в миллионах* денежных знаков каждой страны.

Обыкновенные доходы	Денежные единицы	1	2	3	4	5
1) Россия (1889) . . .	млн руб.	832	138	437	17%	31%
1) Финляндия $\left(\frac{1888}{1889}\right)$	» марок	46	17	112	37	15
2) С.-А. С. Штаты (1889)	» долл.	387	224	745	58[1]	30
3) Бразилия (1888) . . .	» мильрейс	148	84	261	57	32
4) Китай	» тилей	72	21	102	29	21
5) Германия $\left(\frac{1888}{1889}\right)$ . . .	» марок	821	283	3761	34	8
6) Италия $\left(\frac{1887}{1890}\right)$ . . .	» лир	1615	265	1606	16	16
7) Франция (1888) . . .	» франков	3011	347	4053	12	9
8) Англия	» ф. с.	87	20	427	23	5

цифры с теми, которые даны в выноске на стр. 220, можно видеть, что ввоз по азиатским и финляндским границам, вообще говоря, мал (см. стр. 231).

[1] Здесь процент велик потому, что центральное управление имеет лишь немного иных доходов, кроме таможенных, все же другие доходы идут отдельным штатам.

Теперь уже очевидно, что сумма ввоза иностранных товаров во всех перечисленных странах более суммы всех государственных доходов, кроме Италии, где обе суммы почти равны, и России, где ввоз много менее величины государственных доходов.[1] Две главные причины определяют упомянутую особенность России: 1) Другие страны более чем Россия снабжены свободными во всех отношениях морскими берегами, а они более всего определяют величину торговых сношений и их дешевизну, то есть выгодность получения многих продуктов из-за границы. Всего лишь 2 столетия, как Россия твердо встала на Балтийском море и еще менее того — на Черном море и Тихом океане. Для истории это малый срок. 2) Многие страны, более чем Россия, нуждаются в чужеземных товарах, жить и развиваться без них не могут. Пример Англии здесь особенно ясен. Конечно, Бразилия или С.-А. С. Штаты могли бы довольствоваться своим, но не должно забывать, что это страны колониальные, их корни в Европе, старых связей много, и эти отношения подобны, например, тому, что Сибирь, Новая Россия и Кавказ многое получают из Центральной России, из которой и прибыл туда народ иногда прямо для того, чтобы вести торговлю. Если встать на иную точку зрения, например считать причину вышеуказанного отношения лишь в экономической молодости России, то можно попасть в неразрешимые парадоксы. Представив, что Россия будет когда-то много ввозить, должно допустить, что она будет и вывозить много — иначе пропадет,[2] — но, конечно, не хлеба, а многих и всяких продуктов своей развитой промышленности (как выяснено в 3-й главе). Если же станут вывозить продукты промышленной добычи и переделки, то, значит, они будут у нас дешевы. А сырье есть на все свое, только не довольно развита еще его добыча. Что же тогда ввозить-то? Повезут, конечно, кое-что, от чая и кофе начиная, до шляпок и книг включительно, но это

[1] Хотя наш отпуск и превосходит ввоз, но даже сумма отпуска менее суммы государственных доходов. Это обстоятельство, по моему мнению, численно показывает, что наш государственный быт покоится несколько на иных основаниях, чем в большинстве современных других стран, то есть доказывает то, что иными способами давно уже сознано многими. В былое время везде так было. Наше движение в истории мира лишь началось и должно развиваться, но, конечно, не на счет ввоза железа или вывоза хлеба.

[2] Если Англия больше ввозит, чем вывозит, и это ведет ее к обогащению, то это зависит от того, что она сама торгует и сама перевозит, т. е. в цене ввоза и вывоза у нее много особого барыша, всего же важнее то, что при большом ввозе сырья она вывозит много переделанных, готовых товаров.

многого составить не может, когда русская промышленность разовьется до производства и вывоза своего угля, своего железа и своих тканей. Иностранное сырье нам вредно при начале развития нашей промышленности, когда от него добыча своего не развивается, а когда эта последняя установится, как добыча керосина, тогда вреда не будет от ввоза чужеземного товара, но просто его не спросят, так как свое все же будет дешевле. Следовательно, и впереди у России останется та особенность, что ее ввоз будет мал по сравнению с вывозом и с ее государственными доходами, составляющими, во всяком случае, только небольшой процент с внутренних оборотов.

Еще более поучительно взглянуть на 4-й и 5-й столбцы выставленного расчета. Отношение (4-й столбец) между таможенными и всякими иными государственными доходами опять в России менее, чем в большинстве других стран. Только у Франции оно менее нашего. Эта страна, очевидно для всех, особенно для ее соседей, одна из богатейших во всех [1] отношениях (у нее только каменного угля маловато для ее степени экономического развития), а потому у нее из других внутренних отношений легко получаются государственные доходы. Франция не имеет возможности и поныне налегать на таможенный доход, потому что ввозит больше всего сырье питательное и мануфактурное, вывозит же преимущественно готовые фабрикованные товары:

	Ввоз		Вывоз	
	1887 г.	1888 г.	1887 г.	1888 г.
	миллионы франков			
Питательные товары	1423	1507 = 36%	703	727 = 22%
Сырые продукты [2] .	2014	2028 = 50%	805	813 = 25%
Фабрично-заводские товары	589	579 = 14%	1738	1707 = 53%
	4026	4107	3246	3247 [3]

[1] Ее богатство проистекает оттого, что она страна единовременно земледельческая и промышленная. Вся эта книга назначена к тому, чтобы указать полную возможность в России соединить земледелие с промышленностью. Тогда богатство придет и в нашу страну.

[2] Каменный уголь, хлопок и т. п.

[3] Страны, ввозящие много сырья, могут безопасно иметь перевес ввоза над вывозом, потому что это сырье дает работу внутри страны. Страны же, подобные России и С.-А. С. Штатам, вывозящие много сырья, этого перевеса или не должны иметь, или не имеют, потому что им есть к чему приложить труд.

Прочие же страны все почерпают из таможен бо́льшую, чем Россия, долю своих государственных доходов, над чем, по поводу Англии, я особо уже останавливался в начале 4-й главы. Что же касается до отношения (5-й столбец) между таможенными доходами и ценою ввозимых товаров, то наши оклады сходны с окладами Бразилии и С.-А. С. Штатов по той простой причине, что эти страны, так же как и Россия, все еще изобилуют сырьем и ввоз сосредоточен на заводско-фабричных товарах, которые всякая страна, обладая сырьем, может производить сама. Только такие страны, в которых заводско-фабричная переделка развилась до избытков, требующих вывоза, а материалов для переделки у себя дома мало или есть, да не всякие, какие надобно, только такие страны могут довольствоваться малым процентом обложения. Сюда и относятся Англия, Германия и Франция.

Следовательно, с той точки зрения, которая проводится во всей этой книге, таможенные пошлины всех стран в настоящую эпоху исходят из одних и тех же начал; все бросающееся в глаза различие таможенных мероприятий разных государств определяется только различием основных свойств промышленности этих стран. Чай, кофе, вино и тому подобные предметы облагают почти всюду; [1] сырье, потребное заводам и фабрикам и недостаточное в своей стране, всюду или обложено ничтожно или впускается беспошлинно. Если же добыча сырья в стране существует, но, угнетаемая чужеземным ввозом, чрез то не развивается, то вводятся покровительственные пошлины (например, на хлеб в Германии и Франции, на каменный уголь и железо в России), размер которых изменяется, смотря по различным соображениям, так сказать, текущего, временного свойства. Для готовых же товаров, производимых фабрично-заводскими способами, таможенное обложение только тогда избегается (Англия) или ограничивается малыми размерами (Германия), когда свое внутреннее производство развилось до вывоза товаров подобного рода. Тогда же, когда желают вызвать развитие фабрично-заводской выработки данного рода товаров внутри страны, тогда сырье впускают свободно или мало облагают, а готовый товар облагают сильно, что видно из того уже, что в С.-А. С. Штатах, несмотря на беспошлинный ввоз многих товаров (например, чая, каучука и проч., всего около 250 млн долл. в год) общий оклад составляет около 30% общей стоимости:

---

[1] С.-А. С. Штаты впускают, однако, многое из них беспошлинно.

Год	С.-А. С. Штаты, впущено товаров на	
	беспошлинно	с пошлинами
	миллионов долларов	
1889	256	489
1890	265	524

Если в 1889 г. получено 224 млн долл. таможенных доходов, то среднее обложение товаров (преимущественно мануфактуры из Англии), вошедших с пошлинами, равняется 46% их стоимости. Вообще же прокровительственными окладами для изделий считаются только те, которые превосходят 30% стоимости.

В результате должно сделать следующий общий вывод: таможенными доходами все страны пользуются, преследуя преимущественно три главные цели: косвенное получение дохода (фискальные пошлины, например в Англии), охрану основных промыслов, подавляемых иностранной конкуренцией (например, обложение хлеба в Германии и Франции), и развитие видов промышленности, могущих укрепиться в стране, но еще не укрепившихся, однако относящихся к товарам, страною спрашиваемым (например, в С.-А. С. Штатах обложение всяких фабрикатов). Россия по всем трем причинам должна держать сравнительно высокие пошлины, и если бы этого не делала, то поступала бы непредусмотрительно и во вред своему экономическому развитию, едва начинающему слагаться после эпох войн, приобретения морских берегов, освобождения крестьян и первых железных дорог (их ныне всего около 28 тыс. верст), составляющих для России, с ее зимами, насущнейшую потребность ради всяких видов внутренних и даже внешних сношений.

В предлагаемой книге мне было желательно показать внутреннюю, рациональную и живую связь между тарифным делом и всем, начиная с экономического, развитием страны и доказать, что протекционизм, а не фритредерство имеет первее всего в виду всестороннее и наиболее широкое развитие как отдельных стран, так и всего человечества. А так как Россия уже давно живет не только личною своею жизнью, но и общечеловеческою, мировою, то она должна понять и принять, как приняло ее правительство, истинные основания рациональ-

ного протекционизма, потому что они исторически всюду испытаны и оправданы. Фритредерство есть только частная форма общего понятия. Когда-нибудь впереди, в какие-то будущие времена, когда народы поравняются в своем экономическом, то есть промышленном развитии, когда люди или найдут средства победить современное значение капитала или, по крайней мере, сумеют распределить его с некоторой равномерностью между странами и народами, когда за труд добычи хлеба и сырья придется платить не меньше, чем за труд превращения сырья в переделочные товары, то есть когда промышленность всякого рода сделается столь же всемирно распространенною, как земледелие, наконец, когда между странами и государствами водворится нравственно обязательный и реально обеспеченный мир, основанный на обязанностях и правах каждого, то есть когда человечество начнет ближе жить общею жизнью и будет стремиться ее всеми способами поддерживать и укреплять, — тогда, но только тогда, будет рационально ослабить протекционизм до фритредерства. До тех же пор в той или иной форме протекционизм, как проявление государственности, составляющей эволюционную форму общей жизни человечества, непремено будет жить и владеть умами людей, понимающих великое значение самобытного внутреннего экономического, а чрез него и всякого иного, развития отдельных стран.

Итак, для блага России, а чрез то и для блага всего человечества, должно желать, чтобы на плодородной русской почве принялся и пышно разросся корень всего современного мирового просвещенного развития, то есть промышленность, в ее современном смысле. Почва сама по себе свежа и плодородна. Потребность и спрос на массу нового труда всякому очевидны. Промышленность может связать здоровыми узами привитое просвещение с интересами всего народа и со всеми потребностями страны, даст новое дело и новые цели всем классам жителей и составит венец начал, заложенных Петром Великим. Но внимательный уход за новыми промышленными ростками, насаждаемыми таможенным тарифом, и умелый подбор еще долго будут неизбежно необходимы. Плоды придут только в награду за приложенные усилия.

Какие же виды промышленности наиболее подходят к современному быту России (предисловие, стр. 28)? Ответом служат многие частности всей этой книги, которая показывает, что во всех родах производств есть множество подходящих как для крупных капитальных предпринимателей, так и для мелких, начиная с крестьян, что таможенный тариф 1891 г.

вызывает как первые, так и вторые и что, исходя из земли и обычного хозяйства, можно и должно приумножить заработки, пользуясь тем, что имеется в России, и даже тем, что ввозится к нам из других стран. Но книги отвыкли читать, без сомнения, отчасти потому, что поверили на слово ходячему предрассудку о силе политических мер и утверждениям, что «ничто не ново под луною». Внимают только «фактам», им покоряются. Но слова этого, в латинской кухне состряпанного, не было у римлян, и оно по духу и по словопроизводству (от factum est, то есть сделано) должно прилагаться лишь к тому, что сделано кем-то, а потому факты сами по себе составлять исхода не могут. Да «факты» делаются и, что важнее всего, они разыскиваются и, если можно так выразиться, приводятся к желаемому знаменателю.[1] Тут целыми новыми поколениями только и можно сколько-нибудь расчистить путь обычной мысли. Но здесь неуместно это разъяснять, довольно только показать, в примере, что факты делаются.

Возьмем, не страшась до слез горестного, впереди страшного и даже обидного, — русский голод 1891 г. Ведь это «факт», с ним неизбежно необходимо считаться; с ним отуманенная мысль, закрепленное утверждение и даже реальная сила, — все должно сообразоваться. А между тем это явление сделанное, происходящее чисто от нас самих, а вовсе не от чего-либо переменного, независимого, на что привыкли все сваливать, чтобы не нести ответа. Ведь и засухи от людей сколько-нибудь зависят, если ими преодолеваются. В былые времена голодовали много и тем чаще, чем дальше углубимся в первобытные эпохи человеческой эволюции. Охотничьи народы и кочевые от голодовок вымирали и мрут, так сказать, периодически, по обычаю. Чтобы не случалось этого столь часто, для этого и переходят к земледелию, волю меняют на неволю, безделье на труд, сказки и мечтания на опыт и осмотрительное благоразумие. А ныне голодуют повально,

[1] Оттого-то наука и стремится везде, где это возможно, сверх наблюдений (то есть фактов, приведенных к желаемому знаменателю), поставить опыты. В научном опыте — проверка выводов, из фактов или наблюдений сделанных, производится чрез исключение побочных, если не всех, то многих, влияний. Так, выкачивая воздух и видя, что пух и монета тогда падают в одно и то же время, с одинаковою скоростью, проверяют основной закон падения, устраняя влияние воздуха. Главное же — и наблюдения и опыты умножают и изменяют до крайней возможности, и те и другие подвергают подробнейшим измерениям, расчетам и сопоставлениям. Это кажется многим скучным и обивчивым, поэтому в науку, до ее истинных основ, и доходит мало народу, так как спешат и жить, и судить.

массами только в странах земледельческих, таких, как Индия, Египет, Россия; притом чем позднее, тем меньше. Это первое, что следует понять. Голодуют только там, где нет иных заработков, как на земле. А такие заработки сами по себе нигде не имеются, они создаются, находятся, и, когда найдены, тогда о голодовках забывают и помнят только о том, чтобы нашлись заработки. Для них и в города едут, и промышленность с наукой поддерживают, перестают издеваться над этими продуктами усложненной жизни, видя, что смешки забавляют, а стоны не помогают, промышленность же и наука указывают хлеб и помимо хлеба. Которая это ступень развития — неизвестно, но она неизбежна, естественна и, конечно, не последняя. Это второе, и оно объясняет первое, а потому еще важнее, чем это первое. Притом ныне голодовать могут массы только там, где нет развитых путей сообщения и сбережений. А если голодают в частях стран, подобных России, снабженных железными дорогами и вывозящих массы хлеба, и если голодают только местами, то тут уже явно, что, подвозя урожай в неурожайные места и спрятав должную часть хлеба и денег про запас, можно было бы чрезвычайно легко и просто избежать всякого намека на возможность голода. Хлеб продавали и все же нет купила, — вот отчего голод, а не оттого, что дождь не шел. Голод есть недостаток не хлеба, а денег, осмотрительности и бережливости, а деньги, осмотрительность и бережливость у массы суть зрелые плоды промышленного, а не земледельческого периода, потому что в этом последнем «авось» и «небось» владеют волею и ведут к образованию характеров легких, шутливых, но в то же время добрых и упрямо-упорных до самозабвения.

Все это исторически последовательно и логично, но все это, в то же время, исторически победимо и обходимо. Победы этого рода предстоит завершить России. Победы эти придут очень скоро, когда только явится убеждение в том, что голод есть «факт» сделанный, зависящий от наших землепашеских предрассудков, от нашей слабой воли, от нашего неуважения к трудолюбию, от нашего стремления рвать цветы просвещения, а к промышленным его корням относиться только критически и высокомерно.

Утописты кричали, что дележ не таков, что в квартете надо сесть иначе. Ну, сядьте иначе и ответьте — прекратится ли тогда голодовка? Голод не от распределения, на которое отовсюду накинулись, как на клад какой-то. Вторые утописты, и это лучшие, взывают: отдай все неимущему, и все будут сыты.

Попробуйте, отдайте и отдавайте — станете тоже в число неимущих, так как и вы, вместе со всем народом, жили и проживали, а не берегли. Кто же тогда-то будет давать, на кого-то тогда-то ворчать? Для того ли искали лучшего, чтоб стало худшее? Третьи утописты, более всех утопленные в своей примитивной необдуманности, указывают на факт голодовки и говорят: помещиков поддержите, это соль земли, они коли сядут опять на землю, то вырастят не по 3 четверти, а по 10 с десятины, и, дескать, голода не будет. Допустим даже, что вырастят по 10 четвертей и что тогда перестанут закладывать и перезакладывать; что же дальше-то? Вместо 800 млн четвертей ржи и 300 млн четвертей пшеницы пусть родится всего в три-четыре раза более. А какая цена тогда будет на хлеб, если Россия произведет его 4000 млн четвертей, скушает же только 1500 миллионов, то есть выпустит на рынок мира 2500 млн четвертей? А откуда взять при низкой цене хлеба денег на уплату за работу и рабочим за всякие новинности? Четвертые очень благочестно, как из секты самосожигателей, по-своему толкуя тексты, норовят склонить всех и каждого к возврату первобытности и полагают, что могут остановить историю и рост человечества [. . .].

Таких бредней много, перечесть их нельзя; они знамя времени, эпохи смены ветхого новым, когда теряются люди и запутываются в собственных резонах. Тут явно нет выхода, разрыв истории, тут только будирование или пустая болтовня об интересах, хотя бы безденежных, но не общих, а каких-то личных, предрассудочных. Хлеба много, да его дешево сбыть — просто неразумно, а взять, да спрятать и потом, лежа на печи, скушать — того неразумнее. Как кому угодно, а немного поразмыслив, всячески видно, что «факт» голода есть невольное дело рук человеческих, что не об одном хлебе живы мы будем и что, сидя на хлебе, да строя железные дороги — для хлеба же, берут дело с неладного конца. Строили и думали: свезем хлеб, у нас много его, продадим, богаты будем. А выходит что-то другое, и не видать, чтобы впереди лучше стало, потому что год от году земли закладывается все больше да больше, а истощение ее от этого хлебного вывоза не уменьшается, оно лишь растет. Да если бы и не возрастало истощение, если бы с дождями и снегами падало, удобрение и урожаи бы росли, все бы лучше было бы лишь на самую малость, потому что еще бы больше пришлось спускать цены на хлеб и голодовать многим — при избытке хлеба для каких-то немногих. Тут сразу виден неразумный, безысходный круг, многих приводящий в отчаяние, потому

что хлебом торговать, а быть без хлеба — значит необдуманно терять единство и внутреннюю цельность.

Но где же разумность или, еще ближе, где же в современности способ избежать голодовок как временных и местных, так и общих во всей стране, постоянно возрастающих и плодящих неудовлетворенность, неуверенность и отчаяние?

В труде сложном, разнообразном, постоянном, то есть летнем и зимнем, ровном, всем доступном и, между прочим, во всяком промышленном, потому что он дает работу зимой и летом, крестьянину и барину, всем и каждому. Будут заработки — будет и хлеб у всех, кто трудится. Для этого деньги придуманы. Для этого железные дороги изобретены. Для этого вся промышленность создалась. Для этого таможенные тарифы даже в Швейцарской республике, не говоря об Американской, поневоле, по опыту и по рассуждению делаются покровительственными. Для этого и перестроилась мало-помалу вся мысль человечества: вместо пресловутого самообожания стали любить и почитать только труд или произведение полезностей.[1] На этой оси мир повернулся и к классическому детству, просившему для масс только хлеба и зрелищ, уже наверное не возвратится. Были обязательными: самопознание, софистическое резонерство, да кое-какие личные отрицательные добродетели, а становится обязательным труд, труд и еще труд, как нечто положительное, смиренное, всепобеждающее и творящее. Успокаивались в самопогружении. Шопенгауэр и новомодные буддисты думали воскресить такой конец концов. А понемногу начинают понимать, что истинное успокоение только в труде, в труде и в труде. Его для всех хватит. В нем и хлеб. Так все ветхое понемногу, косвенно перестраивается на новый, лучший, христианский лад. Он входил столь незаметными путями, что уже вошел, уже владеет нашей мыслью, а еще многие не видят этот новый лад и хотят повернуть все на прежнее, дряхлое, на права, а не на обязанности. Свободное моральное учение уже превращается в жизненную и общественную потребность; языческие формы отпадают, а христианская сущность становится живою необходимостью, тре-

---

[1] Так как в общежитии часто смешивают чисто механическое понятие о работе с понятием о труде как произведении полезностей, то считаю не излишним перепечатать из своей статьи «Письма о заводах» (журнал «Новь», 1885, письмо 1, стр. 236) те страницы, которые разъясняют, в каком смысле я употребляю здесь слово «труд».* [. . .].

* См. указанное письмо в т. XX собрания сочинений. [*Прим. ред.*].

бующею не судить, а трудиться — всем и каждому — на пользу общую.

Не трудиться — значит не производить полезного из бесполезного, втуне валяющегося, надеяться на «авось» и себя во всем оправдывать. Номад не сеет, не жнет и в житницы не собирает, но трудится, как понимает, для себя и для своей скотинки, обирающей божьи дары. Люди же, обстроенные дорогами и засевшие на размежеванные земли, должны трудиться для себя и других людей, собирающих божьи дары. И бог установил в поте лица и в труде для других находить хлеб. Суть-то не в земле, а в этом поте лица, на ней производимом, и это надо понять первее всего, чтобы голодовок избежать при размежевании и при железных дорогах. Размежевка и дороги даже назначены именно для того, чтобы это стало всем ясным, чтобы люди учились изловчаться трудом, чрез сношение с другими, без «авось», без даровой подачки, то есть по способу, отличающему людей от птиц небесных. Скушала скотинка траву на данном месте, надо кочевнику двигаться к другому привалу, а то либо голодовка, либо разбредется стадо. А сели на землю, да скушали все, что было на ней дарового, запасенного без забот, надо переходить на другое место, иначе голодуха или разброд, или, того хуже, толчение на месте. Это другое место надо отыскать, не сходя с места. И можно, и должно, иначе — чрез простое переселение — номадам будем очень подобны. Сомнение в возможности искать на месте нового места происходит только от веры в то, что «ничто не ново под луною». А между тем нового много. Только видеть его можно не иначе, как отрекаясь от номадских и помещичьих воззрений и помня, что они новозвратно остались сзади. Оглянитесь и увидите, трудитесь и достанете, критикуйте не других, а себя, и все устроится на твердом, историческом основании.

Сидя на месте, переделывайте в полезности то, что под руками, да углубитесь внутрь земли, достаньте «ископаемое», — это и будет новое место, новый постоянный и многосложный труд, новый хлеб и верный способ навеки избежать голодовок.

Для примера остановимся на самом земледелии. Ему надобно, первое, много удобрений для возврата утраченной силы земли. Добыть можно всякими путями собирания отбросов, то есть того, чем номад брезгует. Хотя этого добра у нас и много, но на всех нехватит, если только видеть одно то, что валяется сверху. А поройтесь в земле — найдете под землей истинную «соль земли», то есть все, что надо для урожаев,

начиная от фосфоритов и кончая аммиачными препаратами, получаемыми из каменного угля. Земледелу затем явно надобно много разных орудий, но не рогулю, выбранную в лесу, ее уж и выбрали; да и не вздирает она как надо, а требуется все остальное, прочное, глубоко забирающее. Где его искать? На земле не находится, а под землей России нашли неисчислимые массы, даже в иные земли повезли те руды, которые дают сталь. Требуется земледелу и дом, и ложка, и плошка. Брал он их из лесу, но «факт» безлесицы стал явным, и способ сделать дом, ложку и плошку из земли, отыскать их в глубине ископаемой — сочинен не мною, стал уже сознаваться даже в бессознательной сфере лиц, все еще утверждающих, что «ничто не ново под луною». Спрашивайте по соседству, в вашем округе: кто, сидя на земле, не нуждается, а идет дальше и доход хороший имеет? Наверное услышите, что у них к земледельческой промышленности так или иначе прибавилась какая-либо другая, соприкасающаяся либо с винокурением, либо с сахаром, либо с производством шерсти и тому подобных предметов. Говорят: отделите эти «промышленные» доходы, и все же выходит доходность — от урожайности. А на деле, лишь отделяют, тотчас — одни убытки. Вот эта необходимость усложнить земледелие, сочетав его со всякими другими видами промышленности, нашим дедам была незнакома, и она составляет то, чего не видят, а видеть должно, как следует пользоваться не только тем, что находится на земной поверхности, но и тем, что спрятано под нею. Нет, под луною много нового, и пора, чтобы это новое осветилось ярким солнцем, а то при лунном мерцании не замечают, то есть топчут русскими ногами добро, непочатый угол которого и себе хватит и с другими позволит поделиться, зарабатывая не только хлеб, но и достаток. Следовательно, даже земледелу есть что искать нового кругом себя и под своей землей, не говоря уже о том угле и железе, с помощью которых избытки хлеба, волокна и др., полученные земледельцами, поедут к другим потребителям по суше и по морю и переделаются из своего первоначального «сырого» состояния в муку, сахар, ткани и разные другие потребности. Земледелы, больше чем кто-либо другой, должны были бы понимать, но, увы, понимают меньше всего, что впереди предвидится время, когда будет вновь провозглашен и применен принцип: «не вывозить сырья», а все его переделывать у себя, то есть развивать всякие виды промышленности, исходя из насиженной земли.

Вот эти то промышленные дела и подходят к русской современности, они-то и прогоняют голодовки сперва в какие-то

азиатско-африканские трущобы, если они будут только земледельческими, а со временем истребят их и на всем свете, потому что с развитой промышленностью не только является новая область труду и заработкам, взаимным сношениям людей и торговле, просвещению, внимательному отношению ко всякому шагу и бережливости, но и самое земледелие улучшается в корне, дает не те 3 четверти, которые получаются, а те 10 четвертей с десятины, на которые зарятся глаза наших земледелов. Им все кажется, что можно иметь и у нас всюду эти 10 четвертей, не заводя никакого промышленного новшества. Как у номадов зарятся глаза на дешевый хлеб, который они сами будут иметь, когда бросят номадские привычки и способы жизни, так у нас, живущих еще в чисто — почти — земледельческую эпоху, зарятся глаза на дешевые машины, на каменные дома и на другие признаки усложненного промышленного быта. Становясь земледелом, номад не бросает скот, а его, как и себя, устраивает на иной, чем прежде, и даже на лучший лад. И земледел, переходя к промышленному строю жизни и труда, земледелия не бросит, а напротив того, его во множестве отношений улучшит и усовершенствует связью со всею промышленною жизнью, потому что она, ничего ни у кого не отнимая, дает много нового, небывалого и полезного. Номаду кажется несносным и даже убийственным сесть в избу, и жалко, даже обидно и несправедливо, размежеваться по-нашему. А земледелу кажется и несносным и убийственным, даже обидным, забраться в копи или на фабрики и заводы. Номадские консерваторы изловчаются протягивать номадскую вольную волюшку, и они все доказывают, что в стремлении к земледелию виноваты жадные инстинкты тех, которые первые садятся на землю и упреждают историю. А земледельческие консерваторы изловчаются задерживать всякими изветами наступление промышленного периода развивающихся народов. Не убеждения номадских прогрессистов и не пример передовых номадов, а умножение народа, нужда, бескормица и всякие напасти заставляют народы переменять кочевой род жизни на земледельческий, но и этот переходит в промышленный тоже не из-за красных слов, не из подражания, а по нужде и надобности. Можно еще так и сяк говорить о переходе от кочевой жизни к земледельческой, можно даже полагать, хотя и без всяких оснований, что некоторые народы и не бывали кочевыми (а что же такое «переселение народов»?), но переход от земледельчества к промышленности совершался не при царе Горохе, а на памяти людской, она указывает, что переход

к промышленному строю происходил в мирное время и в насиженных местах только по нужде, по необходимости, а не из прихоти. Перемены тяжелы, сопряжены с необходимостью забыть многое из первобытного и привычного, оттого и оттягиваются донельзя и совершаются понемногу в мирное время.[1] А льзя ли * ждать теперь России в ее уже намеченном

[1] Физиократы или экономисты средины прошлого столетия, последовавшие за врачом Кене, учили, что все «богатство народов» происходит от земледелия. Их учение побеждено другим, возвещенным глазговским профессором философии Адамом Смитом в «Исследовании о природе и причинах богатств народов». Он понял значение труда (хотя мало различал его от работы) и «естественную ценность», им определяемую. Это был великий успех. Но, спеша к практическим выводам и впадая в противоположность с физиократами, А. Смит и, особенно, его последователи чересчур развили понятие о пользе специализации труда, и дело дошло до того, что между странами думали видеть потребность специализации усилий. Оттуда и родилось учение о том, что Россия есть страна «земледельческая» и даже специально «хлебная». На этом, в сущности, и основывается вся русская промышленная отсталость. Опыт жизни показывает, к чему это приводит. Если бы Россия специализировалась на одном хлебе, то ее обеднение и голодовки росли бы ужасающими размерами. Мне кажется, что теоретическая ошибка учения, выводимого из начал А. Смита, состоит в том, что упускают господство государственности, создание трудом ценностей и «богатства народов» из других источников, кроме земледелия, и то обстоятельство, что ни «материя», или вещество, ни «энергия», или сила — не творятся, как узнано людьми после Кене и Смита и изучено полнее (и точнее), чем экономические, людские отношения. Вещество железа и силу каменного угля не могут произвести ни земледелие, ни совокупный труд людей, их надо взять готовыми в природе, а именно *ныне* — в недрах земли. В этом корень новшеств, потому что людская жизнь, в ее современных формах, уже не может обойтись без каменного угля и железа. Только то экономическое учение может быть верным, которое изойдет из несомненных истин, уже постигнутых людьми, а основные понятия о веществах и силах выработаны до несомненности. Людские же порядки экономического свойства относятся до веществ и сил, а потому только та «политическая экономия», которая изойдет из естествознания, может надеяться охватить разбираемый ею предмет с должною полнотою и понять, как «творятся» ценности и отчего образуются или исчезают «народные богатства». Кант это понимал.

Сверх этого нельзя не указать нашим чересчур односторонним поклонникам земледелия на ту зависимость цен от соотношения спроса к предложению, которую указал и развил А. Смит. Спрос хлеба ограничен числом людей, и цена понижена количеством предложения. А спрос каменного угля и железа растет быстрее возрастания числа людей (стр. 807) и, конечно, еще долго будет быстро возрастать. Отсюда уже ясно, что относительное «богатство народов» никоим образом ныне и впредь не может определяться производством хлеба и даже самыми высшими формами развития *одного* земледелия и даже «главным образом» земледелия, ибо самое понятие «богатства» включает в себя понятие усложненного быта и умноженных потребностей. В свое время и земледелие было «новшеством». Оно разлилось на весь мир. Таково же и «новшество»

переходе от первичного земледельческого быта к сложному быту земледельческо-промышленному? Номаду кажется, что нужда кочевников растет от захватов да от неурожая трав, из-за которых прежнее оказывается невозможным продолжать до бесконечности. А на деле причин куча: вся история прожитого и нажитого, все впереди предстоящее и все, что оберегает род и вид, несмотря ни на вопль ретроградов, ни на резоны дервишей. Не так ли и у нас? Одни объясняют нарастающую нужду так, другие сяк, а тут все дело в истории народа, в общем мировом строе. Индейцы в Северной и Южной Америке вымирают, не имея сил перейти от охотнического быта в земледельческий. Бывали на глазах людей и другие случаи пропажи народов, поглощения их другими, когда они, пройдя известные ступени, не были в силах сами подняться на следующие. Но не таковы великие, передовые народы. Они сами оставляют, хотя и любят изжитое, и шагают легко на высшие ступени, так как уверены в неизбежном и проникнуты духом мировой идеи, стремящейся найти все и всякие средства для бесконечно-далекого развития всего человечества. От бродячего периода, от переселения народов они легко переходят к крепкому сидению на земле, твердо стоят за нее и на ней и в ней ищут всяких условий дальнейшего развития. Они переходят в свое должное время и незаметно, но уверенно и твердо, от земледелия к промышленности — сложной, опирающейся столько же на сельское хозяйство, сколько на горные, заводско-фабричные и торгово-мореходные дела. Таким считаю я и свой, русский народ, а современность — подходящею эпохою для ясного понимания и разумного сознания надобности такого перехода. Поэтому я и полагаю, что вызывающий, твердый протекционизм, принятый таможенным тарифом 1891 г., совершенно и прозорливо соответствует историческим задачам России и ее современным, настоятельным, насущным и всенародным надобностям. В развитии уже начавшейся кое-где сложной промышленной жизни должно видеть единственный путь для завершения синтеза России, как одной из крупнейших мировых единиц. Поэтому, если надобен, как уверяют со всех сторон, новый импульс для оживления русской деятельности, то он должен относиться ко всей

промышленности, опершейся на каменный уголь и железо. Азия создала земледелие (американцы его почти не знали — до прихода европейцев). Европа его наследовала, а сама создала более сложную промышленность. И это наследие — на весь мир.

* «А можно ли?» У Д. И. Менделеева старинное разговорное «А льзя ли». [*Прим. ред.*].

промышленности, включая сюда и земледельческую, а не для одной этой, как часто думают. Но ранее того необходимо понимание интересов и всего значения сложной промышленности. Предлагаемая книга написана для распространения части сведений, относящихся к этому предмету. Если мне удастся хотя сотне русских людей внушить должное понимание общих промышленных потребностей страны, то буду считать свою задачу выполненною. Почитая труд отцом обеспеченного благополучия, а бережливость матерью, веря в настойчивую волю более, чем в порыв, и опираясь на исторический опыт, выражающийся численными отношениями, более, чем на умственные построения, я достиг до такого сознания великого значения промышленного развития для роста благосостояния и просвещения всех классов народа, что всеми способами, доступными моим слабым силам, желаю содействовать дальнейшему промышленному развитию своего отечества. Для того и книгу эту писал.

Конец

Октябрь 1891 г.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры в скобках означают статьи общего таможенного тарифа 1891 г., приведенного в предисловии. Цифры без скобок означают страницы. Главные данные о размерах ввоза, вывоза и производства различных товаров приведены на страницах, указанных при словах: ввоз, отпуск, производство в России и производство мировое.

Абажуры (177), см. бумага
Абраумзальц (89) 760
Агар-агар (43) 438
Аграмант (205), см. бассоны
Азбест (69)
Азотная кислота (108) 761, 763
Азотно-аммиачная соль (98) 760
Азотнокислое кали (103) 556, 558, 760, 763
Азотнокислый натр (103) 760
Акциз: с сахара 360, с соли 387, в Англии 326, в России 330
Алебастр не в деле (65)
Алебастровые изделия (70)
Ализарин (135) 765, 775
Ализариновое масло (117) 764
Ализариновый лак (135)
Альбумин, см. белковина
Алюминиевые соли, см. квасцы, сернокислый глинозем
Алюминий (143), см. медь
Алюнит 504
Амбра серая (87) 751
— черная (68)
Аммиачные препараты (98) 763
Аммиачный способ 769
Ангидрид серный (108) 760, 775
Англия 141, 147 и сл., 254, 273, 287, 326 и сл.
Анемометры (169) 862
Анилиновые краски, см. краски каменноугольного дегтя
Анис (10) 337
Антигра (тюль мебельн.) (206)
Антимоний (92) 760
Антисептическая вата (182)
Антихлор, см. серноватистокислый натр
Антрахинон (111) 775
Антрацен сырой (81) 747
Апельсины (6) 331
Апельсинная корка (6) 334
Аппараты (167), см. машины
Аптекарские травы и др. части растений (62) 483
Арак (27) 870
Аржантин (143), см. медь
Ароматические воды (118) 764
Аррорут (4) 308
Арсеник, см. мышьяк
Артишоки (5), см. овощи
Арфы (172), рояли
Асса-фетида (87) 745, 750
Аспидные доски (216), см. письменные принадлежности
Аспидные изделия (70)
Аспид в плитках (66)
Асфальт (83) 748 и сл.
Аурипигмент, см. мышьяк

Бадьяк (15) 341
Бакан (65), см. лак кармин
Байковые одеяла (198), см. шерсть
Бакаут (58) 466
Баки железные и стальные (152) 818
Баланс русской внешней торговли 220 и сл., 231, 251 и сл.
Бальзамы природные (87) 744
Бандажи (169) 862
Баран (мех) (54) (56) 439, 462

Банки (77) 515
Барит, см. тяжелый шпат
Барит едкий (102) 760
Барит сернокислый искусственный (96) 760, 773
Барит углекислый (96)
Барсук (мех) (56) 439, 462
Барс (мех) (56) 439, 462
Бархат бумажный (189), см. плис
— шелковый (195), см. шелк
Бассоны (205)
Бастиа 33, размер пошлин 143
Батист (193), см. полотно
Бахрома (205)
Белила (119), см. косметики
Белила свинцовые и цинковые (131) 765, 767, 775
Белильный щелок (107) 556
Белильная известь, см. хлорная известь
Белковина (87) 760
Белуга (шкура) (56) 439, 462
Белье (209) 899
Бензин (85) см. нефть
Бензойная кислота (108) 775
Бензол сырой (81) 747
Берлинская лазурь (130) 765, 775
Беседки из прутьев (64) 483
Биксин (126)
Бисер (214), см. бусы
Бисквитные изделия (76), см. фарфор
Бить (148), см. изделия золотые, мишурные
Бичевки (190), см. канаты
Благовонные масла без спирта (117) 764
Блестки (148), см. изделия золотые, мишурные
Блонды (207), см. кружева
Бобер морской (мех) (56) 437, 462
Бобы (1), 266
Бой зеркальный (78)
— стеклянный (77)
Боксит (65) 504
Болванки железные (140)
— стальные (142)
Болюс (125)
Бомбы (221)
Бондарные изделия (59) 479
Боракс (93), см. бура
Бордюры бумажные (177)
Борная кислота неочищенная (93)
Борные препараты (93)
Боронатрокальцит (93)
Брайт 144
Бранкарды (173), см. экипажи
Бревна (58) 472, 473
Брезенты (194)
Британский металл (143) см. медь
Бронзированный порошок (166) 861
Бруски из камня (66) 509
Бруски наждачные (71)
Брусья (58) 472, 473
Букеты фарфор (76)
Буковая мебель (61) 481
Бумага (писчая) (177) 913
— полировальная (71)
— хлопчатая сырец (179), см. хлопок
Бумажная масса (176)
— пряжа (183)
Бумажный бархат (189), см. плис
Бумажные ткани (187)
Бумажные ткани крашеные (188)
Бура (93) 760, 774
Буррет (180), см. шелк
Бур де-суа (180), см. шелк
Бусы (214)
Бутылки (77) 515
Бюсты гончарные (74)
Бюсты из мрамора, алебастра и т. п. (70)
Бязь крашеная (188)
— некрашеная (187)

Вагоно-цистерны (174)
Вагоны угольные 615 и сл.
Вагоны для железных и конно-железных дорог (174) 820, 864
Вазелин (52) 438, 456
Вазы фарфоровые (76) 765, 767, 775.
Вакса (137) 765, 767, 775
Ваниль (15) 341
Ванны каменные (70)
Варенья (24) 365
Вата бумажная (182)
— гигроскопическая (182)
— стеклянная (77)
— шелковая (180) см. шелк
Ввоз (размеры) в Россию в последние годы: из различных стран 252, хлебных зерен 266, риса 297, муки и крупы 304, крахмала 307, макарон 308, овощей 312, чая 329, свежих плодов 331—333, сухих плодов 335, каперцы и т. п. 337, анис и т. п. 337, орехов 338, пряностей, какао 341, кофе, чая 237, 342, та-

бака 353, сахара 360, 361, конфект и т. п. 366, дрожжей 368, хмеля 369, спиртных напитков 370, виноградных вин 379, пива 381, фруктовых соков 383, уксуса 383, минеральных вод 384, соли 391, мясных товаров 405, сыра и масла 406, рыбных товаров 409, скота 413, удобрительных веществ 425, 436, разных животных продуктов 437, пух и перья 450, кож и мехов 458, дерева и изделий из него 475, пробки 476, плотницких изделий 480, растительных продуктов 483, цемента 496, глин, камней 506, глиняных и стеклянных изделий 511, 512, каменного угля, кокса и т. п. 536, нефтяных товаров 697, смолистых и камедистых веществ 745, химических товаров 755, 758, 759, 763, 764, красок 765, соды и белильной извести 771, руд 801, 802, чугуна 808, 811, 815, железных товаров 215, 224, 817, 820, судов 848, металлов всяких и изделий 860—862, джуты 885, шелка 889, волокнистых веществ, пряжи и ткани 891—894, одежды 898, 899, тряпья 911, писчебумажного товара 913, книг и т. п. 914, 915, всех товаров 920
Ведра кожаные (57)
— пеньковые (194)
Велосипеды (173), см. экипажи
Венки фарфоровые (73)
Веревки (190), см. канаты
Веревки хлопчатобумажные (183)
Вермишель (4) 308
Весы (168) 862, 864
Вещества взрывчатые (220) 776
— дубильные (124) 764
— полировальные (71) 510
— удобрительные (41) 415 и сл.
Вещи галантерейные и туалетные (215)
Вещи для музеев (217)
Взрывчатые вещества (220) 776
Вилки (158) 819
Вилы (160) 820
Вина виноградные (28) 370, 376, 377
Винная кислота, см. виннокаменная кислота
Виннокаменная кислота (108) 761, 763, 775
Виннокислая известь (95)
Винные ягоды (7) 335
Винный камень (95) 760, 763
Вино хлебное (27) 370
Виноград (6) 334
Виноградные и ягодные вина (28) 376, 377
Виноградный сахар (23) 363, 364
Винты для дерева (153) 818
Виски (27) 370
Висмут (143), см. медь
Витерит (96) 760
Вкусовые припасы 325 и сл.
Водка французская (27) 373
Водомерители (167), см. машины
Воды ароматические (118) 118
— душистые спиртовые (119) 764
— минеральные (32) 384
Войлок (202), см. шерсть
Войлочные материи (198), см. шерсть
Волк (мех) (56) 439, 462
Волокнистые вещества (179) 871 и сл., 891 и сл.
Волос в деле (46) 438, 449
Волос не в деле (45) 438, 448 и сл.
Ворвань (51) 438, 452
Ворсильные шишки (63) 483, 489
Воск ископаемый, пчелиный и растительный (52) 437, 454 и сл.
Вощанка (194)
Вощанка шелковая (197)
Вронченко 211
Вывоз из России, см. отпуск
Вывоз в отношении к производству 189
Вызывающий протекционизм 217
Выдра (мех) (56) 439, 462
Выросток (55) 439, 462
Вышивки (207)
Вышивки золотом, серебром и мишурою (148), см. изделия
Вышитые ткани (208)
Вязальные машины (167)
Вязаные изделия (205)
— материи бумажные (187 и 188)
— — шелковые (195)

Гагат (68)
Гагат в изделиях (215)
Газомерители (167)
Газолин (85), см. нефть
Газы сжиженные (113)
Газ шелков. для сит (195)
Галантерейные вещи (215) 914
Галиани 315
Галловая кислота (108) 760

Галлипот (82), см. канифоль
Гардины (209), см. белье
Гарнитуры басонные (205)
Гарное масло 767
Гарпиус (82) 736 и сл.
Гартблей (146), см. свинец
Гартблей в изделиях (164) 861
Гвозди деревянные для сапогов (61) 481
— кованые (151) 818
— проволочные резные подковные из ковкого чугуна (156) 819
Гвоздика (15) 341
Гематеин сухой (134)
Германия 275, 389, 558, 833
Гигроскопическая вата (182)
Гидравлические вещества (65) 493 и сл.
Гидрат глинозема (102) 760
Гидрометры (169) 862
Гильзы ружейные (159) 820
Гипосульфит, см. серноватистокислый натр
Гипс (65) 505
Глауберова соль, см. сернокислый натр
Глет (146), см. свинец
Глинозем гидрат (102) 760
— сернокислый (101) 760, 763
Глины (65) 491 и сл., 501
— красильные (125) 765
Глазурь (68)
Глицерин неочищ. (117) 764, 775
Глобусы (169) 862
Гнутая мебель (61) 481
Голландия 152 и сл., 855
Голод 1891 г. 927 и сл.
Гончарные изделия (74) 510, 520, 521
Горошек (5), см. овощи
Горох (1) 266
Горькая соль, см. серно-магнезиальная соль
Горчица неприготовленная (12) 340
— приготовленная (13) 340
Грабли (160) 820
Гравюры (177)
Градусы спирта 870
Гранаты (67)
Графит (71) 801
Греж (180), 886, см. [также] шелк
Гремучие смеси (220)
Грибы свежие и суш. (62)
Грибы (14) 341
Грязи минеральные (90) 774
Гуано (41) 419 и сл.
Губка грецкая (50) 438
Гудрон (83), см. асфальт
Гумми (87) 745, 750
Гумми-эластик, см. каучук
Гурьев 206
Гускиссон 157
Гуттаперча (87) 745

Дамская обувь (57) 439, 462
Двигатели, см. машины
Двууглекислые кали и натр (105) 759, 760
Двуутробки (мех) (56) 287, 439, 462
Деготь (80) 725 и сл. 741
Дегра (51) 438, 453
Декстрин (4) 308, 364
Дерево всякое, см. лесной товар
Деревья красильные (125) 765
Деревянное масло (117) 764
Джет (68)
Джин (27) 370
Джута-сырец (179) 372
Джутовая пряжа (184) 893
Джутовые мешки (191) 372
— ткани (192)
Дилижансы (173), см. экипажи
Динамит (220)
Динамомашины (167)
Донец как сплавная река 631 и сл.
Донецкий каменный уголь 556 и сл., в Балтийск. море 538 и сл., 681, 853; в Москве 611, 680 и сл.
Донецкие руды и др. залежи 599
Дорожки джутовые, пеньковые и т. п. (191)
Доски (58) 473
— аспидные (216), см. письменные принадлежности
— каменные (66) 509
— наждачные (71)
Доходы (государств.) России 330, 920, и др. стран 921
Драгоценные камни (67)
Древесный уголь (79) 536
Древности (217)
Древесное топливо 571
Древесноуксусная кислота, см. уксусная кислота
Дрель (192), см. ткани
Дрезины (167) 820
Дробь, см. свинцов. изделия
Дрова (58) 474
Дрожжи (25) 368
Дрожки (173)

Дубильная кислота (108), см. таннин
Дубильные вещества (124) 764
Дубильные экстракты (134) 236, 765
Духи (119), см. косметики
Дымящая серная кислота (108) 760, 775

Европейская граница 267
Европейская торговля 266
Едкий барит (102) 760
Едкое кали (105) 760, 774
Едкий натр (105) 760, 774
Едкий стронциан (102) 760, 773
Енот (мех) (56) 439, 461

Жавелева вода, см. белильный щелок
Желатина (43) 438, 443
Желе (24) 365
Железистосинеродные соединения калия, см. синь-кали
Железная промышленность России 213 и сл., 232 и сл., 648 и сл., 665 и сл., 805 и сл.
Железные машины (167), см. машины
Железный колчедан, см. колчедан серный
Железнодорожные порядки 615 и сл.
Железнодорожные тарифы, расходы и доходы 396, 601 и сл., 681 и сл.
Железный купорос (109) 761
Железное судостроение 648 и сл.
Железо в деле (151—161) 817 и сл.
Железо не в деле: полосовое, листовое, рельсовое и т. п. (140) 809 и сл.
Железо проволочное (155) 819
Желуди жженые (17) 341
Жженые желуди и цикорий (17) 341
Жемчуг (67)
Жерди (58) 472
Жернова (66)
Жесть в изделиях (154) 819, 864
Жесть не в деле (141) 817, 864
Живица, см. терпентин
Животные (40) 412
Животные в спирте для музеев (217)
Жир рыбий (51) 438, 451
Жмыхи 484

Заводы (определение) 663
Займы 218
Заклепки (156) 819
Замки висячие и внутренние, железные и стальные (153) 819
Замша (55) 439, 458
Занавески тюлевые и кисейные (206), см. тюль
Запалы электрические (220)
Запрещенные товары, предисловие 25—131
Заработки на хлебе и других товарах 280 и сл.
Заступы (160) 820
Землистые вещества 442 и сл.
Земли кассельская, сиенская, веронская (125) 764
Земля инфузорная (66)
— санторинская (65), см. цемент
Зеркала (78) 143 и сл., 518
Зерна кермесные (129) 765
— хлебные (1) 266 и сл.
Зерна тыквы (11) 339
Зильбер-глет (146), см. свинец
Зола костяная (41) 420
— свинцовая (146), см. свинец
Золото в изделиях (148)
Золотошвейные изделия (148)
Золотые соли (110)
Золоченые изделия (149) 861
Зонтики (211) 899

Иглы (157) 810, 819
Игрушки (215) 914
Известь (65) 506
— виннокислая (95)
— гидравлическая (65)
— древесноуксуснокислая неочищенная, см. уксусный порошок
— хлорная (107) 760, 763, 769
Издания печатные (178), см. книги
Изделия из азбеста (69)
— бондарные (59)
— вязаные и басонные (205)
— гончарные (74) 512, 521
Изделия деревянные (61) 481
— золотые, серебряные, платиновые, ювелирные и золотошвейные (148) 861, 864
— железные и стальные (151—161) 818 и сл.
— жестяные (154) 819, 864
— из войлока (61) 481
— из недрагоценных металлов (149) 861, 864
— из недрагоценных камней (70)
— из олова, цинка и их сплавов (163) 861
— из покромок и вырезанные из войлока (202)

Изделия из рога, кости, морской пенки, китового уса, гагата, целлюлонда, лавы и воска (215), см. галантерейные вещи
— каучуковые (88) 745, 751, 752
— кожаные (57) 439, 461
— кондитерские (24) 365
— плетеные из растительных материалов (64) 483
— плотничные (59) 479
— проволочные (156) 819
— пробковые (60) 476
— из слоновой кости, черепахи, перламутра и янтаря (215), см. галантерейные вещи
— из свинца и гартблея (164) 861
— из стекляруса, бисера и бус (214), см. бусы
— резные деревянные (61) 481
— стеклянные (77) 511 и сл.
— столярные (61) 481
— токарные (61) 481
— фарфоровые (76) 522
— фаянсовые (75) 522
— чугуна (150) 810, 818
— шитые (209)
Изделия щетинные (46) 438, 449
Изюм (7) 335
Илька (мех) (56) 439, 462
Имбирь (15) 341
Имитации растений фарфоровые (76)
Индиго (128) 765
Индиго-кармин (134)
Индиговый экстракт (134)
Индиготин (135)
Инкрустации по дереву (61) 481
Индикаторы (169) 862
Индия, земледелие 291, 292
Инструменты математические, чертежные, физические, химические и хирургические (169) 862
— музыкальные (172), см. рояли
— ручные всякие (161) 810, 820
Инфузорная земля (66)
Искусственная шерсть (181), см. шерсть

Кабели телеграфные (155) 819
Кабриолеты (173)
Кадмий (143), см. медь
Казенные заказы 824 и сл.
Какао (19) 341
Какао с сахаром (24) 365
Какавелли, см. шелуха какао
Кальций хлористый неочищенный (104) 760
Калиевые соединения, см. поташ, едкое кали, кремнекислое кали, сернокалиевая соль, квасцы, хлористый калий, хромпик, стассфуртская соли, винный камень, синькали
Калган (16) 341
Камвольной пряжи ткани (199 и 200), см. ткани
Камеди (87) 744, 750
Камень асфальтовый (83)
— винный (95) 760, 763
— рвотный (11)
Каменный уголь (79) 158, 523 и сл., происхождение 580, залегание 581, 582, сорты углей 587, свойства 590, 591, стоимость добычи 595, 596, добыча России 558, Германии 558, Англии 562, всего света 557, потребление в России 535, 536, в Италии 564
Камень простой, недрагоценный (66) 509
Камни 492 и сл.
— в изделиях (70)
Камни драгоценные, полудрагоценные и поддельные (67)
Камертоны (172)
Камфора (87) 744, 750
Камыш (62) 483
Канаты (190)
Канаты хлопчатобумажн. (183), см. пряжа бумажная
Канва бумажная (187 и 188)
Канифоль (82) 736 и сл.
Канкрин 206 и сл.
Капитализм 158 и сл., 868, 869
Капуста (5), см. овощи
Каперцы (9) (13) 337
Карболовая кислота сырая (81) 747
Карды всякие и кардо-ленты (88) 752, (156) 819
Кардамон (15) 341
Картамин (134)
Картины (178), см. книги
Карточки (177), см. бумага
Карты географические (178)
Картонажные изделия (177)
Картон-пьер (61 и 177)
Картон (177), см. бумага
Каракатицы (38) 410
Карандаши (216)
Кареты (173), см. экипажи

Картофельная мука (4) 305
Карнатиды гончарные (74)
— из камня (70)
Кармин индиговый (134)
— кошенилевый (135)
Картофель (1)
Карты игральные (223)
Кассиев пурпур (110)
Катеху (126) 765
Каучук сырой (87) 744
Каучук в изделиях (88) 744, 751
Кашемир (201), см. шерсть
Каштаны (11) 338
Кашу (126) 765
Кварц (66) 509
Квасцы (101) 760, 763, 774
Квасцовый камень 504
Кверцитрон (125)
Кебы (173), см. экипажи
Кедр (58) 475
Кенгуру (мех) (56) 439, 462
Кермесные зерна (129) 765
Керосин (85), см. нефть
Киноварь (137)
Кипарис (58) 475
Кирпич (72) 512, 520
Кирпич с поливою (74)
Кирпич цементный (65)
Киршвассер (27) 370
Кислота борная неочищенная (93)
— карболовая сырая (81) 747
— мышьяковистая (99) 760
— серная, азотная, соляная, уксусная, виннокаменная, бензойная, дубильная, лимонная, галловая, пирогалловая, салициловая, фосфорная, хромовая (108) 760
— угольная сжиженная (112)
Кисти (46) 438, 449
— бассонные (205)
Китовый ус (49) 438
Кишлец (10) 337
Клеенка (194)
Клеенка резиновая (88)
Клеенка шелковая (197)
Клей (43) 438, 443
— резиновый (88) 744, 751
Клепка бочарная (59) 479
Клещевинное масло (117) 486, 767
Клинки ножевые (158) 819
— сабельные (159) 820
Клише типографские (162)
Книги (178) 914
— конторские (177)
Книжки записные (57) 439, 461
Кнуты (57) 439, 461
Кобальт (143), см. медь
Кобальтовые краски (137)
Ковкий чугун (150) (153)
Ковровые ткани джутовые, пеньковые и т. п. (192)
Ковры из растительных материалов (64) 483
— шерстяные (203)
Кожаные изделия (57) 439, 461
Кожи выделанные (55) 439, 456 и сл.
— невыделанные (54) 439, 456
Козики (158) 819
Коконы шелковые (180)
Кокосовое масло (117) 486, 764
Кокосы (11) 338
Кокс (79) 536
Колбасы (34) 405
Колеса экипажные (173)
Колки для фортепиан (156)
Коллодиум (115) 764, 775
Коломянка (192), см. ткани
Колонны каменные (70)
Колпаки войлочные (198)
— для шляп (210)
Колчедан серный (138) 427, 777 и сл.
Коляски (173), см. экипажи
Комиссия для пересмотра тарифа 1891 г. 246 и сл.
Композиции неметаллические (61) 481
Компосты (41) 423 и сл.
Конверты (177)
Кондитерские изделия (24) 365
Конкуренция в донецком каменном угле 683 и сл.
Консервы овощей, плодов (13) 340
— рыбные (37) 409
Конфекты (24) 365
Коньяк (27) 373
Копра (62) 483, 486
Копыта (44) 438
Корабли, см. суда
Кораблестроение 152, 648, 823, 826 и сл.
Кора дубильная (124) 764
Кораллы не в деле (67)
Коренья цветочные (62) 484
Корзинный материал (62) 483, 488
Корзины (64) 483, 489
Коринка (8) 336
Корица (15) 341
Корка лимонная, апельсинная, померанцевая (6) 331 и сл.
Корм для животных, см. средства кормовые

Корсак-Могила 657, 809, 840
Косари (160) 820
Косметики (119) 764, 767
Кость слоновая и мамонтовая (68)
Кость (41) 230, 420 и сл.
— в изделиях (215)
Костяное масло (51) 438, 454
Косы (160) 810, 820
Котики (шкуры) (56) 439, 462
Котлы железные и стальные (152) 647, 818, 865
Кофе (18) 341
Кофейные суррогаты (17) (18) 341
Кошенилль (124) 764
Крапивные волокна (179)
Крапповый лак (135)
Крап-экстракт (135)
Крапповые препараты (135), 765
Крап толченый (127) 765
Красильные вещества 765 и сл.
Красильные экстракты, см. экстракты
Краски каменноугольного дегтя (135) 765, 775
— медные (133) 765, 775
— миниатюрные в плитках и т. п. (136) 765
— самородные (125) 765, 775
— хромовые, кобальтовые, сурьмяные и особо не поименованные (137)
Красное дерево (58) 475, 479
Крахмал (4) 305 и сл.
Кремень (66) 509
Кремнекислые натр и кали, см. растворимое стекло
Кремнистый чугун (139) 869
Кремортартар (95) 760
Кресла на колесах для больных (173), см. экипажи
Крицы железные (140)
Кровавик (125) 765
Кролик (мех) (56) 439, 462
Кромвель 150
Кроны музыкальные (172), см. рояли
Круги наждачные (71)
— точильные и полировальные каменные (66)
Кругляки, дерево (58) 475, 479
Кружева (207) 899
Крупа (3) 300 и сл.
Кудбир (126) 765
Кузова экипажные (173)
Кукельван (224)
Кулер (23) 364
Кули (64) 484
Куница (мех) (56) 439, 462
Купоны бумажные для платьев (188) (coupons de robes)
Купоросное масло (108) 760, 775, 777 и сл.
Купоросы железный, медный, цинковый (109) 761, 763
Курсовое влияние на ввоз 391 и сл.
Курсы рубля 218
Кустарная промышленность 446
Кутиль (192), см. ткани
Кутня шелковая (195)
Кушаки шерстяные (198), см. шерсть

Лавровый лист и ягоды (16) 341
Лавровишневая вода (118)
Ладан (87) 744, 750
Лазурь берлинская (130) 765, 775
Лайка (55) 287, 304, 439, 458
Лаки (121) 560, 561, 764, 767
Лак краповый и карминный (135)
Лакмус (137) 765, 775
Лактукарий (116) 764
Ландо (173), см. экипажи
Ланолин (51) 438, 454
Лебланновский способ 769 и сл.
Леденец, см. сахар
Лейоком (4) 308
Лекарства составные (113) 764
Ленты бумажные (187 и 188)
— кардовые, см. карды
— плисовые (189)
Ленты полушелковые (147)
— шелковые (195)
Лен (179) 871, 893
Леса Европейской России 466 и сл., Великобритании, Германии и Франции 464, 465
Лесотехнические товары 725 и след.
Лесная торговля по Волге 469
Лесные товары (58) 475 и сл.
Лигроин (85), см. нефть
Ликеры (27) 370
Лимоны (6) 331, 333
Лимонная кислота (108) 761
— корка (6) 331
Лисица (мех) (56) 439, 462
Лист (экономист) 188
Лист лавровый (16) 341
Листы дерева (58) 475
Листья табачные (21) 351
Листы металлические, см. соответствующие металлы
— цветочные (62) 483
Литеры книгопечатные (162) 861

Литографский камень (66)
Лодки, см. суда
Лодыженский К. 187
Лоза 489
Локомобили (167), см. машины
Лом, см. соответственные металлы
Лопаты (160) 820
Лорнеты (170) 862
Лошади (40) 411—413
Луковицы цветочные (62) 483
Лук (5), см. овощи
Лумп, см. сахар
Льняная пряжа (184) 893
Ляпис (110) 775

Магнезия сернокислая (104) 760
Магнезит (94) 773
Магний хлористый (104) 760
Мази для смазки (71)
Майолика (76) 522
Макароны (4) 308
Мальтоза (23) 364
Мальтузианцы 322
Манильская пенька (179)
Манна (87) 751
Манометры (169) 862
Манускрипты (178)
Мануфактур-коллегия 196
Мануфактуры 867 и сл.
Марабу (213)
Маргариновые продукты (225)
Марена толченая (127) 765
Масла животного происхождения (51) 438, 451
— растительные (117) 764, 767
Маслины (9) 337
Масло купоросное (108) 760, 763, 775, 777 и сл.
Масло вареное (117) 764
— коровье и овечье (36) 406
— рициновое (117) 486, 767
— парафиновое (85), см. нефть
— скипидарное (86), см. скипидар
— соляровое (85), см. нефть
Масла смазочные (85), см. нефть
Масляные лаки (121)
Масса бумажная (176) 911
Мастика асфальтовая (83)
Математические приборы (169) 862
Материалы для корзинного дела (62) 483, 488
Материалы для пересмотра тарифа 1891 г. 242 и сл.
Материалы строительные (65) 492 и сл.
Материн, см. ткани
— волосяные (46) 438, 450
— вязаные, бумажные (187 и 188)
— полушелковые (197)
Матрицы словолитные (162)
Маты (64) 483
Машины (167) 810, 820, 862, 864
Машинки для очинки карандашей (216)
Мебель (61) 481
— буковая, гнутая (61) 481
— из прутьев и т. п. растительных материалов (64) 483
Мебельные ткани (192)
Медальоны гончарные (74)
— из камня (70)
Медали музейные (217)
Медведь (мех) (56) 439, 462
Медицинские препараты, см. препараты фармацевтические, лекарства и эфиры и т. д.
Медицинские растения и их части (62) 483
Медицинские части животных (44) 438
Мед напиток (29) 381
— сырец (23) 363
Медь (143) 155, 857, 860
— в проволоке (155) 819
— в рудах, колчеданах и обгаре (138)
Медные краски (133) 765, 775
— приборы и машины (167) 862
Медный купорос водный (109)
— безводный (112)
Мел в кусках (64) 496 и сл.
— отмученный, плавленный и измельченный (125) 765
Меха, меховые платья и одеяния (209), см. платье
Меховые шапки (210)
Мешки джутовые и холщевые (191) 886
— хлопчатобумажные (187 и 188), см. ткани
Мелис, см. сахар
Мелкое производство 688 и сл.
Мельничные камни (66)
Металлические склады (143)
Металлические товары 799
Металл британский (143)
— типографский (146)
Метелки (64) 483
Метрономы (172), см. рояли

Механизмы часов (171), см. часы
Мильбарс (140), см. железо
Миндаль (11) 338
Миндальные отруби (4) 310
Минеральные грязи (90) 774
Минеральные воды (32) 384
Минералы музейные (217)
Миткаль крашеный (188), см. ткани
— некрашеный (187)
Мишура (148)
Модели машин (167)
Мозаика (68)
Молоко сгущенное (24) 367
Монета (219)
— старинная (217)
Мордвинов 204, 205
Мореходство 149, 826—856
Мортиры (221)
Морж (шкура) (56) 439, 462
Мосты железные и стальные (152) 818, 864
Мрамор (66)
Мраморные изделия (70)
Музейные вещи (217) 914
Музыкальные инструменты (172), см. рояли
Мука картофельная (4) 305
— хлебная (3) 300 и сл.
Мумии (217), см. музейные вещи
Мунго (181), см. шерсть
Мушкатный орех и цвет (15) 341
Мыло (120) 764, 767
Мышьяк (99) 760
Мягкая рухлядь (56) 439
Мясная пища 401
Мясо соленое, копченое (34) 465
Мятная вода (118)

Навигационный акт 151
Наждак (71)
Наливки (27) 370
Наличники каменные (70)
Налоги на чай, табак, спирт и т. п. в Англии 326 и сл.
Напилки наждачные (71)
Настойки (27) 370
Натровые соединения, см. хром-натр, сода, бура, чилийская селитра, едкий натр, сернокислый натр, сернова тистокислый натр, сернистый натр, кремнекислый натр, сернистокислый натр
Нашатырный спирт (98) 760, 763
Нашатырь (98) 760, 763
Нафталин сырой (81) 747
Негативные пластинки (77), см. стекло
Нейзильбер (143), см. медь
Нерпь (мех) (56) 439, 462
Нефтепровод (515) и сл.
Нефть (84) 691 и сл., 701 и сл.
Нефтяное топливо 543
Нефтяные продукты перегонки (85), см. нефть
— товары 691 и сл., исторические замечания 702 и сл.
Никель (143), см. медь
Нитки бумажные, льняные, пеньковые (183)
— шелковые (185)
Нити резиновые (88)
Новиков Я. А. 164 и сл.
Новозеландский лен (179)
Ножевой товар (158) 819
Ножи (158) 819
Ножницы (158) 819
Ножницы для овец (160) 820
Нотная бумага (177)
Ноты (178)

Облатки (216)
Обороты всемирной торговли 321
Обои бумажные (177)
Образчики материй и изделий (218)
Обрезки бумажные (176), см. тряпье
Обрезки кож (54) (55) 439, 458
Обточка железная и стальная (153) 818
Обувь кожаная (57) 439, 461
— резиновая (88) 745, 751
Обшивки (207)
Овощи (5) (13) 310 и сл.
Ограждение русской промышленности 233 и сл.
Огнестрельное оружие и принадлежности (159) 820
Огурцы (5) (13), 340
Одежда, см. белье и платье
Одеколон (119), см. косметики
Одеяла байковые (198)
— шитые (209), см. платье
Оживление русской промышленности 233
Озокерит (52) 438, 454
Окаменелости (217)
Окиси бария, стронция и алюминия (102) 760
Окись железа как краска (caput mortuum) (125)
Олеин (51) 438, 452

Оленновая кислота (51) 438, 452
Олень (шкура) (56) 439, 462
Олеография (177)
Оливки (9) (13) 336
Олифа (117) 764
Олово (144) 857, 860
Оловянные изделия (163) 861
Омнибусы (173), см. экипажи
Опоек (55) 439, 458
Опий (116) 764
Опоссум (мех) (56) 439, 462
Оправы для очков и других оптических приборов (170) 862
Оптические стекла (169) 862
Орлеан (126) 765
Органы (172), см. рояли
Органсин (185), см. пряжа шелковая
Орселевый экстракт (134)
Орсель (126) 765
Орнаменты гончарные (74)
— из камня (70)
Орудия сельскохозяйственные (167) 810, 820
Оружие белое и огнестрельное (159) 820
— духовое (222)
Орех, дерево (58) 475
Орехи (11) 338
— каменные (62) 483
— мушкатные (15) 341
— померанцевые (10) 337
Орешковая кислота (108) 760
Осмол 739
Основные виды промышленности 240
Особо не поименованные: изделия из черепахи, перламутра, слоновой кости и янтаря (215)
— принадлежности для письма, рисования и живописи (216)
— съестные припасы (39)
— животные (40)
— части животных (44)
— мягкая рухлядь (56)
— семена (62)
— соли естественные (90)
— химич. и фармацевтические препараты (112)
— косметики (119)
— краски (137)
— взрывчатые вещества (220)
— туалетные и галантерейные вещи (215)
— шерстяные ткани (199, 200)
Особо приготовленные кормовые средства (39) 411
«Остатки» нефтяные, см. нефть, нефтяное топливо
Остерман 199
Отброс шелковый (180), см. шелк
Отбросы кормовые (39) 411
Отливка чугунная (150), 810, 818, 863
Откупа таможенные 193 и сл., 198
Отпуск хлеба из России 138
— хлеба 1821—1853 гг. 271; 1884—1889 гг. 272
Отпуск (размеры) из России (вывоз) в последние годы: в различные страны всех товаров и хлеба 272, 294, риса 298, пшеницы и муки 301, крахмала 307, макарон 308, овощей 313, табака 355, сахара 359, 360, варенья и т. д. 366, пряников 366, спирта 371, водок 377, виноградного вина 377, клюквы, брусники 383, соли 391, мясных товаров 405, сыра и масла 406, рыбных товаров 408, яиц и др. не поименованных съестных припасов 411, скота 413, шлаков 421, кости и фосфоритов 422, разных животных продуктов 437, лесных товаров 472, растительных продуктов 484, глин, камней 507, стеклянных и глиняных изделий 514, нефтяных товаров 693, 697, смолистых веществ 745, химических товаров и растительных масл 756, руд 804, металлических товаров 804, шелка 888, волокнистых веществ и изделий 901, тряпья 911, бумаги, книг и т. п. 914
Отпускные товары, пошлина (предисловие) 36—129
Отрицательный протекционизм 216
Отруби миндальные (4) 309, 310
Охра (125), см. глины красильные
Очески льна и пеньки (179)
— хлопчатобумажные гребенные (182), см. вата
— шерстяные (151)
Очки (170) 862

Палисандровое дерево (58) 475
Палки с оружием (222)
Пальмовое дерево (58) 475
— масло (117) 486, 764
Пальметин (51) 438, 459
Папка (177), см. бумага
Папье-маше (177), см. бумага

Папье-маше в деле (61) (177)
Парафин (52) 439, 455
Паркетины (61) 481
Паровозо-вагоны (167) 820
Паровозы (167) 609, 820, 864
Пароходы, см. суда
Папиросы (21) 351
Парусина (194)
Пастила (24) 365
Патентованные средства (113)
Патинированные изделия (149) 861
Патока (23) 364
— медовая, см. мед-сырец
— черная (39) 411
Патроны (159) 820
Паштеты (13) 340
Пемза (71)
Пенка морская (68)
— — в изделиях (215)
Пенька (179) 871, см. лен
Пеньковая пряжа (184)
Пеньковые рукава, ведра (194)
— ткани (192)
Пергамент (55) 439
— растительный (177)
Переделочные заводы 499
Перепись 404
Переплеты (57 и 177) 439, 462
— на книгах (178)
Перечной мяты вода (118)
Пересмотр тарифа в 1887—1891 гг. 228 и сл.
Перец (15) 341
Перины (48) 438, 451
Перламутр (68)
— в изделиях (215)
Перчатки (57) 439, 462
Перья (47) 438, 450
— писчие (216)
— страусовые и т. п. (213)
Песец (мех) (56) 439, 462
Песок (66)
Печенья (24) 365
Пиво (29) 381
Пикули (13) 340
Пирогалловая кислота (108) 760
Пистоны (159) 820
Писчебумажные товары 909 и сл.
Письменные принадлежности (216) 914
Пищевые расходы 274
Пластинки фотографические (77), см. стекло
Пластинки угольные (71)
Платки кашемировые (201)
— носовые льняные (193)
Платки полушелковые (197)
— шелковые (195 и 196)
— шерстяные (199 и 200)
— хлопчатобумажные (187 и 188)
Платина в изделиях (148)
Платье (209) 899
— с резиною (88)
Платформы (174)
Плахи (58) 474
Пледы шерстяные (199 и 200)
Плетенки из растительных материалов (64) 483, 489
Плис (189)
Плиты глиняные, домовые (74) 512
— железные (140)
— каменные (66)
— огнеупорной глины (72)
— стальные (142)
— цементные (65)
Плоды, см. фрукты
Плотничные изделия (59) 479
Плюш шелковый (195)
Повозки (173)
Подушки (48) 438, 450
Подводка зеркальная (144)
Пожарные приборы (167)
— рукава (194)
Позитивки (148), см. рояли
Позументы (148) 861
Покровительство иностранцам 60
Покромки суконные и изделия из них (202)
Покрывала шерстяные (199 и 200)
Полевой шпат (66) 509
Полировальные вещества (71)
Половики джутовые, пеньковые и т. п. (191)
— из растительных материалов (64) 483
Полотенца полотняные и т. п. (192)
Полотна бесконечные бумажные (187 и 188)
Полотно (193) 893
— парусное и загрунтованное (194)
Полупродукты меди (1431
Помада (110)
Померанцевая вода (118)
— корка (6) 331
Померанцы (6) 331 и сл.
— незрелые сухие (10) 337
Помет птиц (41) 419 и сл.
Попоны шерстяные (198)
Портфели (57) 439, 461
Портер (29) 381

Порткрейоны (216)
Портплюмы (216)
Порошки фруктовые (24) 365
Порошок бронзировальный (166) 861
— железный (140)
— меди (143)
— уксусный (106) 728 и сл.
Порох (220) 776
Посеребреные изделия (149) 861
Посуда гончарная (74) 511
— лабораторная и медицинская по материалу
— фарфоровая (76) 522
Поталь (165) 444
Поташ (105) 760, 774
Потребительные страны в отношении к хлебу 287 и сл.
Потребление чая 327, сахара 361, спирта 376
Потребность каменного угля для чугуна 812
Потребность России в чугуне и железе 225, 808
Препараты аммиачные (98) 760, 763
— борные (93), см. бура
Препараты краповые (124) 764
— красильные и дубильные (134) 765
— хим. и фарм., особо не поименованные (112) 761
Прибор часовой (171)
Приборы, см. инструменты и машины
Приборы и части к весам, кроме медных (168) 856
Принадлежности для письма, рисования и живописи (216)
— к огнестрельному оружию (159) 320
— музыкальных инструментов (172)
— экипажей (173)
Приправы (13) 340
Припасы съестные, см. особо не упомянутые
Пробковое дерево в изделиях (60) 476
— дерево не в деле (58) 476
Проволока (155) 819
Проволочные изделия (156) 819
Продукты побочные кормовые (39) 411
— сухой перегонки 732 и сл.
Производство в России: смолокурение 235, хлебных продуктов 189, 283, табака 354, сахара 361, патоки 364, переделка питательных продуктов 366, дрожжей 368, спирта 372, 375, виноградного спирта 374, пива 381, уксуса 384, соли 389, 390, обработка животных продуктов 441, щетины 344, обработка леса 471, цемента 496, глиняных и стеклянных изделий 511, каменного угля 535, 558, нефти и ее продуктов 692, химических и иных заводов и фабрик 755, 763, химических и красильных веществ 767, чугуна 225, 807, 808, 811, 815, железа, стали 815, всяких металлов 857, 863, 864, волокнистых веществ 871, 872, 903, 905, писчебумажного товара 916.
Производство мировое: влияние протекционизма 171, хлебные обороты 288, 292, кофе и какао 341, чая 342, табака 355, сахара 361, хмеля 369, спирта 372, виноградного вина 378, пива 381, соли 389, щетины 344, мехов и кож 457, каменного угля 557, каучука 746, чугуна 806, металлов разных 857, волокнистых вещ. 871, 872
Производительные хлебные страны 238 и сл.
Промышленные районы 524, 528
Протекционизм: Англии 149, С.-А. С. Штатов, Канады, Новой Голландии 156, начальный 171, вторичный или охранительный 172 и возбуждающий 177, 180
Прошивки (207), см. кружева
Прутья (62) 483
Прядильные вещества 871 и сл.
Пряденое золото, серебро и мишура (148)
Пряжа бумажная (183) 893
— джутовая, льняная, пеньковая и т. п. (184) 893
— шелковая (185) 892
— шерстяная (186) 892
Пряники (24) 366
Пряности (15) 341
Пуговицы (212)
Пудреты (41) 423 и след.
Пурпур кассиев (110)
Пух (47) 438, 450
Пуховые ткани, особо не поименованные (199 и 200)
Пуши (181), см. шерсть
Пушки (221)
Пуццолан (65) 493 и сл.
Пшено сарачинское, см. рис
Пьянино (172), см. рояли

Районы топлива и промышленности 524 и сл.
Раки морские (38) 410
Рамы для картин и зеркал (61) 481 и сл.
Рассолы соляные, сельдяной и др. (90) 774
Растворимое стекло (105) 760, 763
Растения декоративные, искусственные (213)
— живые и сухие (62) 483
— сухие на бумаге (217)
Расход каменного угля 526
Рафинад, см. сахар
Рахат-лукум (7) 335
Рвотный камень (111)
Реактив, см. мышьяк
Редкости музейные (217)
Резаки (160) 820
Резервуары железные и стальные (152) 818
Резина, см. каучук
Резьба по дереву (61) 481
Рельсы железные (140), см. железо
— стальные (142), см. сталь
Ремешки (55, 57) 439, 458, 461
Ремни приводные бумажные (194)
Рисунки от руки (178)
— печатные (177)
Рис (2) 297 и сл.
Рога (44) 438
Рогожи (64) 484
Рогожка (192), см. ткани
Рог в изделиях (215)
Рожки турецкие (10) 338
Розовая вода (118)
Ром (27) 370
Рояли (172) 645, 657, 862, 864
Ртуть (145) 583, 857, 860
Руды металлические и минеральные (138) 798 и сл.
Рукава пеньковые (194)
Румяна (119)
Рухлядь мягкая (56) 439, 458, 461 и сл.
Рыба (37) 407 и сл.
Рыбий жир (51) 438, 451

Саго (4) 308
Сажа (42) 438, 442
Сало (51) 297, 438, 451
Салициловая кислота (108) 761
Салфетки бумажные (187 и 188)
— полотняные и т. п. (192)
Сапы (160) 820
Сарачинское пшено, см. рис
Сатин из джуты, льна и т. п. (192), см. ткани
Сафлорный экстракт (134)
Сафьян (55) 439, 458
Сахарные сиропы, см. сиропы
Сахар (22) 356
— виноградный 364
Сбруя (57) 439, 462
«Сбыт» хлеба 250—263
Свинец (146) 857, 860
— в изделиях (164) 861, 864
Свинцовые белила (131) 765, 767, 775
Свинцовый сурик (132) 765, 775
Свобода торговли 141 и сл., 180
Свободная внутренняя торговля в России 188 и сл.
— торговля древней России 194
Светильни бумажные (187 и 188)
Свечи (53) 439, 456
— курительные (119)
— угольные (71)
Сдор шелковый (180), см. шелк
Селитра (103) 760, 763, 774
Сельди (37) 409
Сельскохозяйственные машины (167) 810, 820, 864
Семена (62) 482
— разные 484
Семя рициновое (62) 483
Сено (62) 483
Сера (91) 427, 759, 763, 776 и сл.
— в России 781
Серебро в изделиях (148)
— новое (143), см. медь
Серебряные соли (110)
Серная кислота камерная и дымящая (108) 279, 760, 763, 775, 777
Сернистокислый натр средний и кислый (105)
Сернистый натрий (105)
— углерод (108) 760
Серноаммиачная соль (98) 760
Серноватистокислый натр (105) 760
Сернокалиевая соль (104) 760
Сернокислый барит искусственный (96) 760
— глинозем (101) 760, 763
Серномагнезиальная соль (104) 760, 763
Сернокислый натр (105) 760, 774
Серностронциановая соль природная (97) 772
Серный ангидрид (108) 760, 775
— колчедан (138) 427, 777 и сл.

Серный эфир (115) 763, 764, 775
Сети рыболовные (190), см. канаты
Сечки (160) 820
Серпентин в изделиях (70)
— в плитах (66)
Серпы (160) 810, 820
Сигары (21) 351
Сидр (29) 381
Спнель шелковая (195), см. ткани
Синь-кали (100) 760, 763, 774
Синь парижская (130)
Синька (130) 765
Сиропы сахарные, с примесью, фруктовые и ягодные (24) 365
Сиропы сахарные для примесей (23) 363
Ситцы крашеные, набивные (188)
Скатерти из льна и т. п. (192)
Скатерти бумажные (187 и 188)
Скипидарные лаки (121)
Скипидар (86) 738 и сл.
Склеивающие составы (71)
Скотоводство 400
Скот домашний (40) 412
Сладкие стручки, см. рожки турецкие
Сливовица (27) 374
Слоновая кость (68)
Слоновая кость в деле (215)
Слюда (66)
Смазывающие составы (71)
Смола (80) 725, 747 и сл.
— для пивоваров (82)
— сургучная (122)
Смолокурение 727 и сл.
Смоло-камни (87) 744, 745
Смолы благовонные (87) 751
Смычки (172), см. рояли
Смеси гремучие (220)
Снаряды военные (220)
Соболь (мех) (56) 439, 462
Совещание о пересмотре тарифа 1891 г. 245
Сода углекислая и каустическая (105) 760, 763, 768
Содовое производство 768 и сл.
Сои (13) 340
Соки фруктовые и ягодные (30) 382
Соли естественные, кроме особо упомянутых (90) 774
Соли серебра, золота и платины (110), см. ляпис
— стассфуртские природные (89) 759
— хромовые растворимые (100) 760
Солодковый корень 484
Солонина, см. мясо соленое
Солод (3), см. мука
Солома (62) 483
Соль поваренная (33) 387 и сл.
Соль, рыба (37) 408
Соляная кислота (108) 760, 763, 768
Состав из желатины и глицерина (43) 438, 448
Составы для крашения волос (119)
— для пороха (220)
— для чистки металлов (71)
— лекарственные (113) 764
— смазывающие и склеивающие (71)
Спаржа (5), см. овощи
Сперанский (72)
Спермацет (51) 438, 454
Спирт нашатырный (98) 760, 763
— хлебный (27) 370
Спиртовые лаки (121)
Спички зажигательные (123) 764, 767
Сплавы металлов (143)
— олова и цинка в изделиях (163) 861
Средства кормовые для животных (39) 411
Сталь в деле (150—161) 818 и сл.
Сталь в проволоке (155) 819
Сталь не в деле, полосовая, листовая, рельсы (142) 808, 815
Стальные машины (167), см. машины
Стассфуртские соли природные (89) 759
Статуи гончарные (74)
— из мрамора, алебастра и т. п. (70)
Статуэтки фарфоровые (76)
Стеарин (51) 438, 453
Стебельки табачные (21) 351
Стекла для очков, зажигательные и другие оптические (169) 862
— зеркальные (78) 518
Стекло (77) 518
— растворимое (105) 760
Стеклярус (214), см. бусы
Стклянки (77) 515
Сторы (209), см. белье
Страны производящие и потребляющие хлеба 288, 292
Страусовые перья (213)
Стрижка суконная (181)
Строительные материалы (65) 491 и сл.

Стронциан едкий (102) 760
Стронцианит природный (97) 772
Струны (172), см. рояли
Ступени каменные (70)
Суда морские и речные (175) 822, 825 и сл., 864
Судостроение 648, 826—856
Сукно, см. шерстяные ткани, особо не поименованные
Суконная стрижка (181)
Суконные покромки и изделия из них (202), см. войлок
Сульфат, см. сернокалиевый натр
Сульфаурат (137)
Сумах (124) 764
Сумки (57) 439, 462
Суперфосфат (41) 272, 273, 279 и сл.
Сургуч (122) 764
Сурик свинцовый (132) 764, 775
Суррогаты кофе (17) 341
Сурьма (92) 760
Сурьмяные краски (137)
Сушь (51) 438, 452
Счетчики (169) 862
Съестные припасы, см. особо не упомянутые
Сырец-сахар (22) 256
Сырье 29, 105, 498, 503
Сыр (35) 406

Табак (21) 351 и сл.
Тальк в кусках (65) 505
— молотый (125)
Таможни внутренние 188
Таможенные доходы 920
— тарифы Великобритании 148 и сл., 326 и сл.
Таннин (108) 760, 763, 775
Тарифы (таможенные) России (исторический очерк) 186 и сл.: Алексея Михайловича 193, Петра Великого 195 и сл., Елизаветы Петровны 197, Екатерины II 200 и сл., Павла I и Александра I 203 и сл., Николая I 207 и сл., Александра II 207 и сл.
Тариф 1868 г., его влияние 212
— 1841 г.
— 1868 г.
— 1890 г.
— 1891 г.
Предисловие стр. 25—131
Тарифная комиссия 1891 г. 246 и сл.
Телеграфная проволока (155) 819
Телеграф (169) 862
Телефон (169) 862
Тенгоборский 211 и сл., 250
Тендеры (167), см. машины
Терпентин (86) 738 и сл.
Тесьмы (205)
Тесьмы тканые полушелковые (197)
— шелковые тканые (195)
Тетрадки в обложке (177)
Тигр (мех) (56) 439, 461
Тик дерево (58) 479
Тик ткань (192)
Тинкал (83), см. бура
Типографский металл (146)
— шрифт и др. принадлежности, см. литеры
Ткани вышитые (208)
— джутовые (193) 885, 893
— джутовые упаковочные (191) 886
— кашемировые (201)
— крашеные (188)
— льняные (полотняные) (193) 893
— пеньковые (193)
— полушелковые (197) (определение статьи 97, примечание)
— проволочные (156)
— прозрачные для колировки (177)
— стеклянные (77)
— тяжелые джутовые, пеньковые и т. п. (192) 893
— с каучуком (88) 752
— хлопчатые (187) 893
— шелковые (195) 886
— шерстяные и полушерстяные для фабрик и заводов (202)
— шерстяные и пуховые, особо не поименованные (199 и 200)
Тмин (10) 337
Толь кровельный (177)
Томпак (143), см. медь
Топливо 523 и сл.
Торговые балансы 251 и сл.
Торговля внутренняя и внешняя 90
— по границам 1888 г. 231
Торговый флот, см. флот торговый
Торф (79) 536
Точила каменные (66)
— наждачные (71)
Трам (185), см. пряжа шелковая
Трасс (65), см. цемент
Трепел (71)
Трико, см. шерстяные ткани, особо не поименованные
Треска (37)) 409

Трости с зонтиками (211)
— с оружием (222)
Трубочки бумажные для пряжи (177)
Трубы глиняные (73) 513, 521
— железные и стальные (152) 818
— зрительные (170) 862
— цементные (65)
Труд 930
Трюфели (14) 340
Тряпье (176)
Туалетные вещи (215), см. галантерейные вещи
Туки концентрированные 416 и сл.
Тумбы каменные (70)
Турнесоль (137) 765, 775
Тушь китайская (136)
Тюлень (шкура) (56) 439, 462
Тюль бумажный (206)
— шелковый (195)
Тюрбо (37) 409
Тюфяки (48) 438, 450
Тяжелый шпат (96) 760, 773

Уборы головные (209)
Углекислота сжиженная (112)
Углекислое кали (105) 760
Углекислый аммиак (98) 760
— барит искусственный (96) 760
— натр (105) 760, см. сода
Углестронциевая соль природная (97) 773
Углерод сернистый (108) 760
Уголь древесный (79) 536
— каменный (79) 523 и сл.
— костяной (41) 420 и сл.
Угольные пластинки и свечи (71)
— фильтры (66)
Удобрительные вещества (41) 415 и сл.
Украшения гончарные (74)
Уксусная кислота (108) 727 и сл., 760, 763
Уксусный порошок (108) 728 и сл., 760, 763
Уксус (31) 383
— туалетный (119)
Улитки (38) 410
Ультрамарин (130) 765, 767, 775
Умбра (125) 765
Устрицы (38) 410
Уступка 168
Ус китовый (49) 438
— — в изделиях (215)

Фабрики (определение) 663 и сл.
Факелы (53) 439, 456
Флагтух (198)
Фанерки (58) 474, 475
Фармацевтические приборы, особо не поименованные (112) 761
Фарфор (76) 522
Фашины (58) 472
Фаэтоны (173), см. экипажи
Фаянс (75) 522
Ферро-манган (139) 809
Фески (204)
Физические приборы (169) 862
Фильтры из угля (66)
Финики (7) 334
Финифть (68)
Фисгармоники (172)
Фискальные пошлины 182, 191, 237, 326 и сл.
Фисташки (11) 338
Фитили (53) 439, 456
Фитили зажигательные (220)
Флот торговый и мореходство: Англии 833, 855, Франции 830, Германии 832, России 833, 834 и сл., 842—846
Фольга (165) 861
Фонари экипажные (173)
Форель (37) 408
Фосфаты 418
Фосфор обыкновенный и красный (114) 763, 764
Фосфориты (41) 418, 419 и сл.
Фосфорная кислота (108) 761
Фотоген (85), см. нефть
Фотографические пластинки (77), см. стекло
— приборы (169) 862
Фрахты за английский каменный уголь 554
Фритредерство 143, 156
Фруктовые порошки, см. порошки
Фрукты в ликерах, роме, коньяке, сиропах (24) 364, 365
— густоваренные без сахара (24) 366, 367
— свежие (6), сухие (7), в консервах (13)
Фуляры (195 и 196)
Фуражки (210)
Фургоны (173)

Халва (7) 335
Хворост (58) 472
Хвосты (мех) (56) 439, 461

Химические препараты, особо не поименованные (112), 761, 763
Химические приборы (169) 862
— продукты и сырые материалы 753 и сл.
Хирургические приборы (169) 862
Хлопок крашеный (182), см. вата
— сырец (179) 871, 893
Хлопчатобумажные ткани (187, 188) 24, 649, 671, 155, 867 и сл., 894
Хлораль (115) 326
Хлористый калий (104) 760, 771
— кальций неочищенный (104) 760, 769
— магний (104) 761
— цинк (109) 761, 763
Хлороформ (115) 327, 764
Хлорная известь (107) 760, 763, 771
Хлысты (57) 439, 461, 462
Хлеб в зерне (1) 266 и сл.
Хлебная торговля 260, 288, 292, 293, 315, 318 и сл.
Хлебное потребление на жителя 274
Хлебные пошлины 275 и сл., 293
— — России в 1841—1857 гг. 269
— товары и овощи 266 и сл.
Хмель (26) 368
Хорек (мех) (56) 439, 462
Хром-натр (100) 760
Хромистый чугун (139) 809
Хромовая кислота (108) 775
Хромовые краски (137)
Хромовые соли растворимые (100) 760
Хромпик (100) 760, 763
Хрящевые мешки (191)

Цвет мушкатный (15) 341
Цветы (62) 483
— бумажные (177)
— искусственные (213)
— фарфоровые (76)
Целестин природный (97) 772
Целлюлоза (176)
Целлюлоид в изделиях (215)
Цементы (65) 494 и сл.
Цены: хлебов 269, 272, 278, риса 299, крахмала 307, 309, чая 351, сахара 356, 358, хмеля 369, спирта 370, изменение цен животных продуктов и некоторых других товаров 403, мяса 404, 413, щетины 444, меховых шкур 462, каменного угля 533, 544, 560, 564, 596, смолы и дегтя 731, каучука 746, чугуна 813, 814, металлов 857, волокнистых веществ 871, 873 (см. Производство)
Ценность 257
Церезин (52) 438, 454
Цикорий в кореньях (5)
— жженый в кусках (17)
— прессованный или молотый (18)
Цинк (147) 857, 860
Цинковые белила (131) 765, 767, 775
Цинковый купорос (109) 761
Цинк хлористый (109) 761
Цинковые изделия (163) 861
Цыновки (64) 483
Цистерны вагонные, см. вагоны
Цитварное семя 484

Чай (20) 329, 341 и сл.
Часы (171) 862
Часовой товар (171) 862
Части животных для медицины (44) 438
— машин (167)
Чемоданы (57) 439, 458
Чепраки (209), см. платье
Черепаха (68)
— в изделиях (215)
Черепицы (72) 511, 520
— с поливой (74)
Черлень (125) 765, 767, 775
Чернила (137)
Чернильницы (216)
Чернослив (7) 334 и сл.
Чертежи (178), см. книги
Чертежные приборы (169) 862
Чеснок (5), см. овощи
Чилийская селитра (103) 760
Чубуки с оружием (222)
Чугун (139) 805 и сл.
— в деле (150) 810, 818
— тарифы 1822—1868 гг. 213, 1881—1892 гг. 226 и сл.
Чучела птиц, зверей и т. п. (217)

Шагрень (55) 439, 458
Шамот (72)
Шам-альджи шелк (195)
Шампиньоны (14) 340
Шарабаны (173)
Шарфы кашемировые (201)
— шерстяные (199 и 200)
Шафран (15) 341
— искусственный (226)
Швейные машины (167)

Шевро (55), 439, 458
Шоколад, см. какао
— с сахаром и без него (24) 355
Шелк (180) 873, 886, 892
— крученый (185) 887, 892
Шелковые ткани (195) определение, статья 197 кронов 387, 392
Шелуха какао (19) 341
Шиншилла (мех) (56) 439, 462
Шерсть (181), 873, 392
— из сосновых игол (179)
— чесаная, пряденая и крученая (186)
Шерстяные ковры (203)
Шерстяные попоны, войлочные материи (198)
— ткани для фабрик и заводов (202)
— — особо не поименованные (199 и 200)
— — платки, шали, шарфы (199, 200, 201)
— — пошлина в Англии 24
Шитгельс (126)
Шишки ворсильные (63) 483, 489
Шкуры, см. кожи невыделанные, мягкая рухлядь
Шкурки полировальные (71)
— с перьями (213)
Шлак зернистый гидравлический (65), см. цемент
Шлаки медные (138)
— томасовы (41) 421 и сл.
Шляпы (210)
Шляпки (209), см. белье
Шмальта (137)
Шнурки (205)
Шнуры зажигательные (220)
Шодди (181), см. шерсть
Шпат полевой (66)
— тяжелый (96) 760, 773
Шпильки деревянные (61) 481
Шплинты (156) 819
Шрифт типографский, см. литеры
Штаты Сев. Америки 153, 157, 289 и сл. Вывоз 1889 г. 294, 404
Штемпеля (216)
— для матриц (162)
Шувалов 188
Шурупы (153) 818

Щелок белильный (107) 760
Щетина в деле (46) 438, 444 и сл.
Щипчики (158) 819

Экипажи (173) 820, 864
Экстракт индиговый в сухом виде (135)
— кофейный (18, 24) 340 и сл.
— мясной (13)
— хмеля (26) 225, 368
Экстракты дубильные (124 и 134) 103, 764, 773
— красильные (134) 765, 767
— солодовый и мальтозный (23) 364
Электрическое освещение, приборы (169) 862
Эмаль (68)
Эмалированная чугунная посуда (150) 818
Эссенции фруктовые (115) 764, 775
Эссенция кофейная (18, 24) 340 и сл.
Эстампы (177)
Эфир нефтяной (85), см. нефть
— серный (115) 764, 775
Эфирные масла без спирта (117) 764
Эфиры для конфект (115) 764, 775
— медицинские (115) 775

Ягоды (6 и 7) 331 и сл.
— лавровые (16) 341
— рыболовные (224)
Ядра (11) 338
— артиллерийские (221)
Янжул (11)
Янтарь (68)
— в деле (215)
— сплавленный (87) 750
Ярь-медянка (133) 765, 775
Ястык (51) 438, 453

Печатается по постановлению
Редакционно-Издательского Совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Ю. А. Эшман*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректор *А. С. Малютина*

*

РИСО АН СССР № 4079. Подписано к печати 26/V 1950 г. М-12850. Бумага 60 × × 92¹/₁₆. Бум. листов 29⁷/₈. Печ. л. 59³/₄ + + 1 вкл. Учетно-изд. л. 63¹/₂. Тираж 3000. Цена в переплете 54 руб. Заказ № 1529.

1-я типография Изд. Акад. Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
267	17 сверху	спрашивают	спрашивает
341	Таблица, 5-я графа, 1 снизу	44^3	443
350	1 снизу	ошибочным	ошибочной
400	19 „	ими.	имп.
491	2 „	огранического	органического
517	1 сверху	таможенного вызывающего	таможенного обложения, вызывающего
778	4 снизу	были	была
859	12 сверху	4 главы	4-й главы